Магия Отшельничьего острова

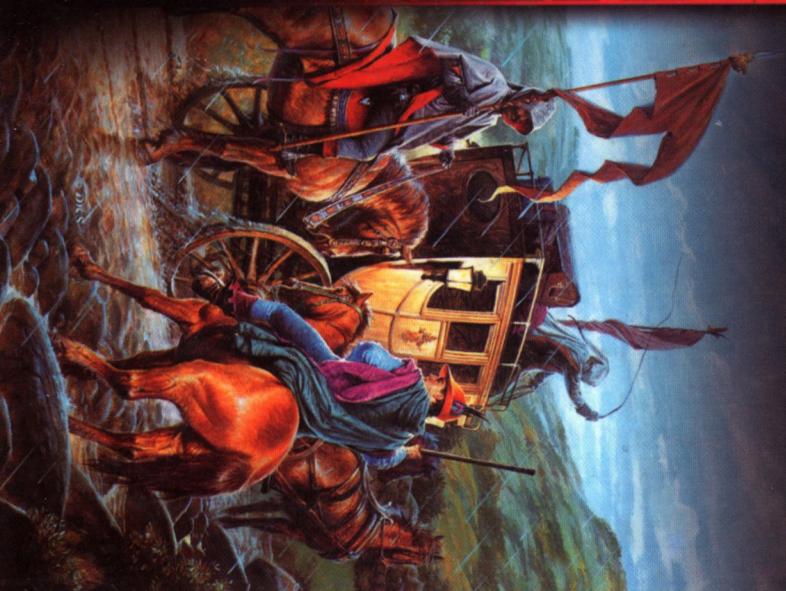
Башни Заката

Магия Отшельничьего острова

Башни Заката

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Дэвид Геммелл

Легенда

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

LELAND EXTON

MODESITT Jr.

The Magic of Recluce

The Towers of the Sunset

ЛИЛАНД ЭКСТОН

МОДЕЗИТТ

Магия Отшельничьего острова

Башни Заката

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М74

Серия основана в 1999 году

Modesitt Leland Exton Jr.
THE TOWERS OF THE SUNSET
1991
THE MAGIC OF RECLUCE
1992

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского В. Волковского

Публикуется с разрешения Tom Doherty Associates, c/o St. Martin's Press, и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 18.08.2003. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 7 000 экз. Заказ № 3655

Книга подготовлена издательством Terra Fantastica (Санкт-Петербург)

Модезитт Л.Э.

М74 Магия Отшельничьего острова. Башни Заката: Фантаст. романы / Л.Э. Модезитт; Пер. с англ. В. Волковского. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 825, [7] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-020267-9

Это — мир вечной войны Черных и Белых магов.
Мир великой войны хаоса и порядка.
Только — в войне этой магию Порядка подчинили себе Черные... а воистину, может ли быть по-иному, если Черная Магия — плоть плоти и кровь крови ритуального искусства?
Белым же достался на долю Хаос. И воистину, кто поспорит с этим, если Белая Магия — свободное, творящее будущее искусство?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© L.E. Modesitt, 1991, 1992
© Перевод. В. Волковский, 2001, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2003
® TERRA FANTASTICA

Башни Заката

Еве и Сьюзен,
с благодарностью за незабываемые
впечатления и за те уроки,
которые я должен был усвоить,
но до сих пор не усвоил

Часть первая
МАСТЕР КЛИНКА

I

Дано ли вам уразуметь, как совмещаются разрозненные частицы? Не просто зримые, каковы Башни Заката, но и невидимые, подобно человеческому сердцу или душе волшебника?

Увидите ли вы истину? А хоть и увидев — поверите ли в нее? Ведь каждый человек пребывает в плену собственных стереотипов, пусть даже противоречивых. Пусть даже ему приходится примирять их.

Госпожа Мегера видела все, но невзирая на увиденное и сказанное ею, невзирая на истину Предания, ни логика, ни башни не срабатывали. Впрочем, логика и впрямь слишком зыбкая основа для реальности, каковой надлежит содержать в себе и гармонию, и хаос, особенно если знаком гармонии служит Черное, а знаком хаоса — Белое.

Даже логике надлежит пасть перед разумением тех, кто способен смеяться над собственными цепями, сотрясать хаос и изменять порядок в степени даже большей, нежели так называемые боги, а уж паче того — взывающие к ним. Или фурии, последовавшие за падшими ангелами небес.

Но бывал ли бог в Кандаре? И вправду ли на Крышу Мира нисходили ангелы? Насколько вообще истинно Предание? Канонические образцы не содержат никаких ответов, но всякий рассказ должен с чего-то начинаться, пусть даже его начало кажется то ли концовкой другой истории, то ли вставным эпизодом из середины эпического повествования. И вне зависимости от того, связаны они с устроителями порядка, либо же хаоса, приведенные в канонических образцах рассказы всегда неполны.

Что же касается Закатных Башен...

СЕВЕРНЫЙ

КАНДАР

Кандарский залив

Залив Мурр

ОСТРОВ ОТШЕЛЬНИЧИЙ

ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН

КАРТА МИРА

ОКЕАН
Остийский залив
Бриста
ОСТРА
Валмурл
НОЛДРА
ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН
Свартхелд
Лубба
Сигурн
Атла
АФРИТ
р. Сварти
МЕРОВЕЙ
ХАМОР

Хотя музыкант узрел их — Башни Заката, возвышающиеся над обрамляющими западный горизонт остроконечными пиками,— но кто обитал там?

Тем более что еще один взгляд — и они исчезли, оставив после себя лишь нагромождение клубящихся облаков, гонимых к подножиям гор бичами богов. Разве сверкающие в золоте утренних лучей ручейки подтаявшего льда не служат свидетельством их гнева?

Что может поведать дом о своем строителе? Меч о своем владельце? Что могут сказать они о тех, кого более не восхищают ни черты строения, ни обводы клинка?

Музыкант улыбается. Быстрая улыбка — вот все, на что он сейчас способен. Да еще возможность облечь в музыку представшее его очам. Ему предстоит петь, петь о башнях заката перед лицом маршала Западного Оплота, властительницы Крыши Мира.

Кто же еще взирает на Башни? И кто построил их — воистину ли ангелы Неба? У музыканта нет иного ответа, кроме того, что даст его музыка. Того, что даст его сердце, которое ныне холоднее, чем струны.

Достаточно сказать, что замок, именуемый Западным Оплотом, был основан давным-давно усопшей Рибэ, капитаном одного из быстрых небесных кораблей.

Ее далекий потомок... О нем и пойдет рассказ.

II

— Как только Западный Оплот перестанет господствовать над Закатными Отрогами, Сарроннин и Сутия падут, как перезревшие яблоки...

— Если меня не подводит память, подобный ход мысли стоил префекту Галлоса большей части его войска.

— Свет, да кто же говорит о войсках! — худой, как скелет, мужчина в белом поднял палец к небу, на молодом лице появилась улыбка.— Мы толкуем о любви.

— Какая связь между любовью и подрывом господства Западного Оплота?

— Я направил туда Верлинна. Как тебе это нравится, а? Верлинна в Западный Оплот?

— Но... как? Верлинн никогда здесь не бывает, его музыка разрушает содеянное Белыми братьями. Что...

— В том-то и прелесть. Одно маленькое заклятие... гарантирующее, что он обеспечит маршалу рождение сына. Первенца. И, замечу, заклятие даже не из числа чар хаоса.

— Но тебе же никогда не нравился Верлинн, разве не так? Еще с тех пор, как...

— Дело не в нем. Дело в маршале. Ты только подумай — ПОДУМАЙ! — она женщина. И ни за что не убьет первенца, хотя бы и мужского пола. Невзирая на Предание.

— Похоже, ты уверен в успехе. Но у нее нет детей, нет даже консорта.

— Как раз об этом и позаботится Верлинн.

— Пусть даже так, но это потребует времени.

— Как раз время-то у нас есть. Путь по-прежнему лежит не через Рассветные Отроги.

Его собеседник качает головой, но молчит.

III

Гитарист наигрывает ритмичную мелодию, точностью созвучий и упорядоченностью тонов приближающуюся к маршу. Он не поет.

Единственный, подчеркнутый вспышкой света, взгляд, брошенный с центрального каменного сиденья, покрытого черной подушкой, останавливает игру. Музыкант склоняет голову перед женщиной.

— Прошу прощения, милостивая госпожа...

Голос, столь же мелодичный, как звучание струн, навевает мысль о сумеречном лете, которое еще посетит Западный Оплот, пусть даже спустя века после основания крепости.

— Может быть, тебе следует поразмыслить о поездке в Хайдолар или даже в Фэрхэвен?

— Может быть, если таково твое желание.

Взгляд музыканта падает на ребенка, и его глаза темнеют.

А ребенок — едва начавший ходить мальчик с серебряными локонами — висит, уцепившись за подлокотник другого каменного кресла с зеленой подушкой на сиденье. Он вертит головой, глядя то на черноволосую женщину, то на мужчину с такими же серебряными, как и у мальчика, волосами.

— Сыграй еще одну песню лета,— приказывает она.

— Как пожелаешь.

Звуки, срываясь со струн, воспаряют ввысь. Мальчик видит взлетающие ноты и настолько увлечен этим зрелищем, что выпускает подлокотник и шлепается на серый гранит пола.

Ни гитарист, ни женщина на его падение не реагируют — они просто не обращают на это внимания. Не замечают они и блеска золота, которое мальчик пытается удержать розовыми пальцами. И слезы, наполняющие глаза ребенка, когда золото ускользает из его хватки, остаются незамеченными.

Мальчик с трудом поднимается на пухлые ножки и встает рядом со своим креслом. Его ручонки вновь ищут опору, а зрение

КАНДАР
Девалопия
Армат
Рильярт
Блейанс
Западные Утесы
Досай
СУТИЯ
Карпа
ЗАКАТНЫЕ ОТРОГИ
САРОННИН
Джера
Саррона
Лорнт
Борит
Рорн
Фенард
Бейл
ДЖЕРАНС
ДЕЛАПРА
Саммердок
Клиния
КРЫША МИРА
Делаш (Эсалия)
Южный Порт
ЮЖНЫЙ ОПЛОТ
КЕРЛИН
НАКЛОС
ВЕЛИКИЙ ЛЕС
Рибатта
ЗАПУСТЕЛЫЕ ЗЕМЛИ
ЗАПУСТЕЛОЕ ПЛАТО
Лайл
ВЕЛИКИЙ ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН

СЕВЕРНЫЙ ОКЕАН
Мыс Девалон
Руины
Спилдария
СПИДЛАР
Квенд
Клет
Тирхэвен
Элпатра
Райтел
Лавах
ГАЛЛОС
КЕРТИС
МОНТГРЕН
Джеллико
Вергрен
Ирина
Фрвен
Фритаун
Теллура
Хайдлар
ЛИЛЬЯР
Кифриен
Мелтозия
КИФРОС
ХИДЛЕН
Ренклаар
Дазир
Телсен
Джикойя
Драстия
Асула
Пирдия
Литта
Сантта
Факлаар
Фелса
Расор
Воррак
Кандарский залив
Залив Мурр
Край Земли
Черный Чертог
Экстина
Алберт
Рефлин
Лидклер
Ларен
Фейн
Уондернот
Кларион
Энстронн
Сигил
Южный Край
ОСТРОВ ОТШЕЛЬНИЧИЙ
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН

и слух — гармонию и порядок созвучий, которые он и слышит, и видит.

Но непролитые слезы подступили и к глазам гитариста: песня лета подошла к концу.

За серыми гранитными стенами снова и снова завывает ветер. Падает снег...

IV

— Я что, должен напялить это? — свет из открытого двустворчатого окна падал прямо на легкие брюки из темного блестящего шелка. Они просвечивали, и лежавший юноша мог видеть сквозь ткань фигуру стоявшего в ногах кровати и державшего их человека.— Гален, но не можешь же ты серьезно...

Круглолицый мужчина постарше беспомощно пожимает плечами.

— Так приказано маршалом.

Приняв у него брюки, юноша бросает их на постель рядом с такой же тонкой и блестящей белой шелковой сорочкой. Облик его — стройного молодого человека с серебряными вьющимися волосами, в светло-серой фланелевой рубахе, жилетке и брюках из зеленой кожи — отражается в высоком, заключенном в золоченую раму зеркале, что висит на стенной панели из светлого дерева. Глаза у юноши серо-зеленые, взгляд ровный. Худоба, тонкие черты и серебро волос отвлекают внимание от скрытых под фланелью стальных мускулов и мозолей от оружия на крепких ладонях.

— Чего ради она меня туда тащит? Я не консорт, чтобы участвовать в церемониях.

Гален аккуратно расправляет лежащую на бело-зеленой парче покрывала одежду.

— Маршал считает, что тебе следует узнать о Сарроннине из первых рук. И ты консорт, нравится тебе это или нет.

— Ха, да у нее на уме совсем другое. Если кому и иметь дело с Сарроннином, так это Ллиз.

Гален вновь пожимает плечами, беспомощно, но так энергично, что его светлые, падающие на плечи кудри подпрыгивают.

— Милостивый господин, в любом случае мне надлежит одно — повиноваться приказам маршала.

В этот миг дубовая дверь, соединяющая просторную комнату с анфиладой покоев, занимаемых маршалом, распахивается, и в помещение входит женщина. Она высока ростом, стройна и обликом и статью более всего напоминает смертоносную рапиру, чему не могут помешать драпирующие фигуру струящи-

еся зеленые шелка. Маршала, поотстав на шаг, сопровождает единственная стражница, воительница с коротко остриженными каштановыми волосами, подернутыми сединой.

Юноша переводит взгляд с полупрозрачного шелкового одеяния маршала на собственное, разложенное поверх парчового покрывала.

Женщина слегка изгибает губы, но улыбка не касается ее взора.

— Креслин, если блестящие шелка могу носить я, то, вне всякого сомнения, можешь и ты. Эти одеяния — дары тирана, и отвергнуть их означает затруднить переговоры. В отличие от тебя, я предпочитаю не артачиться по пустякам, а упорство проявлять в делах, действительно имеющих значение.

Голубые глаза маршала соперничали твердостью с темными камнями Оплота. Контраст между непреклонностью этого взора и мягкостью обтекавших гибкое, мускулистое тело зеленых шелков вызывал в памяти снежных барсов, крадущихся по кряжам Крыши Мира.

Креслин склоняет голову, снимает зеленую кожаную безрукавку и, бросив ее на кровать, говорит:

— Я буду готов через минуту.

— Спасибо.

Она отступает и удаляется в свои покои. Но тяжелая дубовая дверь остается открытой.

Креслин бросает фланелевую рубашку рядом с жилетом и стягивает кожаные штаны.

— А это еще откуда? — Гален указывает на тоненький красный шрам под левой рукой консорта.

— Упражнялся с клинком... Откуда же еще?

— Милостивый господин, а знает ли маршал?..

— Знает, знает... И не может ничего возразить против того, чтобы я умел позаботиться о себе...

Креслин с недовольной гримасой натягивает на мускулистые ноги шелковые брюки.

— Я твержу ей одно и то же: если меня считают слишком чувствительным, значит, мне следует упражняться еще больше. Она качает головой, но запрещать — во всяком случае, пока — не запрещает. Порой мне приходится расточать улыбочки, но по большей части удается обходиться доводами рассудка. Я хочу сказать... Сам посуди, куда бы это годилось, не умей сын самой грозной воительницы Закатных Отрогов отличить один край клинка от другого?

Гален вздрагивает, хотя в комнате не холодно.

Креслин надевает рубашку и расправляет ее, глядя в зеркало.

— Милостивый господин...— набирается храбрости Гален.

— Что, Гален? Какая-нибудь складка легла не так?

Руки Галена умело поправляют воротник и скрепляют его полученной от маршала изумрудной брошью, оправленной в серебро.

— Еще и это? Я прямо как раб в ошейнике!

Гален молчит.

— Ладно. Коль скоро приходится чтить это, пропади оно пропадом, Предание, то я и есть невольник.

— Милостивый господин...— испуганно шепчет Гален, наполовину поднеся палец ко рту.

— Креслин, ты готов? — доносится из-за двери.

— Да, милостивая госпожа. Осталось только взять клинок.

— Креслин!..— растерянно восклицает Гален.

— Гален, на востоке каждый мужчина носит меч. Разве не так?

Ответом ему служит молчание. С едва заметной улыбкой на губах юноша застегивает на талии мягкий кожаный пояс, на котором крепятся ножны. А в ножнах клинок: короткий меч стражей Западного Оплота.

Креслин выходит из комнаты и, не обращая внимания на пристальный взгляд телохранительницы, присоединяется к маршалу. К своей матери.

Вместе они направляются к резным дверям — выходу из предназначенного для гостей крыла. Перед тем как ступить наружу, юноша занимает подобающее ему место — слева и на полшага позади матери.

— Креслин,— за обманчивой мягкостью голоса маршала кроется суровая непреклонность,— надеюсь, ты понимаешь, какова должна быть твоя роль?

— Да, милостивая госпожа. Мне подобает всех очаровывать, улыбаться как можно больше, а высказываться как можно меньше, да и то предпочтительно по мелочам. При случае можно спеть песню, но только одну и не обидную. К оружию прикасаться разве что при возникновении смертельной угрозы, что весьма маловероятно. И никоим образом не обсуждать предмет и ход переговоров.

— Похоже, ты слушал наставления,— голос матери звучал сдержанно.

— Я всегда слушаю, милостивая госпожа.

— И то правда. Но не всегда слушаешься.

— Я наипокорнейший сын и консорт.

— Хм... постарайся оставаться таковым и впредь.

Во время этого разговора они пересекли прихожую и оказались в широком коридоре. Едва ли вышедший из отроческого возраста герольд встретил их, дабы сопроводить в трапезную дворца тирана.

Путь пролегает по еще более широкому переходу, где слева, за большими стеклянными окнами, виден сад-лабиринт. Проложенные между рядами остриженных кустов дорожки сходятся у пруда с фонтаном. Струи воды взлетают над находящимся в центре изваянием — статуей обнаженного, весьма одаренного телесно мужчины — и, ниспадая по дуге вниз, каскадом сбегают в пруд.

Глухая стена справа сложена из полированного бледно-розового гранита, добытого близ Западного Оплота. Вдоль стены, с промежутками примерно в три шага, развешаны гобелены в золоченых рамах со сценами из жизни древнего Сарроннина.

Днем раньше Креслин уже рассмотрел эти изображения, и теперь его внимание приковано не к ним, а к двум вооруженным женщинам, стоящим на страже у двери пиршественного зала.

У входа маршал и по-прежнему отстающий от нее на полшага юноша останавливаются.

— Маршал Западного Оплота в сопровождении консорта-правопреемника! — возвещает юный герольд.

Маршал кивает. Они ступают внутрь и следуют за герольдом к установленному на помосте длинному столу.

«...пригожий паренек...»

«...надо же, с клинком... интересно, умеет ли он им пользоваться...»

«...куда интереснее, как он пользуется ДРУГИМ клинком...»

«...все-таки он выглядит грубовато, почти женственно. Не иначе, упражнялся вместе со стражами...»

Поджав губы и стараясь не слышать оценивающего шепота придворных — иные из прозвучавших замечаний ему слишком хорошо знакомы,— Креслин следует за герольдом и маршалом. За высоким столом не занято лишь два места — одно рядом с тираном, другое на дальнем конце, между двумя женщинами.

Усаживаясь, Креслин кивает — сначала седеющей женщине справа, а потом девушке слева, чьи непокорные локоны цвета красного золота ниспадают на плечи из-под серебряного обруча. Единственной за столом особе женского пола с длинными волосами.

— Милостивый господин...— начинает женщина постарше.

— Да? — поворачивается к ней Креслин. Голос его звучит почти музыкой, о чем в такие моменты, как этот, юноша весьма сожалеет.

— Как нам тебя называть?

— Креслин, но среди друзей имена не важны.

Лицемерие этой фразы претит ему настолько, что его буквально подташнивает. Чтобы отвлечься, он переводит взгляд во

главу стола и видит, что мужчина, сидящий слева от тирана, взялся за столовый нож.

Все присутствующие тут же принимаются разрезать на мелкие кусочки лежащее перед ними на тарелках из китайского желтого фарфора. Креслин тоже достает свой нож и делит сочный фрукт на мелкие ломтики.

— А что, в Западном Оплоте все мужчины носят клинки? — интересуется женщина постарше.

— Милостивая госпожа,— отвечает он,— Оплот находится на Крыше Мира, и всякому, кто покидает его стены, приходится остерегаться диких зверей и прочих неприятностей. Разумеется, о безопасности всех и каждого заботится маршал, но она оказывает снисхождение к просьбам тех, кому, как мне, оружие придает уверенности.

— А ты выглядишь... привычным к оружию.

Борясь с очередным приступом тошноты, Креслин снова улыбается:

— Внешность бывает обманчива, милостивая госпожа.

— Можешь называть меня Фревия,— губ женщины касается мимолетная улыбка.— Не расскажешь ли ты нам про Оплот?

Креслин с готовностью кивает, но прежде чем заговорить, дожевывает ломтик яблуша и вытирает рот салфеткой.

— Постараюсь, хотя не уверен, что из меня выйдет хороший рассказчик. Если и милостивая госпожа,— он поворачивается к рыжеволосой девушке,— не против...

— Не расскажешь ли нам про Оплот? — с намеком на смех повторяет та слова старшей и поднимает кубок, так что становится виден широкий, чуть ли не наручь, браслет из тусклого железа, украшенный одним-единственным черным камнем.

Успев отметить для себя, что этот браслет не таков, каким кажется, Креслин улыбается молодой собеседнице, после чего вновь поворачивается к Фревии.

— В граните сером Крыши Мира укоренен Оплот могучий, надежно огражден стенами от недругов и непогоды...— Креслин не подбирает слова, а вызывает их из памяти. Слова, написанные другим мужчиной с серебряными локонами и собранные в маленьком томике, посвященном ему...— И пусть окрест бушует буря или нагрянет что похуже, внутри всегда тепло хранится, надежно жизнь оберегая. Ну, а снаружи, за твердыней и за пролегшей меж стенами дорогой, что людей выводит к путей торговых перекрестью, там от подножия южной башни вверх стелется ковер из снега, к сияющему пику Фрейджи...

— Фрейджа,— нарушив ритм, поясняет Креслин своими словами,— это игольчатый пик, который один-единственный ловит свет солнца и на рассвете, и в сумерках.

—...А далее, за Крышей Мира, за льдом и камнем, где обрывы крутые в тысячу локтей спускаются к лесам дремучим, сплошное море темных елей, на юг и север простираясь, теснится, и за ним барьером встают Закатные Отроги...

Креслин умолкает, улыбается и пожимает плечами:

— Видите, не могу предложить вам ничего, кроме образов.

— Твои образы совсем недурны,— откликается Фревия.

Рыжеволосая девушка (или все же молодая женщина: присмотревшись, Креслин находит, что она чуточку постарше его самого) молча кивает.

Между тем обнаруживается, что его тарелку с яблрушем успели унести. Ее место заняла другая, тоже из желтого фарфора, но побольше, с ломтем поджаренного до образования бурой корочки мяса в белом соусе и зеленью по краям.

Креслин отрезает крохотный кусочек мяса, отправляет в рот и, хотя острота и горечь блюда таковы, что на его лбу выступают бусины пота, старается изобразить улыбку.

— Как тебе жаркое? — интересуется рыжеволосая.

— Должен признаться, оно чуточку острее того, что подают в Оплоте.

Женщина смеется:

— А я должна признаться, что ты первый чужеземец, который не повел себя так, будто взял в рот горящую головешку.

Креслин смущенно улыбается и, не зная, как расценивать услышанное, спрашивает напрямик:

— Я должен воспринимать это как комплимент?

— Совершенно верно,— произносит она и тут же поворачивается к соседу справа, чтобы ответить на какой-то вопрос.

Юноша замечает на ее левой руке второй браслет. Оба они скрыты струящимся голубым шелком рукавов и становятся видны, лишь когда их обладательница жестикулирует или поднимает кубок.

Справа от нее сидит мужчина в кружевной, открытой почти до пояса рубахе, обнажающей загорелую и широкую, но, на взгляд Креслина, слишком нежную грудь.

Как и большинство мужчин Сарроннина, этот человек превосходит Креслина ростом, а смех его так же легок, как и фальшив. Юноше, которому противна любая (и своя, и чужая) ложь, это неприятно режет слух.

— Как, по-твоему, продвигаются переговоры? — спрашивает Фревия.

— Полагаю,— отвечает Креслин, расправившись с очередным кусочком жаркого,— они проходят, как должно, однако это всего лишь мои надежды, ибо судить о делах государственного управления пристало лишь тем, кто их вершит.

Сказанное юноша заедает листьями мяты, освежающей рот после огненного соуса.

— А что,— не унимается соседка, склонясь к Креслину так, что он ощущает ее дыхание,— эти стражи Западного Оплота и впрямь так страшны, как о них толкуют?

— Страшны? Да, о них говорят что-то в этом роде. Ну, школу они проходят суровую... насколько я видел. Однако видеть их мне доводилось лишь на учениях, а отнюдь не в бою, так что я едва ли могу ответить на этот вопрос со знанием дела,— он отрезает еще один ломтик мяса.

— Создается впечатление, что ты не способен судить решительно ни о чем, консорт-правопреемник,— послышался глубокий голос, принадлежащий мужчине, сидящему по другую сторону от рыжеволосой.

Подняв глаза, Креслин оценивает взглядом его вычурного фасона рубашку, завитые светлые волосы и ровный загар, после чего отвечает:

— Возможно, все дело в том, что я не поднаторел в дипломатическом искусстве говорить много, но ни о чем.

Рыжеволосая молча улыбается.

— Ты сам себе противоречишь, поскольку снова почти ничего не сказал,— не унимается мужчина.

— Ты совершенно прав, но ведь мне и не нужно ничего говорить, а уж тем паче ничего доказывать,— парирует Креслин и, слегка отвернувшись от блондина, продолжает разговор уже с рыжеволосой: — Прошу прощения, милостивая госпожа, но Крыша Мира — не то место, где в ходу гладкие да льстивые речи, даже если дело касается консорта. Потому я не слишком искушен в уклончивых ответах.

С улыбкой, одновременно и насмешливой и смущенной, она склоняет голову:

— Я ценю твою прямоту, Креслин. Жаль, что ты не пробудешь здесь долго. Твои слова таковы, что... некоторым есть чему у тебя поучиться,— и добавляет, обращаясь к соседу с другой стороны: — Я не сомневаюсь, Дрерик, что в более непринужденной обстановке наш гость сказал бы куда больше.

Дрерик кивает и тут же спрашивает свою соседку слева:

— Доводилось ли милостивой госпоже слышать о слигонских гитаристах?

Креслин помнит о необходимости проявлять учтивость. Поэтому ему удается не скривиться. За внешней вежливостью речей Креслин ощущал скрытую иронию — и в голосе рыжеволосой, и в ответах Дрерика.

— А что скажешь о Сарроннине? Думаю, вопрос вполне безобиден,— смеется рыжеволосая, чье имя он так и не узнал.

— Насколько могу судить,— осторожно отвечает юноша,— край выглядит процветающим. Дороги, во всяком случае, содержатся прекрасно, а люди, которых мы видели по пути, не отрывались от своей работы. Но некоторые махали проезжающим, а это указывает на общее довольство.

— Тебе не откажешь в осторожности.

— Жизнь на Крыше Мира к этому приучает.

— Тем более что ты, как я понимаю, единственный мужчина, занимающий столь видное положение в рядах самого грозного войска Закатных Отрогов.

— Положение? — Креслин заливается смехом, на сей раз вовсе не деланным.— Милостивая госпожа, все мое «положение» определятся исключительно волей маршала.

— Но ведь ты консорт-правопреемник.

— Лишь пока маршал правит Западным Оплотом.

— Не вижу разницы.

Креслин пожимает плечами.

— Ну, если иметь в виду маршала и мою сестру Ллиз, то разницы, пожалуй, и вправду нет. Однако пост маршала не наследуется автоматически. И теоретически капитаны стражи могут избрать маршалом другую.

— И насколько это вероятно?

— Сейчас? Ну, сейчас вряд ли. Я полагаю, что эта традиция сохраняется на тот случай, если маршалом станет слабая женщина. Живущим за счет Предания необходима сила.

«Траммм!»

Одна-единственная нота взлетает с помоста, где расположилась тройка музыкантов в ярко-голубых туниках и штанах. Двое мужчин и женщина. С гитарами на коленях, но инструменты у них разной формы и разного размера.

По мере того как эта нота воспаряет к высокому, темному, обшитому деревом потолку, Креслин отмечает ее слабое, угасающее свечение. Отблеск золоченого серебра.

— О гитаристах из Слиго ходит добрая молва. Они считаются хорошими музыкантами,— решается сказать он.

— Это не то слово. Этак можно назвать «хорошим музыкантом» и самого Верлинна.

— Верлинна?

— Мастера созвучий из Южного Оплота. Ты никогда не слышал его игры? По слухам, он некоторое время жил у вас, в Западном Оплоте.

— Маршал любит музыку, и у нас останавливаются многие музыканты. Однако имя Верлинн ничего мне не говорит.

— Ты можешь и не помнить. Он сгинул где-то в снегах Закатных Отрогов много лет назад, но люди постарше не забыли

его и по сей день. Кстати, у него, как и у тебя, были серебряные волосы, а это встречается нечасто.

— Что правда, то правда,— соглашается Креслин.— И если так, то, возможно, я все же слышал его игру. Мне вспоминается гитарист с серебряными волосами: его ноты были правдивы.

— Правдивы? Когда речь идет о нотах, это звучит странно. Возможно, когда-нибудь ты растолкуешь мне, что имел в виду.

При всей наигранной легкости в ее словах звучит смутное предостережение, словно «правдивость» нот — не та тема, которую позволительно обсуждать за столом. Креслин воспринимает этот намек с благодарностью, ибо «растолковать» значило бы открыть слишком многое, а ложь причиняла ему мучения. Воспользовавшись возможностью промолчать, он переводит взгляд на приступающих к игре гитаристов.

V

Бросив, как ему кажется, уже сотый взгляд на лежащий за открытыми створчатыми окнами регулярный сад, Креслин вздыхает и бормочет:

— Ну все, хватит.

— В каком смысле? — не понимает Гален.

— В том самом, что я собираюсь выйти.

— Креслин! Но маршал...

— Она не приказывала мне сидеть взаперти в спальне, а только велела держаться подальше от неприятностей. Прогулка в саду никаких неприятностей не сулит, он во внутреннем дворе.

— Позволь мне, по крайней мере, дать тебе провожатого.

— Я не нуждаюсь в охране.

— Это не для охраны. А для обозначения твоего статуса как гостя.

— Я не намерен ждать.

— Мне потребуется один момент.

— Ловлю на слове. Один момент — это все, что есть в твоем распоряжении.

Гален стремительно выбегает в дверь, соединяющую покои консорта с апартаментами маршала, и возвращается прежде, чем Креслин успевает застегнуть поверх липнущих к ногам шелковых штанов пояс с мечом.

— Креслин, но клинок...

Рядом с Галеном стоит тот самый юный герольд, который сопровождал консорта и маршала в трапезную.

— Без оружия я чувствую себя голым, тем более что приходится разгуливать в наряде записной шлюхи. Да и пояс с ножнами не боевые, а церемониальные. Скажи,— тут Креслин обо-

рачивается к пареньку,— существует ли хоть какая-нибудь причина, не позволяющая мне прогуляться в том саду?

— Многие... особы соответствующего положения там гуляют, милостивый господин.

— Дипломатичный ответ, молодой человек. Тем паче, что сейчас, кажется, никого из этих «особ» там все равно нет. Веди.

Делая вид, будто не замечает встревоженного взгляда Галена, Креслин выходит за тяжелую дубовую дверь. Раздается глухой удар. Юноша вовсе не собирался захлопывать за собой створку, но оказалось, что здешние дверные петли слишком хорошо смазаны.

Сначала оба идут в молчании, но, пройдя дюжину шагов, юный герольд робко спрашивает:

— Милостивый господин, правда ли, что ты носишь боевую кожу?

— Я ношу боевую кожу,— с мягким смешком отвечает Креслин,— но у нас так одеваются все, и женщины, и мужчины. В таких шелках, как у тебя, мы бы просто замерзли: наше лето холоднее вашей зимы.

— А как же вы выращиваете урожай?

— А мы и не выращиваем. Разводим овец, которые дают нам молоко, мясо и сыр, а все остальное покупаем. В уплату за снедь мы охраняем западные торговые пути от разбойников и...

— И служите наемниками у западных владык? — уточняет юноша.— А что, ваши стражи и впрямь так хороши, как говорит о них тиран?

— Возможно,— отвечает Креслин, спускаясь следом за герольдом по широким каменным ступеням.— Правда, я не слышал, что говорит тиран.

— Она как-то сказала, что против них не устоят даже маги Фэрхэвена.

— Насчет этого не скажу. Маги не любят холодной стали, но считается, что волшебники востока способны расщеплять горы.

— Говорят, с каждым годом их владения придвигаются все ближе.

Креслин пожимает плечами. Владения магов лежат на восточных склонах Рассветных Отрогов — двух горных хребтов, тянущихся к востоку от Крыши Мира. Их дела не кажутся ему такими уж важными.

— Это и есть вход в сад?

— Да, восточный. Есть еще одна дверь, прямо из мужской половины.

— Мужской половины? — Креслин ступает на посыпанную белым гравием дорожку. Ветер уносит маленькое бледное облачко, открывая бело-золотое солнце, и падавшая на сад тень

исчезает, а сине-зеленое небо становится ярким, как пламенеющий изумруд.

— Да, в той части дворца, где живут консорты без пары и... другие гости мужского пола.

Креслин поднимает брови.

— Отпрыски ненадежных семей? Заложники?

Герольд опускает глаза и молча рассматривает гладкие белые камушки.

— Ну ладно. Расскажи лучше про сад.

— О, нашему саду почти столько же лет, сколько и дворцу. Рассказывают, что второй тиран повелела разбить его в память о своем консорте Элдроне — последнем консорте, принимавшем участие в сражениях. Он пал при Берлитосе, где тиран разгромила джиранов.

— Теперь Джира стала южной провинцией Сарроннина, верно?

— Да, милостивый господин, весьма лояльной провинцией. А этот лабиринт образован одним-единственным растением — ползучим таранцем.

— Всего одним?

— Именно так. Посмотрев вниз, можно увидеть, как переплетаются корни.

Креслин опускается на колени, разглядывает корни растения и качает головой.

— Вы прекрасные садоводы. Нам у себя ничего подобного не вырастить.

— Неужели?

Креслин смеется:

— У нас растут только хвойные деревья, да и то не очень хорошо.

Герольд ведет консорта по петляющим дорожкам лабиринта, пока они не достигают окруженного мраморным барьером бассейна со статуей в центре.

— Элдрон? — спрашивает Креслин, указывая на великолепную мужскую фигуру.

— Говорят, милостивый господин, но точно никто не знает.

Звук шагов заставляет Креслина обернуться. Мужской голос произносит:

— А, да это никак тот почетный консорт из Западного Оплота. Помнишь, Нертрил, тот самый, что на пиру не мог и двух слов связать.

Голос принадлежит Дрерику, широкоплечему блондину, сидевшему за столом рядом с рыжеволосой женщиной. Солнце играет на его ярко-голубых шелках, подчеркивающих великолепный загар и струящиеся светлые волосы. Его спутник, муж-

чина постарше в серых шелках, носит висячие усы. И длинный клинок.

Креслин молча улыбается, понимая, что в словесном поединке едва ли может стать достойным соперником любому из поднаторевших в такого рода играх придворных.

— Приятный денек.— Дрерик обращается к Креслину, слова сочатся с его губ, словно мед.

— Да, день прекрасный,— соглашается Креслин, понимая, что не может не ответить на прямое приветствие.

— Видишь, он нацепил клинок,— замечает Дрерик, выразительно поглядывая на спутника постарше.— Не потому ли, что другой его клинок ни на что не годен? Как думаешь, Нертрил?

— Ну... о том лучше судить женщинам, милостивый господин.

— А, ну конечно... если допустить, что женщины даже... Впрочем, неважно.

Креслин сглатывает. Дрерик, остановившись примерно в четырех шагах от него, поворачивается к нему спиной и принимается рассматривать миниатюрную розу, растущую в беломраморной вазе.

— Милостивый господин,— шепчет герольд и тянет Креслина за рукав.

Тот остается неподвижным.

— Как думаешь, Нертрил, он и вправду заслуживает титул милостивого господина?

— Э-э... из политических соображений порой случается оказывать подобную честь невесть кому. Но, думаю, мы могли бы оказать ему услугу. Маджио нравятся такие худенькие юноши, как этот горский... господинчик. Может быть, нам стоит представиться?

Креслин чувствует, что краснеет, и виной тому отнюдь не прямые солнечные лучи.

— Мне все же кажется, милостивый господин, что он выказывает некоторый интерес,— голос Нертрила звучит подчеркнуто вяло и безразлично.

— Порой приходится быть до неприличия прямолинейным. Эти горцы, даже их так называемая «знать», не понимают намеков.

Креслин поворачивается к герольду:

— Воистину поразительно, когда речь, столь учтивая по форме, оказывается столь вульгарной по содержанию. Мне хотелось бы взглянуть на участок сада, не осквернённый...— он не заканчивает фразу.

В саду воцаряется тишина.

Кто-то касается его рукава, и Креслин оборачивается.

— У меня создалось впечатление, что ты без должного почтения отнесся к моему господину. Это прискорбно,— Нертрил

укоряет юношу с мягкой улыбкой, которая, однако, не касается глаз говорящего.

— Невозможно должным образом почтить жабу, поскольку оная обитает в грязи,— парирует Креслин.

— Милостивый господин...— отчаянно шепчет герольд.

Длинный клинок покидает ножны.

Креслин снова сглатывает.

— Итак, ты не желаешь выразить покорность и на коленях умолять милостивого господина о прощении? — с тем же нарочитым безразличием спрашивает Нертрил.

— Полагаю, что нет.

С этими словами Креслин отступает на шаг и обнажает собственный меч, покороче и пошире.

— Ну что ж... в самообладании ему не откажешь, хотя умом он явно не блещет,— резкий голос принадлежит Дрерику.

Нертрил молча следит за взглядом Креслина. Креслин улыбается, вспоминая уроки Эмрис и Хелдры. Его взгляд остается неподвижным. В отличие от клинка.

Нертрил непроизвольно отступает с легкой раной в предплечье, но тут же бросается вперед.

Меч Креслина, едва ли не опережая мысль, взлетает навстречу. Миг — и длинный клинок уже валяется на белой дорожке.

Нертрил зажимает рану на правой руке: кровь сочится меж его пальцев, смачивая серый шелк.

Дрерик стоит с раскрытым ртом. Креслин, с мерцающим клинком в руке, делает шаг по направлению к нему.

— Варвар ты не посмеешь...

Кончик меча слегка касается щеки блондина, оставляя на ней две тоненькие красные полоски.

— Думаю, господинишка Дрерик, этого хватит, чтобы ты надолго запомнил, как опасно оскорблять тех, кто выше тебя. Ну а тебе,— Креслин кланяется Нертрилу,— я должен принести извинения за то, что не смог продемонстрировать должное искусство. Мне далеко до стражей Западного Оплота, ведь я всего лишь консорт-правопреемник... Идем отсюда,— обращается он к застывшему с открытым ртом пареньку.— Я не выношу запаха крови.

И уже в который раз сглатывает, подумав о реакции маршала. Она будет недовольна.

— Милостивый господин...

— Ну, куда пойдем?

Креслин идет к тропе, по которой они вошли в сад.

Герольд пожимает плечами и ведет его обратно. Крес лин слышит, как позади белые камушки садовой дорожки поскри-

пывают под быстрыми шагами, но не оборачивается. Интересно, куда это Дрерик так заспешил?

Его собственные шаги нарочито неторопливы: ему ли опасаться этого разряженного, как шлюха, болтуна.

— Милостивый господин чем-то озабочен?

— Все в порядке. Я просто задумался.

К покрытым зеленым лаком и отделанным позолотой дверям, ведущим из сада во дворец, они приближаются молча. Герольд легко распахивает перед Креслином массивные створы: видно, петли здесь смазаны не хуже, чем в гостевых апартаментах. Все еще размышляя о Дрерике, юноша вступает в коридор с каменными стенами, сумрачный после залитого солнцем сада.

— Господин Креслин!

Темнота окутывает его, словно из ниоткуда спустилась ночь. Рука метнулась к клинку, но пальцы лишь скользнули по рукояти: чьи-то руки прижимают его к граниту стены.

Он тянется мыслью к ветрам зимы, и они приходят. Подхваченный вихрем шелковый шарф хлещет по лицу и глазам. Руку, так и не дотянувшуюся до меча, пронзает холодом. Мгновенный укол, и вихрь уносится прочь. Тьма развеивается. Он снова один, если не считать стоящего с опущенными глазами герольда.

— Что... что это было? — выдыхает Креслин.

— Что милостивый господин имеет в виду? — паренек поднимает на него ясный взор.— Некая женщина окликнула милостивого господина по имени, и он остановился поговорить с ней. Сам я ее не разглядывал, поскольку решил: раз милостивый господин счел нужным остановиться, он знает, что делает,— юноша присматривается к Креслину и робко спрашивает: — Что-то не так?

— Так ты точно ее не разглядел?

— Нет, милостивый господин. Она стояла в тени.

Креслин переводит взгляд на дверь. Конечно, коридор не сад, но окна и здесь дают достаточно света. А никаких теней нет и в помине.

— Ладно,— машет он рукой, смиряясь с обстоятельствами.— Жаль только, что я так и не узнал, кто она такая.

— Должно быть, она много думает о милостивом господине, иначе не повела бы себя так откровенно,— с искренним удивлением говорит герольд.

Креслин выдавливает фальшивую улыбку. Может быть, это подстроил Дрерик? Но почему тогда все ограничилось уколом в руку? Он не смотрел на рукав, но и без того знал, что там совсем крохотная, такая, что не видна на шелке, дырочка.

Но, в конце концов, по сравнению со стычкой в саду — это происшествие пустяковое. Лучше всего поскорее о нем забыть.

Но забыть никак не удается.

VI

— Ты позволил себе рисковать, Креслин. А вдруг бы он оказался мастером клинка?

— Так ведь не оказался же. И не мог: он слишком мастерски носит шелка.

Маршал качает головой.

— Ты хоть понимаешь, что это изрядно осложнит твою жизнь?

— Мою жизнь? Меня больше волновали твои переговоры.

Он бросает взгляд на окно, где ветер, предвестник еще только затягивающих горизонт дождевых туч, шевелит шелковые занавески.

— Ну, по части переговоров ты мне так удружил, что дальше некуда.

Маршал делает шаг к окну, потом останавливается и устремляет на сына взгляд суровых голубых глаз.

Креслин молчит, размышляя, следует ли воспринимать услышанное как шутку, и ждет, когда она продолжит.

— Консорт, почти мальчик, обезоружил одного из самых опасных бойцов Сарроннина. Нертрил убил более десятка соперников, и мужчин, и женщин,— маршал хрипло смеется.— А ты еще и извинился перед ним за то, что не дотягиваешь до уровня стражей. Твой приятель герольд разнес эту новость по всему дворцу прежде, чем ты успел добраться до своей комнаты.

— Не вижу проблемы,— пожимает плечами Креслин.

— Какое семейство согласится принять консорта более опасного, чем любой из живущих к западу от владений магов и владеющего клинком лучше большинства воительниц Кандара? В сознании чтящих Предание такое укладывается с трудом,— маршал улыбается.— Ну, а разрисовывать тому хлыщу физиономию и вовсе лишнее. О, я понимаю, он заслужил урок, но ты дал всем здешним понять, что меч у тебя не игрушка. Мы-то все усвоили это давным-давно...— она отворачивается к окну.— Да, в каком-то смысле жаль, что весной прошлого года нам не удалось сговориться с сутианским посланником. Мы сделаем, что сможем...

Креслин заставляет себя не хмуриться: он, по крайней мере, никого не убил. Но имея в виду настроение маршала, он решает не упоминать о странном происшествии в коридоре. В конце концов, он получил всего лишь булавочный укол, да и булавка, судя по его самочувствию, была не отравлена.

Стражница у дверей, пока Креслин не смотрит в ее сторону, качает головой. Точь-в-точь как маршал.

VII

— Не спрашивай меня, каков мужчина.
На лесть он падок и душой изменчив,
Кокетлив, вздорен, склонен к пустословью...
Но что с него возьмешь, ведь он мужчина!

Не спрашивай о том, каков мужчина.
Ему носить пристало в ножнах веер
И взоры госпожи ловить покорно.
Но что с него возьмешь, ведь он мужчина!

Смех за столами стражей действует Креслину на нервы, но менестрель продолжает распевать куплеты, высмеивающие мужские слабости. С каждой строчкой Креслин все крепче сжимает зубы.

Лицо маршала остается бесстрастным. Сидящая рядом с ней Ллиз улыбается, но так, словно не совсем уверена в том, что стихи и вправду остроумные.

Менестрель, облаченный в обтягивающие штаны цвета загорелой кожи и ярко-голубую рубашку из блестящего шелка, ловко пританцовывает на помосте, время от времени подчеркивая содержание песни взмахами веера, сработанного в форме меча.

— Но что с него возьмешь, ведь он мужчина!

Менестреля награждают бурными хлопками, и он раскланивается во все стороны, прежде чем отбросить свой шутовской веер, достать гитару и сесть на табурет лицом к публике.

Хлопки и свист замирают. Креслин любуется слетающими со струн гитары мерцающими серебристыми нотами и подмечает, как встречают стражи более традиционную балладу Фенардре Великого. Юноша с серебряными волосами вспоминает, что слышал эту песнь в исполнении другого мужчины. Тоже с волосами цвета серебра.

Менестрель неплох, хотя выдающимся его не назовешь. Креслин, пожалуй, играет и поет не хуже, но на звание менестреля не претендует. Баллада заканчивается, звучат вежливые аплодисменты. Менестрель кланяется маршалу и, обернувшись к сидящим внизу стражам, начинает наигрывать захватывающий ритмичный мотив.

Некоторые из стражей-воительниц подхватывают ритм боевого марша Западного Оплота, отбивая его на столешницах кубками и кулаками.

Даже когда Креслин наслаждается знакомой музыкой, его не покидает чувство отчужденности. Ему кажется, что и на помосте, и в пиршественном зале он не свой. В его ушах, не умолкая, звучит рефрен комического куплета: «Ну что с него

возьмешь, ведь он мужчина!» Встретившись взглядом с маршалом, он поджимает губы. Некоторое время юноша и мать молча смотрят друг на друга, но он отводит глаза первым. В конце концов, какой в этом смысл?

Уже в который раз его посещает мысль о необходимости покинуть Оплот и искать собственное место в мире. Но какое? Как? Где?

Невидящие глаза юноши устремлены к менестрелю.

Певец снова встает и отвешивает поклон перед столом, за которым сидят маршал, маршалок Ллиз, консорт и капитан стражей Эмрис.

Когда свист снова стихает, маршал склоняется к Эмрис и шепчет что-то той на ухо. Глаза Эмрис перебегают с Креслина на менестреля, и она качает головой.

Креслин сосредоточивается на потоках воздуха, вызываемых ревущим в огромном очаге пламенем, но они доносят до него лишь обрывок последней фразы маршала:

— ...После Сарроннина ему будет постоянно угрожать вызов на поединок. Он должен быть подготовлен настолько хорошо, насколько возможно.

— Как пожелаешь,— соглашается Эмрис, но без особой радости.

Креслин жалеет, что не начал прислушиваться раньше.

Менестрель приближается к столу, и маршал встает.

— Если ты не против, Рокелль из Хидлена, присоединяйся к нам.

— Сочту за честь.

Рокелль кланяется. Он строен, как юноша, и голос его звучит молодо, но седина на висках и расходящиеся от глаз тонкие морщинки выдают возраст.

Креслин заставляет себя не хмуриться.

Заняв пустующее место меж Ллиз и Эмрис, Рокелль тянется к кубку, который наполняет для него сестра Креслина.

— Хм... пение сушит горло, особенно когда тебя ценят.

— А когда нет? — любопытствует Эмрис.

— Тогда становится не до жажды,— Рокелль отпивает большой глоток подогретого с пряностями вина.

— Есть интересные новости? — спрашивает маршал.

— Новостей всегда хватает, милостивая госпожа. Не знаю только, с чего начать. Может быть, с Белых магов? Великий тракт проведен куда дальше, чем до серединной точки Рассветных Отрогов, и теперь они стоят порт у Великого Северного Залива. На том месте, где раньше находился город Лидьяр.

— А что стало с герцогом Лидьяра?

— А что случается с любым, кто дерзнет противиться Белым? Хаос... разрушение,— менестрель делает еще один, на сей

раз крохотный глоток и тянется за лежащим перед ним на тарелке ломтиком белого сыра.

— А как насчет тех, кто предположительно оберегает порядок? Насчет Черных?

Рокелль пожимает плечами.

— Кто знает. Одно понятно: разрушать проще, чем поддерживать порядок.

Некоторые из стражей уже встали из-за нижних столов, но женщины помоложе еще продолжают разливать вино из кувшинов. Креслин тянется взглядом через столы, надеясь приметить светлые, коротко остриженные волосы Фиеры, но младшей стражницы он не видит. Прежде чем юноша успевает понять, что Фиера, если она вообще присутствовала на трапезе, уже ушла, его слух вновь улавливает обрывки разговора.

— А, да... маги, кажется, пришли с герцогом Монтгрена к какому-то соглашению. Герцог основательно укрепил Вергрен и Край Земли.

— Край Земли? На Отшельничьем острове? — уточняет маршал.

— Монтгрен издавна претендовал на Отшельничий, милостивая госпожа.

— Было бы на что,— хмыкает Эмрис.— Огромный, сухой и почти необитаемый остров. Только и годится, что для прибрежных рыбачьих деревушек.

— По площади он превосходит весь Монтгрен раз в десять,— замечает маршал.— Но ни Норланду, ни Хамору не удавалось основать там колонию, которая платила бы дань. Требование Монтгрена никогда не встречало особого противодействия, поскольку никто больше претензий на эти земли не предъявлял. Суть в том, что герцог...— маршал, не договорив, обрывает фразу.

— Я думал, что герцог Монтгрена связан с тираном Сарроннина,— позволяет себе высказаться Креслин.

Эмрис и маршал поворачиваются к нему; взоры их холодны.

— Это так, паренек,— откликается менестрель,— но Сарроннин смотрит на Монтгрен сверху вниз, поскольку, по сарроннинским меркам, владения герцога разве что чуток побольше столешницы. А герцог, со своей стороны, недоволен тем, что в своей борьбе против Фэрхэвена получает от Сарроннина лишь символическую поддержку. По его утверждению, только он один и противится Белым магам, больше никого не осталось.

— А это так? — спрашивает Креслин.

— Ну...— менестрель улыбается, но улыбка его кажется странной,— герцог всего лишь человек, а что правда, что нет — су-

дить трудно. Дани Сарроннину он не платит, это точно. Но точно и другое: налоги на содержание его армии достигли таких размеров, что крестьяне, кто только может, бросают свои поля и бегут в Спилдар или Галлос.

— Дела так плохи? — спрашивает Эмирс, переводя взгляд с Креслина на Рокелля.

Менестрель медлит с ответом, смакуя подогретое вино.

— Неужто дела так плохи? — повторяет свой вопрос капитан стражи.

Рокелль пожимает плечами.

— Я знаю не больше вашего.

Глядя на Эмрис, маршал медленно кивает.

Ллиз вновь наполняет опустевший кубок.

— А как насчет Джеллико? — спрашивает она.— Путник, побывавший у нас в прошлом году, говорил, что город отстраивается.

— Он не столь величествен, как Фэрхэвен,— отвечает Рокелль, жуя сыр,— но певцов привечает куда радушнее. А мастерство тамошних каменщиков...

Креслин позволяет последним словам улететь прочь, размышляя о том, что уже успел сегодня услышать: стражи потешаются над мужскими слабостями, герцог Монтгрена, в одиночку противостоящий натиску Белых магов, подвергается осмеянию со стороны правителей-женщин, Черные ни во что не вмешиваются, а его вопросы явно не нравятся ни Эмрис, ни маршалу. Юноше удается сохранять на лице любезную улыбку, но его пальцы раздраженно сжимают резные подлокотники.

Беседа заканчивается. Маршал, с привычным бесстрастием на лице, встает, и Креслин позволяет себе несколько расслабиться.

— Завтра,— обращается к нему уже поднявшаяся со своего места Эмрис,— начинаешь упражняться с Хелдрой. На клинках. Это тебе пригодится.

Она кланяется менестрелю и Ллиз, которая поворачивается к брату с недоуменной улыбкой.

Креслин пожимает плечами.

— Думаешь, мне что-нибудь объясняют? Я ведь всего лишь мужчина.

Менестрель снова прикладывается к кубку. Консорт и маршалок поднимаются; Ллиз делает знак сидящей внизу стола стражнице.

Креслин направляется к себе по внутренней лестнице. Насчет отдыха менестреля сестра сумеет распорядиться и без него.

VIII

Рыжеволосая женщина с железными браслетами на руках всматривается в зеркало. Губы ее поджаты. Поверхность затуманивается, колышется, но никакого изображения так и не появляется. Через некоторое время она теряет способность сосредоточиваться и погружает запястья в стоящее рядом с ее креслом ведерко.

Ее вздох заглушается шипением пара.

Спустя некоторое время, уже вынув из прически гребни и распустив длинные рыжие волосы, она рассматривает стоящий на богато инкрустированном столе собственный портрет. Риесса настояла на том, чтобы художник изобразил ее коротко остриженной, хотя она отнюдь не преклонялась перед распространившейся в Сарроннине военной модой. Ее сестра, тиран, полагала, что правдивость образа — ничто в сравнении с политической целесообразностью.

Рыжеволосая тянется пальцами правой руки к левой в непроизвольной — и, как давно понятно,— безнадежной попытке унять зуд. Кажется, будто ее кровь бурлит. И ревет ветер... Или это разыгралось воображение?

— Это по-прежнему усиливается, верно?

Вопрос исходит от только что вошедшей женщины. Голос ее холоден, как и весь облик. Даже светлые волосы как будто покрыты инеем.

— Я ничего особенного не чувствую,— лжет рыжеволосая.

— Неправда.

— Значит, неправда. Можешь меня повесить, тебе бы наверняка этого хотелось. А то, что ты мне предлагаешь,— просто иные узы, возможно, даже худшие, чем эти!

Она вскидывает руки, и браслеты соскальзывают с запястий, открывая зарубцевавшиеся шрамы. Миг — и руки опущены, а рубцы снова скрыты под шелковыми рукавами.

— Так ты по-прежнему не сдаешься?

— Как я могу? — рыжеволосая смотрит себе под ноги, и, пока она вновь не поднимает взгляда, в комнате царит молчание.— Я думала... вспоминала... Ведь раньше и вправду... Мы играли с тобой во внутреннем дворе, и ты буквально бесилась из-за того, что я находила тебя, куда б ты ни спряталась. Но тогда ты и смеялась, во всяком случае, время от времени...

— Тогда мы были детьми, Мегера.

— Разве мы не остались сестрами? Или твое возвышение сделало меня незаконной?

— Белые всегда незаконны. В соответствии с Преданием.

— Разве я стала другой лишь потому, что у меня проявился Белый дар?

— Так вопрос никогда не ставился,— белокурая качает головой.— Во всяком случае, переговоры с Западным Оплотом могут предложить тебе выход.

— Выход? Ты хочешь сказать — порабощение! Я — и какой-то обычный мужчина! Как родная сестра может пойти на это?

— Ты находишь мое решение несправедливым?

— Когда и с кем ты поступала справедливо, Риесса?

— Я действую в интересах Сарроннина,— белокурая женщина пожимает плечами.— И в любом случае так честнее. Ни к герцогу Корвейлу, ни паче того к маршалу Дайлисс у меня доверия нет.

— Ты не доверяешь маршалу, самой грозной воительнице в Кандаре? Надо же, какой скептицизм!

— Не столько скептицизм, сколько обычный практицизм. Дайлисс бьется самозабвенно и, ручаюсь, любит так же отчаянно, как и сражается. А он ее сын.

— Ты думаешь, она тебе откажет? — Мегера хрипло смеется.

— После того, как ты подбила на это Дрерика? После случившегося — видела, как отреагировал Креслин?

— Креслин почти так же хорош, как страж.

— Лучше многих из них, судя по тому, что я видела,— тиран улыбается.

— Сам он так не считает.

— Думаешь, Дайлисс позволит ему об этом узнать? Но не важно: судя по вестям из Сутии, Керлин и Блийанс там едва ли примут волка в овечьей шкуре. В качестве предлога они сошлются на Предание.

— По-твоему, это всего лишь предлог? Да ты еще большая лицемерка, чем суровая Дайлисс или высокородный Корвейл!

— Ни одна из нас не жила во времена Рибэ.

— Вам повезло.

Тиран улыбается.

— И тебе тоже. Если бы я действительно верила в Предание и демонов света...

— Пожалуйста, не напоминай снова.

— Ты можешь уловить, что он чувствует?

— Я уже говорила тебе, что ничего не улавливаю. Так что можешь опять приниматься за свои козни.

— Я ведь делаю это и ради твоего блага, сестра. При той мощи и ярости, что бушуют в тебе, кто еще выстоит? Невзирая на браслеты.

— А что будет с нами, когда я забеременею?

— Ты? Без моего согласия? Ну уж уволь!

— По-моему, речь шла о клинке, лучшем, чем любой из твоих. Ты ведешь себя так, словно у меня есть какой-то выбор.

Последние слова остаются без ответа: белокурая сестра уже ушла.

Рыжеволосая окидывает взглядом ажурные, но прочные решетки, ограждающие ее покои, смотрит на обитую сталью дверь.

Может, послать за Дрериком? По крайней мере, это в пределах ее возможностей. От этой мысли у нее закипает кровь. Но женщина лишь качает головой, позволяя бушующей в ней грозе пролиться всего-навсего двумя слезами.

IX

Сидя перед самым большим окном, Креслин перебирает струны маленькой гитары, уверенно держа искусно сработанный из ели и розового дерева инструмент. Пальцы его, пожалуй, слишком сильны для музыканта. Впрочем, ему известно, что форма пальцев мало соотносится с мастерством исполнителя.

Обстановку его комнаты составляет узкий письменный стол с двумя ящиками, платяной шкаф высотой в четыре локтя (на добрых три локтя ниже тяжелого, обшитого деревом потолка), два кресла с подлокотниками, зеркало в человеческий рост и двуспальная кровать без балдахина. На покрывающем ее зеленом стеганом одеяле серебром вышиты ноты. Массивная дверь запирается изнутри на засов. И дверь, и мебель, отполированные временем, сделаны из красного дуба. Работа умелая, но простая, без резьбы или инкрустаций. Мягкими здесь можно назвать разве что кресла: на них лежат потертые зеленые подушки.

«Трамм!»

Одна-единственная нота (его взору она представляется серебристой) вибрирует в прохладном воздухе комнаты, пока, при столкновении с гранитной стеной, не съеживается в точку и не исчезает.

Едва ли хоть когда-либо ему удастся извлечь из инструмента золотистую мелодию, такую, какие играл музыкант с серебряными волосами, о котором запрещено вспоминать. Даже осенние созвучия прославленных гитаристов Слиго являли не само золото, а лишь легкое его касание.

Положив инструмент на крышку стола, он подходит к заиндевелому окну, прикладывает к стеклу палец и ждет, пока изморозь истает, словно от прикосновения весны к поверхности лежащего в низине озера.

Снаружи ветер бросает снег на серые стены и бьется в окно, которое открывается очень редко. Хотя и чаще большинства других в Оплоте. Когда на стекле оттаявший участок вновь затягивается инеем, Креслин снова берет гитару.

Стук в дверь.

Со вздохом он кладет инструмент в футляр и засовывает под кровать. Его мать и Ллиз наверняка знают о гитаре, но пока ни та, ни другая на сей счет не заикаются. Как и вообще не заводят разговоров об изысканном и утонченном, весьма мужском по духу музыкальном искусстве. В Западном Оплоте это запретная тема.

«Тук-тут. Тук-тук.»

Нетерпеливость сестры заставляет Креслина нахмуриться. Он отодвигает засов и отпирает дверь. За ней, разумеется, стоит Ллиз.

— Пора ужинать. Ты готов?

Ее волосы, такие же серебряные, как у него, светятся в полумраке гранитного коридора. Они едва достигают воротника, но в сравнении с его стрижкой могут показаться длинными.

— Нет еще.

Короткий ответ, мимолетная улыбка и обычный внутренний протест против всякой фальши.

— Ну конечно. Не понимаю, как ты вообще можешь столько времени проводить в одиночестве.

Он ступает на голый каменный пол коридора и прикрывает за собой тяжелую дверь.

— Мать была недовольна.

— На этот-то раз чем? — понимая, что сестра ни при чем, Креслин пытается подавить досаду.— Снова вспомнила о моей привычке проводить время в одиночестве? Или...

— Нет. Если тебе охота сидеть одному, ее это не волнует. Обычный мужской каприз.

— Ага, значит, дело в верховой езде.

Ллиз ухмыляется и качает головой.

— Ладно, не томи. Что не по ней?

— Твоя стрижка. Она находит ее слишком короткой.

Креслин издает стон:

— Ей не нравится, чему я учусь, не нравится, как я одеваюсь, а теперь еще и...

С верхней площадки винтовой лестницы, сложенной из столь прочных гранитных блоков, что они способны выдержать вес всего воинства маршала, они начинают спускаться к большому залу.

— И она права,— прерывает брата Ллиз. На сей раз ее голос звучит сурово, отчасти уподобляясь голосу матери.— Креслин, тебе необходимо усвоить манеры, приличествующие консорту. Побренчать на гитаре ты, так и быть, можешь, но уж скакать верхом тебе совсем не пристало. Я тоже недовольна.

Креслин непроизвольно ежится, задетый не сутью сказанного, а приказным тоном сестры.

— Она вечно недовольна. Ей не нравилось, когда я сбежал на зимние полевые учения младших стражей. А что дурного: мне удалось справиться с испытаниями лучше большинства из них. И мать сама разрешила мне участвовать в дальнейших поединках.

— Это не совсем то, что рассказала ей Эмрис.

— Эмрис не станет ее сердить, даже если обрушится Крыша Мира.

Шагая вниз по ступеням, они негромко смеются.

— Как твои упражнения на мечах с Хелдрой? — спрашивает Ллиз уже у подножия лестницы.

— Мне основательно достается. Она не щадит ни мою гордость, ни мое тело.

Ллиз тихонько присвистывает:

— Должно быть, ты делаешь успехи. Так говорят все старшие стражи.

Креслин качает головой:

— Успехи, пожалуй, есть, но не особые.

По сторонам арки, ведущей в пиршественный зал, застыли две воительницы. Креслин кивает стоящей слева, но та даже не моргает в ответ.

— Креслин! — укоряет брата Ллиз.— Это нечестно. Фиера на часах.

Креслин и без нее знает, что поступил неправильно. Он отмалчивается и устремляет взгляд в глубь трапезной. За столом на возвышении нет никого, кроме Эмрис, чего нельзя сказать о столах, расставленных прямо на гранитных плитах пола. За ними уже расселись многие обитатели замка, стражи и их консорты. Дети с попечителями усажены позади всех, возле входа, из которого появляются Креслин и Ллиз.

Креслин напрягается, зная: чтобы достигнуть помоста, ему придется пройти мимо передних столов, где полно стражей, не имеющих консортов.

— С ума сойти, какие мы сегодня мрачные,— подкалывает его Ллиз.

— Будешь тут мрачным, когда на тебя таращатся как на племенного жеребца,— цедит сквозь зубы Креслин.

— Чем дуться, лучше бы получал удовольствие,— невозмутимо откликается она.— Во-первых, этого все едино не избежать, а во-вторых, что плохого в искреннем восхищении?

Креслин, однако, предпочел бы добиться восхищения стражей по иному поводу. Недаром он настоял на том, чтобы его обучали искусству биться на клинках, и тайком осваивал езду на боевых пони. Правда, ему не удавалось уделять этому столько времени, сколько хотелось бы, поскольку маршал заставляла

его изучать каллиграфию и логику, так что по части верховой езды ему было далеко до большинства натренированных воительниц. Но в отношении клинков дело обстояло иначе. И это при том, что в бою стражи Западного Оплота не знали себе равных, благодаря чему его мать правила Крышей Мира и контролировала торговые пути, соединяющие восток и запад Кандара.

«...и все же он по-прежнему красивый юноша...»

«...острый, как клинок. Пронзит твое сердце и оставит истекать кровью».

«...спасибо, но на мой вкус он грубоват».

Креслин видит, что Ллиз с трудом сдерживает усмешку, и поджимает губы.

«...а я все-таки хочу попробовать, чтобы он...»

«...А чтобы маршал выпустила тебе кишки, как — не хочешь?»

Они поднимаются на помост, и сидящая у дальнего правого конца стола Эмрис встает.

— Милостивая госпожа. Милостивый господин...— голос командира стражей низок и строг.

— Садись,— кивает ей Ллиз.

Креслин кивает молча.

Ллиз поднимает брови: ведь пока не сядет он, не сядут ни она, ни Эмрис. Потом, когда придет маршал, все трое поднимутся снова. Креслин мог бы заставить их дожидаться маршала на ногах — ему случалось проделывать такое, но сейчас он не видит в этом смысла.

Юноша занимает свое место напротив Эмрис, и Ллиз, потихоньку облегченно вздохнув, садится рядом с братом на одно из трех кресел, поставленных лицом к залу и нижним столам.

Эмрис поворачивается к Ллиз.

— Зимние полевые испытания начинаются послезавтра.

Девушка кивает.

Креслин надеялся принять участие в этих испытаниях — ветры, не стихающие в Закатных Отрогах, могли обеспечить ему преимущество на лыжах. Но Эмрис обращается только к Ллиз. Тем не менее он смотрит на капитана вопросительно.

Однако та, не обращая на него внимания, бросает взгляд на драпировки позади Ллиз и встает. Креслин и Ллиз следуют ее примеру. Их мать ступает вперед и поднимает руки, давая сидящим за столами знак не вставать.

Темноволосая женщина в черной коже с резко очерченным лицом, стальными мышцами и светящимся в темно-голубых глазах умом окидывает взглядом сына, дочь и командира своих стражей, после чего без лишних церемоний садится.

Мальчик-прислужник подлетает с двумя подносами, и Креслин начинает разливать из тяжелого кувшина в высокие чаши теплый чай.

— Благодарю,— голос матери звучит официально.

— Спасибо,— эхом вторят ей Ллиз и Эмрис.

Кивнув, он наливает чаю себе и ставит кувшин.

Сидящим внизу подают те же блюда, что и на помосте. Оттуда доносится гомон, и Креслин украдкой поглядывает туда, довольный тем, что еда хоть на время отвлекла молодых женщин от разглядывания его персоны. Ллиз подцепляет три толстых ломтя мяса с одного конца плоского блюда и увесистую лепешку с другого.

На другом блюде разложены фрукты в меду и маринованные овощи. Креслин овощей не любит, но берет из учтивости.

— Креслин?

— Да, милостивая госпожа.

— Эмрис достаточно ясно дала тебе понять, что ты не будешь принимать участие в полевых испытаниях. Таков был мой приказ.

— Для которого у тебя, несомненно, имелись самые веские основания.

— Несомненно, о чем вскоре будет объявлено. Ты знаешь тирана Сарроннина?

Сердце Креслина сжимается, но ему удается сохранить внешнее спокойствие.

— Да, мы ведь гостили там прошлой осенью.

Тот визит запомнился ему слишком хорошо. Особенно — происшествие в дворцовом саду.

Маршал улыбается:

— Твое умение обращаться с клинком не осталось незамеченным.

— Я помню.

— В то время многое осталось недосказанным,— продолжает она.— Очевидно, на Риессу это произвело впечатление. Переговоры были довольно сложными, поскольку одновременно рассматривалось и предложение маршала Южного Оплота.

Креслин недоумевает. Всю осень и начало зимы он выслушивал бесконечные сетования на то, что своим поступком лишил себя надежды стать уважаемым консортом где-нибудь за пределами Западного Оплота. Между тем юноша сознавал, что ему следует покинуть эту цитадель зимы, хотя бы ради сохранения рассудка.

Сидящая рядом с ним Ллиз втягивает воздух, словно ловя шепот ветров, возвещающих приближение мистраля.

— Я что-то не пойму. Ты намекаешь...

— Я не намекаю. Я сообщаю, что ты станешь консортом суб-тирана, младшей сестры Риессы. Как ее зовут — мне вот так, с ходу, не вспомнить.

Мальчик-прислужник подходит к Креслину с эмалированным, покрытым синим бархатом подносом, на котором лежит заключенный в золоченую раму женский портрет. Женщина очень красива, несмотря на необычно коротко остриженные рыжие волосы и колючие зеленые глаза. Уголки ее губ изогнуты в циничной усмешке — такую все восемь дней пребывания в Сарроннине он созерцал на лице тирана. Черты лица кажутся смутно знакомыми, хотя Креслин точно знает, что не встречал рыжей женщины с такой короткой стрижкой.

— Понятно.

— Рада, что тебе понятно. Считай, что тебе повезло: сильных и женственных мужчин она предпочитает нежным западным. Прослышав о твоем участии в полевых испытаниях, она была заинтригована, а случай в саду просто привел ее в восторг. Одному лишь Храму ведомо, почему.

Креслин пытается проглотить ком в горле. Маршал встает. Черная кожа облачения подчеркивает бледность гордого лица. По залу кругами расходится тишина.

— У нас есть объявление.

Тишина становится полной.

— Нашему сыну оказана честь, высокая честь. В течение восьми дней ему предстоит покинуть Западный Оплот, дабы стать консортом суб-тирана Сарроннина.

За этими словами следуют полуоборот и жест в сторону Креслина. С вымученной улыбкой на лице он встает.

— Креслин... Крес-лин... Крес-лин!

Рукой, мягко и незаметно отводящей токи воздуха, он приветствует скандирующий зал, дожидаясь, когда крики смолкнут. А потом садится. Ему хочется утереть испарину со лба, но юноша находит это недопустимой слабостью и ограничивается тем, что стискивает зубы.

— Неплохо держишься, братец,— доносится шепот Ллиз.— Особенно с учетом того, что ты с радостью прикончил бы суб-тирана своим клинком.

Маршал подает знак, позволяющий продолжить трапезу, что и делают почти все присутствующие. За исключением горстки одиноких стражей, сидящих за передним столом: те продолжают таращиться на Креслина.

Отпив чаю, он снова наполняет свою чашу. Последний ломоть мяса на его тарелке остался недоеденным, но у юноши больше нет аппетита. Что делать? Как избежать участи племенного жеребца?

Его мать вновь садится.

— Может быть, стоило предупредить меня чуть пораньше? — замечает он.

— Чем скорее ты уедешь, тем лучше... для твоей же безопасности.

— Моей безопасности?

— С момента оглашения ты уже не консорт-правопреемник. А равных тебе по положению едва ли радует тот, кто одновременно и искушен в боевых искусствах, и привлекает взгляды красивейших из стражей Оплота.

Она разражается хриплым, гортанным смехом. Настоящим смехом, какой ему редко доводилось слышать. Смехом, от которого он делается безмолвным.

— К тому же ты сам прекрасно знаешь, что не можешь оставаться здесь, если только не...

Он вздрагивает, догадываясь, что она имеет в виду.

— Я правда не думала, что ты ей понравишься. А знаешь, сестра Риессы красива, хотя, на мой взгляд, слишком нежна... слишком мужеподобна.

Креслин делает еще глоток чая, гадая, встречался ли он с сестрой тирана.

— А она... она и вправду такая, как на портрете? — интересуется Ллиз.

— Даже чуточку помягче,— отвечает Эмрис.— Ей вовсе не лишне иметь сильного консорта. Власть в Сарроннине строго наследственная, а у Риессы уже две дочери. Такой консорт, как Креслин,— Эмрис кивает в его сторону, словно он и не слышит этого разговора,— послужит ей защитой от тех, кто захочет использовать против нее мужскую половину дворца. Так что все к лучшему.

— Завтра тебе нужно будет поговорить с Галеном насчет приданого, того, что ты возьмешь с собой в Сарроннин,— говорит маршал, глядя на сына.— По-моему, все действительно к лучшему.

Она улыбается и уходит, прежде чем он успевает вымолвить хоть слово.

Как только она исчезает за драпировками, Креслин встает, кивает и удаляется. Ноги сами несут его к заднему выходу, к узкой, старой лестнице. Самая старая изо всех внутренних лестниц замка, она имеет полые ступени и примыкает к шероховатой наружной стене. Быстрыми шагами юноша поднимается наверх, выходит на стену и устремляет взгляд на юг.

Хотя над зубчатыми парапетами веют студеные ветра, стена обогревается горячим дымом из дымохода, установленного над огромным очагом в северной части большого зала. Ветер вытягивает дым в струйку и сносит к востоку.

Креслин смотрит вдаль, на почти безупречной белизны снежный ковер, расстелившийся у фундамента южной башни и тянущийся вверх, к мерцающему пику Фрейджи. Единственной вершине, еще освещенной уже ушедшим за Закатные Отроги солнцем. Даже в сумерках снег поблескивает отраженным светом, не потревоженным ничем, кроме мощеной дороги, серой полосой уходящей на восток.

Ему хочется петь. Или кричать. Но он не станет делать ни того, ни другого. Не станет петь, ибо сейчас не время для песен. И не закричит, чтобы ни маршал, ни Эмрис не получили лишнего подтверждения его мужской слабости.

Вместо того Креслин тянется к ветрам, сплетает воздушные потоки и швыряет о стены, пока лицо не покрывается тут же застывающим потом, а стены — твердой, как камень, ледяной коркой. Пока жжение в глазах не лишает его способности видеть иначе, как мысленным взором. Пока ветры не вырываются из-под власти его мыслей на волю.

Тогда — и только тогда — он медленно возвращается к уединению и теплу своей комнаты. Даже не заметив по пути двух караульных воительниц, широко раскрытыми глазами взирающих на консорта суб-тирана, не довольного навязанной ему судьбой.

X

Ноги Креслина несут его по восточной стене к переходу, ведущему в башню, которая, хоть и сложена из того же серого гранита, что и весь замок, именуется Черной. Внутри Черной башни расположены зимние кладовые, где можно найти всякое старье: отслужившее свое, но еще не выброшенное военное снаряжение, промасленную ткань и потертые зимние стеганые одеяла. Придется обойтись этим: амуниция поновее сложена внизу, в арсенале, который охраняется часовыми.

Еще не рассвело. Шаги его столь быстры, что короткие серебристые волосы взлетают при ходьбе. Под серо-зелеными глаза-ми — темные круги, странные на юном лице, свидетельство бессонной ночи. Камень под ногами припорошен снегом, но он ступает уверенно, его сапоги машинально расчищают плиты.

Взор Креслина устремлен на узкое белое пространство между стеной и крутым, в тысячу локтей, обрывом, обозначающим край Крыши Мира. Внизу, за беспорядочным нагромождением льда и скал, начинается густой бор, простирающийся и на север, и на юг, к остроконечным пикам Закатных Отрогов, что являют собой рубеж, разделяющий восток и цивилизованный запад. Ветви лесных исполинов тоже припорошены снегом. Ле-

жащие дальше торговые пути скрыты за лесными массивами и со стен не видны.

Отводя взгляд от горизонта, юноша, в чьих помыслах прошлое занимает больше места, чем настоящее, сворачивает за угол и сталкивается с кем-то в темном проходе.

Не успев отпрянуть, он оказывается в объятиях светловолосой девушки, почти не уступающей ему ни ростом, ни силой.

— Фиера!

— Тс-с-с!..

Ее губы обжигают, но сразу же после поцелуя она отстраняет его натренированным движением стража. Креслин с сожалением расстается с теплом ее объятий.

— Приветствие почтенному консорту.

— Я предпочел бы стать стражем.

— Это известно всем, включая маршала. Но ничего не меняет.

— Фиера...

Их глаза находятся на одном уровне. Взгляды встречаются.

— За сделанное мною сейчас меня могут отправить в Северный Дозор, и не на один год.

— В Северный Дозор? За поцелуй?

— За то, что осмелилась поцеловать сына маршала, за то, что увлекла его.

— Какая разница? Ведь маршалом станет Ллиз, а не я.

Фиера хмурится, но голос ее мягче взора.

— Ох, уж эти мужчины. Представь себе, разница есть. И субтирану это вовсе бы не понравилось, хотя одно любовное свидание почти недоказуемо.

Креслин молчит, попросту не понимая ее слов.

— Доброго дня, мой принц.

Он потянулся к ней, но она уже ушла — девушка в боевом облачении, в шлеме, в теплом подшлемнике и с мечом. Она спешит по внутренней лестнице к находящимся внизу казармам.

Он снова качает головой.

В крытой настенной галерее никого нет, и Креслин нащупывает в поясном кошельке ключ. Фиера об этой встрече никому не расскажет, а ему необходимо забрать со склада все, что возможно, и вернуться к себе до общего подъема.

Ключ входит в замочную скважину. Старое снаряжение лучше, чем никакого.

XI

— Видишь? Вот так,— наставница бойцов прилаживает меч Креслина на парадный пояс.— Конечно, то, что ты усвоил некоторые основы, не так уж плохо, но маршал предпочла бы

остановить твое обучение на этом. Все, что тебе нужно, это умение как-то защищаться.

— Защищаться? И только?

— Я вообще не люблю вооруженных мужчин. Предание живуче, милостивый господин. Но отказать тебе в праве уметь позаботиться о себе я не могла, да и маршал тоже. Тем паче что рано или поздно ты должен был нас покинуть.

Наставница морщится, словно проглотив кислую сливу.

До Креслина доходили слухи о властительницах запада, содержащих целые толпы наложников. В Сарроннинском дворце он даже видел так называемую «мужскую половину», но никогда не задумывался о возможности оказаться в подобном положении самому.

— Возможно, мне следовало больше практиковаться не на мечах, а на кинжалах?

Воительница молчит.

— А смогу ли я выстоять против тех, кто с востока?

— О, те сочтут тебя хорошим бойцом, даже более того. В магии они искушены, а в честном бою — не очень. Случись тебе встретиться с ними, используй клинок из холодной стали. Он вдвое крепче их мечей.

Креслин лишь кивает, пребывая в убеждении, что никто на востоке не носит холодную сталь, ибо она структурирует хаос. Пожалуй, ему хотелось бы побывать в Фэрхэвене, но он понимает, что от Белого Города его отделяют несчетные кай пути по зимней стуже. Не говоря уж о стражах матери и тиране Сарроннина, чья сестра берет его консортом помимо его собственной воли. Он вспоминает ее портрет: рыжеволосая женщина несомненно красива, но так же несомненно старше его лет на пять.

— Говорят, будто на востоке мужчины...

— Варвары! — отпрянув, восклицает наставница. Бесстрастность в ее голосе уступает место язвительному отвращению.— Они сколачивают патриархальную империю, основанную на колдовстве. Хотят воссоздать Предание, причем в худшем виде. Весь западный континент превратится в подобие Отшельничьего острова!

Креслин уже слышал нечто подобное и от матери, и в той или иной форме от других правителей запада.

— Ладно,— наставница снова окидывает его пристальным взглядом.— Сойдет, хотя с мечом ты выглядишь слишком женственно. Хорошо еще, что не в доспехах.

Креслин вежливо кивает. Доспехи спрятаны в вещевом мешке. В том, который он взял вместо уложенного Галеном.

— Ты все так же ездишь верхом не по-мужски, а как воин,— продолжает она,— но, кажется, это и заинтриговало тирана.

На нормальных, нежных мужчин она не обращает внимания. Это ей пришло в голову взять тебя в консорты сестре. Очевидно, такой, как ты, ей и потребовался...

— Для чего? — Креслин встрепенулся. Такие слухи до него еще не доходили.

Но рот наставницы закрывается, как врата замка перед бурей.

— Все, Креслин, встретимся внизу. Милостивая госпожа увидится с тобой после того, как ты уложишь меч и парадный наряд.

Сейчас Креслин вовсе не рвется встречаться с матерью или Ллиз. Но мать — регент Западных Пределов и правитель Западного Оплота, господствующего над всеми горами, видными с высоких башен замка, и над множеством тех, которые не видны. Так что решать не ему. Во всяком случае, он не станет прощаться с ней в этих дурацких церемониальных шелках, которые только что примерял. Их место во вьюке, куда уже уложены все его пожитки, включая гитару. А меч стража станется при нем: мать не откажет ему в праве держать при себе прочный клинок для самозащиты. Хочется верить, что не откажет.

Наставница бойцов еще не вышла из его комнаты, а он уже начинает переодеваться — игнорируя взгляд Хелдры, снимает зеленую хлопковую сорочку и подобранные ей в тон брюки из тонко выделанной кожи, бросает их на шитое серебром покрывало и меняет на плотное кожаное облачение стража. Случайно подняв глаза, он натыкается на взор Хелдры, и та резко отворачивается.

Креслин качает головой. Даже Хелдра... Наверное, и Фиера была права, говоря о матери...

Он отгоняет несвоевременные мысли и натягивает толстые кожаные штаны с куда большей яростью, чем того требует дело.

Осталось только сложить церемониальный наряд. Пока Креслин будет прощаться с матерью, Гален уложит платье во вьюк.

Все еще качая головой, он выходит из комнаты и, не закрывая за собой дверь, направляется в другое крыло замка. Путь его пролегает мимо спальни Ллиз, но сестры там нет. В снегах Крыши Мира, в ходе суровых испытаний, ей предстоит еще раз подтвердить свою пригодность к правлению и право стать со временем маршалом. Как подтверждает она это каждый год, без исключений. Такова ее доля.

А на его долю остались лишь дворцовые интриги да угождение суб-тирану. Он раздраженно хмыкает и тут же тяжело вздыхает, сознавая, как мало знает о реальной жизни за стенами Оплота и пределами Крыши Мира.

Креслин стучится, и прежде, чем его стук смолкает, стоящая на часах седовласая мускулистая воительница отворяет дверь. Смерив неодобрительным взглядом клинок стража на его бедре, она пропускает юношу к маршалу.

Мать встречает его стоя.

— Креслин, ты и в дорожной коже выглядишь недурно, если не считать прически. Рано или поздно тебе придется отрастить волосы.

— Все может быть,— отвечает он, полагая, что все и вправду может измениться. Только неизвестно, как.

Мать смеется. В собственных покоях, где нет никого, кроме двух стражниц у дверей да еще нескольких в прихожей, она держится более свободно, чем на людях.

— Похоже, судьба все равно заставит тебя сражаться.

Креслин угрюмо усмехается:

— Мое представление о собственной судьбе слишком туманно, чтобы судить об этом.

Маршал касается его плеча, но тут же убирает руку.

— Сын, в Сарроннине у тебя все сложится хорошо, если ты усвоишь одну простую истину: коль скоро твоя судьба такова, можно и бежать, и сражаться; но бежать от судьбы или сражаться с ней бессмысленно.

— В этом какая-то обреченность.

Она качает головой:

— Ну, тебе пора. Идем?

Через зал они направляются к лестнице и спускаются к парадным воротам замка, где уже дожидается почетная стража.

Креслин сглатывает. Почетная стража, и это помимо вооруженного эскорта!

Он делает шаг к оседланному боевому пони. Поперек седла лежат его парка, теплая шапка и рукавицы. Гален не упустил ни одной мелочи. Настоящий мужчина, хозяйственный и заботливый.

— Доброго пути.

Склонив голову перед матерью, Креслин надевает парку, шапку, рукавицы и вскакивает в седло. Маршал, как всегда затянутая в черную кожу, стоит на вершине лестницы. Ветер ерошит ее короткие, тронутые сединой черные волосы.

Юноша поднимает руку в прощальном приветствии и трогает поводья.

Лишь дробный цокот копыт нарушает тишину, когда кавалькада выезжает из ворот замка на мощенную камнем дорогу, что ведет за пределы Крыши Мира, к землям, лежащим внизу.

XII

— Ну и что ты собираешься делать теперь? В чем в чем, а уж в союзе между Западным Оплотом и Сарроннином мы никак не заинтересованы. Достаточно и того, что эти Черные слабаки снова талдычат о нарушении нами Равновесия. А власть и влияние Риессы на южных торговых путях в сочетании с силой стражей этой сумасшедшей суки Дайлисс...

— По-моему, ты так ничего и не понял.

— Да что тут понимать? Риессе необходим какой-то способ, позволяющий держать эту... эту... мразь, ее сестрицу, под контролем — для чего и придуман союз Креслина с Мегерой. Для нас желательно не допустить соединения этой парочки, а тебе требуется еще и средство воздействия на Монтгрен. Тут все ясно. Но каким образом сей безумный план может способствовать достижению каких-либо целей, не говоря, разумеется, об интересах Оплота и Сарроннина или твоих чувствах относительно...

Грузный, облаченный в белое мужчина настроен витийствовать и дальше, но собеседник прерывает его:

— Довольно. Должен сказать, твои рассуждения интересны. Как я понимаю, ты находишь сестру Риессы омерзительной оттого, что будучи рожденной для власти, она избрала путь Белых. Хотя для самого тебя этот путь единственно приемлем. Или все дело в Предании и в том, что она уроженка запада?

— Предание представляет собой сложную спираль освобождения от иррациональности...

— У кого возник замысел этой помолвки? — худощавый мужчина постарше вновь прерывает изысканные рассуждения собеседника.

— У тебя.

— А что случится, если мальчишка так никогда и не доберется до Сарроннина?

— Его будут сопровождать стражи Оплота. Какой дурак сунется под их клинки?

— Да не о клинках речь, а о самом мальчишке. А вдруг эта помолвка ничуть его не обрадует, а? Вдруг он не захочет, чтобы другие распоряжались его судьбой, и попросту сбежит?

— Как же, от стражей сбежишь! Они его мигом сцапают.

— А вдруг он все-таки скроется? Или погибнет? Или — предположим! — ему попытаются помочь Черные?

— По-твоему, на это можно рассчитывать?

Худощавый пожимает плечами:

— Семена брошены, и почва подготовлена хорошо. В конце концов, музыку Верлинна никогда и ничто не сковывало. Это

было скверно: никто не мог петь так, как он. А он, я уверен, был Черным, хотя ему хватало ума ни о чем подобном не объявлять.

— Все это не более чем теоретические рассуждения.

— Это сугубо практический план, ибо залог нашего успеха — в провале задуманного альянса. Когда помолвка окажется расторгнутой, тирану придется уничтожить эту, как ты говоришь, «мразь». Или же признать путь Белых, и тогда они с Дайлисс вцепятся друг дружке в глотки,— он тихонько смеется.— Герцог уже вывел с Отшельничьего часть гарнизона. Теперь, независимо от того, что именно произойдет сейчас, никто из них не останется в выигрыше.

— И все же я предпочел бы более радикальный образ действий.

— Хаос против холодной стали? Да будь же разумен!

XIII

Теперь Креслин сожалел о том, что в свое время не слишком хорошо запомнил дорогу на Сарроннин. Однако, насколько он ее себе представляет, есть два-три участка, где можно рассчитывать на успех. При том условии, если ему удастся незаметно добраться до вещевого мешка и лыж.

Как и подобает консорту, он держится в середине кавалькады, позади шести стражей, едущих следом за опередившим их почти на кай передовым разъездом, и впереди арьергарда. Процессию не сопровождают ни сани, ни повозки: стражи Западного Оплота передвигаются либо верхом на пони, либо на лыжах.

Зная, что по меркам стражей он может считаться разве что средним наездником, Креслин не возлагает надежд на пони. Шанс осуществить задуманное могут предоставить ему только лыжи, да и то с помощью призванных на помощь ветров. И при непременной удаче.

Хелдра подъезжает к нему, и он поджимает губы.

— Ты едешь слишком медленно, лорд Креслин.

«Лордом» она называет его впервые в жизни, и Креслин невольно задумывается: что бы это могло значить?

— Я неважный ездок. И, признаться, надеялся проделать этот путь на лыжах.

— Не все наши надежды сбываются. Даже ветрам случается меняться, несмотря на всю их мощь.

Креслин предпочитает промолчать, будто бы не понимая намека на то обстоятельство, что близ него ветры порой ведут себя странно. Несмотря на всю его осторожность, слухи вокруг Креслина так и вьются, а его необдуманное поведение в вечер объявления о помолвке их отнюдь не поубавило.

Но так или иначе у него остаются два маленьких преимущества: самообладание и выработанное долгими упражнениями умение спускаться на лыжах с самых крутых склонов. Способность видеть в темноте тоже может пригодиться, но лишь позже. По его прикидкам, до первой пригодной для побега точки они доберутся во второй половине дня.

Он больше не обращает внимания на Хелдру, и через некоторое время та направляет пони вперед и присоединяется к авангарду. Креслин, покачиваясь в седле, мысленно представляет себе участок дороги — открытый постоянным ветрам, путь пролегает прямо по гребню. Не стихающие ни долгой зимой, ни очень коротким летом, лютые ветры сдувают снежную массу на север, где та спрессовывается в ледяную корку, всегда припорошенную сверху коварным, легко оползающим слоем рыхлого, еще не уплотнившегося снега. Этот снег покрывает склоны на протяжении не одного кай, до темнеющего внизу леса. Отвесным обрывом этот склон, конечно, не назовешь. Закатные Отроги вообще не отличаются крутизной. Но одолеть спуск на лыжах никто и никогда не пытался. Ехать на север, где только глушь и ветра, незачем, а просто так стражи ничего не делают.

— Похоже, тебя вовсе не радует возможность стать консортом сестры самой могущественной правительницы на всем западе,— Хелдра снова подъезжает к нему, и ее голос перекрывает свист ветра.

— А должна радовать?

— Можно подумать, будто у маршала имелся выбор. Не меньше дюжины стражей пытались завоевать твое расположение,— она слегка улыбается,— и рано или поздно одна из них добилась бы своего. А вдруг бы у вас появился ребенок? А вдруг бы что-нибудь случилось с Ллиз? Как посмотрели бы на все это на востоке? Что, по-твоему, должна предпринять маршал в таких обстоятельствах?

Логика ее рассуждений ускользает от Креслина, ибо он думает о другом. О том, относится ли к числу помянутых стражей Фиера. И о том, насколько вообще возможно для стража завести ребенка от такого, как он, еще не утратившего невинность юноши.

— Все это лишь предлог,— произносит Креслин вслух.— Никто и ничто не может угрожать маршалу.

— Разве в этом дело? — сухо отзывается Хелдра.

Он понимает, что ее речи не лишены резона, но не произносит больше ни слова, и через некоторое время воительница снова скачет вперед.

Под тускло-серыми зимними облаками они приближаются к длинному спуску с плато — с Крыши Мира. Этот спуск

начинается сразу за гребнем, соединяющим нагорье с образующими барьер пиками. В каньонах между плато и горами — восточной частью Закатных Отрогов — свирепствуют ветра. По мере приближения к кряжу ветер крепчает и над дорогой.

Креслин слегка замедляет шаг верхового пони. Он хочет оказаться как можно ближе к семенящим сзади вьючным животным — к вьюкам на всякий случай приторочены лыжи. Одновременно он тянется к ветрам и, уловив струйку воздуха, пропускает ее сквозь свои волосы, чтобы удостовериться в полноте контроля.

Теперь ему остается ехать и ждать. Ехать, ждать и надеться.

Они выезжают на кряж, соединяющий владения регентов Западного Оплота с нижними землями, где жизнь не столь сурова, и консорт начинает стягивать к себе воздушные потоки. Его цель — поднять с северной стороны кряжа такой буран, чтобы даже зоркая Хелдра не видела дальше своего носа. За завесой поднявшегося снегопада он осторожно отстегивает и забрасывает за спину притороченный к седлу вещевой мешок. Его пони лишь ненамного опережает ближайшее вьючное животное, так что, откинувшись назад, Креслин дотягивается до лыж. Однако оказывается, что они прочно закреплены и высвободить их не так-то просто. Поняв это, Креслин соскакивает с седла, хлопает ладонью своего пони по крупу и, не замедляя шага, чтобы не отстать от вьючной лошадки, рассекает ножом один из ремней, крепящих лыжи ко вьюку. Тем временем его собственный верховой пони останавливается. Это может привлечь излишнее внимание. Поэтому Креслину приходится продеть сжимающую нож руку в петлю уздечки и вести животное под узцы. Теперь оба пони вышагивают рядом, и есть надежда, что из-за сильного снега никто не заметит ничего подозрительного. Во всяком случае, некоторое время.

Когда первая лыжа повисает, Креслин оставляет ее болтаться, высвобождает вторую и выдергивает обе сразу, при этом едва не поскользнувшись на подвернувшемся под ногу обледенелом камне. Ему удается не только не потерять равновесие и идти вровень со вьючным пони, но и поддерживать снежную вьюгу.

— Где консорт? — доносится крик Хелдры.

Креслин отпускает поводья верхового пони, зная, что предоставленное самому себе животное остановится. Едущие сзади стражи неминуемо наткнутся на него и обнаружат пустое седло. Соскользнув к правой обочине, юноша взбирается на низкий каменный поребрик дороги и начинает затягивать на сапогах ременные крепления лыж, одновременно закручивая вокруг себя белый вихрь.

— Он упал с пони!

— Немедленно найти!

— Так ведь буран! Ничего не видно!

— Проклятие! Куда он запропастился?!

Надежно закрепив обе лыжи, Креслин вытаскивает из-за пояса теплые рукавицы, прячет в них почти окоченевшие пальцы и, соскочив с поребрика, рывком устремляется вперед. Быстрое скольжение должно не дать ему провалиться в глубокий снег.

— Капитан! На дороге его нет! И лыжи пропали!

Снежная пудра липнет к коленям, однако концы лыж Креслина остаются направленными вверх, и инерция толчка удерживает его поверх белого покрывала. Студеный ветер обжигает лицо и пронизывает насквозь даже толстую парку.

Он движется наискосок, под углом к склону. Рвануть прямо вниз было бы самоубийством даже для него.

В ушах свистит ветер.

Креслин мчится, надеясь, что сумеет не потерять равновесия — во всяком случае, до тех пор, пока не окажется недосягаемым для стражей. В их распоряжении всего несколько пар лыж, так что он может рассчитывать на успех. А снежная пустыня ему не в новинку, и шансов на удачу здесь у него побольше, чем при живущем кознями и интригами западном дворе.

Под ногами скрипит снег.

Впереди, за снежной завесой, появляется темная громада скалы, и он делает вынужденный поворот, самый резкий, на какой только смеет решиться.

Чувствуя, как вибрируют под подошвами лыжи, как врезаются в толстую кожу сапог крепления, Креслин ухитряется сохранить равновесие при этом безумном вираже. Теперь он ныряет вниз, в узкую, наполненную снегом котловину.

За ним тянется лыжня, след, проложенный по покрывающему лед и камень рыхлому снегу, но, впрочем, Креслин этого не видит. Оборачиваться некогда, все внимание сосредоточено на расстилающемся впереди гладком, нетронутом, как он сам, бе-лом ковре. Юноша знает, что эта ровная поверхность может скрывать ямы и выступы, которых он предпочел бы избежать.

«Вечно я пытаюсь чего-то избежать»,— с мрачной иронией говорит он себе. Холодный ветер хлещет по водонепроницаемой кожаной амуниции и обжигает незащищенное лицо.

Сильный толчок. Лыжник налетел на камень.

Инерция подбрасывает Креслина в воздух, но на лету он успевает подобрать короткие лыжи как можно ближе к телу и сгруппироваться.

И падает, кубарем катится по склону, а потом еще и съезжает вниз на заду.

Когда Креслину наконец удается остановиться, этот самый зад буквально горит. Одну лыжу зажало, и юноша едва не вывернул лодыжку. Он лежит на склоне ничком, головой вниз. В снегу не только лицо, но и спина: парка и шерстяная рубаха при падении задрались.

Креслин подтягивает ноги — к счастью, лыжи остались целы,— стирает снег с лица и осматривается. Он скатился по склону на добрый кай, а задержал его холмик, где сквозь снег пробиваются несколько тоненьких веточек бузины.

Лицо покрыто застывшим потом, из-под теплого капюшона на гладкий лоб выбилась единственная прядка серебристых волос.

Он находит себя недостаточно закаленным для подобных приключений.

А менее чем в ста локтях ниже по склону начинается вечнозеленый лес.

Со вздохом облегчения Креслин убеждается в том, что вещевой мешок и короткий меч в заплечных ножнах никуда не делись. Не без труда он распрямляется, отряхивая снег. Липкий. И не такой сухой, как там, где он начинал свой безумный спуск.

Лодыжка болит, но на ощупь она не повреждена. В конце концов Креслину удается снова встать на лыжи и осторожно двинуться к лесу. Что-что, а необходимость насколько возможно оторваться от стражей, которые, несомненно, сейчас ревностно разыскивают его, юноша понимает прекрасно.

Его лыжи взметают снежную пыль, воздух позади него уплотняется и как бы густеет, а он нажимает изо всех сил, пока, вконец запыхавшись, не углубляется примерно на кай под сень леса.

Там он сосредоточивается на загустевшем воздухе и поднимает вихрь, начисто заметающий следы лыж и возвращающий склону нетронутую белизну, словно консорт и не совершал здесь своего головокружительного спуска. При этом его дыхание становится еще тяжелее, ибо заметать следы ветром физически труднее, чем спускаться самому.

Креслин приваливается к мощному еловому стволу и старается выровнять дыхание, памятуя о том, что слишком глубоко вдыхать морозный воздух — вредно и даже опасно. Задерживаться надолго нельзя, и вскоре беглец возобновляет путь. Теперь он идет из последних сил. Сгущаются сумерки, начинают болеть ноги. Оттого, что Креслин старается дышать носом и держит рот закрытым, начинает ныть челюсть, но Креслин идет и идет.

Наконец возле еще одного заснеженного поросшего бузиной холмика юноша останавливается и, открепив одну лыжу, углубляет ею ложбину под замерзшими ветвями. Укрытие не ахти какое, но все же укрытие, и если натянуть поверх парки стеганое одеяло, будет достаточно тепло. Разумеется, не чтобы согреться, а чтобы выжить.

Устилая откопанную нору лапником, он краем глаза примечает какую-то тень и едва удерживается от прыжка. Но удерживается и медленно оглядывается по сторонам, озирая ели, за которыми может кто-то скрываться. От его берлоги до ближайших деревьев локтей десять, но лес здесь довольно редкий и кончики опушенных голубоватой хвоей ветвей разделяет пространство в пару локтей. Покрытое чистым, без всяких следов, снегом. Позади, за елями, ветер еще вздымает снежную пыль, окончательно хороня проложенную Креслином лыжню.

Юноша неподвижно всматривается в сумрак и прислушивается к стонущему в ветвях ветру, готовый в любое мгновение выхватить меч. Но ничего не происходит.

Он опускает вещевой мешок в ложбину и ложится сам, прижимая к себе клинок.

С ближайшей ветки доносится птичий клекот, но Креслин не обращает на птицу внимания. Чтобы согреть ноги, он шевелит пальцами: к счастью, сапоги его остались сухими.

«Клик...»

Звук такой, будто с дерева упала на наст шишка. И тут же, словно ниоткуда, снова возникает тень.

Креслин замирает. На нетронутом снегу стоит, не оставляя следа и глядя прямо на него, женщина в тонких брюках и блузе с высоким воротом и длинными рукавами. Ее глаза горят.

Креслин встречает ее взгляд, но она молчит и не двигается. А потом исчезает, словно и не появлялась. Юноша ежится: он уверен в том, что никогда в жизни не видел эту особу. Но так же твердо уверен и в том, что она выслеживает — и не кого-нибудь, а именно его.

Ему не холодно, но он поплотнее кутается в парку. Встать придется до рассвета, а для того, чтобы оказаться вне досягаемости регента Западного Оплота и маршала Крыши Мира, потребуется преодолеть не одну сотню кай.

Но это потом. Сначала он оторвется от погони. Если ему удастся хотя бы это. Стиснув зубы, он в последний раз всматривается в пространство между елями и укладывается в свою ложбину, полностью укрывающую его от ветра.

Птичий клекот.

«Клик...»

XIV

Еще до рассвета Креслин просыпается: тело его затекло. Он рад тому, что теней — ни мужских, ни женских, ни каких-либо еще — больше не появлялось.

Стужа стоит такая, что выдыхаемый пар мигом замерзает и ледовой пылью оседает на рукавах парки. Несостоявшийся косорт шевелит пальцами ног, дабы удостовериться, что не отморозил их, а затем садится и извлекает из вещевого мешка пакет с походными припасами. Он начинает с ломтика сухого блока; во рту пересохло, и жевать трудно.

Затем Креслин смачивает губы струйкой воды из фляги. Когда вода кончится, он набьет флягу снегом и таким образом возобновит запас. Оставшиеся сушеные фрукты и сыр юноша снова укладывает в мешок.

Если не считать тихого поскрипывания ветвей и едва слышного шелеста снежной пыли под дыханием ветерка, среди высоких елей царит полная тишина.

Пора уходить, но прежде необходимо справить нужду, несмотря на холод, и замаскировать лежбище. Ночные ветры замели его след — этого пока достаточно. Теперь для маленького отряда стражи искать пропавшего консорта — занятие безнадежное. Но скоро будут высланы новые поисковые группы. С этой мыслью Креслин засыпает снегом ложбину и заметает отпечатки ног близ нее. Остальное доделают ветер и снегопад.

В размеренном темпе, размашистым скользящим шагом, юноша движется на северо-восток, по направлению к барьерным пикам Закатных Отрогов. Ландшафт неровный, холмы чередуются с низинами, но к тому времени, как над серыми облаками поднялось солнце, ему удается отмахать по лесу добрых три кай.

Шепот ветра в ветвях, шорох сдуваемого с них снега да скрип лыж — вот и все сопровождающие его звуки.

Здесь нет ни троп, ни даже лыжни, но именно по этой причине Креслин и двинулся на северо-восток. Искать его в безлюдной глуши стражам будет гораздо труднее.

Походных припасов хватит на восемь дней. Что же до воды, то на зимних учениях его научили отогревать снег во фляге теплом своего тела и пить талую воду. Научили прежде, чем мать сочла его участие в таких испытаниях неподобающим.

Подъемы чередуются со спусками, пока не приходит время короткого отдыха. И снова в путь.

Студеный северный ветер усиливается. Под кронами исполинских елей — таких, что Креслину не обхватить и самого тонкого из стволов — снег лежит неровно, и даже днем царит сумрак.

Юноша старается строго выдерживать направление. Всякий раз, когда меж деревьев открываются просветы, достаточно широкие, чтобы видеть барьерный кряж, он корректирует движение, ориентируясь на дальний пирамидальный пик.

Подъемы чередуются со спусками.

Скрипит снег.

Снежная пыль забивается под парку, пробирая разгоряченного лыжника бодрящим холодом. Но беда не в этом, а в том, что он проваливается в рыхлый снег сначала по пояс, а потом, в тщетной попытке выбраться, и по грудь. Надежду на избавление сулит ближайшая еловая ветвь, но когда он, ухватившись за нее, пытается подтянуться, ветка обламывается. Снегу под парку забивается еще больше, и это уже не бодрит.

Становится ясно, что торопливостью можно только испортить дело. Креслин начинает действовать медленно и осторожно. К счастью, способам освобождения из снежных ловушек его тоже обучили. Смещая концы лыж из стороны в сторону — после каждого движения следуют пауза и глубокий вздох,— он нащупывает наконец твердую промерзшую почву. И снова отдыхает, после чего дотягивается до тонкого ствола молоденькой елочки. Гибкое деревцо гнется, пружинит, но не ломается, так что в конце концов ему удается выпростать сапоги и лыжи.

Запыхавшийся, взмокший Креслин растягивается на снегу, не обращая внимания на стылый, пробирающий до мозга костей ветер. Отдышавшись, он делает глоток из фляги, которую вновь наполняет снегом и прячет в специальный брючный карман, после чего говорит сам себе:

— Вперед, Креслин. Шевелись, болван безмозглый!

И он идет вперед. Идет и идет. Вот миновал полдень, близко сумерки. Передышки приходится делать все чаще. И все чаще при спуске с пологих склонов он падает. Болят усталые ноги.

Между тем кряж зримо не приближается, а ветер ощутимо усиливается, бросая в лицо юноши все больше и больше морозной пыли.

Спуск, подъем, спуск...

Скрипит снег.

— Довольно... довольно!

Упав в очередной раз, Креслин садится на снегу. Сегодня ему уже на лыжи не встать, поэтому он развязывает ременные крепления.

Локтях в двадцати ниже по склону он замечает упавший древесный ствол. То, что надо!

Добравшись до дерева, Креслин складывает из заиндевелого лапника маленький костерок и с помощью кресала разводит огонь, а потом, согревшись, откапывает очередное лежбище.

Эту ложбинку он устилает хвойными ветвями куда гуще, чем предыдущую, и надеется, что в ней будет теплее. От усталости слипаются веки, однако юноша заставляет себя поесть, попить и нарезать еще лапника для костра. Темнеет. Снег валит крупными хлопьями, под которыми не уцелеет никакой след.

Но Креслин уже не в первый раз задумывается: а уцелеет ли он сам?..

XV

— Ни дорожные посты, ни наши источники в Западном Оплоте не сообщают ничего нового. Маршал пока отказывается объявлять траур, но в ее отсутствие добрая половина стражей носит на рукавах черное.

— Создается впечатление, что он исчез бесследно. Но как она могла допустить такое? Даже не понимая, что он собой представляет! — в словах Фревии звучит искреннее недоумение.

— А ты уверена? — спрашивает Риесса.

— Что ты имеешь в виду?

— Власть в Западном Оплоте всегда переходила от матери к дочери, но это не значит, что маршал не любит своего сына. И так ли уж она слепа насчет того, что он собой представляет...— тиран хмурится.— Ходят слухи, будто и у самой Дайлисс имеется дар.

— Если так, то это ужасно!

— Почему? Она все равно не может его использовать. Да и не в этом дело, хотя как раз это могло бы кое-что объяснить...

— Почему она позволила ему учиться ходить в пургу на лыжах?

— Фревия, юноше было разрешено проходить обучение вместе со стражами, во всяком случае, пока я не заинтересовалась ходом его воспитания. Лыжи входят в боевую подготовку, и он обгонял на них большую часть своих соучениц. Наши лазутчики сообщают, что, получив лишь начальные навыки, он совершенствовался дальше самостоятельно. И весьма успешно. Обучали его и обращаться с клинком: в пределах необходимости для защиты своей чести. Так, по крайней мере, утверждалось. Но здесь, в саду, он показал всем, что усвоил это искусство куда в большей степени. Мало того, после возвращения маршал позволила ему обучаться у наставницы бойцов. Впрочем, как раз этому можно найти логическое объяснение: после случившегося боевые навыки и впрямь могли ему пригодиться. А еще его обучили традиционным искусствам исчисления, риторике и языку древнего храма — тиран улыбается, но даже хмурясь, редкая женщина выглядит столь холодно.— И — во

всяком случае, так мне говорила Мегера — он в некоторой степени владеет искусством повелевать ветрами.

— Но все уверяли, что он не достиг даже уровня стража. Ты и сама так говорила.

Женщина постарше пожимает плечами:

— Может быть, и не достиг. Многие ли мужчины, даже с востока, дотягивают до этого уровня? Но,— тут ее взор делается ледяным,— учитывая, чей он сын, я подозреваю, что это отнюдь не так. Юноша превзошел большинство стражей, о чем Дайлисс, понятное дело, предпочла умолчать.

— Ты хочешь сказать, она обучила его всему необходимому для самостоятельного выживания?

— Не совсем так. Для этого прежде всего необходимо стремление к самостоятельности, а такому не научишь. К тому же он плохо представляет себе мир людей: чужой опыт позаимствовать нельзя. Она поняла больше, чем следовало, но все равно не делала для него поблажек. Как и ни для кого другого. Но,— добавила Риесса, помолчав,— наш черед настанет.

— Надо заставить ее найти его!

— Как? — сухо интересуется тиран.— Как можем мы принудить маршала к чему бы то ни было? Уж всяко не силой нашего оружия.

— А что, если он погибнет в горах? Или переберется через Закатные Отроги? А то и через Рассветные?

— Ну, полагаю, пока он не погиб. В конце концов, Мегера еще жива. У меня есть сильное искушение отвести ее к Блийанс и сбить браслеты. Она должна найти его. Фурии это умеют, ты ведь знаешь. Что же до востока... Если он сумеет забраться так далеко, а Мегера найдет его вовремя, им на востоке найдется, о чем жалеть.

— Ты не собираешься использовать волшебников?

— С какой стати? Давай посмотрим, что у него получится. Особенно когда по его следу пустится Мегера.

— А стражи...

Женщина, сидящая в высоком кресле, пожимает плечами:

— Спроси их сама или найди его, если сможешь. А если нет...

— Это опасная игра.

— А разве у нас есть выбор? С каждым годом маги подводят свою дорогу все ближе к нам.

Женщина, холодное пламя в зеленых глазах которой перекликается с таким же морозным свечением ее светлых волос, провожает уходящую советницу взглядом. А в другой комнате другая женщина — рыжеволосая — не отрывает взгляда от зеркала. Ничего не отражающего и подернутого серой рябью.

Лишь на короткий миг ей удается уловить образ — образ погребенного в снегу человека,— но боль становится слишком сильной.

Всякий раз, когда она тянется вовне, браслеты раскаляются до красноты. Женщина кусает губы, но жар сильнее, чем она может выдержать. Однако когда взор рыжеволосой падает на окованную металлом дверь, пламя в ее очах разгорается жарче того огня, что калит железо на запястьях.

XVI

Углядев на склоне холма прогалину, Креслин старается поднажать, хотя это и нелегко. По мере его продвижения на восток — а он пытался не отклоняться от избранного направления,— пробиваться сквозь влажный и тяжелый снег становится все труднее.

И это не единственная трудность. Здесь, внизу — это особенно ощущается в последние два дня,— заметно теплее, чем на Крыше Мира, а укладываться спать в тающий снег, от которого намокает даже походная кожаная одежда, не слишком-то приятно. Вдобавок лес кажется почти вымершим: за все время пути Креслину не встретилось никаких живых существ, кроме нескольких оленей, снежных зайцев да редких птиц. Что уж говорить о путниках: людским следом в лесу и не пахнет. Когда Креслин смотрит сквозь деревья на восточные пики, они кажутся ему всего лишь еще одной отдаленной грядой холмов.

Побег с Крыши Мира состоялся восемь дней назад, и за это время скудный походный паек почти подошел к концу, а одежда стала болтаться мешком.

— Ничего,— говорит себе юноша,— зато теперь даже Хелдра не сказала бы, что у меня лишний вес.

Иногда он разговаривает сам с собой. Это помогает по крайней мере на время.

Лес постепенно становится другим. Исполинские ели и пихты мельчают, и среди них начинают попадаться дубы, сбросившие на зиму листву, и другие деревья, ему не знакомые.

Чуть не налетев лыжами на прикрытую тяжелым снегом ветку, Креслин шатается, однако удерживает равновесие. Он прислушивается, но не слышит ничего, кроме шепота ветра. Он всматривается в просветы между деревьями, но не видит впереди ничего, кроме того же бесконечного леса. Креслин утирает лоб. Его парка давно снята и приторочена к вещевому мешку, но бежать на лыжах, даже в тени деревьев, довольно жарко.

И тем не менее он выбирается на прогалину, под прямые солнечные лучи. Вниз по склону тянется линия обугленных ство-

лов и пней: становится ясно, что прогалина — напоминание о давнем лесном пожаре. Щурясь от непривычно яркого солнца, юноша смотрит на северо-восток. Обгорелые деревья не мешают обзору, и он различает проходящую по следующему холму и удаляющуюся к барьерному кряжу узкую бурую ленту.

В молчаливом изумлении Креслин качает головой: каким-то образом, можно сказать, каким-то чудом он ухитрился выйти к торговому пути на Галлос. По крайней мере, ему так кажется. Сняв тяжелую рукавицу, он достает флягу с талой водой, отпивает и, опустившись на колени, наполняет емкость чистым снегом.

Выпрямившись, Креслин проводит пальцем по подборо ку — по серебристой, как он может лишь подозревать, не имея зеркала, колючей щетине,— вздыхает и снова натягивает рукавицы.

К вечеру он всяко выберется на дорогу. Но это не сулит облегчения. Маршал наверняка вышлет туда стражей, наказав искать юношу с серебряными волосами.

Оглянувшись на далекие, нависающие над Крышей Мира, облака, Креслин трогается с места и начинает скользящий спуск в низину. Чтобы потом подняться к опасной, но манящей дороге.

Меняя положение корпуса и центр тяжести, он все время вглядывается вперед, стараясь не проглядеть возможные препятствия. Иногда их приходится огибать, что непросто: липкий, влажный снег не очень хорош для лыжных маневров. Но так или иначе каждое мгновение отдаляет его и от Западного Оплота, и от суб-тирана Сарроннина. Скольжение, повороты, падение, после которого на кожаной одежде осталось влажное пятно, снова скольжение, тяжелый снег, густой подлесок...

Наконец спуск заканчивается.

К тому времени он вконец запыхался. Лыжи стали тяжелыми от налипшего снега, смешанного с хвоей и прочим мусором. Креслин останавливается и вытирает лоб тыльной стороной рукавицы. Его шерстяная рубашка насквозь промокла, причем не от снега, а от пота. Под деревьями царит полное безветрие, отчего день кажется еще более теплым.

Лощина переходит в новый подъем: дорога, как он понимает, должна находиться где-то выше по склону. Со вздохом юноша начинает подъем. Здесь деревья отстоят одно от другого дальше, зато в промежутках между ними из-под наста торчат заиндевелые кусты.

Креслин замедляет ход, останавливается и снимает лыжи. Потопав освободившимися от тугих ременных креплений ногами, юноша бодро шагает вверх: снегу ему меньше чем по щиколотку, хотя пару раз он проваливается сквозь наст почти

по колено. Лыжи Креслин несет с собой. Он не решается расстаться с ними, покуда не вышел на дорогу.

Следующую остановку он делает у края проплешины, за которой, без малого в двух дюжинах локтей, тянется та самая дорога, замеченная им еще с оставшегося позади холма. Положив лыжи на снег, Креслин погружается в раздумья. Однако вскоре начинает действовать.

Прежде всего он снимает с лыж ременные крепления, скатывает их и прячет в вещевой мешок. Сами лыжи — чтобы они его не выдали — зарывает в снег и забрасывает сверху буреломом. Меч в ножнах остается за спиной, притороченным к вещевому мешку.

Все еще не решаясь ступить вперед, он стоит менее чем в десяти локтях от дороги, почти по колено в снегу, который давно бы растаял, если бы не тень от сосен.

«Фьюррвит... Фюррвит...» — звучит трель неизвестной ему птицы. Он не больно-то смыслит в птицах: на Крыше Мира они редки. Больше ничего не слышно, лишь шепот ветра в голых ветвях дубов и зеленых иглах сосен.

«Фьюррвит....»

Голосок неведомой птицы все еще звучит в его ушах, когда он делает шаг к дороге. Если, конечно, можно назвать дорогой две вязких глинистых колеи, разделенных грязно-белым пространством. Бурые полосы примерно в локоть шириной представляют собой след колес подводы с оттаявшим близ него снегом. Посередине снег сохранился, но там он помечен вмятинами — давними отпечатками ног.

Креслин внимательно изучает следы, оставленные одной повозкой и, скорее всего, парой пеших путников. Все они направлялись на запад, и было это несколько дней назад.

Идти по довольно плотной, примятой колесами глине всяко легче, чем одолевать поросшие кустами и покрытые липким снегом склоны холмов. А по бодрящему холоду и настоящему снегу, оставшимся на Крыше Мира, Креслин пока не скучает.

— Впрочем,— тут же поправляет себя желающий быть правдивым во всем юноша,— может быть, кое по чему я все же скучаю.

Он смотрит вдоль дороги на запад, куда уходят следы. Дорога пуста. Глина, не засохшая, но и не вязкая, приятно пружинит под ногами.

Креслин поворачивает на восток, так что солнце теперь светит ему в спину. После многодневного лыжного перехода пешая прогулка сулит приятное разнообразие, хотя он подозревает, что к вечеру это разнообразие покажется не таким уж приятным.

Судя по всему, дорога ведет в Галлос. Интересно, есть ли на ней постоялые дворы или зимники? А если есть, то пользоваться ему ими или, наоборот, избегать их? Этого Креслин не знает, зато точно знает, что монет в висящем на поясе кошеле хватит совсем ненадолго. А зашитая в этом поясе тяжелая золотая цепь представляет собой слишком большую ценность, чтобы выставлять ее напоказ. Даже одно-единственное звено может выдать его происхождение и превратить в мишень.

— Впрочем,— поправляет себя юноша,— я и так мишень. Просто в меня будет легче попасть.

Но, по крайней мере, досюда стражи не добрались. Пока.

XVII

«Кланг... Кланг...»

Удары молотка и тяжелого стального зубила по холодному железу отдаются эхом в почти пустой кузнице.

Рыжеволосая женщина стоит на коленях на каменных плитах, положив одно запястье на наковальню.

— Один готов, милостивая госпожа,— держа в руках тяжелые инструменты, кузнец переводит взгляд с коленопреклоненной женщины в вязаном дорожном платье на облаченную в белое одеяние тирана.

— Займись другим! — приказывает белокурая Риесса.

Рыжеволосая подставляет другое запястье. Губы ее крепко сжаты.

— Как будет угодно милостивой госпоже,— отзывается кузнец, хотя и покачивая головой. Снова звенит металл.

— Благодарю,— говорит рыжеволосая кузнецу, поднимаясь на ноги.— И тебя тоже, сестра,— добавляет она, повернувшись к тирану.

— Эскорт ждет тебя, Мегера.

— Эскорт?

— Ты едешь в Монтгрен. Я подумала, что это сможет облегчить твою задачу, и уговорила герцога...

— Чего тебе это стоило?

Будто не в силах поверить, что ее оковы сняты, Мегера вновь и вновь касается пальцами зарубцевавшихся шрамов на запястьях.

— Да уж многого,— сардоническим тоном отвечает тиран.— Надеюсь, что ты и твой возлюбленный того стоите.

— Он мне не возлюбленный, и никогда им не будет!

— А кто еще мог бы им стать? — качает головой тиран.

— Ты думаешь, я позволю тебе и Дайлисс распоряжаться моей жизнью? Возможно, ради собственного спасения мне

придется оставить Креслина в живых, но это не значит, что я должна отдать свое тело мужчине.

— Я имела в виду вовсе не это. Кроме того, во многих отношениях ты передо мной в долгу.

Мегера вскидывает руки, и тиран непроизвольно подается назад.

— Да, сестрица,— произносит рыжеволосая,— ты боишься меня, и ты права. Но свои долги я возвращаю, и этот будет уплачен.

— Только не пытайся вернуть его, пока не заполучишь западные земли. За тобой следят три соглядатая.

— Меньшего я и не ожидала,— говорит Мегера, уронив руки.— И в известном смысле я и вправду тебе обязана,— она умолкает, а потом добавляет: — В отличие от тебя я никогда не забывала, что мы сестры.

Резко повернувшись, она направляется к каменной лестнице, ведущей к конюшням. Ее запястья окружают невидимые огненные полоски, дыхание прерывается хрипом. Мегера сглатывает.

Но голову держит высоко.

XVIII

«Фьюррвит...»

Трель невидимой птицы вибрирует в ближнем сумраке. Креслин всматривается в темноту, но видит лишь пустую дорогу, тонкие сосенки и голые стволы лиственных деревьев.

Солнце уже давно скрылось за смутно очерченными кряжами Закатных Отрогов. Однако и в вечерних сумерках Креслин отмахал по извилистой, не слишком торной дороге на Галлос добрых четыре кай.

Уже близилась настоящая ночь, когда вдалеке сделались заметны очертания какого-то строения — не иначе, постоялого двора. К тому времени ноги путника, даже сквозь толстые подошвы сапог, начинают чувствовать холод подмерзшей глины. Несмотря на усталость, Креслин старается не сходить с твердых участков, чтобы оставлять как можно меньше следов. На тот случай, если стражи заберутся так далеко на восток.

Впрочем, так ли уж далеко? Сколько кай одолел он за восемь дней с момента побега?

Невесть с чего Креслину вспоминаются давние уроки, изучение Предания. Почему ангелы снизошли на Крышу Мира? И почему люди оказались так слепы? Как можно было поверить, что какой-либо пол, хоть мужской, хоть женский, имеет исключительное право на власть?

Юноша механически переставляет ноги, раздумывая о месте для ночлега. Смутно различимая впереди постройка снова привлекает его внимание. Это не постоялый двор, ибо вокруг распространяется не тепло, а... нечто иное.

Образ строения формируется в его мыслях все отчетливее, пока, после трех длинных изгибов дороги, увиденное внутренним взором не предстает перед ним воочию. Это полузасыпанный снегом придорожный зимник: неказистое приземистое сооружение с прочной крышей и подъемным (чтобы можно было открыть после любой вьюги) дощатым щитом вместо обычной двери. Переступая через сугроб у порога, Креслин ныряет под каменную притолоку и заглядывает внутрь. У очага, под закопченными камнями дымохода, сложена небольшая поленница.

— Неплохо...

Сбросив вещевой мешок на холодный каменный пол, он отыскивает возле очага топор и начинает обтесывать самое тонкое поленце, пока не набирается кучка щепок на растопку. Выйдя наружу, Креслин обламывает несколько зеленых хвойных ветвей. Огниво не подводит — и вскоре хижину обогревает огонь. Впервые за долгое время Креслин с наслаждением запивает чуть ли не последние крошки походного пайка горячим чаем. А потом, радуясь относительному теплу, засыпает.

Просыпается он задолго до рассвета — с содроганием и неясным ощущением того, что его ищут. Сон вспоминается смутно... То ли там была белая птица, то ли зеркало с пузырящейся, бурлящей поверхностью. И сон ли это?

— Белая птица...

Укутанный в зимнее стеганое одеяло, Креслин качает головой. Сначала женская тень, теперь еще и птица. Возможно, все дело в том, что он чувствует себя виноватым? Виноватым в том, что покинул сестру, что расстроил планы матери... Или это результат голода и усталости? Да, вот еще и зеркало. Что может означать зеркало?

Креслин делает глубокий вздох. Женщину на снегу он увидел давно, когда еще не мог ни проголодаться, ни выбиться из сил. А птица с зеркалом... Ни то, ни другое не может быть ничем, кроме сна.

Неужто все в его жизни основано на снах? Неужто и у других дело обстоит так же? Сны, навеянные Преданием. Сны о лучших временах и о лучшем мире, именуемом Небесами. Кто же он в действительности, что представляет собой? Юноша — то есть даже не мужчина, нигде не нашедший своего места?..

Желудок урчит, напоминая о насущном. Выбравшись из-под одеяла, Креслин натягивает сапоги и накидывает парку. За

порогом в серой предрассветной хмари стонет ветер. Креслин тянется в сумрак, касается ветра и, ощутив его прохладу, удовлетворенно кивает. Рассвет будет ветреным и хмурым, но снегопада, во всяком случае, в ближайшее время не предвидится.

Свернув и уложив одеяло, беглец отправляет в рот крохотные кусочки высохшей медовой лепешки и твердого, как камень, желтого сыра, запивает эти яства талой водой из фляги.

Завязав котомку, Креслин еловой веткой сметает золу костра в кучку посреди очага. Такой же веткой будут заметены и ведущие к дому следы. Несколько порывов ветра — и необходимая маскировка завершена. По прошествии недолгого времени даже опытный следопыт не сможет точно установить, когда в зимнике останавливались в последний раз.

Намек на розоватое зарево затрагивает уголок неба, но тут же растворяется в сером тумане облаков. Креслин шагает по дороге к восточному кряжу Закатных Отрогов, до предгорий которого осталось всего несколько кай.

Боль в плечах постоянно напоминает о том, как далеко унес он свою котомку, хотя за это время она основательно полегчала. Выдыхая белесый пар в такт размеренным шагам, юноша движется на восток, не сходя с тележной колеи, успевшей не раз оттаять и подмерзнуть, оттаять и подмерзнуть...

XIX

В те дни над ангелами Небес властвовали правители, над коими имелись свои правители, над коими в свою очередь имелись свои.

И были те ангелы Небес мужского пола и женского, но хо-тя более половины сонма ангельского составляли женщины, правителями из их числа были немногие, да и те — лишь правителями низшего ранга. Среди высших же властвующих, серафимов и херувимов, женщин не имелось вовсе.

Оные ангелы небес обладали великим могуществом, ибо, будучи подобны богам, могли метать молоты разящих молний и одолевать несчетные лиги, как по тверди земной, так и по небу в быстрых колесницах, влекомых пламенем.

Когда же те ангелы по зову властвующих ополчились на битву с демонами света, женщины из сонма ангельского вопросили правителей:

— Почему ополчились мы против демонов?

— Потому,— ответили им властвующие,— что демоны те противостоят нам.

Но женщины, оным речением не удовлетворясь, вопросили вновь:

— Почему должно нам сражаться с демонами?

— Потому,— рекли херувимы, глубоко задетые сим вопросом,— что те нечестивые демоны поклоняются свету и поддерживают хаос, а стало быть, противостоят нам.

Но женщина по имени Рибэ, одна из властвующих низшего ранга, не удовлетворилась вновь, и сказала:

— Демоны не посягают ни на владения, ни на жизни наши, однако же вы, властвующие, готовы пожертвовать детьми нашими и детьми детей наших лишь потому, что те демоны не таковы, как мы.

— Не может быть мира меж ангелами и демонами ни на своде Небес, ни в бездне ада,— возглаголил серафим, опоясывая чресла верных своих мечами звезд, каковые суть солнца, и вручая им копья зимы, мир выстужающей.

— Ты утверждаешь, будто мир невозможен, однако ж он длился до сего дня, и почему не может продлиться долее, я от тебя не слышала,— упорствовала Рибэ.

Великий гнев охватил серафимов, и ярость объяла херувимов, и собрали они мужчин сонма ангельского, дабы те призвали женщин к покорности. И сотворили они белый туман, каковой, как рассказывают, открывал истинную суть, суть внутреннюю всякого, будь он мужчина или женщина, ангел или смертный. И всех ангелов окутали белые облака.

Но меньшие из ангелов, кои были женщинами, под водительством Рибэ вырвались из круга облачного и собрали пожитки свои и детей своих на колесницы свои, покинули Небеса, бежав от властвующих.

Властвующие же, херувимы и серафимы, собрали оставшихся и, вооружив их мечами звезд, каковые суть солнца, и копьями зимы, меж звезд пребывающей, обрушили мощь ночи на демонов света.

Меж солнц, каковые суть звезды, и сквозь глубины зимы, оные звезды разделяющей, преследовали они демонов света и тех ангелов, что покинули Небеса. Но демоны света потивустали им и воздвигли башни зеркальные, башни света слепящего, и те башни отражали мощь звездных мечей и копий зимы, и отражали удары их, и обращали те удары против наносивших их.

И померкли звезды, и свод небесный, звезды сии державший, заколебался, и даже тьма межзвездная содрогнулась пред грозным могуществом херувимов и серафимов. Ветры перемен взревели над ликом вод, вычерчивая письмена огненные.

Но демоны света, не устрашась, укрепились в башнях своих и твердо стояли против ангелов. Снова содрогнулся небесный свод, и на сей раз так, что звезды, каковые суть солнца, низверглись в бездну зимы, и твердь Небес прорвалась во многих местах и была охвачена пламенем, и дым смертоносный от того пламени исходил. И в чаду от того пожарища погибли и херувимы, и серафимы,

и присные их, и без числа демоны света, кроме самых могучих, укрывавшихся в башнях.

Из сонма же ангельского уцелели последовавшие за Рибэ, и оная, будучи низшей из властвующих, осталась высшей из уцелевших и единственной спасшейся из правителей ангельских. Но когда свод небесный горел и рушился, бежавшие с ней пали на Крышу Мира и, собрав ветра, дабы устроить себе убежище, стали ждать, когда минует зима.

Но тщетно, ибо в память о падении ангелов, зима на Крыше Мира пребывает всегда.

Тогда же, утвердившись на земле, Рибэ направила своих последователей в южные земли и на западные пути и наставляла их так: «Помните, откуда пришли вы и каков был путь ваш, и никогда впредь не допускайте ни одного мужчину в число властвующих, ибо из-за них пали ангелы. И да пребудет завет мой с вами вовеки».

КНИГА РИБЭ.
Песнь 1, часть 2. (Подлинный текст.)

XX

Приземистое, с толстыми каменными стенами и крутой крышей из серого шифера, здание постоялого двора едва выделяется на фоне сугробов. Креслин, чьи серебряные волосы скрыты под капюшоном из промасленной кожи, стоит у обочины.

Из двух дымовых труб поднимается белесый дым, тут же сносимый ветром и растворяющийся где-то позади трактира, среди заснеженных холмов и оседлавших их туч.

По покрытой утоптанным снегом долине разносится конское ржание. Чьи же это лошади, поставленные в стойла среди бела дня? Надо думать, на постоялом дворе остановились всадники, проехавшие по дороге незадолго до Креслина. Пожав плечами и глубоко вздохнув, юноша направляется к низкому строению, над которым все так же поднимается уносимый ветром дым. Между гостиницей и дорогой не видно ни души.

Дощатый, скрепленный брусьями настил у левого крыла скрипит и покачивается, когда на нем, остановившись под нависающим краем кровли, появляется грузная фигура. Человек смотрит на Креслина и ждет.

Креслин идет по вымощенной камнем тропе и останавливается примерно в двадцати локтях от забора, почти скрытого под снегом. Снег этот сметен с двух ведущих к зданию дорожек. Одна, пошире, отмеченная отпечатками копыт, тянется налево, к широким воротам, что виднеются позади одинокого здо-

ровяка. Другая, узкая, но выстланная плитняком, заканчивается у главного входа.

Креслин бросает взгляд сначала налево, откуда тянет запахом конюшни, а потом направо, где над закрытыми двойными дверями прибита табличка с облупившимся изображением чаши и кубка.

— Кого там принесло? — слышится из-за дверей.

— Какого-то заморыша,— басовито отвечает невидимому собеседнику рослый толстяк.— Слишком хил, чтобы блуждать по Отрогам в одиночку, зато вполне годится на поживу Фрози.

Слова на языке Храма произносятся с ударением на первом слоге; как учили Креслина, в такой манере разговаривают вольные торговцы. Рука торговца небрежно покоится на рукояти тяжелого поясного ножа.

Дверь распахивается, и на пороге появляется худощавый малый в овчинном тулупе.

— Нах! Одежка на нем вроде своя, а висит мешком. Не иначе как исхудал в дороге.

Из-за спины худощавого торчит рукоять. Он, как и Креслин, носит меч в заплечных ножнах, но его клинок подлиннее.

Взгляд Креслина перебегает с одного незнакомца на другого.

— Тощий, да и в кости не широк,— грохочет здоровяк, делая шаг вперед.

Не зная, как следует держаться, Креслин вежливо кивает:

— Да, одежда моя. А кто такой Фрузи?

— Фрози,— поправляет его торговец.— А разбойник, вот он кто.

По плитняку узкой дорожки Креслин приближается к дверям. Худощавый малый не трогается с места.

— Прошу прощения,— спокойно произносит юноша.

— Мальчонка, по крайней мере, воспитан,— со смешком замечает толстяк.

Худощавый молча изучает Креслина.

Юноша отвечает ему столь же пристальным взглядом, подмечая усы на узком лице, суровые серые глаза, а также то, что одежда на его груди и животе топорщится. Не иначе как под овчиной у него панцирь. А на поясе, в дополнение к мечу за спиной, короткий нож.

— Младший сын?

Обдумав вопрос, Креслин кивает:

— Вроде того. Короче говоря, мне пришлось уйти из дому.

По существу, он не лжет. Хотя ему не по себе даже от полуправды, юноша подавляет свои чувства, продолжая наблюдать за худощавым. Ибо из двоих незнакомцев более опасен именно этот.

— Клинок?

— Мой.

Перед тем как повернуться, худощавый еще раз буравит Креслина взглядом.

— Хайлин, ты собираешься его впустить? — ворчливо спрашивает торговец.

— Не хочешь пускать, так не пускай сам. Он для тебя не опасен... во всяком случае, пока ты не сунешь нос не в свое дело.

— Ладно, сам так сам,— торговец вразвалку направляется к Креслину.— Ну, мальчонка... Как тебя сюда занесло?

— Направляюсь на восток, сюда завернул по дороге. А теперь позвольте...

Креслин огибает торговца и делает шаг к входной двери.

— Я не закончил! — тяжелая рука хватает юношу за плечо.

Спустя мгновение Креслин обнаруживает, что занятия со стражами не прошли даром: тело отреагировало прежде, чем он успел о чем-то подумать.

— Я сверну тебе башку...— бормочет валяющийся у его ног торговец.

— Это вряд ли,— слышится новый голос. На пороге, в проеме открытых дверей, стоит плотного сложения седовласая женщина.— Парнишка старался вести себя вежливо, а тебе, Деррилд, приспичило распустить руки. Что не свидетельствует о большом уме. Твой человек не советовал тебе связываться с пареньком, потому что, в отличие от тебя, сразу распознал в нем бойца. Молодой — не значит неумелый.

Она повернулась к Креслину:

— Что же до тебя, то ты неплох и с виду, и в рукопашной. Однако гостеприимство на постоялых дворах стоит денег.

— Я не хотел неприятностей, хозяйка,— с полупоклоном произносит Креслин.— Каков здешний тариф?

Он говорит на языке Храма, понимая, что его произношение сильно отличается от говора торговца.

— Тариф? — озадаченно переспрашивает женщина.

— Ну, сколько причитается за еду и пристанище?

— А, плата... Четыре серебряника за комнату и один за обед.

Пока еще юноша может позволить себе подобные траты, однако, понимая, что сумма весьма высока, всем своим видом выказывает удивление:

— Пять серебряников?

— Да, недешево. Но мы должны покупать припасы.

— Хозяйка, три — это уже вымогательство, а пять серебряников — откровенный грабеж. Даже в том случае, если за эти деньги меня поселят в комнате, достойной королевы.

По лицу женщины пробегает улыбка — возможно, ей понравились его слова.

— Ради такого смазливого личика, как твое, я готова ограничиться вымогательством, причем с возможностью окунуться в горячую ванну. Постояльцев нынче немного, так что ты даже сможешь спать один, хотя...— она меряет его пристальным взглядом.

— Ванну,— презрительно хмыкает вставший на ноги торговец,— женская блажь, вот что это.

— Ванну и питание? — уточняет Креслин, стараясь не обращать внимания на выразительный взгляд женщины.

— И питание. Только без горячительных напитков,— хозяйка берется за метлу и уже более суровым тоном добавляет: — Но деньги вперед.

Креслин смотрит на облака над головой и кивает.

Впустив юношу и закрыв обе створки дверей, женщина ждет, пока он выуживает из кошелька три серебряные монеты. Он радуется тому, что монеты более крупного достоинства зашиты в тяжелый дорожный пояс.

Хозяйка отводит его в комнату, где имеется двуспальная кровать, узенький, в две пяди шириной, стол и фитильная лампа. Каменный пол ничем не застелен, а единственное окошко больше походит на щель.

— Смотри, тут есть даже подушка и покрывало! — восклицает седовласая содержательница постоялого двора.

— Ты упоминала ванну.

— Да, ванна прилагается к комнате.

— А к ванне — хорошее полотенце,— добродушно дополняет Креслин.

— Да ты разоришь заведение, молодчик!

— Может быть, стоит начать с купания? — произносит Креслин, чувствуя, что весь пропах потом.

— Как пожелаешь.

Пропустив мимо ушей предложение оставить вещи в комнате, юноша следует за хозяйкой с заплечным мешком и мечом. Ванная комната заставляет его вспомнить о презрительном хмыканье грузного торговца: она представляет собой крохотное помещение с двумя углублениями в каменном полу, куда струится вода из подземного горячего источника. От нее исходит запах серы, но такие мелочи ничуть не омрачают радости юноши. Первым делом он достает бритву и сбривает свою щетину, ухитрившись порезаться всего пару раз. Вымывшись сам, Креслин стирает и как можно суше отжимает пропотевшее нижнее белье, надевает вынутую из котомки чистую смену, облачается в кожу и возвращается в свою комнату.

Заперев дверь изнутри, он развешивает полотенце и влажную одежду на нижней спинке кровати, бросается на постель и почти сразу засыпает.

«Клинг.. Клинг...»

Звук колокольчика заставляет Креслина подскочить. Сколько же он проспал? Всю ночь? Сумерки за окном могут с равным успехом оказаться и вечерними, и предрассветными. Он садится, нашаривает огниво и зажигает лампу, после чего трогает развешенное на спинке кровати белье. Оно влажное, а до утра бы, пожалуй, высохло.

Натянув сапоги и закинув котомку за спину, он отодвигает засов и выходит в смутно освещенный коридор.

Из дюжины столов в обеденном зале заняты четыре. Креслин устраивается за маленьким столиком, рассчитанным на двоих, и кладет котомку на пол себе под ноги. Он старается не замечать пристальных взглядов давешнего торговца — тот сидит неподалеку за круглым столом. В компании с ним пребывают незнакомый рыжий бородач, хозяйка и еще трое мужчин, вооруженных мечами.

Еще одна женщина, такая же седая, но в сравнении с хозяйкой гостиницы весьма худощавая, подходит к столу Креслина, вытирая руки о некогда белый фартук.

— У нас есть тушеная медвежатина, пирог с дичью, эль и красное вино. Но вино за отдельную плату.

— А что бы ты взяла сама?

— А, особой разницы нет. За серебряник сверху можно получить пару бараньих отбивных.

Юноша с серебряными волосами слегка улыбается, размышляя о том, может ли целый баран стоить больше серебряника.

— Тушеное мясо и эль.

— Это все?

Креслин кивает. Женщина спешит на кухню, а он бросает взгляд на рыжебородого, торопливо опустившего глаза к своей тарелке с мясом. Скорее всего, как раз с бараниной. Один из мужчин-меченосцев, обладатель остроконечной бородки с проседью, перехватывает взгляд юноши, и Креслин вежливо улыбается.

Другой меченосец, тот, что рассматривал Креслина у входа на постоялый двор, заводит разговор с торговцем. Деррилд сначала отрицательно качает головой, но потом кивает. Мужчина с клинком встает и подходит к столу Креслина:

— Не против, если я на минуточку присяду? Меня звать Хайлин, служу у Деррилда в дорожной охране. А Деррилд — купец.

Еще не дождавшийся своего мяса, Креслин жестом указывает на потертый стул напротив.

— Ловко ты разделался с Деррилдом.

— Это я от неожиданности,— отвечает Креслин, еще не освоившийся с языком Храма.— Дело того не стоило.

— Ты, как я понимаю, с далекого запада?

Юноша лишь поднимает брови, ничего не подтверждая и не отрицая.

Хайлин пожимает плечами:

— На Храмовом ты лопочешь, как некоторые ребята из Сутии, но у тебя светлая кожа, а таких волос — чтобы как настоящее серебро! — я и вовсе никогда не видал.

— Я тоже,— смеется Креслин, хотя ему приходится подавлять тошноту. Это ложь. Такие же волосы у Ллиз и... были еще у одного человека.

— Мы держим путь в Фенард, а потом в Джеллико. Деррилду не помешает еще один клинок. Он малый прижимистый, и больше медяка в день из него, пожалуй, не вытрясти, но зато у нас найдется лишняя лошадь. Берлис остался в Керлине,— худощавый собеседник опускает глаза и, помолчав, добавляет: — По-моему, это лучше, чем плестись пешком. И уж всяко быстрее.

— Тебя что-то тревожит? — темные круги под глазами Хайлина указывают Креслину на снедавшее охранника беспокойство.

— Меня? Да пропади я пропадом, с чего бы? Путешествие как путешествие: повозка, два вьючных мула, жирный торгаш и всего один клинок для охраны!

— А нужно два? — уточняет Креслин.

— Желательно. Всякому ясно, что купец с двумя охранниками везет драгоценности и благовония, но если охранник всего один, а вторая лошадь под пустым седлом — это порождает вредные мысли.

Креслин не до конца понимает суть рассуждений своего собеседника, но главное ему ясно.

— Предложение интересное.

— Договорились. Жду тебя утром, со вторым колокольчиком.

Юноша вновь поднимает брови.

— Э, да ты, вижу, и впрямь из дальних краев. Второй раз в колокольчик звонят после раннего завтрака. Так принято на всех постоялых дворах у Отрогов. Во всяком случае, до Керлина — дальше на запад я не забирался.

— Второй так второй,— кивает Креслин.

Худощавый охранник начинает вставать, но задерживается.

— Слушай, парень, а ты верхом-то ездить умеешь?

— Лучше, чем топать пешком,— усмехается Креслин.

Хайлин кивает, возвращается к столу Деррилда и вновь заводит с торговцем негромкий разговор.

Креслин обводит глазами помещение, задерживая внимание на сидящем в дальнем углу — тоже в одиночестве — рослом темноволосом мужчине без бороды, но с усами. И тут же отводит глаза: одинокую фигуру окутывает незримый белый туман.

Подумав о том, как должен выглядеть он сам со стороны, юноша едва удерживается от смеха. Было бы интересно взглянуть на себя чужими глазами и понять, так ли очевидны его неопытность и наивность для посторонних, как для него самого?

— Белая птица и неизвестная женщина... потревожат кого-то сегодня ночью...

Креслин вздрагивает: эти слова жгут его слух, но он не в состоянии распознать, чей голос их произнес. Но голос был мужской.

С глухим стуком на стол перед ним опускается серая, с отбитым краем, кружка, наполненная чем-то напоминающим мыльный раствор. Худая прислужница уже отошла и теперь снимает с деревянного подноса еду для самой большой компании — женщины и трех мужчин с клинками. Явных выходцев с востока, из краев, где не чтут Предание.

Рассматривая задымленный обеденный зал, Креслин неожиданно осознает, что он — единственный здесь мужчина, который начисто выбрит. Большинство постояльцев бородаты; лишь Хайлин и темноволосый малый в углу носят только усы. И оба они, похоже, наемники.

Совпадение ли это? И имеет ли наличие или отсутствие на лице растительности какое-либо значение?

Креслин осторожно отпивает эль. Его осторожность вознаграждается: благодаря тому, что глоток был крохотный, удается не поперхнуться этим горьким пойлом. В ожидании мяса Креслин ловит токи воздуха и обрывки разговоров сидящих за столами людей, которые ни за что не поверили бы, что их могут подслушать.

«...ты что, не узнаешь амуницию стражей Оплота? Бьюсь об заклад, это женщина, прикидывающаяся парнишкой...»

«...слышал, как говорит... нет, голос не женский...»

«...ворожея сказала, что с севера подует холодный ветер...»

Дым в помещении становится таким густым, что у Креслина слезятся глаза. Двое бедно одетых посетителей, шаркая изношенными сапогами, направляются к ближнему столу. Судя по запаху, это пастухи: пасут либо овец, либо коз.

Сосредоточившись на разговорах, юноша рассеянно поводит ладонью, и дым отлетает от его глаз.

— ...Ты глянь, глянь! — доносится низкий голос.— Дымина-то...

Креслин поспешно отпускает разгонявший дым воздушный поток.

— Чего дымина?

— Да того... чтоб мне лопнуть...

Юноша с серебряными волосами, едва не выбранив себя вслух за глупость, делает глубокий вздох и снова прислушивается.

«...так приложил того здоровенного купчину! А к мечу и не прикоснулся».

«...не иначе как из гильдии наемных убийц...»

«...незачем тебе с ним и толковать, Деррилд. Заплати, вот и весь разговор. Такого охранника ты и за два золотых не сыщешь».

Столь высокая оценка его способностей вызывает у Креслина легкую улыбку.

«...что еще нужно магам, кроме всех земель между Рассветными и Закатными Отрогами...»

«...благодарение свету... не придется возвращаться на Край Земли. И почему только думают, будто это место стоит того...»

«...вот доберемся до Фенарда, дорогая, и там ты сможешь купить все, чего пожелаешь...»

Глиняная, такая же неприглядная, как и кружка, миска с тушеным мясом водружается на стол со столь же бесцеремонным стуком. Из миски торчит гнутая оловянная ложка. Миска, похоже, с трещиной: на стол сочится коричневая подлива. К мясу подан ломоть не слишком свежего хлеба.

Креслин берется за ложку. Хотя содержимое миски и не такое убийственно острое, как сарроннинское жаркое, густая подлива с перцем и множеством пряных трав начисто отбивает вкус того, что здесь выдают за медвежатину. Впрочем, Креслин не в претензии: после стольких дней сухомятки картофель, вялая морковка и волокнистое мясо в соусе кажутся вполне сносными. Правда, хлеб черствее того, что он нес в котомке, но с подливкой сойдет и такой.

«...на мага не похож, слишком молод...»

«...волшебник любого возраста может выглядеть так, как ему вздумается...»

Креслин старается не реагировать на услышанное, но на всякий случай трогает ногой свою котомку и меч. Они под столом, на месте. Он крошит черствый хлеб в подливку, вычерпывает ложкой содержимое миски и запивает сомнительную медвежатину глотком сомнительного эля. Правда, маленьким глотком.

Не допив, юноша встает и забрасывает котомку за спину.

— Ты уже поел? — осведомляется появившаяся невесть откуда прислужница.

Понимая, что ее появление объясняется надеждой на ничем не заслуженную награду, Креслин, пряча улыбку, вручает ей медяк.

— Премного благодарна,— служанка пытается придать голосу любезность.

Отвернувшись от нее, юноша пытается проскользнуть мимо двух пастухов и ненароком задевает одного из них краем мешка.

— Эй, ты! — малый с жиденькой черной бородкой смотрит на Креслина так, словно собирается встать.

— Прошу прощения,— спокойно произносит Креслин.

Пастух присматривается к его лицу, примечает за плечами меч и миролюбиво улыбается:

— Ничего, ничего.

Креслин кивает и идет дальше, к выходу.

«...ишь, вежливый. Мягко стелет... как один из префектовых убийц...»

«...а мне сдается, все-таки колдун...»

Оставив позади обеденный зал, юноша направляется к своей комнате по освещенному единственной масляной лампадкой коридору с голыми каменными стенами. У дверей он останавливается и прислушивается, пытаясь уловить внутри чуждое присутствие, хотя сам толком не знает, кто и зачем мог бы туда забраться. Убедившись, что комната пуста, юноша открывает дверь. Судя по всему, в его отсутствие сюда никто не заглядывал: его парка с торчащими из карманов рукавицами попрежнему висит на крючке.

Он закрывает за собой дверь, задвигает засов и ставит мешок на пол неподалеку от кровати, чтобы в случае нужды легко дотянуться до меча. Присев на кровать, которая хоть и прогибается, но не скрипит, юноша стягивает сапоги, снимает кожаную одежду и раскладывает ее на столе.

Ему уже надоело спать одетым, и то, что теплое одеяло вполне позволяет ночевать в одном нижнем белье, не может не радовать. Вспомнив о белье, он проверяет висящую на спинке кровати выстиранную смену: она еще влажная, но к утру подсохнет. Во всяком случае, в достаточной мере, чтобы можно было уложить в наполовину опустевший заплечный мешок. Удивительно, но каменный пол под ногами оказывается не таким уж холодным. Постоялый двор построен прямо над теплым источником.

К тому времени, когда Креслин ныряет под одеяло и задувает фитилек лампы, глаза его слипаются.

Просыпается он внезапно. В комнате царят кромешная тьма и полная тишина, но юноша чувствует: здесь кто-то есть. Присматриваясь из-под опущенных век, а заодно прибегая к иным, более изощренным методам, беглый консорт проверяет комнату. Засов на двери не тронут.

Решившись действовать, он осторожно, словно ворочаясь во сне, перекатывается на бок. Впрочем, уверенности в том, что все это не сон, у него отнюдь нет.

— Не стоит притворяться,— доносится низкий, с хрипотцой, женский голос.— Ты знаешь, что я здесь, а я знаю, что ты это знаешь.

Теперь он видит сидящую на краешке кровати женщину в светлом одеянии. Цвета волос в темноте не разобрать, ясно лишь, что они, в отличие от платья, не очень светлые и поблескивают рыжеватыми искорками.

Не без труда и по-прежнему без уверенности в том, что не спит, Креслин садится на постели.

— А ты кто?

— Можешь называть меня Мегерой.

— Мегера? Странное имя.

— Только для тех, кому неведомо, что кроется за Преданием,— незнакомка пододвигается ближе.— Как жаль! Я твоя, а ты меня даже не знаешь.

Хриплый голос звучит пугающе, но Креслин тянется к женщине, даже сомневаясь в ее реальности.

— Но...

Его руки срывают светлую ткань и чувствуют тепло обнаженного тела. Губы ее обжигающе горячи...

...После кромешной ночной мглы слабый свет предрассветных сумерек кажется чуть ли не ярким. Креслин проснулся. Он лежит на смятой, разворошенной постели. Один.

Сощурившись, юноша осторожно озирается.

Ночное видение исчезло. Креслин хмуро переводит взгляд со скомканного одеяла на запертую на засов дверь и узкое окошко. Темноволосая красотка исчезла, однако ни один живой человек не протиснулся бы в окно шириной в пядь, даже будь оно открыто. А упорхнув через дверь, она едва ли смогла бы задвинуть засов изнутри.

Но засов на месте, а под окном и на подоконнике полно нетронутой пыли. Он помнит, что, обнимая ее, вдыхал пьянящий аромат риалла, однако ни на постели, ни в воздухе не осталось и следов этого запаха. Неужто ему все приснилось?

Вспоминая подробности, Креслин краснеет.

Мегера — кажется, она назвалась так. И сказала что-то еще. Ночью ее слова казались ему многозначительными, чуть ли не

зловещими, но рассвет почти изгнал услышанное из памяти. Однако не окончательно. Сосредоточившись, Креслин мысленно возвращается в темноту...

«...за Преданием. Как жаль! Я твоя, а ты меня даже не знаешь. Так вот, жестокий чародей, как ни старайся, ни стремление, ни деяние не помогут тебе ускользнуть от меня, ибо я припечатана к твоей душе. И ты за это заплатишь...»

Кто она? Как к нему попала? И за что он должен платить? Она сопротивлялась — но недолго — и разделила с ним ложе.

Креслин сглатывает, не совсем веря в то, что смог... Да было ли это на самом деле?!

Коснувшись ступнями пола, он осознает, что, видимо, спал, сбросив одело, и не замерз лишь благодаря шерстяному белью, которое не снял, приняв во внимание слова хозяйки, предупредившей, что ночи у подножия Отрогов холодные, даже при том, что постоялый двор хорошо отапливается. Однако его кожа помнит тепло тела незнакомки и... Даже наедине с собственными мыслями Креслин снова краснеет.

Вдобавок, неведомо почему, его пробирает дрожь, и сердце сжимается, словно скованное льдом с вершин Закатных Отрогов.

Мегера?

Качая головой, юноша встает, подходит к тазику и плещет себе в лицо холодной водой. Вспомнив о теплой ванной в другом крыле гостиницы, он ежится, поджимает губы и выглядывает в узкое окошко, за которым раскинулся заиндевелый луг. И завершает туалет, умываясь не горячей водой, как вчера, а обжигающе холодной.

Вытерев лицо и руки, он вешает полотенце на деревянный крюк у стола и начинает облачаться в тяжелую кожу. Со вторым колокольчиком его ждет встреча с Хайлином и Деррилдом.

Уже натягивая сапоги, он рассеянно смотрит на подушку, но перед его внутренним взором, неизвестно почему, предстает зеркало.

XXI

Словно по контрасту со стылым сумраком предыдущего дня, утро занимается ясное. Задолго до пробуждения постояльцев в единственном разрыве между пиками отрогов уже появляется солнце, и его лучи падают прямо в узкие окошки «Чаши и Кубка».

Выдыхая клубы морозного пара, Креслин отправляется на конюшню, желая взглянуть на предназначенного ему коня — гнедого мерина с зарубцевавшимся шрамом на плече, более

рослого, чем боевые пони Западного Оплота, но не столь мощного. Креслин поглаживает скакуна по холке и проверяет сбрую.

— Я так и не узнал твоего имени... или как тебя называть, если так оно лучше,— произносит Хайлин, помедлив перед тем как начать седлать своего мышастого коня, помоложе и покрупнее.— Скоро придет Деррилд, так что...

— К его приходу я буду готов — собираясь ехать верхом, Креслин все равно оставил меч за плечами. Таков был походный обычай стражей, носивших клинки на поясе лишь в особых, торжественных случаях.— А звать... зови меня Креслином.

— Креслин...— худощавый наемник прокатывает звук имени под языком.— Знаешь, Креслин, если бы не вчерашняя щетина, я мог бы принять тебя за одну из тех бесноватых стражей.

— Бесноватых стражей?

— А ты о них не слышал? О женщинах-воительницах с Крыши Мира, два года назад разоривших Джерлиалл?

Разговаривая, охранник затягивает подпруги вьючного мула и прилаживает переметные сумы.

— Джерлиалл? — название и вправду ничего не говорит Креслину. Он только теперь начинает понимать, что его знания о мире и людях очень и очень скудны.

— Ты что, правда не слышал?

Креслин молча кивает.

— Кончайте болтать, пора трогаться! — бас Деррилда громыхает еще пуще, чем накануне. Свои слова торговец подкрепляет жестом: сначала тычет рукой в сторону Хайлина, а потом указывает на открытую дверь конюшни.

Хайлин, в свою очередь, поворачивается к юноше:

— Креслин, помоги-ка мне.

Юноша, обойдя своего мерина, начинает подавать Хайли ну мешки с грузом, а торговец тем временем выводит во двор мула.

Пока Хайлин и Креслин вьючат второго мула, Деррилд укладывает мешки и ящики в повозку, беспрерывно бормоча:

— Проклятая стужа! Какая тут, пропади она пропадом, торговля! Только законченный идиот может стать купцом!

Креслин переводит недоуменный взгляд с толстого бородача на Хайлина.

— Не обращай на него внимания,— проверяя упряжь, отвечает на невысказанный вопрос наемник.— Он без конца болтает сам с собой, но лишнего, будь спокоен, не скажет. К тому же не напивается и платит аккуратно, чего о многих не скажешь. Жизнь-то у торговцев нелегкая.

— А что, у охранников легче?

— В известном смысле — да. Нам-то платят независимо от того, выгорело ли у купчины дельце.

Креслин хмурится: ему даже не приходило в голову, что на торговле можно не только заработать, но и потерять деньги.

— А у него... большие доходы?

— Точно не знаю. Деррилд передо мной не отчитывается. Но этим делом он занимается уже давно и имеет в Джеллико хороший дом. С конюшней. Сын у него тоже торгует, но ездит не так далеко, на север, в Слиго, или на юг, к Хидлену.

— А как насчет востока? — интересуется Креслин, подавая напарнику последний мешок.

— Ха... Там особо не разбогатеешь. Выгоду приносит риск, но с дорожной стражей магов не станет связываться даже сорвиголова, вроде Фрози.

Хайлин затягивает последний ремень и под узцы выводит мула из конюшни.

— То же самое можно сказать и относительно запада. Между землями горных дьяволиц и владениями тирана грабежи нечасты. Там кто угодно может вести торговлю.

— Торговлю! — насмешливо громыхает заканчивающий погрузку повозки Деррилд.— Это ж надо, гонять за двадцать кай телегу с капустой и называть это торговлей. Ха!

Креслин, выдыхая пар, держит поводья обоих коней, и серого, и гнедого. Свой заплечный мешок он закрепил позади седла, между почти пустыми переметными сумами, в которых болтаются грубые, не иначе как предназначенные для лошадей, зерновые лепешки.

— Поехали. Чем раньше тронемся, тем скорее я окажусь у очага,— произносит Деррилд, устраиваясь на козлах. Левой рукой он держит вожжи, правой непроизвольно касается обтянутой кожей рукояти.

Подтянув стремена, Креслин садится в седло.

Хайлин лишь хмыкает.

— Куда? — спрашивает юноша.

— Ты в ту сторону далеко заезжал?

— Дальше, чем досюда, я на восток не забирался.

Брови наемника под капюшоном вытертого кожаного плаща ползут вверх, но он направляет своего серого вперед, так и не проронив ни слова.

Отставая от него на половину конского корпуса, Креслин смотрит на открывающуюся за краем заснеженного поля расщелину, тянущуюся к востоку. Вес меча за плечами напоминает ему, что теперь он вроде бы как охранник, причем верховой, а стало быть, удаляться на восток будет гораздо быстрее, чем сумел бы на своих двоих.

— Расскажи мне про Галлос... Все, что знаешь,— просит он наемника.

Тот слегка улыбается:

— Мы держим путь в Фенард, названный, как мне говорили, в честь великого короля Фенардре. Сказители уверяют, что он отбил натиск легионов Запада. И именно его королевство первым отвергло диктат Предания. Город стоит на высокой равнине и обнесен двойным кольцом стен. Наружная стена, та, что пониже, превосходит человеческий рост более чем в десять раз...

XXII

Экипаж громыхает по главной почтовой дороге, ведущей из Блийанса через Сутию на север, к порту Рульярт.

Мегера бросает взгляд вниз, на белый кожаный саквояж, заключающий в себе зеркало, и качает головой. Почему при использовании зеркала у нее выворачивается желудок? Имеет ли это отношение к жизненной связи? Она пытается вызвать знакомое ощущение белизны и чувствует, как начинает покалывать запястья. Хотя браслеты и сняты.

До сих пор ей трижды удавалось послать свою душу вдогонку за сребровласой мишенью, а один раз, дотянувшись со своего постоялого двора до того, где остановился он,— даже коснуться его сознания. Вспомнив об этом, женщина поджимает губы. Мужчины, пусть самые невинные, являются грубыми животными, и это сквозит даже в их мыслях.

Глаза ее пробегают по манжетам длинных, скрывающих рубцы на запястьях, рукавов, но голова кружится, мешая сосредоточиться. Действительно кружится или это всего лишь игра воображения? Может ли быть так, что временами ее сознание словно бы кружат ветры, те ветры, которые она может чувствовать, но которых не может коснуться?

— Нет! — срывается с ее губ.— Почему он, а не я?!

— Что-нибудь не так, госпожа? — спрашивает страж, склонившись к окошку кареты.

— Будь проклято Предание, если я знаю!..— Мегера бросает в окно испепеляющий взгляд, глаза ее вспыхивают, виски взрываются болью.

Страж успевает убрать голову прежде, чем в окно ударяет язык пламени.

Стиснув зубы, Мегера силится разобрать заглушаемые стуком колес слова стража и возницы.

«...надо поосторожнее. Тиран, она ведь предупреждала...»

«...буду чертовски рад, когда доберемся до Рульярта. Чертовски!»

«...глянь-ка сюда, приятель. Смотри, что получает всякий, кто пытается нас остановить. Ха!»

«...чем скорее уберется на свой разлюбезный восток, тем лучше...»

«...успокойся. Радуйся тому, что тебя не послали за ее любовничком. Говорят, он стократ хуже...»

— Он мне не любовник! — Мегера шипит сквозь зубы, но в ее голове эти слова отдаются грохотом.— Будь ты проклята, сестрица!

Она вспоминает двух девочек, подсматривающих друг за дружкой во дворе, и к ее глазам подступают слезы. Тогда это была игра.

XXIII

Стук копыт эхом отдается от каменных стен ущелья даже когда каньон расширяется, открывая вид на темнеющие вдали холмы.

Едущий впереди Креслина Хайлин касается рукояти меча и напряженно подается вперед, словно силясь что-то услышать.

Юноша не понимает, почему наемник выглядит особенно настороженным именно сейчас, когда после почти трех дней плутания по извилистым горным тропам они наконец приближаются к холмистым равнинам Галлоса. Однако, признавая, что опыт этого человека всяко превосходит его собственный, юноша сосредоточивается и мысленно соединяется с ветрами, прежде всего с веющими близ выхода из ущелья в долину, заросшую кустами. От напряжения он покачивается в седле, на лбу выступают бусины пота, но усилие не пропадает даром.

— Хайлин...— произносит он, выпрямившись, хриплым голосом (у него пересохло в горле).— Там, внизу, за гребнем, прячутся двое или трое. Мы окажемся у них на виду, как только выйдем из-под защиты скал.

Острие клинка Хайлина направлено Креслину в грудь.

— Ты говорил, будто никогда не бывал в этих краях.

— Я и не бывал. Просто знаю, что там гребень, а за гребнем — люди.

Хайлин смотрит ему в лицо.

Креслин ждет.

— Просто знаешь... Но откуда, пропади ты пропадом?!

Креслин пожимает плечами:

— Трудно объяснить... Бывает, я ощущаю присутствие людей, если возле них веют ветры. В какой-то мере из-за этого мне и пришлось уносить ноги.

Как и любая, пусть частичная ложь, эти слова сопровождаются приступом тошноты, и он поневоле задумывается: до каких пор ему мучиться даже из-за неполной правды, не говоря уж о настоящем вранье? Пот со лба попадает в глаза. Юноша жмурится, а проморгавшись видит, что Хайлин спрятал меч в ножны и ведет разговор с торговцем.

«...к тому же, и проклятый колдун...»

«...колдун... а вот проклятый ли...»

«...вот пусть и делает. Скажи ему...»

— Креслин! Ты с луком обращаться умеешь?

— Похуже, чем с мечом,— признается юноша без малейших признаков тошноты.— Но в цель обычно попадаю.

Хайлин протягивает ему лук — короче боевого пехотного, но подлиннее тех, какие обычно используют наездники.

— Коли ты знаешь, где засели эти разбойники или кто они там такие, так не можешь ли пробраться к выходу из расщелины и пустить стрелу за тот гребень? В том направлении, где прячутся эти парни...

— А толку-то? — хмурится Креслин.— С такого расстояния вряд ли кого подстрелишь, стрела-то будет на излете.

— Главное, чтобы она угодила куда надо. Если эти прохвосты рассчитывали захватить нас врасплох, то после одной-двух пущенных в их сторону стрел очень даже призадумаются. А нам это в любом случае обойдется недорого.

Принимая лук и прикрепляя колчан к латунному кольцу у седла, юноша еще раз отмечает собственную наивную простоту. Ведь он не имеет ни малейшего представления о том, какого рода товар нанялся охранять. До сего момента ему даже не приходило в голову этим поинтересоваться.

Держась ближе к стене расщелины, он трогает коня по направлению к выходу в долину. Приблизившись на достаточное расстояние, он поднимает лук и стреляет вверх. Стрела летит по дуге. Сосредоточившись, Креслин следит за полетом. Стальной наконечник звякает о валун перед носом одного из затаившихся всадников.

— Демоны!

— Откуда стрела?

Голоса помогают юноше, коснувшись ветров, подправить полет второй стрелы. Падая сверху, она вонзается в чье-то мускулистое плечо.

— Проклятье! Бежим!

— Нельзя драться с тем, кого не видишь!

— Это бесы!

По каньону разносится стук копыт. Разбойники мчатся прочь, Креслин направляет гнедого обратно, к Хайлину и Деррилду.

— Как я понимаю, все в порядке,— произносит с улыбкой наемник.— Они ушли.

Креслин кивает:

— Я выпустил две стрелы.

— Попал?

— В одного попал, судя по возгласу.

Эти, мягко говоря, не совсем точные слова опять вызвали спазм желудка. «Кто тебя за язык тянул? — злится на себя юноша.— Не умеешь врать, так хотя бы помолчи».

— Ты вроде бы говорил, будто с мечом управляешься лучше, чем с луком. Или чего напутал?

— Нет, это правда,— слова вылетают сами, прежде чем Креслин успевает их удержать.

— Ну и ну! — вырывается у сидящего на козлах торговца.

Хайлин на миг поджимает губы, потом кивает:

— Съездим, посмотрим. Так, для пущей уверенности.

За гребнем обнаруживаются отпечатки копыт (скорее всего, трех лошадей), обломанная стрела и на приземистом валуне — несколько темных пятен.

XXIV

Оставшуюся половину дня путники двигались по холмистой равнине от края Закатных Отрогов до плато, на котором расположен город Фенард. Креслин по большей части молчит, размышляя о своих удачных выстрелах, а также о том, насколько дальше простого умения ловить ветра простираются его дарования — если таковые вообще имеется.

Дважды за это время он видит белую птицу неизвестной породы, ранее встречавшуюся ему лишь в снах. Она кружит над его головой, но в обоих случаях ему не удается заметить ни как она появляется, ни как исчезает. Во второй раз — это происходит на каменном мосту, ведущем к северо-западным воротам Фенарда,— он качает головой.

— Ты прав, паренек,— замечает его жест Хайлин.— Женщины из Сутии говорят, что это чародейские птицы: их глазами за людьми следят колдуньи.

А та женщина, назвавшаяся Мегерой,— она тоже колдунья? Настоящее ли это имя, да и вообще, откуда она взялась? И за что ему предстоит платить?

Поежившись, юноша старается выбросить эти вопросы из головы. Эта Мегера наверняка ведьма, но что ей надо от него?

— Будь осторожен со здешними караульными,— предупреждает Хайлин.— При них лучше держать язык за зубами.

— Вот как?

— Ага, — подхватывает с козлов Деррилд, — им повсю ду мерещатся лазутчики Белых, словно от суеты есть какой-то толк.

— Насчет Белых магов я почти ничего не знаю...— начинает Креслин.

— Не сейчас! — шепотом обрывает его наемник.

На дальнем конце моста путников встречает караул — трое затянутых в черную кожу стражников. Невысокая каменная стена тянется вдоль берега речушки, служащей городским рвом. Сразу за мостом находятся ворота.

Это наружная стена, внутренняя — впереди на добрый кай. Фенард выглядит крепостью, способной выдержать долгую осаду, однако Креслину никогда не доводилось слышать название этого города в связи со сколь бы то ни было примечательными военными действиями.

— По какому делу? — звучит вопрос начальника караула.

— По торговому,— отвечает Деррилд, и, со вздохом достав толстую кожаную папку, открывает ее на странице, где золотом поверх пурпурного воска вытиснена печать.— Вот печать префекта...

Караульный вежливо кивает.

— Ну и чем мы порадуем горожан нынче? Гашишем или порошком сновидений?

— Ага! Или вовсе дьявольским варевом! — фыркает Деррилд.— Да ничем подобным, почтеннейшие. Я привез всякие мелочи, вроде пряных семян риалла, склянок с цераповым маслом да пурпурной глазури из Сутии, что в ходу у гончаров Джеллико.

— Сейчас посмотрим.

Караульные направляются к мешкам на повозке.

Деррилд, снова вздохнув, встает с козел и, со словами «Конечно, над бедным торговцем всякий рад покуражиться» развязывает самый большой мешок.

— Кто мне не верит, прошу убедиться самолично.

Караульный заглядывает в мешок. Купец слегка хлопает по мешковине, и над горловиной поднимается облачко пыли: сухой порошок, из которого производят глазурь.

«Ааппчхи... ААППППЧЧХХИ... АААППППЧЧХХИИ!!!»

Отскочив от мешка, караульный пытается прочихаться и унять струящиеся по щекам слезы.

— Ну вот... стало быть, порошочек... А тут, в этом тюке, у меня масло. В запечатанных склянках, потому как оно шибко едкое,— как ни в чем не бывало басит Деррилд.

«АППЧХИ... ЧХХИ...»

Торговец указывает на третий мешок:

— А здесь у меня...

— Ладно... ччхи... проезжай... аапчхи...

Хайлин, уставясь в землю, ведет мулов под узцы мимо двух других караульных, один из которых — юнец не намного старше Креслина — прикрывает рот ладонью.

Однако Деррилд решается заговорить, лишь когда они уже приближаются к открытым и неохраняемым воротам во внутренней стене:

— Вот ведь болван, охота ему соваться не в свое дело. Сколько хорошего порошка пришлось извести попусту! И как таких дураков на ворота ставят?

— Его подчиненные — и те чуть со смеху не полопались! — вторит купцу Хайлин.

— А почему он не остановил нас силой и не устроил настоящий досмотр? — интересуется Креслин.

— Потому, что вздумай он нас задерживать, мы нажалуемся в гильдию и пригрозим, что впредь будем возить товар в Кифриен.

— А ему-то что? Если я правильно помню, Кифриен тоже в Галлосе.

— Верно, но плата городской страже начисляется с пошлин, собранных в городе. Кому охота терять заработок, да еще и объясняться перед префектом, с чего это он отваживает купцов от Фенарда.

— Кроме того,— добавляет Хайлин с лающим смешком,— многие купцы давно ищут повод, чтобы перенести основную торговлю в Кифриен. Во-первых, там теплее, а во-вторых, дальше от властей: ведь резиденция префекта здесь.

— А кто мешает ему перенести резиденцию?

— Думаешь, это так просто? — хмыкает наемник.— Как бы не так. Есть предсказание, будто бы Фенард будет стоять до тех пор, пока префект держит здесь свой двор.

Креслин поднимает брови.

— Конечно, это глупое суеверие,— замечает со скрипучих козел повозки Деррилд.— Однако правителям приходится считаться и не с такой дурью. Представь себе, переберется Васлек в Кифриен, а что потом? Горожане и солдаты решат, что падение города не за горами, и наверняка найдется проходимец, который этим воспользуется. Кто-нибудь непременно попробует расколоть северный Галлос и утвердиться в здешней цитадели. Вот тебе и война, а то и не одна.

— И все из-за верований? — качает головой Креслин.

— Не смейся над верованиями, парнишка,— громыхает торговец.— Взять хотя бы тех бесовок, стражей Западного Оплота. Эти проклятущие бабы слывут самыми свирепыми бойцами по обе стороны Закатных Отрогов, а почему? Отчасти потому,

что свято верят в свое проклятущее Предание, в сказку о том, будто ангелы пали с небес из-за мужчин.

Креслин предпочитает промолчать. С его точки зрения, боевое умение стражей едва ли можно объяснить одной лишь приверженностью Преданию. Так считают люди, понятия не имеющие, сколь суровую подготовку проходят воительницы с Крыши Мира.

Долина между рекой и стеной распахана и засеяна, однако ни изгородей, ни крестьянских хижин нигде не видно. Креслин поворачивается в седле, оглядывается на реку и улыбается, поняв, что это один из элементов системы обороны. На реке наверняка есть дамбы, а в стенах скрытые шлюзы, что позволяет в случае надобности быстро затопить эти поля, превратив их в непроходимые болота.

Копыта коней и мулов стучат по каменному мощению дороги, ведущей к следующим воротам. Проделанные в сложенной из гранита стене, подвешенные на мощных стальных петлях, они выглядят внушительнее предыдущих, но охраняются лишь парой часовых, причем не в проеме, а наверху, на стене.

— Двигаем к «Золоченому Овну»,— говорит купец,— завтра день долгий, но ты, паренек с запада, сможешь малость подучиться. А, приятель?

— Подучиться? — растерянно переспрашивает Креслин, уже давно понявший, что полученное им в Оплоте образование далеко не достаточно.

— Он о тех науках, какие могут преподать женщины,— смеется наемник.— Здешние красотки порой бывают весьма дружелюбны.

— Ага,— ворчит торговец, не глядя ни на одного из своих охранников,— а в благодарность за свое дружелюбие запросто могут выманить у тебя все, что имеешь, и кое-какую мелочь впридачу... Сворачивай туда, по второй улице. «Овен» будет слева, возле лавки столяра, не доезжая Большой площади.

Решительно не понимая, как он должен искать дорогу, ориентируясь по месту, до которого даже и не доедет, Креслин тянется к обдувающим его ветрам в попытке определить местонахождение помянутой Большой площади.

Площадь — действительно большая и наполненная народом — обнаруживается, но обнаруживается и кое-что другое. Невидимый обычным взором, но висящий над городом, как облако, красновато-белый дымок. Даже от мимолетного соприкосновения с ним у Креслина выворачивает желудок, так что ему, едва найдя площадь, приходится отпустить ветра.

Прежде чем рефлексы и навыки позволили ему совладать с головокружением, он заметно покачнулся в седле.

— Эй, ты в порядке?

— Все нормально,— тыльной стороной ладони юноша вытирает выступивший на лбу пот. Он действительно приходит в норму, однако, даже расседлывая коней и мулов возле конюшни «Золоченого Овна», не может не думать о странной пелене, окутавшей город.

Деррилд выходит из гостиницы с угрюмой физиономией.

— Давайте разгружайте мулов,— распоряжается он.— Кладовки для товаров вон там.

Креслин и Хайлин молча обмениваются взглядами.

— Завтра поутру, перед отъездом, вам придется вычистить стойла,— объявляет купец, в то время как оба охранника таскают мешки в чулан с крепкой, из обитого железом красного дуба, дверью.

— Мы в конюхи не нанимались,— бросает Хайлин, остановившись с мешком в руках.

— Знаю. За это получите дневную плату.

— Так и быть, но только на этот раз,— говорит худощавый наемник, передавая мешок Креслину, который ставит его в дальний угол.

— Договорились,— вздыхает торговец, укладывая какие-то снятые с повозки небольшие пакеты и коробки.— Кладовка вроде надежная,— косится он на дубовую дверь,— но знаете что... Мешок с порошком глазури ставьте последним.

— Так, чтобы он упал, если дверь откроет кто-нибудь посторонний? — уточняет Хайлин.

Деррилд хмуро кивает:

— Как ни жаль хорошего порошка, но что тут поделаешь. Воров везде полно, даже в Фенарде. А по правде, так тут ворюга на ворюге.

— А что, разве нельзя хранить самый ценный товар в своей комнате?

— То-то и оно, что нельзя. Какой-то новый указ префекта. По пути, в «Медном Козероге», я пробовал договориться, но они сказали, что за соблюдением указа строго следят. В прошлом году две гостиницы загорелись. Из-за каких-то идиотов, возивших лай-корень.

— Лай... что? — вопросительно поднимает глаза Креслин, в то время как Хайлин взваливает на него очередной мешок.

— Корень из южных болот. Сухой он горит почти как демоново пламя, и всякий, у кого есть хоть чуточка ума, возит его завернутым в мокрую парусину.

Завидев появившегося в конюшне мальчишку-прислужника с охапкой сена, Деррилд окликает его:

— Эй, малец! Где тут стойла пять, шесть и семь?

— Э-э...— мальчик выпрямляется.

— Стойла пять, шесть и семь?

— Вот они, почтеннейший, прямо перед тобой. Пустые стойла... а номера написаны сверху, на балках.

— Вижу. А как насчет корма для наших бедных животных?

— Сейчас отнесу вот это и займусь.

Он тащит охапку чуть ли не с него размером к первому стойлу, где стоит здоровенный вороной жеребец.

Покончив с вьюками, Креслин и Хайлин начинают помогать Деррилду разгружать повозку.

— Гостиница переполнена, так что нам всем придется ночевать в одной комнате,— сообщает купец.— Но по тюфяку найдется для каждого.

Креслин укладывает еще два кожаных мешка и останавливается. Больше ставить нечего, не считая двух мешков с порошком глазури, которые Хайлин осторожно придвигает к узкой дубовой двери.

— Вот-вот, то, что надо,— с этими словами Деррилд вешает на дверь кладовки тяжелый железный замок.— Так, теперь заводите животных в стойла, а я разыщу того мальчишку.

Грузный торговец закидывает за плечи котомку с вытащенными из разных тюков мелкими пакетами и удаляется.

Креслин отводит на место своего мерина и, поскольку стойла двойные, возвращается за мышастым Хайлина. Наемник тем временем успевает поставить в одно стойло двух вьючных мулов, оставив последнее для самого крупного, запряжного.

Откуда-то из глубины конюшни доносится бас купца и бормотание мальчишки. Когда Креслин выходит из стойла, оказывается, что Деррилд допек-таки прислужника, и тот засыпает корм в ясли.

— А теперь и мы перекусим,— заявляет торговец.

— Мысль дельная,— отзывается Хайлин, закидывая свою торбу за спину.

Креслин кивает. Его котомка висит на плече.

Обеденный зал «Золоченого Овна» полон кухонного чада и запахов пролитого вина и эля. Из трех свободных столиков Хайлин выбирает тот, что ближе к стене, и садится лицом к выходу.

— Опасаешься неприятностей? — любопытствует Креслин.

— Нет, здесь я ничего дурного не жду. Но не вижу смысла изменять хорошей привычке, куда бы меня ни занесло. Кроме того, порой лучше избежать стычки, чем одержать в ней победу.

— Странное высказывание для наемника,— замечает Креслин, стараясь поровнее установить стул на широких покоробленных половицах.

— В самую точку,— бурчит Деррилд, поворачиваясь к юноше.— Ты, я гляжу, не дурак, да и говоришь чем дальше, тем бойчее. Уж на что у тебя был чудной выговор, а нынче его почти не слышно.

— Понимаешь,— говорит Хайлин,— всякая стычка обычно заканчивается тем, что или тебя поранят, или ты кого-нибудь уделаешь. Но во многих городах на такие вещи смотрят с осуждением, и, ежели местному жителю причинен ущерб, всячески стараются наказать обидчика. А в результате может случиться, что вместо положенной платы ты получишь срок и отправишься мостить дороги, а то и угодишь на виселицу. В городе не то что на большой дороге: драться здесь следует лишь в крайнем случае. Эй! — машет он трактирной служанке, худощавой женщине неопределенного возраста.— Принеси нам чего-нибудь выпить!

— У нас есть красное вино, мед и клюквица,— в голосе прислужницы усталость соседствует с раздражением.— Что подать?

— А что за клюквица? — спрашивает Креслин.

— Ягодный сок, красный, как вино, но не хмельной. Женский напиток.

— Вина! — басит Деррилд.

— И мне! — добавляет Хайлин.

— Клюквицу,— медленно произносит новое для него слово Креслин. Уверенности в том, что напиток придется по вкусу, у него нет, однако внутренний голос подсказывает, что лучше обойтись без спиртного.

Служанка внимательно смотрит на юношу с серебряными волосами, замечает притороченный к лежащей у его ног котомке меч и кивает.

— Понятно, два вина и клюквицу. А как насчет обеда? Пирог с дичью или тушеное мясо стоит два медяка, а отбивная — четыре. Ломоть хлеба входит в цену.

— Тушеное мясо.

— Тушеное мясо.

— Пирог с дичью.

Служанка с трудом удерживается от искушения присмотреться к Креслину еще пристальнее.

— Всего одиннадцать медков. С вас двоих по четыре и с тебя,— она кивает в сторону юноши,— три.

Бросив на стол серебряник и медяк, Деррилд тут же накрывает их тяжелым кулаком.

— Смотри, торговец, чтобы денежки дождались товара.

— Не беспокойся, милашка, никуда они не денутся. Как и я.

— Хм, сдается мне, УЖ ТЫ-ТО не обманешь.

Пока она рядом, Хайлин ухитряется даже не хмыкнуть, но едва служанка отходит, давясь от смеха, говорит:

— Да ты, Деррилд, никак еще можешь нравиться молодкам.

— Ну, по крайней мере, некоторые из них мне доверяют,— ухмыляется купец.

Креслин обводит взглядом помещение. Едкий дым щиплет глаза, но вызвать даже самый слабый ветерок юноша не решается. Особенно памятуя об окутавшем город зловещем белом облаке. Он моргает и даже утирает слезы.

— Эге, вот это особа,— замечает Хайлин.

Проследив за его взглядом, Креслин видит темноволосую женщину, сидящую за угловым столиком рядом с худощавым мужчиной в белом. А еще он улавливает нечто... тоже белое по сути, но невидимое и как бы неправильное. Окружающее этих двоих и затрагивающее сидящих по обе стороны от них вооруженных мужчин. Последние не едят, а наблюдают за остальными посетителями..

— Давай-ка сюда свои монеты, молодчик,— хрипло произносит служанка, опуская на потертую столешницу три кружки.

— А ты, красавица, тащи сюда обещанную еду,— басит Деррилд, неохотно отдавая деньги.

— Была красотка, да вся вышла,— отшучивается служанка, обнажая в улыбке почерневшие зубы.

Поднимая кружку с ягодным соком, Креслин встречается глазами с Хайлином и говорит:

— По дороге сюда у нас зашел разговор насчет верований и того, почему префект вынужден оставаться в Фенарде...

Хайлин не спеша отпивает глоток и одобрительно чмокает:

— Да, это винишко не сравнишь с горным элем. Гораздо лучше.

Деррилд молчит. Креслин ждет.

— Ну, а насчет префекта... Вообще-то не знаю...

— Ты прав,— прерывает его Деррилд на удивление мягким и тихим голосом.— Откуда тебе знать, твое дело клинки. Так вот, помимо упомянутой есть еще одна причина, не позволяющая префекту покинуть Фенард. Еще одно пророчество из Книги.

Он отпивает вино, вытирает губы извлеченной из-за пояса, возможно, некогда белой, полотняной салфеткой и продолжает:

— Так вот, в Книге говорится насчет того, что равнины Галлоса должны оставаться под властью единого правителя, пока не будут расколоты волшебством гор... или что-то такое. Еще там сказано насчет женщины с мечом тьмы, которая воцарится над плато Аналерия и зачарованными холмами,— он

пожимает плечами.— Один пророк уверяет, что префект не должен менять столицу, послушать другого — так главное не лишиться южных равнин. А вдумаешься, так чушь собачья. Какие горы на равнинах, и что это вообще значит? Кому может понадобиться Аналерия? Над чем там воцаряться: там ведь одни козы да козьи пастухи, вожди которых живут в круглых шатрах. Чушь, да и только.

Ощутив касание холодка, Креслин поднимает глаза на мужчину в белом за угловым столом. Мужчину, который понимающе улыбается, глядя вовсе не на Креслина, а в спину Деррилду.

На стол со стуком опускаются три толстые глиняные миски с отбитыми краями. Из каждой торчит погнутая ложка.

— Видишь, молодчик. Я никогда не подвожу, и всегда рада услужить. Не то что вы, мужчины, от вас только и жди подвоха.

Креслин не может удержаться от улыбки.

Хайлин берется за ложку и налегает на тушеное мясо.

Деррилд смотрит вслед удаляющейся служанке вслед и бормочет:

— Услужить она рада... нет уж, спасибо.

Креслин не спеша ест свой пирог, размышляя о пронизывающей весь этот город белизне. О белом тумане, о сидящем в углу мужчине в белом и белых птицах, кажется, следящих за ним.

Рассеянно попивая сок, он примечает, как Хайлин улыбается одной из женщин, сидящей за столом в дальнем конце зала. Чтобы уразуметь, каков род занятий этих прелестниц, юноше даже не требуется видеть их накрашенные щеки, и у него нет ни малейшего желания познакомиться с ними поближе. Последнее, чего ему не хватает, так это связаться еще с одной женщиной.

Мегера... Кто же она и почему никак не идет у него из головы? Образы подсказывают... Что же они ему подсказывают?

Заметив, что Хайлин перевел взгляд с женщины на него, юноша качает головой:

— Нет. Не сейчас.

— Вот умный человек,— громыхает Деррилд, когда Хайлин подмигивает и встает из-за стола.

— Он или я?

— Ты. Любовь за деньги не купишь. Даже стоящего перепихона — и то не купишь,— он поднимает толстую ручищу.— Еще вина, милашка.

Креслин молча потягивает сок. Ему еще многому предстоит научиться.

— Еще вина, милашка!

XXV

Один из мулов сворачивает к обочине и тяжело тащится по грязи.

— Н-но! Пошел!...— Хайлин привычно возвращает вьючное животное на дорогу.— Проклятая грязища! Из-за нее еле плетемся.

— Далеко еще? — Креслин в который раз смотрит на холмы, которые, если верить Хайлину, должны вывести их к западной оконечности Рассветных Отрогов. Горизонт подернут сумраком, а оглянувшись назад, юноша отмечает розовато-оранжевое свечение, напоминающее ему о Башнях Заката, что видны с Крыши Мира. Но здесь, на восточных равнинах Галлоса, никаких башен нет: только холмы, поля и редкие сады, причем все это основательно сдобрено дождем да грязью. Правда, после полудня не дождило, но зато солнце светило почти по-весеннему, нагревая оставшиеся после утреннего ливня болотца и лужи. Креслин обливался потом и, несмотря на донимавшие его тучи гнуса, ехал в одной просторной тунике.

А вот ни Хайлин, ни Деррилд курток так и не сняли.

«Зззззз...»

Шлеп!

Креслин смахивает с предплечья прихлопнутого москита, собратья которого досаждают ему уже больше кай пути.

Влажный воздух совершенно неподвижен.

«Зззззз...»

Не вызвать ли сейчас ветерок? Ведь они далеко от Фенарда и от той всепроникающей белизны.

Шмяк!

«Зззззз...» — неуемно гудят москиты.

— Дерьмо! — бормочет юноша. Когда его спутники толковали о плодородных долинах Галлоса, ни один из них и не заикнулся насчет проклятущих кровососов. Как, впрочем, и о вонище, царящей в переулках здешних городов.

«Зззззз...»

В небе мелькает что-то белое. Креслин вскидывает глаза, но птица (если это была птица) уже исчезла.

«Зззззз...»

Шлеп!

«Зззззз...»

— Похоже, тебе мошкара не нравится,— замечает Хайлин.— А вот ты ей пришелся по вкусу.

Шлеп!

Открытая шея саднит, но в долинах Галлоса стало одним москитом меньше.

— Долго еще ехать?

— Еще пару кай,— сухо отвечает Хайлин.— Как раз к темноте будем на месте.

Розовато-оранжевое свечение угасает, когда в быстро сгущающихся сумерках Креслин останавливает мерина возле высокого светло-серого камня — верстового столба.

— Перндор,— читает он.— Тут написано: «Перндор, три кай». Мы туда путь держим?

— Пожалуй, что и туда.

— Пожалуй?

«Зззззз...»

— Он тебя подначивает, малец,— гудит с козел Деррилд.

Хайлин ухмыляется.

Шлеп! Креслин покачивается в седле, едва не потеряв равновесие при попытке прикончить еще одного кровопийцу. Потом он натягивает поводья и скачет назад, на середину дороги. Там тоже грязь, но не такая глубокая и топкая, как у обочины, возле столба.

— Ладно, не так уж и далеко.

Взмокший от пота юноша с расчесанной от укусов шеей обреченно вздыхает. Впрочем, довольно скоро они приближаются к очередному столбу, где написано просто «Перндор», без указания расстояния. У дороги возле ветхого забора торчит полуразвалившаяся лачуга.

Каменное мощение обрывается; дальше идет глинистая тропа, в настоящее время представляющая собой хлюпающее, вязкое болото.

Сумерки быстро переходят в ночь. Становится прохладнее, но не настолько, чтобы Креслин перестал потеть. А призвать ветра, чтобы охладиться и отогнать мошкару, он не решается: мешает присутствие язвительного торговца и востроглазого наемника.

— Терпеть не могу ездить по ночам,— бормочет Хайлин, касаясь рукояти меча.

Креслин молчит: вместо слов он тянется к едва уловимому ветерку, повеявшему с запада, со стороны неприглядных строений с неосвещенными окнами.

— Там кто-нибудь живет? — спрашивает он, показывая на развалюхи.— Должен же здесь быть приличный постоялый двор.

На мысль о постоялом дворе наводит горящий примерно в кай впереди одинокий свет.

Ветерок приносит звуки — конский храп и звяканье металла. Креслин замирает, осознав, что справа и позади, за темным амбаром, затаились всадники.

Юноша выхватывает меч из заплечных ножен, но чувствует, как невидимый стрелок целится в него из лука.

В отчаянном порыве он швыряет ветер в лицо лучника.

Деррилд хватается за утыканную гвоздями дубинку и, взывая неизвестно к кому, чуть ли не на все словно бы вымершее поселение орет:

— Бандиты! Бандиты!

Припав к шее своего костлявого мерина, Креслин пришпоривает его и, с мечом наголо, устремляется навстречу полудюжине верховых.

Тьма взрывается криками.

Сверкает клинок. Юноша не обдумывает своих действий: его тело движется как бы само собой.

— Ублюдок! Дьявол! Где он?

Креслин свивает воздушные потоки в завывающий смерч и снова швыряет ветер навстречу врагам. Мерин под ним шатается и начинает оседать, но даже перепрыгивая со своего коня на спину вражеского, юноша использует инерцию полета, чтобы полоснуть клинком по горлу не успевшего увернуться разбойника.

— Уходим! Их тут полно! Они уложили Фрози!

— Проклятье! — шипит он, пытаясь выбросить труп из седла.

Стук копыт. Рядом останавливается Хайлин. Даже в полутьме видно, что он бледен как мел.

— Где Деррилд? — Креслину удается-таки спихнуть мертвеца на землю.

— Несется к гостинице. Улепетывает со всей быстротой, на какую способны мулы.

— Что?

— Да то. Драться — наша работа. Ты не забыл: нам за это платят.

— А... ну да.

Креслин озирается по сторонам. Кроме громилы, на коне которого он сидит, поблизости валяются два человеческих трупа. И конский: бедный мерин, на котором он проехал столько кай.

— Ты уделал еще одного малого, но он зацепился за стремена, и его унес конь,— невыразительным голосом произносит Хайлин.

Креслин трясет головой, желая унять дрожь и в то же время не желая верить услышанному:

— Не может быть. Я просто поскакал им навстречу...

Один из убитых, лучник, лежит навзничь, и лицо его покрыто ледяной коркой. Конечно, вечер прохладный, но ведь не настолько! Не мог человек оледенеть за несколько мгновений!

Креслин сглатывает, отгоняя память о том, как мысленно призывал ветра с Крыши Мира.

Другой разбойник, низкорослый малый в темной тунике и штанах, лежит, уткнувшись лицом в лужу.

— Я не знаю, кто ты такой, Креслин, и предпочитаю не выяснять.

— Да я... я вообще никто.

Не находя слов, юноша машинально вытирает клинок о какой-то свисающий с седла лоскут и вкладывает в ножны.

— Как и сама смерть, приятель.

Спешившись, Хайлин склоняется над трупом вожака разбойников и взмахивает клинком, рассекая кожаный ремень. Вернувшись, он бросает Креслину тяжелый кошель:

— На, спрячь.

Юноша растерянно сует кошель в котомку. Хайлин вскакивает в седло.

— Перевьючь свои седельные сумы на этого коня и поехали. С покойниками пусть разбираются местные. Против живых разбойников у них кишка тонка, а на это, может, и сгодятся.

Не переставая удивляться тому, как быстро все произошло,— лучник прицелился в него, а спустя несколько мгновений четверо (если верить Хайлину) разбойников были уже мертвы,— Креслин вручает наемнику поводья вороного и, бормоча себе под нос «Да не мог я все это натворить, не мог...», бредет по грязи к мерину. На лошадиной морде видны темные пятна: кровь или грязь, в темноте не разобрать, да это и не имеет значения. Юноша снимает свои сумы и крепит их к разбойничьему седлу — оно куда лучше того, что дал ему Деррилд.

Успокаивая вороного легким прикосновением, юноша взлетает в седло, настолько легко, насколько позволяет усталость.

Грохочет отдаленный гром. Небо начинают затягивать тучи.

— Трудно поверить, что ты не из числа этих бесноватых стражей,— бормочет Хайлин.— И с конем вон как ловок... Да и дерешься на их манер.

— Я у них учился.

Почему бы и не сказать часть правды?

— Верю...— Хайлин по-прежнему отводит глаза.— Это кое-что объясняет... Хотя насчет лучника...

Насчет лучника Креслин и сам не все понимает: ясно лишь, что это его рук дело. Глубоко вздохнув, он направляет коня на свет, к постоялому двору. Сейчас, сегодня о лучнике лучше не думать. И без того с каждым новым поступком оказывается, что он знает о себе еще меньше, чем думал. Мороз пробегает по коже, хотя на улице не так уж и холодно.

«Зззззз...»

Креслин устало качает головой. Надо же, похоже кое-что вовсе не меняется.

Снова начинается дождь, только на сей раз холодный. Не то что утром.

XXVI

Бросив взгляд направо, Креслин видит лишь камни, перемежаемые островками скопившегося в лощинах застарелого льда. Рассветные Отроги ниже Закатных, но кустов и деревьев на здешних склонах гораздо меньше, а почва (там, где есть почва, а не голый камень) заметно суше. Как будто весь снег выпадает на Крышу Мира, так и не достигая равнин Галлоса.

Над узкой тропой разносится пронзительный крик, сопровождаемый хлопаньем крыльев: черный стервятник улетает по направлению к Джеллико. Черный, однако Креслину не требуется напрягать чувства, чтобы уловить присутствие белой порчи. Ну что ж, возможно, это падальщик и соглядатай. Однако птицы летают и над равниной, а здесь, в горах, на худой конец нет гнуса. И прохладно.

Правда, прохладно только на взгляд Креслина. Его парка распахнута, а вот трясущийся на козлах повозки Деррилд кутается в тяжелый тулуп. Да и Хайлин не думает расстегивать подбитую мехом куртку.

Разбойничий вороной, более резвый, чем костлявый мерин, норовит вырваться вперед, и Креслину приходится сдерживать его, поглаживая по холке.

На резком повороте колеса скрежещут на неровных камнях. Двухколесная повозка Деррилда худо-бедно проходит, тогда как обычный фургон мог бы здесь застрять или опрокинуться.

— Неужели через Рассветные Отроги нет дороги пошире? — обращается Креслин к Хайлину.

— Южная будет вдвое шире.

— А почему мы поехали не по ней?

— Потому,— бурчит с козел Деррилд,— что она не только шире, но и длиннее. Ехать по ней на пять дней дольше, а значит, еще пять дней я должен буду платить вам и оплачивать гостиницы. И торговать начну на пять дней позже.

— А...— Креслин умолкает. Сам-то он получает крохи, но Хайлин наверняка берет по серебрянику в день. Пять серебряников, а еще ведь стол и ночлег...

— И не забудь, серебряная макушка,— гудит бородач,— чем короче каждая поездка, тем больше их я могу сделать. Или, наоборот, побольше времени посвятить своей лавке.

Креслин вздыхает, жалея, что затронул эту тему.

— К тому же,— бубнит торговец,— здешняя тропа безопаснее, потому как богатые караваны тащатся по южной дороге и поживы для разбойников там больше. Конечно, разбойники встречаются не каждый день, но...

Хайлин глядит на него с ухмылкой и незаметно пришпоривает коня, чтобы отъехать подальше от повозки.

— Конечно,— гнет свое Деррилд,— к приключениям я не рвусь, в моем-то возрасте... Но мужчине, ежели у него жена, две дочки и всего один сын, волей-неволей приходится пошевеливаться. К тому же торчать безвылазно в лавке и отращивать пузо — тоже не дело. Разъезды нужны, но все хорошо в меру; по возвращении домой мне неохота даже смотреть на лошадь или повозку.

— Но раз уж ты все равно ездишь, так почему по таким скверным дорогам?

— Дороги! — фыркает торговец.— Да разве это дороги! Настоящие дороги — это те, что ведут из Лидьяра в Фэрхэвен и из Фэрхэвена к Рассветным Отрогам. Маги — те умеют строить хорошие дороги.

— Так почему же мы ими не пользуемся?

— Потому, молодой дуралей, что ездить там же, где и все,— значит попусту терять деньги. Будешь таким же, как все,— и разоришься. Взять хоть бы тебя. Ты боец. Будешь драться, как все,— скоро станешь покойником. Верно?

— Пожалуй, что так,— соглашается Креслин.

Снова слышится птичий крик. Падальщик облетает окаймленную скалами лощину, чтобы усесться где-нибудь в неприметном месте.

— Чтобы добиться успеха, надо делать то, чего не делают другие,— наставительно гудит Деррилд.— Это относится к любому занятию. Умение и готовность рискнуть всегда вознаграждаются. И,— добавляет он,— быстрота. Уж это, судя по тому, как прытко ты машешь своим мечом, тебе понятно. Вот почему мы не делаем остановок и не торгуем по дороге. Чем быстрее доберемся до места, тем больше будет барыш.

Креслин кивает, уставясь в спину Хайлина.

— Ну а еще в торговле важна честность...

Юноша удивленно прислушивался. Купцы вообще пользовались репутацией мошенников, а странствующие торговцы, судя по рассказам, слыли самыми отъявленными пройдохами.

— Честность окупается, малец, так и знай. Она вознаграждается, и не жратвой или блудом где-нибудь в темном уголке, а звонкой монетой. Да, люди охотно имеют с тобой дело. Купцы знают, что ты держишь слово, и придерживают для тебя товар. Хорошие охранники знают, что ты не надуваешь с оплатой, и нанимаются к тебе, а не к другим. Но важнее всего быть честным по отношению к самому себе. Не лги себе, тогда и другие тебя не обманут. А вранье рано или поздно тебя погубит, если сначала не разорит.

Креслин сдвигает брови, обдумывая услышанное, и приходит к выводу, что, пожалуй, купчина говорит искренне. Деррилд, бывало, торговался за каждый медяк, но за все время путешествия ни разу не попытался кого-нибудь облапошить.

— Но как бы то ни было, паренек, таскаться туда-сюда с товаром радости мало, и доля у нас, торговцев, незавидная...

XXVII

С высоты седла Креслин озирается по сторонам. Впереди и справа от него солнце поблескивает на поверхности протекающей в ложбине реки, а слева дорога расширяется, сворачивая к открытым воротам. Колеса повозки тарахтят по ровной, укатанной мостовой.

В отличие от маленьких городков Галлоса и Кертиса Джеллико обнесен стеной, причем стеной высотой более чем в пятьдесят локтей. Южные ворота распахнуты, желоба, по которым открываясь и закрываясь скользят массивные железные створы, начисто выметены.

Караул — не менее дюжины вояк в серо-коричневой ко-же — надзирает за въезжающими и выезжающими.

— О, мастер Деррилд, давненько тебя не видели,— уважительно и дружелюбно приветствует торговца сержант. Малый упитанный, однако его обтянутый кожаным панцирем живот отвислым не назовешь.

На стене над головой, едва видимые за парапетом, лениво греются на солнышке два стрелка. Каждый не далее чем в локте от своего оружия — укрепленного на деревянной раме тяжелого арбалета.

— Твои ребята? — сержант кивает в сторону остановившихся рядом с повозкой Хайлина и Креслина.

— Ну Хайлина-то ты должен знать,— громыхает Деррилд.— А это Креслин. Паренек присоединился ко мне в Блийансе. Родня одной девчонки решила, что они с этой милашкой зашли слишком далеко. Надеюсь, у нас ему понравится.

Раскатистый смех здоровяка эхом отдается под каменной аркой.

— Рад, что ты вернулся, мастер Деррилд. Удачного тебе дня,— говорит сержант с улыбкой. Не раз и не два его взгляд задерживается на серебряных волосах Креслина.

Повозка и всадники едут дальше, по городским улицам. Дома здесь по большей части из обожженного кирпича, трехэтажные, с узкими фасадами, крутыми крышами и тяжелыми, закрытыми, несмотря на погожий весенний день, дубовыми дверями.

— Ну, Томас, ты у меня получишь! Ну, погоди! — высокий голос принадлежит мальчишке-оборванцу, несущемуся сломя голову за другим, который бежит по переулку наперехват катящейся повозке.

— Эй, смотри, куда едешь! — пронзительно кричит женщина в кожаной юбке.

— Смотри, куда лезешь! — рявкает в ответ Хайлин.

Несмотря на замешательство вокруг женщины и детишек, Креслин переводит взгляд дальше, к следующему проулку, находящемуся локтях в тридцати впереди. То, что там их поджидают, он чувствует, даже не обращаясь к ветрам.

— В проулке, за углом,— бросает юноша Хайлину.— Там кто-то есть.

Он берется за лук и выхватывает из колчана стрелу.

Хайлин резко натягивает поводья.

— Заставь их подойти к нам

Как только Деррилд останавливает мула, мальчишки, прекратив играть в догонялки, поворачиваются и спешат назад в переулок. Женщина порывается достать что-то из-за спины.

— Стой! — кричит Креслин. Его стрела наложена на тетиву.

Женщина — впрочем, это вовсе не женщина, а худощавый юнец — роняет лук и нервно смотрит в проулок.

Креслин незаметно улыбается, заслышав донесшиеся оттуда торопливые удаляющиеся шаги. Прятавшийся за углом предпочел убраться, бросив и юнца, и мальчишек.

— Сбежал,— презрительно хмыкает Хайлин.— Кто-то решил, что раз нас не удалось застать врасплох, не стоит и затевать стычку.

— Пожалуйста...— умоляюще лопочет юнец, не отрывая взгляда от нацеленной на него стрелы.

— Пристрели паршивца,— грохочет Деррилд.— Нам тут незачем растить грабителей.

— А ну снимай чужую одежду,— командует Креслин.— Давай, живо. И стой там, у двери!

Хотя на улице не холодно, парнишку бьет дрожь. Что же до двоих мальчишек, то они, как рассеянно примечает Креслин, исчезли. Не иначе, нырнули в дырку в заборе или какую-нибудь другую лазейку.

— А дальше что? — спрашивает Хайлин.

— Подберем лук да поедем дальше. Сомневаюсь, чтобы этот малый напал на нас снова, а прикончим его — так придется объясняться по поводу трупа. Мне это ни к чему.

— Ишь, добренький выискался,— ворчит с козел Деррилд, однако же, выпустив на миг вожжи, подхватывает с мостовой

упавший лук, перерезает тетиву и отбрасывает ставшее бесполезным оружие в сторону.

Они проезжают мимо трясущегося темноволосого юноши, оставшегося лишь в широких коротких кожаных штанах. Вперив в него взгляд, Креслин отчетливо произносит:

— Продолжай в том же духе, и, ручаюсь, ты не доживешь до следующего дня рождения.

Звук его голоса, чистый, как серебряный колокол, и раскатистый, как весенний гром, заставляет юнца вжать голову в плечи.

Оба охранника бок о бок едут к перекрестку.

— Знаешь,— глядя в сторону, произносит Хайлин,— ты умеешь нагнать страху. Признаюсь, я поверил всему, что ты сказал тому сопляку. И он тоже.

— И правильно сделал,— отвечает Креслин.— Иногда на меня накатывает, и открывается вроде как второе зрение. Я многое вижу, только это бывает не всегда. И не обязательно тогда, когда нужно.

Он оборачивается через плечо, но незадачливого грабителя и след простыл.

— Да кто ты вообще такой? Маг-воитель?

— Хотел бы я быть им...— грустно смеется Креслин.— Впрочем, может, и не хотел бы.

— Эй, вы,— кричит охранникам Деррилд.— Хорош языки чесать. Приехали, вон склад.

— Знакомое местечко,— бормочет Хайлин.

Склад представляет собой каменное трехэтажное строение с высокой крышей, занимающее целый квартал. Превосходя по высоте ближайшие дома — мастерскую столяра, примыкающую к нему со стороны площади, и лавку галантерейщика со стороны городских ворот, оно превосходно гармонирует с белокаменными фасадами еще более внушительных зданий, образующих локтях в ста ниже по узкой улочке просторную площадь.

Принадлежащий Деррилду дом имеет три двери: широкие ворота вровень с мостовой, позволяющие заехать повозке, узкий, окованный железом и запертый дополнительный вход и — ближе к площади — парадное крыльцо из резного дуба под выкрашенным в синий цвет навесом.

Жилые помещения, судя по окнам, находятся на третьем этаже.

Хайлин спешивается у ворот и раздвигает легко скользящие в желобах створы. Креслин придерживает вороного коня, тогда как Деррилд заводит повозку внутрь, в полумарк помещения.

— Помочь? — вопрос Креслина обращен к Хайлину.

— Не надо, я сам закрою. Следуй за Деррилдом.

Оказавшись внутри, Креслин видит по правую руку от себя длинный ряд закромов, по большей части пустых. Правда, в одном он примечает глиняные кувшины с широкими горлышками: один треснувший и не закрытый, но все остальные заткнутые и целые. Лари и клети образуют два яруса, вдоль второго тянется огражденная перилами галерея, на которую ведут деревянные лестницы. Двери хранилищ второго этажа в основном заперты.

Креслин останавливается у задней стены, перед шестью стойлами. В одном, самом ближнем к двери, ведущей, как полагает юноша, в лавку или контору торговца, стоит вороная кобыла. Остальные пять не заняты.

Два высоких окна в задней стене и масляная лампа, висящая неподалеку от первого стойла, дают не так уж много света. Однако Креслин замечает, что помещение чисто выметено, да и отсутствие дурных запахов указывает на образцовый порядок в помещении. Шумный, крикливый и нескладный с виду Деррилд становится весьма серьезным и аккуратным, едва доходит до дела.

Креслину приходит на ум что, может быть, именно по этой причине ему удалось перевалить через горы Кандара без особых затруднений.

— Пошли!

Спешившись, Креслин заводит вороного мерина в третье стойло — оно кажется ему подходящим,— расстегивает подпруги, снимает и вешает седло, вытряхивает и складывает попону.

Вороной всхрапывает.

— Знаю, знаю... Дорога была долгая, ты устал. Но ничего, теперь отдохнешь.

— Зато тебе отдыхать рано,— замечает Хайлин.

— Знаю. Мы ведь должны развьючить мулов, верно?

— То-то и оно.

Поснимать с животных вьюки — дело недолгое, но потом приходится еще и таскать товары вверх по лестнице да раскладывать по ларям.

— Не туда! — распоряжается торговец.— Пурпурную глазурь неси в ту кладовку, следующую. А упаковки церанового масла носите по одной: разобьете, так хоть не две сразу. Масло складываем на втором этаже, пятая дверь от лестницы, что помечена зеленым листом.

— Там на двери надпись «церан»? — уточняет Креслин.

— Ну! — удивляется купец.— А ты откуда знаешь?

— Я умею читать,— отвечает бывший консорт.

— Хм... надо же! Ты вроде не говорил...

— Так ты и не спрашивал.

С этого момента разгрузка идет живее: Деррилд вручает Креслину тюки, имеющие бирки с надписями, и юноша разносит их по соответствующим клетям, стараясь при этом не оступиться: он подозревает, что надписями снабжены упаковки самых дорогих товаров. Или бьющихся. Или, чего доброго, и дорогих и бьющихся.

Когда он затаскивает наверх последний кувшин с чем-то, называющемся, судя по бирке, «портент», по лбу его струится пот.

— Эй! — окликает Хайлин.— Ты заканчиваешь?

— Можно сказать, уже закончил.

Когда юноша спускается на первый этаж по деревянной лестнице без перил, Деррилд, стоящий у двери, ведущей в жилые помещения, жестом подзывает к себе обоих наемников:

— Вам причитается обед и постель, а поутру еще и завтрак. И расчет — с этим уладим после обеда.

— Как насчет лошади? — интересуется Креслин.

— Ну, малый! — с деланным изумлением восклицает купец.— Хоть ты и ловок махать клинком, но лошадь стоит подороже тебя.

Он отворачивается к Хайлину.

— Возможно, твоя лошадь стоит дороже меня,— спокойно говорит Креслин.— Но этот вороной всяко дороже твоего мышастого заморыша.

Деррилд кривится, но лицо его тут же разглаживается:

— Да, тут ты прав. Он дороже на пару серебряников, и один, так и быть, я тебе выплачу.

Теперь кривится Креслин.

— Ладно, ладно,— машет рукой купец,— так и быть, два серебряника. Больше дать не могу: больше четырех я не получу ни у одного барышника.

Чувствуя, что торговец трусит и говорит то, что считает правдой, Креслин кивает. Договорились. Два серебряника.

Деррилд испускает тяжелый вздох.

— Вот и договорились. Ты, наверное, хочешь помыть ся. Хайлин покажет, где. А когда закончишь, обед будет на столе.

Он поворачивается с очередным тяжким вздохом.

— Хорошо,— фыркает наемник.

Креслин задумчиво скребет потную щетину на подбородке, удивляясь тому, что Деррилд, бывавший во всяких переделках торгаш,— и вдруг так струхнул. А насчет помыться — это да. И помыться, и побриться ему очень даже не помешает.

— А могу я где-нибудь выстирать свою одежонку? Не кожи, ясное дело, а все остальное?

— Поскольку прачечная в этом доме там же, где мы с тобой будем мыться, возражать, полагаю, никто не станет,— отвечает Хайлин, подхватывая свою торбу.

Креслин следует за ним. Охранников уже ждут две наполненные теплой водой ванны. Побрившись и помывшись, Креслин, в отличие от Хайлина, переодевается в чистое и начищает до блеска сапоги.

— Ты такой лоск наводишь, словно заявился в замок,— усмехается Хайлин.

— По сравнению с некоторыми местами, где мне довелось побывать, это и есть замок,— отшучивается Креслин, следуя за Хайлином в столовую.

Она выглядит внушительно: за полированным и лишь слегка потертым столом из красного дуба длиной в восемь локтей могут рассесться девять человек, причем не на лавках или табуретах, а на самых настоящих креслах, со спинками и подлокотниками.

Деррилд, успевший постричь бороду и переодеться (теперь на нем линялая, но удобная красная туника и такие же штаны), представляет своих домочадцев:

— Моя жена Карла, мой сын Валтар, сноха Виердра, внук Виллум и мои дочурки, Дерла и Лоркас.

Креслин приветствует общим поклоном всех и отдельным — хозяйку дома:

— Благодарю за честь и гостеприимство, почтеннейшая.

Белокурая Лоркас склоняется к сестре и шепчет ей на ухо что-то, чего Креслину расслышать не удается.

— Прошу за стол,— басит Деррилд.— Креслин, Хайлин, садитесь между Карлой и Лоркас.

Будучи наслышан о чудных обычаях востока, где мужчины ухаживают за женщинами, Креслин отодвигает кресло для Лоркас и усаживает ее, полагая, что купец окажет такое же внимание своей супруге.

— Ха, Деррилд, приятно видеть, что кое-где в мире еще сохранилось рыцарство.

— Рыцарство не стоит хорошего обеда,— ворчит торговец.

Сестры Лоркас и Дерла переглядываются через стол.

Светловолосая женщина выносит из соседней комнаты и ставит перед Карлой большую миску, над которой поднимается пар. За миской следуют два деревянных блюда с караваем свежеиспеченного хлеба на каждом. На столе уже ожидают два кувшина, а перед каждым из гостей поставлены широкая фаянсовая тарелка с ободком и тяжелая коричневая кружка.

— В сером кувшине эль, а в коричневом клюквица,— поясняет Деррилд.

— Откуда ты родом, молодой человек? — спрашивает Карла, миловидная круглолицая женщина с густыми, но уже поседевшими волосами.

— С другой стороны Закатных Отрогов,— отвечает Креслин.

— О, издалека. А куда путь держишь? — отломив кусок от каравая, она передает ему блюдо.

— Ну... думаю, в Фэрхэвен. Я еще точно не решил.

Юноша тоже отламывает кусок хлеба и кладет на свою тарелку. Взявшись за кувшин с клюквицей, он предлагает соку Лоркас, а когда та кивает, наполняет кружки и ей, и себе.

— А ты хороший боец? — неожиданно спрашивает Виллум, вихрастый мальчонка, чья голова лишь чуть повыше стола.

— Виллум! — укоряет его белокурая Виердра.

Креслин улыбается:

— Это ведь у кого спросить. Для тех, кого ты побил, ты боец отменный, а для побивших тебя — совсем никудышный.

— А ты хороший, вижу! — уверенно заявляет мальчишка.

— Малец-то тебя насквозь видит,— замечает Хайлин. Но неразборчиво, потому как у него полный рот хлеба.

— Лучший, какого мне случалось встречать,— добавляет Деррилд.

Креслин берет черпак и выкладывает тушеное мясо с лапшой и каким-то белым соусом на тарелку. Ему удается совершить это, не пролив ни капли. Чего не скажешь о Хайлине: после его манипуляций с ложкой на столе образуется лужица подливы.

Креслин с трудом подавляет недовольную гримасу, но, похоже, никто кроме него, не придает этому значения.

— Так ты, стало быть, профессиональный боец? — любопытствует Лоркас.

Проглотив ложку густого, проперченного варева, юноша отвечает:

— Нет. Я видел настоящих бойцов, до которых мне далеко.

— А я таких не видел,— встревает Хайлин,— но если они дерутся лучше Креслина, то предпочту с ними не встречаться.

— А что влечет тебя в Фэрхэвен? — интересуется Карла.

— Мне кажется, там можно найти объяснение необъясненному.

— Иногда,— ворчит Деррилд,— лучше так и ставить это необъясненное необъясненным. Особливо ежели в дело замешаны маги да чародеи. Они народ завистливый,— добавляет он, чуточку помолчав.

— Завистливый?

«Плюх...»

— Виллум!

Коричневый кувшин подвернулся мальцу под руку, и теперь нижний конец стола залит соком.

— Джарра!

Светловолосая служанка приносит тряпки и принимается вытирать стол. Виердра помогает ей, приговаривая:

— С этими мальчишками хоть за стол не садись.

Креслин улыбается, втайне радуясь тому, что малец не опрокинул кувшин на него. Что же до виновника переполоха, то он, позволяя оттирать себя от сока, попутно уминает изрядный ломоть хлеба.

— А ты собираешься снова сопровождать купцов в поездках? — спрашивает темнобородый, но уже лысеющий Валтар.

Креслин качает головой:

— Я бы и рад услужить, но...

— Хорошего человека найти трудно.

— А удержать еще труднее,— добавляет Деррилд.— И мне как-то не верится, что этот паренек нашел бы свое счастье на торговых путях, даже будь я в состоянии платить ему столько, сколько он стоит.

«...а он и вправду хорош...»

Делая вид, будто не слышит, как переговариваются Дерла и Лоркас, юноша отламывает еще кусок хлеба и зачерпывает мяса из миски.

— Паренек, а как насчет сладенького? — спрашивает Карла.

Дерла почему-то фыркает, Лоркас краснеет, а Хайлин широко ухмыляется.

Чувствуя, что его щеки делаются пунцовыми, Креслин тянется за кружкой.

— Что тут смешного? — недоумевает Виллум.

— Ничего... ничего,— убеждает мальчугана мать, едва удерживаясь, чтобы не прыснуть.

— Ну, с вами и я помолодею,— бормочет, качая головой, Деррилд и, склонясь к Карле, с улыбкой касается губами ее щеки.

Креслин сглатывает и мелкими глотками потягивает сок: такое простодушное веселье ему в новинку.

Шутки шутками, но вскоре и впрямь подают сласти: темный, сочный пудинг и медовые бисквиты. Креслин берет лишь крохотный кусочек пудинга, столь же непривычного для него, как и добродушное подтрунивание за столом. Маршал и стражи считают подобные блюда излишествами и на сладкое ограничиваются фруктами, в крайнем случае — печеньем. А вот Виллум явно дорвался до желанного: вся его мордашка перепачкана в чем-то липком.

Креслин с трудом сдерживает улыбку.

— Вкуснятина, а? — мальчик причмокивает, хрустя медовым бисквитом.

— Хватит объедаться! — ворчит на сына Валтар, но Виердра кладет руку на рукав мужа.

— Он ведет себя как поросенок.

— Нет, всего-навсего как мальчишка.

Креслин снова, не вполне понимая почему, сглатывает, отпивает сока и случайно натыкается взглядом на висящую на стене маленькую гитару.

— Играешь? — тотчас спрашивает Лоркас, проследившая за его глазами.

— Не так, чтобы осмелиться сыграть на людях,— качает головой Креслин.— Для себя, случалось, бренчал, но теперь кажется, что это было давным-давно.

— Эту гитару я купил по случаю в Сутии много лет назад,— басит Деррилд.— Тирелл, бывало, поигрывал, но, кажется, он был единственным из охранников, знавшим, с какого конца за эту штуковину берутся. Правда, иногда мне удается подбить Виердру... Ты как насчет позвякать струнами?

— Нет, нет,— с улыбкой отвечает молодая мать.— Не стану я перед гостями позориться.

— Ну, коли так...— Деррилд прокашливается, обводит глазами стол и обращается к охранникам: — Коли так, прошу пожаловать за мной в контору.

Он поднимается из-за стола.

Поднявшись следом за ним, Креслин кланяется Карле со словами:

— Премного благодарен, почтеннейшая, за прекрасный стол и радушие. Спасибо всем за теплый прием,— добавляет он, улыбаясь домочадцам купца и лишь после этого поворачивается к Деррилду.

«...какой там наемник? Ручаюсь, он незаконнорожденный сын герцога или кто-нибудь в этом роде...»

«...и серебряные волосы... Случалось тебе видеть что-то подобное?»

Силясь не обращать внимания на перешептывание девушек, Креслин следует за торговцем в контору.

Зажженная Деррилдом масляная лампа, подвешенная на стене, освещает маленькую комнатушку. Одна стена отгорожена толстенной решеткой, за которой на полках расставлены металлические шкатулки и денежные ящики. Большую часть свободного пространства занимают стол и четыре стула, один из них с подушкой на сиденье.

— Садитесь. Сейчас я достану счетную книгу и подведу итоги.

Хайлин опускается на стул, Креслин присаживается на другой. Деррилд снимает с полки здоровенную книгу в толстом переплете.

— Хм... Креслин нанялся восьмого, близ Керлинской дороги. С того времени ему и причитается... так... два серебряника оговоренной поденной платы и сверх того... скажем... э... четыре за два отбитых нападения. Да два за вороного. Итого... итого восемь. Мы вернулись без потерь и ущерба, так что добавим премию. Золотой... нет, пожалуй, полтора.

Все это Деррилд произносит, не поднимая глаз: макая гусиное перо в чернильницу, он записывает цифры в свою книгу.

— Теперь ты, Хайлин... ты получишь поденную плату по договору, четыре серебряника за нападения и ползолотого как награду.

Хайлин кивает:

— Все по-честному.

Чувствуя, что и купец, и наемник считают такой расчет справедливым, Креслин кивает в знак согласия.

— Ну и кроме того вы получаете завтрак и постель, а в городе, где полно ворья, это тоже кое-чего стоит. И... это...— Деррилд мнется, потом поднимает глаза на Креслина: — Девчонки-то мои... Ну... этим дурехам ведь был бы парень пригож да умел бы махать мечом...

— Понимаю,— спешит успокоить торговца Креслин.— Пошутить за столом и все такое ты рад, но одного внука тебе пока достаточно.

Деррилд молча смотрит в счетную книгу, но юноша улавливает его облечение.

Хайлин кивает, что должно означать одобрение.

— Э... почтеннейшие,— кряхтит купец.— Не подождете ли минутку снаружи?

Они встают. Креслин выходит за Хайлином из конторы, и купец запирается изнутри, стараясь не слишком греметь засовом.

— Привычка...— бормочет Креслин.

— Странный ты малый,— задумчиво произносит Хайлин.— Востока вроде бы не знаешь, но держишься как принц, сражаешься как демон и порой — во всяком случае, мне так кажется — умеешь читать мысли. А вдобавок рискуешь всем, отправляясь прямиком в Фэрхэвен.

— Не уверен, что у меня есть выбор. Никто, кроме них, не научит меня тому, что мне нужно.

— Лично я не уверен, что они станут тебя учить... а не захотят прикончить. Во всяком случае, будь осторожен. Пусть все считают, что ты обычный наемник, продающий клинок.

Креслин с сожалением понимает, что все сказанное худощавым охранником отнюдь не лишено смысла.

— Заходите, почтеннейшие...

Деррилд вручает каждому небольшой кожаный мешочек.

Креслин пересыпает монет в пояс, а потом, свернув кошель, прячет туда и его.

— Хайлин... покажешь Креслину, где лечь?

— Само собой.

— Тогда до утра. Мне еще надо повозиться с книгой.

Прихватив свой мешок, Креслин поднимается за Хайлином по узкой лестнице на третий этаж и входит в освещенную настенной масляной лампой комнату, обстановку которой составляют две узкие койки и высокий стол с полками под столешницей, где можно разместить заплечные мешки и прочую ручную кладь.

— Ну, может, ближе к ночи увидимся,— говорит Хайлин, поставив на полку свою котомку.

— А ты собираешься спать в другом месте?

— Как выйдет. Это зависит... короче, мне нужно кое-кого повидать. Кроме того... — Хайлин улыбается. — Сомневаюсь, что Деррилдовым девчонкам понравится, если им вздумается продолжить разговор «насчет сладенького», а я буду отираться поблизости и мешать. Кстати, тебе которая больше глянулась?

Креслин качает головой:

— Глянулась? Да я...

Хайлин ухмыляется и уходит. Но едва стихает скрип ступеней под его ногами, как юноша слышит приближающиеся шаги. Почему-то, хотя, возможно, то был всего лишь сон, ему вспоминается Мегера.

В дверь просовывается белокурая головенка.

— Привет, Виллум,— смеется Креслин.— Зашел пожелать спокойной ночи?

Мальчонка умыт, и на нем чистая рубашка.

— Слушай, ты много народу поубивал? Дедушка сказал, что ты лучший боец, какого он видел.

Креслин вздыхает:

— Ну, убил несколько...

— А сколько? Ручаюсь, целую уйму!

Юноша качает головой:

— В убийстве нет ничего хорошего, Виллум. Куда лучше вырасти и стать почтенным торговцем, как твой дедушка.

Позади мальчугана в дверном проеме появляются еще две светлые головки.

— Весьма глубокое суждение для столь молодого человека,— улыбается Виердра.— Виллум, скажи: «Доброй ночи».

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, Виллум.

Подхватив сынишку, Виердра исчезает. А вторая гостья — Лоркас, с маленькой гитарой в руках — остается.

— Неужто Виллум прав? Ты действительно перебил кучу людей?

— Убить одного — это уже и так слишком много.

Креслин жестом указывает девушке на кровать Хайлина, но тут же спохватывается:

— Или, может быть, спустимся вниз?

Лоркас тихонько прикрывает дверь и садится напротив него. Креслин видит, что у нее карие глаза. И понимает: на его вопрос она предпочла не ответить.

— Ты говорил, будто играл для себя. Может, и мне сыграешь? Песню или какую мелодию...

Отказать в такой просьбе Креслин не в состоянии. Взяв гитару, он перебирает струны, оценивая инструмент. Хороший, некогда наверняка принадлежавший настоящему музыканту. Под его пальцами ноты окрашиваются серебром, воспринять которое видимо дано лишь ему одному.

«...из тех, какие играют в ваших краях...»

Креслин незаметно улыбается: сомнительно, чтобы Лоркас вдруг понравились боевые марши Западного Оплота. Что же сыграть? На ум почему-то приходит песня, слышанная при дворе Сарроннина. Медленно, очень медленно, он начинает...

Ты не проси, чтоб я запел,
Чтоб колокольчик прозвенел!
Мой стих таков, что горше нет:
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ!

Любовь сияла белизной
Голубки белокрылой,
Но так прекрасен был другой,
Что разлучил нас с милой.

Нет, не проси о том пропеть;
Не может голос мой звенеть.
Ведь счастья нет — и солнца нет!
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ.

И ночь окутала мой взор,
Черна, как туча грозовая,
Где ярко молния сверкает
И освещает лжи позор.

Так не проси, чтоб я пропел,
Чтоб колокольчик прозвенел.
Мой стих таков, что горше нет!
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ!

Короткая песня отзвучала. Креслин встает, кладет гитару на высокий стол и снова усаживается на краешек кровати.

Лоркас подается вперед:

— Да откуда ты такой взялся?

— С Крыши Мира,— отвечает уставший от лжи и притворства Креслин.— Из Западного Оплота.

— А я думала, что тамошние бойцы — женщины,— девушка растерянно хмурится, но тут же заправляет за ухо выбившуюся прядку и улыбается.

— Так оно и есть.

— Но ты-то ведь настоящий боец. Хайлин — и тот сказал, что не хотел бы с тобой столкнуться, а он никогда никого не боялся. А отец и вовсе смотрит на тебя, как на демона.

— Ну, это длинная история...

— Можешь не спешить,— она пододвигается к нему поближе.— Время у нас имеется. Хайлин сегодня не вернется, а Виердра ничего не скажет.

— А твой отец?

— Мама его от себя и на шаг не отпустит.

Креслин усмехается. Что на востоке, что на западе — некоторые вещи повсюду одни и те же.

— Меня зовут Креслин... Я родился в Черной башне... хм... Испытания? Так вот... Наверное, они знали,— он отвечает на ее вопросы, но иногда несколько невпопад: его отвлекают собственные мысли.— Эмрис не хотела обучать меня искусству клинка, она всегда была против. А Хелдра — у той имелись собственные причины... Нравился ли мне кто-нибудь? Может быть, Фиера, но она была только стражем... прежде всего стражем,— поправляется юноша, вспомнив обжигающий поцелуй у башни.

Лоркас, теплая и нежная, сидит рядом и слушает исповедь его короткой жизни. На ней та же голубая туника, что была за обедом, только волосы теперь распущены.

Как-то само собой выходит, что они откинулись на подушки, и его рука — удивительное открытие — обвивает ее талию. О некоторых вещах — таких, как Сарроннин или ночной визит Мегеры,— юноша предпочитает умолчать.

— Так ты, выходит, самый настоящий принц!

Креслин смеется: рядом с ней ему легко и спокойно.

— Не совсем. Только Ллиз может стать следующим маршалом, да и то должна подтвердить пригодность к правлению. Ей

не обязательно быть лучшей среди бойцов, но она обязана владеть клинком не хуже любой из старших стражей и знать еще кучу всякой всячины... насчет торговли, политики... всего на свете.

— А ты любишь свою сестру?

— Иногда. А порой она становится совсем как маршал.

— Почему ты всегда говоришь «маршал», а не «мама»?

— Она никогда не позволяла мне назвать ее мамой.

— Но... как я понимаю, позволив тебе изучать боевые искусства, она пошла против обычая. Наверное, это далось ей непросто.

— Ну, можно, наверное, взглянуть на это и так...— Креслин прислоняется к щеке Лоркас, закрывает глаза, а когда заставляет себя открыть их, произносит:

— Все. Пожалуй, больше я рассказывать не могу.

— Вот как? — она поворачивается, обнимает его, он чувствует нежную сладость ее губ и сжимает ее в объятиях.

А потом понимает, что лучше поскорее отпустить ее. И отпускает. Лоркас мягко отстраняется и произносит:

— Если ты не обещал...

У юноши отвисает челюсть.

— Думаешь, мы не знаем, что у отца на уме? — весело, но без насмешки говорит она, а потом, одарив Креслина еще одним поцелуем, добавляет: — Кроме того, тебе наверняка предназначена принцесса. И ты ее стоишь.

— Но...

— Вспоминай меня. Почаще...

Лоркас исчезает почти так же незаметно, как и пришла. Креслину кажется, что теперь он чуть лучше понимают, что же имеют в виду мужчины востока, когда произносят слово «женщины» и многозначительно покачивают головой. Вконец обессиленный, едва успев стянуть сапоги, раздеться и, послав язычок ветра затушить лампу, он проваливается в глубокий сон. Без сновидений.

XXVIII

Креслин берет свою котомку и закидывает за спину.

— Жаль, паренек, что я не могу оставить тебя при себе,— негромко бормочет Деррилд.— Но торговля вовсе не такое доходное дело, как думают некоторые.

Креслин кивает:

— Понимаю.

Он понимает, что Деррилд не может оставить его в своем доме по ряду причин, и одна из них — белокурая девушка, находящаяся сейчас в соседней комнате. Приладив мешок и

убедившись, что может без труда дотянуться до вложенного в заплечные ножны меча, юноша еще раз спрашивает:

— Так, по-твоему, лучше Герхарда не найти?

— Только Герхард ездит в Фэрхэвен регулярно и только он зарабатывает на этих поездках деньги. Каким способом — ведомо разве что демонам, так что советую тебе держаться настороже. Но если он наймет тебя, ты поедешь верхом, а это быстрее, чем топать на своих двоих. И дешевле, чем платить за фургон,— Деррилд пожимает плечами, повторив еще раз: — Будь осторожен, приятель,— и направляется к двери.

Намек понят. Креслин делает шаг в том же направлении.

— Отец? — на лестнице из кухни появляется Лоркас.— Креслин нас покидает?

— Да,— отвечает юноша, хотя вопрос обращен не к нему.— Пора и честь знать; погостил — и в дорогу.

— Тогда мне нужно попрощаться.

Обойдя отца, она подходит к Креслину, обнимает его и целует прямо в губы, да так, что юноша отвечает на поцелуй, прежде чем успевает вспомнить о присутствии Деррилда.

Когда она отстраняется, Креслин моргает.

— До свидания...— голос ее нежен и печален: в интонации чувствуется уверенность — никакого свидания уже не будет.

— До свидания,— эхом откликается неожиданно охрипший Креслин. Девушка стоит неподвижно, но когда он упавшим голосом еще раз повторяет: «До свидания», она стрелой взлетает вверх по ступеням.

— Ну, пожалуй, тебе пора.

Креслин кивает, бредет к двери и едва не спотыкается о порог.

— Обратись к Герхарду.

— Непременно.

Дверь закрывается, едва он переступает порог. Креслин оглядывается на дом, но не видит в окнах ни одного лица.

Деррилд предложил обратиться к Герхарду, и Креслин, за отсутствием каких-либо иных идей, намерен последовать этому совету. Юноша прекрасно понимает: хотя торговец принял его хорошо, взбреди ему в голову задержаться, хозяйское радушие живо сойдет на нет.

Хайлин так и не вернулся, а оставлять записку не имеет смысла по причине неграмотности наемника.

И хотя завтрак прошел в такой же душевной обстановке, как и вчерашний обед, небо над головой ясное и голубое, а Лоркас на прощание одарила его поцелуем, столь же целомудренным, сколь и волнующим, шаг юноши невольно замедляется, а серебро насвистываемых им дрожащих в утреннем воздухе нот

покрывается тяжелой медью. В конце первого квартала Креслин поворачивает налево и продолжает путь вниз по склону, припоминая все сказанное (и не высказанное вслух) Деррилдом о Герхарде.

Герхарда юноша находит неподалеку от впадения узкого извилистого ручья в реку. Если Деррилда можно назвать грузным, то Герхарда — просто пузатым: складки жира нависают над его широким кожаным поясом.

— Как бы мне ни хотелось, я не могу позволить себе платить лишнему охраннику,— говорит Герхард, выслушав юношу.

Креслин чувствует, что в этой фразе присутствуют и правда, и ложь, но в чем здесь ложь, а в чем правда, не знает. И выяснять не собирается.

— Ладно,— говорит он.— Ты хотел бы иметь лишнего стража, а я — попасть в Фэрхэвен. Ты платишь мне символическую плату — скажем, один медяк в день! — и я отправляюсь с тобой.

— Все равно накладно. Лошади у тебя нет, а сам ты наверняка ешь как лошадь. Вы, тощие, на один лад: все обжоры.

Креслин пожимает плечами и поворачивается.

— Ну ладно. Бери вон ту мышастую кобылу. Тебе надо будет погрузить мешки в большой фургон. Но имей в виду: разобьешь что-нибудь — вычту из платы.

Креслин кивает. Он полностью отдает себе отчет в том, что прижимистый торговец наверняка отыщет предлог не заплатить, но цель Креслина состоит в том, чтобы добраться до Фэрхэвена и присмотреться к тамошним хваленым магам. Кто знает, возможно, там найдется место и для него. Ну а поденная плата не так уж важна для человека, имеющего при себе дюжину золотых из кошелька убитого разбойника. Их было больше, но, уходя от Деррилда, Креслин сунул пару монет в торбу Хайдина: худощавому охраннику деньги всяко не помешают.

Мысли Креслина вновь обращаются к Фэрхэвену. Удастся ли там выяснить, кто он таков и какая судьба его ждет? Или же, бежав из Западного Оплота вслепую, он так и останется слепым? Юноша качает головой. Ну а если ему не найдется места в Фэрхэвене, куда еще можно податься? Уж конечно, не назад, в Сарроннин! А вот герцог Монтгренский, вполне возможно, не откажется от лишнего воина.

Когда Креслин снимает лишние вьюки с мышастой кобылы, появляется еще один толстяк. Такой же жирный, как Герхард, и еще более неряшливый: в нечищеных сапогах и заляпанной жиром кожаной безрукавке поверх такой линялой рубахи, что установить ее первоначальный цвет решительно невозможно.

— Ты нанялся в охрану? Как тебя звать?

Юноша поворачивается к нему:

— Креслин. А тебя?

— Зерн меня звать. Ты у меня под началом. Зачем вьюки снимаешь?

— Герхард велел перегрузить их на фургон. А лошадь он отдал мне под седло.

— Ладно. Заканчивай поскорее. Мы уже опаздываем.

Креслин окидывает два перегруженных фургона, двух вьючных мулов и двух других охранников оценивающим взглядом.

XXIX

Бледно-серый гранит дороги только что не блестит: при ярком солнечном свете под определенным углом зрения гладкий камень кажется чуть ли не белым. При этом массивные плиты подогнаны одна к другой почти без зазоров, ровнее, чем мраморная облицовка многих дворцов. Достаточно широкая, чтобы пропустить в ряд более двух фургонов, полоса дороги тянется строго с запада на восток, так, что в полдень никакие тени не падают на ее поверхность.

После уплаты пошлины дорожным стражам на таможенном посту фургоны Герхарда с утрамбованной глины Кертанского тракта перекатились на гладкий гранит.

Деррилд о пошлинах не упоминал, но для Креслина связь экономики и военной политики чародеев достаточно очевидна. Такая ровная, прямая дорога сама является своего рода оружием, ибо позволяет перебрасывать кавалерию через горы и холмистые равнины несравненно быстрее, чем по беспутью или по извилистым, размываемым большакам Кертиса и Галлоса. И хотя эта дорога не пересекла еще Рассветные Отроги, поговаривают, будто маги упорно продвигаются вперед. Ходят слухи, что настанет — и скоро! — тот день, когда даже неприступные Закатные Отроги, и те покорятся им.

Но почему власти Кертиса позволили магам проложить дорогу по своей земле? С этим вопросом Креслин обращается к Зерну.

— Кто знает? Герхард вроде говорил, да я запамятовал. Что-то насчет десятины; будто бы тутошняя казна имеет доход со сборов. Ну и возможность прохода войск...— Зерн кривится и подозрительно осведомляется: — А тебе-то, красавчик, какое дело?

— В общем-то, никакого. Просто я впервые в жизни вижу, чтобы за проезд по дороге брали деньги.

— Ручаюсь, в том захолустье, откуда ты родом, таких дорог нет.

— Ты прав,— соглашается Креслин.— Таких я действительно не видал.

А сейчас видит и невольно отмечает не только совершенство замысла и воплощения, но и наличие уже знакомой ему белой порчи. Правда, не везде и не в самом мощении: ею пронизаны низкие каменные стены на тех участках, где дорога проходит через холмы.

— Там небось вообще приличного большака не сыщешь?

— Ну... может, и так,— рассеянно откликается юноша.

— А той игрушкой, что у тебя на спине, ты пользоваться умеешь?

— Вроде как умею. Пару раз случалось,— все внимание Креслина по-прежнему обращено к дороге: он отмечает не бросающиеся в глаза детали. В частности то, что полотно дороги проложено ниже окружающих холмов, видимо, на надежной каменной основе.

— Случалось, говоришь? А на кого ты работал?

— На купца по имени Деррилд.

— Да? А с кем?

— С Хайлином.

— А... постой! Это такой тощий, носатый малый, недавно вернувшийся из Сутии?

— Ну. Я присоединился к ним на обратной дороге.

— Дерьмо!.. Слушай, я тебя ни о чем не спрашивал. Ладно?

— Как хочешь,— Креслин все еще сосредоточен на дороге и белой порче.

Зерн отстает. Он придерживает коня до тех пор, пока не оказывается рядом с ведущим фургоном, где рядом с возницей восседает Герхард.

Креслин, до которого наконец доходит странность случившейся перемены, касается ветров, и легкие воздушные потоки даже сквозь белый туман доносят до него обрывки разговора:

«...знаешь, кто он такой? Убийца!.. Я о нем рассказывал. Тот самый малый, что в одиночку разделался с шайкой Фрози...»

«...думал... может быть...»

«...опасен...»

«...навряд ли... Скорее опасен для любого, кто вздумает на нас напасть. Охрана надежная и...— Герхард гогочет,— дешевая...»

«...как это — нападет? Ведь...»

«...все, забудь!..»

Креслин рассеянно увеличивает расстояние, отделяющее его от фургона. Поля юго-восточного Кертиса уже уступили место лесистым холмам, теснящимся теперь по обе стороны дороги. Она проложена по холмам пониже, а в некоторых местах кажется просто прорубленной сквозь утесы. Почувствовав на себе взгляд, Креслин вскидывает глаза, но птиц не видит: ни белых, ни каких других.

Цокают копыта, стучат колеса, фургоны, груженные мешками и ящиками невесть с чем, катятся по гладкому граниту на восток, к белому городу. Спустя некоторое время охранник по имени Питлик подъезжает к Креслину и предлагает поменяться местами. Юноша соглашается, но и следуя за фургонами, в хвосте каравана, он продолжает чувствовать над собой пристальный надзор невидимых наблюдателей.

XXX

Своим чередом фургоны подкатывают к очередному повороту и очередному таможенному посту: разница лишь в том, что дорога, на которую предстоит свернуть, тоже вымощена гранитными плитами.

Герхард вступает в разговор со сборщиком пошлины, начальником белодоспешных стражников. Выслушав купца, тот кивает и жестом позволяет ехать дальше.

Взгляд Креслина скользит вверх по пологому склону. Поблизости от дороги нет ни деревьев, ни даже кустарников, и склоны ближних холмов, почти до половины своей высоты, покрыты только травой.

Сознавая свое невежество в области прокладки дорог, юноша все же задумывается над тем, почему эта дорога проложена не выше, а ниже окружающей местности. При том, что строители предусмотрели возможность отвода талой или дождевой воды: вдоль правой обочины тянется выложенный камнем дренажный канал.

Он хмурится. Военное значение тракта очевидно, но какой смысл строить стратегическую дорогу так, чтобы враг мог укрыться на господствующих над ней высотах?

Но ответ находится, и он удовлетворенно кивает. Чародеи, надо полагать, опасаются не лучников, а других чародеев. Способных, например, гнать стелющийся огонь — скорее всего, именно по открытой местности. Даже ему, Креслину, не так-то просто направить ветры на эту дорогу. Но при всем этом он подозревает, что Эмрис или Хелдре не составило бы особого труда обратить особенности дороги против ее строителей.

— Едем прямо! — орет Герхард.— Там, впереди, торговая стоянка.

Креслин направляет свою мышастую кобылу туда, куда указал жирный торговец. Теперь он едет на север, и солнце греет его спину. Менее чем через кай перед ним открывается площадка, заставленная палатками и шатрами разнообразнейших размеров и форм, многие из которых залатаны подчас самыми неподходящими тканями.

— Питлик! Дуй туда, подбери местечко. Ты знаешь, что нам нужно. Эти проклятые маги со своими правилами...— Герхард понижает голос. Креслин пытается подслушать, но слова кажутся бессвязными и лишенными смысла.

— Зерн!

— Да, почтеннейший,— старший охранник приноравливает ход коня к скорости фургона и наклоняется к торговцу.

«...как только получим пропуска... Питлик... местонахождение... Уплатим среброглав...»

«...до того как отправимся в путь?»

«...не раньше, чем ты получишь таргю...»

Креслин напрягает слух, но перестук колес и скрип осей все равно заглушает голоса.

«...заплачу ему... ладно... и серебряник сверху...»

«...серебряник... я... мы...»

«...хочешь оказаться на его месте, Зерн?»

«...таргю... Я не стал бы биться об заклад...»

«...таргю...»

«...ладно...»

Размышляя о том, кем или чем является загадочное «таргю», Креслин направляет мышастую кобылу навстречу сутолоке и гомону торговой стоянки. К нему подъезжает Зерн.

— А почему мы не едем прямо в город? — интересуется юноша.

— Нельзя. В Фэрхэвене разрешается продавать только снедь, всем прочим торгуют только местные жители. В этом городе торговцев не жалуют.

— Что, туда и попасть нельзя?

— Ну, приятель, этого я не говорил,— гогочет Зерн.— Добро пожаловать, если хочешь расстаться со своими денежками. Можешь посмотреть. Попасть-то можно, только зачем? В разговоры с чужаками местные почти не вступают. Выпить там не с кем, игр не водится, а тамошние девчонки... об этом тоже забудь. Нечего там делать, кроме как болтаться по улицам. Опытные люди туда не ездят.

— Стало быть, все обходятся стоянкой?

— Да, здесь есть все, что надо.

В том, что здесь есть все, что нужно ЕМУ, Креслин сомневается, но оставляет свои сомнения при себе. У очередного поста они останавливаются и ждут, когда Герхард оплатит въезд на площадку.

— Пропустить! — командует стражник, и перегораживающий дорогу брус поднимается.

Креслин едет за Зерном, стараясь не чихать: конские копыта поднимают в воздух легчайшую пыль. Преодолев несколько

сот локтей по извилистому проезду между палатками, Зерн указывает на красно-золотой флаг над небольшим возвышением с северной стороны площадки. Флагом машет Питлик, и фургоны поворачивают к нему.

Спустя несколько мгновений Герхард уже выкрикивает распоряжения:

— Берите ту большую палатку, разворачивайте, ставьте...

Зерн присоединяется к Питлику, передав поводья своего коня Креслину. Тот, в свою очередь, привязывает обеих лошадей — и свою, и Зернову — к коновязи, но расседлывать пока не спешит.

Выбранное Питликом место находится в северной части площадки, на небольшой, локтя в три, возвышенности. Границу торговой стоянки обозначает изгородь из жердей, за которой лениво вьется ручей. Креслин обозревает море палаток, прислушивается к гулу голосов, но все, что ему удается уловить, связано с торговлей и наживой.

— Дары моря, лучшие по эту сторону Закатных Отрогов!

— Пряности и приправы! Любые пряности, какие вы можете пожелать!

— Огненное вино! Только у нас настоящее огненное вино!

Бывший консорт утирает вспотевший лоб и смотрит на фургоны Герхарда. Торговец еще отдает приказы, но Зерн уже направляется к Креслину с кожаным мешочком в руке.

— Вот... тебе...— Зерн говорит запинаясь, словно силится повторить заученные, но вдруг вылетевшие из головы слова.

— Работа закончена?

Зерн кивает:

— Да. Вот наградные. Полсеребряника сверх уговора.

— Щедро. Стоит пойти и сказать спасибо Герхарду, или за это следует благодарить тебя? — приступ тошноты не мешает Креслину сохранить невозмутимую физиономию.

— Я ни при чем...— Зерн прочищает горло.— В общем... удачи тебе.

— Спасибо.

Креслин крепит заплечные ножны к котомке и забрасывает ее за спину вместе с мечом. Под пристальным взглядом Зерна.

Перед тем как отойти от фургонов Герхарда, возле которых Питлик возится с бесформенной палаткой, Креслин сует монеты в кармашек на своем поясе. Заработок ему кстати: некоторое время не придется разменивать золотые Фрози и уж тем паче обращать в монету звенья золотой цепи.

— Несравненные изделия гончаров Спидлара. Лучшая пурпурная глазурь из Сутии!

— Только взгляните! Моя бронза не уступает в твердости стали!

Похвальба оружейника вызывает у Креслина усмешку: любой самой лучшей бронзе никогда не сравниться с доброй сталью Западного Оплота. Он поднимает глаза, рассматривая снующих между палаток людей. Менее чем в десяти шагах от него стройная черноволосая женщина в почти прозрачном шелковом одеянии следует за худощавым мужчиной с большими закрученными усами. Она закована в цепи, такие тонкие и легкие, что могли бы сойти за украшение. И все же это настоящие железные цепи. От нее исходит ощущение печали. Встретившись с Креслином глазами и заметив его серебряные волосы, незнакомка едва заметно качает головой и произносит несколько слов. Расслышать их ему не удается. Затем цепь увлекает ее за усатым мужчиной, который даже не оглянулся.

Креслин сглатывает. Он видит невидимую другими белизну в ловушке холодного железа, и от этого холодком пробирает его самого.

— Лучшая древесина! Кедры из Хидлена! Сосна из Слиго!

— Целебные бальзамы! От любых хворей!

Юноша не успевает отойти от фургонов и на десяток шагов, когда перед ним появляется белокурая, щедро одаренная телом женщина в прозрачном, ничего не скрывающем наряде. Эту богиню любви сопровождает мужчина, который, что бросается в глаза сразу, выше Креслина, наверное, на целый локоть. Взгляд юноши отмечает запястья толщиной в кровельную балку.

— Паренек с запада...— гортанный голос и завлекающая улыбка явно предназначены для него. Красотка ступает вперед, и Креслина окутывают запахи: запах риалла и запах женщины. Она делает еще шаг.

Креслин выжидает, присматриваясь к соскам на высокой, полной груди и пухлым, красным губами...

«Идиот!»

Откуда появляется эта мысль, Креслину неведомо, но он моргает и заставляет себя увидеть больше, чем доступно обычному зрению.

А в результате с трудом сдерживает рвоту. Женщина не безобразна, но клубящаяся вокруг нее белизна подсвечена красноватым заревом, источающим зло.

— Ага, выходит, он может видеть больше... чем следует,— голос тот же, но теперь в нем звучит то ли шипение, то ли свист: умей змея говорить, она, наверное, говорила бы так.

Похоже, Креслин и эта странная пара сделались невидимыми; здоровенный рыночный стражник проходит менее чем в локте, не замечая их присутствия.

Ощущая угрозу, Креслин начинает пятиться, но собственные мышцы отказываются ему повиноваться. Сопровождающий жен-

щину великан ступает вперед, и его поступь сотрясает землю. У него меч, такой длинный и широкий, что им можно выворачивать валуны из земли. Но даже если для этой цели громадный клинок подходит лучше, чем для боя, юноше от этого не легче: дотянуться до своего оружия он не может. Однако мысли, в отличие от тела, ему повинуются. Креслин, потянувшись ими к ветрам над головой, нащупывает тончающую линию, связывающую их с бурями и громами, бушующими над Крышей Мира...

— Бейся, среброкудрый малыш. Я люблю смотреть, как дерутся мужчины.

Остановившись, великан берется за рукоять своего тяжелого меча. Креслин напрягается и, ухватившись за дальние напоенные снегом и градом тучи, притягивает к себе струи ледяного воздуха.

Неожиданно и страшно завывает ветер. Юноша слышит, как начинает хлопать парусина шатров, и чувствует, как над головой сгущается туманное облако.

Рот женщины открывается в беззвучном крике, когда ярость направленных Креслином ветров обрушивается на пронизывающую ее белизну. Где-то вспыхивает молния, крупные градины начинают барабанить по парусине.

— А-а-а-а!..— истошный крик на миг перекрывает шум ветра, и белизна исчезает.

В тот же миг Креслин сбрасывает оцепенение и выхватывает из-за спины клинок. Как и гигант, обнажающий меч над упавшей на землю оледенелой фигурой.

Юноша движется стремительно, но и его противник удивительно быстр, так что сражаться и одновременно удерживать в повиновении ветра Креслин не в состоянии. Он увертывается, стараясь, чтобы его клинок лишь скользил по вражескому мечу, ибо отбивать столь сокрушительные удары ему не по силам.

Каждый удар отдается болью в его руке. Она немеет, держать меч становится все труднее. Предвкушая победу, великан заносит клинок для решающего удара, но Креслин опережает его стремительным выпадом. Гигант тупо смотрит на юношу и падает.

— Кому это там досталось? — слышится чей-то голос.

— Таргю и ее спутнику.

Даже не вытерев меча, Креслин вкладывает его в ножны, подхватывает оброненную котомку и, пригибаясь за палатками, спешит к дороге. Смерть здоровяка-меченосца вряд ли огорчит торговцев. Таргю — другое дело, но выбора у него так или иначе не было.

Ощутив молчаливый, но настоятельный вопрос, он вскидывает голову и на сей раз успевает заметить белокрылую птицу, тут же исчезающую в грозовом небе.

За то время, пока юноша добирается до дороги, ветер еще не стихает, но уже успевает заметно похолодать. Креслин вновь и вновь вспоминает белую птицу. Мегера? Не она ли предупредила его? Но почему? Кто она и чего добивается? Юношу пробирает холод, едва ли не такой же, какой он обрушил на Белую колдунью. Это ведь ее — в подслушанном им разговоре — упоминал Герхард.

Стоит ли ему идти в Фэрхэвен?

Но где, в каком еще месте может он надеяться постичь самого себя?

XXXI

Не останавливаясь, торопливым шагом Креслин спешит по боковой дороге, тоже ровной, хотя все же с выбоинами от колес. Удалившись от торговой стоянки по меньшей мере на три кай, он оглядывается, выискивая взглядом висящую над площадкой пелену — смесь влажного тумана с дымом множества костров. Но вместо этого увидел поднимающееся к солнцу темную снизу, обрамленную ватными белыми завитками, грозовую тучу.

Гроза среди ясного дня! Неужто для этого хватило одного лишь призыва к высоким ветрам?

Дорога, по которой он идет, представляет собой не военный или торговый тракт, а обычный проселок, с колеями, следами копыт и кучками конского помета. «Возможно,— размышляет Креслин,— мне удастся подъехать до Фэрхэвена на фургоне какого-нибудь хуторянина, направляющегося в город. А не получится, так доберусь и пешком».

Отмахав еще кай, он снова оглядывается и видит, что туча разрослась далеко за пределы торговой стоянки и теперь отбрасывает тень на дорогу. А еще там, где дорога переваливает через пологий холм, юноша замечает фермерскую подводу с двумя фигурами на козлах.

Креслин шагает дальше и вскоре слышит позади тяжелое громыхание догоняющей его повозки, запряженной здоровенным конем, не уступающим статью вороному убитого разбойника. Такую крупную лошадь он встречает всего третий раз в жизни. Вожжи держит черноволосый седеющий мужчина. Рядом с ним женщина, худощавая и тоже черноволосая, но без признаков седины.

— Эй, приятель,— окликает его возница,— подвезти?

— Я бы не отказался, почтеннейший.

— Ну, так и не отказывайся. Залезай, только не угоди в корзину.

Высмотрев промежуток между корзинами с картофелем, овощами и зеленью, Креслин ловко перемахивает через борт и усаживается на пыльные доски.

— Ты, малый, часом, не акробат? — интересуется возчик.

— Нет. Просто не знал, как еще сюда забраться.

— Куда путь держишь? В Фэрхэвен? — спрашивает женщина.

Креслин кивает.

— Вообще-то магам не слишком нужны солдаты,— замечает мужчина.

— Да, слышал. Но я не солдат, хоть и владею клинком.

Против этого утверждения желудок Креслина не протестует, но по спине пробегает холодок. Если он не солдат, то кто?

— Надеюсь, ты также и не маг,— говорит мужчина.— Здешние не больно жалуют чародеев, кроме своих, конечно.

— Я слышал, они отличаются редким недружелюбием,— замечает Креслин.— Торговцы говорят, что маги не любят торговцев, ты — что они не привечают ни солдат, ни других волшебников. Похоже, они настроены против всех!

— Так уж и против всех? — смеется хуторянин.— Они любят детей, а еще ремесленников, крестьян и всех тех людей, которые живут своим трудом и своей жизнью, а в чужие дела носа не суют.

Креслин слушает и кивает.

— Фэрхэвен — прекрасный город. Там можно бродить по улицам — хоть днем, хоть ночью,— и чувствовать себя в полной безопасности. Захочешь поесть — в любое время заходи в любую харчевню и можешь быть уверен: угостят на славу и за справедливую цену. О многих ли местах можно сказать то же самое?

— Нет,— соглашается Креслин.— Таких немного.

Спустя некоторое время подвода выезжает на другую, более широкую, вымощенную камнем дорогу, которая тянется на юг вдоль горного кряжа. Между тем солнце скрывается за тучами, небо над головой хмурится.

— Эта дорога ведет прямиком в город?

— Так и есть, паренек. А что ты собираешься там делать?

Креслин пожимает плечами:

— Первым делом оглядеться по сторонам. Потом перекушу и поищу местечко для ночлега.

— Надеюсь, у тебя завалялось несколько монет?

— Чуток найдется.

— Учти, маги жестоко карают за воровство. Пойманного в первый раз определяют в дорожную команду, а кто попадется во второй — тот покойник.

— Дорожную команду?

— Да, посылают мостить камнем Великий Тракт, что идет с востока на запад. Говорят, когда-нибудь он пересечет весь Кандар,— хуторянин натягивает вожжи.

— Только это будет не при нас,— добавляет женщина почти таким же гортанным, с хрипотцой, голосом, как и у ее спутника.

— Ну, Марран, не знаю. Еще на моей памяти дорога едва достигала Кертиса, а теперь, говорят, она протянулась почти на половину пути через Рассветные Отроги.

Креслин слушает, кивает и порой задает уточняющие вопросы.

Ближе к городу дорога становится оживленнее: повозки тянутся в обоих направлениях. Мимо стремительным галопом проносится гонец в белой тунике с красной перевязью.

— А не поздновато ты собрался ехать в город? — любопытствует юноша.

— С нашим товаром в самый раз,— отвечает хуторянин.— Мы собираем овощи поутру, но в городе они... хм... вроде как вянут. Уж не знаю, почему, но некоторые растения теряют там свежесть гораздо быстрее, чем следует. В нашем погребе лежат себе и лежат, а там нет. Наверное, из-за магии, в городе ее слишком много. Но так или иначе у нас есть постоянные покупатели; они знают, что мы приезжаем попозже, и к этому времени посылают слуг за свежей зеленью и всем таким. Им удобно, и нам хорошо: в раннюю пору улицы забиты, а тут нет надобности проталкиваться сквозь толпу.

Креслин снова кивает и берет на заметку странную особенность Фэрхэвена. Любопытно, что же именно вызывает ускоренное увядание овощей? И почему именно овощей? Впрочем, вполне возможно, это касается лишь овощей определенных сортов.

Заметив впереди какое-то сооружение, он приподнимается на качающихся досках.

— Это старые ворота,— поясняет приметивший его движение возница.— Сохранились с тех времен, когда волшебники лишь появились в долине.

Креслин разглядывает ворота, зеленеющие позади них кусты и деревья, беленый гранит строжки и поребриков. Желудок его скручивается в узел.

— Пожалуй, сойду здесь.

— Смотри. Отсюда до площади еще два кай. Если не три.

— Мне нужно...— начинает Креслин, закидывая котомку за спину, но тут же умолкает и пожимает плечами. Не в состоянии он объяснить, почему ему нужно войти в город именно через старые ворота.

— Мы могли бы подбросить тебя до самой площади, паренек. На своих-то двоих туда топать и топать.

Он ослабил вожжи и не торопится понукать своего крупного, с глубокой седловиной коня, видимо, ожидая, что попутчик передумает.

— Спасибо за доброту, но мне требуется некоторое время...— юноша с серебряными волосами чувствует, что ему просто необходимо остановиться и подумать. Попытаться понять, что же именно надеется он найти в Фэрхэвене. В Белом Городе, являющем собой средоточие самой сути всего того, что есть Кандар ныне и останется им на много поколений, если не на все грядущее тысячелетие.

— Нужно так нужно, отговаривать не будем.

— Спасибо,— еще раз говорит Креслин и, легко перемахнув деревянный борт подводы, приземляется на твердый гранит. Такой твердый, что Креслин невольно пошатывается.

— Эй, ты уверен? — спрашивает загорелый хуторянин, уже натягивая поводья.

— Да, да,— подтверждает Креслин.— Большое спасибо за заботу, но, правда, я должен сначала поразмыслить.

— А, вот оно что. Дело, конечно, твое, но от лишних раздумий только ум за разум заходит. А на самом деле важно не что ты думаешь, а что ты делаешь. Ну бывай.... Но, пшел!

Подвода трогается с места и громыхает дальше по широкому, разделенному зеленой линией бульвару, в который западный тракт превращается при въезде в Белый Город.

Воистину белый, белый, как отблеск полуденного солнца на песках пустыни Виндрус, белый, как свет от магического посоха чародея, Белый и чистый, такой, что даже светло-серые гранитные плиты в солнечных лучах отсвечивают белизной, а в тени словно светятся изнутри.

Стоя у башен западных ворот, Креслин бросает взгляд на долину, где раскинулся город, и поражается изумительному сочетанию белизны с зеленью. Высоченные, с густыми и пышными изумрудными кронами деревья вписываются в узор белокаменных бульваров и улиц. Но если в центре этот узор подобен изысканной вязи, то два великих тракта с юга на север и с востока на запад ограждают Фэрхэвен, подобно двум белым каменным клинкам.

Креслин медленно движется мимо пустых старых строений к невидимой черте, за которой почти все здания кажутся белыми. Даже под сулящими скорый дождь свинцовыми тучами белокаменные улицы выглядят так, словно напоены внутренним светом.

Креслин делает первый шаг по бульвару, разделенному на две полосы газоном, кустами и известняковой оградкой, и начинает понимать, что не видит никаких цветов, кроме белого

и зеленого. Белизны камня и зелени растений. Ему приходится присмотреться к дороге, прежде чем он понимает, что все подводы и верховые кони, направляющиеся в город, движутся по правой полосе, тогда как левая ведет на выезд. Внешние обочины обеих полос предназначены для пешеходов.

По мере продвижения к центру соотношение белого и зеленого цветов изменяется в пользу белого. Ни одна из городских построек не имеет больше трех этажей.

Сделав глубокий вздох, Креслин тянется к ветрам... и голова его идет кругом. Он видит город наполненным кружащимися, искажающими все и вся белесо-красноватыми узорами. В какой-то миг ему кажется, что за этой хаотической круговертью открываются одно или два пятна холодной черноты, но напряжение слишком велико и продолжать поиски он не может. До тех пор, пока не узнает больше.

Креслин утирает рукавом выступивший на лбу пот. Да, магия и впрямь пронизывает здесь все, не считая каменной кладки, каковую создали труд и искусство, а также вполне естественных, ничуть не связанных с волшебством растений.

Сделав еще один вздох и еще раз обтерев влажный лоб, Креслин осторожно ступает вперед.

XXXII

— Донесение,— лицо старшего стража как всегда бесстрастно, несмотря на темные круги под глазами и судорожную хватку сильных пальцев на рукояти кинжала.— Он съехал с Крыши Мира на лыжах по Спуску Демонов...

— Откуда ты знаешь?

— Мы прочесали весь лес и нашли множество следов... но только следов стражей. Никакой лыжни, разумеется, не осталось. В этом отношении он проявил осторожность.

— И ты не смогла настичь его? Обыкновенного мужчину? — спрашивает маршал.

Старший страж опускает глаза:

— Он успел оторваться с самого начала, и мы не знали, куда он направится. Как только это выяснилось, искать стало легче.

— В таком случае почему же он не здесь? — голос маршала остается холодным, словно речь идет об обычной передислокации войск.

— Потому что ты запретила нам всходить в Фенард или пересекать Рассветные Отроги. Сейчас...— страж сглатывает...— Сейчас он, скорее всего, уже в Фэрхэвене. По крайней мере все признаки указывают на это.

— Быстро же он успел,— замечает маршал.

Страж опускает глаза еще ниже.

— Ты потребуешь моей отставки?

Хриплый смех маршала эхом отдается от каменных стен.

— Зачем? Ты сделала все, что могла, в соответствии с моим приказом и своими возможностями. Поймать его тебе удалось бы лишь в том случае, если бы он был ранен или допустил непростительную оплошность. Ты говорила с наставницей бойцов насчет его умений?

— Нет, госпожа.

— Вот именно. А иначе знала бы, что он не уступит большинству старших стражей. О чем не знает сам, хотя удержать это в секрете от него и большинства стражей было непросто.

— О! Но почему сейчас ты...

— Я не сказала тебе этого заранее потому, что не хотела навязывать тебе образ действий и, возможно, даже настраивать тебя на возможный провал. Спроси Эмрис. Мой сын ни при каких условиях не вырос бы беспомощным. Но, возможно, разрешив дать ему такую подготовку, я поступила неверно.

— Госпожа... но почему?

Маршал встает, поворачивается и смотрит на бьющиеся о свинцовые оконные рамы тяжелые хлопья снега.

— Скажи, что предпочла бы на его месте ты: остаться здесь или превратиться в изнеженную игрушку там, в Сарроннине?

Страж молчит.

— Конечно, ты не можешь ответить. Это был нечестный вопрос,— маршал продолжает смотреть на кружащийся за стенами цитадели снег.— А он... я могу лишь надеяться, что он найдет свое место в жизни... хотя бы со временем.

И снова ее неподвижный взгляд останавливается на падающем снеге. Страж уже ушла, а маршал смотрит и смотрит на то, как темный покров наступающей ночи устилает камни парапетов поверх снежного покрывала.

XXXIII

Незадолго до сумерек, в последних золотистых лучах солнца, кучка людей толпится на мощеной площади вокруг трех повозок. На одной из них, окрашенной в зеленый цвет, установлена жаровня. Снимая с решетки прожаренное мясо, женщина ловко заворачивает его в тонкую лепешку и подает ближайшему бородачу. Проделав ту же процедуру со следующим покупателем, она добавляет на решетку еще пару кусков дичи.

Запах жареной птицы щекочет ноздри. У Креслина текут слюнки. У него не было во рту ни крошки с самого завтрака, а с тех пор он оставил за спиной много-много кай.

Подойдя к зеленой повозке, юноша становится в очередь позади полного мужчины в зеленых брюках и такой же тунике без рукавов, надетой не поверх рубахи, а прямо на голое тело.

— Пирог с дичиной! — доносятся до слуха Креслина слова покупателя.

— Два медяка.

Две монетки перепархивают из рук в руки. Между торговкой и толстяком перед Креслином стоят еще две молодые женщины.

«...отец считает, что он слишком прямодушный...»

«Ха. Тебе стоило бы увидеть его на улице Винден, а то спросить, почему Рива ушла жить в Хрисбраг, к своим тетушке и дядюшке...»

«...думать плохо о кадете из Белой стражи... Ты, должно быть, шутишь...»

— А баранина у тебя есть?

— Есть. Пирог будет стоить три медяка. А что тебе, почтеннейший? — вопрос обращен к мужчине, стоящему перед Креслином.

— Два с курицей,— толстяк слегка сторонится.

— Ну а тебе, серебряная головушка? — по годам женщина, наверное, ровесница Эмрис, но, в отличие от грозной воительницы, от нее так и веет добродушием, а мешковатая туника не может скрыть излишнюю полноту.

— Один с дичью,— Креслин протягивает медяки.

— О, монетки-то кертанские.

— А что, они не годятся?

— Ну, это вряд ли. Годятся, просто нечасто попадаются,— она улыбается, снимает со своей решетки пару прожаренных кусков и быстро заворачивает в тонкие лепешки, выложенные стопкой на блюдо рядом с жаровней.— Вот, прошу. Один с птицей, один с бараниной.

Две девушки, не оглядываясь, направляются к каменной скамье.

«...ох, отец и разозлится. Так поздно...»

«...да пусть он...»

На траве позади скамейки, куда уселись девушки, останавливаются трое бородатых мужчин с флягами в руках в одинаковых зелено-красных просторных накидках.

Тринадцатый день говорили, что мертв,
но он из мертвых восстал,
И путь капитан ему преградил, но голову лишь потерял!
Неистов моряк, он морю под стать,
Но за пояс заткнет и его
Девчонка одна, Мари ее звать,
Вот песенка про кого!..

За все время пребывания в городе Креслин впервые слышит песню, а потому непроизвольно оглядывается. В очереди, во всяком случае на данный момент, он последний. Около других повозок народу нет, и чем торгуют с них — ему не видно.

— А вот и два с курицей.

Получив пару лепешек с горячей начинкой, толстяк вперевалку направляется к скамье — справа от той, которую заняли девушки. На ней, с самого краю, уже сидит пожилой мужчина в тускло-коричневом одеянии и посохом в руке. Все его внимание сосредоточено на паре голубей, копошащихся под скамейкой в поисках крошек.

— Эй, серебряная головушка!

Креслин вскидывает глаза на торговку.

— Прошу прощения,— он принимает теплую на ощупь лепешку.

— Чужестранец, а?

— Что, заметно? — со смехом откликается он.

— Ну и как тебе Фэрхэвен?

— Похоже, его не зря называют Белым Городом. Тут очень чисто, да и люд здешний, как поглядеть, весьма доволен жизнью.

Снова доносится та же песня: поют громко, но совершенно не в лад:

> ...И этак дунул, наконец, что мачту уронил,
> Но сам поднялся и венец префекта прихватил!
> Э-э-эх! Неистов моряк, он морю под стать,
> Но за пояс заткнет и его
> Девчонка одна, Мари ее звать,
> Вот песенка про кого!
> Э-э-эх!

Креслин сморщился от резкого, громкого свиста.

— Что это?

— Стражи порядка свистят, вот что. Постой лучше здесь маленько, а? На вот, хлебни,— торговка протягивает ему флягу.

Свист снова режет его слух.

— А можно спросить, почему? — Креслин озирается по сторонам, и обнаруживает, что никто, кроме него, похоже, вовсе не обращает внимания на шум. Девушки продолжают беседовать, старик таращится на голубей. Креслин снова поднимает взгляд на торговку.

— Да вот, распелись бедолаги...— голос женщины настолько тих, что он едва различает слова.

Свист повторяется.

— Прекратить шум!

Хриплый приказ режет слух почище пьяной песни, но Креслин, следуя примеру торговки и девушек, не смотрит на стражей, уже подступивших к гулякам. А те продолжают петь, наплевав и на свист, и на приказ.

— Эй вы трое! Соскучились по дорожной команде?

— Да пошел ты в задницу, белый маньяк.

Сразу за этими словами следует глухой стук упавшего тела.

— Ну, бездельники, пошли́ с нами. Леррол, вызовешь мусорщиков.

Креслин сглатывает и вопрошающе смотрит в темно-карие глаза торговки.

— Пошли...

Лишь когда шаги стражников и двух незадачливых кутил стихают в отдалении, женщина позволяет себе вздохнуть.

На лежащее на траве за скамьями тело никто не смотрит.

— Пьянство? — хрипло спрашивает Креслин. Она качает головой:

— Пение в общественном месте. Говорят, дурно воздействует на Белую магию. Карается вплоть до смерти.

Только сейчас Креслин вспоминает о том, что в его руке фляжка, и делает глоток.

— Спасибо. Сколько с меня?

— Ничего. Рада была помочь, я ведь и сама не здешняя,— приняв фляжку, женщина уже начинает поворачиваться к жаровне, но останавливается.— Будь осторожен. Ты чужестранец и носишь холодную сталь.

Она спрыскивает водой жаровню — угольки громко шипя́т — и принимается мять тесто. Креслин садится на самую дальнюю от тела скамейку — попадаться на глаза этим «мусорщикам», которые явятся за трупом, ему совсем не хочется — и откусывает кусок пирога. Тесто успело пропитаться мясным соком, но осталось теплым.

На его вкус блюдо слишком пряное, однако ничего другого нет, и он откусывает снова. Тем временем девушки встают и, не глядя в его сторону, проходят мимо.

«...можешь себе представить... как будто если ты Белый страж, так уж...»

«...поздно. Отец, он...»

«...и пусть его. Он вечно найдет, к чему прицепиться...»

Солнце уже закатилось за низкие западные холмы, и Креслин сидит теперь в тени, однако маленькая площадь вовсе не выглядит мрачной. Женщина на подводе заканчивает торговлю и начинает собирать в деревянный сундучок свои припасы. Напо-

следок она накрывает угасшую жаровню и поднимает откидной задний борт.

Креслин следит за тем, как повозка выезжает с площади и движется на север по пологому склону. Две другие успели уехать раньше.

Покончив-таки с пирогом, Креслин встает. Поднявшийся одновременно с ним старик на миг останавливает на юноше взгляд, словно желает выяснить, куда тот пойдет.

Креслин поворачивает на юг, на тот бульвар, откуда пришел.

Старик направляется на север, куда уехала торговка.

Один за другим вспыхивают уличные фонари: Креслин всякий раз ощущает мимолетное касание красной сущности пламени.

Фэрхэвен, как и любой город, полон гомона, но обращенный к ветрам слух юноши улавливает лишь отдельные, самые отчетливые и громкие звуки. Да и то с трудом — они тонут в тумане Белой магии.

«...не здесь. Отец...»

Он ухмыляется.

«...я ей говорю: мне это нипочем. Так что пусть подумает...»

«...тридцать один, тридцать два, тридцать три... Неплохой денек... немало чужеземцев, а они легче раскошеливаются».

«...что-то сегодня слишком много белых плащей...»

Последняя фраза заставляет Креслина проследить за парой стражников, неторопливо бредущих по другой стороне бульвара. И попытаться услышать их разговор.

«...ищем-то кого?»

«...не объяснил. Сказал: как увидим — сами поймем».

«...дурацкий приказ, если хочешь знать мое мнение...»

«...как раз наше с тобой мнение спросить и забыли...»

Юноша с серебристыми волосами наклоняется — будто бы поправить сапог — и выпрямляется лишь когда стражники, даже не взглянув в сторону Креслина, проходят мимо.

Может быть, ему стоит повернуться и уйти? Но с чего он взял, будто белые плащи ищут именно его? Вряд ли кто-либо знающий о случившемся на торговой стоянке может его опознать. И уж конечно ни маршал, ни тиран не обращались к магам с запросами по его поводу.

Он качает головой: в любом случае ему необходимо узнать побольше. А значит, уходить рано. Дойдя до конца пологого склона — дальше дорога идет по плоскости,— Креслин выходит к площади, где находит скамью, стоящую в тени. Таких скамеек немного, ибо тьма ночи разгоняется светом множества фонарей. Белым светом, красный оттенок которого никому, кроме него, невидим.

Присев на скамейку возле фонтана, юноша вслушивается в шумы и голоса теплого вечера, желая лучше постичь этот необычный город. По одну сторону площади тянется длинная аркада с мастерскими и лавками: тут и столяр, и ткач, и корзинщик, серебряных и золотых дел мастера, и бондарь... кого только нет. Впрочем, как раз это нетрудно заметить. Нет ни одного мастера, имеющего дело с холодной сталью. Многие, хотя и далеко не все, лавки уже закрыты, а вот в открытой харчевне на дальнем конце бульвара звоном фальшивых колокольчиков разливается женский смех.

Чем больше узнает Креслин, тем сильнее недоумевает. О нем говорили как о Маге-Буреносце, однако холодная сталь ничуть его не страшит. В то время как целый город, управляемый более могущественными и сведущими, чем он, чародеями, определенно остерегается этого металла.

Впрочем, о неприязни магов к холодной стали ему случалось слышать и раньше. Но как понять странный запрет на пение в общественных местах? И почему люди словно бы не заметили совершенное Белыми стражами убийство, никак не выразив своего отношения к случившемуся?

Размышляя обо всех этих странностях, Креслин слышит доносящиеся из дверей, куда сворачивают многие прохожие, приглушенные звуки гитары и, кажется, даже тихое пение. Поднявшись со скамейки, он направляется туда; вдруг это хоть что-то прояснит. К тому же, возможно, Белые стражи патрулируют увеселительные заведения с меньшим рвением, чем улицы. Правда, возможно и обратное.

Когда юноша заходит в задымленное помещение и озирается по сторонам, никто не обращает на него внимания. В глубине зала находится возвышение, где одинокий музыкант перебирает струны и напевает какую-то дурацкую песенку:

—...Ла-ла, ла-ла, в первый день весны
Наша кошка с собакой игра-ла-ла...

Ноты можно назвать в лучшем случае медными. Креслин сыграл бы лучше, даже не особо стараясь. Приметив у стены не занятый, хоть на нем и стоят две пустые кружки, столик, юноша бочком направляется туда.

— Эй, поосторожней! — звучит грубый голос.

Обернувшись, Креслин видит двоих парней, сидящих по обе стороны от молодой женщины.

Окликнувший юношу курчавый малый демонстративно трогает рукоять ножа.

— Кого я не люблю, так это чужаков,— заявляет он.— Ты не думаешь, приятель, что тебе лучше бы убраться в свои края?

— Нет,— невозмутимо произносит Креслин, глядя курчавому задире прямо в глаза.— Пожалуй, я так не думаю.

Парень отводит взгляд. Добравшись до столика, юноша садится, а свой мешок кладет под ноги. Так, чтобы дотянуться до рукояти клинка было совсем нетрудно.

— Что будем заказывать? — служанка забирает пустые кружки и проходится по столешнице влажной тряпкой.

— А что у вас есть?

— Ты певец? — у женщины круглое лицо, черные, остриженные выше плеч кудряшки и приветливый, но твердый голос.

— Нет, во всяком случае, не сейчас,— смеется Креслин.— Так что у вас есть?

— Жаль, что не певец. Нынешний-то... хм. Говорят, правда, будто следующий будет лучше. А что у нас есть... Сидр, мед, вино...

Креслин пожимает плечами:

— Неси сидр.

— Три монеты.

Заметив изумление на его лице, служанка поясняет:

— Ты платишь за пение. Хоть и не лучшее, но все же пение. Наше заведение, одно из очень немногих, имеет разрешение.

Креслин достает три монеты и кладет на стол.

— Вот и чудненько. Только смотри, чтоб никакой магии. Лучше им к моему возвращению здесь же и лежать.

Ее голос звенит весело, позволяя понять — она не опасается исчезновения денег. Бедра служанки слегка задевают Креслина, когда она поворачивается к той самой троице, мимо которой он протискивался к столу.

— Повторить?

— Пока нет,— отвечает женский голос.

— Хорошо.

Гитарист заканчивает играть и покидает возвышение, удостоившись лишь жиденьких хлопков. Креслин, дожидаясь своего сидра, присматривается к посетителям. Неподалеку от столика курчавого задиры расположились четверо чужеземцев, к которым тот наверняка не цеплялся: они одеты как воины и на широких поясах носят тяжелые мечи. За соседним столиком пристроились две пары неопределенного возраста. Двое посетителей выглядят торговцами, трое одеждой походят на мореходов. Каким ветром занесло их в Фэрхэвен — Креслину невдомек. Пять коротко стриженных женщин с кинжалами на поясах занимают угловой столик, который кажется укутанным в белое облако. За другим обнаруживается еще одна компания чужеземцев: четверо мужчин и женщина. Вооружены из них лишь двое — эта самая женщина и один мужчина.

— А вот и сидр,— служанка ставит на стол тяжелую кружку.

— А вот и денежки,— смеется Креслин.— Как обещано, никакой магии.

— Спасибо, парнишка. Сейчас выйдет новый музыкант, говорят, не чета прежнему,— она поворачивается к возвышению, куда уже поднялся плотный мужчина. Он садится, кладет гитару на колени и смотрит на собравшихся.

«...надеюсь, хоть этот будет стоить тех денег, какие здесь дерут...»

«...тише. Дайте послушать».

Юноша отпивает глоток теплого, щедро сдобренного специями яблочного сидра. Едва уловимая горчинка не портит пряного вкуса.

Новый гитарист и вправду играет более профессионально: Креслину его звуки видятся упорядоченными, словно они приклеены к тяжелому, наполненному дымом воздуху. Юноша отпивает сидр маленькими глоточками, уже не отмечая оттенков вкуса: мысли уносят его в прошлое. Ему вспоминается музыкант с серебряными волосами и попытка ухватить плывущую в воздухе золотую ноту.

С рассеянной улыбкой Креслин пожимает плечами и протягивает руку вслед за потянувшимся вперед сознанием.

«Трамм...»

Музыкант на возвышении берет фальшивую ноту. Глаза его расширяются — всмотревшись в угол, где резонируют звуки, он видит самое смутное из серебряных свечений, протекающее меж пальцами сребровласого юноши.

Креслин ослабляет хватку, не обращая внимания на то, сколь неуверенно завершает гитарист свою балладу.

— Это ч-что?..— шепчет пухлая служанка, глядя на тающий в пальцах юноши серебряный луч.

— Всего лишь воспоминание,— отвечает он, как будто эти слова хоть что-нибудь объясняют. Служанка сглатывает, поворачивается и осеняет себя знамением верующих во единого Бога.

— Повтори то же самое, подружка,— говорят ей игроки в кости с соседнего стола.

Дым дубовых поленьев, поднимаясь от очага, смешивается с холодным воздухом — им тянет от открытой двери.

Креслин еще раз отпивает из темно-коричневой кружки, впервые осознавая оттенок вкуса, почувствованный, но не понятый им при первых глотках.

На столе появляется красное яблоко с зелеными полосками. И темной червоточиной. Креслин отпил всего пару глотков, но теперь его кружка опустела чуть ли не наполовину.

— Я предпочел бы этого не знать,— бормочет он, сообразив, что сидр изготовляется из гнилых фруктов.

— Эй, откуда вы берете яблоки, в такое-то время года? — вопрос задает сидящий за соседним столиком чисто выбритый молодой человек с суровым лицом, облаченный в белую одежду стражей.

Так же одета и его соседка, женщина, на отвороте куртки которой красуется знак — разделенный надвое черно-белый кружок. Бросив взгляд на Креслина, она подмечает его серебряные волосы, всматривается в лицо и делает жест.

Крохотный огонек возникает перед лицом служанки, уже спешащей к Белым стражам.

— Да, досточтимые.

Креслин делает глубокий вздох. Уйти сейчас — значило бы привлечь к себе еще больше внимания. Он отпивает еще один глоток сидра, стараясь прикрыть лицо кружкой.

— Сидра и сыру с черным хлебом,— требует женщина.

— Мне того же,— заявляет молодой страж, после чего обращается к Креслину: — И твое яблоко.

Юноша пожимает плечами и со словами «Оно малость подпорчено» протягивает яблоко стражу.

Тот, приняв фрукт, ловко разделывает его на дольки бронзовым ножом с белой рукоятью и тонким лезвием, после чего передает ломтик женщине.

Она отправляет яблоко в рот, начинает жевать, но тут же останавливается.

— Харлаан, где ты это взял?

— У того малого. А в чем дело?

— Да в том, что оно свежее.

— Свежее? Вот это да!

— Эй, ты из какой школы? — глаза женщины буравят Креслина насквозь.

— Школы? Прошу прощения, госпожа воительница, но я не здешний. Рад бы поучиться, но мне неведомо, к кому обратиться.

Женщина-страж поджимает губы:

— Вот так ответ! Услышать такое от мага с запада! — она встает; клинок на ее бедре отсвечивает в тусклом свете таверны золотом.— Ты пойдешь с нами. Со мной и с Харлааном.

Креслин встает, показывая пустые руки:

— Еще раз прошу прощения, но мне неизвестно, в чем я провинился.

— Он ведь чужеземец, верно, Харлаан? — слова женщины обращены к молодому стражу, но глаза следят за каждым

движением Креслина.— Возможно, тот самый чужеземец, которого мы ищем.

— Да,— соглашается мужчина.— Вот и на языке Храма он изъясняется слишком... правильно.

Он поднимается, оставив на столе дольки яблока и направив на Креслина свой бронзовый клинок.

Креслин стоит неподвижно, но бросает взгляд на свою котомку.

— Эй, отойди от стола! — приказывает женщина.— А ты, Харлаан, возьми его торбу. Мне этот чужак сразу показался подозрительным.

— Святые маги! — восклицает Харлаан, поднимая котомку.— Ты только взгляни на этот клинок!

Служанка удаляется, все прочие посетители делают вид, будто не замечают ни Белых стражей, ни их пленника. Точно так же, как поступали прохожие на бульваре.

— А что в нем такого?

— Холодная сталь. И меч — это сразу видно по длине — из тех, какими вооружают стражей Западного Оплота.

— Но все стражи Оплота — женщины, чего никак не скажешь об этом парне. Возможно, он купил меч или украл, перед тем как тайком удрал в горы...

Креслин печально улыбается.

Харлаан качает головой:

— Их клинки не продаются и не крадутся. Этот меч принадлежит ему. Или же он оказался таким бойцом, что сумел отобрать оружие стража.

Креслин морщит лоб, но не произносит ни слова, подозревая, что любые слова могут навлечь на него еще большую беду.

— Интересно,— роняет женщина.— Пошли!

— Могу я оставить медяк служанке?

— Дело твое. Хочешь, так можешь считать себя нашим гостем.

Достав из кошелька монетку, юноша кладет ее на выщербленный стол.

— Куда?

— За дверь, а потом прямо вверх по склону. И не вздумай бежать, если не хочешь, чтобы тебе сожгли потроха.

Креслин наслышан о Белых стражах — они используют как оружие, так и магию. Он весьма сожалеет о том, что первая встреча с ними обернулась для него именно таким образом. И все из-за нелепой оплошности: надо же ему было задуматься о вкусе сидра!.. Поджав губы, он выходит за массивную деревянную дверь, и за шиворот ему лезут капли холодного весеннего дождика. Дневное тепло, казавшееся ему почти летним, исчез-

ло. Колючий дождь досаждает, однако вызвать ветерок и прогнать надоедливую морось Креслин не решается, не зная, как могут воспринять это вооруженные чародеи.

— Вверх по склону, чужеземец!

Следуя этой команде, Креслин рассеянно отмечает немалый рост Белого стража — мужчина выше его почти на целую голову.

— Ты и правда считаешь меня способным использовать этот клинок? — спрашивает его Креслин.

— Да. Сам не знаю, почему, но мне не хотелось бы оказаться поблизости, когда тебе представится такая возможность.

Креслин смеется.

— Ты находишь это смешным?

— Не это. А то, что вы невесть почему сочли меня смертельно опасным преступником. А ведь я вообще ничего не делал: просто сидел в таверне и пил сидр.

Ни тот, ни другая не отвечают, однако Креслин уловил, как усилилось напряжение этой пары, и пожалел, что вообще раскрыл рот. Хотя, с другой стороны, и молчание могло быть истолковано как признание вины.

По мере того как таяли последние отблески заката, тусклобелые камни улицы начинали светиться внутренним светом. Из-за этого висевшие над каждым порогом масляные лампы казались чуть ли не лишними.

Ведущая вверх по не слишком длинному склону улица заканчивается у порога стоящего на холме квадратного здания.

— Сюда!

Взгляд Креслина улавливает полосу белого тумана, похожую на ту дорогу, что совсем недавно привела его в Фэрхэвен.

— Сайриенна? В такую рань — и уже задержала какого-то гуляку!

Слова принадлежат сидящему за столом худощавому мужчине, одетому не в белую, а в черную кожу. Когда он говорит, его губы открывают ровные белые зубы, и зрительно это делает его старше. Но Креслин полагает, что лет ему ненамного больше, чем женщине.

— Вызови Гайретиса.

— Ну у тебя и шуточки.

— Вызови Гайретиса, не то...

— Драгоценнейшая, да ты никак мне угрожаешь?

— И не думаю. Я могу просто вернуть этому малому его меч и больше ни во что не вмешиваться.

— А что, это создаст затруднения?

— Вы, Черные, умеете защищаться только от других магов,— усмехается Харлаан.

— Ты не совсем прав, приятель. Не хочешь ли отрастить еще одну бородку... прямо из глаз?

Молодой страж сглатывает.

— Так ты вызовешь Гайретиса?

— А могу я осведомиться, по какой причине?

— Это запросто. Нелицензированная черная магия, ношение холодной стали и меч — клинок Западного Оплота.

С каждым словом Черный маг присматривается к Креслину все внимательнее, и юноша чувствует пальцы, ворошащие его мысли.

— Тебе страшно повезло, Сайриенна, паренек недостаточно обучен. При том, что силы в нем хватит на троих Черных. К сожалению для него.

Креслин непроизвольно хмурится. О какой Черной силе может идти речь? Неужто всего-навсего об умении касаться ветров? Или о смехотворной способности воссоздать яблоко из сидра? Чему тут можно завидовать, чего опасаться?

— Так где Гайретис?

— Уведомлен.

Человек в черном криво усмехается. У Креслина тяжелеют веки, хочется зевнуть, но колени подгибаются, и ему едва удается не рухнуть на пол. В последний момент юноша мысленно вскидывает руку, силясь защититься от навязываемого сна, но... пол оказывается бездонным и черным.

XXXIV

— Ты уверена, что он тот самый? — спрашивает Высший Маг.

— Да много ли иных, кому такое под силу? Орудовать клинками и искривлять ветры?

— Так что бы его попросту не прикончить?

Все эти вопросы, один за другим, возникают у одетых в белое людей, кружащих над столом, точно стервятники над падалью.

— Нам известно, что он — если это и вправду он — имеет жизненную связь с тираном Сарроннина. Умри он — и что случится?

— Оборвется нить, вот и все.

— И? — стоит на своем тощий малый в белом.

— Тиран узнает, что он покойник. И что дальше?

— И тиран, и маршал предполагают, что он в Фэрхэвене.

— Тебя беспокоят две женщины по ту сторону Закатных Отрогов?

— Кто меня беспокоит, так это два единственных оставшихся в Кандаре правителя, располагающие боеспособными арми-

ями. Я прекрасно помню, что случилось с силами вторжения, которые ты столь деятельно поддерживал, Хартор. К тому же тиран доводится по консорству кузиной герцогу Монтгрена.

— О...

— Вот именно. Если со временем этому юноше суждено лишиться сил и умереть, то...— он пожимает плечами.— Но в любом случае это лучше, чем наносить оскорбление маршалу или Риессе, особенно если в том нет необходимости.

— Я подготовлю темницу,— предлагает Хартор.

В ответ слышится тяжкий вздох.

— Ты хоть о чем-то думаешь, а? Если линии его жизни окажутся сведены в одно место, это будет верным указанием. Задача — скрыть его местонахождение от маршала и тирана; до поры никто не должен знать, в чьих он руках. А там со временем мы сможем широко распространить слухи о жестоких западных дикарках, которые, следуя своей варварской природе, довели бедного юношу до смерти. Такая молва будет нам на руку.

— Но ведь именно мы...

— А кто узнает? Мы ведь не обязаны во всем руководствоваться соображениями Черного Ордена.

Человек в ослепительно белом облачении улыбается, хотя эту гримасу трудно назвать улыбкой.

— Черным такое не понравится, Дженред.

— А им незачем об этом знать. А хоть и догадаются, как они смогут хоть что-нибудь доказать?

— Понял. Как насчет дорожно-строительного лагеря?

— Превосходное предложение, лишь с одним дополнением. Он не должен знать, кем является.

— А если Белая Тьма перестанет действовать?

— Примерно на год ее хватит. А за это время...

Стоящие вокруг стола люди в белом глубокомысленно кивают. Все, кроме одного,— кивает, правда, и он, но его лицо лишено какого-либо выражения.

XXXV

Рыжеволосая женщина встает и, шатаясь, утирает со лба пот.

— Ублюдок! Почему он не заботится о себе? Почему? Проклятая лихорадка, проклятая головная боль! Что они с ним сделали?

Не в силах сфокусировать взор, она снова оседает на деревянный стул, привинченный к полу напротив письменного стола. Ее пальцы впиваются в подлокотники, вырезанные в виде резвящихся дельфинов. Белые шрамы, все еще воспаленные

шрамы на запястьях, горят почти так же, как раньше, когда ей приходилось носить браслеты из холодного железа.

— Сестра...— подавив речи, рвущиеся из глубины души, она бросает взгляд на полку над узкой корабельной койкой, где лежит белый кожаный футляр с зеркалом внутри. Левая рука непроизвольно поднимается, но тут же падает обратно на подлокотник.

И виной тому не качка. Ветры немилосердно треплют каботажное судно, идущее к северному побережью Слиго, в Тайхэвен, однако эту пассажирку морская болезнь не донимает. В отличие от лихорадки, терзающей ее тело, и мыслей, терзающих душу.

Обе руки вновь судорожно вцепляются в дерево, по пальцам пробегает дрожь.

— Сестра, ты заслуживаешь всех мук преисподней! — женщина обессиленно откидывается на стуле. Стоит ей закрыть глаза — и перед ними встает виденная в зеркале клубящаяся белизна. Она блокирует любые попытки восстановить прерванную жизненную связь.

— Будь проклята тьма... и он... и она! — срываются слова с растрескавшихся губ.— Будь все проклято!

XXXVI

Резкий, лишенный ритма лязг молотов о зубила наполняет утренние сумерки, окутывающие каньон.

Человек с серебряными волосами бредет мимо глубоких расселин, разделяющих заготовки монолитных блоков — каменных кубов со стороной в тридцать локтей. Поднимаясь к разгрузочной площадке, он наклоняется вперед, чтобы сбалансировать вес камней в корзине, не обращая внимания на привычную боль от парусиновых лямок, врезающихся в тело.

Перед ним расстилается новый искусственный каньон, открывающийся на восток,— острый как нож разрез в горном массиве. Дно этого разреза уже начинает покрывать плотно пригнанное мощение дороги. Дорога — так ему, кажется, говорили,— не отклоняясь в сторону и на палец, ведет из Фэрхэвена прямо к тому месту, где он стоит. Позади него, примерно в четырехстах локтях от деревянной разгрузочной площадки, вздымается каменная стена. Деревья, трава и мягкая почва над каменным основанием были удалены, отчего в каньоне много пыли. Она то и дело забивается рабочим в глаза или вынуждает их кашлять.

На полпути между разгрузочной платформой и горой, стоящей по курсу продвижения дороги, видны две фигуры. Сапоги, туника, брюки — все белое.

С наработанной ловкостью юноша поворачивается, выскальзывая из лямок и освобождаясь от ноши, и отступает в сторону, чтобы дождаться пустой корзины.

Его взгляд скользит по блестящей дуге речушки, протекающей у северной стены каньона и впадающей в придорожный канал.

Мастер, принявший корзину, опорожняет ее в желоб, заполняя дробленым камнем пространство между основными блоками. Водосток рядом с новым дорожным полотном еще не соединен с основным каналом, и воды в нем нет.

— Следующий!

Человек, не имеющий имени, забирает пустую корзину и возвращается туда, где стоят маги в белом.

Солнце еще не поднялось достаточно высоко, чтобы осветить дно каньона. Там таятся утренние тени. Неожиданно все звуки перекрываются пронзительным свистом.

— Назад! Идиоты! Кому сказано, назад!

Толстогубый детина в шлеме белой бронзы и при мече изрыгает приказы.

— Ты, серебряная башка! Живо за заграждение! За барьер!

Протиснувшись бочком за низкую каменную стену, безымянный работник оказывается среди дюжины уже скорчившихся там фигур.

— Закрыть глаза! Всем закрыть глаза!

Вспомнив о боли, сребroглавый повинуется. Неужели боль была всегда? Ему почему-то кажется, что нет.

Вспышка света. Ярче полуденного солнца, ослепительнее любой молнии, она раскалывает скалу, запирающую каньон. Могучий монолит раскалывается. Гранитное крошево с грохотом оседает, образуя подобие пирамиды. Туча пыли вздымается навстречу заре, скрадывая очертания каньона.

— Покинуть убежище! За работу! — кричит надсмотрщик.

Двое магов медленно, устало возвращаются к золоченой карете, дожидающейся их на полированных плитах там, где дорога уже проложена.

Волшебник помоложе проходит на расстоянии вытянутой руки от безымянного юноши. Тот смотрит на мага, пытаясь извлечь из своей памяти нечто ускользающее. Но безуспешно.

— За работу, бездельники! А тебе, серебряная башка, особое приглашение требуется?

Над юго-восточном краем каньона восходит солнце, проясняя что-то в сознании безымянного работника. Но это всего лишь сумбурная мешанина каких-то сведений о строительстве дороги. Утес расколот белыми магами; мелкие осколки пойдут на заполнение пустот, крупным каменотесы придадут форму.

Потом явится черный маг и соединит камни воедино. Кажется... Во всяком случае, камни пойдут в дело, и дорога протянется дальше. На запад. К закату.

— Нагружайтесь! — снова доносится команда.

Ноги сами подводят его к погрузочной платформе, которую другие узники, окутанные тучами пыли, придвигают к гигантской куче битого камня.

«Всего лишь серые камни...»

Эти слова проплывают над ним, когда он ждет в цепочке носильщиков с такими же корзинами.

Возобновляется обычная работа. Подгонка плит, возведение ограждений, прокладка водоводов...

Загрузочная команда принимает от носильщиков корзины и возвращает их полными камней. Безымянный ныряет в лямки и, щурясь на солнце, бредет по длинному дощатому настилу к разгрузочной площадке.

— Следующий!..

Грубые рабочие сапоги защищают от острых камней, но не от волдырей и мозолей. Правая нога безымянного стерта до крови, в сапоге уже хлюпает. Каждый шаг причиняет мучительную боль.

— Эй, серебряная башка!

Носильщик тупо поднимает глаза на солдата.

— Разгрузишься — ступай в палатку целительницы. Потом возвращайся!

В голосе солдата сквозит раздражение. Он ниже безымянного ростом, но вооружен мечом и тяжелой дубиной из крепкого белого дерева.

Безымянный видит белое, с красноватым оттенком свечение, окружающее вложенный в ножны меч. Такое же свечение окутывает мечи всех дорожных солдат.

Носильщик, ковыляя, поднимается на площадку, опорожняет корзину. Затем направляется к парусиновой палатке под белым флажком с изображением зеленого листка. Там он ставит пустую корзину на землю.

Женщина в зеленой блузе, брюках из мягкой зеленой кожи и сапожках им в тон смотрит на него:

— Правая нога?

Он кивает.

— Сядь туда,— женщина указывает на короткую деревянную скамью.— Сними сапог.

Слова звучат обыденно, но его радует музыка ее голоса. Слабо улыбаясь, он садится и стягивает правый сапог, показывая язву, уже загноившуюся.

Целительница качает головой, словно она наедине с собой, и работник ее не слышит. Бормочет себе под нос:

— Идиоты. Нельзя надевать на голые ноги рабочие сапоги больших размеров...

Ее пальцы касаются кожи вокруг раны. Он морщится в ожидании боли, но прикосновение оказывается умелым, мягким и совершенно безболезненным.

— Хм. Могло быть и хуже,— приговаривает она, окуная белый тампон в какую-то жидкость.— Предупреждаю, это щиплется.

Женщина начинает стирать влажной тканью с его стопы гной и кровь.

Жидкость оказалась не просто щиплющей, а прямо-таки огненной. Юноша стиснул зубы, но не дернулся.

— Раз уж ты здесь, дай-ка я проверю кое-что еще,— произносит целительница.

Мягкие пальцы касаются его висков. В первое мгновение в голове разливается странное тепло. Но это ощущение исчезает даже раньше, чем стихает жжение в ране. Целительница отступает на пару локтей и смотрит на безымянного из-под опущенных темных ресниц, неуверенно качая головой.

— Посиди там. Пусть подсохнет.

Юноша пересаживается со скамьи на указанный ею табурет.

— Целительница! — слышится чей-то голос.

Оба поднимают глаза. У входа в палатку стоит дорожный страж, позади него — двое каторжников с носилками.

Одного из них по имени Редрик безымянный знает. Они соседи по бараку.

— Раздробленная нога,— безучастно произносит дорожный страж.

— Положите его на стол. Осторожно.

На глазах безымянного Редрик и другой каторжник кладут раненого на длинный щербатый стол. Осмотрев поврежденную ногу, целительница говорит:

— Я могу наложить лубок, но для верности его не мешало бы направить в Борлен, к мастеру-целителю.

— Тьма! — ругается дорожный страж.

— Решать тебе. Две кости раздроблены. Я, конечно, попытаюсь спасти ногу, но мои возможности ограничены. Он сможет передвигаться без посторонней помощи не раньше, чем через полгода, а прежней его нога не станет никогда.

— Ладно,— ворчит страж.— Помоги ему чем сможешь, а как быть дальше, я спрошу у командира. Вы двое,— страж обращается к каторжникам, принесшим раненого,— хватит здесь прохлаждаться, живо за работу. А этот,— он указывает на безымянного,— скоро придет в порядок?

— Достаточно скоро. На сей раз ты отправил человека ко мне раньше, чем тот успел окончательно загубить ногу.

Страж поджимает губы, но не произносит ни слова и поворачивается. Редрик и второй каторжник уходят следом за ним.

— Моя нога?..— спрашивает раненый рабочий. Это немолодой мужчина с проседью в клочковатой бороде и редких волосах.

— Тебя отправят к Клеррису. Им это не по нраву, но придется,— женщина роется в длинном сундуке, а потом, достав какое-то устройство из парусины и деревянных планок, подзывает юношу:

— Ты, серебряная голова. Помоги-ка мне.

— Что вы собираетесь делать? — бормочет раненый бородач.

— Наложим тебе временную шину. Чтобы обломки костей не впились в ногу, особенно когда тебя зашвырнут в фургон.

Безымянный человек встает и делает несколько шагов по направлению к столу. Боль в его ноге уже стихла и теперь там тупо пульсирует.

Целительница растолковывает помощнику, как следует держать раненую ногу, и под конец спрашивает его:

— Ты понял?

Он молча кивает.

Она берет в руки свое устройство. Раненый стонет, но не бьется, сознавая, что ему хотят помочь. Целительница действует уверенно.

Юноша с серебряными волосами стискивает от напряжения зубы, но руки его не дрожат, а в сознании крепнет ощущение, будто у него есть и иная цель, помимо помощи в лечении ноги. Какая именно — он не понимает, но, кажется, это имеет отношение к его прошлому. ЗАБЫТОМУ ПРОШЛОМУ.

Когда шина наложена и целительница вытирает губкой пот со лба совершенно обессилевшего бородача, взгляд ее снова падает на безымянного:

— А ведь ты не здешний.

— Я не знаю, откуда я. А ты?

Она отводит глаза, качает головой и предлагает заняться его ногой. На рану, откуда уже удален гной, накладывается пластырь. Женщина опять роется в своем сундуке, но тут несчастный на столе издает громкий стон.

— Не бойся, с тобой все будет в порядке,— произносит она, положив одну руку на лоб раненого, а другой извлекая две какие-то тряпицы. Следующие ее слова снова обращены к безымянному:

— Носи одну из этих тряпиц на раненой ноге каждый день. Сегодня надень прямо на пластырь. Завтра вымоешь ногу и пластырь снимешь. Надевай только чистую! Стирай хорошенько и меняй каждый день, пока рана не заживет. А станет хуже —

сразу ко мне. Надзирателям скажешь — я так велела. Они понимают: если ты загубишь ногу, то не сможешь работать вовсе.

Безымянный садится на табурет и наматывает тряпицу на раненую ногу, стараясь не сдвинуть пластырь. Потом, потянувшись за тяжелым сапогом, снова смотрит на целительницу. Похожа ли она на тень, которую он должен вспомнить?

Юноша в растерянности опускает глаза.

Едва заметно улыбнувшись, женщина отворачивается к бородачу на столе.

Безымянный медленно натягивает сапог. Целительница не смотрит в его сторону. Подняв пустую корзину, он направляется к горе дробленого гранита.

XXXVII

— На данный момент они чтят Равновесие лишь на словах, а Преданием и вовсе перенебрегают.

— А можно ли верить Преданию? — спрашивает целительница.

— Взгляни, как оборачиваются дела в Фэрхэвене. И в Сарроннине. А потом скажи мне сама.

— А как насчет Западного Оплота? — целительница поджимает губы.

— По мне, так маршал ничуть не лучше Высшего Мага. Как вообще Верлинн это выдержал... Он любил ее! — человек в черном качает головой.— Любил, хотя отправился туда лишь затем, чтобы испо́лнить свой долг. Его сын — подлинное чудо, и мы многим ему обязаны...— он пристально смотрит на целительницу.— Ты хочешь попробовать снять блокировку памяти? Но если они обнаружат твои усилия, это может обернуться катастрофой.

— Ничего они не обнаружат. Он повредил ногу, попал ко мне, а я запустила этот процесс. Возможно, с дальнейшим он справится и сам. А нет — я смогу помочь ему.

— Ты ведь не станешь использовать принуждение? — в голосе мужчины слышится крайнее отвращение.

— До такого я не дошла, Клеррис. Он умен, очень умен и продолжает бороться даже во власти Белой Тьмы. Он разговаривает, понимает речь, а это уже само по себе чудо. В другой раз им его не поймать.

— Если он вообще убежит.

Она опускает глаза:

— Для нас это не риск. Либо он убежит, либо они его погубят.

Некоторое время собеседники молчат, потом женщина встает.

— Постарайся сделать что сможешь с его ногой.

— Как раз это довольно просто...— она отмахивается и добавляет: — Белые служат только хаосу. Если не мы, то кто же послужит Равновесию?

Слова женщины продолжают звучать в голове Клерриса и после того, как он поднимается по ступенькам и принимается за лечение раздробленной ноги каторжника под бдительным присмотром дорожного стража.

XXXVIII

Рыжие волосы спутаны, щеки и лоб покрыты потом, но молодая женщина по-прежнему силится сфокусировать взгляд на зеркале.

На темной стене, обшитой дубовыми панелями, горят две масляные лампады. Их свет колеблется, когда Мегера вновь и вновь направляет свою мысль в глубины, скрытые за гладкой серебряной поверхностью.

— Будь ты проклята... проклята...

Ей удается протянуть тончайшую нить гладкой белизны до непроницаемой преграды, за которой клубятся и бурлят ветра. Она скалится в свирепой, болезненной улыбке и, исходя кровавым потом, направляет всю свою энергию вдоль этой зыбкой линии.

«Крак! Брень!»

Зеркало на массивном столе треснуло. Лампы на стене за ее спиной погасли.

Кровь вытекает из пореза на предплечье рыжеволосой, окрашивает шрамы, окружающие ее левое запястье. Голова женщины падает на руки. Дрожь сотрясает ее тело, смешивая кровь, слезы и осколки стекла.

— Будь проклят ты... Креслин... и ты... сестра...— шипит она.

Массивная дверь позади нее бесшумно распахивается. В освещенном дверном проеме появляется мужчина в зеленом с золотом одеянии, с рыжими, уже тронутыми сединой волосами.

Завидев поникшую женскую фигуру, осколки стекла и потухшие лампады, он открывает рот. Но, не вымолвив ни слова, осеняет себя охранительным знамением и отступает, закрыв дверь.

Женщину по-прежнему бьет дрожь.

XXXIX

Человек без имени ковыляет к жилому фургону. Правая его нога боса, в одной руке он несет сапог, а в другой выстиран-

ную тряпицу. На ночного стража, следившего за ним от самого акведука, он не обращает внимания.

— Нечего шляться тут по ночам! — рычит тощий страж.

Как и дневные, ночные стражи вооружены мечами и дубинками, но вдобавок у них еще и кинжалы. Окруженные, как и мечи, ясно различимым для прихрамывающего юноши свечением.

— Целительница сказала...

— До темноты, серебряная твоя кочерыжка! Управляйся со стиркой до темноты! Правила для всех одни!

Каторжник ныряет в темноту барака и направляется к своему месту, не замедляя шага. Он различает предметы одинаково легко что днем, что ночью. Ночью даже легче — при ярком солнце ему приходится щуриться. И эта способность почему-то кажется ему важной. Что-то такое он должен был бы знать... Вновь и вновь пытается он понять себя, но все мысли проваливаются в бездонную пустоту, возникшую на месте воспоминаний.

«...стражи... пинки да ругань...»

«...ага, Дейтер, от злости они бесятся, от злости. На воле ведь оно как: тут и вино тебе, и женщины, и песни. А здесь... разве что камни им таскать не приходится, а веселья не больше, чем у нас. Вина здесь нет. Из всех женщин только другие стражи, а эти стервы хуже мужчин. Ну, а до песен... ты ведь знаешь, как относятся маги к песням...»

Безымянный ставит сапог на верхнюю койку, собираясь забраться туда сам. Одновременно он обдумывает услышанное. Нет женщин? А как насчет целительницы? И что это они говорят насчет песен?.. Кажется, он где-то слышал... Но вопросов юноша не задает, их у него слишком много.

Он ставит ногу на край нижнего лежака и тут же слышит:

— Поосторожней, ты, кочан серебряный!

— Прости.

Юноша взбирается на свой ярус, к самой дощатой крыше барака. Втискивается в узкое пространство, стягивает второй сапог и пытается заснуть. Мускулы его ноют, хоть и не так сильно, как поначалу. Боль в пятке тоже почти унялась. Но бесконечные перешептывания соседей по бараку отгоняют сон.

«...песня... песня...» — шелестит чей-то голос.

Юноша с серебряными волосами приникает к краю разворошенной койки и заглядывает вниз. Редрик, сидящий на нижней койке противоположного ряда, тихонько откашливается, сглатывает и косится в сторону открытого в ночь дверного проема.

— Песню! — настаивает немолодой мужчина с загоре-лым лысым черепом и узловатыми, как древесные корни, ручищами.

— Песню!

— Песню!

— Тссс...— доносится откуда-то снизу.— Разорались! Щас живо вертухаи слетятся!..

Порыв ветра, случайно влетевший в дверной проем, колышет единственную лампу в бараке.

— Дерьмо! — доносится с самой нижней из трех коек, находящихся под безымянным.

Еще раз нервно покосившись в сторону входа, Редрик снова прокашливается, и... неожиданно барак заполняет его голос, чистый и ясный, словно горный ручей.

Ты не проси, чтоб я запел,
Чтоб колокольчик прозвенел.
Мой стих таков, что горше нет:
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ!

Любовь сияла белизной
Голубки белокрылой,
Но так прекрасен был другой,
Что разлучил нас с милой.

Нет, не проси о том пропеть,
Не может голос мой звенеть.
Ведь счастья нет — и солнца нет...
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ!..

Песня льется легко и естественно. Но даже в тусклом свете качающейся лампы видно, что лицо певца напряжено, словно каждое слово дается ему с трудом, словно каждая нота представляется невидимой стрелой, пущенной сквозь упругую стену бело-красного пламени.

Юноше с серебряными волосами эти ноты видятся взлетающими к крыше серебристыми огоньками. Их призрачный свет даже более реален, чем свет масляной лампы. Сложив ладонь чашечкой, он ловит чудесного дрожащего светлячка.

...Свист!

Песня Редрика обрывается.

Рассыпавшись серебряной пылью, нота тает в воздухе. Безымянный человек тупо таращится в пустоту между пальцами, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Слезы? Из-за призрачного «ничто»?

— Так! — грохочет в дверном проеме грозный голос охранника.— Поем, значит?! Собрались тепленькой компанией... И кто тут у нас запевала? — белая дубинка упирается в грудь

худощавого мужчины со светлыми, чуть рыжеватыми волосами: — Опять ты? Порядка не знаешь?

Редрик на солдата не смотрит.

Тот тычет дубинкой еще раз.

— Шевелись. Маги хотят с тобой потолковать. И разговор тебе не понравится. Ты знаешь, что они думают насчет пения, особенно здесь.

Редрик медленно поднимается на ноги.

— Давай, двигайся, мой сладкоголосый!

Прежде чем юноша с серебряными волосами успевает воспринять, что, собственно, случилось, певца с солдатом уже нет. Лишь лампа раскачивается, задета кем-то из них.

Откуда-то, возможно, из его утраченной памяти, доносятся слова: «Пение дестабилизирует дорожные работы».

Больше ни слова протеста не прозвучало. Ни слова.

Юноша с серебристыми волосами поворачивается лицом к стене. Песня продолжает звучать в его сознании.

— Ничто и все — один ответ...
Ничто и все — один ответ...

Истомленные каторжники засыпают, а он еще долго лежит, уставясь в потолочные доски, нависшие почти над самым его лицом. Постепенно музыка уходит, и он снова воспринимает окружающие его негромкие звуки: скрип коек, храп и невнятное бормотание каторжника-хаморианца, заговорившего во сне на родном наречии.

Да, мускулы уже не болят так, как в первые дни работы, солнце уже не обжигает загоревшую кожу, но у него нет ни имени, ни прошлого. Ничего, кроме звучащего в голове шепота, столь тихого, что невозможно разобрать ни слова. И лишь одно воспоминание несомненно — тень с лицом женщины.

Со временем, однако, засыпает и он. Во сне ему видятся золотистые ноты, сверкающие на фоне серых каменных стен, и бескрайние поля белого снега.

— Подъем, бездельники! Живо наружу! — голос утреннего стража звучит даже более грубо и хрипло, чем обычно.

Над каньоном моросит дождь, не прибивая пыли, а образуя в воздухе туманную взвесь. Для дорожных работ пыль — дело такое же обычное, как разливаемая черпаком утренняя овсянка. И лишь вода, чистая холодная вода напоминает о падающих белых хлопьях и песне.

Деревянная миска выпадает из рук безымянного, овсянка расплескивается по камню. Глаза юноши широко раскрыты, но он не видит ни тумана, ни остальных каторжников, ни стражей.

— Не-е-е-е-е-ет!..

Пронзительный крик звучит и звучит, бесконечно долго, и юно-ша с серебристыми волосами даже успевает удивиться, как это стражи ничего не предпринимают. Хотя осознает, что звучит именно его голос и стражи медленно направляются именно к нему. Но главное не это, а холод и белизна его мыслей, нахлынувшие образы...

...необозримых заснеженных просторов под вздымающимися к небу пиками...

...серебряных нот, раскалывающихся о серый гранит стен...

...людей в изумрудных одеяниях, пирующих за высокими столами...

...верховой езды по узким горным тропам...

Он шатается и даже не поднимает рук, чтобы прикрыться от обрушивающихся на него ударов. При первом ударе образы рассеиваются, после второго — человек проваливается во тьму.

Когда безымянный приходит в себя, оказывается, что он не в силах пошевелиться, ибо привязан к столу. Над его головой покачивается влажная парусина. Капельки воды, скопившиеся в складках изношенной ткани, просачиваются внутрь, падая и на каменный пол, и на его полуобнаженное тело.

Темноволосая целительница скользит по нему взглядом, хотя сейчас она занята совершенно другим: накладывает пластырь на резаную рану на руке лысого истощавшего каторжанина, бывшего некогда волосатым толстяком.

— Это должно помочь, но постарайся не допускать загрязнения.

Она говорит «постарайся», поскольку прекрасно понимает: каменная пыль проникает решительно повсюду.

Юноша с серебряными волосами закрывает глаза и старается выровнять дыхание.

— С ним все?

— С этим? Да.

— А как насчет серебряной башки?

— Дыхание выравнивается, но, пока он не очнулся, ничего определенного сказать не могу. Два таких удара по голове свалят кого угодно.

— Ну и не велика потеря. Он же ненормальный, даже имени своего не знает.

— Может, никогда и не узнает, если ты будешь бить его дубиной по черепу.

— Так он ведь спятил. Сущий псих.

— Он что, на кого-нибудь набросился?

— Не то чтобы набросился... Вдруг ни с того, ни с сего как заорет: «Нет!» Истошно так заорал, во всю глотку, вопит и ни

в какую не прекращает. А магам это очень не понравилось. Ну, Джеро и огрел его по башке... От магов бы ему хуже досталось.

— Ладно. Я дам тебе знать, как у него дела, когда выясню.

Удаляющиеся шаги. Охранник и лысый уходят. Затем прямо над ним — женский голос:

— Они ушли.

Юноша дергается.

— Полегче. Сейчас развяжу.

Он расслабляется, а когда путы спадают, пытается пошевелиться. Голова раскалывается от боли.

— Лежи. Садиться пока не пробуй.

Он медленно открывает глаза и видит лицо целительницы. Та пристально всматривается в его лицо.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Не... знаю...— бормочет он и тут же, ощутив откуда-то знакомую тошноту, поправляется: — Не совсем понимаю.

Она медленно кивает:

— Пожалуй, завтра ты сможешь вернуться к работе, но тебе придется проявить осторожность. Многое ты будешь видеть не так, как раньше. Настройка может оказаться нелегкой.

Повернувшись к открытому выходу из палатки, она продолжает:

— В пяти кай по направлению к Джеллико находится красивая долина. Маги сохранили ее для будущей гостиницы или места отдыха. Туда можно попасть по речке. Оттуда, через северные долины Кертиса, лежит путь в Слиго.

Тяжелые шаги заглушают шум барабанящего по палатке дождя.

— Дай-ка я снова загляну тебе в глаза,— говорит целительница.

— Э, да я гляжу, он очухался! — рычит возле входа в палатку охранник.

— Удар был не настолько силен, чтобы его убить, но голова у него болит сильно. Если сегодня дать ему отдохнуть, он поправится. Но приступы головокружения могут повторяться в течение нескольких дней. Так что если во время работы он вдруг зашатается или сядет на землю — не удивляйся.

— И сколько это будет продолжаться?

— Дня два. Может, три-четыре. Потом все должно пройти... Кость цела, так что для меня тут работы уже считай что и нет.

— Вот и прекрасно. Раз так, то он может валяться и на своей койке. Пошли, серебряная башка.

— Рано,— возражает целительница.— Если он сейчас встанет, то может снова свалиться без сознания.

— Ладно, пусть чуток отлежится. Я еще вернусь.

Дождь усилился, превращаясь в ливень. Впервые за много дней каменная пыль прибита к земле и больше не забивается в ноздри.

— Попробуй сесть.

Юноша свешивает ногу с края стола и на миг ощущает себя двумя отдельными людьми, по-разному видящими все вокруг. Даже дождь воспринимается так, словно идут два особых ливня, для каждого из них по отдельности.

— Встань!

Сильное звучание ее голоса поддерживает его, позволяя встать на ноги. Но его шатает, и, чтобы сохранить равновесие, ему приходится ухватиться за край стола. Целительница всматривается в глубь его глаз и говорит:

— Можешь сесть.

Голос ее снова лишен всякого выражения.

Подныривая под промокшую, обвисшую парусину, в палатку заглядывает страж.

— Можешь его забирать. Что могла, то сделала. Но он еще слаб, так что на работу пока не посылай.

Юноша с серебряными волосами знает теперь, что у него есть имя. Но знает он также и то, что смертельно опасно сознаваться даже в этом ничтожном знании. Под приглядом стража он бредет под дождем в набитый узниками барак.

— О, серебряная маковка вернулся!

— Никак у него темечко и вправду из серебра. Помнишь, как огрел его Джеро?

Он молча направляется к своей койке, стараясь не смотреть на единственную пустую лежанку. Ту, которую занимал певец. Скоро ее займет другой приговоренный, а песня Редрика так и останется недопетой.

Надо бежать... бежать, пока Белые маги не узнали, что к нему возвращается память. Теперь он знает о своих былых умениях, но понятия не имеет — на что способен сейчас.

Пелену дождя над каньоном рассекает молния, следом доносится раскат грома. Дождь продолжает барабанить по крыше. Порывы влажного ветра то и дело врываются в дверь барака.

Пульсирующая боль в голове немного стихает. Юноша, подобравшись к краю койки, начинает слезать вниз. Его нога никак не может нащупать опору.

— Эй, лежал бы ты лучше на месте...

— Серебряная макушка, куда?..

Не откликаясь, с отсутствующим выражением лица, он ковыляет к выходу. Останавливается в проеме, глядя на дождь. Мир перед его глазами то расплывается, то двоится, но, хотя и с трудом, с болью, к нему возвращается прежнее видение.

Ливень еще продлится, но недолго.

Стражи стоят под парусиной, лениво переговариваясь.

Спустя мгновение юноша выходит под дождь и легким шагом направляется на восток, круто забирая в сторону незаконченного парапета, отделяющего дорогу от дренажного канала.

«...глянь, тыква серебряная!.. еще пуще спятил...»

«...стой, куда тебя...»

Но он не спятил. Напротив — хотя бы отчасти обрел рассудок. И знает, что может ускользнуть от магов лишь во время грозы или бури.

— Джеро, забери идиота!

Узник ускоряет шаг. До ограждения акведука остается не больше пяти локтей.

Помешкав, рослый страж обнажает меч и пускается вдогонку, но скользкие от влаги камни мешают ему бежать.

— Беги! Беги, серебряная макушка! — кричит кто-то из барака.

— Молчать! — рявкает крепко отстающий от беглеца охранник.

Со стороны может показаться, будто за полупрозрачным занавесом дождя разыгрывается беззвучная пьеса.

Пленник быстро ковыляет к парапету и вдруг замирает, словно пытаясь сосредоточиться. Страж догоняет его с мечом наготове.

Яростный порыв ветра хлещет водой в лицо стража так, что тот вынужден остановиться и проморгаться.

Беглец перекидывается через стену. На виду остается лишь одна рука, уцепившаяся за край парапета.

Страж подлетает к стене с занесенным клинком, смотрит вниз, отступает и кричит:

— Он пропал! Свалился в канал!

Его голос заглушается дождем и ветром.

— Как свалился? Куда? — второй страж присоединяется к первому возле ограждения, но спустя миг, то и дело оглядываясь через плечо в ту сторону, где исчез пленник, оба спешат к фургону, где размещаются Белые маги.

Грохот и звон.

Пронзительный свист.

Новые и новые стражи спешат к каналу, бегут вдоль русла, проклиная дождь, ветер и бурлящую воду.

Оказавшись во власти бурного потока, беглец пытается расслабиться и сберечь силы, отдав себя во власть течения. Он не успевает сделать и двух вздохов, как его проносит мимо временных ворот, отделяющих дорогу от строительного лагеря. Каторжного лагеря, представлявшего собой его маленькую вселенную... Сколько же времени это продолжалось? Вопрос остается без

ответа. Сейчас его жизнь состоит из двух частей: проведенной в плену у Белых магов и той, что начинает к нему возвращаться. Беспамятство и плен могли исчисляться неделями, месяцами, а возможно, даже годами.

По мере того как его относит от центра грозы, поток становится не столь стремительным. Беглец старается оглядеться, а потом начинает подгребать. Еще через некоторое время его ноги начинают отталкиваться от донных камней. Глаза при этом неотрывно следят за берегом.

И тут впереди вырастает стремительно приближающийся мост.

Полувплавь, полувброд юноша бросается к северной стороне канала и успевает ухватиться за каменный береговой устой.

Задыхаясь и хрипя, беглец цепляется пальцами в почти незаметные зазоры между камнями кладки. Ценой неимоверных усилий ему удается вытащить свое тело из воды на каменную насыпь, пологий склон, за которым начинается помянутая целительницей долина. Взобраться по насыпке тоже оказывается непросто, но в конце концов он ставит хлюпающий сапог на траву. Перед ним луг, окаймленный дубами и можжевельником. Позади — каменный мост, переброшенный через утихающий поток.

Вскоре по чародейской дороге рысью помчатся всадники — нельзя попадаться им на глаза.

Выбиваясь из сил, он ковыляет по высокой, по колено, траве к можжевеловому подлеску. Там можно будет укрыться среди кустов и деревьев.

Беглец поспевает к опушке как раз тогда, когда по каньону эхом разносится стук копыт. Конский топот нарастает, потом начинает удаляться. Юноша, уже совершенно обессиленный, продирается сквозь ветви и взбирается на гребень холмистой гряды.

Холодный дождь хлещет лохмотья на его спине, но он почти не чувствует холода и рад дождю — своему главному прикрытию. Как только завеса падающей воды исчезнет, Белые маги либо собаки-ищейки смогут взять его след. Значит, к тому времени ему следует уйти как можно дальше.

Лишь изредка переводя дух, он идет, идет и идет весь день, пока, перевалив гребень, не спускается в речную долину.

Ближе к вечеру дождь сходит на нет, и по прояснившемуся сине-зеленому небу стремительно бегут гонимые ветром белые облака. Только тогда беглец позволяет себе отдых на краю ягодной полянки. Даже основательно оторвавшись от преследователей, он первым делом ищет укрытие. Забившись в ложбинку,

образованную валуном и упавшим деревом, он начинает медленно поедать темно-пурпурные ягоды.

Свернувшись в клубок, беглец радуется тому, что вырос на Крыше Мира, где царит настоящий холод. Он пытается собрать воедино бесчисленные, несвязные обрывки воспоминаний, возвращенных ему целительницей. Была ли она Мегерой? Или иным орудием судеб и фурий, о каких повествует Предание?

Среброволосый юноша погружается в полусон, и к нему является череда видений, уносящих в прошлое.

XL

— Признаю, что действовать с наполовину опустошенным сознанием непросто,— криво улыбается Мегера.— Но мне случалось преодолевать и более серьезные препятствия.

— Ты здесь с прошлой весны, а скоро уже конец года. Надолго еще собираешься задержаться? — спрашивает герцог Монтгрен.

— Я делаю, что могу, кузен. Но учитывая мою неполноценность...— на ее лице снова появляется кривая улыбка.— Я задержусь ровно столько, сколько потребуется.

— Но не хочешь же ты сказать...

— Насколько потребуется. Он или выздоровеет и убежит или умрет. Последний выход был бы, наверное, самым легким для тебя или моей дорогой сестрицы. Но я делаю все, чтобы помочь ему разорвать заклятье. Правда,— добавляет она, помедлив,— я не слишком хорошо обучена. О чем опять же позаботилась дорогая сестрица. Так что, возможно, мне еще немало времени придется пользоваться твоим гостеприимством.

— Которое мне придется оказывать,— холодно отзывается герцог.

— Ну что ж, каждому из нас приходится нести свою ношу,— она поворачивается к старинному письменному столу и неожиданно вздрагивает.

Герцог, не заметив ее растерянности, медленно качает головой.

— Аааа!..

Рыжеволосая женщина падает на колени. Ее глаза широко раскрыты, но ничего не видят, ибо сознание захвачено бурным, немыслимым, кошмарным водоворотом чужих воспоминаний. Невысокий, изящно одетый мужчина, только что державший ее за руку, отшатывается, расплескав из кубка красное

вино. Темные, похожие на кровь пятна расплываются на старинном хамориансном ковре.

Прежде чем герцог успевает поставить свой кубок на стол, его кузина уже лежит ничком. Она потеряла сознание.

— И что теперь? — бормочет он, опускаясь на колени рядом с женщиной.— Хелисс! Хелисс! Что же теперь?

Часть вторая
МАГ-БУРЕНОСЕЦ

XLI

Юноша с душою рьяной и на лыжах ветроносных,
Презирая все препоны, с крутизны стремглав спустился,
Спрятав меч в дорожном вьюке, воедино с вьюгой слился
Юноша с душою рьяной и на лыжах ветроносных.
Обгоняя бурю, мчался он с челом посеребренным
И, покинув Крышу Мира, что поверх лесов зеленых,
Дивной магии навстречу устремился окрыленно
Юноша с душою рьяной и на лыжах ветроносных.
Он отважно углубился в сердце льдов, во тьму утесов,
Роскошь, негу и довольство при дворе тирана бренном
Прочь отринув ради чувства, что бесценно и нетленно,
Юноша с душою рьяной и на лыжах ветроносных.
Долго рыскали по скалам сонмы стражей неустанных,
Пробирались меж утесов, гущу елей прорежали.
Не нашли они пропажу, хоть и ревностно искали
Юношу с душою рьяной и на лыжах ветроносных.

Юноша с душою рьяной.
Анонимный автор из Сарроннина

XLII

Из-под нависающего выступа Креслин внимательно изучает противоестественно безоблачный южный небосклон. И видит, как над тем местом, где чародейская дорога прорезает Рассветные Отроги, выписывает круги пара стервятников.

Как набрался он смелости прыгнуть прямо в поток, который унес его от стражей Белой дороги? Как вернулась к нему память? Способствовала тому целительница или кто-то другой? Ответов нет, но так или иначе — он бежал. И понимает, что попадись он снова, бежать во второй раз не удастся.

На востоке кружит еще одна пара остроглазых крылатых хищников. А хаотическое переплетение воздушных потоков указывает на смещение гроз на восток и запад. Отдыхая под каменным козырьком, беглец замечает еще одну тонкую сверкающую полоску — еще один воздушный поток, который, возможно, и поможет ему уйти на восток.

Столь же хаотично кружат и его мысли, ибо сейчас он одновременно и «серебряная башка», и Креслин. И у каждого из этих двоих — свое воспоминание о вчерашнем дне. Один помнит каторжный лагерь, другой — светящиеся белым камни Фэрхэвена. И гитариста, которому разрешалось играть лишь за толстыми стенами таверны.

Музыка... Почему они ее так не любят? Этот вопрос кажется очень важным, но ответа на него нет. А самый главный вопрос — кто же он сам такой?

Он мужчина. Мужчина, способный видеть музыку и упорядоченную гармонию, лежащую в ее основе. Мужчина, владеющий луком и клинком лучше многих. Мужчина, способный касаться ветров и направлять их по своему желанию. Мужчина, плохо знающий жизнь, кроме, может быть, жизни на Крыше Мира. И еще хуже знающий женщин, хотя он и вырос среди них. Мужчина, не имеющий ни малейшего представления о своем предназначении и своей судьбе.

В его мысли ворвалась слышанная неведомо когда и где фраза: «Ты можешь бежать навстречу судьбе, но не от нее...»

Но какова же она, его судьба? Он не музыкант, не солдат, не школяр... Где же его место? И почему белые птицы и стервятники кружат по небу, высматривая его?

Впрочем, эти вопросы едва ли помогут укрыться от магов. Или раздобыть пропитание.

Стервятники смещают свои круги все дальше на север, ближе к его укрытию. После долгой ходьбы боль в пятке снова усилилась. Впрочем, целительница не только прочистила язву, но каким-то образом ускорила процесс выздоровления. Креслин помнит прикосновения ее рук к его стопе, а потом ко лбу.

Но... кто? Почему? Кто-то противостоит Белым магам и потому готов оказать ему помощь, не объясняя причин, хотя идет при этом на огромный риск. И все-таки целительница — вовсе не таинственная, призрачная Мегера.

Беглец снова забивается под навес, пытаясь трезво обдумать свои дальнейшие шаги. Погода терпимая, а вот поживиться здесь в эту пору почти нечем, тогда как в Кертисе или Сарроннине близится пора уборки урожая. Из одежды на нем только туника без рукавов, линялые брюки и дорожные сапоги. Нет ножа, нет даже пояса.

Так как же ему укрыться от Белых магов? Любая попытка коснуться ветров немедленно привлечет их внимание. Он шарит взглядом по каменистому склону, поросшему редкими сосенками, и хрипло смеется.

Терпение. Все, что ему требуется это терпение. И готовность есть все, что пригодно в пищу. Всеми теми ночами, которыми он будет двигаться к равнинам Кертиса. Любой ценой ему необходимо пробраться в Монтгрен.

Креслин делает глубокий вздох, потом другой. Нужно расслабиться и как следует отдохнуть до темноты — времени, когда крылатые хищники не так зорки.

XLIII

По проселочной дороге, сгорбившись и временами прихрамывая, плетется одетый в лохмотья человек. Один его глаз прикрывает квадратная нашлепка, в руке — грубый, но крепкий дорожный посох.

На ходу Креслин спрашивает себя, почему он пересекает эти равнины, направляясь на восток? Ведь на востоке хозяйничают маги, желающие не то убить его, не то свести с ума!

«Да потому, что это кажется правильным»,— отвечает юноша сам себе, поскольку другого собеседника у него нет.

Рисковать своей шеей кажется правильным?..

Однако ветра ведут его не к Белым магам. Он идет по едва заметной тропе, не являющейся ни Белой, ни Черной, но соединяющей черты того и другого цвета.

Даже погруженный в раздумья, Креслин помнит о необходимости горбиться, шаркать и ковылять сильнее, едва на дороге появляется фургон. Поравнявшись с путниками, он просяще протягивает руку. Мужчина и женщина на козлах, едва взглянув в его сторону, бросают медяк. Он подбирает с земли монету и прячет ее.

Фургон проезжает, дорога пустеет, и Креслин позволяет себе чуточку выпрямиться.

XLIV

— Нет! — женщина с криком выскакивает из боковой двери трактира, но не успевает сделать и пары шагов, как сзади ее хватают за шиворот. Блуза с треском рвется, обнажая плечо со ссадиной и полную грудь.

— Я тебе покажу, как разливать хорошее вино! — худощавый мужчина со шрамом хватает полногрудую женщину за руку и тащит к наполненной жидкой грязью придорожной канаве.— Ты у меня попомнишь!

— Я больше не буду! Я буду стараться! Не надо!

Эту сцену со смехом наблюдают двое вышибал. Служанка, стоявшая на крыльце дома напротив, отводит глаза и торопливо заходит внутрь.

Трактирщик награждает свою жертву увесистыми оплеухами. Заслышав приближающийся стук копыт, он на миг мешкает, но тут же замахивается вновь.

Рыжеволосая всадница осаживает лошадь. Трактирщик не смотрит в ее сторону, но его рука замирает в воздухе.

— Госпожа, прошу... помоги!

— Ну конечно!..— хохочет трактирщик.— Так все и бросятся тебе помогать! Кому — никчемной потаскушке, выплескивающей вино на посетителей!.. Посетителей, которые платят деньги. А вино какое — наилучшее сутианское!

— Они хотели не только вина...— оправдывается слу жанка.

Позади рыжеволосой всадницы, сохраняя почтительное расстояние, осаживают коней двое спилдараских наемников.

— С какой стати я должна тебе помогать? — холодно осведомляется рыжеволосая.

— Если милостивой госпоже не угодно...— лепечет служанка, опустив покрасневшие глаза.

— То умолять ты не станешь,— отстраненным тоном заканчивает за нее всадница.

— Она у нас такая,— встревает трактирщик, все еще держа служанку за плечо.— Вечно кобенится.

— Вот как? Рассчитывать на вежливое обращение, по-твоему, значит кобениться? — в голосе всадницы начинает звучать сталь.

— Вежливого обращения заслуживают в первую очередь посетители.

Скользнув взглядом по ссадинам на обнаженном плече девицы и повернувшись к трактирщику, рыжеволосая иронически спрашивает:

— И ты настаиваешь, чтобы она обращалась с ними очень вежливо?

— Дело есть дело,— ворчливо, но уже осторожничая, отвечает трактирщик.— Работала ведь раньше — и ничего...

Служанка стоит выпрямившись. Глаза ее обращены не к хозяину и не ко всаднице, а в сторону одетых в голубое молчаливых наемников. Слезы текут по щекам, но она не делает даже попытки смахнуть или утереть их.

— Отпусти ее,— равнодушным тоном произносит рыжеволосая.

— А кто заплатит неустойку? У нас договор! — взрывается трактирщик.

— Я не...— начинает было служанка, но умолкает под взглядом рыжеволосой.

— Сильно сомневаюсь,— произносит та,— чтобы законы герцога разрешали заключение договоров на отработку детьми долгов родителей.

— Э...— трактирщик поспешно закрывает рот.

— Конечно,— продолжает всадница,— не все в жизни делается по закону, так что держи.

Она тянется к поясу и, достав монету, бросает ему.

Чтобы поймать золотой, трактирщик отпускает плечо служанки.

— И все?..— бормочет он.

— Это гораздо больше, чем ты заслуживаешь,— заявляет всадница.

Трактирщик переводит озлобленный взгляд с рыжеволосой на ее наемников.

— Даже и не думай ни о чем подобном,— предупреждает женщина.— Не то мой дорогой кузен велит снести тебе голову.

— Кузен?..— не понимает трактирщик.

— Корвейл. Герцог.

Худощавый мужчина бледнеет. Служанка отступает от него на шаг, придерживая рукой разорванную блузу, и нервно облизывает губы.

— Ладно,— ворчит трактирщик,— забирай эту шваль, и делу конец.

— Еще не все,— произносит рыжеволосая.

Трактирщик пятится.

— Женщина — не вещь! — в голосе всадницы слышится угроза, а на кончиках ее пальцев разгорается свет. Сорвавшийся с них огненный шар проносится у самого уха трактирщика.— Полагаю, теперь ты это запомнишь!

Она разражается резким, похожим на лай смехом. Свет на пальцах угасает.

— А ты? — рыжеволосая обращается к служанке.— Ты по-прежнему хочешь, чтобы я тебя вызволила?

Ответом служит торопливый кивок.

— Готрон! Подсади ее на лошадь позади меня,— приказывает рыжеволосая, насмешливо глядя на пятящегося к дверям трактирщика.

Один из наемников спешивается и легко подсаживает невысокую, но плотную девицу на круп.

— Одной рукой обхвати меня за талию, а другой держись за седло,— не оборачиваясь говорит рыжеволосая.— Будет трясти, но перетерпишь: нам недалеко.

— Милостивая госпожа...— бормочет служанка.

— Давай, давай! — всадница слегка стегает лошадь поводьями.

Наемники следуют за ней. Трактирщик с порога провожает ее сердитым взглядом. Оба его вышибалы тоже смотрят вслед отъезжающим. Те направляются в сторону герцогского замка.

— Как тебя зовут? — спрашивает всадница.

— Алдония, милостивая госпожа.

— Пойдешь ко мне в услужение, по крайней мере до тех пор, пока я остаюсь в Вергрене?

— Да, милостивая госпожа.

— Вот и хорошо.

Рыжеволосая умолкает, и пока кони поднимаются по склону к воротам, не произносит больше ни слова.

XLV

— Добавить мне нечего,— говорит военачальник.

— И того достаточно. Ясно, что ему помогли Черные,— откликается Высший Маг.— Кто бы еще мог?

— Я не знаю, а вот Гайретис уверяет, будто его касался только Белый сигнал.

— Белый? Он уверен?

— Разве благородный Гайретис может быть не уверен в своих словах?

Дженред постукивает пальцами по столешнице из белого дуба:

— Белый... Да, конечно. Белый. Вот что: высылай отряды, чтобы перекрыть все подступы к Монтгрену.

— К Монтгрену?

— Неужто ты не понял? Белая магия, Белая, но не наша! Кто еще остается? Тиран не могла бы дотянуться сюда из Сарроннина. Проклятие! Должно быть, она сильна...

Его собеседник качает головой:

— Нет, тут все же нечто иное. Гайретис сказал, что у того Белого или Белой не хватило сил сломить барьер.

Он переминается с ноги на ногу на полу из несокрушимого белого гранита. Мрамор слишком мягок для творений хаоса.

— Значит, я был прав с самого начала. Ему помог кто-то из Черных, но у него хватило ума это скрыть. Будь они все прокляты! Как насчет целителей?

— Неизвестно.

— Почему?

— Там была только одна, и она мертва.

— Мертва?

Военачальник пожимает плечами:

— Так сказано в донесении. Дорожный маг сжег ее тело, согласно твоим инструкциям.

— Идиоты! — Высший Маг качает головой.— Они сожгли не ее тело! Она отвела им глаза. Одним демонам ведомо, где она сейчас. На сей раз они окажутся в выигрыше, если только твои отряды не перехватят Креслина живым. Ты понял меня?

Хартор кивает:

— Понял, хотя не уверен, что это возможно. Если ему достанет ума держаться подальше от больших дорог...

— Делай, что можешь! — Высший Маг смотрит в сторону и барабанит пальцами по отделанному золотом белоснежному дубу.— Мертва. Как же, мертва...

XLVI

Сидя под желтеющей кроной низкорослого дуба, Креслин неторопливо поедает сорванные с ближайшего куста ягоды.

Вверху над головой кружит еще одна птица, а там, внизу, рыщут облаченные в белое дорожные стражи. Создается впечатление, будто они знают, что беглец где-то поблизости. Но откуда?

Креслин старается не обращать внимания на боль в ребрах (последствие встречи с кертанским кавалерийским офицером, не терпящим нищих попрошаек). Он помнит и презрительный смех этого человека, и его слова: «Дороги предназначены для порядочных людей, а место попрошаек — в придорожных канавах!»

Сквозь желтые листья Креслин следит за медленной, нескончаемой спиралью кружащегося стервятника. За пределами видения остались пологие холмы, отделяющие эти стелющиеся луга от Фэрхэвена. Удастся ли ему найти дорогу в Монтгрен? Вероятно. А будет ли она охраняться? Более чем вероятно.

«...Креслин...»

Прозвучавший зов так слаб, что юноша едва его слышит.

Он озирается по сторонам, стараясь обнаружить говорившего, но поблизости пусто. И тихо — слышен лишь шелест теплого осеннего ветра в пожелтевшей кроне.

Но внезапно тишину оглашает хриплый голос рога. Некоторые из находящихся внизу стражников указывают вверх по склону — туда, где прячется беглец.

«...Креслин!..»

Зов повторяется. Юноша не только не видит, но и не ощущает говорящего, а голос настолько тих, что невозможно с уверенностью судить, мужчине он принадлежит или женщине. Хотя неуловимые оттенки интонации все-таки заставляют Креслина считать голос женским.

Рога всадников вступают в перекличку. Стервятник делает крутой вираж в его сторону.

Креслин вскидывает глаза и успевает заметить исчезающую, тающую на фоне ясного неба ширококрылую белую птицу. Мегера?

— Тьма...— бормочет юноша.— И что же теперь?

Вверх по склону ползет волна невидимого белого тумана. Дюжина всадников поворачивает коней к его дубу. Он обнаружен. Наверное, среди них маг...

Креслин пожимает плечами. Он устал, ноги болят, в желудке одни ягоды и коренья... Из оружия у него лишь посох да нож, который удалось стянуть в городишке к востоку от Джеллико.

Предчувствуя, что это усилие обойдется ему очень дорого, он тянется к ветрам. Ледяным ветрам, веющим над Крышей Мира. От напряжения на лбу выступает пот.

Откуда-то издалека, может быть, с расстояния в сотни кай, слышится завывание ветра. И совсем близко звучит приказ:

— Найти его! Скорее! Он пытается колдовать!

Но на этот резкий голос Креслин уже не обращает внимания.

Белый туман ползет вверх.

«...здесь никого, а там...»

«...надеюсь, у этого мерзавца нет лука...»

Теперь ветра завывают близко. А на небе, только что ясном, закручивается водоворот серых облачных клочьев. Прямо на глазах они густеют, чернеют, превращаясь в огромную грозовую тучу.

«...Скорее, хватайте! Он там, под желтым деревом!»

Ветер воет с неистовством обезумевшего зверя.

«...под каким, пропади оно пропадом... они тут все желтые...»

«...под тем... вон там...»

На склон холма, под оглушительный рев зимних бурь, обрушивается тьма. Ледяной град, смешанный со снегом, налетает с башен заката, как замерзшее пламя. А ветра...

...Ветра хлещут, срывая всадников с коней, словно листву с деревьев. Град ледяных стрел молотит по доспехам. Буря ревет...

«...демоны!.. демоны!..»

Буря ревет. А когда стихает — на северное побережье Спилдара, хлеща по земле и оголенным деревьям, обрушиваются холодные ливни.

А стоящий на вершине холма человек, утирая горящий лоб, с трудом выпрямляется и делает пару шагов вниз по склону. Его вырвало прямо на прибитую дождем траву. Неверной походкой он огибает бесформенную белую груду льда, в которую превратились конь со своим всадником. Спотыкается, падает... Снова поднимается — и так, качаясь и поминутно ос-

кальзываясь, ковыляет к дороге, которая должна привести его в Монтгрен.

Ему показалось, что миновало столетие, прежде чем он снова натыкается на пару белых холмиков. Голова отчаянно кружится, но Креслин все же останавливается, роется в седельных сумах и разживается мешком с провизией и кожаной курткой. От прикосновения к белому клинку желудок сводит судорогой, и беглец оставляет оружие у ног мертвого владельца.

Наконец его ноги ступают на твердую глину.

— Мегера...— бормочет Креслин.— Почему ты указала им на меня? Почему?

Едва переставляя свинцовые ноги, под проливным дождем, он идет и идет — пока не выбирается на каменную дорогу, рассекающую холмы.

Дождь нескончаем. Дождь везде. Дыхание хриплое и прерывистое, шаг нетвердый, внутри дрожь и жжение. Но Креслин снова и снова переставляет налитые свинцом ночи, с каждым шагом приближаясь к Монтгрену... к Мегере.

XLVII

Попридержав коня на узкой дороге, Клеррис присматривается к черным клубящимся тучам. Буря, два дня бушевавшая над холмами, лежащими меж Кертисом и Монтгреном, только-только начала утихать. Он качает головой и снова переводит взгляд на вьющуюся ленту дороги.

— Тревожишься, как бы нас не перехватили дорожные стражи? -- спрашивает его спутница, сидящая на светло-серой кобыле. Осень стоит теплая, но по утрам прохладно, и на плечи женщины накинут линялый зеленый плащ.

— Нет.

— Тебе все еще не дает покоя его побег?

— Дело не в его побеге. Дело вот в чем,— Клеррис указывает на тучи.— Ты представляешь, на какой высоте они должны находиться, чтобы мы видели их отсюда? Ты представляешь себе, какова его мощь? Скорее всего, холодный дождь будет литься над Кертисом и Монтгреном еще не один день.

— Я же говорила, что он умен...

— Лидия, ты представляешь себе...— мягко обрывает ее собеседник.

— Клеррис,— она тоже не дает ему договорить,— прекрати наконец взваливать всю тяжесть мира на свои плечи. Я говорила «умен», потому что знаю: он не станет играть со своими способностями, и если уж он устроил такую бурю, значит, без этого было не обойтись.

— Ты не вполне уяснила суть моего беспокойства. Мало того, что его выходки могут нарушить климатическую устойчивость половины мира... Так ведь никто из Белых нипочем не поверит в способность необученного и неизвестного Черного управляться с такой мощью.

— И что же? — Лидия направляет лошадь поближе к Черному магу.

— А то, что Дженред свалит это на нас, как и побег Креслина.

— Так вот почему ты погрузил стражей в сон и сжег хибару. Помню, ты говорил. Но Дженреду все равно не терпится обвинить тебя хоть в чем-нибудь.

— Скверно, что нам пришлось использовать масло,— несколько невпопад откликается Клеррис, пожимая плечами.— Пусть лучше считают это делом наших рук, нежели заговором Черных. Больше всего Дженреду хочется заполучить предлог и обрушиться на всех Черных...

— А разве этого не случится?

— Рано или поздно — несомненно, но пока что у нас недостает сил.

— А вот у Креслина они явно в избытке.

Клеррис хмыкает:

— Он даже не знает, что является Черным и вдобавок связан с Серой, считающей себя Белой.

— А насчет той жизненной связи ты уверен?

— Сама же сказала.

Некоторое время они едут молча. Потом целительница спрашивает:

— Что дальше?

— Я займусь Креслином. Сделаю, что смогу. А ты... Думаю, тебя ждет Западный Оплот.

Она ежится:

— Ненавижу холод.

— Лично меня вовсе не приводит в восторг перспектива иметь дело с Креслином и Мегерой. Хочешь взять эту парочку на себя?

— Спасибо. Лучше уж я займусь маршалом,— отвечает она и добавляет: — Несмотря на стужу.

XLVIII

Вставать Креслину не нужно, но валяться в маленькой хижине он попросту устал. Конечно, не стоило ему браться за лечение овец. Он и сам-то едва успел прийти в себя. Да и мало смыслил в ремесле коновала, честно говоря.

Юноша медленно спускает ноги с топчана и садится. Окно напротив очага наполовину открыто: судя по ясному си-

не-зеленому небу, сейчас около полудня. Натянув полученные от пастуха мешковатые штаны и толстую шерстяную рубаху, он направляется к изгороди, отделяющей овечий загон от сада.

Поставив правую ногу на нижнюю жердь изгороди и ухватившись руками за верхнюю, Креслин вбирает взглядом влажную и тяжелую, уже начинающую жухнуть осеннюю траву и черные морды пасущихся овец, которые не замечают его.

На западе — за пологими холмами, плодородными полями Кертиса и реками, заливающими их перед тем, как унести воды к Северному океану — находятся Рассветные Отроги и чародейская дорога, что должна принести Высшему Магу власть над всем Кандаром. По меньшей мере, над той его частью, что восточнее Закатных Отрогов.

— Досточтимый...

Креслину не нравятся подобные обращения. Вряд ли он заслужил их, хотя и сделал все, что мог, из благодарности к бедным пастухам, приютившим его. Но мог юноша, по правде говоря, очень немногое: распознал у пары овец какой-то загадочный недуг, а вылечить сумел только одну, да и ту с трудом.

— Что случилось, Матильда?

— Какая-то госпожа спрашивает тебя.

Повернувшись, он видит без малого дюжину вооруженных всадников. Те гарцуют на месте неподалеку от хижины, крытой тростником.

Белый проблеск над головой исчезает, как только он поднимает глаза. Рассмотрев птицу, Креслин спускается вниз по тропе, что ведет к дому. После всего, что сделали для него Андре и его близкие, он не может отдать этих людей на расправу воякам. Креслин собирает столько ветров, сколько может, но ноги его еще подгибаются, контроль неполон, и отбившаяся струйка воздуха ерошит волосы.

— Подожди меня, досточтимый!

Он замедляет шаг, глядя на щупленькую, съежившуюся под тяжелым пастушьим плащом фигурку. Несмотря на ясное небо и теплое, на его взгляд, солнышко, Матильде этот день кажется холодным. Рассеянно отогнав от нее ветра, Креслин спрашивает:

— Они говорили, что им нужно?

— Говорила только госпожа. Спросила насчет мастера, мол, который с запада... Ты, оказывается, мастер, а ведь не говорил,— добавляет она с укором.

— Я не мастер,— возражает Креслин, и знакомый приступ тошноты тут же заставляет его поправиться: — Не считаю себя мастером. Но некоторые считают.

Он мерит траву длинными шагами. Девчушка, стараясь не отставать, семенит следом. Вскоре они выходят к пологому подъему перед домом.

— А знаешь, мне тоже кажется, что ты мастер. И папа так думает. Мама понять не может, из-за чего сыр-бор. По ней выходит: ты и мухи не обидишь, и это должно быть ясно с первого взгляда даже последнему дураку,— на худеньком личике под вязаной шапочкой появляется озабоченное выражение.— А разве не так?

— Я не мог бы обидеть ни тебя, ни твоих близких. Вообще ни одного хорошего человека.

— А, значит, ты обижаешь плохих?

— Бывает,— сознается он.

— Я так и знала. Вот и госпожа говорила, что ты добрый мастер.

Креслин вздыхает: ну что можно объяснить ребенку?..

Тяжелые облака, становясь с каждым мгновением все темнее, стягиваются к холму, словно кавалерия к полю боя. Креслин переводит взгляд на чужаков. Все верхом. Еще две лошади с пустыми седлами. Женщина стоит перед Андре, и ветер доносит ее слова:

— Он вышел из грозы, говоришь? И не был промокшим?

— Верно, милостивая госпожа. Разве слегка обрызган. И совершенно не в себе. Жар у него был такой, что хоть чайник на него ставь. И бредил. Такое нес — ни словечка не понять.

Разговор прерывается, когда Андре и рыжеволосая незнакомка замечают приближение Креслина.

— Папа, я его нашла,— сообщает Матильда.

Андре, избегая встречаться с Креслином взглядом, смотрит на мокрую глину под копытами ближнего гнедого.

Поймав на миг взгляд глубоких зеленых глаз женщины, юноша кивает и направляется к пастуху.

— Андре,— как можно мягче произносит он,— спасибо тебе за все.

Пастух так и не поднимает глаз.

— Я искренне говорю: спасибо. Без твоей помощи я бы вряд ли выжил.

— Пастух! — голос рыжеволосой спокоен и властен.

Андре наконец поднимает глаза.

— Я не собираюсь причинять ему зла, но здесь он больше оставаться не может,— добавляет всадница.

Креслин глядит на пустое седло, гадая, куда подевался спешившийся солдат.

— Досточтимый...

Креслин переводит взгляд на Матильду.

— Ты ведь не забудешь нас, правда? — тихонько спрашивает девочка.

Нет, он никогда не забудет ни этого краткого отдыха, ни радушия этого семейства. Равно как не забудет худенького личика и смышленых карих глаз.

— Я всегда буду помнить вас всех, Матильда.

Выпрямившись, он поворачивается к пастуху. Тот напрягается, но Креслин, не обращая на это внимания, заключает бородача в объятия. Лишь на миг, но этого достаточно, чтобы выразить переполнявшую Креслина благодарность.

— От всего сердца,— шепчет он, отступив на шаг.

— Ты настоящий человек,— понурясь, бормочет Андре.

Креслин поворачивается к рыжеволосой (та снова верхом) и — указывает на пустое седло:

— Это для меня?

— Разумеется! — отвечает она с неприятным смешком.— Интересно, как еще ты мог бы добраться до Вергрена?

— Госпожа! — резкий голос человека в конце конной шеренги царапает слух, и Креслин делает шаг вперед, чтобы взглянуть на говорящего — коротко стриженного, темноволосого седеющего мужчину с орлиным носом.— Стой где стоишь, чародей! — приказывает всадник.— Оглянись!

Сделав, как сказано, Креслин видит пару нацеленных на него арбалетов.

— Не очень-то по-дружески,— замечает он.

— Они... принимают особые меры предосторожности,— поясняет женщина.

На лице Креслина отражается недоумение.

Негромко рассмеявшись, рыжеволосая поворачивается к всаднику:

— Видишь, Флорин, мне ничто не угрожает. По крайней мере, не угрожало, пока тебе не вздумалось меня «защищать».

— Я буду принимать такие меры безопасности, какие сочту нужным, в соответствии с волей моего герцога.

Креслин, поразмыслив немного, попросту садится в седло. Его шатает, голова идет кругом, и, чтобы удержать равновесие, приходится ухватиться за конскую гриву. Способности юноши восстановились, а вот силы, увы, нет.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает рыжеволосая.

— Недолгий путь потяну,— он в последний раз смотрит на дочку пастуха.— До свидания, Матильда.

— До свидания, досточтимый.

Кавалькада спустилась к главной дороге, но он знает: взор девочки обращен к узкой тропе, по которой уехали всадники.

Освоившись на боевом коне, Креслин поворачивается к рыжеволосой — единственной женщине в этом отряде:

— Зачем ты за мной явилась?

Она кажется ему смутно знакомой, но когда юноша пытается всколыхнуть воспоминания, перед глазами начинают плясать яркие огоньки.

— Мы когда-нибудь, возможно, встречались...— заметив мрачную физиономию Флорина, юноша умолкает.

— Может, сначала расскажешь всем, как попал сюда ты? — говорит она и направляет свою лошадь поближе к Креслину.

Тот пожимает плечами:

— Начни я с самого начала, мы, пожалуй, раньше доберемся до места нашего назначения, чем до самого интересного места в моем рассказе.

Начинают падать крупные, холодные капли, но Креслин не отгоняет дождь, желая сберечь силы для долгого, как ему думается, пути. Кроме того, этот дождь едва ли покажется холодным человеку, выросшему на выстуженной Крыше Мира.

«...хочешь знать мое мнение, так для чародея он слишком хорошо держится в седле...»

«...едет в одной рубахе, а холод ему вроде как нипочем...»

Не обращая внимания на доносимые ветерком перешептывания, юноша отвечает своей собеседнице:

— Я покинул родные края, далеко на западе...

— Почему? — Вопрос прямой, но звучит не резко.

Креслин пожимает плечами и чувствует в плече боль. Он покусывает губы, прежде чем ответить:

— Меня просватали, и я решил избежать этого брака.

— Неужто нареченная внушала тебе такое отвращение, что ты перебрался через Рассветные Отроги, лишь бы от нее избавиться?

Креслин не поправляет рыжеволосую, оставляя в заблуждении относительно расстояния, которое ему пришлось одолеть.

— Не нареченная. Сама идея такого брака. Кроме того... тамошние обычаи... отличаются от здешних. Инициатива со стороны мужчин... не поощряется.

Говорить трудно, все силы уходят на то, чтобы держаться в седле. Хорошо еще, что прохладный дождь немного утишает сжигающий изнутри жар. Креслин не может сказать, сколько раз они поднимались на холмы и спускались в долины. Равно как и сколько раз отвечал он «да» или «нет» на вопросы рыжеволосой. Точно он знает одно: завеса дождя стала плотнее, а седло под ним начало елозить.

А потом перестает осознавать и это...

Когда Креслин приходит в себя первый раз, перед глазами его все расплывается, а огонь внутри жарче пламени Фэрхэвена, горячее солнца Фрейе, раскаленней камней нижней пустыни, что за южной грядой Рассветных Отрогов...

Прежде чем он вновь проваливается во тьму, кто-то ложкой вливает ему в рот какую-то жидкость...

Очнувшись во второй раз, он с трудом фокусирует зрение и обнаруживает себя в незнакомой комнате, освещенной лишь тусклой настенной лампой. Та же ложка, та же жидкость, и его опять поглощает тьма...

XLIX

Креслин лежит в мягкой постели, застланной хлопковым постельным бельем. Его взгляд скользит по тяжелым бархатным шторам на стрельчатом окне, отмечает проложенный свинцом оконный переплет и падает на стоящий под окном маленький столик. Небо за окном темно-серое, что указывает на поздний час. По обе стороны от стола стоит по обитому парчой креслу, а на нем самом — латунная лампа. Стены обшиты темным деревом.

Тяжелая, обитая железом дверь бесшумно открывается. Появившаяся на пороге женщина в плаще с капюшоном легкой поступью направляется к высокой кровати. Плащ и сумрак скрывают ее черты.

Однако слабость не мешает Креслину видеть в темноте. Он узнает особу, забравшую его из дома Андре, хотя сейчас она носит иные цвета: черный, белый и серый.

— Добрый вечер,— Креслин старается произнести эти слова внятно.

— Рада видеть тебя вернувшимся в страну живых,— говорит она, выдвигая одно из кресел и усаживаясь.

— Я тоже рад. Хотел бы только уточнить — в какую именно из стран?

— О, это Вергрен, древняя родовая цитадель герцогов Монтгрена, а ты его почетный гость. Как и я,— сухо добавляет она.

— Боюсь, я не имел удовольствия представиться... разве что во время нашей поездки, но тогда мои мысли путались...

— Мы действительно встречались и раньше,— говорит она,— хотя не были должным образом представлены. Возможно, ты слышал мое имя, но сам не назвался.

Креслин пытается повернуться. Перед его глазами пляшут искры.

— Вынужден спросить... Стоит ли мне вообще представляться?

Она не отвечает, молча рассматривая его лицо полускрытыми под капюшоном глазами.

— Впрочем, это едва ли имеет значение. Меня зовут Креслин.

— Креслин — и все? Без родового имени? Без какого бы то ни было титула?

Юноша хмыкает, и это усилие стоит ему новой россыпи огоньков в глазах.

— Ты еще очень слаб,— говорит она, явно уловив его состояние.— Твое счастье, что ты попал сюда вовремя. Мало кому под силу осилить такое путешествие, тем паче при такой немочи.

Немочь? Наверное, его злосчастная рана снова воспалилась.

— Я просто зашла взглянуть, как ты поправляешься,— с этими словами она встает и протягивает руки к его лицу. Мягкие теплые пальцы касаются влажного горячего лба.

Даже сквозь мелькание огней в глазах он успевает заметить опоясывающий ее запястье белый шрам. Однако спросить ни о чем не успевает — женщина уходит.

Едва ли не прежде, чем за ней затворяется тяжелая дверь, глаза юноши закрываются.

L

— Подождать? — переспрашивает герцог Монтгрен.— Сколько еще я должен ждать? Это безумие. Каждый день его пребывания в Вергрене грозит тем, что они его обнаружат,— он нервно мерит шагами комнату.

— Как раз в этом для тебя нет никакой угрозы. Куда хуже будет, если его поймают! Вынудив его уйти прежде, чем он восстановит силы, ты добьешься именно этого.

Мегера откидывается в кожаном кресле.

— И почему я...

— Да хотя бы потому, дорогой кузен, что тебе случайно понадобились кони, которых доставят на следующем каботажном судне, и западные луки, и копья с наконечниками из холодной стали. А еще тебе может понадобиться протест моей дражайшей сестрицы, адресованный Высшему Магу. А от гнева маршала Западного Оплота ты только выиграешь.

— Ничто из названного не принесет мне особых благ, если маги установят, что он здесь.

— Ты ведь это не серьезно, правда? — она обнажает в улыбке ровные белые зубы, а вспыхнувшая в глазах искра на миг стирает с лица усталость.— Они не могут позволить себе вторгнуться сюда, чтобы выяснить, здесь ли он. Да и вообще ты в большей безопасности, пока мы здесь. Когда мы уберемся от-

сюда, будет хуже. Он один стоит нескольких кавалерийских отрядов, хотя ему нелегко нести людям смерть.

— Я просто хочу, чтобы он поправился и вы вместе отправились по своим делам, куда вам надо,— герцог выдерживает паузу.— Кстати, а куда ты собираешься и что намерена делать?

Ее улыбка становится еще шире:

— Не знаю, не знаю, дорогой кузен. Ничего не знаю, кроме того, что я нежеланная гостья повсюду западнее Рассветных Отрогов. А его, похоже, не желают привечать нигде.

— Свет! — восклицает герцог.— Неужто ты решила..

— Остаться здесь? — улыбка исчезает.— Я думала об этом.

Герцог смотрит на угольки в камине. Один вспыхивает крохотной белой звездочкой и прогорает. На лицо женщины возвращается улыбка:

— Думала, но это, пожалуй, невозможно. У дражайшей сестрицы слишком много людей в твоем ближайшем окружении. И она хочет, чтобы мы создали... скажем... некоторые затруднения для магов.

— И ты согласна с этим безумием?

— А это имеет значение? — Мегера трогает пальцем запястье.

— Полагаю, что нет,— кивает герцог.— Во всяком случае, там, где замешана Риесса,— он подходит к угловому столу, стоящему в этом кабинете еще со времен его деда.— Но в любом случае я хочу, чтобы Креслин чувствовал себя хорошо.

— Утром мы с ним предпримем конную прогулку.

— А он умеет ездить верхом?

— Чуточку. Лишь в той степени, чтобы проехать десять кай почти в беспамятстве и не выпасть из седла. И чтобы успешно пройти испытания младших стражей в Оплоте.

— Ха! Стало быть, Риесса подыскала малого под стать тебе крепостью. А вдобавок и талантом.

— Лучше бы ты помолчал, дорогой кузен. У тебя-то нет ни сил, ни таланта.

Герцог бросает на кузину хмурый взгляд и медленно отворачивается к пыльному столу.

В очаге за его спиной шипит еще один уголек.

LI

Креслин спускает голые ноги на мохнатую овчину, покрывающую каменные плиты пола. У окна стоит маленький стол и два кресла, на одном из которых он сидит всякий раз, когда ест. Вот уже три дня ему приносят пищу, и он ест за столом.

Таинственную особу Креслин больше не видел. Все эти дни его посещали только седовласая целительница и робкая молодая

служанка. Если бы не примыкающая к его комнате прекрасная ванная, он мог бы счесть себя пленником, заточенным в одной из западных крепостей.

На кресле разложена одежда — полный комплект зеленых кож, скроенных и подобранных в стиле стражей Западного Оплота. Увидев в руках служанки эту одежду, чуть более яркого оттенка, чем носят на его родине, Креслин окончательно сбросил дрему. Ему принесли и изготовленный на Крыше Мира кинжал, но меча нет.

Креслин встает. Донимавшее его в последние дни головокружение прошло, но в ногах еще чувствуется слабость.

Дверь открывается, впуская темноволосую, плотненькую молодую женщину с подносом в руках. Цвета ее одежды голубой и кремовый, а не зеленый с золотом, как у герцогской челяди. От запаха свежеиспеченных хлебцев и ароматного чая у юноши текут слюнки.

— Добрый день,— решается заговорить он.— Кто ты? Ты была так заботлива...

— Добрый день, господин. Меня зовут Алдония,— она ставит завтрак на стол, смотрит на юношу, ничуть не смущаясь тем, что он в нижнем белье, и говорит: — Э... милостивая госпожа хотела бы знать... достаточно ли хорошо ты себя чувствуешь для того, чтобы... э... прогуляться верхом? Сегодня после завтрака?

Креслин прячет улыбку. Почему имя этой незнакомки упорно хранят в тайне? Почему она всегда в капюшоне и почему ее всегда сопровождают стражи? Она не может быть герцогиней, ибо не носит украшений, подобающих замужней женщине, а служанка — скорее всего ее личная служанка — не ходит в герцогских цветах. Голубой и кремовый кажутся ему знакомыми, но откуда — вспомнить не удается.

— Думаю, да,— наконец отвечает он.

Алдония кивает и удаляется.

Стало быть, он остается пленником. Но — привилегированным. Которому, во всяком случае, полагается сытный завтрак. Воспоминания о холодной овсянке каторжного лагеря, равно как о кореньях и ягодах, составлявших его пищу в пути, слишком свежи, чтобы отказаться от чая, ананасов и свежих хлебцев. Со временем, рассуждает Креслин, в том, что касается еды, он вернется к прежним привычкам. Может быть.

Слабость в ногах проходит с горячим чаем и первыми кусочками медового рулета. Даже чувствуя голод, Креслин сдерживается, заставляя себя медленно и тщательно пережевывать каждый кусок. Он смотрит сквозь отделанный свинцом оконный переплет на ясное сине-зеленое небо и каменную кладку стены.

Умывшись и побрившись, Креслин одевается. Одежда впору: видимо, пока юноша лежал без чувств, с него сняли мерку. Стоящие под стулом серые кожаные сапоги выглядят в точности как те, что в Западном Оплоте надевают для верховой езды, однако, приглядевшись, Креслин улыбается — серая кожа не пропитана водоотталкивающим составом.

Натянув сапоги, Креслин застилает постель и усаживается в кресло. Долго ждать не приходится: дверь почти сразу же открывается. В проеме стоит Алдония, а позади — два стража в зеленых с золотом мундирах. Такие же были на солдатах, сопровождавших таинственную незнакомку.

— Милостивая госпожа ждет. Достаточно ли ты окреп, чтобы ездить верхом?

— Думаю, да — для недолгой прогулки.

Креслин встает и, не обращая внимания на стражей, следует за служанкой по глухому, без окон, каменному коридору. Алдония спускается по ступеням, тогда как оба стража остаются наверху.

Итак, Креслин угадал правильно. Это место — башня, бастион — является семейным крылом замка. Из чего явствует, что он не простой пленник, хотя герцог, видимо, от этого не в восторге. Креслин спешит за Алдонией и догоняет служанку как раз перед очередной тяжелой дверью.

— Она ведет во внутренний двор. Там, на дальней стороне, герцогская конюшня.

Алдония поворачивается, но прежде чем успевает уйти, юноша касается ее руки.

— Кто она?

— А ты не знаешь?

— Чувствую, что должен знать, но ведь я видел ее только больным. А с тех пор, похоже, она стала меня избегать.

— Видимо, у нее есть свои причины, но так или иначе в душе она — добрая...

— Добрая в душе?

Алдония застывает.

— Я на самом деле ее не знаю,— заверяет Креслин, сам не понимая, зачем ему убеждать в этом служанку.

— Может быть, господину лучше...

Алдония наклоняет голову, поворачивается и начинает подниматься по лестнице.

Креслин закусывает губу. Эта девица демонстрирует удивительную преданность своей таинственной хозяйке. И носит странные цвета... Потянув за железную ручку, он легко открывает массивную дверь и ступает на чисто выметенные ровные плиты внутреннего двора. В тени, где остановился юноша, прохладно.

Достаточно прохладно, чтобы понять — теплый сезон сбора урожая миновал. Небо усеивают белые пушистые облака, и Креслин снова вспоминает, что потерял более полугода. Хотя воспоминания той поры принадлежат не ему, а безымянному каторжанину по прозвищу «серебряная башка».

По ту сторону двора, менее чем в тридцати локтях, он видит двух коней. Одного, гнедого, держит под узцы конный страж в герцогских цветах. Юноша молча направляется к лошадям.

— Господин Креслин?

Юноша молча кивает.

— Милостивая госпожа ждет тебя снаружи.

Креслин садится на гнедого и обнаруживает, что поперек передней луки лежит короткий меч стража Западного Оплота с заплечными ножнами. Не теряя времени, Креслин влезает в портупею, и страж при этом непроизвольно касается рукояти своей сабли.

Двое мужчин проезжают под аркой, ведущей в главный двор замка, и когда приближаются к воротам, страж делает привратникам знак.

С грохотом отворяются массивные, обитые железом ворота. Всадники проезжают под каменными арками мимо недавно возведенных дополнительных укреплений. Стук копыт эхом отдается от гранита. Страж повторяет знак, и ворота с грохотом закрываются. Массивные засовы ложатся в свои каменные гнезда.

В конце мощеной дороги ждут четверо конных стражей и женщина. При виде Креслина незнакомка направляет свою лошадь по обводной дороге, медленно спускающейся с кручи.

Холмы очищены от растительности, и голые склоны под серыми гранитными стенами Вергрена пятнают кружки пней, оставшихся от спиленных деревьев.

Легкий ветерок ерошит отросшие волосы Креслина. По правую руку, примерно в трех кай ниже по склону, он видит стены города. Любопытно, почему замок не находится в центре города или хотя бы не граничит с ним? Скачущая впереди женщина ускоряет аллюр.

Но Креслин не пришпоривает гнедого, а позволяет ему идти размеренным шагом и делает глубокий вздох, радуясь ветру и солнечному свету. Конь неспешно несет всадника по длинной, огибающей гору дороге. Достигнув наконец небольшой рощицы рядом с огороженным выпасом, где щиплют травку черномордые овцы, Креслин видит поджидающую его таинственную незнакомку. Она попридержала коня чуть в стороне от стражей.

Креслин осаживает коня рядом с ней:

— Добрый день.

— А ты неплохо ездишь верхом,— с любезной улыбкой отзывается она. Ее длинные рыжие волосы связаны сзади в узел и прикрыты голубым шелковым шарфом.

— Я несколько отвык.

— Это незаметно.

Она спешивается, ведет лошадь к травянистой полянке под раскидистым дубом. Привязывает поводья к столбу, выступающему из ограды, и садится на широкий плоский камень.

Креслин тоже привязывает коня и, даже не успев еще приблизиться к незнакомке, неожиданно ощущает протянутую между ними тончайшую нить. Улавливает он и мелькание пляшущих вокруг женщины черно-белых язычков пламени.

— Кто ты? — непроизвольно вырывается у него.

— Разве ты не знаешь?

— Почему бы тебе просто не ответить на мой вопрос? К чему эти игры? Я понимаю, ты вроде как колдунья. Все стараются держаться от тебя подальше.

— Я не заметила, чтобы кто-нибудь особо стремился поближе познакомиться и с тобой, Креслин.

— Но герцог? Стражи? — он смотрит на нее в упор.

Лицо ее бледно и серьезно.

— Стражи опекают меня, так же как и тебя. Герцог — мой кузен. Он искренне желает поскорее избавиться от моего общества.

— Кто ты? — повторяет он.

— Ты знаешь, просто не хочешь этого признать.

Он встречается взглядом с ее зелеными глазами. Как странно выглядят они на этом бледном, веснушчатом лице...

— Ходят слухи, что единственный отпрыск мужского пола правящего дома Западного Оплота не только отверг свою знатную и весьма привлекательную невесту, суб-тирана Саррониина, но еще и таскал камни на строительстве чародейского тракта, как простой каторжник!

Креслин чувствует, что сердце его начинает учащенно биться, а горло перехватило. Женщина безжалостно продолжает:

— Еще поговаривают, будто этот неблагодарный имел безрассудство прыгнуть в самое сердце снежной бури, чтобы сбежать от прославленных стражей Оплота. В чем и преуспел. Правда, после этого его захватили Белые маги и он лишился рассудка, но и тут он, пройдя через бурю, исчез в Рассветных Отрогах, так и не предоставив Высшему Магу возможности взглянуть на его тело.

Креслин смеется, узнав наконец этот хрипловатый голос, плохо сочетающийся со светлой кожей и веснушками. Он смеется, и нотки его смеха кажутся золотистыми даже на фоне прохладного ветра.

— Ты заполучила меня, госпожа. Заполучила! — его смех стихает, а блеск в глазах становится печальным.— Заполучила, но кого? Беглеца, которому нет места во всем Кандаре? Которому только и приходится, что убегать от одного несчастья за другим. Причем без надежды на успех...

— Довольно! — она подается к нему так, что огненно-рыжие волосы рассыпаются на вороте ее легкой голубой куртки для верховой езды.— Я тебе кое-что задолжала!

Креслин не шевелится, он даже не моргает, когда ее белый гнев хлещет его с еще большим неистовством, чем рука, нанесшая пощечину.

Стиснув зубы, он заставляет себя не тянуться к ветрам.

— Видимо, ты считаешь, что положение суб-тирана дает тебе право наносить оскорбления другим?

— Очень впечатляюще,— насмешливо отзывается она.

— Мегера,— медленно произносит он.— Это имя должно означать «ярость». Или «безумное разрушение».

— А ты еще не понял?

— Чего не понял? — его голос холоден.— Что меня гоняли, преследовали, за мной охотились чуть ли не по всему Канда-ру? Что я чародей, с которым все желают покончить? Что ты каким-то образом со мной связана и видишь в этом мою вину? Что ты разыскивала меня — и разыскала?

— По крайней мере, ты начинаешь думать.

— Думай не думай, госпожа, от этого мало проку, если нет выбора.

На сей раз она хмурится.

— Мегера,— он поднимает глаза на стражей, бочком теснящих коней и старающихся держаться подальше от этой парочки.— Мне не найти приюта ни на Крыше Мира, ни в землях, где властвуют Белые маги. Сомневаюсь, чтобы я стал желанным гостем в Сарроннине или Сутии... особенно теперь.

Она смотрит на него молча. Смотрит невидящими глазами.

Повисшую тишину нарушает ржание гнедого. Одно из белых пушистых облаков закрывает солнце, и над холмом пробегает тень.

— Вот ты и заполучила то, что имеешь. Я твой.

— Ты ничей. Никто и никогда тебя не получит.

— Но ты заполучила, нравится тебе это или нет.

— Ты неправильно понимаешь, Креслин,— голос ее обманчиво мягок.— Это я твоя, вне зависимости от того, что я делаю. Мой ты или не мой, но я твоя.

— И это обстоятельство тебе ненавистно, а потому ненавистен и я?

— Да.

Юноша поднимает глаза на покрывшее их тенью облако. Его лошадь взмахивает хвостом.

— Давай вернемся.

— Устал?

— Да,— признается он.— Хотя это едва ли имеет для тебя значение.

— О чем ты думал?

— Ни о чем полезном,— он садится в седло осторожнее, чем раньше, снова ощущая слабость в ногах.— Просто задумался, что мы можем сделать.

Стражи сопровождают их обратно в Вергрен.

LII

— Ты ведь так и не понял, верно?

Мегера устраивается на камне, подвернув под себя одну ногу и полуобернувшись к востоку, где за протянувшимися на три кай лугами высятся, отбрасывая длинную вечернюю тень, городские стены.

Креслин старается не хмуриться, хотя знает, что скрывать свои чувства в такой близости от Мегеры — бесполезно. А улавливая бушующую в ее душе бурю, понимает и то, что любой ответ будет небезопасен.

— Я так не думаю.

Она вскидывает руки. Длинные полотняные рукава соскальзывают, обнажая обезображенные шрамами запястья.

— Ты видел их раньше. Не вздумай сказать «нет»!

— Я и не думаю.

Он мог бы устранить эти шрамы, но считает это бессмысленным до тех пор, пока шрамами покрыта ее душа.

— Железо, холодное железо, каждый день с тех пор, как... как я перестала быть маленькой девочкой. Ты знаешь, каково это? Знаешь?

— Нет.

— А потом Риесса, моя дорогая сестрица, и Дайлисс заменили то холодное железо на раскаленное. Закалили мои оковы в твоей крови, связав мою жизнь с твоей. Ты знаешь, каково чувствовать дар и не иметь возможности использовать его? Во всяком случае, в полную силу? Без боли?

Не иметь возможности использовать дар... Чей — свой или его?

— Продолжай,— просит он.

— На самом деле ты не хочешь слушать.

— Почему? — он пристально смотрит на нее.— Я же попросил тебя продолжать.

— Нет,— она отводит глаза.— Я не хочу стать посмешищем, даже в глазах в общем-то неплохого, хоть и туповатого малого.

— Прекрасно,— фыркает Креслин.— Не хочешь о себе — не надо. Поговорим обо мне. Скажи на милость, зачем ты показала, где я нахожусь, гнавшимся за мной Белым? Это едва не стоило мне жизни!

— Что?!

— Ты прекрасно знаешь, что. Ты и твоя проклятая птица кружили у меня прямо над головой до тех пор, пока не привлекли внимание мага.

— Ты так себе это представляешь? — едва ли не с восторженным удивлением спрашивает Мегера.

— А разве это не так?

— Откуда мне знать? — она снова поднимает руки, показывая шрамы.— Откуда мне знать, если всякий полет мысли обжигает кожу и испепеляет душу. Если долгие дни видишь солнце лишь сквозь оконную решетку? Ведь только совсем недавно я смогла действовать, не опаляя себя.

— Так ты не знаешь? Я хочу сказать, ты не видишь ту проклятую птицу, глазами которой меня выискиваешь?

— Конечно нет, идиот! Какая там птица! Смог бы ты вызывать свои дурацкие бури, держа руки на раскаленной решетке? А хоть бы и смог — много бы тебе запомнилось сопутствующих подробностей?

Позади Мегеры на камень мостовой падает тень. Креслин видит мрачную физиономию Флорина. Герцогский страж-мастер молча кивает ему и отходит в сторону с неким подобием улыбки на обычно угрюмом лице.

— Ты не понимаешь? Ты что, действительно не понимаешь? — требовательно спрашивает Мегера.

Креслин сдерживался слишком долго, и тут его прорывает:

— Какого ответа ты от меня ждешь? Скажу «понимаю» — ты заявишь, что это ложь. Признаю, что нет,— ты проклянешь меня за неспособность проникнуться твоими страданиями. Но раз уж на то пошло, скажу: ты заклеймила себя сама! Сама оковала себя холодным железом. Да, да! У тебя был выбор. Не слишком богатый, но был. В свое время ты могла уйти, как на том пиру. Уйти! Какой страж мог бы тебя остановить? Ты сетуешь, но тебе не приходилось бороться за право каждого самостоятельного шага! Не приходилось утверждать себя в состязании со стражами Западного Оплота! Не приходилось зимой пешком перебираться через Закатные Отроги. Белые маги не похищали твою память. И наконец, никто не бил тебя дубинкой по черепу. Я по своей воле никогда в жизни не делал тебе ничего дурного. Твоя сестра — может быть. Маршал — может

быть. Но не я. Так что перестань винить меня во всех своих бедах.

Мегера слушает его с открытым ртом, но едва он умолкает, начинает говорить она:

— Ты... Ты так ничего и не понял! Твой разум — если он у тебя вообще есть — неприступнее твоего драгоценного Западного Оплота! Тебя обучили как воина — кто смог бы тебя остановить? Ты один из самых могущественных Магов-Буреносцев — кто смог бы тебя остановить? Единственные сковывающие тебя цепи — у тебя в голове, и ты до сих пор от них не избавился!

Она вскочила на ноги, и глаза ее сияют ярче закатного солнца.

Креслин моргает. Какие цепи?

— Мои цепи не смогли меня удержать,— продолжает она,— а ты о своих даже не догадываешься! Да поможет мне Свет, ведь от тебя-то всяко помощи не дождешься! — рыжеватое пламя вспыхивает на кончиках ее пальцев, но тут же исчезает, а лицо бледнеет.— Будь ты проклят! Будь проклят!

Шаги обутых в сапоги для верховой езды ног еще отдаются эхом, но самой Мегеры у парапета уже нет.

Цепи? Что за цепи? Нечто реальное или игра воображения Мегеры? Юноша стоит неподвижно, положив ладони на нагретый дневным солнцем каменный парапет. Мегера говорит правду, такой, какой она ей видится, и это тревожит его больше, чем враждебность всех магов Фэрхэвена. Креслин задумчиво всматривается в сумерки, и вслед за его взглядом навстречу темноте летят сорвавшиеся с губ слова песни:

— Нам струны арфы возвещают преданье старины глубокой
О том, как ангелы бежали из их обители высокой.
И песнь звучит, звучит поныне, как вечной истины залог,
О ноты истинной единой, увы, извлечь певец не смог...
И как могу я положиться
На то, чему преданье учит,
Коль скоро ненависть таится
За звонким серебром созвучий?..

Мелодия неверна, даже слова не совсем точны, и Креслин жалеет, что с ним нет гитары. Которая, как он понимает, находится где-то в Сарроннине.

LIII

Постучавшись, Креслин ждет перед прочной дверью. Записка, что принесла ему Алдония, спрятана в пояс. Мегера к нему

не заходила, но в кратком послании говорится, что они должны обсудить дела.

— Заходи.

Дверь Мегеры тоже окована железом. Но очевидные преграды порой преодолеваются с большей легкостью.

Тяжелые дубовые створы раскрываются, и Алдония повторяет:

— Заходи. Милостивая госпожа сейчас будет. Она тебя ждет.

Креслин оглядывается. Закрытая дверь справа, видимо, ведет в спальню. Деревянная кушетка с низкими подлокотниками и такое же кресло стоят по обе стороны от низкого столика. На нем чайник, над которым поднимается пар, и две чашки. И деревянные стенные панели, и латунные лампы, и прочая обстановка здесь почти такая же, как в его комнате. Но цвета другие — в комнате Мегеры и шторы, и покрывала, и обивка не зеленые с золотом, а кремовые и голубые.

— Не угодно ли горячего чаю? — предлагает Алдония.

— Нет... нет, спасибо,— отвечает Креслин и, немного помолчав, спрашивает: — Ты давно у Мегеры?

— Нет, господин. Я... поступила к ней на службу уже здесь.

— Состояла в герцогской челяди?

— Нет, господин. Милостивая госпожа... нашла меня сама,— девица отводит глаза, и Креслин невольно задумается, многое ли она скрывает.

— Мегера... весьма примечательная особа.

— Да, господин,— и хотя слова служанки звучат искренне, создается впечатление, что за ними сокрыто больше, чем высказано вслух.

— Добрый день, Креслин.

Сегодня в хрипловатом голосе Мегеры звучат нотки, памятные ему с той ночи, которая то ли была, то ли нет. Да и могла ли она быть? Теперь Креслин знает, как относится к нему Мегера.

Мегера скользит к окну. Незажженная лампа стоит на подоконнике, а на середину небольшого восьмиугольного столика помещено маленькое зеркало. Креслин следит за женщиной взглядом. Как стройна и изящна ее фигура!

— Садись. Тебе необходимо кое-что узнать... Алдония, можешь идти,— со служанкой она обращается мягко, едва ли не нежно, и это особенно бросается в глаза, когда Мегера заговаривает с Креслином. Ее тон сразу делается холодным и суровым.

Он подходит к столику и садится. За ушедшей служанкой закрывается дверь.

Мегера усаживается напротив Креслина, спиной к полуоткрытому окну.

— Прошу прощения за несдержанность, но ты мне по-прежнему не нравишься.

— А я по-прежнему не могу сказать «понимаю», поскольку ты не говоришь правды ни мне, ни себе,— отзывается Креслин и поспешно добавляет: — Но, если тебе от этого легче, признаю, что на мой счет ты, пожалуй, права. Я о многом не подумал.

— Я, можно сказать, пытаюсь извиниться, а ты нападаешь,— ее взгляд падает на стоящее на столе зеркало.— Оставим это. Итак, Маг-Буреносец, скажи, что я чувствую,— она роняет слова, словно льдинки.

— Я не собирался нападать. А ты не знаешь, что чувствуешь в отношении меня,— высказывает он догадку и ждет ее ответа.

Мегера молчит. Зеленые глубины ее глаз полны холода.

— Ты ненавидишь свою сестру,— продолжает он,— и ненавидишь свою связь со мной. Тебе кажется, что по этой причине ты должна ненавидеть и меня, и ищешь эту ненависть в глубине души, но не находишь. И этот факт тебе тоже ненавистен.

Он поднимает руку на тот случай, если ей вновь вздумается залепить ему пощечину.

— Я кое-чем тебе обязана, Креслин. Ненависть не вписывается в общую картину.

— Я не говорил, что нравлюсь тебе. Не говорил, что ты в меня тайно влюблена. Я только сказал, что ты не испытываешь ко мне ненависти.

— Я запросто могла бы возненавидеть тебя, особенно за твое вызывающее поведение...

— Как угодно...— вздыхает он.— Но ты, кажется, хотела что-то мне рассказать?

— Только потому, что я хочу жить, а это, увы, невозможно без аналогичного желания с твоей стороны. Меня не восхищает возможность впасть в безумие или лишиться части своего «я».

— А почему бы нам не найти сведущего мага, который сможет избавить нас от жизненной связи, не повредив ни одному из нас?

— Слишком поздно. Моя дражайшая сестрица умна и коварна. Я была заточена в темнице до твоего возвращения в Оплот, а теперь — да что там «теперь», уже ко времени обручения — связь укрепилась так, что ее разрыв убил бы меня. Должна сказать, что сестрица не знала, что именно ты в действительности собой представляешь. Ты ей был нужен ради войск твоей матери. Нужен живым. Как тебе это нравится? По-моему, лучше не придумаешь!..

Креслин ежится, но напряжение между ними ослабло.

— Ты помнишь, как чувствовал себя в дорожном лагере? — в голосе Мегеры вновь появляется хрипотца.

— Нет. У меня две памяти; одна из них без прошлого.

— Они называют это Белой Тьмой. Так говорится в книгах. Во всяком случае, в тех, какие я нашла у Корвейла, а у него хорошая библиотека,— женщина хмурится.— Способ эффективный, но лишь по отношению к людям, не знающим, что это такое и как действует... А также раненым, больным или уязвленным как-либо иначе.

— Я был наивен,— отзывается Креслин, с опаской поглядывая на маленькое зеркало.

Мегера качает головой, всколыхнув волну рыжих волос, зачесанных за уши и скрепленных сверху гребнями. Его признание она встречает быстрой, едва коснувшейся губ улыбкой.

Креслин смотрит на кремовую шею кожи и тонкие ключицы над глубоким вырезом светло-зеленого платья. Он впервые видит ее не в тунике с высоким воротом, куртке для верховой езды или дорожном плаще. Сердце его бьется все сильнее.

— Прекрати!

Все ледяные ветры Крыши Мира не заморозили бы его на месте так, как одно это слово.

Румянец ее щек передается ему.

— Ты ощущаешь все, что я чувствую и думаю?

Она отворачивается к свинцовому оконному переплету.

— Нет. Только... когда ты близко и испытываешь сильное чувство. Когда ты работал на дороге... как раз худшее...

Она смотрит в сторону, но ее изуродованные шрамами руки остаются на столе.

Креслин ждет, старясь не кусать губы и не сжимать кулаки. Мегера молчит. Она больше не избегает его взгляда.

— Ты написала, что нам следует обсудить наши дела,— решается наконец он.

— Да. Как ты думаешь, что нам делать?

— Понятия не имею. Я и в Фэрхэвен-то отправился в надежде хоть что-нибудь разузнать.

— Полагаю, кое-что ты все-же выяснил,— голос Мегеры сух.

— Немало,— он выдавливает смешок.— Но не совсем то, на что рассчитывал.— Креслин выдерживает паузу.— Вернуться в Западный Оплот я не могу. Значит... куда мы можем отправиться?

— Не мы, а ты.

— Ты не совсем права. Полагаю, мы могли бы вернуться в Сарроннин. Или остаться здесь. Герцогу, надо думать, не помешает любая поддержка, какую только можно найти. Пусть даже он в этом не признается.

— Ты вправду думаешь, будто мы сможем найти безопасное пристанище в Сарроннине или здесь?

— А почему не здесь?

— У герцога нет наследников. Он в молодости перенес пятнистую лихорадку. Герцогиня умерла четыре года назад, и у нее не было единокровных братьев или сестер.

Креслин кивает:

— Значит, маги могут спокойно ждать его смерти. Но если ты останешься здесь, тебя сочтут претенденткой, и тогда...

— Рада, что тебе не нужно ничего разжевывать.

Креслин сжимает губы. Молчание затягивается, и наконец, просто чтобы нарушить его, юноша произносит:

— Выходит, нам нет места нигде в Кандаре.

— У тебя случаются просветления, о лучший из нареченных. Особенно когда тебе удается замечать очевидное.

— Мы ищем решение, или тебе просто нравится меня оскорблять? — не успев договорить, Креслин уже жалеет о сказанном.

— Правда — не оскорбление.

— Видишь ли,— признается он,— я очень мало знаю о человеческой природе, об интригах правителей и... о женщинах. Во всяком случае, женщинах, не выросших в Западном Оплоте. Мне это известно, и тебе тоже. Какой же смысл указывать мне на очевидное? Тебе нравится чувствовать свое превосходство?

— Может быть. В некоторых отношениях,— добавляет Мегера, пожалуй, слишком поспешно.— Будь проклят...— шепчет она, опустив голову и уставясь в полированную столешницу.

Креслин качает головой. Мегера — загадка. В один момент кажется, будто до нее удалось достучаться, но в следующий... В ней словно бы два разных человека.

Он пытается отгородить от нее свои чувства, с отчаянием понимая, что уже поздно, что она ощутила все и сразу.

— Прекрати! Я не нуждаюсь в твоей дурацкой жалости! Оставайся тем же бесчувственным тупицей, каким и был! Так проще,— вскочив, она поворачивается к открытому окну.

Комната невелика, воздух в ней неподвижен, но Креслин, коснувшись ветерка, втягивает его через стрельчатое окошка, любуясь тем, как поток воздуха шевелит прядки рыжих волос. Мегера, похоже, этого не замечает.

Ощущая нарастающее беспокойство, он отталкивает кресло, встает и усаживается на кушетку, подальше от Мегеры.

— Долго мы еще можем здесь оставаться? — спрашивает он.

Мегера медлит с ответом, не отрывая глаз от холмов за внешней стеной. Из ее комнаты открывается широкий обзор, не то что из окна Креслина, выходящего на угловую башню наружной стены.

— Корвейл не может вынудить нас уехать.

— Ты хочешь остаться?

— А куда ты... мы могли бы отправиться?

— Как насчет Отшельничьего? — спрашивает Креслин.

— Да ведь это заброшенный, совершенно пустынный остров! Лучше уж сидеть под замком у дорогой сестрицы!

Креслин пожимает плечами.

— Хамор? — спрашивает он и сам чувствует, что это не выход.

— В том краю так же холодно, как и в твоем Оплоте, но там вдобавок еще и не чтут Предание.

— Думаю, в Хаморе дела обстоят так же. Во всяком случае, со времени основания империи.

— Будь все проклято...

— Тогда я все же предлагаю Отшельничий, хотя бы как временное убежище. Если ты не предпочтешь рискнуть и остаться здесь.

Мегера не оборачивается и не отвечает.

— После обеда нам надо будет поговорить с герцогом,— произносит она наконец и вновь умолкает.

Креслин ждет, потом со словами «Значит, после обеда я тебя и увижу» направляется к выходу. Мегера не произносит ни слова.

Он закрывает дверь и идет по коридору к своим покоям. За ним следуют двое вооруженных стражей.

LIV

Несмотря на высокие каблуки сапог, Корвейл значительно ниже Креслина. Худощавое лицо герцога кажется чуть ли не истощенным, а его глубоко посаженные глаза налиты кровью.

— Стало быть, ты и есть тот самой молодой человек, из-за которого маги могут обрушиться на меня,— произносит он, стоя у массивного стола, изготовленного явно в расчете на какого-то более рослого его предшественника.

— Скорее я для них удобный предлог. Они все равно поступят так, как сочтут нужным.

— Предлоги, предлоги... Вижу, Дайлисс обучила тебя не только работе с клинком (как говорят, весьма искусной), но и логике.

Креслин улавливает, как в Мегере вскипает ярость, и, опережая ее, говорит:

— Мегера, я думаю, твой кузен пытается нас провоцировать,— он переводит взгляд на герцога и добавляет: — И всего-навсего ради сиюминутного удовлетворения. Довольно странно для человека, у которого так мало союзников.

— А ты весьма хладнокровен, консорт Креслин... И не особо признателен тому, кто предоставил тебе убежище.

— Я преисполнен благодарности, мой господин,— в поклоне Креслина почти не чувствуется иронии. — И при шел сюда, чтобы обсудить, каким образом мы могли бы выра-зить нашу благодарность лучше всего, покинув названное убежище.

Теперь взгляд Мегеры перебегает с одного на другого.

— Может, мы сядем за стол, кузен?

— Конечно, конечно,— герцог направляется к ближайшему стулу с видимым намерением предложить его Мегере и застывает, когда высокую спинку обхватывают пальцы Креслина.

Обойдя обоих, Мегера преспокойно усаживается на место герцога.

— Ну, если вы оба готовы...

Креслин садится на стул, который хотел предложить Мегере, и придвигает его к круглому столу. Корвейл наливает себе из зеленого хрустального графина кубок красного вина.

— Не угодно? — он кивает сперва Мегере, потом Креслину.

— Пожалуй, нет, кузен.

— Нет, спасибо.

— Хорошо,— герцог отпивает глоток.— Что у тебя на уме, Мегера?

— Мне было бы интересно узнать, что можешь предложить ты, кузен.

Герцог пожимает плечами:

— Любое подходящее для тебя место за пределами Монтгрена. Может быть, вернешься в Сарроннин?

— Любопытная идея, но неужто ты и впрямь думаешь, что ненаглядная сестрица будет рада увидеть меня дома... без оков?

— Возможно, Риесса действительно испытывает некоторое беспокойство на сей счет,— он щелкает пальцами...— Может, Сутия?

Мегера молча смотрит кузену в глаза.

— Да, понимаю, тут могут возникнуть проблемы,— лоб Корвейла поблескивает в свете лампы. Он достает платок и утирает пот.— Ну, а у тебя, хваленый Маг-Буреносец, есть какие-нибудь соображения?

— Только одно, но оно может стать решением. Почему бы тебе не объявить Мегеру регентом Отшельничьего острова?

— Что? — герцог поперхнулся вином.

— Провозгласи Мегеру регентом Отшельничьего, с тем чтобы она правила островом от твоего имени.

Корвейл утирает лоб рукавом, не воспользовавшись ни салфеткой на столе, ни носовым платком, заткнутым за широкий белый пояс.

— Отшельничий в десять раз больше всего Монтгрена, и я должен отдать его Мегере?

— Да.

— Но...

— Она твоя кузина. Она суб-тиран Сарроннина. Тебе все равно не удержать остров, поскольку все наличные силы нужны здесь — держать оборону против магов. А вот если Мегера станет регентом, Сарроннин и Западный Оплот, пожалуй, могут направить на Отшельничий небольшие отряды в ее поддержку.

— Нет! — упрямо качает головой Корвейл.

— Почему? — рассеянно, словно ответ герцога не имеет отношения к делу, спрашивает Креслин.

— Отшельничий — это и есть Монтгрен.

— Так почему же твоя резиденция не там?

— Я предпочитаю Вергрен за... более удобно расположение.

— Рядом с Фэрхэвеном, практически под боком у магов?

Вместо ответа Корвейл вновь утирает лоб.

— Думаю, дорогой кузен, ты упустил из виду и то, что большая часть Отшельничьего совершенно безлюдна.

Герцог отмалчивается.

— И то, как трудно наладить там реальное управление.

— Довольно...— Корвейл тяжело вздыхает.— Довольно. Риесса, безусловно, одобрила бы такое назначение, ведь тогда, как только я перестану быть ей помехой, она сможет претендовать на Монтгрен. Только вот что скажут на это маги?

— Дражайшая сестрица вовсе не так глупа. Она действительно надеется, что, коль скоро нам с моим суженым некуда податься, мы и впрямь обеспечим для нее некое наследство, причем немедленно. Но у нее нет никакого интереса рисковать, посылая войска так далеко за рубежи Сарроннина.

Когда Мегера произносит эти слова, уголок ее рта дергается. Что же она недоговаривает? Хотелось бы Креслину знать это...

Корвейл бросает непроизвольный взгляд на стражников, стоящих у входа.

— Кузен,— произносит Мегера, перехватив его взгляд,— будь у нас на твой счет дурные намерения, ты был бы уже мертв.

— Я по-прежнему говорю «нет». Принять предложение твоего... друга — значит создать еще один оплот приверженцев Предания.

— О чем ты? — ее слова подобны холодным градинам.— Кому нужна эта бесплодная, голая пустыня?

— Мой предшественник не остановился ни перед чем, чтобы...

— Корвейл,— перебивает его Креслин,— если ты хочешь, чтобы мы убрались из Монтгрена, тебе придется подыскать для нас место. В противном случае...

Герцог вновь вытирает лоб.

— Что ты умеешь делать? — спрашивает он.— На самом деле, что?

Креслин касается кружащих над наружным двором ветров, втягивает их через гостиную внутрь и поднимает в воздух лежащий на письменном столе тяжелый свиток.

— Годится, чтобы проветриться в жару,— хмыкает герцог, когда юноша отпускает воздушные потоки.

— Кузен, не будь глупцом. Он уже убил добрый десяток Белых стражей, причем сделал это с проломленным черепом, почти в бессознательном состоянии. А еще, если помнишь, он играючи, тремя ударами обезоружил лучшего дуэлянта в Сарроннине.

— Мегера,— вмешивается Креслин,— твой кузен явно не расположен назначать тебя регентом, а ничего другого придумать не может. Поэтому предлагаю: закончим этот бесполезный разговор и отправимся по своим комнатам. Будем отдыхать, отсыпаться до тех пор, пока за нами не явятся маги. Каждый день нашего пребывания здесь увеличивает вероятность их вторжения. Ну а если с нами вдруг что-то случится... мне кажется, и маршал, и тиран будут весьма недовольны.

Он встает.

Мегера смотрит на герцога и кивает. На кончиках ее пальцев вспыхивает и тут же гаснет пламя.

Освещенное лампой лицо Корвейла становится еще бледнее, но неожиданно на нем появляется улыбка.

— Ладно. Я провозглашу регентом вашего ребенка.

На сей раз бледнеет Мегера.

— Ты слишком много на себя берешь! — воскли́цает она, и огоньки появляются снова — и в яростных глазах, и на кончиках пальцев.

Герцог переводит взгляд с кузины на Креслина и хрипло произносит:

— Я не доверяю тебе, Мегера. Будь Креслин мне родич, я лучше назвал бы регентом его, хоть эта железная сука, его мать, и служит пугалом всего Кандара.

Огоньки на пальцах Мегеры меркнут, но глаза продолжают гореть.

— Единственное, на что я могу согласиться,— продолжает герцог,— это провозгласить вас соправителями, при условии, что вы вступите в брак,— он поджимает губы и с вызовом смотрит Мегере в глаза.

На сей раз взгляд отводит она и после продолжительного молчания говорит:

— Хорошо, пусть будет брак. Разумеется, только для видимости. Церемония пройдет в твоем Храме, присутствовать будут одни домашние.

Креслин открывает рот... и закрывает, на найдя слов. Брак? О таком решении он даже не думал. И с кем? С той самой невестой, от которой он бежал, спустившись с самой Крыши Мира! Впрочем, юноша тут же поправил себя, вспомнив, что тогда плохо представлял себе, от кого именно бежит.

— Привыкай к трудностям, юный Креслин,— ворчит герцог.— И да поможет Тьма вам обоим.

— Очень смешно, кузен.

Креслин молчит.

— Когда? — спрашивает Корвейл.

— Сегодня вечером. Время ничуть не хуже любого другого,— слова рыжеволосой взвешенны и падают, как свинцовые монеты.— А завтра или послезавтра мы отбудем. На оговоренных условиях. Воспользуемся твоим судном, тем, что в Тирхэвене. Разумеется, причалив у Отшельничьего, мы тотчас отошлем корабль обратно.

Вздохнув, герцог медленно кивает:

— Хорошо. Подготовка документов много времени не займет.

— Тогда я переоденусь во что-нибудь подходящее для свадебной церемонии,— говорит Мегера и переводит взгляд на Креслина.— Кузен, не мог бы ты подобрать подобающий наряд и для моего суженого?

— Нет! — резко возражает Креслин.

— Ты отказываешься жениться на моей кузине? — вкрадчиво интересуется Корвейл.

— Я женюсь на ней. Разумеется, только номинально. Но переодеваться ради этого не стану.

Корвейл кивает:

— Такие вопросы решать тебе и твоей невесте. Мне же, если этому браку суждено состояться, следует найти Шиффурта и кликнуть нескольких писцов. Прошу простить...— он встает, кланяется и направляется к двери.

Когда Корвейл выходит, Креслин смотрит на Мегеру.

— Все ты, со своим регентством...— говорит она. Пламя в ее глазах так и не угасло.

— Ты могла предложить выход получше? Мне все это нравится не больше твоего. Может, еще и меньше.

— И ты говоришь мне это после всех твоих поганых мыслишек! После того, как проволок меня по сточной канаве твоего сознания! Внутри ты такой же, как и все мужчины: думаешь лишь о том, как бы затащить женщину в постель! Но наш брак чисто номинальный, и заключаем мы его исключительно чтобы выжить. Не забывай об этом!

— Как можно? — восклицает Креслин и, глядя на вьющиеся вокруг лампы на письменном столе герцога воздушные потоки, думает: «И вправду, как можно?..»

LV

Храм. Узкое длинное помещение под Большим залом герцогского замка. Стены его обшиты красным дубом, а пол выложен серым полированным гранитом. Менее десятка мужчин и женщин стоят полукругом примерно в десяти шагах черного деревянного престола. Скамьи, равно как и какие-либо изображения, в Храме отсутствуют.

Стоящий у распахнутых дверей Креслин переминается с ноги на ногу, размышляя, не ошибся ли он, оставшись в повседневной одежде.

Мегеры не видно, хотя Алдония заверила его, что та скоро прибудет. Служанка прячет глаза, ее окутывает печаль.

— Нервничаешь? — спрашивает Креслина герцог.

— Еще как,— признается юноша, все так же переминаясь с ноги на ногу. Он даже завидует прислужнице: по отношению к кому-то Мегера, оказывается, может быть добра...

— Прими мои поздравления, а заодно соболезнования, Маг-Буреносец. Моя кузина почище любой из тех бурь, какие тебе случалось вызывать.

— Я начинаю это понимать.

— Понимать что? — слышится гортанный женский голос.

Креслин оборачивается.

Мегера. В голубом и золоте. У Креслина перехватывает горло.

— Спасибо тебе, суженый,— говорит она с едва заметной, но теплой улыбкой, похожей на выглянувшее после грозы солнышко. Выглянувшее и мгновенно спрятавшееся.— Документы готовы? — интересуется невеста обыденным тоном.

— Все на столе, недостает только моей подписи и печати,— отвечает Корвейл.— Буду счастлив подписать их — хоть до, хоть после церемонии.

— Можно после, но только сразу,— говорит Мегера, и холод в ее голосе заставляет Креслина поджать губы. Что они вообще делают? Но есть ли у них иной выход? Его взгляд возвращается к Мегере, вбирая нежно-кремовую, слегка веснушчатую кожу, зеленые глаза, способные рассыпать искры и метать молнии, красивый прямой нос, стройную фигуру...

— Прекрати это сейчас же...— ее слова не слышны никому, кроме Креслина, и холодны как лед. Юноша переводит взгляд на распахнутые двойные двери и черный Престол.

— Начнем? — спрашивает герцог.

Креслин поворачивается к Мегере, сделавшей шаг вперед и вставшей рядом с ним.

— Придется пройти через это,— говорит она.

— В этом нет необходимости...

— Есть, если я хочу выжить,— откликается она шепотом и уже чуть громче добавляет: — Приступай, дорогой кузен.

Герцог расправляет плечи и направляется к Престолу.

Мегера касается руки Креслина. Он протягивает свою, но она не берет ее, и они движутся вперед сквозь ряды свидетелей, бок о бок, но не прикасаясь друг к другу.

— Во имя гармонии и при извечном присутствии хаоса, каковой может быть отстранен, но не устранен, мы собрались вместе, дабы засвидетельствовать стремление двух душ усугубить гармонию своим единением...— герцог легко читает свиток, и голос его более глубок и звучен, чем показалось Креслину при приватной беседе.

— ...станете ли вы стремиться поселить в ваших сердцах понимание и гармонию?

— Да,— отвечает Креслин.

— Насколько смогу,— отвечает Мегера.

— Подтверждаете ли вы свою преданность друг другу и высшей гармонии?

— Да,— отвечает Креслин.

— Если позволит Тьма,— едва слышно отвечает Мегера.

Герцог хмурится, но тут же разглаживает лоб и возглашает:

— Итак, пред ликом ежедневно создающейся и воссоздающейся гармонии и во свете извечно присутствующего хаоса я скрепляю узы этого высокого союза, соединяя две души в гармоничное единое.

Креслин понимает: от него требуется некое действие, однако Мегера даже не шелохнулась.

— Поцелуй ее хотя бы в щеку,— шепчет герцог.

Повторять не приходится: Креслин наклоняется и нежно касается губами ее кожи. Щека Мегеры оказывается солоноватой от струящихся из глаз слез.

«...так красив...»

«...даже серебряные волосы выглядят естественными. Его это не портит...»

Не обращая внимания на перешептывание, Креслин вновь предлагает руку, и на сей раз Мегера принимает ее. Рука об руку с ним, с высоко поднятой головой, она шествует назад к дверям мимо немногочисленных домочадцев герцога. И мимо пухленькой служанки в кремовом и голубом, рыдающей навзрыд. Креслин сжимает губы, стараясь не обращать внимания на жжение в глазах.

LVI

— Но, милостивая госпожа...— настаивает девушка.— Ты ведь суб-тиран, а теперь еще и регент-соправитель. Хотя бы одна служанка должна сопровождать тебя...

— В моем свадебном путешествии? — прерывает ее Мегера с печальным смешком.— Думаешь, мой новоиспеченный муженек хочет, чтобы ты стала свидетельницей наших брачных утех?

Служанка переводит взгляд на сложенные на полу седельные сумы.

Мегера отпивает глоток из чашки.

— Я говорила с Корвейлом и Хелисс. Ты можешь остаться у них как вольная служанка. Захочешь — уйдешь в любое время.

— Милостивая госпожа очень добра, но я предпочла бы поехать с тобой.

— На Отшельничий? На заброшенный, почти необитаемый остров? — глаза Мегеры останавливаются на слегка округлившемся животе служанки.— Отшельничий — не самое лучшее место для рождения ребенка.

— Милостивая госпожа...

— Алдония, раз уж тебе так этого хочется, то, если вы с ребенком будете здоровы, а я все еще... способна оказывать помощь, ты сможешь последовать за мной на Отшельничий. Я скажу Корвейлу, он распорядится.

Молодая прислужница расцветает в улыбке:

— Милостивая госпожа очень добра. Жаль, что Креслин этого не понимает.

— Я вовсе не добра, и он это знает. Не добра, хотя иногда об этом жалею,— Мегера поднимает руки. Рукава, ниспадая, обнажают белые шрамы.— Вот что не дает мне забыть. Из-за него я...

Служанка снова улыбается:

— Я думаю, в душе он хороший. И вполне мог бы тебя полюбить.

— Возможно. Только быть «хорошим в душе» не всегда означает оказаться таковым даже в словах, не говоря уж о поступках,— рыжеволосая выглядывает из окна, всматривается в отбрасываемые восточными стенами замка утренние тени и заключает: — Дражайшая сестрица заставила меня усвоить это крепко-накрепко.

Печаль в глазах рыжеволосой хозяйки сгоняет улыбку с лица Алдонии.

LVII

— Он в Вергрене, в замке герцога,— сообщает Хартор Высшему Магу.

— Откуда ты знаешь? Из своих обычных источников?

Грузный человек ухмыляется:

— Золото порой творит большие чудеса, чем магия хаоса и магия гармонии вместе взятые. Корвейл нервничает, как неоперившийся птенец.

Высший Маг понимающе кивает:

— Я полагаю, ты делаешь все возможное, чтобы заставить герцога нервничать еще сильнее.

— Мы постарались, чтобы он узнал о повторном созыве маршалом ее отрядов в Сутии.

— Как насчет самого Креслина?

— Мне донесли, что он перебил целую шайку разбойников.

— Не преувеличивай, Хартор.

— Ну...— толстяк пожимает плечами.— Из семерых спасся только один, а Фрози, судя по всему, Креслин прикончил лично. И забрал его лошадь.

— До сих пор ты об этом не заикался.

— Сам узнал уже после его бегства.

— Это порождает еще один вопрос,— Высший Маг хмурится.— Насчет отряда, погибшего на дороге в Монтгрен.

— Тоже его рук дело?

— Ну уж не знаю. Сомневаюсь, чтобы ему удалось усовершенствоваться до такого уровня, в его-то состоянии. По моим догадкам, тут замешаны Клеррис и та целительница, Лидия. Они вытащили его из дорожного лагеря, а потом и сами исчезли. Клеррис сжег свой дом, использовав масло, но мы обнаружили кое-какие следы. Не слишком много. Так, некоторые указания на то, что они направились на запад, в края, где чтут их драгоценное Предание.

Грузный человек склоняется к зеркалу на столе.

— Это больше того, что показывает зеркало. Но ты уверен, что Клеррис и впрямь отправился на запад?

— Не уверен. Но здесь ему делать нечего и в Монтгрене — тоже. Гармония никогда не могла потягаться с нами в открытом столкновении.

— Возможно,— Хартор облизывает губы. На его широком лице хитрый рот кажется непропорционально маленьким.— Сколько времени пройдет, прежде чем мы сможем открыто выступить против Черных?

Высший Маг холодно улыбается:

— Сомневаюсь, чтобы это вообще понадобилось. Многие из них, даже большинство, уйдут сами, по доброй воле. Ну а кто не захочет...

— Ты холоден, Дженред. Холоден, как полюса.

Дженред рассеянно кивает. Мысли его по-прежнему витают вокруг сбежавшего отпрыска маршала Западного Оплота.

— Тебе стоит послать прошедшего полное посвящение Белого, кого-нибудь вроде Бортрена, и два укомплектованных отряда из Кертиса.

— Креслин поедет лишь с ней и четырьмя второсортными спидларцами.

— Я не могу поверить, что эта Белая сука ничему его не научила. А он прикончил семерых, даже не понимая, что делает... Если тебя информировали верно.

— Я пошлю Бортрена, хотя думаю, что это чересчур. Кроме того, куда они вообще двинут? На Отшельничий? В Хамор?

— Если на Отшельничий, так это не беда. Хамор... возможно. А что, если сейчас он муштрует герцогский Легион? До сих пор Западный Оплот держал в тайне методы подготовки стражей, но Креслин прошел все испытания.

Собеседники обмениваются понимающими взглядами. Наконец Хартор вздыхает и встает. Губы его плотно сжаты. Высший Маг продолжает сидеть, вперив взгляд в пустую белизну лежащего перед ним на столе зеркала.

LVIII

Креслин смотрит вперед, в сторону перевала, потом бросает взгляд через плечо. Но он и так знает: за ними по пятам крадется белый туман. Это Креслин чует на расстоянии. Мегера беспокойно ерзает в седле. Белесая пелена наползает со стороны долины, по которой проходит дорога из Фэрхэвена.

Один из наемников, сопровождающих молодую чету, тоже смотрит сначала назад, на белое облако, а потом вперед, на тучу пыли, поднятую копытами кертанских конников. Отряд которых, по донесениям лазутчиков герцога, был выслан непосредственно из Джеллико.

С белым туманом тоже мешается пыль, поднятая шестью или семью всадниками. Один из них, скорее всего, маг.

— Я их чувствую,— кивает в ответ на его взгляд Мегера.

— Вот как? А я думал...

— Кое-что я могу и сама, а отчасти мне удается это благодаря тебе.

Креслин задумывается о том, сколькими еще, им самим неведомыми талантами, обладают, возможно, они с Мегерой.

Преследователь в белом мог бы многое порассказать им об этом, но, попадись они в его руки, ни Креслину, ни Мегере эти сведения уже не пригодятся. Левая рука Креслина тянется к плечу, туда, где из заплечных ножен торчит рукоять короткого меча. В ответ на вопросительный взгляд командира наемников Мегера кивает.

— Но нас...— начинает он.

— Нанимали не для участия в сражениях. Знаю,— отзывается женщина.

Креслин касается ветров, посылает свои чувства вперед, а потом поворачивается к Мегере:

— Примерно в кай впереди и в двухстах локтях севернее дороги навалена груда булыжников. Сможешь, используя свои способности, задержать тех всадников, если они сюда доберутся?

— А ты что, вздумал корчить из себя героя? Хочешь сразиться с магом?

Креслин поджимает губы:

— Я не герой и сражаться не хочу. Но плохо представляю, что еще можно сделать. Можно было бы напустить с помощью ветров туману и незаметно проскользнуть мимо тех всадников, что впереди, но не в том случае, если у нас на хвосте сидит чародей.

— А я не гожусь для того, чтобы пойти с тобой?

— Нет.

— Ты честен. Спасибо и на том.

Креслин разворачивает своего гнедого назад, в сторону белого тумана и мага.

— Увы, у меня никогда не было богатого выбора.

— Рано или поздно ты меня погубишь.

— Давай обсудим это попозже.

— Ладно, если твое «попозже» наступит. Будь осторожен.

— Спасибо. А «попозже» непременно наступит,— добавляет он и направляет коня навстречу отряду из Фэрхэвена, находящемуся теперь менее чем в двух кай. Он едет, собирая к себе ветры, особенно верхние, студеные, что устремляются на его зов, сметая снежную пыль с Крыши Мира.

«...всего один всадник...»

«...надо было послать за одним человеком...»

Креслин ускоряет аллюр, приближаясь к противнику. Шестеро всадников в белых доспехах и облачении дорожных стражей тянутся к рукоятям мечей. Маг — позади.

— Вот он!

Креслин пытается слить воедино ветра, воду, стужу и ледяную грозу, чтобы воссоздать то, что творил близ Прендора. А меч, словно бы сам собою, оказывается в его руке.

Пришпорив коня, Креслин налетает на Белых стражей.

Сплошная стена ледяных молний хлещет по трем передним всадникам слепящим холодом, а клинок не встречает сопротивления.

С шипением и свистом вспыхивает пламя. Оно окружает Креслина, когда тот несется к четвертому всаднику, но ветра проносят его сквозь завесу огня. Клинок разит снова и снова.

— Нет!.. Демон!..

— Демон!

Сполох белого пламени бьется о щит, свитый им из ветров. Огонь обтекает его и гаснет. Меч ныряет под руку пятого стража. Еще один разящий удар.

Теперь все ветра, взмыв, устремляются на Белого мага. Белое пламя противостоит ветрам и холодной стали. Но сталь торжествует.

Осадив коня, Креслин видит, как последний, единственный уцелевший страж, пришпоривая лошадь, сломя голову скачет в сторону Фэрхэвена и...

Его выворачивает наружу.

Гнедой, несколько сбавив аллюр, скачет дальше, но Креслин не замечает этого, как не замечает шесть тел, из которых три покрыты медленно тающей ледяной коркой, а три имеют глубокие кровоточащие раны. Как не замечает собирающихся над головой темных туч. Наконец Креслин выпрямляется и поворачивает гнедого в сторону перевала, откуда должна появиться кертанская кавалерия. Даже приближаясь к куче камней, возле которых его ждут Мегера и наемники, Креслин все еще дрожит.

Подъехав, он рассеянно замечает, что Мегера очень бледна.

— Прости, я этого не ожидал,— говорит он.

Она не отвечает.

— Господин? — спрашивает командир наемников.

— Насчет чародея можешь не беспокоиться. И насчет его отряда тоже.

Спидларец бледнеет.

Между тем конный отряд под красно-зеленым знаменем Керти-са уже добрался до подножия холма, где находятся путники.

— По-моему, нам нужна буря,— замечает Креслин.

— Ты испортишь погоду во всем краю, и не на один месяц! — возражает Мегера.

— Отлично. Ты хочешь сложить здесь голову? Против двадцати бойцов сразу мне не выстоять.

— Я насчитала пятьдесят.

— Дерьмо...— бормочет себе под нос самый молодой из наемников.

— Никаких сражений. Мы договаривались,— напоминает командир. Голос его чуть более напряжен, чем раньше.

— Заткнись! — Креслин проверяет клинок: вытер ли он его перед тем, как вложить в ножны. Юноша не помнит, делал ли это, но голубая сталь холодна и чиста. Он возвращает меч в ножны, а его чувства уже снова тянутся к ветрам.

В утреннем воздухе, отдаваясь звоном в ушах Креслина и разносясь над дорогой медно-серебристым эхом, слышится зов трубы. Она звучит ниже по склону, менее чем в трех кай. Это горн передовой группы кертанских всадников.

Ветра налетают со свистом, яростными порывами, грозящими сорвать тунику с тела.

«...дерьмо дерьмо!»

«Интересно,— как-то отстраненно думает борющийся с духами и бичами небес Креслин,— у всех наемников такой ограниченный словарный запас?..»

Плотные серые и клубящиеся белые облака начинают собираться вокруг них и вокруг приближающихся всадников.

«...колдовство...»

«...про Чародея-Ветрогона нам не говорили...»

Скоро в налетевшей буре будет не видно ни зги. Креслин поспешно касается руки Мегеры:

— Все держитесь: за руки, за поводья, за что угодно...

Креслин шарахается в сторону, когда один из наемников с пронзительным криком «Нет, не могу!» разворачивает коня и сквозь плотный туман гонит его галопом назад, по направлению к вергренской дороге.

Мегера дотягивается до запястья командира и подтягивает его с конем ближе к себе. Остальные двое, хоть и дрожат в седлах, но следуют за Креслином, рыжеволосой и своим предводителем.

— Вон один! Скачет назад! — кричит кертанец.

Эхо конского топота вязнет в плотном тумане.

— Осторожно. Это может оказаться ловушкой! — предупреждает другой.

«...проклятые чародеи!..»

Креслин, едущий первым вниз по склону, подальше от дороги, недоумевает: что повергло того наемника в такой ужас? Туман ничуть не страшнее множества сотворенных им снежных бурь, и уж всяко не такой холодный... Да где же всадники?

«...копыт не слышишь?»

«...вроде к северу от дороги...»

«...а по-моему, там...»

Медленно, руководствуясь не зрением, а указаниями ветров, Креслин нащупывает путь в обход кертанского отряда к перевалу. Сделав глубокий вздох, он тянется выше, захватывает потоки холодного воздуха и направляет их в гущу уже собравшихся облаков. Юноша поневоле морщится, чувствуя, как образуется лед.

Крупные градины со стуком падают на землю.

«...демоны...»

«...проклятый капитан... должен быть где-то здесь...»

Ноги Креслина дрожат, глаза горят, но даже сквозь мрак и туман он улавливает усмешку Мегеры.

Рука касается его запястья, и все тело наполняется теплом. Это Мегера, ее конь идет бок о бок с его гнедым. Дрожь в коленях унимается. Путникам еще идти и идти. Юноша отпускает град и глубоко вздыхает, чувствуя сквозь марево смыкающиеся стены перевала.

— Где...— начинает наемник.

— Заткнись! — резким шепотом обрывает его рыжеволосая. Хоть она и женщина, но страшит солдата ничуть не меньше.

Медленно пройдя еще кай, они начинают подниматься над озером тумана, и Креслин, отпустив ветра, оглядывается. Перевал и долина тонут в дымке, почти такой же белой, как физиономии троих наемников.

Креслин настолько устал, что едва успевает подхватить Мегеру — та неожиданно потеряла сознание и упала на шею своей лошади. Он пытается удерживать своего и ее коней рядом, но этому мешают объемистые седельные сумы.

Только сейчас юноша начинает понимать, чего стоило Мегере тепло, которым она одарила его в тумане. Преисполненный благодарности, он хотел знать, как снискать ее расположение.

Скоро предстоит спуск, придется ехать под уклон, и что-бы Мегера не упала, ее необходимо поддерживать. Спидларцы помогают юноше пересадить женщину на его коня. Его колени дрожат, но он крепко обнимает сидящую впереди Мегеру. Кто знает — может быть, ему больше никогда не доведется сжимать ее в объятиях.

Наемники выполняют все его распоряжения, но прячут глаза. Теперь один из них ведет лошадь Мегеры в поводу.

Когда они уже начинают спуск к дороге на Слиго, Креслин хмурится, задумавшись о том, почему ему удалось скрутить ветра без тех болезненных ощущений, каких стоила ему первая попытка?

Он поднимает глаза, смотрит на наплывающие с севера тучи, несущие холодный дождь, и уже в который раз глубоко вздыхает.

LIX

— Он одолел Бортрена? — с недоверием в голосе повторяет Хартор.

— Бортрен оказался глупцом. Его задача состояла лишь в том, чтобы помочь кертанцам. Правда, так или иначе трудно понять, как Креслин ухитрился проскользнуть мимо двух отрядов, перекрывавших дорогу в Слиго.

— Почему бы тебе не расспросить того стража, который унес ноги? Это была твоя идея, а теперь мы имеем дело с двумя вырвавшимися на волю чудовищами,— он поворачивается к выходу.

— Хартор.

Тот останавливается:

— Да, Дженред?

— Это была моя идея. Но в конце концов мы потеряли пятерых воинов и одного мага, а не целое войско. Послушай мы Бортрена, так, пожалуй, обошлись бы без потерь, да и виконт Джеллико не стал бы рвать и метать, как сейчас. Однако заметь, герцог не приставил к Мегере и Креслину собственных стражей.

Лицо Хартора остается бесстрастным.

— Давай сюда спасшегося! — приказывает Дженред.— Может быть, тебе стоит заняться погоней самому, в соответствии с истинным значением задачи?

— Может быть... но сначала послушай очевидца.

Хартор уходит. Явившийся по приказу молодой дорожный страж останавливается перед столом, дрожа и не смея поднять глаза на Высшего Мага.

— Что там случилось? — сурово спрашивает Дженред.

— Он.. я не знаю, но как-то... Я хочу сказать... Джекко, и Беран, и тот новый парень — они обледенели, а ветер сдул нас с лошадей,— говорит он тихо и сбивчиво.

— Как насчет двух других? И Бортрена?

— Он убил их мечом. Маг (наш маг, ну Бортрен), он метнул в Буреносца огонь, но пламя того даже не коснулось.

Худощавый маг хмурится:

— Настоящий огонь?

— Я чувствовал жар.

— А почему ты... ускакал?

— Потому, достойнейший маг, что я испугался. Если кто-то убивает за раз пятерых бойцов и мага, я... я вряд ли могу его остановить.

— Ладно, а что было потом?

— Вся долина наполнилась туманом. А после пошел ледяной дождь. Говорят, это продолжалось не один день, но меня там уже не было.

— Ну что ж, ты честен. И, по крайней мере, видел этого... Буреносца. Скажи Хартору, что ты поплывешь на корабле.

— Хартору, господин?

— Высшему Магу, который прислал тебя сюда. Ты будешь на борту корабля, который потопит герцогскую шхуну. Отплывешь из Лидьяра. Таким образом мы решим сразу две проблемы.

— Да, господин,— невыразительно, даже отрешенно отзывается страж.

Но худощавый мужчина в белом не обращает на его тон никакого внимания.

LX

Трое спидларских наемников осаживают коней у набережной. Креслин с Мегерой следуют их примеру. Вверху, на размытой глинистой дороге, тянущейся к пологим холмам и тому месту, где им удалось разминуться с кертанской легкой кавалерией, никаких всадников не видно. Но они еще появятся.

Идет холодный дождь, однако никого из кавалькады он не задевает. Спидларцы хоть и ворчат, но против защиты от непогоды, которую обеспечивает им Креслин, не возражают. Юноша тянется к холодному морскому бризу, летящему с белых бурунов за коротким волнорезом. Это почти зимний ветер, наполненный влагой, которая, стоит охладить ее еще чуть-чуть, прольется уже не дождем, а градом или снегом.

Мегера прослеживает направленный к пирсу взгляд Креслина. Лицо ее бледно, она кутается в плащ и дрожит.

Тирхэвен считается портом, хотя это, наверное, слишком громкое название для гавани, способной принять разом лишь несколько каботажных суденышек да завернувший туда по случаю гаморианский торговый корабль. Зимой эта гавань почти бесполезна. Когда спидларские порты сковываются льдом, Тирхэвен оказывается близ южной границы ледового поля. Достаточно далеко, чтобы избежать встречи с дрейфующими льдинами и айсбергами. Это, впрочем, не означает, что здесь нет сильных опасных ветров и коварных приливов.

Но как бы ни была плоха эта гавань, для Монтгрена она представляет собой единственный выход к морю, да и то полученный в силу договора, заключенного при поддержке тирана Сарроннина.

У пирса пришвартованы два судна. Одно — шлюп под флагом Монтгрена, со свернутыми парусами — уступает размерами

любому каботажному суденышку. Другое — двухмачтовая военная шхуна с белым треугольником в черном круге на флаге.

По обе стороны трапа стоят двое стражей в медных, покрытых белой эмалью нагрудниках.

— Прекрасно! — Креслин непроизвольно тянется к вложенному в заплечные ножны мечу, но тут же опускает руку.— Ну и что теперь?

— Здесь они ничего не сделают,— замечает Мегера.

— Мы просто взойдем на борт?

— Почему бы и нет? — со смехом говорит она.— Это всяко лучше, чем торчать на берегу и мерзнуть.

— Не думаю, что все так просто.

— Тут ты прав. Поднявшись на борт, мы окажемся вроде как в ловушке. Первым делом они, наверное, зашлют на корабль по крайней мере одного наемного убийцу. Ну а если нам все-таки удастся отчалить, то наше судно загорится и затонет в открытом море. Все произойдет без свидетелей. Вот почему мой дорогой кузен настоял на том, чтобы его посланец отбыл на остров не с нами, а сам по себе и чуть попозже.

— Иными словами, если мы не выкрутимся, никто о нас ничего и не узнает. Так?

Мегера кивает.

— Но мы выкрутимся,— уверенно произносит Креслин.

Мегера отнюдь не разделяет его уверенности:

— При том, что на их корабле не менее двадцати Белых воинов, а еще один корабль наверняка подстерегает где-то в море? Они ждут нас.

— Ты приплыла из Сарроннина на нем? — Креслин указывает рукой на монтгренское суденышко.

— Нет, на каботажном корабле из Сутии. Оно было больше, тяжелее и медлительнее. Герцог не хотел рисковать одним из своих судов — их у него всего-то два; а моя дражайшая сестрица на него не нажимала.

— Давай туда наведаемся.

Мегера пожимает плечами:

— Мне эта идея как-то не нравится.

— А у тебя есть получше?

— После того как ты обошелся с дорожными стражами, магом и отрядом кертанской легкой кавалерии?

— А что мне оставалось? Помнится, когда я последний раз был в Фэрхэвене, тамошние власти тоже не слишком заботились о моем здоровье.

— Ты думаешь, со мной обходились намного лучше?

— У тебя не отнимали память, ты не таскала камни, не сбивала в кровь ноги, и все вокруг не надеялись на твою скорейшую кончину.

— У меня всего лишь отняли половину сознания, подвергали всяческим мукам, и все, что мне оставалось,— это надеяться на тебя.

Худощавый наемник осмеливается напомнить о себе легким покашливанием. Он приподнимает сумку с подорожными и прочими документами.

Креслин оглядывается в сторону полускрытых за пеленой дождя холмов: признаков преследования пока нет.

— Ты доставил нас на место, так что предъяви документы на борту и считай, что твоя работа сделана,— говорит он стражу.

— Госпожа...— возражает тот.— Нашему попечению поручена она.

Креслин поворачивается к Мегере:

— Отпусти их, они ведь твои стражи.

— Да кто я такая, чтобы распоряжаться в присутствии великого Мага-Буреносца?

— Ты суб-тиран,— напоминает ей Креслин.

Воцаряется молчание. Наконец наемник вновь осторожно подступает к делу:

— Госпожа!

— Ступай, предъяви бумаги,— распоряжается Мегера с досадливым вздохом.

Креслин задумывается: что же он на сей раз сделал не так?

— Все! — ворчит она в ответ на его мысли.

— Ладно, пойдем, поговорим с капитаном.

— Минуточку, пусть сначала тот малый сделает свое дело,— Мегера спешивается, привязывает лошадь к ограде пристани и смотрит на Креслина. Юноша так и сидит на своем гнедом, на котором за последние восемь дней проскакал добрых три сотни кай. Мегера достает гребень и начинает приводить в порядок изрядно растрепанные ветром волосы.

— С лошадьми как? — спрашивает Креслин, соскочив с гнедого и скользнув взглядом по пристани, где в это время наемник поднимался по сходням на борт шлюпа.

— С нами поплывут. Им, конечно, радости мало, но кузен оборудовал на корабле пару стойл. С каждым плаванием отправляется пара. Он, видишь ли, надеется со временем сформировать на Монтгрене кавалерийский отряд,— она добавляет со смешком: — Это не так-то просто, когда в твоем распоряжении всего две скорлупки.

— Так почему же он все-таки согласился провозгласить нас регентами?

— А почему бы и нет? Или мы сгинем, и все останется как было, или окажемся достаточно сильны и удержим Остров. С одной стороны, он нуждается в поддержке Сарроннина, а с другой,— губы ее кривятся в усмешке,— знает, что мы с нашими способностями можем доставить чародеям нешуточные неприятности. Рискует он в худшем случае одним судном. Но судно он еще не потерял, и пока дела у него идут неплохо. Сколько ты уже перебил стражей и магов? — сделав короткую паузу, она добавляет: — Для Черного мага ты поразительно изобретателен в изыскании способов обходить грани хаоса.

— Грани хаоса?

— Если хочешь оставаться Черным, ты не можешь использовать пламя и вообще любые силы, расщепляющие и раскалывающие предметы, ибо в их основе лежит хаос.

— А разве великие маги не могут использовать любые силы?

— Это возможно только для Серого мага. Серое совмещает в себе свойства Белого и Черного. Но, как говорят, Серых магов было всего двое за все времена. В одной из книг, что я стянула у дорогой сестрицы, говорилось, что управляться с обеими стихиями несравненно сложнее, чем с гармонией или хаосом в отдельности, ибо сочетание условий, которые необходимо постоянно иметь в виду, непрерывно изменяется. Ладно,— она смотрит в сторону пирса,— нам нужно отвести туда лошадей.

Креслин следует за ней, поглядывая на стоящего на палубе наемника и разговаривающего с ним человека, одетого в зеленое с золотом. Судя по всему, капитан особой радости не выказывает. Спидларец вручает ему документы, указывает на Креслина с Мегерой и, пятясь и кланяясь, удаляется.

Пирс короткий. Путники подходят к сходням как раз в тот момент, когда наемник спускается на пристань.

— Господин, госпожа, ваше поручение выполнено,— он снова кланяется.

Ответив на поклон легким полупоклоном, Креслин вручает наемнику золотой.

— Рад бы дать больше, но...

— Благодаря тебе, господин, мы остались живы,— говорит тот, с ухмылкой принимая монету.— Моя жизнь стоит побольше золотого, однако монета тоже не помешает — спасибо, что ты подумал и об этом. Доброго пути,— он направляется к своей лошади, которую держит один из его солдат.

— Синдер! — доносится крик капитана. По трапу стремительно взлетает юнга.— Синдер! Приведи лошадей!

— Слушаюсь, капитан.

Капитан переводит взгляд на пристань, на стоящую там молодую пару, и Креслин улыбается, ощутив тревогу и неуверенность этого человека.

— Идем.

Мегера пожимает плечами, но молча следует за ним на борт по узкому, без перил, трапу.

— Фрейгр, капитан «Грифона» на службе у герцога,— представляется гладко выбритый мужчина в зеленом с золотом, всматриваясь в пассажиров колючими серыми глазами.

— Мое имя Креслин, а это Мегера, суб-тиран Сарроннина.

— А что, у юного господина нет титула? — любопытствует капитан с намеком на улыбку.

— Юный господин — консорт Западного Оплота,— говорит Мегера,— но он не считает это титулом.

— Согласно этим документам,— капитан поднимает переданную ему папку с бумагами,— вы провозглашены регентами герцога на острове Отшельничий, и мне предписано доставить вас туда...— его взгляд перебегает на коня, которого как раз заводят на палубу.— У вас есть какая-нибудь кладь?

— Только та, что навьючена на лошадях.

— Для регентов вы путешествуете более чем скромно.

Креслин пожимает плечами:

— Мои пожитки по большей части остались в Западном Оплоте, а то немногое, что мне удалось унести оттуда, попало в руки Белых магов.

Мегера ограничивается широкой улыбкой.

— Разумеется, каюта герцога к вашим услугам,— вкрадчиво продолжает Фрейгр, приглаживая коротко остриженные, начинающие редеть желтоватые волосы.— Но наш стол довольно прост.

— Я к разносолам не приучен,— усмехается Креслин.

— Наверное, в Западном Оплоте питаются по-походному. Но как насчет твоей женщины?

Глаза Мегеры вспыхивают, губы вытягиваются в тонкую ниточку.

— Для меня еда тоже не проблема,— цедит она.— Но... не смей назвать меня «его женщиной», потому что он — из Западного Оплота, а я — из Сарроннина.

Капитан недоуменно поднимает брови.

— Она — более важная особа, чем я,— поясняет Креслин.— Она сестра тирана Сарронина, а моя сестра будет править Оплотом. Я же — только консорт.

— А, понимаю, понимаю...— не вполне уверенно бормочет капитан и поворачивается к юнге: — Синдер! Серого поставишь в левое стойло, оно поменьше.

Креслин пытается прощупать чувства Мегеры, но та, похоже, отгородилась щитом из пронизанной черными линиями белизны и стала недосягаемой.

— Однако герцог объявил вас соправителями,— добавляет капитан.

— Герцог — восточный правитель, он из земель, где властвуют мужчины,— голос Мегеры источает холод.

Фрейгр озадаченно потирает затылок.

— Может, нам лучше перенести сумы в каюту? — предлагает Креслин.

— А... да. Наверное...— рассеянно отзывается капитан, направляясь к кормовой надстройке.

Креслин останавливает Синдера, ведущего серого коня, чтобы забрать седельные сумы Мегеры.

— Мы сами все принесем,— уверяет юнга.

— Спасибо,— Креслин присоединяется к Мегере и капитану. Перед тем как нырнуть в узкий проход, ему приходится основательно согнуться.

— Каюта герцога на этой стороне, напротив моей. Вот каюткомпания, а напротив — камбуз.

Все втроем они бочком протискиваются в помещение с таким низким потолком, что голова Креслина задевает потолочную перекладину.

В каюте герцога имеются две прикрепленные одна над другой к передней переборке узкие койки: их рамы вырезаны из красного дуба и на каждой зеленое с золотом покрывало. По правую руку от коек находится встроенный комод, а между койками и корпусом шлюпа втиснут еще и узкий платяной шкаф.

Воздух такой затхлый, что Креслин, морщась, потирает нос. Большую часть пространства занимают привинченный к палубе круглый стол и три кресла с зеленой с золотом обшивкой. Мебель украшена резьбой, такой же, как и на рамах коек. В углу стоит богато изукрашенный ночной горшок.

Свет попадает в помещение через два иллюминатора, однако с балки над столом свисает латунная лампа.

— Не совсем подходит для новобрачных,— извиняющимся тоном произносит капитан,— койки порознь, и все такое... однако здесь удобнее, чем на большинстве каботажных судов.

— Все очень мило,— улыбается Мегера.

— Спасибо за гостеприимство,— добавляет Креслин.

Звук тяжелых шагов. Два матроса вносят торбу Креслина и сумы Мегеры.

— Просто поставьте на пол,— распоряжается она.

Дождавшись, когда матросы уйдут, Фрейгр говорит:

— С приливами здесь затруднений не возникает, а ветер сейчас подходящий. Вода и провизия у нас запасены, мы ждали только распоряжений герцога. Так что если позволите, я, пожалуй...

— Прекрасно. Когда вы рассчитываете отчалить?

— Сегодня пополудни, если сумею вытащить троих моих парней из города. Ну а вы пока развлекайтесь...

Одарив Креслина широкой, понимающей улыбкой, Фрейгр закрывает за собой дверь.

— «Развлекайтесь»! В этом он весь... и все вы... мужчины! — шипит Мегера, расстегивая дорожный плащ.

— Я думаю,— Креслин чувствует, что заливается краской,— он решил, будто мы... обычные молодожены... вот и...

— Перестань! Хватит и того, что нам пришлось пожениться, чтобы спасти твою несчастную шею!

— МОЮ несчастную шею?

— Ладно, это был единственный способ спасти и мою, благодаря дражайшей сестрице и твоей ненаглядной матушке маршалу.

— В Сарроннине ты тоже не была всеобщей любимицей.

Отвернувшись, Мегера роется в одной из своих сумок. Взяв свой мешок, Креслин забрасывает его на верхнюю койку.

— Мог бы и спросить! — раздраженно бросает она.

— Какую угодно выбрать? — юноша приподнимает мешок.

— Нижняя сойдет.

Он ухмыляется.

— Ты не можешь обойтись без дурацких подначек? — на кончиках пальцев Мегеры вспыхивают огоньки.

— Какие подначки? — Креслин снова ставит мешок на верхнюю койку.— Устраивайся, а я пока выйду на палубу.

LXI

Креслин наблюдает за тем, как матросы высвобождают перлини, когда на палубе появляется Мегера. Она все еще бледна, но уже не дрожит и, поскольку дождь кончился, вышла без плаща. Ей даже удалось отмыть лицо и руки от въевшейся дорожной грязи.

Внимание Креслина привлекает странное колебание света, напоминающее миражи, возникавшие над нагретыми солнцем черными каменными дорогами, ведущими на Крышу Мира. Он ничего — решительно ничего! — не видит, но ветра подсказывают, за этим искривлением света скрывается человек. И человек этот только что поднялся по сходням. С мечом в руке Креслин медленно направляется к фигуре, таящейся за световым щитом.

— Креслин! — восклицает Мегера, увидев меч, но тут глаза ее округляются, ибо она замечет то же, что и он.

В тот же миг световой щит исчезает, сделав видимым стоящего на палубе худощавого, черноволосого мужчину во всем черном — тунике, штанах и линялом дорожном плаще. Его спину горбатит парусиновая котомка, а руки подняты вверх раскрытыми ладонями вперед.

Креслин ждет, не убирая меча.

— Меня зовут Клеррис. Вы плывете во многообещающем направлении, и я подумал, что вам может понадобиться помощь.

Клеррис? Имя кажется смутно знакомым, но где Креслин слышал его?

— Меня числят Черным целителем. Я частенько помогал врачевать травмы дорожных строителей.

«Целительница, которая помогла мне вернуть память, упоминала это имя»,— вспоминает Креслин и, убрав меч в ножны, спрашивает:

— А она где?

— Лидия? Надо думать, на пути в Западный Оплот. Я бы не сказал, что в настоящий момент Белые маги слишком уж ею довольны. Да и мной тоже.

Мегера переводит взгляд с одного собеседника на другого.

— Может быть, кто-нибудь из вас наконец объяснит?..— не выдерживает она.

Тем временем матросы выбирают последний линь. «Грифон» отходит от причала и под малым парусом скользит мимо шхуны из Фэрхэвена к выходу из гавани. На палубе военной шхуны деловито суетятся матросы в белом. Судя по всему, это судно тоже готовится отчалить.

— В лагере дорожных строителей,— медленно говорит Креслин, одновременно рассматривая шхуну, носящую имя «Молния»,— была целительница, которая помогла мне вернуть память. Она упоминала некоего Клерриса.

— Следует ли из этого, что перед нами тот самый человек? — спрашивает Мегера.

— Разумеется, нет,— соглашается Креслин.— Только в том, чтобы выдавать себя за Черного мага, я не вижу никакой выгоды, а он, сама видишь, всяко не Белый.

— Может, вот это подкрепит мои слова? — человек, назвавшийся Клеррисом, подает Креслину тяжелую золотую цепь.— Твоя, если не ошибаюсь?

Креслин принимает цепь, рассматривает ее, примечая погнутые звенья и кивает:

— Спасибо.

— Лидия забрала ее, когда тебя доставили в лагерь. Решила, что цепь еще может пригодиться.

— Она стоит целого состояния,— замечает Мегера.— Если, конечно, настоящая.

— Потрогай и убедись.

Палуба кренится. Креслин с трудом удерживает равновесие. Мегера поглаживает пальцами золото.

За волноломом волнение сильнее, но матросам качка, похоже, нипочем.

— В начале плавания море самое беспокойное,— замечает Клеррис.

— Вот как? — Мегера поднимает брови.— Значит, ты уже плавал на Отшельничий?

— Тьма, конечно же, нет! Но знаю, что к северу и западу от залива дуют высокие ветры, а в северных водах укрываются шторма.

Подойдя к борту, Креслин посылает свои чувства к светящейся белизной шхуне из Фэрхэвена. Мегера не ошиблась: готовящихся к бою воинов в белом там явно больше десятка.

Неожиданно шхуну окутывает белый туман, невидимый, но (что совершенно очевидно) выполняющий роль экрана, ограждающего от Креслина происходящее на палубе «Молнии».

— Их маг оградил свой корабль щитом,— говорит Мегера.

— Да, я заметил.

— Может кто-нибудь из вас просветить меня насчет вашего спутника? — позади Клерриса появляется капитан.

— О, это Клеррис, он с нами,— отзывается Креслин.

— В документах о тебе ни слова,— набычась, ворчит Фрейгр.

— Герцог не ожидал, что я отправлюсь в это плавание.

Фрейгр качает головой, сопит и поворачивается к Креслину:

— «Молния» скоро сядет нам на хвост.

— Неужто их шхуна такая быстрая? — спрашивает Клеррис.

Фрейгр, насупясь, молчит.

— У тебя такой вид, будто ты хочешь о чем-то спросить,— говорит Креслин, пристально глядя на капитана.

— Да уж, не откажусь,— отвечает тот.— Хотелось бы знать, как ты собираешься нас спасать? В бумагах герцога сказано, что ты обеспечишь защиту судна.

— Но ведь твой корабль, кажется, быстроходнее этой шхуны.

Фрейгр улыбается, но улыбка не касается его глаз.

— Значительно быстроходнее, и эта шхуна меня не волнует. Беспокоит другая, та, что вышла из Великого Северного Залива и перехватит нас по пути.

— Откуда ты знаешь?

— Они,— Фрейгр указывает на корму, за которой остается быстро уменьшающийся в размерах белый треугольник,— всегда так поступают. Мы знаем, но поделать ничего не можем. Маги всесильны. Шхуне было бы непросто захватить нас, даже если бы удалось догнать, но та, из залива, выйдет в море с магом на борту. С Белым магом, который в таком деле стоит двух Черных,— он кивает в сторону Клерриса.— А они, часом, не за тобой гонятся? Знают, наверное, что ты здесь. Помочь-то хоть сможешь?

— Я целитель,— отвечает Клеррис.— От большинства проявлений гармонии на войне пользы мало. Думаю, куда больше помощи ты можешь получить от той особы.

Фрейгр оборачивается к носу корабля, где пламенеют на ветру рыжие волосы Мегеры. Когда нос «Грифона» взрезает волну, женщину обдает брызгами, но она не оборачивается, непрерывно всматриваясь в юго-восточный горизонт.

— Она тоже?.. У меня на борту трое... вас?

— К счастью для тебя — да,— отвечает Клеррис.

— Трое...— бормочет капитан.— Если мне все-таки доведется вернуться и увидеть Корвейла... Заслать на борт разом трех чародеев! Да из Северного Залива наверняка выйдут на перехват два корабля, а я иду на вшивом шлюпе!

— Сколько у нас времени? — устало спрашивает Креслин.

— Они встретят нас не раньше чем послезавтра, а может, и днем позже. Все зависит от ветра и от того, есть ли у них на борту Чародей-Ветрогон.

Корабль снова кренится, и у Креслина появляется ощущение, что его желудок находится вовсе не там, где следует, а внутренности совершенно определенно собрались вывернуться наизнанку. Ему случалось подолгу трястись в седле, совершать головокружительные спуски на лыжах... Почему же простая качка вызывает такие гнусные ощущения?

Наконец он сдается: перевешивается через борт и, опустошив желудок, подставляет разгоряченное лицо прохладному морскому ветру.

— Ты в порядке? — спрашивает Черный маг, осторожно подходя к Креслину с наветренной стороны.— Слушать-то меня можешь?

— Во всяком случае, попытаюсь.

— Так вот: тучи, ветры, дожди... все это взаимосвязано. Ухватившись за высокие холодные ветры, ты всякий раз коверкаешь погоду. Буря, которую ты вызвал, чтобы попасть в Монтгрен, более чем на полмесяца оставила крестьян Кифриена без дождя. Туман и гроза, устроенные тобой на пути в Фэрхэвен, скорее всего, обернутся ранней и суровой зимой на большей

части Слиго. Затяжной дождь перед нашим отплытием — это ведь тоже твоих рук дело.

— Моих?

— Ты слушаешь или нет? Когда ты сгоняешь откуда-то ветра, воздух приходит в движение не только в этом месте.

Не сдержавшись, Креслин издает тихий стон, но Клеррис настойчиво продолжает:

— Воздух, которым мы дышим, похож на океан. Можно сказать, что мы живем на дне воздушного океана. Если ты выкопаешь ведро земли, на этом месте останется яма, а зачерпнешь ведро воды — это место тотчас заполнится. Но можешь ли ты зачерпнуть ведро так, чтобы вода не взбаламутилась и по ней не пошли круги?

Креслину совсем не хочется думать о воздушном океане, а водным он и без того сыт по горло, однако, с усилием заставив себя осмыслить услышанное, он соглашается:

— Пожалуй, нет.

— Вот видишь. А перемешивая ветра, ты баламутишь воздушный океан и тем портишь погоду.

— Я что, должен был позволить им убить нас? — от возмущения Креслин даже забывает о морской болезни.

— Я этого не говорил.

— Так чего же ты от меня хочешь?

— Понимания. Хочу научить тебя правильно пользоваться тем, что ты имеешь.

— Я об этом подумаю.

Печально улыбнувшись, Клеррис поворачивается и уходит, оставив Креслина у борта.

День идет на убыль, а юноша смотрит на взбухающие волны и подставляет лицо холодному соленому ветру.

LXII

— Корвейл пошел на это? — невозмутимым голосом переспрашивает маршал, оторвавшись от проверяемых ею списков припасов.

Ллиз кивает:

— Да, так говорится в послании. Свадебная церемония состоялась в узком кругу... Что меня удивляет, так это объявленное им совместное регентство.

— Что еще за «совместное регентство»?

— Он провозгласил Креслина и Мегеру соправителями — своими регентами на Отшельничьем.

— Он упрям до неприличия, но не настолько же хитер! — перед тем как закрыть счетную книгу, маршал делает в ней

последнюю пометку.— Мегера, избавившись от оков, не станет подчиняться ни одному мужчине. Так, во всяком случае, выходило по словам Риессы. Правда, она не объяснила, почему вдруг вообразила, будто может освободить сестру от этих оков без всяких опасений.

— А ты доверяешь тирану? — Ллиз в этом явно сомневается.

— Нет, но вряд ли тиран станет лгать без особой нужды. Бессмысленная ложь отнюдь не украшает правителя. Подозреваю, что она связала свою сестру с Креслином какими-то магическими узами. Это вынуждает суб-тирана следовать за... Креслином и оберегать его,— маршал качает головой.— Кроме того, Креслин получил помощь еще от кого-то, скорее всего от восточных Черных. Но совместное регентство — это, должно быть, измышление самого Креслина. Хотелось бы только верить, что он знает, по каким ставкам ведет игру.

Ллиз молчит. За окнами Черной Башни завывают ветры и падает снег.

Маршал поднимает брови:

— Ты чего-то ждешь? У тебя есть вопросы?

— Правда ведь, ты заранее знала, что Креслин не поедет в Сарроннин?

Дайлисс оборачивается и смотрит в заиндевевшее стекло.

— Так я права? — настаивает маршалок.

— Права.

— Я так и думала. Его обучили всему, чему и меня, хотя никогда ему этого не говорили. Верно?

Маршал продолжает смотреть на снег.

Не дождавшись от матери ответа, Ллиз опускает глаза и выходит из комнаты.

LXIII

Не обращая внимания на смех рулевого, Креслин плетется к корме. В проходе темно, но это не мешает ему безошибочно отыскать дверь каюты.

— Креслин? — звучит в темноте тихий хрипловатый голос.

— Да,— отзывается он.

— Ложись спать, и пусть твое сознание позаботится о твоем теле. Доброй ночи...

С трудом освободившись от заплечных ножен, Креслин бессильно опускается в кресло и стягивает сапоги. Раздевшись, он направляется к койке. Мегера уже отвернула край покрывала.

— Спасибо,— бормочет юноша.

— Не за что. Ложись.

Чтобы забраться наверх, Креслин ставит ногу на ее койку.

— Осторожно, я тебе не стремянка.

— Прости.

В каюте душновато, но он слишком устал, чтобы обращать на это внимание. Добравшись до желанной койки, юноша мгновенно проваливается в сон.

Когда он открывает глаза, сквозь иллюминаторы струится свет. Мегера еще спит.

Креслин садится, по забывчивости прикладываясь темечком о потолок, и невольно думает, что койка в герцогской каюте не слишком отличается от таковой в каторжном бараке. Разве что постельные принадлежности несопоставимо лучше.

Тихонько, стараясь не разбудить рыжеволосую, он спускается вниз и начинает одеваться.

— Должна признать, ты недурно сложен.

Покраснев, Креслин торопливо натягивает брюки.

— Я не хотел тебя будить.

Мегера приподнимается и, в свою очередь, ударяется головой о верхнюю койку. Креслин прячет усмешку.

— Ничего смешного,— ворчит Мегера, одной рукой натягивая на плечи одеяло, а другой потирая ушибленную голову.— Мне, между прочим, больно.

— Знаю. Сам так приложился.

Отметив, как свежо она выглядит, юноша трогает щетину на щеках. Интересно, удастся ли ему побриться на качающейся палубе?

— Будь добр, отвернись...

Он отводит от нее взгляд. Наклоняется, чтобы обуться.

Мегера заворачивается в одеяло.

— Пойду умоюсь да приведу себя в порядок,— говорит Креслин, берет мыло, прихватывает сложенное на комоде тонкое зеленое полотенце и, пошатываясь, выбирается на палубу.

Стоит ясный ветреный день. На носу корабля видна фигура Клерриса.

Найдя по левому борту гальюн, Креслин справляет нужду и ищет способ побриться. Пресной воды нет, но два подвешенных на тросах ведра позволяют зачерпнуть морской. Намочив щетину и намылив щеки, Креслин принимается бриться. При всей осторожности ему не удается не порезаться, а соленая вода отчаянно щиплется. Нет, это никуда не годится!

Креслин зачерпывает новое ведро и, поставив его на палубу, сосредоточивается. Спустя несколько мгновений на настиле появляется горка белых кристалликов извлеченной из воды соли. Юноша окунает палец в ведро, облизывает его и с довольной ухмылкой начинает раздеваться. Скинув сапоги и брюки, он, щедро расходуя только что опресненную им воду, старательно

смывает дорожную грязь. От ветра по коже бегут мурашки, но стоит вытереться насухо и одеться, как это проходит.

Набрав другое ведро, он опресняет воду и в нем, после чего, позволив ветру сдуть соль, несет воду в каюту.

Весьма довольный своими успехами по части разделения воды и соли, юноша застает Мегеру уже одетой. На ней выгоревший голубой дорожный плащ. Она тщательно причесывается.

— Пресная вода,— говорит Креслин, подыскивая, куда бы поставить ведро.

— Спасибо.

Пристроив ведро на узкий комод, он замечает слегка сдвинутый ночной горшок.

— Э... вынести?

Мегера ухмыляется:

— Не надо. Кое-что могу уничтожать и я. Это несколько облегчает жизнь.

В очередной раз покраснев, Креслин кладет на место бритву и заканчивает одеваться. Взгляд его падает на меч, однако клинок так и остается висеть на крюке у комода.

— Я избавился от грязи и сажи,— говорит он, поправляя рубаху и тунику.

— Спасибо.

Тронутый ее тоном — дружелюбным, даже как будто теплым, он еще раз смущенно разглаживает одежду.

— Будем завтракать? Есть бисквиты и сушеные фрукты.

— Сушеные?

— Хочешь свежих? Я могу попробовать это устроить.

— Вот как?

— Да. Из-за такого фокуса я и угодил в дорожный лагерь к чародеям.

Это признание встречено тихим смехом.

— Вообще страшно вспомнить, сколько глупостей я натворил.

До кают-компании недалеко: три шага — и они уже там. Фрейгра еще нет. За одним столом сидят трое матросов, а из-за другого путникам навстречу поднимается суровый и властный с виду мужчина с собранными сзади в хвост каштановыми волосами.

— Госсел, первый помощник капитана. Рад, что вы составите нам компанию.

Стол накрыт: фрукты, твердые ломтики желтого сыра и жесткие белые галеты. В специальные выемки в столешнице помещены два массивных коричневых кувшина.

— Спасибо,— произносят они в один голос и переглядываются.

Мегера едва заметно улыбается.

— Не угодно? — Креслин указывает на деревянное блюдо с сушеными фруктами.

— А нельзя ли... Мне бы хотелось свежего персика.

Креслин берет сушеный персик, и Госсел поднимает брови. Юноша с серебряными волосами пытается вспомнить ощущение, испытанное во время истории с сидром. На месте сморщенного сухого фрукта появляется сочный золотистый шар.

Креслин торжественно вручает Мегере персик и утирает вспотевший лоб.

У Госсела отвисает челюсть.

— Ух... В жизни не видел ничего подобного! Капитан говорил, что вы вроде как чародеи...

— Боюсь, так оно есть,— Креслин наполняет из кувшина две кружки и подает одну Мегере.

Двое матросов, встав из-за стола, бочком выскальзывают из кают-компании, причем один ограждает себя охранительным знамением. Третий ухмыляется и как ни в чем не бывало продолжает уминать сыр и галеты.

— Вот, значит, почему капитан велел поставить все паруса,— рассуждает вслух помощник.— Ведь у него в каюте тоже устроился чародей. Три колдуна на одном судне! Такое бывает нечасто.

Осторожно хрустя галетами (ему памятно, что творилось вчера с его желудком), Креслин интересуется:

— Скажи, доводилось тебе встречаться с кораблями Белых магов?

— Разок,— кривится помощник,— еще салагой. Я вышел в море на борту норландского брига, капитан которого отказался заплатить им пошлину. Они сожгли его вместе с фок-мачтой. Помощник пошлину заплатил, но его вздернули судовладельцы: сказали, что таким образом он поощряет пиратство. Я ушел с норландской службы при первой возможности.

— Насколько близко подошел тогда их корабль? — допытывается Креслин, прихлебывая теплый с горчинкой чай.

— Довольно близко, меньше чем на кабельтов.

— Кабельтов?

— Кабельтов составляет чуть больше четырехсот локтей. Во всяком случае, мы хорошо видели Белого мага. Он стоял на полуюте рядом с их капитаном, и туда, куда он указывал рукой, летел огненный шар. И поджигал все вокруг.

— А вода тушила этот огонь?

— Тушить-то тушила, только всякого, кто порывался заливать пламя, поджаривал следующий шар... Ну, мне пора,— помощник поднимается из-за стола.— Надеюсь, ты сумеешь

нам помочь. Постарайся, чтобы на сей раз Белые получили, что им причитается.

Он ныряет под низкую притолоку.

— Жаль, что нет другого способа...— бормочет Креслин, взяв еще галету.

Мегера доедает персик и лишь потом откликается:

— Может, и есть.

— Например?

— Например, удрать. Почему бы нам не проскочить мимо них? Подними ветер, наполни паруса — и вперед!

— Я думаю, мы могли бы...

— Тебе так не терпится вступить в схватку? А поглядеть, как тебя всякий раз мутит, так можно решить, будто ты не такой уж любитель смертоубийства!

— Я и не любитель. Но мне кое-чего недостает.

— Это правда? Или ты просто... Ну да ладно,— оборвав фразу, она отпивает из тяжелой кружки.

Креслин косится на матроса, доедающего за соседним столом сыр и фрукты. Кажется, все на борту считают само собой разумеющимся, что он справится с Белыми магами. Как будто это плевое дело! Все, кроме Мегеры, считающей, что сражаться вовсе не обязательно. Но Мегера верит в Предание, согласно которому в каждом мужчине изначально заложена тяга к разрушению. Неужто это правда, и он действительно жаждет крови?

Ему вспоминается давнее поучение Хелдры: «Обнажив клинок, ты должен или убить, или погибнуть сам. Убивай без колебаний и сожалений».

Любят ли ветры клинки?

— Можешь ты хоть иногда думать о чем-нибудь другом? — ворчит Мегера, поднимая глаза.

— Прости. Трудно все время помнить, что ты слышишь мои мысли.

В воцарившемся молчании Креслин пьет чай, размышляя, о чем он вообще теперь вправе думать. И невольно вспоминает, как прелестно выглядела Мегера с обнаженными плечами...

— Тебе обязательно надо испортить такое прекрасное утро?

— А что я такого сделал?

Мегера вскакивает и стрелой вылетает из кают-компании.

— Ух, горяча! Как ее огненные волосы,— с ухмылкой обращается к Креслину матрос.

— Думаю, еще горячее,— бормочет Креслин, расправляясь со второй галетой.— И это только начало.

LXIV

Как же защитить «Грифона»? Хороший ливень, да еще с громом и молнией, может снизить эффективность чародейского пламени, но никоим образом не помешает находящимся на борту трех кораблей Белым попросту, без всякой магии, взять «Грифон» на абордаж. А более яростный шторм не менее опасен для «Грифона», чем для чародеев.

А Мегера? Она может противопоставить хаосу хаос.

Креслин ежится, вспомнив, как смешаны в самом ее существе Белое и Черное начала. А как она отреагировала на его мысли за первым завтраком на борту судна! После этого она два дня практически с ним не разговаривала. Чего она хочет? Бескровного решения проблемы? И это в то время, когда чуть ли не целый мир жаждет и его, и ее крови?

Лед? Нет, со льдом получается как со штормом: слишком сильное оледенение опасно в равной мере и для противников, и для них самих.

Оклик Клерриса напоминает, что у Креслина осталось совсем мало времени. Черный маг уже успел облазить все судно. Беспрерывно бормоча под нос заклинания, он неустанно усиливал элементы внутренней гармонии, укреплял переборки, мачты, реи, снасти и паруса. Это сугубо внутреннее воздействие, однако матросы отметили, что корабль стал ощутимо прочнее.

— Ну как, парень, сообразил? — устало спрашивает маг.

Креслин отводит взгляд от носа, где Мегера наблюдает за едва заметным на горизонте белым пятнышком паруса, и поворачивается к чародею. В смоляных волосах Клерриса видны серебряные пряди, появившиеся, похоже, за последнюю ночь.

— В моем возрасте усталость отражается на внешности,— поясняет маг, поняв немой вопрос Креслина.

— Что будет, если мы избежим с ними встречи? — спрашивает юноша.

— Ты о Белых? — Клеррис пощипывает свой гладко выбритый подбородок.— Неужто не видишь, что это не выход? Ускользнем от них, так они, пожалуй, отправятся за нами на Край Земли. У них хватит сил, чтобы захватить тамошнее поселение вместе с герцогской крепостцой. А может быть, просто подождут, когда Фрейгр пустится в обратное плавание, и потопят «Грифона». Сам ведь, наверное, знаешь — они настырны и мстительны.

— Выходит, у нас нет другого способа обезопасить себя, кроме как отправить на дно все три их судна? Но Высший Маг этого так не оставит. Как нам вообще из этого выпутаться?

— Боюсь, паренек,— ухмыляется Клеррис,— что кому-кому, а тебе из этого не выпутаться до конца дней. Раз уж ты маг, то тебе волей-неволей придется всю жизнь принимать такие решения. Конечно,— лицо Клерриса делается серьезным,— ты можешь этого не хотеть, но отказ принимать решения, даже колебания, бывает чреват гибелью. Речь идет не только о тебе, но и о тех, кто тебя окружает. Большинство из нас, Черных, постоянно сталкивается с этой проблемой. Насилие и убийство нам ненавистны. Что нам нужно на самом деле, так это своя страна, основанная на гармонии. Подальше от Белых и всякого рода распрей вокруг Предания.

— Это прекрасно,— хмыкает Креслин.— Но вахтенные уже заметили парус. Нас настигают, а я все еще ломаю голову над тем, как нам быть.

— Ты воин. Ты справишься с этим, тем паче что тебе есть с чем работать. К твоим услугам два океана — водный и воздушный.

— Спасибо.

— Да не за что,— Клеррис поворачивается и направляется к носу корабля.

Водный океан? До сих пор Креслину не приходилось иметь дела с водой, не считая недавнего опыта по удалению из нее морской соли. Он направляет свои чувства вниз и непроизвольно отшатывается. Вода тяжела, слишком тяжела и холодна. Но все же не совсем незнакома: ведь она содержится в воздухе.

Не обращая внимания на любопытствующий взгляд Госсела, юноша направляется к лебедке. Зачерпнув воды и поставив ведро на палубу, Креслин сосредоточивается. По поверхности воды в ведре идут круги, на ней появляется маленькая воронка, а спустя миг образуется настоящий бурлящий водоворот.

Стоит Креслину потерять концентрацию, как водоворот тут же исчезает, но способ уже запечатлелся в его памяти. Он выливает ведро за борт.

— Вижу парус!

Крик вахтенного возвещает о появлении второй шхуны Белых. Креслин направляется к помощнику капитана. Госсел безупречно вежлив:

— Чем могу служить господину магу?

— Скажи, что самое худшее может случиться с кораблем в открытом море?

— Пожар.

— Нет, я имею в виду нечто естественное. Вроде шторма, ледового затора или...

Госсел задумывается:

— Я слышал, в южных морях бывают водяные смерчи. Этакие крутящиеся водяные столбы, которые могут поднять корабль так, что он разламывается надвое.

— А грозы в это время случаются?

— Непременно. Без гроз смерчей не бывает.

Рассеянно кивнув, Креслин отходит в сторону.

«...упаси нас Тьма, если он призовет водяной смерч...»

«...упаси нас Свет, если он вовсе ничего не сделает...»

Фрейгр направляется к Креслину, но юноша встречает его таким холодным взглядом, что капитан, так и не решившись задать свой вопрос, проходит мимо, на бак — туда, где Клеррис беседует с Мегерой.

— Постой,— говорит Креслин, увидев, что Мегера вознамерилась уйти с палубы, и посылает свои чувства к ветрам. Мегера вопросительно поднимает брови, но Клеррис кивает, и она остается.

— Тебе известен какой-нибудь способ спасти этот корабль и команду, не уничтожив все три корабля Белых? — спрашивает Креслин Клерриса.

— Нет. Но мне неизвестно и то, как их можно уничтожить,— его ответ, как и вопрос Креслина, звучит почти официально.

— Скажи мне как Черный Маг: люди на борту нашего судна ценнее тех, что плывут на кораблях Белых?

— Белые приближаются! — слышен крик вахтенного.

— Креслин, я не могу ответить на такой вопрос. Речь идет о сравнительной ценности жизней десятков разных людей.

— Выскажусь проще. Стоит ли спасение этой команды гибели трех экипажей Белых?

— Как можно сравнивать жизни, взвешивая их словно на весах? — растерянно бормочет маг.

Сделав глубокий вздох, Креслин призывает холодные высокие ветра, а потом, коснувшись теплых океанских течений, направляет их к поверхности, закручивая в гибельном танце.

Раздается шипение. Мегера сосредоточивается, и мимо фока проносится маленький огненный шар. Следом летит второй, побольше.

Ближайший корабль Белых менее чем в десяти кабельтовых.

— Подходят под прикрытием...— бормочет Клеррис.

— Крепить паруса! Лево на борт! — орет Фрейгр.

Шлюп накреняется, и Креслину приходится ухватиться за борт.

Снова шипит пламя. На лбу Мегеры выступают бусинки пота.

Вихрящаяся впереди по правому борту тьма начинает сгущаться и уплотняться.

Ветры крепнут, сотрясая весь корпус «Грифона».

Пламя растекается по фок-мачте, но гаснет, как только обливающийся потом Клеррис успевает что-то пробормотать.

— Прямо по курсу! — истошно орет вахтенный.

Мегера видит чудовищную сине-зеленую башню, растущую прямо на глазах и в беспрестанном вращении приближающуюся ко вражеской шхуне.

Белые разворачивают корабль носом к надвигающемуся смерчу, намереваясь то ли разбить его лобовым ударом, то ли проскочить мимо. Поздно! Водяной столб затягивает корабль Белых, как щепку.

Вторая шхуна поворачивает на юг, надеясь воспользоваться попутным ветром, но гигантская водяная башня движется быстрее.

Новый огненный шар прожигает угол паруса. Парус полощется на ветру, но никто из матросов этого не замечает: все поглощены зрелищем настигающего шхуну смерча.

Лицо Клерриса покрывается потом, и занявшаяся было парусина гаснет — на ней остается лишь обугленный полукруг.

Клокочущая тьма втягивает шхуну, выносит на вершину водяного столба и швыряет вниз.

— Мать Тьмы...— бормочет Клеррис, глядя на пляшущие по волнам обломки.

Шлюп снова ложится на юго-восточный курс. Креслин смотрит словно в никуда, взгляд его кажется рассеянным.

Клеррис и Мегера наблюдают за тем, как тьма снова начинает скручиваться спиралью, на сей раз на северо-западе. В глазах Креслина появляется сосредоточенное выражение, и крутящийся столб устремляется к летящей белой точке, настигает и поглощает ее.

В тот же миг колени Креслина подгибаются. Клеррис лишь чудом успевает подхватить юношу, не дав ему удариться головой о доски.

— Все-таки он перестарался,— устало роняет Мегера.

— А мы предложили ему хоть что-нибудь другое? — тихонько спрашивает Клеррис, взваливая Креслина себе на спину.

Когда Черный маг несет юношу в каюту, вся команда отводит глаза. Мегера следует за ним на шаг позади.

Оглянувшись на усеивающие темную воду позади «Грифона» корабельные обломки, Фрейгр переводит взгляд на дверь каюты, за которой исчез Клеррис со своей ношей. Капитан очень бледен.

LXV

Просыпается Креслин резко, будто от толчка.

— Нет... Нет!..

Он рывком вскакивает в темноте, основательно приложившись лбом о потолок каюты.

— Идиот,— без особого сочувствия в голосе произносит с нижней койки Мегера. Поднявшись (в темноте она ориентируется с той же легкостью, что и Креслин), рыжеволосая наливает юноше стакан сока.

— Почему идиот? — недоумевает он.— За что?

— Ни за что. За сам факт твоего существования,— отвечает она тоном скорее усталым, чем резким, и подает стакан, стараясь при этом не коснуться его руки.

— Спасибо,— говорит он, отпив глоток.

— Это за что? За то, что назвала тебя идиотом?

— За клюквицу. Который сейчас час?

— Около полуночи. Клеррис приволок тебя, как куль.

Креслин отпивает еще глоток, прислушиваясь к барабанящему по палубным доскам дождю.

— Давно хлещет?

— С тех пор, как ты разнес в щепки те три корабля.

Креслин потирает лоб свободной рукой и бормочет:

— Забери, пожалуйста, стакан...

И снова теряет сознание.

Забрав из обмякшей руки Креслина стакан, Мегера касается пальцами его жаркого, влажного лба и вздрагивает от боли, пронзившей ее, как только растворились барьеры.

По щекам ее струятся слезы.

— Почему? Будь ты проклята, дражайшая сестрица!

Потерев лоб, девушка накидывает плащ и бредет впотьмах в капитанскую каюту, чтобы снова позвать Клерриса.

LXVI

Когда Креслин просыпается во второй раз, в каюте уже светло, насколько это возможно в пасмурный, дождливый день. Он слышит голоса, но не открывает глаз и не шевелится.

— У него нет ни малейшего представления...— слышит юноша напряженный шепот Мегеры. Клеррис молчит, однако Креслин улавливает, что он качает головой.— И я подумала, что дражайшая сестрица жестока...

— На Крыше Мира мужчинам не придают значения...— Клеррис обрывает фразу и, помолчав, добавляет с особенным нажимом в голосе: — Я все-таки надеюсь, что наш спящий друг вот-вот присоединится к нам.

— Как долго я спал? — спрашивает Креслин сипло. Он осторожно садится на койке, памятуя о низком потолке.

— Всего лишь целый день,— улыбается Черный маг.

— Пить хочется...

Клеррис подает стакан сока, но в сок подмешано что-то еще. Не горькое, не сладкое... просто нечто иное.

— Что это?

— Подкрепляющая добавка. Ее используют целители. В последнее время ты подвергаешь свое тело слишком большим нагрузкам. И тело, и сознание. Выпей, тебе пойдет на пользу.

Потягивая маленькими глоточками лекарственную смесь, Креслин спрашивает:

— Скоро мы доберемся до Края Земли?

— Если верить Фрейгру, то завтра утром.

— Фрейгр сейчас малость брюзжит,— с легкой улыбкой добавляет Мегера.

— Почему? Из-за дождя?

— Отчасти, но не это главное. Он до смерти боится, как бы ты не умер, и втайне надеется, что ты умрешь. А оттого злится — и на тебя, и на себя, и на весь свет.

— Мне лучше,— заявляет Креслин, отпив еще глоток, и вытягивается настолько, насколько позволяет койка.— Только все тело затекло.

— Никто не настаивает, чтобы ты лежал на этой койке,— отзывается Мегера.

Креслин осторожно слезает. Он чувствует себя до омерзения грязным.

— Я пойду умоюсь.

— А силенок-то хватит?

— Хватит не хватит, но от меня воняет, и мне это не нравится,— юноша берет полотенце и бритву и открывает дверь.

Дверь закрывается за ним прежде, чем Мегера успевает заговорить.

— Он невыносим!

Клеррис молчит, задумчиво потягивая сок и прислушиваясь к стуку дождя по палубному настилу.

LXVII

«Грифон» легко бежит по длинным волнам; качка едва заметна, так что желудок Креслина не испытывает особых затруднений, и юноша в состоянии получить удовольствие от завтрака, состоящего из ананасов, галет и сока. Позади корабля и прямо над ним висят темные тучи. И чем дальше к западу, тем они темнее. Но за шлюпом они больше не следуют.

Стоя у борта, Креслин всматривается в виднеющееся далеко впереди, чуть справа по курсу, пятно, похожее на сгусток тьмы. Воздух, несмотря на нависшие облака, свеж, и насы-

щенно-темная вода начинает приобретать зеленый оттенок. Через некоторое время к юноше подходит Клеррис.

Мегера стоит в стороне от Креслина, положив одну руку на истертую древесину борта, а другую — на протянувшийся к фокмачте трос. На ней выцветший серый дорожный плащ, блеклость которого лишь подчеркивает пламя ее волос и блеск глаз.

Креслин старается не смотреть в ее строну, зная, что стоит ему задержать на ней взгляд — и Мегера это почувствует. Его взгляд скользит за корму, устремляясь к северо-западному горизонту. Облака уже не гонятся за ним, как это было и в Слиго, и в Монтгрене. Почему?

— Почему бы тебе не попытаться это выяснить? — с лукавой улыбкой говорит Клеррис.

— Так ведь это, наверное, непросто.

— Жизнь вообще непроста,— холодно заявляет со своего места Мегера, но Креслин, не обращая внимания на ее слова, уже тянется к ветрам. Сознание как бы раздваивается: он ощущает себя сразу и стоящим на мягко покачивающейся палубе, и парящим в небе далеко позади корабля. В первый раз юноша старается увидеть не землю с высоты ветров, а сами ветра, хотя, конечно, слово «увидеть» может быть применимо к этому чувству лишь условно. Сливаясь с ними сознанием, он улавливает препятствия и кружения, жар и холод, восходящие и нисходящие потоки, в том числе и студеные, изо дня в день почти касающиеся Крыши Мира.

Сколько времени пребывал юноша в состоянии раздвоенности, ему неведомо, но когда он вновь ощущает себя стоящим на палубе, в облачной крыше появляются голубые просветы.

— Они заблокированы...— начинает он и лишь потом замечает, что ни Клерриса, ни Мегеры рядом с ним нет: они отошли к бушприту и любуются дельфином.

Юноша с серебряными волосами со вздохом направляется к ним.

— Ну разве не прелесть? — говорит Мегера, с улыбкой провожая взглядом дельфина, сделавшего последний прыжок и ушедшего вниз, под темно-зеленую воду.

— Это самка?

— Кто знает,— откликается Клеррис.

— Я знаю,— возражает Мегера.— Я чувствую в ней женское начало.

— Наверное, ты права,— соглашается Креслин.

— Ну, что ты выяснил? — спрашивает у юноши Черный маг.

— Южные ветра сильнее. Низкие ветра, и это притом, что нет ничего мощнее верхних потоков. То, как эти низкие ветра

веют над заливом, каким-то образом... каким — я пока не понял... но это связано с пустынями на Отшельничьем. Особенно с южной частью острова. Но и с северными холмами тоже.

— Горы и пустыни всегда оказывают сильное воздействие на ветра и вообще на погоду. Так же, как и моря. Это связано с особенностями нагревания и охлаждения воздуха.

Клеррис смотрит на юг, туда, где увиденное Креслином ранее темное пятно уже приобрело очертания скалистой прибрежной линии.

Креслину хотелось бы услышать побольше, но Черный маг имеет привычку говорить исключительно то, что находит нужным. «Возможно, эту неплохую привычку следует перенять»,— думает юноша. Его удивляет, как может маг называть каменистые возвышенности на острове «горами». Ведь все эти холмы и утесы в сравнении не только с Закатными, но и с Рассветными Отрогами представляют собой не более чем кочки.

— Может быть, ты помнишь, что теплый воздух легче холодного,— говорит Клеррис и, отвернувшись от юноши, идет к штурвалу, где рядом с рулевым стоит Фрейгр.

Креслин все еще качает головой, когда к нему обращается Мегера:

— Ты еще не привык к сложностям.

— Ты права. Хотя, похоже, многие люди усложняют все гораздо больше, чем следует.

— Это потому, что люди в большинстве своем отнюдь не просты. Во всяком случае, сумевшие повзрослеть.

Креслин делает глубокий вздох.

— Ты бываешь упрям, как сами горы, суженый,— замечает Мегера.

— Между прочим, по бумагам мы с тобой муж и жена.

— Прикажешь именовать тебя «дорогим супругом»?

— Нет, пожалуй, если уж называть, так и впрямь «суженым». Это точнее. По многим причинам.

Мегера опускает взгляд к темной воде, тогда как Креслин всматривается в приближающийся скалистый берег. Впрочем, недолго: скоро он следует за Мегерой в кают-компанию, где половина команды уже налегает на сильно проперченную похлебку и галеты, тверже которых Креслину еще не попадалось.

— Теперь уже недолго,— объявляет Фрейгр.— В середине дня вы увидите Край Земли.

— А что там смотреть? — спрашивает Креслин, вызвав этим взрыв хохота у седобородого моряка.

— Несколько рыбацких хижин, пристань с волноломом, слишком большую для такой деревеньки, и башню, где размещен герцогский гарнизон. Вот, собственно, и все...— Фрейгр

откусывает галету и, проглотив еще ложку похлебки, добавляет: — Правда, когда я расписал все это герцогу, он весь побагровел... что твоя головешка.

Представив себе рассерженного Корвейла, Мегера и Креслин улыбаются, но рыжеволосая тут же поджимает губы. Рассказы кузена создали у нее несколько иное впечатление о месте, куда они направляются.

Креслин, слегка поморщившись, молча продолжает есть.

— ...Ну, там есть еще конюшня...

Некоторые матросы покатываются со смеху.

Мегера качает головой, и ее рыжие волосы рассыпаются по плечам.

Креслин упорно грызет третью жесткую галету.

Клеррис ухмыляется вместе с матросами:

— А у герцога, должен вам сказать, имеется карта острова, на которую нанесено великое множество всяческих построек...

LXVIII

А вот и Край Земли. Создается впечатление, что Фрейгр в своем описании еще и приукрасил поселение. На скалистых утесах по обе стороны узкого фьорда не видно вовсе никаких построек, а мол с восточной стороны гавани представляет собой не более чем груду камней локтей в десять шириной, лишь немного выступающую над водой. На глазах у Креслина и Мегеры волны перехлестывают через эту грубую каменную насыпь.

К пристани приткнулось небольшое, сложенное из черного камня здание. Сразу за пристанью начинается пологий, поросший высокой травой и редкими, хаотично разбросанными деревцами склон горы. Там притулилось примерно с дюжину лачуг.

— Вот уж и впрямь Край Земли,— бормочет Клеррис.

Единственная дорога поворачивает от пристани на северо-запад и идет на подъем, к сложенному из серых и черных камней двухэтажному строению, над которым вьется зеленое с золотом знамя Монтгрена.

— Где мы будем жить? Я вижу только рыбацкие хижины да эту убогую крепостцу на холме,— ворчит Мегера, разглядывая побережье. Матросы суетятся на палубе, убирая паруса.

— Придется самим возводить собственный дворец,— саркастически замечает Креслин.

— Ты это серьезно, а?

— А что нам остается делать?

— Я могу помочь с балками,— предлагает Клеррис.— Придется использовать сосновые: здесь в каньонах растут сосенки. А ничего похожего на дуб нет. Во всяком случае, пока.

Креслин и Мегера оборачиваются к нему.

— Черные помимо магических искусств изучают еще и полезные ремесла,— поясняет маг.— Я, например, считаюсь неплохим плотником.

— Регенты, строящие собственный дворец... Да это смехотворно! — негодует Мегера.

— Может, оно и так,— откликается Клеррис,— но другого выходя я что-то не вижу.

Как только матросы пришвартовывают «Грифон» в конце пирса, рядом с дырявой, полузатопленной рыбачьей лодкой, Фрейгр появляется на палубе в зеленом с золотом плаще, который не надевал с момента отплытия из Тирхэвена.

— Мы сойдем на берег с этим,— он поднимает кожаную папку с бумагами,— а Синдер оседлает и сведет на сушу ваших коней. Ему не привыкать, он перевез их Тьма знает сколько.

— А наши вещи? — интересуется Креслин, проверяя портупею, заплечные ножны и извлеченный из герцогской оружейной тщательно заточенный клинок, призванный заменить утерянный им меч из Западного Оплота.

— Парень позаботится и о них, и о других припасах, которые мы выделим вам согласно предписанию... Идем? Подъем тут крутоват,— добавляет капитан, обращаясь к Черному магу.

Мегера подавляет тяжелый вздох, а Креслин прячет ухмылку.

— А, вот и встреча. Это ребята из гарнизона.

На дальнем конце пристани маячат двое солдат в кожаных доспехах и с мечами.

— Они встречают каждый рейс. Никак не могут поверить, что мы никогда не привозим ничего заслуживающего внимания,— Фрейгр бросает взгляд на Мегеру.— Правда, на сей раз...

— Сомневаюсь, чтобы они нашли меня слишком уж интересной,— говорит рыжеволосая.

На открытой пристани ветрено. Морской бриз ерошит волосы Креслина и треплет пламенные локоны Мегеры.

— Ну, капитан, чем порадуешь? — черноволосый, с падающими на лоб прямыми прядями и жидкой бороденкой солдат выступает навстречу Фрейгру.

— Ничем, кроме вот этой компании, которая, думаю, довольно примечательна.

— Очень интересно,— бормочет оставшийся на краю пирса второй воин, русоволосый и сероглазый. Его рука лежит на рукояти меча.

— На твоем месте я был бы поосторожнее, Зарлен,— с ухмылкой говорит ему Фрейгр.— Они, знаешь ли, чародеи, все трое. А Креслин, по слухам, еще и сведущ в клинках.

Мегера поднимает руку, и черноволосый, завидев появившиеся на кончиках пальцев язычки пламени, отступает. А русый слегка улыбается. Креслин предпочитает промолчать.

— Какова численность гарнизона? — спрашивает он спустя некоторое время, когда они с капитаном уже шагают по взбирающейся вверх песчаной дороге.

— Немногим более десятка. Было больше, но остальных герцог отозвал обратно в Монтгрен,— капитан оглядывается через плечо и добавляет: — Остались по большей части головорезы и смутьяны.

Креслин кивает, довольный тем, что за спиной у него меч.

— Ты правда так ловок с клинком, как толкуют? — спрашивает Фрейгр.

Креслин пытается подыскать уклончивый ответ, но обычный приступ тошноты побуждает его ответить правдиво:

— Возможно, я не так хорош, как лучшие из стражей Оплота.

— Хорошо. Этого, надо полагать, более чем достаточно. Так вот тебе мой совет: найди предлог продемонстрировать свое умение. Это избавит тебя от многих неприятностей в дальнейшем.

Фрейгр укоряет шаг. Их цель — высящееся впереди на открытом пространстве каменное строение. Простые, без резьбы, двери из белой ели распахнуты, а в проеме ждут двое: долговязый детина в зеленой с золотом, как у Фрейгра, накидке и смуглый коротышка. У обоих щегольские, аккуратно подстриженные бородки.

Капитан «Грифона» передает папку с бумагами рослому человеку в накидке герцогских цветов.

— Последний указ герцога, Хайел. Он касается... всех нас.

— Должно быть, важный, коли ты сам его привез.

— Потом прибудет особый посланник с дополнительными указаниями.

— Видать, дело нешуточное,— невысокий смуглый человек пододвигается поближе, чтобы заглянуть в свитки, которые достает из папки начальник гарнизона.

Хайел неторопливо читает, а двое стоящих позади него и его помощника солдат (те самые, что встречали корабль на пристани), вне себя от любопытства переминаются с ноги на ногу.

Креслин тем временем разглядывает длинное помещение, не иначе как главное в этом здании. Стены сложены из темного, почти черного, природного камня, узкие окна закрываются лишь наружными ставнями, которые сейчас открыты, а с грубо вырубленных потолочных балок еще сочится смола.

Мегера рассматривает людей герцога. Ее взгляд перебегает с Хайела на смуглого коротышку, затем на юнца, на мускулистого

русого гиганта... Один Клеррис, кажется, не смотрит по сторонам — он погружен в свои мысли.

— Бумаги выправлены как надо,— подтверждает наконец Хайел.— И герцогская печать четкая.

— Но с чего ему вообще взбрело в голову учреждать здесь регентство? — недоумевает узколицый помощник, поднимая глаза от витиеватой вязи.— Здесь и народу-то, почитай, нет: только мы да горстка рыбаков.

— Все просто, Джорис,— ухмыляется Хайел.— Вот этот молодой маг, он сын маршала Западного Оплота... знаешь, где стражами служат женщины. Те самые, которые разнесли в клочья союзное Белым войско. Ну а молодая госпожа — сестра тирана Сарроннина. А герцогу, стало быть, кузина. Теперь смекай: герцогу, как я понимаю, требуется помощь, а назначение регентов не лишает его прав на остров. Это вроде как заем,— Хайел смеется.

— Не больно-то мне это нравится,— бормочет Джорис, зыркая темными карими глазами то на Креслина, то на Мегеру.

— Добро пожаловать на Отшельничий. Я Хайел, капитан стражей, начальник гарнизона и, до вашего прибытия, представитель герцога на острове,— Хайел отвешивает столь низкий поклон, что пальцы опущенной руки почти касаются пыльных досок пола.— Джориса я уже называл, а это Торкейл и Зарлен.

Юноша наклоняет голову:

— Креслин. А это Мегера, суб-тиран Сарроннина и отныне — регент Отшельничьего.

— А у тебя нет титула? — спрашивает Джорис Креслина.

— У нас в Оплоте титулы не в ходу.

Хайел вопросительно поворачивается к облаченному в черное Клеррису.

— Клеррис, Черный маг. Прежде я жил в Фэрхэвене.

— Проклятый колдун...— слышится голос Зарлена.

— Может, и так, но вообще-то я целитель.

— Целитель нам не помешает,— заявляет Торкейл, подавший голос впервые с тех пор, как встретил корабль Фрейгра на пристани.

— Самое трудное — это вас разместить,— признает Хайел.— Здесь — не годится, а пристройку мы снесли...

Креслин улыбается:

— Думаю, на первое время нам сойдет одна из пустующих рыбацких хижин. А там что-нибудь построим.

— У нас тут нет ни каменщиков, ни плотников...— ворчит Джорис.

— Сами управимся.

Джорис переглядывается с Зарленом.

Креслин перехватывает этот взгляд, и внутри у него все сжимается, но он не подает виду и старается говорить как можно любезнее и беспечнее:

— Путешествие было долгим, и я не имел никакой возможности поупражняться на мечах. Может быть, кто-либо из вас окажет мне честь и составит компанию?

На тяжелый вздох Мегеры он не обращает внимания.

На сей раз Зарлен переглядывается с Хайелом.

— Прошу прощения,— растерянно бормочет начальник гарнизона,— но это могло бы вызвать нежелательные...

— Чепуха,— отмахивается Креслин.— Здесь так мало народу, что если я буду все время помнить о своем сане регента и искать ровню, то рискую утратить и те навыки, какие имею. Ведь все мои упражнения сведутся к таскaнию камней да рубке леса.

— Креслин!..— звучит возмущенный шепот Мегеры.

— Совершенно неожиданное предложение,— замечает Джорис.

Креслин пожимает плечами:

— Можно и без клинков — проведем состязание по рукопашному бою...

— Но все-таки...— опять встревает Джорис.— Как можно...

— Я, если позволите, буду выступать за цвета герцога,— неожиданно холодно обрывает его Креслин. От него просто веет холодом, так что даже Клеррис отступает.

А вот Зарлен лишь ухмыляется, демонстративно разглядывая Мегеру.

— Вообще-то у нас здесь есть несколько деревянных мечей,— говорит Хайел, которому явно не по себе, поскольку Зарлен на голову выше новоявленного регента и выглядит гораздо более сильным.

— Думаю, пара мечей подберется,— подтверждает Джорис, равнодушно пожимая плечами.— Пойду принесу.

— Ты думаешь это... необходимо? — спрашивает Хайел.

— К сожалению, да,— отвечает Креслин.

Мегера буквально прожигает его взглядом. Зарлен смотрит на Креслина сверху вниз, потом переводит взгляд на Мегеру и едва заметно улыбается. Глаза Торкейла перебегают с Креслина на Зарлена, а Хайел таращится в свитки, словно хочет прочесть что-то между строк.

Клеррис трогает Мегеру за рукав. Он пытается стряхнуть его руку, но, взглянув магу в глаза, успокаивается.

— Вот, пожалуйста,— весело объявляет Джорис, вернувшись с двумя тренировочными мечами — белыми дубовыми палками, имеющими рукояти с крестовинами, как у настоящего оружия.

Он предлагает выбор Креслину, который берет палку покороче. Зарлен принимает другую.

Хайел, Джорис и Торкейл молча отступают к стене. Мегера и Клеррис остаются у дверей.

Зарлен подмигивает Мегере и бросается в атаку. Креслин ждет, и когда белая дубинка готова обрушиться на него, неуловимым движением отражает удар. Противник, превосходящий юношу ростом и силой, нападает снова и снова, вкладывая в яростные выпады всю свою мощь, но Креслин отбивает их почти не двигаясь с места (и во всяком случае, так кажется) даже не глядя на оружие соперника.

— Ты что, танцор?

Зарлен орудует своей дубинкой с удвоенной скоростью, но ни один его удар так и не достигает цели. А потом Креслин делает едва заметное движение...

Зарлен трясет запястьем, где набухает красный рубец, растерянно смотрит на свою пустую руку и на валяющуюся на полу белую дубовую палку, а потом поднимает глаза на Креслина. И в этих глазах вспыхивает пламя безумной злобы.

— Берсерк...— шепчет Клеррис, но Креслин не нуждается в предостережениях. Когда Зарлен с немыслимой скоростью делает выпад клинком из голубоватой стали, меч Креслина — боевой меч! — уже наготове. Нападение стремительно, однако когда удар наносится, на том месте, куда целил противник, Креслина уже нет. А потом дважды вспыхивает голубоватая сталь герцогского меча.

Помутневшим непонимающим взглядом Зарлен смотрит на свой валяющийся на полу клинок. Колени его подгибаются. Креслин выжидает ровно столько, сколько нужно, дабы удостовериться, что этот человек мертв, после чего вытирает клинок о тунику поверженного врага.

Хайел стоит с разинутым ртом. Джорис бледен. Бледна и Мегера.

Креслин поднимает глаза на Хайела, косится на тело и говорит:

— Прошу прощения, что так вышло, но... Он замышлял убить меня и подобраться к моей жене.

Хайел закрывает рот и смотрит на Торкейла. Темноволосый молодой солдат переводит взгляд с Креслина на своего капитана и облизывает губы:

— А... А Зарлен говорил, что... никакой чародей не устоит против холодной стали... И колдунья тоже.

— Видимо, он ошибался и насчет колдунов, и насчет колдуний,— спокойно отвечает Креслин.

Хайел кивает Торкейлу на труп, и молодой солдат тащит тяжелое тело к выходу из длинной комнаты.

— Кто ты? — спрашивает Креслина Джорис.

Креслин смотрит на Клерриса и Мегеру, но Черный маг лишь пожимает плечами, а Мегера отворачивается. Успев, впрочем, обжечь юношу взглядом.

— Я один из ваших регентов,— говорит Креслин, повернувшись к Джорису и Хайелу и, немного помолчав, добавляет: — Я был консортом в Западном Оплоте. Я единственный мужчина, когда-либо обучавшийся у наставниц бойцов. Я пересек Закатные Отроги в зимнюю стужу, чтобы избежать брака с женщиной, на которой потом женился. Меня называют также Магом-Буреносцем, а ваш герцог назначил меня и свою кузину соправителями, с тем чтобы мы по мере сил берегли и укрепляли для него эту землю. Достаточно?

— Чтоб мне пропасть!..— бормочет Торкейл так тихо, что его слова различает только Креслин.

Джорис поворачивается к Клеррису:

— И что, он действительно Буреносец?

— Да. Лучший, какого мне только случалось видеть. Прирожденный.

Креслин смотрит на Черного мага, и даже Мегера поднимает глаза.

— А герцог все это знает? — спрашивает Хайел.

— А как ты думаешь, почему мы здесь? — отзывается Мегера с усталостью в голосе.— Или ты думаешь, что герцог предпочел бы оставить двух магов из Западного Оплота и Саррониина под своей крышей?

— Думаю, вам лучше занять мою хижину, по крайней мере, пока мы не подыщем что-нибудь более... подобающее,— говорит капитан вместо ответа на ее вопрос.

— Да,— подхватывает Джорис,— отведу вас туда, ведь нашему капитану наверняка надо еще поговорить с Фрейгром насчет груза.

— Лошади? — спрашивает Креслин, посмотрев на Фрейгра.

— Попозже я вас найду,— заверяет капитан «Грифона»,— и мы сходим за ними вместе.

Креслин кивает, и вся троица чародеев выходит следом за смуглым помощником начальника гарнизона. Дверь никто так и не потрудился закрыть.

LXIX

— Нынешней зимой шторма в заливе оказались необычайно суровы.

— Настолько суровы, что потопили три наших шхуны, не повредив при этом герцогский шлюп? — с сарказмом спрашивает Дженред.

— На борту шлюпа находился Клеррис,— произносит чей-то голос.

— А как насчет целительницы? Его сообщницы?

— И я должен поверить, что парочка целителей вдруг научилась вызывать такие смертоносные бури? — голос Дженреда звучит громче.— И не надо отговорок, вроде той, что ему будто бы помогла та Белая сука. Она с ним только потому, что у нее нет выбора.

В комнате воцаряется тишина.

Наконец из последних рядов собравшихся доносится усталый голос:

— Ладно, ты не согласен ни с кем из нас. А сам-то что предлагаешь?

Дженред улыбается холодной, истинно Белой улыбкой:

— Ничего.

— Что?..

— Спустить герцогу такое?

— Да ведь последователи Предания...

Высший Маг спокойно ждет, когда уляжется шум, а потом говорит:

— Давайте обдумаем сложившуюся ситуацию. Чтобы свести на нет результаты упорных трудов поколений наших с вами предшественников, Черные с помощью измены и коварства взрастили-таки для нас достойного противника. Но этот противник не нашел ничего лучше, как бежать из Кандара на совершенно никчемный, пустынный остров. К тому же он связан с Белой колдуньей, а до континента ему, по существу, мало дела, не считая того, что он кое-чем обязан герцогу Монтгрена. Не приходится сомневаться в том, что со своего острова Креслин сможет отразить нападение любого посланно го против него флота. Наверное, ему под силу защитить оба корабля герцога и несколько других, но не более того. Золота у него или вовсе нет, или совсем немного, да и приверженцев не густо. Итак, мы оставляем в покое корабли герцога и те наверняка весьма немногочисленные суда, которые Креслин, возможно, купит или построит сам. Но любой другой корабль из Кандара при попытке приблизиться к Отшельничьему будет потоплен. Со временем мы можем подтолкнуть восточные державы к нападению — это обойдется нам совсем недорого и надежно свяжет Креслину руки. Пока он будет сидеть на своем пустынном острове и отбиваться от тех, кого удастся на него натравить, мы завершим строительство Великого тракта, укрепив таким

образом власть Белых. Ну а потом Креслин умрет, и Отшельничий придет в упадок сам по себе.

— Но Черные повалят туда валом,— возражает один из членов Белого Совета.

— А как насчет Нолдры и Хамора? — спрашивает другой.

— Ну повалят, и что? Как они туда попадут? Кое-кто может и проберется, но на это потребуются годы, и все эти годы они будут слабеть, а мы крепнуть,— Дженред фыркает.— Что же до Нолдры или Хамора, то они согласятся помочь Креслину лишь в расчете на золото или товары. Но золота у него нет, никаких ценных товаров на острове не производят и добывать там нечего, да и некому.

— А как насчет западных правителей?

— Много они помогали герцогу, своему предполагаемому союзнику? Думаете, им захочется послать войска на Отшельничий?

— Ну, маршал наверняка пошлет.

— Прекрасно. Пошлет небольшой отряд, больше она себе позволить не сможет. Так же, как и тиран. Ну и пусть, нам это на пользу. Они станут только слабее оттого, что будут вынуждены выделить часть необходимых здесь сил для обороны бесполезной пустыни, захвата которой мы вовсе не планируем. Подумайте об этом, друзья,— с улыбкой заключает Дженред.— Подумайте хорошенько.

LXX

Проводив Креслина и Мегеру к хижине, Джорис, торопливо извинившись за отсутствие лучшего помещения, исчезает. Следом уходит Клеррис, выразивший желание взглянуть на другую пустую хижину. Оставшись вдвоем с Мегерой в единственной комнате, Креслин поворачивается к ней.

— Ты самый настоящий злодей, подгоняемый демонами убийца! — заявляет она.

Креслин отступает.

— Можешь не беспокоиться,— продолжает Мегера.— Я не причиню тебе вреда, пока сама не захочу умереть, а смерть привлекает меня сейчас меньше всего на свете. У меня нет желания доставлять дражайшей сестрице такое удовольствие. Так же, как и дорогому кузену. И уж, конечно, мне бы не хотелось огорчать своего ненаглядного супруга.

— Что ты имеешь в виду? При чем тут смерть?

— Надо же, он не понимает! Родился в краю, где почитают Предание, но все равно не понимает! А все потому, что ты мужчина! Дайте мужчинам волю, и они тут же начнут сеять

смерть. Как сеешь ты мечом или бурей. Вот и этот бедняга погиб от твоей руки, хотя он, возможно, тебя бы и не тронул.

— Ты не права.

— Но ты подбил его на поединок специально, чтобы убить. Разве не так?

— Не так. Дело не в этом.

— Так расскажи мне в чем, суженый. Расскажи, чем ты отличаешься от других мужчин. Солги, как лгут они все!

Креслин вздыхает.

— О, мы, кажется, выказываем признаки сожаления. Или просто усталости?

— Ты выслушаешь меня, или уже все для себя решила?

— Этот человек мертв! Разве не так?

— Мегера! — Креслин теряет терпение, повышает голос, и ее имя звучит как раскат грома.— Это не обычный гарнизон, а место ссылки. Каждый здешний солдат убил по меньшей мере одного человека. И не в бою — совершил умышленное убийство. Сюда отправляли только преступников, но даже среди них герцог выбрал не самых закоренелых и отозвал обратно в Монтгрен. Здесь же остались только отъявленные головорезы, такие как Зарлен. Он так или иначе искал бы случая меня убить, вот я и предоставил ему эту возможность с самого начала. Да, я действительно вызвал его на поединок и сделал это намеренно, на глазах у всех, чтобы остальные солдаты поняли: ни я, ни ты не станем для них легкой добычей. Да, я родился и вырос в Западном Оплоте. Я чту Предание, но тем не менее убиваю. Должен заметить, что Предание Рибэ запрещает не кровопролитие вообще, а бессмысленное кровопролитие. По-моему, разница весьма существенная. Кроме того, ты, по-видимому, забыла, что я едва ли не умираю вместе с каждым, кто гибнет во время сотворенной мной бури. Можешь считать, что я в какой-то мере эгоистичен, ведь если бы Зарлен вынудил меня использовать против него ветра, мне пришлось бы прочувствовать его смерть. А я и так уже перенес их слишком много.

— Смерть есть смерть, какова бы ни была ее причина! — гневно сверкая глазами, возражает Мегера.

— Не знаю, но я устал. И все время оказываюсь загнанным в угол. Будь у меня возможность тщательно продумывать каждый шаг, мне, наверное, удалось бы избежать большей части тех разрушений, к каким привело использование моих способностей. Но я всякий раз оказываюсь перед необходимостью немедленно реагировать на угрозу. Жажда мести, вожделение, злоба — вот что нес в себе этот человек — Креслин впивается в Мегеру взглядом.— И я не заметил с твоей стороны особого стремления унять или урезонить его.

— Ты так ничего и не понял,— сердито ворчит Мегера.— При чем тут я?

— Мне нужно сходить за лошадьми,— устало говорит Креслин.— Надеюсь по возвращении застать тебя здесь.

— А куда мне отсюда деться, о ненаглядный супруг?

Он выходит за дверь, сопровождаемый ее гневным взглядом.

«А куда мне отсюда деться, о ненаглядный супруг?..» — эти слова звенят в его ушах, когда он закрывает за собой обшарпанную дверь. Куда могут деться они оба?

— Ты в порядке? — спрашивает стоящий возле неказистого каменного домишки Клеррис.

Креслин молча качает головой и смотрит в сторону пристани, туда, где находятся «Грифон» и кони, которых ему надлежит забрать.

Направляясь навстречу юноше по усеянному камнями песку, немолодой маг с усмешкой говорит:

— Женщины... Я знаю Лидию невесть сколько лет, но до сих пор не могу сказать, что ее понимаю..

— «Невесть сколько лет»...— повторяет за ним Креслин. Он отводит взгляд от пристани и, повернувшись к Клеррису, спрашивает: — А Лидия, она твоя ровесница?

Смущенная улыбка на миг делает мага похожим на мальчишку:

— Ну... ей лучше удается контролировать внутреннюю гармонию, и... В общем, она чуточку постарше.

Креслин прощупывает собеседника своими чувствами, но слова звучат правдиво и сам Клеррис совершенно спокоен: его отличает та неизменная уверенность, которую юноша уже привык связывать с гармоническим началом.

— На что ты способен, кроме продления жизни и исцеления?

Клеррис поджимает губы:

— Помимо управления погодой — а лишь немногие из нас, если такие вообще найдутся, способны соперничать в этом с твоей природной силой,— магия гармонии сводится в основном к упорядочению, то есть исцелению и укреплению. Правда, мы умеем создавать некоторые не связанные с хаосом иллюзии, скажем, исчезновение, и можем погружать в сон, не причиняя вреда. Ну и, конечно, мы все знаем толк в растениях.

— Растениях?

— Смотри внимательно,— Клеррис указывает на чахлый голубой цветок, распустившийся на оплетающей груду камней колючей лозе.— Это не бросается в глаза, но...

Креслин ощущает направляемый Клеррисом к крошечному цветку поток силы и видит, как медленно, в размеренном темпе

капель, падающих после дождя с уголка крыши, стебелек крепнет, лепестки наливаются соком, и цвет их становится ярче.

— А вот Лидия или Марин — те могут взять саженец ябруша и повлиять на него так, чтобы плоды со временем стали крупнее или мельче, кислее или слаще... Но большинству людей не интересны чудеса, результаты которых видны лишь спустя годы.

— Наверное,— соглашается Креслин.— Но ведь предполагается, что магия действует мгновенно.

На губах Клерриса вновь появляется мальчишеская улыбка:

— Действует-то она мгновенно, но вот чтобы результаты этого действия проявились со всей очевидностью, требуется время. Но зато, в отличие от содеянного нашими Белыми «друзьями», сотворенное нами долговечнее, и уничтожить плоды наших трудов довольно трудно.

Креслин замечает, что Мегера выглядывает в узкое окошко. Фрейгр спускается по пыльной дороге к пристани, где привязаны кони.

— Тут есть над чем подумать,— со вздохом говорит юноша.— Но в свое время. Сейчас я, пожалуй, все же схожу за лошадьми. Сдается мне, нашему славному капитану не терпится покинуть Отшельничий.

LXXI

В центре подернутого белым туманом зеркала видна высящаяся на черном утесе черная башня с мерцающими, словно они не из настоящего камня, стенами.

Губы вперившего взгляд в зеркало Высшего Мага шевелятся, но слова не слышны. Потом он хмурится, и изображение исчезает. В серебре зеркала отражается лишь потолок комнаты.

Слышится стук в дверь.

— Заходи.

Протиснувшись бочком в маленькую комнату, Хартор с порога спрашивает:

— Ты слышал?

— Ба, я это почувствовал. Да и кто бы не почувствовал, когда закричал весь мир. Мне просто не хотелось поднимать этот вопрос перед всем Советом.

Высший Маг указывает визитеру на ближайший к двери стул и сам садится на кресло с прямой спинкой.

Хартор косится на пустое зеркало:

— Ну, есть у тебя какие-нибудь соображения?

Дженред медленно кивает и, скривив губы в гримасе отвращения, отвечает:

— Да. Мы оставим его в покое.

— Ты был единственным, кто утверждал...

— Неважно, что я там утверждал. Я ошибся в оценке его сил, но не относительно его склонностей.

— Но все-таки как с этим разбираться?

— МЫ оставим его в покое, но МЫ — еще не весь мир. Намекните послу Хамора, что Креслин вывез на Отшельничий сокровища Небес, похищенные им из Западного Оплота. А лазутчики Оплота непременно должны проведать о намерении Хамора напасть на Край Земли.

— Думаешь, это сработает?

— Имея дело с хаморианцами, используйте Принуждение. Они ничего не заподозрят, потому что вовсе не верят в магию.

— Наверное, тут потребуются какие-нибудь особые образы.

— Как тебе нравится идея копий зимы? Помнишь, из Предания?

— Думаешь, они когда-нибудь существовали в действительности?

— Кому ведомо? — пожимает плечами Дженред.— Главное, что-то в этом роде наверняка должно им понравиться. Возможно, у них хватит смелости и вправду напасть на остров. А маршал, надо полагать, вышлет туда несколько отрядов, и никто из посланных ею не вернется.

— Ты можешь быть в этом уверен?

Дженред кивает:

— Креслин — из тех, кто ведет людей за собой и за кем они следуют.

— Но не значит ли это, что он будет опасен?

— Нет. Не для нас. Возможно, через одно-два поколения нас обвинят в недальновидности, но мы больше не можем позволить себе терять магов и союзников. Так что займись Хамором. Сделай, что сумеешь. Впрочем, можешь для начала подбросить эту мысль норландцам.

LXXII

Рыжеволосая женщина, прервав упражнения, поднимает глаза и касается своими чувствами утреннего воздуха за пределами комнаты.

Она улыбается, ощутив бурундука, снующего под камнем, служащим хижине ступенькой крыльца. Но улыбка тут же исчезает.

— Работать, Мегера! — приказывает она себе.— Не отвлекаться! Креслин — не единственный, кто может быть упорным, как молодой дубок.

Пот струится по разгоряченному лицу, мускулы горят огнем, но Мегера выполняет упражнения до тех пор, пока тело

не перестает ей повиноваться. Тогда она выпрямляется, делает несколько глубоких вздохов и принимается медленно расхаживать по комнате.

Через несколько минут ей предстоит встретиться с Креслином для занятий основополагающей теорией, которую ее соправитель, похоже, с презрением отвергает. Чтобы поскорее охладиться и привести себя в должный вид, она обтирается мокрым полотенцем, бормоча под нос, что нужно будет непременно выучиться у Клерриса умению сводить грязь не только с одежды, но и с тела.

Скрепив локоны двумя гребнями, чтобы не падали на лицо, надев линялые штаны и рубаху, Мегера выходит за дверь и замирает, почувствовав таящуюся за углом хижины угрозу.

Напрягшись, Мегера улавливает ее суть. Она чувствует похотливое нетерпение поджидающего ее с ножом в руках мужчины. Покачав головой, рыжеволосая поднимает с земли тяжелый камень. Холодная ненависть скручивает узлом ее желудок.

Мысленно зафиксировав место, где стоит человек, она движется вперед, зажав булыжник в поднятой руке. В тот миг, когда бородатый малый бросается на нее, Мегера изо всех сил обрушивает камень на его голову.

Оглушенный, сбитый с ног, этот человек все же силится подняться и схватиться за выпавший из руки нож. Даже сейчас его переполняют вожделение и враждебность. Отбросив ногой нож, Мегера вновь поднимает камень. Второй удар оказывается точнее, и распростертый на земле бородач больше не шевелится. Лишь внутри, в его угасающем сознании, корчится и буйствует сплетенная воедино с хаосом, устремленная на нее злоба.

Мегера сглатывает подступившую к горлу желчь, но не колеблется ни секунды. Креслин научил ее не терять времени, и она тянется за ножом.

Первым делом ей приходит в голову лишить нападавшего мужского достоинства, но это кажется ужасным... просто отвратительным. И вместо этого она перерезает ему горло, что оказывается совсем нетрудно, благо нож прекрасно отточен.

Вернув камень к порогу и засунув нож за пояс, Мегера тащит тело к башне, благо она расположена совсем недалеко, в нескольких шагах. У входа она приводит в порядок прическу и одежду. Теперь она выглядит (по крайней мере, со стороны) совершенно спокойной. Хотя на самом деле это далеко не так.

На ее стук выходит Джорис, за ним Креслин и Хайел.

— Свет!

Из всех троих лишь Креслин не произносит ни слова. Он просто смотрит на Мегеру, и в его зеленых, как тяжелые морские волны, глазах невозможно ничего прочесть.

Остановив взгляд на Хайеле — ей хотелось бы прожечь его насквозь! — Мегера говорит:

— Я не одобряю склонности некоторых твоих солдат совершать попытки изнасилования и надеюсь, что впредь мне не придется восстанавливать дисциплину самой. А если придется, я уже не буду столь снисходительна, чтобы ограничиться использованием холодной стали.

От последних слов ее желудок скручивается узлом, и она мысленно проклинает Креслина, от которого ей передалась неспособность лгать не испытывая тошноты.

Женщина старается не замечать его легкой улыбки, хотя больше всего ей хотелось бы надавать ему оплеух. За то, что он знает, какие ощущения она сейчас испытывает.

Мегера буравит Хайела взглядом, пока тот не опускает глаза.

— Да, регент...— выдавливает наконец начальник гарнизона.

— Позаботься о теле, капитан. И об укреплении дисциплины. Доброго вам дня, господа,— она изображает улыбку, за что вознаграждается побледневшими лицами Хайела и Джориса. Креслин, так и не проронивший ни слова, едва заметно кивает, словно в знак одобрения, и ей хочется опалить его всем пламенем хаоса, какое она способна вызвать. В кого он ее превращает?! Как он может не понимать?! Поймет ли он хоть когда-нибудь? На последнее особо надеяться не приходится.

Повернувшись, она нарочито размеренным шагом направляется к самой неказистой развалюхе на склоне, облюбованной Клеррисом. И старается при этом не обращать внимание на доносящиеся слова:

«...раскроила череп и перерезала глотку...»

«...руки-то, должно быть, что твоя сталь...»

«...как ты вообще с ней живешь?..»

— Как? Она просто позволяет мне жить рядом,— холодный ответ Креслина несколько охлаждает и ее. Неужели он действительно не понимает, что сделал с ней? С помощью тех сил, ради овладения которыми она так долго жертвовала столь многим!..

Глаза Мегеры горят, но она, стиснув зубы, продолжает идти размеренным, неспешным шагом.

LXXIII

Когда разгневанная Мегера уходит и трое мужчин остаются стоять на крыльце башни над мертвым телом, Хайел качает головой:

— Никогда... не сталкивался ни... ни с чем подобным.

Креслин громко фыркает.

— Ты находишь это забавным, господин регент? — спрашивает Джорис, указывая на труп.

— Нет, но этот малый получил по заслугам. Если не меньше — Мегера противница ненужного насилия,— юноша говорит устало и тихо, словно для себя.

— Разве можно убивать человека за то, что ему стало невмоготу обходиться без женщины? Ты не находишь, что это слишком?

Для Креслина, которому самому приходилось убивать, чтобы предотвратить убийство, вопрос о том, можно ли лишать человека жизни за попытку изнасилования не так уж прост, и отвечает он медленно, не сразу:

— Женщины скоро здесь появятся. Что же до твоего солдата, то он наказан смертью не только за вожделение, но и за тупость. Всякий, вздумавший напасть на чародея, должен быть готов к худшему. Мегера — Белая волшебница, она могла бы изжарить его на месте,— Креслин умолкает, но видя, что Джориса его ответ не убедил, продолжает: — Присмотрись как-нибудь, только незаметно, к ее запястьям. Там шрамы. Они появились оттого, что она практиковала свое искусство, скованная холодным железом.

Джорис ежится:

— Неужто она так сильна?

— Может быть, мы еще слишком молоды и во многих отношениях неопытны,— со вздохом отвечает Креслин,— но неужели ты думаешь, что герцог взял бы и доверил нам остров просто так?

Джорис прокашливается:

— Ты что-то говорил о женщинах?

— Все будет, и женщины, и припасы,— кивает Креслин.

— Интересно, господин регент, а чем ты собираешься за эти самые припасы платить? — язвительно любопытствует Хайел.— Вяленой рыбой? Никаких других богатств на нашем острове не водится.

— Часть припасов мы получим в подарок. Часть...— Креслин пожимает плечами, вспомнив про золотую цепь, что сберегла Лидия и вернул ему Клеррис.— Часть придется оплатить мне.

— Как я погляжу, ты строишь насчет этого пустынного острова большие планы.

Глаза Креслина вспыхивают. Он сыт по горло предостережениями, сомнениями и скептицизмом. Резко повернувшись к рослому капитану, он несколько мгновений молчит, а когда начинает говорить, его слова звучат преувеличенно мягко:

— Ты сомневался в моих способностях, пока я не уложил твоего громилу. Ты сомневался и в возможностях моей сопра-

вительницы, пока и она не оставила у твоих ног труп. Долго ты еще собираешься сомневаться? Сколько трупов я должен приволочь тебе, чтобы ты в меня поверил?

Хайел отводит глаза, но упрямо бормочет:

— Еще ни одному человеку не удавалось толком освоить и обжить Отшельничий... господин регент.

— А я тебе не «один человек», Хайел,— со смехом заявляет Креслин.— А уж Мегера тем более,— он кивает обоим собеседникам и добавляет: — Мне бы хотелось получить пергамент и перья, да поскорее. И подумай над моими словами, хорошенько подумай.

Юноша направляется следом за Мегерой, хотя встречаться с ней особо не рвется. Как бы рьяно ни выступал он в ее защиту, в голове его продолжает звучать вопрос Джориса. Справедливо ли карать смертью вожделение, пусть даже сопряженное с насилием? Но какой выбор был у Мегеры? И чем отличается одна смерть от другой? «Смерть есть смерть»,— она сама говорила что-то в этом роде.

Ноги сами несут юношу по тропе, взбирающейся к восточным утесам, а он думает о том, так ли уж отличается сам от того безымянного стража. Ведь и ему случалось смотреть на Мегеру с... особыми мыслями. И насколько тонка грань между мыслью и действием?

LXXIV

— Можешь ли ты укоренить гармонию в растениях? — спрашивает Креслин, рассматривая положенный перед ним Клеррисом рисунок.— Ведь с тем голубым цветком ты сделал что-то в этом роде?

Клеррис кладет лист на место, поверх комплекта чертежей и рисунков с необходимыми пояснениями, касающимися устройства резиденции соправителей. В окно залетает ветерок, который так и норовит сдуть лист, так что магу приходится придавить бумагу по краям камушками.

— Ну, чтобы лучше росли и плодоносили. Были устойчивее к непогоде... и все такое,— поясняет Креслин.

— А, это. Да, могу. У Лидии такое получается лучше, но я тоже справлюсь. А зачем?

— Скоро здесь будет больше людей. А людям нужна еда.

— Креслин,— медленно произносит Клеррис,— здесь слишком сухо, чтобы рассчитывать на хороший урожай, даже в том случае, если зима окажется мягкой, без сильных морозов.

— Но ведь ты говоришь об обычных растениях...— пытается возразить юноша, но тут его окликает Мегера. Он поднимает

глаза от стола — как подозревает, единственного устойчивого стола на острове, реквизированного для нужд соправителей у Хайела и, вместе с тремя стульями, занимающего почти всю хижину.

— Планы резиденции — прежде всего,— напоминает она своему соправителю.— Если ты, конечно, не хочешь рано или поздно умереть во сне.

— Да, да,— Креслин снова сосредоточивается на чертеже.— Что это за большая комната?

— Трапезная. Тебе придется принимать гостей и устраивать пиры,— поясняет Клеррис.

— А эта? — спрашивает Мегера.

— Гостевая спальня,— признается Черный маг.

Глаза Мегеры вспыхивают:

— Мы же договорились, что спальни у нас с Креслином будут отдельные, а для размещения гостей позже построят отдельные дома.

— Ладно,— добродушно соглашается Клеррис.— Тогда пусть это будет личный кабинет.

— Вот пусть и будет. Мне он непременно понадобится.

— Но это потребует некоторой доработки.

— Тебе придется привлечь солдат.

— Только после завершения основных работ.

— Тут ты прав,— соглашается Мегера и вновь всматривается в наброски на столе.

— Как насчет уборки камней и грязи? — спрашивает Креслин.

— Этим могу заняться я,— говорит Мегера.

Клеррис кивает.

— Если хочешь...

— Мне лучше заняться этим прямо сейчас? — голос Мегеры звучит так странно, что никто не отвечает. Спустя несколько минут она прерывает молчание и на сей раз говорит совсем о другом: — Как может быть, чтобы Креслин использовал свою силу для убийства людей и оставался при этом Черным магом? Или Серым? Я всегда думала, что истребление и разрушение — это свойства хаоса.

— Дело не в том, КАКАЯ используется магия, а в том, КАК она используется,— терпеливым тоном привычного к наставлениям учителя отвечает Клеррис.— Магия гармонии связана с упорядочением вещей и явлений, сотворением, созиданием, иногда переустройством или переустановкой. Магия хаоса стремится к разрыву существующих связей, зачастую с помощью огня и тому подобных стихий. Креслин,— спрашивает он юношу,— как ты использовал свои силы, когда тебе приходилось убивать?

Растерявшись от столь прямо поставленного вопроса, Креслин откидывается на стуле и отвечает:

— Я всегда вызывал ветра.

— И чего ты от них хотел?

— Хотел сотворить бурю, иногда с градом или ледяным дождем.

— Поняла? — спрашивает Черный маг, глядя на Мегеру.

— Но так не должно быть! Получается, что злой человек может использовать гармонию, чтобы убивать и разрушать.

— Увы, в известных пределах — может. Но лишь очень могущественный маг, способный к предвидению и планированию.

— Пожалуйста, поясни,— просит Креслин. Он знает ответ, но хочет, чтобы Мегера услышала это от кого-то другого.

Клеррис пожимает плечами:

— Возьмем Креслина и предположим, что сейчас из-за этой двери на него набросятся десятеро вооруженных головорезов. В этом случае его магия окажется бесполезной, поскольку вызвать бурю мгновенно невозможно. На это требуется время, и при разной погоде разное. А любой Белый маг изжарит всех десятерых в мгновение ока.

Мегера призадумывается.

— Но если ты говоришь, что дело не в типе магии, а в том, как она применяется, то почему один и тот же чародей не может использовать и ту, и другую магию? И Черную, и Белую попеременно?

Клеррис смеется:

— Очень трудно представлять собой две личности одновременно. Ты, например, можешь некоторое время и любить Креслина, и ненавидеть его, но если оба чувства сохранятся долгое время, это может разорвать твое «Я». Двойственные чувства проявляются у многих, но рано или поздно остается либо любовь, либо ненависть. То же самое справедливо и по отношению к магии. Одни изначально склонны к гармонии, иные к хаосу, а некоторым дано выбирать. Я знал только одну Серую волшебницу, да и та умерла очень молодой. В теории это возможно, но я сомневаюсь, чтобы нашлось много магов, способных справляться одновременно и с тем, и с другим началом,— он печально улыбается и добавляет: — А для того чтобы использовать силы гармонии, необходим прежде всего здравый ум. Не доброта, не сострадательность, а здравый ум.

— Но это неправильно!

Поняв, что кроется за этим восклицанием, Клеррис говорит:

— Для тебя, к счастью, хаос — не предопределение. Тебе дано выбирать, а вот у Креслина такого выбора нет.

— Что ты имеешь в виду?

— А почему ты считаешь, что Креслину не нравится использовать свою силу для убийства?

— Ему делается плохо,— кривится Мегера.— Это я знаю слишком хорошо, но не могу взять в толк, почему человека выворачивает, если он убивает кого-то с помощью вызванной им бури, но сделав то же самое клинком, тот же человек чувствует себя превосходно.

— Не совсем так,— возражает Креслин.— Я вообще не люблю убивать, и в случае с клинком тоже мучаюсь, хотя и меньше. А ты не ощущаешь этого потому, что, когда я берусь за меч, твои чувства затуманивает твой же гнев.

Отсутствие признаков тошноты служит для юноши подтверждением правоты его слов.

— Но почему? — не унимается Мегера.

— Потому,— отвечает Черный маг,— что смерть есть форма хаоса, и если гармоническое явление приводит к смерти, получается, что хаос рождается из порядка, а такого рода внутреннее противоречие плохо переносится магом. Вот почему Черные маги стараются не применять силы гармонии как оружие, причем чем они старше, тем реже это делают. Молодым и здоровым легче перенести порожденный противоречием внутренний разлад, но это не может продолжаться вечно.

— Ладно...— вздыхает Мегера.— Но коль скоро у меня есть выбор, скажи, как мне научиться магии гармонии.

— Жаль, что у меня нет простого ответа,— говорит Клеррис.— На свете не так много людей, которым удалось совершить такой переход, и никто из них не был склонен делиться подробностями. Однако первый шаг должен заключаться в полном отказе от использовании магии хаоса, даже в виде глупых мелочей, вроде огоньков на кончиках пальцев.

— Я должна отказаться...— Мегера качает головой.— Не знаю.

Мужчины молчат. Креслин отворачивается к маленькому окну, выходящему на северный склон и башню, которую предстоит перестраивать и расширять, так что ни Клеррис, ни Мегера не замечают влаги на его щеках.

Он молча протягивает руку, придерживая листок бумаги. Разумеется, ему ничего не стоило бы прекратить ветер, но ведь он приносит приятную прохладу...

— Хайелу не понравится, если мы превратим его солдат в строителей,— меняет тему Клеррис.

— Так ведь нам особо выбирать не приходится,— откликается Креслин, снова всматриваясь в черновые наброски.— Да и ему тоже.

— Ты сам ему это скажешь?

— А кто же еще?

— Ну конечно,— встревает Мегера.— Разве мой суженый упустит возможность показать, кто здесь главный?

— А тебе не кажется, что это не совсем справедливо? — замечает Клеррис.

— Ничего подобного. Мужчины таковы от природы... По большей части.

Клеррис молча разворачивает бумаги.

Креслин морщит лоб, вид у него отсутствующий.

— Нам потребуются и деревья. Ты сможешь раздобыть саженцы?

— Деревья?

Загорелый юноша с серебряными волосами и недавними мозолями на руках кивает.

— Да. В Сарроннине воду спускают с гор по акведукам...

— Креслин...

— Он где-то в другом месте,— ворчит Мегера. Отвернувшись от юноши, она смотрит в узкое окно, на волнующееся за молом море.

LXXV

— Ты хочешь, чтобы они... мы... таскали камни и бревна, как простые работники? — ошарашенно переспрашивает командир гарнизона.

— Я хочу, чтобы твои люди отрабатывали свое жалование,— заявляет Креслин.— Им это пойдет на пользу.

Рука Хайела тянется к мечу.

— Даже ты не посмеешь...

— Твоим людям что, нравится питаться одной рыбой? — не дает ему договорить Креслин.— И получать сушеные фрукты в количестве, достаточном, только чтобы не заболеть цингой? Им нравится жевать лимонные корки, чтобы не повыпадали зубы?

Раздражение на лице долговязого капитана стражей сменяется недоумением.

— Конечно нет...

— Фэрхэвен не захочет больше терять суда. Белые не тронут корабли герцога и не станут препятствовать переправке сюда переселенцев. Другое дело, что всякий, кто заведет торговлю с нами, потеряет права на торговлю с Фэрхэвеном, а на риск лишиться из-за наших медяков золота Белых магов пойдут лишь немногие контрабандисты. Однако я не удивлюсь, если к концу года наше население увеличится душ на пятьсот, и к этому нужно подготовиться. Нынешняя башня мала. Нужна настоящая крепость, причем с отдельными казармами для жещин-стражей.

— Женщин? — переспрашивает Хайел, и голос его холоднее, чем море за волноломом.

— Я ожидаю прибытия отряда из Западного Оплота,— столь же холодно поясняет Креслин.— А возможно, и из Сарроннина. Некоторые прибудут с консортами и детьми, но большинство наверняка составят одинокие. Возможно, это заинтересует тебя и твоих людей, если, конечно, они решатся познакомиться с женщинами, скорее всего, владеющими клинком лучше них.

— Ты думаешь, это разумно, госпожа? — спрашивает Хайел, переведя взгляд с Креслина на стоящую за его плечом, словно тень, Мегеру.

Она пожимает плечами:

— Разумно все, что обеспечивает выживание, капитан. А без Мага-Буреносца и войск, которые он призовет, ты был бы мертв до исхода года.

— К этому... хм... надо привыкнуть,— со вздохом произносит Хайел.

— Привыкай. И советую: побыстрее,— язвительно замечает Мегера.— Учти, против любой из стражей Оплота твой Зарлен выстоял бы не дольше, чем против Креслина.

— Но чтобы мои люди строили жилые помещения...

— Не беспокойся, новые стражи тоже возьмутся за работу. Строить придется очень много. Например, нам потребуется портовая гостиница.

— Гостиница? — теперь на Креслина смотрит не только Хайел, но и Мегера.

— А почему бы и нет? — ухмыляется юноша.— Раз люди будут к нам приплывать, то почему бы нам, на законном основании, не получать с них деньги за стол и кров? Само собой, там будет и питейное заведение — думаю, твои стражи это оценят.

— Хм, питейное заведение...— заинтересованно бормочет Хайел.— Может, с него и начать?

Креслин пожимает плечами:

— Почему бы и нет? Надо только заглянуть в планы Клерриса.

— А разве нам сразу потребуется такое большое помещение? — спрашивает, посмотрев на чертеж, Мегера.— Может, сделать его поменьше, но предусмотреть возможность последующего расширения?

— А по мне, если уж строить, так строить,— заявляет Хайел.

Креслин прокашливается:

— И вот еще что...

— Да? — настороженно спрашивает явно не ждущий ничего хорошего Хайел.

— Каждое утро я буду заниматься с твоими людьми боевой подготовкой. И с тобой тоже.

— Но если ты собираешься заменить нас на...

— Хайел,— нетерпеливо перебивает его Креслин,— пойми, я никого ни на кого не собираюсь менять. Нам будет нужен каждый человек, умеющий обращаться с клинком. Кроме того, я не собираюсь устраивать здесь второй Западный Оплот, где оружием владеют только женщины. А Мегера не допустит превращения острова в новый Фэрхэвен или Монтгрен, где женщины считаются низшими существами. Я хочу равенства, но равенство мало провозгласить. Оно будет возможно, лишь если твои люди окажутся способными внушить к себе уважение.

Под выразительным взглядом регента капитан отступает на полшага.

— Все это относится и к тебе,— добавляет Креслин.— Завтра поутру собери здесь своих людей. Я скажу им то же самое, что ты только что слышал.

— Будет сделано,— говорит Хайел и утирает вспотевший лоб.

Мегера на прощание награждает Хайела такой улыбкой, что тот пятится.

Выйдя из дома, она подходит к Креслину и спрашивает:

— Как ты собираешься со всем этим справиться?

— Я и не собираюсь,— с улыбкой отвечает юноша.— Ясно, что у меня на все рук не хватит, но ты ведь тоже регент. Я надеялся, что ты возьмешь на себя надзор либо над работами в гавани, либо над строительством крепости. А садами и растениями займется Клеррис, хотя мне хочется, чтобы он научил этому искусству и нас с тобой.

Мегера качает головой, и ее огненно-рыжие волосы разлетаются по ветру.

— Да ты никак вознамерился создать из ничего державу, способную бросить вызов Фэрхэвену.

— Ничего подобного. Отшельничий не будет никому угрожать. Однако мы не допустим, чтобы кто-то угрожал нам.

— Вот как...— задумавшись, Мегера переводит взгляд с убогой крепостцы на развалюху, служащую им обоим пристанищем, а подняв глаза, видит Креслина, быстрым шагом направляющегося к растущим на склоне холма корявым деревцам. На ее губах мелькает едва заметная улыбка.

Внизу, в гавани, к пристани причаливает рыбацкое суденышко, над мачтой которого в расчете на поживу кружат чайки. Две женщины уже катят вниз по пыльной тропе тачку, чтобы сгрузить улов. Потом рыбу выпотрошат и разложат сушиться под старыми сетями, более или менее оберегающими ее от прожорливых птиц.

Оглянувшись в сторону склона, туда, где у ограды сада суковатых яблонь стоит Креслин, Мегера вновь качает головой. Но на сей раз в этом движении сквозит завистливая печаль.

LXXVI

Целительница стоит перед маршалом, кутаясь в линялый, все еще мокрый от растаявшего снега дорожный плащ.

— Ты хотела меня видеть? — спрашивает маршал, устремив взгляд суровых голубых глаз на хрупкую темноволосую женщину.

— Да, Дайлисс. Я пришла из-за Креслина.

— Как тебя зовут?

— Меня знают под именем Лидия. Верлинн... мы с ним, можно сказать, родня.

Пытливо всмотревшись в лицо собеседницы, маршал говорит:

— А ведь ты не просто целительница.

— Возможно. Я ведь и не называлась целительницей.

У маршала дергается уголок рта.

— Ну, и что ты хочешь здесь получить?

— Семена, сыр, оружие. И отряд, который ты обещала Корвейлу. Новые регенты Отшельничьего будут тебе весьма благодарны.

— Но сам Креслин тебя не посылал?

— Нет.

— Семена... мы прикупили в Сутии небольшой запас, но здесь от них все равно мало толку. Поделиться сыром тоже, пожалуй, можно. И старым оружием. Кое-что можно отдать без сожаления,— маршал умолкает.

— А как насчет стражей?

— Я спрошу, есть ли добровольцы. От других вам все равно не было бы проку, разве не так?

Лидия слегка улыбается:

— Именно так. К тому же, мне кажется, отправка этих добровольцев на Край Земли пойдет на пользу и тебе.

— Скажи мне, целительница... какая она?

Лидия качает головой:

— Это мне неведомо, маршал. Ведомо лишь, что вы с Риессой сотворили величайшее благо, но, может быть, и величайшее зло, какое только знал Кандар.

— То же самое говорил и Верлинн.

— Я знаю.

— Долго ты у нас пробудешь?

— Только пока не соберу все необходимое. Мне еще предстоит побывать у Риессы. С той же целью.

LXXVII

— Но я Белая,— заявляет Мегера, глядя на растущее за грубой каменной оградой сучковатое яблоневое дерево. Ее сапоги тонут в песке.

— Названия не так уж важны,— мягко возражает Клеррис.— Главное — это наличие способностей, хотя, конечно, тебе будет непросто. Имей в виду: что бы ты ни делала, не пытайся устранить беспорядок.

— Как? Но разве цель не в том, чтобы заменить хаос гармонией?

— По большому счету, в этом,— отвечает Черный маг.— Однако нельзя устранить хаос силой хаоса, разве что если ты чрезвычайно сведуща и сильна. Разве можно положить конец убийствам с помощью убийств?

— Можно уменьшить число смертей,— замечает Креслин, ступая на высохшую красную глину.

— Верно,— Клеррис улыбается, щурясь на послеполуденном солнце.— Истребляя тех, кто убивает людей сотнями, ты и вправду уменьшишь число смертей, но при этом в той же мере увеличишь свои разрушительные возможности. Вот почему Мегера так боится твоего клинка. Дело даже не в твоей способности убивать, а в том, что даже вовсе не прибегая к магии, ты сам превращаешься в разрушительную Белую силу.

— Именно это я и чувствовала, хотя не могла найти правильные слова,— признает Мегера.

— Хорошо,— говорит Клеррис,— продолжим. Теперь, когда у вас обоих есть навыки, попробуйте прочувствовать это дерево.

Креслин делает, как сказано, и видит бело-красные линии хаоса, пронизывающие черную гармоническую основу.

— Но почему я не могу убрать эту белизну? — настойчиво спрашивает Мегера.

Клеррис вздыхает:

— Попробуй.

Затаив дыхание, Креслин наблюдает за тем, как Мегера обхватывает дерево потоками силы. Спустя несколько мгновений она подается назад, и белизна действительно исчезает, оставив лишь черный фон.

— Вот видите, у меня получилось!

— Да, получилось,— нейтральным тоном подтверждает Клеррис. А продолжающий следить за деревом Креслин видит, как чернота ширится, словно заполняя образовавшиеся пустоты, но, расширяясь, бледнеет, редеет... и исчезает.

С громким треском ствол дерева расщепляется, но еще до того, как это произошло, оно ощущается как иссохшее и мертвое.

— Упадет оно только через несколько недель,— говорит Клеррис,— однако это дерево погибло.

— Но почему? — восклицает Мегера.— Ты ведь знал, чем все кончится, так почему же позволил мне убить дерево?

— Потому,— отвечает Черный маг терпеливым тоном наставника,— что и порядок, и хаос — это энергии, способные к сосуществованию. Если в чем-либо живом хаотическое начало достаточно сильно, то его удаление снизит жизненную энергию ниже уровня, необходимого для поддержания существования. Хороший целитель может излечить какой-нибудь недуг, но этот процесс всегда сопряжен с риском, особенно в тех случаях, когда хаос основательно внедрен в структуру организма.

— Так что же, хаос лежит в основе всего? — спрашивает Креслин.

— Тьма! Конечно же, нет. Во всяком случае, не в основе жизни. Для ее поддержания требуется гармония. Вот почему Белые в большинстве своем умирают молодыми. Конечно, это не касается похитителей тел,— Черный маг выпрямляется и указывает на погубленное дерево.— Считайте это уроком. Чтобы победить хаос, нужно не устранять его, а усиливать гармонию. Для тебя, Мегера, это особенно важно.

Но Мегера молчит, уставясь в землю, поджав губы и сцепив за спиной руки.

LXXVIII

Креслин снова показывает прием: палка из белого дуба описывает медленную дугу.

Торкейл, черноволосый солдат с жиденькой бороденкой, первым встретивший новых регентов на пристани, так же медленно повторяет движение, стремясь выполнить его с той же легкостью, что и юноша с серебристыми волосами.

Однако Креслин останавливает его на середине приема.

— Следи за запястьем...

Торкейл отступает и начинает все сначала.

Креслин смотрит на него, но на сей раз наблюдает не за выполнением приема, а за тем, как сочетаются и противоборствуют в этом человеке гармония и хаос. Потом он напрягается и, как проделывал уже не раз с овцами и растениями, усиливает внутреннее гармоническое начало.

Пошатнувшись, Торкейл трясет головой, смахивает со лба прямые черные пряди и смотрит на белую дубовую палку в своей руке.

— Ты делаешь успехи. Будешь больше учиться, и все у тебя получится,— говорит Креслин и поворачивается к следующему.

— Ты?

— Нарран, господин.

Как и у Торкейла, внутреннюю суть этого солдата составляет сложное переплетение белого и черного, но в данном случае белых нитей больше и они значительно прочнее. Креслин тихонько вздыхает, надеясь, что у других солдат хаотическое начало окажется не столь сильным, и снова поднимает деревянный меч.

LXXIX

Креслин замедляет бег возле возрожденного им и Клеррисом сада. Яблуши уже расцветают: здесь пора цветения приходит раньше, чем в Кандаре, а морозы, напротив, наступают позже.

Позади поскрипывает песок под ногами старающейся не отстать от него Мегеры.

Он бежит вдоль низкой каменной ограды, отделяющей сад от тропы, которая когда-нибудь станет настоящей дорогой. Дальше на юг тропа, идущая вдоль восточного побережья, взбирается на черные утесы, где Креслин и Клеррис присмотрели место для укрепления, Мегера расчистила участок, и юноша уже приступил к каменным работам.

— Тебе это что... доставляет удовольствие? — наконец догнав его, спрашивает вконец запыхавшаяся, вспотевшая Мегера. Волосы ее собраны в пучок на затылке.— Еще и в сапогах...

— Удовольствием тут и не пахнет,— отвечает он с саркастической улыбкой.— Это все лишь затем, чтобы стать еще более эффективной машиной для убийства. В сандалиях, а тем паче босиком много не навоюешь. Но не это важно... Ты готова продолжить?

— Продолжить?

— Ну, я имею в виду рвануть выше по склону?

— Пока... пока нет,— она уже почти отдышалась, однако Креслин старается не смотреть в ее сторону, поскольку растрепанная и вспотевшая Мегера кажется ему еще более желанной. А это желание причиняет боль им обоим.

Его взгляд скользит по суковатым, но заметно воспрянувшим к жизни деревьям, и он тянется к ним, чтобы еще раз подкрепить обретенные растениями жизненные силы. Чуть дальше по склону видны горные овцы, которых ему и Клеррису удалось перевести на нижние пастбища, ибо теперь над Краем Земли зеленеет трава.

Зелени становится все больше благодаря тому, что Клеррис высадил на песке и глине неприхотливые сорта растений, а Креслин подвел воду с помощью временного акведука.

— Что ты там рассматриваешь?

— Овец.

— В тебе словно живут два разных человека. Работая с камнем, растениями или животными, ты можешь быть таким...

Креслин глубоко вздыхает:

— Правда?

— Нет. Но я последую за тобой и... научусь всему, что можешь ты,— она утирает лоб и набирает в грудь побольше воздуху.

Юноша переходит на размеренный бег и, одолев короткое ровное пространство, несется на юг, вверх к черным утесам.

Позади эхом вторят его шагам легкие сапожки Мегеры, и ветер доносит до слуха Креслина ее прерывистое бормотание:

— Эти... суки... из Оплота... могут... и я... смогу...

Это вызвало бы улыбку, не чувствуй юноша холодную ярость и напряжение ее стальной воли. Он старается бежать равномерно и думать совсем о другом — о делах, которыми предстоит заняться. Об овощах, о сене, о коровах, которые обеспечат людей молоком и сыром. И, конечно же, о деревьях. Клеррис уверяет, что деревья, дождь и время, с помощью неких чар гармонии, могли бы превратить остров в цветущий сад.

На полпути вверх по склону Креслин начинает задыхаться. Ноги его горят.

— Наконец-то... и этому ублюдку... приходится нелегко...— злорадный шепоток Мегеры заставляет его забыть об усталости и подналечь, одолевая последние сто локтей.

Креслин замедляет темп, оглядывается через плечо на выбивающуюся из сил Мегеру и, быстро отвернувшись, переходит на прогулочный шаг, которым собирается пройти последний кай. Бег и ходьба в совокупности обеспечат достаточную нагрузку. Регулярная нагрузка необходима ему, чтобы восстановить былую физическую форму, хотя в последнее время он понял, что в теплом климате Отшельничьего упражняться куда труднее, чем в холодном Западном Оплоте.

А еще понял, что, несмотря ни на что, скучает по чистому холоду Крыши Мира.

К тому времени, когда он добирается до каменного остова здания, которому предстоит стать резиденцией соправителей, Мегере удается с ним поравняться.

Креслин проходит мимо каменной кладки и каменного резервуара для воды, который он, Клеррис и Джорис с несколькими стражами соорудили еще до закладки фундамента. На краю утеса, где скоро появятся стена и выложенная камнем терраса, юноша останавливается и смотрит вниз, на длинные, темно-зеленые волны.

Мегера обрызгивает холодной водой лицо. Креслин возвращается к резервуару и следует ее примеру, наслаждаясь прохладой. Вода накапливается в цистерне, куда подведена из обнаруженного Клеррисом источника. Черный маг показал Креслину и Мегере расположение гармонических линий, а с остальным, к собственному удивлению, рыжеволосая без особого труда справилась сама.

— Видишь, ты не совсем Белая,— сказал ей после этого Клеррис, но она нарочито оставила его слова без внимания.

Сделано немало, но впереди еще больше работы. В том, что придется столкнуться с очередным вызовом Белых магов, сомневаться не приходится.

Вытерев лицо о плечо поношенной рубахи, в которой он занимается физическими упражнениями и работает на строительстве, юноша зачерпывает воду ладонями, выпивает большой глоток и выпрямляется. Заняться обтесыванием камней или скреплением их известковым раствором?

— Для воина и мага ты неплохо справляешься со строительными работами,— беспечно заявляет Мегера, проследив взглядом невысокую линию камней, которым предстоит стать северной стеной.

— Стараемся,— он ступает вперед, к груде необработанных камней, каждый из которых принесен вручную с юга, с расстояния примерно в четверть кай. И камни оттуда ему еще таскать и таскать.

Вздохнув, он поднимает один из обломков и, пока несет к огромной, в пояс высотой, плите, которую с трудом затащили сюда три лошади, прощупывает заготовку своими чувствами. На плите камни обтесывают, чтобы придать им нужную форму, но прежде, чем заняться этим, Креслин выискивает внутренние пустоты и линии напряжения, а также пытается представить себе, как будет выглядеть камень после обработки. Положив заготовку на плиту, он уже неплохо представляет себе, куда следует вбить тяжелым молотом закаленный и укрепленный чарами гармонии клин.

Звенит молот. Мегера скрывается за грудой и вскоре возвращается, шатаясь под тяжестью большого черного скального обломка.

Креслин утирает лоб и кладет очередной обработанный камень в ряд с другими. За время строительства он упрочил свои силы и поднабрался новых умений, но само строительство кажется невероятно далеким от завершения.

Креслин обтесывает камень за камнем, однако Мегера столь же неустанно подносит все новые и новые грубые заготовки. Лишь когда Креслин, глубоко вздохнув, откладывает молот в

сторону, она тоже позволяет себе передышку и присаживается на низкую стену, кладка которой скреплена не только известковым раствором, но и чарами гармонии.

— Почему ты так выкладываешься? — спрашивает юноша.

— Тебе ли задавать подобные вопросы? — говорит, медленно подняв на него глаза, Мегера.— Кто тут носится в сапожищах по горным тропам, а потом, не передохнув, принимается обтесывать камни? Кто встревает в любое дело — от строительства водоводов до выращивания садов, работая от рассвета до заката?

— Разве у меня есть выбор?

— А у меня?

Креслин торопливо отводит взгляд от яростных зеленых глаз и обожженной солнцем, но сохранившей и кремовый оттенок, и веснушки кожи, сжимает пальцами все еще остающийся в его руке клин и лишь потом кладет его рядом с молотом. Когда он снова поднимает глаза, налетевший ветерок ласкает лоб Мегеры.

— Прекрати... пожалуйста.

— Это не я.

— Прости, я не знала,— мягко произносит она.

— Бывает, я так делаю. Но не сейчас.

— Почему я тебе нравлюсь? — неожиданно спрашивает Мегера, глядя на темно-зеленую водную гладь под утесом.

— Да разве такое объяснишь...— он вздыхает, понимая, что она все равно не отстанет.— Ладно, попробую. Ты честная и терпеть не можешь козни. И когда тебя не мучили, могла смеяться над всем нелепым и вздорным. Могла бы и сейчас, не будь меня.

— Дело не в тебе лично, а в том, что я с тобой связана,— она переступает с ноги на ногу, но взгляд ее так и остается прикованным к безмятежному морю.

— Но не будь ты связана...

— Креслин, даже внутри одержимого убийцы может таиться нежность, но ты сам знаешь, что мы связаны в основном слезами и кровью, а разорвать эти узы не смог бы и величайший мастер гармонии. Разве что ценой моей жизни, а я слишком молода, чтобы умереть.

Он вздыхает и берется за молот. Она потягивается, встает и плетется за очередным камнем.

LXXX

Открыв глаза, Креслин сокрушенно качает головой, поняв по солнцу, что рассвет минул, и ему давно пора вставать. Мегера, наверное, уже поднялась.

Присев на низком топчане, он переводит взгляд на закрытую дверь между их недостроенными комнатами. Готовы пока только две спальни в обращенном к морю крыле здания, которое, к тому же, еще не полностью подведено под крышу. Если на северной оконечности пустынного острова пойдет дождь, в доме от него не укрыться.

Сквозь незастекленное, не имеющее ставней окно Креслин видит дымку серых облаков, сулящих еще один жаркий и сухой день.

— Одевайся в кожу, Креслин,— слышится из-за двери в коридор голос Клерриса.

Юноша с серебряными волосами открывает дверь и спрашивает:

— Где Мегера?

— В умывальной,— отвечает Черный маг. Как обычно, его поношенная одежда безупречно чиста.

— А с чего это ты заявился в такую рань? — интересуется стоящий перед ним лишь в рваном нижнем белье Креслин.

— Чтобы сообщить, что в гавань заходит твой корабль.

— Мой? У меня нет никаких кораблей,— хмыкает соправитель Отшельничьего, спеша к умывальне. Побрившись, он будет выглядеть пристойнее, а холодный душ, возможно, поможет прогнать сонливость.

— Это сутианское каботажное судно под флагом Западного Оплота. Попозже утром оно подойдет к Краю Земли,— говорит Черный маг с веселым воодушевлением, какого Креслин не может в нем припомнить. И вышагивает он бодро, как молодой.

— Говоришь, скоро причалит? Хорошо, только мне надо бы собраться с мыслями...

— Было бы с чем собираться...

Не обращая внимания на донесшиеся из-за занавески душа язвительный шепоток Мегеры, Креслин начинает бриться; прежде чем успевает закончить, его рыжеволосая соправительница, посвежевшая, в липнущей ко влажной коже одежде, выскальзывает из-за занавески. Бросив Креслину привычное «Прекрати сейчас же...», она уходит.

Юноша становится под ледяной душ — нагретую солнцем воду уже использовала Мегера. Ее слова его не задели: он слишком устал, чтобы испытывать смущение.

— Ты чересчур много работаешь, как бы не надорваться,— замечает Клеррис, поворачиваясь и всматриваясь в линию восточного горизонта.

— Усталость мне на пользу, я могу, по крайней мере, свалиться и забыться, не видя снов. К тому же каждый такой день знаменуется новым полем, садом или каменной кладкой.

И добавляет мне малую толику понимания могучей и грандиозной природы гармонии.

— Тебе нужно будет поговорить с Лидией.

— Я не против, только где она?

— На этом корабле. А откуда, по-твоему, я узнал, когда он прибудет?

— Об этом я не подумал.

Завтракают втроем принесенными Клеррисом яблрушами и хлебом. Креслин жует ломоть, сидя на единственной завершенной стене террасы, по пояс высотой. Эта ограда будет окаймлять дорожку к дому для гостей. А самый дом, возможно, никогда так и не будет построен.

Как и юноша, Мегера ест молча, откусывая маленькие кусочки. Он не смотрит в ее сторону, считая, что не может позволить себе подобные взгляды. Особенно с учетом того, что ей передаются все его ощущения.

Так же в молчании они спускаются к пристани. Парус уже хорошо виден.

Лоцманская лодка подходит к судну, чтобы сопроводить его к причалу. Сутианский корабль — трехмачтовый, самой большой, какой доводилось видеть юноше,— уже вошел в гавань и, подгоняемый легким ветерком, приближается к причалу.

Юный регент касается ветров и проверяет прибрежные воды, но ни других судов, ни белизны хаоса, сопутствующей магам Фэрхэвена, поблизости не обнаруживается.

Когда же он полностью возвращается в свое тело, судно уже стоит у пристани. Два матроса спрыгивают на причал, чтобы закрепить линь на тяжелой каменной швартовочной тумбе.

Опускаются сходни, и все трое направляются к вновь прибывшим. На дальнем конце пристани выстроился вооруженный отряд под началом Джориса.

Креслин шагает впереди.

Лысеющий мужчина в накинутой поверх синих матросских штанов и рубахи золотистой безрукавке приветствует Креслина и Мегеру такими словами:

— Вы тут, что ли, регенты, а? Больше на пугала похожи, даром что молодые. Ладно, у нас на борту уйма всякой всячины, и мы хотим, чтобы это поскорее сгрузили. Гавань ваша для нас маловата, а в море, ежели судить по ветру, скоро разразится шторм.

— Что тебе требуется от нас?

— Всего-навсего печать на бумагах о разгрузке. Вам самим не стоит и утруждаться, ее может приложить любой писец, который смыслит в действующих...

— На настоящий момент писцов у нас здесь меньше, чем регентов. Разгружайтесь, а мы там разберемся с бумагами.

Не успевает Креслин договорить, как торопыга-капитан уже спешит на свое судно. Перед юношей стоит крепкая черноволосая женщина со странно знакомой улыбкой. Где они виделись? Ему никак не удается вспомнить это.

— Капитан стражей Шиера. Регент Креслин. Регент Мегера,— каждый из соправителей удостаивается легкого кивка.

— Были ли у вас затруднения с магами? — спрашивает Креслин.

— Нет,— с усмешкой отвечает женщина,— может быть, потому, что мы убедили капитана идти под нашим флагом,— она указывает на среднюю мачту.— Правда, одна военная шхуна следовала за нами, но отстала на полпути к заливу.

Приметив на фоне лазоревого неба скрещенные черно-серебряные молнии, Креслин улыбается ей в ответ:

— У тебя, кажется, полный отряд?

— Два с половиной взвода, но по большей части новобранцы.

— Вы, наверное, привезли кое-какие припасы. Можно приниматься за разгрузку?

— Тут не помешали бы лошади и телеги. Целительница... Она... проявила незаурядную настойчивость. Мы привезли полевые пайки из расчета на три месяца, лекарства, семена и старое, но вполне годное к употреблению оружие, которого хватит еще на два взвода.

Креслин молчит, но Мегера улавливает его изумление.

— И это не все. В Сутии целительница закупила множество инструментов для обработки дерева и камня, а передний трюм наполовину забит строительной древесиной. Вроде бы такой, какая не годится для нашего холодного климата. Во всяком случае, маршал объяснила отправку ее сюда именно так.

— Вот где настоящее волшебство! — со смехом восклицает Креслин.

Шиера смеется вместе с ним. Спустя мгновение она поворачивается к кораблю:

— Начать разгрузку!

Креслин обводит взглядом выстроившихся на палубе в полном боевом облачении стражей, примечает кучку — не более дюжины — детей и консортов. А вот и фигура в зеленом — он ожидал, что увидит ее. Клеррис уже на палубе и обнимает Лидию, и у Креслина начинает щипать глаза. Он снова переводит взгляд на Шиеру. Со спины капитан стражей определенно кого-то ему напоминает...

— Это не просто политика,— замечает Мегера, придвинувшись ближе к его плечу.— Кажется, маршал нашла единственный способ сказать тебе о своей любви.

Креслин не отвечает, потому что сказать ему нечего. Он смотрит, как Клеррис и Лидия отстраняются друг от друга, улыбаясь совершенно одинаковыми улыбками. Они не держатся за руки, но близость между ними и без того очевидна.

Открывается люк носового трюма, и два матроса закрепляют над ним ручную лебедку.

— Мегера, ты не хотела бы составить компанию капитану стражей Шиере? — спрашивает Креслин. В действительности это не вопрос, поскольку у него нет сомнений: иметь дело с воительницами из Западного Оплота лучше не ему, а именно ей.

— Да, конечно, ведь капитан, надо думать, предпочитает не... Хотя,— тут ее лицо озаряет на редкость ясная улыбка,— пожалуй, мы оба можем вызывать у нее некоторое беспокойство.

Креслин тоже искренне улыбается, что в последние дни случалось нечасто.

— Мы могли бы... Впрочем, тогда мне пришлось бы объяснять, как обычный мужчина ухитрился сбежать из Западного Оплота, а тебе, наверное, пришлось бы что-нибудь поджарить в знак серьезности своих намерений.

— Решено, беру стражей на себя,— холодно произносит Мегера, оставив Креслина недоумевать: чем он прогневил ее на сей раз?

— Чтобы женщину уважали, ей не обязательно прибегать к силе или к магии,— отвечает на невысказанный вопрос Мегера, глядя мимо него на пристань, где строятся сошедшие на берег стражи.

— Я имел в виду не это...— извиняющимся тоном бормочет Креслин.

— Ну, конечно... суженый,— она качает головой.

По трапу спускаются Черные. Лидия несет черный кожаный футляр, который кажется ему знакомым.

— Креслин, позволь представить тебе...— начинает Клеррис.

— Мы уже знакомы,— мягко перебивает его юноша.— Мне ли не помнить Лидию, ведь я обязан ей жизнью, если не большим,— Креслин кланяется. Он не кланялся никому с тех пор, как покинул Западный Оплот, но целительница бесспорно заслуживает этого.

Однако она краснеет, да и на лице Клерриса появляется смущение.

— Это большая честь, Креслин... тем паче от регента,— произносит Лидия тоном, который не вполне ему понятен.

— Коли он способен на такой знак уважения, для него, пожалуй, еще есть надежда,— язвительно бормочет Мегера.

— Лидия, позволь представить тебе Мегеру, мою соправительницу и суб-тирана Сарроннина.

— Рада познакомиться. Тиран проявила готовность помочь острову.

— Дражайшая сестрица? В чем же проявилась ее щедрость?

— В обещании поставить зерно, оливки и строительные материалы... после завершения сбора урожая.

— О! Буду ждать с нетерпением.

Креслин молча кивает, прекрасно понимая смысл такой отсрочки. Риесса поддержит их лишь в том случае, если они, невзирая на козни магов и прочие напасти, продержатся до осени, то есть докажут способность выжить самостоятельно.

— Прости, Лидия, но я должна распорядиться насчет устройства стражей,— говорит Мегера.— Буду рада поговорить с тобой попозже.

Она направляется к Шиере, которая по-прежнему кажется Креслину неуловимо знакомой, а Лидия подает юноше черный футляр.

— Это от маршалка.

Креслин сдвигает брови, силясь сообразить, что бы такое могла послать ему Ллиз, но, приняв футляр, тут же понимает, что там гитара. С чего бы это?

— В футляр вложена записка.

Креслин, однако, решает, что не стоит читать записку прямо на пристани, тем более что к нему спешит капитан корабля.

— Прошу прощения, но, похоже, у меня еще есть кое-какие дела.

— Если хочешь, мы с Лидией отнесем гитару в башню,— предлагает Клеррис.

— Был бы весьма благодарен.

— Регент Креслин! Регент Креслин!

Улыбнувшись целительнице и Черному магу, юноша поворачивается к нетерпеливому капитану, держащему в руках ворох пергаментов.

LXXXI

— Физически ты подготовлена совсем неплохо для начинающей. Но...— Мегера поднимает брови, ожидая, что же скажет капитан стражей,— ...но не знаю, сумеешь ли ты за три месяца или полгода освоить то, чему у нас учатся всю жизнь.

— Сумею! — заявляет Мегера.— У меня нет выбора.

— Но ведь Креслин не так уж и суров. Моя сестра уверяла, что у него доброе сердце.

— Не в нем дело. Как раз от него мне защищаться не требуется. К тому же я видела его в бою и вынуждена признать: каковы бы ни были мои успехи, едва ли я смогу взять над ним

верх в поединке. Но научиться этому я должна,— Мегера берется за белый деревянный меч.— С чего начнем?

В ответ капитан стражи поднимает брови:

— Разумеется, с самого начала. С того, как ты держишь оружие...— рыжеволосая слабо улыбается, но позволяет Шиере переставить ее пальцы.— ...И с того, как ты стоишь.

Мегера понимает, что обучение будет стоить ей синяков и шишек, но эта боль не идет ни в какое сравнение с огнем, оставившим шрамы на запястьях.

— Начнем, но смотри — не пожалей...

Возможно, ей и впрямь придется несладко, однако время сожалений миновало. Приняв решение, Мегера гонит прочь все посторонние мысли и полностью сосредоточивается на сложном искусстве боевой стойки и хватки за рукоять.

LXXXII

Человек в серых кожаных штанах и линялой зеленой рубахе с обрезанными выше локтей рукавами долго стоит на краю пристани, глядя на взбухающее за волноломом море и захлестывающие камни белые буруны. На пристань падает тень западных холмов. Скоро закат. Креслин поворачивается к западу, где туманные облака уже начинают ловить оранжевые и розовые отблески готового погрузиться в море за высокими склонами солнца, бросает последний взгляд в сторону Башен Заката и уходит.

Стоптанные сапоги словно бы сами собою несут его от причала к недостроенной гостинице, где под крышу подведена лишь общая зала, служащая питейным заведением. Завершение жилых помещений задерживается — отчасти из-за неточностей в плане, но прежде всего потому, что, выполнив самую, как им кажется, важную задачу, солдаты заметно подрастеряли интерес к строительству. А вот стражи из Оплота, как ни странно, стали помогать в возведении на утесе резиденции для регентов, причем с таким рвением, что уже закончили несущие стены и перегородки, сделав всего за восемь дней больше, чем Креслин чуть ли не за три месяца.

Стражи, которые работают с Мегерой над расширением башни, добились еще больших успехов. Она находит с ними общий язык, и не только в обучении боевыми искусствами.

Покидая пристань, Креслин проходит мимо двух рыбаков, складывающих для просушки сети.

— Добрый вечер, господин,— говорит седовласый мужчина, лишь на миг подняв глаза от своих снастей.

— Добрый вечер,— с улыбкой отвечает Креслин.— Готовитесь к завтрашнему лову? В море, видимо выйдете спозаранку?

— Иначе нельзя, если не хочешь остаться без улова.

Другой рыбак, посмуглее и помоложе, лишь молча кивает, однако, удаляясь, Креслин слышит позади шепот:

«...слышь, регент-то новый, с этой рыжей ведьмой...»

«...что он колдун, что она колдунья...»

«...может, оно и лучше. Колдунам сподручней...»

«...может, и лучше...»

Креслину хочется надеяться, что рыбак, поверивший в способность «колдунов» наладить лучшую жизнь, не просчитался.

Остановившись у недостроенной гостиницы, юноша осматривает уже покрытый черепицей угол и движется дальше, огибая кучи грубо обтесанных камней. В общем зале сложен камин, а пол замощен каменными плитами, которые осталось лишь скрепить раствором. Окна пока не имеют ни стекол, ни ставней, но близится лето, а в жаркую погоду можно обойтись и без этого.

Однако Клеррис уверяет, что прибрежный песок к востоку от гавани вполне пригоден для производства дымчатого стекла, а застекленные окна позволят нормально жить и в гостинице, и в цитадели круглый год.

Строительство разом трех зданий, попытка вырастить урожай на нескольких полях и вернуть к жизни пару запущенных садов отнимают у Креслина большую часть времени, а немногое оставшееся занимают физические упражнения да беседы — с Шиерой, Хайелом, Мегерой, Лидией и Клеррисом. Беседы о том, чем еще ему стоит заняться.

Глубоко вздохнув, он ступает на затененный участок склона и начинает подниматься к резиденции. По пути он снова вспоминает о записке от Ллиз. Несколько торопливых слов, которые могут означать что угодно... или ничего. Слова, которыми он не поделился ни с кем, но которые врезались в его память.

«Креслин!

Есть нечто, чего не завоюешь ни холодной сталью, ни черными бурями. Возможно, это напоминание принесет тебе пользу.

У нас все здоровы, но ночами я прислушиваюсь к тишине в надежде услышать слова, которые некому пропеть, кроме тебя. Если будет на то милость ангелов, осенью, после подсчета припасенного на зиму, мы направим тебе еще один корабль.

Ллиз».

«Нечто, чего не завоюешь холодной сталью,— бормочет он.— Например, Мегера...»

Только сейчас, задумавшись обо всем этом, он соображает, что до сих пор и словом не обмолвился Мегере о своем умении играть на гитаре и петь. Собственно говоря, покинув Оплот, он пел толь-ко однажды, для дочери торговца Лоркас, уверявшей, что его ждет принцесса. Губы юноши кривятся. Без принцессы и вправду не обо-шлось, но все вышло совсем не так, как представляла себе Лоркас.

Ну что ж, придет время, и гитара тоже пригодится. Креслин давно убедился в том, что лишних навыков и умений не существует. Это должно относиться и к музыке.

В тот миг, когда приходит эта мысль, Креслину слышится у дороги какой-то глубокий звук, на который накладывается эхо его шагов. Он останавливается и прислушивается. Ничего — только шелест волн, набегающих на узкую полоску песка под отвесными черными скалами восточного побережья.

Сквозь сумрак он видит впереди свет лампы. Мегера дома. Вздохнув, юноша прибавляет шагу и скоро ступает на террасу.

— Мегера! — окликает Креслин, открывая дверь уже подведенной под крышу, но еще не отделанной парадной приемной. Не дождавшись ответа, он закрывает за собой дверь, пересекает неосвещенный зал и, оказавшись в коридоре, ведущем к спальням, останавливается у ее двери.

— Мегера!

— Заходи.

Рыжеволосая сидит на топчане, покрытом стеганым одеялом. Помимо топчана в спальне находятся табурет и узкий стул с решетчатой спинкой. Вычищенная и отполированная латунная лампа проливает свет на безупречно подогнанные каменные плитки и плетеный травяной коврик.

— Как прошел день? — спрашивает Креслин, опускаясь на маленький, но прочный табурет.

— Немного устала...

Юноша обращает внимание на ее застегнутую до горла на все пуговицы блузу с пышными, длинными рукавами, закрывающими запястья... Оно и немудрено, когда надо жечь древесный уголь.

— Древесный уголь — это чтобы варить стекло?

Мегера кивает:

— Да. Дело идет, но медленно. Вот будет готова печь, тогда некоторые из стражей смогут взять это на себя. А как у тебя?

— Мы использовали имевшееся стекло. Питейный зал уже готов и кухня в тоже. Задержка с жилыми помещениями и прихожей,— даже отвечая на вопрос, Креслин не может не думать о том, что же она от него скрывает.— Чем занималась с Шиерой?

— Ничем особенным. Я просто стараюсь, как могу, освоить искусство стражей.

— Ну а что ты утаиваешь от меня? — с ухмылкой спрашивает Креслин.

— Да пропади ты пропадом! — взвивается Мегера.— Пропади со всеми потрохами и со своей дурацкой честностью! Ненавижу тебя! Убирайся!

— А что я такого сделал?

— Дело не в том, что ты сделал, а в том, каков ты есть. Расселся здесь, ухмыляешься, а сам испорчен насквозь. Настолько, что сам этого не понимаешь. Проваливай!

Юноша с серебряными волосами выходит, закрывает за собой дверь и слышит, как внутри задвигается засов. Вернувшись в свою пустую спальню, он долго, уже после того как в соседней комнате гаснет свет, стоит в темноте у окна, прислушиваясь к шепоту бриза и глядя, как облака затягивают темное поле, усеянное сияющими звездами, из которых Северная ярче всех.

LXXXIII

Подавшись вперед, Мегера подставляет свой деревянный меч под клинок младшего стража, скользящим движением обводит его и делает выпад.

— Выпад получился неплохо, но по завершении удара ты не вернулась в стойку,— замечает старший дежурный страж.— Забудь о том, что это учеба, и действуй как в бою, когда ты должна убить, чтобы не убили тебя.

Рыжеволосая утирает лоб и обводит взглядом двор, служащий стражам из Западного Оплота тренировочной площадкой. Три других пары стражей продолжают упражнения — никто из них даже и не посмотрел в ее сторону. Остальные женщины из отряда, не считая трех, работающих с Креслином на утесе, заняты приведением в порядок жилых помещений, предназначенных для них самих.

С чего тем трем воительницам вздумалось помогать ему, Мегера не знает и предпочитает не забивать себе этим голову. Отгоняя посторонние мысли, она сжимает рукоять тренировочного меча и тут же слышит замечание:

— У тебя пальцы побелели. Не стискивай рукоятку меча так сильно.

Мегера ослабляет хватку, одновременно думая о предстоящей встрече с Креслином и Лидией. По поводу стекла.

— Попробуй еще раз,— говорит ей страж,— и помни: даже если ты сразила противника, это не значит, что рядом не окажется другого, готового нанести удар.

Резко кивнув, она переходит к следующей паре, присматривается к движениям сражающихся:

— Если вам обеим не терпится расстаться с жизнью в первой же схватке, то можете продолжать в том же духе...

Глубоко вздохнув, Мегера возвращается на исходную позицию и взмахом деревянного клинка дает понять, что готова. Если Клеррис прав, то довольно скоро меч может оказаться единственным доступным ей средством защиты.

Плечи ее отчаянно ноют, а синяков и ссадин на руках куда больше, чем она могла себе представить. Но никто об этом не догадывается. Ведь теперь на ней всегда блуза с длинными рукавами.

— Не только... стражи из Оплота... умеют... биться... насмерть...— сбивчиво выкрикивает она, отбивая удары.

На сей раз она не атакует, а защищается.

— Все в порядке, госпожа? — спрашивает младший страж, юная девушка, едва достигшая возраста, позволяющего поступить на службу.

— Все прекрасно. Давай еще разок.

Однако упражнения пора заканчивать: ей нужно идти. Времени отчаянно не хватает, и Мегера может лишь удивляться тому, как Креслин ухитряется управляться разом со столькими делами. Но у нее все равно перед ним должок, должок за его свиноголовость и неспособность ее понять.

— Будь проклят...— шипит она, выписывая клинком оборонительные восьмерки. Когда Мегера представляет себе на месте младшего стража Креслина, меч ее начинает двигаться с удвоенной быстротой. А того, что желудок скручивает узлом, она предпочитает не замечать.

LXXXIV

Лучи послеполуденного солнца, пробившись сквозь затянувшие северо-западный небосклон тучи, падают в узкое окошко старой части ныне расширенной цитадели.

— С общим залом вышло не то,— хмуро бормочет Хайел.— Питейное заведение работает, но вовсе не так, как было задумано. Мои ребята сидят в одном углу, ейные стражи — в другом, и одни косятся на других с неприязнью. Хорошо хоть, до драки не доходит. Довольны только рыбацкие жены, устроившиеся в заведение подавальщицами. Чем меньше люди разговаривают, тем больше пьют. Правда, и выпивки в обрез, с этим тоже могут возникнуть затруднения.

— Ну, пусть тогда твои люди... Не знаю, неужто нельзя чуточку потерпеть без пьянства? Как только в садах созреют пло-

ды, часть их можно будет пустить на хмельное. Или...— Креслин задумывается о других растениях.— Тут на утесах растут пурпурные ягоды. Вкуса никакого, но если сок перебродит, получится то что надо. Скажи, а кто-нибудь из твоих гонит самогон?

— Есть такие,— признает Хайел.— Но не думаю, чтобы тебе захотелось пить эту дрянь.

— Любое пойло можно довести до ума, если приложить старание. Распорядись, чтобы им зачлось по полнаряда за сбор ягод для последующего сбраживания. Когда напиток будет готов, позови Мегеру и Клерриса: они обработают бочки, так что питье станет вполне приемлемым.

Удивительно, но чем больше удается сделать, тем больше встает новых задач. Стоило расширить цитадель, как возникли вопросы об отсутствии некоторых необходимых удобств и нехватке постельного белья. А теперь вот приходится думать еще и о винокурении да пивоварении!

Креслин пожимает плечами. Мегера с Шиерой рьяно взялись за расширение цитадели, благо Лидия привезла из Сутии необходимые материалы и инструменты. Теперь крыша над головой есть, можно сказать, у всех, но как обеспечить всех еще и постельными принадлежностями? Ни льна, ни хлопка на острове не растет, да и прядилен с ткацкими мастерскими покуда не заведено.

Во всей этой утомительной каждодневной рутине, когда приходится вникать во все хозяйственные мелочи и работать, разрываясь на части, чуть ли не круглые сутки, ему немало помогает здравый подход Мегеры.

— Нам это нужно? А к какому времени? — спрашивает она по десять раз на дню, стоит завести речь об очередной насущной нужде. И она права: необходимо уметь выделять самое важное и определять очередность.

Креслину хочется, чтобы все делалось сразу, но при таком подходе магия, как выясняется, почти бесполезна. Например, Креслин выучился у Клерриса способам усиления гармонического начала в растениях, что стимулирует рост и способствует плодоношению. Но прежде чем гармонизировать растения, нужно провести сев и получить хотя бы проростки. Хорошо еще, что ему удалось убедить нескольких предприимчивых консортов, горстку рыбачьих жен и двух увечных рыбаков расчистить, вспахать и засеять давно заброшенные нивы на нижнем плато к северу от гавани. Лидия обнаружила там пару источников, и будущие фермеры, прорыв каналы, повели к полям воду.

Потирая натруженные плечи, Креслин размышляет о том, найдет ли когда-нибудь время довести до ума их с Мегерой дом, в котором сейчас отделаны лишь две спальни, а гостиная, так

называемый кабинет, столовая и кухня остаются незавершенными.

— Ну,— устало соглашается Хайел,— это, пожалуй, сгодится. Во всяком случае, на первое время. Однако выпивка выпивкой, а взаимная неприязнь — совсем другое дело. Они по-прежнему будут пить и смотреть друг на друга косо.

— А как насчет менестреля?

— Ну, менестрель... Кто к нам сюда потащится? Во всяком случае сейчас.

Юноша с серебряными волосами рассеянно кивает, вспоминая о записке своей сестры.

— Как раз тут, может быть, что-то и получится. На худой конец, стоит попробовать.

— Ты о чем?

— Да так... Встретимся в общем зале после ужина.

Рослый начальник гарнизона поднимается с весьма озадаченным видом.

— Это либо сработает, либо нет,— бросив с улыбкой эту маловразумительную фразу, юноша направляется к дому на утесе.

Он окликает Мегеру, но ответа нет, и ни в доме, ни поблизости не ощущается чьего-либо присутствия.

Забрав гитару, Креслин облокачивается на ограду спиной к низкому солнцу и пробегает пальцами по ладам. Хотя руки его теперь в мозолях, подушечки пальцев вовсе не такие жесткие, как были когда-то. Спрятав гитару в кожаный футляр, юноша припоминает песни — немногие сочиненные им самим и множество выученных, в первую очередь, слышанных от другого певца с серебряными волосами.

Пока Креслин предается размышлениям и воспоминаниям, солнце прячется за холмы, но Мегера так и не появляется. Впрочем, это не удивляет, ведь в последнее время она почти не расстается со стражами из Оплота, а оставшееся время проводит в беседах с Лидией. Ночует, правда, в своей спальне, но даже обедает в цитадели, в компании Шиеры.

По приближении сумерек Креслин берет гитару, спускается вниз и направляется в общий зал недостроенной гостиницы.

— Что это? — удивляется Хайел.

— Гитара. Говорят, музыка способствует сближению.

Вместе они заходят в открытую дверь в западном, почти завершенном крыле здания. Правда, окна пока обходятся без стекол и ставней, но Клеррис с Мегерой уже сложили маленькую печь, а Черный маг обещает, что стекло, пусть толстое и мутное, скоро будет.

Войдя в зал, Креслин выжидает, когда его глаза приспособятся к сумраку. Помещение слишком велико, а освещают его

лишь с полдюжины небольших ламп, позаимствованных, как подозревает юноша, из цитадели и заправленных, судя по запаху, чем-то вроде рыбьего жира.

Проморгавшись, Креслин подтаскивает прямо к двери колченогий стол, тоже раздобытый где-то Клеррисом, и поворачивается к Хайелу:

— Ты не мог бы найти мне какой-нибудь табурет?

Капитан выразительно качает головой, однако не возражает, а направляется к помещению, которое должно будет стать кухней, а пока служит кладовкой для хранения хмельных напитков, засохшего сыра и раскрошившегося печенья.

«...ишь, заявился. Что его сюда занесло...»

«...колдунья его вечно сидит с этими суками, а этот и вовсе один уселся...»

Не обращая внимания на перешептывание солдат, Креслин смотрит в угол, где среди коротко остриженных стражей резко выделяется длинными огненно-рыжими волосами Мегера. Заметив его, она тут же отводит взгляд, но все же в ее холодных глазах мелькает недоумение.

— Вот... лучше тут не достать,— Хайел ставит перед столом грубо сколоченный табурет.

— Сгодится,— Креслин выносит табурет на свободное пространство между столами, достает из футляра гитару и садится.

В зале воцаряется тишина.

Перебирая струны, юноша жалеет, что не попрактиковался перед этим выступлением, хотя времени на это у него попросту не было. Он еще раз оглядывает помещение. Стражи из Оплота тесной кучкой сидят за грубыми столами возле обращенной к морю стены, а монтгренские солдаты собрались перед открытыми оконными проемами, сквозь которые, неся с собой из гавани запах соли и рыбы, проникает прохладный морской бриз.

С неуверенной улыбкой, в ответ на которую не улыбается никто, даже сидящая рядом с Шиерой Мегера, Креслин говорит:

— Вкусы у разных людей разные, а я знаю не так много песен, которые одинаково понравились бы и в Монтгрене, и в Западном Оплоте. Так что слушайте те, которые придутся вам по душе, а на другие попросту не обращайте внимания.

Его пальцы касаются струн, и в зале звучит песня.

В горах, куда доступа нет мужчинам,
Поставили ангелы грозных стражей.
Хоть скованы льдом студеным вершины,
Тех стражей сердца холоднее даже;

В руках тех женщин клинки стальные,
Средь вечных снегов на пост они встали,
Они прекрасные и живые,
Но их сердца холоднее стали.

С вершин, где солнца нечасты блики,
Куда чужой не найдет дороги,
Где к небу свои бесплодные пики
Закатные вздымают Отроги,—
Оттуда, где реет Оплота знамя,
Воительниц нисходят отряды
С мечами, разящими словно пламя,
Неотвратимо и без пощады.

И если дерзнешь добраться дотуда,
То кровь твоя лед утесов согреет,
И тело твое не найдут, покуда —
Покуда горы не постареют,
Доколе камень не раскрошится,
Не стают снега, лежащие ныне;
А стражи, которых весь мир страшится,
Пребудут в могучей своей твердыне.

Они же в замке пребудут этом,
Пока поседевшее мироздание
Не позабудет о демонах света
И обо всем, что гласит Прёдание.
И пока моя песня в глубинах ночи
Не сгинет вся, до последнего слова,
Не дерзнет никто из юношей очи
Поднять к обители их суровой...

В горах, куда доступа нет мужчинам,
Поставили ангелы грозных стражей,
Хоть скованы льдом студеным вершины,
Но тех стражей сердца холоднее даже.
Они останутся в замке этом,
Пока поседевшее мироздание
Не позабудет о демонах света
И обо всем, что гласит Предание.

И пока моя песня в глубинах ночи
Не сгинет вся, до последнего слова,
Не дерзнет никто из юношей очи
Поднять к обители их суровой...

Когда Креслин умолкает и серебряные, лишь с легким налетом меди ноты тают в воздухе, в зале воцаряется тишина. Никто не только не говорит, но, кажется, даже и не дышит.

Ничего не говорит и сам юноша; вместо того он снова берется за гитару.

...Любовь сияла белизной
Голубки белокрылой,
Но так прекрасен был другой,
Кто разлучил нас с милой...

Закончив, юноша делает паузу и, надеясь, что не перепутал слова, потирает отвыкшие от струн пальцы.

— ...Еще,— доносится из зала едва слышный шепот.— Еще...

Креслин поудобнее устраивается на табурете.

...Менестрель, с дырявой котомкою
За любовью шагающий вечною!
Что в котомке твоей — птицы певчие
Или музыки золото звонкое?..

Эта незатейливая песенка вызывает улыбки на лицах герцогских солдат, а вот стражей из Оплота, похоже, оставляет равнодушными. Подумав, Креслин заводит другую, на ходу припоминая слова:

Не спрашивай меня, каков мужчина!
На лесть он падок и душой изменчив;
Кокетлив, вздорен, склонен к пустословью;
Но что с него возьмешь — ведь он мужчина!

Не спрашивай меня, каков мужчина!
Ему носить пристало в ножнах веер
И взоры госпожи ловить покорно...
Но что с него возьмешь — ведь он мужчина!

Песня, пропетая с нарочитым нажимом, вознаграждается сардоническими усмешками монтгренских солдат и довольным смехом старших стражей из Оплота.

Пальцы Креслина болят, в горле пересохло. Используя паузу, чтобы припомнить еще хоть пару песен, он озирается, и Мегера подает ему маленькую чашку сока. Она бледна как мел.

— С тобой все в порядке? — спрашивает юноша.

— Все нормально. Я подумала, что тебе не помешает смочить горло,— отвечает она и садится на свое место рядом с Шиерой.

Пока Креслин пьет, в помещении царит выжидательная тишина. Вздохнув, певец ставит пустую чашку рядом с табуретом и вновь касается струн.

Давно утрачен Небосвод,
Но честь хранит поныне
Клинков отточенных Оплот,
Священная твердыня...

Когда стражи начинают ему подпевать, он едва не сбивается, но удерживает ритм. Песню заканчивают хором.

Стоит ей отзвучать, Креслин поворачивается к солдатам Хайела:

— Я с удовольствием исполнил бы и ваши песни, но, признаюсь, мне пришлось покинуть герцогство раньше, чем я успел выучить хотя бы одну. Может быть, кто-нибудь из вас... кто-нибудь споет, а я подыграю.

Из-за стола нерешительно поднимается темноволосый парень — Торкейл.

— Вообще-то петь я не мастак...— его товарищи встречают это заявление дружным гоготом.— ...Но несколько песенок знаю.

Взглянув в сторону стражей, Креслин видит, что их суровые лица смягчились. Конечно, сближение столь разных людей будет делом нелегким и потребует немало времени, но надо же с чего-то начать.

По горам, по долам, по лесам и болотам
Герцог со свитой скакал на охоту...

Певец из Торкейла и впрямь неважнецкий, однако Креслину удается подобрать мелодию, и вскоре песню подхватывают более сильные голоса.

Отыграв еще две мелодии, юноша, пальцы которого уже сбиты чуть ли не в кровь, поднимается с места.

— Я с удовольствием уступлю гитару любому...

Больше всего он боится, что гитару никто не возьмет, но страхи оказываются напрасными. Статная женщина из числа стражей выступает вперед, и Креслин с облегчением занимает место за пустым столом.

У стража оказывается прекрасный голос, великолепное чувство ритма, и начинает она не с марша, а со старинной баллады.

Креслин поднимает чашку, и одна из подавальщиц тут же наполняет ее соком. Юноша делает глоток раньше, чем успевает сообразить, что у него нет с собой ни монеты.

— Не думаю, что милостивый господин должен платить за питье в собственной таверне,— с улыбкой произносит женщина,— тем паче после такого прекрасного выступления.

К столу Креслина приставляют еще два стула, на которые усаживаются Мегера с Шиерой. Стоит юноше поднять глаза, как Мегера знаком подзывает Хайела, который берет стул, наскоро сколоченный несколько дней назад из обрезков строительных досок. Капитан островных солдат занимает место слева от регента.

— Я и не знала, что ты еще и певец,— в словах Мегеры слышен укор.

— До сих пор у меня не было случая рассказать, да ты ни о чем таком и не спрашивала,— рассеянно отвечает Креслин. Его все еще занимает поющий страж с гитарой.

— Фиера рассказывала, что, когда он начинал петь у себя в комнате, весь коридорный караул тайком собирался у его дверей, чтобы послушать,— говорит капитан стражей с неожиданной теплотой в голосе.

У юноши отвисает челюсть. Фиера? Шиера? Не потому ли эта немолодая женщина кажется ему знакомой, что она с Фиерой в родстве?

— Фиера,— решается спросить Креслин,— она тебе кем доводится?

— Младшей сестрой. Она много рассказывала о тебе, может быть, даже слишком много.

— Как она поживает?

Мегера напрягается, но Креслин не обращает на это внимания.

— Отправилась с отрядом в Сарроннин. Должна вернуться в этом году, но попозже.

— А откуда здесь взялась гитара? — интересуется Хайел.

— Гитара моя,— отвечает Креслин.— Я оставил ее в Оплоте... а Лидия, целительница, привезла. По просьбе моей сестры Ллиз — та решила, что гитара мне пригодится.

— Ты никогда не играл на людях? — спрашивает Шиера с такой улыбкой, как будто знает ответ.

— Не доводилось. Да и побаивался, хотя музыка порой помогает. Вторая песня, там, где про голубку, пожалуй, спасла меня от Белых магов.

— Надо же, он побаивался. Что-то по тебе незаметно,— с холодком замечает Мегера.

— Страх испытывают все,— медленно отвечает он,— но рожденные в Западном Оплоте его не выказывают.

Мегера переводит взгляд на капитана стражей, и Шиера кивает.

— Да, чувствовать страх человек может, но никто не должен позволять страху сказываться на его действиях. Кстати, это одна из причин, по которым женщины лучше подходят для роли стражей, чем мужчины. Последние слишком часто пытаются скрыть страх за показной бравадой и идут на напрасный риск. Нас учат осознавать свой страх и, осознав, оставлять его в стороне.

Заслышав слова о склонности мужчин к «показной браваде», Хайел поднимает брови, но ничего не говорит и лишь делает из глиняной кружки большой глоток.

Гитара звенит, наигрывая ритмичный марш. И мужчины, и женщины за обоими столами поддерживают ритм хлопками в ладоши.

LXXXV

Чувствуя, что к ноющим мускулам добавилась еще и боль в пальцах, Креслин встает и, вымучив улыбку, говорит:

— Я, пожалуй, пойду вздремну.

Лидия переглядывается с Клеррисом.

— Надеюсь, ты нам еще сыграешь,— говорит Хайел.— Было здорово, мы получили настоящее удовольствие.

Пожимая плечами, Креслин берет гитару и ослабляет струны, после чего прячет инструмент в футляр. Прикосновение к защелкам лишний раз напоминает ему, как давно он не касался струн.

Хотя воины из Монтгрена и Оплота по-прежнему сидят за разными столами, они уже не ворчат и смотрят друг на друга без признаков враждебности. Креслин надеется, что со временем сюда будут приходить не только одинокие солдаты и стражи. Люди начнут отдыхать здесь целыми семьями.

— Да, мы все надеемся снова услышать твою игру,— вторит Хайелу Шиера.

— Мне нужно поговорить с тобой,— тихим, усталым голосом произносит Мегера.

— Сейчас?

— Дома. Я долго здесь не задержусь.

С ее лица так и не сошла мертвенная бледность, и Креслин беспокоится: она слишком выкладывается и, наверное, переутомилась. Разумеется, Мегера тотчас слышит его мысли:

— Прекрати. Прекрати, пожалуйста...— Мегера направляется к нему, но неожиданно ее останавливает Клеррис:

— Можно задержать тебя на минуточку?

— А это не может подождать до завтра?

— Боюсь, что нет.

Креслин вздыхает с облегчением, поскольку иметь дело с раздраженной Мегерой теперь придется Клеррису. Однако все равно он чувствует себя виноватым. Его догоняет Лидия:

— Не возражаешь, если я немножко пройдусь с тобой? Я должна тебе кое-что сказать.

Юноше не нравится тон, которым произнесены эти слова.

— Не возражаю. Ну, где я еще прокололся?

— Прокололся?

— Ну, дал маху... Короче, что я сделал не так? В последнее время вы с Клеррисом только и делаете, что тычете меня носом в мои ошибки.

— Положим, мы делаем не только это, а ты не больно-то прислушиваешься к нашим упрекам,— с полушутливым укором говорит целительница, приноравливаясь к его шагу.

— Наверное, я их заслуживаю. Но что не так на сей раз?

— Мегера. Сегодня вечером ты огорчил ее, и уже не впервые.

— Опять? Что бы я ни делал, все не по ней. Разговариваешь с ней — злится, молчишь — злится еще пуще!

— Креслин...— мягкий укор в голосе женщины несколько охлаждает юношу.

— Да? — устало произносит он.

— Мегера твоя жена.

— Не более чем по названию.

— А ты когда-нибудь спрашивал ее, почему?

— Нет, тут и так все ясно.

— А говорил ты ей о любви?

— А это нужно?

Лидия фыркает.

— Чего смешного,— ворчит он,— понятно же, что всякие слова бесполезны. Она и без слов чувствует, что, глядя на нее, я не могу ее не хотеть, и от этого приходит в ярость.

— Предположим. А что чувствовал ты, всякий раз, когда шел через пиршественный зал Западного Оплота?

Креслин судорожно сглатывает.

— То-то и оно... А ведь ты не ощущал помыслов и желаний стражей, просто видел их лица и слышал шепотки. А каково бы тебе пришлось, знай ты, что за мысль кроется за каждым словом?

Тон целительницы холоден, точно северные звезды. Ее слова разят, словно клинок, прямо в сердце. Юноша отмалчивается, чувствуя, как начинает щипать глаза.

— Твоя жена — пусть она стала твоей женой только благодаря козням Риессы — за все это время слышала от тебя разве что парочку теплых слов. Ты никогда не ухаживал за ней, не старался ей понравиться, и она чувствовала лишь твое постоянное вожделение. Разве это поможет сблизиться? Поможет ей понять, что ты ей любишь?

Креслин ежится, ибо слова целительницы подобны ледяным ветрам, какие ему случалось вызывать с Крыши Мира.

— При всяком удобном случае ты демонстрируешь очередное умение, а сегодня вечером задел ее особенно сильно. Ты пел песни любовные и военные, шутливые и серьезные, марши и балла-ды, на глазах у всех вкладывая в них свою душу. Раскрывая себя перед людьми почти незнакомыми, почти чужими. А она, женщина, которую ты вроде бы любишь, никогда не слышала твоего пения, даже не подозревала о подобном таланте. Как ты думаешь, ее это сильно обрадовало?

— Хм... едва ли.

— Вот именно,— голос Лидии звучит теперь несколько мягче.— Так что если сегодня вечером она снова обрушит на тебя свой гнев, ты должен понять его причину.

— Ну, пойму. А дальше-то что делать?

— Прежде всего — выслушать все то неприятное, что она тебе скажет. Осмыслить услышанное и воздержаться от ответных уколов. Не демонстрировать ни превосходства, ни чувства вины, а просто объяснить ей, что до сих пор действительно не понимал, что творится в ее душе, и теперь постараешься исправить это, относясь к ней как к другу.

— Не знаю, получится ли...

— Если не получится,— произносит Лидия, резко остановившись,— вы оба не доживете до конца лета. Доброй ночи, Креслин.

Она уходит, и шаги ее так легки, что их заглушает мягкий шелест набегающих на песок волн и трели цикад.

Некоторое время Креслин стоит, надеясь расслышать то ли удаляющиеся шаги Лидии, то ли приближающиеся шаги Мегеры, но так ничего и не услышав, медленно бредет вверх по склону. Дома он зажигает лампы, сначала в своей, а потом и в ее комнате.

В открытое окно веет прохладой.

Лампы горят и горят, а Мегера все не идет. Неужто опять решила провести ночь со стражами? Не из-за того ли, что нечто в его поведении заставило ее подумать, будто ему это безразлично?

Выйдя на террасу, Креслин тянется чувствами к ветрам и уносится ввысь вместе с морским бризом. Ему трудно сказать, сколько это продолжается, но юноша полностью возвращается в себя лишь ощутив появление Мегеры. Он встречает ее на пороге гостиной.

— Добрый вечер,— говорит он.— Я хотел убедиться, что ты благополучно добралась до дома.

— А кто мог бы мне помешать?

— Наверное, никто. По правде, мне просто надо было что-то сказать. Кстати, ты ведь хотела со мной поговорить.

— Это все ерунда. Какой смысл? Ты не слушал меня раньше, так с чего бы тебе вздумалось слушать теперь?

— Я уже слушаю.

Креслин притворяет за ней входную дверь. Света, льющегося из открытой двери ее спальни, достаточно, чтобы они могли видеть друг друга.

— Что, после очередного торжества тебе легче снизойти до того, чтобы меня выслушать? — она смотрит так, словно собирается обойти его, как неодушевленный предмет, и скрыться в своей комнате.

— Я не это имел в виду.

— Ты никогда не имеешь в виду того, что происходит на самом деле. Ты просто действуешь и плевать хотел на то, что чувствуют при этом другие. Или чувствуешь, тоже не думая о том, как может кто-то воспринять эти чувства.

В ее глазах бушует ледяное пламя.

— Ты права,— со вздохом соглашается юноша,— я и впрямь сначала действую, а потом уж думаю.

— Считается, что я вроде как твоя жена, разлюбезный суженый, но до сего дня мне было невдомек, что ты, оказывается, мастер петь любовные песни, от которых тают женские сердца. И боевые марши. Тебе даже в голову не пришло мне рассказать!

Креслина так и подмывает указать, что она уделяла ему не так уж много времени и вести разговоры не о делах было попросту некогда. Однако он сдерживается.

— Наверное, ты права. Возможно, я просто побаивался — вдруг ты станешь порицать меня еще и за это?

— Порицать великого Креслина? Как можно!

— Я не догадывался о твоих чувствах, правда. Ты знаешь, что чувствую я, а вот сказать то же насчет тебя я не могу.

— Не можешь — и не надо,— с этими словами Мегера пытается уйти.

Креслин поднимает руку, однако к ней не прикасается. Она останавливается.

— Мегера, так больше нельзя.

— Надо же, дошло. А не я ли твердила тебе это с того дня, как ты очухался в замке дорогого кузена?

— Выходит, я медленно соображаю.

— Знаешь что, я устала. День был нелегким, как, впрочем, и все они в последнее время. Что у тебя на уме? Собираешься повалить меня на кровать и назвать это любовью? Думаешь, таким образом можно что-то решить? — Губы ее дрожат от ярости.

Креслин делает глубокий вдох.

— Нет... вовсе нет. Я хотел предложить что-то... что-то вроде дружбы. Я постараюсь сначала думать, а потом уж действовать. Или даже говорить. Наверное, и в запале не стоит употреблять столько обидных слов.

— Не знаю, что и ответить,— качает головой Мегера.— Просто не знаю. Сейчас у тебя такой настрой, но каким он будет завтра? Или послезавтра?

— Сам не знаю,— пожимает плечами Креслин.— Но почему бы нам не попробовать?

— Ты попробуй, а я посмотрю. Доброй ночи.

Теперь он даже не пытается ее задержать.

— Доброй ночи.

Некоторое время Креслин неподвижно стоит в полумраке недостроенной парадной гостиной, подставляя лицо прохладному бризу, а затем уходит к себе, раздевается, гасит лампу и растягивается на жестком топчане.

Прислушиваясь к пению невидимых цикад и лягушек, юноша размышляет о том, как бы научиться не совершать необдуманных поступков. Постепенно у него тяжелеют веки, и он мысленно желает Мегере спокойной ночи.

Интересно, восприняла ли она это пожелание?

Из головы не идут слова Лидии. Не доживут до осени? Почему?

Он закрывает глаза в надежде, что это поможет ему заснуть.

LXXXVI

Креслин просыпается рано, сразу после того как первые солнечные лучи осветили поверхность Восточного Океана. Значит, он успеет поработать с камнем, прежде чем вместе с Мегерой отправится на встречу с Шиерой, Хайелом, Лидией и Клеррисом — теми, кого юноша про себя называет неофициальным Регентским Советом.

Перейдя в недавно отгороженную стенами комнату, где предполагается со временем оборудовать кухню, он достает ломоть черного хлеба и наливает из бака кружку холодной воды. В цитадели можно будет перекусить основательнее, а здесь, в регентской резиденции, не сыщешь ничего лучше сухой корки. Ветер с моря приносит прохладу, но безоблачное небо обещает, что день будет жарким.

Полагая, что Мегера еще спит, Креслин, стараясь не шуметь, переносит заготовки к плите, служащей ему столом каменотеса. Сделав дюжину ходок, юноша останавливается и утирает взмокший лоб. И это — в такой ранний час! К полудню, наверное, здесь будет настоящее пекло.

— Гляжу, ты рано поднялся,— говорит, высунувшись из окна, одетая в линялую голубую сорочку растрепанная Мегера.

— Я старался не шуметь.

— Спасибо за заботу... Но если мне хоть когда-нибудь удастся подняться раньше тебя, я покажу, в чем разница между «не шуметь» по-твоему и не шуметь на самом деле.

— Ну если ты встанешь в такую рань...

— Не все рвутся встречать солнце.

— Солнце солнцем, но у нас сегодня вроде бы, назначена встреча.

— Минуточку, я только умоюсь.

Мегера исчезает в комнате, а Креслин, которому больше нет надобности соблюдать тишину, кладет заготовку на плиту и со звоном вбивает железный клин. Прилаживая уже обтесанный камень, юноша жалеет о том, что умения, которыми он владеет, по большей части невещественные — вроде музыки, а то и разрушительные, как искусство лучника и меченосца. Вот если бы он был каменщиком или плотником!..

Скреплять камни раствором уже некогда. Креслин откладывает инструменты и спешит в умывальную. Пол мокрый — Мегера здесь уже побывала. Быстро приняв холодный душ, юноша хватает рабочую одежду в охапку и нагишом бежит в свою комнату.

Когда Креслин, одевшись, выходит на террасу, поджидающая его там Мегера — волосы ее не высохли — замечает:

— Когда ты бегаешь без одежды, то выглядишь очень неплохо.

— Хм... что я могу сказать? Разве что выразить надежду увидеть когда-нибудь в таком виде и тебя.

— Это ты после вчерашнего?

Креслин задумывается, не стоит ли извиниться, но, видя ее улыбку, сохраняет шутливый тон:

— Во всяком случае, я предварительно подумал, прежде чем спросить.

— То, что спросил,— уже неплохо.

— Вот как?

— Ладно, нам пора идти.

Первые полсотни шагов они проходят в молчании. Креслин безмятежно наслаждается утренним солнышком. С гребня холма видна гавань с одной лишь оставшейся у причала поврежденной рыбачьей лодкой.

— Жаль, что этот остров — не более чем прибежище голодающих рыбаков да впавших в немилость придворных,— замечает Мегера.

— Рыбак из меня никудышный,— смеется Креслин,— да и придворный ничуть не лучше. Правда, насчет немилости ты, пожалуй, права.

— Кажется, ты стал... то ли спокойнее, то ли...— она внимательно смотрит на юношу, которого ответственность и работа заставляют с каждым днем выглядеть все более зрелым.— Словно бы ты на что-то решился... Что ты собираешься делать?

Ее взгляд скользит по дороге, спускается вниз, на селение, и возвращается к серебряным волосам над серо-зелеными глазами.

— То, что и говорил вчера. Постараюсь стать тебе другом.

— Я не о себе. Я об острове.

— Мы попытаемся превратить его в место, по крайней мере, пригодное для жизни.

— Мы?

— Именно. В том-то и суть.

— Думаешь, такое возможно? Это не пустая фантазия?

— Думаю, нет. Правда, по утрам возможным кажется все. Бывает, что к ночи то же самое видится по-другому.

Мегера не отвечает. Она замыкается в себе, и Креслин невольно задумывается, не задел ли ее чем-то и сейчас. Однако, так или иначе они идут рядом, не обмениваются колкостями и не отгорожены друг от друга глухой стеной непонимания. По крайней мере в это утро.

LXXXVII

В теплом закатном сумраке Креслин стоит возле каменной ограды террасы и смотрит вниз, туда, где под нависающим утесом тянется белая полоска прибрежного песка. Правда, отсюда береговая линия не видна, но ветер доносит запах влажного песка.

Сегодня волны Восточного Океана ниже, чем обычно, и пенистые буруны набегают на берег почти бесшумно, так что даже в тишине вечера шепоток прибоя едва различим. За спиной юноши чернеет неосвещенная резиденция. И он, и Мегера могут обойтись без ламп, а больше там никого нет.

Когда сумерки делаются еще гуще, Креслин прокашливается и начинает петь.

...И если дерзнешь добраться дотуда,
То кровь твоя утесы согреет,
И тело твое не найдут, покуда —
Покуда горы не постареют;
Доколе камень не раскрошится,
Не стают снега, лежащие ныне...
А стражи, которых весь мир страшится,
Пребудут в грозной своей твердыне...

Ощутив чужое присутствие, юноша обрывает песню, оборачивается и видит стоящую на дальнем конце террасы Мегеру.

— Ну, чего умолк? Я хочу тебя послушать.

— Правда?

— А зачем бы я иначе сюда пришла?

У Креслина на сей счет имеются некоторые сомнения, но он, оставив их при себе, прокашливается и продолжает:

...И пока моя песня в глубинах ночи
Не сгинет вся, до последнего слова,
Не дерзнет никто из юношей очи
Поднять к обители их суровой...

— А какие-нибудь любовные песни ты знаешь? — Мегера говорит тихо, но ее хрипловатый голос легко преодолевает разделяющее их расстояние.

— Немного. Попробую вспомнить.

Поджав губы, юноша перебирает в памяти знакомые мелодии и ерошит рукой волосы. Наконец он начинает мурлыкать первые такты мелодии, стараясь добиться серебряного звучания. Смотрит он при этом на юг, вроде бы и не на Мегеру, но и от нее не отворачивается.

...Поймай упавшую звезду и в небеса верни,
Не дай угаснуть ей,
И пустоту печальных глаз наполнит свет любви,
Что ярче ясных дней...

Мегера слушает, не шелохнувшись и не промолвив ни слова. Приободренный этим, Креслин вновь начинает мурлыкать, а потом запевает новую песню:

...Жить без тебя? Нет, я б не стал
Жить так, как страдальцы, каких я знал,
Чьему одиночеству нет конца,
И чьи от тоски каменеют сердца!

Жить без тебя? Нет, я б не стал!
Как дом опустелый, что я видал...

— Это очень грустная песня

— Прости.

— Не за что. А повеселее ты ничего не знаешь?

— Не то, чтобы я знал много веселых песен... Дай подумать.

Сумрак сменяет ночная тьма, на небе проступают мерцающие звезды, а в голове Креслина складываются слова — может быть, избитые, но те самые, которые он хотел и не решался произнести иначе.

Ты и свет моих очей,
И огонь моих ночей,
Цель и долгого, и трудного пути.
Ты как ягода в лесах,
Ты как солнце в небесах,
Но не знаю, как тропу к тебе найти...

Закончив, юноша не запевает снова, а направляется к Мегере и садится на каменную стену в нескольких локтях от нее.

— Ты пел так, будто действительно чувствуешь нечто подобное,— произносит она, и голос ее чуть громче мягкого шелеста прибоя.

— Но ведь так оно и есть.

— Знаю. В том-то и беда.

— Беда?

— Мне больно. Тоска гложет. Никто...— она умолкает, потом начинает снова: — Порой ты можешь быть таким нежным, и мне кажется... что все могло бы... Но потом, потом...— она качает головой, и рыжие волосы вспыхивают в темноте искорками.

Креслин буквально впитывает в себя и слабую хрипотцу ее голоса, и легкий наклон головы.

— Помню,— продолжает она,— ты как-то говорил, что видишь, как сияют в воздухе серебром ноты. Я, кажется, тоже видела серебряный отсвет звуков твоих песен.

— Я пытался добиться золотого звучания, но не смог. На моих глазах это удавалось только одному человеку.

— Твоему отцу?

— Верлинну.

Ночь темна и прохладна. Креслин так и не решается смотреть на Мегеру прямо.

— Ты никогда не называешь родителей ни матерью, ни отцом. Почему?

— О том, что Верлинн — мой отец, я узнал лишь по прошествии долгого времени после его смерти. А маршал никогда не относилась ко мне как к сыну. Я и узнал-то о нашем родстве лишь когда достаточно подрос для того, чтобы она могла запретить мне называть ее матерью.

— И ты никогда не думаешь о ней как о матери, да?

— Да.

— Жаль, что она никогда не слышала, как ты поешь. Жаль.

Креслин молчит.

— Желания не всегда сбываются,— продолжает после долгой паузы Мегера.— А иногда, когда исполнение желания зависит от чужих действий, все идет насмарку, если тебе приходится говорить людям, чего ты действительно хочешь.

— Это так,— соглашается Креслин, думая, что на самом деле он хочет, чтобы Мегера полюбила его. А еще желает понять, почему она отталкивает его, хотя — и это для него не тайна — ее к нему тянет.

— Да, тянет,— откликается она на его мысли,— но это ничего не меняет.

Удивляться не приходится: Креслин слишком близко от нее, да и чувство его слишком сильно, чтобы надеяться что-то скрыть.

— Почему? — спрашивает он и, непроизвольно потянувшись к ней, касается ее руки.

— Потому что я не выбирала тебя. Потому что у нас обоих не было выбора.

— А разве то, что я тебя люблю, тоже ничего не меняет? — спрашивает Креслин, глядя мимо нее, на мерцающие над холмами холодные звезды. Мегера в его мыслях подобна звездам, сияющим, холодным и недоступным звездам, однако сей час, удерживая ее тонкие пальцы, он решается придвинуться ближе и сказать: — Мне кажется, ты просто боишься признать, что мы на самом деле созданы друг для друга.

— Может быть, ты и прав. Но не принуждай меня.

Принуждать? Да когда он ее к чему-либо принуждал? Креслин прикусывает губу, чтобы не произнести этого вслух, хотя понимает, что такое чувство не скроешь.

— Ты принуждаешь меня всегда и всем, что бы ты ни делал. Ты добился того, что не удалось даже моей дражайшей сестрице,— сделал меня своей женой. Ты добился того, что я отправилась с тобой на этот захолустный остров. Заставил отказаться от того немногого, в чем я могла тебя превзойти! — Мегера резко вырывает руку и добавляет: — А теперь, после всего, ты сердишься, услышав просьбу не принуждать меня.

— Может, я и сержусь,— говорит юноша, вставая и видя, что она поднимается одновременно с ним.— Но это не значит, что я не люблю тебя.

— Я знаю, ты меня любишь. Только при твоей практичности это не помешает тебе уничтожить меня без лишних раздумий,— уже направляясь к концу террасы, который обращен к морю, Мегера оборачивается и бросает: — Потом ты, возможно, пожалеешь, но будет уже поздно.

— Ничего не понимаю. Как, каким образом мог бы я тебя уничтожить? И я вовсе не принуждаю тебя, а даю тебе возможность сделать собственный выбор. Хочешь учиться у Шиеры владеть клинком — прекрасно. Хочешь перенять у Лидии искусство привнесения гармонии — пожалуйста...

— Вот именно, ты ничего не понимаешь! Однажды... Всего один раз... я попыталась открыть тебе, кто я и что собой представляю, и столкнулась с необузданным вожделением. Помнишь тот трактир на Закатных Отрогах? Ты истерзал всю мою душу и даже не уразумел, что наделал. Как после этого тебе доверять?

— Но это же совсем другое! Я даже не знал, кто ты такая.

— Замечательно! Ты изнасиловал меня в своих мыслях и считаешь, что раз не знал, кто я такая, то все было прекрасно!

— Но все же совсем не так! Ты ведь знаешь, что не так!

Последние слова звучат уже ей вдогонку. Мегера бежит к своей двери, а юноша остается один, в нарушаемой лишь плеском волн тишине звездной ночи. «Вы не доживете до осени»,— снова вспоминаются ему слова целительницы. Свет, да как можно сблизиться с женщиной, обвиняющей его невесть в чем

всякий раз, когда он окажется рядом? С женщиной, считающей оскорблением всякий намек на чувственность в его помыслах! Винящей его за все ошибки, какие он совершал по неведению! С женщиной, не желающей слышать, когда он пытается до нее докричаться!

Холодное мерцание звезд и ветер с Восточного Океана заставляют его вспомнить о Фиере и Закатных Отрогах, которые ему не суждено больше увидеть. Но теплый ветерок не может охладить разгоряченное чело.

За спиной его Черный Чертог, в котором не горит свет.

Волны с шелестом набегают на песок и откатываются назад.

LXXXVIII

— Ну и последнее, что следует обсудить, это письмо герцога об уплате налогов,— говорит Шиера, обводя взглядом стол.

Хайел устало, без всякого выражения, кивает. Небрежно кивает и Лидия. Обычно на таких советах присутствует кто-то один из Черных, и сегодня это как раз она. Креслин косится на Мегеру — ему кажется, что та бледнее, чем обычно.

— Это что, шутка? — спрашивает Креслин, встретившись с Шиерой взглядом.

— Не думаю,— подает голос Мегера,— как не думаю, что дорогой кузен измыслил такое сам. Ему это нашептали, либо Хелисс, либо Флорин.

— Так что же он пишет?

— Требует уплаты налога, по пятьдесят золотых пенсов четыре раза в год.

— А раньше герцог взымал с острова налоги? — спрашивает Креслин, повернувшись к Хайелу.

— Какие налоги, когда нет доходов? Он сам присылал деньги, на припасы и жалованье солдатам.

— Может быть, это фальшивка? — предполагает Шиера.— Подделка, сработанная умельцами из Фэрхэвена?

— Это его подпись. Письмо находилось в одном мешке с бумагами, подтверждающими регентство,— ворчит Хайел, угрюмо уставясь в выщербленную столешницу.

Креслин задумчиво морщит лоб и спрашивает:

— Его ведь доставил сутианский корабль, верно?

— Да... «Быстрый Змей».

— Понимаю, что ты имеешь в виду,— вмешивается Мегера.— Если дорогой кузен послал его по сутианским каналам, оно должно было прибыть вместе с отрядом из Оплота.

— Не обязательно,— возражает Хайел.

— На самом деле это не имеет значения,— медленно произносит Креслин. Все взоры обращаются к нему.— Во-первых, у нас нет пятидесяти золотых. Во-вторых, мы не заключали никаких соглашений насчет сбора податей. В-третьих, кого мы должны обложить налогом? И в-четвертых, что может сделать герцог, чтобы претворить свой указ в жизнь?

— Ты предлагаешь поднять мятеж? — спрашивает Хайел.

— Какой мятеж? — вздыхает Креслин.— Начнем с того, что у нас нет уверенности в подлинности этого уведомления. Даже если подпись настоящая, герцогу могли подсунуть бумагу, а он — подписать ее, не читая. Но, с практической точки зрения, важнее то, что этот указ невыполним, поскольку люди, которых предписано обложить налогом, не имеют ничего ценного. Что у нас есть? Питейное заведение при недостроенной гостинице, наторговавшее за все время работы золотых на двадцать, да кучка рыбаков, выручка которых за вяленую рыбу не превосходит тридцати золотых в год. А трем дюжинам солдат и стражей мы едва способны выплачивать жалование, даже получая помощь из герцогской казны. Если мы не разовьем торговлю, не добьемся самообеспечения или не найдем какой-нибудь другой способ добывать деньги, меньше чем через год наш остров ждут разорение и нищета.

— Есть кое-какие возможности...— вступает в разговор Лидия.— Большая часть потребляемого в Кандаре перца поступает из Хамора, розмарин и бринн выращивают в Остре, а зимние специи в Нолдре.

— Перец? — непонимающе переспрашивает Шиера.

— Ты хочешь сказать, что надеешься вырастить здесь пряности? — уточняет Мегера прежде, чем Хайел успевает открыть рот.

— Да. Мы уже начали выращивать бринн и зимние специи. Что же до перца, то он требует больше...

Креслин выслушивает подробный рассказ об особенностях возделывания пряностей и прибыльности торговли этим товаром.

— Контрабандисты,— говорит Хайел, едва Лидия умолкает.

— Или сутианцы под торговыми флагами Сарроннина,— добавляет Мегера.

Креслин вспоминает торговца Деррилда и думает о том, какое значение может иметь быстрота оборота товаров. Отшельничий лежит на перекрестье путей между большими южными и восточными материками; его положение достаточно удобно для того, чтобы вести торговлю небольшими партиями, но зато со скорой отдачей.

— Что в Кандаре пользуется наибольшим спросом в восточных державах?

Все молчат.

— Как насчет черной шерсти?

— С ней так быстро не получится,— замечает Лидия.

— Да,— соглашается Креслин,— но рынок пряностей узок, а ткани нужны всем.

— Ты, кажется, собираешься использовать магию гармонии, чтобы получить товары, которых не будет у других? — с улыбкой говорит Мегера.

— А почему бы и нет?

— А получится?

— У некоторых горных овец есть черные пятна,— говорит Креслин, повернувшись к Лидии.

— Но на это уйдет несколько лет,— указывает она.

— В таком случае начинай как можно скорее. Возражения есть?

Мегера морщит лоб, Хайел пожимает плечами, а Шиера медленно кивает.

— Остались еще вопросы, которые следует обсудить? — спрашивает Креслин.

Собравшиеся молчат.

— Ну что ж, раз мы все обговорили, пора браться за работу.

Юноша с серебряными волосами встает из-за стола, и все следуют его примеру.

— Насчет шерсти...— бормочет Креслин, подойдя к Ли-дии.— Ты не обижайся, я вовсе не хотел тебя подгонять. Просто...

— Конечно, ты не имел в виду ничего дурного,— отвечает целительница, глядя ему в глаза,— но чуточку поторопить меня все-таки хотел.

— Ты права,— смущенно отвечает Креслин, заливаясь краской.— Просто я боюсь, что времени у нас в обрез.

— Клеррис тоже об этом твердит,— улыбается она,— но, может быть, все не так плохо. Хотя я бы не сказала, что народ так и рвется покинуть Кандар да перебраться к нам, но все же есть люди, которые могли бы основательно нам помочь.

— Черные? — переспрашивает подошедшая к ним Мегера.

— Нас попросту вытесняют из Кандара. Мы слишком осторожны и слишком озабочены несоразмерным усилением хаоса и соответствующим нарушением Равновесия. Клеррис, например, считает, что само появление Креслина связано именно с этим. Если хаос укрепляется сверх меры, должен явиться мастер гармонии. Теоретически верно и обратное: превращение Отшельничьего в мощный оплот гармонии может нарушить баланс, за чем последует усиление магов хаоса. Правда,— она качает головой,— это лишь общие рассуждения. Как обстоит дело на практике, мы не знаем.

Мегера слегка ежится и смотрит на Креслина с отстраненным видом, словно заглядывая в далекое будущее. Не желая встречаться с ее холодными зелеными глазами, юноша поворачивается к Лидии.

— Наверное, я все-таки нажимаю сверх меры.

Мегера кивает.

— Без нажима с твоей стороны здесь вообще ничего бы не было,— говорит Лидия,— но рано или поздно приходит пора позволить всему идти своим чередом. Ну ладно, с вашего позволения я пойду, взгляну, как дела у Клерриса.

Улыбнувшись, целительница поворачивается и начинает спускаться по ступенькам.

Юноша выходит на освещенное солнечными лучами пространство. Его тотчас опаляет зной.

— Иногда...— тихонько произносит Мегера, но не договаривает.

— Иногда что? — спрашивает он, обводя взглядом пустой, если не считать полузатопленной, не трогавшейся с места со дня их прибытия рыбачьей лодчонки, причал.

— Иногда ты кажешься очень восприимчивым, а иногда — весьма недалеким.

— Ты права. Я и впрямь много не понимаю.

— Опять ты за свое. Малыш Креслин у нас такой скромный, он сам сознается в своем невежестве, просит его вразумить! Как же, нужны тебе чужие советы! Разве не ты только что вил веревки из собравшихся? Или не ты вознамерился в считанные годы превратить это захолустье в державу, способную соперничать с Фэрхэвеном?

Солнце припекает нещадно, но ее слова как снежная буря.

— А ты хочешь, чтобы остров так и остался захолустьем? Я-то думал...

— Не в том дело. Все твои планы насчет острова я поддерживаю. В мире должно существовать надежное прибежище для таких людей, как мы, Лидия и Клеррис. Но ведь ты никого ни о чем не спрашиваешь. Принимаешь решения и ставишь нас в известность, не сомневаясь, что мы будем выполнять твою волю. А я, между прочим, не у тебя на службе. Возможно, мне пришлось выступить в роли ангела-хранителя, но не потому, что я жажду тебя, душой или телом.

— Но ты оставалась рядом...— начинает Креслин, недоуменно морща загорелый лоб.

— По той единственной причине, что так проще для нас обоих,— обрывает его Мегера, но юноша чувствует, что это неправда, во всяком случае, не вся правда.

— Зачем ты кривишь душой?

— Будь ты проклят! Думаешь, будто ты всеведущ, будто видишь меня насквозь? Решил, что стоит тебе сказать пару ласковых слов, и я буду готова прыгнуть к тебе в постель?

— Ты прекрасно знаешь, что я ни о чем таком не думаю,— отвечает Креслин. Он смертельно устал. Устал от тяжелой работы, от изнурительных упражнений, призванных восстановить прежнюю физическую форму, но главное — от постоянного нервного напряжения, постоянного ожидания очередных нападок Мегеры.

— Тебе наплевать на то, что я говорила насчет принуждения — и меня, и всех прочих. Тебе всегда наплевать, как и всем мужчинам. Нужно тебе — ты выказываешь понимание и сочувствие, а нет — значит, нет. О конечно, ты всегда просишь прощения, но это не более чем пустые слова!

Ожесточенно жестикулируя, Мегера непроизвольно берется за рукоять клинка, который приохотилась носить на манер стражей.

Креслин напрягается, отметив, что ей легко дается прикосновение к холодной стали, ибо окружавшая ее прежде белая аура почти истаяла, сменившись той же чернотой, что и у Лидии. Хотя порой вокруг Мегеры и мелькают язычки белого пламени.

— Вот и сейчас — ты даже не слушаешь...

— Я слушал, просто вдруг заметил, как сильно ты изменилась.

— Ты хотел сказать, как сильно ты меня изменил.

— Я такого не говорил.

— Но имел в виду.

Мегера все же отпускает клинок, и Креслин переводит взгляд на восток, к облакам, висящим на горизонте над темно-зеленым морем.

— Пока ты не научишься слушать, по-настоящему слушать, ничего не изменится!

С глубоким вздохом юноша провожает взглядом стройную фигуру, удаляющуюся по направлению к ристалищу стражей.

По мере того как солнце движется к западу, облака на востоке делаются все гуще.

LXXXIX

Сломав простую восковую печать, Мегера читает следующие строки:

«Записано рукою Хелисс со слов Алдонии, верной служанки Мегеры, суб-тирана Сарроннина и регента Отшельничьего...»

«Интересно,— задумывается Мегера,— кому пришло в голову вставлять в письмо все эти титулы? Хелисс могла употре-

бить их в ироническом смысле, тогда как Алдония — в знак искреннего почтения...»

«...Хотя роды были нелегкими, у меня родилась дочь, которую я назвала в твою честь Линнией, и умоляю тебя, если со мной, как то бывает с недавними роженицами, что-то случится, позаботиться о том, чтобы ее будущее не зависело от прихоти чужих людей. Однако, по словам повитух, менее чем через сорок дней мы сможем пуститься в путь. Как раз в то время отплывает корабль, и мы с дочуркой поплывем на нем. Если, конечно, обе будем здоровы. Линния красивая девочка, а волосики у нее рыженькие. Думаю, потемнее, чем у тебя. С нетерпением жду возможности увидеть тебя и служить тебе...»

Снизу приписана еще одна строчка: «У них обеих все хорошо. Хелисс».

Мегера Линния поджимает губы, моргая повлажневшими глазами, подходит к темному окну и, прижав к груди сложенный листок пергамента, долго прислушивается к шуму прибоя.

XC

Что ни скажи, а путь — это путь,
Как Запада горы, как Башни Заката.
Путь — это путь, и с него не свернуть,
Надо идти и идти куда-то.
Ведь путь есть жизнь, а жизнь есть печаль,
А печаль — это радость, манящая вдаль...

— Путь — это путь...— юноша с серебряными волосами повторяет эту строку, вступив в тень, о существовании которой и не подозревал, пока не задумался о печали. Но стоит ему снова выйти на свет, как солнце слепит глаза, а из-под сапог поднимается пыль.

Подняв очередной камень, он осторожно — что трудно представить, глядя на бугрящиеся мускулы и натруженные ладони,— опускает его на плиту.

Ограда террасы завершена, и теперь Креслин обтесывает камни для недостроенных гостевых домов. Работает, прерываясь лишь на завтрак, обед и беспокойный сон, ибо в трудах ищет забвения. После памятного ночного разговора на террасе Мегера еще более отдалилась и стала еще упорнее в своем одиноком стремлении к совершенству. По утрам она делает более длинные пробежки, чем он, а в искусстве боя на мечах скоро превзойдет старших стражей.

Удар молота скалывает породу по точно намеченной линии. Тихонько напевая, Креслин ощупывает камень чуткими

пальцами и вкладывает в удар ровно столько силы, сколько необходимо.

— Путь — это жизнь...— мурлычет он себе под нос.

Наконец юноша откладывает инструменты и направляется к наружной умывальне. Доносящийся снизу шум прибоя заглушает его шаги.

Проводя бритвой по щекам, он снова и снова задается вопросом: честно ли то, что им задумано? И снова и снова отвечает себе: нет, нечестно. Но другого выхода, похоже, нет и не предвидится. Все, что предлагалось на сей счет Лидией и Клерисом, не удалось. В конце концов, ему нужна от Мегеры не дружба, а нечто иное. И в любом случае он не собирается до конца дней своих опасаться ее языка и собственных чувств.

Холодная вода охлаждает разгоряченное сознание, так что он обретает достаточное спокойствие, чтобы не насторожить Мегеру, остро чувствующую любое его возбуждение. Юноша переходит на край террасы, откуда можно полюбоваться тем, как играют на поверхности моря лучи утреннего солнца. Он ждет ее появления. Равно как и прихода Клерриса, не знающего, зачем Креслин его позвал.

«...А печаль есть радость...» Ему хочется в это верить, однако, думая о том, что предстоит сделать, юноша ежится. Можно ли поступить иначе? Наверное, можно, только знать бы — как... Он слушал и Мегеру, и Лидию, но их советы не помогли.

Отдаленный топот бегущих ног. Мегера. Она заходит в дом, потом идет умываться, а Креслин так и не трогается с места. Оборачивается он лишь когда она появляется на краю террасы.

На загорелой коже юноши нет ни единой морщинки, но под глазами мешки, что сильно его старит.

— Ты вроде как не в себе,— замечает Мегера, держа руку на рукояти меча.

Креслин по-прежнему предпочитает носить меч в заплечных ножнах, однако в последнее время почти не надевает портупею. Мегера же, напротив, расстается с клинком только на время сна и утренней пробежки.

— Ты права,— кивает он,— так больше продолжаться не может.

Мегера хмурится:

— По-моему, все идет неплохо. Скоро можно будет собирать урожай пряностей, торговый склад уже построен...

— Я имею в виду себя и тебя.

— Опять ты меня понукаешь.

— Я принял кое-какие решения...— сделав шаг вперед, Креслин берет ее за руку, словно собираясь куда-то увести.

— Я в помощи не нуждаюсь.

Креслин молча берет ее за подбородок и поворачивает ее лицо к своему.

Она пытается отстраниться, но мускулы Креслина крепче стали.

— Ты не заставишь меня...— Мегера тянется к рукояти короткого меча, но Креслин перехватывает ее руку.

Она пинает его сапогом, и юноша кривится от боли, но не выпускает Мегеру, сосредоточившись на том, чтобы проникнуть в ее душу.

— Нет... нет! — истошно кричит она и лишается чувств.

Подхватив легкую, как перышко, женщину, Креслин насколько мгновений стоит неподвижно, глядя, как колышется ее грудь. Потом относит Мегеру в спальню и кладет на постель. Глаза его полны слез.

Меряя шагами комнату и выглядывая в окно, юноша нетерпеливо поджидает Клерриса. Тот появляется не один. Лидия, хоть ее и не звали, заходит в комнату следом.

— Не делай этого,— умоляюще произносит она.— Вторая жизненная связь убьет вас обоих.

Креслин смотрит на нее, стараясь открыть всю свою душу, и говорит:

— Я никогда не прикасался к ней, разве что раз, в мыслях, не зная, кто она такая. Я пытался стать ей другом. Пытался ухаживать за ней, старался быть уступчивым, нежным, пел ей песни. Но положение не улучшилось, а скорее ухудшилось. Я мог бы умереть, но моя смерть убьет ее... а продолжать жить по-прежнему — значит неизбежно возненавидеть друг друга. Что из этого, по-твоему, лучше?

Лидия отводит глаза. Клеррис молчит, не вмешиваясь.

— Можешь ты обещать, что положение улучшится? — спрашивает Креслин.

— Нет. Обещать не могу.

— А можешь ты с уверенностью сказать, что если я буду чувствовать ее так же, как она меня, все станет еще хуже?

— То, что ты замыслил, или убьет вас в считанные дни, либо...

— Либо?

— Не знаю. Никто еще не пробовал устанавливать двойную связь.

— Скажи мне, что я не прав.

Лидия смотрит на Креслина, глаза ее глубоки и ясны.

— Ты собираешься прибегнуть к насилию, чтобы исправить последствия насилия. Зло, причиненное в начале, было настолько велико, что, возможно, это — единственный ответ. Из чего, однако, не следует, что он правильный.

— Я всегда был только орудием — орудием Черных, своего отца, маршала... Разве у меня нет права попытаться обрести свое счастье и свою любовь? — порывисто спрашивает Креслин.

— Молодым не свойственно терпение,— медленно и спокойно произносит Клеррис.

— Особенно мужчинам,— сдержанно добавляет Лидия.

В комнате воцаряется молчание. Черные переглядываются, потом Лидия пожимает плечами.

— Ну что ж, так будет быстрее.

— Быстрее?

— Ну... на самом деле связь между тобой и Мегерой уже начала формироваться. То, что ты хочешь сделать, ускорит и углубит процесс, но не обязательно что-то изменит. Ты этого по-прежнему хочешь?

«Связь уже формировалась,— ошеломленно думает юноша.— Вот оно что... А я даже не принимал в расчет приходящие извне мысли и чувства, видя в этом только случайность...»

— Ты уверен, что хочешь этого? — настойчиво повторяет человек в черном.— Зная ее нрав, ты должен понимать, что результат может оказаться непредсказуемым.

— Я уверен, что совсем не хочу этого,— с нажимом произносит юноша.— Просто, не будь это сделано, все может обернуться гораздо хуже.

— Ты еще молод,— качает головой Клеррис,— и не понимаешь, что на свете много вещей похуже, чем существование кого-то, кого приходится остерегаться.

— Не так уж и много,— возражает Креслин, закатывая рукав,— особенно если этот «кто-то» — Мегера.

— Ты просто не представляешь, что тебя ожидает,— печально улыбается Лидия.— Но не исключено, что потрясение добавит тебе понимания.

Клеррис, покачивая головой, открывает принесенный с собой маленький футляр.

— Я не завидую тебе, Креслин. У нее очень сильная воля.

Юноша не отвечает. Его душат слезы.

XCI

— Одержимый демонами глупец! Возможно, ты убил нас обоих! — кричит побагровевшая от ярости Мегера. На лбу ее выступил пот, и причиной тому вовсе не полуденная жара.

«...проклятый сластолюбец, слабоумная похотливая скотина...»

— Конечно, подождать ты не мог! Где уж тебе набраться терпения, чтобы узнать обо мне побольше! Все мужчины тако-

вы — тебе кажется, будто они что-то понимают, а они думают вовсе не тем местом! — быстро переведя дух (она даже не замечает охлаждающего террасу вызванного Креслином ветерка), Мегера раздраженно продолжает: — Конечно, от тебя, дубины, впору было ожидать чего угодно! Что мне непонятно, это как Лидия могла согласиться на такое безумие...

— Дело в том...— торопливо отвечает Креслин...— Понимаешь, она сказала, что начало этому уже было положено, и...— он сбивается и говорит не совсем то, что только что собирался: — И, я думаю, она почувствовала, что если этот процесс слишком затянется, то ни ты, ни я не выживем.

— Ты о чем? Чему было «положено начало»?

— Ну... понимаешь... Порой я уже воспринимал твои мысли, во всяком случае, когда ты сильно сердилась.

— Что?

— Ты вот только что подумала, будто я сластолюбец и безумная похотливая скотина.

— Слабоумная,— поправляет его Мегера.

— Невелика разница. Пусть будет «слабоумная».

— Я ухожу.

— Куда?

— Побуду с Шиерой. Нет,— добавляет она, уже направляясь к своей спальне,— можешь не волноваться, с острова не сбегу. По крайней мере пока.

«...до следующего раза...»

Креслин пожимает плечами, хотя ее мысль пронзает его как меч. Она снова не оставляет ему никакой возможности.

— Я предоставляла тебе кучу возможностей, но ты все их переиначивал под себя.

— Это неправда,— возражает он и тут же поправляется: — Не совсем правда.

Почувствовав неловкость — не свою, а ее,— юноша качает головой.

— Ты... ты...— кричит, задыхаясь от ярости, Мегера,— ты присвоил даже мои чувства!

— А мои уже были твоими, и всякий раз, когда тебе было нужно, ты не задумываясь использовала это против меня.

«...будь проклят!.. Мне не удержать... как он мог терпеть это так долго?..»

— Будь проклят...— произносит она вслух, но ее слова звучат скорее рыданием, чем проклятием.— Ты добрался до моей души... и теперь...

«...и теперь убиваешь нас обоих...»

Сжимая рукоять меча, Мегера пятится, пока не исчезает в своей спальне. Креслин остается на месте.

Пойманный в ловушку между солнцем и прибоем, зажатый меж-ду прошлым, которого он не создавал, и будущим, которого не мог предугадать, юноша смотрит вслед рыжеволосой женщине, шагающей к башне стражей. К новому аванпосту Западного Оплота.

XCII

В зеркале сквозь дымчатое марево виден высящийся над темно-зелеными водами целый лес мачт.

— Скоро...— кивает Высший Маг.

— Что скоро? — спрашивает не отрывающий взгляда от изображения Хартор.

— Скоро мы укроем этот флот и от их глаз, и от их магии.

— Дженред, ты и вправду думаешь, что Креслину не под силу проникнуть под этот покров?

Губы худощавого чародея кривятся в улыбке, но горящие глаза остаются мрачными.

— Конечно, под силу... Но чтобы увидеть, надо смотреть. У него такого обыкновения нет, а те, у кого оно есть, не обладают достаточными способностями.

— А как насчет отряда из Оплота? Почему ты вообще допустил их высадку?

— Напасть на них — значило бы насторожить Креслина.

— Ну, не знаю... Мне не нравится, что на острове теперь эти железные бабы. А Креслин... откуда бы он узнал?

— От Клерриса. Его Черная сука плыла на том же корабле.

— Но ведь теперь хаморианцам, когда они обрушатся на Край Земли, придется иметь дело еще и со стражами из Оплота.

— А нам-то что? Мы в любом случае ничего не теряем. Либо маршал лишится своих людей, либо хаморианцы. Ослабление и тех, и других нам только на руку. Удастся уничтожить Креслина — хорошо. Не удастся — в Хаморе будут знать, что на западе у них появился новый враг.

— Замечательно. А если Креслин победит? Как будет с нашими видами на Монтгрен?

Дженред фыркает:

— На Монтгрен? А что Монтгрен? Ни Креслин, ни эта рыжая сука никаких притязаний не заявят, а Сарроннин не сможет. Наследников у герцога нет, об этом мы позаботились. Корвейл долго не протянет, а как только он умрет — край станет нашим без всякой войны.

— Хотелось бы мне иметь такую же уверенность.

Дженред переводит взгляд на зеркало, всю поверхность которого заполняют суда. Для захвата Края Земли их более чем достаточно.

XCIII

— Ты уверен, что не хочешь попытаться разорвать с ней связь крови?

Два человека смотрят поверх утесов на низкие набегающие волны зеленовато-черного северного моря. Лишь изредка на их гребнях вспениваются белые буруны. Высокие облака так и не пролились дождем, и сдуваемая с дороги красноватая пыль оседает на террасе и на куче необтесанных камней, с которыми Креслин все еще работает по утрам.

Стражи уже начали скреплять раствором камни, которые он заготовил для второго гостевого дома, благо Клеррис обеспечил их и материалом для кровли.

— Какой от этого может быть прок? Лидия ведь говорила, что связь разовьется и окрепнет сама собой,— говорит Креслин, берясь за тачку, на которой теперь перевозит камни. Сам Черный Чертог в основном завершен, хотя кухня не отделана, а окна требуют застекления. Когда выпадает время, юноша возится с камнями для дорожек к домам для гостей. Он все же надеется, что они когда-нибудь да пригодятся.

— Возможно, ты выиграешь время.

— Не выиграю, а потеряю. Много ли толку было от прежнего положения?

Креслин чувствует, что не может просто стоять и ждать. Мегера настойчиво призывает его к терпению, но чем лучше улавливает он ее помыслы, тем яснее становится, что пресловутое «терпение» для нее лишь предлог, чтобы не вникать ни в его чувства к ней, ни в свои к нему. А он действительно вожделеет ее, о чем не может, да и не хочет лгать,— ни себе, ни ей. А еще, совершенно независимо от плотского желания, он любит ее. Любит ее ум и решительность. Любит даже язвительность и колкость, тем паче что иногда она бывает внимательна и добра.

— Все-таки сомневаюсь, что установление этой двойной связи было мудрым решением.

— Выбора-то не было.

Клеррис хмурится.

— Лидия сказала правду, все само собой шло к тому же самому,— продолжает Креслин.— Я уже начинал улавливать ее чувства и мысли. На радость или на горе, но мы связаны с Мегерой навеки. Сейчас, когда она не в цитадели, а здесь, мы способны воспринимать лишь самые сильные и яркие

переживания друг друга, но скоро и расстояние перестанет иметь значение.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Ничего. Буду ждать, когда наша связь станет еще крепче. А пока подумаю насчет хорошего потока да водяного колеса.

— Водяного колеса? — Черный маг качает головой.— Сдается мне, ты не понимаешь сложности положения. Довольно скоро Мегера, если ей вздумается, окажется в состоянии убить вас обоих. Возможно, она ждет именно этого.

Юноша с серебряными волосами слушает собеседника, но руки его сами собой орудуют инструментами, придавая нужную форму лежащему на плите черному камню. На какой-то миг он ощущает соленые брызги и слышит хриплый зов чайки. Возможно, это ему лишь показалось... но он так не думает.

— Неужто она может захотеть смерти?

Клеррис пожимает плечами:

— Кто знает? Ни одной женщине не понравится выставлять напоказ свои чувства.

— Думаешь, меня радовало то, что ей были открыты все мои порывы, помыслы и желания?

— Чувства мужчин ведомы женщинам без всякой магии,— со смехом откликается Клеррис.

— Ты, надо думать, говоришь о восточных женщинах, выросших в тех краях, где больше не придерживаются Предания.

— Креслин, женщины есть женщины. Все они, кроме разве что стражей Западного Оплота... А те, как я подозреваю, просто помалкивают насчет такого умения... Так вот, решительно все женщины способны читать мысли мужчин несравненно лучше, чем большинство мужчин — их мысли.

— Ну...— отзывается Креслин после пары ударов молотом.— Наверное, у них на то врожденный талант, да и практика помогает.

— Ладно, так что ты все-таки будешь делать?

— Я же сказал: ждать, когда связь станет крепче. А там посмотрим.

— Лидия беспокоится.

— Я тоже. Я тоже.

Он чувствует в камне скрытые трещины и линии напряжения, а руки, словно сами собой, делают точные, выверенные сколы.

XCIV

— Что теперь? — спрашивает Торкейл, укладывая очередной камень на ограду поля.

Креслин не слышит его, поскольку прощупывает чувствами почву возделанного участка, отыскивая гармонические линии. Возможно, по здешним меркам жара не так уж сильна, однако нагретый воздух над оградой зримо колеблется.

— И что теперь? — повторяет темноволосый солдат, сбривший, в подражание Креслину, свою жиденькую бородку.

Креслин утирает лоб. Жара в этой части острова наступает раньше, чем возле поселения, и длится жаркий сезон здесь дольше. Однако Клеррис указал, что почва здесь значительно плодороднее. Впрочем, юноша догадывался об этом и без Черного мага, поскольку поселение стоит на скалах, покрытых слоем такой твердой красной глины, что на склонах холма над пристанью растут лишь самые неприхотливые сорняки.

Здесь же, на поле, Креслин занят нелегким делом: он усиливает и умножает полезных червей, насекомых и личинок и упорядочивает внутреннюю структуру проростков маиса. В данном случае магия в сочетании с искусственным орошением позволяет даже при весьма скудных дождях добиться устойчивого роста растений. Урожай маиса, из которого предполагается получить первую на острове собственную муку, обещает быть даже лучше, чем в краях с умеренным климатом.

— Господин регент! Господин регент! — крик доносится с северного края поля, откуда бежит человек.

Креслин направляется ему навстречу:

— Что случилось?

— Нападение! Пираты! Паруса, уйма парусов!

— Проклятье... проклятье... проклятье! — Креслин касается ветров и простирает чувства к северному морю, по волнам которого к берегу движутся мачты. Присутствия Белой магии ни на палубах, ни в трюмах не ощущается — зато там с избытком хватает лучников и меченосцев.

Соправитель Отшельничьего хватает заплечные ножны и, на ходу влезая в портупею, обшаривает небеса, хватаясь за ветры. Ноги сами несут его к гавани. Торкейл бежит рядом. Из цитадели доносится сигнал тревоги — звучит рог Западного Оплота.

Креслин пытается направить высокие ветры вниз, развернуть холодные воздушные потоки, несущиеся к Крыше Мира.

«...Креслин... военные корабли!..»

Он останавливается на краю плато. Дюжина судов с частично свернутыми парусами подходят к гавани, а один уже проскочил за волнолом, в спокойные прибрежные воды. С него спускают две лодки.

— Тьма...— бормочет юноша, призывая ветра к Краю Земли и одновременно вспоминая сказанное как-то на сей счет Клеррисом. Да, ветра придут — но не раньше, чем два передовых

корабля достигнут причала. А может, и позже. Креслин со всех ног устремляется вниз по склону, отчаянно призывая на помощь воздушную стихию.

Впереди и внизу юноша видит мчащийся к пристани взвод стражей, и холодеет, заметив в первых рядах огненно-рыжие волосы.

«...покажу тебе... суженый...»

Его призыв перекручивает небеса, и он с корнем вырывает ветры с их ледяных высот. Однако как быстро ни гонят они к острову тучи, как стремительно ни сгущается на западе темнота, передовые суда и наполненные людьми лодки гораздо ближе — они уже подходят к причалу.

Торопясь туда же, Креслин не бежит со всех ног, ибо знает, что от воина, поспевшего на место сражения запыхавшимся и обессиленным, толку будет немного. Но стоит ему подумать о Мегере, как сердце едва не выскакивает из груди. Приходится напрягать всю свою волю, чтобы заставить себя сосредоточиться на разворачивающейся внизу картине.

Из цитадели вниз по склону спешат второй взвод стражей и дежурное подразделение монтгренских солдат.

Третий и четвертый вражеские корабли не входят в гавань, а двигаются вдоль побережья к востоку, туда, где узкие песчаные пляжи позволяют произвести высадку с лодок. Таким образам, даже если стражам удастся удержать пристань, им будет грозить нападение с тыла. Однако, чтобы пересечь полосу вязкого песка и одолеть невысокие, но отвесные скалы, врагам потребуется время.

На мачтах реют флаги Хамора, полотнища с изображением оранжевого лучистого солнца. С борта на пристань летят стрелы.

В отчаянном порыве Креслин призывает самые могучие ветра, каких прежде не касался. Напряжение столь велико, что ноги его подкашиваются и он падает на пыльную дорогу.

Подхватив юношу под мышки, Торкейл ставит его на ноги и оглядывается. У самого причала на земле лежит страж из Западного Оплота со стрелой в горле. Первая гибель...

На западе солнце скрывается за серой дымкой. Небосклон стремительно темнеет.

Выхватив клинок, Креслин устремляется в гущу уже кипящей на пристани схватки, хотя чувства его по-прежнему высоко в небесах. Торкейл, тоже с мечом в руках, держится рядом с регентом.

«...бей... коли...»

К тому времени, когда юноша приближается к месту боя, хаморианцы уже удерживают часть пристани и высаживаются на восточных пляжах. Громкие крики и лязг клинков эхом отдаются от прибрежных скал.

Креслин непроизвольно выискивает среди сражающихся огненно-рыжую голову, хотя и знает, что Мегера не ранена — это он ощутил бы мгновенно.

Ветвистая молния бьет с неба по поверхности моря, ту-да, где качается на волнах самый дальний из вражеских кораблей. А с ближних на пристань по-прежнему дугой летят стрелы.

Раздается громкое шипение, и Креслин шарахается в сторону от опаляющего белого пламени: Мегера выпустила огненную стрелу. В следующий миг загораются паруса передовой шхуны.

Креслин ступает на пристань, изгибая и направляя вниз все ветра, какие только в состоянии сейчас ухватить.

Высокий корабль дрожит под напором неистового урагана; сверху в него бьет молния, а вода под килем начинает бурлить, затягивая судно в воронку.

Торкейл успевает оттолкнуть Креслина в сторону, когда на него замахивается боевым топором бронзоволицый воин. Пронзенный двумя мечами, он даже не успевает опустить оружие.

Мегера по-прежнему цела. Ядовитая белизна призываемой ею силы хаоса жжет Креслина так, словно это в него метит извергаемое ею пламя. Юноша шатается, однако продолжает, почти машинально, действовать клинком, в то время как его мысли направляют выросший в гавани черный водяной смерч к следующему хаморианскому судну.

Огонь на подожженной Мегерой шхуне уже перекинулся с парусов на мачты и корпус.

Управляясь одновременно и с клинком, и с ветрами, Креслин видит, как из кружащей тьмы на северо-западе еще в одно судно ударяет раздвоенная молния.

Два корабля по обе стороны от обломков судна, втянутого и раздавленного черной воронкой, пытаются уйти от смерча, но чудовищный водяной столб догоняет и поглощает их.

«...свет!..»

«...захватить рыжую! И того, с серебряными волосами!»

Клинок Креслина сражает еще одного противника, тогда как мысли юноши устремляются за волнорез. Там он поднимает гигантский вал, слишком большой для тесной гавани.

«Прикрыть регентов... быстро!»

Рядом с Креслином оказывается новый боец. Увидев растрепавшиеся рыжие волосы, юноша от облегчения едва не опускает клинок.

— Другие корабли... не дай им уйти! — шипит Мегера.

«...идиот...»

Юноша гонит водяной смерч по направлению к кораблям у восточных пляжей. Кроме них, из всей вражеской флотилии на плаву остались только две шхуны, запертые в гавани.

— Цельте в середину! Они там! Вот они!

Обжигающая боль пронзает правое плечо Креслина. Он шатается, но не отпускает ветер и спустя несколько мгновений обрушивает на вражеские суда побережья водяную стену.

Боль — и Мегеры, и его собственная — такова, что юноша скрежещет зубами. На поверхности моря у восточного побережья теперь плавают лишь обломки и мертвые тела. Волна высотой с мачту, накатив на песчаный пляж и разбившись об утесы, смыла с берега успевших высадиться людей, выбросив взамен на песок дырявый корпус с обломанными мачтам. Внутренности Креслина поднимаются к горлу, и его выворачивает прямо на тело врага, только что сраженного клинком Мегеры. В следующее мгновение то же самое происходит и с ней.

— Пропади он пропадом, твой слабый желудок...— стонет Мегера.

«...рвет... ноги не держат... ублюдок...»

— Заткнись! — бормочет он, снова поднимая клинок. Но работы для меча не осталось — все высадившиеся на пристань враги уже пали. Дюжина уцелевших прыгает в воду и плывет к последнему кораблю, который, обрубив канаты, поворачивает к морю.

Подожженная Мегерой шхуна полыхает так жарко, что от воды вокруг нее идет пар, и оказавшие в воде хаморианцы отчаянными гребками пытаются отплыть подальше.

Вокруг Креслина хлещет ливень, его правая рука, словно налившись свинцом, бессильно висит вдоль тела. Зная, что дело не закончено, он с глубоким вздохом вновь собирает ветра и ждет, когда последний вражеский корабль выйдет за волнолом. Едва это происходит, Креслин отчаянным усилием воли, невзирая на жгучую боль в руке и вспыхивающие перед глазами белые звезды, обрушивает на этот последний корабль высокие студеные ветры.

Лишь удостоверившись, что на волнах пляшут одни только обломки, он поворачивается к Мегере. Она бледна, боевое кожаное облачение заляпано кровью. Сказать что-либо Креслин уже не в силах. Образ рыжеволосой женщины расплывается перед его глазами, и он бессильно опускается на скользкие от крови камни. Зная, что рядом опускается и Мегера.

XCV

Рука и плечо Креслина горят, как будто их припекают раскаленными угольями. Когда он пытается открыть глаза, крошечные огоньки мелькают по темному потолку. На его лоб ложится влажная тряпица, и огоньки гаснут.

Он проваливается в дрему, а проснувшись снова, видит, что в комнате стало темнее. Из теней выступает смутно различимая фигура.

— Господин?

«...куда это я попал?..»

— Целительница велела тебе выпить вот это.

Креслин отпивает маленькими глотками из поднесенной чаши. Стоит ему поднять голову, как по правому плечу и руке прокатывает обжигающая волна, но он заставляет себя пить до тех пор, пока снадобье не начинает литься изо рта. Только тогда чашу убирают.

Опустившись обратно на подушку, он пытается сообразить, где находится. Комнатушка маленькая, чашу ему подносила женщина, так что, скорее всего, это одно из новопостроенных помещений, предназначенных для размещения стражей Западного Оплота.

Маленькая лампа с коротким фитилем свисает со скобы на каменной стене. Дверь открыта, но возле нее стоит страж. Небо снаружи окрашено закатным пурпуром, дождь пропитал воздух влагой. Где-то, вроде бы над северным морем, рокочет гром.

Юноша засыпает, но ненадолго, а когда просыпается, видит рядом Лидию. Снаружи все так же идет дождь.

— Как Мегера?

— Получше, чем ты. Она сейчас в Черном Чертоге. Вас пришлось разместить подальше друг от друга. Расстояние помогает, хотя связь слишком сильна, чтобы исключить взаимовлияние, где бы каждый из вас ни находился.

Креслин неподвижно лежит на узкой кровати, а когда Лидия подносит ему чашу, отпивает и морщится.

— Фу... Ну и горечь!

— Придется пить.

Лидия убирает чашу, а Креслин откидывается на подушку.

— Не слишком здорово у меня получилось, да? — спрашивает он тихонько, чтобы не слышали стражи у дверей.

Уголки ее губ дергаются:

— Поскольку вы оба считаетесь великими героями, никому и в голову не придет сомневаться в твоей непогрешимости. Люди просто смотрят на небо.

— А было-то что?

— Что было, ты все видел. После того как ты потопил хаморианские суда, а солдаты и стражи разделались с высадившимися, смотреть было уже не на что.

— Каковы наши потери?

— Меньше десяти человек. В основном те, кого сразили стрелы.

Креслин качает головой. Этих потерь — для малочисленного гарнизона немалых! — можно было избежать, догадайся Маг-Буреносец следить за морями.

— Что сделано — то сделано, назад не воротишь.

— Знаю, но мне трудно об этом не думать,— произносит Креслин, облизывая пересохшие губы.— Глупо... до чего же глупо...

— Что именно? Быть всего лишь человеком? Или пытаться делать все самому? — впервые голос Лидии звучит по-настоящему язвительно.— Вот это и вправду глупо, потому что всего сразу тебе не осилить. Даже вам вдвоем. Мегера почти так же плоха, как и ты. Но что да как делать — ты успеешь поразмыслить позже, а сейчас глотни-ка еще вот этого...

Юноша подчиняется; потом откидывает голову на подушку.

— Как она?

— У нее несколько ран, но не тяжелых. Стрелы Мегеру не задели, но ее состояние усугубилось твоими мучениями.

— Будь проклят мой слабый желудок...— бормочет юноша и вновь проваливается в темноту сна.

Пробуждение приходит с рассветом. На посту у дверей все так же стоят стражи из Оплота. Шевеля головой, Креслин больше не видит вспыхивающих звезд, а плечо хоть и болит, но уже не горит огнем. Повязку сменили.

Юноша облизывает растрескавшиеся губы и скрипучим голосом спрашивает:

— Эй, есть здесь что-нибудь попить?

— Да. Целительница оставила для тебя снадобье.

Стройная девушка, наверняка лишь недавно получившая звание младшего стража, подносит к его койке чашу, содержимое которой, может быть, не такое вонючее, как болотная жижа, и не такое горькое, как морская вода, однако в сравнении с ним недобродивший эль мог бы показаться лучшим выдержанным вином.

Глоток за глотком Креслин медленно опустошает кружку под непроницаемым взглядом юной воительницы.

Что бы ни представляло собой это зелье, но оно, несомненно, помогало: во всяком случае, через некоторое время ему уже удается сесть. Дождь продолжается, хотя небо несколько посветлело. Посидев, Креслин снова откидывается на подушку и засыпает.

А когда пробуждается, то не успевает сказать и слова, как новый страж, на сей раз седовласая женщина, опять подносит ему варево Лидии. Креслин морщится — все-таки на вкус это изрядная гадость,— но пьет, а потом спрашивает:

— Сколько прошло времени?

— Со дня битвы? Около четырех суток.

Юноша задумывается о Мегере — как она? Можно ли вообще оставаться в Черном Чертоге, когда не прекращается ливень? Потом он пробует пошевелить пальцами правой руки и от резкой боли в плече сжимает зубы. Будь он умнее и предусмотрительнее, стражам вообще не пришлось бы спускаться с пристани. А сам он, очутившись там, наверное, только мешал. Но как можно было остаться в стороне, если другие сражались за него?

— Эй, как ты себя чувствуешь? — отрывает его от размышлений знакомый голос.

Креслин фокусирует взгляд и видит входящего в комнату рослого мужчину. Это Хайел.

— Да так, как...— он умолкает, сообразив, что признаваться подчиненному в своей глупости глупо вдвойне,— ...как, наверное, и должен чувствовать себя тот, кто схлопотал в плечо стрелу. Прости, что оставил окончательное наведение порядка на тебя с Шиерой.

— Ничего, дело было интересное,— с невеселой усмешкой говорит Хайел.— Знаешь, я ведь на самом деле не верил твоим байкам про этих стражей, пока не увидел, как они дерутся,— он качает головой и добавляет: — А люди, видевшие тебя, и вовсе думают, что ты ангел, сошедший...

— Ну, уж это чересчур.

— Не скажи. Ведь ты у них на глазах уложил полдюжины человек и вызвал бурю, которая потопила одиннадцать кораблей. Она не унялась окончательно и по сей день. Да и соправительница твоя отличилась, подожгла корабль и опалила огнем пару десятков хаморианцев, а нескольких уложила мечом.

— Ладно... Хоть кто-то из них уцелел? — спрашивает Креслин, желая сменить тему.— Пленные есть?

— Десятка, наверное, с полтора. В основном с того корабля, который ты выбросил на берег. Мы с Шиерой решили — надеемся, что ты это одобришь,— использовать их на строительстве и полевых работах, пока не получим выкуп. Но не всех вместе, а разбив на всякий случай на маленькие группы. Кстати, о строительстве... Клеррис наделал достаточно стекол, чтобы застеклить окна жилых комнат Черного Чертога. А как небо прояснится, мы займемся достройкой остальных помещений и гостевых домов. А там и гостиницей — сдается мне, что скоро у нас будут визитеры.

— Я тоже так думаю. Но тебе стоило бы попросить Шиеру заняться обучением твоих солдат.

— Ну... Тут такой дождь... Мы решили, что в большом зале как раз можно... После того, как они увидели... Короче говоря, мы уже начали.

Юноша с серебряными волосами прячет ухмылку.

— Надо полагать, Шиера куда лучшая наставница, чем я.

— Опять же, не скажи. Она, например, утверждает, что ты являешься одним из немногих мастеров клинка Западного Оплота, но пока ты оставался там, рассказывать тебе об этом было строжайше запрещено. А правду говорят...— тут Хайел понижает голос и принимается шептать.— ...будто ты сбежал из дорожного лагеря Белых магов?

Креслин, уже начавший уставать, откидывается на подушку.

— Это правда. Но мне помогли.

— Да... но тому, что Белые хотели держать тебя в плену, удивляться не приходится.

Креслин молча смотрит в узкое окошко, гадая, скоро ли посветлеет небо. Хорошо бы поскорее.

— Ну, мне, наверное, уже пора идти,— неожиданно заявляет Хайел.

Удивленно повернувшись в сторону капитана, юноша мгновенно понимает в чем дело: в комнате пламенеют рыжие волосы.

— Ладно, потолкуем в другой раз.

Хайел ухмыляется, но тут же придает физиономии почтительное выражение и, повернувшись, склоняет голову:

— Добрый вечер, регент Мегера.

— Добрый вечер, Хайел. Можешь остаться.

Креслин, обрадовавшись ее появлению, с удовольствием прислушивается к такому знакомому, с легкой хрипотцой, голосу. Хайе-лу, напротив, неловко:

— Благодарю, регент, но мне нужно проверить караулы.

— Как знаешь,— Мегера усаживается на табурет в ногах кровати. В комнате сумрачно, и прочитать что-либо по ее глазам решительно невозможно.

— Похоже, ты залежался,— говорит она.

— Это, наверное, оттого, что я малость переусердствовал.

«...малость?.. переусердствовал?..»

Ее взгляд перебегает к окну.

— Ну, с бурями, пожалуй, и так. Здесь никогда не было такого ливня, а Клеррис говорит, что дождь будет идти еще несколько дней.

Креслин непроизвольно пожимает плечами и тут же морщится от боли.

— В то время я думал не о погоде. О кораблях — как бы не дать им уйти.

— Между прочим, уцелевшие хаморианцы сами не хотят никуда уходить,— с улыбкой говорит Мегера.

— Почему?

— Знаешь, как поступает император с солдатами, не исполнившими долг?

— А...

— И кроме того, они считают, что здесь безопаснее.

Креслин хмыкает:

— Это только до тех пор, пока Белые маги не измыслят новую каверзу. Или тот же Хамор.

— Вряд ли Хамор повторит нападение, во всяком случае пока жив великий Маг-Буреносец. Кому охота терять войска и суда ради пустынного острова?

— Скоро он перестанет быть пустынным и приобретет ценность.

— Возможно. Но пока он таков, каков есть, суженый.

Только сейчас Креслин замечает, что стражи — и когда они успели? — удалились и закрыли за собой дверь. Дождь не перестал, но уже не барабанит с прежней яростью.

— Что мы будем делать? — помолчав, спрашивает Мегера.

— Разве мы не можем... научиться... жить вместе?

— Ты? Я? — смех ее звучит жестоко и холодно.— Это при том, что нас связывает и разделяет...

«...по-прежнему ничего не изменилось...»

— А есть ли у нас выбор? — устало говорит юноша.

Мегера не отвечает. Она молча сидит на табурете до тех пор, пока усталость не смыкает веки Креслина.

XCVI

Маленькая комната на верхнем этаже ярко освещена четырьмя бронзовыми лампами с зеркальными отражателями. За узкими окнами вот уже восьмой день льет дождь.

— Если это не прекратится, Дженред, нигде в восточном Кандаре не удастся собрать урожай,— сетует грузный Белый маг.— А посол Хамора заявил протест. Он утверждает, что его с помощью магии принуждения заставили сообщить в столицу о наличии на Отшельничьем похищенных из Оплота сокровищ.

— Вот так новости! Хаморианцы ведь не верят в магию...

— Император не может не верить фактам. Он потерял двенадцать кораблей и весьма этим раздражен.

Хартор беспокойно ерзает на стуле и оглядывается в сторону полуоткрытой двери.

— Ну что ж, попытка того стоила,— отзывается худощавый чародей и, словно уловив что-то в воздухе, поднимает голову. Потом, хмурясь, возвращается взглядом к пелене дождя за окном.— Да, Креслин силен,— соглашается он.— Надо отдать ему должное.

— Силен? Да это все равно, что сказать: «На Крыше Мира зимой холодно»!

— Ну и что с того? — роняет Дженред. Его тревожит нечто неуловимое, то ли шепоток, то ли запах....— Для нас это не опасно. Он не собирается покидать свой остров, а у Хамора будут основания для тревоги...

— Дженред,— медленно произносит Хартор,— почему ты в свое время не оставил Креслина в покое? Не дал ему спокойно побродить по Фэрхэвену? Скорее всего, он прибился бы к Черным, прошел у них обучение и жил себе спокойно, не представляя ни для кого угрозы.

— Это было невозможно.

— А вот мне кажется, что дело в другом. И Совет, кстати, разделяет мое мнение.

— Ну и в чем, по-твоему, дело? — взгляд худощавого чародея перебегает от окна к двери и обратно.

— В том, что в лице Креслина ты преследовал Верлинна, единственного, кому удалось уйти из-под твоего влияния. А в политике, знаешь ли, ненависть вредна. Мы не можем позволить себе принимать решения, руководствуясь личной неприязнью.

Дженред пытается подняться, но ноги подкашиваются, и над ним смыкается черное беспамятство.

Глубоко вздохнув, Хартор склоняется над бывшим Высшим Магом и снимает с него амулет и золотую цепь. Затем он переводит взгляд на темные облака за окном, а когда в комнату входят стражи с оковами из холодного железа, возлагает регалии на себя.

XCVII

Креслин стоит на склоне холма, выходящем на Восточный Океан, и смотрит, как низкие волны пенятся возле уткнувшегося в песок корпуса хаморианского корабля. Мегера, по его ощущениям, находится далеко от побережья. Кажется, ее окружают стены — возможно, стены цитадели. Взгляд юноши возвращается к корпусу судна, единственному, что уцелело от неприятельского фло-та. Печально покачав головой, он с тихим смешком поворачи-вается и решительно направляется к жилищу Клерриса и Лидии.

Клерриса дома не оказывается, а Лидия приглашает юношу на только что построенную крытую террасу. Она предлагает ему стул, а сама присаживается на невысокую ограду.

— Как ты? — спрашивает целительница.

— Пока все нормально. Мегера по-прежнему проводит ночи в цитадели.

— Ты ожидал чего-то другого?

— Я надеялся.

— Но пришел ты сюда не из-за этого,— говорит Лидия, взглянув ему в глаза.

— Ты права. Мне нужен Клеррис, потому что я хочу построить корабль. Точнее, даже не построить, а перестроить.

— Ну, ему твоя затея может понравиться: строить да перестраивать он любит больше, чем возиться с растениями. Но перестраивать-то что, рыбацкие скорлупки?

— Хаморианскую шхуну, что выброшена на восточное побережье.

— А это возможно?

Креслин пожимает плечами:

— Хочется верить, потому что нам очень нужны собственные корабли. Для ведения собственной, прибыльной торговли.

— Это большое дело.

— Наверное, но мы могли бы привлечь к работе пленников. Сначала в качестве судовых плотников, а потом... Возможно, некоторые не отказались бы вступить в команду.

— О какой команде идет речь? — спрашивает появившийся на пороге Клеррис, и юноша излагает замысел во второй раз. Пока он говорит, Лидия тихо уходит, оставив мужчин вдвоем.

— Даже не знаю...— неуверенно произносит Клеррис.

— Надо попробовать,— настаивает Креслин.— Я поговорю с Хайелом и Шиерой насчет привлечения пленных к этой работе. Заметь, судно выброшено не на камни, а на песок. Это делает возможным подкоп, а значит, облегчает ремонт.

Глядя поверх плеча собеседника, юноша видит, как Лидия выходит из дома и направляется вниз по склону, к хижине, которую Мегера приспособила для варки стекла.

— Когда-нибудь...— с улыбкой замечает Клеррис — когда-нибудь ты все-таки возьмешься за дело, справиться с которым невозможно.

— Уже взялся,— вздыхает Креслин.— Это Мегера. Но я должен действовать так, словно могу добиться успеха.

— А ты говорил об этом Лидии?

— Нет.

— А надо бы.

— Зачем?

Клеррис качает головой:

— Ладно, это не к спеху. Ты хочешь переговорить с Хайелом прямо сейчас?

— Почему бы и нет?

— Тогда я с тобой. Пусть уж он думает, что мы спятили оба.

XCVIII

Облаченная в черную кожу женщина стоит в лучах вечернего солнца. Она видит, как пик, именуемый Фрейджа, обращается в сияющий меч, воздетый на фоне башен заката. Ее непокрытые черные волосы шевелит ветер, кажущийся здесь, на Крыше Мира, теплым и ласковым.

Женщина, стоящая рядом с ней, гораздо моложе. Она тоже в коже, но зеленой, а в руках держит папку для бумаг.

— Они уже начали изменять мир...— размышляет вслух черноволосая.

— Начали? — переспрашивает маршалок, чьи волосы как серебро.

— Да,— подтверждает маршал.— Никто, кроме них двоих, на такое не способен. В этом Риесса была права. Но,— она пожимает плечами,— они по-прежнему борются друг с другом.

— Эти депеши, они не...

— Если только Креслин не проявит больше понимания, чем я,— он уничтожит и себя, и ее.

— Трудно поверить.

— Хочешь верь, хочешь нет. Но такова его сила.

Маршал отворачивается и снова смотрит на ледяную иглу, пока та не начинает блестеть в свете взошедшей луны.

XCIX

Море, птицы, песок и выступающий над прибоем черный валун. Сколько на побережье таких мест, Креслин не знает, но зато точно знает, что в одном из них находится Мегера.

Слегка покачав головой, он прячет камнерезные инструменты в сундук и ждет. Ждет, хотя знает, что ожидание бесполезно, ибо до сих пор подобные чувства всегда влекли за собой боль.

Наконец юноша пожимает плечами и направляется к умывальне. Он ежится под холодной водой, намыливаясь твердым, как камень, мылом, чтобы отскрести смешавшуюся с потом грязь. После выздоровления он слишком мало времени уделял магии и вопросам управления островом — больше занимался строительством, а еще больше размышлял. Однако так или иначе пленные хаморианцы уже закончили выкладывать поребрики дорожек, а в гостевых домах поставили внутренние перегородки и настелили кровли. Теперь можно надеяться, что Черный Чертог со временем и впрямь станет таким, каким выглядел на рисунках Клерриса. Одно плохо: те двое, для кого он выстроен, неспособны жить рядом.

Выйдя из-под холодной струи, Креслин растирается старым, пронесенным им через весь Кандар и за его пределы полотенцем и кривит губы в горестной усмешке. Чего у него только нет: и титул, к которому он никогда не стремился, и владения, которых никогда не добивался, и любимая женщина, от брака с которой бежал через снега Закатных Отрогов!.. И на которой женился, принуждаемый обстоятельствами.

«И вожделением», — тут же поправляет себя Креслин. Он хочет Мегеру, и незачем перед собой лукавить. Вот и сейчас, стоило только вспомнить о ней, ему приходится усилием воли отгонять рождающиеся в сознании соблазнительные видения.

Пришло время так или иначе определить свою судьбу. Подумав об этом, юноша фыркает, находя слова «определить судьбу» слишком претенциозными.

Волосы его еще не высохли, когда он, в сапогах и рубахе с короткими рукавами, направляется вниз по пыльной дороге. Белых магов можно не любить, но в том, что хорошие дороги способствуют торговле и сближают людей, они безусловно правы.

На ходу Креслин касается ветров и просматривает побережье. На одном участке есть и песок, и птицы, но нет ни черного валуна, ни Мегеры. На другом находится и валун, но Мегеры нету и там.

Лишь проверив пять песчаных отмелей и отмахав добрых шесть кай, он спускается по каменной осыпи к пляжу, где на фоне черного камня видны серое одеяние и огненная шапка волос.

— Мегера... — произносит он с замиранием сердца.

«...Будь ты проклят... суженый...»

От этих, не произнесенных ею вслух, слов ноги его едва не подкашиваются, но ему удается не поскользнуться на осыпающемся склоне, и скоро его сапоги погружаются в мягкий, омываемый морем прибрежный песок.

А сердце сковывает холодом страха. Креслин замедляет шаг, не сразу осознав, что это не его страх. Она боится, но почему?

«...потому, что ты сильнее меня, сильнее во всем, кроме, может быть, воли... потому что я всегда буду вынуждена подчиняться... Мое тело не может вынести... так же, как не может твоя душа...»

Обрывки ее мыслей заполняют его сознание, заставляя остановиться у линии прибоя. Волны пенятся всего в нескольких локтях от его ног. Солнце над головой превращает дымчатую пелену облаков в золотистую кисею, а влажный морской бриз неожиданно пробирает холодом.

— Мегера.

— Да, суженый.

— Почему... почему ты... избегаешь меня?

«...чтобы спасти... твою душу... себя...»

— Правильнее сказать, бегу от тебя, — произносит она вслух.

Что на это сказать, Креслин не знает. Знает лишь, что всегда любил эту женщину.

«...Любовь? Да ты понятия не имеешь о любви! Похоть — вот что такое твоя любовь...»

— «Всегда хотел эту женщину», — поправляет она его вслух.

— Да... но не только. Не только это, — желудок не сжимается, а сознание того, что он говорит правду, придает юноше уверенности.

«Почему... любовь? Как можно называть... это... любовью?..»

— Ты сам себе лжешь. Твои чувства не имеют к любви никакого отношения, — заявляет она, однако его уверенность несколько ее смущает.

— Может быть, ты сама не знаешь, что такое любовь? — говорит он.

«...не знаю... что это такое?.. да ты понятия не имеешь...»

— Я знаю то, что я знаю, — сердце Креслина готово выскочить из груди, но голос звучит совершенно спокойно.

«...ничего ты не знаешь...»

— Может быть, тебе стоит узнать, на что это похоже, — Мегера устремляет на Креслина немигающий взгляд.

— Что — «это»?

«...твоя... любовь...»

— То, что ты называешь любовью.

Мегера усмехается и картинно поднимает руку; на кончиках ее пальцев разгорается пламя.

Огонь лижет его — или все-таки ее? — предплечья, и на лбу юноши выступают бусинки пота. Противоборство хаоса и гармонии скручивает его желудок узлом.

— Ну давай, суженый...

«...нет ничего лучше холодного железа...»

Мегера воздела обе руки. Голос ее тверд, зато внутри все болезненно перекручено, что вовсе не свидетельствует об уверенности в своей правоте.

«...ничего лучше, чем сражаться холодной сталью...»

Пламя с шипением вспарывает зеленовато-голубое небо.

Креслин остается на месте, но от напряжения и боли мышцы его вздуваются узлами.

— Тебе, ненаглядный муженек, не приходилось выносить такое всю жизнь!

«...будь проклята ты, сестрица... и ты, безмозглое орудие... если...»

Уловив под опаляющей болью отзвук иного страдания, Креслин заставляет себя сделать глубокий вдох, а потом и шаг к

тому краю валуна, где сидит Мегера. И вновь обжигающая белизна, скрытая в последнее время за окружающей ее аурой черноты, взметается к ясному восточному небосклону.

Пламя везде — сама кровь в жилах Креслина обращается в жгучую кислоту. Он горит и изнутри, и снаружи, но все же делает еще один шаг. Мегере, наверное, еще больнее. Каково же ей было терпеть подобные муки долгие годы?

«...пришлось нелегко... суженый...»

Снова, выжигая все и вся, вспыхивает белое пламя, и снова, наперекор невыносимой боли, Креслин, словно к разящему огню демонов света, шагает по направлению к ней.

— Ты все еще любишь меня, о суженый?

«...как ты можешь называть... это... любовью?..»

— Да, — хрипит он, одолев уже половину разделяющего их расстояния. Мегера, сидящая на краю огромного скального обломка, находится теперь в пяти локтях от него.

— Так узнай всю меру... моей любви... к тебе...

«...Любовь — это... боль... печаль...»

Юноша успевает сделать два шага, прежде чем ощущает сгущение белизны, предшествующее очередной вспышке. Но если путь к жене лежит сквозь пламя, он должен его пройти.

«...никогда... ни у кого... такой любви...»

— Прекрасная мысль,— голос Мегеры звучит прерывисто, и за ним угадывается тревога, угадывается чувство утраты.

Креслин заставляет себя сделать еще шаг.

Пламя уже не шипит, а ревет. Оно струится по жилам, заполняет все его естество; жгучая, яростная белизна слепит глаза. Он валится на валун, едва успев выставить руку, и боль, обычная боль от ушиба, воспринимается им чуть ли не как избавление. Скрежещут сжатые зубы, но юноша поднимается и, шатаясь, шагает снова.

— Взгляни... на свои руки.

Креслин и без того знает, что они обожжены, словно были засунуты в очаг. С трудом удерживаясь на ногах, он подается вперед и, схватив Мегеру за локти, тянет на себя, так что его пальцы соскальзывают на ее запястья.

Снова шипит пламя.

Слышится стон, но кто из них двоих стонет, Креслину уже не разобрать. Он заключает Мегеру в объятия. Она соскальзывает с валуна, но он удерживает ее, чувствуя, как его подошвы погружаются в мягкий песок под их общей тяжестью.

Боль, но уже иная, пронзает плечо, в которое впиваются ее зубы. Он пытается отстраниться, и ее колено, метившее в пах, ударяет его в бедро.

— Ты связал меня так... как никто... никогда...

«...не покорюсь... даже тебе...»

— Я точно так же... связан... и сам, — задыхаясь под стать ей, с трудом выговаривает Креслин.

— Не так. Совсем иначе. Ты выбрал это сам... Я — нет.

«...все иначе. Ты сам решил связать себя со мной. А я не решала, у меня выбора не было...»

Слова Мегеры — и произнесенные вслух, и звучащие в голове Креслина эхом ее мыслей, леденят его кровь, заставляя в ужасе отпрянуть и отступить на шаг.

— Ты сам решил! — слышит он вновь и вновь. — Ты выбрал это... я — нет. Ты выбрал... я — нет. Я не решала, у меня выбора не было. Выбора не было...

Юноша не видит ни набегающих на берег и откатывающихся волн, ни кружащих над головой белых чаек. Глаза его полны слез. Он молчит — у него нет слов.

Потому что Мегера права. Мегера права.

«...права... права... права...»

Связав себя с ней, посягнув на ее мысли и чувства, он совершил очередной акт насилия, ничуть не лучший, чем насилие плотское.

Спотыкаясь, шатаясь, ничего не видя перед собой, Креслин бредет прочь, сам не зная куда. Да в этом и нет нужды, так как идти ему некуда.

Мегера права, а у него нет ни слов, ни желаний.

«...уходи... нет... сама не знаю... не хочу, чтобы оставался... не хочу, чтобы уходил... будь ты проклят... будь проклят!..»

Уйти Креслин не может, как не может вымолвить хотя бы слово, как не может видеть сквозь туманящие взор слезы.

Все это время она боролась с ним, но боролась лишь за свою свободу — пыталась убежать, как пленник или посаженный в клетку зверек. Даже нападая, она в действительности защищалась, желая только бежать.

Юноша сознает, что точно так же, как он никогда не увидит воочию ледяного шпиля Фрейджи, так не дано ему будет коснуться любимой женщины. Женщины, которую он, даже не притронувшись к ней, подверг насилию.

Волны вспениваются у самых его сапог, но не достигают их, как ему никогда не удавалось понять Мегеру, достучаться до нее. Ему кажется, что окутанное золотистой дымкой солнце прячется за темные тучи, а прохладный ветерок не приносит облегчения ни его обожженным рукам, ни опаленной душе.

Мегера стоит, словно окаменев, и взгляд ее устремлен в море. Креслину нечего ей сказать. Он не может удержать ее, не может взять на себя боль, которую ей причинил. И он делает то единственное, на что способен сейчас, — поет старую песню.

...На побережье восточном, где пены белые клочья,
Прислушайся к песне ветра, к земле опустив очи,
Солнечный свет ясный любит ветер восточный,
А западному милее тьма и прохлада ночи.
А северный ветер студеный веет один где-то,
А я, тобою плененный, дневного боюсь света.
Сердце мое похищено тобою в ночи ненастной,
И огни, тобою зажженные, дольше солнца не гаснут...
...Дольше солнца не гаснут, там, где пены белые клочья,
Так послушай же песню ветра, к земле опустив очи...

Пусть, как прежде, не угасают
До рассвета твои костры,
Но уж смерть меня поджидает
На холодной вершине горы,
Ибо ветер стальной ярится
И доносит правду о том,
Чего не могу я добиться

...Чего не могу добиться там, где пены белые клочья.
Так послушай же песню ветра, послушай, потупя очи!
Ибо это правда печальная —
То, что было сказано мною,
И к любви твоей изначально
Я стремился всею душою;
И пусть ты мне сердце терзала,
И пусть ссорились мы немало,
Но едва ты меня покинула,
Жизнь моя никчемною стала.

Да, совсем никчемною стала, там, где пены белые клочья!
Так послушай же песню ветра, опустивши к земле очи!
Да, послушай же песню ветра, опустивши к земле очи...

Допев, Креслин умолкает и застывает, обхватив словно сведенными судорогой руками посеревший от жара камень и не замечая хода времени. Над головой начинают сгущаться тучи, хотя он не призывал ветра. Как не призывала и Мегера — ему известно, что теперь она знает все, что и он. Если не больше.

— Нет... Есть одно, чего я не знаю, — тихо произносит она, но Креслин не двигается.

Лишь через некоторое время он спрашивает, но не о сказанном ею только что, а о другом:

— Почему ты никогда не отвечала мне ударом на удар?

«...потому что... потому что ты меня любишь...»

Да, эта любовь безумна и невозможна, но он любит ее. Любит, хотя никогда не сможет прикоснуться к ней, не сможет удержать ее возле себя.

— Ты сможешь, мой суженый.

«...суженый...»

То, что Мегера сдвинулась с места, Креслин осознает, лишь когда она оказывается рядом с ним.

— Почему?

«...потому что ты любишь меня. И потому, что я никогда не могла бы полюбить никого другого....»

— Ты заслуживаешь не только быть любимой, но и любить самой, — эти слова даются юноше нелегко; он сознает, что, возможно, отталкивает ее, но считает себя обязанным быть с нею честным, чего бы это ни стоило. Особенно сейчас. Только сейчас он понял, что, думая, будто был честен с нею прежде, он заблуждался.

— Не отпускай меня. Пожалуйста...

«...всегда боролась с тобой... но ты уже знаешь... не отпускай...»

В горле его ком, а к глазам вновь подступают слезы.

— Ты не ошибаешься?

На сей раз молчит она, да и зачем слова, если она уже обхватила руками его шею и, всхлипывая, припала к его плечу.

«...любить так трудно...»

— Ты просто не отпускай меня... не отпускай...

«...не отпускай...»

— Никогда...

«...никогда...»

Волны с тихим шелестом набегают на берег и откатываются назад, а мужчина и женщина идут по песку в сторону далеких Башен Заката. Они молчат, окруженные черным свечением, видеть которое, кроме них самих, дано лишь немногим. Один-единственный солнечный луч падает на песок, но тут же исчезает, словно уступив им дорогу.

Западный небосклон затянут грозовыми тучами, отчего Башни Заката кажутся меньше.

Но они остаются на своих местах, а плотные штормовые облака образуют над ними некое подобие черной арки, по направлению к которой идут эти двое, душа в душе и рука в руке.

Часть третья
МАСТЕР ГАРМОНИИ

С

Креслин бредет вверх по песчаному склону, согнувшись под импровизированным коромыслом, уравновешенным с обоих концов двумя деревянными ведрами соленой воды. Солнце едва осветило Восточный Океан, но у регента это уже вторая ходка.

Опустив коромысло на черные каменные плиты, он сосредоточивается на одном из ведер. Вода бурлит, и на камнях рядом с ведром появляется кучка грязновато-белых крупинок. Повторив то же самое со вторым ведром, юноша выливает пресную воду в каменный резервуар и закрывает крышку.

— Креслин!.. Креслин!..

«...вот ведь идиот...»

Убрав коромысло и пустые ведра в нишу, служащую кладовкой, юноша направляется на террасу, где его встречает одетая в тонкую вылинявшую сорочку Мегера.

— Тебе не кажется, что это не больно-то эффективно?

— В каком смысле?

Креслин вытирает лоб. Над побуревшими холмами к западу от Черного Чертога в воздухе змеями изгибаются почти видимые черные волны жары.

— Неужто, кроме тебя, некому таскать воду?

— Привычка...

— Но никто, кроме тебя, не умеет опреснять воду.

— Почему? Ты это умеешь. Да и Лидия с Клеррисом — тоже.

— Замечательно! — в голосе Мегеры сквозит раздражение.— Но так или иначе это под силу лишь немногим. Неужели тебе непонятно, что грубую работу может выполнять кто угодно, ты же должен заниматься тем, с чем не справятся другие!

— Например, мудрым управлением?

— Хотя бы и так, суженый.

— Наверное, ты права, но, боюсь, в некоторых отношениях я не создан для власти. Мне трудно надзирать за тем, как работают другие. Трудно сидеть и наблюдать, как солнце иссушает землю. Трудно ждать, когда прибудут корабли...

— Я не о том говорила!..

«...идиот!..»

Язычок белого пламени прорывается из окружающей ее невидимой черноты — вызванный гневом всплеск не желающего исчезать хаоса.

— Ты валишь в одну кучу все виды работы, включая физический труд, а между ними имеется большая разница. Быть правителем — значит работать умом, а не руками, и ты на это вполне способен. Но стоит тебе огорчиться, как ты стараешься забыться, занявшись грубым ручным трудом.

— Да вовсе я не расстроен,— говорит Креслин, пытаясь изобразить усмешку.

— Кого ты хочешь обмануть?

— Ладно, я расстроен. А как иначе? Гостиница, можно сказать, закончена, но селить в нее некого. Поля дали всходы, но урожай может погибнуть из-за нехватки воды. Сушь такая, что яблуши осыпаются с деревьев. Меня воротит от одного вида сушеной рыбы, так же, как и всех остальных. Лидия предупреждает, что никаких пряностей не будет до осени... Если они вообще будут. Когда я таскаю воду, то приношу хоть какую-то пользу. Или прикажешь сидеть сложа руки, дожидаясь, пока солнце превратит нас в уголья?

— Между прочим, мы здесь из-за тебя.

Креслин переводит взгляд с побуревших холмов на едва тронутую волнением воду Восточного Океана. Куда бы он ни смотрел, всюду — и над холмами, и над пыльными, высохшими низинами, и над колючими сорняками, и даже над самым побережьем Восточного Океана — расходятся дрожащие волны раскаленного воздуха. Обжигающее солнце вершит свой путь по безоблачному небу.

— Ты права. Отныне я буду носить воду только для нас.

— Для нас я и сама могу.

Он отвечает на ее улыбку улыбкой.

— Перекуси, прежде чем отправишься умываться.

Креслин с усмешкой поднимает руки, показывая, что сдается, и усаживается на ограду террасы. Между ним и Мегерой лежит краюха черного хлеба и два яблуша. Тут же стоят две кружки с соком.

— Все-то у тебя предусмотрено,— замечает он.

— Должен же ты поесть перед тем, как приступишь к работе на корабле!

— Корабле?

— Ты вроде бы собирался встретиться с тем хаморианцем.

— О-о-о...

— Только не говори, будто забыл.

— И не собираюсь,— смущенно бормочет юноша.

— А зря,— смеется Мегера.— Ты ведь и вправду забыл, мне ли не знать!

Отломив кусок крошащегося хлеба, он отпивает глоток и спрашивает:

— А у тебя на сегодня какие планы?

— Мы хотим попробовать получить стекло, пригодное для посуды. Делать его труднее, чем оконное, но зато Лидия уверяет, что стеклянную посуду можно с выгодой продавать в Нолдре. А ведь ты, суженый, сам настаивал на всемерном расширении торговли.

Чтобы разжевать сухую корку, Креслину приходится сделать очередной глоток, после чего он, все еще с набитым ртом, отзывается:

— Товары нужно на чем-то возить, так что без флота нам не обойтись.

Мегера кивает.

Закончив есть, он тянется за блюдом, но она останавливает его:

— Сама уберу. Тебе пора к кораблю.

— Я бы не спешил называть эту лохань кораблем.

— Да как ни называй...— встав, Мегера порывисто обнимает юношу, но прежде чем он сам успевает заключить ее в объятия, отстраняется и, прихватив поднос и кружки, спешит к двери. У порога она задерживается:

— Ты будешь в цитадели?

— Ну, если ты придешь...— тянет он, посматривая на нее с хитрецой.

Мегера качает головой.

«...ну, зверь...»

Не вполне уверенный в том, как следует воспринимать эту мысль, Креслин пожимает плечами. Мегера исчезает за дверью.

Довольно скоро юноша спускается к песчаному берегу, где возле корабельного остова его поджидает плотный мужчина в коротких штанах и тунике без рукавов — хаморианец по имени Байрем.

— Засел намертво, господин,— сообщает он.

Зайдя со стороны воды, Креслин скользит взглядом вдоль корпуса от кормы до наполовину зарывшегося в мягкий песок носа.

— Как глубоко погрузился киль?

— Локтей на пять-шесть,— отвечает, наморщив лоб, Байрем.

Креслин качает головой.

— Но это не самое трудное, господин. Глубже всего корабль зарылся носовой частью, а она сравнительно легкая. Основная тяжесть сосредоточена посередине,— хаморианец вытирает лоб и спрашивает: — А нельзя ли сдернуть корабль с помощью такой же... такой же бури, какая забросила его сюда?

— Буря поднимет на море волны, а волны загонят корпус еще дальше на берег. Если только не...— вытирая со лба пот, грозящий попасть в глаза, Креслин направляется к кромке воды.

Корма судна находится в воде, хотя глубина возле руля не более двух локтей. Присмотревшись, юноша снимает сапоги, заходит на мелководье, обследует корму и возвращается к плотному загорелому коротышке.

— Скажи, Байрем... Можем ли мы раздобыть паруса?

— В рундуке есть старый грот и несколько марселей. Но грота при сильном ветре надолго не хватит, а остальные... Ты ведь не думаешь проволочь корабль по песку до воды с помощью парусов?

— Нет,— качает головой Креслин.— Просто у меня есть идея. Когда у нас самый высокий прилив?

— Да не больно он тут высокий: вода поднимается всего на пол-локтя. Это будет после полудня, если не вмешается шторм. Приливным волнам тут далеко до штормовых.

— Так нам нужен шторм или нет?

Подняв глаза на Креслина, Байрем отвечает:

— Думаю что все-таки нет: шторм повыбрасывает на берег слишком много обломков. Чтобы сдернуть корабль, лучше всего подходит спокойный полдень. Жаль, что здесь негде укрепить лебедку — это сильно упростило бы дело.

— Что-нибудь придумаем,— бормочет Креслин, спрятавшись в тени судового корпуса и отряхивая с босых ног песок.— Непременно придумаем...

CI

Грузный Высший Маг теребит пальцами висящую на шее золотую цепь с амулетом, а потом всматривается в зеркало на столе. Оно показывает пожухлые луга, засыхающие деревья и пыльную дорогу, ведущую к черной башне.

— Дженред был настроен слишком пессимистично. Он позабыл про тамошнее лето.

— Может быть, Хартор, может быть. Но Креслин — Маг-Буреносец. Что, если он притянет на Отшельничий дождь?

Сидящий напротив Хартора мужчина с седыми волосами, но отнюдь не старым лицом следит за тем, как в зеркале тает изображение.

— Притянуть дождь он, наверное, может,— соглашается Высший Маг,— но много ли это ему даст? После такого дождя дела пойдут еще хуже. Вспомни, после бури, уничтожившей флот Хамора, тоже шли дожди. В результате сады и поля на острове зазеленели раньше, чем следовало,— и тут на них обрушилась засуха. Ну, польет он свою зелень, а что потом?

— А что, если он устроит бурю, посильнее той?

— Гайретис, ты и вправду считаешь его способным изменять мировой климат? Это чересчур даже для Креслина.

— Не забывай, у него имеются опытные советчики, Лидия с Клеррисом. Да еще помогает эта... его подруга...

— Кажется, тебе не по нраву то, как она переменилась, а?

— Я просто не считал такое возможным,— признает Гайретис.— Но не в этом дело. Креслин всегда делает то, что считалось ранее невозможным. Что, если он удивит нас и на сей раз?

— Если он призовет на Отшельничий долгие и сильные дожди, засуха может поразить весь Кандар,— хмуро отзывается Хартор.

— Вся эта неразбериха досталась тебе в наследство от Дженреда,— говорит Гайретис, вставая,— но постарайся не повторять его ошибок. Совет не склонен к излишней снисходительности.

— Я знаю. Знаю. И хочу найти способ изолировать их на Острове, даже если он все-таки справится с засухой.

— Ты, часом, не хочешь напасть в открытую? — спрашивает Гайретис, задержавшись у выхода.

— А ты?

— Не считаю это разумным, во всяком случае пока не изменятся обстоятельства. А вот как их изменить — это уж твоя забота. Всего доброго.

Новый Высший Маг подходит к окну, рассеянно отмечая возросшее напряжение внутри несущих каменных стен. Пришло время Черным — тем, которые еще остались,— перестроить внутреннюю структуру камня.

Но это пустяки в сравнении с его главной головной болью. Как отрезать Креслина от внешнего мира? Ведь стоит прервать его связи с Западным Оплотом, Сарроннином и Монтгреном, ему придется туго. Выжить — и то будет непросто.

Хартор вновь задумчиво хмурится, а его пальцы то и дело теребят амулет.

CII

— Я укрепил рангоут, насколько это было возможно. Так что остался только парус, но тут уж на многое рассчитывать не приходится.

— Это все, о чем я мог попросить,— отвечает бредущий по песку Креслин. Еще утро, но припекает так, что он не в первый раз с тоской вспоминает прохладу Закатных Отрогов.

Клеррис старается приноровиться к его шагам.

Выброшенная на берег шхуна теперь находится в небольшом пруду, вокруг которого собралось около двух десятков человек, по большей части хаморианских пленников. К середине корпуса с каждого борта прикреплено по перлиню.

Байрем, в тех же коротких штанах и тунике, выходит вперед:

— Часть корпуса по-прежнему погружена в песок, но уже не так глубоко и удерживается не так прочно. А копать глубже рискованно.

— Ну что ж, попробуем как есть...— Креслин прощупывает шхуну чувствами, пытаясь определить, смогут ли ветра вырвать ее из песчаного плена.

— Дай нам знать, когда начнешь,— говорит Байрем, переводя взгляд с двух магов на людей, стоящих у перлиней.

— Насколько прочен парус? — интересуется Креслин.

— Он может выдержать сильный ветер, но равномерный и устойчивый. Резкие порывы или частые перемены направления разорвут его довольно скоро.

Креслин тянется к небесам, призывая вниз не веющие на головокружительных высотах ледяные ветра зимы, а более спокойные воздушные потоки из тех, что гонят по морю торговые парусники.

— Готовь своих людей. Он начинает,— говорит Клеррис Байрему, указывая на юношу.

— Натянуть перлини! — командует хаморианец.— Раз-два, взяли...

Серый квадрат паруса начинает наполняться ветром, но корпус даже не шевелится.

— Тяни! Тяни!

Шхуна по-прежнему остается увязшей.

Глубоко вздохнув, Креслин поворачивает вниз несколько высоких потоков, стараясь направить воздушные струи точно в квадрат паруса.

— Тяни! Тя-ни! Тя-ни! — размеренными выкриками Байрем задает ритм людям, тянущим тросы.

Согнутые спины блестят от пота, мускулы напрягаются одновременно с усилением ветра.

— Тя-ни!.. Тя-ни!

Грот выгибается в сторону моря, корпус дрожит и кренится. Ветер свистит, но выкрикиваемые команды перекрывают его шум:

— Тя-ни! Тя-ни!

Еще раз содрогнувшись, корабль резко приподнимается.

Стоящий рядом с Креслином Клеррис сосредоточивается, распространяя темное свечение.

— Тя-ни! — ревет Байрем.— Тя-ни!

Спустя миг после того как шхуна, вздрогнув, начинает, набирая скорость, скользить по каналу в воды Восточного Океана, раздается страшный треск рвущегося паруса.

Хаморианцы и солдаты разражаются радостными криками, а вот Клеррис шатается.

— Что ты сделал? — спрашивает, поддерживая его, Креслин.

— Уменьшил трение... сделал песок более скользким.

— Как же я об этом не подумал?

— Ты не можешь думать обо всем,— отзывается Черный маг,— оставь чуточку и на мою долю.

Креслин утирает лоб, хотя ветер высушил пот, а палящее солнце скрылось за тучами. Но эти тучи не несут дождя, и даже отдаленные громовые раскаты не предвещают грозу.

Оба мага смотрят на Байрема. Его голос доносится теперь уже с мостика шхуны. Корабль тяжело движется к открытому морю на двух оставшихся парусах.

CIII

Стоя на террасе, Креслин смотрит на гладь Восточного Океана. В сером предрассветном свете вода кажется матовой. Ночь была душной, и он чувствует висящий в неподвижном воздухе запах собственного пота.

Мегера еще спит. Небо постепенно розовеет, а юноша, не замечая зари, думает об истощающихся источниках и обо всем, слышанном как-то от Клерриса насчет погоды.

Сзади к нему подходит Мегера. Руки ее ложатся на голые плечи юноши, губы касаются шеи.

— Спасибо.

— Никаких «спасибо», суженый. Скажи лучше, ты ведь мог просидеть здесь невесть сколько, а меня бы так и не разбудил?

Креслин кивает, а когда она, в тонкой вылинявшей сорочке, садится рядом с ним, говорит:

— Мне хотелось, чтобы хоть кто-то из нас выспался.

— Ты плохо переносишь жару.

— Да, чем жарче становится, тем больше я скучаю по Крыше Мира.

— Лидия полагает, что будет еще жарче.

— Жду не дождусь,— повернувшись, он обнимает жену за талию и на миг прижимает к себе, вдыхая ее запах, от которого к глазам подступают слезы.

«...нечего мне льстить... по утрам я так же потею, как и ты...»

Она берет его за руку. Некоторое время они молча смотрят на океан. Потом Креслин говорит:

— Если это не кончится, мы не выживем.

— Жара?

— Засуха. Прибывают люди. У цитадели разбила лагерь новая группа беженцев, примерно десяток. Кому-то из нас придется опреснять больше воды. Ябруши делаются бурыми.

— Лидия говорит, это из-за того, что вода из-под садов отводится на поля.

— Неважно, из-за чего именно, главное, что нехватка воды может сорвать все наши замыслы. Нам нужна пища, но если мы станем орошать поля, умрут сады, а пустим воду на сады — поляжет урожай на полях. А на закупку провизии при таком притоке поселенцев не хватит никаких денег.

Его тяжелая золотая цепь лишилась уже более половины звеньев, а ведь лето еще только началось.

— Ну и что ты по этому поводу задумал?

— Изменить погоду.

— Не очень хорошая идея.

«...ужасная!..»

Ее испуг так искренен и силен, что Креслин непроизвольно потирает лоб. Мегера краснеет:

— Прости. К этому еще нужно привыкнуть.

— Ну, кое к чему мы привыкли довольно быстро,— бормочет он, припоминая кое-какие события минувшей ночи, и краснеет еще пуще нее.

Они смотрят друг на друга — и покатываются со смеху.

«...иногда...»

«...ты...»

Несколько мгновений спустя Мегера говорит:

— Надеюсь, прежде чем начать изменять погоду, ты, по крайней мере, поговоришь с Клеррисом.

— Непременно,— чувствуя, что она собирается встать, Креслин поднимается и сам.— Пора одеваться.

— Ты хочешь поговорить с ним уже сегодня утром?

— А почему нет? Если я окажусь прав, можно будет сразу приступать к делу, а в противном случае придется искать другое решение. Так или иначе время терять не стоит.

Умывшись водой, принесенной Креслином с моря, они направляются к Краю Земли, куда, увы, добираются вспотевшими и запыленными.

— Как и не мылись,— вздыхает Мегера.

Клеррис их ждет — стоит на пороге бывшей рыбачьей лачуги, превращенной им в уютный дом с крытой террасой, где чувствуется прохладный ветерок с моря.

— Вы сегодня рано,— говорит он.— Шиера с Хайелом ждали вас попозже.

— Я хочу потолковать с тобой насчет изменения погоды, а Мегера полагает, что, как бы худо нам сейчас ни было, попытка установить на острове более влажный климат — не просто вызвать дождь, а именно изменить климат — может только усугубить ситуацию.

— Вопрос скорее теоретический,— задумчиво произносит Клеррис, проводя гостей на террасу,— а ты, Креслин вроде бы не большой любитель теорий.

— Теоретический?

— Ну,— улыбается маг,— до твоего появления на свет никто не обладал достаточной силой, чтобы попытаться совершить нечто подобное. Почему бы тебе не взять да и не попробовать?

— Мегера настоятельно этого не советует,— отвечает Креслин, ступая на террасу и подставляя лицо морскому бризу.

— Он кое о чем умалчивает,— говорит Мегера, переводя взгляд с одного мужчины на другого и приподняв на миг правую бровь.

— Ничуть в этом не сомневаюсь,— откликается Клеррис.— Раз уж вы пришли, значит, на то есть причина...

«...а когда ее не было?..»

— Вы оба правы,— признает Креслин.— Нам позарез нужна прохлада, а пуще того дождь. Я, конечно, могу призвать студеные ветра, однако чувствую, что сейчас это может вызвать такие разрушения, что когда пойдет нужный нам дождь, ему нечего будет поливать.

«...хорошо, хоть об этом подумал...»

— Пожалуйста, дай мне договорить.

— Прости,— краснеет Мегера.— Я все время забываю.

— Дело в том, что ты прикладываешь силу не там, где требуется,— говорит Клеррис, махнув в виде приглашения на грубо сколоченный стул.— Садитесь, тут разговор не на два слова.

Мегера занимает стул, а Креслин усаживается на низкую каменную ограду, откуда ему видны не только собеседники, но и пустая, если не считать все той же полузатопленной лодки, гавань.

— Представь себе рычаг,— говорит Черный маг.— Если он короток, то, чтобы сдвинуть камень, тебе потребуется приложить много силы, и камень, если сдвинется вообще, то почти сразу, в момент нажима. Более длинный рычаг требует меньшей силы, но давить придется дольше. Примерно то же самое применительно и к работе с погодой. Создав бурю, потопившую флот Хамора, ты приложил огромную силу, оказавшую немедленное действие...

— Выбирать особо не приходилось.

— Да никто тебя не упрекает,— качает головой Клеррис,— суть не в этом, а в том, что, проведав о нападении хамориан-цев заранее, ты мог бы потянуться дальше и не спеша, за несколько дней, слегка сместить кое-какие ветры, чтобы создать штормовой фронт только в нужное время и в нужном месте.

— Но откуда мне знать, как и какие ветра нужно перемещать?

Клеррис делает глубокий вздох:

— Буду рад объяснить, если ты, конечно, готов слушать. Помнится, я уже заводил такой разговор, но тогда тебя это не больно заинтересовало.

— Тогда меня мучила морская болезнь,— сухо отзывается Креслин, но под укоряющим взглядом Мегеры тут же извиняется: — Прости... ты прав. Мне следовало потом вернуться к этому разговору.

— Ладно. Может, выпьешь чего-нибудь, прежде чем мы начнем? Еще раз предупреждаю: разговор будет долгий.

Креслин кивает и встает.

— Я сама принесу,— встревает Мегера.— А ты, Клеррис, пока изложи Креслину основы, с которыми уже познакомил меня.

Креслин удерживает вздох: Мегера в очередной раз показала ему, что думать надо заранее, и думать как следует. Взяв другой стул, он садится поближе к Клеррису.

CIV

— Надеюсь, ты будешь учитывать все детали? — говорит герцог, пытаясь приподняться, опершись на подушку. Черноволосая женщина подносит чашку к его губам.

— Конечно, конечно...— женщина касается ладонью его горячего лба.— Я знаю, как ты беспокоишься.

— Хорошо...— бормочет он между глотками.

— Выпей еще. Тебе полезно.

— Жуткая бурда... а вот ладонь так холодит,— стараясь не хмуриться, женщина убирает чашку. Герцог бормочет: — Сколько же все это может продолжаться? Все хуже и хуже. Просто не знаю, что бы я без тебя делал,— он умолкает, несколько мгновений прерывисто дышит и добавляет: — Такая жара... такая сушь.

— Толкуют, что это дело рук Черных магов с Отшельничьего,— говорит Хелисс, ставя чашку рядом с высокой кроватью.— Они украли дождь.

— Не верю я в это,— выдыхает герцог.— Просто жаркий год. А когда Креслин был здесь, дождей выпало... больше... чем за

весь прошлый год. Позаботься о том, чтобы следующим кораблем на остров отправили жалованье.

— Все сделаю, дорогой, все сделаю,— она снова кладет ладонь на вспотевший лоб.— Но тебе нужно отдохнуть.

— Отдых, отдых... Я только и делаю, что отдыхаю.

Хелисс убирает руку. На ее пальцах дрожат красновато-белые огоньки.

Герцог лежит с закрытыми глазами и хрипло кашляет.

— Спи спокойно, дорогой. Спи спокойно,— говорит Хелисс и, повернувшись к сидящей на табурете у окна девушке, добавляет: — Если ему что-нибудь понадобится, пошли за мной. Стражи знают, где меня найти.

— Да, госпожа.

Герцог снова заходится кашлем, но Хелисс уходит из комнаты больного, не обернувшись.

CV

С террасы, обращенной к югу, открывается вид на простирающееся до пыльного горизонта высохшее плато. Восточный Океан тих, и волны едва облизывают песок под террасой.

Креслин уныло смотрит на ведра и коромысло, представляя, сколько воды придется ему опреснить за сегодняшний день для нужд цитадели и горстки обосновавшихся на Краю Земли беженцев. Мегера утверждает, что ему не следует отвлекаться на примитивный физический труд, а таскать воду — занятие именно такое.

— Креслин,— тихонько зовет Мегера, вышедшая на утренний свет из дома босая, в одной тонкой сорочке.

«Интересно, чего она хочет?» — думает он.

«Ну вот, неужели сразу заметил? — морщится она.— Будь ты проклят...»

Но раздражения в этой мысли нет, разве что чуть сожаления.

— Прости,— произносит он.

— Завтра причалит «Грифон».

— И?..

— На борту будут Алдония с Линнией.

— Ты хочешь, чтобы они поселились здесь?

— Я обещала.

— В каком гостевом доме?

— Ты не... спасибо.

Она обнимает его так, что ради этого стоит пожертвовать любыми удобствами. Его руки проскальзывают под сорочку и гладят ее обнаженную спину.

— Креслин!..

«...Нет! Не сейчас...»

Он прижимает ее к себе, но тут же отпускает.

«...ты... слишком вольничаешь... всегда...»

— У тебя всегда одно на уме.

— Не всегда. Только когда ты рядом.

Она качает головой и поправляет сорочку, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Я... это...— начинает Креслин лишь ради того, чтобы прервать молчание и сменить тему.— Я знаю, что ты беспокоилась насчет Алдонии.

— Она будет рада,— говорит Мегера с улыбкой, отчасти развеивающей его опасения.

— В том, что ее обрадует встреча с тобой, я не сомневаюсь, она тебе предана. Но будет ли она рада увидеть меня?

— Конечно. Она как-то сказала мне, что в душе ты добрый.

— И ты ей веришь?

— Конечно, нет. Ты еще не изменился до ТАКОЙ степени, суженый,— шутливо говорит она, но под этим подтруниванием кроется беспокойство.

«...почему она все еще...»

«...неужели он не понимает...»

«...никогда не хотел... и она знает... люблю ее... никогда не причинял боль...»

Креслин утирает неожиданно взмокший лоб и вперяется взглядом в камни террасы, чтобы отогнать от себя мысленные образы Мегеры.

— Суженый!

Он поднимает глаза.

Слезы, текущие из ее глаз, проделали бороздки в успевшей налипнуть на щеки вездесущей красноватой пыли.

— Я не хотела... Обними меня.

Креслин заключает ее в объятия, стараясь ни о чем не думать. Так же, как и она. В этом, равно как во многом другом, они едва ли могут обмануть друг друга.

Мегера позволяет ему разомкнуть объятия первым.

— Схожу за водой для нас,— говорит он ей.

— А потом? Что будешь делать сегодня?

— Искать новый колодец. Клеррис уверяет, что где-то за верхними полями должна быть вода. Это всяко лучше, чем смотреть, как все вокруг сохнет и погибает. А ты чем займешься?

— Попрактикуюсь на клинках — и в стекольную мастерскую. Авлари сделал бокал, очень хороший. Но мне еще не всегда удается добиться нужного качества. Часть стекла дает трещины.

— Но...

— Знаю. Укрепить его гармонией можно, только это не решит всех проблем.

Креслин соглашается. Ни ему, ни ей не под силу решить все проблемы, хотя с этим порой трудно смириться. Он пересекает террасу и берется за коромысло.

CVI

Креслин щурится от солнца. Позади него, у восточной оконечности пристани, пришвартован корабль, недавно получивший имя «Звезда Рассвета». На мачтах еще нет парусов. На палубе бывшей хаморианской военной шхуны работают с полдюжины моряков. К пристани подогнаны фургон и подвода. В нескольких шагах от юноши стоит взвод, стоящий наполовину из солдат, наполовину из стражей. Они пришли, чтобы помочь разгрузить шлюп.

— Груз тяжелый,— замечает юноша, приметив глубокую осадку подходящего к причалу «Грифона».

— Ни капельки,— возражает Мегера, не сводящая глаз со стоящей на палубе темноволосой женщины. За спиной путницы действительно легкая ноша — переносная колыбелька с младенцем.

— Я о корабле.

— Иногда ты невыносимо серьезен,— фыркает, глядя на него, Мегера.

Он качает головой и ухмыляется ей в ответ. Бок о бок они ждут, когда «Грифон» пришвартуется к тяжелой каменной тумбе.

Фрейгр приветственно машет с мостика, но остается у штурвала, пока матросы сворачивают паруса и спускают сходни.

Алдония спускается со шлюпа первой — несмотря на колыбель с ребенком за спиной, она едва ли не сбегает по сходням и опускается на колени у ног Мегеры:

— Милостивая госпожа...

Взяв служанку за руку, Мегера помогает ей подняться.

— Наконец-то я здесь,— выдыхает Алдония.— Какое счастье!

Креслин с Мегерой, одновременно подумав о пожухлых от жары холмах и пробегающих рябью по склонам волнах жары, переглядываются. Мегера поднимает бровь.

— Я ценю твои чувства, Алдония, но здесь вовсе не райский уголок.

— О, для меня это рай, милостивая госпожа. Жизнь в Монтгрене была... впрочем, мне не следует жаловаться: герцог был добр ко мне, пока не заболел.

— А потом? — доброжелательно интересуется Креслин, но тут раздается детский плач. Алдония достает из колыбельки дитя

с рыженькими волосенками и принимается баюкать дочурку, приговаривая:

— Ну, малышка, не плачь... Мы уже дома. Больше нам не придется скитаться, крошка Линния. Больше не придется...

Мегера улыбается и тут же краснеет, почувствовав, как тает от ее улыбки сердце мужа.

— Ты невозможен...— шепчет она.

— Я же говорила, что в душе он хороший,— замечает Алдония, оторвав взгляд от глазастой девчушки.

Мегера краснеет еще пуще.

— Расскажи, как там, в Монтгрене? — просит Креслин, отчасти чтобы выручить Мегеру, отчасти же для того, чтобы услышать недосказанное — прежде всего, насчет болезни герцога и всего с этим связанного.

— О... Там мы жили, как... как накануне бури. Я хочу сказать...— служанка расстегивает блузу и подносит малютку к груди.— Чувство было такое, словно сгущаются грозовые тучи и вот-вот грянет гром. Все это видят, все все знают, но делают вид, будто ничего не замечают. Тяжело жить в ожидании беды, и я рада, что наконец попала сюда.

Пока она говорит, Синдер сводит с корабля гнедую кобылу, а солдаты и стражи выстраиваются на сходнях цепочкой, принимая с борта и складывая на пристани бочонок за бочонком.

— А еще я рада видеть тебя счастливой,— продолжает Алдония.— Мы с Линнией обе радуемся за тебя всей душой.

— А где твои пожитки? — интересуется у Алдонии Креслин.

— Ой... совсем ведь забыла... вещички-то мои...— частит с улыбкой Алдония.— Их не то чтобы очень много... в общем...

— Милостивые господа регенты! — встревает с борта «Грифона» Фрейгр.

— Почему бы тебе не заняться Фрейгром? — предлагает Креслину Мегера.

— А ты позаботишься об Алдонии?

— Да, устрою ее, а с тобой увидимся в цитадели,— говорит Мегера и, помолчав, добавляет: — Я тут распорядилась насчет лошадей. Пожалуй, нам стоит пристроить к дому конюшню.

— Ну... раз теперь и Алдония... наверное...

— Хаморианские каменщики уже закончили пристройку к гостинице.

— Прекрасно. Пусть Клеррис... или кто там сумеет, набросает чертеж конюшни. Хоть это и не к спеху.

«...упрямец!..»

— Если тебе так охота, можешь таскаться туда-сюда пешком, для разминки.

Креслин, не затевая спора, проходит мимо занятых разгрузкой людей и поднимается на борт.

— Приветствую! — говорит он Фрейгру.

— Мое почтение милостивому господину регенту,— отвечает капитан, но Креслин жестом велит ему оставить титулы.— Я смотрю, вы тут здорово поработали,— замечает Фрейгр, указывая на стоящую без парусов шхуну.

— По правде сказать, моя роль была невелика,— отзывается юноша.— Оснасткой «Звезды Рассвета» занимается Байрем. Он в этом толк знает, потому как служил в Нолдре помощником капитана, пока не угодил в плен к хаморианцам. От него я узнаю, что нужно для корабля, и пытаюсь выяснить, где это можно раздобыть — Креслин внимательно смотрит на Фрейгра и добавляет: — Мы заинтересованы в опытных моряках.

— Неужто вам не набрать команду прямо здесь? Хаморианцы, да и некоторые беженцы смыслят в морском деле.

— Команду-то мы наберем, но я хотел бы видеть капитаном тебя или Госсела. Конечно, если герцог не против. Но вопрос с ним можно решить.

— Мы герцогу не рабы,— смеется Фрейгр.— Ты все порываешься разбираться с проблемами, которые на деле тебя не коснулись, да, скорее всего, и не коснутся.

— Так или иначе нам потребуется команда на второй корабль.

— Ты еще не довел до ума этот.

— Доведу,— твердо говорит Креслин, глядя на свою «Звезду Рассвета».— Но одного судна мало. Если мы хотим сделать Отшельничий по-настоящему пригодным для жизни, нам потребуется флот. И я найду способ им обзавестись, даже если для этого придется захватывать корабли Белых магов.

— Вряд ли их это обрадует.

— А что их вообще радует? Или ты думаешь, что они позволят мне обустраивать остров, никак не пытаясь помешать?

— Не могу сказать, чтобы я особо над этим задумывался,— отвечает Фрейгр, потирая подбородок.— А ты действительно считаешь, что после учиненного тобой разгрома хаморианцев Белые захотят рискнуть хоть одним судном?

Подойдя к борту, Креслин смотрит на север, на спокойную зеленую гладь моря.

— По правде сказать, они могут обойтись и без этого. Мы пока не обеспечиваем себя провизией и развести достаточно овец сможем только через несколько лет. Ты не можешь доставлять нам все необходимое из Тирхэвена, а посылать «Грифона» в плавание по северным водам Корвейл не позволит.

— Я б на его месте тоже не позволил,— фыркает Фрейгр.— Для тамошних волн у него и киль слабоват, и борта низковаты.

Теперь вот о грузе. Сушеные фрукты, баранина... Вот накладные, изволь.

Креслин стонет:

— Импорт — это слишком дорого для нас... Ну, хоть баранина-то своя, от герцога?

— Баранина — да, но вот сушеные фрукты я погрузил в Кифриене. А ты говорил, что фрукты необходимы.

— Необходимы, но неужто их нельзя было найти где поближе?

— Повезло, что хоть там нашел. В этом году засуха повсюду.

— И во что они обошлись?

Фрейгр отводит глаза и, подавая Креслину лист пергамента, бормочет:

— Я сделал все, что мог.

— Я распоряжусь об оплате. Деньги получишь поближе к вечеру,— говорит Креслин. Он уже понял, что ему придется расстаться еще с несколькими звеньями золотой цепи. Но часть фруктов можно будет обменять на рыбу или морских уток. Он переводит взгляд со «Звезды Рассвета» на Фрейгра и говорит:

— Нам потребуется парусина.

— Могу доставить следующим же рейсом. Но купцы требуют золото вперед.

— Вперед?

Капитан «Грифона» пожимает плечами:

— Ты не можешь себе представить, как я намучился, прежде чем нашел поставщиков.

— Погоди. Ты говоришь, что мы не получим парусов для «Звезды Рассвета», пока не заплатим вперед?

Седой капитан хмуро смотрит на гладкие доски палубы:

— По правде сказать, из меня вряд ли вышел бы толковый торговец, но тут и Госсел не смог добиться ничего другого, а он в этом деле дока.

— Да, все не так просто, как кажется.

— Точно,— улыбается Фрейгр.— И времени на все про все уходит куда больше, чем хотелось бы. Но теперь, по крайней мере, у тебя есть приличная гостиница. Надеюсь, сегодня вечером ты нам споешь?

— Боюсь, у меня не то настроение.

— Жаль. Тебя приняли бы как лучшего из менестрелей. Глядишь, и настроение бы поднялось.

— Возможно,— рассеянно отвечает регент.— Но сейчас меня больше интересует, как решить вопрос с оплатой.

— Ну, существуют всякие способы...

CVII

— Жалованья не прислали,— говорит Хайел, оглядывая стол.— Вместо него очередное требование уплаты налогов.

— Да, теперь «Грифон» только их и возит,— вздыхает Креслин.— Но это ничего не меняет. Разве у нас есть, чем платить? А были еще какие-нибудь бумаги? Письма для Мегеры или для меня?

Хайел качает головой:

— Это требование как раз вам и адресовано. Как реген-там.

— Корвейл...— бормочет Мегера.— Не понимаю... Не могу поверить...

— Как насчет груза? — интересуется Шиера.

— Все оплачено,— отвечает Креслин, рассчитавшийся звеньями золотой цепи за все припасы, кроме герцогской баранины да еще говяжьей солонины, присланной Ллиз.

— Тебе приходится платить, поскольку корабль принадлежит Корвейлу? — настойчиво выясняет положение дел Шиера.

— Ну, Фрейгр выступает только как представитель грузоотправителя, а тот диктует нам условия. Кто еще станет возить нам товары? Пока не достроена «Звезда Рассвета», пока «Грифон» не доставит для нее паруса — а они, надеюсь, прибудут следующим рейсом,— нам выбирать не приходится.

— И поэтому они выкачивают из нас деньги,— невесело вздыхает Хайел.

— Вот почему нам нужна не только «Звезда Рассвета», но и другие корабли.

— Строительство судов стоит денег. Нам нечем платить и за оснастку этого, не говоря уж о новых.

— Нечем, а придется! — резко возражает Креслин.— Прости,— тут же добавляет он, заметив, как Мегера потирает лоб. Его раздражение, даже вовсе не беспричинное, уязвляет их обоих.

— Каким образом ты собираешься обзаводиться новыми кораблями? — спрашивает Лидия.

— Пока не знаю.

Быстрый взгляд Мегеры и приступ тошноты не оставляют сомнений в том, что это ложь. Желая закончить не слишком приятный разговор, Креслин встает:

— Ладно. Если у нас все, то я пойду на верхние поля. Может быть, удастся найти источник.

— А как быть с жалованьем, которого у нас нет?

— Я скажу людям правду — что им не заплатят, потому что Корвейл нас бросил. И пообещаю возместить долг при первой

возможности. Кто поверит, те подождут, а остальные...— юноша пожимает плечами.— Остальные могут уехать или оставить службу и попробовать прокормиться с земли.

— Выбор небогатый,— замечает Хайел.

— Больше мне предложить нечего. Почти все свое золото я потратил на провизию и, уж конечно, не съел все купленное сам.

— Это слишком грубо,— резко произносит Мегера, и Креслин морщится, не столько от ее тона, сколько от стоящих за этим чувств.

— Если тут не заварится каша...— начинает было Хайел, но взгляд Креслина заставляет его умолкнуть.

— Ты прав, каша тут не заварится. Теперь. Такое могло случиться год назад, и они все наверняка бы погибли.

— Ну, ты не можешь утверждать это наверняка,— возражает Хайел, но Креслин уже поворачивается и уходит. Стараясь не обращать внимания ни на звон в ушах, ни на досаду Мегеры, он, перепрыгивая через ступеньки, сбегает по лестнице, садится на свою кобылу и направляет ее к верхним полям. К источнику, который он обязан найти.

— Проклятые глупцы. Если бы существовали легкие решения...

Желудок его скручивается узлом, но юноша скачет дальше.

CVIII

— Как и задумано, они получили второе уведомление об уплате налогов, а солдатское жалованье досталось нам,— усмехается с довольным видом Гайретис.— Хорошо, когда удается не только насолить противнику, но и извлечь из этого прибыль.

— Не спеши радоваться,— предостерегает Высший Маг.— А вдруг Креслин или Мегера дознаются, что происходит?

— Откуда? С острова им не выбраться. Они будут винить во всем Корвейла, а он — негодовать на них.

— Это только одна вероятность. Существуют и другие.

— Ладно. Что ты собираешься делать, если Креслин изменит погоду?

— Ты хочешь сказать, КОГДА он изменит погоду?

— Думаешь, это неизбежно?

— Уже сейчас кто-то прощупывает дальние высокие ветра, так что, я полагаю, ждать осталось недолго.

— И что тогда?

Высший Маг разводит руками и переводит взгляд с пустого зеркала на столе к окну башни.

— Есть у меня кое-какие соображения. Лето нынче засушливое повсюду, и если на Отшельничьем пойдут дожди...

— Предположим, пойдут. Ну и что?

— Вот тогда и посмотрим. Посмотрим,— бормочет Хартор, теребя цепь с амулетом.

CIX

Креслин жует рыбу, запивая ее теплой водой и радуясь тому, что Алдония сумела придать этому надоевшему блюду вкус, сдобрив его затейливым соусом. Потом юноша с подозрением косится на какие-то мясистые коренья, лежащие на его тарелке рядом с кучкой рыбьих костей, и поднимает глаза на сидящую напротив Мегеру.

Встретившись с мужем взглядом, Мегера пожимает плечами.

— Что это? — спрашивает Креслин.

— Корни куиллы,— отвечает служанка. Она сидит у дальнего конца стола и кормит Линнию.— Вам обязательно надо попробовать.

— Корни чего?

— Куиллы. Это такой кактус с длинными колючками. Мне о них рассказала одна рыбачка, а накопала я сама. На вкус почти как батат.

Креслин с сомнением смотрит на мясистые бледно-зеленые корешки. Мегера тоже не решается их отведать.

— Смотреть на вас смешно! — фыркает Алдония, покачивая рыжеволосую девочку.— Готовы бросить вызов всему свету, а попробовать незнакомый корешок робеют. Линния, доченька, можешь ли ты поверить, что эта парочка — отважные и грозные воители? Ты-то у меня умница. Небось, когда вырастешь и станешь волшебницей, то не будешь отворачиваться от хорошей пищи только потому, что для тебя она непривычна!

Хмыкнув и отпив еще воды, Креслин отрезает крохотный кусочек куиллы, с опаской отправляет в рот и с хрустом раскусывает.

— Хм... совсем неплохо.

— Видишь, Линния. Твоя мама знает, что делает.

Девочка с любопытством таращит круглые глазенки.

Мегера незамедлительно следует примеру мужа.

— По-моему, на плато, ниже по дороге, таких кактусов великое множество,— замечает Креслин.

— По-моему, тоже,— отзывается Алдония, перекладывая малютку от одной груди к другой.

Юноша качает головой:

— Надо же, а нам и в голову не приходило, что кактусы могут годиться в пищу. Нет чтобы поспрашивать местных рыбаков, что да как. Интересно, много мы еще упустили?

— А завтра у нас будет салат из водорослей,— с гордостью объявляет Алдония.

— Из чего? — вид у Креслина весьма растерянный.

— Что плохого в водорослях, суженый?

— Они очень вкусные. Я пробовала,— заявляет Алдония.

Креслин молчит: он разжевывает очередной кусочек куиллы.

CX

Растянувшись на топчане, Креслин утирает лоб, размышляя о том, сколько ему потребуется времени для осуществления задуманного.

— Ты все-таки решил это сделать?

«...любимый мой идиот...»

На пороге комнаты стоит Мегера.

— Не знал, что ты так скоро вернешься,— он садится.

— Надо же,— тихонько смеется она,— ты легко находишь меня в кай отсюда, но не можешь сказать, когда я войду в комнату?

— Это другое дело.

— Почему? Случайно не потому ли, что ты хотел скрыть от меня свое намерение изменить погоду?

— Ну... в общем, да.

— Прекрасно. Скрывать-то незачем, тебя ведь все одно никто не удержит. Ни я, ни Клеррис, ни Лидия. Но ты хоть понимаешь, что именно собираешься сделать? Понимаешь?

— Наверное, нет.

— Тысячи людей могут умереть с голоду, потому что из-за твоего вмешательства их урожай будет либо выжжен засухой, либо затоплен. По меньшей мере один или два правителя лишатся своих владений, а то и голов. Ты ввергнешь многие земли в хаос, столь любезный Белым магам, а это непременно придаст им сил. Ты этого хочешь?

— Важно не то, чего я хочу, а то, есть ли у меня выбор. Корвейл бросил нас на произвол судьбы, и что я могу с этим поделать? Пригрозить ему уничтожением? Вряд ли таким образом мне удастся вернуть людям их жалованье.

— Мне кажется, это происки Хелисс.

— А велика ли для нас разница? Не могу же я обвинить ее в измене с расстояния в полторы тысячи кай?

— Это не так уж и далеко.

— Предположим. Предположим даже, что герцог мне поверит. Хелисс — единственное, что у него осталось, и без нее он долго не протянет.

— Я о ней думала. И это еще одна причина, по которой я рада видеть Алдонию здесь, со мной.

— Кстати, где она?

— У себя, глупый.

«...ей ведь порой тоже нужно побыть одной...»

Креслин снова краснеет.

— Так или иначе, если я буду сидеть сложа руки, Белые маги станут еще сильнее, а как только Корвейл умрет, они тут же приберут Монтгрен к рукам. Риесса, при всех своих воинственных планах, не захочет меряться силами с Фэрхэвеном. А итогом всего этого станет падение Западного Оплота, который будет перемолот между жерновами двух могучих империй.

— Вот до чего доводит вера в Предание,— замечает Мегера.

— Это нечестно...

— Прости.

Креслин едва заметно улыбается:

— Боюсь, что бы я ни сделал, все будет не так, однако и бездействовать больше нельзя. Вот, смотри...— запустив руку в кошель, он извлекает пять золотых звеньев.— Видишь? Это все, что осталось.

— Последние припасы с сутианского корабля... неужто они обошлись так дорого?

— Да, дорого. К тому же мне пришлось заплатить вперед за парусину для «Звезды Рассвета», а доставят ее только через восьмидневку.

— Но каковы сутианцы! Да за такое вымогательство тебе стоило потопить их посудину!

«...воры!.. бессердечные торгаши!..»

Креслин потирает лоб и, словно защищаясь от ее гневных мыслей, поднимает руку:

— Стоить-то стоило, но это был единственный, не считая «Грифона», корабль, вошедший в нашу гавань невесть за сколько восьмидневок. Вздумай я его тронуть, кому еще захотелось бы соваться сюда? Кому охота опасаться не только Белых магов, но еще и меня?

— Будь проклята дражайшая сестрица! Где ее обещанная поддержка?

То, что на Риессу рассчитывать не приходится, для Креслина так очевидно, что он не находит нужным отвечать.

— Да, я знаю... Но смириться с этим все равно трудно. Помню, когда мы играли в прятки во дворе, она уверяла, что останется моей сестрой, что бы ни случилось.

— Возможно, она ею и осталась. Но, будучи правительницей, делает не то, что ей хочется, а то, чего требуют интересы Сарроннина.

— Ну конечно! Можно подумать, отправь она нам черствого сыру или лежалого зерна, это нанесло бы ущерб государственным интересам. Ладно...— Мегера пожимает плечами и садится рядом с ним.— Прежде, чем мы это сделаем...

Их губы встречаются, его руки гладят ее нежную кожу.

«...суженый...»

«...любимая...»

Нескоро, очень нескоро, после пылких объятий и нежных поцелуев, Мегера все же отстраняется. Креслин разжимает руки, но чувствами продолжает вбирать в себя ее всю: ее тело, ее дивный запах, пламя ее волос. Он упивается ею, опьяняется ею, не в силах унять восторга от одной мысли о том, что она рядом с ним.

— Ты невозможен,— произносит она хрипловатым шепотом.

Креслин с наслаждением вслушивается в каждую нотку ее голоса и лишь потом говорит:

— Я всегда чувствовал по отношению к тебе именно это.

— Так уж и всегда? А в Сарроннине?

— Твое чувство юмора восхищало меня, даже когда я не знал, кто ты такая.

— Это говорит в твою пользу,— улыбается Мегера и тянется за разбросанной одеждой.— Но, к сожалению, нас ждут дела.

«...почему?..»

— Потому что... ну, потому что...

Мегера краснеет.

«...я люблю тебя...»

— Я хотела, чтобы ты узнал это до того, как начнутся настоящие неприятности.

— Ты думаешь, наши дела так плохи?

— Нет,— отвечает она с неожиданной серьезностью.— Они будут куда как хуже.

Несмотря на жару, Креслин ежится и тянется за своим нижним бельем. Одеваются они молча.

— Мой топчан побольше,— замечает Мегера, когда Креслин натягивает штаны, и тут же заливается краской.— Я не ЭТО имела в виду...

— Я знаю.

Они идут в ее спальню и ложатся бок о бок.

— Возьми меня за руку,— говорит девушка.— Вот так... Если тебе понадобится помощь...

Его глаза вспыхивают.

— Не будь таким чувствительным,— предостерегает Мегера.

Оттолкнув последнюю мысль, Креслин посылает сознание к высоким ветрам, к точкам пересечения воздушных потоков, туда, где формируется погода и рождаются дожди.

Высшие ветра, могучие, великие ветра, подобно стальным рекам, подхватывают его и относят к югу, сотрясая чувства, как водяной смерч сотрясает корабль. Креслин едва может сообразить, где находится.

«...небольшие изменения...»

Эта мысль успокаивает и как будто согревает. Он уже не стремится согнуть стальные потоки, а изучает их, скользит вдоль, старается прочувствовать и, где это возможно — то тут, то там,— слегка подправить.

Небольшие, совсем небольшие изменения накладываются одно на другое, и где-то в дали воздушные потоки невероятной мощи меняют направление и перемешиваются по-новому.

Наконец, совершенно обессилев, Креслин возвращается в свое тело и... то ли проваливается в сон, то ли оказывается на грани смерти. Очнуться юноше удается лишь в сумерках, почти ночью, но стоит ему приподнять голову, как он, задыхаясь, падает на подушку.

«...Креслин...»

Он молча пожимает ей руку, стараясь избегать лишних движений.

Мегера смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— С тобой все в порядке?

— Да. Вроде бы да,— отвечает он, потирая лоб и чувствуя, как болит шея.

— У меня тоже болит,— говорит Мегера.

Несколько мгновений Креслин молчит, а потом произносит:

— Спасибо. Без тебя... у меня... ничего бы не вышло.

В ответ она берет его за руку, и они лежат рядом в темноте, прислушиваясь к отдаленному завыванию высоких ветров, порождающих бури. И страшась грядущих смертей.

CXI

— Он что-то предпринял,— заявляет Белый маг с молодым лицом.— Я это ощутил.

— А кто не ощутил? — задумчиво отзывается Хартор.— Но вот что странно: не очень-то это было на него похоже. Тут чувствовалась некоторая... я бы сказал — деликатность, а не та грубая сила, какую он обычно использует.

— Но сила была приложена колоссальная, достаточная, чтобы изменить направление постоянных воздушных течений.

— Не нравится мне все это,— говорит Хартор, потирая большим пальцем квадратную челюсть.— Мы имеем дело с чем-то большим, чем простое перемещение ветров.

— Ты прав. Но тебе это только на руку.

— Каким же образом? Разъясни, мой добрый Гайретис.

— Скажи, в чем главная трудность Креслина?

— Хватит говорить загадками,— отмахивается Хартор.— Скажи просто, что ты имеешь в виду.

— То, что он беден,— отвечает Гайретис, пожимая плечами.— Мы лишили его денег Корвейла, а на том, что могут прислать из Западного Оплота, ему не протянуть. Остров засушливый, и ждать долго Креслин просто не может.

— Прекрасно. Так он и не...

— Погоди. Лето в этом году жаркое, причем повсюду. Что случится, если дожди так и не выпадут ни в Монтгрене, ни в Кифриене, ни даже в Закатных Отрогах и на Крыше Мира, где, как я слышал, уже начали таять вечные снега?

— Хм... можно ожидать серьезных перемен.

— Вот именно. А чтобы оные перемены были для нас благоприятны, следует распустить (разумеется, тихонько) слух о том, что погоду испортили угнездившиеся на острове Черные изменники, которые хотят уморить голодом тысячи людей.

— Не можем же мы развесить таблички или разослать глашатаев, чтобы кричали об этом на каждом углу! — хмыкает Хартор.

— Нет, и не нужно. Слухи действеннее, и верят им охотнее.

— Ну что ж,— улыбается Хартор,— пожалуй, стоит под страшным секретом поведать кое-кому об истинных причинах засу-хи, и наказать этим людям никому о том не рассказывать.

Гайретис кивает.

CXII

Стоя на гребне холма, Креслин смотрит на север, озирая воды, плещущиеся за горловиной гавани.

Мегера стоит рядом. Оба одеты для физических упражнений: в штанах, сапогах и туниках без рукавов. Стоит жара.

Позади них вырастает каменное сооружение, которому предстоит стать конюшней, но теперь Креслин не прикасается ни к одному предназначенному для конюшни камню. Всю работу выполняют хаморианцы, в большинстве своем уже не считающие себя пленниками. Креслин утирает лоб, но спустя мгновение пот выступает снова.

— Мне кажется, я ощущаю...— говорит Мегера.

Креслин кивает. Его чувства уже находятся на полпути к темным облакам, затянувшим северо-западный горизонт и плывущим к острову. Зеленая поверхность воды сразу за гаванью своей неподвижностью напоминает необъятную степь, но

дальше, далеко на севере, над волнами уже вспениваются белые буруны, предвестники штормов.

До вершины холма доносится отдаленный, прозвучавший как шепот, но все же слышимый, раскат грома.

«...могучая буря... суженый...»

— Ты же была там со мной. Ничто другое не дало бы результата,— говорит Креслин. Немного помолчав, он добавляет: — Ну, если уж разбушуется чересчур, мы с Клеррисом попробуем отвести часть ветров в сторону.

— Только не спеши. Дай новым воздушным течениям сформироваться и устояться без лишнего вмешательства.

— И сколько на это уйдет времени?

— Две-три восьмидневки.

— Хорошо,— смеется он,— тем паче что у нас так долго стояла сушь, что какой бы дождь на нас ни пролился, лишним он не будет.

— Это как сказать. Возможно, ты еще пожалеешь о своих словах.

— Не исключено. Ладно, давай вернемся.

Повернувшись и не обращая внимания на звон стали о камень, они идут под палящим солнцем мимо недостроенной конюшни к отбрасывающим тень стенам своей резиденции, предвкушая приход бури, несущей с собой прохладу.

CXIII

— Сюда! — уложив тяжелый камень на место, Креслин машет рукой Наррану. Вода стекает с его мокрых от дождя волос за шиворот.

Для укрепления ограды пришлось таскать новые, более крупные камни, поскольку заготовленные первоначально или оказались глубоко погребенными в замокшей глине, или же сползли с грязевым потоком так далеко вниз, что отыскать их, не говоря уж о том, чтобы вернуть на место, было решительно невозможно.

Нарран, скользя в грязи, подносит следующий камень и, уложив его на указанное Креслином место, снова бредет вверх по размытому склону. Направляясь туда же, Креслин переступает через отводную канаву, которую ему, Наррану и Перте пришлось выкопать, чтобы стену не подмыло снова.

Мимо Креслина, прижав по камню к каждому бедру, молча проходит Перта, отличающийся от жилистого Наррана весьма плотным телосложением. Его кожаная промасленная парка наполовину расстегнута, и ветер так и норовит сорвать ее с плеч.

Следом за Нарраном Креслин карабкается вверх по склону к каменному карьеру; сапоги его хлюпают в красноватой жиже, которая менее восьми дней назад была твердой глиной.

Подхватив два камня, увесистых, но все же поменьше тех, которые тащил Перта, Креслин несет их к стене и прилаживает на место.

Еще одна ходка, и ограда, которая не позволит дождям размыть поле, приведена в порядок.

— Все. Можно идти.

Нарран посматривает то на Креслина, то на серые дождевые облака, но юноша, не обращая внимания на его взгляд, ступает на тропу, что петляя ведет вниз, к цитадели. Дождь частит по его коротким волосам, струйки воды затекают под куртку и тунику, однако Креслин слишком устал, чтобы отклонять струи.

— Ну, у тебя и вид, словно из болота вылез,— говорит Хайел, когда Креслин появляется в цитадели.— Неужто ты сам чинил ограду?

— Сам. Это ненастье — моих рук дело, стало быть, и последствия исправлять мне. Что сказали бы люди, отправь я их возиться в грязи?

— Сделали бы, что велено, и все.

— Ладно,— говорит Креслин, вытирая лицо и руки.— Я пойду домой. Работа почти закончена, к тому же у меня нет особой охоты таскать камни мало того что в дождь, так еще и в темноте.

— Тебя, между прочим, никто и не заставлял,— замечает Шиера, входя в комнату, которая служит им с Хайелом чем-то вроде общего штаба находящейся под их совместным командованием маленькой армии Отшельничьего.

— Ты говоришь совсем как Мегера.

— Ее ты, по крайней мере, иногда слушаешься,— смеется в ответ Шиера.

— Я просто не хочу, чтобы вода смыла поля. Неужто это так трудно понять?

Переглянувшись с Шиерой, Хайел нерешительно произносит:

— Трудно понять, зачем ты так себя изнуряешь... Не лучше ли, чем надрываться, прибегнуть к чьей-либо помощи и сохранить силы для более важных дел? Подумай.

Шиера согласно кивает.

— Раз уж вы вдвоем так настаиваете, придется подумать,— бормочет Креслин, кладя полотенце на подоконник.— А сейчас — домой.

Хайел с Шиерой переглядываются вновь, пряча улыбки.

— До завтра,— говорит решительно не понимающий, что тут смешного, Креслин, у которого ноет каждый мускул, а вся одежда промокла до нитки.

— Твоя Вола оседлана,— говорит Шиера, отступая в глубь комнаты.

— Спасибо,— Креслин уходит.

Страж, молодая черноволосая женщина, вручает ему поводья.

— Добрый вечер, регент Креслин.

— Добрый вечер.

Дождь хлещет еще сильнее, чем раньше, хотя, кажется, стал чуточку теплее. Креслин направляет кобылу вверх по дороге. Сточная канава на обочине превратилась в стремительный бурлящий поток.

К тому времени, когда Креслин ныряет под притолоку ворот конюшни, даже пропитанная маслом кожаная куртка успевает промокнуть насквозь. Все использованное при строительстве Черного Чертога дерево было основательно укреплено Клеррисом, но, несмотря на это, из-за долгой жары, резко сменившейся проливным дождями, некоторые балки и доски пошли трещинами.

Снаружи по-прежнему льет как из ведра. Спешившись, Креслин стягивает промокшую куртку и вешает ее на вбитый в стену конюшни крюк. Вола встряхивает гривой, рассыпая брызги.

«Ну почему,— думает Креслин, расседлывая кобылу,— почему любое мое вмешательство в погоду оборачивается такими крайностями? Ведь я же старался быть осторожным! И тем не менее за последнюю восьмидневку на остров обрушилось гораздо больше воды, чем нужно, и ливни грозят обернуться не меньшей бедой, чем засуха...»

Он чистит кобылу щеткой, одновременно распространяя чувства за пределы конюшни, и обнаруживает Мегеру с Алдонией и Линнией на кухне. С ними кто-то еще... Лидия. На миг перед Креслином встает черная пелена. Чтобы сохранить равновесие, юноше даже приходится коснуться стены. Проморгавшись, он продолжает чистить кобылу, а закончив, добавляет зерна в кормушку и уходит. Снова накинув куртку, юноша спешит по скользким камням дорожки к парадному входу и притопывает у крыльца ногами, чтобы стряхнуть налипшую на сапоги грязь.

Куртка занимает место в открытом стенном шкафу рядом с такой же мокрой курткой Мегеры, а на каменном полу под ногами растекается маленькая лужица. Креслин поспешно стягивает мокрые сапоги. Его так шатает от усталости, что приходится ухватиться за стену. Наконец, шлепая босыми пятками, он направляется на теплую кухню.

Там вовсю топится маленькая, но жаркая каменная печь. Лидия держит обеими руками чашку, над которой поднимается пар, Мегера укачивает Линнию, а Алдония нарезает тонкими ломтиками длинные зеленые корешки.

— Опять куилла?

— Она полезна. Даже великие маги должны правильно питаться,— заявляет Алдония, для пущей убедительности помахивая ножом.

— Может, ты предпочитаешь водоросли? — с невинным видом осведомляется Мегера, поглаживая малютку по головке.

— Если приходится выбирать между корнями кактусом и морской травой...— начинает было Креслин, но не договорив, машет рукой: — Да что тут толковать! Все равно вы в большинстве, а я один.

— Ты это только сейчас заметил, а, суженый?

Креслин смотрит мимо Мегеры, за окно, где в темноте продолжает барабанить дождь, а потом ищет свою чашку.

— Как думаете, не пора ли спасать сады?

— Яблуши — очень стойкие растения,— откликается Лидия, потягивая горячий напиток.

— Почему бы тебе не присесть? — говорит Мегера.

Креслин садится, очень довольный тем, что вокруг тепло.

CXIV

Пробежав глазами лежащий на письменном столе свиток, маршал бросает взгляд в окно, не подернутое изморозью, хотя уже стоит ранняя осень. Обычно стекло замерзает задолго до возвращения овец с летних пастбищ и подсчета сделанных на зиму запасов. Утреннее небо сияет голубизной. Маршал снова берет в руки документ, скрепленный государственной печатью Сутии и подписью правительницы Вейндре, и подходит к дверям своего кабинета.

— Пусть ко мне явятся маршалок и Эмрис.

Маршал перечитывает послание, хмурится и ждет, то и дело поглядывая в окно, где за гранитными стенами царит непривычное тепло. Наконец на пороге появляются Ллиз и Эмрис.

— Прочти и выскажи свое мнение,— говорит она, протягивая дочери свиток.

Пока Ллиз всматривается в замысловатую вязь, обе женщины ждут.

— Это предложение договора о найме стражей. Вообще-то обыкновенное, если не считать каких-то странных намеков насчет изменившейся погоды.

— Почему странных? Погода-то и впрямь меняется, причем и по сей день.

— Но ты ведь не веришь слухам, которые распускаются по этому поводу?

Маршал фыркает:

— А ты веришь, что Креслин в одиночку расправился с разбойничьей шайкой? Или что он потопил весь хаморианский флот?

— Насчет разбойников — это он мог,— замечает Эмрис,— а корабли... Пожалуй, тоже,— произносит она одновременно с Ллиз, и они переглядываются.

Маршал забирает у дочери послание.

— По сути это замаскированный ультиматум. Они утверждают, что по вине «нашего консорта» в приграничных районах между Сарроннином, Аналерией и Южным Оплотом могут начаться беспорядки, и требуют, чтобы мы взяли на себя охрану урожая и хранилищ припасов. Разумеется, за плату.

— Надо полагать, не слишком щедрую,— замечает Ллиз.

— Вполне достаточную для того, чтобы оправиться туда и провести по этому поводу переговоры.

В комнате воцаряется молчание.

— Мне самой это не нравится,— продолжает спустя некоторое время маршал,— но нынешнее лето нас не баловало, да и зима, скорее всего, будет не лучше. А Вейндре мы обязаны теми потерями, которые понесли у Южного Оплота.

— Почему же тогда ты собираешься послать туда отряд?

— А что, у нас сейчас имеется лучший источник дохода?

— Не по душе мне это,— качает головой Ллиз.

— Как и мне. По этой причине я отправляюсь в Сутию с Хелдрой...

— Хелдрой?

— Именно,— говорит маршал, глядя на Эмрис.— Потому что если — упаси Предание! — со мной что-нибудь случится, Ллиз и Западный Оплот будут в тебе нуждаться.

Ллиз сглатывает.

— А тебе обязательно ехать туда самой?

— Ни с кем другим Вейндре говорить не станет. Это совершенно ясно.

CXV

— Я старался действовать как можно осторожнее, да и Мегера мне помогала, но дожди все равно получились слишком сильными.

— Так ведь это как... как тончайшая резьба по дереву. Рука должна быть твердой, но чуткой, а это достигается практикой,—

Клеррис смотрит на завесу моросящего дождя и поплотнее запахивает плащ.

— Прекрасно, но практиковаться мне негде, а положение у нас аховое. Весь остров скоро размокнет, я уж не говорю об испорченной погоде на большей части Кандара. Вот уже и рыбаки сетуют: солнца нет и улов может пропасть, потому что рыбу не удастся высушить. А сколько времени и сил пришлось потратить на починку стен и защиту полей от размыва! Но часть маиса нам все равно уже не собрать... его просто смыло. Этак можно вернуться к тому положению, с которого мы начинали, если не к худшему.

— Чтобы что-то исправить, нужно время.

— Да нету его, времени! И у нас, и, боюсь, у всего Кандара. Фрейгр рассказывает, что в Монтгрене горят луга.

— С чего бы это? Крестьяне не станут жечь свою траву, а гроз там не было с тех пор... О!..

— Вот тебе и «О!» Можешь не сомневаться, они во всем винят нас. Точнее, меня. Меня и отдельных изменников, вроде тебя и Лидии.

— Вот при таких обстоятельствах и нужно проявлять терпение.

— Я устал слышать про терпение и время. И то, и другое — роскошь, которой у меня никогда не было. Небесам ведомо, как я устал. Мы отвели воду, и ручьи иссякли. Ладно — я нашел в холмах за полями три новых источника... И что же? Два из них высохли в течение восьмидневки. Ежедневно я по полдня занимался опреснением морской воды, но ее все равно не хватало. Не измени я погоду, половина жителей острова была бы уже мертва, и кого бы в этом винили? Опять же меня!

— Ты преувеличиваешь.

— Не думаю! — Креслин умолкает, ожидая, не уличит ли его во лжи приступ тошноты. Но этого не происходит.

— Ты можешь искренне заблуждаться,— говорит понявший, в чем дело, Клеррис.— Магу, связанному гармонией, трудно произнести преднамеренную ложь, но это не делает его непогрешимым, когда он говорит то, что СЧИТАЕТ правдой,— Клеррис отворачивается от дождевой пелены.— В любом случае, погоду ты уже изменил. Пойдем, сядем у огня. Я расскажу тебе, что знаю, и мы вместе подумаем, что можно сделать.

Креслин кивает, но тепло очага не кажется ему привлекательным, и он мешкает на прохладной крытой террасе.

CXVI

— Что-то здесь не так, Хелдра,— маршал умолкает и, поправив пояс, на котором висит церемониальный меч, резко устремляется по коридору к входу в пиршественный зал.

— Возможно, все из-за погоды и несобранного урожая,— предполагает Хелдра.

— Креслин создает сложности для всех, не исключая нас,— с тихим смешком говорит Дайлисс.— Плохие урожаи означают сокращение торговли, а стало быть, и отсутствие денег, чтобы платить стражам. Правда, Вейндре говорит о больших деньгах, но пока что Сутия не положила на стол ни единой монеты.

— Они всегда были прижимисты.

— О, уж это-то нам известно,— маршал умолкает, приблизившись к входу в зал, у которого стоят два стража и паж.

— Маршал Западного Оплота! Честь и хвала маршалу Западного Оплота! — возглашает паж ясным и звонким голосом.

Пройдя под аркой, маршал поднимается на помост. Хелдра следует за ней, но тут к наставнице бойцов подходит второй паж. Он обращается к Хелдре, она останавливается и отстает от Дайлисс. Их разделяет шаг, два шага, три...

В углу пиршественного зала раздаются громкие щелчки, и оттуда со свистом летят арбалетные стрелы.

Сраженная первым же выстрелом, Хелдра валится на полированный камень пола.

Маршал еще держится на ногах, но спустя миг падает и она.

— Целительницу! Скорее! — слышится чей-то крик.

Почетная стража маршала обнажает клинки, и сутианская знать бросается к выходу из зала. На каменной галерее, где обычно находятся сутианские стражи, валяются брошенные разряженные арбалеты.

На помосте целительница осматривает тела и качает головой. Маршал лежит ничком: три стрелы пробили ей спину и грудь. Хелдра сражена одной-единственной стрелой, пронзившей шею.

CXVII

Мегера стремительно отводит клинок работающей с ней в паре женщины, так что та едва не теряет равновесие, и сама делает выпад.

— Неплохо! — Шиера переводит взгляд со стража на регента.— Но и не слишком хорошо. Сколько можно говорить, что

сражаться следует как в настоящем бою. Нанесла удар — тут же возвращаешься в стойку, а не ждешь, опустив меч, пока тебе вспорют живот. Подними клинок повыше, вот так... Это относится и к тебе, Пиетра,— шагнув вперед, Шиера выправляет положение деревянного меча.— Держи под таким углом, и тебе будет легче отвести любой выпад.

Пиетра кивает.

Мегера тоже кивает, ловя себя на том, что рука сама меняет угол наклона клинка. Потом она утирает мокрый от моросящего дождика и пота, лоб.

— Ну, на сегодня все.

— Спасибо, милостивая госпожа,— Пиетра кивает еще раз.

— Спасибо.

Мегера возвращает на место деревянный меч, берет свой клинок и быстрым шагом направляется в цитадель.

CXVIII

Сидя на деревянном стуле, который он приспособил для своих бдений наедине с ветрами, Креслин тянется чувствами на запад, к Кандару и Монтгрену. Как и всегда с того времени, как он начал эти регулярные осмотры, в водах близ острова нет никаких судов, кроме рыбачьих лодок и трехмачтового барка, возвращающегося в Нолдру.

Достигнув с помощью ветров истомленных засухой земель, юноша видит белые миазмы, окутывающие ныне не только Фэрхэвен, но и Монтгрен.

Долина за долиной открываются перед ним, и над многими поднимаются клубы дыма: сухая трава лугов горит, словно трут. Однако в Мотгрене нет чужих солдат, лишь тут и там вспыхивают крошечные белые огоньки, причем ни один из них не появляется близ Вергрена.

Солдаты явятся позже, гораздо позже.

Креслин встает, выходит из комнаты и направляется на террасу, над которой висит холодный туман.

Уловив, что Мегера заканчивает упражнения с мечом, юноша размышляет о том, с кем сначала увидеться — с ней или с Клеррисом. Потом берет свой короткий клинок, безуспешно ищет отлучившуюся куда-то вместе с дочуркой Алдонию, колеблется, идти пешком или ехать, но в конце концов решает, что верхом будет быстрее. Да и Воле не повредит разминка.

Лошадь ступает быстро и уверенно, оставляя отчетливые следы копыт на вязкой красноватой глине дороги, ведущей на север, к строению из черного камня, возможно, воплощающего в себе надежду на торжество гармонии.

Торжество гармонии? Эта мысль кажется Креслину слишком претенциозной.

День стоит прохладный и влажный. Над головой плывут тяжелые серые облака, однако и поселение, и гавань лишь слегка подернуты туманной дымкой. Рыбаки увели свои лодки в море, так что у пристани осталась лишь «Звезда Рассвета» да полузатопленное суденышко. Креслин напоминает себе, что и эту скорлупку не мешало бы привести в порядок.

Мегера встречает его на пороге цитадели с поджатыми губами.

— По-моему, суженый, ты заглядывал на ристалище, когда мы упражнялись? Ведь правда? — ее бледное, спокойное лицо совершенно не отражает бушующей внутри бури.

— А что, нужно было? — шутливо отвечает Креслин, стараясь скрыть свои чувства.

— Тебе нужно!..— начинает было она, но улавливает его состояние и тут же меняет тон: — Прости. Я не сразу поняла, чего ты хотел.

Креслин выдавливает улыбку:

— Я просто хотел...

— Знаю.

«...и не хотел больше причинять тебе боль...»

— Я сильнее этого,— говорит Мегера, поднимая запястье, с которого так и не сошел белый рубец.— И я желаю, чтобы ты увидел и почувствовал, какой хаос способен породить, используя лишь силу гармонии.

— Я уже увидел, потому и пришел. Чародеи жгут Монтгрен.

Мегера поднимает брови.

«...чего и следовало ожидать...»

— Наверное, они разжигают сотни маленьких костров на сухих полях, лугах и даже поджигают дома.

— А вину за все сваливают на Черных?

— Верно. Они это умно придумали! Я должен либо позволить Монтгрену сгореть, либо снова изменить погоду и вызвать дожди, которые превратят страну в болото.

— А ты это сделаешь? Опять переиначишь погоду?

— Мы с Клеррисом пытаемся найти способ распределить ветра и влагу так, чтобы у нас дожди уменьшились, а в Кандаре пошли, но не такие сильные. А если я попытаюсь просто заливать пожары... вряд ли это поможет.

Спокойствие желудка вроде бы подтверждает его правоту, но теперь юноша осторожнее с выводами, понимая, что может ошибаться. Клеррис прав, быть честным — еще не значит быть непогрешимым.

— Должно быть, они надеются, что ждать придется недолго,— говорит, глядя на него, Мегера.— Иначе они давно нашли бы

способ добраться до дорогого кузена.

Креслин согласно кивает, но думает не о Корвейле, а о пастухе Андре и его маленькой дочке Матильде, называвшей его, Креслина, «мастером».

— Правда, от этого не легче,— заканчивает Мегера.

«...столько смертей...»

— Не легче. Я поговорю с Клеррисом, но хотел, чтобы ты узнала первой,— говорит он, делая вид, будто мысль насчет смертей осталась им незамеченной.— Чем ты занята сейчас?

— Не считая езды на ветрах и наблюдения за тем, как чародеи губят Монтгрен, используя установленную тобой погоду? Разрабатываю торговый маршрут для «Звезды Рассвета».

— Может, первое плавание стоит предпринять в Сутию?

— Я об этом думала. Но как нам выяснить, не следует ли ждать нападения со стороны Хамора или Нолдры? В Кандаре тебя, на худой конец, боятся. Даже Фэрхэвен воздает тебе должное.

Неужели дело уже дошло до этого? Впрочем, чтобы Отшельничий уцелел, он должен внушать больший страх, чем все Белые маги вместе взятые.

Незаметно улыбнувшись, Мегера берет Креслина за руку.

— Нам нужно решить не только куда плыть, но и что везти, а на сей счет у Лидии имеются интересные соображения. Например, в здешних водах есть моллюски, из которых можно получать пурпурную краску...

— Да... торговля очень важна. И еще мне необходимо поговорить с Клеррисом.

CXIX

Вышедший из Тирхэвена шлюп с обтрепанными парусами плывет на северо-восток, спеша обогнуть мыс Керра раньше явно намеренной перехватить его у побережья военной шхуны.

Даже на таком расстоянии Креслин улавливает окружающее шхуну белое марево. Что же касается шлюпа, то Креслину известно, кто из капитанов способен на такой риск.

Он едва не теряет концентрацию, ерзая на своем стуле и пытаясь найти способ помочь «Грифону». Ему случалось призывать ветра издалека, но фокусировать их силу на столь малом и столь далеком объекте еще не доводилось.

Вспомнив все слышанное от Клерриса, он ищет зазоры между воздушными струями и, уловив отдельные потоки, отклоняет каждый в свою сторону, чтобы они мешали сближению судов. Задав ветрам направление, юноша отпускает их.

Это стоит ему огромного напряжения и почти полного опустошения сознания, так что, едва отдышавшись и придя в себя,

он отправляется на кухню, чтобы хоть немного подкрепить силы. Остались лишь сыр и черный хлеб, с которого нужно еще счистить плесень. Мало того, что мука на острове на исходе, так еще из-за высокой влажности выпеченный хлеб почти сразу же плесневеет.

Конечно, они с Клеррисом действуют в верном направлении и определенные перемены уже ощущаются, но деликатная работа не приносит немедленных результатов, и от избытка влаги им не избавиться еще довольно долго.

Радует хотя бы то, что высохшие было ябруши, напитавшись водой, приобрели вид обычных плодов, да и урожай пряностей, за вычетом разве что черного перца, обещает быть неплохим. Размышляя об этом, Креслин откусывает хлеба с сыром.

— Наверное, милостивый господин здорово проголодался, коли жует такую снедь,— говорит Алдония, появившаяся на пороге с Линнией за спиной и открытой плетеной корзинкой в руках. От корзинки исходит запах рыбы и водорослей.

Поскольку рот у Креслина набит, он пожимает плечами и лишь прожевав кусок отвечает:

— С этой работой иногда так уломаешься, что готов есть все без разбору. А у нас,— он смотрит на корзину,— сегодня на ужин рыба?

— Кроме нее, почти ничего не сыщешь, милостивый господин.

— Прости,— Креслин откусывает очередной кусок, стараясь не обращать внимания на вкус хлеба. Лидия уверяет, что плесень ни чуточки не вредна. Может, и так, но гадость первостатейная. Однако, в отличие от Креслина, для большинства жителей острова и такой хлеб — роскошь.

— Придет ли милостивый господин на обед?

— Думаю, да. Извини...— Креслин понимает, что для спасения «Грифона» необходимо вернуться к работе с ветрами.

Алдония качает головой. Малютка за ее спиной радостно гукает.

Креслин улыбается рыженькой крошке, но когда усаживается на стул и устремляет взор в окно, к затянутому тучами северному горизонту, лицо его становится серьезным.

К тому времени, когда ему удается найти «Грифон», белая шхуна уже нагоняет шлюп, но Креслин вновь разводит воздушные потоки, в результате чего военный корабль сносит в сторону, а «Грифон» беспрепятственно огибает мыс.

Клеррис с Мегерой — не в первый раз — оказались правы. Умей Креслин планировать наперед, время могло бы стать его союзником и дать ему немалое преимущество. Но юноша тут

же хмурится — ведь «Грифон» бежит от хаоса, а он помогает кораблю не осилить хаос, а именно бежать.

Креслин снова направляет чувства к Монтгрену. На сей раз ему не удается побиться сквозь затянувшую страну плотную тускло-белую завесу, за которой порой угадываются вспышки огня, страха и боли. Сам Вергрен, «твердыня» Корвейла, тлеет, но истинный это огонь или магический — юноша определить не может. Да особо и не старается, подозревая, что это не имеет значения.

Когда Креслин пытается встать, его шатает, а голова раскалывается. И кажется, что не вся эта боль его собственная. Возможно, Мегера уже знает, что именно он обнаружил.

— Милостивый господин, с тобой все в порядке? — в дверях показывается озабоченная Алдония.

— Не совсем, но это пройдет.

— По дороге скачет милостивая госпожа... Мне подумалось, ты захочешь узнать.

Она уходит. На сей раз девочка не с ней — не иначе, спит в своей колыбельке.

Креслин выходит на террасу. Дождь прекратился, небо затянуто туманной дымкой, и Креслин, не рискуя промокнуть, присаживается на каменную ограду. Едва разносящийся во влажном воздухе стук копыт по мягкой глине возвещает о приближении Мегеры, как юноша встает и спешит к конюшне.

Стоит ему войти, и Вола поднимает голову и ржет. Креслин пребывает в растерянности, толком не зная, должен ли он утешать Мегеру или же нуждается в утешении сам.

— А это имеет значение? — спрашивает Мегера с кривой улыбкой, прежде чем спешивается.

Они обнимаются, хотя она еще держит в руке поводья.

— Отпусти,— говорит женщина,— или я за последствия не отвечаю.

Креслин краснеет.

— Я позабочусь о Касме.

— Спасибо.

Мегера уходит, а он расседлывает ее кобылу и, положив сбрую на место, спешит на террасу, где, свесив ноги с уступа, сидит, дожидаясь его, Мегера.

— Еще раз спасибо,— говорит она.

Он пожимает плечами, садится рядом с ней и спрашивает:

— Что думает Шиера?

— Беспокоится, но Лидия уверяет, что дождь поспел как раз к созреванию яблушей, и трава на лугах снова появляется. День-другой — и мы сможем пускать коней попастись. Но...

— Но?

— Как же без «но». Продуктов для зимовки все равно не хватит, тем паче что из Монтгрена, как я понимаю, ждать уже нечего.

— Мне жаль... я имею в виду Корвейла.

— Суженый, от нас мало что зависело.

Он крепко сжимает ее руку:

— Если бы я только узнал заранее...

— В жизни всегда так.

— Знаешь, а ведь «Грифон» на пути к нам. Ума не приложу, как Фрейгру удалось выйти в море.

— Ты ведь тоже приложил к этому руку. Я почувствовала.

— А, насчет военной шхуны? Да, я развел корабли ветрами, но удивительно, что ему вообще удалось поставить парус и выйти в море. Небось еще и набил трюм припасами. Фрейгр — предусмотрительный малый.

— Нам бы все сгодилось.

Некоторое время они сидят молча, потом Креслин нерешительно спрашивает:

— А Лидия не разузнала ничего нового о... о маршале?

— Нет. Ничего, кроме того, что власть унаследовала Ллиз. Купцам известно одно: нынче в Западном Оплоте новый маршал.

— Я должен бы почувствовать... хоть что-нибудь.

Мегера касается его руки:

— Он ведь сама не хотела, чтобы ты был с ней так близок.

— Да, но... но хоть что-то...— бормочет Креслин, глядя на волны Восточного Океана.

Подернутое облачной дымкой небо темнеет, а густой туман с началом сумерек превращается в мельчайший моросящий дождичек.

— Обед будет поздно,— предупреждает Мегера.

— Знаю. Алдония много времени проводит с Лидией.

— Я предлагала помочь ей со стряпней, но она сказала, что это ее работа,— Мегера улыбается,— и попросту выставила меня с кухни.

— Да, она имеет особое представление о своем долге.

— Ты тоже,— Мегера пожимает Креслину руку.

Он рассеянно отвечает на пожатие, не в силах выкинуть из головы белую хмарь, под которой погребен Монтгрен. Мегера убирает руку, но они остаются на месте, не замечая моросящего дождика.

— Креслин, пока мы ждем, ты не мог бы... Мне кажется, сейчас песня была бы...

Он прокашливается, сглатывает и облизывает губы.

В тех высоких горах, в самый ясный из дней
Вспомнил я о любимой, подумал о ней...

Ноты звучат холодной медью, и Креслин ежится:

— Как-то... не получается.

— Прости, я не хотела...— она снова касается его руки.

— Ничего.

Но не спетая песня не дает ему покоя, пока в дверях, к радости их обоих, не появляется Алдония.

— Это ж надо додуматься, сидеть тут в темноте под дождем! Вот заболеете, а нам что прикажете делать? Каково будет людям остаться без регентов? А обед, между прочим, уже готов. Прошу к столу,— призывает она, взмахнув, как клинком, деревянным половником.

Обменявшись улыбками, Креслин с Мегерой поднимаются и идут через террасу.

CXX

Мелькнув с быстротой молнии, которую Креслину так часто случалось призывать с небес, его белый деревянный меч наносит удар.

Шиера, пошатнувшись, отступает назад.

— Тьма! — восклицает Хайел.— Ты в порядке?

— Это пройдет,— откликается капитан стражей, потирая плечо.— А ты ловок, Креслин. Силен и очень быстр. Ты ведь открылся, и я видела, куда можно нанести удар, но не успела.

— Мне повезло,— говорит Креслин, откладывая дубовую палку.

Шиера улыбается. Ее улыбка напоминает юноше Западный Оплот и поцелуй, полученный от другой воительницы...

— Нет, удача тут ни при чем. Твою технику я бы назвала неотшлифованной, но это не будет иметь значения до тех пор, пока ты не нарвешься на кого-нибудь еще более быстрого или...

— Или если мне не придется иметь дело с несколькими противниками зараз,— заканчивает за нее Креслин.— Как это случилось в битве с хаморианцами.

— Да. Но в этом я одна вряд ли могу тебе помочь, разве что ты захочешь поупражняться с двумя противниками одновременно.

— Как насчет тебя и Хайела? — спрашивает с улыбкой Креслин.

— Только не сейчас,— отвечает Шиера, снова потирая плечо.— У меня и без того будет здоровенный синяк. К тому же начинается сильный дождь.

— Я не заметил, чтобы он прекращался,— ворчит Хайел, глядя на Креслина.

— Я этим занимаюсь,— отвечает, поняв значение его взгляда, юноша.— Но чтобы добиться результата, ничего не испор-

тив, требуется время. Неужели ты и впрямь не заметил, что дожди перестали быть проливными?

— Теперь все в тумане, и сам воздух какой-то мокрый,— уныло отзывается Хайел.— Кому как, а мне жара больше по нраву.

При этих словах глаза собиравшей деревянные мечи Шиеры раздраженно вспыхивают, и она смотрит на Хайела с насмешкой.

— Ну конечно,— говорит тот,— вы оба родом из самого холодного места в мире. Откуда у вас взяться сочувствию к тем, кто любит погреться на солнышке?

— Ну что ты,— отзывается с улыбкой Шиера.— Мы вовсе не против тех, кто любит тепло, тем паче когда это хорошие люди.

«Хороший человек» Хайел густо краснеет. Креслин отворачивается, пряча довольную улыбку.

— Скоро причалит «Грифон». Ты идешь?

— А нужно? Разве Фрейгр не задержится у нас на некоторое время?

— На сей раз... да. Возможно, даже надолго.

— Неужто дела так плохи? — спрашивает Шиера, надевая портупею с заплечными ножнами.— Уже?

— Уже. Скорее, чем я думал,— признается Креслин.

— Значит... насчет герцога — это точно?

— Точных сведений взять неоткуда, но я почти уверен.

— Почему же он, в таком случае, не перебрался к нам, на остров?

— Вергрен составлял всю его жизнь,— отвечает Креслин, берясь за свой меч перед тем как надеть портупею. Рукоять на ощупь холодна, холоднее висящего над Отшельничьим тумана.— Как мог он бросить то, ради чего существовал?

— Не знаю...— бормочет, уставясь на камни под ногами, Хайел.— Раньше мне казалось, будто я кое в чем разбираюсь, а теперь...

— Все не так плохо,— прерывает его Шиера.

— Не знаю,— повторяет Хайел, машинально кладя на место тренировочный меч и застегивая на бедрах пояс с боевым.

— Потолкуем попозже,— говорит Креслин ему и Шиере.— Сейчас мне пора на пристань — взглянуть, в каком состоянии «Грифон», и узнать, как дела у Фрейгра. Не забудьте послать к причалу подводы и людей для разгрузки.

— Будет сделано.

Оставив Волу в конюшне цитадели, Креслин пешком спешит к гавани и той хижине, которую, перестроив и расширив, Мегера превратила в стекольную мастерскую. Глаза его скользят по водной глади, но белых парусов приближающегося «Грифона» пока не видно. У причала стоят лишь «Звезда Рассвета» да все та

же рыбацкая развалюха. Юноша качает головой, вспомнив, что собирался поговорить насчет этого суденышка с Шиерой и Хайелом. Не дело занимать место у причала без всякой пользы.

Остановившись у кирпичной стены мастерской, он входит в открытую дверь.

Мегера с перепачканным лицом, не отрывая глаз от каменного стола, рассматривает прозрачный шар, внутри которого находится стеклянный бокал. Один из тех, что она делает вместе с Авлари, бывшим до поступления на хаморианский флот подмастерьем стеклодува. Надо признать, что бокалы у них получаются на славу, и со временем продажа стеклянной посуды сможет приносить острову заметный доход — если допустить, что колония на острове просуществует так долго.

Мегера поднимает глаза на Креслина и улыбается.

— Ты не идешь? — спрашивает он.

— Проку-то? Встречу и разгрузку ты обеспечишь, а поговорить с Фрейгром я смогу и потом.

Креслин огибает стол расчитывая хотя бы на поцелуй.

— Ты...

«...невозможный... только одно на уме...»

Поцелуй получается вовсе не мимолетным, равно как и объятия.

— Креслин...

— Знаю...

Еще один поцелуй, и Креслин выходит, сменив объятия Мегеры на объятия серого послеполуденного тумана. Мегера без промедления возвращается к работе со смесями песка и химическими составами, подобранными для нее Клеррисом.

Креслин же, подойдя к пристани, видит впереди, примерно в двух кай за волнорезом, едва различимую сквозь плотный туман белую точку.

Вступив на причал, он окидывает взглядом почти полностью оснащенную «Звезду Рассвета». Без Лидии, умеющей лечить древесину, или способного укреплять рангоут Клерриса нечего было бы и мечтать отремонтировать судно, тем паче за одно лето. Юноша улыбается, но улыбка тает, стоит ему вспомнить, что у «Звезды Рассвета» по-прежнему недостает парусов.

Креслину остается только ждать, и он ждет. Три дня назад ему удалось спасти «Грифона» от шхуны из Фэрхэвена, а теперь не терпится узнать, подтвердятся ли его подозрения, проверить которые не позволяло белое колдовское марево.

К тому времени, когда шлюп, с наполовину свернутыми парусами, проходит мимо волнолома, на пристань прибывают подводы, солдаты и стражи, выделенные для разгрузки. Взвод выстраивается примерно в шаге позади регента.

Корабль швартуется, матросы готовят сходни, а стоящий на мостике Фрейгр смотрит на встречающих. Русые с проседью волосы капитана стали почти совсем седыми, а обычно гладко выбритые щеки покрывает неряшливая щетина.

«Грифон» тоже выглядит основательно потрепанным, единственный несвернутый парус наспех залатан, и весь корабль отмечен ощутимым прикосновением хаоса.

Как только сходни касаются причала, Креслин взбегает на палубу, где его приветствует Фрейгр, облаченный в напяленный прямо поверх выцветшей вязаной фуфайки зеленый с золотом кафтан. Матросы, выглядевшие так же неряшливо, как и их капитан, стараются не смотреть на регента.

— Это твоих рук дело? Я насчет военной шхуны.

Креслин кивает.

Серые глаза Фрейгра воспалены и налились кровью.

— Не скажу, что хотел бы снова там оказаться, Креслин. Или мне уже следует говорить «герцог Креслин»? А может, корону наденет твоя соправительница?

— Я не хочу претендовать ни на какой титул, Фрейгр.

— Ты не хочешь, я знаю. Но можешь ты себе это позволить?

— Фрейгр, как это случилось?

Капитан качает головой:

— Трудно сказать. То ли он умер от чумы, то ли был отравлен наемным убийцей. Так или иначе в городе творилось нечто несусветное. Люди умирали, и целые толпы бегали по улицам, угрожая побить камнями всякого, кто связан с Черными. А потом глашатаи объявили, что толпа захватила замок...

— Понятно. Значит, Белые направили туда войска под предлогом восстановления порядка?

— Войска?

— Да. Как они вводились, я не видел, но когда колдовской туман рассеялся, оказалось, что на равнинах стоят отряды из Джеллико и даже из Хидлена. А замок по-прежнему скрывает магическая завеса.

— Так это была магия?

— Да, магия хаоса. С помощью гармонии такого не устроить.

— Но они кричали, будто во всем виноват ты. Что это ты испортил погоду.

— Насчет погоды так оно и есть,— со вздохом сознается Креслин, глядя на потрепанного «Грифона».— И, наверное, во всех напастях, последовавших за этим, тоже есть моя вина, хоть я их и не устраивал.

— Устраивал, не устраивал... это как сказать,— ворчит Фрейгр, не сводя с Креслина по-прежнему суровых, налитых

кровью глаз.— Ты другое скажи: что теперь мне с моими ребятами делать?

— Могу предложить тебе стать флагманом флота Отшельничьего.

— Хм... флагманом. А у меня есть выбор?

— Не уверен. Но ты можешь командовать «Звездой Рассвета»,— Креслин указывает на почти лишенное парусов судно.

— Да, вы неплохо над ним поработали. Осталось поставить паруса — так мы их привезли. И запасной парусины прихватили, а провизии погрузили столько,— капитан обводит рукой стоящие на палубе бочки,— сколько могли взять на борт. Я подумаю над твоим предложением, хотя, может быть, лучше сделать капитаном «Звезды» Госсела.

— Смотри сам. Госсел мог бы сменить тебя на «Грифоне».

— Не знаю,— ворчит Фрейгр, глядя в сторону высящейся на холме башни.— Зато я с самого начала чуял, что везти сюда разом трех долбаных чародеев — это не к добру. Хотя и не подозревал, до какой степени.

Неожиданно Креслин видит высовывающуюся на палубу женщину.

— Это Синдерова сестра,— поясняет Фрейгр, проследив за его взглядом.— Когда дела пошли хуже некуда, я разрешил парням взять на борт своих жен, подруг, сестер... кого захотят. Не бросать же их там? К тому же мне подумалось, что ты возражать не станешь.

— Не стану. Народу у нас хватает, но это, пожалуй, лучшее из всего, что ты сюда доставил,— Креслин смотрит на северный небосклон, где между редеющими облаками ширятся голубые просветы, и добавляет: — Это и погода.

— А я так дождику рад.

— Боюсь, за последнее время дождей у нас выпало сверх всякой меры. Но я надеюсь, что этот вопрос наконец улажен.

CXXI

Женщина с серебряными волосами переводит взгляд с певца на командира стражей, отвернувшись от худощавой Кринэллин, наставницы бойцов.

— Мне это не нравится, милостивая госпожа,— говорит Эмрис.— Тиран не восстанавливала Нонотрер... до того. А теперь угроза для нее еще меньше, чем раньше.

— Следует ли из этого, что мы нападаем первыми? — спрашивает Ллиз, отпивая из кубка.— Но после потери двух отрядов в Сутии и еще одного, почти полностью уничтоженного аналерианскими разбойниками, мы почти обескровлены.

— Я не предлагала напасть. Но происходящее меня беспокоит.

— Меня тоже. Например, эта история со следами. Где-то на верхней дороге скрываются невидимые воины, и их не меньше взвода.

— Белые дьяволы,— вступает в разговор Кринэллин.— Это тревожит нас всех.

— Дело рук чародеев,— заявляет Эмрис.— Отряд наверняка заслан ими, но опасаться нечего. Они не смогут прятаться всю зиму, особенно если ляжет глубокий снег. Тут мы их и переловим.

— У нас не так много возможностей ловить кого бы то ни было,— замечает Ллиз.— Особенно учитывая наши обязательства перед Сарроннином. И потери, понесенные в Сутии. Я не собираюсь возобновлять...

— Ты доверяешь тирану?

— Доверять женщине, бросившей родную сестру на растерзание Белым дьяволам, не слишком мудро. Если бы не наша нужда в деньгах...

— Нужда в деньгах не помешала тебе послать припасы консорту,— напоминает Эмрис.

Глаза Ллиз вспыхивают, но голос остается невозмутимым.

— Не помешала, потому что это были излишки, которые мы не могли ни продать, ни использовать сами,— она умолкает и через некоторое время говорит: — На сегодня все. Продолжим разговор утром.

Эмрис переводит взгляд на певца.

— Песню о мужчине... о мужчине...— требуют стражи, сидящие за средними столами.

Обернувшись на миг к главному столу, менестрель кладет гитару на табурет, достает из своего дорожного мешка длинный веер, в сложенном виде походящий на меч, и, поклонившись, начинает:

Не спрашивай меня, каков мужчина!
На лесть он падок и душой изменчив...
...Но что с него возьмешь, ведь он мужчина...

Распевая песню, менестрель, облаченный в обтягивающие желтовато-коричневые штаны и зеленую шелковую рубаху, пританцовывая, подходит к главному столу и, взмахнув веером, как клинком, раскрывает его.

...Но что с него возьмешь, ведь он мужчина!

Стражи хлопают в ладоши, и менестрель раскланивается, прежде чем отложить свой веер и взять гитару. Среди хлопков

слышится одинокий свист. Певец садится на табурет, подкручивая колки, перебирает струны и наконец тихонько прокашливается.

...Летом, когда зеленеет листва и греет теплом заря,
Моя любовь уносит тебя за неведомые моря...

Хлопки следуют довольно жидкие, и менестрель криво улыбается, прежде чем перенастроить гитару и исполнить марш:

...На горной вершине свой светоч есть,
Там ярче солнца сияет честь...

Исполнив еще пару воинственных песен, он встает с табурета и кланяется, а когда хлопки — на сей раз дружные — стихают, роется в своем мешке и, достав немалый сверток, направляется к высокому столу и новому маршалу.

— Рада видеть тебя снова, Рокелль из Хидлена,— говорит Ллиз, вставая, чтобы приветствовать менестреля.

— Ты оказываешь мне честь, милостивая госпожа...— Рокелль все так же строен, и голос его звучит молодо, но каштановые волосы поредели, и на висках прибавилось седины.— Высокую честь, приглашая простого странствующего певца!

— Певцов и музыкантов у нас всегда ждет самый радушный прием,— произносит Ллиз, делая шаг ему навстречу.

— Тогда позволь преподнести тебе на память небольшой подарок,— продолжает менестрель лукаво-безразличным тоном, поднимая обеими руками сверток.

— А я нахожу его довольно большим,— Ллиз поднимает брови.

— Надеюсь, что ты найдешь его также и интересным.

С этими словами Рокелль кладет сверток на стол и снимает ткань.

Эмрис подается вперед. На столе стоит модель самого Западного Оплота: массивные стены выполнены в металле, в центральном внутреннем дворе установлена большая свеча.

— Если позволите...— менестрель зажигает от стоящей на столе лампы щепочку и подносит огонек к свече. Стены и башни начинают поблескивать, словно в лучах солнца, и даже кладка кажется рельефной, хотя подогнанные одна к другой плиты лишь изображены с помощью чеканки.

— Олово? — спрашивает Эмрис.

— Увы, капитан стражей, этого я сам не знаю. Думаю только, что внутри металла пустое пространство, может быть, заполненное гипсом. Будь замок цельнометаллическим, мне бы его не привезти,— Рокелль со смешком щелкает пальцем по модели и косится на ближний кувшин.

— О, прошу прощения! — восклицает Ллиз.— Ты порадовал нас не только пением, но еще и подарком, а мы, как последние невежи, заставляем тебя стоять на ногах и испытывать жажду. Прошу к столу.

По ее жесту прислуживающий юноша наполняет кубок и ставит его перед свободным стулом между капитаном стражей и наставницей бойцов.

— Еще раз благодарю за честь,— менестрель усаживается и поднимает кубок.— Пение сушит горло, даже если тебя ценят.

— Есть ли какие-нибудь новости? — спрашивает Ллиз, переводя задумчивый взгляд с собеседника на подарок и обратно.

— Новости есть всегда, милостивая госпожа. Не знаю только, с чего начать. Может быть, с Черных магов?

Внимание маршала отвлекает шипение: свеча во дворе миниатюрного замка ярко вспыхивает и гаснет.

— Говорят, будто охватившие Монтгрен пожары — дело рук Черных изменников, обосновавшихся на Отшельничьем. Не мне, конечно, судить, но... В Кифриене тоже гибнут сады. А еще говорят, дочь Вейндре присягнула на верность тирану.

— Об этом мы слышали.

Рокелль делает большой глоток и продолжает:

— Белые обещали Хидлену и Кифриену помощь.

— Интересно, чем все это обернется для нас? — бормочет Кринэллин, уставясь в свой кубок. Ллиз смотрит на менестреля, задумчиво сдвинув брови, а потом поджимает губы и разглаживает лоб с видимым намерением заговорить. Но не успевает.

Сноп пламени, подобно молнии, ударяет в стол, превратив его в груду обгоревших щепок и расшвыряв обугленные тела. Стражи за нижними столами валятся на пол. Не успевает утихнуть эхо, как новая вспышка озаряет пиршественный зал, обратив в костры сразу два стола старших стражей. Буквально на долю мгновения — перед тем как растаять — в раскаленном воздухе обрисовывается фигура в капюшоне.

Лишь одна женщина, страж с русыми волосами, успевает заметить, откуда исходит пламя, и увидеть эту фигуру. Движение ее опережает мысль: клинок летит в неведомого врага.

Пламя, на сей раз не такое сильное, вспыхивает там, где стояла фигура в капюшоне. Над головой трещит подожженная крыша, занялись уже две потолочные балки. Откуда-то доносится яростный лязг металла.

Страж с русыми волосами извлекает клинок из тела поверженного недруга.

— Будь ты проклят!

Над Черной Башней, подавая сигнал тревоги, ревет рог. Русоволосая собирает уцелевших стражей, а целительница склоняется над четырьмя лежащими на помосте обугленными телами, и лицо ее бледнеет.

CXXII

— А что, совсем даже неплохо,— заявляет Креслин, с хрустом разжевав последние несколько кусочков зеленого корешка.

— Особенно если у тебя железные зубы и ты способен мочалить ими дерево или грызть раковины,— ворчит Мегера.

— Надо доесть, милостивая госпожа,— настаивает, выглянув из кухни, Алдония.— От этих кореньев кожа делается мягкой и чистой.

— Я их уже столько сгрызла, что на всю оставшуюся жизнь хватит.

— Но ведь они вкусные,— замечает Креслин.

— Перестаньте! Вы, оба! Все равно не уломаете. Сколько ни старайтесь, ничего это не изменит.

— Ничего?

— Подождем, милостивый господин, пока она не окажется на сносях. Посмотрим, что тогда запоет.

— Прекратите сейчас же! — фыркает Мегера.— И знайте: я отказываюсь от снеди, разжевать которую не легче, чем деревяшку, тем паче что на вкус она не лучше пресловутого колдовского варева.

— Как скажешь...— начинает Креслин, но тут в его голове грохочет беззвучный гром и перед глазами вспыхивает белое пламя. Содрогнувшись, юноша обеими руками хватается за столешницу. Взор его устремлен в никуда.

«...суженый...»

Мегера бледнеет.

— Что?..

Белая пустота рассеивается, и Креслин понимает, что именно произошло. Откуда приходит это знание — неизвестно, но оно приходит, и страшная правда кромсает его душу, словно тупым ножом.

— Ллиз...— он качает головой, встает и, не глядя перед собой, бредет на террасу, в туман.

Мегера следует за ним. Алдония, проводив ее взглядом, сокрушенно бормочет:

— Чародеи-не чародеи, а есть всем надо.

Потом, вздохнув, она начинает убирать со стола, одновременно прислушиваясь, не заплачет ли девочка, которой время проснуться.

Подойдя к Креслину и взяв его за руку, Мегера — впервые! — чувствует, что его пальцы холоднее, чем у нее.

— Она мертва. Ллиз.

— Как? Почему?

— Знаю одно: ее больше нет.

— А ты не ошибся?

— Белые... Все Белые... Их обеих нет! — глаза Креслина сухи, как Отшельничий во время безводья, сердце сжато, словно стальными тисками.

Мегера берет его руки в свои.

— Вот еще одна жизнь, погубленная из-за меня.

— Нет, ты не должен смотреть на это так.

— Может, и не должен. Но смотрю...

«...Ллиз... Ллиз...»

Ему хочется плакать, но глаза остаются сухими, а руки — холодными, и Мегера не в силах их отогреть.

Волны Восточного Океана омывают песок внизу, влажный туман холодит террасу, а Мегера держит Креслина за руки, стараясь наполнить его своим теплом.

CXXIII

— Наконец-то Западный Оплот нам не помеха,— Хартор привычно теребит цепочку, но взгляд его обращен к западу.

— Оправданы ли такие потери? Они все-таки убили Джейка, и тебе пришлось пожертвовать своим ручным менестрелем. Не говоря уж о людях, которых перебили уцелевшие стражи,— указывает Гайретис.

— Зато Креслин лишился какой-либо поддержки из Кандара. Риесса не станет помогать сестрице, Монтгрен — наш, а Западный Оплот покинут — это больше не Оплот.

Молодой маг натянуто улыбается:

— Оплот — это не стены, а стражи. Три уцелевших отряда, с консортами и детьми, идут через Закатные Отроги.

— Три отряда? Обремененные детишками и всем прочим? Пусть себе блуждают по горам, сколько вздумается. Что они могут нам сделать? Да и куда им идти?

— Я полагаю, на Отшельничий. И еще догадываюсь, что ты положил начало созданию Креслином нового войска, более опасного, чем стражи Оплота, потому что эти бойцы будут сильнее нас ненавидеть.

— Гайретис, со стражами покончено.

Худощавый маг поджимает губы.

— Боюсь ты зашел слишком далеко, а результаты не самые лучшие. Замок цел, и теперь Риесса наверняка разместит там

свой гарнизон, тогда как я предпочел бы видеть западные твердыни не в одних руках. Лучше бы там распоряжался новый маршал, а не тиран. Что же до уцелевших стражей, то добравшись до Отшельничьего, они объединятся хоть с древними дьяволами, лишь бы нанести тебе ответный удар.

— Если раньше не перемрут с голоду. Креслину и своих-то кормить нечем, к тому же у него ни кораблей, ни инструментов, ни денег, ни оружия. Конечно, ему под силу устроить еще несколько бурь, но много ли будет от того проку?

— Не знаю. Но Дженред тоже считал, что им все предусмотрено,— Гайретис качает головой.— Создается впечатление, будто амулет Высшего Мага подталкивает к необдуманным поступкам.

— Что ты сказал?

— Так, ничего,— Белый маг с молодым лицом невесело улыбается.— Ничего.

CXXIV

Копыта Волы постукивают по только что вымощенной дороге к цитадели, ставшей еще одним достижением хаморианских каменщиков, продолжающих работать, несмотря на задержку жалования. Неужто жизнь в Хаморе так плоха?

С высоты седла регент озирает тянущиеся вдоль дороги недостроенные каменные здания. Все еще густой и влажный туман не мешает каменотесам придавать заготовкам нужную форму, тогда как подручные замешивают грубый раствор, составленный Клеррисом из толченых раковин, песка и еще невесть чего. Второй ряд домиков предназначен для семейных солдат и стражей, хотя если у некоторых стражей имеются консорты, то с женами для подчиненных Хайела дело пока обстоит туго. Пока. В любом случае, эти дома помогут несколько разгрузить цитадель.

Соседний с Клеррисовым дом, недавняя развалюха, уже покрыт черепицей и сверкает застекленными окнами. Поселившиеся там двое каменщиков заявили о намерении найти себе жен и остаться на острове навсегда.

— У иных порой больше веры, чем у меня...— бормочет юноша себе под нос.

— Заходи,— слышит он, спешившись у двери, голос Клерриса.— Я один, Лидия внизу, в гостинице.

Креслин входит и закрывает за собой дверь.

— Каменщики-то, я смотрю, без дела не сидят,— замечает он, указывая на поблескивающую черепицу соседской крыши.

— Да, люди работящие. Присматривают место у пристани, чтобы построить склад.

— Что построить?

Клеррис ухмыляется:

— Люди верят в будущее. Йорд — тот, что с проседью,— заявляет, что как только ты победишь, от торговцев тут не будет отбоя и он сможет брать полновесным золотом за складские и торговые помещения.

— Кого и как я могу победить, когда мне нечем даже платить за припасы? Я один. Герцог умер, Ллиз оказалась в земле, не успело еще остыть тело маршала. А я до сих пор не сумел привести в порядок погоду.

— Ты уверен, что Корвейл мертв?

— А разве ты — нет?

Клеррис отмалчивается, делая глоток воды из высокого стакана.

— Засуха погубила почти все, что мы имели, а нынешняя сырость может лишить нас и остального,— Креслин качает головой.— Свет, я даже петь больше не могу. Но почему? Почему так получается с музыкой?

— Я разбираюсь в природной гармонии, а не в музыке,— отзывается Клеррис, допивая воду и ставя стакан на стол.

— Так ведь дело, думаю, не в музыке. А во мне самом.

— Может, и так... Этому я бы не удивился,— говорит Черный маг, не глядя на собеседника.— Скажи, а ты собираешься предъявлять права на герцогский титул? Или, может быть, Мегера?

— На титул Корвейла? Я? Разумеется, нет, я ведь ему даже не родственник. А Мегера... Мы с ней об этом не говорили.

Маг пожимает плечами:

— Порой вы оба меня удивляете. У вас общее сознание, однако самые очевидные вопросы...

— Мы не обсуждали это как раз потому, что чувства на сей счет у нас одинаковые. Во всяком случае, мне так кажется.

— Ему «кажется»... Должен сказать, что пренебрегать очевидным весьма неразумно.

— Растолкуй,— просит, присаживаясь, Креслин.— Но имей в виду: я не хочу становиться самозваным герцогом герцогства, которое вот-вот поглотит Фэрхэвен.

— А между тем титул упрочил бы твое положение здесь.

Креслин хмыкает:

— Денег титул не добавит, припасов и войск — тоже, а в остальном мы и без того чувствуем себя уверенно.

— Тут ты, пожалуй, прав. Кто осмелился бы выступить против вас двоих?

— Ладно, хватит толковать о титулах, не имеющих никакого значения. Мне другое интереснее: когда я говорил о музыке

и предположил, что дело во мне самом, ты сказал: «Я бы не удивился». Почему?

— Я бы сказал, что ты нарушаешь равновесие. Используешь магию гармонии чересчур активно, а сейчас наверняка придумываешь что-нибудь еще похуже.

— Хуже?

— Прислушайся к собственным словам. Ты сам сказал, что не можешь больше рассчитывать ни на Монтгрен, ни на Западный Оплот и не веришь в помощь Риессы. Так что же у тебя на уме?

— Ничего... пока.

— Креслин, пойми, что ты не в состоянии нарушать равновесие гармонии и хаоса вечно! За это так или иначе придется платить. И твои затруднения с музыкой наглядно показывают: что-то у тебя не так.

— Ладно, а как мне, по-твоему, действовать? Самым что ни есть гармоническим манером предоставить всем умирать с голоду?

— Я, кажется, с самого начала предупреждал, что не имею ответов на все вопросы. Ты изложил свою проблему, я сказал, в чем она, по моему разумению, заключается... Моя ли вина, если услышанное тебе не по нраву? — говорит Клеррис, глядя Креслину в глаза.

— Да, не по нраву. По твоим словам выходит, что я должен выбирать между гармонией и обречением людей на голодную смерть.

— Ничего подобного я не говорил. Сказал только, что твой подход к использованию магии гармонии может быть опасен. И то, что ты вдобавок убил множество людей клинком, не поможет исправить положение,— Клеррис пожимает плечами и добавляет: — Твои досада и раздражение мне понятны. Вот почему Черным некуда податься. По крайней мере, одна из причин. Дело в том, что мы не слишком хорошо умеем улаживать такого рода противоречия.

— Тьма! — восклицает Креслин, вскакивая на ноги.— Конечно! Именно такой совет мне и нужен! Теперь, когда я, между прочим, не без твоей помощи, зашел так далеко, ты заявляешь, что ничего не можешь поделать. Использовать магию гармонии опасно, клинок тоже. Ничего не делать — тоже не выход. И как мне из этого выбираться?

— Предпочтительно без крови и озлобления,— сухо отвечает маг.— В том числе и против меня.

— Прости.

— На самом деле ты не сожалеешь, а по-прежнему злишься на меня за то, что у меня нет никаких волшебных ответов. А их и в самом деле нет.

Креслину становится не по себе. Однако, понимая, что Клеррис говорит правду — во всяком случае, то, что искренне считает правдой,— юноша меняет тему.

— Собственно, я пришел не из-за музыки, а из-за погоды...

— По-моему, нам лучше пока ни во что не вмешиваться. Кажется, нам удалось придать средним северным ветрам некоторую устойчивость. Впрочем, тебе виднее.

— Да, они держатся.

— Ну вот и хорошо. К концу лета все утрясется, и солнечных дней у нас будет больше.

Весь дальнейший разговор посвящен только погоде, однако то, что предшествовало ему, не прошло даром, и когда юноша покидает дом, его донимают тошнота и головная боль.

Взобравшись на Волу, чтобы поехать в гостиницу, где у него назначена встреча с Мегерой, Креслин с высоты седла озирает Край Земли.

Цитадель по сравнению с днем их прибытия увеличилась в три раза. Все пустовавшие хижины заселены и отремонтированы. И к ним добавились новые, более просторные жилища. Несмотря на то, что на строительство потребовалось немало камня и известки, а древесину пришлось доставлять из старого сосняка, находящегося чуть ли не в десяти кай к югу. В Монтгрене все это потребовало бы куда меньше усилий.

«Звезда Рассвета» все еще стоит у причала, но теперь корабль оснащен всеми парусами, и Фрейгр обещает завтра отправиться на нем в первое плавание. А «Грифон» уже отплыл в Ренклаар, где, по словам Госсела, найдутся и нужные для острова товары, и покупатели на маленькую партию пряностей.

Бросив последний взгляд на пристань, Креслин соскакивает с седла, отводит Волу в сарай, используемый посетителями как конюшня, и под моросящим дождиком шагает ко входу в гостиницу.

Стоит ему появиться на пороге общего зала, как разговаривавшая с кем-то из стражей Мегера поднимается из-за стола ему навстречу.

— Ты рассержен, я сразу почувствовала.

— Ты права, так оно и есть.

— Наверняка из-за Клерриса. Что он такое сказал?

— Давай присядем. Я расскажу.

...Имей тот малый лошака,
Им одарил бы дурака,
А будь свой ножик у него,
Не быть бы ей женой его.

Когда страж — худощавая женщина с гитарой — берет последний аккорд, сгрудившиеся вокруг круглого стола стражи и солдаты разражаются смехом. Лишь немногие поднимают глаза на Креслина и Мегеру, которые садятся за отдельный маленький столик поближе к кухне.

— Угодно что-нибудь выпить?

По одному лишь тону прислужницы можно догадаться, что питейное заведение встало на ноги и дела в нем идут неплохо.

— А что есть?

— Вино «Черная Зарница», хмельной мед и зеленый сок.

— Зеленый сок? — переспрашивает Мегера.

— Да, сок диких зеленых ягод, что растут на утесах. Кислятина страшная, но некоторым нравится.

— Мне зеленого,— решает Креслин.

— Я тоже попробую, хоть и кислятина,— Мегера кивает, пряча улыбку.

— Как вам будет угодно.

— Ты намекаешь на то, что я и во всем прочем приверженец кислятины? — спрашивает Креслин.

— Мужчины в большинстве своем так устроены, что вокруг них все само собой киснет,— фыркает Мегера.

Юноша молчит, однако качает головой и слегка кривит губы.

Мегера пожимает ему руку и тут же, выпустив ее, говорит:

— А твоя затея насчет питейного заведения была что надо.

— Да, одна из немногих, которая осуществилась с самого начала и без особых усилий.

— Ну, тебе все же пришлось кое-что сделать, чтобы все пошло, как надо.

— Иногда я жалею о том, что еще раньше не догадался спеть кое-кому особо.

— Иногда?

— Всегда,— поправляется Креслин и глубоко вздыхает.

— Ну вот, ты все еще сердишься.

— Ничего не могу с собой поделать. Клеррис прочитал мне нотацию о том, что я слишком активно использую магию гармонии и тем самым, видишь ли, нарушаю его драгоценное равновесие.

— О-о-о...

— Знаю, тебя это тоже давно волнует, но ведь я всю дорогу просил его о помощи. И не дождался никакого толкового совета, если не считать старой песни насчет терпения. В чем оно должно проявиться? В том, чтобы позволить всем, кто доверился мне, умереть с голоду? Обратиться к Белым с выражением покорности и мольбой о спасении? Или питаться корешками куиллы, пока мы не выведем все кактусы на острове?

Мегера хмыкает, не отвечая. Креслин начинает горячиться:

— Рассуждения о равновесии и гармонии звучат прекрасно, но ими людей не накормишь. И за оружие или инструменты ими не заплатишь.

— Вот потому-то, любимый, мы с тобой соправители,— говорит Мегера.

Креслин вопросительно смотрит в ее зеленые глаза.

— Думаешь, твоя мать и вправду хотела отослать тебя в Сарроннин или обречь на бегство и одиночество? — говорит Мегера.— Думаешь, моей сестре нравилось держать меня в оковах?

— Мне казалось, ты ее ненавидела.

— Верно. Ненавидела и ненавижу. Но не за это, а за то, что ей было на меня наплевать. Мне понятно, что выбора у нее не было, но отнестись ко мне по-человечески она могла.

— Вот оно что...

— Ты понимаешь?

Креслин понимает. Понимает, что должен поступать так, как должен. Понимает, что ему не следует прятать свою боль от себя или... или проклинать других за то, что у них нет для него готовых ответов.

Рука Мегеры касается его ладони.

Страж с гитарой заводит новую песню:

...Тот малый в руки взял клинок
И ну клинком махать,
Но не рубить и не колоть,
А землю ковырять...

Звуки ее пения, конечно, не чистое серебро, но голос очень приятен. И все же Креслину не по себе. Каждый аккорд режет ему слух.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает Мегера.

— Думал, что да, но эта музыка...

— Она не фальшивит.

— Знаю.

Служанка со стуком ставит на стол тяжелые кружки и, не задерживаясь, направляется к круглому столу, за которым сидят не меньше десятка мужчин и женщин. Все они из цитадели.

— Нынче они уже не служат ни герцогу, ни маршалу,— замечает Креслин.— Надо будет подумать о единой для всех униформе.

— Ну, это не к спеху.

— Тоже верно — Креслин отпивает крохотный глоточек почти прозрачной жидкости и морщится.— Ух ты!

— Ну не настолько же это кисло,— ухмыляется Мегера.

— А ты попробуй.

— Ну как, не настолько же это кисло? — вторит ей Креслин, дождавшись, когда она сморщится пуще его.

— Ты как, допивать будешь?

— А куда деваться? Я ведь мужчина, стало быть, все вокруг меня так и так должно киснуть.

Мегера тычет его локтем.

Он трясет головой, однако вовсе не от толчка, а оттого, что эхо извлекаемых певицей нот, хоть они и представляют собой серебро всего лишь с налетом меди, отдается в его голове фальшью.

— Ты это чувствуешь?

— Да, через тебя,— отвечает Мегера.

Они умолкают, потягивая кислый сок и прислушиваясь.

Доиграв, страж направляется к Креслину и, со словами: «Не согласится ли милостивый господин спеть», протягивает ему гитару.

— Весьма польщен, но, к сожалению, не могу,— отвечает юноша.— В другой раз. Мне очень жаль, но я правда не могу.

Юноше не по себе, но он не знает, что беспокоит его больше: искреннее огорчение стража или отсутствие и намека на тошно-ту — признак того, что он говорит правду и петь действительно не может.

— Ну что ж, значит, в другой раз,— страж переводит взгляд с Креслина на Мегеру. Глаза женщин встречаются, страж кивает и говорит: — Нам всем очень хотелось бы послушать тебя снова, милостивый господин. Как только... как только это будет возможно.

— Спасибо,— отвечает Креслин, чуть было не поперхнувшись.

— Ты знаешь, в чем дело? — спрашивает Мегера, когда страж возвращается к своему столу.

— Насчет музыки? Почему она меня беспокоит? Ну, надо полагать, Клеррис прав: дело в нарушении равновесия. Моего внутреннего равновесия.

— Я так и думала.

— А я вот — нет, потому как не знаю, чем это равновесие так уж нарушил. В последнее время я почти не прибегал к магии. Разве что следил за ветрами, но это едва ли могло повлечь такие последствия,— сделав еще глоток, юноша поворачивается к окну, где за дымчатым стеклом уже сгустилась тьма, и добавляет: — На самом деле я ничего не знаю.

Он делает большой глоток, уже не морщась и вовсе не замечая, что за напиток пьет. Мегера оставляет свой сок почти нетронутым.

За гитару берется другой певец.

...По лесам, по долам, по полям и болотам
Герцог со свитой скакал на охоту...

Пока звучит песня, Креслин молча потягивает сок, устремив взгляд куда-то за пределы ночи, а потом оборачивается к Мегере:

— Пора идти.

Она поднимается вместе с ним.

CXXV

Слигонское каботажное судно под одним-единственным парусом одолевает зыбь у входа в гавань и, кренясь, проходит мимо волнолома. Матрос на бушприте кидает линь стражу, дежурящему у тумбы, предназначенной для швартовки кораблей с глубокой осадкой.

Пониже вымпела Слиго реет другой флаг — перекрещенные черно-серебряные молнии на лазурном фоне.

Почему над слигонским судном флаг Западного Оплота? Эта мысль не дает покоя Креслину, который, огибая лишь самые глубокие лужи, бежит под дождем к причалу. В голову ему приходит лишь один ответ — как раз тот, какого бы он не хотел.

Хайел переглядывается с Шиерой.

— Наверное, надо дать знать Мегере.

— Она уже знает, что он встревожен.

— Но может не знать, почему.

— Ты прав. А знаешь, что мне кажется? Что наш гарнизон пополнится стражами.

— Еще стражи...

— Ну, не стоит стонать так громко.

— Не буду,— ухмыляется Хайел.— Ты-то пойдешь на пристань?

— Чего ж не сходить!

Они следуют за Креслином и догоняют его как раз перед тем, как корабль заканчивает швартовку у глубоководного причала.

— Можешь объяснить, с чего ты так переполошился? — спрашивает Хайел, подойдя к Креслину. Тот молча указывает на палубу, где выстроились стражи.

— А все-таки...— начинает Хайел.

— Понимаю...— перебивает его Шиера.— Я тоже надеюсь, что это не все, кому удалось уцелеть.

— А ты... ты думаешь?..— Хайел смотрит на Креслина.

— А что мне еще думать? Маршала нет в живых, Ллиз мертва, а Риесса перебрасывает войска на Закатные Отроги. Если бы Западный Оплот стоял, как прежде, сюда приплыли бы не три взвода,— скорбно и сурово отвечает Креслин.

Команда под началом кряжистого капитана опускает сходни, и на берег сбегает русоволосая женщина. Не обращая внимания на Хайела, она подходит к Шиере и произносит:

— Капитан, взводный страж Фиера прибыла с докладом.

Креслин открывает было рот, но не произносит ни слова.

— Докладывай,— голос Шиеры суров, словно она говорит вовсе не с родной сестрой.

— Из прибывших на борту в строю три полных взвода. Кроме того, доставлено ходячих раненых пять, увечных десять, консортов и детей два десятка. После погрузки в Рульярте от ран умерли три стража. Кроме людей, доставлены некоторые припасы, оружие, инструменты и... уцелевшие сокровища Западного Оплота.

— Доклад принят, взводный Фиера. Позволь представить тебя регенту Креслину,— Шиера поворачивается к юноше.— Фиера, командир взвода.

Тот торжественно кивает:

— Честь сияет, взводный Фиера. Вы совершили подвиг, и мы встречаем вас с гордостью. Мало кто стяжал большую славу.

Официальный тон собственной речи претит Креслину, но он считает необходимым соблюдать обычай. Да и как еще должным образом почтить командира, пробившегося к нему ценой невероятных усилий? Однако, вспоминая тот единственный поцелуй под башней, Креслин понимает, по какой причине получает сейчас в свое распоряжение и мечи стражей, и казну Оплота.

— Милостивый господин, ныне ты воплощаешь в себе все, что осталось от величия и славы Западного Оплота. Примешь ли ты свое наследие?

— Я принимаю предложенное, ибо не могу поступить иначе,— отвечает Креслин и, понизив голос, добавляет: — Принимаю, хотя никогда этого не желал. Даже давным-давно я желал иного.

Сказать на пристани больше он не решается, но то, что прозвучало, должно было прозвучать непременно.

— Мы все это знаем, милостивый господин регент,— говорит Фиера, глотая слезы.— Могу ли я удалиться?

— Цитадель и все, чем мы владеем, в твоем распоряжении, взводный Фиера. Мы в долгу перед тобой, как перед ангелами и Преданием.

— А мы перед тобой, регент,— по юному строгому лицу текут слезы, но голос девушки по-прежнему тверд.

— Сойти на пристань. Строиться. Становись! — рявкает Шиера так, что ее слышат на палубе.

Стражи цепочкой спускаются с мокрых досок палубы на такие же мокрые камни пристани. Креслин вытирает лоб и гла-

за тыльной стороной ладони и отходит в сторону, подальше от места, где сестры-воительницы руководят высадкой. Хайел следует за ним.

Некоторое время юноша молча смотрит на океан, силясь собраться с духом, но когда начинает говорить, голос его дрожит:

— Они... это все... все, что осталось.

— Осталось от чего? — спрашивает Хайел.

— От Западного Оплота,— с этими словами он поворачивается к кораблю, где уже началась разгрузка.

К пристани подкатывает несколько подвод, наверняка присланных Мегерой, которая понимает — должна понять! — сколь тяжкий груз лег на его сердце.

CXXVI

Сидя на деревянном стуле спиной к паре коек, Креслин рассматривает листы пергамента. Госсел смотрит на Креслина. Мегера не смотрит ни на кого.

Наконец регент поднимает глаза:

— Насколько я понимаю, тебе причитается десять золотых. В качестве компенсации неизбежных потерь.

— Это не так уж важно,— прокашлявшись, отзывается Госсел.— Мы ведь не ходим порожняком, трюмы почти всегда полны. Большую часть времени даже проходы в большом грузовом трюме наполовину заставлены.

Креслин задвигает стул, выпрямляется, но в последний миг успевает нагнуться и не приложиться макушкой к потолочной перекладине каюты.

— Ты привез больше, чем ожидалось. А уж эти саженцы дуба... вот Лидии-то будет радость!

— А я радуюсь кобальту, он мне позарез нужен,— добавляет Мегера.

Госсел опускает глаза на инкрустированную столешницу с гербом герцогства, существующего ныне лишь в его памяти, и бормочет:

— Так дело не пойдет. Прошу прощения, но не пойдет. Пока обстоятельства не изменятся,— он отпивает из немытого бокала, потом наливает себе еще из дымчатой стеклянной бутыли, изготовленной в мастерской Мегеры.

— А в чем дело? — мягко спрашивает Мегера.— Почему ты так думаешь?

— Дело в том, милостивая госпожа, что купцов вроде Руциозиса я знаю как облупленных. Мы с Клайеном работали на его дядюшку, покуда герцог не заговорил о постройке настоящего торгового флота и Фрейгр не сманил меня на место помощника

капитана. Ну а на сей раз Клайен имел со мной дело в Ренклааре. Мы успели погрузить все, кроме саженцев, прежде чем Белые выпустили свой указ. Деревца уж пришлось затаскивать самим, потому как указ о воровстве...

— О воровстве? — Мегера, кажется, не верит собственным ушам.

Госсел поднимает на нее глаза.

— Только шевельни рукой, чтобы помочь Отшельничьему,— и ты ее лишишься. По указу это приравнивается к воровству. И чтобы такие купцы, как Клайен, про этот указ ни думали, сотрудничать с нами (во всяком случае, в Ренклааре, да и любом другом месте к востоку от Закатных Отрогов) они поостерегутся. Что же до Нолдры, то хотя «Грифон» и хорошее судно, он маловат для плавания через весь Восточный Океан, и...

— Можем ли мы обеспечить какую-нибудь защиту?

Госсел молча отпивает из своего бокала.

— Выходит... выходит, чтобы вести торговлю, мы должны добираться до самого Южного Оплота или Сутии? — уточняет Мегера.— Так?

— Именно так, милостивая госпожа. Не знаю только, как это получится. Может быть, «Звезда Рассвета»... Трюмы у Фрейгра вместительные, но вот ведь еще в чем загвоздка...— моряк снова отпивает глоток.— Дорогие товары идут хорошо, пока их немного. Если на продажу предлагается сразу большая партия, цена падает. Крупные торговые дома такого не допускают — они придерживают товары на складах и продают помалу, не давая им подешеветь. Но после этих указов во многих землях наши товары смогут покупать только контрабандисты, а они платят столько, что...

— Что мы едва ли покроем расходы?

— Да, и скоро такое положение дел станет совсем разорительным. Контрабандисты не смогут платить столько, сколько нам требуется, а мы, при наших накладных расходах, не сможем подавать по их ценам. Ведь нам придется платить команде за риск, да еще и держать на борту какую-нибудь охрану. Без этого иметь дело с контрабандистами нельзя: они попросту захватят содержимое трюмов вместе с самим кораблем.

— Умно придумали эти Белые,— качает головой Креслин.— Легальную торговлю они запрещают указом, а контрабанда отмирает сама собой, становясь экономически невыгодной.

— И все-таки я не понимаю, как это может быть,— возражает Мегера.— Контрабандой занимаются испокон века.

— Истинная правда, милостивая госпожа, но что перевозят контрабандой? Оружие, наркотики, драгоценности. Ну, может быть, редкостные изделия да бочонок-другой бренди или виски — особо крепких напитков, если вы понимаете. Оружие мы

покупаем сами, а драгоценностей, не говоря уж о каких-либо редкостных поделках, у нас нет. Разве что...— Госсел снова поднимает бокал.— Разве что вы научитесь гнать бренди из здешнего зеленого сока. А так у нас плоховато с товарами, подходящими для контрабанды.

— Понятно,— задумчиво говорит Мегера.

— Тут есть над чем поразмыслить,— произносит Креслин и, встав, тянется за своим довольно-таки тощим кошельком.

— Нет, милостивый господин,— возражает Госсел.— Ты сделал меня капитаном, а это куда дороже нескольких золотых.

— Так, стало быть, вот что не дает тебе покоя? — мягко спрашивает Мегера.

— Да, милостивая госпожа. «Грифон», он хоть и маленький...

— Мы посмотрим, что можно сделать.

Вставая, Мегера встречается глазами с Креслином, но лишь на миг, поскольку на нее изливаются его гнев и раздражение.

Госсел остается сидеть. Он не поднимает глаз от стола и, кажется, даже не замечает, что регенты собрались уходить.

— Мы обязательно что-нибудь предпримем, Госсел,— заверяет Креслин и, помолчав, добавляет: — Спасибо тебе за честность и за предупреждение.

С этими словами регенты покидают каюту. Госсел закупоривает бутыль, ставит ее на полку и допивает свой кубок.

Уже на палубе Мегера пристально смотрит на мужа и спрашивает:

— Почему ты так злишься и переживаешь? У нас есть урожай, будет даже шерсть, а Авлари начинает производить превосходную стеклянную утварь. Если мы найдем — а мы должны найти! — способ окрашивать стекло, эта посуда пойдет нарасхват. Разумеется, не везде, но в Сутии или даже в Южном Кифриене — непременно. Там никому нет дела до указов Белых.

Креслин кивает распоряжающемуся палубными работами помощнику капитана, и тот приветствует регентов словами:

— Милостивый господин, милостивая госпожа, добрый день.

— Добрый день,— отзываются они в один голос, что побуждает Креслина улыбнуться, но улыбка его тут же тает. Он возвращается к прерванному разговору:

— Прекрасно! Допустим, мы понаделаем много чудесной утвари. Допустим даже, что большая часть нынешнего урожая уцелеет и будет собрана. Что мы можем сделать? Или послать корабль на юг и получить за товар половину его стоимости, или попробовать плыть на восток. Но что в этом случае помешает хаморианцам захватить «Звезду Рассвета»? В конце концов, раньше это судно принадлежало им.

— Думаешь, они решатся?

— Не знаю, но не исключаю. А можем ли мы позволить себе рисковать кораблем? Даже неся убытки, мы еще сумеем просуществовать некоторое время, но лишь до тех пор, пока будем получать необходимые припасы. Или пока не лишимся судна. Или пока нас не сгубит недород. Или пока к нам не нагрянет слишком много беженцев.

— А разве то, что привезла Фиера, не облегчает положение? — спрашивает Мегера, заправляя прядку волос за ухо.

— Облегчает? — хрипло смеется Креслин.— Да без доставленных ею денег мы уже находились бы на грани полного краха! Она выручила нас, но на какие еще чудеса можем мы надеяться? А если можем, то во что они нам обойдутся? — он качает головой и грустно добавляет: — Она стала суровой, даже суровее и жестче Шиеры.

— О...— отзывается Мегера.

«...Может быть, это потому, что ты ее когда-то любил?..»

По пути к конюшне, где оставлены Вола и Касма, Мегера смотрит не на Креслина, а в сторону, на светящееся окно общего зала гостиницы.

— Ты что, ревнуешь? У нее, по крайнем мере, есть мозги, в отличие от того напыщенного хлыща Дрерика.

— Суженый, мне известны твои чувства к Фиера. Там, на причале... Разве могла я не ощутить?..

— Прости,— говорит он.— Мне больно. Она отдала нам все, а я... Что я могу дать ей взамен?

— Она это знает, и все-таки кое-что ты ей дал. Там, на пристани, все видели твое лицо, видели печаль утраченной любви. Со временем это ей поможет.

Звук их шагов эхом отдается от камней дороги.

— Подумай, что она совершила! — говорит Креслин.— Поняла, что Западный Оплот обречен, собрала все, что только было возможно, и доставила сюда...

— А Оплот и вправду был обречен?

— Да. Сама твердыня уцелела, но оставшегося в казне не хватило бы на зимние припасы. Кроме того, Белые перебили на выпасах почти всех овец, и если для сбора нового урожая земледельцу надо дотянуть до следующей осени, то поголовье за год не восстановишь.

Выведя вороную, Креслин вскакивает в седло. Мегера не заставляет себя ждать, и они вместе едут к цитадели.

По пути юноша обозревает поселение, особо отмечая появление на склоне пониже цитадели трех или четырех новых домов. А локтях в двухстах к востоку от гостиницы уже поднимаются стены обещанного каменщиками склада. Кое-чем Край Земли уже начинает напоминать настоящий город.

CXXVII

— Привет! — голос Креслина разносится по еще пустому общему залу гостиницы. Несмотря на ранний час, все столы протерты, каменный пол начисто выметен, а скамьи и стулья расставлены в ожидании посетителей. Те заявятся только ближе к вечеру, поскольку кораблей в гавани нет, а обитатели поселения и цитадели днем заняты на работе или службе.

— Мы еще не открыты... о, милостивый господин!..— узнав регента, женщина с узким лицом склоняет голову.

— Знаю. Но мне нужна бутылка того зеленого сока.

— Того? Зеленого сока?

— Хочу посмотреть, на что его можно употребить,— поясняет Креслин, не в силах скрыть улыбку.— Говорят, эта кислятина кое на что годится.

— Ну, милостивый господин, на вкус и цвет, конечно, товарищей нет. Может, кому и помои на что годятся.

Так, поругивая собственное питье и извиняясь за задержку, подавальщица сначала бежит за здоровенным железным ключом, а потом, отперев тяжелый замок кладки и позвякав посудой, выносит сразу две бутыли. И решительно отказывается от денег, потому как, «хозяину за свое же добро платить без надобности».

Выйдя на улицу, Креслин кладет по бутылке в каждую переметную седельную суму, садится в седло и едет к себе в Черный Чертог.

Между тем облака на востоке начинают рассеиваться, открывая чистое, почти столь же прозрачное, как над Крышей Мира, сине-зеленое небо.

В резиденции пусто. Алдония, по всей видимости, прихватив малышку, отправилась покупать к обеду рыбу, а Мегера занята по горло в своей стекольной мастерской.

В кабинете Креслин разливает содержимое одной бутыли по четырем стаканам и сосредоточивается на одном из них. Уровень жидкости понижается наполовину, зато на каменном полу образуется лужица.

— Э... потом подотру,— бормочет юноша, осторожно нюхает остаток содержимого стакана и, найдя, что запах продукта не слишком отличается от исходного, отпивает крохотный глоток.

Ему удается не поперхнуться, но к глазам подступают слезы.

Опробовав ту же процедуру на трех оставшихся стаканах, Креслин покидает кабинет и выходит на залитую солнцем террасу. Камни ее кое-где еще остаются влажными, но не приходится сомневаться в том, что осеннее солнышко скоро их высушит.

Равно как и в том, что Креслину удалось получить алкоголь, только такой, какой мало кто станет пить даже даром, не говоря уж о том, чтобы выкладывать за подобную отраву монеты. Что же делать дальше? Креслин слышал, что вкусовые качества хмельных напитков улучшает выдержка. Можно попробовать состарить полученное сырье, однако процесс старения по самой своей сути ближе к хаосу, нежели к гармонии.

Размышляя под плеск волн, шлифующих песок беспрерывными накатами и откатами, Креслин неожиданно ухватывается за новую мысль. Шлифуют... Наверное, шлифовать можно не только поверхности.

Вернувшись в кабинет, он вновь берется за дело, дополняя на сей раз перегонку наведением глянца на внутреннюю структуру жидкости. Потом юноша сливает содержимое обработанных стаканов обратно в бутыль, и ее на две трети наполняет зеленоватая полупрозрачная жидкость.

Бутыль вновь занимает место в седельной суме, Креслин вновь садится в седло и вскоре останавливает Волу подле цитадели. По дороге он успел обдумать, как лучше преподнести соратникам свое достижение.

Вокруг стола в цитадели собираются Шиера, Лидия, Мегера, Хайел и Клеррис.

— Ты хотел, чтобы мы все здесь собрались,— говорит Мегера. «...что еще тебе взбрело в голову... суженый?..»

Креслин разливает содержимое бутылки и предлагает каждому по бокалу.

— Попробуйте... только осторожно.

Мегера смотрит на него, подняв бровь. Хайел хмурится, Шиера переводит взгляд с него на Мегеру, глаза Лидии поблескивают. Один Клеррис берет бокал с совершенно безразличным видом.

«...крепковато...»

«...хорошо... хоть и резко...»

«...горчит.. но вкус приятный...»

«...вполне приличный бренди...»

— Что это?

— Бренди из зеленого сока,— поясняет Креслин после того, как все высказались.

— Я так и думала,— кивает Лидия.

— Здорово. И как это тебе в голову пришло? — восхищается Хайел.

— Вышло так,— отвечает Креслин,— что когда тут на днях мы толковали с Госселом о торговле, и он сказал, что для контрабанды подходят только специфические товары — вроде оружия, наркотиков и крепких напитков. И обронил словцо

насчет того, что нам бы не помешало научиться гнать бренди из местного зеленого сока. Вот я и попробовал.

— Ты считаешь, на этом можно заработать деньги? — спрашивает Лидия.

— Трудно сказать. Но ягод на западных утесах растет видимо-невидимо, и проверить, есть ли смысл в моей за тее, можно будет без особых затрат и усилий. Бутыли у нас уже делают. Кстати, как дела с окраской стекла? Трудности были?

— Нет,— отвечает Мегера.

— По-моему, мысль очень неплохая,— смеется Хайел,— только если уж делать это добро, то много. Очень много.

— Так никто не против того, чтобы я этим занялся?

— Надо думать, никто,— отвечает за всех Мегера после затянувшегося молчания.— Дело выгодное и основано на магии гармонии.

Креслин ощущает в ее словах скрытый укор.

— Это все? — спрашивает Шиера.

— Все.

С минуту юноша смотрит, как остальные переглядываются, а потом поворачивается и, медленно спустившись по лестнице, бредет к конюшне. На полпути его догоняет Мегера:

— Прости.

— Ничего. Просто это показалось мне толковой затеей.

— Она и есть толковая. Только... Я хочу сказать: а сможем ли мы производить твое питье в нужных количествах?

— Да, об этом мне следовало подумать с самого начала. Ладно, прикинем. Предположим, я смогу изготовить до зимы сто бутылок — это будет очень неплохо. Предположим также, что бренди получится таким хорошим, что его будут брать по серебрянику за бутыль. Скажу больше — по золотому. Правда, потребуется еще подсчитать, во сколько обойдутся сами бутыли и все прочее. В самом лучшем случае выходит сто золотых. Это совсем неплохие деньги, но они никак не решат наших проблем.

— А все-таки мне твоя идея нравится.

— Спасибо на добром слове. Однако мне следовало бы знать, что этого недостаточно.

— Но ты будешь заниматься бренди?

— Почему бы и нет? Возможно, со временем из этого выйдет толк, и мы даже получим кое-какие деньги. Кроме того, я чувствовал бы себя дураком, не доведя начатое до конца. Только вот,— бормочет он, подтягивая подпругу,— порой мне кажется, что никакие силы, сопряженные с гармонией, нас не спасут.

— Не говори так!

— Что толку молчать, если я это чувствую! Я возлагал такие надежды на корабль... Теперь их у нас целых два, а много ли от

того проку, если большая часть портов для нас закрыта? Я хотел привлечь на остров побольше умелых, сноровистых людей — и привлек. А теперь им не хватит провизии, чтобы пережить зиму.

— Ну, этого ты наверняка утверждать не можешь.

— Хотелось бы и мне так думать,— переводя взгляд с озабоченного лица Мегеры на открытую дверь конюшни, юноша добавляет: — Ладно, увидимся вечером, тогда и поговорим. А сейчас мне надо подумать.

— Хорошо, до вечера...

«...суженый...»

Она прощается с ним ласково, но даже это не греет его на пути к Черному Чертогу по дороге, которую он когда-то надеялся превратить в Великий тракт, пересекающий остров из конца в конец.

Солнце на западе висит низко, предвещая конец лета... и приход еще более мрачных дней.

CXXVIII

— Мне это не нравится,— качает головой Хартор.— Кто-то облетает на ветрах Лидьяр, Тирхэвен, Ренклаар и даже Хайдолар.

— Думаешь, это Креслин? — спрашивает Гайретис, откидываясь назад в кресле из белого дуба.

— А кто еще? Ну, может быть, Белая сука...

— Она больше не Белая. Скорее Черная, почти в чистом виде.

— Что тоже не радует.

— Почему? В чем вообще проблема? — качает головой Гайретис.— Половина Кандара ненавидит его смертной ненавистью, а вторая — боится. У него всего два корабля и горстка монет. А собственного урожая вряд ли хватит даже на то, чтобы избежать голода.

— Эти суки-стражи передали ему все, что осталось от казны Западного Оплота! — Хартор касается пальцами амулета, подходит к окну и смотрит на Белый Город.

— Ну и прекрасно. На эти деньги он прикупит припасов. На несколько восьмидневок. Можно подумать, это его выручит.

— Он будет вынужден что-то предпринять. Ты это имеешь в виду?

— Уверен, что-нибудь он непременно сделает. Но если мы будем осторожны, то, пожалуй, сможем стать еще сильнее.

— Прекрати говорить загадками! — рявкает Высший Маг.— Если ты хотел что сказать, так выкладывай!

— Ты становишься еще более раздражительным, чем Дженред, а это заставляет меня вспомнить о том, как он обходился

с советом и чем кончил. Послушай,— Гайретис выпрямляется в кресле,— в любом противостоянии важно не кто одержит победу в том или ином сражении, а кто с чем остается, когда это сражение заканчивается. Не думаю, чтобы Западный Оплот когда-нибудь проигрывал битвы, а результат? Это первое. А второе — тебе следует примириться с тем фактом, что нам, видимо, не удастся уничтожить Отшельничий, по крайней мере, при жизни Креслина. Что в таком случае нам нужно? Сохраняя собственные силы и средства, всеми возможными способами не допускать получения Креслином какой-либо помощи извне. А помощь ему нужна. Даже сейчас, когда он ухитрился наладить благоприятную погоду, обустроить остров без притока средств извне более чем затруднительно.

— Звучит здраво, но это лишь теория. А вот как заставить ее работать? Это может оказаться непросто.

— Желательно вынудить Креслина прибегнуть к силе. А заодно устроить так, чтобы расплачиваться за это пришлось не нам, а кому-нибудь другому.

— Это только на словах легко,— хмыкает Хартор.

— Не скажи. Ему необходимы деньги, инструменты, провизия, строительные материалы и искусные ремесленники. Прежде всего — деньги; остальное можно купить. Но с деньгами у него туго, а значит, ему придется заняться грабежом.

— И, по-твоему, нам следует ему это позволить?

— Не совсем так... Но я не стал бы пытаться предугадать, куда он ударит, и предотвращать удар. Любые посланные против него силы Креслин разгромит. Нет, ты должен играть роль щедрого и справедливого правителя, стремящегося исправить причиненное им зло. Скажем, не мешало бы оказать помощь Монтгрену. Поля там погорели — стоит время от времени напоминать, что виноват в этом Креслин,— и голодные люди будут благословлять тебя за присланный хлеб. И проклинать Черного изменника, желающего ценой людских жизней сколотить для себя империю. Не помешало бы найти и нанять Черного, который сможет восстановить кифриенские сады. А хаморианцам и норландцам посули за их товары цену выше обычной... но с оплатой только после доставки в Кандар.

Хартор поднимает брови.

— Таким образом мы лишим его многого необходимого. Денег для этого у нас более чем достаточно.

— Денег «более чем достаточно» не бывает.

— Подумай об этом — с этими словами Гайретис встает.— Ты поинтересовался моими предложениями и их услышал. А решать не мне. Решать тебе.

CXXIX

— Гидман, насколько я понимаю, мысль готовить и подавать напиток из зеленого сока принадлежала тебе?

— Прошу прощения, милостивый господин, так-то оно так, но это пришло мне в голову только потому, что без легкого питья никак, а ничем похожим на виноград здесь и не пахнет. Приличное вино делать не из чего, да и на бренди годятся разве что ябруши.

— Хм... ябруши. Может быть, на будущий год попробуем. Скажи, а мог бы ты перегнать зеленый сок в бренди?

— Зеленый? Так ведь это ж кислятина! — удивляется плотного сложения солдат с седеющими волосами.— Такая кислятина, что кишки выворачиваются.

— Знаю, но все-таки? Можешь?

— Ну, ежели дадут бочки и время, почему бы и нет? Только сразу предупреждаю: на вкус это пойло будет похлеще тех молний, какие умеет вызывать твоя... наш второй регент,— Гидман облизывает губы.

— А как насчет выдержки? — настойчиво выспрашивает Креслин.— Что может смягчить вкус?

— Выдерживать бренди, милостивый господин, надобно в специальных бочках, а без них никакого вкуса не получишь. Ну а в них и вправду можно превратить те зеленые молнии в обыкновенную отраву.

— Не понимаю, что тебе не нравится?

— Да уж больно это чудно, милостивый господин: брен ди — да вдруг из зеленых ягод!.. Оно, конечно, некоторые из нашего брата готовы хлестать что угодно, но я не из таковских.

— Ладно, Гидман, будут тебе и бочки, и время. Приступай к делу. Постарайся перегнать как можно больше сока в свою, как ты говоришь, «зеленую молнию», а я попробую сделать ее пригодной для питья.

— Ну, милостивый господин, коли у тебя получится, от этого дела будет больше толку, чем от всех тех бурь, какие ты тут устраивал.

— Может быть,— вздыхает Креслин.— Но первое слово за тобой. Хайел предоставит тебе все необходимое. Я распоряжусь.

— Еще раз прошу прощения, милостивый господин, но позвольте мне заняться этим вместе с каменщиками. Дело пойдет быстрее, а уж они живехонько смастрячат все, что мне потребуется.

— Прекрасно,— ухмыляется Креслин.— Привлекай кого хочешь, а возникнут затруднения — обращайся к Хайелу или прямо ко мне. Теперь все в порядке?

— Оно, конечно, благодарение милостивому господину. Но в полном порядке все будет, когда мы превратим это зеленое пойло во что-нибудь приличное.

Покачав головой, Креслин поднимается по лестнице в комнату сбора воинских командиров. Хайела на месте нет, а Шиера приветствует регента, встав из-за стола.

— Слушай,— говорит юноша,— там Гидман, тот пузатый вояка, который наладился отжимать зеленый сок, собирается подбить каменщиков соорудить возле цитадели перегонный куб. Передай Хайелу, что это с моего ведома.

Он поворачивается, собираясь уйти, но Шиера мягко окликает его:

— Креслин!

— Да.

— Мы все знаем, как ты стараешься.

— Но на данный момент одни старания не в счет, верно?

— Только не говори этого Фиере.

Креслин со вздохом оборачивается:

— Наверное, я никогда не смогу ей отплатить.

— Нет.

— Что же мне делать? Понятно ведь, она доставила сюда людей и казну потому что... потому что...— он качает головой.

— Она не была уверена в том, что ты все понимаешь.

— Я не понимаю одного: что я могу сделать? Мне и по сей день памятен наш единственный поцелуй... Может быть, мне следовало оказаться умнее или отважнее. Но тогда... тогда все обернулось бы совсем по-другому. ...Итак,— продолжает он после недолгого молчания,— я ее должник. Мы все перед ней в долгу, но я — в первую очередь. И мой долг неоплатен. Из сложившегося положения нет выхода. Что бы я ни сказал, это не...

— Ты должен. Так или иначе, но должен.

— Понимаю, но не знаю, что делать. Это касается не только Фиеры, но и всего прочего. Люди ждут от меня великих свершений, а я ломаю голову над тем, из каких средств оплатить провизию на полгода, потому что привезенного Фиерой на столько не хватит.

— В том сундуке было немало денег.

— Немало, если все их пустить на закупку продовольствия. Но не приобретая инструменты и металл для обеспечения собственного производства — вроде нашего стекольного дела,— мы обречем себя на разорение и голодную смерть самое большее через пару лет. А вкладывая деньги в будущее, мы рискуем не протянуть и ближайшие полгода. Это хуже, чем ходить по лезвию ножа..

— А чем поможет перегонный куб?

— Я думал, будто все растолковал. Выходит, нет,— Креслин подходит к окну.— Понимаешь, крепкие спиртные напитки можно продавать где угодно и в большом количестве, причем высококачественные напитки будут брать за дорого, сколько ни предложи. То же самое относится и к шерсти, если, конечно, продавать ее в Нолдре. А других возможностей развивать торговлю у нас нет из-за этого указа Белых.

— Так ты хочешь наладить производство того, что можно сбывать за море за хорошую цену?

— Честно говоря, мне казалось, что я это объяснил очень доходчиво. Видать, ошибся.

— Может быть, я просто плохо слушала. Но все же сомнительно, чтобы перегонный куб разрешил все наши проблемы.

— Он и не разрешит. Но продержаться некоторое время поможет.

— Боюсь, я опять тебя не совсем понимаю,— признается капитан стражей.

— Нынче наше население невелико, и тридцать, а то и пятьдесят золотых чистой прибыли, которые можно заработать на бренди, для нас — немалое подспорье. Но это нынче, а что будет через два года, когда здесь поселится еще пара тысяч человек?

— Этого не случится!

— Еще как случится,— говорит Креслин, поймав ее изумленный взгляд.— Через два года на острове должно жить не меньше трех тысяч человек, иначе нам не выжить. Главное — продержаться, тогда в народе недостатка не будет. Уже сейчас к нам каждую восьмидневку прибывает не меньше десятка переселенцев... Ну все, мне пора идти. Не забудь сказать Хайелу насчет Гидмана.

— Передам. И с Фиерой тоже поговорю.

— Как она? Я все подумываю, как бы поговорить с ней самому, но ей, похоже, не хочется со мной встречаться. Она избегает меня даже на ристалище.

— Она чувствует себя обманутой, и что бы ты ни сказал, сейчас это не поможет. Но ей придется справиться с этим, и рано или поздно она справится. С твоей помощью.

— Одно время я мечтал о ней. Ты знаешь.

— Знаю. И она знает, и Мегера. Но то было в другом мире.

Креслин кивает. Слова «в другом мире» звучат в его голове на протяжении всего пути из цитадели к конюшне. Меньше чем за два года весь Кандар изменился... неужели только из-за него и Мегеры?

Проходя через ристалище, Креслин примечает знакомую русую голову, быстро скрывающуюся в казармах, недавно построенных для новоприбывших стражей.

— Добрый день, милостивый господин,— воительница, обучающая младших стражей, салютует ему деревянным мечом.

— Добрый день.

Взгляд Креслина задерживается на дверном проеме, где только что исчезла Фиера. Он идет дальше по мощеному двору, словно пробираясь лесами Закатных Отрогов. Как будто путь его лежит к башням заката, где укрепились демоны света. Стражи пропускают его, раздавшись в стороны.

Мрачный, как буря, мечущая с небес громовые стрелы, он садится на лошадь, которая, чувствуя настроение хозяина, даже не подает голоса.

Лишь когда Креслин добирается до Черного Чертога и начинает расседлывать кобылу, Вола старается приободрить его ржанием.

— Все не так плохо, лошадка,— говорит он ей, вешая на место сбрую и бросая в кормушку одну из немногих оставшихся овсяных лепешек.— Нам всего-то и надо, что месяца этак за три переделать весь остальной мир. На, полакомься. Боюсь, следующая возможность представится нескоро.

Войдя в дом, Креслин останавливается возле кухни, ощутив присутствие Мегеры. Но обращается к нему не жена, а Алдония:

— Прошу прощения, милостивый господин,— говорит она из-за плотной, несмотря на два открытых окна, завесы пара, подняв глаза от горшка с супом.— Может быть, милостивый господин придумает что-нибудь насчет хлеба?

— В каком смысле?

— Да в том, что весь наш хлеб вышел, а где взять еще, я не знаю.

— И я не знаю. «Звезда Рассвета» вернется не раньше чем через восьмидневку, к тому же в Кандаре засуха, так что Фрейгру будет трудно раздобыть муку. Лидия говорит, что первый урожай маиса можно снимать через пару дней, но прежде чем молоть зерно, надо его еще и просушить.

— Так у нас и маисовой муки нет? Где ж это слыхано, чтобы даже богачи не имели маисовой лепешки!

— Нас едва ли можно назвать богачами, Алдония.

— Рыбаки считают тебя великим и могущественным господином, а кто я такая, чтобы спорить с людьми, бороздящими Восточный Океан?

— «Великий господин»,— хмыкает Креслин.— Уж ты-то знаешь, что мы едим и во что рядимся. Нашлись «великие господа»!

— У людей и того нет.

— Знаю, Алдония. Знаю.

— А что ты еще знаешь? — спрашивает подошедшая Мегера. Волосы ее обернуты полотенцем, а тонкая голубая ткань так липнет к влажному телу, что у Креслина захватывает дух.— А... это ты точно знаешь. Не распаляйся, суженый, я устала. Денек выдался тот еще, один идиот... даже вспоминать о нем неохота. Но так или иначе мы лишились целого тигля цветного хрусталя,— она поправляет полотенце на голове.— Так все-таки, суженый, о чем шла речь? Что ты там такое знаешь?

— Что... что муки у нас почти не осталось, а у рыбаков ее еще меньше.

— А...— она поджимает губы.— Об этом и меня спрашивали. Вся надежда на «Звезду Рассвета». Когда ее ждать?

— Не раньше чем через восьмидневку. И надежда слабая.

— Послушайте, вы оба,— вмешивается Алдония,— сколько можно переживать из-за того, чему вы все одно не в силах помочь? Вот тебе, милостивый господин, лучше пойти да помыться — а там и за стол. Сегодня у нас наваристая рыбная похлебка и немножечко белых водорослей.

— О, они повкуснее бурых.

Мегера поднимает брови.

— Надеюсь, ты не возражаешь против десерта из корешков куиллы? — спрашивает юноша.

Она качает головой:

— Я пойду оденусь к обеду. Надеюсь, и ты, суженый, будешь выглядеть за столом прилично.

Мегера выплывает из кухни, а Креслин, ухмыляясь, направляется к умывальной. Побеспокоиться о завтрашнем дне можно будет и с его наступлением.

CXXX

— Ну, теперь им конец. Те немногие деньги, что остались от казны Западного Оплота, не спасут их от медленной голодной смерти.

— Да, похоже, ты их прижал,— соглашается Гайретис.

— Думаешь, им удастся вывернуться и сейчас? Но как? Денег у них в обрез. А вот голодных ртов с каждым днем будет прибывать. Мы препятствуем торговле с ними, но не мешаем переселению на остров желающих,— Хартор облизывает мясистые губы.— Их казна пуста, а цены на провизию мы подняли до небес. Засуха и запрет на торговлю доведут их до голодной смерти.

— А ну как они отправятся на восток?

— У них всего один корабль, способный пересечь Восточный Океан. А поскольку раньше этот корабль принадлежал

Хамору, император вполне может пожелать вернуть свою собственность.— Хартор прикасается к амулету.

Гайретис устремляет взгляд в зеркало. Белый туман рассеивается, открывая стоящее на склоне холма поселение. Глаза мага расширяются.

— Хартор, ты только взгляни! — говорит он.

— А что там такого?

— Город, вот что! Настоящий город с новыми зданиями и с цитаделью в три раза больше, чем была старая крепостца герцога. И они понастроили все это меньше чем за год!

— А еще через год этот городишко будет заброшен.

Худощавый чародей вздыхает, и изображение в зеркале затягивается белым туманом.

— Вот уж не знаю. А вдруг Риесса устроит нам неприятности?

— Что она может сделать?

— Например, послать им снеди и денег.

— После всего того, что проделал Креслин с погодой, у нее самой закрома не ломятся от урожая. Много она послать не может, а то, что может, их не спасет.

— А если он построит новые корабли?

— Не успеет. Строительство судов требует времени.

— Похоже, у тебя на все есть ответ,— тихо произносит Гайретис.— Прямо как у Дженреда.

— А ты слишком много на себя берешь! Все тебе не так. Создается впечатление, будто этот Креслин тебя прямо-таки восхищает.

— Я просто стараюсь рассмотреть все возможности,— отзывается Гайретис, пожимая плечами и предпочитая не обращать внимания на вызывающий тон своего грузного собеседника.

— «Возможности»... Нет у него никаких возможностей! Против него ополчились недород, нехватка денег и весь мир. Что он может сделать? — Хартор умолкает и смотрит на зеркало.— Так вот, с ним все ясно, а вот... как поступить с тобой, это другой вопрос.

Худощавый чародей опускает голову и не отвечает.

CXXXI

Положив в ряд последний камень, Креслин выпрямляется и отступает. Новая, в пол-локтя высотой, ограда окружает квадратный участок со стороной примерно в три локтя, ближний край которого находится близ южной стены террасы.

— Нужно бы оставить достаточно места для роста,— бормочет себе под нос юноша, в соответствии с предписаниями Лидии смешивая лопатой удобрения и наполняя рыхлой, влажной

землей каменную коробку. Поместив в самую середину саженец дуба, Креслин осторожно, боясь повредить молодые корни, уплотняет и разравнивает почву. Затем следуют поливка, новое разравнивание и, наконец, укрепление гармонического начала, способствующего росту деревца, в соответствии с наставлениями Клерриса.

— Навряд ли, конечно, я увижу тебя полностью выросшим,— обращается Креслин к дубку,— но ничего. Мы работаем ради тех, кто будет жить после нас,— он дружески поглаживает саженец, ставший дополнением к трем маленьким дубовым рощицам, уже высаженным на южных холмах.

Лопату юноша относит в третий дом для гостей, пока еще служащий кладовой, и, вооружившись метлой, сметает с камней грязь. По возвращении в кладовую ему встречается Алдония.

— А... милостивый господин! Я как увидела, что метлы моей нету, так сразу и подумала: не иначе как она для какого-нибудь колдовства понадобилась.

Стоит Алдонии взять у Креслина метлу, как Линния, чуть не вывернувшись из рук матери, с гуканьем тянется к черенку.

— Ну, дочурка, этак мы с тобой никогда полы не подметем. Как мама за метелку, ты и давай вертеться...

— Давай я ее подержу,— предлагает Креслин, протягивая руки.— Мне все одно ждать, когда подойдет «Звезда Рассвета».

— Так ведь, милостивый господин...

— Не бойся, я справлюсь.

Линния с довольным гуканьем начинает крутить пухлыми пальчиками его волосы.

— Нет, малышка. Давай вот так устроимся,— Креслин берет девочку на руки так, что она смотрит поверх его плеча. Помахав крохотной ручонкой, малютка вцепляется ему в шевелюру.

— Вот ведь проказница...— Креслин уносит девочку на террасу, сам не понимая, с чего это ему пришло в голову (пусть даже ненадолго) превращаться в няньку этой рыжей крошки.

Алдония провожает взглядом мага, выносящего ее дочку с тенистой дорожки на залитую утренним светом террасу, качает головой и берется за метлу.

Креслин садится на каменную ограду, положив девочку себе на колени и придерживая рукой за животик. Малютка вертится и тянется вниз, к камням.

— Ладно,— говорит юноша и бережно опускает ее на пол террасы. Алдония, судя по доносящимся звукам, яростно орудует метлой, а девочка с не меньшей энергией тянется сначала к сапогам Креслина, а потом подхватывает пальчиками мертвую многоножку и тянет в рот.

— Мне кажется, это не очень хорошая идея,— говорит Креслин. Осторожно разжав детскую ладошку, он подбрасывает Линнию в воздух и сажает на плечо.

На сей раз гуканье звучит возмущенно.

— Я понимаю твое негодование, но боюсь, твоя мама вряд ли одобрит поедание насекомых. Во всяком случае, до тех пор, пока мы вконец не оголодали.

— Гу-гу,— серьезно отвечает девчушка и, за неимением многоножки, подносит ко рту кулачок.

Держа Линнию на плече, Креслин подходит поближе к саженцу и смотрит, как дрожат на ветру его еще реденькие листочки. И тут же непроизвольно ойкает: Линния запускает в его шевелюру обе ручонки и тянет изо всей мочи.

— Ну у тебя и хватка,— бормочет Креслин, высвобождая серебристые волосы.

— Смотреть на вас одно удовольствие,— с улыбкой заявляет появившаяся на террасе Мегера,— но, боюсь, тебе пора готовиться к встрече. Паруса «Звезды» уже видны.

— Да видишь, я взял подержать...

— Давай мне, а сам отправляйся умываться... если не хочешь встретить Фрейгра чумазым, как каменщик. Кстати, что ты тут вообще делал? Каменные работы вроде бы завершены.

— Да вот... дубок.

Покачав головой, Мегера протягивает руки, чтобы взять Линнию:

— Иди ко мне, малышка, иди сюда. Оставь дядю, дядя все равно весь в хлопотах, ни минуты без дела не сидит.

— Дядя?

— А чем не дядя? Слово не хуже всякого другого. А что ты не любишь бездельничать, с этим уж точно не поспоришь.

Воздержавшись от каких-либо комментариев, Креслин передает одну рыжеволосую другой и берется за полотенца.

К тому времени, когда он успевает умыться и одеться, оказывается, что Мегера уже вернула Линнию матери и седлает Касму. Креслин делает то же самое с Волой, и регенты вместе скачут в гостиницу, оставляют там лошадей и идут к пристани.

«Звезда Рассвета» выглядит потрепанной, но где ей досталось и почему — пока сказать трудно.

— Видать, Фрейгру пришлось нелегко,— замечает Мегера, шагая к тому месту, куда Синдер и еще один матрос опускают трап.— Ты только взгляни на борт.

Фрейгр встречает регентов на мостике у штурвала.

— С кем это ты столкнулся? — спрашивает Креслин, перевешиваясь и указывая на вмятины в корпусе.

— С камнями, пущенными из девалонской катапульты.

— Это еще почему? — спрашивает Мегера.

— Потому что гильдия купцов Сутии наложила на торговлю с нами запрет. Лишь горстка мелких торговцев решилась иметь со мной дело, но впредь не приходится рассчитывать и на них.

— Почему?

— Потому что троих из них арестовали. Нам пришлось удирать из Армата.

— Вейндре связалась с Белыми?

— Я должен бы сообразить. Вот ведь идиот,— бормочет Креслин.

Мегера с Фрейгром смотрят на него и ждут объяснений.

— Судя по тому, что удалось узнать Шиере у своей сестры, Вейндре претендует на титул... маршала Оплота. Она вступила в союз с Белыми, а они устроили те дьявольские взрывы, уничтожившие Ллиз и старших стражей.

— Ну что ж, это многое объясняет, но объяснениями сыт не будешь,— говорит Фрейгр.— На сей раз у меня есть кое-какая выручка и небольшие приобретения, но — я уж прошу прощения, ежели мы ничего не придумаем, из следующего рейса мне и того не привезти.

— Чем удалось раздобыть? — спрашивает Мегера.

— Провизии я хотел бы привезти больше,— говорит Фрейгр, делая жест в сторону готовящихся к разгрузке бочек.— Тут в основном кукурузная мука и ячмень из влажных уголков Сутии. Всего около пятидесяти бочонков. Белые маги скупают весь хлеб и за ценой не стоят.

— А что они с ним делают?

— Раздают пострадавшим от недорода в Монтгрене, Кифриене и Кертисе. А раздавая, по словам торговцев, повсюду рассказывают, что это ты загубил урожай во многих землях — в отместку за нежелание Белых покориться тебе и признать Предание.

— А что говорит на сей счет дражайшая сестрица? — спрашивает Мегера, переводя взгляд с груза на капитана.

— Дражайшая... кто?

— Риесса,— поясняет Креслин.— Тиран Сарроннина.

— Ничего, кроме того, что все толки о Западном Оплоте всегда служили для чародеев лишь предлогом.

— Надо думать, Белые и посейчас твердят, будто Западный Оплот намеревался силой обратить весь Кандар к Преданию.

— Еще как твердят,— кивает Фрейгр.

— А что еще ты раздобыл? — спрашивает Мегера.

— Малость золотишка. Больше, чем ожидал.

Мегера удивленно поднимает брови.

— Они что, отказываются продавать, но покупают? — высказывает предположение Креслин.

— Лишь некоторые. Те, с кем я сговорился прежде, чем гильдия вызнала, кто мы такие. Я же не орал на каждом углу, кто я и для кого торгую. Корабль ходил под флагом Монтгрена. Но у них самих на продажу мало что имелось, не было даже кифриенских сухофруктов, а уж этого добра всегда навалом. Я прикупил на свой страх и риск овсяных лепешек для лошадей — вы мне их не заказывали, но цену за них взяли невысокую, и мне показалось, что лучше везти фураж, чем пустые бочки. Ну а потом я все-таки откопал немного железа и кое-какую древесину. Правда, бревна короткие и в основном береза, она слишком ломкая и легко загнивает. Подвернулась парусина — взял и ее; небось пригодится. Тут еще на борт попросилась семья одного малого, который приходится кузеном Еритиллу. Он оплатил проезд золотом, к тому же сам искусный бочар. У нас таких ремесленников нет, но я честно предупредил его, что с древесиной на острове негусто. Но он сказал, что ежели потребуется, сможет плести корзины из тростника или даже морских водорослей. Его дочка начала проявлять способности Черной, и Белые уже взяли ее на заметку.

Креслин благодарит Фрейгра, но понимает, что хотя капитан сделал больше, чем можно было от него требовать, привезенного явно недостаточно. Прежде всего это относится к муке.

Уже по пути к гостинице, где они оставили лошадей, Мегера откидывает волосы назад и говорит:

— Могло быть и хуже.

— Могло, но ненамного.

— Ну почему ты всегда видишь происходящее только с Белой стороны? Ведь что ни говори, а сорок с лишним бочек маисовой муки — это не пустяк. На некоторое время их хватит.

— Но ненадолго. Из одной бочки муки можно выпечь примерно четыреста караваев, а у нас под началом уже больше пятисот человек. Это... что тут получается? Ага, если по полбарреля в день, то все про все на три-четыре восьмидневки.

— Повторю: могло быть хуже. И бывало.

— Знаю. Но это слова, а они не приносят ни денег, ни еды. Если все откажутся торговать с нами, куда мы денемся? Как раз сейчас нам позарез нужна помощь, обещанная твоей дорогой сестрой.

— Ты всегда паникуешь,— заявляет Мегера,— вот и насчет домов боялся, но мы же их построили.

— Нехватка еды куда серьезней. Наших припасов по-прежнему недостаточно, чтобы пережить зиму. А прикупить сколько нужно не на что, да и негде.

— Может, перестанешь, а? — говорит Мегера, указывая на ясный небосклон и ласковое солнышко.— День выдался на диво,

а проблемы будут всегда. Чем сокрушаться, давай лучше порадуемся хоть краткой передышке. Некоторое время никому не придется беспокоиться о том, как разжиться хоть какой-то едой помимо рыбы. А этот новый ремесленник, кстати, сварганит тебе несколько бочонков для твоего зеленого бренди.

— Ну...

— Суженый, я не хуже тебя знаю, что у нас множество нерешенных вопросов. Но их можно обсудить и попозже, а пока самое время порадоваться погожему деньку. Ты очарователен, но только когда перестаешь брюзжать.

Креслин смеется, а после того как в конюшне Мегера еще и обнимает его, прижавшись всем телом, ему хочется петь. Они садятся верхом и едут в цитадель. Возле дороги между двумя рыбацкими хижинами, из числа самых старых и обветшалых, Креслин замечает вырытую в песке и обложенную камнями яму, над которой мужчина и женщина с трудом пытаются натянуть кусок латаной парусины, призванной служить кровлей. Рядом играет с палками босоногий, одетый в лохмотья мальчик. Проезжающих мимо регентов никто из этих бедняг даже не замечает.

Жара стоит прямо-таки летняя, и Креслин утирает лоб, чтобы пот не попал в глаза. У обочины стоит с протянутой рукой девчушка.

— Подай монетку, благородный господин... всего одну монетку... медяк,— каштановые волосы девочки сбились в колтуны, лицо запылилось, ноги босы, а на теле нет ничего кроме выцветшей сорочки.— Всего один медяк...

У Креслина с собой лишь несколько золотых, и он оборачивается к Мегере.

— Хорошо,— она пожимает плечами, выуживает монетку и кидает попрошайке.

— Спасибо, милостивая госпожа.

— Ты откуда? — спрашивает Креслин.

— Не знаю.

Ему остается лишь гадать, прибыла ли она в числе переселенцев на «Звезде Рассвета» или же на последнем каботажном судне, доставившем только людей и никаких припасов.

Остаток пути до цитадели регенты проделывают молча. Креслин не силах отогнать образы почти голого мальчугана и девочки-попрошайки. Снова и снова он пересчитывает в уме, на какое время можно растянуть сорок бочек муки.

CXXXII

— Чтобы вести здесь торговлю, мне приходится идти на очень большой риск, а, стало быть, и команде надо платить больше

обычного...— мускулистый капитан «Ночного Ветра» подчеркивает свои слова энергичным движением плеч, но рука его при этом не выпускает рукоять меча, а взгляд сосредоточен не на Госселе, а на Креслине. Однако разговаривает с ним, мягко и спокойно, именно Госсел:

— Я прекрасно понимаю твою озабоченность, капитан, однако мы не можем позволить себе отдавать товары задарма, особенно учитывая, что плавание в Бристу принесет нам прибыль даже при условии уплаты особого вознаграждения за повышенный риск. А иметь с нами дело не так уж опасно. Известно ведь, что милостивый господин в делах честен и справедлив, но тем, кто выступает против него и навлекает на себя его гнев, приходится худо.

Креслин тем временем переводит взгляд с передней палубы «Ночного Ветра» на мачты качающегося у дальнего конца причала «Грифона». «Звезда Рассвета» в настоящий момент стоит на якоре близ устья реки Фейн, в добрых ста кай к югу. Группа стражей под руководством Лидии собирает там травы и дикорастущие съедобные плоды и коренья, которые, в силу гористого рельефа и отсутствия дорог, доставить к Краю Земли морем много легче, чем на лошадях.

Юноша подумывает о том, не стоит ли ему, дабы придать весу словам Госсела, малость пошевелить ветра, но желудок протестует против этой затеи. В конце концов Креслин решает не прибегать к магии без крайней необходимости, тем паче что северо-западный морской бриз и без всякого его вмешательства несет к берегу дождевые тучи.

Контрабандист с Госселом отчаянно торгуются. Креслин стоит с недовольным видом, но не встревает. Наконец капитаны ударяют по рукам, после чего Госсел с Креслином покидают борт «Ночного Ветра».

— Думаешь, лучших условий мы добиться не могли? — спрашивает Креслин, наблюдая за тем, как матросы с «Грифона» начинают разгрузку купленных у контрабандиста припасов, одновременно затаскивая на палубу «Ночного Ветра» те немногие товары, которые удалось продать. В их числе — несколько ящиков стеклянной утвари, фляги с полученной из моллюсков пурпурной краской, пряности Лидии и с дюжину бочек соленой рыбы. Рыбы можно было бы засолить больше, но если соли на острове достаточно, то насчет бочек этого не скажешь.

— Я сделал, что смог,— отзывается, пожимая плечами, Госсел.— Вот разве что за бокалы мы, пожалуй, могли бы выручить побольше. Когда этот малый их увидел, у него аж глазенки сузились. Но ведь в чем-то надо и уступить, а мы взяли хорошую цену за специи и краску. Рыбу продали куда дороже,

чем я мог надеяться. Это, наверное, благодаря недороду и падежу овец в начале лета.

— Спасибо, Госсел. В торговле ты смыслишь куда больше всех нас.

— Премного благодарен за доверие, милостивый господин.

— У тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы?

— Думаю, сейчас нет.

— Еще раз спасибо. Попозже зайду, но сейчас у меня кое-какие дела в цитадели.

Рассеянно заглянув в окно гостиницы — внутри две служанки намывали столы, готовясь к приходу посетителей,— Креслин седлает Волу, но стоит ему тронуть лошадь с места, как он слышит детский голосок:

— Медяк, милостивый господин. Наша мама чахнет, мы голодаем.

Голос принадлежит чумазому мальчишке в рваной рубашонке и штанах с дырками на коленях.

Обследовав чувствами ближнее пространство и убедившись в отсутствии признаков белизны или какой-либо иной силы, юноша спрашивает:

— Ты где живешь?

Ребенок смотрит в сторону.

— Где ты живешь? — повторяет регент.

— В пещере.

Возможно, мальчик и лжет, но с ходу этого не обнаружить, а докапываться до истины у Креслина нет времени. А вот медяк на сей раз есть.

— Держи.

— Спасибо, милостивый господин.

Юноша едет дальше, гадая: то ли он сам плодит попрошаек, раздавая милостыню, то ли люди и вправду дошли до крайности.

— В каждом городе встречаются нищие,— бормочет он себе под нос. Но без особой уверенности в том, что это хорошее оправдание. Однако нищие нищими, а сейчас надобно подумать о рыбе. Как лучше употребить бочки, освободившиеся из-под овсяных лепешек — пустить под рыбу или разлить в них для выдержки полученный из зеленого сока бренди? Надо будет потолковать с Гидманом, хотя тот наверняка попытается заполучить все бочки, какие только сможет...

Размышления Креслина прерывает глухой раскат грома, и едва он успевает взяться за поводья, чтобы ускорить шаг Волы, как на лицо падают первые капли.

В конюшне цитадели его встречает Мегера.

— Я собиралась в Чертог, но передумала, решила подождать тебя,— говорит она, вскакивая на Касму.— Поедем вместе. Как прошли переговоры?

— Госсел сделал все от него зависящее,— отвечает Креслин, стряхивая влагу с туники.— А я помалкивал, изображая справедливого, но не слишком милосердного Мага-Буреносца. Правда, это не помешало контрабандисту вытянуть из нас кучу денег, но куда денешься? Он привез пятьдесят бочек муки, причем половину из них рисовой, пять бочек сухих фруктов, твердый желтый сыр, маслины, оливковое масло... и это не говоря уж о кайстике и доброй сотне стоунов железной руды. Все по высоким ценам, но этого и следовало ожидать.

— Вот видишь, дела не так уж плохи. Напрасно ты все время переживаешь.

— Не скажи. Даже после того как этот малый рассчитался за краску, пряности, стекло и рыбу, у нас осталось всего пятьдесят золотых. Еще чуть-чуть такой торговли, и казна Западного Оплота будет истрачена без остатка.

— Тогда почему же ты заплатил ему так много?

— Да потому, что сейчас это все равно обойдется дешевле, чем потом. Вспомни... в Монтгрене, Кертисе и Кифриене — недород, и следует ждать взлета цен на провизию. А нам и при нынешних впору протягивать ноги.

— А может быть, стоило просто захватить груз этого контрабандиста вместе с кораблем?

— Я хочу выжить, но не любой ценой. Да и много ли было бы в том проку? Его посудина меньше «Грифона».

— Ага, значит, дело в целесообразности! А будь его судно со «Звезду Рассвета», ты подумал бы о захвате?

— Подумать, может быть, и подумал... Только, поступив так, я все равно не решу всех проблем, а вдобавок еще и отважу от нас всех прочих контрабандистов.

— Ты уже не такой невинный и простодушный, каким бежал из Западного Оплота! Если вообще когда-нибудь был таким.

— Это несправедливо!

Креслин щелкает поводьями, порываясь направить Волу подальше от Мегеры, к дому Клерриса и Лидии. Внутри у него все горит, глаза щиплет. Он и сам не знает, чья боль и досада сказывается сильнее — его собственная или жены.

Но отъехав всего на несколько шагов, юноша осаживает лошадь. О чем ему говорить сейчас с двумя Черными, еще более ограниченными в возможностях, чем он сам?

— От себя не убежишь, суженый,— говорит, подъехав к нему, Мегера.

Хорошо хоть то, что ее слова относятся к ним обоим.

CXXXIII

— Я рассмотрел все возможности,— утверждает Креслин.— Лидьяр практически лишен охраны, а в его водах нередко находится по полдюжины океанских судов за раз. Воспользовавшись подходящей погодой, мы можем захватить три, а то и четыре корабля.

— Сначала ты возлагал надежды хотя бы на один корабль. Теперь у нас их два, но, оказывается, тебе требуется больше. Когда это прекратится? — устало говорит Клеррис.

— Не знаю, но сейчас у нас нет выбора.

— Ход твоей мысли не совсем ясен. Может быть, не сочтешь за труд растолковать?

— Настоящий океанский корабль у нас всего один,— говорит юноша, отпивая из зеленого хрустального бокала, произведенного в мастерской Мегеры и Авлари,— и совершенно очевидно, что мы не можем позволить себе им рисковать. Но это еще не все. При наличии нескольких больших судов мы сможем существенно расширить торговлю, а в случае необходимости — использовать флот для оказания давления.

— Это каким образом?

— Самым прямым. Располагая флотом, мы можем заявить Нолдре, Остре и всем прочим, что либо они станут торговать честно, либо их суда будут захватываться или топиться.

— И как ты собираешься воплощать в жизнь эту угрозу?

— Как раз воплощать ее в жизнь мне бы и не хотелось. Но в сложившихся обстоятельствах — если уж мы решим заняться пиратством — я мог бы, подняв ветра, выведать, где находятся их корабли, а потом устроить шторм и выбросить их на сушу... по крайней мере, в восточном Кандаре.

— Он и вправду может? — вопрос Шиеры обращен к Лидии, которая молча кивает.

— Это не слишком удачная идея,— нейтральным тоном произносит Мегера.

«...идиотская затея, вредная и опасная...»

— У нас нет выбора,— повторяет Креслин.— Либо мы делаем свой ход до того, как наше положение становится очевидным, и тогда у нас остается надежда застать всех врасплох, либо потом нам придется делать то же самое, но куда с большими потерями в людях.

— Не знаю, что и сказать...— бормочет Клеррис.

— Вот именно, ты не знаешь. А я знаю, что рыбаки жалуются на нехватку муки. Мы с трудом дотянули до урожая на припасах, доставленных «Звездой Рассвета» и купленных у контрабандистов, но собранного урожая нам хватит в лучшем случае до середины зимы. Уже полгода люди не получают жалованья. Фрейгр вернулся с полупустыми трюмами, а ведь тогда еще не все знали об изданном Белыми указе. Наши запасы провизии иссякнут задолго до весны, а как их пополнить? Никто не продаст нам продовольствия, кроме горстки контрабандистов, но мы не можем позволить себе покупать еду по их ценам. Так что нам остается только грабеж.

— Но это ужасно! — восклицает Мегера.

— Полностью согласен. Предложи что-нибудь получше.

Выдержав паузу, Креслин встает, ставит на стол бокал и выходит.

Пятеро оставшихся за столом рассеянно переглядываются.

— Неужто... неужто мы вправду опустимся до грабежа и пиратства? — качает головой Лидия.— Да мыслимое ли это дело?

— Совершенно немыслимое,— отзывается Клеррис,— но выбор и вправду небогат. Можно ничего не делать и умереть с голоду или позволить Креслину погубить себя, чтобы спасти всех нас.

— Это жестоко.

— Он предложил свое решение, но согласится с чужим, если оно окажется лучше. Есть у кого-либо предложения насчет того, как остаться не замешанными ни во что дурное и при этом выжить?

Собеседники снова переглядываются, но за столом царит тишина, нарушаемая лишь доносящимся с дороги перестуком копыт.

Добравшись до Черного Чертога и расседлав Волу, Креслин садится на затененный участок ограды и прислушивается к плеску прибоя. Удлиняясь, тени постепенно покрывают всю террасу, а молодой регент по-прежнему сидит неподвижно, устремив невидящий взгляд в Восточный Океан, в сторону далекой Нолдры и еще более далекой Остры. Юноша не оборачивается, даже когда появившаяся на террасе Мегера подходит и садится рядом.

— Ты встал и ушел, а чего добился? Как всегда решил, что могучий Креслин прав, и упаси Тьма в этом усомниться.

— Неправда. Я спросил, может ли кто-нибудь из вас предложить что-либо, кроме ожидания голодной смерти. Или надежды на помощь, вроде той, которую обещала когда-то твоя сестра. Кстати, ты все еще веришь, что она нам поможет?

— Может быть.

— Да ну? Женщина, заключившая в оковы родную сестру, станет тратить средства на то, чтобы помочь выжить и укрепиться народу, который, не исключено, станет угрожать Сарроннину?

— То, что ты задумал,— скверно! — твердо и с расстановкой произносит Мегера.— Ты хочешь использовать магию гармонии для извращения самой ее сути.

— А что, по-твоему, я должен делать? — спрашивает Креслин, глядя на белые вблизи и почти розовые у закатного горизонта пенные барашки волн.

— Мне кажется, что пиратство — не самый почтенный промысел.

— Это бесчестный промысел, но я спросил, что мне делать. Какая тут честь, когда нечего есть! И потом, Черных в Кандаре изводят год за годом не тем способом, так этим. Корвейл мертв, Западный Оплот пал. Риесса и Фэрхэвен процветают, а мы боремся за выживание. Помощи нам ждать неоткуда, даже наше золото возьмет далеко не каждый, а коли кто и возьмет, так его все равно не хватит даже на самое необходимое. Корабли приходят и вместо припасов привозят голодные рты. Что, что мне делать? Сидеть и смотреть, как все умирают с голоду?

— Но ты ведь не еду собрался захватывать!

Креслин делает глубокий вздох и, не глядя ей в глаза (ибо понимает, что и в ее словах есть доля правды) продолжает:

— Я же не собираюсь сделать пиратство нашим постоянным промыслом! Речь идет об одном налете, одном-единственном, но таком, чтобы он избавил нас от необходимости попрошайничать и красть. Со временем, встав на ноги, я даже возмещу потерпевшим убытки...

— Как можно возместить потерянные жизни?

«...как... как мы можем даже обсуждать это?..»

Креслин качает головой, проникаясь ее болью, но голос его звучит решительно:

— Так что, спрашиваю, делать? Мою мать, моего отца, мою сестру — всех убили Белые. Они захватили Монтгрен, а твоя сестра не пришлет нам и сухой корки. По-твоему, мой план плох. По-моему, тоже. Но где лучший? Где? За последний год остров принял более пятисот переселенцев. Дожди спасли урожай, и голод пока не начался, но как строить город голыми руками? У нас не хватает даже молотков и лопат! Люди живут в землянках, в пещерах, уже появились нищие! Разве нам самим под силу построить флот, достаточный для того, чтобы при торговле нас не обдирали как липку? Что делать? Что?

Обхватив голову руками, Мегера в отчаянии произносит:

— Нечего, разве что...

— Ну уж нет, умирать с честью я отказываюсь! Это было бы несправедливо по отношению к Хайелу, Шиере... или Фиере.

Он умолкает, а потом, когда солнце уже скрывается за западными холмами и сумерки заставляют потускнеть белизну морской пены, тихо, как что его голос едва перекрывает шелест прибоя, произносит:

— Ты думаешь, мне легко? Чем бы это ни обернулось...

«...суженый...»

Их руки соприкасаются, как и их слезы.

CXXXIV

— Ты же Маг-Буреносец! Зачем было дожидаться тумана, когда ты запросто мог его напустить?

К западу от «Звезды Рассвета» на небосклоне неясно вырисовываются тяжелые облака, а висящий над водой легкий туман заставляет оба плывущих на юг судна — и «Звезду», и «Грифона» — казаться призрачными. Креслин стоит на палубе «Звезды Рассвета», но его сознание присутствует там наполовину.

— А так нам пришлось ждать, пока поблизости не останется никаких судов, чтобы нас, неровен час, не заметили раньше времени.

Фрейгр переводит взгляд с рулевого на Креслина, и тот, утерев влажный лоб, отвечает:

— Навести туман или наслать бурю несложно, но это все равно, что написать свое имя на небосводе письменами, внятными любому магу. Белые всегда настороже, но если я буду просто следить за ветрами, то, уловив нужный поток в нужное время, смогу изменить его силу и направление в последний момент, прежде чем кто-то успеет хоть что-нибудь заметить.

— Но ведь ты очень быстро создал те водяные смерчи, которые спасли нас от погони.

— Верно,— кивает Креслин.— Но какой ценой? Вспомни, мне едва удалось удерживать их необходимое время, и при этом я вымотался так, что долго не мог даже встать.

Капитан «Звезды Рассвета» смотрит то на мутные волны перед бушпритом, то на молодого мага:

— Вроде понятно. Но коли эти Белые, как ты говоришь, настороже, то не поджарят ли они нас, едва мы высадимся?

— Попытаются, это уж точно. Однако не так просто управляться с огнем в сердце настоящей бури, не говоря уж о том, чтобы делать это с большого расстояния. По-настоящему нам следует остерегаться только тех магов, которые находятся сейчас в Лидьяре,— Креслин хмурится и добавляет: — Будем надеяться, что их там немного.

— Долго нам еще? — шепчет Торкейл.

— Держи прямо...— бормочет Фрейгр рулевому «Звезды Рассвета».

«...ни пса не видно...»

Эти слова доносятся с полубака, где позади вооруженных воинов дожидается своего часа резервная команда.

Креслин скручивает ветра и тянет их на себя.

— Так держать... прямо...

С треском вспарывая небосклон, молоты бешеных молний обрушиваются на стены над гаванью. Яростные сполохи высвечивают сбегающий к бухте пологий склон. В то время как в Лидьяре все взгляды прикованы к нежданно грянувшей грозе, корабли Отшельничьего под завесой тумана скользят к причалу.

Креслин еще раз пересчитывает пришвартованные там суда и качает головой. Пять. У него едва хватит матросов, чтобы вывести их в море.

— Что-то не так? — спрашивает, заметив его движение, Торкейл. Он явно разочарован тем, что его определили в резерв.

— Все в порядке,— отвечает Креслин, тут же осознавая, как парадоксально это звучит: ведь он занят не чем иным, как извращением самой сути порядка, лежащего в основе Черной магии.— Просто... просто у нас впереди нелегкая работа.

— Мы ее сделаем, господин.

Креслин снова скручивает ветра, и снова неистовые молнии обрушиваются на башни недавно возведенной крепости.

«...спаси их Тьма!..»

— Тревога! — крики раздаются на торговом причале, лишь когда матросы со «Звезды Рассвета» уже прыгают с борта на пристань с канатами в руках. И на шхуне, и на шлюпе у сходен собрались готовые к высадке отряды.

— Пираты! — истошно орут вахтенные на пришвартованных торговых судах.— К оружию! Перебить ублюдков!

Но крики моряков и береговой охраны почти тонут в раскатах грома и яростном завывании ветра.

Полностью сосредоточившегося на ветрах Креслина возвращает к действительности резкий свист и удар: совсем рядом с ним дрожит вонзившаяся в поручень стрела.

— Там Буреносец! Цельте в него! — звучит с ближнего судна.

— За дело! — приказывает Креслин Торкейлу и резерву, а сам опускается на колени, прячась за кормовой надстройкой от летящих с хаморианского корабля стрел. Затем он проскальзывает дальше к корме, стараясь сосредоточить основной напор бури на удерживаемой Белыми башне. Фрейгр и рулевой пригибаются за невысоким деревянным щитом, прикрывающим штурвал.

По пристани прокатывается новая волна яростных криков: высадившийся на берег отряд атакует хаморианское судно, подавляя сопротивление немногочисленных стрелков.

На норландском корабле сопротивляться почти некому, и присланная захватчиками команда уже готовит его к отплытию. А на обоих лидьярских кораблях, похоже, нашлись матросы, которые работают вместе с новыми командами.

Град стрел заставляет Креслина съежиться. Потом он замечает озабоченное лицо Торкейла, вздыхает и снова собирается с силами.

— Ты бы поосторожней, господин,— говорит Торкейл.

Трудно быть острожным, когда приходится посылать мысли одновременно в разных направлениях, но Креслин все же следует предостережению и, скручивая в очередной раз ветра, прячется за надстройкой. Дождь хлещет его по лицу, а по пристани несется настоящий поток.

Наконец стрелы перестают падать на палубу «Звезды Рассвета», а «Грифон» уже пришвартован борт к борту с норландцем. Два высадившихся взвода мчатся к обозначенным на их картах складам, еще один спешит к зернохранилищу.

Глубоко вздохнув, Креслин отпускает теплые ветра, принесшие туман, но тут же улавливает ползущую к гавани белизну.

— Торкейл, тебе бы лучше...

Огненная стрела ударяет в нижний, не свернутый парус «Звезды Рассвета».

Проверив, на месте ли меч, Креслин подходит к борту и видит спешащий к пристани небольшой отряд Белых воинов. Позади солдат два сгустка белизны, которые он способен лишь ощутить, но не увидеть.

— Вперед!

Уже сбегая по сходням, Креслин направляет ближайший грозовой шквал к началу пристани. Торкейл — непонятно, как это получилось,— бежит впереди него. А мимо них с шипением пролетают огненные стрелы.

Креслин усиливает напор бури. Его волосы встают дыбом на холодном ветру. Юноша спотыкается, но удерживается на ногах и успевает выхватить меч. Белые уже совсем близко. Однако несколько бойцов Торкейла ухитрились опередить Креслина, и теперь они находятся между ним и противником. Один из них, сраженный огненной стрелой, вспыхивает живым факелом и валится на пристань, мгновенно превратившись в головешку.

Креслин закручивает ветра в воронку и обрушивает на Белых неистовой силы град.

«...вон тот... с серебряной головой...»

«...убить ублюдка!..»

Направляя на Белых магов град, Креслин одновременно, почти неосознанно, действует клинком. Ближайший Белый страж шатается, и Торкейл отшвыривает его в сторону.

Теперь огненные стрелы бьют вверх. Видимо, скрывающиеся за спинами солдат чародеи пытаются растопить на лету разящие их ледяные комья.

— Получили...— хрипит Торкейл, когда кучка уцелевших Белых стражей обращается в бегство, прочь от пристани и ледяной бури.

Креслин снова полностью сосредоточивается на крепости. Молнии лупят по башням с удвоенной яростью.

Вокруг валяются мертвые тела — кажется, что бы он ни делал, это всегда оборачивается горой трупов. Тяжело вздохнув, юноша командует черноволосому взводному:

— Назад, на пристань! Не преследовать!

— Ко въезду на пристань! — приказывает Торкейл, повернувшись к своим.— Закрепиться там!

Неожиданно юноша видит груженую телегу, которая, громыхая, катится к причалу. Возница с Отшельничьего лихо погоняет лошадь.

— Груз на норландца! — рявкает Креслин.— Он крайний слева.

— Кто это тут раскомандовался?! — начинает было возчик, но узнает серебряную шевелюру регента.— Да, господин.

Держась позади людей Торкейла, Креслин перемещает внимание со штурмующей крепость бури на стоящие у причала суда. Все пять кораблей захвачены и готовятся к отплытию. К пирсу тянется вереница подвод. Их тут же разгружают на суда, хотя Креслину кажется, что дело еле движется. Туман почти рассеялся, но по пристани все еще хлещет дождь.

Белая вспышка заставляет юношу прощупать склон холма. Мерцающий сгусток белизны говорит о присутствии мага — то ли одному из двоих, участвовавших в схватке у пристани, удалось уйти, то ли это кто-то третий. Глубоко вздохнув, Креслин формирует к западу от башни могучую грозовую тучу, а когда она сгущается до черноты и внутри начинают биться свирепые разряды, высвобождает эту мощь, направив ее прямо на башню.

На миг даже он сам замирает, когда белокаменная твердыня с оглушительным грохотом рассыпается в бесформенную гору оплавленных булыжников. Они продолжают дымиться даже под проливным дождем.

Юноша тут же отворачивается и успевает добежать до кромки воды. Он боится, чтобы его не стошнило прямо на камни пристани. Глаза застит черная пелена, он ничего не видит, но пытается найти путь к «Звезде Рассвета» вслепую.

— Шевелись, скотина! — приказывает Креслин себе.— Двигайся!

— С тобой все в порядке, господин? — осведомляется Торкейл.

— Да, не считая того, что некоторое время от меня не будет никакой пользы. Удерживай пристань, и все будет в порядке.

— Не думаю, чтоб к нам еще кто-нибудь сунулся.

— Ты только посмотри на это! — слышится чей-то потрясенный голос.

Для того чтобы осознать, какие разрушения он вызвал, Креслину не нужно прибегать к помощи зрения. Знает он и то, что Мегере сейчас так же плохо, как и ему. Но сокрушаться некогда. Он шатаясь бредет по пристани, попутно оценивая размер добычи. Лошадей уже ставят в судовые стойла, захваченные товары надежно закрепляют в трюмах.

— Как ты, милостивый господин? — спрашивает Фрейгр, встретивший его у трапа «Звезды Рассвета».

— Бывало и лучше. А как наши дела?

— Норландское судно уже отчаливает, да и Байрем на хаморианском вот-вот будет готов.

— А что лидьярские?

— За ними дело не станет.

Потирая раскалывающийся лоб, Креслин бессильно опускается на ступени трапа, ведущего на мостик.

— Можешь ли ты приказать поторопиться? Нам желательно уйти поскорее.

— Поднять паруса! — командует Фрейгр.— Готовимся к отплытию! А ты уверен, что никто из наших не остался на берегу?

— Уверен. Однако помни, что нам нужно не только отчалить, но и добраться до Края Земли.

— Так-то оно так, но кто рискнет преследовать нас в открытом море?

— Надеюсь, никто. Потому что сейчас я мало на что способен.

Семь кораблей уходят на север, подгоняемые постепенно стихающими ветрами, а Креслин так и сидит на трапе, даже когда мыс Френталия почти растворяется в вечернем сумраке, превратившись в темное пятно.

Но команда «Звезды Рассвета» слишком занята, чтобы обращать внимание на обессилевшего юношу.

CXXXV

Мегера ничего не говорит, но в этом нет необходимости: ее клокочущее негодование Креслин ощутил задолго до того, как

его маленький флот встал на якорь у Края Земли. А сейчас они сидят друг против друга на разных концах стола.

Взгляд Лидии мечется между напряженным лицом Мегеры и нарочито бесстрастным — Креслина. Входит и садится Хайел, за ним Шиера. Креслин окидывает их обоих многозначительным взглядом. Покраснев, Шиера кладет на стол богато изукрашенный свиток.

— Прибывший вчера сутианский бриг доставил ультиматум, подписанный и императором Хамора, и Советом Нолдры, и Советом магов. Либо мы вернем захваченные суда и товары, либо нам грозит война с ними всеми. Фэрхэвен, кроме того, требует возмещения нанесенного ущерба.

— Что за ущерб? — озабоченно спрашивает Лидия.

— Вызванная Креслином гроза раскатала по камушкам только что возведенную башню,— поясняет Шиера.

— Но нельзя же вызывать бури такой мощи! — восклицает Хайел.— Если ты не прекратишь...

— Он не прекратит, пока не ослепнет,— сердся Мегера.

— Я уже оправился.

— На сей раз — да. Но сколько еще ты сможешь перенапрягаться, переходя все мыслимые пределы? Другой на твоем месте был бы уже мертв...

«...а я не хочу умирать из-за того, что...»

— Все это, конечно, весьма важно,— вступает Шиера,— но мы собрались, чтобы обсудить ультиматум.

Хайел хмурится, прокашливается и, дождавшись полной тишины, спрашивает:

— А есть ли у нас выбор?

— Конечно,— отвечает Лидия, поерзав на стуле.— Выбор есть всегда.

— Почему они выступили с этим требованием? — неожиданно произносит Креслин.

— Суженый, это, наверное, шутка? Ты совершаешь набег, разрушаешь крепость, грабишь портовые склады, уводишь корабли трех держав, а потом задаешь подобные вопросы...— Мегера качает головой.

— Я спрашиваю не о том. Мне интересно знать, с чего это им вообще взбрело в голову утруждать себя посылкой ультиматума? Помнится, хаморианцы напали на нас без всякого уведомления. Да и прочие вредили нам, обходясь без официальных посланий!

— Они взбесились,— высказывается Хайел,— это единственное, что приходит мне в голову.

— А может, перетрусили? — предполагает Шиера.— Сперва Креслин потопил корабли магов, потом флотилию Хамора,

затем он создал войско, которое после прибытия последних стражей Западного Оплота стало сильнее любого другого, близкого к нему по численности. Теперь, захватив полдюжины судов, он положил начало собственному флоту, а поскольку ему под силу потопить любой чужой корабль, кто может позволить себе отказаться с ним торговать? Единственный выход для них — уничтожить Отшельничий.

— Ну, едва ли мы представляем собой столь страшную угрозу,— примирительно замечает Клеррис.

Мегера фыркает.

Клеррис поднимает брови и, спустя мгновение, спрашивает:

— Ты и вправду чувствуешь, что Отшельничий столь ужасен и грозен? Огромный пустынный остров с населением всего-то в тысячу душ? Государство с казной, размер которой не заслуживает даже упоминания?

— Клеррис, ты прекрасно знаешь, что дело тут не в численности населения и не в казне. Дело в нас, в том, что мы собой представляем. И в том, какие слухи распускают о нас повсюду Белые. Мой суженый ухитрился заставить полмира трепетать перед могущественным Отшельничьим, цитаделью Черной магии, хотя в отличие от обманутых народов наши истинные недруги знают, что мы вовсе не настолько сильны. Но исходящая от нас угроза побуждает всех поддерживать Фэрхэвен, особенно теперь, когда чародеи возрождают Монтгрен, помогают возводить плотины в Кифриене и платят огромные деньги за хайдлинское зерно. Особенно теперь, когда на развалинах Западного Оплота утвердился гарнизон Риессы. Белые маги запугивают весь мир усилением Сарроннина, якобы стремящегося навязать всем Предание и — сохрани от него Небо! — злобного Черного чародея Креслина! — Мегера картинно пожимает плечами.

— В этом что-то есть,— задумчиво произносит Шиера.

— Больше, чем «что-то»,— тихо, но твердо говорит Креслин.— Цель этого ультиматума как раз в том и состоит, чтобы убедить Хамор и Нолдру в нашей неспособности вести разумную политику, и таким образом сделать Отшельничий жупелом для всего мира.

— Скорее всего, так оно и есть,— соглашается Шиера.— И что нам теперь делать?

— Мы отправим вежливую ответную ноту, в которой объясним наши действия необходимостью противостоять враждебной магии и направленным против как Отшельничьего, так и всего восточного Кандара козням, выразившимся в захвате чужих территорий, вероломных убийствах и неправомерных

запретах на торговлю. Правда, в настоящий момент это едва ли поможет.

— В настоящий момент? — язвительно переспрашивает Мегера.

— Мне понятно, что он имеет в виду,— говорит Шиера, глядя на Мегеру.— Они уже решили, что им делать, и поступят по-своему вне зависимости от нашего ответа. Однако если мы устоим, Хамор и Нолдра всегда смогут заявить, будто были введены в заблуждение Фэрхэвеном, и использовать этот документ (который, как они, несомненно, станут утверждать, от них долго скрывали), чтобы оправдать свои последующие действия. Каковыми, надеюсь, будет установление с нами нормальных торговых связей.

— Так мы пошлем ответ прямо в Фэрхэвен? — спрашивает Мегера.

— Вряд ли,— отвечает Креслин.— Пошлем-то мы каждому, но потом любой все равно сможет заявить, что был введен в заблуждение. Истина для политиков — не самое главное.

«...как и для тебя, суженый...»

Эта исполненная муки мысль разит Креслина, как клинок.

— Но можем ли мы позволить себе вести войну? — спрашивает побледневшая Лидия.

— Нет,— без обиняков отвечает Хайел.

— Но вопрос не в этом...— Шиера переводит взгляд с Хайела на Мегеру.— Вопрос в том, есть ли у нас какой-нибудь выбор.

— Нет.

— Нет.

Все шестеро смотрят на лежащий перед Шиерой тяжелый свиток.

За окнами собирается дождь. Опять дождь.

CXXXVI

— Теперь, когда все согласились с твоей циничной мудростью, какую стратегию ты нам предложишь? — спрашивает Хартор, поглаживая амулет и глядя на ясное, зеленовато-голубое осеннее небо.— С учетом того, что на тебя будет возложена личная ответственность.

— Личная ответственность? — нахмурясь, переспрашивает Гайретис.

— Об ответственности потом, сперва о стратегии,— бросает Хартор.

— Значит, так,— начинает худощавый маг.— Один наш флот выступит открыто. Назовем его... скажем, «Флот Отмщения».

Соберем туда лучшие суда, а остальные разобьем на мелкие группы (эскадры — или как это называется у моряков), с тем чтобы на каждом корабле находился Белый, способный его укрыть.

Хартор задумчиво трогает пальцами амулет.

— Итак, мы отправляем «Флот Отмщения» — название мне не очень нравится, можно будет придумать получше,— но даем приказ двигаться неспешно, чтобы Креслин и его проклятая баба заметили корабли и сосредоточились на них. Так?

— Именно.

— Понятно. И с остальными понятно. Но как ты заставишь кого-либо из них напасть лично на самого Креслина? — интересуется Высший Маг.

— А кто говорит, что это необходимо? — улыбается Гайретис.— Чего он будет стоить, оставшись один?

— Разумно,— кивает Хартор.— Меня никогда не привлекала идея столкнуться с ним лицом к лицу. Но если наши отряды будут на судах «Флота Отмщения» — назовем-ка его лучше «Освободительной Армадой»,— а ему все-таки удастся выискать и уничтожить остальных...

На сей раз кивает Гайретис.

— Да, мы все равно поможем нашим союзникам вернуть потерянное.

— Вернуть потерянное... Хорошо сказано,— откликается Хартор, мельком взглянув в сторону окна.— Эта часть плана не должна выйти за пределы нашей комнаты. Мы раззвоним повсюду, что идем на огромный риск, подставляя по удар свою великую «освободительную армаду»...— он расплывается в улыбке.— А ты подтвердишь нашу безусловную веру в успех личным присутствием на одном из вспомогательных союзных флотов.

— Личным?.. Разве это так уж необходимо? — бормочет Гайретис.

— План разработан тобой, и я твердо уверен, что твое непосредственное участие в его осуществлении — залог достижения успеха. Или ты сомневаешься в собственной стратегии?

— Ни в коей мере, просто я думал, что нужен в Фэрхэвене,— затравленный взгляд Гайретиса перебегает с Высшего Мага на окно и обратно.

— В сложившихся обстоятельствах лучше, чтобы ты находился с флотом.

— Для кого лучше? Для тебя?

На кончиках пальцев Хартора появляются огоньки пламени.

— Дорогой Гайретис,— произносит он,— тебе явно недостает надлежащего почтения к сану. Но я предлагаю обсудить

данный вопрос ПОСЛЕ твоего возвращения... Если, конечно, ты не настаиваешь на том, чтобы заняться этим немедленно.

— Я лучше пойду присмотрю за приготовлениями,— говорит Гайретис, вставая и склоняя голову.— С твоего позволения.

Хартор кивает.

Уже наполовину открыв дверь, худощавый маг задерживается:

— Как я понимаю, твоим советником станет Райдел.

— Правильно понимаешь. Он, во всяком случае, относится к вышестоящим с подобающим уважением.

CXXXVII

Глядя с террасы на юг, Креслин примечает на горизонте жаркие воздушные волны и настораживается: погожее утро сулит теплый денек, однако пора летнего зноя давно миновала. Может быть, это как-то связано с недавно вышедшим из Лидьяра могучим Белым флотом?

— Ты чем-то озабочен? — спрашивает Мегера.

— Там что-то есть,— Креслин мысленно устремляется к югу... и обнаруживает укрытые за щитами невидимости суда. После чего отступает, немедленно, но осторожно, не потревожив ни одного из магических барьеров.

— Корабли. Военные,— говорит он жене.— Загляни подальше на юг, выясни, нет ли там и других. Только не дай им обнаружить, что ты за ними следишь.

Сам юноша сжимает губы и тянется к ветрам.

Еще один небольшой флот обнаруживается менее чем в двадцати кай к северу от Края Земли, а третий, за таким же щитом невидимости, движется против ветра вдоль восточного побережья в дюжине кай южнее береговой линии.

— Девять кораблей, из них один трехмачтовый,— сообщает о своих наблюдениях Мегера.— Идут к западным отмелям, откуда прямой доступ в долину.

— Ну, пока они еще далеко.

— Это пока.

Оба спешат в Чертог за клинками.

Креслин не может сказать, сколько времени ушло у них на то, чтобы одеться и вооружиться, но он замечает, что когда соправители уже вскочили в седла, чтобы скакать в цитадель, идущий открыто флот почти не приблизился.

— Как ты думаешь, эта армада пущена лишь для отвода глаз?

— Боюсь, не только — слишком уж велика.

— Возможно, их цель — оккупировать весь остров и превратить его в покорную провинцию Фэрхэвена.

— Или выжечь на нем все живое, чтобы впредь никто не смел и помышлять ни о чем подобном.

— Хм. Похоже на правду. Во всяком случае, насколько я знаю Белых, это вполне в их духе.

Оба умолкают, погоняя коней по влажной глинистой дороге к Краю Земли, а когда выезжают на каменное мощение перед башней, проходившая мимо рыбачка отступает к обочине и прикрывает лицо шарфом.

Караул у цитадели несет страж — незнакомая Креслину худощавая девушка.

— Карен,— приказывает ей Мегера,— Шиеру, Хайела и магов срочно сюда! И объявляй тревогу!

— Слушаюсь, регент Мегера! — страж исчезает прежде, чем Креслин успевает соскочить с седла.

Спустя несколько мгновений в совещательную комнату, натягивая на ходу тунику, вбегает Хайел.

Улыбка мелькает на лице Шиеры, но выражение лица Креслина тут же сгоняет ее.

— Что случилось? Ты ведь говорил, будто этому Белому флоту плыть до нас еще пару дней.

— Так оно и есть,— отвечает Мегера.

— Но только кроме него к нам в гости плывут еще четыре эскадры. Они поменьше, но зато гораздо ближе. Здесь, здесь, здесь и здесь...— юноша указывает точки на нарисованной Клеррисом на белой оштукатуренной стене карте острова и прибрежных вод.— Они могут высадиться уже сегодня и, надо думать, так и намерены поступить.

— А не можешь ты их просто потопить? — спрашивает Хайел.

— Зачем? — встречает вопросом вопрос Мегера.

В дверях появляются Лидия и Клеррис, выглядевшие куда более собранными, чем воинские командиры и регенты.

— Такое грандиозное уничтожение чревато большой опасностью, даже если осуществляется с помощью сил гармонии,— с обычной мягкостью произносит Клеррис.

— Кроме того,— добавляет Мегера,— зачем попусту уничтожать суда?

Креслин понимающе кивает.

— Мы просто выбросим их все на берег. Таким манером нам удалось заполучить «Звезду Рассвета»,— юноша умолкает, гадая, почему сам не додумался до столь очевидного решения, а потом начинает размышлять вслух: — Корабли-то мы выбросим, но как быть с людьми? Многие уцелеют. Отчаявшиеся вооруженные люди — не самые желанные гости на острове.

— Думаю, об этом позаботятся Шиера и Хайел,— предлагает Мегера.

— Может быть...— начинает Хайел, поправляя свою наспех натянутую тунику.

— Можешь ли ты предложить что-нибудь получше? — перебивает его Мегера.— По мне, так такой план сулит больше выгоды. И меньше загубленных жизней.

— Чем меньше людских потерь, тем лучше,— заявляет Лидия невозмутимым тоном, словно она обсуждает виды на урожай.

— К тому же,— добавляет Креслин,— мы можем раскидать эти суда вдоль всего побережья, так что уцелевшие моряки не сумеют собраться в крупный отряд.

— Это разумно,— говорит Шиера,— потому что им наверняка вбили в голову, будто мы — жесткие дьяволы, угодить в лапы которых хуже смерти. Они будут отчаянно сопротивляться. А сколько там кораблей?

— Тридцать, я полагаю,— отвечает Креслин.— Конечно, не считая Белой армады.

— А по сколько солдат на каждом?

— Смотря на каком, суда-то все разные. От двух до пяти десятков.

— То есть около двух тысяч бойцов. И ты хочешь, чтобы мы одолели их силами трех сотен? И это включая бывших хаморианских матросов и некоторых беженцев, не знающих, с какого конца браться за клинок? — язвительно спрашивает Шиера.

— Столько ни высадится,— холодно отвечает Креслин,— многих смоет в море. Если корабли выбросит на сушу, то это не значит, что на суше окажутся и все люди. А из тех, кто спасется, далеко не все будут в состоянии сражаться.

— Прекрасно,— говорит Шиера.— Предположим, ты выведешь из строя три четверти личного состава, но даже в этом случае нам придется иметь дело с пятью сотнями бойцов. Не говоря уж о тех, которых доставит большой флот.

— Тебе не раз удавалось одолевать противника при куда большем численном превосходстве,— устало говорит Креслин и оборачивается к карте.— Итак, корабли приближаются...

— Еще одно,— прерывает его Мегера.— Если мы сладим с этими потаенными эскадрами, то о большом флоте можно будет не беспокоиться.

Все взоры обращаются к ней. Креслин, начавший было указывать направление движения вражьих судов, опускает руку.

— Это почему?

«...нелепость...»

— Все очень просто,— объясняет Мегера.— Корабли самих чародеев и их ближайших кандарских союзников входят в состав большого флота. Потаенные же эскадры состоят из судов норландских герцогств, Бристы, Хамора, Остры и даже Юж-

ного Оплота. Если они добьются успеха, Белый флот произведет высадку и присвоит себе всю славу победы. В случае же неудачи Белые объявят нас ужасом всего мира, но найдут предлог не вступать в битву и сохранить свой флот.

Шиера кивает, но не без сомнения:

— Ты уверена?

— Не совсем. Но они всегда прячутся за чужими спинами, изыскивая любую возможность заставить других драться вместо себя.

«...мужчины...»

Креслин и Хайел предпочитают пропустить замечание Шиеры мимо ушей. Как и Клеррис, отвернувшийся к карте.

К карте вновь обращается Креслин:

— Итак, большую часть судов прибьет примерно сюда. Думаю, сюда вам и следует направить все силы, кроме резерва, который останется в цитадели.

— Двинем этим путем, я думаю,— говорит Шиера, подойдя к карте.— А Хайел пусть остается с резервом, сторожит цитадель — на тот случай, если Белый флот все же появится в гавани.

Хайел открывает рот, но тут же закрывает.

— Еще вопросы есть? — спрашивает Креслин.

— Есть просьба,— отвечает Шиера.— Не будь слишком снисходителен к вражеским солдатам. По мне, так лучше бы их всех потопить.

Лидия поднимает брови, но воительница уже направляется к выходу. Хайел следует за ней.

— Когда начинаем? — спрашивает Мегера.

— Прямо сейчас,— отвечает Креслин.— Стягивать ветра лучше постепенно.

Клеррис тихонько кашляет, а когда они оборачиваются к нему, говорит:

— Может быть, крытая терраса моего дома...

Мегера ухмыляется, а Креслин кивает. Клеррис предлагает ту защиту от хаоса, какую может предоставить.

— Нам лучше поторопиться.

Лидия уже ушла. Втроем они выходят из цитадели на утреннее солнце, и Креслин, не теряя времени, на ходу тянется к высоким ветрам.

На крытой террасе их дожидаются два деревянных кресла с подушками, расположенные по обе стороны от стола, на котором стоит глиняный кувшин с соком, а также блюдо с галетами, сыром и порезанными на дольки яблоками.

— Вам не мешало бы перекусить,— говорит Лидия.

— А время на это есть?

— Немного есть,— заверяет Клеррис.

Креслин съедает две галеты и кусочек ябруша, запив это стаканом сока. Мегера ограничивается одной галетой и несколькими глотками.

Лидия, слегка прищурив глаза, смотрит на Мегеру, которая в ответ качает головой.

«...нет...»

— Что? — спрашивает, встрепенувшись, Креслин.

— Потом. Это не срочно. Сейчас главное — корабли,— Мегера поудобнее устраивается на подушке.— Давай займись теми, которые дальше всего к югу.

Кивнув и тоже заняв удобное положение, Креслин мысленно тянется на юг, ухватывается за вихревые потоки высоких ветров и направляет их к самой дальней из потаенных эскадр — семи бристанским узким военным шхунам. На их флагах изображение голубой башни.

Его мысль проникает под установленный Белыми магами непроницаемый для обычного зрения щит. Когда это происходит и дрожащий световой барьер исчезает, перед внутренним взором юно-ши предстает стелющаяся над кораблями слепящая едкая белизна.

С мрачной усмешкой он подгоняет ветра к полудюжине кораблей. Для того чтобы выбросить суда на восточное побережье, ему нет необходимости их разглядывать, так что ухищрения Белых его не смущают. Рядом с собой Креслин ощущает мягкое прикосновение Мегеры, направляющей воздушные потоки против другой, скрытой за барьером невидимости, эскадры.

Креслин подтягивает великие ветра, каких не призывал со дня разгрома хаморианского флота, и они снова противятся ему всей своей мощью, но на сей раз, наученный опытом, молодой маг действует не так резко, дожидаясь, когда сопротивление могучих воздушных течений ослабеет.

Серая, слишком хорошо знакомая ему пелена затягивает утреннее солнце, а на небосклоне вырисовываются два сгустка тьмы, подобные башням-близнецам, хотя одна из них несколько пониже.

Юноша удерживает свое сознание за пределами белого марева, против которого он направляет силы ветра и моря. Поднявшиеся валы неодолимо сносят шхуны к берегу, на влажный, уплотненный неожиданно обезумевшим прибоем песок. Когда же он отступает, последние клочья белой хмари тают под дождем, а людские фигурки, подобно муравьям, суетятся в пене набегающих волн, покидая выброшенные на сушу корабли.

Лидия подает Креслину кусочек галеты и заставляет выпить глоток сока.

Бросив взгляд на другое кресло, юноша замечает широко раскрытые, невидящие глаза Мегеры и струящийся по ее лбу пот. Ее напряжение начинает передаваться ему, но усилием воли он заставляет себя отвернуться, снова потянуться к ветрам и обратиться против другой эскадры, состоящей из шести бригов с широкими корпусами.

Но на сей раз его сознание сталкивается с разящим пламенем, с огненным копьем, разрывающим его связь с ветрами. Едва отбив нападение и восстановив контроль над воздушными струями, Креслин вновь подвергается огненной атаке. На миг перед его мысленным взором предстает худощавое, искаженное мукой, тонущее в хаосе и пламени лицо мага. Человеческое лицо.

И вновь Креслин хватается за ветра. Языки пламени хлещут по облакам, отгоняя шквальные потоки, ограждая Белые корабли от самой страшной из бурь.

Креслин обрушивает средние ветра на эскадру из шести бригов. Но безуспешно.

Всякий раз, когда шторм уже готов подхватить корабли и как щепки понести их к берегу, пламя преграждает ему дорогу, иссушая его силы всепожирающим жаром раскаленной пустыни — или населенного демонами ада.

Вновь и вновь, напрягаясь до последней возможности, юноша обрушивает на противника ярость бури. Молния бьет по высокому кораблю, находящемуся дальше всех в море, вызывая ответный сполох пламени невиданной доселе мощи. На грани отчаяния юноша направляет мощь высоких ветров и свирепость грозовых разрядов обратно по траектории этого сполоха.

Его сознание пронзает неистовый вопль: Белый маг, могущественнейший из всех, с кем ему приходилось сталкиваться, прекращает существовать, и в тот же миг рассеивается белый туман. Ветра веют невозбранно.

Обессиленный, Креслин задыхается.

Лидия вновь предлагает ему соку, и он медленно отпивает, стараясь не смотреть на Мегеру, ибо слишком хорошо знает, каково ей сейчас приходится. Он полон сочувствия, но проявлять эмоции не имеет времени. И снова Креслин скручивает вихри, разит молниями и вздымает волны — до тех пор, пока далеко к югу от Черного Чертога каменистый берег не принимает еще семь выброшенных судов.

И лишь один корабль с высокими мачтами не поддается шторму, пытаясь развернуться и уйти в открытое море. Он заключен в кокон белизны, столь плотный, что ветры тщетно хлещут по его голым реям.

Вцепившись в самое сердце ветров, Креслин закручивает их в воронку чудовищного смерча уплотненной тьмы. И эта

тьма, эта невероятная сила наносит удар и сама рушится в раздираемое бурей море на том месте, где только что находился корабль.

«...больно...»

Креслин ощущает боль Мегеры одновременно с осознанием того, что у побережья Отшельничьего плавают лишь корабельные обломки и человеческие тела. А могучая Белая армада уже начинает разворачиваться, ища спасения в бурных водах Северного Океана.

Лишившуюся чувств Мегеру Лидия укладывает на вынесенный из дома матрас и, поймав вопросительный взгляд Креслина, заверяет:

— С ней все будет в порядке.

Но Креслина это не останавливает. Схватив стакан, он отпивает глоток сока и вновь, не обращая внимания на донесшееся словно издалека восклицание: «Нет!», напрочь позабыв об усвоенной осторожности, бросает себя через небосвод на север, к последнему сохранившемуся пятну отвратительной белизны. Он вновь собирает бурю, призывая самые высокие, самые могучие небесные реки, подобные потокам из черной стали. Не замечая в своем безумном неистовстве ни слепящих серебряных вспышек, ни опаляющего огня, не обращая внимания на стоящий перед внутренним взором образ умирающего Белого мага — образ, который никогда не изгладится в его памяти! — Креслин направляет всю ярость севера на пляшущие по поверхности ошалелого моря беззащитные щепки.

— Не-е-ет!..

Креслин не слышит этой мольбы, вздымая над морем смертоносные валы. Слившись воедино с ветрами и молниями, он сам — воплощение шторма, а оседлав неукротимые черно-стальные воздушные приливы, уподобляется богу древних Небес...

«...вернись... назад... суженый...»

Назад?

Дрожа от напряжения, Креслин заставляет себя выйти из бури, из совершеннейшего в своей гармонии средоточия мощи. Пядь за пядью, локоть за локтем он отступает на юг, сквозь грозовые тучи и ледяные дожди.

Мысли, разрозненные и путаные, стягиваются вместе, пока сознание не возвращается в тело. Креслин выпрямляется, открывает глаза... и ничего не видит. И Мегера, и Клеррис с Лидией должны быть где-то рядом, но их не видно. И вообще ничего не видно. Вокруг одна лишь тьма.

Понимая, что это едва ли может быть ночь, юноша зовет — слабым, совсем не тем, что у недавнего громового божества, голосом:

— Мегера!..

— С тобой все в порядке?

Согретым теплом ее слов, Креслин нащупывает руку Мегеры.

— Я ничего не вижу,— признается он.— Снова тьма.

Их пальцы переплетаются, и тьма редеет: из нее выступают огромные, всматривающиеся в его лицо зеленые глаза.

— Ты уходил так далеко...— по щекам Мегеры струятся слезы.— Слишком далеко. Никогда не делай этого больше...

— Не буду, не буду,— он недоуменно качает головой.— Странно, сейчас со мной все в порядке, но только что я ничего не видел. Знал, что ты здесь, а увидеть не мог.

— Думаю, тебе не следует иметь дело с бурями, пока не поговоришь об этом с Лидией,— наморщив лоб, Мегера пытается прощупать его чувствами и качает головой.— Есть тут нечто такое...

— Уж сейчас-то мне точно не следует ничего предпринимать,— выдавливает смешок Креслин.— Особенно по части погоды. Впрочем, ты можешь справиться и сама. Я чувствовал твои прикосновения к ветрам... они ловчее.

Неожиданно ощутив себя страшно одиноким, он сжимает руку Мегеры.

— Ты...— начинает она.

«...напуган...» «о!.. суженый...»

Молча — для этого не нужны слова — Креслин признает свой страх, признает холод, сковавший его вместе с неожиданно — но не впервые, а стало быть, и не случайно — поразившей его слепотой. Мегера чувствует это. Она обнимает Креслина, а он жадно пьет глазами рыжий огонь ее влажных волос и линялую голубизну туники. Он смотрит и не может насмотреться, даже когда заключает жену в объятия и привлекает к себе.

CXXXVIII

— Вам обоим необходимо выпить,— заявляет Лидия.

Мегера берет стакан. Креслин следует ее примеру и отпивает большой глоток, не обращая внимания на горький вкус предложенного целительницей теплого настоя. Его короткие волосы пропитаны потом, стекающим за уши и за ворот. Глядя на Мегеру, он видит, что и ее волосы спутались и потемнели. Оба они испускают запах страха и напряжения.

— Шиера зачищает восточное побережье, а Клеррис пошел с Хайелом,— невозмутимо сообщает Лидия.

Дождь продолжается, но уже не льет как из ведра. Повернув голову, Креслин бросает взгляд на север и успокаивается, увидев не черные грозовые тучи, а обычные серые облака. Значит,

вызванная им буря не разрушила сформированную им и Мегерой устойчивую климатическую модель. Ему не приходится напрягаться, дабы определить, что последствия шторма будут ощутимее всего на западе — преимущественно в Слиго, Лидьяре и Фэрхэвене.

— Скажи, что ты сделал, когда коснулся ветров в последний раз? — нейтральным тоном спрашивает Лидия.

Мегера отпивает большой глоток из своего бокала. Ее тошнит, Креслин чувствует это, но чувствует также, что причина тошноты не в конфликте хаоса и гармонии, а в чем-то ином. В чем-то, органично связанным с ней самой.

— Креслин! — напоминает о своем вопросе целительница.

— Со мной все в порядке, суженый,— говорит Мегера, коснувшись его рукой. Как только она убирает пальцы, он снова проваливается во тьму, но лишь на мгновение. Стоит ему сглотнуть и набрать воздуху, как зрение восстанавливается.

— Я... устроил новый шторм,— признается юноша Лидии.

— Так я и думала. Устроил шторм и обрушил на большой флот Белых. А разве они не уходили?

— Да. Уходили,— Креслин облизывает губы.— Но я подумал, что отпустить их целыми и невредимыми — не самая удачная идея.

— А убить одним махом четыре тысячи человек — удачная идея?

— Если ты ставишь вопрос так, то да,— со вздохом отвечает Креслин.

— Почему?

«...зачем, суженый... столько смертей... зачем множить...»

— Потому,— говорит он, тщательно подбирая слова,— что теперь Отшельничий может выжить, даже если не выживем мы.

— Значит, ты счел возможным погубить почти десять тысяч человек ради спасения пятнадцати сотен? — спрашивает целительница.

— Знаешь что, Лидия,— отзывается он, сделав еще глоток,— возвращайся-ка ты в Кандар и жди там в благостном бездействии, пока Белые медленно удушат весь континент. Радуйся миру, потому как все не покоряющиеся Белым скоро сгинут без всякой войны. А лет через десять можешь вернуться сюда, к нашему разговору.

— Суженый... как грубо! — голос Мегеры звучит более хрипло, чем обычно. И ее опять тошнит.

Тошнота передается и Креслину, но он старается от нее отгородиться.

— Он прав, Мегера,— произносит целительница с вымученной улыбкой.— Но от этого не легче.

Креслин отчетливо чувствует недоумение Мегеры. Она озадачена словами Лидии, но очередной приступ тошноты не позволяет над ними поразмыслить. Молодая женщина вскакивает и, шатаясь, спешит к стоящему в углу ведру. Горло Креслина наполняется желчью, однако ему удается удержать содержимое почти пустого желудка.

— Оставь... я сама.

— Я не могу. Ты что, забыла?

Мегеру рвет, но подняв голову от ведра, она смеется:

— Тут забудешь... Да, нас ждут веселенькие девять месяцев.

Креслин сглатывает:

— Так это... ты... у нас?..

Мегера кивает.

— У тебя — у нас — еще куча дел,— напоминает ошарашенному юноше его соправительница.— Например, удостовериться, что немногие уцелевшие после наших ухищрений не заполонят славную землю Отшельничьего...— Не закончив фразу, она снова бросается к ведру.

На сей раз не выдерживает и желудок Креслина. Дело кончается тем, что его выворачивает за край террасы.

— Сам виноват,— тут же указывает ему Мегера.— Это была твоя идея — начать воспринимать мои чувства.

— Ему все равно пришлось бы,— сухо напоминает Лидия.

Но Креслин не слышит ее слов, поскольку он уже посылает свое сознание вдоль восточного побережья, избегая столкновения с расползающимися, но кое-где еще сохранившимися пятнами белизны. Его мысленному взору, один за другим, предстают разбитые корпуса, среди которых выделяется почти неповрежденная, лишь глубоко засевшая в мягкий белый песок шхуна. Волны перед устьем реки Фейн перемешивают обломки рангоута с мертвыми телами, источающими белизну смерти. Креслин смещается южнее, попутно отмечая, что не менее дюжины корпусов вполне пригодны для восстановления. Но кроме того, он отмечает и наличие нескольких вооруженных отрядов. Самые многочисленные собрались на западном пляже, куда Мегера выбросила корабли норландцев. Юноша хмурится, прикидывая, каково придется его немноголюдному воинству в столкновении с этими озлобленными и отчаявшимися людьми, считающими, что им нечего терять.

— Мне, пожалуй, пора идти,— выпрямившись, говорит он.

Мегера застывает, но тут же тянется к поясу, на котором висит клинок. В отличие от Креслина и стражей, она отдает предпочтение не заплечным, а поясным ножнам.

— А стоит ли тебе, в твоем положении? — начинает он, чувствуя, как сжимается его сердце.

— Какое это имеет значение, суженый? — сурово обрывает его Мегера.

Он наклоняет голову, на миг ослепленный жгучим туманом.

— Вы, оба! Ну-ка, выпейте это!

— Что за снадобье?

— Оно придаст вам сил — вы ведь еле держитесь на ногах.

Лидия протягивает им две маленькие чашки. Лицо ее мертвенно-бледно.

Залпом проглотив снадобье и нацепив портупею, Креслин смотрит на целительницу и спрашивает:

— Клеррис?

Мегера, выпив лекарство в два глотка, переводит взгляд с одного лица на другое.

— Не думай о нем, просто иди туда,— говорит Лидия.— Он на западном пляже. Там, куда выбросило ближайшие корабли.

— О!..— с тихим отчаянием восклицает Мегера.

— Успех имеет оборотную сторону. И свою цену,— замечает Креслин, направляясь к привязанной у террасы Воле. Он протягивает Мегере руку, но та предпочитает не заметить этого жеста и, к удивлению Лидии, легко вскакивает в седло. Креслин следует за ней, но нагоняет лишь на полпути к цитадели.

Он молчит — да и что можно сказать? Ему самому не раз случалось действовать, руководствуясь исключительно собственными соображениями, после чего сталкиваться с далеко не желательными результатами. Теперь таким образом повела себя Мегера. Она постаралась причинить как можно меньший ущерб выбрасываемым на берег судам, а в итоге уцелело столько солдат, что они смогли составить сильный отряд. Но все же Креслин рассчитывал на большее понимание.

— Кончай злорадствовать!

Ну конечно, она же слышит его мысли!

— Остался кто-нибудь в цитадели?

— Торкейл, ты же ему сам велел.

— Заберем его и всех, кого сможем.

— Прекрасно..

Идет дождь — легкий и редкий в сравнении с тем, какой скоро обрушится на восточный Кандар.

— Господин! — встречает его на пороге Торкейл.

— Собери всех, кто только может сражаться! — с ходу приказывает Креслин.— И быстро на западный берег, на тот пляж, что ниже второго поля.

— Слушаюсь, господин.

— Остались здесь лошади? — спрашивает Мегера.

— Только четыре. Остальных забрали отправившиеся на восток — им предстоял более долгий путь.

— Четырех человек — если найдутся, то стражей из Западного Оплота — пришли к нам. Остальных — на побережье. Как можно скорее!

Креслин заезжает под навес: мокнуть под дождем ему не хочется, равно как и тратить силы, чтобы отклонять струи.

Мегера осаживает гнедую рядом с ним.

— Думаешь, это и вправду хорошая идея?

— Не уверен. Но Лидия знает, что он в беде, а я не знаю, что еще можно предпринять. Не уверен, что мог бы сейчас совладать с ветрами, да еще на расстоянии.

— А я уверена, что не смогла бы.

— За успех приходится платить, и всякий раз все более высокую цену.

— Когда же это кончится?

— Для нас — никогда.

Они умолкают, а как только к ним присоединяются четыре воительницы из Западного Оплота, Креслин трогает свою вороную. Мегера скачет рядом с ним; стражи, попарно, сзади.

Сквозь пелену тумана, все еще наплывающего с севера, шестерка всадников несется на запад мимо нижних полей и обложенных камнями каналов, доставляющих воду, отдаленных источников в цитадель. Скачут по бурой траве болотистой низины, ведущей к бреши в холмистой гряде, за которой лежит западный пляж. И все это время Креслин отслеживает происходящее на белых песках.

Шиера, Хайел или кто-то иной принял решение разделить силы Отшельничьего, но оно явно было ошибочным. Креслин и Мегера еще работали с ветрами, а два вооруженных отряда порознь отправились зачищать побережье в надежде, что уцелевшие враги разбегутся, как в свое время хаморианцы. Но норландцы собрались вместе, и поспешивший к побережью отряд столкнулся с превосходящими силами противника.

Использовать ветра...

— Даже не думай об этом!

— Почему?

— После последнего шторма ты ослеп. Да и я чувствовала себя ненамного лучше.

— Атакуем ближайших,— говорит Креслин, обнажая короткий меч, и быстро скачет к песчаному гребню, который удерживает горстка защитников против вдвое большего отряда норландцев.

Песок глушит топот копыт, позволяя шестерым всадникам неслышно приблизиться к нападающим и обрушиться на них сбоку.

Клинок Креслина вспыхивает, и враг падает на землю.

— Регенты! Регенты!

Крик эхом отдается от дюн, вспениваясь как высокий прибой. Креслин яростно орудует мечом.

Левую руку опаляет огнем, однако это не прерывает движения клинка по смертоносной дуге.

«...регенты!.. регенты...»

Креслин разворачивается, направляя лошадь вверх по песчаному склону и срубая на скаку еще одного противника.

Останавливается он, лишь осознав, что на песчаной возвышенности не осталось ни одного живого норландца, там только Хайел, Клеррис и их солдаты. Русоволосая воительница торопливо осматривает тонкий порез на руке Мегеры.

— Это ерунда,— говорит Мегера.— Едем дальше.

Кивнув, Креслин направляет Волу туда, где между увязшими в песке форштевнями двух норландских фрегатов обороняется самая большая группа островитян. Он чувствует пульсирующую боль в руке Мегеры, но это не мешает ему, подняв меч, устремиться на подмогу теснимым воинам Отшельничьего.

«...регенты... регенты...»

Сразив еще одного врага, Креслин разворачивается, и в его плечо вонзается стрела с красным древком. Еще не успев в полной мере ощутить боль, он вскидывает глаза и видит на палубе дальнего норландского корабля почти дюжину лучников.

— Цельте в того, с серебряной макушкой! В него и в рыжую!

Боль пронзает правую руку Креслина, и ему с трудом удается удержать меч. А Мегера уже безоружна, и обе ее руки горят огнем.

Не видя выхода, Креслин роняет клинок и, развернув свою вороную, хватается за ближайшие из высоких ветров, чтобы обрушить на врагов их силу.

— Не промажь! В серебряную башку! — слышатся крики стрелков, заглушаемые воем усиливающегося с каждым мгновением ветра.

Упав на шею кобылы, юноша из последних сил скручивает воздушные потоки.

Рядом с судном, с которого летят стрелы, сверкает молния.

— Цельсь лучше!

Он тянет на себя приближающийся шквал, когда очередная струя обжигает его — или Мегеры? — правое бедро.

— Спасайте регентов!

Паника в голосе Хайела заставляет Креслина буквально вывернуться наизнанку, напрячься выше высочайшего предела своих возможностей.

Вороная кобыла взбрыкивает и спотыкается, но обожженная рука всадника крепко удерживает повод.

Ледяной шквал обрушивается на судно, скашивая стрелков одним смертоносным взмахом.

Креслин осаживает лошадь, ожидая, что будет дальше. Крики и лязг мечей стихают, и он остается с болью не своих ран и с окружающей его тьмой.

— Господин регент!

— Да? — Креслин не видит говорящего и не ощущает рельефа местности, но слышит, что голос доносится как бы снизу.

— Что нам делать?

— А сколько народу у нас осталось?

— Около половины.

— А норландцев?

— Господин... ты перебил их всех... и нескольких наших.

Невидящие глаза Креслина жгут стыд и отчаяние.

— Соберите лошадей. И всех наших солдат. Тем, которые еще не ввязались в стычки, скажите, чтобы они этого не делали. Не надо нападать, лучше подождать, пока земля сама не вынудит норландцев, да и всех прочих, сдаться. А это будет, вот увидишь,— Креслин умолкает, но прежде чем его собеседник успевает вымолвить хоть слово, добавляет: — Мне следовало подумать об этом пораньше. Тьма, с этой землей и у нас-то достаточно хлопот.

Голова юноши идет кругом, и он едва успевает ухватиться за край седла.

— Господин...

— Мегера? Как она?

— Целительница... Она осматривает ее. Но, господин... Они же вон там, в двух шагах...

Креслин пытается развернуть лошадь так, чтобы хоть создать впечатление, будто он смотрит в нужном направлении. Ему приходится бороться и с болью, жгущей его плечо, руки и ноги, и с наплывающей, грозящей поглотить его тьмой. Вцепившись в гриву Волы, он отчаянно продолжает бороться — хотя силы неравны.

CXXXIX

— Никто никогда не видывал подобного шторма,— бормочет Райдел, почти не шевеля толстыми губами.

— Не то слово! — бросает Хартор.— В Тирхэвене, в сотнях кай от сердца бури, снесло волнолом и раскатало пристань. От половины портовых построек не осталось и следа. Даже в Лидьяре — а это внутри Большого Северного Залива! — некоторые портовые склады попросту вмяло в землю.

— Но на Отшельничьем не сорвало и ветки.

— Конечно, бурю-то вызвал Креслин. А этот идиот Гайретис уверял, будто этому Буреносцу такое не по силам.

Глядя в глаза Высшему Магу, Райдел разводит руками:

— Гайретис поплатился за свою самоуверенность, не так ли?

— Мне следовало послать его на Отшельничий. Он хотел, чтобы Креслин победил.

Райдел предпочитает промолчать.

— Как теперь, после случившегося, хоть кто-то сможет отказаться торговать с Креслином? Или попытаться его обмануть?

Райдел по-прежнему отмалчивается, отвернувшись к окну.

— Можешь ли ты, не кривя душой, сказать, что мы по-прежнему сильны?

— Это как посмотреть,— решается заговорить молодой советник.— Хидлен почти полностью лишился флота, Кертис и Остра — тоже. Мы в лучшем положении, чем кто-либо, не считая Сарроннина.

— Итак,— качает головой Хартор,— теперь все будут следить за каждым нашим шагом.

— Нашим и Риессы,— напоминает Райдел.

— Прекрасно. Одним ударом Креслин превратил Кандар в континент, где на западе господствует Предание, а на востоке правят Белые, но обе державы вынуждены склоняться перед проклятым островом, на котором едва-едва наберется полторы тысячи жителей. Только и остается надеяться, что он умрет молодым.

— Прок от этого будет лишь в том случае, если он умрет вместе со своей Белой ведьмой, причем не оставив ребенка. И даже тогда, как полагал Гайретис... Хочу сказать, что даже в таком случае я не был бы уверен...

— Ты о чем? Что имел в виду наш дорогой безвременно ушедший брат?

— Ну... Даже после этой немыслимой бури дожди идут там, куда их направил Креслин.

— О...

— То, что он сделал, сделано всерьез и надолго.

Неожиданно Высший Маг разражается хриплым смехом.

— И все-таки,— говорит он, теребя амулет,— дела могли обернуться куда хуже. Во всяком случае, для меня. Думаю, при нынешних обстоятельствах никто не позарится на мой пост.

Райдел смотрит в окно, потом опускает глаза на каменный пол.

Хартор медленно качает головой. На западе светит холодное солнце, но засуха миновала. Через некоторое время маг выпускает из пальцев амулет, но от окна так и не отворачивается.

CXL

Силясь пробудиться, Креслин открывает глаза, но ничего не видит. Тьма окутывает его, обволакивает, окружает, как воздух, которым он дышит, не выпуская из своей хватки.

Креслин открывает рот, и с сухих потрескавшихся губ срывается невнятный хрип. Креслин пробует еще раз, и ему все же удается выдавить:

— Мегера...

Крепкие руки усаживают его, обкладывают подушками.

— Выпей это.

К губам подносят чашку, и в ноздри проникает запах теплого бульона.

— Что с Мегерой?

— Пей, кому сказано! Тебе нужно поправляться, и поскорее.

Креслин машинально глотает жидкость, только сейчас полностью осознавая, что ощущает пульсирующую боль не в своих ранах, а значит, из них двоих Мегера пострадала больше. Он делает очередной глоток, судорожно размышляя о том, как ей помочь.

— Нет! — рявкает Лидия.

Вдрогнув от неожиданности, юноша проливает бульон себе на грудь.

— Может быть, потом, когда ты окрепнешь,— говорит целительница уже не так резко,— но сейчас твое вмешательство может убить вас обоих.

— Но,— сбивчиво бормочет он,— если она...

— Креслин,— мягко, но настойчиво прерывает его Лидия,— должна признаться, что она в очень тяжелом положении, но самое лучшее, что ты можешь сделать сейчас,— это постараться не усугублять его. Ей достаточно собственной боли, избавь ее еще и от твоей. Вспомни, что ее связь с тобой существует дольше, чем твоя с ней. Хотя ты сделал связь двусторонней, противоположные потоки еще не уравнялись по силе. Прошу тебя, не тяни из нее энергию. Ты достаточно силен, чтобы с этим справиться.

— А как ты прочла мои мысли? — спрашивает он.

— Я просто догадалась, и это было вовсе не сложно. Особенно когда в стремлении помочь ей ты так исказил равновесие хаоса и гармонии, что разодрал в клочья полнеба и едва не убил себя. Потом, лишившись чувств, ты в бреду беспрестанно винился перед ней, а как только пришел в себя, первым делом произнес ее имя.

— Так глупо... снова...

— Нет. На сей раз это моя вина. Я переживала за Клерриса, а ты просто хотел мне помочь. И поспешил на помощь, не

раздумывая. Ты никогда не раздумываешь, если твои близкие попадают в беду. Как, впрочем, и все мы. Я тоже не заботилась тогда о последствиях. А сейчас — пей и отдыхай. Обещаю, если твоя помощь действительно понадобится, я скажу.

— Правда?

— Не сомневайся.

Допив бульон, Креслин откидывается на подушки, но сон не идет. Время, судя по всему, дневное, но молодого мага окружает непроглядная тьма, и лишь по плеску прибоя да благодаря неким чувствам, которые трудно определить, он догадывается, что находится в собственной комнате, но лежит не на привычном топчане, а на какой-то большой кровати.

Юноша пытается нащупать переднюю спинку кровати, но дрожащие руки почти не повинуются, и вдобавок малейшее усилие ощутить окружающее пространство приводит тьму в движение. По-прежнему незрячий, он воспринимает невидимые черные волны.

Ногу и обе руки юноши вновь пронзает боль — боль Мегеры, столь сильная, что собственная рана в плече кажется чуть ли не комариным укусом. Креслин закрывает глаза, но жжение в них от этого не проходит.

Сон подкрадывается незаметно, точно так же приходит и пробуждение. Стоит ему проснуться, как к губам тотчас подносят чашку.

— Выпей!

— Погоди...

Он облизывает губы, пьет и прислушивается к своим чувствам. Боль в руках кажется уже не столь сильной... хотя, может быть, он просто с ней свыкся?

— Как Мегера?

— Кажется, ей получше,— говорит Клеррис.

— Но не особо, да?

— Не настолько, как бы хотелось. Выпей еще.

Осушив чашку с жидкостью, Креслин прокашливается.

— Тебе нужно пить как можно больше. Обезвоживание очень опасно.

— Обезвоживание?

— Нехватка жидкости. Я же тебе рассказывал, что человеческое тело состоит в основном из воды.

— А почему я ничего не вижу?

— Не знаю. Раньше я с таким не сталкивался. Могу только строить догадки.

— Какие? — требовательно спрашивает Креслин.

— Ну, если милостивому господину угодно...

— Оставь ты эти титулы.

— Тогда оставь такой тон.

— Прости.

— Выпей еще немного.

На сей раз руки Креслина не дрожат; он принимает чашку и выпивает, не расплескав.

— Имей в виду,— начинает, прокашлявшись, Клеррис,— это сугубо теоретическое рассуждение. По-моему, ты сделал то, чего никогда раньше не делалось. Каким-то образом нарушил дихотомию «Хаос-гармония».

— Дихо... чего?

— Ты использовал магию гармонии для сотворения хаоса, причем в невиданных масштабах,— продолжает Клеррис, словно не услышав вопроса.— Возможно, ты помнишь: как-то я говорил тебе, что для большинства Черных с возрастом становится все труднее осуществлять любое разрушение, даже если при этом не используется магия. А ты не только творил немыслимый хаос с помощью сил гармонии, но и — в то же самое время! — еще и убивал людей своим клинком.

Клеррис умолкает, и в наступившей тишине отчетливо слышен шелест прибоя.

— И...что? — напряженно выдавливает Креслин.

— В тебе, в самых твоих костях слишком много основополагающей гармонии, и твое сознание просто отключило то, что могло помешать тебе выжить. Но никакое перенапряжение не проходит даром, и те же фундаментальные силы гармонии, высвободившись, рикошетом ударили по тебе — и по Мегере,— разметав в клочья твою защиту.

— Сознание? По-твоему, выходит, что мои мысли уже вроде как и не мои?

— Нет у меня ответа,— вздыхает Клеррис.— Говорю же, я могу только гадать.

— А моя слепота — она надолго?

— Да кто ж ее знает? Окажись на твоем месте обычный мастер гармонии, он давно был бы мертв. А слепота... не знаю. Может остаться на всю жизнь, но, возможно, ты и прозреешь... через год... или через десять лет. Когда — не скажет никто, но то, что вы с Мегерой живы,— уже чудо. А раз случилось одно, почему бы не случиться и другому?

— Ладно. А что с вражьими солдатами?

— Шиера оказалась поумнее нас с Хайелом, к тому же остальные корабли были выброшены не так кучно. Она перехватывала спасшихся по отдельности, и они или падали под стрелами, или сдавались. Переловили, правда, не всех: в холмах еще укрываются беглецы, но не думаю, что они доставят нам много хлопот. Норландцы и остранцы захотели выкупить своих, и

Шиера с Хайелом запросили за пленных самую высокую цену...— Клеррис снова прокашливается.— Похоже теперь, особенно с учетом того, что нам достались и выброшенные суда, все денежные проблемы решены. Вы с Мегерой теперь довольно богаты.

— Мы богаты?

— Как регентам вам причитается одна пятая, кроме того, Шиера с Хайелом настояли на возмещении тебе всех затрат на припасы, которые ты покупал на свои средства. Вообще-то, после того как Шиера рассказала об этом бойцам и выплатила им всю задолженность по жалованию, они хотели выделить вам с Мегерой треть, но Шиера и Хайел заявили, что вы столько не возьмете.

— Да нам и пятой-то части много.

— Кончай молоть чушь! Ты не можешь позволить себе быть бедным! Разве не бедность вынудила тебя к пиратству и всему прочему? А вдруг случится новая засуха или возникнут другие затруднения?

Веки Креслина опускаются, и он вновь проваливается в сон.

CXLI

Ступая медленно, но довольно уверенно, Кресли́н, даже не видя, находит дверь в комнату Мегеры и входит внутрь.

Она лежит неподвижно и дышит очень тихо. Спит или отдыхает? Затем Креслин слышит шорох хлопковых простыней.

— Как ты? — начинает он.

— Лучше,— отвечает она слабым шепотом, и руки юноши пронизывает ее боль. Он садится на табурет рядом с постелью, накрывает правой ладонью ее ладонь, а левую, пригладив влажные волосы, которых не видит, оставляет на все еще слишком горячем лбу.

— Твоя рука... так приятно ее чувствовать...

Креслин ощущает влагу на ее щеках, а потом, сосредоточившись, передает ей часть своей внутренней силы, жалея, что недостаточно крепок, чтобы отдать больше. Однако радует и малая возможность подкрепить жену и будущую дочь хотя бы малой толикой Черной гармонии. Почувствовав, что слишком сильно сжал ее руку, юноша спохватывается и разжимает пальцы.

— Не уходи.

— И не думаю...— он снова берет ее ладонь, а левой рукой поглаживает волосы и проводит по щеке, пытаясь представить себе ее лицо — ее веснушки, пламя ее волос. Образ формируется, но, появившись перед его внутренним взором на миг, тут же тает.

— Что... что нового? — спрашивает Мегера.

— Шиера настояла на отправке в Фэрхэвен, Хамор и Нолдру посланий с предложением заключить соглашение. Если они признают Отшельничий и не станут препятствовать торговле, мы не будем топить их корабли.

— А как они? — шорох. Мегера пошевелилась, хотя по-прежнему лежит на спине, обложенная подушками.

— Нолдра не заставила себя ждать: они даже прислали свой проект договора. Хамор и Фэрхэвен пока ничего не ответили, но и Шиера, и Хайел, и Лидия считают, что они тоже согласятся. Байрем уже спустил на воду четыре новых корабля, а хайдлинские и аналерианские пленники заняты увеличением волнолома. Норландцы достраивают новую пристань, но они через несколько дней отправятся на родину на своем корабле: мы решили вернуть им один из участвовавших в нападении.

Креслин облизывает пересыхающие губы и слегка сжимает запястье жены.

— Благоразумно ли это?

— Мы можем сделать годными к мореплаванию более дюжины судов, но пока негде взять столько моряков. К тому же, наш настоящий недруг — вовсе не Нолдра.

Заслышав шаги, Креслин поднимает голову, тянется чувствами навстречу звуку и узнает целительницу.

— Привет, Лидия.

— Так и знала, что найду тебя здесь: Дай-ка мне ее осмотреть.

Удержав руку Мегеры еще на миг, пальцы Креслина разжимаются. Он встает, подходит к полуоткрытому окну и подставляет лицо легкому ветерку. Целительница, склонившись над Мегерой, осматривает ее руки и глубокую рану на бедре.

— Так, вижу, тут не обошлось без дополнительной помощи,— произносит она, повернувшись к Креслину.— Хочется верить, что ты и вправду мог себе это позволить.

— Я отдал ей ровно столько, сколько ты разрешила.

— Точно? Не больше?

— Ну... Если только чуточку. Я знаю пределы своих возможностей.

Над этими словами смеется даже Мегера, но ее слабый, болезненный смех заставляет сжиматься его сердце и наполняет глаза слезами.

— Хватит. Ты отдал слишком много. Есть такая вещь, как эмоциональная стабильность,— говорит Лидия, крепко взяв его за руку повыше локтя.— Тебе нужно отдохнуть, причем в своей комнате. Подчеркиваю — в своей, иначе вы оба совершенно лишитесь сил.

Мягко, но решительно целительница увлекает Креслина в коридор, заводит в комнату и чуть ли не швыряет на кровать.

— Ты невозможен! — сердито заявляет она.— Пойми наконец, что тебе нельзя перевозбуждаться, потому что стоит тебе ослабнуть, и Мегеру захлестнут твои чувства. А переживать по поводу того, как переживаешь за нее ты,— это последнее, что ей сейчас нужно.

— Но...

— Никаких «но». Я знаю, что физических сил у тебя более чем достаточно. Но эмоционально ты истощен, тем паче что чувствуешь себя виноватым. Мегера сдюжит, но только в том случае, если не будет отягощена твоей виной и печалью. И сознанием того, что ты лишился зрения, пытаясь ее спасти.

Креслин открывает рот, но Лидия, не дав ему вымолвить и слова, продолжает:

— Да, я знаю, что ты спасал не ее одну, но и Клерриса, и Хайела... Да и себя самого. Но она чувствует это иначе. Я вот тоже не могу не думать о том, что ты спасал Клерриса. Понимаешь?

Он кивает.

— Мне нужно вернуться к Мегере,— продолжает Лидия.— А к тебе у меня просьба: постарайся и при встречах с ней, и даже оставаясь в одиночестве, быть — не притворяться, а по-настоящему ЧУВСТВОВАТЬ себя — веселым, бодрым и уверенным в будущем. Ты понимаешь? — снова спрашивает Лидия.

— Да, достойнейшая целительница.

— Очень хорошо.

Оставив дверь открытой, она быстрыми шагами удаляется в спальню Мегеры, не преминув пробормотать по пути «Мужчины!» и фыркнуть.

Сняв сапоги, Креслин растягивается на постели, и глаза его закрываются куда быстрее, чем он мог ожидать. И это при том, что лишь недавно миновал полдень.

CXLII

Осторожно опустившись на колени, Креслин трогает влажную почву вокруг саженца, а потом касается черенка, которому предстоит стать стволом могучего черного дуба. Спокойствие гармонии перетекает с его пальцев к маленькому деревцу, нуждающемуся в защите в преддверии надвигающейся зимы.

Юноша встает и, ощущая на щеках влажное дуновение морского бриза, направляется к террасе. На ходу он прислушива-

ется к шелесту прибоя, надеясь услышать перестук копыт Касмы, а потом и твердые шаги Мегеры. Сам он в цитадель не спешит. Все, что он сейчас может, это размышлять и принимать решения, а этим можно заниматься и в Чертоге.

Некоторое время до его слуха доносятся лишь плеск волн да стук посуды — Алдония возится на кухне. Он садится на ограду террасы, хотя уже не надеется погреться на солнышке: небо затянуто облаками, несущими осенние дожди.

С дороги и впрямь слышится топот копыт, но это не Касма, да и приближение Мегеры юноша ощутил бы издалека. Тем не менее Креслин поднимается и спешит к коновязи, где должен спешиться всадник.

— Регент Креслин.

Попытавшись опознать по вроде бы знакомому голосу человека, которого не видит, он в конце концов вздыхает и обволакивает гостя ближними к Чертогу воздушными потоками. Это удается — оставаясь лишенным зрения, Креслин восстановил способность внутреннего видения, во всяком случае, по отношению к ближним объектам. Но пока любое подобное усилие стоит ему головной боли.

«...ты не должен...»

Торкейл молча ждет, когда Креслин заговорит. Юноша отпускает воздушные струи, и боль тут же прекращается. Мегера находится в цитадели, но ему немедленно передается ее облегчение.

— Я тебя слушаю, Торкейл.

— Военачальники велели передать тебе, что у Края Земли пришвартовались два корабля из Сарроннина.

— Что им нужно?

— Они покорнейше просят кого-либо из соправителей удостоить их аудиенции. Ими доставлены — надо же, как скоро! — припасы, обещанные тираном весной прошлого года. И более того... сундук с монетами — в качестве запоздалого свадебного подарка.

Креслин хмыкает:

— Я так полагаю, суб-тиран не слишком удивилась.

— Она рассмеялась, милостивый господин. И сказала: «Для того, чтобы Риес... тиран заплатила все свои долги, потребовалось всего-навсего вывернуть мир наизнанку».

— Я встречусь с ними, но не здесь. Мы с Мегерой примем их в цитадели.

— Но...

— Милостивая госпожа, несомненно, примет щедрый дар и выскажет благодарность тирану,— с этими словами Креслин поворачивается, уверенно шагает к конюшне и, несмотря на

слепоту, седлает Волу гораздо быстрее, чем еще совсем недавно, хотя это требующее особой сосредоточенности занятие оборачивается легкой пульсацией боли в висках.

Торкейл дожидается регента в седле, на дороге у Черного Чертога. Ниже по склону недавно попавшие в плен хамориан-цы мостят камнем дорогу между Краем Земли и Чертогом.

Слышен и стук молотов каменотесов, но источник этого звука не на дороге, а южнее, где хамориан-цы из числа участников первого налета — более не пленники, а свободные ремесленники,— возводят просторный дом, предназначенный для Хайела с Шиерой. При мысли о них Креслин улыбается: вот уж кто прямо-таки создан друг для друга. На свой лад они связаны между собой чуть ли не так же, как он с Мегерой.

— Сарроннинские гости давно пожаловали?

— Совсем недавно; когда я уходил, они еще не начали разгрузку. Милостивая госпожа потребовала, чтобы я немедленно нашел тебя.

— А теперь нам нужно будет найти ее.

Впрочем, последнее удается быстро: Мегера дожидается его в дверях цитадели.

— Быстро ты появился,— замечает она.

— Слепой — еще не значит медлительный. Во всяком случае, очень медлительный. Я вполне в состоянии воспринимать окружающее, правда, только вблизи. Если тянусь дальше, чем на несколько локтей, мне становится больно.

— Знаю.

— Прости. Как решим — взойдем на сарроннинский корабль или примем послов здесь? — он поворачивается к жене, как будто может ее видеть.

— Я подумала: пусть они сначала предстанут перед нами в цитадели, а потом мы сможем и посетить их корабль.

— Тебе ясно? Передашь наше приглашение? — говорит Креслин Торкейлу.

— Да, милостивый господин. Когда прикажешь?

— Почему бы и не сейчас?

Откланявшись, Торкейл удаляется.

— А там, на корабле... ты как, справишься? Я имею в виду...— нерешительно бормочет Мегера.

— Не бойся, все будет хорошо. Ближнее пространство я ощущаю, да и ты можешь находиться рядом. Льнуть ко мне, как подобает покорной восточной жене.

— Рядом буду, а чтоб льнула... не дождешься!

Креслин смеется.

— Ты... ты нарочно это сказал... чтобы... чтобы... ты по-прежнему невозможен.

— Так ведь это слепотой не излечивается,— слышится голос поднимающейся по ступеням крыльца Лидии.— Я тут подслушала конец вашего разговора и хочу спросить: где будете принимать послов?

— Думаю, принимать будем все вшестером, в нашей совещательной комнате,— говорит Креслин.

— А она... подходит?

— Честно говоря, не знаю, и уж не меня об этом спрашивать.

— Да ладно изображать слепенького бедняжку,— откликается Лидия с едва заметной улыбкой.

— Я не в том смысле. Но мне и вправду не приходило в голову к ней особо присматриваться, а теперь, ослепнув, я попросту не помню, как она выглядит.

— О-о-о-о!

— Удивляться нечему,— в голосе Креслина слышится легкая усмешка,— то, что воспринимается как само собой разумеющееся, не очень-то привлекает внимание.

— Я велю дежурным стражам принести туда несколько стульев и закуски,— говорит Мегера.

— Мы лишь недавно покончили с торговой войной, поэтому, уверен, они не поставят нам в вину то, что стол у нас не столь богат, как у твоей сестры. Хотя, по правде сказать, мне не больно-то хотелось бы снова угоститься вашим сарроннинским жарким...

— Суженый...— Мегера не договаривает и только вздыхает.— Ладно, через минуточку я вернусь.

Креслин прислушивается к ее удаляющимся шагам.

— И почему, хотелось бы знать, вы всегда друг друга подначиваете? — говорит Лидия.

— Да потому,— отвечает Креслин,— что ни я, ни она не хотим признаваться в том, насколько друг от друга зависим.

Наступает молчание. Спустя секунду целительница виновато бормочет:

— Прости. Я кивнула, а у тебя был такой внимательный вид, что я совсем позабыла о твоей слепоте.

— Спасибо. К этому нужно привыкнуть, но я сомневаюсь, что мне удастся. У меня часто бывает такой вид, потому что раньше я мог видеть в полной темноте и порой непроизвольно пытаюсь...— он облизывает губы, когда перед его мысленным взором мелькает образ Мегеры.— Только потери заставляют по-настоящему понять, что ты имел.

— Ты и сейчас имеешь куда больше, чем подавляющее большинство людей,— указывает Лидия без особого сочувствия в голосе.

— Думаю, нам пора наверх,— пробежав пальцами по каменной стене, Креслин начинает подниматься по ступеням и на середине лестничного пролета слышит голос Мегеры.

— ...Нет, не те... несите другие стулья, получше. В конце концов, они же послы.

Усмехнувшись, Креслин направляется к комнате для совещаний.

Сарроннинцы не заставляют себя ждать.

— Позвольте представить почетного советника тирана и посла Сарроннина на Отшельничьем острове Фревию Арминц, а также второго посла Лексу Валхелба,— звонко провозглашает паж.

Шестеро представителей Отшельничьего встают; Креслин лишь на долю секунды позже остальных.

— Мы рады приветствовать вас,— звучат в наступившей тишине его слова,— и хотя, как сами можете видеть,— он обводит жестом комнату,— оказать вам достойный прием, сопоставимый с великолепием Сарроннина, Отшельничий пока не может, позвольте заверить достойнейшее посольство в нашем неизменном стремлении к миру и дружбе. И поскольку,— тут Креслин изображает ухмылку,— на этом мой скудный запас торжественных слов иссякает — во имя Тьмы, сядем.

С этими словами он следует собственному предложению.

— Милостивый господин, милостивая госпожа, мы должны вручить вам некоторые бумаги.

— Их примет суб-тиран,— отвечает Креслин,— ибо она более сведуща в подобных вопросах.

— Но прежде всего,— вступает в разговор Мегера,— позвольте предложить небольшое угощение.

Фраза еще не отзвучала, а на пороге появляются два стража с подносами. На одном из них графин и кубки, а на другом, побольше,— сыр и фрукты.

Расставленные перед гостями стеклянные кубки наполняют жидкостью, имеющей, как знает немало потрудившийся над изготовлением этого бренди Креслин, цвет прозрачного зеленого стекла и вкус пламени.

— Предлагаю тост за наших гостей! — высоко подняв кубок, Креслин направляет чувства к Мегере, дожидаясь, когда она последует его примеру.

— За наших гостей! — вторит ему жена.

Все пьют.

— Это... весьма своеобразно...— выдыхает Фревия после первого глотка.

— Возможно, наше питье лучше пошло бы под ваше несравненное жаркое,— говорит Креслин.— Жаль, что у нас

нет блюд сарроннинской кухни, однако мы будем более чем счастливы послать немного нашего зеленого бренди в подарок Риессе.

— Да,— подхватывает Мегера.— Моя сестра тиран ценит своеобразие.

— О, если вы найдете возможным...

— Мы почтем за счастье.

— Кажется, речь заходила о документах? — вежливо напоминает Мегера.

— Ах да, милостивая госпожа. Милостивая госпожа тиран поручила нам предложить вашему вниманию проект договора о дружбе между Сарроннином и Отшельничьим, включающий торговые гарантии...

Потягивая бренди крохотными глоточками, Креслин прислушивается к монотонному чтению Фревии.

«...и просим принять грузы, доставленные Алдроной и «Миратрором» в ознаменование союза и в знак почтения к милостивым господам регентам...»

— ...которые ухитрились выжить,— шепчет Мегера.

«...надеемся также, что краткое посещение вами наших судов позволит...»

— ...всем и каждому узнать о том, что мы, дьяволы Восточного Океана, действительно существуем...— добавляет Мегера, разумеется, снова шепотом.

— Перестань,— тихонько увещевает ее Креслин,— она предлагает то, что вынуждена, а тебе лучше принять это с улыбкой.

— О, мы...

— Прошу прощения, милостивый господин?

— Мы высоко ценим щедрость тирана, Фревия,— с вкрадчивой любезностью говорит Креслин.— И рассмотрим ее предложения самым тщательным образом, хотя сразу должны сказать, что являемся безусловными сторонниками свободы торговли,— он встает, желая положить конец пустой церемонии и зная, что Мегера следует его примеру.— А сейчас, поскольку вы, несомненно, устали с дороги, мы не смеем злоупотреблять вашей учтивостью и более вас не задерживаем.

— Последний вопрос, милостивый господин. Ходят слухи...

Креслин не может удержаться от улыбки.

— Слухов ходит много. Предположим... Впрочем, это неважно. Позвольте мне рассеять некоторые из них. Ни я, ни Мегера не собираемся предъявлять права на Монтгрен, да это и невозможно, ибо там господствуют бронзовые клинки и Белая магия Фэрхэвена. Кроме того, с признанием права Отшельничьего на самостоятельное существование и восстановлением свободной торговли, мы не считаем нужным прибегать

к помощи штормов. Хотя, в случае враждебных посягательств, оставляем за собой право...

— Сарроннин, вне всякого сомнения, далек от подобных посягательств,— заверяет посол,— но мы имели в виду иной слух...

Креслин касается ветров и приводит воздух в комнате в движение, хотя и знает, что за это придется заплатить головной болью.

— Я не отказался и от ветров,— говорит он.

— Э... да, мы поняли... но есть еще одно...

— Я отказался от использования клинка, но здесь,— следует кивок в сторону Шиеры,— найдутся обученные так же, как я, и имеющие гораздо больший опыт. Недавние события показали, что военное дело лучше оставить настоящим профессионалам.

— У вас есть еще вопросы? — спрашивает Мегера ледяным тоном, хотя и ее, и Креслина подташнивает оттого, что ответ им известен.

— Э... не... не насчет слухов, милостивая госпожа.

— Дело в том,— вступает второй посол,— что тиран поручила нам разузнать о возможности закупки некоторых товаров, таких, как пряности. А после вашего тоста я пришла к выводу, что она могла бы заинтересоваться и поставками вашего зеленого бренди.

— Мы все обдумаем и постараемся решить ко взаимному удовольствию,— говорит Креслин, глотая усмешку.— А сейчас желаем вам всего доброго.

— Ты!..— бросается на мужа Мегера, стоит послам уйти.— Да ты... ты вел себя хуже, чем Риесса.

— Вот уж не думал, что тебе это не понравится.

— Как бы то ни было,— встревает Лидия,— а выступил он удачно. Вроде и учтиво, и страху нагнал.

— Когда мы посетим их корабли?

— Я бы предложил не тянуть,— говорит Хайел.— Если, конечно, вы не хотите заставить их несколько дней подождать да понервничать.

— Давайте не откладывать дело в долгий ящик. Они не начнут разгрузку до нашего визита, а кое-кому из нас уже обрыдла кукурузная мука.

CXLIII

Креслин и Мегера спускаются по лишенным перил сходням. Он шагает так уверенно, что решительно невозможно догадаться, чего это ему стоит.

«...не больно-то похож на слепого...»

«...заткнись, идиот! Говорят, он умеет слышать любой шепот. Даже вчерашние сплетни!..»

Ну, как тут выдержать! Дойдя до пристани, Креслин оборачивается к кораблю и кричит:

— Не вчерашние, болваны! Только сегодняшние!

С борта слышится:

«...ох, ничего себе...»

«...говорил же я тебе, дураку...»

— Перестань дурачиться! — шипит на мужа Мегера.

Бочком, мимо подвод и стражей, прибывших для разгрузки, Креслин протискивается к восточной оконечности старой пристани, на ходу объясняя:

— Это не повредит, раз уж кто-то проговорился им насчет моей слепоты. Потому как если никто не проболтался, значит, она бросается в глаза.

— Понимаю, но все равно...

— И вообще, какое это имеет значение, если они по-прежнему верят в мою способность управлять ветрами?

— Возможно, и никакого.

— Тем паче что ежели приспичит, ты и сама сможешь устроить вполне приличную бурю.

— Им это неизвестно, и сомневаюсь, что моей сестрице следовало бы об этом знать.

— Она уже знает,— говорит Креслин, огибая запряженного коня.— Белые это проведали, и она, надо думать, тоже. Таким же способом,— уже направляясь к конюшне гостиницы, он со смехом добавляет: — Разве не ясно, что весь этот груз предназначен не мне, а тебе? Тебя Риесса опасается куда больше, чем меня.

— Это печально.

— Знаю.

— Так или иначе мое приданое — или, говоря иначе, свадебный подарок — преподнесено лишь потому, что она нас боится.

Добавить к сказанному нечего. К тому же от длительного напряжения, позволявшего Креслину не потерять равновесие и сохранить ориентацию, у него разболелась голова. Он приноравливает шаги к шагам Мегеры и молчит. Они садятся в седла и отправляются в цитадель.

С северо-запада тянет влагой и прохладой. Касма и Вола, цокая по камням копытами, везут регентов в мощеный внутренний двор.

Спешившись, Креслин идет первым, ибо хорошо помнит каждую ступеньку лестницы, ведущей в совещательную палату. Там регентов дожидаются Клеррис, Лидия, Хайел и Шиера.

— Как прошел визит? — спрашивает Шиера.

Регенты садятся. Мегера отвечает:

— Они вели себя с подобающим почтением. Предлагали показать все — или почти все,— чем набиты их трюмы, но мы любезно отказались, сказав, что верим им на слово.

— Думаю, это заставило их понервничать еще больше,— усмехается Шиера.

— У меня сложилось такое же впечатление.

— Ну, это послужит славным дополнением к представлению о могущественных и таинственных регентах.

— Не нужно нам здесь никаких регентов, герцогов, тиранов и тому подобного,— заявляет Креслин, качая головой. Темнота вокруг, похоже, начинает кружиться.— Будет больше проку, если мы останемся Советом. Вместе у нас все получалось куда лучше.

— Но только потому, что возглавлял наш Совет ты,— указывает Шиера.

— Чепуха! Любой из вас мог бы справиться лучше.

— Извини, но вот тут я с тобой категорически не согласен,— заявляет Клеррис не без раздражения в голосе.— Категорически. Совет — дело хорошее, но только во главе с тобой или с Мегерой.

— Прекрасно. Вот пусть Мегера и возглавляет: уж она-то всяко подходит для такого дела лучше меня,— ощутив, как скручиваются внутренности, Креслин понимает, что это ощущение передалось ему от Мегеры.

— Не обессудь, суженый, но я не согласна.

Креслин поджимает губы и молчит, предоставив ей возможность высказаться.

— Спасибо,— говорит она.— Я исхожу из следующих соображений. Во-первых, нравится тебе это или нет, большинство народов отнюдь не привержено Преданию. Во-вторых, наличие Совета, состоящего наполовину из женщин, устроит Сарроннин и Южный Оплот. В-третьих, это ты, а не кто-то другой, являешься прославленным и грозным Магом-Буреносцем, потопившим в одиночку несколько флотилий. В-третьих, если Совет возглавишь не ты, это создаст почву для слухов насчет того, что либо ты совсем плох, либо этот Совет — просто фикция.

— А если я встану во главе, так они решат, будто этот Совет — не более чем фарс.

— Его будут считать совещательным органом при твоей особе, а вовсе не фикцией и не фарсом,— замечает Лидия.

— Что позволит Совету решить вопрос о преемственности власти, если...

Креслин и Мегера одновременно кивают, не дав Клеррису договорить. Совершенно очевидно, что ни один из них не переживет другого.

— Итак, суженый,— улыбается Мегера,— верховенствовать в Совете придется тебе.

— Замечательно. Слепому самое место в поводырях.

— Для мага это не столь уж важно, тем паче что ты держишься вовсе не слепцом.

— За исключением того, что мне уже не взяться за меч.

— Сомневаюсь, чтобы у тебя возникла такая необходимость,— сухо роняет Лидия.

Креслин борется с неожиданным приступом головокружения — не своим, а Мегеры. Правда, приступ быстро проходит, но сменяется другими неприятными ощущениями — неуверенностью, стремлением поскорее покончить с де-лами...

— Кто еще войдет в Совет? — решается спросить Хайел.

— Пока хватит и нас шестерых. А других мы можем привлекать, когда будут требоваться их познания.

— Вот видишь, все-то ты знаешь. Уверена, во главе Совета лучше всего стоять тебе.

«...во всяком случае, номинально...»

Креслин вздыхает. Слепой ты, зрячий, а кое-что не меняется никогда.

CXLIV

К востоку от Черного Чертога слышится мягкий плеск набегающих на песок у подножия утеса волн. Лицо ласкает прохладный, напоенный влагой ночного дождя ветер.

Ограды Креслин не видит, но обостренные чувства подсказывают ему, где она находится, и он садится на уложенные его руками камни, подставив лоб лучам восходящего солнца. Однако увидеть светило ему не дано, и потому юноша, не открывая глаз, прислушивается к звукам моря.

Пронзительный крик кружащей чайки заставляет его поежиться. Лишний шум ни к чему, ибо Мегера еще спит, а сон очень нужен — и ей, и их дочери, которую она носит.

К чайке присоединяется другая, но крики становятся тише, по мере того как обе улетают все дальше. Ветерок стихает, но и солнышко перестает пригревать, скрывшись за приплывшими с запада облаками.

Потом поднимается новый ветер, холоднее недавнего. Он предвещает дождь, который, как знает Креслин, прольется попозже днем.

— Суженый!

Мегера подходит, осторожно ступая по влажным камням и держа в руках какой-то предмет — довольно большой, но чтобы разобрать, какой именно, чувства Креслина недостаточно остры.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Чуточку усталой, но Алдония говорит, что это нормально,— она садится рядом, аккуратно положив свою ношу неподалеку.— Какой прекрасный...

«...прости... какая же я дура...»

— Ничего. День и вправду прекрасный — это под силу определить даже мне. Воздух свежий, бодрящий, а пока не наползли тучи, я даже грелся на солнышке.

— Можешь ты кое-что для меня сделать?

— Что? — хмурится Креслин.— Конечно, одеваюсь я сам и даже ухитряюсь ходить не падая, но чтобы СДЕЛАТЬ...

— Креслин!

«...хватит!.. перестань себя жалеть...»

Знакомая резкость непроизнесенных слов — как это все-таки на нее похоже! — вызывает у него улыбку.

— Ладно. Попробую не жалеть. Если получится.

— На, попытайся...— она вкладывает что-то ему в руки, и он с удивлением узнает гитару.

— Но...

— Для этого ведь не нужно видеть.

«И правда»,— думает Креслин, касаясь пальцами струн. Почему он так долго избегал музыки?

— У тебя были на то причины, но сейчас не стоит об этом вспоминать. Просто сыграй и спой мне песню. Любую песню.

«...пожалуйста...»

Боль в ее голосе режет его сердце. Креслин нашаривает гриф и берет первый аккорд.

...На побережье восточном, где пены белые клочья,
Прислушайся к песне ветра, к земле опустив очи,
Солнечный свет ясный любит ветер восточный,
А западному милее тьма и прохлада ночи.
А северный ветер студеный веет один где-то,
А я, тобою плененный, дневного боюсь света.
Сердце мое похищено тобою в ночи ненастной,
И огни, тобою зажженные, дольше солнца не гаснут...

Когда Креслин умолкает, безмолвствует и Мегера, но он чувствует, что согрел ее, а потому снова касается струн:

Ты не проси, чтоб я запел,
Чтоб колокольчик прозвенел...
Мой стих таков, что горше нет:
Ничто и все — один ответ!
Ничто и все — один ответ!

Когда песня стихает, а пальцы отпускают струны, перед ним, на фоне пушистых облаков, кое-где прорванных пятнами зеленоватой голубизны неба, четко вырисовываются очертания гостевого дома. Спустя мгновение вокруг снова смыкается тьма. Ему не было явлено Башен Заката или иных величественных видений, просто каменный гостевой дом, облака и небо.

— Сумел ли я?..— бормочет он, осторожно прислоняя гитару к стене.

— Любимый...— теплая, нежная рука Мегеры ложится на его запястье.— Ноты,— продолжает она,— они... БЫЛИ ЗОЛОТЫМИ...

Она обнимает его, и некоторое время они сидят молча.

— Это видение, да? — говорит он наконец.— Как бы я хотел взглянуть на тебя в тот миг...

— То было не видение.

Креслин глубоко вздыхает.

— Лидия оказалась права, да? Насчет невозможности управляться не только с магическим, но и физическим хаосом? Помнишь, ты спрашивала, как это я, Черный, и вдруг могу убивать людей клинком? Кажется, больше я этого уже не могу. Верно?

— Верно,— тихо отвечает она.

— И никогда не смогу, даже если ко мне вернется зрение. Как не смогу призывать ветра для иных целей, кроме утверждения гармонии.

— Лидия так не думает.

Он смеется, и в его смехе радость мешается с горечью.

— Значит... чтобы снова увидеть тебя, чтобы рассеять тьму... Для этого ты принесла гитару?

Она кивает.

Креслин снова тянется к музыкальному инструменту, но не успевает коснуться грифа, когда Мегера произносит:

— Любимый...

Неловко она касается губами его губ. На миг отстранившись, он встает и привлекает ее к себе. Облака расступаются, и волны накатывают на песок, и солнце — пока что невидимое для Креслина — освещает этих двоих, которых уже трое... но которые составляют единое целое.

Магия Отшельничьего острова

I

Подрастая, я все чаще задумывался о том, почему решительно все в Уондерноте кажется мне таким тусклым и наводящим тоску. И ведь нельзя сказать, чтобы мне не нравился безупречный хлеб, ежедневно выпекавшийся моим отцом или тетушкой Элизабет. Не говоря уж об искусно вырезанных игрушках и прочих подарках, какими дядюшка Сардит радовал меня в день рождения, да по Высоким Праздникам — тоже.

Насколько я, юнец, мог понять из добродушных разговоров здравомыслящих взрослых, безупречность тоже имеет свою цену. И мне, что, возможно, и не диво для пятнадцатилетнего паренька, приходилось платить за нее скукой. Однако там, где совершенство — или стремление к таковому — ценится превыше всего, скука порождает известные затруднения.

Отшельничий остров благодаря своим огромным размерам и обособленному жизненному укладу иногда именуется «малым материком». А жизненный уклад его построен на этом самом пресловутом стремлении к совершенству. Что, безусловно, имеет своей целью всеобщее благо. Но... Такого рода соображения и рассуждения никак не могли удовлетворить юного непоседу.

— Пойми, Леррис,— время от времени твердил мне отец,— совершенство есть необходимое условие хорошей жизни. Оно одно способно оградить от разрушения и обеспечить добру безопасное пристанище.

«Почему? Каким образом?» — таковы были извечные вопросы, на которые я (во всяком случае, как мне казалось) не мог получить удовлетворительных ответов.

Когда мне минуло пятнадцать — возраст, в котором определенно пора браться за ум — поучать меня принялась и матушка.

— Леррис, и в природе и в жизни сосуществуют основополагающие силы — созидания и разрушения. Созидание зиждется на гармонии или порядке. Именно гармонию мы стараемся поддерживать...

— Ты говоришь совсем как магистр Кервин... «Гармония есть то, что противостоит хаосу... а поскольку хаос неразрывно связан со злом, нам должно всячески избегать любых актов

разрушения, кроме самых необходимых...» Да знаю я, зачем нужно совершенство. Знаю! Прекрасно знаю! Мне другое непонятно: если совершенство есть проявление гармонии, то почему эта ваша гармония навевает такую нестерпимую скуку?

— Сама по себе гармония не скучна,— пожала плечами матушка.— Если порядок кажется тебе скучным, то причину стоит поискать не в порядке, а в себе самом. Но коли уж с нами тебя так донимает скука, а для ГАРМОНИЗАЦИИ ОПАСНОСТИ ты еще не дорос, то...— тут она бросила взгляд на отца.— Что ты скажешь насчет того, чтобы пожить годик у дядюшки Сардита да поучиться столярному ремеслу?

Похоже, предложение матушки определить меня в обучение к мужу его сестры удивило и моего отца, однако в ответ на его недоуменный взгляд матушка сказала:

— Гуннар, мы с Сардитом уже обо всем договорились. Дело, конечно, нелегкое, но он согласен.

— С чего это оно нелегкое? — фыркнул я.— Да мне ничего не стоит выучиться любому ремеслу.

— Ага,— усмехнулся отец,— недели две-три ты даже способен учиться с интересом.

— Это не значит, что из тебя обязательно выйдет мастер-столяр,— добавила мать.— Однако ты приучишься к дисциплине и приобретешь полезные навыки, которые пригодятся, когда придет время предпринять ГАРМОНИЗАЦИЮ.

— Мне? С чего бы это я отправился в какие-то там скитания-испытания?

— Да уж придется,— усмехнулся отец.

— Тут и говорить нечего,— поддержала его мать.

Ясно было одно: мне предоставлялась возможность научиться мастерить ширмы, столы, стулья и шкафы, которыми славилась мастерская Сардита. Я знал, что за его изделиями время от времени приезжали купцы — и из Кандара, и даже из торговых городов Остры.

Не очень хорошо представляя себе, чем, собственно, мне хотелось бы заниматься в жизни, я все же решил, что учиться резьбе по дереву, пожалуй, лучше, чем помогать отцу тесать камни. Или смешивать глину да приглядывать за сушильными печами матушки. Хотя купцы, навещавшие Сардита, наведывались и в ее лавку, я определенно не имел склонности к гончарному делу. Все эти горшки да плошки нагоняли на меня зеленую тоску.

Так вышло, что вскоре я в последний раз распахнул голубую раму окошка моей спальни, бросил прощальный взгляд на знакомый с детства садик, пересек двор, где были сложены строительные материалы, и, покинув аккуратно сложенный из

прекрасного камня родительский дом, пешком, с пустыми руками, отправился к дядюшке. Дорога заняла полдня, а по прибытии Сардит поселил меня в комнате подмастерьев, прямо над мастерской. Второй дядюшкин подмастерье, малый по имени Колдар, уже заканчивающий свое обучение, строил собственный дом. В чем ему помогала Корсо, ученица каменщика. Ростом и статью эта девица превосходила многих мужчин, но нрав имела веселый и обещала стать Колдару прекрасной парой. Он жил в недостроенном доме — один, но следовало ожидать, что его одиночество надолго не затянется. Для меня же это означало, что пока дядюшка не возьмет нового ученика, комната останется в моем исключтельном распряжении.

Должен признаться, я был озадачен: вместо дядюшкиного дома — комната для подмастерьев, словно я не родной... Особенно принимая во внимание, что всю обстановку этой каморки составляли кровать, старый плетеный коврик и однаединственная висячая лампа.

— Не удивляйся, Леррис,— сказал дядюшка.— Ты здесь, чтобы учиться на столяра, а столяру пристало пользоваться лишь мебелью, сделанной собственноручно. Получишь первые навыки и сможешь по вечерам мастерить себе обстановку. Правда материал по первости придется брать на лесопилке у Хелприна. Договоришься с ним и будешь валить для него лес, а он за это — давать тебе выдержанные струганые доски. Конечно, ты можешь заняться распилкой и сам, но не советую. Каждому лучше делать свое дело.

Оказалось, что Сардит-наставник чуток отличается от Сардита-дядюшки. А еще оказалось, что мои представления о столярном ремесле далеки от действтельности. Я думал, обучение начнется с того, что мне покажут, каким инструментом как пользоваться, но ведь нет! Выяснилось, что столярная мастерская — то же самое, что гончарная, только еще хуже. Годами выслушивая всякую нудятину насчет глин и консистенций, глазурей и температур обжига, я и представить себе не мог, что и работа с деревом требует чего-то подобного. Однако представил — когда дядюшка завел ту же песню, что и матушка:

— Мальчик мой, разве ты сможешь правильно использовать инструменты, не зная свойств материала, с которым работаешь? Перво-наперво следует разобраться в породах дерева...

С этими словами он всучил мне тетрадку своего прежнего ученика с записями о свойствах древесины. Но на том дело не кончилось — каждый день либо перед открытием мастерской, либо после ее закрытия мне приходилось показывать собственные выписки относительно по меньшей мере двух пород дерева с указанием того, для каких изделий они лучше всего пригодны.

А также с перечислением рекомендуемых способов обработки. Выписки делались на особых карточках и каждая такая карточка после проверки занимала место в особом ящике. Дядюшка говорил, что катротеку следует пополнять ежедневно, потому как я ежедневно узнаю что-то новое. Ежели дело касается нового вида древесины — заводи новую карточку, а ежели нового способа обработки — вноси дополнения в имеющуюся.

— Дай-ка гляну, что ты нам понаписал насчет черного дуба? — говорил он, бывало, а потом чесал за ухом или качал головой.— Надо же! Ты целый день помогал мне полировать этот кусок, а дерева, выходит, так и не почувствовал...

Я примечал, что Колдар, глядя на мою работу, порой сочувственно улыбается, но разговаривать нам с ним не приходилось. Дядюшка постоянно держал меня при деле, и старший подмастерье работал в основном самостоятельно и лишь изредка обращался к наставнику с какими-то вопросами.

Бывали случаи, когда, просматривая мои карточки, дядюшка одобрительно кивал, однако хмурился и цеплялся с вопросами гораздо чаще. А когда я, вроде бы все выучив, отвечал на его вопросы правильно, это оборачивалось новым заданием. Не насчет волокон, так насчет коры, не насчет коры, так насчет плотности или крепости, или сучков, или еще невесть чего. По мне так вся эта долбежка-зубрежка лишь усложняет ремесло.

— Усложняет? — переспросил Сардит, когда я позволил себе высказать эту мысль вслух.— Пожалуй, что и так. Достигать совершенства — это всегда сложно. Ты ведь желаешь создавать надежные, прочные вещи, не так ли? Вряд ли тебе хочется, чтобы твое изделие развалилось на части при первом же соприкосновении с хаосом.

— Да с чего бы ему соприкасаться? У нас на Отшельничьем нет никаких Белых магов.

— Вот как? Ты уверен?

Конечно, полной уверенности у меня быть не могло, но этот вопрос казался ясным. Обучение магии, а уж тем паче Белой — магии хаоса — никоим образом не поощрялось мастерами. А тому, что не одобрялось Мастерами, не было места в жизни, хотя Мастеров, похоже, было очень немного.

Мне казалось, что мой старый учитель, магистр Кервин, являлся одним из них, хотя обычно мы не причисляли магистров к Мастерам. И те, и другие составляли единый орден, но магистры давали обычным людям основы знаний и были к ним куда ближе, нежели Мастера.

Так или иначе, на изучение свойств дерева, чтение тетрадей и заполнение карточек у меня ушел почти год. И лишь тогда мне доверили изготовление простейших изделий.

— Доски для резки хлеба?

— А почему же нет? Кто-то должен их делать! И делать как следует, так, чтобы их не касался хаос. Кстати, эта работа не так уж однообразна. Ты можешь следовать любому из моих образцов или придумать свой собственный. Только если захочешь делать по-своему, покажи мне рисунок. Сперва посмотрим его вместе, а дальше уж ты сам.

Доску я сделал на свой лад — не больно затейливую, но восьмиугольной формы.

— Надо же, Леррис, вроде и просто, а вещица вышла на славу,— похвалил дядюшка.— Этак, пожалуй, ты и вправду станешь толковым столяром.

Следом за разделочными досками пошли изделия посложнее: лавки для уличных закусочных и книжные полки для школы. Пока без резьбы, хотя я уже начал украшать резьбой ту мебель, которую в свободное время мастерил для своей комнаты. Дядюшка Сардит признал, что сработанное мною кресло совсем хуже тех, какие стоят в большинстве домов.

— Именно что в большинстве. Работа не совсем чистая, стыки выполнены грубовато, но для ученического изделия совсем даже неплохо.

То была наивысшая похвала, когда-либо услышанная мною из уст дядюшки Сардита.

Я продолжал учиться и даже делал некоторые успехи, но это не меняло главного.

Мне по-прежнему было скучно.

II

— Леррис! — позвал дядюшка Сардит, и его тон не обещал ничего хорошего. Я, правда, понятия не имел, в чем дело, но выяснять это ни чуточки не рвался.

Только-только закончив смывать опилки, я, как обычно, расплескал воду по каменному полу, однако солнышко пригревало, обещая высушить лужу быстрее, чем тетушка спустится вниз, чтобы потереть камень старым полотенцем. Однако лучше бы вытереть лужу самому...

— Леррис!

Тетушка Элизабет содержала умывальню в безупречной чистоте: отполированные тазы и чаны сверкали, а на полу из серого камня никогда не было ни пятнышка. Впрочем, удивляться не приходилось: и мой отец, и все прочие домовладельцы моего родного городка Уондернота отличались той же аккуратностью. И отец, и его сестра являлись домовладельцами,

тогда как моя матушка и дядюшка Сардит — ремесленниками. Обычное дело — так, во всяком случае, думал я.

— Лоррис! Эй, парнишка! Вернись в мастерскую. ЖИВО!

Куда меня определенно не тянуло, так это в мастерскую, но деваться было некуда.

— Иду, дядюшка Сардит.

Он ждал меня на пороге, насупив брови. Впрочем, это выражение лица было для него обычным, но вот чтобы дяюшка поднял такой крик!.. Мне стало не по себе — что же такого я натворил?

— Подойди.— Его широкопалая ладонь указала на лежавшую на верстаке инкрустированную столешницу.— Глянь-ка сюда. Повнимательнее.

Я честно вытаращил глаза. И не углядел ничего особенного.

— Видишь?

— Что?

— Эти зажимы.

Склонившись, я проследил за движением его пальца, но из-за чего сыр-бор, так и не понял. Куски темной древесины были скреплены в соответствии с его наставлениями: гладкими краями и вдоль волокон.

— А что зажимы? Не поперек волокон, все как велено...

— Леррис, ты часом не ослеп? Этот конец вгрызается в дерево. А здесь... полюбуйся... давление сместило бордюр...

Ну, может, и сместило, но самую чуточку, сразу не углядишь. А углядевши, нетрудно и подправить: всего-то и дела, что чуток подшлифовать другой край песочком. После такой доводки моей оплошности не заметит никто, кроме самого дядюшки.... ну, и может быть, того, кто покупает мебель для личных покоев императора Хамора.

— Леррис, ты прекрасно знаешь, что дерево не терпит насилия. Прекрасно знаешь, но предпочитаешь об этом не думать! Сколько можно твердить, что ты работаешь с деревом, а не ПРОТИВ него?!

Мне оставалось лишь стоять и помалкивать.

— Пойдем-ка в дом, Леррис,— со вздохом промолвил дядюшка.— Нам надо серьезно поговорить.

Перспектива серьезного разговора меня ни чуточки не увлекала, однако понимая, что отвертеться не удастся, я последовал его примеру: снял кожаный фартук и разложил по полкам инструменты.

Покинув мастерскую, мы пересекли гладко вымощенный внутренний двор и вошли в комнату тетушки Элизабет, которую та почему-то именовала гостиной. Почему — я так и не понял. Как-то раз даже спросил у нее, но она лишь улыбнулась и отшутилась. Сказала «а почему бы и нет?».

В «гостиной» был накрыт стол: два заиндевелых стакана с холодным питьем, блюдо с несколькими аппетитными ломтями свежеиспеченного хлеба, сыр и нарезанные дольками яблоки. От хлеба еще поднимался ароматный пар.

Дядюшка Сардит уселся на стул поближе к кухонной двери, я же устроился на другом. Вид накрытого стола почему-то встревожил меня еще больше, чем дядюшкино настроение.

Гораздо больше.

Тихий звук шагов заставил меня поднять глаза. Дядюшка Сардит поставил свой стакан — пунш из замороженных фруктов — и кивнул тетушке Элизабет. Она — стройная, высокая, со светлой кожей и песчано-русыми волосами — походила на моего отца. Дядюшка был жилистым, коренастым, с седеющей шевелюрой и коротко постриженной бородкой. Но сейчас их роднило то, что оба они выглядели виноватыми.

— Ты прав, Леррис,— с порога заявила тетушка,— мы и впрямь чувствуем свою вину, наверное, потому, что ты сын Гуннара.

— Но это ничего не меняет,— добавил дядюшка.— Не будь ты нам племянником, перед тобой все равно встал бы тот же выбор.

Я отпил глоток пунша, чтобы ничего не говорить, хотя видел, что тетушка мою уловку прекрасно поняла. Она всегда все понимала — в точности, как мой отец.

— Ты угощайся, паренек,— сказал дядюшка.— Ешь, пей, а я пока изложу тебе суть дела. Ну а пропущу что, так Элизабет дополнит.

Он откусил хлеба с сыром, запил глотком пунша и продолжил:

— Не знаю как тебе, а мне Кервин втолковал, что наставник всегда в ответе за то, как постигает ремесло его ученик.

Я взял хлеба и сыра, не понимая, к чему он клонит. Ясное дело, что наставник в ответе за ученика. Было бы о чем толковать.

— Однако он, надо думать, не говорил тебе, что наставник должен также определить, пригоден ли вообще ученик к ремеслу, либо же ему предстоит выбор между изгнанием и гармонизацией опасности.

— Изгнанием?..

— Видишь ли, Леррис,— вступила в разговор тетушка Элизабет,— у нас на Отшельничьем нет места для расхлябанности и вечной неудовлетворенности. Скука, неспособность сосредточиться, нежелание вкладывать всего себя в свое дело — все это прокладывает хаосу путь на остров.

— Таким образом, Леррис, тебе предстоит сделать выбор. Что ты предпочтешь — пройти гармонизацию или покинуть Отшельничий? Навсегда.

— Только из-за того, что меня не увлекает ремесло? Из-за того, что я чуточку пережал доску? И из-за этого мне придется выбирать между гармонизацией и ссылкой?

— Не совсем так. Дело даже не в самой скуке и уж конечно, не в том, что ты допустил просчет. Но и за тем, и за другим стоит нежелание вкладывать в работу всего себя. Пойми, оплошность не так страшна, если допустивший ее человек старался как мог и сделал лучшее, на что способен. Работа, пусть далекая от совершенства, будучи выполненный со всем возможным прилежанием, не считается небрежной. Разумеется, при том условии, что ее несовершенство не причинит никому вреда,— когда тетушка произносила эту тираду, глаза ее горели, и она, как мне показалось, стала еще выше ростом.

Я отвел глаза в сторону.

— Можешь ли ты сказать, что честно и радостно вкладывал всю душу в обучение, стремясь достичь совершенства в мастерстве плотника, столяра и резчика по дереву? — спросил дядюшка Сардит.

— Нет,— буркнул я, зная, что врун из меня никудышный. Хоть и попробую соврать, так тетушка Элизабет мигом раскусит.

— Ну а если ты продолжишь учиться — что-нибудь изменится?

— Нет.

Я и сам не заметил, как и когда мне удалось умять кусок хлеба с сыром. Видать, как-то успел, коли его уже не было — ни в руке, ни во рту. Я отломил новый. И отпил пунша, чтобы смочить персохший рот. Охлаждаться не требовалось — меня и без того пробирало холодом.

— И что меня ждет? — спросил я между глотками.

— Если ты выберешь гармонизацию, Мастера займутся твоим обучением. Они будут работать столько, сколько потребуется, чтобы подготовить тебя к испытанию, а потом ты получишь задание и не сможешь вернуться, покуда его не выполнишь.

— Ну а выбрав изгнание, ты просто покинешь остров и не сможешь вернуться никогда, если только не получишь особого дозволения Мастеров. А такие дозволения если и даются, то чрезвычайно редко.

— И все это только из-за того, что у меня не оказалось особого интереса к ремеслу? Из-за того, что по молодости лет я еще не нашел себя? Из-за того, что мои изделия несовершенны?

— И опять же нет,— вздохнула тетушка Элизабет.— В прошлом году Мастера отправили в изгнание пятерых умельцев, каждый из которых был самое меньшее вдвое старше тебя годами. А на гармонизацию согласилось около дюжины людей, разменявших не то что третий, а и четвертый десяток.

— Ты что, серьезно?

— Да уж серьезней некуда.

Я и сам понимал — тетушка не шутит. Да и говорила в основном она, а дядюшка, вроде бы собиравшиийся вести разговор, больше кивал, поддакивал да вставлял фразы. У меня возникло странное ощущение, будто моя разлюбезная тетушка Элизабет только прикидывается обычной домохозяйкой.

— Ну, и куда же мне придется отправиться?

— Ты это твердо решил? — спросил дядюшка Сардит с набитым ртом.

— Можно подумать, будто мне предложен богатый выбор. Меня или запихнут в лодку да сповадят невесть куда, или, по крайней мере, предоставят возможность чему-то научиться и принять какое-то решение...

— Думаю, ты сделал правильный выбор,— промолвила тетушка Элизабет.— Хотя все не так просто, как тебе кажется.

Повисло напряженное молчание, побудившее меня поскорее покончить с хлебом и сыром и отправиться в свою комнату укладывать вещи. Дядюшка Сардит пообещал сохранить кресло и прочие вещи, сделанные мной, до моего возвращения.

Не упомянув при этом, что лишь очень немногие из проходивших ГАРМОНИЗАЦИЮ возвращались домой.

Не вернулся и я.

III

Вот так незаметно, как незаметно происходят на Отшельничьем многие важные события, я превратился из подмастерья в школяра совсем особого рода. Правда, со стороны могло показаться, будто на моей повседневной жизни этот переход никак не сказался: еще не один день я помогал дядюшке в его мастерской. Однако разница была, и существенная: если раньше дядюшка ПОРУЧАЛ мне обстрогать доску или нанести грубую резьбу, то теперь это всегда звучало как ПРОСЬБА. А мой напарник Колдар, поглядывая на меня, лишь молча качал головой — не иначе как считал меня спятившим.

Он кручинился так искренне, что я и сам стал задумываться: а не прав ли он?

Однако дядюшка Сардит продолжал нудить по поводу неточной подгонки двух уголков или плохой сочетаемости разных видов волокон и без конца устранял мелкие недоделки, которых никто, кроме него, все равно никогда бы не заметил. Эта чрезмерная, нагоняющая тоску скрупулезность убедила меня в том, что с головой у меня все в порядке, а ежели мне неохота провести всю жизнь, добиваясь точного совпадения резных

узоров по разные стороны столешницы, это еще не означает, что я умалишенный. Коли Колдару охота, пусть он этим и занимается. А мне сдается, что в жизни можно найти занятие и поинтересней. Столярное ремесло на поверку оказалось ничуть не лучше гончарного, но неужто нельзя противостоть хаосу таким манером, чтобы не умирать при этом со скуки?

Итогом такого рода размышлений стало то, что я ничуть не огорчился, когда спустя несколько дней тетушка велела мне собирать вещи. Только спросил:

— Куда отправляться-то?

— Первым делом — на обучение. Не думаешь же ты, что Мастера просто вручат тебе посох, карту да котомку со снедью и спровадят на корабле незнамо куда?

Честно говоря, нечто подобное мне в голову приходило, но тетушке я в этом не сознался.

— На обучение так на обучение. Но, надеюсь, мне будет позволено попрощаться с родителями.

— Конечно, Леррис! А как же? Не такие уж мы варвары. Можешь побывать дома, но имей в виду — ты теперь не подмастерье и за себя отвечаешь сам. Тебя и еще нескольких школяров Мастера будут ждать в Найлане послезавтра...

— Ого, путь-то не близкий...— заметил я, надеясь услышать, что Мастера предоставят подводу или фургон. У меня завалялось несколько серебреников, но не было ни малейшго желания тратить их на поездку по Главному тракту.— Пешком до Найлана топать день напролет.

— Это точно, Леррис,— кивнула тетушка.— Но ты, надеюсь, не вообразил, будто Мастера сами явятся к тебе?

Я хмыкнул. Тетушка улыбнулась и склонила голову, словно намекая, что солнечное утро проходит быстро и ежели я хочу и дома побывать, и в Найлан ко времени поспеть...

— Послезавтра-то послезавтра, а к которому часу?

— Примерно к полудню, но коли чуточку припоздишься, строго не спросят.

Вот ведь что чудно — и улыбалась она вроде бы как обычно, и говорила так же добродушно, но... но почему-то казалась мне то ли ростом выше, то ли просто значительнее, чем раньше. А почему, этого я не сказал бы, хоть меня режьте. Как не мог сказать, почему работа с деревом нагоняет на меня смертную тоску.

— Пожалуй, мне пора,— пробормотал я.— Завтра-то, чтобы поспеть к сроку, придется встать спозаранку.

Она кивнула.

— Раз ты пойдешь домой, прихвати от меня пирожков для своих родителей. А новые сапоги, дорожное платье и плащ лежат в твоей комнате, на постели.

Я сглотнул. Надо же, собрался в дальний путь, а об одежде и обуви не подумал. Впрочем, мне казалось, что рабочая одежонка и башмаки сгодятся и для самого сурового путешествия.

— Спасибо,— я опустил глаза.— Мне бы попрощаться с дядюшкой.

— Он в мастерской.

В своей комнате я обнаружил не только сапоги и дорожную одежду, но и посох из самого прочного, самого гладкого и самого черного лоркенового дерева. Судя по отсутствию украшений и идеальной простоте формы, он вышел из рук дядюшки Сардита, наверняка доводившего изделие до ума не один месяц. Скрепы из вороненой стали на обоих концах посоха были утоплены в выемках, так точно подогнанных по размеру, что темный металл почти сливался с такой же темной древесиной.

Взяв посох в руку, я нашел, что он наилучшим образом подходит мне и по длине, и по весу.

Решив переодеться, я огляделся в поисках старой парусиновой котомки, где хранил одежонку, в которой явился к Сардиту определяться в ученики. Конечно, тот наряд мне уже не не годился: за два года я вырос и заметно раздался в плечах. Некоторые считают, будто работа столяра или резчика не так развивает мускулы, как, скажем, работа ворочающего бревна плотника. Но такие суждения проистекают от невежества. Чем тоньше работа, тем она тяжелее и тем большей требует силы. А коли тебе достался такой придирчивый наставник, как дядюшка Сардит, то волей-неволей приходится проявлять еще и смекалку.

Вместо старой котомки я обнаружил заплечный мешок из какой-то неизвестной мне грубой, очень прочной и плотной ткани. Как мне показалось, тускло-коричневый цвет придавала материи не краска, а пропитка — некий состав, делавший ее непромокаемой. Мне подумалось, что дядюшка с тетушкой, наверное, сильно переживают из-за того, что не смогли сделать меня толковым ремесленником. Переживают, потому и расщедрились на такие прекрасные подарки: и чудная торба, и великолепный посох, и славная одежка — пусть неброская, темно-коричневого цвета, но зато удобная и ноская.

Однако на этом дело не закончилось. В мешке обнаружился маленький кошель, а в нем записка следующего содержания: «Здесь жалованье за твою работу в качестве подмастерья. Постарайся не истратить деньги, пока не покинешь остров». Денег оказалось двадцать медяков, двадцать серебреников и десять золотых. Невероятное богатство! По моему рассуждению, на такую уйму деньжищ я никоим образом не наработал, однако отказываться от них не собирался. В конце концов, кто знал, что ждет меня впереди?

Еще раз пробежавшись пальцами по гладкому дереву и подивившись редкостному дядюшкиному мастеству, я подумал, что кто бы ни собирал меня в дорогу — дядюшка с тетушкой или отец с матушкой — они снабдили меня всем, что дозволялось правилами. Насколько мне помнилось из суховатых уроков магистра Кервина, отправлявшимся на гармонизацию, помимо денег, дозволялось иметь при себе смену одежды, сапоги, посох, заплечный мешок и запас снеди на несколько дней.

А вот прошедшему испытание, если Мастера разрешали ему вернуться, не возбранялось доставить на остров хоть целый корабль всякого добра, при том, конечно, условии, что это добро добыто честным путем. Ворам и мошенникам на возвращение рассчитывать не приходилось.

Покачав головой — мне не стоило тратить время на воспоминания и размышления — я отложил посох и продолжил знакомство с содержимым мешка. Помимо кошелька, там находилась смена одежды и легкие башмаки — чуть ли не щегольские туфли.

Раздевшись до пояса, я направился в умывальню — негоже обряжаться во все новое, не ополоснувшись. Путь лежал через мастерскую, однако дядюшка Сардит — он, мурлыкая, полировал письменный стол — в мою сторону даже не посмотрел. А Колдара в мастерской не оказалось: он отправился на лесопилку подбирать древесину для починки мебели в гостинице Пуленка, где недавно случился пожар.

Должен заметить, что случайно услышанный мною разговор между дядюшкой и тетушкой наводил на мысль, что для них этот пожар отнюдь не явился неожиданностью. Послушать их, так выходило, будто бы приняв заведение из рук своего недужного отца, молодой Нир Пуленк сам напросился на неприятности. «Кое-кому не обойтись без горьких уроков»,— заметил тогда дядюшка. «Но не всем...» — начала было тетушка, но с моим появлением осеклась и оставила эту тему.

В умывальне нашлось свежее полотенце, которым я, ополоснувшись из бадьи холодной водой, с удовольствием обтерся. Принимать душ — не слишком-то теплый — меня вовсе не тянуло, а еще меньше хотелось драить после мытья душевую кабинку. И тетушка Элизабет, и мой отец были прямо-таки помешаны на чистоте. Нечего было и думать сесть за стол не умывшись. Бывало, ребенком я пытался схитрить и в результате оставался без обеда.

Отец и тетушка — так те вообще принимали душ ежедневно, даже зимой. Да и матушка с дядюшкой не пренебрегали мытьем, хотя — это от меня не укрылось — когда Элизабет случалось гостить у подруг, Сардит обходился без душа.

Сложив полотенце, я положил его обратно на полку и тут неожиданно услышал голос:

— Ну как, готов в дорогу?

В дверях стоял дядюшка Сардит.

— Готов...— и, набравшись смелости, я добавил: — Спасибо за все и тебе, и тетушке. Уж не обессудьте, что у меня не хватило прилежания, чтобы сделаться настоящим умельцем.

— Леррис... Ты оставался здесь дольше, чем многие, и... наверное, мог бы все-таки стать ремесленником, но... Но ведь это было бы неправильно, так?

Поскольку стоял он на три ступеньки выше, мне пришлось поднять глаза. А когда я их поднял, мне показалось, что мой уход его вовсе не радует.

— Наверное. Скорее всего, мне с каждым днем становилось бы все скучнее. А в чем тут дело — сам не пойму.

— Да в том, что ты такой же, как твои отец и тетка. Их кровь.

— Но... Но они живут себе спокойно, как все и, вроде бы, вполне счастливы.

— Это сейчас...— он вздохнул.— Ладно, собирайся. И помни: ты сможешь вернуться, когда поймешь, кто ты таков.

Он вернулся в мастескую и продолжил полировать стол. Но больше уже не напевал.

А у меня, как часто бывало и прежде, осталось ощущение недосказанности. Привычное ощущение: туманные намеки доводилось слышать нередко, а вот с толковыми разъяснениями дело обстояло не в пример хуже. Как ни обидно, но никто не хотел мне ничего объяснять, словно я, по природному скудоумию, все едино не мог ничегошеньки уразуметь до тех пор, пока на пройду опасное испытание где-нибудь в Кандарском порубежье или во владениях императора Хамора. Будто бы тогда все каким-то волшебным манером устроится.

Поднявшись в свою (впрочем, нет, уже не мою) комнату, я надел новое платье и натянул сапоги. Плащ отправился в заплечный мешок, старая одежда была приторочена к мешку ремнями. Можно бы, конечно, оставить ее и дома... будь это и вправду мой дом. По правде сказать, новое платье, посох и мешок куда в большей степени ощущались мною как что-то... что-то СВОЕ.

Озираясь по сторонам, я вспомнил о кресле — лучшей моей работе — и своих инструментах. Дядюшка, вроде бы, обещал о них позаботиться, но что он НА САМОМ ДЕЛЕ имел в виду?

Дядюшка все еще находился в мастерской, возле сундука, которго я прежде не видел.

— А, Леррис...— молвил он.— А я как раз подумал: спрячука твои инструменты сюда до тех пор, пока ты... если, конечно, ты...

— Вот здорово! Дядюшка, а как насчет кресла? Подыщешь ему местечко?

— О чем речь? Могу оставить здесь, а хочешь — отвезу к твоим родителям.

По правде сказать, такая мысль попросту не приходила мне в голову, потому что я никак не связывал это изделие с родительским домом. Однако и возражений у меня не имелось.

— Распорядись им, как сочтешь нужным. Мне-то на нем все одно не сидеть, во всяком случае, в ближайшее время.

— Не беспокойся, мы за ним приглядим. А ты уж постарайся вернуться.

С минутку мы постояли молча — говорить, вроде бы, было не о чем. Потом, чтобы хоть что-то сказать, я промямлил:

— Столяра из меня не вышло, дядюшка, но ты меня многому научил.

— Надеюсь, мой мальчик. И хочу верить, что это тебе поможет.

Я ушел. А он, постояв чуток, принялся укладывать мои инструменты в сработанный специально для них сундук.

Тетушка Элизабет появилась в дверях кухни со свертками.

— В том, что побольше,— слоеные пироги. А во втором — припасы в дорогу.

Сверток с припасами я спрятал в мешок, а тот, что с пирогами, прикрепил к мешку сверху.

Небо было подернуто легкми облаками, из-за чего чуток парило, но я знал, что такие тучки редко проливаются дождиком. Конечно, фермерам дождь бы не помешал, но мне вовсе не улыбалось тащиться в Найлан под ливнем. Я почему-то подумал, что ливней на мою долю еще хватит.

— Ну а это съешь сейчас.

Невесть откуда появилсь блюдо с двумя здоровенными пирогами. Один был с курятиной, а другой с ягодами; последний с уголка протекал.

— Подкрепись и отправляйся. Не мешкай, если хочешь поспеть домой к обеду.

— К обеду?

— Не сомневаюсь, твой отец состряпал что-нибудь особенное.

Откуда тетушка Элизабет может знать, что готовит на обед мой отец, я спрашивать не стал: во-первых, кому и знать, как не ей, а во-вторых, я уже вовсю уплетал пирог с курятиной, а с полным ртом много не поспрашиваешь. Признаться, за всеми этими хлопотами и сборами я совсем было позабыл о еде и только сейчас понял, как сильно проголодался. Проголодался до того, что, умяв первый пирог, запил его глотком холодной воды и тут же принялся за второй.

— Смотри не подавись. Спешка спешкой, но не стоит заглатывать пироги целиком.

Я внял этому указанию и покончил со сладким пирогом в четыре укуса. После чего отпил еще водицы.

— Ты захватил посох? Дядюшка хотел, чтобы у тебя был самый лучший.

— У меня такое чувство, будто я с ним родился.

— Вот увидишь,— улыбнулась тетушка,— он тебе пригодится. Особенно, если ты будешь слушать Мастеров и следовать своим чувствам... своим истинным чувствам.

— Ну что ж... Мне пора.

— Береги себя, Леррис.

Никаких особых советов она давать не стала, что, наверное, и к лучшему, поскольку у меня вовсе не было настроения их выслушивать.

Уже выйдя на замощенную безукоризненно подогнанными плитами улочку, я почувствовал спиной внимательные взгляды, однако, обернувшись, ни дядюшки, ни тетушки не увидел. Больше я не оглядывался, пока не покинул Маттру: ни у гостиницы, где Колдар выгружал привезенные с лесопилки доски, ни на рыночной площади, где мне довелось продавать свои разделочные доски. Кстати, за одну дали целых четыре медяка.

Под подошвы моих сапог ложилась та же гладко вымощенная дорога, по которой я, тогда обутый в сандалии, впервые пришел в Маттру.

Добраться до дому — если, конечно, считать Уондернот моим домом — мне удалось задолго до обеда, однако в том, что тетушка Элизабет не ошиблась, я убедился, учуяв жареную утку еще до того, как свернул в проулок, почти такой же, как перед жилищем дядюшки Сардита. С виду Уондернот не больно-то отличался от Маттры, хотя, конечно, определенные различия имелись. И в преобладании тех или иных ремесел, и в том, что в Уондерноте было аж две гостиницы, да вдобавок еще Институт, где мой отец любил порассуждать о философии. Чаще с другими домовладельцами, но порой и с прибывавшими из других городов Мастерами. Однако ничего интересного в Уондерноте не случалось. Никогда. Во всяком случае, на моей памяти.

Родители сидели на открытой веранде с восточной стороны дома, где после полудня всегда бывало прохладно. Я отметил запомнившиеся с детства мягко скругленные ступени: не стертые, как у древних строений, вроде храма, но и не прямоугольные, как у самых новых.

— Мы так и думали, что ты подойдешь к этому времени,— громко, хотя и без особого воодушевления промолвил отец.

— Рады тебя видеть,— мать улыбнулась и, похоже, от души.

— И мне приятно хоть ненадолго заглянуть домой,— отозвался я, сам удивившись тому, что говорю вполне искренне.

— Давай-ка сюда торбу да посох — о, никак Сардитова работа! — и присаживайся. Ты как, по-прежнему любишь клюквицу?

Я кивнул, высвобождаясь из лямок. Приняв у меня заплечный мешок, отец положил его рядом с низеньким столиком.

— Ой, чуть не забыл! Тот пакет, что сверху,— для вас. Слоеные прирожки тетушки Элизабет.

Мать с отцом рассмеялись. Он пробормотал, что живи они рядом, Элизабет бы их закормила. Матушка с улыбкой покачала головой. Мне почему-то показалось, что оба они сильно постарели. Отец вроде бы не облысел, да и седины в светло-русых волосах не прибавилось, но у уголков глаз залегли глубокие морщины. Щеки его были, как всегда, гладкими, на подбородке красовался небольшой порез: в отличие от большинства мужчин на Отшельничьем, он брился и никогда не отращивал ни бороды, ни усов. Так же, как и я. С тех пор, как на моих щеках появился первый юношеский пушок, я тоже стал бриться, причем вовсе не подражая отцу. Дело в том, что работать мне приходилось до пота, а коли приходится потеть, то даже от короткой щетины будет гораздо больше хлопот, чем от бритья. Даже с учетом неизбежных порезов.

Рубаха с короткими рукавами и открытым воротом позволяла увидеть, что руки отца оставались мускулистыми и крепкими, отнюдь не дряблыми. Да и дров во дворе за домом лежало чуть ли не в три раза больше, чем требовалось. Отец всегда говорил, что работа с топором полезна и для хозяйства, и для укрепления мышц.

Черты худощавого лица моей матери казались заострившимися, а остриженные волосы — слишком короткими. Впрочем, она всегда стриглась коротко, считая, что так удобнее, и изменять давней привычке вовсе не собиралась. Ее одежда — линялая голубая блузка с короткими рукавами и свободные брюки — являлась чуть более женственным повторением того, что носил отец. Но и это вовсе не значило, будто она ему подражала. От одежды и прически матушка требовала лишь удобства, и потому все платье в доме, за исключением праздничного, шил отец.

В этом деле он проявлял забавную щепетильность, не позволяя никому видеть себя за работой. Снимал мерку, кроил, наметывал и запирался в мастерской, где доводил изделие до ума. Ребенком я думал, что в мастерской имеется другой вход, но потом понял, что это вовсе не так. Просто когда отец исчезал за дверью с нарезанными кусками кожи или ткани, а по-

являлся с идеально сидящими брюками или рубахой, это казалось чуть ли не чудом.

Покуда я предавался воспоминаниям, матушка налила мне стакан клюквицы. Отец отвязал от мешка пакет с тетушкиными пирожкам и куда-то унес. Надо думать, на кухню.

— Жаль, что тебе нужно быть в Найлане уже завтра,— сказала мать, когда я устроился напротив нее в плетеном кресле. Ноги мои болели: новые сапоги всегда малость натирают, но мне хотелось поскорее их разносить.

— Никак не думал, что все произойдет так быстро,— откликнулся я.

— Это у кого как. Бывает, приходится ждать довольно долго,— промолвил отец. Он двигался совершенно бесшумно, и я, как всегда, не заметил его возвращения.

— А сколько там будет... таких, как я?

— По-разному бывает. Четверо, пятеро... Уж всяко не больше дюжины. И по меньшей мере двое отсеются прежде, чем Мастера закончат обучение.

— Отсеются? — Это мне не понравилось.

Отец пожал плечами:

— Порой не обходится без таких, кто предпочитает изгнание наставлениям Мастеров. Ну а некоторые захотят вернуться домой.

— А что, можно и вернуться?

— Можно, если сумеешь убедить Мастеров... Время от времени такое случается.

По его тону я понял, что если и случается, то весьма редко.

— Ну а кто не убедит?

— У тех остается прежний выбор: либо обучение, либо изгнание.

По всему выходило, что без соизволения Мастеров нельзя и шагу ступить — ни домой, ни из дому.

Обдумывая эту мысль, я сделал еще несколько добрых глотков клюквицы и съел несколько кусочков тетушкиной выпечки (отец порезал пирожки так мелко, что кусок можно было отправлять в рот целиком). Мать, хотя и не имела обыкновения перекусывать перед обедом и перебивать себе аппетит, тоже угостилась.

— Кто они такие, эти Мастера? — задал я наконец вопрос, который уже задавал несколько дюжин раз нескольким дюжинам людей. Ответ обычно сводился к следующему: «Мастера — они и есть Мастера. Это люди, которым поручено руководство Отшельничьим островом и Сферой Гармонии».

Но на сей раз отец выразительно посмотрел на матушку. А она — на него. А потом оба вместе — на меня.

— Ответ, скорее всего, будет не таким, каким тебе хотелось бы...— начал он.

— Иначе говоря, ты мне не скажешь.

— Сказать-то скажу... Просто не думаю, что мое объяснение тебя удовлетворит и придется по вкусу...— отец потер подбородок, как делал всегда, пытаясь подобрать верные слова.

— По вкусу там или не не по вкусу, но ты уж попробуй.

Эта моя колкость осталась без внимания. Глаза отца подернулись дымкой, словно он всматривался куда-то вдаль.

Я воспользовался этим и допил сок.

Мать снова наполнила мой стакан. Помолчав еще некоторое время, отец прокашлялся и довольно сбивчиво начал:

— Хм... Ты, наверное, помнишь... Магистр Кервин наверняка говорил тебе, что Мастера стоят между Отшельничьим и хаосом, потому что являются защитниками порядка.

Я поймал себя на том, что нетерпеливо постукиваю пальцами по только что наполненному стакану.

От отца это тоже не укрылось.

— Прояви терпение, сынок. Это не так-то просто объяснить...

Я решительно не понимал, что тут может быть сложного. Надо полагать, что всем, включая и Мастеров, отведена в жизни своя роль. Либо они управляют Отшельничьим, либо нет. И нечего тут мудрить.

— Пожалуй, мне стоит вернуться к самому началу. Может, так будет проще...

Мне чудом удалось не заскрежетать зубами. Нет, на сей раз отец, кажется, не хотел от меня отделаться, но он явно вознамерился напустить туману. Ну почему, стоит заговорить о мастерах, все только и делают, что бормочут невнятицу?

— Ты знаешь, что в основе всего лежит противоборство между гармонией и хаосом, или, говоря упрощенно, между добром и злом. Конечно, последнее не совсем точно, ибо как гармония, так и хаос сами по себе не имеют никакого нравственного содержания. Однако более существенно то, что, хотя отдельные проявления гармонии могут быть использованы во зло, равно как и отдельные проявления хаоса — во благо, никто из последовательных приверженцев хаоса не может одновременно являться последовательным приверженцем добра. Для истиного приверженца добра неприемлемо любое обращение к хаосу, кроме, может быть, совершенно незначительного. Тут стоит отметить одну тонкость: человек, приверженный не благу, а лишь порядку как таковому, может на поверку оказаться глубоко испорченным при всей кажущейся гармоничности своих деяний...

Любопытство, боровшееся во мне со скукой, определенно ей проигрывало.

— Да, Леррис,— прервал свои рассуждения отец.— Вижу, что для тебя это все слишком длинно и скучно. Однако постарайся хотя бы запомнить то, что уже услышал.

И тут вмешалась мать, до сего момента лишь медлено качавшая головой:

— Леррис, попробуем рассмотреть это на конкретном примере. Возьмем гончара. Чтобы стать гончаром, необходимо умение, так? Гончар использует свое умение для изготовления посуды. Посуда не добра и не зла, и хотя использовать ее можно и так и эдак, большинство людей просто пользуется ею, не ставя перед собой никаких нравственных задач. Однако найти злонаправленное, вредоносное применение, скажем, прекрасно сработанной, содержащей в себе гармоническое начало вазе труднее, чем воспользоваться ею как должно. В равной мере и всякое попрание порядка, всякое проявление хаоса легче использовать во зло, чем во благо. Понял?

— Вроде бы. Но какое отношение это имеет к Мастерам?

— Тут-то и начинается самое трудное,— снова вступил в разговор отец.— А поскольку утка почти готова, нам, видимо, придется продолжить беседу за обеденным столом. Пока лишь скажу, что Мастера в ответе за то, чтобы на Отшельничьем все было именно таким, каким кажется. Они выкорчевывают самообман и, кроме того, обеспечивают нашу защиту против Внешних Держав.

— Защиту? Это каким способом? Магистр Кервин говорил, что у нашего острова нет ни войска, ни военного флота — только Братство и Мастера. Разве это не так?

— Так-то оно так, сынок... Но ты должен понять, что слова могут утаивать столько же, сколько и раскрывать...— Он встал.— Давай-ка умойся. Я постараюсь удовлетворить твое любопытство, но за обедом. Негоже передерживать такое славное блюдо.

Поскольку я понятия не имел, когда мне выпадет другой случай полакомиться жареной уткой, то возражать не стал, однако, смывая дорожную пыль, постарался наилучшим образом сформулировать интересующие меня вопросы.

Их я отложил в сторону, пока не расправился с первой порцией утки, вкус которой вполне соответствовал великолепному аромату. К ней отец подал разогретые в печи мелко порезаные тетушкины пирожки, ломтики кислой груши и терпкую зелень. Сама утка, прекрасно прожаренная, без привкуса масла для жарки, просто таяла во рту. Мне доводилось слышать, что отец был одним из немногих поваров, умевших зажарить утку в собственном жиру, без масла, ничуть ее не пересушив. Впрочем, должен признаться, что я не так уж часто пробовал стряпню других поваров.

Умерив наконец аппетит, я запил последний кусок глотком студеной колодезной воды и заговорил:

— Так все-таки, насчет Мастеров... Что же выходит, магистр Кервин вводил нас в заблуждение? Неужели мастера выполняют ту же роль, что во Внешних Державах армии? Но если так, не является ли это одним из проявлений хаоса?

Отец усмехнулся:

— Ты задал сразу три вопроса. На первый можно ответить «и да, и нет»; на второй «скорее нет, чем да»; а на третий — «скорее да, чем нет». Имея дело с хаосом, приходится, разумеется, лишь в меру необходимости, использовать некоторые из его проявлений.

— Но...

— Кервин не обманывал тебя напрямую, не сообщал ничего несоответствующего истине, но оставлял простор для самостоятельных домыслов. Это похоже на попытку ввести в заблуждение, особенно если имеешь дело с живым умом, вроде твоего.

Он отпил глоток вина.

Я вина не любил и по-прежнему предпочитал чистую воду.

Мать молча занималась уткой.

— Некоторые из Мастеров постоянно имеют дело со Внешними Державами и ежедневно противостоят хаосу, приходящему извне. Этих людей — их следует именовать Братством — мы видим редко, но их можно узнать по черно-алым одеяниям. Другие мастера носят все черное, но лишь при исполнении своих обязанностей, а в свободное время одеваются, как заблагорассудится. Есть и иные, о которых ты узнаешь позднее. У каждой из этих категорий есть свой круг обязанностей, но в целом вся их деятельность подчинена одной цели — поддержанию и всемерному укреплению на острове разумного порядка. Помнишь булочника Олдхэма?

Я устало кивнул.

— Кто его увез?

— Мастера.

— А что они с ним сделали?

— Думаю, вывезли куда-нибудь во Внешнее Порубежье. А то и убили.

— А ты знаешь, в чем его вина?

— А какая разница? — отозвался я, глотнув еще воды.— Он не угодил Мастерам, а они могущественны. Особенно таящиеся.

— Таящиеся? — подала глос матушка.

— Те, которые скрывают свое звание и живут под видом обычных людей. Иначе как Мастера узнают про таких малых, как тот булочник?

— Я так понимаю, Леррис,— сказал отец,— что в магию ты не веришь.

— Как я могу верить или не верить? Заниматься магией хаоса запрещено, что же до магии гармонии... Мне не случалось видеть ни одного ее проявления, которое нельзя было бы объяснить иначе. Случайностью, искусством или чем-то еще.

Мать улыбнулась, но как-то странно.

— И с чего ты вообще вспомнил этого несчастного булочника? — спросил я.— Только ради того, чтобы показать, что мастера за всем надзирают и всем управляют?

— Может быть, и для этого. Кстати, булочник не такой уж «несчастный». Он обосновался в Хаморе и живет там припеваючи. Из чего следует, что Мастера вовсе не жестоки и, хотя оказывают влияние на все стороны жизни, вмешиваются непосредственно лишь для того, чтобы нас защитить.

— Тогда почему все связанное с ними окружено такой тайной? — буркнул я, начиная жалеть о том, что вообще ввязался в этот пустопорожний разговор. Прямого ответа из родителей все едино не вытянуть: знай ходят вокруг да около, отделываясь намеками.

— Не уверен, что смогу ответить на этот вопрос,— со вздохом промолвил отец.

То же он говорил и перед моей отправкой к дядюшке.

— Дорогой,— снова подала голос мать,— пойми, что сейчас мы не вправе рассказать тебе все, поскольку для правильного понимания такого рода сведений необходим определенный опыт. А у тебя его нет.

— Вы просто не хотите ничего объяснять. Как всегда.

— Не кипятись! — Отец взглянул на меня довольно сердито, но я предпочел не заметить его взгляда и подцепил на вилку еще кусочек утки.

— Не кипятись, кое-что мы попробуем тебе растолковать. Вот ты спрашивал насчет войска. Так вот, Братство не выступает в качестве армии или флота. Однако ты, например, мог бы пройти гармонизацию, служа в пограничной страже. Разумеется, с дозволения Мастеров. Сами они несут нечто вроде дозора против всяческиих проявлений магии хаоса, порой весьма тонких и трудно уловимых. Как в случае с булочником. Береговой флот принадлежит Братству, но его трудно назвать в полном смысле военным. Корабли ведут рыбную ловлю, но в то же время надзирают за прибрежными водами. На борту каждого судна, несущего флаг Отшельничьего, находятся член Братства и младший Мастер.

— Сколько же их?

— Достаточно. Столько, сколько нужно.

Конечно, мне так и не удалось добиться удовлетворительных ответов на интересовавшие меня вопросы, но наседать на родителей перед разлукой вовсе не хотелось — этак недолго и поссориться. Поэтому я приналег на утку, а потом, намазав ломоть черного хлеба вишневым вареньем, поинтересовался, не появились ли у родителей новые соседи.

— Молодая пара строит дом в том проулке, что выходит на сад Лервина,— ответила матушка, явно обрадовавшись возможности сменить тему.

Отец пожал плечами и потянулся за вареньем.

«Какие же мы с ним разные,— подумалось мне.— Или наоборот, слишком похожие?»

Отрешившись от всяческих вопросов, я с удовольствием съел еще одну порцию утки и воздал должное прекрасным лимонным пирожным.

Так прошел наш семейный обед. Последний перед моим отбытием в Найлан.

IV

Восход солнца застал меня на ногах и уже умывающимся. Впрочем, необходмость встать пораньше никогда не бывала мне в тягость.

Смывая холодной водой со щек мыло и оставшиеся после бритья волоски, я почувствовал на себе взгляд — не иначе, как отца. Матушка обычно вставала позже, хотя их обоих нельзя было назвать полуночниками.

Я вытерся, проверил, суха ли бритва, и убрал ее в футляр. Отец молчал и — я чувствовал это спиной — улыбался.

— Надеюсь, тебе предстоит хорошее путешествие, Леррис. И твоя мама тоже на это надеется,— промолвил он наконец — как всегда, невозмутимо. Его тон начал меня раздражать. Это ж надо — провожает меня на опасное испытание, а держится так, будто я собрался проведать дядюшку.

— Мне тоже хочется на это надеяться. Но я настроен на то, чтобы выжить.

— Вот это зря, сынок. Никогда не настраивайся на выживание: выживание — это вовсе не жизнь... Впрочем, я пришел не затем, чтобы на прощание донимать тебя поучениями. Скажи лучше, не хочешь ли перекусить на дорожку?

— И то сказать, глупо отправляться в путь на пустой желудок,— согласился я и последовал за ним на кухню, где он заранее выложил на стол фрукты, пару пирогов, сыр и колбасу. Квадратный, идеально гладкий стол из красного дуба не был покрыт скатертью, и еда лежала на плетеных соломенных салфетках.

— А там,— отец кивком указал на выложенный плиткой кухонный подоконник, где я заметил мою дорожную торбу,— кое-какая снедь в дорогу.

Мешок выглядел битком набитым: похоже, родители напихали в него не меньше еды, чем выложили на стол.

Не забыл отец и набрать кружку холодной водицы — он знал, что я предпочитаю ее вину и чаю. Особенно по утрам.

Пока я насыщался, он сидел на кухонном табурете, не произнося ни слова. Да и что тут скажешь, ведь это не ему, а мне предстояло под страхом изгнания пройти процедуру гармонизации опасности. Или выхолащивания опасности — разные люди называли это испытание по-разному.

Завтрак не занял у меня много времени. Подкрепившись, я буркнул «спасибо», подхватил с подоконника мешок и двинул за посохом. Чтобы добраться до Найлана к полудню, следовало выходить не мешкая, а что сказать еще, я просто не знал.

Правда уже выйдя из дома, я замешкался и призадумался, удивившись тому, что матушка так и не появилась, чтобы попрощаться со мной.

— Она уже проснулась, Леррис,— словно прочитав мои мысли, сказал отец.— Проснулась, но не хочет, чтобы ты видел ее в слезах.

«В слезах? Ничего себе! Почему она плачет?»

— Потому что она твоя мать,— тут же ответил он на так и оставшийся невысказанным вопрос.— Ты ведь хочешь, чтобы мы принимали тебя таким, каков ты есть. А она — разве она не вправе быть собой?

Я понял одно — между нами по-прежнему лежит пропасть, преодолеть которую нам, видимо, не дано.

— Преодолеем мы ее или нет, это зависит от тебя, Леррис. А мы с мамой желаем тебе добра и надеемся...

Я отвернулся, сделав вид, будто не заметил, как дрогнул его голос. Надо же: всегда был спокоен, как валун, а тут вдруг расчувствовался!

Не оглянувшись и не помахав рукой, я двинулся вперед, однако еще не разношенные сапоги заставили меня поубавить прыти еще до того, как Уондернот остался позади. Проходя мимо невысокого, увенчанного черной колоннадой храма холма, я еще раз вспомнил весь этот никчемный разговор о гармонии и хаосе — и пожал плечами.

Посох в моей руке почему-то казался несколько тяжелее, чем торба за плечами, и к тому же меня что-то смутно беспокоило. А через некоторое время стало ясно, что именно: каким образом отец ухитрялся сразу откликаться на вопросы, еще

только возникавшие в моей голове? Он что — и вправду мысли читал? Или просто знает меня как облупленного?

Впрочем, об этом я заставил себя не гадать — какой смысл? Там, куда я направляюсь, подобные вещи не будут иметь никакого значения. Решительно никакого.

Утро стояло теплое, пожалуй, теплее, чем мне бы хотелось. Рубаху пришлось расстегнуть почти до пояса, но спина под заплечным мешком потела. Плащ, само собой, был скатан и упрятан внутрь. Может, он и понадобится мне через несколько месяцев, но лишь при том условии, что я протяну так долго.

В садах к югу от Уондернота уже вовсю кипела работа, но Главный тракт был безлюден.

Эта прочная, мощеная каменными плитами дорога, способная пропустить в ряд четыре подводы, являлась центральной магистралью Отшельничьего, пересекавшей остров из края в край. На нее выходили все дороги местного значения, а общины прилегавших к тракту городков отвечали за поддержание его в порядке. В бытность подмастерьем у дядюшки Сардита мне довелось принять участие в замене нескольких гранитных плит, но нужда в таких работах возникала нечасто: гранит — материал долговечный. Куда большего внимания требовала постоянная очистка дренажных канав. Конечно, учитывая надежность полотна и каменную наброску по краям, трудно было предположить, что даже самые сильные дожди способны подмыть тракт, однако водостоки все равно следовало содержать незасоренными.

Следующим городом по пути из Уондернота в Найлан являлся Энстронн, лежавший на перекрестье Главного и Поперечного трактов. Последний представлял собой крупнейшую из дорог, пересекавших остров в направлении с востока на запад.

У западной окраины Энстронна я поравнялся с низенькой повозкой, груженой ранними дынями. Возчица шагала рядом с лошадкой, тихонько напевая:

...Словно я увлеклась и решилась сама...
Главный тракт пролегает под льдинками звезд,
Ходом солнышка летнего правит зима...

Песенка была незнакомой, голосок приятным, и я непроизвольно сбавил шаг, чтобы послушать. Не знаю уж почему, но мне захотелось убрать посох, однако куда спрячешь этакую орясину? Не потащишь же на спине, привязав к торбе.

Девица — сзади казалось, что она чуточку постарше ме-ня — услышала шаги и, обернувшись, бросила на меня взгляд из-под широких полей подвязанной бело-голубой лентой шляпы. Волосы у нее оказались темными, лицо узким, а лет ей было примерно двадцать пять.

— В такую рань — и уже в пути,— молвила девушка со славной, под стать голосу, улыбкой.— Надо думать, у тебя важное дело.

— Ага,— откликнулся я.— Гармонизация.

— Ну? А не слишком ли ты молод?

— Не ко мне вопрос,— буркнул я, малость осерчав.— Не сам же я это затеял.

И тут ее взгляд упал на посох, который я небрежно держал в руке. Глаза девушки раширились.

— Это что, твой посох?

— Ну мой,— пожал я плечами, не понимая, какое ей-то дело до того, кому принадлежит эта палка из черного лоркена.— Посох — он и есть посох. Конечно, сейчас он мне вроде как ни к чему, но в диких землях за пределами острова наверняка пригодится.

— Слушай, а могу я попросить тебя об одном одолжении? — сказала она, и улыбка ее стала застенчивой и чуточку грустной.

Я, признаться, опешил. Какую услугу могу оказать ей я, неоперившийся юнец?

— Ну, если это в моих силах...

— Надо же, такой молодой — и уже такой рассудительный. Думаю, да, в твоих. Просьба моя совсем не трудная. Ежели случится тебе встретить рыжеволосого малого из Энстронна — он странствует под именем Лейт — передай что Шрезан желает ему всего доброго.

— Шрезан?

— Это все. И то, пожалуй, слишком много.— Голос девушки зазвучал деловито.— Ну а теперь, наверное, тебе лучше поспешить в Найлан.

— А ты так хорошо пела...

— Может быть, в другой раз...— пробормотала она, отвернувшись и легонько подстегнув лошадь вожжами.

Поняв, что ей уже не до меня, я пожал плечами:

— В другой так в другой. Всего доброго, Шрезан.

Она кивнула, так и не встретившись со мной взглядом. Я ускорил шаг, и вскоре Энстронн остался позади. Я так больше никого и не встретил. Что не удивляло — городские строения не разрешалось возводить ближе, чем в шестистах локтях от Главного тракта.

А поскольку говорить было не с кем, я принялся думать, благо вопросов у меня накопилось выше головы. Похоже, что гармонизация не нравилась никому, хотя все признавали ее необходимой. А почему так — никто не мог или не хотел объяснить. Сколько ни спрашивай, не услышишь ничего, кроме набивших оскомину рассуждений касательно борьбы гармонии с

хаосом. Ну кто, скажите на милость, против гармонии? И кому, ежели он не умалишенный, нужен полный хаос? И какое отношение ко всему этому может иметь гармонизация?

Мысли путались, один безответный вопрос сменялся другим, а ноги шагали и шагали по безупречно гладкому граниту.

V

Приблизительно к середине утра, когда стало ясно, что если я и опоздаю в Найлан, то совсем ненадолго, напомнил о себе мой желудок.

К тому времени у меня за спиной остались не только Энстронн, но и Кларион и местечко под названием Сигил. О последнем — хоть это название и красовалось на солидном придорожном столбе — я отродясь ничего не слышал, а стало быть, ничего примечательного там и быть не могло. Я, признаться, вообще не приметил никаких признаков жилья, хотя вовсю таращил глаза на север и дом с шестисот ярдов мог бы и углядеть.

За Сигилом дорога, и без того не слишком оживленная, совсем обезлюдела. Зато прибавилось пыли. Да еще и солнце стало припекать сильнее.

Потом слева от дороги появилось размытое пятно. Еще толком его не разглядев, я сообразил, что это не иначе как странноприимный дом. Странноприимный дом на пути к одному из главных поротов острова.

Такого рода заведения попадались нечасто, поскольку лишь немногие граждане Отшельничьего предпринимали дальние путешествия, а из чужеземцев на остров допускали лишь некоторых купцов. Попытки нелегального проникновения мастера пресекали, причем создавалось впечатление, будто им заранее известно о всяком проникновении контрабандистов у изрезанного фьордами гористого северного побережья. Северная гряда служила острову защитой от суровых зимних бурь, но одновременно задерживала потоки влажного и теплого вздуха с юга, отчего высокогорья отличались высокой влажностью.

Иноземцы, получавшие дозволение на торговые поездки по острову, редко бывали молоды и словоохотливы. Скупали они в основном гончарные и прочие ремесленные изделия, а на продажу привозили редкие драгоценные камни: желтые алмазы и темно-зеленые изумруды, добывавшиеся лишь на дальних рубежах Хамора.

Помнится, мне казалось, будто все они используют одни и те же монеты, но потом выяснилось, что это не так. Просто почти во всех странах — кроме разве что Пантарана — имеют хождение монеты, очень похожие на хаморианские и наши.

Золотые, серебреники и медяки. Надписи, если приглядеться,— разные, но размер и вес одинковы. Ежели, конечно, монета не обрезана. Почему так? Да наверное потому, что почти вся торговля идет через Хамор, и даже остранцы, при всей их гордыне, вынуждены чеканить похожую монету. Правда, называют они свои деньги по-другому, но этих названий все одно никто не использует. Даже в самой Остре.

А еще помнится, я с детства не мог понять — зачем потребовалось строить столь величественные дороги, если народу по ним путешествует всего ничего? Но в ответ на мои вопросы отец, как водится, качал головой, а дядюшка Сардит просто отмалчивался.

По мере того, как натруженные ноги вели меня все ближе к странноприимному дому, мысль о коротком отдыхе начинала казаться мне все более сооблазнительной.

Все странноприимные дома устроены одинаково: черепичная кровля над четырьмя глухими, без окон, стенами, закрывающаяся на засов дверь и широкая крытая веранда с каменными скамьями. Внутри нет никакой отделки, нет даже очага, чтобы приготовить пищу. Эти дома годятся лишь для недолгого отдыха да дают возможность переждать непогоду.

Устроившись на задней каменной скамье — самой прохладной — я стянул сапоги, протер ноги, хлебнул из фляги теплой воды и принялся за провизию, которой снабдил меня отец. Вчерашняя утка была очень хороша, да и два слоеных пирожка — один без начинки, другой с вишневым вареньем, пришлись весьма кстати. Все эти яства я заел одной кислой грушей, а другую приберег на потом.

Дожевывая последний кусок, я почувствовал чье-то приближение и увидел человека, который вел в поводу лошадь, тащившую крытую повозку. Более всего он смахивал на торговца, но но на всякий случай я, морщась, натянул на сбитые ноги сапоги, уложил мешок с провизией в заплечную торбу, а немногочисленные крошки разбросал по дороге — для птичек. Торба была увязана, прислоненный к скамье посох стоял под рукой — бери да иди. Правда, идти что-то не хотелось.

— Привет, паренек,— окликнул меня незнакомец. Молодой для купца, моложе дядюшки Сардита, он имел косматую черную шевелюру и стриженую бороду. Его одежду составляли туника с короткими рукавами, штаны и сапоги — все из мягкой кожи блекло-желтого цвета. В плечах он был пошире дядюшки Сардита, с внушительной мускулатурой. На широком коричневом поясе висело несколько ножей.

— Добрый день,— вежливо отозвался я, привстав.— Держишь путь из Найлана?

— А то откуда? — со смехом отозвался он, привязывая своего темно-каурого мерина.— А ты?

— Я с востока...

— А не молод ты путешествовать без старших? — промолвил торговец, закончив с лошадью и поднявшись на две каменные ступеньки.

— Может, и молод...— Тон его мне почему-то не понравился, и я подался поближе к посоху.

— Впрочем, на вашем чудном острове вообще мало кто куда ездит.

— Это верно.

— А ты, небось, такой же «приветливый», как и все ваши. Невысокого мнения обо всем остальном мире.

— По правде сказать, я слишком мало знаю об остальном мире, чтобы иметь на сей счет какое-либо мнение.

— Надо же! Впервые встречаю здесь человека, готового признать, что за пределами вашего острова, где вы и впрямь угнездились сущими отшельниками, тоже существует какая-то жизнь.

Я предпочел отмолчаться: что тут можно сказать?

— Да, чудно вы тут живете,— продолжал он.— Ежели ты не принимаешь душ хотя бы три раза в неделю, женщины отворачиваются от тебя, как от зачумленного. Но хоть ты мойся и трижды в день, они все едино не перемолвятся с тобой и словечком, кроме как насчет торговли. Думаю, всех держат в страхе эти молодцы в черном. И то сказать, с ними даже империя предпочитает не связываться.

— Империя?

— А ты что, и о Хаморе не слыхал? О Восточной империи?

Купчина оказался таким же надоедливым хвастуном, как и вся их братия. Будто бы кое-что повидав, он сделался невесть каким умником.

— Что, парнишка, не нравлюсь тебе, да? Это не горе: мы, купцы, сюда не любиться приезжаем, а торговать. Хочешь драгоценности — покупай, есть что на продажу — предлагай. Правда, откуда у такого мальца стоящие вещи? Разве твой посох... Недурная работенка.

Он потянулся к посоху, словно меня там и не было.

А я вроде бы и не тянулся, во всяком случае, ничего такого не помню. Однако посох каким-то образом оказался в моей руке и хрястнул его по запстью.

Он яростно завопил и другой рукой схватился за нож.

Внутри у меня все сжалось: похоже, этот малый собирался метнуть в меня нож. А ведь я и не хотел его бить, все вышло само собой.

— Не думаю, чтобы Мастерам понравилось то, что ты затеваешь,— сказал я, с трудом заставив свой голос звучать спокойно.

— Пропади они все пропадом, твои Мастера,— рыкнул он. Но нож оставил в покое и лишь смерил меня долгим, злобным взглядом.

Я опустил посох, который, невесть почему, сделался на ощупь теплым. Как будто полежал на солнце или возле костра.

— А ты, значит, тоже из этих...— проворчал торговец. Он медленно пятился, хотя я и не думал к нему приближаться.

— Не знаю, о чем ты. Я пока никто.

— Проклятый остров! — Купчина отвязывал свою лошадь.

Закинув торбу за плечи, я направился к ближнему спуску с веранды — благо он был как раз со стороны Найлана.

— Я все равно ухожу, а ты можешь остаться. Тебе нужно передохнуть.

Он молчал, но я чувствовал на себе его взгляд, полный ненависти, глубокой, как Северная река во время паводка, и почти столь же неистовой. Морщась от боли в стертых ногах, я зашагал прочь, желая поскорее оказаться подальше от странноприимного дома и этого торговца.

А шагая, размышлял о том, все ли торговцы столь же нахальны и бесцеремонны, когда думают, будто имеют дело с беспомощными людьми. А еще о том, отчего разогрелся посох. Я неплохо разбирался в свойствах дерева и знал кое-что о металлах, а посох как раз и представлял собой комбинацию лоркена со сталью. Прекрасно выполненную комбинацию, которую можно было назвать произведением искусства — недаром купец обратил на посох внимание. Но сочетание дерева с металлом не обладает никакими необычными свойствами.

В свое время — еще до ученичества у дядюшки Сардита — отец обучил меня приемам палочного боя, заявляя, что это-де полезное упражнение. Было это давно, но, говорят, хорошо усвоеннные приемы не забываются. Ладно, этим можно объяснить, как вышло, что я огрел этого малого по руке, но ведь он заорал так, словно его обожгло огнем. И посох нагрелся — определенно нагрелся!

А вдруг в обличье купца мне повстречался дьявол? В такое, конечно, верилось с трудом, но в старых легендах рассказывалось, будто дьяволы корчатся от прикосновения холодного железа.

На нагретой солнцем пыльной дороге было душно, однако меня пробрала дрожь. Сначала та молодая женщина, теперь этот торговец... Поневоле подумаешь, будто со мной что-то не так. Или с моим посохом.

Но у нас на Отшельничьем нет никакой магии. И уж я-то точно не маг.

Мне оставалось лишь поежиться и продолжить путь.

VI

Найлан всегда был Черным Городом, точно так же, как ныне забытый Фэрхэвен был некогда Белым. И неважно, что народу в Найлане живет чуть больше, чем в деревне, что это морской порт, которым пользуется только Братство, или что это крепость, которая никогда не была захвачена и лишь единожды подверглась осаде.

Найлан — Черный Город и всегда им будет.

С Главного тракта он сначала показался низкой тучей черной дорожной пыли, потом приземистым черным холмом. На большом расстоянии истинные размеры скрадываются, так что оценить, насколько велик город, я смог, лишь приблизившись примерно на кай. Стены были не слишком высокими — локтей эдак в шестьсят; однако они перегораживали полуостров от края до края. Единственными имевшимися в них воротами и заканчивался Главный тракт. Мне доводилось видеть рисунки с изображением крепостей Кандара, Хамора и Остры, но Найлан выглдел совсем по-другому. Здесь не было ни башен, ни амбразур, ни бойниц, ни рва и моста. Дорога подходила к самым воротам.

Я знал, что другой конец этого пути длиной в тысячу кай упирается в Край Земли. Действительно Край, самую дальнюю точку острова, бывшую морским портом до того, как изменившиеся течения и ветра превратили уютную гавань в гнездо штормов. Теперь корабли приставали там крайне редко, когда вынуждала непогода. Единственным открытым портом Отшельничего являлся Найлан. Услышав об этом от магистра Кервина, я, помнится, нашел такое положение дел странным.

Но если что в Найлане и впечатляло, так это не стены, а утесы. Отвесные, гладкие, словно угольно-черный лед, они обрывались с высоты двухсот локтей к серой голубизне волн. Вид этих стен и утесов открылся мне в ясный полдень, но даже при полном солнечном свете они напоминали тени. Невольно поежившись, я сжал посох, оказавшийся на ощупь теплым, словно хотел меня согреть.

Одного взгляда на эти скалы, стены и массивные металлические ворота было достаточно, чтобы понять, почему город именуют Черным. По правде сказать, это зрелище отнюдь не прибавило мне спокойствия насчет того, что ожидало впереди. Впрочем, при столь небогатом выборе это не имело особого значения.

Не заметив никакой стражи, я приблизился к широко распахнутым воротам и, вступив в полоску тени, поднял глаза на безликие стены.

— Что привело тебя сюда, путник? — послышался приятный женский голос.

Поискав взглядом, я обнаружил его обладательницу на огражденном парапетом выступе локтях в восьми над дорогой. Когда ворота закрывались, это место оказывалось за створами.

Одетая в черное женщина имела под рукой темный посох, похожий на мой. В тени ее волосы казались темно-каштановыми.

— Итак, какова причина твоего прибытия в Найлан?

— Гармонизация.

— Твое имя?

— Леррис.

— Откуда?

— Вырос в Уондерноте, ученичество проходил в Маттре.

— Ну что ж, прибыл вовремя,— произнесла она вежливо, но с налетом скуки в голосе.— Как пройдешь ворота, поверни налево и шагай прямо к маленькому зданию с зеленым треугольником рядом с дверью. Больше никуда не заходи.

— А если зайду?

— Ничего не будет. Решительно ничего, просто зря потратишь время. И свое, и чужое, если тебя придется искать. Но куда бы ты ни сунулся, тебя направят к месту сбора.

Она говорила с таким безразличием, что я снова ощутил холодок.

— Спасибо.

Женщина кивнула в ответ, и я ступил под арочный свод высотой в пятнадцать локтей. Стены казались толще, чем я думал. В толщину они, пожалуй, были не меньше, чем в высоту. Вблизи камень, которым они были сложены, более всего походил на гранит, хотя никогда прежде мне не случалось видеть черного гранита. Под аркой стояла тень, с моря веяло приятной прохладой.

Вынырнув снова на солнцепек, я огляделся. От ворот начинались три улицы — одна шла направо, к приземистому квадратному зданию, другая налево, а третья прямо, строго на запад. Облик самого города в чем-то разочаровывал, а чем-то, наоборот — пленял. После долгого пути через безлесные равнины я не мог не порадоваться множеству деревьев, украшавших Найлан. Среди них попадались очень старые, а крона росшего посреди главной улицы величественного черного дуба поднималась выше городских стен.

Но вид улиц и зданий удручал однообразием: черное каменное мощение, черные каменные дома — все одноэтажные;

черные крыши из материала, который я бы назвал каменной черепицей. Будучи того же цвета, что и стены, крыши отличались по текстуре: кажется, строения здесь крыли сланцем. Дома стояли на расстоянии пятидесяти-шестидесяти локтей один от другого.

Трава на газонах, в отличие от пожухлой придорожной травки вдоль Главного тракта, удивляла сочным зеленым цветом. Улицы были почти безлюдны. Редкие прохожие были одеты в черное платье.

Оказалось, что Найлан тянется куда дальше на запад, чем я предполагал. Между воротами и концом полуострова, где, по моим догадкам, должен был находиться надежно защищенный порт Братства, пролегало не менее пяти кай. А поскольку местность в том направлении шла под уклон, я мог убедиться, что и дальше на запад город выглядит примерно так же. Примерно — поскольку обзор затрудняли деревья. При всем обилии яркой зелени в городе господствовал черный цвет. Он не угнетал, не подавлял, но и не позволял о себе забыть.

Оглядевшись, я подхватил посох и зашагал по черной каменной мостовой. Женщина у ворот могла бы не утруждать себя упоминанием о здании с зеленым треугольником: оно маячило на первом же перекрестке, и я в него уткнулся. По всей видимости, цветные фигуры заменяли надписи и служили для определения назначения зданий. И то сказать — разбери где здесь что, ежели все дома почти одинаковы. Все-таки удивительно: неужто мастера, с их-то могуществом, не могли выстроить город менее однообразным и скучным?

Черная дубовая дверь была открыта. Сработанная на совесть, почти как изделия дядюшки Сардита, она, однако, уже одним только своим видом навеяла на меня привычную скуку. Неужто эти хваленые Мастера не знают других материалов, кроме черного дуба да черного камня? Тоска смертная!

— Еще один...

Оторвав взгляд от лепнины, я увидел, что нахожусь на вершине лестницы из трех ступеней шириной во всю комнату. Внизу на двух каменных скамьях расселись люди: двое мужчин и три женщины.

Кивнув, я спустился вниз и, оказавшись поближе, понял, что являюсь в этой компании самым младшим, не считая, может быть, одной девицы — мускулистой блондинки. И единственным обладателем посоха. У ног остальных лежали лишь торбы.

— Леррис,— представился я.

Немолодой, лет сорока мужчина с редеющей каштановой шевелюрой и глубоко посаженными круглыми глазами встал со скамьи:

— Саммел.

— Кристал,— назвала себя тоненькая белокожая брюнетка с великолепным, ниспадавшими до талии волосами.

— Ринн,— бросила широкоплечая блондинка с натруженными руками.

— Дорте,— безразличным тоном произнесла особа с оливковой кожей, колечками отливавших красным волос и золотыми кольцами на каждом пальце.

— Миртен.— Остроносый малый с глазами хорька и бизоньими космами отличался высоким и резким голосом.

Кивнув всем, я снял торбу и поставил в уголок посох.

— Почти все в сборе,— сообщил Саммел перед тем, как сесть.— Как мне сказали, нас должно быть шестеро.

Голос его был глубоким и спокойным.

Хотя ноги мои по-прежнему ныли, садиться я не стал. Хотелось осмотреться, а насидеться всегда успею.

Прихожая, зал ожидания или как там следовало называть помещение, в котором мы находились, имело примерно десять локтей в ширину и чуточку поменьше — в длину. Помимо входа туда вели три двери из черного дуба, окованного черной сталью. Все они были закрыты. Стены, сложенные, по моим догадкам, из бруса, покрывали прямоугольные панели из однослойного дубового шпона. Со стороны трех внутренних стен вдоль потолка бежал лепной бордюр с треугольным орнаментом. Потолок был покрыт серой штукатуркой. На фоне всего черного он выглядел голубоватым.

Над каждой скамьей висело по портрету: справа женский, слева мужской. Оба, ясное дело, в черном. Этот черный цвет уже начинал нагонять на меня зевоту.

Все молчали. Да и что тут было особо говорить? Кристал, одетая в пыльную голубую рубаху и брюки, смотрела словно бы сквозь меня, что меня ничуть не печалило. Больно уж худая, к тому же какая-то отрешенная. Ринн уставилась в пол. Оказалось, что у нее очень красивые ноги — этого не могли скрыть даже обшитые бахромой кожаные штаны.

Дорте переглядывалась с худощавым Миртеном.

Саммел сидел грустно понурясь и устремив взгляд в никуда.

Ну а я прохаживался по комнате, пытаясь сообразить, какими инструментами пользовались здешние столяры при изготовлении этих панелей. А о чем еще было думать, коль скоро насчет гармонизации мне до сих пор не удалось выяснить ничего определенного? Кроме того, что от этого, видимо, не отвертеться.

И компания, похоже, подобралась не из лучших.

Раздался стук каблуков.

Все подняли глаза навстречу новоприбывшей. Она тоже имела посох — черный, вроде моего, но выглядевший... трудно сказать точно, как. Не сбитым, не потертым, однако... как бы дольше использованным. Ее волосы были ярко-рыжие, глаза — как голубые льдинки, а дорожная пыль на веснушчатом лице делала ее моложе своих лет. Она могла сойти за мою ровесницу, хотя на деле была старше лет на пять-шесть.

— Ну и славная комания подобралась — просто жалость берет,— голос ее звучал добродушно и вместе с тем твердо.

— Говори за себя,— ляпнул я прежде, чем сообразил, что сказал.

— Я за себя и говорю.

— Меня зовут Леррис. А тебя?

— Тамра — сгодится? — Пробежав глазами по окружающим, она вперила взгляд в меня.— А ты не слишком молод, чтобы здесь находиться?

— А кто ты такая, чтобы об этом судить?

— Тамра... Леррис...— вмешался Саммел, снова поднявшись.— Здесь находятся только те, кому положено, с разрешения Мастеров. Так что обсуждать здесь нечего.

— Вот именно, нечего,— буркнул я, испытывая сильнейшее желание придушить эту рыжую стерву в темно-серых брюках, такой же тунике и черных сапогах с крепкими каблуками. Еще чуть-чуть, совсем бы вырядилась в черное.

— Мастера то, Мастера се...— раздраженно фыркнула она, сбрасывая со спины мешок и спускаясь по лестнице. Оказалось, что ростом Тамра едва достигает моего плеча, хотя торбу несла не меньше моей. Стройная, с тонкими чертами лица, она не была ни столь худощавой, как Кристал, ни столь мускулистой, как Ринн. Пожалуй, сложением Тамра походила на Дорте, но выглядела своеобразнее.

Она, как и я, не спешила садиться. Положила торбу и принялась рассматривать картины, в которых я не углядел ничего примечательного, кроме, быть может, мрачного колорита. А вот отделка панелей Тамру явно не интересовала.

Поскольку она не уделила ни малейшего внимания ни мне, ни кому-либо другому из нашей чудной компании, я приглядеся к левой картине, гадая, что же в ней могло привлечь Тамру.

Мужчина на картине был в черном, хотя и не в официальном облачении Мастера, а цветом волос (я назвал бы это посеребренным золотом) походил на моего отца. Более того, чем дольше я всматривался, тем сильнее становилось ощущение, будто между ними есть и другое сходство, хотя заключалось оно явно не в чертах лица. В чем именно — так и осталось непо-

нятным. Не будучи любителем неопределенности, я выбросил мысль о сходстве из головы и сосредоточился на деталях изображения.

Мой внимание привлекла торчавшая из-за правого плеча полоска — скорее всего, что-то вроде посоха. Определить точнее не представлялось возможным, ибо в отличие от детально прописанного лица задний план картины не отличался такой отчетливостью.

Отвлекшись от портрета, я снова обвел взглядом комнату. Тамра все еще рассматривала вторую картину. Ринн и Кристал вели тихую беседу, а Дорте сидела на скамье с закрытыми глазами.

Мой взгляд непроизвольно вернулся к портрету, поскольку, кроме этих картин, смотреть в помещении было не на что. Надо полагать, в наличии именно здесь именно этих изображений имелся какой-то смысл. Только какой? Я покачал головой. У этих Мастеров всюду загадка на загадке, а пытаться их о чем-то расспрашивать — пустая трата вре мени.

В какое-то мгновение мне показалось, что портрет ожил и впился в меня взглядом. Но взглянув повнимательнее, я убедился: картина совершенно безжизненна. Точна, может быть, безукоризненна — но безжизненна.

Оглянувшись, я поймал взгляд Тамры. Он был обращен в мою сторону, но — совершенно очевидно — лишь потому, что моя спина загораживала мужской потрет. Кивнув, я отступил в сторону, а она, не вымолвив ни слова, заняла мое место. Мне не оставалось ничего другого, как, поменявшись с ней местами, приглядеться к изображению женщины. Тоже в черном. С каштановыми волосами и блестящими черными глазами. Глаза удались художнику лучше всего: он сумел передать их по-настоящему живой блеск.

Мне показалось, что обе картины принадлежат кисти одного и того же автора, хотя мои познания в живописи не позволяли судить с уверенностью. Я лишь предположил, что наверное непросто писать портреты людей, управляющих Отшельничьим.

Снова оглядев комнату, я отметил, что Ринн с Кристал умолкли, а Тамра отвернулась от меня с такой ехидной ухмылкой, что мне захотелось огреть ее посохом. Правда, посох стоял далеко в углу, да и никакого резона пускать его в ход у меня не было. Просто хотелось, да так, что...

— Полегче, Леррис,— послышался звучный, глубокий голос.

Я подскочил. Как и все в комнате, кроме Тамры.

Незаметно объявившийся в помещении обладатель гулкого голоса оказался мужчиной с серебристыми волосами и широкими плечам. А вот ростом он не вышел: едва доходил до моего

плеча, тогда как я всего-то на полголовы повыше среднего из своих сограждан. Правда, и в груди, и в плечах он был заметно шире.

Однако удивил меня не его рост, а цвет одежды: и штаны, и туника, и даже сапоги были серебристо-серыми.

— Ничего черного? — изумился я вслух.

Тамра на мое неуместное замечание покачала головой, остальные уставились на меня.

— Со временем ты узнаешь, Леррис, что черный цвет — это состояние сознания,— с этими словами вошедший поклонился мне, затем Тамре, затем, общим поклоном, всем остальным.— Меня зовут Тэлрин, я буду вашим наставником в первые дни вашего пребывания в Найлане,— указав на дверь между двумя скамьями, он ступил вперед, коснулся деревянной створки, и дверь распахнулась. Я увидел свет, струившийся из помещения, расположенного сразу за ней.— Предлагаю вам собрать свои вещи и последовать за мной. Начнем с еды.

Тэлрин ступил в дверной проем. Взяв свою торбу и посох, я кивнул Тамре, которая ответила мне таким же кивком. Движением головы я еще раз предложил ей пройти вперед, но поскольку она не двигалась, последовал за Тэлрином первым. Легкие шаги Тамры послышались за моей спиной, следом зашаркали и остальные.

Оказалось, что за дверью находится не другая комната, а длинный коридор, крыша которого представляла собой непрерывный ряд изогнутых дугой стеклянных панелей в деревянных рамах. Таким образом, коридор освещался не светильниками, а естественным светом, падавшим из сада, находившегося прямо над нами. Массивные каменные опоры по обе стороны коридора, видимо, предназначались для поддержания веса садового грунта и растений.

И опять же: все это не вызвало у меня ничего, кроме разочарования. И замысел, и техническое воплощение были отмечены продуманностью и тщательностью, но не более того. Просто очень хорошая работа.

Длинный застекленный коридор закончился у другой черной двери. Тэлрин открыл ее, и мы оказались в маленькой комнате.

— Итак,— объявил он, когда собрались все,— теперь вы можете привести себя в порядок. Удобства для мужчин находятся справа, для женщин — слева. Вещи оставьте в шкафчиках, они будут там в полной сохранности. Заберете их после трапезы.

— А почему удобства для мужчин и женщин находятся отдельно? — осведомилась Тамра.

— Потому что даже на Отшельничьем есть приверженцы Предания, придающие различиям между мужчинами и женщинами немалое значение.

— Пустая отговорка!

— Может быть,— глубокий голос Тэлрина сделался прохладнее.— Однако наше дело предложить, а пользоваться удобствами или нет — решай сама,— он отвернулся от Тамры и продолжил: — Итак, когда вы умоетесь и почувствуете себя готовыми, заходите в центральную дверь — вон ту. Там перекусите, а заодно, за обедом, я в общих чертах ознакомлю вас с тем, что такое гармонизация и с чем вам предстоит столкнуться.

Хотя Тэлрин и сказал Тамре, что все, что касается удобства — дело добровольное, он встал у дверей столовой с таким видом, будто собрался проверять у нас чистоту рук. Впрочем, я был совсем не против возможности умыться и облегчиться, а вопрос о том, общие удобства или раздельные, вовсе не считал важным. Мы с Саммелом направились в мужскую комнату, Миртен же потащился за нами с таким видом, будто одна мысль о воде и мыле повергала его в уныние. Что только подтверждало впечатление, уже сложившееся у меня об этом малом.

Насчет удобств Мастера не подвели: устроено все было с умом, воды, и теплой и холодной, имелось вдосталь, а толстые серые полотенца позволяли вытереться насухо. Правда, хотя пол и стены умывальной покрывала серая плитка, душа там предусмотрено не было. Я потратил немало воды и мыла, смывая с лица и рук дорожную пыль, но когда закончил это занятие, то почувствовал себя лучше. Гораздо лучше.

VII

Стол был уставлен блюдами с овощами, фруктами, различными сортами сыра и тонкими ломтиками мяса. На отдельных подносах лежал нарезанный хлеб. Я первым делом отметил фрукты: яблоки и кислые груши, не говоря уж о россыпи любимых мной красных ягод. Простые и прочные, серые, с тонкой зеленой каймой по краям керамические тарелки были сработаны на совесть, словно их сделал один из лучших матушкиных подмастерьев после года обучения.

Помимо тарелок и блюд сервировку стола составляли такие же тяжелые кружки, маленькие полотенца вместо салфеток, ложки и вилки. Ножей не было. Не было и скатерти или подкладывающихся под тарелки плетеных тростниковых салфеток. Посуда стояла прямо на полированной столешнице из черного дуба.

Тэлрин стоял во главе стола, накрытого на восьмерых: по три места с каждой стороны и по два с двух концов. Место

справа от него оставалось незанятым, слева стояла Дорте. Справа от нее — Миртен. Нижний край стола был свободен, как и ближнее к нему место слева и вся правая сторона.

— Леррис, если ты не против, займи место на том конце...

Поскольку Тэлрин был вроде как Мастером, да и слова его прозвучали отнюдь не просьбой, я встал, где указали.

Следующим появился Саммел — с поблескивающим от влаги лысеющим лбом и мокрыми волосами. Умывшись, он стал выглядеть несколько помоложе. В ответ на его застенчивую улыбку Тэлрин предложил ему занять среднее место, что тот и сделал. В это время в комнату, перешептываясь, вошли Кристал и Ринн. Под взглядом Тэлрина они смолкли.

— Ринн, пожалуйста, займи место между Миртеном и Леррисом. А ты, Кристал,— напротив нее.

Тамра пока не появилась, однако в любом случае за столом осталось лишь одно свободное место — рядом с Тэлрином. Мне это показалось не случайным.

— Садитесь,— промолвил между тем Тэлрин.— Думаю, пора начинать.

Но прежде чем мы успели отодвинуть тяжелые деревянные стулья, появилась Тамра. Она явно освежилась, и волосы ее приобрели блеск, однако не были влажными, словно ей удалось подсушить их на солнышке. Она зачесала их назад, скрепив парой темных гребней, и несколько оживила свой наряд, повязав на шею голубой шарфик. Следовало признать, что внешность у нее привлекательная.

Тэлрин кивком указал ей место справа от себя.

Тамра открыла было рот, но тотчас закрыла его, когда Тэлрин отодвинул для нее стул. Лишь ее голубые глаза сверкнули, как сверкает на солнце лед.

Тэлрин отодвинул стул без малейшего усилия, но когда я попытался придвинуть свой обратно одной рукой, у меня ничего не вышло. Пришлось ухватиться за него обеими руками, да еще и поднатужиться. Стул был солидный: из черного дуба, с изогнутой спинкой и плоской черной подушкой на сиденье.

— Леррис, если ты закончил изучать стул, то, может быть, присоединишься к нам?

— Прошу прощения. Хороша работа...

Усевшись, я придвинулся поближе к столу, для чего тоже потребовалось усилие.

Все выжидающе воззрились на Тэлрина.

— Угощайтесь. Мы обойдемся без молитв, благословений, заклинаний и прочей мистики. Приятного аппетита. Берите кому чего хочется, а потом расскажу вам, что обещал,— и он взял кусок хлеба.

Я подцепил длинной вилкой кусочек сыра, Кристал потянулась за фруктами, Ринн попросила меня передать блюдо с сыром и ей.

Тамра на другом конце стола собрала на свою тарелку всего понемногу: и фрукты, и сыр, и хлеб, и мясо.

Кристал предложила мне блюдо с мясом. Сказав «спасибо», я взял несколько ломтиков и протянул блюдо Ринн. Блондинка наложила себе вдвое больше мяса, чем я, не удостоив меня даже взглядом, да так и оставив блюдо в своих руках.

— Ринн, не передашь ли блюдо Миртену?

По-прежнему не взглянув в мою сторону, Ринн со вздохом взяла блюдо и протянула Миртену так резко, что едва не попала ему по носу.

— Спасибо,— промолвил он приятным, но каким-то неестественным голосом.

Ринн отмолчалась.

Я отхлебнул из кружки. Оказалось, что питье представляет собой слегка шипучую смесь нескольких соков.

Кристал, сидевшая справа, достала маленький нож, аккуратно разрезала кислую грушу на крошечные дольки, половину которых умяла почти мгновенно. Стараясь не таращиться на нее, я намазал хлеб ягодным джемом и принялся есть, заедая желтым сыром.

— Ты откуда? — решил я завязать разговор.

— Из Экстины,— ответила Кристал.

— Отроду не слыхал.

— Это деревенька возле самого Края Земяи, о ней никто не слыхал. А ты?

— Из Уондернота.

— Ух ты... А правда то, что о нем рассказывают? — она хихикнула, малость испортив впечатление от своей красоты.

— А что о нем рассказывают?

В жизни не слышал, чтобы кто-то что-то кому-то рассказывал про Уондернот.

— Ну...— она хихикнула снова.— будто там никогда ничего не происходит, потому что тамошний Институт управляет Братством.

Одну за другой она отправила в рот две оранжевых половинки абрикоса, который только что с необычайной ловкостью освободила от косточки, а я чуть не поперхнулся.

— Ну ты даешь! Институт управляет Братством! Институт — четыре халупы, куда люди приходят, чтобы почесать языки!

— Леррис, что с тобой? — окликнул Тэлрин с другого конца стола. Все уставились на меня — с особенным ехидством Тамра. Буркнув что-то маловразумительное, я проглотил ставший отчего-то очень сухим хлеб и потянулся за кружкой.

Кристал, не сводя с меня глаз, продолжала сноровисто орудовать ножичком, сооружая трехслойные сэндвичи из темного хлеба, белого сыра и говядины.

— С тобой точно все в порядке? — осведомилась она, и в ее голосе послышалось что-то вроде заботы.

— Все нормально. Я просто удивился. Понимаешь, я в этом Институте бывал много раз, даже слышал, как там выступал мой отец, но мне и в голову не приходило, что те, кто собираются туда поговорить, могут чем-то управлять. Они только болтают без умолку. Одна скукотища. Но кое в чем ты права — у нас в Уондерноте действительно никогда ничего не случается.

Я отхлебнул соку и тут с изумлением заметил подступившие к глазам Кристал слезы.

— Эй... я сказал что-то не то?

Она покачала головой, поджав губы.

Ринн, как и Саммел, открыто прислушивалась к нашему разговору. Миртен делал вид, будто увлечен грушей, но на самом деле слушал и он. А вот Тамра, Тэлрин и Дорте толковали о чем-то своем. Кажется, о кораблях и судоходстве.

Кристал молчала.

Забыв о еде, я ждал, что же она скажет.

— Так ведь что получается...— сбивчиво забормотала Кристал.— Твой отец там выступает... А ты всех нас моложе... и вдруг вынужден отправиться на гармонизацию...— Она медленно покачала головой и умолкла.

Я пребывал в полнейшем недоумении.

— А твой отец Мастер? — неожиданно спросила Ринн.

— Он никогда не называл себя так,— откликнулся я, пожав плечами.— Никогда не носил черного и вообще не делал ничего, способного навести меня на подобную мысль. Я просто об этом не задумывался. Матушка моя — умелица по гончарной части; за ее кувшинами и статуэтками приезжают аж из самой Остры. А отец...он всегда был домохозяином...

— Ты говоришь так, будто пытаешься осмыслить все это заново,— заметил Миртен каким-то совсем уж масляным голосом.

— Не знаю... Он всегда без конца толковал насчет важности порядка, а мне это казалось нудятиной. Да и сейчас кажется.

— ...И никакого снисхождения...— пролепетала, шмыгнув носом, Кристал.

— Снисхождения? — переспросил я, не поняв, что она имела в виду. От Братства, например, я никакого снисхождения и не ждал.

Однако прежде, чем она успела что-либо ответить, заговорил Тэлрин.

— Я обещал всем вам дать некоторые объяснения. Постараюсь быть кратким, а потом отвечу на ваши вопросы. Правда, ответы на некоторые из них вы получите лишь со временем, но все необходимое узнаете сейчас.

Я едва не хмыкнул. Опять та же песня! Еще и говорить не начал, а уже предупреждает, что будет что-то скрывать.

Тамра на том конце стола напустила на себя безразличный вид. Впрочем, из всей компании заинтересованным выглядел разве что Саммел.

— Итак, что же такое гармонизация, зачем оно нужно и почему подвергнуться ему должны именно вы? — начал Тэлрин, отхлебнув из кружки.— Если освободить это понятия от мистической и тому подобной риторики, то гармонизация опасности или, по-другому, выхолащивание опасности представляет собой, как правило, длительное и нелегкое испытание, позволяющее вам — прежде всего вам самим! — уяснить, годитесь ли вы для жизни на Отшельничьем, и если да, то в каком качестве. Вы оказались здесь, поскольку все, по разным причинам, не были удовлетворены тем, чем занимались. Неосознанная неудовлетворенность заразительна и порождает беспорядок. Беспорядок порождает хаос, а хаос — это зло. Таким образом, каждый из вас таит в себе некую опасность, устранить или выхолостить которую можно, подвергнув определенной процедуре ее носителя.

Поскольку нельзя испытывать неподготовленного человека, тот, кто соглашается на гармонизацию, должен пройти обучение. Несогласные вправе выбрать изгнание. Обучение может длиться несколько месяцев или дольше, после чего, на основании его результатов, вам будет предложено несколько вариантов прохождения гармонизации. Но если ни один из этих вариантов вас не устроит, вы опять же вольны предпочесть изгнание.

Изгнанники с находящимися в их распоряжении деньгами и дорожным снаряжением переправляются морем в один из внешних портов. В зависимости от времени года это или Фритаун в Кандаре, или Бриста в Нолдре, или Свартхелд в Африте, к северу от Хамора.

Когда он произнес эти названия, у многих присутствующих поднялись брови. В том числе и у меня. Мне доводилось слышать о Бристе и совершенно не хотелось там оказаться. Нолдра — вообще холодный край, а Бриста — самый северный из незамерзающих портов. Бррр...

— ...Не разрешается брать с собой больше вещей, чем вы способны унести на спине. Если кто-то из вас сразу предпочтет изгнание, то знайте: следующий корабль отплывет дней через

десять-двенадцать. Это время будущий изгнанник должен будет провести в Найлане. При этом он по своему желанию может посещать любые занятия вместе с выбравшими гармонизацию. Или не посещать.

Занятия для выбравших гармонизацию начнутся завтра. Вы получите представление об основных обязанностях испытуемого, а также о географии, форме правления, денежном обращении и обычаях большинства Внешних Держав. Вы приобретете навыки самозащиты и обращения с оружием.

Кроме того, мы поделимся с вами некоторыми сведениями, касающимися Братства, поскольку некоторым, в зависимости от их успехов в обучении, будет предложено пройти гармонизацию на службе у Братства.

Все это, разумеется, добровольно — но с двумя условиями. Во-первых, если кто-то откажется от обучения, будет считаться, что он предпочел ссылку. Во-вторых, во время обучения вам не дозволяется покидать Найлан. Попытавшийся выбраться из город будет взят под стражу и пробудет в заточении, пока его не посадят на корабль.

— Вот так добровольность! — хмыкнула Ринн.— Чуть не угодишь Братству — и тебя посадят под замок, а потом спровадят в Нолдру или Хамор.

— Однако вы сделали свой выбор, сочтя обычную жизнь на Отшельничьем неприемлемой,— мягко заметил Тэлрин.

— Нет,— возразила блондинка,— это решили за нас вы, основываясь на вами же придуманных правилах.

Тэлрин пожал широкими плечами:

— Эти, как ты говоришь, правила приняты и уважаются почти всеми жителями острова. Или ты думаешь по-другому? Думаешь, будто горстка никогда не прибегавших к насилию Мастеров и Братьев могла навязать свою волю всему народу?

Этот довод показался мне смехотворным. Мастерам не было никакой надобности прибегать к оружию, коль скоро они контролировали образование. Кроме того, совершенно очевидно, что стадо занудных баранов согласится принять любые правила, если им скажут, что эти правила помогут отгонять волков. Однако ни Тамра, ни Ринн развивать эту тему не стали. А Кристал, снова хихикнув, отправила в рот несколько своих сэндвичей. Удивительно, как ей удается при таком аппетите оставаться такой худенькой!

— А почему нас собираются пичкать знаниями о разных странах, а не конкретно о тех, куда нам предстоит отправиться? — прозвучал спокойный голос Саммела.

— Во-первых, никто не знает заранее, куда кто из вас отправится. Во-вторых, меняющиеся обстоятельства могут при-

вести любого из вас в самое неожиданное место. К тому же вы встретите и хаморианцев в Нолдре, и кандарцев в Хаморе. Обычаи разных народов разнятся весьма существенно, и их знание может вам весьма пригодиться.

Миртен едва заметно покачал головой. Тамра подавила ухмылку, хотя я в сказанном ничего смешного не услышал. Ринн глубоко вздохнула и медленно выдохнула. Кристал разрезала зеленое яблоко и разложила причудливые ломтики по своей тарелке.

Но вопросов больше не последовало. А Тэлрин, так ничего больше и не сказав насчет гармонизации как таковой, заговорил о другом:

— Итак, если кто-то настроен отказаться от обучения, пусть после обеда подойдет ко мне. Вам всем отведут комнаты, и остаток дня вы вольны провести как угодно, но только в стенах Найлана. Первый утренний колокол будет сигналом к завтраку. Второй — к началу занятий. Где находятся учебные классы, вам покажут по пути в ваши спальни,— Тэлрин встал.— Заканчивайте спокойно, не торопясь. Я в соседней комнате. Как поедите, приходите туда со своими вещами.

Он вышел из помещения, оставив дверь за собой открытой.

Тамра подняла брови, но промолчала.

— Ишь какой важный,— буркнула Ринн.

Кристал принялась поедать разложенные на тарелке ломтики яблока.

Миртен сунул в карман две булочки и целое яблоко. Саммел нахмурился: то ли из-за Тэлрина, то ли из-за Миртена, то ли по какой-то своей причине. Я сделал последний глоток из кружки, а от еще одного кусочка сыра решил отказаться. Хорошего помаленьку.

Мы с Тамрой поднялись одновременно. Она тоже не полностью опустошила свою тарелку, причем когда наши взгляды пересеклись, она смотрела на оставленную мною еду. Мне ничего не оставалось, кроме как ухмыльнуться, и она ухмыльнулась в ответ. Правда, со скучающим видом. А когда я попытался пропустить ее вперед, сказала:

— Проходи первым, Леррис. Дверь подержать я и сама могу.

— Как будет угодно даме.

— Я тебе не дама. Во всяком случае, не в том смысле, какой ты имеешь в виду.

— Я не имел в виду ничего, кроме учтивости. Но если хорошие манеры тебе не по вкусу...— пожав плечами, я направился к умывальням, где оставил свою торбу и посох.

— Надо же, какой обидчивый! — фыркнула она мне вслед.— Тебе бы рыжим родиться.

Я предпочел промолчать, хотя чувствовал, что краснею.

— Надо же, порозовел-то как! Кожа у тебя тонкая или что?

Интересно, эта стерва всех подкалывает или по выбору? Вступать с ней в перепалку мне не хотелось. Я совершенно не был уверен в успехе.

Посох стоял, где и был оставлен, гладкий лоркен казался на ощупь теплым, что придало моим мыслм иное направление. Связано ли это с моим пребыванием в Найлане? Может ли быть, чтобы таким образом дерево реагировало на опасность? Или на магию? Я покачал головой.

— Что хмуришься? — участливо спросил Саммел. В голосе этого человека участие слышалось постоянно, словно его тянуло позаботиться обо всех и каждом, независимо от того, нужно это им или нет.

— Да просто задумался. Тут все черное... Связано ли это с магией?

— Вполне возможно. Обычными средствами такую гавань не соорудить. Но Братство наверняка руководствовалось добрыми намерениями.

— Как и Безумный Хелдри?

Саммел улыбнулся:

— Ну, Братство ведь никого не казнит.

— Казнить не казнит, но отправляет на гармонизацию или в изгнание. Бывает, что люди там гибнут. Вот и выходит, что Братство их казнит, только чужими рукам.

— А ты не слишком ожесточен, для твоих-то лет?

— Ожесточишься тут, когда кучка людей, придумавших невесть для чего невесть какие правила, руководствуясь невесть какими соображениями, невесть за что обрекает тебя невесть на что.

Похоже, моя фраза повергла его в растерянность: он не нашелся с ответом. Пройдя мимо него и Миртена, я проследовал за Тамрой в комнату, где обещал быть Тэлрин.

— ...Это не выбор,— голос прнадлежал Дорте, стоявшей напротив Мастера. Тот улыбнулся ей, хотя взгляд его черных глаз оставался тверже, чем каменные плиты под ногами.

— Неправда, выбор был и есть. И твои действия уже сделали этот выбор необходимостью.

— Мои действия? Уж не то ли, что я не осталась с человеком, который оказался тупым, бесчувственным животным?

— Не это. А то, что ты сделала с ним перед тем, как его оставила.

Я поморщился, только сейчас поняв, что в действительности Дорте весьма сурова. Но стоя перед Тэлрином, она казалась маленькой, хотя ростом он был не выше ее.

Заслышав приближающиеся шаги, Дорте повернулась и поджала губы. Миртен и Саммел вошли следом за мной, так что не хватало только Ринн и Кристал. Бросив взгляд на меня — точнее, на мой посох — Дорте отшатнулась и едва не столкнулась с Тамрой, обладательницей такого же посоха. И опять отпрянула, на сей раз от нее.

Мы с Тамрой переглянулись. Она пожала плечами. И я тоже.

Встречи со Шрезан и торговцем сделали очевидным тот факт, что с посохом связана некая сила. Знать бы еще, какая... Беда в том, что и все остальные, похоже, вообразили, будто я обладаю какой-то силой, а потому относились ко мне с настороженностью и подозрением. Ну надо же было так влипнуть: мало мне гармонизации, так вдобавок еще и это! Причем я понятия не имею, в чем тут дело, а объяснить что-либо никто как не желал, так и не желает. Просто замечательно!

Пока я размышлял, появились Кристал и Ринн.

— Ага, все в сборе,— промолвил Талрин.— Вот и хорошо. Следуйте за мной.

VIII

В молчании мы последовали за ним по широким лестницам из черного камня. Нас окружали стены из того же материала, гладкого, но не полированого. Казалось, будто камень не отражает свет, а поглощает его полностью, без остатка. Плиты были подогнаны так плотно, что полоска известкового раствора в швах составляла не больше толщины ногтя. И этот раствор тоже был черным. На стерильно чистых ступенях я не мог углядеть даже намека на пыль.

Впереди шли Тэлрин и Саммел, я же держался позади Ринн и Кристал. На голубом кожаном поясе Кристал висело два ножа в ножнах, один — около спана длиной. На спине она несла маленький; тоже голубой, заплечный мешок.

— Вся эта чернота... гнетет...— пробормотала Ринн, так встряхнув головой, что ее светлые волосы взъерошились. Ее торба, коричневая, как и у меня, была забита под завязку, а несколько свертков блондинка приторочила снаружи.

— Это попахивает... силой,— откликнулась Кристал, дотронувшись до своих длинных черных волос, которые после обеда закрутила в пучок. После чего снова хихикнула.

Я покачал головой. Это дурацкое хихиканье раздражало, хотя во всем остальном Кристал казалась довольно привлекательной. Конечно, она была старше меня лет на десять и, приглядевшись, можно увидеть в уголках глаз намек на морщинки,

однако при всей своей худощавости грудь имела высокую, прекрасной формы.

— Ежели хочешь знать, так у меня мурашки бегут по коже,— снова пробормотала Ринн, непроизвольно положив правую руку на рукоять висевшего на поясе длинного ножа.

Лестничный пролет закончился в своеобразном зале без окон, но с несколькими дверями. Все они были открыты.

Повеявший откуда-то ветерок был чистым и свежим, как бывает после того, как дождик прибьет пыль. Однако небо оставалось таким же ясным и почти безоблачным, как в полдень, когда я вступил в ворота Найлана.

— Подойдите поближе...

Мы собрались вокруг Тэлрина. Я старался держаться подальше от Миртена, который, при всей медоточивости его голоса, казался мне человеком, способным стянуть все, что плохо лежит — просто из интереса. А вот Дорте, видимо, ничего подобного не опасалась: она разве что не прижималась к этому малому.

— Прямо перед вами находятся гостевые комнаты,— объявил Талрин,— и каждый из вас получит отдельную спальню. Разумеется, никому не возбраняется занять комнату с кем-нибудь на пару, но только с обоюдного согласия. Попытка навязать свое общество — верный путь к немедленному изгнанию.

— Н-да... Вот так порядочки...— пробормотала Дорте.

Миртен хмыкнул. Ринн ухмыльнулась, словно сама мысль о том, что кто-то может попытаться навязать что-то ЕЙ, казалась в высшей степени нелепой. С этим, глядя на ее мускулы, вполне можно было согласиться; другое дело, если навязываться станет ОНА.

Оглядевшись, я поймал на себе взгляд Тамры, которая, заметив это, кивнула и снова повернулась к продолжавшему бубнить Тэлрину.

И чего уставилась? Можно подумать, будто прочла мои мысли.

— Умывальные и душевые находится в конце коридора. В маленьком павильоне по ту сторону квадратного сада с фруктовыми деревьями находится столовая. Можете питаться там, но если что-то не устроит, в городе имеются харчевни. Выбор, опять-таки, за вами, но...— тут он усмехнулся,— Братство кормит хорошо и берет недорого.

— Всего-то и требует, что твою жизнь,— тихонько сказала Дорте.

Однако Тэлрин услышал.

— Хотите верьте, хотите нет,— промолвил он, нахмурившись и покачав головой,— но мы склонны не губить людские жизни, а сберегать их, насколько это возможно. Значит так...—

он прочистил горло.— Вводный урок начнется завтра сразу после завтрака. Учебный корпус — здание с красным квадратом на двери; если смотреть от столовой, то ближе к гавани. А сейчас ознакомьтесь с вашими спальнями.

В моей комнате — как, надо полагать, и во всех прочих, имелась узкая одноместная койка из полированного красного дуба. Поверх матраца была расстелена одна-единственна простыня, в ногах сложено темно-синее одеяло. Подушками и не пахло. Впрочем, я обходился без них и будучи подмастерьем. На столе стояла маленькая масляная лампа, а вместо обычного встроенного шкафа у стены красовался вместительный дубовый шифоньер, половину которого занимали полки, а другая предназначалась, чтобы вешать одежду. На покрытом голубой плиткой полу лежала овальная многоцветная циновка. Единственное окошко находилось над кроватью.

Достав из торбы плащ и сменную одежду, я повесил их в шкаф, после чего вынул кошель с моим жалованием за время ученичества. Странно, но рядом с ним обнаружился еще один, взявшийся невесть откуда. Внутри были деньги — десять потертых золотых.

На несколько мгновений что-то затуманило мой взгляд — слишком уж памятна была одна из этих монеток. Матушка показывала мне этот золотой кругляшок, полученный в уплату за изделия, приобретенные лично для императора Хамора. Вот значит как... провожать меня она не вышла, чтобы не показывать своих слез, но отдала мне все, что могла.

Я продолжил рыться в торбе, ища сам не знаю чего.

Летняя рубашка с короткими рукавами, как была сложенная, отправилась на полку, кожаный футляр с бритвенными принадлежностями — на другую. Нашлось место и для стопки сменного белья, под которую отец — кто же еще? — засунул маленькую книжицу.

«Начала Гармонии»... Нашел, что подсунуть. Впрочем, подумалось мне, от нечего делать можно будет и почитать. Правда, оставлять книгу на виду я не стал, а почему-то спрятал под рубашку. Кошель отправился обратно в торбу, а торба на верхнюю полку. В том, что деньги здесь не пропадут, у меня сомнений не было. В карман, на первое время, я отсыпал один серебреник и десять медяков.

Замков в дверях спален не имелось, только задвижки, на которые можно закрыться изнутри. Но кто осмелится воровать здесь, в самом логовище Братства? Небось, и Миртен повременит... до поры.

Час был еще не поздний, сидеть в четырех стенах да размышлять об отцовской книге или матушкином кошельке у меня

не было ни малейшего желания, а потому, несмотря на сбитые ноги, я решил прогуляться по городу. Надо же мне здесь осмотреться.

Посох остался в шифоньере, вместе с плащом.

Закрыв за собой дверь, я вышел в пустой коридор. Из соседней спальни доносились тихие голоса Ринн и Кристал.

Найти путь к гавани оказлось совсем несложно, благо на каждой дорожке, через каждые сто родов красовались указатели со стрелками:

«Гавань — 3 кай»

«Северный пакгауз — 2 кай»

«Управа — 1 кай».

Стрелки вывели меня к черной каменной ограде, пересекавшей полуостров с юга на север. Совсем невысокая, со множеством проемов, сквозь которые проходили мощеные дорожки, она, видимо, являлась сугубо декоративной. По одну ее сторону на добрых три кай раскинулось нечто вроде парка с видневшимися среди пышных деревьев приземистыми строениями.

С возвышенности, куда привела меня широкая каменная лестница, открывался прекрасный вид на центральную часть Найлана, а за крышами домов я углядел голубизну моря и верхушки нескольких мачт.

По другую сторону ограды местность шла под уклон. За поросшим травою склоном начинались строения. Все — из черного камня, крытые черным шифером или черепицей, они стояли по отдельности, чуть в стороне от выложенных черными плитами и огражденных глянцево-черными поребриками мостовых. В отличие от таких городов, как Маттра или Уондернот, возле домов не имелось коновязей, да и сами улицы, хотя и широкие, казались предназначенными не для повозок, а для пешеходов.

А прохожие сновали туда-сюда: кто с ношей, кто с пустыми руками, кто в черном, кто в платье самых разнообразных цветов. На вершину холма никто из них не смотрел.

Я двинулся вниз по склону, а когда через некоторое время оглянулся, то был немало удивлен: показавшаяся мне совсем низенькой ограда снизу выглядела весьма внушительно. Высоты в ней на глаз было футов пятнадцать. Даже если предположить, что с подножия холма облицованная камнем часть склона могла видеться основанием стены, это все равно было многовато. Возможно, тут имел место оптический обман. Во всяком случае, лучшего объяснения мне в голову не пришло.

Ближе к гавани Найлан приобретал некоторые черты обычного города. Люди на улицах болтали друг с другом, где-то не-

подалеку слышался характерный гул рыночной площади. Несмотря на сплошной черный камень, который не мог не нагреваться на солнце, о жаре или духоте говорить не приходилось — западный бриз приносил приятную свежесть.

Под долгим взглядом рыжеволосого бородатого малого — не иначе как моряка — я вступил на рыночную площадь. С северной ее стороны тянулись торговые ряды — прекрасно сработанные, аккуратные павильоны. Южную часть площади занимали временные палатки, лотки и раскладные столы далеко не того качества и порой далеко не в лучшем состоянии.

Я догадался, что южная сторона отведена для чужеземных купцов и товаров с иноземных кораблей.

— Эй, парнишка, взгляни-ка на янтарь из Бристы!

— Огненные афритские алмазы! Только у нас!

Впрочем, торг нельзя было назвать слишком уж оживленным: покупателей и продавцов на площади собралось примерно поровну, к тому же между прилавками расхаживали в основном молодые люди, ненамного старше меня. Возможно, из числа отбывавших гармонизацию на службе у Братства. Первой в ряду лавок на северной стороне оказалась гончарная. Изделия там продавались добротные, хотя слишком аляповатой расцветки. С матушкиной работой — никакого сравнения. Скользнув по мне взглядом, гончар ухмыльнулся, видимо, смекнув, что я всяко ничего не куплю.

Быстрым шагом я прошел мимо зеркал в резных и золоченых рамах, мимо выставленных ювелиром украшений, мимо кузнечных инструментов, кожевенного товара (от кошельков до ножен под ножи любого размера) и добротных, но, на мой взгляд, неказистых сапог. Задержался лишь возле изделий из дерева. На продажу предлагались разделочные доски, подставки для книг и резные шкатулки. Мебели не было, не считая крошечного декоративного столика да навесного книжного шкафчика на две полки.

— Разбираешься в дереве? — спросил, заметив мой интерес, сидевший в лавке парнишка в желтовато-коричневой рубашке, подходившей по тону к его волосам и карим глазам.

— Так, самую малость. А это твои изделия?

— Мои здесь только хлебные доски. Остальное, кроме столика и полок, смастерил старший брат.

— А мебель — отец?

— Мать. Но для рынка она почти не работает — у нее постоянные заказчики из Хамора.

И доски и шкатулки выглядели недурно, однако к концу ученичества у дядюшки я мастерил вещицы получше. Правда, такого столика мне бы точно не сделать.

— Что, думаешь, ты сработал бы лучше? — спросил паренек.

— Какая теперь разница? — рассеянно отозвался я. Чем бы мне ни предстояло заняться, это уж точно будет не столярное ремесло.

Не сказав больше ни слова, я перешел на чужеземную половину рынка, оказавшись возле торговца, визгливо расхваливавшего янтарь. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: янтарь у него самый заурядный, а серебряная оправа большинства изделий и вовсе никудышная. Видимо, прочитав что-то в моих глазах, купец отвел взгляд и умолк.

На соседнем столике лежала куча необработанных огненных алмазов. Три-четыре камня среди этой россыпи были заметно лучше других. Не крупнее, а лучше по структуре. Мне показалось, будто в них больше гармонии. Но купить такой камень я не мог, а торговаться из-за худшего не видел смысла. Тем паче, что деньги в ближайшем будущем могли оказаться для меня куда нужнее, чем любые алмазы.

Несколько прилавков оставались незанятыми. Ветер трепал покрывавшую их парусину, прижатую по углам камнями. А дальше по направлению к гавани низкорослый человечек торговал резными фигурками из слоновой кости. Пожалуй, из всех чужеземных изделий лишь они могли сравниться с работой ремесленников Отшельничьего. Статуэтки я рассматривал долго, и одна — изображение странника с черным посохом — пришлась мне по душе, однако в конце концов я ушел и отсюда, даже не попытавшись поторговаться. Коротышка-торговец своего товара не расхваливал и меня не упрашивал.

Неподалеку от площади находились причалы — четыре длинных сооружения из серого камня, поднимавшихся над темно-синей водой гавани приблизительно на пять локтей. К ним вела мощеная дорога более десяти локтей в ширину.

У первого причала, ближнего к устью гавани и самого дальнего от рыночной площади, стоял огромный двухтрубный пароход со стальным корпусом. Над передней трубой вилась струйка дыма. Флага я не узнал, но по голубовато-зеленому фону и золотой короне можно было догаться, что судно откуда-то из Нолдры.

С полдюжины колесных прицепов, наполненных деревянными упаковочными клетями и ящиками разной величины, дожидались, когда кран перенесет их в открытый трюм. Что за груз находился в клетях, было не разглядеть. Я спустился вниз и ступил на причал, благо каменная, вроде бы предназначавшаяся для караульного будка в начале пристани оказалась пустой и никто мне не препятствовал. Зато мощение там оказалось таким гладким, что я едва не поскользнулся.

Впереди с пыхтением выпускал дым паровой тягач, доставивший под разгрузку портовые прицепы. Длиной локтей в десять, сработанные из красного дуба и скрепленные стальными скобами, они походили на фермерские подводы.

— Встань лучше сюда, товарищ! — незамеченная мною женщина, отдыхавшая под черным навесом, подозвала меня жестами поближе к кораблю.

Кран подхватил в свою грузовую сеть две тяжеленные клети, лебедка плавно вытянула их наверх, освободив прицеп, который тут же уступил место следующему.

Приветливо улыбаясь, женщина подошла ко мне. Темноволосая, роста почти моего, она была довольно широкоплечей. И милой, несмотря на некоторую грубоватость.

— Недавно в Найлане? Ну как, впечатляет?

Я кивнул.

— Мы тут сгружаем оборудование. Этот корабль — «Императрица» — уходит в Бристу. Я Карон.

— Это твоя гармонизация? — вырвалось у меня.

— Не совсем,— рассмеялась она.— Я начинала как эконом на судах Братства и хотя свое отплавала, мне по-прежнему нравится все связанное с морской торговлей, погрузкой, отправкой и всем таким... Извини.

Кран снова поднес сеть, и Карон, кантуя, пристроила в нее две здоровенных клети. Даже не вспотев!

— Так вот и получилось, что сойдя на берег, я осталась работать в порту. А еще у меня есть маленькая ферма в низких холмах к северу от Главного тракта. Там я провожу свободное время.

— Но... разве тебе не требуется помощь? Как можно в одиночку загружать все эти суда?

— Почему же в одиночку? Нас четверо, этого вполне хватает. Мы не обрабатываем слишком тяжелые грузы. Для нас это неэкономично. Вот за морем, в тех портах, где используют принудительный или рабский труд...

Вернулась сеть. Карон занялась погрузкой, а я нахмурился. Уж больно она сообразительна для портовой-то грузчицы. И охотно вступила в разговор с совершенно незнакомым мальцом. Не иначе как очередная представительница Братства, у которой на все есть ответ. Всегда скорый и всегда неполный.

Хотя пристань и продувало ветерком, стоя на самом солнцепеке я почувствовал, что начинаю потеть. А утерев лоб рукавом и взглянув на тягач, вспомнил, что говорил о паровых машинах магистр Кервин. С его слов получалось, будто такого рода механизмы, особенно если они не слишком удачно спроектированы или не лучшим образом используются, существенно

повышают уровень хаоса, поскольку генерируют сильный жар. Это не имеет значения лишь для пароходов, в силу способности океана поглощать избыточное тепло и относительной изоляции судов от иных источников хаоса.

Сеть унесла очередную порцию груза, и словоохотливая докерша снова подошла ко мне.

— Ну, и как тебе Найлан?

— Пока не знаю, что и сказать. Я прибыл только сегодня утром. Но учившие меня магистры не слишком одобрительно отзывались о таких,— я указал на тягач,— штуковинах.

Карон улыбнулась. Улыбка молодила ее, позволяя выглядеть чуть ли не ровесницей Тамры.

— Ну, это как взглянуть. Если ты произведешь расчет на основании Теории Гармонических Альтернатив, то получится, что генерируемый машиной хаос полностью компенсируется приращением порядка в результате произведенной работы. Плюс то, что такие устройства пугают чужеземцев...

Стрела крана снова переместилась к прицепам, и Карон оставила меня наедине с моими мыслями.

Пугают чужеземцев? Невзирая на всю свою кажущуюся словохотливость, эта особа так ничего мне толком и не объяснила. А ведь она, например, помещала в сеть громоздкие клети с такой легкостью, что два бородатых матроса наблюдали за ней с палубы парохода, разинув рты.

— ...Короче говоря, чужеземцы наглядно убеждаются...

— Да в чем же?

— В том, что с Отшельничьим и с Братством лучше не ссориться. А в чем же еще?

Я непонимающе покачал головой.

— Прости-ка, паренек,— сказала она, не дав мне вымолвить и слова.— С удовольствием бы поговорила с тобой и дальше, но оставшийся товар сложнее в погрузке и требует большего внимания. Удачи тебе.

Она вернулась к своим прицепам, а я зашагал назад, к ограде гавани, откуда выдавались в море причалы. Стена возвышалась над причалами локтя на три и представляла собой не оборонительное сооружение, а некий символический рубеж, как бы указывающий чужеземным морякам, что за этой границей начинается Отшельничий.

В конце второго причала была пришвартована длинная шхуна с флагом Хамора над кормой. У трапа в пол-оборота друг к другу стояли двое вооруженных часовых. Глядя на их фигуры, можно было понять, что их задача — не оградить корабль от проникновения чужаков с острова, а воспрепятствовать несанкционированному сходу на берег членов команды.

Двинувшись к третьему причалу, я замедлил шаг, заметив, что в сторожевой будке у его начала кто-то сидит. У самой же пристани качались на волнах суда, подобных которым мне видеть не доводилось: целиком из черной стали и без каких-либо мачт, лишь с низкими надстройками, отстоявшими примерно на треть длины корпуса от носа. Заостренные носы делали эти корабли похожими на акул. На гюйсштоке каждого из них трепетал один-единственый флаг. Черный, без каких-либо изображений.

Странные корабли. И странно, что я не заметил их раньше. А еще странно, что воздух вокруг них колебался, словно они испускали тепловые волны.

— Эй, паренек,— окликнул меня часовой.— Пирс закрыт.

Караульный был лишь ненамного старше меня, однако уже красовался в черном мундире. И — это я скорее уловил, чем увидел — имел при себе меч и дубинку.

Пожав плечами, я повернул в сторону, продолжая оглядываться на диковинные суда. А караульный таращился на меня с весьма озадаченным видом.

Чего это он вылупился? Никак удивился тому, что я вообще увидел эти корабли? Может быть, тепловые волны представляют собой своего рода экран?

Я обвел взглядом просторный газон по ту сторону дороги. Там стояли скамьи, на некоторых сидели люди. Возле четвертого пирса разносчик продавал матросам пришвартованного грузового судна какие-то закуски.

В сторону третьего причала никто даже не глядел. Вновь покачав головой, я пустился в обратный путь к рынку и к своей спальне. Я принес с собой еще большее количество вопросов и куда меньшее количество ответов, чем было у меня до этой прогулки.

Ноги мои просто горели.

IX

Магистр Кассиус был черным. Не в том смысле, что носил черное одеяния, а в том, что имел иссиня-черную кожу, блестевшую не только на солнце, но даже в тени. А также черные курчавые волосы и черные глаза. При росте в четыре локтя он был почти квадратным и походил на вырезанную из черного дуба статую. Если в его облике и просматривалось нечто светлое, то разве только белки глаз. При этом он обладал своеобразным чувством юмора.

— Леррис, ты отдаешь предпочтение убийству или самоубийству? — гулко громыхал его голос.

— Что?..— ну надо же, опять он подловил меня, когда я отвлекся. Задумался о том, какая сила могла создать те отвесные черные утесы, которые я видел в окно. Да и как было не отвлечься, коли он, на манер магистра Кервина, без конца долдонил о важности гармонии.

— Я спросил, чему ты благоволишь — убийству или самоубийству?

Кристал, сидевшая на подушке скрестив обутые в сандалии ноги, подавила очередной смешок. Ее блекло-голубая одежда казалась запыленной, хотя в действительности просто вылиняла из-за слишкой частой стирки.

Тамра смотрела на Кассиуса с таким видом, словно изучала диковинное насекомое. На сей раз поверх ее серой туники красовался зеленый шарф. Шарф менялся каждый день, тогда как одежда оставалась одной и той же. Если только у нее не было целого комплекта серых туник с такими же штанами.

Саммел переводил взгляд с магистра на меня и горестно вздыхал.

Чуток призадумавшись, как бы мне выкрутиться на сей раз, я помолчал, а потом пробормотал:

— Ни тому, ни другому... И то и другое — нарушение порядка.

Тамра — я приметил это уголком глаза — покачала головой.

Чуть было не вздохнув (это, пожалуй, являлось самым ярким проявлением чувств, какое позвляли себе члены Братства), Кассиус продолжал:

— Итак, мы вели речь о гармонии, а эта тема знакома вам чуть ли не с рождения. К сожалению, по различным причинам — таким, как скука Лерриса, неприятие Тамрой существующего распределения ролей между полами, сочувствие Саммела к неспособным воспринять гармонию, нежелание Кристал на чем-либо сосредотачиваться или презрение Ринн к слабости — никто из вас не в состоянии полноценно принять гармонию как основу нашего общества.

Я ухмыльнулся. Беззлобные подколы Кассиуса помогали расшевелить группу, и мне не виделось особой беды в том, что на сей раз он выбрал своей мишенью меня. Но и призадумался: с чего это магистр и словом не помянул Миртена?

— Вот ты, Леррис,— сказал Кассиус, повернувшись и ткнув в меня короткой черной указкой,— находишь гармонию скучной. Расскажи нам, почему? Встань. Ты можешь ходить по классу и отвечать сколь угодно пространно.

Поднимаясь с коричневой кожаной подшки и потягиваясь, я старался не думать о том, что сейчас все — даже Тамра! — таращатся на меня. Терпеть не могу, когда меня рассматривают, точно жука под увеличительным стеклом.

— Гармония лежит в основе порядка, который скучен. Всюду у нас происходит одно и то же. Изо дня в день люди на Отшельничьем встают и делают то же самое, что делали вчера и будут делать завтра. Они стараются делать это настолько близко к совершенству, насколько возможно... А потом они умирают. Как это можно назвать, если не бессмыслицей и скукотищей?

Ринн, как и Миртен, кивнула; Тамра прикрыла свои ледяные глаза, а Кристал подавила смешок и намотала на палец кончик длинной черной пряди. Сейчас, когда она сидела со скрещенными ногами, ее волосы доставали до пола.

Говорить «пространно» я не собирался, поскольку мне нечего было добавить к сказанному, представлявшемуся очевидным. Никто из группы тоже не пожелал высказаться.

— Леррис,— снова заговорил магистр,— предположим в порядке обсуждения, что где-то в нашей вселенной существует некое государство...

— Вселенной?

— Прости, это к делу не относится. Просто вообрази себе мир, где люди, не сообразуясь ни с какими правилами и установлениями, заводят столько детей, сколько им вздумается. Мир, где при жизни каждого поколения без видимой причины затевается по меньшей мере одна война. Где молодые люди приучаются к оружию, причем пятая часть каждого поколения умирает в результате помянутых выше войн. Где одни государства терпят поражения, другие одерживают победы, но единственным подлинным результатом всех этих войн становится то, что люди без конца совершенствуют оружие и умение убивать.

Итак, все больше рождается детей, все большему числу людей приходится терпеть голод и все большее число ставших взрослыми гибнет в войнах.

Это относится не только к Леррису...— Кассиус обвел взглядом комнату.— Все вы попробуйте представить себе такой мир.

Я ничего особенно воображать не стал. Умирают — значит, умирают. В конце концов, все люди смертны.

— Леррис, тебе известно, что в прошлом году в южном Хаморе умерли пять тысяч человек?

Я покачал головой, не понимая, какое отношение пять тысяч хаморианских покойников могут иметь в воображаемому миру? Или к скуке? Или к гармонии?

— А знаешь ты, что послужило причиной их смерти? — прогромыхал Кассиус.

— Нет, конечно. Откуда?

— Голод. Они умерли, потому что у них не было пищи.

Ринн, сидевшая прислонясь к стенной панели, поджала губы.

Я молча кивнул. А что тут скажешь? Без пищи кто угодно помрет.

— А ты знаешь, почему у них не было еды?

— Нет.

— Кто-нибудь знает?

— Может из-за восстания? — подала голос Тамра. Вид у нее был лукавый, будто она догадывалась, к чему клонит Кассиус.

Интересно, она-то как прознала про это восстание? И какое ей дело до южного Хамора?

— А в западном Хаморе еды было сколько угодно,— медленно произнес Кассиус.— Более того, цены на хлеб там упали ниже, чем за многие годы.

На физиономии Миртена обозначилось явное недоумение.

— Да, Миртен? — обратился магистр к этому малому с лицом хорька и космами наподобие бизоньей шкуры.

— Неужто контрабандисты не могли переправить туда немного зерна?

— Императорская армия намертво блокировала дороги. Конечно, контрабандисты все равно доставляли зерно, и немало, но даже этого оказалось недостаточно, чтобы скомпенсировать потерю урожая, сожженного императорскими войсками.

Воцарилось молчание.

— Скажи, Леррис,— продолжил спустя минуту магистр,— бывало у нас на Отшельничьем такое, чтобы хоть один человек умер от голода?

— Не знаю,— буркнул я, не желая признавать... Чего именно мне так не хотелось признавать, было не совсем понятно.

— Итак, ты утверждаешь, что отсутствие голода — это скукотища. Сытая, спокойная и счастливая жизнь, по-твоему, скучна? Надо полагать, ты предпочел бы жить в Хаморе, где отстутствие гармонии порождает такие проявления хаоса, как угнетение, восстания, кровопролитие и массовый голод? Ты и вправду считаешь, будто смерть предпочтительнее скуки?

— Конечно, нет,— произнес я несколько громче, чем следовало.— Но ты говоришь, будто скука необходима, чтобы избежать смерти и всяких других напастей. Вот с этим мне трудно согласиться.

— Леррис, но ведь я ничего подобного не говорил. Это ты сказал.

Я открыл было рот, вознамерившись возразить, но тут Тамра хмыкнула:

— Леррис, ты бы хоть раз подумал, прежде чем говорить.

Кристал хихикнула. Я взглянул на нее с ненавистью, но она на меня не смотрела. Зато Ринн посмотрела. Вытянула длинные стройные ноги и покачала головой.

Все промолчали.

Магистр Кассиус по-настоящему, глубоко вздохнул.

— Ладно,— проворчал я,— может, кто-нибудь из вас объяснит тупому Леррису...

— Ты не тупой, а упрямый,— перебила меня Тамра.— Никак не хочешь понять...

— Что я должен такого понять?

— Леррис,— прогромыхал Кассиус,— ты согласен с тем, что для предотвращения таких зол, как голод и кровопролитие, необходим порядок?

— Да.

— Но при этом утверждаешь, что совершенный порядок для тебя скучен.

Я вынужден был кивнуть.

— Ты видишь разницу между этими утверждениями?

Все качали головами. Должно быть, вид у меня был весьма озадаченный.

Кассиус — уже в который раз — вздохнул:

— Гармония предотвращает зло — такова правда жизни и правда магии. Но на этой... на НАШЕЙ земле эта правда приближается к факту,— он остановился.

— Наверное...— неопределенно пробормотал я, не шибко понимая, в чем разница между правдой и фактом.

— Ты считаешь гармонию скучной. Это твое личное суждение, вынесенное в рамках твоей шкалы ценностей. И, примеряя эту шкалу к гармонии, ты утверждаешь, будто скука неизбежна при избавлении от зла. Однако скука не представляет собой проявление гармонии или какую-либо форму порядка. Скука — всего лишь твоя личная реакция. Она не является необходимым условием предотвращения голодных смертей, а вот гармония — является. Ты же отождествляешь одно с другим.

Говорил магистр, конечно, ловко, но, по-моему, на самом деле он просто играл словами. По мне, так избыток гармонии все одно скучен.

— Проблема каждого из вас схожа с проблемой Лерриса,— продолжал чернокожий человек в черном одеянии.— Ты, Тамра, считаешь, будто гармония дает некие преимущества мужчинам перед женщинами, и отказываешься принимать наш жизненный уклад, ибо он предполагает признание того факта, что между мужчинами и женщинами все-таки имеются существенные различия. По-твоему, женщины могут делать все, что угодно, ничуть не хуже мужчин, а то и лучше.

— А вот и могут...— рыжеволосая произнесла это так тихо, что расслышал, похоже, только я. Хотя и сидел в противоположном от нее конце комнаты. То ли слух мой невесть отчего

сделался тоньше, то ли я просто держалася настороже и был внимательнее прочих. А Тамра прямо-таки тлела, хотя ей удавалось это скрывать.

Воспользовавшись тем, что магистр переключился на других, я уселся на свою подушку.

— А вот ты, Ринн,— добродушно промолвил Кассиус, повернувшись к блондинке,— полагаешь, будто сила заключает в себе ответы на все вопросы, а сделаться сильным может каждый, кто приложит к тому достаточно старания. При таком подходе младенцев или больных следует оставлять на произвол судьбы, чтобы они умирали или выживали — это уж как у них получится.

— Вовсе не так...— Ринн напряглась, ее зеленые, с карими крапинками глаза сделались холодными.

— В таком случае,— улыбнулся магистр,— может быть, ты разъяснишь нам свою позицию?

Я исподтишка поглядывал на Тамру, грациозную, но твердую, как гибкая сталь. Ее обрамленное рыжими волосами веснушчатое лицо выглядело чуть ли не добродушным — пока она не начинала говорить. Неожиданно девушка повернулась, поймала мой взгляд и как будто окатила меня ушатом ледяной воды. Поспешно отвернувшись, я уставился на Ринн.

— Каждый обязан быть сильным — насколько это для него возможно,— говорила та.— И несправедливо требовать от сильных заботы о тех, кто не хочет делаться сильнее и заботиться о себе самостоятельно.

Ринн поднялась с подушки, а руки ее непроизвольно сжались в кулаки.

— Что ты вкладываешь в понятие «сильный»? — громыхающим голосом уточнил Кассиус.

Ринн уставилась на черную стенную панель, потом на Кристал, потом на съежившегося в своем углу Миртена. Этот малый вечно старался забиться в уголок и сделаться незаметным, зато сам, кажется, примечал все.

Молчание затягивалось.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду,— ответила наконец Ринн.— Просто играешь словами.

С этим я полностью согласен: и насчет Кассиуса, и насчет всей его братии — Мастеров, да и магистров — тоже. Они только и делали, что играли словами, переиначивая их значения.

— Ладно,— голос Кассиуса смягчился.— По-твоему, сила очень важна. Но какая сила? Бык силен, но заслуживает ли он восхищения? И заслуживает ли презрения слабая женщина, обратившаяся за помощью... ну, скажем, чтобы задержать грабителя?

— Я не восхищаюсь быками и весьма невысокого мнения о людях, неспособных постоять за себя. А воров — терпеть не могу,— каждое слово Ринн процеживала сквозь сжатые зубы, а на Миртена бросила такой злобный взгляд, что он почему-то отвернулся.

— Стало быть ты полагаешь, что порядок должен опираться только на силу и самодисциплину?

— Что полагаю, то полагаю! — Ринн наградила магистра таким же взглядом, что и Миртена.

— Очень честный ответ! — Кассиус усмехнулся, но тут же, уже без намека на улыбку, повернулся к Кристал.— Ну а ты, хохотушка? Можешь сказать, почему ты считаешь гармонию не заслуживающей внимания? Равно как и все остальное?

Кристал даже не подняла глаз, а лишь хихикнула, продолжая крутить пряди длинных волос.

— Кристал! — в рокочущем голосе послышался холод.

Даже я поежился.

— А что толку... Обращай внимание, не обращай...— тихонько пробормотала она, не отрывая взгляда от пола.— Все одно, чему быть, того не миновать. Ломай голову, не ломай, от этого ничего не зависит.

Ринн громко засопела.

— Выходит, ты согласна с Ринн? В том смысле, что зло, например, можно остановить только силой?

— Иногда,— сказала она, почему-то посмотрев на меня.

— А как по-твоему, Леррис?

Ну вот, опять нарвался! Я закашлялся, пытаясь сообразить, что это она на меня уставилась и с запинкой проговорил:

— Так ведь... Иногда, как мне кажется, очень хорошие люди — все из себя очень даже гармоничные — оказываются совершенно бессильными против зла и невзгод. А порой,— тут мне вспомнился булочник,— людей наказывают или высылают с Отшельничьего только потому, что они не соответствуют каким-то меркам, писаным или неписаным правилам. По-моему, несправедливо, когда человека карают за то, что он недостаточно силен или чего-то не понимает.

— А ты считаешь, что жизнь в целом устроена справедливо? Или что Братство может взять на себя обязательства проявлять справедливость по отношению к отдельным людям, даже если это будет угрожать безопасности всего Отшельничьего?

— Мне никогда не доводилось видеть людей, которые могли бы угрожать безопасности Отшельничьего. И вообще, трудно представить себе, чтобы отдельный человек мог быть опасен для всего нашего сообщества. А вот как совсем неплохих людей отправляли в изгнание — это я видел.

Переводя взгляд с меня на так и не поднявшую глаз Кристал, с нее — на все еще сердитую Ринн, а с той — снова на меня, Кассиус печально улыбнулся и спросил:

— Жить на Отшльничьем — это право или привилегия?

Вопрос его повис в воздухе. Миртен в своем углу нервно облизывал губы.

— Если считать это привилегией,— сказал наконец я,— то, наверное, чтобы заслужить ее, мы и вправду должны соответствовать некоторым условиям. Беда не в этом, а в том, что решительно никто не желает нам объяснить, почему, в силу каких причин, эти условия именно таковы. Нам просто велено поддерживать гармонию и противиться хаосу, выполняя все предписания и не задавая вопросов, ответов на которые все равно не будет.

— Так уж и не будет? Как я понимаю, ответы ты получаешь, но они тебя не удовлетворяют.

— Не удовлетворяют. Ни меня, ни, сдается мне, большинство находящихся в этой комнате.

— Значит... Император-то голый,— голос Кассиуса прозвучал тише и мягче, чем обычно.

— Что? Какой император? Почему голый?

— Вся эта философия весьма... поучительна. Непонятно только, как она подготавливает нас к гармонизации,— резко произнесла Тамра и встала.

— Сядь, я сейчас отвечу. Скорее всего, никто из вас мне не поверит, но я все же отвечу.

Я пожал плечами. Ринн тоже. Тамра одарила магистра злобным взглядом, но все же села.

— Все довольно просто,— промолвил Кассиус, дождавшись, когда стихнут перешептывания.— Победа над идеальной гармонией для магии хаоса почти недостижима. Основу жизни на Отшельничьем составляет поддержание состояния, близкого к ней. Настолько близкого, настолько это возможно. Люди же по природе своей различны: одни упорядочивают существование, другие вносят в него хаос, а третьи способны и на то и на другое.

Пройти гармонизацию предлагается людям, являющимся источниками неконтролируемой силы, либо же способным бессознательно генерировать как гармонию, так и хаос. Первый шаг в гармонизации — дать вам понять, что вы наделены способностью либо позволить хаосу обрести на Отшельничьем опору, либо помогать нам не допускать его на остров. Что из этого предпочесть — дело каждого, но делать свой выбор вы будете под присмотром Братства. Именно оно и решит, можно ли вам оставаться на острове.

Но Отшельничий — не полицейское государство, и наше общество считает, что определиться по-настоящему и сделать по-настощему свободный выбор вы можете, лишь получив необходимые знания и познакомившись, хотя бы отчасти, со внешним миром.

Лично меня удивило выражение «полицейское государство». Насколько мне было известно, полиция существовала только в Хаморе.

Некоторое время в комнате царило молчание, а потом Ринн раздраженно сказала:

— Выходит... Вы просто набьете наши головы всякой словесной шелухой и спровадите в Хамор или Кандар на верную смерть?

— Я бы так не сказал. Нынешний император Хамора — внук человека, который был отправлен на гармонизацию, но предпочел остаться на юге и сумел захватить власть в провинции Меровей. Наиглавнейший убийца в одной из виднейших держав — родом из Сигила, это совсем недалеко отсюда. Поверьте, во внешнем мире есть чем вознаградить многие таланты. Но вы окажетесь в величайшей опасности, если, поверив в гармонию, отвергнете Братство. Потому что,— тут его взгляд обратился ко мне,— тем самым вы станете ходячими источниками гармонии в царстве хаоса и угрозой для Мастеров хаоса.

— Ты хочешь сказать, что, поскольку у нас имеются некие таланты, каждый из нас должен оставаться за пределами Отшельничьего, пока мы не приведем эти таланты в сответствие с вашими нормами совершенства?

— Именно. На это могут уйти многие годы. На то, чтобы каждый из вас внутренне определился и избрал свой истинный путь.

Я едва не прикусил язык, потому как все услышанное отнюдь меня не вдохновляло. Выходило, что ежели я не приму жесткий порядок, навязываемый Братством, то меня бросят на съедение волкам. На погибель, потому как в Мастера хаоса я явно не гожусь. И почему нормальный, нравственный человек на может сочетать в жизни гармоническое и хаотическое начала? Ведь в основе мироздания лежит и то и другое!

Вопросы так посыпались горохом, но я к ним особо не прислушивался — все спрашивали хоть и в разных словах, но одно и то же: «Стало быть я — источник неконтролируемой силы? Или хуже того? И опять таки: нам сказали, будто такой «источник» заключает в себе опасность для Отшельничьего, но что он собой представляет — так и не объяснили...»

У меня заурчало в животе, но никто этого не услышал, поскольку все наперебой терзали распросами Кассиуса. Только

мы с Кристал не принимали в этом участия. Она уставилась в пол, а я смотрел сам не знаю куда. Поскольку все равно ничего не видел.

X

Подобное золоченому блюдцу солнце висело над черной каменной стеной, отделявшей анклав Братства от морского порта. Той самой стеной, которая сверху казалась такой низенькой, а снизу — такой высокой.

Даже сейчас, всего лишь через несколько дней после летнего солнцестояния, трава в Найлане оставалась свежей и зеленой, воздух чистым, а ночи прохладными. Как говорил Саммел — сказывалось воздействие восточного течения.

Я совершенно не задумывался о подобных вещах, пока магистра Трегонна не начала учить нас основам географии, показывая на картах, каким образом расположение гор и морские течения влияют на погоду. Потом она объяснила, как рельеф местности определяет места возникновения крупных и мелких населенных пунктов. Например, Фенард, столица Галлоса, расположен на взгорье у Закатных Отрогов, потому что это дает преимущества при обороне, а две сбегающие с гор речушки вращают колеса множества водяных мельниц. Что в ее лекциях было по-настоящему интересно, так это рассказ о так называемых узловых пунктах, где взаимное наложение гармонических и хаотических факторов может определять характер погоды и создавать долговременные климатические модели. Отчасти это объясняло постоянное присутствие кораблей Братства в некоторых зонах северных морей. Однако в целом она строила уроки так же, как и другие магистры: максимум нудных поучений и минимум конкретных сведений.

Сейчас я сидел, прислоняясь спиной к маленькому красному дубку, и наблюдал за тем, как на восточном небосклоне темнеют, превращаясь из белых в розовато-серые, клочковатые облака. Наблюдал, может быть, неосознанно пытаясь разглядеть формирующую их структуру.

А увидел тепловые волны, подобные тем, какие окружали корабли Братства. Правда, возле облаков они имели естественное происхождение, а там — искусственное. Понятия не имею, как мне удалось установить разницу и в чем она заключалась, но в правильности этого вывода сомнений не было. Таращился я столь пристально, что заболели глаза. Пришлось закрыть их, и вместо того, чтобы присматриваться, я начал прислушиваться.

Неподалеку были такие же, как мы, бедалаги, проходившие обучение гармонизацию в других группах. Мы встречались

с ним в коридорах жилого корпуса и порой болтали в столовой. Эти ребята не слишком отличались от нас, хотя, как мне казалось, находились в несколько лучшей форме и держались чуточку отстраненно. Вполне дружелюбно, с пониманием, но все же отстраненно.

Мне удалось разобрать голоса двоих из них, сидевших на скамье по ту сторону ограды:

«...Бриста, вот что они говорят...»

«...ладно хоть не Хамор...»

«...Хамор предпочтительнее Кандара. В империи какой-никакой, а порядок...»

Кассиус тоже как-то назвал Кандар наиболее хаотичным из всех континентов. Помнится, Тамра высказалось по этому поводу в том смысле, что, поскольку он ближе всех к Отшельничьему, то дело тут, наверное, в равновесии. Кассиус нахмурился, но поправлять ее не стал. Стало быть, она попала в точку.

Еще из услышанного совершенно новой для меня оказалась история о том, что, оказывается, маги хаоса правили из города Фэрхэвена в Кандаре большей частью мира. Пока не сотворили на небе новое солнце, расплавившее, как воск, большую часть зданий их столицы вместе с жителями. И хотя с тех пор сменилось не одно поколение, люди там, надо думать, остались такими же.

— Можно присесть рядом?

Чуть не подпрыгнув от неожиданности, я открыл глаза. Музыкальный голос принадлежал Кристал.

— Конечно... Правда, я не уверен, что составлю хорошую компанию.

— Я тоже. Мы с тобой два сапога пара.

Поджав ноги, она уселась примерно в локте от меня. Честно говоря, когда она не хихикала и не теребила свои длинные волосы (сейчас они были убраны наверх и перевязаны серебристыми шнурами), на нее было приятно смотреть. Грациозная, как Тамра, но без раздражающего высокомерия. И я подозревал, что, несмотря на дурацкое хихиканье, в ней кроется сила, о которой, возможно, она и сама не догадывается.

Раскатистый удар храмового колокола призвал желающих принять участие в вечерней медитации. Я этого делать не собирался и, к слову сказать, за магистром Кассиусом такой привычки тоже не замечал.

Кристал не двинулась, а вот двое мужчин со скамьи за оградой поднялись и ушли.

— Небось, пошли благодарить судьбу за то, что их посылают в Бристу, а не в Кандар,— вырвалось у меня.

— А куда зашлют нас, как думаешь?

— Нас? Нас-то точно в Кандар спровадят.

— Обычно ты бываешь прав... Не в рассуждениях, а когда дело касается фактов.

Я вырямился, ощущая спиной твердый ствол дуба. Облака на востоке посерели, а набравший силу западный ветер взъерошил мне волосы. Он принес с собой легкий запах горьковато-сладкого апельсина.

— И что же с нами будет?

Я пожал плечами:

— Вот уж не знаю. Компания у нас подобралась странная, но таковы, наверное, все, предназначенные к гармонизации. Вон Миртен, он вор и совершенно непонятно, как ему удалось протянуть так долго... Ринн по своей натуре воин, и ей самое место в пограничной страже. Саммелу впору сделаться миссионером в стране, где уже есть вера, не ставящая сострадание выше гармонии. Тамра на дух не переносит мужчин, а они — хорошо это или плохо — составляют примерно половину человечества. Дорте... Ну, не знаю...

— А ты?

Я снова пожал плечами — распространяться о себе охоты не было.

— Кассиус говорит, что на меня все нагоняет скуку. Скажика лучше, как насчет тебя?

— А мне кажется, тебе скучно оттого, что ты хочешь все знать, но не желаешь в этом признаваться. Даже себе.

Втрой удар колокола известил, что медитация началась.

— А как насчет тебя? — снова спросил я.

— Меня? — Кристал хихикнула, но совсем тихонько.

Я нахмурился.

— Что, противно хихикаю?

— Нет, почему...— Глянув через ее плечо в сторону маленького сада перед самой оградой, я приметил Миртена с Дорте, сидевших на скамье и игравших в карты. Надо думать, Миртену просто необходимо хоть изредка кого-нибудь облапошивать. Без этого он не может.

— Знаешь, у меня ведь был заключен брачный контракт. Один мужчина ничего не имел против моего хихиканья.

— Прости!

О таком, по молодости лет, я просто не подумал, а сейчас представил себе, что Братство предписало пройти гармонизацию Колдару или Корсо. Значит, Кристал оторвали от мужа!..

— Прости, я не знал.

— Ничего. По правде сказать, это стало прекрасным предлогом, чтобы со всем покончить. Ему будет только лучше, а мне... Мне уже лучше.

— Ты вот так взяла и ушла?

Я просто не мог представить, как бы моя матушка взяла и покинула отца.

— Вот ты смотришь на мои волосы, на грудь. Как все мужчины. Некоторые притворяются, будто этого не делают, а ты, похоже, не лицемер,— промолвила она чуть ли не шепотом.

— Верно,— согласился я.

Поерзав, она сменила позу, в которой сидела, оказавшись каким-то образом совсем рядом со мной. И спросила:

— О чем ты думаешь? О том, что я чувствую?

Вообще-то я думал о том, что будет, если ее обнять. Но, хоть и не был «лицемером», в этом не сознался.

— Ну... Вообще-то...

— О, Леррис...— голос ее замер.

Оказывается, в Найлане уже стемнело.

— Обними меня,— попросила она совсем по-детски.

Я обнял ее. Обнял — и только. Правда, уже ночью, лежа один в постели, я воображал себе нечто гораздо большее.

XI

Как-то утром, правда, уже после занятий, Тэлрин привел нас в просторную залу, пол которой находился ниже уровня земли. Впрочем, и в этом полуподвальном помещении света было достаточно: его обеспечивали окна и стеклянная крыша. В отличие от учебных классов, каменные стены здесь покрывала белая, с оттенком миндаля, штукатурка, а пол, вместо плитки или досок, покрывал какой-то странный, пружинивший под ногами материал зеленоватого цвета.

Точно такой же, как и в зале для физических упражнений, с помощью которых Дилтон пытался развить нашу ловкость и силу. Мне удавалось зажать между пальцами складку этого напольного покрытия, но сколько я ни тужился, оторвать даже крохотного кусочка так и не смог. А ведь мои привычные к работе по дереву пальцы были довольно крепки. А вот мускулы моих бедных ног, измученных нескончаемыми пробежками и растяжками, все время ныли.

Вот что и вправду способствовало улучшению моего физического состояния, так это созерцание Кристал и Тамры. Жаль только, что созерцанием все и ограничивалось. Правда, порой мы с Кристал сиживали в обнимку где-нибудь на лужайке, но она явно хотела от меня только братских объятий. Каковыми я и обходился.

Обходился, даже не пытаясь зайти хоть чуточку подальше, поскольку угадывал присутствие в этой особе чего-то... чего-то

такого, что мне совсем не хотелось разворошить. Чего именно — так и оставалось непонятным. Просто, как это порой со мной бывало, я нутром чуял опасность. Как чуял ее, глядя на Тамру или на карты Кандара. Что до последних, так один их вид едва не ввергал меня в дрожь.

За дверью примыкавшего помещения вдоль всей стены тянулись стеллажи с разложенными там предметами — вроде как мечами, ножами и тому подобным. Пять длинных стеллажей, на каждом лежит по полдюжины образцов различного оружия.

— Обучаемые,— Тэлрин прочистил горло, как делал всегда, когда хотел привлечь к себе внимание,— представляю вам Гильберто.

Я немного выше среднего роста, не дотягиваю до четырех локтей, но Гильберто оказался на голову ниже меня — почти как Тамра. В черных штанах, черных сапогах и черной кожаной безрукавке поверх черной рубахи, он походил на палача.

— Это Гильберто,— повторил Тэлрин.— За пределами Отшельничьего, во Внешнем Мире, в ходу разнообразнейшее оружие. Гильберто попытается ознакомить вас с самыми распространенными его видами и дать вам минимальные навыки обращения с одним-двумя из них... Если вы, конечно, согласитесь учиться.

Гильберто изобразил кривую, словно извиняющуюся ухмылку, превратившую его из мрачного палача в печального клоуна.

Тамра вперила в него внимательный взгляд, я же улыбнулся ему в ответ. Выглядел он, спору нет, забавно. Хотя некоторые из Братства могли быть чудаками или занудами, у меня никогда не было оснований сомневаться в их способностях. А вот Кристал при виде этого малого поджала губы, явно чтобы не расхихикаться. Ринн нахмурилась, Миртен облизнулся, Дорте перевела взгляд с Тэлрина на Гильберто без всякого выражения.

— На полках — оружие,— промолвил Гильберто, приветствовав нас официальным поклоном.— Подойдите и осмотрите его. Потрогайте, повертите, подержите в руках хотя бы по одному образцу каждого вида. Постарайтесь найти то, что покажется каждому из вас наиболее подходящим, а как найдете — возьмите и присядьте на одну из вон тех подушек. Но...— тут голос Мастера оружия сделался холодным.— Не пытайтесь сделать выбор с помощью рассудка. Не берите оружие, которое покажется вам наиболее смертоносным или, например, самым простым в обращении. Оружие, которое вы используете, должно отражать вас самих, вашу суть. Тогда я смогу научить вас по-настоящему им владеть. А потом уже и некоторыми другими видами. Приступайте.

Он снова поклонился и жестом указал на полки.

Сразу поняв, что говорил Гильберто вполне серьезно, я направился к ближайшей, где лежали разнообразные — и длинные, и чуть подлиннее большого кинжала — мечи. Приглядевшись к одному — с узким клинком и простой, без украшений, рукоятью — я потянулся к нему, взялся и... вот ведь проклятье, чуть не выронил! Меня пробрало холодом, подступила тошнота — все мое существо ощутило строжайший запрет.

Торопливо положив меч на место, я вытер лоб.

— Хи-хи...

Ну конечно, Кристал над чем угодно будет хихикать.

— Чем смеяться, попробуй-ка сама.

Она и попробовала — откинула волосы за плечи, потянулась мимо меня за мечом и принялась вертеть его в руках.

— Славная штуковина, но, по-моему, не совсем то, что нужно,— положив меч на место, она взяла другой — с клинком той же ширины, но покороче.

Я снова дотронулся до уже испробованного мною — а только что и ею — меча. На сей раз чувство отторжения было не таким сильным, но желудок все равно скрутило узлом.

Я поискал глазам Тэлрина, гадая: какую такую хитрость затеяли они с Гильберто. Однако оказалось, что Тэлрин незаметно ушел, Гильберто же стоял в сторонке с бесстрастным и даже скучающим видом.

Тем временем подошедшая ко мне Тамра с насмешливым видом ухватилась за рукоять уже дважды опробованного мною меча — и разинула рот. Несколько мгновений она боролась с собой, но потом положила клинок обратно и буркнула:

— Это не для меня.

Лоб ее покрылся испариной.

Подавив улыбку, я двинулся вдоль полки с кинжалами. Прекрасно сработанные — в них сразу виделось наилучшее сочетание красоты с эффективностью — они, тем не менее, вызывали у меня те же ощущения, что и мечи. Чтобы понять это, достаточно оказалось пробежаться пальцами по рукояти. Однако если брать в руки меч мне прежде не приходилось, то с ножами я имел дело неоднократно и никогда не чувствовал подобного неприятия. А поскольку кинжал есть не что иное как разновидность ножа, следовало предположить, что на это оружие наложены какие-то чары. Только вот зачем это понадобилось?

Краем глаза я приметил, что от ухмылки Тамры не осталось и следа. Она была раздражена не меньше моего.

Копья не вызывали у меня столь резкого неприятия, хотя, держа их в руках, я ощущал некоторое неудобство. Но вот стоило мне прикоснуться к одной тяжелых бронзовых алебард,

как меня чуть не вывернуло наизнанку. Я отдернул руку так резко, что задел и уронил на пол лежавшую рядом секиру. Гильберто обернулся ко мне, подняв брови, но, несмотря на это, секира осталась лежать на полу. Вздумай я поднять ее — и на полу оказался бы весь мой сегодняшний завтрак.

Уяснив таким образом, что клинковое и древковое оружие не по мне, я направился к пистолетам, которых никогда прежде в глаза не видел. Правда, магистр Кервин рассказывал о них на уроках истории. С его слов выходило, что боевое применение этого оружия ограничено, ибо оно, из-за своей сложности, не слишком надежно. И прежде всего — легко подвержено влиянию магии хаоса.

Для того, чтобы почувствовать полную непригодность этого оружия для меня, даже не требовалось к нему прикасаться, а вот Миртен лелеял пистолет в руках чуть ли не с любовью. Отдав должное резным, голубоватой стали, стволам, я, практически не прикоснувшись ни к одному пистолету, перешел к следующей полке.

Там находилось оружие ударного действия. Проще говоря, всякого рода производные от обычной дубинки, только с навершиями. Опробовав несколько штук, я порадовался тому, что они, по крайней мере, не выпадают из рук. Правда, и по нраву ничего особо не пришлось, а булавы с металлическими набалдашниками — особенно шипастыми — вызвали отчетливое желание оставить их в покое. Что я и сделал. После истории с алебардой испытывать судьбу как-то не хотелось.

Неподалеку лежали свернутые кольцами веревки. Никакого неприятия они не пробуждали, но мне было решительно непонятно, как можно использовать веревку в качестве оружия. То же самое относилось и к группе странных изделий, представлявших собой разного размера полированные палки, соединенные одна с другой веревкой или цепочкой.

Наконец я добрался до палиц, посохов и шестов. Среди них оказались и темные, из мореного белого дуба, но ни одного лоркенового. И еще — в отличие от моего посоха, который Тэлрин так настоятельно рекомендовал оставить в спальне и никуда с собой не таскать,— ни один из этих не был окован металлом. Я опробовал два: один длиной с мой, другой покороче. И в обоих случаях не ощутил ни малейшего дискомфорта. Они оказались первым оружием, которое мною не отторгалось — если, конечно, посох можно считать оружием.

Оставив в руке посох подлиннее, я осмотрел черную палицу, опять же походившую на посох, только укороченный, но положил ее на место.

Тамра между тем направлялась к булавам, хотя волочила ноги так, словно шла туда через силу. Губы ее были поджаты, а руки пусты. Она пока еще не присмотрела себе никакого оружия.

А вот Кристал стояла возле коричневой подушки, чуть ли не с нежностью разглядывая пришедшийся ей по нраву меч. Миртен уже сидел, внимательно изучая взятый с полки пистолет. Саммел вертел пару дубинок, а Ринн все еще отиралась возле клинков.

Мой взгляд снова упал на Тамру, взявшую в руку булаву со стальным шипастым навершием размером чуть ли не с ее голову. Губы ее сжались и побелели так, что я разглядел это даже с расстояния в пять локтей. Однако она вернула оружие на полку с нарочитой неторопливостью.

Хотя Тамра определенно переупрямила меня, я не мог не восхититься силой ее духа. Но стоило ли так себя мучить? Ведь когда она наконец потянулась к посохам, у нее едва ли не тряслись руки.

— По-твоему, это забавно? — раздраженно буркнула Тамра.

Я покачал головой. В конце концов, ей не было никакой нужды доказывать что бы то ни было. Ни мне, ни Братству.

Глядя сквозь меня, она выбрала второй из темных посохов. Напряжение уже отпустило ее, но брови над ледяными голубыми глазами оставлись угрюмо сдвинутыми, образуя рыжую полоску. В отличие от большинства женщин, Тамра не чернила брови и, похоже, вообще с презрением относилась к любым украшениям, кроме цветных шарфиков.

— Тамра, Леррис... Может быть, хватит любоваться оружием? — сухо промолвил Гильберто.

— Я не «любуюсь», а выбираю,— откликнулась Тамра тоном, способным мигом остудить чан кипятку.

Гильберто, однако, проигнорировал ее выпад. Я сел на подушку рядом с Кристал, а он спокойно следил за тем, как Тамра, с нарочитой неторопливстью, направилась к самой дальней подушке. Я бы непременно ее чем-нибудь огрел, а вот он ждал. С ленивой улыбкой.

Тамра, заметив это, нежно улыбнулась в ответ.

Кристал хихикнула.

Прежде чем Тамра успела усесться, Гильберто повернулся к группе и сухо произнес:

— Оружие, которое вы сейчас держите в руках, наиболее соответствует темпераменту каждого из вас. Однако это вовсе не значит, что оно само по себе является для вас наилучшим средством самозащиты. Оно станет таковым лишь в том случае, если вы научитесь как следует с ним обращаться.

Он умолк, словно в ожидании вопросов.

— Ты толкуешь о самозащите,— промолвила Тамра.— А разве эти штуковины не годятся для нападения? И нас не будут учить атаковать?

Чуть помешкав — он даже бросил взгляд в сторону коридора, словно хотел попросить поддержки у ушедшего Тэлрина — Гильберто ответил:

— Любое оружие само по себе пригодно как для защиты, так и для нападения. Насилие чуждо духу Отшельничьего и Братства, однако вы сможете применить полученные навыки по своему усмотрению. Тем из вас,— тут он усмехнулся,— кто почувствует тяготение к оружию, наверняка придется по душе Кандар или Хамор.

И снова один из братьев по существу уклонился от ответа на заданный вопрос. Меня, например, эта постонная уклончивость раздражала. Положим, ко мне можно было относиться как к ребенку, но все прочие в нашей компании давно вышли из детсткого возраста. Однако Гильберто говорил с нами так, словно не верил в нашу способность правильно понять настоящий, прямой ответ.

— Ты о чем? Нельзя ли поточнее? — спросила Дорте.

Пожав плечами, Гильберто заговорил так, словно старался разжевать каждое слово:

— У нас на Отшельничьем любители оружия редки. Если кому из вас нравится иметь дело с оружием не только для физических упражнений, то, наверное, такому вояке самое место в Хаморе или Кандаре.

Кристал опять хихикнула. Ее длинные волосы были убраны наверх и подвязаны шнурками — на сей раз золотистыми — и, вместо того, чтобы теребить пряди, она без конца пробегала пальцами по лезвию меча. А мне почему-то вспомнилась хирургическая ловкость, с какой Кристал за столом обращалась с ножом.

Ринн нахмурилась и выбрала связку метательных ножей.

— Итак, вы будете упражняться и учиться владению оружием,— продолжал Гильберто, выдержав паузу.— Начиная с того, которое вами выбрано. Конечно, не именно с тем, что держите сейчас в руках, но того же образца.

— А почему не с этим самым? — полюбопытствовал Миртен, крепко сжимая пистолет.

— На это оружие наложены чары, способствующие выявлению его приемлемости, но снижающие, хм... действенность. Поэтому, пожалуйста, положите все, что вы выбрали, туда, откуда взяли. Я отведу вас в учебную оружейную. Там каждый получит оружие того вида, какое он приглядел.

Мне все это казалось чудным. Начать с того, какой смысл был заставлять нас шарить по полкам, как будто Братство не

имело возможности само установить пригодность того или иного оружия для каждого из нас? Или каждого из нас для оружия? Но интересно другое: на чем эта «пригодность» основана?

Я спросил об этом у Гильберто, когда он уже поворачивался к двери, противоположной той, в которую мы вошли.

— Тут самое важное — ваш характер. Если вы будете упражняться с оружием, не соответствующим вашему характеру, это может сказаться не только на результатах обучения, но и на самом характере. Правда, Тэлрин считает, что ни к кому из вас это не относится.

— А он-то откуда знает? — удивилась Ринн.

Гильберто пожал плечами:

— Это его дело. А мое — учить вас обращению с оружием.

«И скрывать то, что ты знаешь»,— подумал я. Хотя в этом нет ничего нового: тут никто не говорит всей правды.

Гильберто подошел к двери и встал возле нее, дожидаясь, пока мы вернем на место выбранное оружие.

Я встал, чтобы положить на полку посох. Мой собственный нравился мне куда больше.

Тамра, ни на кого не глядя, направилась по пружинящему зеленому полу к стеллажу. А вот Кристал, похоже, было жаль выпускать из рук меч.

Держась на более чем почтительном расстоянии, я последовал за Тамрой.

Тренировочное оружие оказалось основательно поцарапанным, но крепким. Все лезвия и острия, как приметил я, получая палицу, шест и посох, были затуплены. А не рубящее, не колющее и не стреляющее оружие, как мне удалось заметить, кроме меня, выбрали только Саммел и Тамра.

XII

В одном Гильберто был прав: учиться владеть оружием оказалось нелегко, и не только в физическом отношении. Выяснилось, что боевое искусство — это вовсе не та игра, которой я научился от отца. Скажем, прежде мне и в голову не приходило задуматься, как правильно держать посох. Оказалось, что каждому виду оружия, в зависимости от его размеров, веса и поражающих свойств, присуща своя, особая техника использования. В отличие от прочих занятий, на которых крупицы получаемых сведений тонули в море бесконечно повторяющихся общих рассуждений, каждое занятие у Гильберто давало мне что-то новое. Неудивительно, что, хотя по части повторений этот учитель, пожалуй, превосходил всех прочих, заниматься с ним мне было интереснее всего.

— Леррис, если пользоваться посохом правильно, он может оказаться гораздо более эффективным оружием, чем нож. Но это если ПРАВИЛЬНО, а ты держишь его как...— Гильберто умолк и пожал плечами.— Так, что мне и сравнить не с чем.

Поначалу я делал неправильно решительно все. Правда, то же самое относилось и к остальным — кроме Тамры и Кристал. Тамре Гильберто почти не делал замечаний, разве что мимоходом, а Кристал уделял лишь ненамного больше внимания.

Что же до меня... Похоже, у меня руки росли не из того места.

— Леррис... не напрягайся ты так! РАССЛАБЬСЯ!

Невозможно сосчитать, сколько раз мне довелось услышать эти слова, прежде чем удалось более-менее освоить основыне движения. После мы стали работать в парах, сначала с Гильберто или одним из его учеников, потом друг с другом. Так и вышло, что я сошелся с Тамрой один на один вовсе не так, как бы мне того хотелось.

Мы стояли на противоположных концах нарисованного белого круга, обозначавшего место проведения учебного поединка. Небо над стеклянной крышей (что для конца лета было, скорее, исключением, чем правилом) затягивали облака, что придавало свету сероватый оттенок.

Тамра улыбалась. Прямо-таки лучилась. Только каким-то не греющим душу светом.

— Каковы правила, магистр Гильберто? — спросила она, ловко держа гладкую середину посоха, оба конца которого имели смягчавшую удары защитную обивку. Смягчавшую — да не очень. На руки она натянула толстые перчатки.

На меня она смотрела как на насекомое или неодушевленный предмет.

— Тамра...— начал было Гильберто, но покачал головой.— Правила просты: запрещаются удары по суставам и в пах.

— Годится,— откликнулась Тамра.

Правила устраивали и меня, а вот выражение ее лица и та легкость, с которой приняла она стойку — вовсе нет. Хотя я на голову превосходил ее ростом, был, надо думать, вдвое сильнее и в последнее время добился некоторых успехов. Так, во всяком случае, говорил Деморсал — один из учеников Гильберто.

И при том, что Тамра, вечно задиравшая нос наглая стерва, безусловно, заслуживала хорошей взбучки.

— Два к одному, что она его отделает...— скрипучий шепот Миртена разозлил меня еще больше, чем это дурацкое пари. Вот ведь пройдоха, из всего хочет извлечь выгоду.

Ограничивавший обзор защитный шлем помешал мне разглядеть, кому именно предложил Миртен биться об заклад. Вроде бы, Саммелу. А тот, кажется, покачал головой.

— Начало по моему сигналу. По гонгу поединок прекращается. Понятно? Готовы? — Гильберто вышел из круга.— Тамра?

Она кивнула.

— Леррис?

— Да,— я кивнул, не отводя глаз от Тамры и удивляясь, с чего это все решили, что наш с ней поединок — такое уж большое дело. Опыта и ловкости у нее побольше моего, но я превосходил ее по силе и не уступал ей в быстроте.

— Начали!

Тамра рванулась ко мне. Я уклонился от первого ее удара, едва успел вскинуть посох, чтобы блокировать второй, и отступил.

Она наседала. Посох в ее руках вращался с быстротой молнии, и мне с трудом удавалось парировать сыпавшиеся то с одной, то с другой строны удары. Но один я все-таки пропустил: он пришелся по ребрам, по левому боку.

Обозлившись, я сделал обманное движение и попал-таки ей по бедру, но в следующее мгновение пол вылетел у меня из под ног.

«...бедняга...»

«...наверное, с него хватит, магистр Гильберто...»

Я присел и затряс головой. Перед глазами у меня все кружилось.

— Хватит, Тамра,— сухо промолвил Гильберто.— Ты в порядке, Леррис?

Трудно чувствовать себя в порядке, когда башка гудит как колокол, ребра ноют, а эта стерва самодовольно ухмыляется. Пробормотать «все отлично» и подняться на ноги мне кое-как удалось, но на это, похоже, ушли все оставшиеся силы.

— Почему бы тебе не принять горячий душ? — предложил Гильберто.

Возражений с моей стороны не последовало. Горячая во-да — одно из редкостных удобств, предоставляемых в Найлане Братством — казалась мне такой желанной, как, наверное, никогда прежде.

— Кристал, Ринн — в круг! Поединок на длинных ножах. Ножи учебные, деревянные.

Кое-как доковыляв до своего шкафчика, я стянул шлем, перчатки и прочую защитную амуницию.

— Неласково она с тобой обошлась,— заметил стоявший прислонившись к стене Деморсал.

Стягивая через голову тунику, я промычал что-то невразумительное.

— Здорово отделала,— продолжал он,— а все потому, что ты никак не можешь расслабиться и перестать бороться с собой.

— О чем, в конце концов, речь? — буркнул я.— Все только и толкуют, чтобы я расслабился да не боролся с собой.

— Я бы, может, и не стал... Но вот Тэлрин — он учит, что каждый должен найти себя.

— Да пропади он пропадом, твой Тэлрин,— пробормотал я, садясь и стягивая мягкие тренировочные штаны.— Мне ведь больно и еще долго будет больно, даже после душа. Чем поучать насчет «борьбы с собой», ты бы лучше посоветовал, как быть, чтобы в другой раз меня не прикончили.

Деморсал ухмыльнулся, его черные глаза блеснули:

— Так ведь именно об этом я и толкую.

Ростом он был лишь чуточку выше Тамры, но до сих пор ей ни разу не удалось хотя бы прикоснуться к нему посохом. Мне, впрочем, тоже. Но и он никогда не колотил меня с такой силой, а лишь намечал удары.

— Я тупой. Не доходит до меня. Объясни как-нибудь попроще.

— Ты пропускаешь удары, когда переходишь в атаку. Всякий раз. И сейчас тоже. Почему?

Я покачал головой, о чем тут же горько пожалел и схватился за нее руками.

— Попробую по-другому. Тамра ударила тебя сильно, чего я во время наших поединков никогда не делаю. Хотя если ты идешь в атаку, то открываешься передо мной так же, как и перед ней. Соображаешь, в чем тут заговоздка?

— Сообразишь тут что-нибудь, когда голова разламывается!

— В том, что у нас с тобой одна проблема. Я тоже не могу атаковать.

Тут наконец до меня стало кое-что доходить.

— Вот, значит, почему мне не подходит колющее и рубящее оружие!

— Ты привержен гармонии,— промолвил Деморсал, оглядевшись по сторонам.— Очень сильно привержен, а использование оружия содержит в себе элемент хаоса. Особенно нападение. Оно противоречит твоей сути, а значит, когда ты атакуешь, тебе приходится бороться не только с противником, но и с самим собой. Ну а против двоих тебе не устоять.

— Но Тамре тоже не подошли мечи да алебарды. Она тоже использует посох, но это не помешало ей меня отдубасить. Как же тут обстоят дела с хаосом да гармонией?

— Она малость помешанная, но... По голове-то тебе досталось, когда ты шел в атаку. Ты! Ну ладно, я и так, похоже, чересчур разболтался. Надеюсь, тебе скоро будет получше.

Старший ученик ушел, а я отправился под душ.

Кое-что встало на свои места, хотя мне это не слишком-то понравилось. Врочем, если рассудить здраво, способ выжить

совершенно не обязательно должен нравиться. Он должен помогать выжить, а мне нужно знать, что меня ограничивает, и к этому приспособиться. Даже если это не доставляет удовольствия.

А удовольствия мне это определенно не доставляло.

XIII

Улучив свободный часок — как правило, это случалось после полудня в наш день отдыха (восьмой день по календарю Храма) — я по-прежнему любил прогуляться в гавань — полюбоваться морем да качающимися на волнах судами, вид которых неизменно наводил на размышления о торгующих с Отшельничьим дальних странах.

Создавалось впечатление, будто в ходу у них или пароходы с металлическими корпусами, или деревянные парусники. Ничего, напоминающего галеру, мне увидеть не довелось, хотя магистр Кассиус говорил, что в некоторых государствах на побережье Западного Океана, далеко к юго-западу от Кандара, используются гребные суда, причем на весла сажают рабов.

А еще я пытался обнаружить хоть какие-то признаки тепловых экранов или тех Черных судов Братства, о которых здесь никто ни разу даже не заикнулся. Впрочем, я тоже и словечком не обмолвился на сей счет, поскольку не собрался признавать, что их видел — пока об этом не скажет кто-то другой. Но все наши наставники по гармонизации на сей предмет не распространялись. Они вообще не любили делиться настоящими знаниями и на любой действительно интересные вопрос отвечали или заумной невнятицей, или банальным повторением давным-давно затверженных мною истин. Но так или иначе, я продолжал ходить в гавань, а поскольку всякий раз заглядывал на рынок, то непременно брал с собой деньги: вдруг что пригляжу. Правда, пока мои монеты оставались в целости и сохранности.

Как-то раз в ясный солнечный денек мы с Кристал решили прогуляться к морю вместе. С запада, шевеля наши туники и ероша волосы, налетал порывистый ветер, так что Кристал сочла за благо убрать волосы наверх и скрепить прическу шнурками.

Когда мы пересекали рыночную площадь, парусина торговых лотков хлопала на ветру так громко, словно ломались сучья. На нашей стороне рынка пустовало больше половины мест, а на чужеземной и вовсе торговала лишь горсточка купцов.

— Смотри, оружие! — указала на прилавок Кристал.

— Хочешь взглянуть? Вряд ли там окажется что-нибудь стоящее, лучше того, что у тебе уже есть.

Кристал покосилась на меня, подняв темные брови и заставив меня отметить, что за время прибывания в Найлане лицо ее покрылось загаром.

— А что у меня такого есть? Поясной нож да еще столовый, которым только фрукты разделывать. Ты полагаешь, что вооружившись таким манером, я могу спокойно высадиться в Хаморе или Кандаре?

— Прости.

Кристал остановилась перед прилавком, где на светло-голубом войлоке были разложены клинки. На табурете напротив нас сидел сухопарый малый в серой кожаной безрукавке с напомаженными усами и жилистыми руками. Его ничего не выражающие глаза встретились с моими, но я смотрел сквозь него. Мне-то что, мне клинков не покупать.

Громко щелкнула на ветру парусина пустого лотка, и лицо обдал порыв соленого ветра.

Купец перевел взгляд на Кристал, взявшую один из тонких клинков, пожалуй, самый непритязательный и, наверное, наименее смертоносный. Во всяком случае, мне он казался приемлемее прочих, хотя брать его в руки все равно не хотелось.

— Нравится? — низкий и ровный голос купца был так же невыразителен, как и его взгляд.

— Я предпочитаю такие...— положив меч на войлок, Кристал указала на кривой скимитар с золоченой рукоятью и причудливой гардой.— У тебя этот один или еще есть?

В руках смуглого торговца появились еще два изогнутых клинка. Один из них окружали тончайшие завихрения — кроваво-красные нити силовых потоков. Один лишь взгляд на этот хаотичный узор едва не вывернул мои внутренности.

Кристал протянула к ним руку.

— Нет! Не этот! — слова вырвались у меня сами собой. Я не хотел, чтобы она даже прикасалась к мечу, несущему запечатленное в нем силой хаоса зло. Впервые в жизни я осознал и увидел — увидел воочию! — различие между обычным, природным хаосом и истинным злом.

Очередной щелчок парусины словно подчеркнул этот момент.

Кристал нахмурилась, но ее рука замерла, так и не дотянувшись до рукояти.

Купец кивнул.

— Да, говорят, будто этот меч проклят,— промолвил он с тем же безразличием.

Я всмотрелся в него так же, как за миг до этого всматривался в клинок, но ничего особенного не углядел. Правда, у меня не было ни малейшего представления о том, что следует высматривать.

— Попробуй другой,— предложил я.

— Ты что, вздумал учить меня выбирать мечи? — язвительность и раздражение почти лишили голос Кристал обычной мелодичности.

Я пожал плечами, потому как все едино не мог объяснить ей, что именно увидел. Ну как было втолковать, что хитросплетение невидимых ни для кого, кроме меня, силовых завихрений каким-то образом (знать бы еще, каким!) позволило мне понять, что этот меч способен исказить суть своего обладателя, пробудив в нем порочное начало? Или хуже того? Ну как можно описать не поддающееся описанию воплощение самой сути хаоса, силовую комбинацию, основным содержанием которой является противодействие гармонии. Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Кристал... пожалуйста... доверься мне.

— Так ты что, Мастер? — спросил торговец с тем же безразличием, которое начинало мне не нравиться. Создавалось впечатление, будто в этом человеке чего-то недостает. Непонятно только, чего.

— Я тот, кто я есть,— прозвучал мой ответ, вполне достойный настоящего Мастера или магистра. Ничего не скрывающий и ничего не признающий.

Купец лишь слегка склонил голову, дожидаясь решения Кристал.

— Леррис... а как насчет вон того? — она указала на меч, не делая попытки к нему прикоснуться.

Второй клинок, чуть полегче первого, не обнаруживал никаких силовых завихрений. Честный кованый металл — и ничего больше.

— С ним все хорошо. Честный клинок, без всякой магии.

Осторожно взяв меч в руки, Кристал принялась рассматривать полосу стали на солнечном свету. А потом проделала все, что обычно проделывают знатоки, проверяя, подходит ли им оружие. Взвесила на руке, проверила гибкость, несколько раз разрубила воздух, приноравливаясь к балансировке. Меч ей определенно нравился.

А я смотрел на торговца, который мне столь же определенно не нравился. У каждого человека должна быть — если не душа, то хотя бы некая внутренняя искра. Но тут обнаруживалась зияющая пустота. Физически этот малый был жив, но за пределами физического существования его попросту не существовало.

Мне потребовалось усилие, чтобы не поежиться. Впрочем, отмеченное обстоятельство само по себе вовсе не делало его товары ни хорошими, ни плохими. Просто осматривать их следовало

с величайшей осторожностью. Но с присмотренным Кристал мечом все было в порядке.

Она неохотно положила клинок обратно на войлок.

— Сколько? — спросил я у торговца.

— Десять золотых.

Кристал смотрела на меч.

— За такую цену ты могла бы купить гармонизированный клинок, скованный на Отшельничьем, да еще и с ножнами впридачу,— сказал я ей.

— А этот не гармонизирован.

Я моментально понял:

— В Кандаре это дает преимущество, но не для нас.

Пожав плечами, я сделал вид, что ухожу.

— Восемь.

— Как-нибудь обойдемся,— тихо промолвила Кристал.

— Шесть.

Крепчавший западный ветер вовсю трепал мои волосы.

— Пять и серебреник,— предложил торговец.

— Четыре и два серебреника,— откликнулся я.

— Я согласен,— голос его оставался таким же ровным.

— Леррис...— попыталась возразить Кристал. Таких денег у нее не было, и рассчитывать на чью-то помощь ей не приходилось. А мне подумалось, что матушка не была бы против такого употребления ее монет. Поэтому возражения Кристал остались без внимания.

— Но...

Торговец вложил меч в дешевые ножны.

Я выудил монеты, дивясь тому, что мне вообще пришло в голову захватить с собой такую сумму.

Торговец перевел взгляд на меня и взял деньги без слов, с таким видом, словно только и ждал, когда мы уберемся.

Я вложил меч в руки Кристал.

Она попыталась отдать его мне.

Я убрал руки за спину, резонно расудив, что ей едва ли захочется уронить покупку на землю.

— Пошли, поговорить можно и по дороге.

Как только мы двинулись к ограде гавани, торговец оружием почему-то начал собирать свой товар. Мне было бы интересно узнать, как ему удалось протащить на площадь тот дьявольский меч, однако по-настоящему в тот момент меня заботило иное.

— Он твой.

— Я не могу его взять.

— Он твой,— повторил я.— Меч тебе необходим. В твоих будущих скитаниях — по Хамору ли, по Кандару ли — без него не обойтись.

— Но я не могу...

— Кристал.... ОН ТЕБЕ НУЖЕН. Я это знаю, и ты тоже. Можешь считать это дружеским подарком, можешь рассматривать эти деньги как ссуду. Дело твое.

Она остановилась. В это время мы находились возле ближайшего к рынку четвертого пирса, у которого был пришвартован лишь один маленький шлюп без флага.

— Нам нужно поговорить.

— Идет. Может, прямо здесь? — откликнулся я, усаживаясь на черную каменную ограду. А усевшись обвел взглядом бухту. Кроме шлюпа да качавшегося на волнах старого парусника, судов в гавани не было. Никаких, не говоря уж о стальных кораблях Братства.

Положив ножны с мечом на поребрик, Кристал пристроилась рядом со мной. Мы сидели спиной к воде и лицом к двухэтажному зданию из черного камня и черного же дерева. Над двустворчатыми дверьми висела табличка с надписями на трех языках. Означавшими, надо думать, одно и то же — «Склад».

Помимо привычных для всех нас черных букв Храмового письма, там были письмена зеленые, что наводило на мысль о Нолдре, и пурпурные, обведенные по краям золотом.

Чудно, но и на Отшельничьем, и в Кандаре люди говорили на одном и том же Храмовом наречии. Конечно, поскольку оно являлось языком торговли, его знатоки встречались во всех крупных городах, однако языки Хамора и Нолдры были совсем другими, и магистра Трегонна настаивала, чтобы мы освоили основы и того, и другого. Меня несколько удивляло, почему это в Кандаре нет собственного языка.

— Леррис...— мои размышления прервал настойчивый голос Кристал.

Я повернулся к ней и устроился поудобнее, свесив ноги с ограды. А она уселась на парапете, скрестив ноги.

— Тебе не следовало этого делать. Это не потому... я хочу сказать... я вижу, как ты смотришь на Тамру и...

— Тамра? Она-то тут при чем? Какое мне дело до этой нахальной стервы?

Кристал слабо улыбнулась — но не хихикнула. Она молчала, ветерок выбивал черные пряди ее волос из-под серебристых шнурков, а полуденный свет смягчал ее строгие черты.

Молчал и я. Солнышко приятно пригревало спину, а говорить тут было особо нечего. Все ведь просто: ей требовался меч, а я имел возможность оказать помощь. Конечно, я не мог помогать всем и не стал бы помогать тем, кто не хотел помогать себе сам. В этом мои взгляды, наверное, не слишком отличались от взглядов Ринн.

— Леррис.

— Да?

— Почему?

Я пожал плечами:

— Потому что ты ни о чем не просишь. Потому что ты мне нравишься. Потому что ты принимаешь меня таким, каков я есть. Потому что ты не прячешься за полуправдой и банальностями. Видишь, у меня просто уйма всяких причин.

Она вздохнула:

— Как ты думаешь, что со мной будет?

— Не знаю.

Кристал бросила взгляд вниз, на черный гранит, мостивший дорогу к пирсу. Ограда, на которой сидели мы, была сложена из того же камня.

— Сомневаюсь, чтобы мне суждено было остаться жить на Отшельничьем.

Странно, но мне относительно нее казалось то же самое. Но почему мне так казалось, у меня не было ни малейше го представления. А потому я предпочел откликнуться вопросом:

— И что же ты собираешься делать?

Она не ответила. Повисла тишина, которую через некоторое время нарушил детский крик:

— Отдай! Он мой!

Из-за склада выбежала державшая что-то в руке девчушка. За ней гнался мальчик, повыше ее ростом и поплотнее.

— Отдай....

Девочка остановилось перед закрытой рыночной конторой. «Интересно,— сразу подумалось мне,— а как в выходные дни тоговцы арендуют места, получают разрешения на торговлю или что там им требуется?..»

— Ладно,— сказала девочка,— забирай свой дурацкий кораблик. Пошли лучше на пристань.

— Сама иди. А я пойду домой,— мальчуган сунул игрушечный корабль в свой почти пустой заплечный мешок.

— Ну давай, ну сходим,— с улыбкой настаивала рыжая девчонка.

— Я домой.

— Ну на минуточку?

— Ну... ну ладно. Но там же ничего нет, кроме той скорлупки.

— Ну и что?

Парочка прошла мимо нас с Кристал, рассеянно скользнув по нам глазами. Девочка, чуть ли не подпрыгивая, тянула увальня за собой.

— Пошли и мы,— неожиданно для самого себя сказал я. Просто почувствовав, что нам это нужно.

Кристал недоуменно подняла на меня глаза.

Я пожал плечами, и, будучи совершенно не в состоянии что-либо объяснить, лишь повторил, как та девчушка:

— Ну давай, ну сходим.

И мы пошли. К ужину ни она, ни я не вернулись.

XIV

К концу лета наметились кое-какие улучшения.

Дальнейшие занятия с посохом убедили меня в правоте Деморсала: пока я сосредотачивался на защите, все получалось совсем неплохо — я успешно отбивался даже от Гильберто. Потом меня стали учить защищаться посохом от клинков, что оказалось занятным. Я решительно не представлял себе, с чего бы меченосцу нападать на человека с посохом, но Гильберто заверил, что во внешнем мире бывает и не такое. Мне оставалось только принять это на веру.

Я расчитывал, что он снова устроит мне поединок с Тамрой и уже предвкушал, как собью с нее спесь, но Гильберто вместо этого объявил, что по части посоха или дубинки я усвоил все необходимое и теперь мне надо учиться владеть клинком.

Это оказалось куда труднее. Рубцы от ударов деревянных мечей покрывали, наверное, каждый дюйм моего тела. Однако первые успехи появились довольно скоро. Памятуя о словах Деморсала, я сосредотачивался преимущественно на том, чтобы сплетать клинком непроницаемую защиту. Конечно, это не уберегло бы меня при столкновении с настоящим Мастером меча, но я ставил перед собой иную цель: научиться обороняться от заурядных грабителей. Однако, едва дело пошло на лад, как Гильберто потребовал, чтобы я освоил также приемы нападения.

— Это еще зачем? — с испугом спросил я.

— Бывает, что нападение представлет собой форму защиты. Но чтобы твое тело само чувствовало такие моменты, твои навыки должны быть доведены до автоматизма.

Пришлось учиться колоть и рубить мечом, а в качестве передышки Мастер позволял мне подраться на посохах с Кристал, Миртеном и Дорте. Больше для их пользы, на тот случай, если у них под рукой не окажется ничего, кроме палки. Это было довольно интересно, хотя прорваться сквозь мою защиту и коснуться меня удавалось, да и то нечасто, одной Кристал. Я, само собой, почти не атаковал, но время от времени все же ухитрялся огреть кого-нибудь из них посохом.

Кристал при этом смеялась, Миртен же становился похожим на разъяренного быка:

— Думаешь, это так забавно?! — ревел он, но когда я реагировал на это ухмылкой, ухмылялся и сам.

— Ладно, наш юный магистр. Хоть ты и молодой старичок, но все равно славный парнишка...

Это ж надо так сказануть? Ну какой я ему, спрашивается, «славный парнишка»? А уж паче того «магистр»?

Но во всем, кроме физических упражнений, дела если и не ухудшались, то и никак не радовали. Магистр Трегонна закончила свой курс, и ее сменил улыбчивый мужчина по имени Леннерт, с первого же урока затеявший с нами дискуссию по теории гармонии. Это ж с ума сойти! По теории! Ну кому в целом свете может быть дело до таких высоких материй?!

Однако этому магистру Леннерту дело, похоже, было, и он всячески пытался заинтересовать своей теорией всех нас, особенно почему-то меня и Тамру. Тамра сладко улыбалась и задавала вежливые вопросы.

— Значит ли это, что маг хаоса прибегает также к силе гармонии? — спрашивала она медоточивым голоском, подаваясь по направлению к нему на своей серой подушке.

Неизвестно, откуда она себе эту подушку взяла. Все прочие сидели на коричневых, но ей, стервозе, лишь бы выделиться.

— Вот именно! — радостно восклицал Леннерт, тогда как меня простоворотило от ее слащавого притворства.— Даже для того, чтобы манипулировать хаосом, необходимо совершать некие упорядоченные действия, каковые, по сушеству, являются проявлением гармонии. Таким образом, само существование мага хаоса предполагает наличие фундаментального конфликта.

— Выходит, ему не обойтись без внутренней борьбы? — спрашивала Тамра — разумеется, чтобы неизвестно зачем подыграть магистру: столь элементарный вывод напрашивался сам собой.

— ...Вот почему,— разливался соловьем Леннерт,— жизнь Мастеров хаоса весьма коротка, если только они, что доступно лишь немногим, не продлевают свое существование искусственно. А таких, кому удается разрешить этот внутренний конфликт, еще меньше.

Я подумал о том, не заглянуть ли в подсунутую мне отцом книжонку, но руки так и не дошли. Мне казалось, что в будущем, в странствиях, у меня появится уйма времени для чтения.

—... Леррис!

— Да?

— Можешь ли ты сформулировать теорему соотношения силы естественного и магического начал?

Я подавил вздох.

— Согласно существующему представлению, чем значительнее в составе какой-либо структуры магический элемент, тем

недолговечнее эта структура в сравнении с аналогичной, но созданной из природных материалов вручную или механическим способом.

— Так. Ну и что это значит? — Леннерт улыбнулся и оглядел комнату.

Миртен запустил пятерню в свои непослушные черные лохмы, Дорте смотрела на Миртена, а Кристал — на полуденные облака за окном. Саммел силился подавить зевок, а вот Тамра прямо-таки лучилась.

— Это значит, что магия более пригодна для разрушения, нежели для созидания,— влезла она с ответом.

Тоже мне, открытие совершила. Всякий знает, что разрушить что-либо с помощью магии хаоса легче легкого, но чтобы построить дом, проще не наводить чары, а пригласить каменщиков да плотников.

— Вам еще предоставится возможность убедиться в том, что это не вполне точное утверждение,— промолвил Леннерт, переводя взгляд с Тамры на меня и обратно.

Миртен тихонько заржал.

— Магию гармонии можно использовать для увеличения природной прочности двумя способами: во-первых, защищая структуры от воздействия хаоса, а во-вторых — придавая им большую внутреннюю упорядоченность. Однако,— тут магистр Леннерт покачал головой,— это сложный вопрос, обсуждение которого требует глубоких познаний. На настоящем же этапе важно отметить то, что соответственно оснащенный и обученный индивид может успешно противостоять магическому воздействию и даже одержать верх. Но при условии... ПРИ ТОМ УСЛОВИИ, что и оснащен и обучен он по-настоящему хорошо.

— Магистр? — подал голос Саммел.— А как насчет могущества древних чародеев Фэрхэвена? Или Белых Рыцарей?

Леннерт покачал головой:

— Ты путаешь два аспекта хаоса. Если речь идет о разрушении в чистом виде, то есть уничтожении гармонических связей, придающих вещам и явлениям структурную целостность, то в этом смысле пртивостоять хаосу более чем трудно. Но возможно — используя три фактора. Первый из них — воля. Ваша воля к жизни препятствует любой направленной магической атаке на вашу личность. Стремление выжить заложено в самой человеческой природе, и подавить его способны лишь самые сильные Мастера хаоса. Правда, вы пока еще подвержены всяческим искушениям... но это другой вопрос. Второй фактор — это природная сила материала. Молодой организм сам по себе обладает большой сопротивляемостью по отношению к магии, подобно зданию, выстроенному из самого крепкого камня с

перекрытиями из лучшего дерева. Ну а третий фактор — сама магия, которая может дополнить оба предыдущих усилением структурных связей.

Все, что говорил Леннерт, надо полагать, соответствовало действительности, но, на мой взгляд, не имело никаго смысла. Ясно ведь, что никто, кроме сильного Мастера хаоса, и не подумает предпринимать магическую атаку на личность. А все, кто практикует магическое воздействие, как правило, и сами являются «соответственно оснащенными и обученными индивидами». Белые Рыцари, как помнилось из уроков магистра Кервина, сражались мечами и были могучими воителями.

— ...Сила хаоса заключается в его способности дезинтегрировать сложные структуры...— дундел Леннерт.

— Не по этой ли причине многие народы остерегаются использовать паровые машины? — сияя, как медный таз, осведомилась Тамра.

Ринн еле слышно фыркнула.

Я вздохнул. Сама по себе теория, может, и недурна, но мне уже осточертел и фальшивый энтузиазм Тамры, и ярое стремление магистра Леннерта разжевать очевидное и уклониться от разъяснений чего-либо существенного. Например, что такое магия гармонии? Каким образом способствует она усилению структурных связей? Как эта магия работает и почему никто не признается в том, что ею занимается? Должен же кто-то ею заниматься!

Магистр Леннерт продолжал теоретизировать, а я задумался о Кандаре и о том, что может меня там ожидать.

XV

Нас — во всяком случае, у меня было такое ощущение — с самого начала собирались отправить в Кандар. Но одно дело — думать об отплытии как о деле неопределенного будущего, а совсем другое — узнать, что для тебя время покинуть Отшельничий уже настало.

Нас собрали в той самой комнате, где состоялась наша первая встреча по прибытии в Найлан. Но на сей раз каждому предстояло переговорить с Тэлрином по отдельности.

Дубовые стенные панели казались еще более мрачными чем в тот раз, а изображенные на портретах мужчина и женщина выглядели так, словно знали некую тайну, которой не собирались с нами делиться.

Разумеется, я понимал, что все это чепуха, однако стоило мне взглянуть на мужской портрет, как по коже пробегал холодок. А на женский мне и вовсе не хотелось смотреть, по-

скольку изображенная на нем особа, при полнейшем отсутствии внешнего сходства, почему-то заставляла меня вспомнить Тамру.

Вызванный за дверь на беседу с Тэлрином Саммел так и не вышел. То есть, надо думать, вышел, но не к нам в комнату ожидания, а через другую дверь. Потом Тэлрин позвал Дорте, за ней — Ринн, следом — Миртена. Кристал и Тамра все еще ждали. Кристал ерзала на краешке скамьи, готовая вскочить в любой момент. Я ее понимал, поскольку сам вовсе не мог сидеть. Со времени прибытия в Найлан я заметно окреп и научился обращаться с полудюжиной видов оружия, но так ни в чем толком и не разобрался. И готовым к испытанию себя вовсе не чувствовал.

Самое паршивое заключалось в том, что причина, по которой меня отсылают с Отшельничьего, так и осталась невыясненной. То есть, конечно, мне сказали, что я каким-то образом представляю некую угрозу для разлюбезного порядка нашего расчудесного острова. Но чтобы растолковать, что же во мне такого страшного — это уж дудки!

— Кристал,— позвал Тэлрин, приоткрыв дубовую дверь.

Кристал встала.

— Удачи,— шепнул я.

Она слабо улыбнулась и пожала плечами.

Выражение лица у Тэлрина было открытым, благодушным и приветливым, как у привычного к своему делу опытного палача.

Дверь затворилась.

Тамра подняла на меня глаза. В отличие от Кристал, она небрежно разлеглась на скамье. Ее рыжие волосы и яркий голубой шарфик резко контрастировали с мрачной обстановкой помещения.

— Что, любишь женщин постарше? — ехидно осведомилась она.

— Нет, просто люблю женщин,— откликнулся я, хотя, наверное, не стоило бы ввязываться с ней в спор.— Перво-наперво — настоящих. Которые сами признают себя женщинами.

— Этаких смиренных овечек...

Я покачал головой, не удостоив ее взглядом.

— Хоть ты и хороший боец, Тамра, Кристал могла бы без труда изрубить тебя на кусочки. Это она-то смиренная овечка? Мы с ней друзья, вот и все.

— Ага, значит в вашей парочке тон задает она,— усмехнулась Тамра, потянувшись на скамье, как кошка.

Отвечать я не счел нужным — Тамра все едино перетолковала бы мои слова по-своему — а вместо того принялся рассматривать камень под ногами. По утверждению магистра Ленерта, поверхностные узоры любого материала определенным

образом отражали его внутреннюю структуру. В древесине я разбирался и сейчас думал, что, доведись мне заняться резьбой по дереву снова, это знание, пожалуй, помогло бы мне создавать изделия получше, чем большинство не столь сведущих в философии ремесленников. Вид материала позволял определить его плотность, а плотностью во многом обуславливалась прочность. Это имело отношение в равной мере и к камню, и к металлу.

Особенность мощения пола заключалась в том, что каждая плита, будучи отдельной структурной единицей, в то же время являла собой неотъемлемую, органическую часть единого целого. Поверхностный узор, отражавший структуру гранита, и узор мощения составляли некое не сразу уловимое, но неразрывное, воистину гармоническое единство. Это относилось ко всем мостовым и каменным строениям Найлана.

— Тамра! — Тэлрин просто назвал ее имя.

Та неожиданно резко уселась на скамье, а потом встала. Я хотел было проводить ее взглдом, но тотчас передумал. Не стоило давать ей повод для каких-то дурацких измышлений

Оставшись в одиночестве, я наконец сел. Прямо под женским портретом. Если подумать, так какое мне вообще дело до Тамры? Кристал — та во мне нуждается, а Тамре вовсе никто не нужен. Ну разве только как объект для насмешек, чтобы было на ком демонстрировать свое превосходство. Спору нет, ни в сообразительности, ни в силе ей не откажешь. Непонятно только, кому и зачем она это беспрестанно доказывает.

— Леррис.— Голос Тэлрина звучал спокойно, хотя выглядел он, кажется, уже не так благодушно. Я вздохнул и встал, почему-то пожалев, что со мной нет моего посоха. Вместе с уже упакованными в дорогу вещами он дожидался меня в моей комнате.

Придержав дверь, магистр пропустил меня и закрыл ее. Я остановился перед столом, за которым мы ели и слушали его много восьмидневок назад.

— Садись, Леррис.— Сам Тэлрин уселся во главе стола, на тот самый стул, что и тогда.

Выдвинув черный дубовый стул — на сей раз это удалось мне без труда — я сел. И стал ждать, что скажет наставник. Я заранее знал, что мои соображения и пожелания не имеют никакого значения.

— У тебя могут возникнуть затруднения,— начал он.— Ты все время ждешь, когда кто-то преподнесет тебе готовые ответы, а в жизни так не бывает. И в гармонизации — тоже. Ты требуешь и ответов, и истолкований и думаешь, будто все скрывают от тебя нечто важное.

Я изо всех сил попытался сдержать разочарованный вздох. Неужели даже напоследок нельзя обойтись без нудных нотаций?

— Но я попробую кое-что тебе втолковать. Уже пытался, попробую и еще. Наверное, ты мне не поверишь, но постарайся хотя бы просто запомнить мои слова. И ВОЗМОЖНО, это спасет твою жизнь.

Это мелодраматическое вступление едва не вызвало у меня улыбку, но я решил послушать. Хуже-то не будет.

Тэлрин ждал моей реакции.

Я на всякий случай кивнул.

— Так вот, во-первых, ты — потенциальный Мастер гармонии. Способности позволяют тебе стать и Мастером хаоса, но вот склонности у тебя иные и, вступив на тропу хаоса, ты погибнешь в Кандаре весьма скоро, если не сразу.

Во-вторых, ты достаточно силен, чтобы вызвать у большинства Мастеров хаоса искушение тебя совратить.

Ну а в-третьих, ты никак не хочешь понять, что каждый Мастер должен сам обрести смысл собственной жизни.

И наконец...— тут Тэлрин — Мастер в серебристых одеждах! — вздохнул, как какой-нибудь заурядный ученик,— наконец, нельзя не признать, что по отношению к тебе мы поступаем нечестно и несправедливо.

— Ты это признаешь? — изумился я.

— МЫ это признаем.

— Тогда зачем вы это делаете? Не понимаю!

— Дело в том, что твоей склонности подвергать все сомнению и твоего неприкрытого скептицизма вполне достаточно, чтобы разрушить основы мировоззрения любого неподготовленного человека, который проводит много времени в твоем обществе. Сам подумай: обычно группу к гармонизации готовят два Мастера. Бывает, что хватает и одного.

— Тэлрин, Трегонна, Гильберто, Кассиус и Леннерт,— тут же припомнил я наших наставников.— Целых пятеро, не считая помогавших им учеников, вроде Деморсала.

— Четверо... Нет, пятеро! — промолвил Тэлрин — Пришлось задействовать пятерых, чтобы нейтрализовать твое влияние. И кое-какие последствия твоего пребывания здесь нам еще придется расхлебывать. Этак с годик.

— Да в чем вообще проблема?

— В твоих потенциальных возможностях. Они весьма велики, причем ты способен обратить их на служение как гармонии, так и хаосу. Выбирать тебе, но выбор может оказаться непростым. Весьма непростым.

Я открыл рот.

Тэлрин поднял руку:

— Позволь мне объяснить. Дело в том, что ПРИЧИНА, по которой ты обращаешься либо к гармонии, либо к хаосу, не имеет значения. Срубая дерево на растопку, ты предаешься хаосу, даже если делаешь это ради того, чтобы согреть замерзающего ребенка. А исцеляя убийцу, ты отдаешь себя гармонии.

— Что?! — Слова Тэлрина просто не укладывались в моей голове.

— Именно поэтому иметь дело с гармонией весьма трудно. Предполагается, что благие поступки приумножают гармонию, однако, используя силы хаоса из самых добрых побуждений, ты усиливаешь элемент противоречивости, а следовательно, ослабляешь гармоническое начало.

Мне по-прежнему было трудно в это поверить.

— Это что ж получается: нельзя срубить дерево, даже чтобы спасти ребенка?

Тэлрин печально улыбнулся:

— Этого я не говорил. Я сказал, что тебе нельзя использовать силы хаоса, а обрубить ветки мечом или топором ты бы мог. В тех случаях, когда использование физической силы не затрагивает человеческую жизнь, оно не является фактором гармонии или хаоса.

Я покачал головой.

— Ох...— Тэлрин вздыхал уже не таясь и говорил то ли насмешливо, то ли горестно.— На самом деле, Леррис, дела обстоят еще хуже. Гораздо хуже. То, что я тебе говорил,— верно, но не совсем. Порой ты можешь использовать силы хаоса, служа гармонии, но лишь в тех случаях, когда это уравновешивается и оправдывается соображениями высшего порядка. Сказать по правде, так если ты изберешь служение гармонии, тебе, возможно, придется прибегать и к силам хаоса. Суть в том, что Мастер гармонии должен уметь рассчитывать соотношение начал, а это весьма сложно. Не исключено, правда, что ты, при твоих возможностях, сможешь ощутить меру, найти нужный баланс интуитивно. Но если тебе не удастся подкрепить интуицию логикой и расчетом, то сумеешь ли ты распознать, какое неосознанное решение продиктовано чутьем на истину, а какое — просто желанием облегчить свою задачу? А такое желание порой возникает у каждого из нас.

— Но как я могу... И как вы можете требовать от меня?..

— Я ведь признал, что по отношению к тебе мы поступаем, мягко говоря, нечестно.

— Ладно,— буркнул я, уткнувшись взглядом в стол.— Это все?

— Пока нет. Следующей стадией гармонизации должно стать выполнение поручения. Я поставлю перед тобой задачу. Возможно, она покажется тебе простой, но это не так. Тебе предстоит

объехать весь Кандар, побывать и за Рассветными, и за Закатными Отрогами. Путешествовать ты должен будешь в одиночку. Я имею в виду — без спутников с Отшельничьего. А вернуться сможешь только тогда, когда почувствуешь, что готов.

— Что значит — «готов»? И что вообще все это значит? — я даже не пытался скрыть раздражения.

— Что это значит, ты со временем сам поймешь,— проговорил он, выдержав мой взгляд.— Другие вопросы есть?

У меня имелась уйма других вопросов. Например, что я им вообще сделал? Почему никто так мне ничего не объяснил? Почему все, чего они от меня хотят, должно быть основано или на вере, или на опыте, которых у меня нет и которым неоткуда взяться? Почему обучали нас вместе, а путешествовать я должен один? Только спрашивать обо всём этом явно не имело смысла.

— Нет. Других вопросов у меня нет.

— Хорошо,— промолвил Тэлрин, с усталым видом поднимаясь из-за стола. Сегодня как никогда он позволял себе выказывать человеческие слабости.— Мы уже не увидимся — до твоего возвращения, Леррис, так что поверь, что все здесь желают тебе только добра. Остальные из группы ждут тебя. До отплытия вашего корабля осталось немного времени.

— И что мне сейчас делать?

— Собирай вещи и отправляйся на пирс, где пришвартован «Призрак».

Не двинувшись с места, он указал мне на другую дверь.

Я кивнул:

— Спасибо за откровенность. И за науку: надеюсь, она мне как-нибудь пригодится.

Седовласый магистр промолчал.

Я поклонился и вышел, гадая, каков он, этот «Призрак». Один из тех Черных кораблей Братства, которых никто почему-то не замечает? Или торговое судно какого-нибудь кандарского герцогства?

Мне не было известно ни это, ни еще многое другое, тогда как Тэлрин выглядел так, будто он сообщил мне нечто весьма важное, да еще и в нарушение какого-то обычая или правила. И поскольку он совершенно очевидно свято верил, что так оно и есть, мне становилось не по себе. А уж о его словах лучше было бы даже и не задумываться вовсе. Никогда не прибегать к разрушительным силам даже во имя добра?..

Ноги сами несли меня по заглубленному в землю длинному коридору, освещенному солнечными лучами, пробивавшимися сквозь зеленые кроны над стеклянной крышей. По моей спине так и ползли мурашки.

XVI

Как и сказал Тэлрин, Саммел, Миртен, Дорте, Ринн и Кристал дожидались меня снаружи, под развесистой кроной шелестевшего листвой красного дуба. Сначала мне привиделось, что Саммел вооружился двумя мечами, но на поверку они оказались короткими дубинками. Миртен и Дорте, если и захватили какое-либо оружие, то прятали его в торбах или под платьем. На поясе Ринн висели короткий меч и метательный нож. Второй нож она держала в потайном кармане на бедре.

Кристал была в привычном линяло-голубом костюме и с подаренным мною мечом. Правда, полученные от торговца дешевые ножны она заменила на другие, потертые, но более прочные, из серой кожи.

В ответ на ее кивок я утер лоб и подошел к ней.

— Похоже, Тэлрин задал тебе жару,— заметила она.

— Ничего, я в порядке.

— Вижу, в каком ты порядке. Тамра, когда вышла, выглядела не лучше.

— А ты?

Как ни странно, Кристал не хихикнула, лишь печально улыбнулась:

— Знаешь, он сказал, что мне следует основательно поразмыслить над тем, чего я в действительности хочу. И еще — что, возможно, для меня будет лучше навсегда остаться в Кандаре.

Меня так и пробрало холодом.

— Что с тобой?

Я почувствовал на своем плече ее теплую руку.

— Да все нормально.

— Что говорил тебе Тэлрин?

— Надо думать, то же, что и всем прочим,— пожал я плечами.— Что мне нужно найти себя и что на эти поиски может потребоваться уйма времени.

Кристал кивнула, пальцы ее на миг сжались на моем плече.

— Тебе надо сходить за торбой.

— Спасибо, что напомнила.

Я вошел в дверь жилого корпуса. Из всех наших бывших спален приоткрыта была только дверь в комнату Тамры, но заглядывать внутрь я не стал.

Мои вещи находились там, где и были мною оставлены. Заплечный мешок лежал на кровати рядом с посохом и ножом, который я не рассматривал как оружие и предполагал использовать только применительно к неодушевленным предметам — хворостину там обстругать или хлеба порезать. Скатанный плащ был приторочен поверх мешка. Повесив нож на пояс, я заки-

нул торбу на спину, взял в руки посох и вышел. Дверь оставил открытой — из мелочного протеста против порядков Братства.

Открытой оставила дверь и Тамра.

Остальные ждали меня снаружи, но теперь к ним присоединились Тамра и еще одна, незнакомая мне, женщина.

— Меня зовут Изольда,— представилась она.— Моя задача благополучно препроводить вас отсюда во Фритаун.

Глаза у нее были темно-серыми, несколько темнее пепельных волос, подстриженных так, что прическа открывала шею. Одеяние составлял блеклый зеленый комбинезон и черные сапоги, оружие — два ножа, по одному на каждом бедре. Ножи висели на широком поясе из черной кожи с треугольной серебряной пряжкой.

— Мы плывем на «Призраке»,— продолжила она.— Это норландское парусно-паровое судно, приписанное к Бристе. На бор-ту только две каюты, но это не должно вызвать затруднений, поскольку при нормальной погоде путь до Фритауна занимает не больше полутора дней.

— Какие затруднения? — не понял я.— Что за затруднения могут возникнуть из-за двух кают?

Взгляд мой непроизвольно упал на Тамру, которая стояла, уставясь в землю и вцепившись в свой посох так — это было видно и с расстояния в десять локтей — что у нее побелели костяшки пальцев.

— Во Фритауне у нас есть гостиница, где завтра по прибытии вы и остановитесь. В этой гостинице — она совсем неподалеку от порта — вы получите последние инструкции, касающиеся обстановки в Кандаре. В какие провинции или герцогства лучше не совать носа и по какой причине. Итак, через два дня, считая с нынешнего, вы будете предоставлены самим себе. Вопросы есть?

— А кто оплачивает плавание? — прокашлявшись спросил Миртен.

— Братство. Так же, как питание и кров в «Пристанище путников». Ну а уж после этого все за ваш счет.

Изольда обвела нас взглядом в ожидании новых вопросов.

— А почему мы плывем на корабле из Нолдры? — громко поинтересовалась Ринн.

— А почему бы и нет? — удивилась Изольда.— «Призрак» плывет туда, куда нужно и вам, и отправить вас попутным кораблем куда дешевле, чем устраивать специальный рейс судна Братства.

— Ну конечно,— подала голос Тамра, глядя не на Изольду, а куда-то в сторону.— Отшельничий не намерен тратить деньги на каких-то там отщепенцев.

Голос ее едва не срывался. Неужто это и есть та самая самоуверенная нахалка, которая отделала меня посохом и разбиралась в теории гармонии чуть ли не лучше магистра Леннерта?

— Отчасти это верно,— отозвалась Изольда.— Своими действиями или образом мыслей вы отвергли Отшельничий, а стало быть, хоть и с него родом, ему не принадлежите.

В обыденности тона Изольды слышалось больше холода, чем во всех поучениях старого Кервина. Ни тебе запугиваний, ни увещеваний — простая констатация факта. Раз у тебя не тот образ мыслей — ты чужой.

Тамра подняла глаза, и я попытался встретиться с ней взглядом, но она отвернулась. Наверное, мы с ней испытывали схожие чувства.

— Если вопросов больше нет, то идем. Нам пора.

Я просунул руку во вторую лямку мешка и выпрямился. Миртен поднял свою торбу. Саммел и Дорте стояли по обе стороны от Изольды.

Не говоря больше ни слова, Изольда повела нас по главной дороге прямо через рыночную площадь. Она была пуста, если не считать пирожника, который уже сворачивал свою торговлю, да завалившегося спать прямо на лотке подгулявшего матроса.

«Призрак», пришвартованный у первого причала, имел две мачты с прямыми, сейчас убранными, парусами и размещенные по обе строны примерно посередине корпуса колеса, приводимые в действие паровой машиной. Между мачтами торчала черная с зеленой диагональной полосой дымовая труба.

— Эй, на «Призраке»! — окликнула Изольда.

— Привет! — помахал ей с борта рослый светловолосый мужчина.

Не утруждая себя лишними словами, она двинулась вверх по крутым сходням, предоставив нам следовать за ней.

Что мы и сделали.

— Встаньте туда,— поднявшись, наша провожатая указала место на палубе рядом со встретившим нас моряком.

Я встал у борта, бросив быстрый взгляд на пустую рыночную площадь.

— Всего восемь пассажиров, как мы и уговаривались с капитаном Герулком,— говорила Изольда вахтенному помощнику — светлобородому крепышу в легкой рубашке, открывавшей мускулистые, покрытые бронзовым загаром руки.

На корабле пахло солью, мылом, лаком и чем-то еще. Палуба была чистой и незахламленной, лишь под каждой мачтой лежало по несколько бухт толстого каната. Пробежав пальцами по поблескивавшему бортовому ограждению, я почувствовал, что оно немного липкое: видно, его совсем недавно покрыли лаком.

Два матроса, оторвавшись от работы, окинули взглядом столпившихся на палубе чужаков.

— Колдуны,— пробомотрал тот, что постарше, жилистый малый с сединой в волосах.— Целая уйма чародеев и ведьм.

Он снова взялся за молоток. Его товарищ последовал его примеру.

— Неплохой корабль, отдраенный, только вот маловат,— сказал Миртен.

— Маловат?

— А что, ты никогда не видел хаморианских грузовых судов? Вот это громадины, иные так по три сотни локтей в длину.

Я пожал плечами, потому что о размерах кораблей до сих пор как-то не задумывался.

— Хорошо, что плыть только полтора дня,— продолжал Миртен.— Вот до Хамора такая посудина тащилась бы почти две восьмидневки.

Тамра стояла чуть поотдаль от прочих, ближе к корабельному носу. Отойдя от Миртена, я остановился возле нее. Она молча смотрела на берег, на черную ограду гавани, некогда удивившую меня тем, что с воды она выглядит куда более высокой, чем сверху.

— Ты в порядке? — тихонько спросил я

— А это имеет значение? — устало откликнулась она.

— Да.

— Почему?

— Ну, потому что...— нужных слов у меня так и не нашлось.

Она продолжала молча смотреть на берег. Решив, что ей хочется побыть одной, я отступил и натолкнулся на Ринн.

— Ой, извини...

— Ну если уж ты просишь, Леррис...

— Извини,— повторил я, не поняв, в чем тут шутка.

— Извинения приняты,— ответила за Ринн Кристал и мягко улыбнулась.

— Ну что ж,— обернулась к нам Изольда,— раз все вопросы улажены, можно размещаться. Следуйте за мной.

За ней и другим офицером — все офицеры были выше матросов ростом, и на их безрукавках красовались желтые воротники — мы спустились вниз по крутой и узкой деревянной лестнице, которые моряки, кажется, называют трапами.

— Я, Саммел, Леррис и Миртен займем первую каюту,— объявила она. На лицах Миртена и Дорте отразилось недоумение, а вот Кристал и Ринн, кажется, кивнули. Впрочем, утверждать это с уверенностью я бы не взялся: под палубой было темновато.

В каюте — по размеру она была не больше чулана — имелись четыре встроенные койки, по две с двух сторон, одна над

другой. На каждой лежал застеленный линялой простыней тонкий матрас и сложенное коричневое одеяло. Расстояние между койками составляло менее трех локтей. Противоположная двери стена представляла собой корабельный борт с маленьким круглым окном.

Под каждой из нижних полок впритык стояли два ящика — видимо, для вещей.

— Леррис, ты тут самый ловкий,— заявила Изольда, забросив свой мешок на одну из верхних коек.— Почему бы тебе тоже не устроиться наверху?

Не видя причины спорить, я закинул торбу на койку напротив.

— Можете использовать шкафчики, что внизу. Они не запираются, но на борту краж не бывает. А вот твой посох,— она взглянула на меня,— лучше оставить в каюте до конца плавания.

Дался им всем мой посох! Я положил его на койку, а торбу снял оттуда и с трудом втиснул в шкафчик. Мешок Саммела был поменьше и в соседнем шкафчике поместился легко.

Миртен опустился на колени и, качая головой, пристраивал свои вещички.

— А можно подняться на палубу? — спросил я.

— Конечно, только не мешайтесь под ногами у команды.

Наверху слышалось пыхтение запущенного парового двигателя. На мостике рядом с рулевым стоял мужчина с серебристыми волосами и выдубленным ветром лицом. Судя по желтой безрукавке, это и был капитан корабля.

— Отдать швартовы!

— Есть отдать швартовы!

Ударил колокол.

— Малый вперед!

Колеса по бортам парохода пришли в движение, и «Призрак» стал медленно отходить от пристани.

Я чуть ли не на цыпочках направился к борту, чтобы проводить взглядом берег.

И обнаружил Тамру, стоявшую на том самом месте, где я ее оставил, и в той самой позе. Правда, она, должно быть, все-таки спускалась вниз, поскольку ни мешка, ни посоха при ней не было.

С моря Найлан с его черными стенами, черными мостовыми и черными крышами казался еще более угрюмым. Красноватое предзакатное солнце отражалось только в воде. Мне это зрелище напомнило картинку из отцовской книги по истории, которая изображала Фэрхэвен, Белый Город Мастеров хаоса. Только вот белый Фэрхэвен давным-давно погиб, а Найлан стоит, и его Черная гармония оберегает Отшельничий.

Приметив уголком глаза странное мерцание воздуха, я повернулся и увидел один из запомнившихся мне Черных безмачтовых кораблей Братства. Он пристроился в фарватере позади «Призрака», и его единственная башенная пушка слегка развернулась в сторону норландского судна.

— Тебе это так легко удается? — тихонько спросила Тамра.

— Что?

— Видеть невидимое.

Я пожал плечами:

— Как-то не задумывался. Просто смотрю и вижу. Хотя этот корабль... он и вправду какой-то странный.

— Знаешь, это действительно несправедливо,— голос Тамры прозвучал так невыразительно, что меня пробрало холодом сильнее, чем это сделал бы забравшийся под тунику морской ветер.— Им плевать на то, как ты стараешься. Плевать, чему тебе удается научиться. Им на все плевать!

— Ты о Братстве? — уточнил я, придвинувшись поближе.

— Им, видишь ли, не нравится, что ты, сын одного из высших Мастеров Храма, не принимаешь слепо на веру все их поучения. И они спроваживают тебя в Кандар, в твоем-то возрасте! Ты ведь много моложе всех нас!

— Высший Мастер Храма? Мой отец?!

Корабль Братства увеличил скорость и поравнялся с «Призраком», держась правого борта. Даже с расстояния в сто локтей я ощутил исходящую от него мощь гармонии.

— А ты даже не знал? Ну разве это справедливо?

— Конечно, нет. Но они, Тамра, руководствуются не справедливостью, а целесообразностью. Все, что не плывет по течению, захламляет русло.

— И ТЫ С ЭТИМ СОГЛАСЕН? — признесла она с расстановкой, так что каждое слово падало, как кузнечный молот. Лицо ее побелело.

Тут корабль накренился, и мне пришлось ухватиться за поручень. «Призрак» вышел за мол, а в открытом море волнение было существенно сильнее.

Машина набирала обороты. Колеса вращались все быстрее, труба с пыхтением выпускала все более густые клубы белесого дыма. Матросы ловко и быстро сновали по мачтам, ставя паруса.

— Ты с ними согласен? — повторила свой вопрос Тамра, приблизив ко мне бледное лицо.

— Не знаю.

— О... пропади все пропадом!..— она схватилась за живот.

— Тамра! Могу я тебе помочь?

— Очень даже можешь. Оставь меня в покое.

В этот момент ее вырвало. К счастью, не на палубу, а за борт. Я отшатнулся, поскольку стоял ниже по ветру, а избытком сменной одежды похвастаться не мог. Тамра явно не нуждалась в моем обществе и едва ли собиралась в ближайшее время возобновить нашу беседу, поэтому я счел за благо выполнить ее просьбу и перебраться поближе к носу.

И там я снова увидел корабль Братства — он стремительно, с невероятной скоростью, уносился на север. Что, при отсутствии парусов и колес, приводило его в движение, было для меня загадкой. За кормой оставались лишь кильватерная струя да тонкая струйка черного дыма. При этом он был невидимым для всех, кроме нас с Тамрой, которой теперь явно не до него. Надо же, как ее укачало! И это при волнах высотой едва ли в два локтя.

Солнце уже было готово погрузиться в черные воды залива. Пыхтела труба, вращались колеса, качалась под ногами палуба и «Призрак» — локоть за локтем, род за родом, кай за кай — уносил нас к Кандару.

Изольда стояла в одиночестве позади мостика, Миртен под раскачивающимся фонарем тасовал карты, а Тамра не разжимала рук, вцепившихся в липкие от лака поручни.

А я — я любовался барашками пены, вскипавшими на волнах.

XVII

На протяжении всего плавания по заливу волнение было не слишком сильным, однако державший курс на северо-запад «Призрак» постоянно испытывал килевую качку.

Спал я плохо, без конца просыпаясь, но, в отличие от Саммела, почти все время торчавшего у борта, все-таки спал.

А вот Изольда спала без задних ног, даже храпела. Миртен вернулся в каюту позже, с изрядно набухшим кошельком. Этот малый вновь доказал, что способ поживиться найдет где угодно. Он поднялся первым, и, хотя двигался очень тихо, шевеление в каюте разбудило меня.

Следом за ним и я поднялся на залитую солнцем палубу и направился в кают-компанию — небольшое помещение с прикрученными к полу двумя столами и длинными скамьями. Там уже находились Ринн, Дорте и Кристал.

Я уселся на дубовую скамью напротив Миртена. Появился Саммел, которого шатало. Добравшись-таки до стола, он забился в угол подальше от остальных. Похоже, его замучила морская болезнь.

На завтрак подали сушеные фрукты — яблоки, красную смородину, персики — а также галеты и чай, настолько креп-

кий, что я поморщился. Впрочем, он прекрасно годился для размачивания твердых галет.

Ел я медленно, не поднимая глаз. Команда, наверно, позавтракала раньше, и в кают-компании находились одни пассажиры.

Саммел куснул галету, отхлебнул чаю и, совершенно зеленый, покачиваясь, вышел вон.

Зато Ринн, Кристал и Миртен жадно уминали все подряд.

Миртен, хотя и лег поздно, выглядел отдохнувшим, только вот его шевелера была взлохмачена еще больше, чем обычно. Быстро поев, он первым встал из-за стола и, никому ничего не сказав, ушел. Дорте, с поблескивавшими глазами, последовала за ним. Ринн немного посидела, теребя рукоять метательного ножа, и тоже удалилась.

Кристал с улыбкой покачала головой.

— Что-то смешное? — спросил я.

— Не совсем,— ответила она. Если это, конечно, можно назвать ответом. Не взяв ничего с обоих полированных деревянных блюд, она с удовольствием пила смоляной чай.

— Это не ответ.

— Ох уж эти мужчины...— Кристал покачала головой. Сегодня ее прическу скрепляли не золотистые или серебристые шнурки, а темно-голубые, словно ей хотелось привлекать к себе поменьше внимания. Поставив кружку на стол, она встала и удалилась из кают-компании прежде, чем я успел хоть что-то сказать.

Оставшись в одиночестве, я съел еще одну галету и сушеный персик и уже совсем было собрался уходить, когда появилась Изольда, а за ней — Тамра.

Бледность сделала Тамру похожей на хрупкую фарфоровую статуэтку, одну из лучших, какие изготовляла моя матушка. Но в следующий миг это впечатление оказалось разрушенным отрыжкой. Пробурчав извинение, она тяжело опустилась на скамью, где недавно сидел Миртен.

Изольда налила темный чай в две глиняные, покрытые коричневой глазурью кружки.

— Меду?

Тамра кивнула, слегка покачиваясь вместе с «Призраком».

Допив свой чай, я огляделся — куда тут ставят пустую посуду?

— Леррис, не уходи пока, а?

— Да куда тут идти-то?

Тамра вздохнула. Изольда сдвинула брови, а я поднес к губам пустую кружку — просто чтобы не смотреть ни на ту, ни на другую. А потом взял тяжелый заварной чайник, наполнил

кружку заново и утопил в ней шарик меда из серого приземистого кувшина.

— Вы составляете неплохую пару,— произнесла Изольда сухим тоном.— Одна считает, что главное — во всем добиваться успеха, а другой думает, будто существуют все объясняющие ответы на все вопросы. Одна ненавидит всяческие привилегии, но при этом отчаянно их домогается, а другой, располагая ими изначально, бездумно их отвергает.

Мы с Тамрой переглянулись.

— Вам обоим предстоит столкнуться со многими неожиданностями,— отпив глоток чаю, Изольда потянулась к сушеным яблокам, а потом к хрустящим галетам.

Я тоже отхлебнул чая, основательно подслащенного медом, но все равно остававшегося горьким.

Тамра грызла галету, запивая каждую крошку. В темно-сером одеянии, без обычного цветного шарфика, она выглядела поблекшей и вялой.

Молчание затянулось. В конце концов я поставил полупустую кружку на стол и встал, переводя взгляд с одной женщины на другую. Но обе так и не подняли глаз и не промолвили ни слова. Изольда подолжала завтракать. Тамра сидела, уставясь на гладкую поверхность стола.

Подождав немного — вдруг они что-нибудь да скажут? — я пожал плечам и вышел.

Ветер на палубе усилился и теперь вовсю трепал мои короткие волосы. Ноги сами понесли меня к корабельному носу, где я остановился, глядя на то, как ветер сдувает брызги с гребешков темно-синих волн. «Призрак», конечно, не летел над водой, но его движение нельзя было назвать неуклюжим. Практичная эффективность и основательность — вот слова, которые характеризовали корабль точнее всего. Так же, как и Изольду.

А вот в моих мыслях основательность и не ночевала — сплошной разброд и шатание.

Оказывается, я — потенциальный Мастер гармонии, убежденый в существовании ответов на все вопросы и отвергающие собственные привилегии! Решительно все знают обо мне больше меня самого!

«Призрак» рассек носом особенно высокий вал, и соленые брызги обдали борт. Однако корабль словно затих, и я не сразу сообразил, в чем дело. Машина больше не стучала, труба не дымила, колеса не вращались. При попутном ветре капитану не требовалось жечь уголь.

Интересно, может быть, мне свойственно понимать с опозданием то, что для других совершенно очевидно?

— Ты не против, если я рядышком постою?

Я вздрогнул от неожиданности. Тамра уже стояла рядом. Выглядела она получше, чем за завтраком.

— Конечно, не против.

— Ты как будто чем-то расстроен.

Я совершенно не был уверен в том, что мне стоит откровенничать с этой особой, которая с первого дня нашего знакомства держалась как первейшая стерва. И все же я решил поддержать разговор. Мне это ничего не стоит, а Тамра хороша хотя бы тем, что не нагоняет тоску.

— Расстроен? Пожалуй, не без того.

— Ты на самом деле не знал что твой отец — высший Мастер Храма?

— На самом деле.

— Я... извини...— правда, тон ее извинящимся не был.— Неужели нам обязательно цапаться? — неожиданно спросила она.

— Нет. Но неужели тебе обязательно нужно сомневаться во всем, что я говорю или делаю?

— Мне трудно понять... Вот я гляжу на тебя — у тебя ведь было все. И...

— И что?

Вместо ответа она облокотилась о борт и стала смотреть на волны. А поскольку молчание и плеск моря уж всяко предпочтительнее сомнительного спора, то я последовал ее примеру.

— Леррис.

— Да.

— Прости.

— За что?

— За... ну почему с тобой так трудно иметь дело?

«Потому, что ты — тщеславная стерва, которая только и думает, как бы утвердить свое превосходство»,— подумал я. Но благоразумно оставил эту мысль при себе.

Мы снова умолкли, но через некоторое время заговорил я.

— Помнишь, ты с самого начала всячески давала понять, что я — пустое место. При первой же возможности отдубасила меня посохом...— я осекся и, не понимая, с чего это у меня так развязался язык, снова уставился на воду.

— О...— похоже, она не ожидала от меня таких слов.— Да, с тобой и впрямь очень непросто.

Скрип снастей, шепот ветра и плеск волн почти заглушали ее тихий голос.

— Почему непросто? Что во мне такого?

— Да то, что ты никому не позволяешь тебя понять. Хотя не скрываешь своих чувств — своей скуки или своей заинтересованности. Вот почему никто не смог сойтись с тобой поближе. Даже Кристал, хотя ты ей был очень нужен.

— Кристал? Да она настолько старше... и сама говорила, что ей нужен только друг...

— Ну вот, ты опять расстроился.

Я сердито уставился на волны.

— И разозлился.

— Ну и ладно. Тебе-то что? Почему ты ко мне цепляешься?

— Потому что мне страшно. И тебе тоже.

— Мне?

— Тебе, Леррис, тебе. Страшно до чертиков, что бы ты ни говорил себе и другим.

«Призрак» обдало брызгами, так что теперь я держался за мокрый борт мокрыми руками.

Страшно? Ну, может, и так. А кому не страшно?

Подняв через некоторое время глаза, я обнаружил, что Тамра ушла. И почему-то пожалел об этом. Хотя по-прежнему считал ее стервой.

Остаток дня не принес ничего нового. Ветер держался, корабль плыл прежним курсом, матросы занимались своими делами. Саммела морская болезнь уложила на койку, Изольда с Тамрой избегали меня, а команда, похоже, сторонилась всех нас — моряки разве что обменивались короткими фразами с Изольдой. В полдень, после того, как отобедала команда, мы подкрепились хлебом, сыром, фруктами и чаем.

Потом я бродил по палубе, присматриваясь к устройству корабля и стараясь уловить распределение нагрузки по корпусу. В каком-то смысле это напоминало изделия дядюшки Сардита — с виду все вроде бы просто, но на самом деле глубоко продумано, прочно и весьма надежно.

Проследить распределение потоков силы по мачтам и деревянному корпусу для меня сложности не представляло, но вот с металлическими штуковинами, особенно с машинами, дело обстояло иначе.

Попытка прощупать соединение форштевня с бушпритом сорвалась из-за выброса дыма и едкого запаха горящего угля. Внизу запускали двигатель, а на мачтах матросы сворачивали паруса. Правда, не все, а только основные. Вглядевшись в горизонт, я приметил на юге линию зеленых холомов, а на севере — более удаленную, едва угадываемую береговую черту, подернутую туманной дымкой. Скорее всего, низко висящими облаками.

Мне подумалось, что Фритаун не должен бы находиться так далеко. Во всяком случае, мы почти пересекли Великий Северный Залив.

Снова запыхтела труба и заработали колеса. Вскоре солнце потускнело — «Призрак» нырнул под завесу облаков, где воздух неожиданно оказался очень влажным.

На мачте позади мостика развернулось полотнище флага Нолдры. Интересно, к кому кандарцы относится с неприязнью? Или вопрос надо ставить иначе: к кому относится с неприязнью герцог Фритауна? Возможно, это — самое главное.

— Ты готов сойти на берег? — рядом со мной стояла Изольда.

— Само собой. Нужно только взять посох да торбу.

— Пока не надо. Время еще есть, но мы должны будем покинуть борт, как только «Призрак» причалит. Из соображений безопасности.

— Чьей безопасности? Нашей или их?

Ничего не ответив, Изольда повернулась и ушла.

Немногие оставшиеся паруса бессильно обвисли, но «Призрак» с удивительной быстротой приближался к берегу на паровой тяге. Едва мы вошли в бухту, как волнение улеглось и воцарилось почти полное безветрие.

У борта появился Саммел, а за ним и все прочие пассажиры, кроме Дорте и Изольды. Когда Миртен протянул руку, чтобы взяться за бортовой поручень, рукав задрался, открыв на мгновение белую повязку на предплечье.

К тому времени, когда корабль обогнул мыс Френталия, солнце и вовсе скрылось за бесформенными тучами. На первый взгляд Фритаун впечатления не производил. На фоне серого неба вырисовывался один-единственный шпиль, морской фасад состоял из приземистых деревянных построек, а пирсы сколочены из толстых, некрашеных, посеревших от времени и непогоды балок. Коричневые полоски указывали на подновленные места, где прогнившие доски или бревна заменили на новые.

Изольда переоделась уже во все черное. На поясе ее теперь висел меч с черной рукоятью и длинный нож.

— Берите свои вещи,— обратилась она к нам.— Сходим на берег.

За то недолгое время, которое потребовалось мне на то, чтобы спуститься в каюту и забрать свой плащ, торбу и посох, «Призрак» успел пристать к причалу, на котором нас, похоже, уже ждали.

— Таможенная стража...— пробормотал незаметно подошедший Миртен.

— Таможенная стража?

— Она самая. Блюдет интересы герцогской казны, собирая причитающиеся ему денежки.

— За что?

— Да за все. Скажем, за каждого из нас Изольде придется выложить по золотому.

— Мы должны платить за то, чтобы сюда попасть?

— А что тут такого? Это же граница,— Миртен ухмыльнулся.

Я призадумался, потому как такого поворота не ожидал. В Кандаре полно границ, и если за пересечение каждой придется вносить плату, никаких денег не хватит. Моя мошна уже не казалась мне такой уж тугой.

Но тут нас окликнула Изольда, и мы спустились на берег. Похоже, кому-то хотелось спровадить нас с корабля как можно быстрее. Матросы еще привязывали лини к швартовым тумбам, а мы уже сошли на пристань.

И тотчас были встречены круглолицым чиновником с золотистыми косичками на обоих плечах и в серебряном нагруднике. За его спиной выстроились десять солдат в кирасах из холодного железа, воруженных мечами и дубинками. А позади них смутно угадывался силуэт женщины в белом, и само ее присутсвие порождало резкое ощущение дисгармонии. Ощущение, подобное испытанному мною при виде меча, который торговец пытался подсунуть Кристал.

Несмотря на влажную духоту, я поежился и покрепче сжал в руке посох. Странно, но на ощупь он казался даже теплее, чем когда нагревался на солнце.

— Гармонизирующиеся? — скрипучим голосом спросил круглолицый, глядя только на Изольду.

— Да, семь человек,— ответила женщина в черном.

— Значит семь золотых.

— Выписывай квитанцию.

Круглолицый покосился направо, где худощавый юнец быстро что-то нацарапал и вручил листок начальнику.

Изольда протянула монеты и забрала документ.

— Оружие?

— Только самое обычное — дубинки, мечи, ножи, несколько пистолетов. Исключительно для личного пользования.

— Маги?

Изолдьа замешкалась, но лишь на долю мгновения, и чиновник ее замешательства, скорее всего, не заметил.

— Никаких магов. Два Черных посоха.

— Еще четыре золотых.

— С каких это пор? — спросила Изольда, буравя чиновника взглдом.

Тот молчал, на лбу его выступил пот.

— Может, с сегодняшнего полудня?

— Магистр... Год выдался не слишком удачный...

— Дополнительные поборы Договором не предусмотрены.

Круглолицый потел вовсю, и не из-за духоты.

Воин в кирасе, украшенной четырехконечной звездой, отделился от отряда и двинулся вперед.

Изольда переступила с ноги на ногу и, как показалось мне, улыбнулась. Стоявший впереди меня Миртен тяжело дышал, рука Кристал лежала на рукояти меча.

— Приказ герцога, да? — подсказала Изольда.— И ты отвечаешь головой?

Несколько капель дождя упали на мое лицо, с нависавших над городом холмов повеяло холодом. Ненароком оглянувшись на «Призрак», я увидел над сходнями капитана и двоих офицеров. Все трое держали в руках алебарды. Следовало предположить, что вздумай мы вернуться на борт, нас там не приветят.

— Нет...— сбивчиво лепетал таможенник.— Не то, чтобы... но нужды герцогства...

— В таком случае я настаиваю на праве немедленного испытания! — Изольда сделала шаг вперед, и чиновник испуганно отступил.

Миртен посмотрел на меня. Я оглянулся. Право немедленного испытания? На занятиях нам ни о чем подобном не рассказывали.

— Но...— попытался возразить чиновник.

— Ты отказываешься признавать ваши собственные законы? — вкрадчиво поинтересовалась Изольда.

Тот сокрушенно покачал головой.

Я ткнул Миртена в ребро и сказал:

— Подвинься. Мы стоим слишком скученно.

Говорил я, вроде бы, шепотом, однако Тамра наградила меня сердитым взглядом. Я пожал плечами и закатил глаза. Она покачала головой, но протиснулась вперед.

— Кто представляет герцога? — требовательно спросила Изольда, не обращая внимания на шевеление в наших рядах. Голос ее резал, как нож.

— Я,— отозвался малый со звездой на кирасе. У него была седина в волосах, гладко выбритые щеки и равнодушные, безжизненные глаза. Любого из нас он превосходил ростом на полголовы, а Изольду — так и на добрых пол-локтя.

— До крови или до смерти? — спросила Изольда.

— До твоей смерти, магистр. Ты чужеземка. Как предписано, в случае поражения ты должна будешь умереть.

— Я говорила о тебе,— лед в голосе Изольды заставил таможенника испуганно попятиться.

Воин склонил голову:

— Выбор за тобой, магистр, но я буду сражаться, пока смогу. Это тоже предписано,— боец говорил учтиво, хотя и грубоватым голосом не привыкшего любезничать солдата.

Один из воинов размотал некогда ярко-алый, а теперь тускло-красный шнур, отмерив на серых досках пристани площадку

со стороной примерно в десять локтей. В вершинах двух противоположных углов встали два солдата с обнаженными мечами.

— Твои углы, магистр.

— Кристал, Леррис,— промолвила Изольда, не сводя глаз с герцогского бойца,— займите свободные углы.

Когда Кристал, обнажив клинок, заняла ближний к «Призраку» угол площадки, таможенник вытаращился и, по-моему, побледнел. На мою долю остался ближайший угол, всего в нескольких локтях от того места, где я стоял. Черное дерево моего посоха чуть ли не жгло руки.

«...Черный посох...» — донеслось бормотание одного из солдат, отступивших к береговой стороне пирса, словно для того, чтобы перекрыть нам доступ во Фритаун.

— Ты готова, магистр?

— Мне жаль тебя, боец,— сожаление в голосе Изольды звучало искренне, однако я удивлялся, откуда у нее такая уверенность в победе. Мне исход представлялся отнюдь не столь очевидным, ибо герцогский поединщик явно знал свое дело.

Они замерли с обнаженными клинками — Изольда спиной ко мне.

Меч бойца сверкнул с изумительной быстротой, но Изольда ухитрилась парировать удар неуловимым движением.

Мечи со свистом выписывали узоры в воздухе, лишь слегка соприкасаясь один с другим. Уследить за стремительным стальным вихрем было совершенно невозможно — не заметил я и смертельного выпада. Просто увидел, что боец герцога упал ничком, расставшись с мечом и с жизнью. Поединок закончился столь же неожиданно, как и начался.

Я держал посох наготове, гадая, что же может произойти дальше.

— Полагаю,— с прежним прохладным спокойствием произнесла Изольда,— ты отметишь, что по результатам испытания дополнительная пошлина на Черные посохи отменена.

— Ох... да, магистр,— простонал чиновник.

Один из стоявших по углам солдат принялся сматывать красный шнур. Я отступил в сторону, но продолжал следить за остальными вояками. Двое из них подняли тело погибшего и понесли к повозке, стоявшей у въезда на пирс.

Тощий юнец нацарапал что-то на своей табличке, а сборщик пошлин вытер платком вспотевший лоб.

— Понимаешь, магистр... герцог Холлорик... мы просто слуги...

Изольда кивнула:

— Передай герцогу наши наилучшие пожелания. Мы верим, что впредь он будет придерживаться Договора и не станет предпринимать попыток вносить в него односторонние изменения.

— Да, магистр...— чиновник попятился, потом повернулся и пошел прочь. Солдаты последовали за ним. На нас никто из них не смотрел.

Я взглянул на Тамру. Она подняла брови. Я кивнул. Похоже, мы с ней поняли произошедшее одинаково. По какой-то причине герцог задумал каверзу, но Братство невесть каким способом прознало о готовящейся провокации. Я подозревал, что Изольда являлась одной из лучших поединщиц на Отшельничьем. Это ж надо было в считанные мгновенья спровадить на тот свет опытного герцогского бойца, намного превосходившего ее и ростом и силой. Неудивительно, что солдаты поспешили убраться от нас как можно дальше.

Я снова оглянулся на «Призрак». У трапа остался только один вахтенный, кажется, рядовой матрос. Он ухмыльнулся мне, но, заметив приближающегося капитана, придал своей физиономии серьезное выражение.

— Поздравляю, магистр,— промолвил капитан, обращаясь к Изольде. Та ответила ему кивком. Он тоже кивнул и удалился на мостик.

— Идем,— сказала нам Изольда и спокойно направилась в сторону города. Мы поспешили за ней.

К тому времени, когда наша компания добралась до берегового конца пирса, круглолицый таможенник и его отряд уже исчезли, словно растворившись в плотном тумане. Сам порт, несмотря на наличие трех длинных пирсов со множеством швартовых тумб, выглядел чуть ли не заброшенным. Помимо «Призрака», у причала стояла лишь одна рыбацкая посудина — и ничего похожего на разгруженные или готовящиеся к погрузке товары нигде не было видно.

Догнав быстро шагавшую Изольду уже на сходе с деревянного пирса, я спросил:

— Твоя победа... герцог извлечет из нее урок? И какой?

— Кто знает? — Впервые за все это время в ее голосе прозвучала усталость.

— Ты этого не хотела?

— Леррис!..— раздраженный тон говорил сам за себя.

Я смутился и что-то промычал.

— Ничего. Сейчас нам желательно добраться до гостиницы прежде, чем герцогу взбредет в голову еще что-нибудь подобное. Свернем на следующей улице, если это можно назвать улицей.

Затянутые пеленой густого тумана строения выглядели почти призрачными. Кое-где тускло светились масляные фонари, редкие прохожие старались прошмыгнуть мимо.

Когда мы, следуя за Изольдой, свернули на улицу, уводящую прочь от гавани, со мной поравнялась Тамра. Никто не

произносил ни слова, и тишину нарушал лишь звук наших шагов.

XVIII

Путь наш лежал вверх по склону, мимо стоявших впритык длинных неказистых построек. Туман несколько поредел, и оглянувшись на перекрестке, я увидел позади и внизу верхушки мачт «Призрака».

Небо затягивали темно-серые облака, дома по обеим сторонам улицы оставлись подернутыми пеленой. Многие казались заброшенными, во всяком случае, окна их были темны. Лишь из немногих просачивался золотистый свет. Кое-где над печными трубами поднимался едкий дым, смешиваясь с туманом.

— Призрачный город,— еле слышно пробормотал Миртен где-то позади меня.

— И мы в нем призраки,— откликнулась Изольда, но так тихо, что Миртен, скорее всего, ее не услышал.

Я же подумал, что, в отличие от нас, чужаков, здешние жители, наверное, не болтаются по улицам, а предпочитают свет ламп и тепло очагов, отгоняющие зябкую сырость ранней осени.

— Вот мы и пришли,— объявила Изольда.

Глянув поверх ее плеча, я рассмотрел деревянные, сереющие в сгущавшемся сумраке стены. Дом выглядел старым, но из всех окон первого этажа струился свет, а синие ставни были приоткрыты, словно здание заявляло о себе, не желая утопать во мгле.

Над широкими двустворчатыми дверями красовалась вывеска «Приют путников». Полированные створки и латунные ручки поблескивали в свете масляных фонарей, как будто приглашая войти.

Вступив следом за Изольдой в дверной проем, я тут же почувствовал, как начинает спадать напряжение, и облегченно вздохнул.

За первыми дверями оказались вторые, тоже из красного дуба, но вдвое тоньше. От прикосновения Изольды они распахнулись, и мы оказались в просторном холле. В помещении имелась дубовая гостиничная стойка, покрытая потускневшим лаком. По стенам горели лампы. Прямо перед нами находилась широкая деревянная лестница, устланная ковровой дорожкой, а слева — арочный проход в соседнее помещение. Я приметил там длинный ряд столов, накрытых скатертями в красную клетку.

Седовласая женщина за стойкой встретила нас приветливой улыбкой, однако заговорила не она, а повернувшаяся к нам Изольда.

— Каждому из вас отведена отдельная комната. За нее заплачено. Дополнительные услуги, если пожелаете, можно оговорить особо. Обедать и ужинать будем вместе, в отдельной маленькой столовой, позади той, что видна отсюда. Встретитесь там, как только положите вещи. Оружие оставьте в комнатах, оно будет в целости и сохранности. А сейчас прошу всех зарегистрироваться у стойки.

Ее уверенный тон выдавал привычку, и я подумал, что ей довелось сопровождать в Фритаун великое множество групп, подобных нашей.

— Вот уж не чаяли увидеть тебя так скоро, магистр,— промолвила женщина за стойкой.

— Обстоятельства заставляют менять планы,— усмехнулась Изольда.— Дело житейское. .

О стойку звякнули монеты, и брови хозяйки слегка поднялись.

— Сдается мне, ты повстречалась с новым сборщиком пошлин.

— Ага. А заодно и с новым герцогским бойцом. Уже бывшим.

— О, надо же...

— Не сомневаюсь, что люди герцога скоро заявятся сюда, но я не собираюсь задерживаться. Завтра группа отбывает...

— Здешние нововведения очень непопулярны. По слухам, хаморианский легат неожиданно покинул Фритаун. И думаю, пока все не утрясется, в гавани не будет много судов.

— Да уж,— отозвалась Изольда.— Боюсь, если Хамор хотя бы ЗАДУМАЕТСЯ о каких-либо действиях, здесь вообще никто не решится бросить якорь.

Спокойствие Изольды меня не удивило: как она собирается покинуть город, я уже понял. Знать бы еще, что она перед этим предпримет.

— Подходи, Леррис, запишись. Нечего рот разевать.

Я и не заметил когда Изольда отступила от стойки.

— О... Черный посох! — промолвила содержательница гостиницы.— Бьюсь об заклад, таможенной страже это не понравилось. Особенно по нынешним временам.

— Это уж точно...

На стойке лежал раскрытый журнал учета, куда заносилось имя постояльца. Графа, обозначавшая, откуда он прибыл, отсутствовала. Нацарапав свое имя под именем Изольды, я вознамерился было отойти, но тут меня окликнула трактирщица:

— Молодой человек, вот твой ключ. Номер пятнадцать, на втором этаже.

Взяв ключ, привешенный к латунной бирке величиной чуть ли не с мою ладонь, я направился вверх по лестнице. Застеленный

ковром и освещенный лампами коридор второго этажа привел меня к номерам четырнадцать и пятнадцать. Ключ без натуги повернулся в замочной скважине, и дверь, тихонько скрипнув, распахнулась от моего прикосновения.

Обстановку комнаты составляли двуспальная кровать, низенький дубовый комод с тремя выдвижными ящиками, на котором стояло зеркало, умывальник с полотенцами и шкаф для одежды. Полированные золотистые доски пола застилала расстеленная между кроватью и комодом плетеная циновка. Единственное окно было закрыто. По обе его стороны висели яркие шторы в красную клетку, подвязанные плотными белыми шнурами.

Освещала комнату лампа, укрепленная над кроватью. На кровати лежало красное покрывало ручной работы с узором в виде белых снежинок.

Повесив плащ в шкаф, я стянул с себя тунику и стал рыться в заплечном мешке.

С помощью теплой воды из умывальника, кусочка мыла и бритвы я постарался привести себя в достойный вид и когда заглянул в зеркало, результаты меня не разочаровали. Правда, отразившийся там симпатичный загорелый юноша казался слишком молодым для того, что его ожидало.

Поскольку стирать не такую уж грязную тунику мне было негде и некогда, я натянул ее снова, предварительно удалив мокрым полотенцем несколько бросавшихся в глаза пятен.

Гостиница явно предназначалась для состоятельных людей. Однако, убирая вещи в шкаф, я покачал головой — мой посох едва там уместился, да и то по диагонали. А оставлять его на виду, что бы там ни говорила Изольда, мне не хотелось. На ощупь лоркен оставался прохладным, что не могло не радовать: во всяком случае, поблизости неприкрытого зла не было. Впрочем, представлялось весьма маловероятным, чтобы Изольда привела нас в дурное место.

Еще раз оглядев комнату, я вышел в коридор, где столкнулся с Кристал.

— Для отверженных нас разместили недурно,— заметил я.

— Недурно? Наверное.

— А ты этого не находишь?

— А ты готов изменить себе ради удобства и уюта?

Ну, тут она меня уела! При всей мягкости тона и музыкальности голоса оказалась способна на такое же ехидство, как и Тамра. Надо же мне было похвалить эти комнаты! Никто ведь за язык не тянул...

— Леррис! О чем задумался?

Говорить правду мне вовсе не хотелось.

— Да о том, что я рад тебя слышать, даже когда ты задаешь такие каверзные вопросы.

— О, спасибо за комплимент,— откликнулась Кристал с нежной улыбкой.

Открылась еще одна дверь. Вышедшая в коридор Ринн посмотрела на нас:

— Ну что, так и будете ворковать вдвоем? Или спустимся в столовую, где нас угостят еще одной проповедью, а заодно и обедом?

Блондинка вставила ключ в замочную скважину.

Моя дверь осталась незапертой. Мне казалось, что в этой гостинице запираться незачем.

— Ну что, идем? — Мой вопрос был обращен к Кристал.

— Пожалуй.

Она повернулась и двинулась по коридору к лестнице. Подаренный мною меч по-прежнему висел на ее поясе.

Когда мы спустились в малую столовую, там уже сидели Саммел, Миртен и Ринн. Место во главе прямоугольного стола было оставлено для Изольды. Я пристроился слева от Миртена. Рядом со мной уселась Кристал. Ничто не мешало мне сесть рядом с местом Изольды, но я предпочел оставить его для Тамры.

В арочном проеме появилась умытая и причесанная Изольда. Ответив на мой кивок едва заметным наклоном головы, она окинула взглядом весь стол и остановилась возле двух оставшихся свободными стульев.

И тут, словно дождавшись сигнала, в помещение вошла Тамра.

Глаза Изольды снова скользнули по всем нам, не останавливаясь ни на ком в отдельности.

— Это последнее место, где вы можете открыто говорить о своем происхождении,— промолвила она, положив ладони на спинку стула. Ее черное одеяние в сочетании с бледной кожей придавало ей вид воина, готового к опасности.— Сразу за стенами гостиницы вы столкнетесь со всеми прелестями местной жизни. С ворами, разбойниками и солдатней, если говорить только об очевидных опасностях. На протяжении нескольких кай за главными воротами дорога в глубь Кандара относительно безопасна. Большие шайки там не орудуют, хотя отдельные головорезы могут встретиться где угодно.

— Кроме Отшельничьего...— пробормотал кто-то из нас.

— Кроме Отшельничьего,— подтвердила Изольда.— Однако вас уклад жизни Отшельничьего по разным причинам не устраивал, либо же вы — такие, какими являетесь на сей день — не устраиваете Отшельничий. Вам предписывается путешествовать

в одиночку, поскольку причины эти у каждого свои и искать свой путь каждому надлежит самостоятельно. Но это вам уже известно.

Ну а сейчас я, как и обещала, ознакомлю вас с последними новостями местной жизни. Как вы, надо полагать, уже поняли, герцогу вздумалось повысить портовые сборы. Это, в свою очередь, привело к тому, что торговые корабли стали обходить Фритаун стороной, а поскольку город кормится с морской торговли, здесь могут возникнуть беспорядки. Поэтому отсюда следует убираться. Перед вами встает резонный вопрос — куда? Большая часть торговли перехвачена Спидларом и Хидленом, так что караванные пути к югу от Закатных Отрогов, ведущие к Сарроннину...

— ...в Слиго, это отсюда к северу, слишком рано ударили холода, что грозит если не голодом, то...

Я попытался скрыть зевоту, но Кристал нахмурилась.

— ...направиться либо в Галлос, либо в Кифриен. А вот на границе между этими землями участились стычки, так что переезд из одной в другую небезопасен...

Наконец Изольда сделала паузу и обвела нас взглядом:

— Ну что ж, пожалуй, лекций вы выслушали достаточно.

От души соглашаясь с этими золотыми словами, я очень хотел надеяться, что они не послужат началом еще одной. Потому как успел проголодаться.

— И я добавлю к сказанному лишь немного.

Мне чудом удалось сдержать стон.

— Подумайте вот о чем. Наш остров называли Отшельничьим в старину, когда он был пустынным и обитали там лишь изгои и анахореты. Но в наши дни это название имеет иное значение, ибо в глазах Внешнего Мира все живущие там видятся такими же отшельниками-изгоями. Здешние жители именуют свой мир «реальным». Если кто-то из вас, а такое отнюдь не исключено, встретит здесь свою смерть, это будет вполне реальная смерть. Однако мир Отшельничьего тоже реален и в некоторых отношениях даже вещественнее того же Кандара. Вам необходимо решить, какая реальность навсегда станет вашей... А вот и еда,— Изольда указала на подошедшего к столу мальчика с уставленным тарелками подносом.— Потом можете поспать в своих комнатах или заняться, чем сочтете нужным. На завтрак подадут фрукты и выпечку. Любой из вас может уйти хоть прямо сейчас, хоть когда угодно, но все должны будут покинуть гостиницу до завтрашнего заката. Тем, кто решит оставить город, не стоит откладывать отъезд до вечера: припозднившихся путников грабят чаще всего. Оставаться во Фритауне, учитывая нынешнее умонастроение герцога, я бы не советовала — но вольному воля. Теперь вы сами за себя в ответе.

Она резко оборвала речь и уселась за стол. Мальчик расставил по клечатой скатерти тарелки, а невесть откуда взявшаяся содержательница гостиницы водрузила перед каждым из нас стакан.

— Вино или клюквица?

— Вино,— отзвалась Тамра

— Клюквица.

— Клюквица.

— Вино.

— Клюквица,— сказал в свою очередь я, и толстостенный стакан до краев наполнился красным соком.

Миртен ловко подцепил ножом сразу три ломтя дымящегося мяса и переправил их с блюда на свою тарелку.

Поскольку все мы — даже Изольда — изрядно проголодались, некоторое время за столом царило молчание. Нарушила его Тамра, которая, отпив вина, непринужденно спросила:

— А что будет с герцогом Фритауна?

Изольда подняла глаза и, взглянув на Тамру с невыразительной улыбкой, ответила:

— Что должно быть, то и будет.

— Это не ответ! — упорствовала Тамра.

— Почему же? Это ответ, вежливый и правдивый. А углубленное обсуждение затронутой темы мы отложим до твоего возвращения на Отшельничий. Если ты, конечно, не сочтешь Отшельничий утесняющим тебя и решишь все-таки вернуться.

Изольда, не обращая ни малейшего внимания на раздраженные взгляды рыжеволосой, занялась свои мясом, и я не смог удержаться от улыбки.

— Что тут смешного? — спросила Кристал.

— Тамре сильно не нравится, когда кто-то оказывается ей не по зубам.

— А кому из нас это нравится?

Я пожал плечами. В чем-то Кристал была права, но никто из нас не добивался от всех прочих признания своего превосходства так рьяно, как это делала Тамра.

— Ну что ж, удачи вам всем,— спокойный голос Изольды заставил всех за столом умолкнуть.— С этого момента начинается ваша самостоятельная жизнь. Надеюсь, мы еще встретимся, но это зависит только от вас.

Кивнув, она повернулась и, постукивая каблуками сапог по деревянному полу, вышла из столовой.

Некоторое время мы растерянно переглядывались.

— Спору нет, комнаты нам отвели хорошие. Но все-таки им на нас наплевать! — сердито проворчала Тамра.

— Пойду, пожалуй, вздремну,— буркнул я, отодвигая свой стул. Вообще-то мне хотелось поболтать с Кристал, но не в

присутствии Тамры, которая наверняка стала бы цепляться к каждому слову.

— Так ведь рано еще,— отозвался Миртен.

Одолевая по две ступеньки за раз, я поднялся наверх. Мне вовсе не улыбалось встревать в дискуссию, а если бы я остался в столовой со всеми, то избежать бы споров не смог. Конечно, завтра нам всем предстояло расстаться и, возможно, навсегда, но Тамра меня определенно утомила. Да и я ее — тоже.

Легко открыв дверь, я вошел в комнату, где ничего не изменилось. Разве что стало темнее, потому как снаружи уже воцарился полнейший мрак. За окном не виднелось ни единого огонька. Казалось, будто туман на улице уплотнился, хотя судить об этом с уверенностью было трудно.

Уже сидя на постели и стаскивая сапоги, я услышал, как открылась и потом закрылась дверь Кристал. Стянув тунику и штаны, я потянулся, погасил лампу, завернулся в одеяло и мгновенно уснул. Правда, проваливаясь в сон, вроде бы, услышал еще тихий стук в дверь. Открывать, решив, что мне это просто чудится, не стал, хотя несколько мгновений и колебался.

Так или иначе, ночь прошла без сновидений и никакие девицы меня не беспокоили. Ни рыжие, ни темноволосые.

XIX

Выйдя из гостиницы на следующее утро, я понял, почему, явившись сюда, сразу же почувствовал облегчение. Все в этом неброском на первый взгляд здании буквально дышало гармонией. Здесь не было ни решеток на окнах, ни стражи у дверей, лишь аура упорядоченности, отвращавшая всякого рода приспешников хаоса.

День выдался не такой облачный и туманный, как накануне, по ярко-голубому осеннему небу лишь изредка проплывали серовато-белые клочья облаков.

Я еще раз окинул взглядом гостницу, отметив простоту, практичность и надежность этой постройки. Каменная мостовая перед входом уже с утра пораньше была чисто выметена.

Подняв глаза на полуоткрытое окно комнаты Тамры, как мне думалось, еще спавшей, я вроде бы приметил, как там промелькнуло нечто рыжее. Впрочем, налетавший с моря порывистый ветер был достаточно силен, чтобы трепать ярко-красные шторы. А окно Кристал находилось за углом, да и что толку на него пялиться? Одно из двух: или она еще спит, или уже ушла.

Пожав плечами, я приладил за плечами торбу, казавшуюся вовсе не такой тяжелой, как при расставании с Уондернотом,

бросил на «Приют» последний взгляд и направил стопы к конюшне, где, согласно вывешенному над стойкой гостиницы объявлению, сдавали внаем лошадей. У меня не было намерения отправляться к Закатным Отрогам на своих двоих и угробить на этот путь годы. «Тысяча кай или около того» — эти равнодушные слова Тэлрина я до сих пор вспоминал с негодованием. Кому-то определенно хотелось выдворить меня с Отшельничьего, хотя бы на некоторое время.

— Эй, чужеземец, осторожнее!

Мне удалось-таки увернуться и избежать столкновения с худощавым малым в коротком плаще и поношенной тунике. Она не скрывала кольчуги. На боку у него висел короткий меч в потертых ножнах. Изобразив на лице вежливую улыбку, я посторонился, но этот малый остановился и принялся разглядывать меня в упор.

Я ждал, перехватив посох поудобнее.

— Сказано же тебе было, поосторожнее...— голос незнакомца звучал грубо. Его физиономию, помимо короткой седой бороденки, украшали еще и оспины, а нестерпимая вонь — смесь запахов прокисшего пива, застарелого пота и еще какой-то дряни — заставила меня податься назад.

— Ну ладно, ты, я вижу, парень неглупый, так что отдавай твою торбу и проваливай!

Я остолбенел, потому что никак не ожидал нарваться на грабителя всего в квартале от гостиницы.

— Оглох, что ли? Кому сказано, отдавай!

— Боюсь, приятель, ты не на того напал! — проговорил я, принимая оборонительную стойку и очень стараясь, чтобы мой голос не дрожал так, как дрожали колени.

— Еще хорохорится...— Выхватив меч, бородач со свистом рассек им воздух. Даже в неярком утреннем свете блеск стали производил пугающее впечатление.— Жаль мне тебя, сопляк чужеземный, но придется выпотрошить.

Первым моим побуждением было пожать плечами, однако я, вместо этого, следил за глазами противника.

Меч звякнул о мой посох. Удар бородача был отбит.

— Может, малыш, ты и наловчился махать палкой, но это тебе не поможет...

Сосредоточившись на том, чтобы предугадывать его движения, я почти автоматически отклонял клинок, блокируя каждый взмах и выпад.

Мой противник начал потеть и пыхтеть. Как боец он далеко не дотягивал до Кристал или Деморсала.

Взвизгнув, незадачливый грабитель выронил меч и схватился за тыльную сторону запястья.

— Черный ублюдок! Чародейское отродье! — злобно выкрикнул он, отбежав подальше, а я только сейчас заметил, что ростом этот проходимец не выше моего плеча.

По правде сказать, мне было не совсем понятно, что делать дальше. Не имея намерения забрать себе его клинок и уж тем паче причинить какой-либо вред этому, пусть испорченному, но, как выяснилось, не столь уж опасному человеку, я, тем не менее, не рискнул бы повернуться к нему спиной.

— Леррис! Да у тебя, никак, неприятности?

Оглянувшись на знакомый голос, я увидел приближавшегося Миртена. Воспользовавшись этим, грабитель пустился наутек и скрылся за углом.

— А вот это было глупо, парнишка.

— Что?

Одной рукой все еще держа посох наготове, я наклонился и поднял упавший меч. Обычный клинок.

— То, что ты отвернулся от этого разбойника. Тебе повезло, что у него не нашлось метательного ножа.

Миртен был одет в ярко-зеленую тунику, темно-зеленые штаны и тяжелый темно-серый кожаный плащ. Свою торбу, в отличие от меня, он не закинул за спину и нес на левом плече. Обличьем мой лохматый сотоварищ более походил на барда или менестреля, нежели на вора, каковым в действительности являлся. На поясе его висели два больших ножа, но под одним из них, левым, я приметил маленький замаскированный пистолет.

Бросив взгляд в сторону оставшейся позади гостиницы, я никого не увидел. Схватка не привлекла ничьего внимания, а вот Миртен был совершенно прав, указав на мою оплошность.

— Не ожидал, что на меня налетят чуть ли не возле самого порога,— пробормотал я, пожав плечами.

— Такие вещи, знаешь ли, всегда случаются неожиданно,— хмыкнул он.— Хаос — штука непредсказуемая.

Я снова пожал плечами.

— Хочешь, возьми себе этот меч.

— Ты мог бы его продать.

— Я?

Миртен издал короткий, лающий смешок:

— Да, уж ты, пожалуй, наторгуешь... Это малость не в твоем характере. Давай так: продам я, а выручку поделим.

Мне эта мысль показалась весьма удачной.

— Замечательно. Но где?

— Да пошли куда глаза глядят; наверняка что-нибудь да подвернется.

Создавалось впечатление, что во Фритауне Миртен чувствует себя непринужденнее, чем в Найлане.

— А как же требование Мастеров?..

— Все в порядке, мы ведь еще не начали путешествие. Город покинем поодиночке.

На следующем перекрестке Миртен остановился и кивнул налево, в сторону узкого переулка с грязной, раздолбанной мостовой. Я нахмурился. Мне казалось, что как раз в таких закоулках путников и подстерегают грабители.

— Рано. Для настоящих разбойников слишком рано,— сказал Миртен, угадав мои мысли.

— А как насчет моего приятеля?

— Этого? Он не профессионал, просто любитель легкой поживы.

Мы свернули в проулок и быстро зашагали мимо домов, двери которых были заперты на железные засовы. Вопреки слухам, железо не обладает никакими магическими свойствами, но его природная прочность так велика, и его разрушение требует привлечения таких сил хаоса, что игра не стоит свеч. Так говорила магистра Трегонна. Скорее всего, так оно и есть. Наверное, именно по этой причине мечи до сих пор используют чаще, чем такую новинку, как огнестрельное оружие.

Протопав по переулку родов этак с полсотни и перейдя еще одну улицу, пошире, вроде той, на которой стояла гостиница, Миртен остановился перед узким фасадом лавки — дощатого строения, выкрашенного в какой-то ржавый цвет. Та же «ржавчина» окаймляла черные оконные ставни. Обитая железными полосами дверь удерживалась в открытом положении железным крюком. Над единственным, забранным железной решеткой, окном красовалась вывеска:

«ОРУЖИЕ СУДЬБЫ».

— Ну что, зайдем? — спросил Миртен.

Пытаясь уразуметь, что это за место, я сосредоточился... и потерпел неудачу. Точнее сказать, ничего не ощутил. Ни магии хаоса, ни сил гармонии.

— Вроде бы все в порядке,— проговорил я вслед Миртену, который ступил на порог, не дожидаясь моего ответа. Мне оставалось лишь последовать за ним внутрь, где я увидел не совсем то, что ожидал. Вместо темного лабаза с разложенным рядами на полках оружием, мы оказались в ярко освещенном помещении. У левой стены стояли четыре больших открытых шкафа.

В ближайшем находились ножи. Такого разнообразия не было даже в оружейной Гильберто.

— Чем могу служить? — осведомился стоявший возле второго шакафа седовласый детина. Он был довольно высок ростом и очень широк в плечах. Глаза его поблескивали.

Я присмотрелся к оружейнику и не почувствовал в нем никакого подвоха.

Миртен почему-то глянул на меня.

Я кивнул.

— Мы тут... хм... УНАСЛЕДОВАЛИ один клинок...

Седой оружейник улыбнулся:

— Вы, надо думать, с Отшельничьего. И какой-то незадачливый дуралей уже попытался на вас напасть.

Миртен нахмурился.

— А почему это про нас «надо думать» именно так? — полюбопытствовал я.

— Твой приятель,— оружейник указал на Миртена,— еще мог бы сойти за выходца из Дирензы или даже Спидлара, но уж такому, как ты, и вовсе неоткуда взяться в Фритауне. За одним исключением: вчера, говорят, прибыл корабль с Отшельничьего, и пассажиры ночевали в «Приюте».

— Это что, известно всему городу? — спросил я.

— Всему — не всему, но людям, зарабатывающим торговлей, небезынтересно знать, кого и что привозит каждый корабль.

Что-то в его речи буквально щекотало мою память, но определить, что именно, никак не удавалось.

— Э... так насчет клинка...— напомнил Миртен.

— Ах да, конечно. Могу я взглянуть? Положите вот сюда,— он выдвинул из шкафа деревянную полку.— Кстати, зовут меня Дитр.

Шкаф, хоть и побитый, оказался превосходной работы. Полированное дерево даже не скрипнуло. Миртен положил нашу добычу на указанное место.

Внимательно рассмотрев ничем с виду не примечательный меч, Дитр наклонился, достал из нижнего ящика шкафа маленький маятник и, отрегулировав его, запустил качаться над стальной полосой клинка.

— Хм... Во всяком случае, нейтрален. Вы не будете против, если я возьму его в руки?

— Нет,— промолвил Миртен, покосившись на меня.

— Ты либо очень доверчив, либо весьма уверен в себе,— улыбнулся Дитр.

— Миртен ловок по части ножей,— заметил я

— А ты, как мне кажется, неплохо владеешь посохом. И, в отличие от предыдущего владельца этого меча, мне вовсе не хочется испытывать твое умение.

Легко подхватив меч за рукоять, он сделал несколько быстрых взмахов и вернул его на место. Движения торговца были ловкими и умелыми. Как мне представлялось с самого начала, он являлся таким человеком, каким и выглядел.

— Ну как? — спросил Миртен.

— Ничего особенного... ни в каком смысле. Клинок не гармонизирован, не запятнан чарами.... Простое и практичное оружие,— Дитр пожал плечами.— Обычная цена такому ме-чу — золотой, но это продажная. Покупная составит пару серебреников. Однако, разобравшись по-тихому с этим малым, вы избавили нас — а я член Совета западной окраины — от лишних хлопот. Так что, пожалуй, свой золотой вы заслужили. Устроит?

— Вполне,— согласился Миртен, решив не торговаться. Его внимание привлек шкаф с пистолетами.

— Интересуешься? — Дитр взял меч и задвинул на место смотровую полку.— По мне, так огнестрельное оружие хорошо разве что для охоты, а от пистолетов и вовсе мало толку. Но коли любопытствуешь, посмотри. Я пока положу на место свою покупку.

Мои брови поползли вверх: ни один торговец в здравом уме не оставил бы незнакомых покупателей без присмотра возле шкафа с оружием. По всему выходило, что этот малый был каким-то образом защищен. Но каким именно, мне обнаружить не удавалось.

Удалившись в глубь лавки, седовласый торговец положил меч на узкий прилавок под полкой с набором инструментов и вернулся к шкафу, возле которого отирался Миртен.

Впрочем, я отмечал все эти перемещения лишь постольку-поскольку, полностью сосредоточившись на попытках прочувствовать внутреннюю структуру этого помещения. По-видимому, оно представляло собой своего рода островок потаенной гармонии в городе, почти полностью погруженном в хаос.

Присутствия магии не ощущалось, однако я чувствовал, что хотя лавка Дитра была открыта и выглядела совершенно незащищенной, никто не сможет покинуть ее без разрешения хозяина. Солидно сработанные шкафы казались столь же прочными, способными надежно противостоять воздействию хаоса. Во всяком случае, случайному.

— ...три золотых? — донесся до меня голос Миртена.

— Маловато.

Мне по большому счету не было дела до их торга, лишь бы получить свои пять серебреников. Клинок для Кристал я купил, поддавшись порыву, а теперь понимал, что эти деньги были бы совсем не лишними. Однако Кристал нуждалась в хорошем мече. Тамра, ясное дело, моего поступка не одобрила, но трудно ожидать, чтобы какой-либо мой поступок мог сподобиться ее одобрения.

— Так и быть, три с половиной,— согласился Миртен и полез за спрятанными в поясе в потайных карманах монетами.—

Давай так: я сразу отдам Леррису пять причитающихся ему серебреников и два с половиной золотых тебе?

— Как находишь удобным,— отозвался Дитр без намека на одобрение или недовольство. Но пистолет из шкафа не вынул.

Миртен вручил мне пять серебреников, и я спрятал их в поясной кошель. Еще пять и два золотых он отдал Дитру, который проверил чистоту металла с помощью магии.

— Опасаешься хаос-подделки? — спросил я.

— На глаз ее не обнаружишь....

Видимо, удовлетворившись результатами проверки, Дитр кивнул, ссыпал монеты в железный ящик, привинченный к прилавку, и вернулся к нам:

— Что-нибудь еще нужно?

— Не здесь,— ответил я.

Миртен лишь пожал плечами.

— Коли так, желаю удачи... Особенно тебе, паренек. Слишком многие, даже среди молодежи, настроены против Черных посохов. Вас всегда было слишком мало, чтобы развеять недобрые слухи. Всего доброго,— и он отвернулся к прилавку.

Мы с Миртеном переглянулись и вышли.

— Слушай, Подпружная улица будет следующая впереди? — спросил я уже снаружи.

— Ежели карта в гостинице не врала, то так и есть. Счастливо, Леррис.

Миртен повернулся и зашагал в обратном направлении. Я же — в направлении Подпружной улицы. Мостовая между тем становилась все уже, и мне начинало казаться, будто верхние этажи зданий нависают над моей головой.

На камни мостовой внезапно упала тень. Я вздрогнул, однако тень исчезла так же быстро, как и появилось. Просто солнце на миг спряталось за тучкой.

До самого перекрестка мне не повстречалось ни одного человека, кроме нищего мальчонки, спрятавшегося при моем появлении за кучу мусора. Следущей — в полном соответствии с гостиничной картой — оказалась искомая Подпружная улица.

Она повела меня налево и вверх по склону. Он не был крутым, но мне все равно приходилось внимательно смотреть под ноги, поскольку многие плиты из красного песчаника раскололись, растрескались или сдвинулись с места. Подпружную явно мостили позже, с использованием более дешевого материала. Проулок, из которого я свернул, пусть узкий и запущенный, устилали старые, но прочные и лучше подогнанные гранитные плиты.

Одолев подъем приблизительно в сотню родов, я увидел выцветшую, облупившуюся вывеску с примитивными изображениями лошади, уздечки, седла и чего-то совсем уж непо-

нятного (по моим догадкам — копны сена). Над этими художествами красовалась надпись:

«КОНЮШНЯ ФЕЛШАРА. ЛОШАДИ И СБРУЯ ВНАЕМ».

Серая дощатая дверь была открыта.

Глубоко вздохнув, я прошел узким коридором. Пол этого коридора представлял собой утоптанную смесь глины, конского навоза и еще неведомо какой дряни. Во внутреннем дворе находился загон без крыши, посреди которого была привязана лошадь с глубокой седловиной. А в дальнем конце — лошадка поменьше, а точнее сказать, — крупный лохматый пони.

Бородатый мужчина в выцветшей серой одежде попытался огреть пони кнутом и сам, в свою очередь, едва увернулся от удара задних копыт.

— А чтоб те в Хаморе сгинуть!

Пони ответил сердитым ржанием.

Я ощутил исходившую от конюха волну ненависти.

— Эй! Ты, что ли, будешь Фелшар?

— Ты, гаденыш лохматый, еще у меня получишь!..— проворчал бородач, явно адресуя свои слова пони, и повернулся ко мне, изобразив на лице улыбку. Хотя внутренне он подолжал кипеть от злобы.— Фелшар в отлучке; скоро вернется. Меня Керкласом кличут. Чем могу служить? — голос его казался скользким, вроде масла в той бутыли, что стояла рядом со сложенными у коновязи седлами.

— Откуда мне знать, что ты можешь, чего не можешь? — откликнулся я, пожав плечами.— Мне вообще-то не помешала бы лошадь...

Слегка ухмыльнувшись, Керклас смерил меня взглядом, нахмурился, завидев мой посох, и буркнул:

— В нынешнем году лошади дороги.

Я вопросительно поднял брови.

— В Кифриене засуха, в Спидларе — лютая зима... Много лошадей пало. Мало кто из путников смог вернуть взятых внаем животных.

— Сколько? — я кивнул в сторону лошади с провисшей спиной, казавшейся куда смирнее и покладистее норовистого пони.

— Пять золотых. И считай, что ты заключил очень выгодную сделку,— откликнулся Керклас.— Хотя фураж нынче дорог.

По правде сказать, мне вообще не хотелось иметь дело с этим малым. Пахло от него хуже, чем от скотины, а налитые кровью глазенки так и шарили по моим карманам. К тому же он врал, подобно большинству кандарских торгоцев, приплывавших в Найлан. Правда, даже при моей возросшей способности различать гармонию и хаос я не мог определить, велика ли ложь и в чем именно она состоит.

— Путников нынче тоже не густо. Я вот один, и возможно, больше к тебе никто не заглянет. А стойла твои почти полны.

Последнее являлось моей догадкой, но, похоже, догадкой верной.

— Путники во Фритауне всегда найдутся,— проворчал Керклас.

— Скажи лучше, каких коней можешь предложить,— промолвил я, направляясь к мохнатому пони.

— Разных, хоть под седло, хоть вьючного, хоть боевого...

Но меня почему-то тянуло к мохнатому коротышке, на боку которого имелись рубцы от недавних ударов кнута. Отметив про себя этот факт, я попытался понять, чем этот пони мог так прогневать конюха. Животное как животное, без какой-либо порчи хаосом — во всяком случае, ощутимой.

Коротышка заржал, и я отскочил, чуть не получив удар копытом.

— Вот ведь подлая скотина, а? — воскликнул оказавшийся рядом со мной Керклас.— Пони, они такие — смышленые, но вредные и опасные. Тому, кто не шибкий знаток лошадей, лучше держаться от них подальше. Пойдем, я покажу тебе лошадок получше.

— Ладно.

Конюх отвел меня к ближайшему стойлу, где жевал сено гнедой мерин.

— Вот настоящий конь. Обучен для боя и не подведет в любом путешествии.

Я кивнул, присматриваясь к здоровенному, ухоженному коню. Изъянов на первый взгляд вроде бы не было, но что-то меня настораживало. Может быть, слишком велик? Или (мой взгляд невесть почему притягивали его уши) дело в чем-то другом?

— Сколько?

— Пятнадцать золотых.

Цена была разумнее той, что он запросил за клячу с провисшей спиной, но явно не по моему кошельку.

— А другие?

— Могу предложить кобылу. Резвая, выносливая, хотя не так хороша в бою. Восемь золотых.

Чудного окраса — вся в черных и белых пятнах — кобыла понравилась мне еще меньше гнедого.

— Еще?

Керклас подвел меня к стойлу, где с хрустом жевал пересохшее сено громадный жеребец.

— Вот. Тяжеловоз, приученный и к седлу. Для боя подходит мало, сильно падок на кобылиц, но зато запросто снесет двоих и пожитки впридачу. А надо — так и повозку потянет. За него

возьмем шесть золотых. Вообще-то он стоит дороже, но в это время года подвод снаряжают мало, а кормить такую громадину очень даже накладно....

После осмотра еще трех кобыл — ни одна из этих кляч мне не приглянулась — ноги сами понесли меня обратно на двор. Проходя мимо мохнатого строптивца, я остро почувствовал: это именно то, что мне нужно, но продолжал шагать в направлении мерина, за которого с самого начала было заломлено слишком много.

Коняка то ли заржал, то ли застонал.

Я покачал головой.

— Мне повезет, если этот дохляк вообще вывезет меня за ворота Фритауна.

— За пять золотых — это, считай, даром.

— Что, пять золотых окупят затраты на выхаживание этого одра?

Керклас закашлялся в спутанную бороду, угрюмо уставился на мой посох и проворчал:

— Конь здоровый, а ты, вроде бы, собрался не на скачки, а в дорогу. Так?

— Так, иначе я не стал бы присматривать лошадь. Но эту клячу не возьму и за два золотых; на такой развалине все едино никуда не уедешь.

Керклас пожал плечами, почесал всклоченную макушку и сплюнул на унавоженную глину.

— А как насчет того жеребчика? — спросил я.

— Это не жеребчик, а горный пони. По выносливости порода наипервейшая, только цену за него Фелшар еще не назначил.

Я подавил улыбку, смекнув, что это, пожалуй, можно обернуть в свою пользу. Подойдя к пони (на сей раз спереди, чтобы не получить копытом), я убедился, что в плечах он будет пошире и более рослых скакунов, а ноги у него хоть и короткие, но зато очень даже крепкие.

— Может, он меня и снесет...— в голосе моем звучало сомнение.

— Еще как снесет, да и не одного,— подал голос конюх, предпочитая держаться поодаль.

Я осторожно прикоснулся к рубцу на боку животного.

Пони фыркнул, вздрогнул, но от меня не отпрянул.

— Вот, шкура попорчена...— я покачал головой.— Ну, так и быть, пару золотых дам.

— Я ж сказал, Фелшар пока цены не назначил...

— Ясное дело. Оценивай, не оценивай — никто его не возьмет, пока не заживут рубцы. Твой хозяин это наверняка знает.

При этих словах конюх заметно обеспокоился.

— Ладно, получишь три золотых. Но впридачу к пони дашь седло, уздечку и одеяло.

— Даже и не знаю...

— Как хочешь. Я могу посмотреть и в других конюшнях.

Торговались мы долго, и бородатый проныра содрал-таки с меня больше положенного: три золотых и семь серебреников. Мне достались, кроме лошадки, еще приличное седло, одеяло и уздечка. Последняя, правда, представляла собой недоуздок без удил, но у меня было чувство, что с этим пони не стоит рассчитывать на принуждение. Мы с ним должны поладить по-доброму, а не выйдет, так и силой ничего не получится.

Затруднение возникло, когда речь зашла о расписке.

— Я счетоводству не обучен. Этим занимается Фелшар.

— Прекрасно. Я напишу ее сам, ты только приложишь печать.

Печать, как я приметил, висела над коробкой с расписками.

— Почем мне знать, вдруг ты...

Я поднял посох:

— Всем известно, что имеющий это — не лжет. Я не мог бы позволить себе обман. Слишком высока цена.

При виде посоха он отпрянул.

— Но я не знаю...

— Зато твой хозяин знает, что обладатели Черных посохов никого не обманывают, но и не позволяют обманывать себя. Неслыханной прибыли ты, может быть, и не получил, но я плачу настоящую цену и заодно избавляю тебя от возможных неприятностей.

Каких именно — объяснил мой красноречивый кивок на излупцованный бок животного.

— И то сказать... худа не будет.

Дело окончилось тем, что к воротам Фритауна я направился верхом. Старая, но укрепленная полоской кожи петля, предназначавшаяся для копья, подошла и для моего посоха. Все бы ничего, только стоило мне забыться, как я все время кренился в седле к этому темному шесту.

Пони — это выяснилось, когда я прикоснулся к нему, чтобы оседлать — звали Гэрлок. Он попытался-таки надуть брюхо, чтобы не позволить мне затянуть подпругу, но я, следуя наставлениям Керкласа, хотя и вовсе не в жесткой манере последнего, принудил строптивца опуститься на колени и выпустить воздух.

А вот откуда мне стало известно его имя, лучше и не спрашивать. Но я его узнал. Что не могло не беспокоить, хотя тут уж ничего не поделаешь.

Как ни странно, под седлом Гэрлок не артачился и шел не тряско, а старое разношенное седло оказалось совсем не жест-

ким и одновременно прочным, благо ремни и подпруги были недавно заменены, а все швы и заклепки я проверил самым внимательнейшим образом.

Ухабы и рытвины на мостовой пони обходил сам, да так ловко, что я подумал: если он проявит такую же сноровку на бездорожье, то я сделал лучшее приобретение, чем думал.

К тому времени, когда бывшие спозаранку бледно-серыми облака сгустились и потемнели, Гэрлок вывез меня на истертую серую мостовую перед городскими воротами. Стены высотою не больше двадцати локтей не производили особого впечатления, равно как и высившиеся по обе стороны от ворот башни с зубчатыми парапетами. Навешенные под аркой бревенчатые, окованные железом ворота казались довольно прочными, и вышибить их представлялось делом затруднительным, но едва ли кому-нибудь пришло бы в голову предпринимать такую попытку. Вздумай противник штурмовать Фритаун, он нашел бы много куда более уязвимых мест на невысоких стенах.

С внутренней стороны ворот к стене была пристроена каменная караульная будка, возле которой отирались двое стражников. На моих глазах маленькая повозка, влекомая клячей, вроде той, которую мне пытались всучить на конюшне Фелшара, остановилась возле будки.

— Подай в сторону, не загораживай всю дорогу,— велел один из стражников вознице — лохматой женщине с крючковатым носом. Та щелкнула вожжами и освободила проезд.

Второй стражник с нескрываемым интересом поглядывал на моего пони.

— Эй, малец, где раздобыл лошадку?

— У Фелшара, служивый,— вежливо ответил я, не имея желания грубить этому рослому малому, державшему руку на рукояти меча. Может, он и грузноват, брюхо ловкости тоже не придает, но зачем же искушать судьбу?

— А доказать это можешь?

Я пожал плечами.

— У меня есть квитанция об уплате с печатью Фелшаровой конюшни. И кроме того,— мои пальцы коснулись посоха, который оказался чуточку разогревшимся,— как бы я мог лгать, обладая ЭТИМ?

Взгляд стража упала на посох, и глаза его расширились — как совсем недавно у Керкласа.

— Уж больно ты молод,— сказал он, посмотрев на мое лицо.

— Знаю. Все только об этом мне и твердят, с самой весны,— я достал из пояса и развернул тонкий пергаментный лист.— Потрудись лучше взглянуть сюда...

Выражение его лица и ярость, затаившаяся глубоко в глазах, заставили меня насторожиться. И ему не удалось застать меня врасплох.

Я ухитрился не позволить стражнику вырвать у меня пергамент. Вместо этого я выхватил посох из петли — достаточно быстро, чтобы отразить удар его меча. Почти в тот же миг другой конец посоха ударил его по щеке — не очень сильно, но все же чувствительно.

Гэрлок, не дожидаясь понукания, рысью, а потом и галопом припустил в открытые ворота. Закрыть их в одно мгновение не имелось никакой возможности, и мы, проскочив мимо второго стражника, оказались за городской стеной.

— Вор! Конокрад! Держи его! — неслось мне вслед. Под копытами Гэрлока звенели камни. Чтобы не свалиться, мне пришлось отпустить узду и вцепиться в мохнатую гриву. Естественно, я тут же завалился на бок и думал на скаку лишь о том, как бы с кем не столкнуться. Впрочем, обошлось: пешие попрыгали в придорожные канавы, что же до встречных повозок, то мой пони ухитрялся огибать их с удивительной ловкостью. К счастью, как раз в это время к городским воротам Фритауна направлялся поток окрестных хуторян и торговцев продовольствием. Стрелять вдогонку всаднику, скачущему сквозь толпу, означало бы рисковать подстрелить совершенно постороннего человека. А когда толпа на дороге поредела, мы уже находились вне пределов досягаемости. Правда, с башни меня можно было достать из тяжелого арбалета — при условии, что таковой, исправный и заряженный, на этой башне имелся.

Вскоре за воротами мостовая оборвалась. Копыта больше не звенели, а глухо стучали по утрамбованной глине. Создавалось впечатление, что в этом краю дороги мостили лишь в пределах города. Впрочем земляной большак почти не размыло недавними дождями.

За первым перекрестком Гэрлок перешел на рысь, а потом и на шаг.

— Хорошая лошадка,— я потрепал его по холке, стараясь не задеть рубец от кнута.

Пони фыркнул.

— Согласен, мне они тоже не понравились.

Я оглянулся на дорогу. С такого расстояния ворота виделись темным пятном, но было ясно, что никакие всадники нам вдогонку не скакали. Поток путников и подвод по-прежнему двигался в одном направлении, вливаясь под арку между башнями.

Лишь теперь, переведя дух, я понял, что до сих пор судорожно сжимаю посох, который больше не был теплым на ощупь. Зато оказалось, что дополнительная ременная петля лопнула —

видать, когда я вырвал посох, чтобы защититься от стражника. Кое-как связав оборванные концы, я приладил посох на место. Покончив с этим, я посмотрел на дорогу и увидел чуть ли не перед самым носом выветренный прямоугольный каменный столб с надписью: «Хрисбарг — 40 к.».

Усевшись поровнее и взявшись за поводья, я направил пони под уклон, в направлении Хрисбарга.

Стоило отметить, что событий с утра произошло гораздо больше, чем можно было ожидать. Подвергнуться нападению грабителя, герцогского стражника... Не слишком ли много для одного неполного дня? Это при том, что у меня нет точного представления, куда держать путь. Хотя этот Хрисбарг, вроде бы, находится там, откуда можно попасть к Рассветным, а в конечном счете и Закатным Отрогам.

Поднимут ли стражники из Фритауна шум из-за случившегося у ворот? Не захотят ли они отыграться на других членах группы? Впрочем, остальные могли покинуть город, пока я торговался с Керкласом насчет лошади.

Конечно, мне стоило бы выбраться из Фритауна, не поднимая такого шума. Случившегося не изменишь, но эта история грозила аукнуться впоследствии, в самое неподходящее время.

Вот с такими мыслями и пустились мы с Гэрлоком в долгий путь к Хрисбаргу.

По дороге стучали копыта, а над ней, суля нешуточный дождь, сгущались тучи.

XX

Жалкие угольки, тлеющие в камине, не могут наполнить теплом общую залу, но доброжелательная улыбка человека в белом кажется согревающей.

— Хозяин! — окликает он.— Нельзя ли растопить камин пожарче?

Сидящая в полутьме за угловым столиком женщина смотрит на вышедшего вперед кряжистого, пузатого трактирщика в бесформенных штанах, поношеной тунике и заляпанном полотняном фартуке.

— Прошу прощения, мой господин, но у нас нет ни дров, ни угля. Никакого топлива, кроме той малости, что уже горит. Черные ублюдки отрезали нас от поставщиков, и простому люду приходится мерзнуть.

Немногочисленные посетители реагируют одобрительным гомоном.

— Тогда принеси мне камней.

— Камней?

— Ну да, камней. Ты ведь хочешь, чтобы в трактире стало теплее?

Недоумевающий трактирщик кланяется и пятится. Улыбчивый человек в белом оборачивается к сидящей рядом с ним женщине, лицо которой скрыто под вуалью, и что-то ей говорит. Так тихо, что даже стоящей совсем рядом прислужнице не удается ничего разобрать.

У кухонной двери толстяк-трактирщик обменивается парой слов с молодой беременной женщиной. Она исчезает, а он остается в дверях, таращась в холодную, полутемную залу.

Сидящая в углу женщина подается вперед. Капюшон ее плаща откидывается, открывая чистые линии юного лица и рыжее пламя волос.

Какой-то худощавый мужчина, ухмыляясь в нечесаную бороду, встает из-за своего стола и направляется к ней. Рука его касается рукоятки засунутого за пояс ножа.

Рыжеволосая поднимает на него глаза.

— Вижу, милашка, что тебе нужен мужчина,— произносит неряшливый бородач.

— Если и нужен, то не такой, как ты.

Никто в трактире не обращает на эту сцену ни малейшего внимания.

— Ах ты наглая потаскушка! Вздумала грубить, вот как?

— Ничего подобного,— невозмутимо отзывается рыжеволосая, глядя сквозь него.— Я только указала на очевидное.

Однако ее спокойная уверенность не смущает навязчивого бородача, который тянется за стулом.

— Я тебя не приглашала,— замечает девушка.

— Обойдусь без приглашения,— рычит он, окидывая ее похотливым взглядом, и садится рядом.

Ее посох и нога приходят в движение одновременно.

И стул и бородач падают на дощатый пол.

— Сука! — он тянется за ножом.

Она заносит посох. Удар! — и любитель цепляться к женщинам лежит ничком.

— Эй, мне тут не нужны драки! — кричит трактирщик, подбегая к упавшему.

— Ты прав, драки ни к чему,— кивает рыжеволосая.— Когда этот идиот очухается, посоветуй ему впредь быть осторожнее.

Трактирщик волочет потерявшего сознание человека к двери, а девушка садится и спокойно доедает свой хлеб и сыр.

Темноволосая женщина под вуалью кивает человеку в белом. Тот улыбается и кивает в ответ.

Тем временем беременная служанка возвращается в залу, с трудом волоча корзину, полную мокрых камней.

— Камни, мой господин. Как было велено.

— Будь добра, сложи их на каминную решетку.

Служанка повинуется, посматривая то на стройного человека в белом, то на пузатого хозина.

— Спасибо, красавица. Держи!

Служанка получает серебреник. Глаза ее округляются. Кланяясь, она ловко прячет полученную монету в потайной карман.

— Премного благодарна, мой господин.

Человек в белом встает и, повернувшись к столикам, произносит:

— Сдается мне, всем вам довольно зябко. Вот вы,— он указывает на три фигуры за столиком у стены,— как мне кажется, намокли под холодным дождем, да и другим не намного легче. Хотите согреться? Я вам это устрою.

Он поворачивается к разложенным на каминной решетке камням и делает неуловимый жест. Раздается шипение, над решеткой вспыхивает белое пламя. Все — даже рыжеволосая девица в углу — вздрагивают. Воцаряется полная тишина.

Когда белое пламя опадает, становится видно, что камни превратились в равномерно горящие уголья. По помещению начинает распространяться приятное тепло.

Темноглазая женщина с вуалью поднимается и направляется к столику рыжеволосой.

— Лорд Антонин и я просим тебя присоединиться к нам.

— Зачем? — спрашивает рыжеволосая.

— Стоит ли обсуждать это здесь? — отзывается незнакомка, с улыбкой посматривая на посох.

— И то сказать,— улыбнувшись в ответ, рыжеволосая встает.

— Меня зовут Сефия, а это лорд Антонин,— представляет себя и своего спутника женщина в вуали.

— Будь нашей гостьей,— предлагает Антонин.

— С чего бы это? — интересуется рыжеволосая.

— А почему бы и нет? — отвечает лорд в белом.— У тебя наверняка есть вопросы, а у нас, возможно, на некоторые из них найдутся ответы.

Рыжеволосая присматривается к Сефии и приходит к выводу, что та, несмотря на прекрасную фигуру, старше, чем кажется с первого взгляда. В уголках глаз заметны морщинки, а щеки явно нарумянены.

— Ну раз так, то спрошу: зачем вам потребовалось демонстрировать свою силу? И что вам нужно от меня? — говорит она наполовину шутливо, наполовину с вызовом.

— Дело есть дело. Как думаешь, юная леди, может ли внешность действительно быть обманчивой?

— Продолжай,— говорит рыжеволосая.

— Продолжу. По-моему, поступки красноречивее слов. Некоторые из собравшихся здесь промокли и продрогли. Согрела ли их хваленая добродетель Отшельничьего? Сумеет ли трактирщик разжечь огонь в камине теплом своего сердца?

— Это затасканный довод, Антонин. Один хороший поступок еще не делает человека хорошим. Как и один неправильный не превращает в злодея.

Наружная дверь распахивается. В помещение врывается влажный холодный ветер, но дверь тут же захлопывается.

— И все же поступки красноречивее слов,— настойчиво звучит мелодичный голос Антонина — Скажи мне, чем плохо обогреть замерзающих?

— Мне не нравятся ответы, представляющие собой вопросы,— говорит рыжеволосая.— Как насчет прямого ответа?

Антонин, словно находя подобную прямолинейность излишней, пожимает плечами и смотрит собеседнице в глаза.

— Что толку от добрых помыслов, если они не воплощаются в добрые поступки? Ох, прости,— спохватывается и усмехается он.— Привычка... Но я попробую сказать по-другому. Чистоплюи от магии, такие, как Мастера Отшельничьего, учат, будто форма магии сама по себе имеет отношение к добру или злу. По их мнению, использование магии хаоса хотя бы для обогрева тех, кому грозит смерть от холода, или для пропитания тех, кому грозит смерть от голода, способствует умножению зла — вне зависимости от намерений того, кто к этой магии прибегает. Мне же подобные рассуждения представляются сомнительными. Разве человеческая жизнь не дороже ярлыка? — он снова пожимает плечами.— Я прошу тебя подумать об этом. Подумать о нищих, которых ты видела на холодных улицах. Ну, а заодно раздели нашу трапезу.

— И?

Антонин тепло улыбается:

— Мне предстоит обсудить с герцогом некоторые вопросы. Если тебя заинтересует возможность иметь с нами дело, то имей в виду: я пробуду в Хайдоларе чуть меньше восьмидневки, если считать с сего дня. В «Роскошном пристанище». Приходи туда или оставь для нас весточку.

Взяв ломтик мяса, он кивает на стоящую перед гостьей пустую тарелку:

— Разумеется, сначала тебе нужно получше познакомиться с Кандаром и поразмыслить о том, как распорядиться твоими способностями. Так что пока хватит разговоров. Угощайся в свое удовольствие.

Рыжеволосая косится то на Сефию, то на Антонина, но эти двое не переглядываются. Не происходит между ними и обмена

искаженной энергией, что ей случалось наблюдать на Отшельничьем. В конце концов она подцепляет ломтик мяса, и все трое приступают к еде.

XXI

По сравнению не только с Главным, но и с менее значительным Поперечным трактом Отшельничьего, дорога из Фритауна в Хрисбарг представляла собой не более чем проселок. Прямой, но узкий. Недалеко от города большак разделился на три ответвления — на юг, север и запад. Я выбрал единственную дорогу, которая не вела вдоль побережья.

Середина дороги представляла собой полосу плотно утрамбованной глины шириной примерно в крестьянскую повозку. Все остальное было безнадежно разбито и размыто. По обе стороны тянулись глубокие колеи, оставленные в вязкой грязи.

Попытка отстегнуть плащ от заплечного мешка прямо на ходу едва не стоила мне падения с пони. Ухватиться за край седла удалось лишь в последний момент.

Гэрлок неодобрительно заржал.

Я извинился. А потом, слегка натянув поводья, остановил его и оглянулся. Позади осталось более пяти кай. За нами, вроде бы, не гнались. Другая неприятность подстерегала нас — моросящий дождик грозил смениться настоящим ливнем. Стоило мне слезть с седла, как стало ясно, что ноги с внутренней стороны основательно стерты. А ведь мы только-только начали путешествие!

В небе громыхнуло. Тучи продолжали темнеть, обещая уже не только ливень, но и грозу. За тянувшимися сбоку дороги каменными оградами виднелись побуревшие, лишь со слабым намеком на зелень, луга. Кое-где на полях стояли лужи, а стебли некоторых луговых трав почернели — они гнили на корню. Похоже, что затяжные дожди в этой местности — не редкость.

Снова громыхнуло. Крупные дождевые капли забарабанили по дорожной глине и по моей макушке. Пристроив торбу позади седла, я снова взобрался на Гэрлока и поморщился от боли.

— Поехали.

Загромыхал гром. Дождь полил как из ведра.

Все складывалось так, что лучше и не бывает. Под мерзким проливным дождем, по дороге, проходившей через совершенно неизвестные мне места, я направлялся в совершенно незнакомый город.

Гэрлок предостерегающе заржал, прерывая мои невеселые мысли.

Впереди на дороге появилось бесформенное пятно, вскоре принявшее очертания кареты, запряженной парой громадных

коней. Над головой кучера, закутанного в поблескивающий от влаги серый плащ с капюшоном, торчал шест, на котором висел намокший красный флаг.

Выбрав менее грязную сторону дороги, я направил Гэрлока направо.

— Хэй! Хэй!

У меня возникло ощущение, будто карета движется в студеном облаке — по мере ее приближения меня все сильнее пробирало холодом.

— Хэй! Хэй! — громко, но как-то безжизненно и хрипло выкликал кучер, и его возгласы скручивали в узел каждый нерв в моем хребте. Громыхая, карета неслась по твердой середине дороги мне навстречу.

Эта карета, изготовленная из белого дуба и щедро покрытая золотистым лаком, сверкала, словно отлитая из золота. Однако она, как ни странно, вовсе не имела металлических деталей. Железные пружины рессор заменяли кожаные ремни, а колеса были целиком изготовлены из дерева. Изготовлены с замечательным мастерством, которого не могла скрыть налипавшая на них дорожная грязь.

— Хэй! Хэй!

Промчавшись мимо, кучер не взглянул в мою сторону.

Позади кареты бок о бок скакали двое верховых на конях, весьма напоминавших гнедого мерина, виденного мною у Фелшара. Кони двигались быстрой рысью — самым скорым аллюром, пригодным для долгого путешествия.

Плащи обоих всадников, сделанные из того же блестяще-серого непромокаемого материала, что и у кучера, были гораздо короче, чтобы не мешать им при необходимости воспользоваться оружием. При них были копья с белыми древками и мечи, вложенные в белые ножны.

Один из всадников взглянул на меня из-под капюшона. Взгляд его показался мне скорее механическим, нежели живым. Как будто он не УВИДЕЛ меня, а, подобно некоему прибору, зафиксировал факт присутствия человеческой фигуры и передал куда-то полученные сведения. Во всяком случае, у меня осталось такое ощущение, хотя серый наездник определенно не открывал рта.

В тот момент, когда карета поравнялась со мной, ненастный полдень сделался больше похожим на штормовую ночь, но это продолжалось лишь несколько мгновений. После этого осталось ощущение нарушенного порядка, удаляющееся громыхание колес, да стихающие вдали выкрики кучера.

Я поежился, от души надеясь, что Изольда закончила свои дела во Фритауне и успела сесть на Черный корабль, дожидавшийся ее где-то близ гавани.

Тамра... Хотелось верить, что привычка рыжеволосой откладывать все напоследок не задержит ее в городе и не сведет с магом хаоса, мчавшимся во Фритаун в белой карете. Но как-либо повлиять на это было не в моих силах. Взглянув на дорогу, я рассеянно отметил, что массивная дубовая карета почти не оставила следов.

Дождь прекращаться не собирался, что наводило на мысль об укрытии. Однако прямая как стрела дорога позволяла видеть, что по меньшей мере на протяжении ближайших пяти кай впереди нет ничего, кроме все тех же оград и прибитых дождем лугов. После выезда из Фритауна я не приметил ни одного хутора, не говоря уж о придорожной харчевне. Овцы, правда, в отдалении виднелись, а стало быть, местность оставалась обитаемой. Только вот жители ее почему-то предпочитали держаться подальше от дороги.

Эта мысль заставила меня поежиться.

Гэрлок заржал и встряхнул гривой.

— Понимаю, приятель... Сыро и холодно. Но вот ведь беда, укрыться-то негде.

Пони фыркнул.

— Негде, дружище. Честное слово, негде.

И мы потащились дальше.

Встречных карет больше не попадалось. На дороге оставались лишь мы да льющаяся с неба непрерывным потоком вода. Наконец, когда плащ на моих плечах промок насквозь, а дождь все же унялся, превратившись в холодную взвесь тумана, на краю пустынной равнины замаячил пологий холм. По обе стороны дороги появились редкие сосенки, каменные ограды вконец развалились, а на вершине невысокого холма обнаружились руины — остатки некогда большой фермы или усадьбы.

Присутствия хаоса здесь не ощущалось. Я чувствовал лишь давность и... может быть, печаль. Хотя, узнай об этом отец, Кервин или Тэлрин — любой из них прожужжал бы мне все уши, втолковывая, что факт наличия или отсутствия гармонического или хаотического начала не должен иметь эмоциональной окраски. К счастью, Гэрлок не имел склонности вдаваться в подобные тонкости.

Дальше местность стала более дикой. Огороженные луга окончательно сменились лесами — преимущественно сосняком. Изредка, чаще у подножия холмов, встречались серые дубы — их листва была уже тронута желтизной.

И тут я вновь поежился. Во всем этом унылом пейзаже не было решительно ничего необычного, но затяжные дожди имели не вполне естественную причину. С чего это мне втемяшилось — сказать не берусь. Никаких признаков хаоса поблизости

не ощущалось. Но избыточная влажность явно была не натуральной.

Правда, вода при этом оказалась совершенно обыкновенной. Гэрлок с удовольствием пил из маленьких ручейков, а вот к тощей травке выказал полнейшее равнодушие. Я сидел, покачиваясь, в седле и жевал прихваченный с собой в дорогу хлеб.

Неестественное впечатление производила и сама дорога. Хотя — что в ней особенного? Где возможно, идет прямо, где приходится — слегка изгибается, а кое-где и приподнимается над уровнем местности. Но вот ведь — даже когда она пошла сквозь все более высокие холмы, ширина ее осталась прежней. Склоны по обе стороны казались как будто срезанными под плавным углом. Ни тебе нависающих выступов, ни валунов... Ну конечно!

Мне захотелось ударить себя по лбу. Ну конечно! Чародейская дорога! Магистра Трегонна упоминала о существовании в Кандаре таких трактов, но слушал-то я ее в пол-уха.

Поняв, ЧТО должно находиться в глубине, я почти физически ощутил под слоем глины плотно уложенные белые камни.

Уже темнело, и дорога шла под уклон, когда впереди появились беспорядочно разбросанные огоньки. По моим прикидкам, это могли быть огни Хрисбарга.

В трех или четырех кай от города дорога разделилась. Правое ответвление было помечено столбом с высеченными на нем стрелой и буквами «ХСБГ». Левое — по существу, продолжение главной прямой дороги — уводило к отдаленной гряде холмов и пропадало в темноте, где не было ни огней, ни какого-либо иного признака жилья. О том, что здесь вообще кто-то ездил, свидетельствовали лишь следы колес.

После поворота на Хрисбарг тракт сделался совершенно раскисшим, а пересекавшие его то здесь, то там ручьи приходилось одолевать чуть ли не вброд. Честное слово, я едва не пожалел о мрачной, но ровной и твердой чародейской дороге. Особенно когда вновь стал накрапывать дождь.

Гэрлок, откликнувшись на мои мысли, подал голос.

— Во всем ты прав, приятель, но есть ли у нас выбор?

По этому поводу пони предпочел отмолчаться.

Первые хижины, до которых мы добрались, оказались темными и покинутыми развалюхами. Потом показались дома — они стояли под крышами, но явно были заброшены. И наконец под копытам Гэрлока захлюпала тщательно взболтанная грязь центра города.

Главная улица Хрисбарга представляла собой полосу вязкой глины с почти равномерно чередующимися глубокими лужами. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего мостовую и придорожные канавы, не было и в помине. К дверям лавок

вели деревянные сходни. Крыльцо и коновязь имелись лишь у немногих, большинство обходилось несколькими положенными наклонно досками.

Даже в сумраке и мороси я отметил убожество плотницкой работы: и материал был никудышный, и сколочено все кое-как.

Гэрлок фыркнул и встряхнул гривой, обдав брызгами мой плащ и физиономию. В моем потаенном поясном кошеле имелось несколько серебреников — этого должно было хватить на ночлег в гостинице для меня и стойло в конюшне для Гэрлока. После такого денька мы оба нуждались в отдыхе.

Перед одной или двумя лавками горели масляные лампы, но уличных фонарей как таковых в Хрисбарге не водилось. Что, учитывая своеобразие здешних улиц, создавало некоторые затруднения даже для меня, с моим превосходным зрением.

Гэрлок снова фыркнул.

— Конечно, дружок, ты совершенно прав. Мы поищем гостиницу... или что тут может за нее сойти.

Говоря это, я озирался по сторонам и таращил глаза, пытаясь высмотреть столб с указателем дороги на Хаулетт. Конкретных сведений и полезных указаний Братство надавало мне — что кот наплакал. Надо, мол, провести год в Кандаре и проехать через Хаулетт в лежащие за ним земли.

Но неужели все испытание только к тому и сводится, чтобы проехаться по Кандару и через такие городишки, как этот Хрисбарг или Хаулетт, добраться до Закатных Отрогов? Чтоб мне лопнуть, как-то не верится! Не напускай наши Мастера на себя такой строгий вид, я вообще мог бы принять все это за нелепую шутку. Однако Тэлрин так упорно долдонил насчет этих самых Отрогов, что поневоле приходилось принять задание всерьез.

Напрягая зрение, я наконец высмотрел дальше по улице выцветшую вывеску, разобрать на которой можно было разве что букву «С» и изображение какого-то не поддающегося определению существа. Ни одна из доступных взору темных халуп даже отдаленно не походила на постоялый двор, однако указатель должен был на что-то указывать. Ободряемый этой здравой мыслью, я продолжил путь к дальнему концу Хрисбарга. Моя настойчивость увенчалась-таки успехом.

Трактир назывался «Серебряная Лошадь». На вывеске под надписью действительно красовалась лошадь, довольно грубо намалеванная посеревшей серебрянкой. Изображение, само собой, было гораздо крупнее букв — ведь, кроме купцов и духовенства, грамотеев в Кандаре почти не водилось.

Я направил Гэрлока к притулившемуся рядом с гостиницей приземистому зданию с покатой крышей.Когда я слез с пони, ноги мои едва не подкосились.

— Что угодно господину? — у дверей конюшни стоял мальчишка, ростом едва мне по локоть.

— Кому платить за конюшню, тебе или трактирщику?

— Три гроша за ночь, а с отдельным стойлом и кормом — пять.

Я тут же вручил ему медяк.

— Держи, приятель. И присмотри за моей лошадкой как следует.

— Да, господин.

— Которое стойло?

— Может быть, то, что под навесом?

Я смекнул, что мальчонка-то прав. Рослого коня под низкий навес не поставишь, а, стало быть, моего пони никто не побеспокоит. Места, чтобы отдохнуть и подкрепиться, Гэрлоку там вполне хватит.

— Годится.

Я сам отвел Гэрлока в стойло, постаравшись, чтобы мальчишка не смог толком разглядеть мой посох в неверном свете висевшего над входом фонаря, прикрытого жестяным колпаком.

Еще не расседлав пони, я зарыл посох в солому возле наружной стены, так чтобы никто, кроме человека, способного к восприятию сил порядка и хаоса, не смог обнаружить эту штуковину. Тащить посох в гостиницу и привлекать к себе внимание не хотелось, тем паче что посох едва ли помог бы мне в случае столкновения с настоящим Мастером хаоса.

— Сбруей могу заняться и я,— предложил конюх.

У меня возражений не нашлось. Ноги мои все еще дрожали, да и малец управлялся с подпругами намного ловчее моего.

Устроив Гэрлока, я, морщась и прихрамывая, заковылял через грязный внутренний двор в сторону трактира. Слабый свет пробивался сквозь маленькие окошки, вставленные в свинцовые переплеты и смотревшие на конюшню.

Дверь, грубо сколоченная из сосновых досок и покрытая шелушившейся белой краской, была открыта. Мне потребовалось некоторое время, чтобы счистить грязь с подошв о лежавший у порога плетеный половик, хотя утруждаться, возможно, и не стоило. Деревянный пол покрывали пятна и царапины, а мусор здесь, похоже, просто сгребали в углы.

Узкий коридор освещала одна-единственная чадная мигающая лампа.

— Эй! — крикнул я.— Привет! Есть тут кто?

— Иду...— донесся откуда-то негромкий отклик.

— Путник? В такой-то час? — выразил удивление кто-то находившийся поближе.

Оглядевшись по сторонам, я увидел справа проход, за которым находилась общая зала. В каменном очаге, давая слабый

дрожащий отсвет, горели уголья. По левую сторону находилось нечто вроде ниши с тремя деревянными скамьями. Там горела неяркая лампа. Скамьи стояли вокруг низенького столика, который, судя по грязи и обитым краям, использовался главным образом как подставка для ног.

Путников на дороге мне почти не встречалось, и следовало предположить, что постояльцев здесь негусто.

— Да?

Резкий голос принадлежал раздражительной с виду особе в линялом темном платье и заляпанном желтом фартуке. Правда, лицо ее, при всей грубости черт, было чистым, а седеющие волосы собраны на затылке в аккуратный пучок.

— Сколько за комнату и какой-нибудь ужин? — от холода и сырости мой голос сел и охрип.

— Серебреник за ночь,— буркнула она, обшаривая меня хищным взглядом.— И деньги вперед. Хлеб и сыр поутру входят в стоимость ночлега. Обед отдельно, выбирай из того, что есть. Правда, выбор невелик, сегодня уже мало что осталось.

Пошарив в поясном кошеле, я выудил серебреник и пять медяков.

— За меня и мою лошадку.

— Ты что, ехал в такую погоду? — удивленно спросила женщина, прибрав монеты.

— Ну, когда я выезжал, особого ненастья ничто не сулило, а задерживаться во Фритауне у меня как-то не было охоты. Потом было просто некуда приткнуться, и...— я пожал плечами .

Трактирщица посмотрела на дверь, потом на меня:

— Хрисбарг подвластен герцогу. У нас часто бывает маджер Лервилл.

— Хозяюшка, откуда путнику знать местную погоду? Я допустил промашку, но теперь рассчитываю отогреться и подкрепиться.

— В этом мы тебе поможем. Анна-Лиз обслужит тебя... или ты хочешь сначала взглянуть на комнату?

— Да, пожалуй, взгляну на комнату. По крайней мере, сброшу там плащ, чтобы он просушился.

— Чистое полотенце и таз воды — еще один медяк.

— Два полотенца. И еще один таз поутру.

Трактирщица улыбнулась:

— Деньги вперед.

Полотенца, хотя и серые, оказались плотными и чистыми, а вода в тазу — достаточно теплой. Что же до самой комнаты, то она с трудом вмещала осевшую двуспальную кровать и потертый шкаф из красного дуба. На кровати лежал комковатый матрац, застеленный грубой простыней и толстым коричневым

одеялом. В настенном подсвечнике горела одна-единственная свечка, которую трактирщица на моих глазах зажгла от своей лампы.

Замка в двери не имелось. Я решил, что при столь малом числе постояльцев можно оставить торбу и плащ без присмотра.

Вернувшись в общую залу, я обнаружил там сидевшего за ближайшим к огню столом мужчину в темно-синем мундире. Даже со спины, ссутулясь над кружкой, он выглядел надменно.

Я занял столик у противоположной стены.

Скользнув по мне взглядом, малый в мундире сделал из кружки большой глоток и окликнул служанку:

— Анна-Лиз!

— Минуточку,— послышался приятный женский голос, который я уже слышал.

Я потянулся, наслаждаясь теплом и начиная чувствовать себя более или менее по-человечески.

— Спасибо, Херлут. Я и не знала, что у нас объявился еще один постоялец.

Светловолосая девушка, вероятно еще моложе меня, кивнула солдату.

— Но...

Проигнорировав его попытку привлечь внимание, она подошла к моему столику. Длинные светло-русые косы падали ниже плеч.

— Добрый вечер, молодой господин. Прошу прощения, но по части мясного мы нынче вечером небогаты. Осталось, правда, немного тушеной медвежатины да пара отбивных. Есть пшеничный хлеб, маисовые лепешки и печеные яблоки в пряностях. А еще немного белого сыра.

Открытая улыбка обнажила крепкие, белые, хотя и не совсем ровные зубы. А соблазнительно низкий вырез блузы давал возможность разглядеть кое-что весьма привлекательное.

— Что посоветуешь, отбивные или медвежатину?

— Бери медвежатину,— ответил за девушку Херлут.— Отбивные у них недельной давности, они их каждый вечер разогревают. А мне, Анна-Лиз, принеси-ка ты еще кружечку.

Анна-Лиз приподняла брови и слегка кивнула.

— Я возьму тушеную медвежатину, сыр, яблоки и несколько кусочков пшеничного хлеба,— решил я.— А что есть из питья?

— Подогретый сидр, крепкое пиво, вино и клюквица.

— Мне клюквицы.

— О, вот так пьяница объявился! — снова подал голос солдат.— Сразу видать — настоящий мужчина.

Пожав плечами в знак того, что она к этим шуточкам отношения не имеет, Анна-Лиз с улыбкой спросила:

— Может, что-нибудь еще?

— Спасибо, не сейчас,— промолвил я, ухмыльнувшись в ответ. А почему бы и нет? Ведь это она начала заигрывать.

Убрав с лица улыбку, Анна-Лиз направилась к солдату и забрала у него кружку.

— Тебе снова крепкого пива?

— А чего еще от тебя дождешься? Торчу тут, понимаешь, деньги трачу...

Он уставился в камин, где слабые язычки пламени лизали пару сырых поленьев.

Анна-Лиз исчезла за открытой дверью, ведущей на кухню, и почти мгновенно вернулась с двумя кружками.

Пиво на стол Херлута было поставлено со стуком. И без единого словечка.

— Пожалуйста, молодой господин,— передо мной появилась кружка с соком.— Откуда путь держишь — из Хаулетта, Орлиного Гнезда или, может, Фритауна?

Спина солдата напряглась, и это меня насторожило. Однако я ответил по возможности честно:

— Правду сказать, так я и вовсе не из этих мест. Ехал побережьем, а во Фритауне решил не задерживаться. Мне сказали, что кораблей там все равно нет. Вот и угодил под дождь.

Солдат слегка расслабился. Девушка кивнула сочувственно:

— Дорога неблизкая.

— И холодная,— ухмыльнувшись, я отпил соку и положил кусочек сыра на ломоть белого хлеба.

Девушка упорхнула на кухню, Херлут занялся своим пивом, а я — хлебом и сыром, стараясь жевать помедленнее.

— Молодой господин...

На столе передо мной появилась огромная дымящаяся миска и тарелка поменьше с нарезанными, приправленными пряностями красными яблоками.

Насчет медвежатины Херлут не обманул: она оказалась острой, горячей и вкусной. Однако я отодвинул миску еще не опустошенной — а ну как объемся, и у меня, чего доброго, расстроится желудок.

— Угодно чего-нибудь еще?

— Потом,— ответил я, покосившись на солдата (тот хмуро уставился в свою кружку) и вспоминая недавнюю многозначительную улыбку хорошенькой служанки.— Сколько?

— Пять.

Допив сок, я вручил ей серебреник и получил сдачу в пять медяков, один из которых вернулся к ней и скрылся в ее поясе.

Не без сожаления проводив ее взглядом, я поднялся по скрипучей лестнице в свою комнату и, закрыв за собой дверь,

быстренько проверил содержимое торбы. Ничего не пропало. Стягивая брюки, я не переставал гадать о значении кивков и улыбочек Анны-Лиз.

Но, похоже, напрасно. Потому что так и уснул, не услышав ни тихого стука в дверь, ни чего-либо в этом роде.

XXII

Утро выдалось столь же унылым, что и предыдущее. Бесформенные тучи поливали землю бесконечным моросящим дождем.

Я проснулся, но еще не встал с постели, когда сухопарая трактирщица, войдя без стука в комнату, деловито налила в умывальный таз чистой воды. Она даже не посмотрела в мою сторону. Глаза мои снова закрылись, но сон больше не шел — в голове вертелись мысли, вопрос возникал за вопросом. Почему в герцогстве Фритаунском такая дождливая погода? Что заставило Мастера хаоса так гнать карету по направлению к порту? И почему он воспользовался именно каретой?

Стоило мне свесить ноги с кровати, как боль придала мыслям иное направление. Мышцы ног ныли так сильно разве что в первые дни занятий с Гильберто. Просто сидеть на постели — и то было больно.

Снаружи шумел ветер, по крыше гостиницы назойливо стучал дождь. Одевшись и натянув сапоги, я заглянул в торбу и с улыбкой прикоснулся к корешку подаренной отцом книги. Все некогда да некогда, но все-таки не мешало бы в нее заглянуть. Не просто же так он мне ее подсунул.

Свет в узком коридоре не горел, отчего он показался мне мрачнее, чем вчера вечером. Неожиданно снизу донеслись голоса:

«...напали на Фритаун...»,

«...любой из них мог оказаться здесь...»

Я замер на вершине лестницы и прислушался.

— Гонец сказал, будто там было два Черных посоха. И еще другие... Включая проклятую бабу, Черного бойца.

— Маджер, я не имею ни малейшего представления о том, как может выглядеть Черный посох. Из постояльцев у нас сейчас только два торговца и какой-то школяр при деньгах. Торговцы знакомые, наезжают к нам по три-четыре раза в год. Ну а школяр... он почти мальчишка.

— Ты видела у него какое-нибудь оружие?

— Оружие? Не упомню. Разве что короткий нож.

— Где этот малый?

— Наверное, греется у огня.

— Наташа, идем со мной. Покажешь мне его, ладно?

— Конечно, маджер, о чем речь! Если он там, то...

Шаги удалились, а я спустился по ступенькам с таким видом, будто решительно ничем не обеспокоен. Но все же старался не топать.

Анна-Лиз стояла у стойки. Заметив меня, она движением бровей указала на дверь, проговорив что-то одними губами.

Ухмыльнувшись, я помахал ей рукой и выскочил наружу. Хорошо, что я догадался захватить с собой торбу и плащ. Пока маджер с Наташей будут искать меня в гостинице, есть шанс улизнуть.

Плюхая сапогами по лужам, я пересек внутренний двор, нырнул в широкую, приоткрытую дверь конюшни и поспешил к стойлу Гэрлока. Мальчишки-конюха нигде не было видно.

Да уж, мне определенно стоило убраться подальше от Фритауна. Невзирая на ненастье и прочие дорожные прелести. Конечно, то, что у меня Черный посох, на мне не написано, но, похоже, этому маджеру дано указание задерживать любого подозрительного человека. А допрос в этих условиях отнюдь не обещал стать дружеской беседой.

Жаль только, что мне так и не удастся выяснить, что же стояло за кокетством Анны-Лиз...

Седлать пони почти в полной темноте было занятием нелегким, однако я понимал, что времени у меня в обрез. Попона легла не больно-то ровно, и Гэрлок недовольно всхрапнул, однако брыкаться не стал, пока я не водрузил ему на спину седло.

Хлоп — и оно свалилось мне под ноги.

— Ладно, зверюга, что с тобой поделаешь...

Вздохнув, я поправил попону, а когда снова попробовал надеть седло, Гэрлок надул брюхо.

Порывшись в соломе, я вытащил посох и прикоснулся его концом ко лбу животного. Пони, фыркнув, выпустил воздух, а я затянул подпругу. Конечно, можно было на манер многих конюхов просто пнуть лошадку в живот сапогом, но мне не хотелось без крайней нужды прибегать к насилию. Во-первых, я находил насилие скучным, а во-вторых, оно порождало во мне странное беспокойство.

Чтобы не запутаться в уздечке, мне пришлось приказать себе не суетиться и действовать спокойно. Наконец все было сделано, даже торба приторочена позади седла. Отвязав Гэрлока, я взял его под узцы и шагом повел к выходу.

— Эй! Эй! В трактире! — послышался голос, слишком зычный и уверенный, чтобы мне понравиться. Еще не видя кричавшего, я живо представил себе отряхивающего свой серо-голубой дождевик кавалерийского офицера, которому не терпится согреться, выпить и подкрепиться. Или, хуже того,

еще одного маджера, прибывшего со строжайшим приказом задерживать всех подозрительных путников.

— Эй, чтоб вам всем провалиться! Померли вы, что ли? Куда конюх запропастился, неужто еще дрыхнет?

Поняв, что этот малый так или иначе войдет внутрь, я привязал Гэрлока к ближайшей балке и открыл дверь.

— Ты что, сопляк, заснул? Держишь офицера под дождем!..— рослый мужчина с золотым листком на вороте шагнул мне навстречу. По сравнению с его конем Гэрлок выглядел собачонкой.

— Прошу прощения, господин офицер. Конюх заболел, и я...

— И ты сейчас же оставишь этого дурацкого пони и займешься настоящим конем!

— Да, господин. Последнее стойло справа как раз свободно. Оно сухое и чистое.

Меня так и подмывало треснуть этого чванливого индюка по макушке, однако здравый смысл подсказывал, что он насадит меня на свою саблю прежде, чем я дотянусь до посоха.

— Ладно. Но смотри, чтобы он был почищен, и почищен как следует, щеткой! И никакой холодной воды, не то я тебя в ней утоплю! — с этим напутствием он протянул мне поводья.

— Да, господин офицер. Как будет угодно, господин офицер.

К счастью, его конь оказался или лучше обученным, или менее норовистым, чем виденные мною у Фелшара, и пошел за мной не артачась.

— Чей это пони? — осведомился кавалерист, провожая меня взглядом.

— Одного постояльца,— не оборачиваясь, ответил я.

— Смотри, малый, чтобы все было как надо. Я скоро вернусь.

Офицер торопливо зашагал к дверям трактира, а я, быстренько обмотав поводья его коня вокруг ближайшего столба, завязал их тугим узлом, припустил к Гэрлоку и взобрался в седло прямо в конюшне.

Я еще натягивал перчатки, а мы уже выехали под дождь. Пони фыркнул. Конечно, в холодных брызгах не было ничего приятного, но мне очень не хотелось бы оказаться поблизости, когда этот кавалерист встретится с маджером.

Гэрлок перешел на рысь. Ледяные иголки дождя впивались в мое лицо, пока меня не посетила догадка натянуть капюшон. В такой обстановочке немудрено и про голову забыть, не то что про капюшон.

Направляя Гэрлока в обход лужи, которая имела бы полное право назваться маленьким озерцом, я пытался сообразить, откуда должна начинаться дорога на Хаулетт.

Я щелкнул поводьями, но мы заехали в еще более глубокую грязь. И тут позади раздались крики:

— Стой! Во имя Кандара! Чародей! Хватай чародея!

Мы с Гэрлоком как раз свернули в проулок, выходивший, по моим расчетам, на хаулеттскую дорогу. Пришлось ударить пони по бокам и прибавить ходу. Хорошо еще, что желающих откликнуться на призыв и «схватить чародея» как-то не находилось.

Вся эта история оборачивалась для меня сплошной загадкой. Почему все вдруг так ополчились против черных посохов и вообще выходцев с Отшельничьего? Что случилось во Фритауне, с чего весь сыр-бор?

Со страхом ожидая погони, я непрерывно оглядывался, но никого не увидел и не почувствовал. Только зябкую сырость.

Дорога впереди, насколько позволяли видеть дождь и туман, была пуста. Когда Гэрлок перешел на шаг, я качнулся, непроизвольно коснулся щекой посоха и отдернулся. Дерево оказалось горячим.

Что-то было не так. Однако сколько я ни напрягал чувства, не улавливал в окрестностях ничего, кроме... кроме смутного ощущения беспокойства.

По мере продвижения на запад посох охладился. А вот хаулеттский большак оказался куда хуже дороги из Фритауна. Да и погода испортилась еще пуще. Ударил холод, да такой, что мокрые ветви придорожных деревьев оледенели, превратившись в нечто вроде переплетения хрустальной проволоки.

Там, где дорога не покрылась льдом, она представляла собой вязкую полосу черной грязи, так что мне поневоле пришлось вспомнить добрым словом чародейский тракт.

Хлещущий дождь, пронизывающий ветер, лед, грязь — все мыслимые удовольствия разом! Я беспокоился насчет копыт Гэрлока, но еще больше — насчет себя самого.

Трясясь в седле, я с горечью вспоминал теплый Найлан. Ноги мои от ступней до бедра онемели, зато задница, к сожалению, сделалась куда как чувствительна. Поводья обмерзали, и мне приходилось щелкать ими, чтобы стряхивать лед. Прозрачная корка покрывала и седло, и плащ. Изморозь не касалась лишь посоха, вдетого в кожаную петлю.

Посоха, который уже по меньшей мере дважды выручал меня. Но он же, как казалось, и навлек на меня ненависть всего Кандара. Правда, в последний раз я удрал, не прибегая к его помощи и даже никому его не показав, но меня все равно бросились ловить, называя при этом «чародеем».

Ближе к полудню дождь прекратился, а ветер, наоборот, усилился. Еще не замерзшие лужи стало быстро схватывать льдом. Дорога спрямилась, пошла вверх по склону пологого холма, и тут я почувствовал, что мой посох снова стал нагреваться. Впереди, в тумане, замаячило какое-то строение.

— Ну конечно! — сообразил я.— Это пограничная застава. Герцог-то Фритаунский с герцогиней Монтгренской друг друга не жалуют. Но это их дело, мне же стоит побеспокоиться о том, чтобы обо мне не известили пограничную стражу.

Я стянул левую перчатку и коснулся ею темного лоркена. Дерево было настолько горячим, что растопило лед. Это указывало на определенную опасность.

— Гэрлок, приятель, тебя сосватали мне в качестве горного пони. Хотелось бы знать, насколько ты и вправду ГОРНЫЙ.

Пони оставил слова без внимания. Даже не мотнул головой.

Я попытался обдумать положение. Возможно, на мой счет пограничная стража никаких указаний еще не получала. Но стоит ли привлекать к себе внимание?

Решение напрашивалось само собой: избегать пограничных застав. Только вот осуществить это замечательное решение было не так-то просто. Местность за дорогой густо поросла кустарником, по большей части оледенелым.

Остановив пони за большим придорожным кустом, я принялся изучать местность. Волнистые холмы поросли терновником и редкими кедрами, в лощинах между ними протекали каналы, обсаженные белыми дубами.

По уходящему вдаль склону тянулась темная линия — как оказалось, почти полностью разрушенная стена. Деревьев рядом с ней не росло. Но мое внимание эта линия привлекла тем, что, глядя на нее, я уловил волнистые линии жара — вроде тех, которые скрывали корабли Братства. Только эти были много старше, слабее и несли некий налет испорченности.

Это вызывало беспокойство. Но не мог же я прятаться за кустом вечно!..

Положившись на инстинкт пони, я предоставил ему самому выбирать путь вниз по склону. Гэрлок перебрался через поток и двинулся вдоль русла, тянувшегося параллельно дороге. Теперь между нами и постом пролегал холм.

Неожиданно послышался резкий звук — то ли насекомое, то ли лягушка. Это напомнило мне еще об одной странности: с момента прибытия в Кандар я не видел ни одной птицы и даже не слышал птичьего пения.

Невысокий бугор в конце луга оказался заросшими буйным бурьяном развалинами — когда-то очень давно здесь стояла ферма.

По мере движения вперед ручей становился уже и все круче забирал к югу. Оно бы и ладно, но местность тут, как назло, пошла открытая — ни кедров, ни даже чахлого терновника.

Ну а когда мы одолели еще кай, поток сузился чуть ли не до локтя и повернул обратно к Хрисбаргу.

— Ладно, давай-ка перевалим через этот холм.

Мы двинулись вверх по пологому склону. Чтобы добраться до гребня, времени потребовалось совсем немного, хотя поступь Гэрлока замедлилась и держался он настороженно.

Я же ничего не улавливал — точнее, улавливал пустоту. Отсутствие чего бы то ни было.

Но когда мы поднялись сквозь туман на вершину, я поневоле поежился.

Холм венчала груда белесых камней. Два гранитных монолита еще не упали, но их оплавленные вершины походили на оплывшие свечи. Этот круг хаоса был замкнут в кольцо мертвенно-белого гравия, и еще одно — белой глины. По мере отдаления от центра она становилась все более темной.

Гэрлок испуганно заржал и шарахнулся в сторону.

Посох начал светиться. Он излучал Черный свет, побуждая меня убраться подальше от этих камней.

Несмотря на то, что руины возникли уже давно и заключенная в них болезненная сила истощилась, я не стал их рассматривать и поскорее направил пони в обход.

Взглянув с высоты на северо-запад, я увидел соседний холм — тот, на макушке которого находилась застава. И угол дороги, поворачивающей в сторону Хаулетта. А перевести дух позволил себе, лишь когда мы спустились по склону.

Колени мои дрожали. Не только развалины, но и весь этот холм окружала аура разрушения, непереносимая для всякого, кто способен ощущать магию. А возможно, и просто для всякого нормального человека: недаром ведь люди поблизости не селились.

После того, как источник порчи остался позади, естественные препоны — буераки, терновник и усиливающийся пронизывающий ветер — казались уже не такими страшными. Дорога, на которую мы наконец выбрались, тоже являла собой нечто вроде преграды — полосу взбаламученной и полузамерзшей грязи. Однако Гэрлок с ней кое-как справлялся.

Не знаю, заметил ли нас кто-либо, но я не видел никого, пока снова не оказался на хаулеттской дороге. На лугах по обе ее стороны паслись отары черномордых овец, а пастухи грелись у костров. Мы обогнали ехавший в одном направлении с нами фургон, а навстречу нам, в сторону Хрисбарга, прокатила старая карета.

Ни один возница не удостоил меня и мимолетного взгляда.

XXIII

К тому времени, когда мы по той трясине, которая здесь именовалась дорогой, доковыляли-таки до городских окраин, уже начали сгущаться сумерки. С первого же взгляда стало ясно,

что по сравнению с Хаулеттом даже зачуханный Хрисбарг сошел бы за блистательную столицу. Если в Хрисбарге тротуары были грубо сколочены из досок, тот тут ими даже и не пахло. Да что там тротуары — в Хаулетте и улиц-то настоящих не имелось. Местечко представляло собой хаотичное скопление неприглядных строений.

Однако добрались мы до Хаулетта вовремя: дождь и ветер усилились, а мой плащ превратился в ледяной панцирь. К счастью, почти сразу же по въезде в городок я увидел запущенную халупу с притулившейся рядом с ней сараюшкой. Как оказалось — гостиницу «Уют» с конюшней.

При виде этой конюшни Гэрлок издал ржание, не свидетельствующее о буйном восторге.

— Три медяка, и я поставлю его в стойло с другим горным пони,— заявил в дверях конюшни грузный здоровяк. Был там и мальчишка-конюх, возившийся с чьим-то седлом, но он в ответ на мой взгляд только пожал плечами.

На открытом пространстве стояли незапряженная повозка и экипаж — точно такая же карета, какую я встретил на Фритаунской дороге.

— А еще лучше — поставь-ка его сам,— сказал толстяк, получив требуемую сумму.— Эти проклятые пони лягают и кусают всех, кроме своих хозяев. Ступай в самый конец — там уже один стоит. Такой же, как твой.

Второй пони заржал, но, когда я поставил Гэрлока рядом с ним, умолк. Лошадки принялись принюхиваться одна к другой. Я спрятал посох в солому, расседлал Гэрлока и, пошарив вокруг, нашел старую щетку. К тому времени подошел и конюх, не тот пузан, с которым я разговаривал, а мальчонка.

— Зерно есть?

Паренек посмотрел на меня с недоумением, но медяк мигом сделал его понятливее. Он приволок побитую кадку с зерном, и я задал корму обоим пони. Убедившись, что Гэрлок устроен как надо, я счел себя вправе позаботиться и о своем ночлеге.

Стоило мне войти в трактир, как в нос ударила едкая смесь не самых приятных запахов — кислых овчин, немытых тел, прогорклого масла и дыма. Чтобы толком рассмотреть задымленное помещение, мне пришлось прищуриться. Прямо от широкой двери, в которую я вошел, тянулись длинные грубые столы с лавками по обе стороны. В дальней части зала, отделенной тонкой перегородкой, стояли квадратные столики из более темного полированного дерева.

Судя по числу гостей, «Уют» давал пристанище всем, кого нелегкая заносила в Хаулетт. На лавках за длинными столами

мужчины и женщины сидели вплотную, плечом к плечу. На господской половине свободные стулья имелись, но немного, а незанятых столиков не было ни одного.

Названия своего трактир отнюдь не оправдывал. Попади сюда дядюшка Сардит, он, надо думать, долго перечислял бы все недостатки плотницкой и столярной работы. Снаружи строение выглядело обшарапанным и неуклюжим, а изнутри — и того хуже. Перегородки между простонародной и господской половинами были кое-как сколочены гвоздями, да так небрежно, что древесина местами расщепилась. В пору моего ученичества я и то мог бы смастерить все предметы здешней обстановки куда лучше. Во всем сквозили равнодушие и непродуманность. Скажем, служанки наверняка заработали немало синяков, задевая острые углы квадратных господских столиков. Что до столов для простонародья, то их вообще сработали из непросушенной древесины. Мне оставалось только диву даваться, глядя на это безобразие.

Морщась от шума, я довольно долго таращился поверх людских голов, но никто и не взглянул в мою сторону.

Наконец мне удалось высмотреть местечко на лавке за одним из простонародных столов. Протискиваясь туда, я ненароком задел локоть какого-то бородача, бросившего на меня злобный взгляд поверх кружки.

— Поосторожней, щенок! — рявкнул он.

«Где там эта подавальщица? Уснула, что ли? — слышалось вокруг.— Эй, милашка, еще меду!..»

Запах этого меда не вызывал у меня ни малейшего желания его отведать. А вся обстановка в гостинице «Уют» — желания здесь задерживаться. Однако мне следовало подкрепиться. Жаль, что я не могу остаться на конюшне рядом с лошадками и утолить голод овсом или сеном. Увы — без трактира не обойтись.

Усевшись на лавку рядом с человеком в грубом коричневом плаще, я на миг пожалел, что не захватил с собой посоха. Вроде бы здесь он мне не требовался, но я невесть почему стал тревожиться за его сохранность в конюшне.

— Кто будешь? — полюбопытствовал бородач в коричневом, склонившийся над кружкой с подогретым сидром. Руки выдавали в нем плотника.

— Звать меня Леррис, до ухода из дома работал по дереву,— ответил я. Не соврав при этом ни слова!

— А не слишком ли ты молод для работника? — проворчал бородач, вперив в меня сердитый взгляд.

— Оно конечно,— вздохнул я.— Учеником я был, вот кем. Да и выучился немногому: дальше скамеек да разделочных досок так и не пошел.

— Ха! Ладно, вижу, что не брешешь,— с этими словами сосед уставился в свой сидр, потеряв ко мне всякий интерес.

Оказавшись предоставленным самому себе, я помахал служанке, однако та — тощая черноволосая девица в кожаной безрукавке и широкой юбке — тоже не удостоила меня внимания. Мне не оставалось ничего другого, как ждать, когда она окажется поближе и я все же смогу ее дозваться. А пока — осматривать зал.

За ближайшим к очагу господским столиком сидели четыре человека, в том числе женщина в брюках и зеленой куртке поверх белой блузы и с повязанной под глазами вуалью. До сего момента мне никогда не случалось видеть женщины, носящей вуаль. Но если нижняя часть ее лица была скрыта, то обтягивающая блуза открывала взору довольно соблазнительные формы. Над смуглым лбом чернели густые брови, а темные волосы были убраны в высокую коническую прическу, которую скреплял золотистый шнур. На спинке ее стула висел тяжелый плащ из белого меха.

Двое из ее спутников, воины, носили облегающие камзолы и стриженные под шлем волосы. Один из них был сед, но тело его казалось молодым и крепким. Он сидел ко мне спиной, и я не видел его лица, но готов был побиться об заклад, что на этом лице почти нет морщин. Другой воин, помоложе, чернявый и худощавый, чем-то напоминал ласку.

Между ними сидел человек в безупречно белом одеянии. Выглядел он лет на тридцать, однако даже с расстояния более десяти локтей я сумел разглядеть, как стары его глаза. Взгляд его, обращенный в мою сторону, заставил меня поежиться и потупиться.

Однако человек в белом улыбнулся, и его дружелюбная, теплая улыбка заставила всех в зале ощутить приятный покой. На меня буквально накатила волна благостного удовлетворения, но я оттолкнул ее, ибо не желал, чтобы кто-то решал за меня, какие мне испытывать чувства.

Интересно, не этот ли господин приехал в золоченой карете?

— Эй, в углу! Я вижу, вы замерзли. Не хотите ли чуток согреться?

Я чувствовал на себе взгляд незнакомца, хотя он указывал на три фиуры, притулившиеся правее меня, у самой бревенчатой стены. Двое мужчин и женщина в бесформенных, поношенных куртках — не иначе, пастухи. Ничего не ответив, они уставились в пол.

— Прекрасно,— промолвил человек в белом.— Вижу, что вы с холода. Сейчас вам будет теплее.

Он сделал жест, и я почувствовал, как сырая прохлада в нашем углу сменяется сухим теплом, хотя мы и находились далеко от огня.

Женщина покосилась на мага — в том, что это маг, сомневаться не приходилось — и сделала движение, как бы отвергая подаренное ей тепло. Оба ее спутника продолжали смотреть вниз.

А я... Впервые с того момента, как мы с Гэрлоком покинули Хрисбарг, мне удалось согреться по-настоящему, да так, словно мое место было не в дальнем углу, а возле самого очага. Правда, тепло, сотворенное магом, порождало внутри какой-то холодок и странное ощущение — словно я тоже мог вызвать его, хотя и не ведал, как. Впрочем, выяснять это у меня желания не было.

Потом мое внимание привлек маленький столик у самого очага, за которым — это в переполненном-то трактире! — сидел один-единственный человек. Мужчина в темно-серых брюках и тунике с длинными рукавами, перехваченной поясом. На стуле рядом с ним лежал плащ. Волосы его казались седыми, хотя на таком расстоянии трудно было судить с уверенностью. Да и стариком он определенно не выглядел.

— Тот, в сером, он кто? — спросил я плотника.

— Арлин, меня Арлином кличут,— невпопад отозвался тот. Глаза у него были остекленевшие, причем не пьяные, а как бы отсутствующие.— Девчонка! Еще сидру! — проорал он, размахивая кружкой так, что несколько капель упало на мое лицо.

— Арлин,— настойчиво повторил я, вытерев лицо.— Кто этот человек в сером?

— Джастин. Серый чародей. Ничуть не лучше Белого, Антонина. А про того люди говорят: «Антонин заберет и душу и тело»,— он снова помахал кружкой.

На сей раз девица к нам подошла.

— Что можешь предложить голодному путнику? — спросил я, стараясь придать голосу солидность.

— А не лучше ли тебе перейти на ту половину, молодой господин? — откликнулась служанка, оценив меня взглядом.

Арлин снова уставился на меня. Я сказал:

— Не думаю, что могу позволить себе такую роскошь.

На лице девушки промелькнула улыбка, тут же уступившая место деловитой серьезности:

— Два медяка за огонь и пять за сидр. Мед стоит десять грошей за кружку.

— А еда?

— Сыр с черным хлебом — десять медяков, а если с тушеной медвежатиной, то двадцать.

— Хлеб с сыром и сидр.

— Двадцать два гроша...— она сделала паузу и добавила: — Деньги сейчас.

— Сейчас половину,— возразил я, пожав плечами.— А остальное — когда принесешь еду.

— Ладно,— с неудовольствием кивнула она,— давай двенадцать, за огонь и сидр. Десять доплатишь, когда получишь хлеб с сыром.

— Этак ты разоришь продрогшего путника,— пробормотал я, выуживая монеты из пояса и радуясь тому, что запасся в Хрисбарге мелочью.

— Которые без денег — те могут оставаться снаружи,— ответила девица, пряча деньги и вручая мне деревянный жетон. Затем она двинулась дальше, собирая кружки на деревнный поднос, ссыпая монеты в кошель и раздавая жетоны.

Дверь позади меня открылась, и холодный воздух мигом выстудил заднюю часть залы.

На пороге появились двое солдат в толстых коротких куртках для верховой езды, вооруженные мечами и длинноствольными ружьями. Такие ружья использовались лишь в мирное время, поскольку неустойчивость этого оружия против даже самой слабой магии хаоса делала его почти бесполезным во время военных действий.

— Арейлас! Сторзной! — худощавый трактирщик в засаленном фатуке помахал вошедшим рукой.

Солдат покрупнее — ростом в четыре локтя, но обрюзгший — подтолкнул своего низкорослого товарища вперед, и оба направились к трактирщику.

Там, где они проходили, люди умолкали или понижали голоса.

Рослый солдат что-то сказал содержателю гостиницы, и тот недоуменно выпучил глаза. Вояка заговорил громче:

— ...Сказали... демон, он ехал верхом... видели на мертвых землях Фритауна...

— Погода-то нынче в самый раз для демонов,— откликнулся трактирщик, пожав плечами.

— Вот ведь тараканы...— пробормотал плотник Арлин.

— За что ты их так? — рассеянно спросил я, думая при этом о «верховом демоне».

— Со всех дерут... получают и от Монтгренского Совета за обеспечение безопасности на дороге от границы до Хаулетта, и от Гильдии Воров, за то, что закрывают глаза...— осекшись, он поискал глазами служанку: — Эй, где там мой сидр?

Трактирщик провел солдат под арочным проемом на кухню. Оттуда, высоко держа уставленный кружками поднос, вышла служанка. Пройдя на простонародную половину, она со стуком поставила дымящиеся кружки передо мной и Арлином. При этом она старалась не встречаться со мной взглядом.

— Глянь! — гаркнул я в ухо Арлина, указывая на человека в белом.

Тот глянул, а я быстро поменял наши кружки местами.

— Чего глядеть... это же Антонин...

— Он смотрел на нас,— попытался объяснить я.

— Куда хочет, туда и смотрит. Если из-за этого всякий сопляк будет в ухо орать...

— Прости.

Извинился я не из-за того, что крикнул, а из-за подмененного сидра.

Арлин смотрел на свою кружку, но пить не спешил. А я, отпив небольшой глоток, тут же понял причину его медлительности. Напиток был таким горячим, что обжигал язык и горло.

Неожиданно в обеих половинах — и простонародной, и господской — воцарилась тишина. Подняв глаза, я увидел, что человек в белом стоит у столика и смотрит на Джастина. Как мне сказали, Серого мага.

— Деяние — это не просто поступок...— промолвил Джастин так тихо, что я разобрал не все его слова.

— Поступок и есть поступок. Разве внешность и вправду обманчива, Джастин Серый?

Женщина в вуали тоже посмотрела на Джастина. Но тот не ответил и остался сидеть.

— Поступки красноречивее слов. Здесь, например, есть люди, которым не на что поесть досыта. Но накормит ли их праведность? Или трактирщик, по доброте душевной, станет раздавать им еду бесплатно, оставив в итоге без пропитания свою семью?

Джастин, вроде бы, слегка улыбнулся.

— Вряд ли стоит снова затевать старый спор, Антонин.

— Разве кормить голодных — это дурно?

Маг в сером печально покачал головой. Но мне хотелось бы знать, что он ответит на вопрос Белого чародея.

— Джастин, так все же ответь мне! Накормить голодных — это дурно?

Даже пастухи в углу обернулись и смотрели на Антонина.

— Тут немало пастухов,— продолжал он.— У кого-нибудь из вас наверняка найдется овца или коза, которая не переживет зиму. Даю за нее два серебреника. По-моему, цена справедливая.

Я поймал себя на том, что киваю. Даже для начала зимы это хорошая цена за животное, которое может не пережить и ближайшую восьмидневку, если ненастье не уляжется.

Маг в сером покачал головой и молча отпил из кружки. Антонин лучезарно улыбнулся:

— Трактирщик, я воспользуюсь твоим столом и за это тоже плачу серебреник. Достаточно?

— Вполне, почтенный маг,— пробормотал содержатель гостиницы, вытирая тощие руки о сальный передник.— Но я надеюсь, что милостивый господин возместит любой ущерб...

— Никакого ущерба не будет,— отмахнулся Антонин и обернулся к пастухам.— Ну, кто из вас возьмет мои два серебреника?

— Я, мой господин,— вперед выступил сутулый мужчина с нечесанными седыми космами, в грязных, вонючих лохмотьях.

— Веди животное.

— Неужто он станет резать овцу прямо в обеденной зале? — удивился я.

— Никаких ножей, малец,— ухмыльнулся Арлин.— Это великий чародей.

— Слишком великий,— пробормотал мой сосед по другую руку, не промолвивший ни слова с того самого момента, как я сел.

Пастух ушел. Хотя дверь открылась лишь на мгновение, порыв холодного ветра пробрал меня до костей. Я невольно подумал, что дело, пожалуй, идет к снегопаду.

Арлин шумно отхлебнул сидра, что напомнило мне о моей кружке. Я осторожно отпил глоток и, хотя не ощутил ничего особенного, решил выждать.

— Десять медяков! — передо мной со стуком опустилась тарелка с двумя толстыми ломтями черствого хлеба и тонким, полупрозрачным ломтиком белого сыра.— И верни жетон.

Я вручил служанке жетон и серебреник. Интересно, смогу ли я спокойно съесть то, за что заплатил?

Покосившись в сторону господской половины, я приметил, что Серый маг смотрит на меня. И даже, вроде бы, слегка мне кивнул.

Я отвел глаза, уставясь на кружку в руках Арлина. Лицо мага было непроницаемым, что само по себе являлось достаточным ответом. Но зачем ему вообще отвечать на мой невысказанный вопрос? И почему я склонен больше верить ему, а не тому благодетелю бедняков в белом?

Жуя черствый хлеб, я силился во всем этом разобраться. Тамра, надо думать, назвала бы меня дураком за то, что я вообще сунулся в трактир. Саммелу, небось, ничего не стоило бы заночевать в стойле, вместе с лошадьми. Но как разобраться, кто тут прав?

Дверь снова распахнулась, и очередной порыв холодного ветра развеял накопившееся было тепло.

Послышалось блеяние. Мимо нашего стола, неся на плече тощую черную овцу, прошел давешний пастух. Дверь за ним уже закрылась, и в нос мне ударил отвратительный запах — пастух и его несчастное животное воняли примерно одинаково. От жуткого смрада мне захотелось вылететь на улицу.

Голова Арлина со стуком упала на стол. Кружка его оставалась наполовину полной. Я настороженно прислушался. Плотник дышал.

— Вот овца, милостивый господин,— пастух поставил животное на пол перед белым волшебником.

Овца, видать, расслабившись в тепле, опорожнилась на пол.

Трактирщик растерянно уставился на кучу нечистот, потом перевел взгляд на мага.

Антинин улыбнулся и сделал неуловимый жест. Навоз исчез, как и не было, а воздух очистился — в нем остался лишь легкий запах серы.

На миг все умолкли. Даже на господской половине.

Овца снова заблеяла.

— Господин... мне было обещано два серебреника...

— Конечно, добрый человек. Вот они,— Антонин положил две монеты на край стола.

Уронивший голову на стол плотник разразился могучим храпом.

Вытащив из кошеля железный молоток, пастух коснулся им монет. Они остались серебряными.

— Глупо...— пробормотал мой сосед, тот, что доселе помалкивал.

Мне, признаться, было не совсем понятно, почему проверять серебро глупо. Потому что оно получено от мага? Я, пожалуй, спросил бы Арлина, но тот только храпел, сопел да свистел.

Антонин между тем закатал рукава, обнажив руки. Не могучие, как у воина, не натруженные, как у ремесленника, не изнеженные, как у духовного лица. Такие руки могли быть у купца.

— Прежде чем ты уйдешь, друг мой...— начал Антонин.

Пастух обернулся.

— И ты, друг мой...— маг жестом подозвал трактирщика.— Подай два подноса, самые большие, какие найдешь.

— Длинные подойдут?

— Лучше всего, друг мой.

Не знаю, кому как, а мне эти бесконечные «друг мой» порядком надоели.

Между тем маг в сером со скучающим видом попивал из своей кружки, поглядывал то на овцу, то на стену, а потом взгляд его скользнул по простонародным столам, кажется, задержавшись на мне.

Тем временем два здоровенных деревянных подноса были водружены на стол. Женщина с вуалью повернула свой стул, чтобы лучше видеть происходящее, а вот сидевший за столом Антонина воин — тот, что постарше — так и остался ко мне спиной.

Простолюдины неохотно повставали с лавки и сгрудились поодаль.

Пройдя мимо двух господских столиков, за которыми сидели мужчины в подбитых мехом плащах, Антонин остановился возле подносов и приказал пастуху:

— Положи животное на на стол. На поднос.

Пастух повиновался. Овца дернулась, и стол затрясся.

— Смотри! — прошипел мой сосед. Я и без того смотрел во все глаза — как, впрочем, и все остальные в трактире.

Антонин шагнул вперед, а пастух отступил, держа руку на кошельке, куда спрятал монеты.

Белый маг воздел руки.

Я, не знаю почему, закрыл глаза и опустил голову.

Послышался резкий свист. Вспыхнул свет — такой яркий, что резал глаза даже под опущенными веками. Некоторое время я моргал и тер слезящиеся глаза кулаками, а когда наконец проморгался, то увидел на лице Антонина довольную усмешку. Словно у мальчишки-забияки, который сумел задать хорошую взбучку сверстникам.

Джастин выглядел еще более унылым, а все прочие, и простолюдины, и господа, моргали и терли глаза. Кроме женщины в вуали — та смотрела на Антонина. Я не мог разгадать выражения ее глубоко посаженных глаз.

— Ох ты!..

— Вот это да!..

— Ты только глянь!..

Охи и ахи слышались со всех сторон. Я бросил взгляд на стол, где только что находилась овца, и... подобно распоследнему местному простолюдину, который никогда не умывается, глупо разинул рот от изумления.

На обоих подносах дымилась сочная, прекрасно прожаренная и нарезанная ломтиками баранина. По краям подносов были разложены сладкие хлебцы, а овечья шкура лежала, как коврик, у ног Антонина. Маг, улыбаясь, отирал со лба пот.

Стояла такая жара, какая бывала на кухне у тетушки Элизабет, когда та затевала печь хлеб для всех соседей.

Маг в белом улыбнулся трактирщику, а потом и Джастину.

— Вот мясо. Самое настоящее мясо для тех, кому не на что его купить. Что ни говори,— тут он повернулся к Джастину,— а деяния всяко красноречивее слов. Скажи, брат волшебник, что же дурного в том, чтобы накормить голодных?

— Кормить голодных совсем не дурно. Дурно питать их голод.

Я всегда на дух не переносил туманных ответов, и потому слова Джастина мне не понравились. Если он считал Антонина любителем показухи, так бы и сказал. Или пусть открыто зая-

вил бы, что тот служит злу, искушая голодных. Но нет же, этот Джастин только печально улыбался. Интересно, способен ли он вообще на что-нибудь, кроме молчаливого неодобрения?

— Друзья! — обратился Антонин к собравшимся на простонародной половине.— У кого нет денег на мясо — угощайтесь. Каждому, кто голоден, достанется порция.

Голос чародея звучал сердечно и дружелюбно, но еще более завлекательным был запах жаркого.

Первым вышел парнишка в латаной-перелатаной куртке, подручный какого-то торговца. За ним пристроилась худенькая девушка в шароварах, которые были ей велики, и в пастушьем плаще, который был мал. Ну а уж за ними народ повалил валом. Лишь почтение к магу не позволяло беднякам устроить настоящую свалку.

Арлин так и остался храпеть, а вот мой второй сосед присоединился к толпе. Меня же запах баранины отталкивал, пожалуй, в той же степени, что и привлекал, так что я попросту продолжал жевать свой хлеб с сыром. Трактирщик, подхватив с пола шкуру, исчез с ней на кухне и вскоре вернулся обратно с увесистой дубинкой в руках. И в сопровождении какого-то малого в еще более засаленном фартуке и тоже с дубинкой.

Антонин, уже вернувшийся за свой столик и потягивавший из хрустального бокала то ли вино, то ли какой-то другой напиток, пару раз бросил взгляд в мою сторону. Сделав вид, будто не замечаю, я уткнулся в свой сидр.

Серый маг Джастин встал, накинул на плечи плащ и направился ко мне. Я тоже встал, не зная, двинуться ему навстречу или пуститься наутек. Он негромко произнес:

— Ну что, школяр, может быть, проверим, как там наши животные.

Я кивнул, сообразив, что это человек по каким-то своим причинам предлагает мне защиту. И последовал за ним на холод.

Ветер немного утих, дождь сменился густо валившим снегом.

— Ты едва не потерял там свою душу, парнишка,— сказал маг.

Мне, честно говоря, захотелось повернуться и уйти. Надо же, объявился еще один всезнайка, готовый поучать, но ничего не объяснять. Но поучать он вроде бы не рвался, и я стал ждать: вдруг хоть что-то да объяснит.

Вместо того Джастин направился к конюшне. Я последовал за ним.

XXIV

Женщина в сером, сидя на козлах фургона, пристально следит за обочиной дороги. В руке она сжимает посох. Повозка

покачивается на ходу, и женщина заставляет себя не вспоминать покачивающуюся палубу судна, недавно доставившего ее в Кандар.

По обе стороны дороги, от холмов на севере до южного горизонта тянется унылая равнина, поросшая пожухлой травой с редкими пятнами черных кустов. Где-то за южным горизонтом течет река Охайд, а Хайдолар — то место, куда направляется путница,— находится как раз на пересечении реки и этой дороги.

Впереди появляются три человеческие фигуры, ковыляющие прочь от Фритауна. Многие нынче покидают Фритаун.

Возница щелкает кнутом, подгоняя двух лошадей, тянущих фургон. На нем широкий пояс с набитыми потайными карманами, а справа под рукой он держит заряженный арбалет.

— Мага, видишь что-нибудь?

Женщина мысленно прощупывает дорогу. Помимо трех пеших — фургон как раз объезжает их — впереди есть еще двое верховых. У одного, русоволосого, имеется длинное ружье.

Простирая чувства дальше, она улавливает вдали присутствие раздраженных людей — из-за нескончаемого ненастья их гложет отчаяние.

— Ничего, только изголодавшиеся бедолаги...

— Нет худа без добра,— ворчит возчик.— В жизни не выручал столько за капусту да картошку.

Женщина сжимает покрепче посох, старясь не вспоминать опустошенные души и пустые глаза мужчин, женщин и детей, медленно бредущих по направлению к манящему светочу Хидлена.

XXV

— Господа! Пожалуйста, не держите дверь открытой!

Умоляющий голос донесся из кучи тряпья и одеял, под которой, оказывается, прятался, пытаясь согреться, маленький конюх. Из его логовища была видна дверь, а за его спиной высилась карета Антонина. На сей раз она не светилась изнутри.

— Конечно, сейчас закрою,— произнося эти слова, я уже задвигал дверь на место, и конюшня снова погрузилась во мрак.

Тощая дверь скрипела и дребезжала на ветру.

Темнота меня ничуть не смущала. Обернувшись к Джастину, я сразу увидел, что он направился к дальнему стойлу. Тому самому, где вместе с моим Гэрлоком стоял другой горный пони. Темно-серый, с кремовой гривой.

При виде Джастина лошадка радостно заржала.

— Славная девочка, хорошая... — обратился к ней Серый маг.

— А вот мой Гэрлок,— сказал я.

— Думаю, они поладят. Роузфут не задириста и любит компанию. Где ты раздобыл своего?

— Во Фритауне.

Джастин кивнул:

— Я так и думал. Хотя непонятно, откуда там было взяться горному пони.

— Тамошний конюх обхаживал Гэрлока кнутом и бранил почем зря — и его, и всю его породу. Этим он и надоумил меня взять именно эту лошадку. Так что своего пони я, можно сказать, из-под кнута вытащил.

Холод заставил меня поежиться. Может, в конюшне было и теплее, чем на улице, но определенно ненамного.

Неожиданно Джастин взобрался на перегородку, разделявшую стойла. Стоявшая по ту сторону рослая кобыла всхрапнула и встряхнула гривой. Серый маг потянулся к квадратному отверстию в потолке, из которого торчали клочья сена. Ухватившись за края, он забрался туда и позвал:

— Эй, малый, залезай-ка сюда! Да посох тащи. Ты ведь зарыл его в солому в стойле своего пони? Забирай его! И тебе будет спокойнее, и лошадкам.

Он исчез, сверху послышался шелест сена.

— Как ты догадался насчет посоха?

— Это легко ощутить. Разве ты не можешь? — донесся с чердака приглушенный голос.

Маг был совершенно прав. Стоило мне потянуться к посоху чувствами, как он чуть не обжег мое сознание. Я даже пошатнулся и ухватился рукой за перегородку. Когда я взял посох, то на ощупь темное дерево оказалось лишь чуть теплым.

— Парнишка, ты поднимаешься?

Подхватив с земли торбу, я мигом залез на перегородку и, куда более ловко, чем Серый маг, забрался через квадратное отверстие на сеновал. И тут же чихнул — пыль забила нос.

— Пыль скоро уляжется,— промолвил Джастин, стягивая сапоги и устраивая себе ложе из соломы.

— Мы что, будем спать здесь?

— Ты можешь ночевать где хочешь, а вот я предпочту здесь. Мне не очень хорошо спится под одним кровом с Антонином.

Я вздохнул. Опять то же самое — советы, многозначительные намеки и никаких объяснений.

— Ты не мог бы мне кое-что растолковать?

— Только кое-что,— ответил Джастин, растягиваясь на плаще, сделавшемся вдруг вдвое больше и толще первоначального размера.— И только если это не займет много времени. Я устал, завтра мне рано вставать. Путь мой лежит в Вивет, это

такая маленькая деревенька, а оттуда — в Джеллико. Джеллико, чтоб ты знал — это городок, в котором правит виконт Кертиса. Некогда Кертису принадлежал и Хаулетт, но об этом нынче никто не помнит. Раньше, как и в наше время, здесь только пасли овец, и до этого края даже до появления мертвых земель никому не было дела. Теперь Хаулетт принадлежит Монтгрену, но и до этого нет дела никому, кроме герцогини.

Я честно пытался извлечь из услышанного хоть что-то полезное для себя. Но, ничуть не преуспев, оставил эти попытки.

— Ты выразился в том смысле, что из-за Антонина я мог потерять душу. Это каким же образом?

Ветер снаружи усилился, ледяной град вовсю молотил о крышу сеновала.

Джастин закутался в свой великанский плащ.

— Сними сапоги, паренек. Ноги должны дышать,— он поерзал, поудобнее устраиваясь на соломе, и продолжил: — Антонин — самый сильный из живущих ныне Белых магов. Мастер хаоса, если угодно. Однако управление хаосом требует огромных затрат сил, как телесных, так и духовных. Белые маги в большинстве своем умирают молодыми. Они могущественны, но жизнь их коротка. Антонин, Герлис и... в последнее время мне внушает подозрения Сефия... Словом, они обрели способность избежать ранней кончины, перенося свои личности в иные тела. Тела людей молодых, желательно наделенных магическими способностями, но, по молодости, не умеющих защищаться. Ты для этого подходишь как нельзя лучше. Потому-то я и решил убрать тебя от Антонина подальше. А сам он, будучи слишком занят Сефией и ее... обстоятельствами, тебя просмотрел. Твоя внутренняя защита совсем недурна и от беглого взгляда укрывает неплохо.

— Спасибо,— сказал я, снова поежившись.

— Не стоит благодарности. Я сделал это не столько ради тебя, сколько ради себя и всех нас. Никто из Серых не может позволить Антонину овладеть телом с такими скрытыми возможностями, как у тебя. Он и без того уже слишком могуч.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Лично я — совсем немногое. От Антонина мы скроемся, но дальнейшую свою судьбу тебе предстоит определять самому. Если захочешь, то завтра, по пути в Джеллико, я научу тебя, как оградить свое тело от чьих-либо попыток овладеть им без твоего согласия. А заодно, коли будет время, покажу некоторые другие хитрости. Они все Черные и не помешают тебе принять правильное решение.

— Что за решение?

— Каким магом ты станешь — Черным, Серым или Белым,— Джастин зевнул.— Знаешь, я устал, да и ты тоже. Собери ворох

соломы и поспи. Если кому вздумается сюда залезть, моя Роузфут да твой пони дадут знать. И твой посох.

Он отвернулся, а я остался сидеть на куче соломы. В голове роились тучи невысказанных вопросов. Впрочем...

Впрочем, невзирая на сомнения (кстати, стоит ли доверять этому Джастину?), несмотря на вой ветра и стук града, заснул я довольно быстро.

XXVI

За ночь чердак проморозило насквозь, дыхание замерзало в воздухе, а снаружи бушевало ненастье. В желудке у меня шумно бурчало. Приоткрыв один глаз, я покосился туда, где спал на своем плаще Серый маг, и тут же сел, да так резко, что едва не приложился макушкой к стропилам. Джастин исчез. И даже солома была раскидана так, словно там никто и не ночевал.

Неохотно выбравшись из-под плаща, я, переступая с ноги на ногу, отряхнул сено со штанов и туники, вытряхнул несколько соломинок из сапог и, морщась, обулся.

Добравшись до открытого чердачного люка, я выглянул вниз. Гэрлок и Роузфут дружно жевали.

Но куда же подевался Джастин? Пошел в гостиницу? Может, ему приспичило поколдовать спозаранку... а может, все дело в простой телесной потребности? О которой, кстати, нехудо бы позаботиться и мне.

Но после проделанного Антонином и услышанного от Джастина возвращаться в трактир как-то не хотелось. А в торбе у меня — ни крошки съестного. Во Фритауне я не зашел на рынок, поскольку торопился покинуть город; из Хрисбарга пришлось уносить ноги... Оставалось одно — поискать в этом грязном захолустье хоть самую завалящую лавку. Прикупить снеди, одеял и всего, что нужно в дороге.

Покачав головой, я по примеру Джастина разровнял свое соломенное ложе, отряхнул плащ и подхватил торбу да посох, чтобы спуститься в конюшню.

Как раз в этот момент дверь конюшни со стуком отворилась и тут же закрылась снова. Я отпрянул, боясь быть замеченным.

— Доброе утро,— послышался голос Джастина, и его голова просунулась в чердачный люк.— Ну-ка помоги, а то мне с этим добром сюда не влезть.

«Этим добром» оказались две испускающие пар кружки с ароматным сидром и большое покрытое тканью блюдо, над которым тоже поднимался парок.

— Мне подумалось, что перед уходом нам не помешает перекусить.

Усевшись и скрестив ноги, он поднял одну из кружек и откинул ткань, под которой обнаружились четыре большие лепешки с отрубями и одно битое яблоко.

— Знаешь, мой юный друг,— промолвил Джастин, держа в руке лепешку,— по-моему, мне не помешало бы узнать твое имя или по крайней мере то, как ты сам желаешь назваться.

— Прошу прощения,— пробормотал я с набитым ртом, стараясь не уронить ни крошки. Лепешки с отрубями не относились к моим любимым лакомствам, но сейчас мой желудок принимал их с радостью.— Меня зовут Леррис. А тебя, как я понял,— Джастин.

Он кивнул:

— Да, известный также как Серый маг, или как распоследний болван, или под другими, еще менее лестными именами... Яблоко-то бери, для тебя принес.

Я тотчас сгрыз яблоко вместе с семечками.

— Антонина просили оказать помощь новому герцогу Фритауна...

— А... он что, сам тебе сказал? И потом, куда же подевался старый?

— Какая разница? Говорить он мне, разумеется, ничего не говорил. Обмолвился одному из своих охранников, тот проболтался Фиделии, а та — кому-то еще...

Покончив со второй лепешкой, маг запил ее хорошим глотком сидра.

— По-моему, старый герцог делал все возможное, чтобы возбудить недовольство,— заметил я, гордясь новоприобретенными знаниями.

— Особенно недовольство Отшельничьего,— сухо указал Джастин, стряхивая с плаща крошки.

— А чем чревато такое недовольство? — удивился я.

— Да ничем особенным — кроме нескончаемых проливных дождей, губящих урожай на корню, а также всяческих препон, сводящих на нет торговлю через Фритаун. Ничем особенным — кроме публичного убийства неизвестной женщиной герцогского бойца и, предположительно, использования той же особы для убийства герцога в его собственном замке.

Я покачал головой:

— Все это кажется неправдоподобным.

— Не в большей степени, чем возможность для необученного Черного посоха скрыться от герцогской стражи, остаться целым и невредимым, проехав по мертвым землям, и даже избегнуть внимания сильнейшего Белого мага во всем Кандаре.

Произнесенные самым будничным тоном, его слова повергли меня в дрожь.

— Что же мне делать дальше? — спросил я.— Могу ли я хоть где-то разжиться самым необходимым: едой, одеялами, непромокаемой одеждой?

Джастин театрально пожал плечами:

— Ну, это совсем не трудно. Может быть, недешево — в Хаулетте все дорого — но нетрудно.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я же сказал, что действую, исходя из своей выгоды. А она состоит в том, чтобы не помогать Антонину. Сомнение — могущественное оружие. Стоит ему узнать, что ты улизнул у него из-под носа, он столкнется со множеством сомнений, а это как раз то, что нужно. Именно сейчас,— Джастин посмотрел вниз.— Ну что ж, самое время идти. Час ранний, да и снег так валит, что в трех шагах ничего не видно.

С этими словами он спустил ноги на перегородку, а с нее соскочил в стойло рядом с Роузфут.

Я последовал его примеру, но на сей раз не так ловко: зацепился посохом о стену, уронил торбу и едва не свалился с перегородки.

Джастин молча принялся седлать Роузфут.

Я огляделся по сторонам.

— Там,— указал Серый маг на маленькую дверь, за которой находилось отхожее место. Когда я вернулся, лошадка Джастина была оседлана, а сам чародей проверял плотно набитые седельные сумы. Пока я возился с Гэрлоком, он молчал, не предлагая помощи и не выказывая неодобрения.

Проковырявшись с седлом, попоной, подпругами да уздечкой целую вечность, я наконец вздохнул и сказал:

— Готово.

Он кивнул и открыл дверцу стойла. Я вывел Гэрлока, а Роузфут вышла сама — чародей даже не прикоснулся к поводьям. Как и на моем пони, на его лошадке был лишь недоуздок без удил.

— Добрые господа...— оборванный конюшенный мальчик отодвинул в сторону скользящую дверь. Джастин улыбнулся и бросил ему медяк. Стоявшая поблизости карета была тщательно отдраена, но еще не заложена.

— Спасибо, Серый чародей. Удачи.

— И тебе удачи, Горлинг.

Дверь со стуком закрылась. Я взобрался в седло, чувствуя себя ненамного лучше, чем когда покидал Хрисбарг.

Холодный ветер обдувал мои покрытые щетиной щеки; снег сыпал так, что холмы за Хаулеттом казались скрытыми за марлевой завесой. Однако, хотя ветер и выл всю ночь, особо высоких сугробов не намело. Конские копыта протаптывали снежный покров до замерзшей грязи, оставляя черные следы.

Над главным дымоходом «Уюта» поднималась струйка дыма. Утоптанная грязь перед главными дверями трактира указывала, что, несмотря на ранний час, многие постояльцы уже разъехались. Следы по большей части вели в сторону Хрисбарга.

Теперь, с приходом к власти нового герцога, купцы не собирались терять время. Я покачал головой.

— Будешь торговаться сам или предоставишь мне, словно ты мой ученик? — спросил Джастин, направив Роузфут поближе к Гэрлоку .

— А что я выигрываю?

— Ну, если покупать буду я, то тебя вроде как и не заметят...

— А если я, то мигом сообразят, что перед ними тот самый парень, который прокатился по мертвым землям?

— Может, и нет, но без внимания не останешься.

— Хм... Если покупать будешь ты, они запросят дороже — с великого-то мага! Но, с другой стороны, вряд ли кто-нибудь посмеет подсунуть тебе негодный товар.

— Везде найдутся свои «за» и «против»,— улыбнулся Джастин.— Но в любом случае выбирать тебе.

Я пожал плечами.

— Сегодня с утра пораньше у меня как-то нет никакого настроения изображать из себя героя. Тем паче что в предстоящие дни мне еще предоставится уйма таких возмож-ностей.

— Последнее здание справа,— сказал Джастин. Сказал, вроде бы, не понижая голоса, но у меня сложилось впечатление, что расслышать его слова мог только тот, для кого они предназначались.

Указанная им халупа, сколоченная, как и трактир «Уют», из серых досок, не имела никакой вывески, и только деревянные мостки, тянувшиеся от столба коновязи к обшарпанной двери, указывали на то, что внутри находится торговое заведение. У столба был привязан чей-то мул. Джастин соскользнул с седла, ступая по комьям замерзшей грязи, подошел к коновязи и привязал Роузфут. Я последовал его примеру.

Когда старая дверь заскрипела на несмазанных петлях, ни один из троих людей, сидевших у камина, не шелохнулся. Красные уголья в очаге едва тлели.

На четырех столах между входной дверью и камином было разложено всевозможное дорожное снаряжение — лопатки, топорики, кофры со столовыми и кухонными принадлежностями, фляги, седельные сумы, одеяла и прочее. Помимо этих, по большей части бывших в употреблении вещей, на полках у левой стены имелись разных размеров свертки. Это были дорожные пайки, завернутые в ткань с непромокаемой пропиткой.

Джастин подошел к первому столу.

— Что, еще один ученик чародея? А ты, вроде бы, говорил, будто никого больше не возьмешь в обучение.

— А ты, Тюрло, кажется, говорил, будто мы с тобой больше не свидимся.

— Ладно. Что тебе нужно? — долговязый Тюрло подался вперед, но с кресла своего так и не встал.

— Хороший сундучок с кухонными принадлежностями и припасы в дорогу.

— Все разложено, выбирай сам.

Покуда я ворошил одеяла и прочие спальные принадлежности, Джастин, не особо копаясь, выбрал дорожную флягу и несколько пакетов с провизией.

— Все выбрал? — буркнул торговец, поднявшись-таки с кресла и вперевалку направившись к столу.

— Тут и выбирать-то было нечего.

— Как насчет серебреника?

Джастин сокрушенно покачал головой:

— Я всего-навсего бедный странствующий маг, вынужденный брать учеников, а ты дерешь с меня втридорога, ровно с богатого купца.

Остальные двое, куда более тощие, чем Тюрло, загоготали в своих качалках.

— Надо же, совсем мальчонка,— промолвил торговец, пройдясь по мне взглядом глубоко посаженных черных глаз.— Неужто нынче и таких на колдунов учат?

— Так ведь сам знаешь, время суровое.

— Семь медяков, но это только по старой дружбе.

— А как насчет спального мешка — вот того, коричневого?

— Этого? Сделан на Отшельничьем, наименьшая цена — пять серебреников. Не промокнет нигде, разве что на дне морском.

— Не всем нравятся изделия с Отшельничьего,— заметил Джастин.

— Оно конечно, но вещи-то добротные. Тут уж не поспоришь.

— А ты-то как разжился этой вещицей?

— Кто-то из этих ребятишек — гармонизируемых, или как там по-ихнему,— продал этот спальник моему знакомому из Фенарда. Но тамошнему префекту приспичило объявить торговлю изделиями с Отшельничьего незаконной, и тот малый быстренько отвез вещицу в Джеллико, благо виконту плевать, кто чем торгует. Там я ее и купил.

— Даю серебреник.

— Да ты что? Хочешь, чтобы я торговал себе в убыток?

Кончилось тем, что Джастин выложил три серебреника, получив за это спальный мешок, вместительную флягу и пять

пакетов со съестными припасами. Мне бы в жизни не выторговать столько всякой всячины за такие деньги.

— Ну, чародей, уж в следующую-то зиму ты меня точно здесь не увидишь.

— А ты больше не увидишь меня с учеником,— парировал Джастин.

Они оба рассмеялись, а потом мы вышли. Все покупки, разумеется, нес я.

Ветер снаружи усилился. Я положил спальный мешок на седло и принялся укладывать пакеты со съестным в торбу. И тут Джастин многозначительно прокашлялся.

Я посмотрел на него.

— Два серебреника и девять медяков,— сказал маг. Лицо его оставалось бесстрастным, но мне показалось, будто он прячет улыбку.

Я вытащил из поясного кошеля три серебреника, отметив про себя, что мои денежные средства тают слишком быстро. И что доставшийся мне спальный мешок принадлежал такому же бедалаге, как я, которому пришлось продавать вещи, зайдя не так уж далеко от моря.

Уложив пакеты с едой, я свернул водонепроницаемый спальный мешок в плотную скатку и привязал позади седла.

— А воду во фляги наберем по дороге, из какого-нибудь источника,— сказал Джастин. С моей стороны возражений не последовало. В отношении чистоты Хаулетт доверия не внушал.

Не сказав больше ни слова, Джастин отвязал Роузфут, сел верхом и тронул поводья. Он успел уже доехать до окраины Хаулетта и свернуть на левую дорогу, а я все еще возился с Гэрлоком. Догнать Серого мага мне удалось лишь через несколько кай. Но и когда мы поехали по извилистой дороге бок о бок, Джастин не сделался более разговорчивым.

XXVII

Серый маг натянул поводья своего пони. Я сделал то же самое, только вот Гэрлоку останавливаться не захотелось, во всяком случае на том месте. Мне пришлось использовать весь свой вес, налегая на недоуздок. На какой-то миг у меня возникла мысль — не сменить ли эту бесполезную штуковину на настоящую узду с удилами?

И тут пони резко остановился.

Только благодаря стременам мне удалось не вылететь из седла. Джастин только вздохнул, глядя на все это.

Когда мне, наконец, удалось занять в седле положение, более-менее приличествующее всаднику, Серый маг кивком

указал направо. Там в начале узкой тропы некогда находился дорожный указатель, но верхушка столба обломалась, и надпись отсутствовала. Лишь у основания сохранилось обозначение расстояния «5 кай».

— Налево... там старый город Фэрхэвен. Со своими учениками я обычно проезжаю через него... но ты не мой ученик.

— А им-то туда зачем?

— Затем, что только этот город открывает перед большинством из них уникальную перспективу. Те, кому не дано понять, так никогда и не становятся мастерами...

Ну куда бы меня ни занесла судьба, решительно нигде не было спасения от туманных намеков и многозначительных, но невразумительных фраз. Такая уж моя несчастная доля.

Я пожал плечами:

— Фэрхэвен — так Фэрхэвен.

— Но это удлинит путь на полдня, а то и больше.

— Мне-то как раз спешить некуда. Это ты, вроде бы, говорил, что тебе нужно не опоздать в... как его? Вивет, что ли? А сколько же времени нам придется тащиться холмами до Джеллико — дня два?

— Иногда сделать крюк бывает совсем не вредно,— промолвил Джастин. К поводьям он, вроде бы, и не прикасался, однако Роузфут стронулась с места и затрусила по тропе на Фэрхэвен. Кстати, дорожка эта, пусть узкая и наполовину заросшая, в отличие от петлявшего большака, была совершенно прямой.

Я встряхнул поводья, но Гэрлок не двинулся с места. У меня возникло желание наподдать упрямцу каблуками под ребра, но он, словно угадав мое намерение, тотчас легким шагом двинулся вслед за Роузфут.

Дальше тропа сделалась еще эже. Я, хоть и не считал себя знающим следопытом, постарался выяснить, много ли народу пользуется этой дорогой.

Примерно в половине кай от перекрестка мне удалось углядеть широко отстоящие один от другого отпечатки оленьих копыт, но нигде не было ни малейшего признака ни тележной колеи, ни конских или человечьих следов.

Судя по всему, ранеее дорога была значительно шире, если предположить, что высаженные в линию белые дубы по обе стороны кустарника обозначали ее прежние границы. В лучшие времена по ней могли проехать в ряд четыре подводы.

Местами тропу пересекали голые стебли ползучих растений. Еще несколько лет — и она зарастет полностью.

— Джастин, а в этом Фэрхэвене кто-нибудь живет?

— Точно не скажу. В последний раз, когда я туда заглядывал, там еще оставалось несколько... обитателей.

— А что, раньше это был большой город?

— Очень большой. Видишь, какая прямая дорога туда ведет.

По мере того, как мы поднимались к вершине пологого склона, деревья казались все выше, а ветер усиливался.

Оглядываясь через плечо, в сторону Хаулетта и совсем не уютной гостиницы «Уют», я заодно рассматривал и низкие серые облака. Правда, с утра они почти не изменились — оставались таким же серыми. Снежного бурана, вроде бы, в ближайшее время не ожидалось.

Очередной порыв ветра донес до меня какой-то странный запах. Пахло пеплом или окалиной. Никак, в этом Фэрхэвене случился пожар!..

Как только тропа вывела нас на гребень, я приподнялся на стременах и подался вперед, напряженно всматриваясь вдаль, но ничего похожего на огонь так и не увидел. Как не увидел и города. По длинному пологому склону дорога спускалась в неглубокую долину. Переведя взгляд на Джастина, смотревшего в том же направлении ничего не видящими глазами, я невольно поежился.

Высокие деревья с голыми черными ветвями образовывали некий узор, хотя какой именно — распознать не удавалось. Впереди, по обе стороны дороги, возвышались два больших холма, похожих на огромные кучи белой глины или...

— Джастин... эта долина... Это здесь раньше был Фэрхэвен?

— В общем-то да.

Где-то на задворках сознания шевельнулись обрывочные воспоминания, но стоило мне напрячься, чтобы уловить их, они ускользнули.

— А холмы — это остатки северных сторожевых башен?

— Нет. Фэрхэвен обходился вовсе без сторожевых башен. Это были ворота. Ворота, которые никогда не закрывались.

Теперь я смог разглядеть так называемые ворота как следует, и понял, что под тонким слоем грязи оба холма мертвенно-белы. На них не росло ни былинки. Почему — это до меня дошло, лишь когда мы подъехали поближе. Это был камень! Расплавленный и застывший камень! Что-то растопило камень, как растапливают сахар, делая леденцы.

Джастин отрешенно закрыл глаза, предоставив Роузфут самой выбирать дорогу.

С каждым шагом запах гари усиливался. Казалось, будто впереди сгущается невидимое темное облако. Однако внешне все вокруг выглядело обычно — заурядный день унылой кандарской зимы с тусклыми красками и студеным ветром.

Ничего особенного, кроме мертвенной белизны растаявших ворот.

Рука моя непроизвольно коснулась посоха. Тепло охватывавших его стальных колец ощущалось даже сквозь перчатки.

— Леррис,— тихо проговорил Джастин.— Там, впереди, у нас могут возникнуть затруднения. Прошу тебя, делай то, что я скажу.

— Что именно?

— Не съезжай с дороги. Держи свой посох, но не вынимай из петли. Что бы ни случилось.

Глаза его при этом оставались закрыты, а лицо отрешенным.

Что-то завывало. Сначала казалось, будто это ветер, однако его дуновение перестало ощущаться, едва мы миновали ворота. Небо над головой заметно потемнело, хотя цвет облаков не изменился, а время еще не приблизилось даже к полудню.

Запах гари сделался почти непереносимым, хотя нигде не было видно никаких пепелищ, во всяком случае — недавних.

Голые кусты у обочин казались болезненно искривленными, а немногие еще не облетевшие листья были белыми. Так же, как сами ветви — до сих пор мне никогда не случалось видеть растения с совершенно гладкой и совершенно белой корой.

Вой усилился.

Сжав посох в левой руке, правой я еще крепче ухватился за поводья. Гэрлок медленно плелся вниз по пологому склону.

По мере того, как спуск заканчивался, дорога становилась все шире. Под наслоением грязи стали видны очертания каменных плит мостовой, а за кустами теперь угадывались очертания одноэтажных строений.

— Здесь, в старом центре города, дома были сложены из прочного камня. Некоторые даже из гранита,— промолвил Джастин, не открывая глаз.

Я огляделся и убедился, что постройки сохранились лучше, чем ворота. Пожалуй, если убрать груды мусора, вставить окна да настелить крыши, иные из них оказались бы пригодными для жилья.

Снова раздался жуткий вой.

— А впереди — новый городской центр, где заседал Совет...

Я плохо понимал, как можно называть «новым» какой-то участок древних руин. К тому же меня сильно тревожил этот вой. А вот Джастин, похоже, не обращал на него внимания — ехал себе и ехал, все так же с закрытыми глазами. Правда, он ведь маг, а маг и не такое может. Может быть, он смотрел — только по-иному.

Вой послышался ближе, в районе «нового центра».

Посох уже обжигал даже сквозь кожу перчатки. Пони трусили прямо по направлению к источнику звука, и мне не оставалось ничего другого, как разглядывать развалины.

Жар, растопивший северные ворота, обошелся с «новым» центром города еще более сурово. Остатки здешних строений походили на комки белого воска, побывавшие в печи, а потом еще и растоптанные сапогом великана.

— Эта площадь была разбита Советом Магов, а та — Гильдией Каменотесов,— сказал Джастин, так и не открыв глаз.

Я молча покачал головой. Кто бы там ни возводил и ни разрушал это место, я чувствовал исходящую от него угрозу. А тут еще и запах гари совершенно не давал дышать.

— Смотри просто перед собой и ни в коем случае не на них. Не замечай их. Вид их вызывает страх, а страх увеличивает их силу.

— Чью силу?

— Завывающих.

Я перехватил посох, готовый выхватить его из петли.

— А вот этого не надо.

Пришлось заставить себя ослабить хватку и смотреть не по сторонам, а вперед. Однако краешком левого глаза я все равно приметил мерцающую фигуру, словно нарочно пытавшуюся завладеть моим вниманием. Впрочем, она исчезла, стоило мне уткнуться взглядом в Гэрлокову гриву.

— С каждым поколением и с каждым благополучно проехавшим мимо них путником они теряют силу,— тихо, но отчетливо проговорил Джастин.

Дорога стала забирать вверх по склону.

И тут вой раздался прямо перед моим носом. От неожиданности я вскинул глаза.

На оплавленной плите мостовой маячила перекрученная, несуразная, невообразимая фигура. Вся белая, с красными прожилками, светящаяся изнутри...

Я заморгал, пытаясь опустить глаза, но фигура уже выглядела совсем по-другому. Она обрела очертания человека в бело-красной мантии, тогда как светящееся облако теперь казалось его тенью, падавшей почему то в обратную сторону.

«Мой!»

Призрак в мантии взвился над мостовой, которая зримо расширилась, превратившись в величественный тракт, обсаженный шелестящими на ветру дубами.

«МОЙ!!!»

Вопль прозвучал в самом моем сознании. Белый призрак бросился на меня, но мне каким-то образом удалось заслониться посохом. От удара я отшатнулся, откинулся назад, но в седле усидел. А нападавший исчез.

Кашель и тошнота, вызванные мерзостным смрадом, одолели меня одновременно. Желудок мой чуть ли не вывернуло

наизнанку, однако в конце концов мне удалось выпрямиться в седле. Джастин за все это время не проронил ни звука. Отдышавшись и проморгавшись, я увидел наконец, что Серый маг, оставаясь в седле, лежит, повалившись на гриву Роузфут. Лежит неподвижно.

Нависавшие над головой серые тучи сделались темнее, но гнетущая белизна отступила.

Хлестнув поводья, я направил Гэрлока поближе к Роузфут. Я убедился в том, что Джастин дышит, а его обхватывающие лошадиную шею руки вставлены в кожухи, закрепленные по обе стороны.

По моему разумению, он вполне мог мысленно отправиться в другое место — с мага станется. А наличие кожухов наводило на мысль, что Джастин предвидел возможность проделать часть пути в бессознательном состоянии. О нем, скорее всего, беспокоиться не стоило, но, подъезжая ближе, я не выпускал из рук горячего посоха.

Какая-то догадка блуждала на задворках сознания, однако я чувствовал, что не соображу, в чем тут дело, пока мы не уберемся из этой долины. И чем дальше — тем лучше.

Совет Магов... Фэрхэвен... вроде бы, магистр Кервин поминал что-то в этом роде. Вспомнить бы еще точно — что именно.

Опять послышался вой, но теперь было понятно, что звучит он только в моем сознании. Завывающий не мог издать настоящий звук, пока я не обращал на него внимания. Занятый этими мыслями, я бросил еще один взгляд на Джастина. Что же мне делать? Лошадки продолжали брести в прежнем направлении, однако маг так в себя и не пришел.

В очередном вопле послышалось неподдельное отчаяние, словно издавший его предчувствовал неминуемую погибель. Как может смерть угрожать уже мертвому существу, оставалось выше моего понимания, но вопль звучал именно так.

Пони продолжали трусить на юг по длинному пологому склону, пока мы не миновали вторые каменные ворота. Оплывшие, как и первые, они были испещрены прожилками, словно скреплявший монолиты раствор сгорел прежде, чем потек камень.

Запах гари развеялся, и я осмелился, наконец, вернуть посох в держатель. Оказалось, что мои перчатки прогорели насквозь, хотя на руках ожогов не осталось. Кое-где кусочки обгорелой кожи прикипели к одежде. Я отшелушил их, а дырявые перчатки снял и заткнул за пояс.

Джастин так и не приходил в себя. Облака над головой вроде бы не сгустились, но стало заметно темнее. Ветер усилился, как бывает зимой ближе к вечеру.

Джастин простонал и мотнул головой, но тут же застыл, как будто это движение причинило ему боль. Потом очень медленно он вернулся в сидячее положение.

— Леррис...— начал он, оглянувшись через плечо, но сбился, умолк и лишь через некоторое время заговорил снова: — Леррис, мы прошли через Фэрхэвен.

— Фэрхэвен?

— Так стали называть это место, когда его постигла погибель.

На сей раз я по-настоящему содрогнулся. Так вот что казалось мне так тревожаще знакомым! «Фэрхэвен» и «Фэрхэвен» — разные названия города магов хаоса, разрушенного огненным градом более двух столетий назад...

— А ты знал, каким был Фэрхэвен... Фэрхэвен до своей гибели?

Джастин, все еще смотревший в мою сторону, рассеянно кивнул.

— Как не знать? Я тогда был чуток помоложе...

Мне стоило больших усилий не затрястись всем телом. Выглядел Серый маг никак не старше моего отца. Неужто он и вправду живет на свете более двух веков?

— А сам-то ты не приложил часом руку к его разрушению? — спросил я. Это, конечно, был выстрел в небо, но ведь свидетель тех событий вполне мог оказаться и их участником.

— Два колду... два мага сотворили прямо над городом второе солнце, столь жаркое, что камни растаяли, словно воск в печи,— Джастин выпрямился в седле, и я отметил, что оба кожуха, куда он вкладывал руки, исчезли.

— Нам не стоит задерживаться,— сменил он тему,— иначе мы доберемся до большака слишком поздно. Час уже не ранний.

— Как это может быть? Путь был недалекий и ехали мы недолго.

— Таково свойство Фрвена. Раньше бывало и похуже.

Джастин достал свою флягу и медленно осушил ее почти до дна.

Растения по сторонам дороги начинали выглядеть более-менее нормально, хотя на стволах и ветках еще сохранялся слабый налет болезненно светящейся белизны. Местность по-прежнему выглядела совершенно пустынной.

— Леррис...— окликнул меня Джастин.

— Что?

— У тебя проблема... нешуточная проблема.

Я вздохнул. Чего мне по-настоящему не хватало, так это малого, который сообщил бы, что у меня проблема. Нешуточная. Но с магом не поспоришь.

— Да?

— Там, в Фрвене, ты дважды поступил неправильно и лишь один раз — правильно. Ты не послушался меня и позволил себе обратить внимание на ту блуждающую душу. Твое внимание едва не дало призраку возможность обрести реальность и овладеть твоими душой и телом. А это заставило бы всех магов Кандара подняться против нас. Ты защитился от него посохом — и правильно сделал, но при этом сжег свои перчатки.

— А с ними-то что не так? При чем тут перчатки?

— Да то, что в целях самосохранения ты допустил разрушение, а при тех обстоятельствах это могло стоить тебе души. И стоило бы, не сумей я тебя оградить.

— Оградить?

Вместо ответа Джастин накинулся на краюху хлеба, да так, словно помирал с голоду. Заговорил он не сразу и так тихо, что голос его почти заглушался ветром и цокотом копыт.

— Я не собирался задерживаться в иной плоскости так надолго, но раз уж оказался там, то решил наложить печати на большинство оставшихся там мятущихся душ. Наверное, следовало заняться этим раньше, но трудную и неприятную работу всегда хочется отложить на потом.

Сейчас Джастин весьма походил на моих родичей и наставников, никогда не отвечавших прямо на поставленные вопросы, но зато охотно тыкавших меня носом в мои ошибки. Однако... тот неприкаянный дух — он ведь и вправду орал: «Мой!», явно имея в виду меня. Да и со временем здесь творилось что-то чуднуе: дело явно шло к вечеру, но не могли же мы убить пять или шесть часов на то, чтобы одолеть меньше дюжины кай по совершенно прямой дороге!..

— Боюсь, я все же чего-то не понимаю,— пробормотал я, вздохнув.

— Юный Леррис,— сухо отозвался Джастин,— ты не находишь, что прежде, чем требовать объяснений от меня, тебе стоило бы сообщить кое-что о себе? Например, насчет того, что ты рожден стать магистром, носишь магистерский посох и еще не выбрал своего пути?

Должно быть, у меня отвисла челюсть. Рожден стать магистром? Еще не выбрал своего пути?..

Джастин печально покачал головой:

— А заодно и о том, откуда ты родом. Хотя это и так понятно.

— Что именно тебе «понятно»?

— В каком другом краю существует обычай посылать самых одаренных своих отпрысков, необученными и неподготовленными, искать свой путь во Внешнем Мире? В мире, который в лучшем случае не обращает на них внимания, а в худшем — пытается уничтожить...

— Уничтожить?

— Представь себе, даже так. Так вот, ты, конечно же, с Отшельничьего — прекрасного, могущественного и изолированного от мира острова. Там легко отбивают любые попытки нападения со стороны внешнего мира, но совершенно не желают брать на себя какую-либо ответственность за происходящее за пределами Отшельничьего.

— Но...

— Нет, юный Леррис, это не твоя вина. Пока не твоя, и, возможно, именно по этой причине я тебе помогу. Тогда, если Отшельничий и дальше будет отгораживаться от всего остального мира, мне по крайней мере будет кого винить. Хотя, скорее всего, бедный Джастин все равно не сможет ничего предпринять.

— Постой! — воскликнул я.— Ты болтаешься по свету более двухсот лет — и при этом позволяешь Антонину проделывать все его фокусы? Ты не возвысил против него не только посоха, но даже и голоса! Почему? И как после этого у тебя язык поворачивается обвинять в безразличии Отшельничий? Или меня?

— Такие огромные возможности — и такое дремучее невежество,— вздохнул Джастин.— Право... не знаю даже, с чего и начать.

Он направил Роузфут поближе к Гэрлоку.

Впереди показалась поперечная дорога. Она была гораздо шире тропы, но гораздо богаче по части рытвин да колдобин.

— Это и есть большак?

— Он самый. Но до ближайшего места, где можно будет остановиться, еще примерно три кай. Пока мы едем, я попробую удовлетворить твое любопытство... если смогу.

Я основательно приложился к притороченной к седлу Гэрлока походной фляге, огляделся и поплотнее запахнулся в плащ. Большак выглядел пустынным. Все кандарские дороги ближе к вечеру пустели — обычное дело. Порывистый ветер уже давно сдул сухие и легкие хлопья снега.

— Так вот, даже будучи с Отшельничьего, ты должен знать о существовании гармонии и хаоса. Магия свойственна обоим этим началам: Белые маги используют силу хаоса, Черные — силу гармонии. Серые пытаются сочетать и то и другое, а потому и те и другие относятся к ним с подозрением.

— А почему магия хаоса считается Белой?

— Леррис, ты на самом деле полная бестолочь или только прикидываешься? Белое представляет собой хаотическое сочетание всех существующих цветов. Чернота же совершенно чиста, ибо являет собой полное отсутствие света как такового.

Странно, что мне об этом никто никогда не говорил... Во всяком случае, я ничего подобного не помнил. А потому кивком попросил Джастина продолжать. Тем временем мы съехали на большак, где в меловой грязи виднелись отпечатки копыт, вчерашние или еще более старые.

— Основные сложности и Белой, и Черной магии заключаются в ограничениях, присущих им внутренне. Белые маги в подавляющем большинстве хоть чуточку, но Серые. Постоянное соприкосновение с хаосом вносит разлад во внутренний порядок организма. По существу, то же самое происходит при обычном старении, только гораздо медленнее. Белые маги умирают молодыми, и чем могущественнее волшебник, тем раньше встречает он свою смерть. Если только не производит обмена телами, как Антонин.

— Но откуда он берет тела для обмена? — вопрос звучал глуповато, а задавать глупые вопросы мне не нравилось, но грех было не воспользоваться тем, что Джастин, похоже, не собирался отмалчиваться на манер старого Кервина.

— Он заключил соглашение с... некоторыми местными правителями. Антонин оказывает им определенные услуги, а взамен получает тела приговоренных к смерти. Он сменил уже около полусотни, но едва ли переживет больше еще одного обмена.

Джастин приумолк и бросил на дорогу нетерпеливый взгляд, словно прикидывая расстояние до места привала. Его покачивало, а лицо было бледным, как полотно.

— Понимаешь, Лерррис, после каждого обмена требуется все больше и больше времени на восстановление, потому что душа тоже стареет. Хаос разрушает не только тело, но и саму душу.

В это время впереди показалась остроконечная крыша хижины для отдыха путников. Она выглядела вполне ухоженной, но казалась пустой. Последнее ничуть меня не удивило, ибо по словам Джастина выходило, что до Вивета всего несколько часов пути. Разумные путники, естественно, предпочитали тепло настоящего трактира четырем стенам этого ненадежного прибежища.

— Остановимся здесь,— промолвил Джастин, и я понял, что он едва держится в седле и даже эти слова дались ему нелегко.

Приют представлял собой четыре каменных стены, два закрытых ставнями окна, дверь, соломенную крышу и маленький очаг. Радовало хотя бы то, что пол был чисто выметен.

Кое-как сползши с Гэрлока, я помог спешиться Джастину. Серый маг весь посерел и не говорил ни слова. Не без труда мне удалось усадить его на каменную скамью рядом с хижиной.

Порывистый ветер то и дело закручивал вокруг моих сапог обрывки соломы, поднимал пыль и бросал в лицо Джастина редкие хлопья снега.

В заплечном мешке своего спутника я нашел короткий топорик, плохо заточенный, но все же годный к употреблению. С его помощью мне удалось нарубить сучьев для огня. Где-то поблизости вроде бы журчал ручеек, но, по-моему, Джастин более всего нуждался в тепле.

Кремня и топорища оказалось достаточно, чтобы высечь искру.

На глазах Джастина я извлек из его седельной сумы маленький чайник.

— Пойду наберу водицы.

Серый маг никак не реагировал, как будто спал с открытыми глазами. Что-то заставило меня в последний момент задержаться и забрать с собой посох. Гэрлок при этом встряхнул гривой и фыркнул. Источник находился совсем неподалеку.

Во время спуска по протоптанной тропке мне показалось, будто кто-то за мной следит, но, в конце концов, я находился под наблюдением весь день.

Все остальное произошло мгновенно, само собой. Посох в моей руке нанес удар быстрее, чем я уловил молниеносное движение. Послышался глухой стук, и к моим ногам упало чье-то тело в ржавых доспехах.

Я прощупал чувствами окружающие деревья и подлесок, но не ощутил ничего, кроме пустоты.

Неожиданно послышался тихий свист, и вокруг упавшей фигуры заклубился туман. В считанные мгновения мохнатое человекоподобное существо истаяло, как дым, оставив на земле лишь ржавые металлические пластины. А потом и они начали распадаться, раскрошились в пыль и исчезли.

Для человека, еще недавно сомневавшегося в реальности магии, я с избытком насмотрелся всяких диковин. Оставалось признать одно из двух: или я спятил, или магия существует.

Набрав полный чайник воды и вернувшись к хижине, я застал Джастина чуточку оправившимся. Он по-прежнему сидел на холоде, а не возле маленького, но жаркого очага.

Повесив чайник на крюк над огнем, я взялся за поводья Гэрлока и замешкался, думая, расседлать ли его или просто привязать рядом с хижиной. А придя к решению, снял седло и затащил сумы с провизией под крышу. Роузфут тихонько заржала, словно требуя такого же обхождения. Пришлось ублажить и ее. К тому времени, когда мне удалось разобраться с лошадками, Джастин уже перебрался в хижину и уселся на единственную имевшуюся там лавку.

— Хочешь чаю?

— Принеси мне красноватый кошель.

— Этот?

Он кивнул, и я вручил ему кошель, больше походивший на маленькую суму.

— Возьми. Две щепотки на чайник.

Приподняв краешком попоны крышку чайника, я насыпал туда черного крошева, мало походившего на чай. Помещение наполнилось терпким запахом.

Я пошарил вокруг, нашел две оловянные кружки и разлил напиток, походя выглянув наружу. Пони паслись на травянистой лужайке. Темнело.

— Беспокоюсь за лошадок,— промолвил я.

— Не стоит. Теперь их никто не тронет.

— Теперь?

— Да. Ты так славно угостил осторожника своим посохом, что это отпугнет всех Белых тварей в округе, кроме самых сильных,— отозвался Джастин, сделав большой глоток.

— Осторожник? Белые твари? — Вид у меня, надо думать, был совершенно дурацкий.

— Знаешь, парнишка,— промолвил Серый маг,— мне не мешало бы чуток подкрепиться. Да и тебе — тоже.

— И что ты предлагаешь?

— Набери воды и высыпь в котелок содержимое одного из вон тех зеленых пакетов. Получится славная похлебка.

Пришлось снова прогуляться к источнику, вскипятить воду, а потом еще ждать, когда клейкое варево остынет. Однако, к удивлению, на вкус оно и вправду оказалось совсем недурным.

Правда, потом мне пришлось помыть котелок и заново переложить пакеты. Джастин, пригревшись у огонька, посматривал на меня с лукавым видом.

Закончив возиться со вьюками, я вспомнил один из своих вопросов, так и оставшихся без ответа.

— Ты до сих пор не растолковал, почему Антонин не может разжиться еще парочкой тел?

— Тут и растолковывать нечего. Хаос разъедает душу, как ржа, а чем сильнее поражена душа, тем скорее разрушает она тело, в котором пребывает. Каждый акт перемещения связан с величайшим напряжением — и для переселяющейся души, и для вмещающего ее тела. После этого требуется время на восстановление. Но рано или поздно наступает момент, когда душа не успевает восстановиться.

— А в чьем теле обитаешь ты?

— В своем собственном. Так оно проще, хотя — ты сам свидетель — это накладывает ряд ограничений.

— Тебя могли убить?

— Только в том случае, если бы тебя захватили в плен. Вот одна из причин, по которой я вынужден был ограждать тебя от

призраков. Ты приманил к себе целую ораву, а у тебя еще мало сил, чтобы противостоять... серьезным искушениям.

Я отхлебнул остывшего чаю. Джастин свою кружку уже опустошил.

Я помолчал, подкинул в огонь еще одно маленькое полешко и наконец спросил:

— А что ты говорил насчет выбора пути?

— Ты прирожденный маг, а все маги должны выбрать свой путь: Черный, Белый или — для немногих — Серый.

— Я?! Маг?! Вот уж не думаю. Толкового гончара из меня не вышло, столяра тоже, а уж чтобы маг!.. Матушка моя — горшечница, а отец... Я всегда считал его просто домохозяином.

— Ну ты и шутник, Леррис,— покачал головой Джастин.— Я в твои годы так над старшими не смеялся.

Но мне было не до смеха. Какие уж тут шутки, когда тебя ни с того ни с сего объявляют тайным магом!

— Но хоть ты и очень молод, тебе придется как можно скорее определиться с выбором.

— Чего ради? Почему бы мне, даже если я и впрямь таков, каким ты меня расписал, не оставить все как есть?

— Во-первых, отказ от выбора — это тоже своего рода выбор. Но в твоем случае возможность выбора ограничена именно тем, кто ты таков.

— А нельзя ли подоходчивее?

Сейчас Джастин казался мне все более и более похожим на магистра Кервина, хотя старый наставник был морщинистым и седым, а Серый маг — русоволосым, с узким лицом и гладкой кожей.

— Начнем с того, что, выбрав Белое, ты никогда не сможешь вернуться на Отшельничий. Ваши мастера запрещают доступ на остров всем, кто так или иначе связан с магией хаоса. Но такой выбор для тебя маловероятен, ибо душа твоя бессознательно тяготеет к упорядоченности, хотя ты не хочешь этого признавать. И эта неосознанная приверженность гармонии, скорее всего, удержит тебя от искушения испробовать что-либо большее, чем простейшие манипуляции с хаосом. Даже сейчас ты с трудом воспринимаешь серое, а в итоге основополагающий конфликт хаоса и гармонии может стать для тебя разрушительным. Вот и выходит, что ты либо выберешь Черное, либо рискнешь саморазрушением, ступив на Белый или Серый пути. Либо ты отвергнешь все три и... и в итоге твоя душа пойдет на подпитку какого-нибудь Белого Мастера, вроде Антонина.

— Вот оно как! Все, оказывается, просто! Никаким выбором и не пахнет. Я должен стать Черным магом. И все. Потому что ты так сказал.

— Вовсе нет,— возразил Джастин, растягиваясь на лавке и кутаясь в плащ.— Ничего подобного. Выбор за тобой, абсолютно свободный выбор. Ты мне не ученик, а просто попутчик. Неправильный выбор может убить тебя, но это относится не к тебе одному. Ты можешь не поверить ни одному моему слову. Можешь уйти, расстаться со мной сегодня же вечером, и я отнесусь к такому решению с пониманием. Но если тебе покажется предпочтительным продолжить путешествие вместе со мной, то соблаговоли определиться. Потому что, не приняв решения, ты будешь представлять собой мишень для каждого неприкаянного духа в Восточном Кандаре.

— А где они были раньше?

— Раньше ты не обнаруживал себя, пустив в ход посох.

Прежде чем мне удалось сформулировать подходящий вопрос, мой собеседник отвернулся и мгновенно заснул.

Да и был ли у него ответ?

Я долго смотрел на огонь, потом проверил лошадей и лег, укрывшись плащом. Я был почему-то уверен, что заснуть все равно не смогу. И совершенно напрасно.

XXVIII

Мужчина в белом сидит в кресле-качалке из светлого дерева. Глаза его рассянно ловят мерцание язычков каминного пламени.

— Итак, достойная госпожа, удалось ли тебе увидеть в действии хваленые добродетели Отшельничьего?

Его собеседница поджимает губы и ничего не отвечает.

Однако он и не настаивает. Просто сидит и ждет, предоставляя ей возможность осмыслить заданный вопрос.

Ее взгляд перемещается с его слегка загорелого лица на огонь, потом возвращается обратно.

— Я видела много горя, но в этом едва ли можно винить Отшельничий,— произносит наконец молодая женщина.

На ней одежда из серой кожи. Ярко-синий шарф оттеняет блеск ее рыжих волос и белизну кожи. Стоя у низенького столика, она кажется выше, чем на самом деле. На долю мгновения ее глаза обращаются к безмолвной, закутанной в вуаль женщине, спокойно сидящей в кресле по другую сторону очага.

— Но ты же видела бесконечные дожди, вымывающие из полей саму жизнь? И пустой рейд Фритауна, куда ни один корабль не доставляет провизии? — голос мужчины в белом остается ровным и мягким.

Собеседница обдумывает его слова, а потом осторожно произносит:

— Ты намекаешь на то, что эти невзгоды — дело рук Мастеров Отшельничьего?

— Какие уж намеки, если речь идет об очевидном! Но, возможно, тебе потребуется еще некоторое время для наблюдений и размышлений об увиденном.

— А я не думаю, что нам следует играть словами,— звучит гортанный голос темноволосой женщины, сидящей в кресле.— Тебе ведь хотелось бы узнать, как лучше распорядиться своими силами во имя общего блага? А мы полагаем, что способны тебе в этом помочь.

— Но что ты потребуешь взамен? — спрашивает рыжеволосая, не сводя взора с мужчины в белом.— Только не говори, будто предлагаешь помощь по доброте душевной.

— Сказать так — значит солгать, и солгать напрасно. Ты бы все равно мне не поверила,— в уголках его рта появляются морщинки, а глаза на мгновение светлеют.— Но уверен, от тебя не укрылось, как неохотно мастера Отшельничьего используют свои возможности, чтобы сеять добро за пределами острова. И — в этом я тоже уверен — не раз ты задавалась вопросом: почему же они не приходят на помощь страждущим? Зачем, например, ими устроена блокада Фритауна?

Рука его вяло указывает на темное, занавешенное окно.

— Возможно, правители Фритауна далеки от совершенства, но такого рода меры меньше всего задевают власть имущих. Бедняки, люди, живущие своим трудом — вот кого блокада лишает работы и куска хлеба.

Рыжая слегка переминается с ноги на ногу.

— Звучит это красиво, Мастер Антонин, но чем обвинять других — не лучше ли самому помочь страждущим? Ты ведь не бедствуешь, если раскатываешь всюду в золоченой карете.

— Но разве ты своими глазами не видела, как я кормил голодных и обогревал замерзавших?

Слова его звенят серебром. Рыжая подается назад, не находя возражений.

— Мне нужно это обдумать.

— Непременно. Но размышлять можно и путешествуя. Я предлагаю тебе поездить со мной по Кандару и своими глазами увидеть, как я пытаюсь облегчить участь людей, ввергнутых в нужду по воле Отшельничьего.

Рыжая угрюмо молчит.

XXIX

На рассвете Джастин выглядел почти таким же бодрым, как при первой нашей встрече в гостинице «Уют». Лишь в голосе осталась усталость да под глазами темные круги.

Принеся воды, я сварил размазню, имевшую вкус превосходного кукурузного пудинга. Выпили мы и бодрящего чаю.

Однако Джастин совершенно не спешил снова отправиться в путь, и это заставляло предположить, что он все еще чувствовал себя усталым.

Сворачивая свой спальный мешок, я приметил торчащий из торбы Джастина уголок истертого переплета какой-то книжки. Томик не окружала никакая аура — ни хаоса, ни гармонии; однако и кожа переплета, и пергаментные страницы буквально дышали древностью. Брови мои поднялись — поневоле задумаешься, что за книгу может веками возить с собой чародей? Не иначе как сборник заклинаний, описание колдовских ритуалов или что-то в этом роде. Уловив мой взгляд, Джастин потянулся и достал книжку.

— На. Можешь почитать.

— Что это?

— «Начала Гармонии», так она называется. Ею пользуются все Черные маги.

— И что, ее обязательно нужно прочесть?

Джастин улыбнулся:

— Лишь в том случае, если ты намереваешься стать Мастером гармонии.

— А она древняя? — спросил я, пытаясь прийти в себя.

— Отец дал мне ее в дорогу, когда я уходил из дому.

— А где был твой дом, Джастин? Откуда ты родом?

— Не из того места, о котором стоило бы особо распространяться. Книжку-то читать будешь?

— Э... ну... может, потом...

— Надумаешь — скажешь.

Он лег, закрыл глаза и снова стал выглядеть много старше тех тридцати с небольшим, которые я дал ему при первой встрече.

«Начала Гармонии». Надо же, та самая книга, которую при расставании сунул мне в торбу мой отец...

Снаружи дул холодный северный ветер. Высоко в небе висели бесформенные темные облака.

Траву на лужайке у кустов пони выели почти начисто, основательно пообгрызли сухую листву с самих кустов и перебрались ближе к источнику.

— Ты готов? — спросил Джастин, открыв глаза.

— В дорогу?

— Нет. Дорога мне пока что не под силу. Я спрашиваю, готов ли ты по-настоящему поучиться защищаться от магов вроде Антонина или блуждающих духов?

— Пожалуй...

Мне очень хотелось верить, что на сей раз учеба окажется не такой нудной, как всегда. Впрочем, учиться в любом случае необходимо: не оставаться же беззащитным!

Джастин сел, привалившись к стене. Сажа замарала рукав его серой полотняной туники, но он оставил это без внимания.

— Итак, умение достигается практикой. Но по существу от тебя требуется одно: сосредоточиться на том, что ты — это ты. Самый простой способ — мысленно, а то и вслух повторять фразу вроде: «я — это я», «я — это я». Можешь талдычить ее, как дятел.

— Зачем?

Джастин вздохнул:

— Когда кто-то желает внедриться в твое сознание, он пытается лишить тебя своего «я». Ощущения того, что ты являешься самостоятельной, неповторимой личностью. Твоя задача — остаться самим собой. Для этого необходимо сначала уразуметь и признать, что ты подвергаешься искушению, а потом отстоять свое право на самобытность.

— Ты это о чем?

Джастин вперил в меня взгляд:

— Вижу, объяснения до тебя не доходят. Ладно, покажу на примере. Леррис, разве тебе не хочется получить, наконец, ответы на множество вопросов? Выяснить, почему Мастера выдворили тебя из дома без всяких объяснений? Неужто тебе не надоело видеть, как все отделываются невнятными намеками и предоставляют тебе докапываться до правды самому?

— Конечно. Я только об этом и твержу.

— Тогда смотри на меня. И ищи ответы. Смотри и ищи...— голос его странно дрогнул.

Я взглянул на Джастина и отметил, что, хотя он не шелохнулся, расстояние между нами как будто стало уменьшаться.

— ДУМАЙ. ПРОСТО ДУМАЙ ОБ ОТВЕТАХ... О ЗНАНИИ, КОТОРОГО ТЫ ЗАСЛУЖИВАЕШЬ...

Вкрадчивый голос звучал прямо в голове.

Джастин приблизился ко мне вплотную.

— ТЕБЕ ВЕДЬ НУЖНЫ ОТВЕТЫ... ТЫ ГОТОВ НА МНОГОЕ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ИХ... ПОТЯНИСЬ КО МНЕ... НЕ РУКАМИ — ПОТЯНИСЬ МЫСЛЕННО, И ТЫ ВСЕ УВИДИШЬ ВООЧИЮ... УВИДИШЬ ВООЧИЮ...

Предложение не вызывало никаких возражений. Если можно дотянуться до ответов мыслями, так, чтобы они не терялись в шелухе слов — тем лучше. Сосредоточившись, я потянулся мыслями к собеседнику.

И — провалился в белизну!

Белый туман окутал меня так плотно, что я не мог видеть, не мог даже говорить. Да и не туман это был, а ловушка пустоты, белой пустоты, столь ослепительной, что она жгла сознание.

ОТВЕТЫ... ОТВЕТЫ... ОТВЕТЫ...

Беззвучные слова наполняли мое сознание. Я ослеп, оглох, онемел и ничего, кроме этих слов, воспринять не мог. Не мог даже понять, стою я на ногах или упал. Ощущение собственного тела пропало напрочь.

Джастин! Он устроил все это! Но зачем? Почему?

ОТВЕТЫ... ОТВЕТЫ... ОТВЕТЫ...

Из белого тумана, из слепящей белизны, вылетали разноцветные — желтые, красные, фиолетовые, синие — яркие стрелы, разящие иглы света, пронзавшие мои мысли одну за другой.

ОТВЕТЫ... ОТВЕТЫ...

Наконец мне вспомнилось, что Джастин, вроде бы, указывал на необходимость отстаивать свое «я». Указывать-то указывал, но не было ли и это ловушкой? Еще одним способом завоевать мое доверие? Затянуть меня в Белую паутину?

...ОТВЕТЫ...

Джастин топчет землю уже добрых две сотни лет. Может, ему приспичило обзавестись новым телом? С чего это мне взбрело в голову ему верить? Но ведь я... я — это я...

Белизна дрогнула и, кажется, стала не столь слепящей.

— Я... Я — ЭТО Я... ЛЕРРИС, ВОТ Я КТО... Я — ЛЕРРИС... ЛЕРРИС...

Я мысленно твердил эти слова снова и снова, твердил до тех пор, пока они не захлестнули мое сознание, не переполнили, не выплеснулись наружу...

— Леррис...— прохрипел я вслух и рухнул на пол.

Я снова провалился в пустоту — но на сей раз она была черной.

Когда мне удалось опомниться и обнаружить себя валяющимся на грязном глиняном полу, время близилось к вечеру. Голова раскалывалась так, будто в нее и вправду вгоняли разноцветные иглы, язык распух, во рту пересохло. Усевшись с превеликими трудами, я стал гадать, куда же подевался Джастин.

Но гадать пришлось недолго — Серый маг лежал навзничь на все той же лавке и прерывисто дышал. Челка упала на его лицо, на лбу обозначились морщинки.

Я перевел взгляд на собственные руки. Они дрожали, но совершенно определенно слушались меня. Ноги дрожали. Я решил заварить бодрящего чаю. Встать мне удалось, лишь опершись на посох. С его помощью я и заковылял к источнику за водой.

Я наполнял чайник, опасаясь, как бы очередной порыв студеного ветра не сдул меня в воду.

За то время, которое ушло на разведение огня и разогрев воды, Джастин в сознание так и не пришел. И выглядел он очень старым.

Чем бы ни было пахучее, заменившее ему чай зелье, оно помогло унять дрожь и окончательно вернуло меня в мир живых. Малость очухавшись, я смочил отваром губы Джастина.

Тот застонал, веки его затрепетали. Сделав несколько глотков, он оправился настолько, что прохрипел:

— Сделай похлебку... синий пакет.

Пришлось снова отправляться по воду.

Подкрепившись густой похлебкой, которая, несмотря на чудной синеватый цвет, вкусом более всего походила на тушеную оленину, я укоризненно посмотрел на Джастина:

— А нельзя было показать это... менее УБЕДИТЕЛЬНО?

Серый маг медленно покачал головой:

— Сила порождает силу. Попытайся я не изолировать тебя, а овладеть тобой — один из нас был бы уже мертв.

Мне, между тем, бросилось в глаза, что волосы Джастина потемнели, морщинки разгладились, и если он еще выглядел старым, то во всяком случае уже никак не древним.

— Ну, усвоил?

— Пожалуй, да. Я так понимаю, что сильное тяготение к чему-либо, жажда что-то заполучить может открыть другому путь к твоим мыслям или к телу...

— Суть — только в мыслях. Тот, кто взял под контроль мысли, без труда овладеет и телом.

Меня пробрала дрожь.

— И что, мне пришлось бы вечно оставаться в той Белой пустоте?

— Очень долго. Изолированное «я» тоже со временем умирает. Белые маги предпочитают не рапространяться на сей счет, но существование личности в изоляции растягивается на годы. Был случай, когда мне удалось восстановить индивидуальность одного человека. Он меня после этого избегал.

Джастин отпил большой глоток чая и налег на похлебку.

— А если ты распознаешь вражий умысел и начнешь отстаивать свое «я» с самого начала — это может оградить от той белизны? — жадно поинтересовался я.

— Многое зависит от силы и умения мага,— хмуро пояснил Джастин.— Имея дело с такими, как Антонин, нужно отвергать искушение с самого начала. Дашь малейшую слабину — и он начнет манипулировать твоими чувствами с ловкостью опытного жонглера. Столкнувшись же с чародеем не столь искушенным, ты

можешь освободиться из изоляции, даже если тебя туда заманили хитростью. Когда происходит такого рода освобождение, затраченная на захват энергия рикошетом ударяет по самому захватчику. В нашем случае так вышло со мной. Ты так рьяно стремился получить ответы, так легко поддавался манипуляциям, что я не разглядел вовремя, сколь велика твоя внутренняя сила.

— И что мне теперь делать — радоваться наличию этой силы или сокрушаться по поводу собственного легковерия?

— Воля и вдумчивость, Леррис,— вот ключи. Ключи к постижению не только магии гармонии, но и чего угодно.

Расправившись с похлебкой, Джастин устало откинулся назад.

— Я так понимаю, ни в какой Вивет мы сегодня не поедем?

— Ты свалишься со своего пони через три кай, а я на своего и вовсе взобраться не смогу. Как по-твоему, разумно такой парочке пускаться в дорогу?

По-моему, это было неразумно.

— Кроме того, тебе все-таки стоит заняться чтением,— добавил Джастин, протягивая мне приснопамятные «Начала Гармонии».— Без теории не обойтись. Ежели я стану показывать тебе все наглядно, то или тебя угроблю, или навсегда превращусь в древнего старца.

Я потянулся за книгой. Серый маг остановил меня:

— Сначала вымой посуду. Уж такой услугой ты мне всяко обязан!

И я в который раз отправился к источнику. Есть ли у меня основания доверять Серому магу? От одного воспоминания о жуткой белизне пробирала дрожь. Правда, Джастин не слишком старался затянуть меня в этот кошмар. Да и вся эта история ему далась тяжелее, чем мне.

Я прополоскал кружки в ледяной воде и вытер их влажной тканью. У меня заломило руки.

Джастин выбрался из хижины. Я застал его кормящим с ладони лошадок.

Ничего не сказав, я прошел внутрь и увидел, что книга лежит на спальном мешке. Подбросив в очаг еще полешко, я с большой неохотой раскрыл томик на первой странице.

«Гармония есть жизнь; хаос есть смерть. Это не постулат учения, а непреложный факт. Всякое живое существо представляет собой упорядоченное сочетание гармонически взаимодействующих элементов. Привнесение хаоса...»

Тоже мне новости! Слыхал я все это — ну, может быть, чуточку в других выражениях.

«...Гармония пронизывает мироздание вплоть до его мельчайших первоэлементов. Путем воздействия на ничтожно малые

составляющие с целью формирования нового упорядоченного целого Мастер гармонии может воздействовать на погоду и климат...

Напротив, управление хаосом представлет собой разрыв целого на частности, ликвидацию упорядоченного единства, разделение первоэлементов... разрушение как таковое...»

К третьей странице голова моя разболелась так, что во избежание худшего книгу пришлось закрыть. Вздохнув и отложив книгу, я выбрался из хижины.

Серый маг чистил щеткой Роузфут. Когда я вышел наружу, он оторвался от своего занятия и теперь любовался игрой света на склонах холмов.

— Джастин, верно ли я понимаю, что знание как таковое подобно добротной работе каменщика? Надежной работе, способной противостоять хаосу?

Он кивнул:

— Да, но тут есть опасности. Даже Антонин не в состоянии завладеть сознанием заурядного пастуха, если тот яростно сопротивляется, однако сила Антонина вполне достаточна, чтобы этого пастуха уничтожить.

— Но ты же сам говорил, что Антонин может овладеть моей душой.

— С помощью искушения,— я заметил, что в волосах Серого мага теперь оставалась лишь легкая проседь, а на лице — только несколько тонких морщинок.— Он мог бы взять тебя в ученики, показать, как срабатывает магия гармонии и каких результатов можешь добиться ты, обратившись к хаосу. Он опьянил бы тебя силой разрушения — разумеется, всегда свершаемого во имя блага. Кормление бедных, расчистка дорог — это ведь все добрые дела. Но участие в этих делах привело бы к вызреванию внутреннего конфликта между гармонией и хаосом, разрушительного для твоего самосознания. Запутавшись в противоречиях, ты пожелал бы снять с себя всякую ответственность. И вот тут-то Антонин с готовностью освободил бы тебя от этого бремени. В отличие от него, Сефия и Герлис действуют грубее и прямолинейнее.

Я поежился, впервые по-настоящему уразумев, что имелось в виду. И разозлился до того, что глаза мои вспыхнули, а зубы сжались. Меня аж в жар бросило от злости, хорошо хоть ветерок охладил.

Выходит, чтобы свести на нет возможность ничтожного проявления хаоса, избежать мелких неприятностей, эти лицемеры, наши добрые Мастера с Отшельничьего, бросили и меня, и Тамру, и Кристал, и прочих, как слепых щенят в омут, даже не намекнув на проблему искушения. Прекрасно зная при этом,

как страстно каждый из нас чего-то жаждет и как эта жажда делает нас добычей для Антонина и ему подобных!

Джастин поглядывал на меня с лукавой улыбкой.

— Увидел что-нибудь смешное? — огрызнулся я.

— Ага,— кивнул Джастин.— Тебя. Ты перевернул несколько страниц и готов разорвать Отшельничий в клочья.

— А ты почем знаешь?

— Когда-то мне довелось испытать нечто подобное.

— Я так и думал, что ты тоже с Отшельничьего.

— Я ничего такого не говорил. Сказал только, что мне довелось испытать нечто подобное.

XXX

Рассеянно теребя зеленый шарфик, рыжеволосая смотрит на пляшущий в очаге огонь.

Верная своей привычке, она и сейчас задается вопросами, остающимися без ответа. Почему Белый маг так рвется поделиться с нею своей мудростью и принимает ее как равную, в то время как Мастера Отшельничьего скупились на каждую крупицу знания?

Размышляя, молодая женщина не смотрит на сидящего в кресле Белого мага и, кажется, не отдает себе отчета в том, что посох в ее руке нагревается. Мужчина хмурится, пожалуй, впервые за все время их знакомства.

— О чем задумался? — спрашивает она.— Помещение здесь не лучше, чем в гостинице Хайдолара. Создается впечатление, что виконт не больно-то ценит тех, кто творит добро.

— Ты, я вижу, все еще настроена скептично,— доброжелательно отзывается Антонин.— Интересно, чем можно пронять тебя по-настоящему? Может быть, стоит продемонстрировать тебе один прием, которым ты сможешь воспользоваться, чтобы постичь и понять больше?

В том, как кривятся ее губы, есть что-то и от улыбки, и от раздражения.

— Сам показ будет несложен. Не мудренее, чем тогда, когда я учил тебя становиться незаметной для тех, кому не следует тебя видеть,— говорит маг тоном терпеливого наставника.— Я обещал, что научу тебя полностью раскрывать свои способности. Разве до сих пор я не исполнял все свои обещания?

Рыжеволосая нехотя кивает.

— В таком случае,— произносит Антонин, слегка вздохнув,— мне, пожалуй, стоит дать тебе еще один урок, благодаря которому ты многое уразумеешь. Сдается мне, тебе хотелось бы знать, почему Мастера Отшельничьего держат втайне совсем нехитрые

магические приемы и почему Братство спровадило тебя прочь, даже не потрудившись оценить твои возможности?

Женщина в зеленом шарфе снова кивает:

— Разве я не говорила об этом?

— Говорила. А также говорила, что слова обычно скрывают больше, чем открывают, и что тебе, мягко говоря, надоело слушать пустые отговорки. Ну что ж, значит, тебе следует научиться видеть истину напрямую, независимо от словесной шелухи. Для этого необходимо сосредоточиться. Положи обе руки на посох и смотри вниз, на зеркало.

Она хмурится, несколько озадаченная тем, что не заметила, как и когда проявилось здесь зеркало. Однако всматривается в клубящиеся под стеклянной поверхностью туманные завихрения, похожие на белые облака. Облака, скрывающие какие-то образы.

— Загляни в глубь зеркала. Вглубь! Ищи все ответы там! — голос мага слегка отдается эхом.— Зеркальная поверхность представляет собой инобытие внутренней преграды, препятствующей непосредственному постижению и полному пониманию истины. Очисти свое сознание, погрузись в тишину, обрети полное спокойствие... А СЕЙЧАС... ПРОСТО ПРИЗОВИ ОТВЕТЫ, КОТОРЫЕ ТЕБЕ НУЖНЫ...

Эти слова звучат прямо в ее голове, а не в ушах.

— РАЗВЕ ТЫ НЕ ГОТОВА ОТДАТЬ МНОГОЕ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ ПОНИМАНИЕ? ПОТЯНИСЬ МЫСЛЯМИ К ЗЕРКАЛУ — НЕ РУКАМИ, А МЫСЛЯМИ... И Я ДАМ ТЕБЕ ЗНАНИЕ... ЗНАНИЕ...

Рыжая падает ничком, и темноволосая мага — Сефия — не успевает поймать ее за плечи.

— Быстро же ты на сей раз управился...

— Сефия! — Антонин произносит ее имя таким тоном, что она умолкает.

— Сейчас...— бормочет маг.— Сейчас, пока она не попыталась защититься...— лоб его покрывается бусинками пота, а сеть тонких морщинок старит лицо.

В зеркале бурлит и клубится белый туман.

Проходит еще несколько мгновений — и на том месте, где сидела темноволосая женщина, остается лишь горстка пыли. Рыжая поднимается на ноги. Ее огненные волосы мерцают, а потом начинают темнеть.

— Никогда не любила рыжие волосы...

Антонин проводит рукой над зеркалом. Теперь в нем отражается всего только потолочная балка.

— Виконт ожидает нашего скорого прибытия. Разбуди меня, когда будет нужно,— говорит он и, пошатываясь, направляется к широкой кровати.

Рыжеволосая женщина делает жест в сторону оставшейся на кресле пыли. Пылинки взлетают, кружатся и без следа тают в воздухе.

— Надо же, она и вправду считала, что может доверять ТЕБЕ...

Белый маг бросает на собеседницу сердитый взгляд, но, не сказав ни слова, ложится на белое покрывало.

XXXI

Следующее утро выдалось ясным, но ветреным и холодным. Джастин, вновь выглядящий довольно молодо, поднялся спозаранку.

Стараясь очистить плащ и штаны, я не переставал дивиться тому, как это Джастину удается содержать в порядке свою одежду. Хотя, сказать по правде, я не уверен, что мне так уж хотелось уяснить все подробности.

Гэрлок уже подавал голос и бил копытом, явно давая понять, что с него довольно жухлой травы да сухих листьев и он не прочь прогуляться. Я приторочил спальный мешок, взобрался в седло и спросил:

— Далеко нам до этого Вивеля или как там его?

— Вивета. Надо бы поспеть до полудня... но это как путь задастся.

В отличие от меня, Джастин держался в седле легко и правил пони, не касась поводьев.

То и дело налетавший с запада ветер доносил едва уловимый запах дыма, единственная тонкая белесая струйка которого поднималась над холмами впереди. Вокруг расстилались пастбища. Ни полей, ни садов поблизости не замечалось.

Успев проехать меньше одного кай, мы увидели справа от дороги неприглядную лачугу, окруженную изгородью из жердей, за которой бродили свиньи. Кто-то в бесформенной одежде наливал воду в кормушку. Снаружи ограды паслось несколько дюжин овец.

— Когда мы покинули Монтгрен? — полюбопытствовал я.

— Вообще-то, мы его еще не покинули. Фэрхэвен считается владением герцогини, хотя ей от такого владения никакого толку. Граница между Монтгреном и Кертисом проходит за Виветом.

— Там, наверное, полно стражи?

— Пограничных застав нет вовсе, рубеж обозначен двумя каменными столбами. Герцогиня — реалистка и вполне довольствуется возможностью вешать и стрелять тех неугодных, кого хватают ее немногочисленные солдаты. А тем попадаются лишь немногие, поскольку бульшая часть ее маленького войска сосредоточена в Вергрене — столице герцогства.

— А что, тут все страны такие же маленькие, как Монтгрен?

— По-разному. Некоторые, вроде Фритауна, ничуть не больше, а, скажем, Хидлен и Галлос простираются с севера на юг на три сотни кай. Кифриен еще обширнее; это — единственное княжество, в полной мере заслуживающее названия державы. И оно расширяется. С тех пор, как предыдущий самодержец увеличил свои владения за счет соседей, префекты Галлоса держатся настороже.

Названия «Кифриен» и «Галлос» я когда-то слышал... Кажется, в связи с Кифриеном я слышал что-то еще, но вспомнить — что, хоть вы меня убейте, не мог.

Мы проехали мимо другой хижины. Та же убогая постройка, такая же изгородь, такая же кормушка, такие же свиньи и такие же черномордые овцы.

Вершины пологих холмов густо поросли деревьями, так что чего-чего, а строительной древесины здесь с избытком хватало. Эти леса вполне могли обеспечить материалом не только местное захолустье, но и сам Вергрен, столицу Монтгрена, известную разнообразием и качеством шерстяных изделий. Я видел немало красных и черных дубов.

Чем дальше мы ехали, тем чаще попадались хижины, от бревенчатых срубов до обшитых толстыми досками домов под соломенными крышами.

Солнце уже стояло высоко, однако почва оставалось промерзшей. Я попеременно грел за пазухой то одну, то другую руку.

За одним из множества одинаковых пологих холмов красная утрамбованная дорожная глина уступила место песку.

Теперь вокруг дороги лежали не луга и выпасы, а поля, урожай с которых был давно убран. Дома здесь стояли теснее один к другому и ближе к дороге. Спустя некоторое время мы спустились к реке. Берега ее густо заросли низким кустарником.

Сбегая со склона на ровное место, петляющая дорога спрямлялась и выводила к старинному каменному мосту.

— Этот мост обозначает границу Вивета,— заметил Джастин.

— А это важно? — буркнул я, поскольку одинаковые дома с угрюмыми жителями, одинаковые холмы, одинаковые овцы и одинаковые свиньи нагоняли на меня тоску.

— Для кого как. В определенном смысле важно, поскольку солдаты герцогини не имеют права отправлять свое правосудие за пределами Монтгрена.

Стоило нам перебраться через мост, как Вивет приветствовал нас прогорклым запахом слежавшейся шерсти. По дороге медленно тащилась запряженная мулом повозка. Возница — женщина в бесформенной серой пастушеской одежде — даже не подняла на нас глаз.

Примерно в кай за мостом дорога превратилась в улицу, по обе стороны которой плотно стояли дома.

— Нас ждут в «Пристанище ткачей»,— сообщил Джастин.

— Ждут? — удивился я.

— Именно так,— подтвердил Серый маг.

— А могу я полюбопытствовать, что у тебя здесь за дела?

— Надо же, какая деликатность,— расмеялся Джастин.— Ладно, отвечу: всякой показухе я предпочитаю честную работу и честный заработок. В минувшие годы мне случилось заключить сделку с тогдашним герцогом Монтгренским. Он хотел, чтобы его княжество стало процветающим и... и хоть ЧЕМ-НИБУДЬ да прославилось, а мне требовался надежный доход. Правда, в ответ на первое предложение он чуть не выставил меня взашей из своих владений, но потом передумал. А я в ответ поднял цену. Что ни говори, а у Серых магов есть чувство собственного достоинства. Так или иначе, мы столковались, и с тех пор мне случается бывать здесь регулярно.

— Ты, однако, так и не сказал, С ЧЕМ ИМЕННО связаны твои здешние дела.

— С овцами, дружище. С овцами и знаменитой монтгренской шерстью.

— О здешней пряже и вправду ходит добрая молва. Даже некоторые ткачи с Отшель... То есть, некоторые знакомые ткачи... они очень ее хвалили. Выходит...— я замялся.— Выходит, ты приложил к этому руку?

— Хвастаться вроде бы нескромно, но выходит, что так. Вот почему мы здесь.

Мне на это оставалось лишь покачать головой.

— Раз уж мы здесь, так ты мне чуток поможешь,— добавил Джастин.

Меня эта идея не вдохновляла, однако, будучи в долгу перед серым магом, я уныло спросил:

— Каким манером?

— Не робей, дело нетрудное и с хаосом никак не связано.

Я молча ждал дальнейших объяснений. Он усмехнулся:

— Здоровые овцы приносят здоровых ягнят и дают хорошую шерсть. Каждый год я проверяю ярочек и племенных баранов, чтобы не допустить порчи породы. Это требует четырех посещений Монтгрена в год. Каждое продолжается по нескольку дней. По осени я проверяю еще и ягнят.

Мне казалось, что дело не может обстоять столь просто, однако лезть с лишними вопросами, демонстрируя свое невежество, тоже не хотелось. Поэтому я молча предоставил Гэрлоку трусить следом за Роузфут.

Мощеные улочки Вивета были узкими, хотя дома, все как один обнесенные оградами, стояли на значительном удалении от дороги. Планировка городка не поражала замысловатостью: центральная площадь находилась на пересечении двух главных улиц, одна из которых шла с юга на север, а другая — с запада на восток. Все прочие улочки — их насчитывалось не более двух дюжин — были проложены параллельно главным и, таким образом, расчерчивали городок в клеточку.

Ближе к южной окраине я приметил у низких одноэтажных домов пристройки, порой внушительные. Не иначе как склады или мастерские.

— Чесальни,— бросил Джастин, случайно заметив мой любопытствующий взгляд. Мысли его витали где-то в другом месте, и охоты поговорить он не обнаруживал. Мне пришлось рассматривать местечко самостоятельно. При этом внимание мое привлекли незатейливые дощатые строения с выкрашенными ставнями, посыпанные цветным гравием дорожки, аккуратно подрезанные, по пояс высотой, живые изгороди и аккуратные цветочные клумбы. По сравнению с Хрисбаргом или Хаулеттом Вивет прямо-таки дышал порядком.

В центре площади на каменном пьедестале высилось изваяние всадника. Пьедестал украшали резные изображения овец. Прямо под пьедесталом притулился маленький подтаявший сугроб.

На центральную площадь выходили фасады полудюжины ухоженных лавок и мастерских: галантерейная, столярная, скорняжная, мясная, хлебная и, само собой, постоялый двор. «Пристанище ткачей» выглядело не хуже «Приюта путников».

Напротив гостиницы, по ту сторону площади стояло двухэтажное каменное здание с флагштоком, на котором развевалось голубое с золотом знамя. Полотнище было разделено по диагонали на два треугольных поля: на нижнем, голубом, красовалась золотая корона, а на верхнем, золотом — черный баран.

На улицах было немало прохожих.

Джастин направился по узкому мощеному переулку вдоль желтовато-коричневой стены гостиницы к столь же аккуратной, как и она сама, конюшне.

— Господин волшебник! — приветствовал Джастина мальчишка-конюх.

Тот кивнул, улыбнулся и спешился.

— А ты тоже чародей? — спросил паренек меня.

— Я тот, кто я есть,— у меня вырвался смешок.

Джастин, не обращая на нас внимания, ловко отстегнул седельные сумы и, пока я помогал юному конюху поставить обоих пони в чистые стойла, куда-то запропал. Решив, что он

пошел в гостиницу, я направился туда и нашел его беседующим с усатым трактирщиком.

— Это Леррис, мой нынешний помощник,— представил меня Джастин.

— Пусть займет комнату рядом с твоей,— промолвил трактирщик, скользнув по мне взглядом.— Я так и думал, что на сей раз ты прибудешь с помощником.

Вот это мне понравилось. Никаких лишних расспросов, а комната — в моем распоряжении.

Джастин в ответ просто кивнул.

— Хочешь пообедать?

— Так ведь сначала надо...

— Ах да... пошли.

Поднявшись по лестнице и пройдя по широкому коридору, мы добрались до своих комнат. Мне досталась славная комнатушка с настоящей кроватью, туалетным столиком, зеркалом и умывальником, а Джастину — настоящие апартаменты из нескольких роскошных помещений.

Поскольку Серый маг явно хотел остаться один, я пошел к себе, умылся и спустился вниз, чтобы набить чем-нибудь совершенно пустой желудок.

Единственным недостатком этой гостиницы было то, что, несмотря на чистоту, в ней все же пахло овцами и шерстью. Похоже, в Вивете от этого никуда не деться.

Трактирщик отвел меня к угловому столику неподалеку от теплого очага. Столику, сервированному настоящими столовыми приборами и стеклянными бокалами.

Когда пришел Джастин, я уже пил сок да уминал сыр и пирог с бараниной, принесенные миловидной девушкой.

Джастин ничего не сказал, пока не отпил золотистого вина и не прожевал кусок хлеба с твердым и острым белым сыром. Жуя и потягивая вино, он смотрел в неведомые мне дали.

— Завтра ты отработаешь эту комнату,— сказал наконец Серый маг.

— Значит, завтра мы беремся за дело?

Он кивнул.

Вопросов у меня было выше головы, но у Джастина явно не было настроения говорить. Поэтому некоторое время мы ели молча, но в конце концов я не вытерпел:

— Ты сказал, что новый центр Фрвена был построен Советом Магов...

— То, что ты сказал, не слишком похоже на вопрос,— отозвался Джастин, отпивая из бокала,— но суть твоего недоумения я понял. Древние маги в Фэрхэвене понимали, что хаос не способен создавать долговечные сооружения.

— А как насчет дорог?

— Это не совсем то же самое. Хаос весьма эффективен, когда требуется дробить или расщеплять камень. Белая магия позволяла прокладывать дороги сквозь горы, но само дорожное полотно не создавалось ею. Черные маги, хоть и немногие, принимали участие в созидательной части дорожных работ. Конечно, до того, как... Впрочем, меня слегка занесло не туда. Ты ведь спрашивал насчет строительства? Так вот, каменотесы строят намного лучше и надежнее, чем чародеи. Свидетельством тому — старый центр Фэрхэвена.

Желаемого ответа я так и не получил, а Джастин снова уставился в никуда, словно я пробудил в нем какие-то воспоминания. Мне оставалось только доесть пирог с бараниной.

— За обед заплачено,— сказал Серый маг, когда я расправился с ягодным пирожным.— Встретимся на рассвете.

Он встал, задвинул стул и ушел прежде, чем я успел прожевать кусок. Пришлось кивнуть ему с набитым ртом.

Неспешно закончив обед, я завернулся в плащ и вышел. Уже настал вечер, и народу на площади было меньше, чем раньше. Возможно, этому способствовал ветер, гонявший по мостовой редкие хлопья снега.

Потом я вернулся в свою комнату, зажег масляную лампу, со вздохом достал «Начала Гармонии» и раскрыл книгу. Однако то ли усталость, то ли навеваемая сим трактатом скука вскоре побудили меня загасить лампу и прилечь на постель. Вскоре я заснул мертвым сном.

XXXII

Искренне надеюсь, что никогда в жизни мне больше не придется соприкасаться с овцами так тесно, как довелось в Вивете. По мне, так даже прогорклое масло пахнет не так противно.

Как и Джастин, я облачился в позаимствованную на время пастушью одежду — куртку, шаровары и сапоги, в носки которых пришлось натолкать немного шерсти.

По словам Серого мага, то, что он собирался делать, представляло собой магию гармонии в чистом виде. «Но гармонично — еще не значит приятно,— добавил он.— Поэтому после такой работы я имею обыкновение бульшую часть года заниматься тем, что мне угодно».

Я проследовал за ним к загону, где находилось более ста черномордых животных. У ворот Джастину приветливо улыбнулась сухопарая загорелая женщина в чистой кожаной одежде серого цвета, с коротко остриженными густыми, совершенно

седыми волосами. Позади нее стоял рослый, неряшливо одетый лысеющий мужчина с пастушьим посохом в руках.

— Джастин...

— Мерелла...

Тут мне на глаза попался рассредоточенный под навесом за спиной женщины отряд арбалетчиков. Глянув в другом направлении, я увидел еще нескольких вооруженных солдат и невольно постарался оказаться поближе к Джастину.

— Кто этот паренек? — спросила женщина.

— Мой новый помощник. Звать Леррисом. Он ничего не понимает в овцах, но знает толк в гармонии. Леррис, это Мерелла, герцогиня Монтгренская.

Герцогиня ухмыльнулась:

— Парнишка явно не ожидал меня здесь увидеть, а? Ты никогда их не предуждаешь, чародей.

— Так оно вернее,— откликнулся Джастин, пожав плечами.

— Рад познакомиться с...— я замялся, поскольку до сей поры ни одной герцогини не видел и понятия не имел, как к ним положено обращатья.

— Рада тебя видеть, Леррис,— с улыбкой промолвила Мерелла, но тут же заговорила деловито и серьезно: — Наше поголовье пострадало из-за дождей и по милости герцога. Мы доставили сюда наименее пострадавших.

— Сделаю, что смогу,— промолвил Джастин и обернулся ко мне.— Сейчас овцы из приплода нынешнего года пройдут по огороженному проходу из загона в загон. С виду они здоровы, но мы должны проверить, так ли это на самом деле. Если что-нибудь почувствуешь...

— Сказать тебе?

Джастин кивнул и повернулся к герцогине:

— У Лерриса хорошо развитое чувство гармонии, что, надеюсь, позволит мне сберечь свою энергию и использовать ее для исцеления.

— Делай как знаешь, лишь бы был результат,— промолвила герцогиня нейтральным тоном, но чуточку жестче, чем раньше.

Джастин кивнул пастуху:

— Запускай для начала одну.

Первая из черномордых кучерявых овец с блеянием двинулась по узкому проходу из одного загона в другой.

Я попытался вчувствоваться в состояние овцы, что оказалось не так уж сложно. Ощущение хаоса отсутствовало, более того, животное представляло собой упорядоченное целое.

— Мне кажется, с ней все хорошо,— сказал я, повернувшись к Джастину.— Никакого хаоса. Есть легкое ощущение гармонии... может быть, здоровья...

Он кивнул:

— А можешь ты хотя бы немного усилить эту гармонию?

— Как это делается?

— Я покажу. Постарайся все прочувствовать.

Я постарался и уяснил для себя следующее. То, что он сделал с овцой, отчасти напоминало процесс упорядочивания структуры древесных волокон, с тем, чтобы они ложились в естественном направлении. Конечно, процесс был иным, но мне как несостоявшемуся столяру проще было принимать его так.

— Давай следующую!

Со второй овцой мне удалось проделать то, что сделал Серый маг с первой, хотя и не без некоторой помощи с его стороны, ну а когда пришел черед пятой, я уже мог работать совершенно самостоятельно. Джастин стоял в сторонке и наблюдал, пока по проходу не побежала, кажется, двенадцатая «пациентка» — крупная и резвая с виду.

Как только животное поравнялось со мной, мой желудок чуть не вывернуло наружу. Мне почудилось, что под шерстью овца светится или даже горит бело-кровавым пламенем.

— Джастин... ЭТА!

Мне показалось, будто даже Серый маг на мгновение побледнел. Однако он лишь кивнул пастуху и сказал:

— Эту — в белый загон.

— Хаос? — спросила герцогиня. Я забыл о ее присутствии, а она, оказывается, осталась и наблюдала за процедурой.

Джастин кивнул, а порченое хаосом животное отправили в особый загон.

По мере того как я осваивал работу, овцы менялись все чаще, пока не пошли сплошным потоком. К тому времени я вчувствовался в них до самых потрохов, сам насквозь провонял овчиной, разве что не начал блеять.

Казалось, это будет продолжаться вечно, однако в конце концов первый загон опустел. Я поднял голову и, чувствуя себя ошалевшим, огляделся. Оказалось, что герцогиня незаметно ушла.

— Пойдем со мной,— сказал Джастин. В его шевелюре вроде бы добавилось серебряных волосков, но это могло мне просто привидеться. Со слезящимися глазами, мучимый рвотными позывами и бурчанием в пустом животе, я поплелся за ним.

Как оказалось — к следующему здоровенному загону, полному овец!

Мы снова взялись за дело. Минута проходила за минутой, овца шла за овцой. С каждым животным, меченым хаосом, которое приходилось отгонять в сторону, Джастин выглядел все мрачнее.

К полудню глаза мои туманились от усталости, а в белом загоне теснилось около сотни забракованных овец.

— Передохни, Леррис,— промолвил наконец Джастин.— Нас покормят, а потом мы закончим здесь и отправимся к южному стаду.

— Так это еще не все?! — ужаснулся я.

Маг улыбнулся, наполовину лукаво, наполовину угрюмо:

— Это — только самое начало. Два дня мы провозимся здесь, а потом еще два — на выпасах под Вергреном. Причем там гостиницы не будет — придется довольствоваться матрасом в палатке.

Я прислонился к сколоченной из реек изгороди загона, а Джастин направился к загону. Пастухи снова стали подводить к нему овец. Серый маг касался рукой каждого животного. По окончании процедуры примерно две трети животных вернулись к основному стаду. Остальные остались за белым забором.

Медленным, размеренным шагом Серый маг направился ко мне. Солнце поблескивало в его волосах, и теперь-то уж точно было видно, что они стали наполовину седыми.

— Откуда столько хаоса? — спросил я.

— Почем мне знать? — ответил он, устраиваясь на низкой изгороди.

— В последние два дня ты был погружен в себя, смотрел в какие-то дали, ведомые одним магам, и мало на что обращал внимания. Я не знаю толком тебя и ничего не смыслю в магии, но, похоже, это занятие — больше, чем простая работа.

— Ты прав,— отозвался он, покачав головой.— Природа стремится к равновесию, а Отшельничий на сей раз зашел слишком далеко... надеюсь,— последнее слово Джастин еле слышно пробормотал себе под нос.

Я нахмурился:

— Ты НАДЕЕШЬСЯ, что Отшельничий зашел слишком далеко?

— Не в том смысле. Я надеюсь, что это вопрос естественного баланса, а не нечто похуже. Ладно,— он оторвался от забора и зашагал к дальним строениям,— пойдем поедим. Там, в овине, накрывают на стол.

Обед состоял из горячего супа, холодной баранины, сыра, черного хлеба, клюквенного джема и неограниченного количества горячего сидра. Сытная еда помогла мне справиться с усталостью, но едва я начал ощущать себя человеком, как мы потопали к следующему стаду, чтобы начать все сызнова.

Второй день прошел точно так же, как и первый, а третий — как второй, с той лишь разницей, что время до полудня ушло у нас на дорогу к новому месту. Каждый день ненадолго появлялась герцогиня, и вид у нее был такой же пасмурный, как и у Джастина. Четвертый день сложился не так уж плохо, хотя вернуться в гостиницу нам удалось, лишь когда стемнело.

— Возьми в своей комнате смену одежды и приходи ко мне,— сказал Джастин.

— Зачем?

— Вымоешься как следует.

В маленькой клетушке за кухней мне и впрямь удалось вымыться горячей водой с мылом. Оставив там позаимствованные пастушьи наряды и переодевшись в свое, мы вернулись в комнаты. Оказалось, что моя кровать застелена чистой простыней, одежда вычищена щеткой, а сапоги так просто сияют. А на постели лежит маленький кошелек с пятью золотыми.

По моему разумению, эти деньги достались мне недаром.

К тому времени, когда мы сели ужинать, столовая уже опустела, огонь в камине горел неярко. Подавал нам сам трактирщик. Телятина была удивительно нежной, соус — пряным и сочным, а золотистое вино — прекрасным, как осень. Пожалуй, мне впервые довелось получить удовольствие от спиртного. Ни Джастин, ни я не открывали рта, пока не покончили с основным блюдом и не взялись за сладкое.

— Ты хорошо потрудился, Леррис,— заметил Серый маг.

— Вижу, ты добываешь деньги тяжким трудом,— промолвил я в ответ на похвалу.

— С такой порчей мне не случалось сталкиваться, почитай, с самого начала,— пробормотал Серый маг, задумчиво поглаживая подбородок.

— Ты поминал Отшельничий. Мол, Отшельничий «зашел слишком далеко». Что ты имел в виду?

— Я ожидал, что действия Отшельничьего против герцога отдадутся рикошетом, но все произошло слишком быстро. Признаки недавние, свежие, как будто...

— Как будто — что?

Я отправил в рот сладкий кусочек.

Он пожал плечами:

— Ну... как будто ты отправился с Антонином.

— А разве такое возможно? Разве можно так быстро посеять такой хаос?

— Наведение порчи не требует больших затрат энергии. Разрушать всегда легче, чем созидать. Но то, с чем мы столкнулись, заставляет подумать, будто Сефии с Антонином помогли — либо Герлис, либо Верлия. Или же Сефия обрела большую силу. А в это...— он покачал головой и отпил вина.— В это верится с трудом.

— А что, Мастера хаоса не работают вместе?

— Сотрудничество противоречит самой сути Белой магии, не считая тех случаев, когда срабатывает связь между мужчиной и женщиной или между учителем и учеником. Кроме того,

великие маги редко испытывают необходимость в чем-либо подобном, ибо мало кто дерзает им противостоять.

— Но ты же противостоишь,— решился возразить я.

— Не напрямую. Для этого я недостаточно чист в отношении гармонии,— Джастин поднял бокал.— Ну, хватит. Мы устали, а завтра нам отправляться в Джеллико.

— Что, и там овцы?

— Чему тебя только учили? Это земледельческий край.

— А...

— Хорошие семена дают хорошие урожаи. В Кертисе выращивают масличные бобы, из которых получают ароматное лампадное масло, пользующееся спросом в Хаморе...

Я зевнул. Что ни говори, а некоторые стороны деятельности, сопряженной с гармонией, определенно нагоняли на меня тоску. Но семена на худой конец не пахнут... а коли и пахнут, то не так, как эти проклятущие овцы.

XXXIII

Тянувшаяся по левую руку от нас линия деревьев примерно в кай впереди упиралась в какую-то рощицу. Светившее с ясного светло-голубого неба солнце растопило выпавший снег, оставив обнаженными сжатые поля и пожухлые луга.

Как только мы пересекли Монтгренскую Теснину и перебрались в Кертис, обширные выпасы и огороженные загоны уступили место нивам. Хижины встречались теперь почаще и размерами были побольше, зачастую с приусадебными постройками, но в целом вид местности нагонял скуку. Да и то сказать, что за радость — таращиться без конца на одинаковые поля, изгороди да амбары, и какая в них может быть заключена гаромония?

Впрочем, Джастин на сей счет помалкивал, а я к нему не цеплялся.

Неожиданно Гэрлок заржал, встряхнул гривой и замедлил шаг. Роузфут тут же последовала его примеру.

Я вопросительно взглянул на Джастина.

— Пить хотят,— пояснил он.

— А там, впереди, часом не источник?

— Он самый. Насколько мне помнится, там даже есть что-то вроде беседки.

— Беседки?

— Скорее, просто навес, крыша на четырех столбах.

Увы, беседка оказалась разрушенной упавшим на нее дубом. От ее обломков к источнику спускалась тропинка. Я спешился и повел Гэрлока к воде. Пони, однако, беспокойно ржал и

всматривался в ближние деревья. Я тоже присмотрелся к ним, однако ничего особенного не увидел. И присутствия хаоса тоже не уловил.

— Пей, лошадка, а я наберу свежей водички...

Бросив поводья на седло, я достал свою флягу.

Гэрлок снова заржал.

— Дружище, тут тебе, конечно, не теплая конюшня, но вода чистая. Чего тебе не хватает?

Стоя чуть выше Гэрлока по течению, я вновь проверил источник чувствами, а потом даже обмакнул ладонь и осторожно слизнул с нее влагу. Все было в порядке — холодная вода и ничего другого. Присев на корточки, я попил, стараясь не навернуться с поросшего бурой травой берега, утер лицо рукавом, наполнил флягу и вставил ее в футляр.

И тут я, наконец, понял, что Джастин куда-то запропал.

Взяв в руки посох, я поднялся вверх по склону, где вместо Серого мага увидел какого-то незнакомого малого, выскочившего из-за здоровенной копны соломы. Он был в кольчуге и маленьком шлеме. Уставив в мою сторону острие обнаженного меча, он прохрипел:

— Еще один паломник...

Удрать от него для меня не составило бы труда, даже не вскакивая на Гэрлока, однако бегство не представлялось мне разумным выходом. Во-первых, я не знал, куда подевался Джастин, а во-вторых, у нападавшего могли быть сообщники, скрывающиеся в засаде с луками, арбалетами или ружьями. Поэтому я расставил ноги, перехватил поудобнее посох, и спросил:

— Чего ты хочешь?

Вопрос, по-моему, вполне разумный, даже если он обращен к грабителю с безумным блеском в глазах и мечом в руке.

— Всего-то навсего твою лошадь и твои деньжата.

— А не многовато?

— Да чтоб ты сдох, проклятый паломник! Все вы одинаковы!

Он взмахнул мечом. Потом еще раз. Я даже подивился такой неловкости. После третьего удара его клинок полетел на твердую глину.

Я выжидал — попробует он подобрать меч или пустит в ход поясной нож?

Его глаза перебегали с посоха на меч и обратно. Потом он вздохнул:

— Может, разойдемся?

Я кивнул. И утратил бдительность. Из засады выскочил второй грабитель. Доверчивость стоила мне продырявленной полы плаща. Я пожалел, что вообще не сбросил это стеснявшее одеяние. Второй грабитель сделал выпад, но поскользнулся, про-

махнулся и отступил. Я использовал его замешательство, чтобы сбросить плащ, встать в удобную стойку и сосредоточить внимание на своем противнике. Глаза его налились кровью, но руки не дрожали.

Он сделал несколько обманных движений, однако меня они не обманули. Я даже не шелохнулся.

Отступив назад, разбойник вложил меч в ножны, буркнул себе под нос: «Проклятые чародеи», а потом, уже более внятно, произнес:

— Прошу прощения, молодой господин, я не знал, кто ты.

Я тем временем старался держать в поле зрения обоих незадачливых разбойников.

Надетые поверх кольчуг солдатские кожаные куртки у обоих на плечах выцвели малость поменьше, к тому же там имелись маленькие дырочки. Оба явно спороли наплечные знаки различия, причем совсем недавно.

Их кольчуги можно было назвать доспехами лишь с большой натяжкой: они выдержали бы разве что попадание стрелы на излете или слабый скользящий удар. Но мечи вполне годились для боя.

Ни один из них не был отмечен явственной печатью хаоса, хотя, конечно же, и ощущения гармонии от этой парочки не исходило. Более всего они походили на заурядных наемников, которые по истечении контракта решили заняться разбоем.

— Что, иметь дело с магами не так-то приятно? — иронично полюбопытствовал я.

Солдат постарше, с заметной сединой в волосах, молча сплюнул на дорогу. Его товарищ не сводил глаз со своего меча, валявшегося на замерзшей глине.

— Можешь подобрать его, но чтобы из ножен — ни-ни! — распорядился я.

Держа посох наготове, я дождался, пока и второй грабитель вложит клинок в ножны.

— Ладно, у меня нет желания причинять вам вред...— начал я.

— Ха! Прошу прощения, молодой чародей, но ты этого просто не можешь!

Старший из разбойников снова сплюнул.

— Это не совсем верно, любезный друг,— возразил я с приветливой улыбкой.— Да, убийство и разрушение не по моей части, но почему бы мне не устроить так, чтобы с каждым твоим дурным поступком твой нос не удлинялся на размер большого пальца? Или чтобы ты просто снова начал расти, как в детстве?

— Что? — малый, которого я обезоружил, оторопело таращился то на меня, то на своего сообщника.

— Для такого ты слишком молод,— промолвил тот неуверенно.

— Верно,— я снова улыбнулся.— Поэтому мне трудно сказать заранее, что у меня получится. Но, поскольку я не стану обращаться к хаосу, любой результат, чем бы он ни обернулся для вас, мне не повредит.

— Мы просто хотим есть,— сказал грабитель, побледнев и уже без угрозы в голосе.— После убийства герцога... А дожди сгубили урожай...

— А почему вы не остались на службе у нового герцога? Правителям всегда нужны солдаты.

У обоих забегали глаза.

Подумав, что я мог бы прекрасно обойтись и без этой истории, я вновь поудобнее перехватил посох.

После затянувшегося молчания тот, что помоложе, почесал скулу и сбивчиво начал:

— Ну... Дело такое... Это не мы решили. Грентер — он был командиром отряда — послал нас устроить облаву на каких-то паломников...

Должно быть, у меня поднялись брови.

— Это было еще при старом герцоге,— торопливо вставил седовласый.— Но они, паломники эти, прослышали о нас. И смылись оттуда, где мы должны были их накрыть.

— А это где?

— Во Фритауне. В гостинице «Приют путников».

— НАЗЫВАЛАСЬ?

— Чародей сжег ее. Говорят, ему пришлось туго, хоть он и был с помощником. Мы этого не видели — Грентер послал нас ловить паломников, пока они не убрались из города.

Молодой разбойник огляделся по сторонам, посмотрел на меня и поморщился.

Тонкое облачко затянуло бледное солнце, а усилившийся ветер погнал по дороге сухие листья.

— Мы — я, стало быть, Херрис — это вот он будет, да Доррет с Симмзом догнали двух ихних баб. На свою голову. Одна блондинистая была, а другая чернявая. Бедняга Доррет так и не понял, что случилось.

— А что случилось?

— Да то, что белобрысая метнула нож ему в глотку так прытко, что я и не заметил. Он грохнулся и захлебнулся своей кровищей. Симмз хотел было проткнуть ее своим клинком, да куда там! У чернявой красотки тоже был меч, и оказалось, что против нее он все одно что новобранец.

Херрис, солдат постарше, прокашлялся и невесть в который раз сплюнул. Я посмотрел на него.

— Файдор все верно рассказывает, как оно было,— подтвердил он.

— А вы двое чем в это время занимались?

Херрис одарил меня угрюмым взглядом:

— У белобрысой мерзавки оставалось еще два ножа, и она хотела пустить в ход оба. А подруга ее — прирожденная убийца. Проткнула Симмза с улыбочкой, не поморщившись.

— Выходит, вы дали им уйти?

Оба смущенно отвели глаза, но потом Файдор, глядя в землю, сказал:

— Я заорал, позвал на помощь, и прибежали еще трое наших.

— Только не говори, что две женщины убили и их,— промолвил я не без сарказма в голосе. Признаюсь, мне приятно было послушать, как Ринн и Кристал отделали герцогских вояк.

— Не всех. Один парень, Горсон, удрал и отделался потерянной рукой. А двоих других бабы прикончили.

— А вы-то двое, как же вы?

Оба опять опустили глаза. Херрис опять сплюнул:

— Бабы-то ведьмы были, как пить дать. С проклятого Отшельничьего. Я с этим отродьем связываться не стану.

— А куда они подевались?

Файдор, избегая моего взгляда, пожал плечами:

— Нам не докладывали. Может, в Кифриен подались. Самодержец ценит женщин, хорошо владеющих клинками. Этой дорогой они точно не шли, а стало быть, двинулись горами или побережьем.

— А ты, господин чародей, вроде бы как и не удивлен,— заметил Херрис.

— Мне доводилось скрещивать клинки с той, черноволосой...

— Тебе? Клинки?

— Точнее сказать, мой посох с ее клинком.

— Прошу прощения, — промолвил Херрис, отступая назад.— Весьма сожалею. Лучше бы нам вовек не встречаться ни с ними, ни с тобой, ни с какими другими чародеями.

По его примеру попятился и Файдор. Пятились они довольно долго, а потом разом повернулись и, то и дело оглядываясь, почти бегом поспешили в сторону Вивета.

Я проводил их взглядом.

— Весьма впечатляюще, Леррис,— послышался знакомый голос. Джастин сидел на Роузфут близ поваленного дерева и, надо полагать, был свидетелем всего произошедшего.

То, что он бросил меня отбиваться от грабителей в одиночку, вызывало во мне злость. А то, что отбиться удалось успешно — гордость. Но Джастину до этих моих чувств не было никакого дела. И спросил я его совсем о другом:

— Как ты ухитряешься исчезать, не испуская тепловых волн?

Серый маг улыбнулся:

— Это вопрос практики. Думаю, ты уже сейчас мог бы добиться невидимости путем искривления световых потоков, но, чтобы избежать того, что ты называешь тепловыми волнами, необходимо уравновесить температуру по обе стороны силового зеркала.

— Это не ответ на вопрос.

— На такой вопрос одним словом не ответишь. Кое-что я попробую растолковать по дороге, а остальное найдешь в твоей книге. Пока ты разбирался с этой парочкой, Роузфут попила, так что — поехали.

Он не прикоснулся к поводьям, но его лошадка повернулась обратно к дороге.

— В МОЕЙ книге?

— Леррис, понять, что у тебя на уме, можно и не умея читать мысли. Ты явно с Отшельничьего. У тебя есть задатки, позволяющие стать незаурядным Мастером гармонии. Ты удивился — не заинтересовался, а именно удивился — увидев мой экземпляр «Начал Гармонии»...

Серый маг устремил взгляд на северо-запад.

Поняв намек, я отправился за Гэрлоком, благо идти пришлось недалеко — пони дожидался на вершине склона. Забравшись в седло, я припустил вдогонку за Джастином.

Поднимавшиеся в небо струйки серого дыма сносило к северо-западу, а на юго-востоке снова сгущались тучи. Следовало опасаться дождя или, хуже того, дождя со снегом.

— Далеко ли до Джеллико? — спросил я Джастина, поравнявшись с ним.

— Больше дня пути.

— А сколько по дороге селений?

Серый маг слегка улыбнулся:

— Селения-то по дороге попадаются, да по большей части маленькие, меньше Вивета или Хаулетта. Там не найдешь даже постоялого двора.

Мы молча проехали некоторое расстояние, после чего я вернулся к интересовавшему меня вопросу:

— Как получается, что ты исчезаешь и я не вижу тепловых волн?

Серый маг закашлялся, а затем ответил вопросом на вопрос:

— Что такое зрение?

Мне с трудом удалось сдержать вздох разочарования. Я ведь задал прямой, понятный вопрос и расчитывал на такой же ответ. А вместо того сам же и должен отвечать.

— Зрение — это когда ты видишь что-то или кого-то.

Джастин вздохнул:

— Что такое зрение как физический процесс? Неужто тебя этому не учили?

Надо полагать, мое недоумение в полной мере отразилось на моей физиономии. Я решительно не понимал, о чем он толкует.

— От солнца исходит свет, белый свет хаоса. Падая на какой-либо предмет, он отражается от него. Это действие, отражение отчасти гармонизирует свет. Отраженные лучи попадают в твои глаза. То, что ты видишь — это не сам предмет, а отразившийся от него свет, поэтому когда света нет, ничего и не видно. Может быть, я сложно объясняю, но это основные принципы. Ты что-нибудь понял?

Ну в конце концов я не был таким уж безнадежным тупицей!..

— Конечно, понял. Мои глаза воспринимают отражение реальности, а не саму реальность. Значит ли это, что, когда я ощущаю вещи внутренним чувством, это ощущение может быть правдивее, чем зрение?

Джастин, не сводя глаз с дороги и не глядя на меня, кивнул:

— Да. Помни только, что некоторые реальные объекты недоступны прочувствованию, а иные, тронутые хаосом, могут причинять вред, не будучи реальными,— он снова прокашлялся.— Способов достижения невидимости существует много, но все они основаны на одном из двух принципов. Первый заключается в воздействии на мысли: ты просто внушаешь человеку, будто он не видит того, что на самом деле видит. Это хаотический способ, ибо он разрушает связь между восприятием и действительностью.

— А гармонический?

— Он гораздо сложнее...

Я кивнул. Манипуляции с гармонией всегда сложнее.

— Свет распространяется не лучами, прямыми, как стрелы, а волнами, подобными волнам в океане. Свет может быть вплетен в мысли, хотя это требует специальных навыков, и может быть направлен в обход тебя. Так, чтобы он обогнул тебя, не коснувшись. Действие не столь уж трудное, но оно может оказаться опасным, если твое невизуальное восприятие недостаточно развито.

— Невизуальное восприятие?

Стоило мне начать что-то понимать, как он тут же подкидывал неизвестное словечко.

— То, о чем ты говоришь — «распространить чувства»,— пояснил Джастин.

— Вот как... а почему?

Джастин покачал головой и выдал какую-то невнятицу насчет базовой психологии и волновой теории.

Через некоторое время после того, как мы спустились по пологому склону, я снова обратился к нему с тем же вопросом.

— Леррис,— буркнул Серый маг,— почему ты не пользуешься своими мозгами? Они, знаешь ли, предназначены для того, чтобы думать.

Я ждал.

— Если ты изолируешь себя от света, тебя не увидят. Но и сам ты видеть не сможешь. Но хватит, простых ответов больше не будет. Имея ответ готовеньким вместо того, чтобы додуматься до него самому, ты забудешь его с той же легкостью, с какой получил.

Получив эту отповедь, я довольно долго не издавал ни звука. Если не считать громкого бурчания моего желудка.

XXXIV

Джеллико. Чем отличался он от Фритауна, Хрисбарга, Хаулетта и прочих местечек, именовавших себя городами?

Для начала, Джеллико был обнесен стенами. Стенами, вздымавшимися на добрых тридцать локтей. И содержали их в идеальном состоянии. Даже полозья — ложбинки для задвигающихся ворот — были превосходно смазаны и поддерживались в безупречной чистоте. А охрану этих ворот осуществлял полный взвод — никак не меньше дюжины солдат в серых кожаных мундирах.

— Мастер магии, ты опять заехал в наши края? — голос сержанта звучал почтительно, но без подобострастия, что вполне соответствовало состоянию его ухоженной амуниции и крепких сапог.

Двое из его подчиненных занимались тщательным осмотром корзин и тюков в фургоне, влекомом одним-единственным осликом. Еще один проверял содержимое заплечного мешка какого-то разносчика.

А наверху, за зубчатым парапетом стены, скрывалась пара арбалетчиков, просматривая вымощенное камнем пространство двора, где происходил досмотр.

— Магам свойственно путешествовать,— ответил Джастин.

— А этот юноша? — полюбопытствовал сержант, которого звали Кетран, кивнув в мою сторону.

— Мой ученик... во всяком случае в настоящее время.

— Ученик из соображений удобства, а, Мастер магии?

Джастин уставился на сержанта таким взглядом, что тот отступил назад и кивнул:

— Прошу прощения за беспокойство, господа.

Лицо его побелело.

Я тронул поводья, и моя рука скользнула по посоху, бывшему сейчас невидимым. Это воспоминание доставило мне удовольствие: приятно было подумать о том, что я научился скрывать от постороннего взгляда небольшие предметы, обволакивая их потоками света. Между тем молодой торговец затрепетал в лапах второго досмотрщика.

Я бросил взгляд на Джастина.

— Гашиш? — ровным голосом осведомился пристав.

— Ничего подобного! — взвизгнул торговец.

Один из стражей уронил взгляд на меня. Я снова хлестнул поводьями, давая Гэрлоку возможность унести меня подальше от гранитных стен Джеллико.

— Они казнят его? — спросил я, когда Серый маг нагнал меня.

— Нет,— кратко ответил Джастин, сворачивая на боковую улочку.— Не казнят.

Проехав шагов пятьдесят в глубь города, я понял, что здешний виконт поддерживает в своих владениях строгий порядок. На улицах, даже боковых, не было ни куч мусора, ни попрошаек, ни назойливых лоточников.

— Так что с ним будет? — повторил я свой вопрос.— С этим поселянином?

— Никакой он не поселянин. Просто молодой недоумок, нанявшийся провести фургон. По первости ему заклеймят лоб, ну а если попадется вторично, тогда уж будет казнен на главной площади.

— Всего-то навсего за контрабанду?

— Гостиница будет за углом,— буркнул Джастин.

— Но все-таки, за что?

— За неповиновение виконту. Можно провозить в город вино и пиво, а наркотики запрещены. Равно как запрещено и занятие магией без личного дозволения виконта, заверенного печатью. А также попрошайничество, проституция и торговля без той же самой печати.

Взглянув на свой посох, который помимо меня мог увидеть только неплохой маг, я поежился.

— Сначала поставим наших пони в конюшню.

Гостиница называлась «Джеллико». Не слишком оригинально, но город Джеллико, похоже, вообще не отличался оригинальностью.

— А какого рода магия одобряется виконтом?

— В основном целительство, причем гармоническое.

— А что, существуют и Белые целители? Разве хаос способен исцелять?

Джастин покачал головой:

— Целительство, Леррис, как и любая иная магия, имеет две формы. Одна помогает восстановить телесное гармоническое начало. Нечто вроде естественных лубков или усиление сопротивляемости болезни. С овцами мы проделывали нечто подобное, но в случае с людьми все сложнее. С некоторыми хворями можно справиться, уничтожая вызывающие их крошечные существа. Это хаотическое действие и для неумелого мага — весьма рискованное. Изволь лучше прочесть свою книгу, там все написано. Но вот о чем стоит тебе напомнить, так это об отсутствии у тебя санкции виконта. То, что ты мой ученик, тебе не поможет. А вот книга помочь может.

В этот момент мне больше всего хотелось взять свой невидимый посох и огреть Серого мага по макушке. Можно подумать, будто у меня есть лишнее время на чтение. Правда, указывать на это Джастину едва ли имело смысл, потому как он непременно спросил бы, давно ли вообще завелась у меня эта книженция. Но, с другой стороны, до недавнего времени решительно никто не снабжал меня сведениями, позволявшими предположить, что эту книгу вообще есть смысл читать.

Я решил зайти с другой стороны:

— Если виконт так не любит магию, почему он раздает разрешения целителям?

— Из-за денег. Целитель, имеющий разрешение, отчисляет виконту определенный процент доходов.

Когда мы с Джастином добрались-таки до конюшни, нам пришлось чистить своих лошадок щетками. Не знаю уж почему, но в больших городах горных пони числят чуть ли не дикими зверями, и конюхи решительно не желают иметь с ними дела.

Джастин по причине большего навыка управился со своей задачей быстрее и предложил мне присоединиться к нему в трактире после того, как я закончу обихаживать Гэрлока и хорошенько припрячу свой посох.

Ветер стих, вновь выглянуло солнышко, и внутренний дворик, по которому я направлялся в трактир, выглядел довольно приветливо.

Стоило зайти внутрь, как Джастин тотчас отвел меня к угловому столику в общей зале. Большинство столиков было занято, а камин давал столько тепла, что в помещении чувствовалась духота. Здесь было довольно уютно: темные панельные стены, низкий потолок, столы из красного дуба.

— Золотое вино,— сказал девушке Джастин.

— Сок,— заказал я. И тут же осведомился: — А что у вас из еды?

— Пирог с бараниной, бараньи отбивные и тушеное мясо разных сортов.

— Бери тушенку,— предложил Серый маг.

Совет пришелся кстати — после трех дней в Монтгрене баранина, хоть она и была там превосходной, порядком мне осточертела.

— Отшельничий что-то затевает,— промолвил Джастин своим обычным невозмутимым тоном.

— Что именно? — не понял я.

— Не знаю, что именно, но ты в этом участвуешь.

Я безмолвно поднял глаза. Говорить ничего не стал — обошелся взглядом. Серый маг добавил:

— Нет, конечно же, не осознанно. Однако подозреваю, что тебя используют. Ваши Черные Мастера переправили в Кандар невероятно одаренную группу. Слишком одаренную.

Я ждал разъяснений. И они на этот раз не замедлили:

— Ты излучаешь столько гармонии, что это просто немыслимо для одного человека. Та черноволосая с клинком... О ней сразу пошли толки, которые заставили забыть о другом, более важном убийстве. И этот проповедник...

— А как насчет остальных?

— Про белобрысую с ножами ты уже слышал, а о прочих наверняка мог бы рассказать мне куда больше, чем я знаю.

Вот этого я решил не делать. Если Тамра да Миртен еще не попали в поле зрения тех, кто тут заправляет, то оно и к лучшему. Я в таком деле не помощник.

— Почему ты считаешь отправку группы преднамеренным действием Мастеров Отшельничьего? — спросил я.

— Вообще-то это лишь догадка. Уж больно ты юн для такого дела. Это беспокоит меня больше всего прочего.

Джастин заглянул в свой бокал и умолк. Так ничего и не сказал, даже после того, как нам принесли мясо.

Поднимаясь наверх, я с сожалением отметил, что к верховой езде мои ноги еще не привыкли.

Комната со свечой и двумя узкими койками казалась достаточно подходящим местом, чтобы заняться чтением. Я вытащил из мешка книжицу в черном переплете.

Вступление, как я уже понял, представляло собой немыслимую нудятину. Лишь перелистав книгу до второй половины, я обнаружил нечто, имевшее, на мой взгляд, хоть какой-то смысл. Впрочем, тоже не весьма явственный: речь там шла о выравнивании металлов (кто бы еще знал, что это значит), о выявлении внутренних напряжений в физических телах, динамике погодных процессов и методах применения гармонии в механизмах, использующих тепло.

Уразумев, что уж это-то все для меня и впрямь непостижимо, я задался вопросом: стоит ли дать себе пинка или начать все сначала? Выходило, что почти полгода я носил в вещевом мешке ответы на многие собственные вопросы — правда, мне все равно было не под силу уразуметь их смысл. Но ни давать себе пинка, ни начинать все сначала я не стал. А углубился в раздел, посвященный целительству, поскольку все прочее превосходило мою способность справляться со скукой.

В конце концов, рациональное зерно в этой писанине имелось. По прошествии времени я более-менее уразумел, что мы такое проделывали с овцами герцогини и что имел в виду Джастин, говоря о внутренней телесной гармонии.

— Эй, ты уже убедился. что в книге есть толк?

При появлении Серого мага я едва не слетел с койки — уж больно задумался и зачитался. Шея — и та затекла.

— Далеко продвинулся?

— Да так, почитывал насчет целительства,— проговорил я.

— Я так понимаю, введения ты так и не одолел?

— Нет... Несколько раз пробовал, но это нагоняет скуку...

Джастин зевнул, стянул тунику.

— Вернешься к этому, как только сможешь. Я вот не смог и теперь за это расплачиваюсь.

Он повернулся ко мне спиной и стянул сапоги. Я закрыл книгу.

После стольких дней, проведенных в седле, стоило бы хорошенько выспаться на приличной постели.

Только вот... Некоторые соображения не давали мне покоя. Джастин всего о своей работе так и не рассказал. А потом, оставались еще Тамра и Кристал. Насчет Кристал я кое-что слышал, а вот Тамре стоило бы себя обозначить... Я, мне кажется, должен был бы услышать о ней... или почувствовать? Не пропала же она бесследно!

Наконец я провалился в темную пропасть сна. Через некоторое время меня пробудил сильный холод. Поежившись, я попытался перевернуться. Но не тут-то было.

Помешала белизна!

Белый туман обволок меня настолько плотно, что не давал возможности ни видеть, ни шелохнуться, ни вымолвить хотя бы слово. Я оказался в западне — в ловушке сияющего ничто, пустоты, прожигавшей мои мысли насквозь.

ТЫ ОБЕЩАЛ... Беззвучные слова эхом отдались в голове, но все мои попытки откликнуться не увенчались успехом. Однако что-то и прояснилось — в ловушке белизны находился вовсе не я, а человек, пытавшийся оттуда до меня докричаться. Мне было знакомо это ощущение.

Однако все это могло оказаться просто кошмарным сном. Или... или Джастин поймал меня снова, повторив тот же трюк? Я не ощущал своего тела, не мог двинуть ни одним мускулом... Я знал, что нахожусь в своей постели, и в то же время пребывал где-то... где-то...

ТЫ ОБЕЩАЛ УКАЗАТЬ ПУТЬ... ПУТЬ...

Белое марево, слепящий сознание туман пронзали желтые, красные, синие, фиолетовые стрелы. Разя насквозь, поражая каждую мысль.

Потом дверь закрылась, и белизна исчезла.

Взмокший от пота, я сел на постели в кромешной тьме.

ТЫ ОБЕЩАЛ...

Эти беззвучные слова по-прежнему отдавались эхом в моих мыслях, и мне казалось, что в них есть определенный смысл. Но я никому ничего не обещал. Даже и не думал.

А потом пришла мысль, заставившая сжаться мое сердце. Мне очень, очень хотелось верить, что Тамра не угодила в такую же западню белизны, какую показал мне Джастин.

Только вот уверенности в этом у меня не было.

XXXV

После завтрака, съеденного в компании пары угрюмых кавалеристов (Джастин, как водится, куда-то запропастился по своим чародейским надобностям), я наведался к Гэрлоку в конюшню. Тот встретил меня неодобрительным ржанием.

— Что, приятель, обычное сенцо тебе не больно-то по вкусу? — спросил я. Посох, по-прежнему зачарованный, стоял в углу стойла. Я не трогал его с тех пор, как одно прикосновение разрушило все чары невидимости и мне пришлось наводить их снова. Серый маг все мои старания по укрытию посоха оценивал немногословно и отнюдь не восторженно.

И вот тут, когда мне бы спокойно заниматься собой да лошадкой, откуда-то снаружи донесся крик. Слабый, но все же достаточно громкий для того, чтобы привлечь мое внимание.

Человек разумный, само собой, просто пропустил бы этот шум мимо слуха. Однако болван, каким являлся ваш покорный слуга, ухватив свой посох, тут же ставший видимым, выскочил из конюшни. Я пересек внутренний двор и выскочил в проулок, где и нарвался на пару хорошо одетых головорезов. Один, пониже ростом, оттолкнул к стене жалкую, оборванную женщину.

Другой, повыше, выхватил было меч, но, завидев мой посох, неожиданно рассмеялся:

— А, парень, ты и так покойник! — и, обращаясь к своему сотоварищу, бросил: — Валим отсюда, Билдал.

Не удостоив больше взглядом ни меня, ни съежившуюся на брусчатке кучу тряпья, они нарочито небрежно удалились. Вокруг же меня все — и окна, и двери — оставалось наглухо закрытым.

Куча тряпья тем временем преобразилась в черноглазую, сгорбленную и заплаканную женщину с сильно ободранной левой щекой. Она придерживала разорванную, покрывавшую грудь блузу и закусывала губы от сильной боли.

— Делай со мной что хочешь, Черный дьявол,— пролепетала она.— Все равно ты теперь покойник.

У меня отвисла челюсть. Человек избавил ее от грабителей и насильников, а его за это обозвали «Черным дьяволом»!

— Виконт покарает тебя.

Я пожал плечами, словно мне дела нет до этого виконта, и коснулся посохом ее поврежденных запястий.

— Оооох!

Что именно я сделал, сказать было трудно. Работа с овцами и чтение книги не прошли для меня даром. Мои мысли и чувства коснулись костей и нервов, линий хаоса и гармонии, составлявших причудливую картину живого человеческого организма.

— Ооох! — простонала женщина уже тише и изумленно уставилась на свои руки.

— Ты еще не исцелилась полностью, и когда это произойдет — сказать трудно,— промолвил я,— так что будь поосторожней.

В ответ на мои слова — причиной было, скорее, внезапное очищение организма от хаоса — бедняжка лишилась чувств. Повесив таким образом на меня еще одну проблему. Интересно, как объясню я наличие у себя на руках избитой, бесчувственной женщины, случись мне столкнуться с патрулем?

Дела явно оборачивались не лучшим образом. Правда, исцеленная мною особа после выздоровления будет выглядеть моложе и привлекательнее, чем раньше, но исцелил-то я ее незаконно!

Но бросить пребывающую в беспамятстве женщину в переулке я не мог. А стало быть, мне оставалось тащить ее назад к трактиру, в весьма слабой надежде остаться незамеченным. Впрочем, этой надежде не суждено было сбыться.

— Что это ты приволок? — полюбопытствовал пузатый старший конюх, невесть откуда объявившийся на внутреннем дворе.

— Потаскушку, да еще с утра пораньше! — загоготал один из давешних кавалеристов.— Ну ты и шустряк! Может, поделишься добычей?

— Она малость не в себе,— неопределенно откликнулся я, направляясь к дверям конюшни, где был встречен ошарашен-

ным взглядом Джастина. Впрочем, стоило Серому магу приметить разорванную одежду и исцарапанное лицо несчастной, как он спросил:

— Ей нужен целитель?

— Только отдых,— отозвался я.

— Неси ее сюда.

— Эй, мне в моей конюшне только потаскух не хватало,— встрял толстяк. Однако спустя мгновение он уже прятал в кошель полученную от Джастина монету и весело ухмылялся: — Ладно, взгляну-ка я лучше, как у меня дела с кормом...

Кавалерист тоже усмехнулся, но, когда я поволок свою добычу в конюшню, вмешиваться не стал.

— Что ты с ней сделал? — шепотом спросил Джастин, помогая уложить женщину на охапку соломы.

— Ничего... особенного...— я задыхался. Теперь я чувствовал себя так, словно пробежал целый кай по песку.

— Идиот! Ты исцелил ее! Много ли народу видело твой посох?

— Хуже того... я им воспользовался... Эти головорезы... и она тоже... она обозвала меня, но я все равно ее исцелил,— говоря все это, я накладывал попону на Гэрлока.

Джастин обернулся к конюшенному мальчишке, стоявшему разинув рот, и, хотя не сделал ни жеста, паренек повалился на солому.

— Что ты с ним сотворил? — удивился я.

— Просто погрузил в сон. Но теперь тебе надо убираться отсюда, да побыстрее.

— Прежде чем сцапают за незаконное чародейство?

— Чем болтать попусту, скажи лучше, как ты собираешься выбраться из города?

— А кто может задержать невидимку?

Покачав головой, Джастин направился к своим седельным сумам. Покуда я седлал своего пони, Серый маг достал и вручил мне битком набитую торбу из выцветшей мешковины. Содержавшую, по моей догадке, бульшую часть Джастиновых припасов. В тот же миг мешок пропал, оказавшись невидимым.

— Следи за этим, приятель,— сказал Джастин.— Расслабившись и забыв об осторожности, можно мигом превратиться в мишень. Ладно, схожу-ка я за твоей котомкой.

Затянув подпругу и приладив на место посох, я сплел вокруг него световые потоки — даже не сплел, а просто изменил путь их отражения от дерева и стали. Сталь представляла собой особую проблему: делая ее невидимой, было невозможно избежать эффекта «тепловых волн». Как, видимо, это было в случае с кораблями Братства.

К тому времени, когда я подготовил Гэрлока, Джастин вернулся в конюшню с моими котомкой и плащом.

— Тебе пора.

— А ты что будешь делать?

— Да уж найду что,— грустно улыбнулся маг.— Сам посуди, какой ты мне ученик? Ты вольный чародей, сумевший всех провести.

— Спасибо,— я не хотел отрекаться от ученичества, однако он был прав.

— Не за что. Будем надеяться, что тебе все же удалось коечему выучиться. Путь через Рассветные Отроги нелегкий, но ты одолеешь его, если отправишься южным перевалом. А сейчас садись на Гэрлока и делайся невидимым. И...— он снова покачал головой.— Внимательно следи за тем, чтобы ни с кем не столкнуться. Если у соприкоснувшегося с тобой есть хотя бы небольшое чувство гармонии, это может раскрыть структуру светоотражения. И не сочти за великий труд прочитать введение к книге ДО ТОГО, как вздумаешь отмочить что-нибудь еще.

Выслушав напутствие Серого мага, я уселся на Гэрлока и окружил нас искривленными световыми потоками.

Пони заржал. Быть слепым ему не нравилось. Мне тоже.

— Успокойся, приятель,— я потрепал его по холке.

Ощущение было более чем странным: я оказался в коконе бесформенной черноты, куда снаружи проникали лишь звуки. Однако я не стал тратить время на попытки разобраться в собственных ощущаниях и пятками побудил Гэрлока двинуться вперед. Медленно — поскольку воспринимать людей или предметы «невизуально» я был способен лишь на незначительном расстоянии.

Цоканье копыт Гэрлока отдавалось в моих ушах громом. Последнее, что я слышал, выезжая, был недовольный голос кавалериста:

— Эй, конюх! Куда запропастился этот мальчишка? Гнедой стоит нечищенный...

Держась кирпичной стены проулка, я выехал на улицу и направил пони в сторону площади. Ближе всего от гостиницы располагались восточные ворота, однако я полагал, что некоторое время у меня в запасе есть. Во всяком случае, пока стража не допросит ту женщину и усыпленного Джастином мальчугана.

Однако очень скоро среди обычного уличного шума раздались зычные возгласы: «Дорогу! Дорогу стражам!»

Четверо конных стражей рысью скакали к гостинице, которую я только что покинул. Я едва успел убраться с дороги.

Лоб мой покрылся испариной, струйка ледяного пота заползла за шиворот. Поводья в руках казались скользкими.

Гэрлок заржал.

Я погладил его, чтобы успокоить.

«...Дорогу!..»

«...какая лошадь? Тебе почудилось...»

За поворотом мы оказались на улице, где уже не было возможности жаться к стенке: по обе ее стороны находились мастерские и лавки. Мне пришлось направить пони на середину дороги, непрерывно поглаживая его и одновременно напрягая все чувства, чтобы ни с кем не столкнуться.

«...во Фритауне-то, толкуют, бунт. Солдаты бунтуют. Ну и позорище...»

«...А слышал, что говорят о самодержце?..»

«...на рынке ничего стоящего не сыщешь...»

«...лопни мои глаза, ежели вон там не появилась лошадь! И тут же пропала...»

Я утер взмокший лоб.

Копыта цокали и цокали по мостовым Джеллико. Мы осторожно продвигались к южным воротам.

— Дорогу! Дорогу страже!

«...небось важную птицу ловят! Второй отряд за утро...»

Мне удалось благополучно избежать столкновения с еще пятью всадниками. Однако напряжение не прошло даром — я выбрал неверный поворот и оказался на улочке, ведущей назад, к рыночной площади.

«...пять грошей за фунт бататов?»

«...Не устраивает, ищи где дешевле...»

Развернуть Гэрлока на узкой улочке, ни с кем не столкнувшись, стоило мне таких усилий, что я усомнился — а стоило ли вообще делаться невидимым до подъезда к воротам? Но эти сомнения были тут же отброшены. Ведь тогда мне пришлось бы исчезнуть у ворот, а там полно народу.

Я вздохнул — видать, слишком громко — под открытым окошком, и оттуда тотчас донесся возглас:

— Кто здесь?

Удвоив осторожность, я направил пони к южным воротам. Возможно, обычным зрением я не углядел бы там ничего особенного: камень, створы да дюжина караульных, но мои настороженные чувства позволили обнаружить над воротами огромный котел с маслом, помещенный над несколькими горелками. Меня пробрала дрожь. Котел был укрыт от взора примерно тем же способом, что и я сам. Кто-то из служивших славному виконту знал этот фокус.

Но пути назад не было, и я медленно двинулся под арку, поглаживая Гэрлока по холке.

«...что под тем мешком?..»

«...Открывай котомку, да поживее...»

— Черный посох в городе!

— Где Ирилен?

Разговор, проходивший между начальником стражи и прибывшим к воротам пешим гонцом, мне совсем не понравился.

— Ирилен на стенах.

— Доставить сюда! А каков он с виду, этот Черный посох?

Когда звучали эти слова, я уже выезжал из-под арки на южную дорогу. Однако успокаиваться было рано. Если вызванный начальником стражи маг прибудет скоро, меня мигом нашпигуют стрелами. Крепостные арбалеты бьют далеко.

То, что стражники усилили проверку, само собой, вызвало толчею на дороге, а это не способствовало быстроте нашего продвижения. Лишь отъехав от города не менее чем на кай, я позволил себе несколько расслабиться. Но светового щита не убрал. На таком расстоянии маг виконта — Белый он, Серый или Черный — едва ли смог бы разоблачить мою маскировку, но, появись на дороге ниоткуда всадник, за ним немедленно погнались бы верховые. И Гэрлоку, при всей его прыти, едва ли удалось бы унести ноги от кавалерийских скакунов. В горах — пожалуй, но не на ровной дороге.

Дорога, вскоре превратившаяся из мощеной в глинистую, постепенно забирала на юг, к смутно различимым горам. Через некоторое время ворота Джеллико пропали из виду, скрывшись за невысокой грядой холмов.

Однако, несмотря на значительное удаление от города, дорога не пустовала. По ней катили подводы, скакали всадники, проехали две почтовые кареты. Приходилось нам огибать и пеших путников.

Волнистая равнина по обе стороны дороги была разбита на аккуратные квадраты сжатых полей. Хижины при всей своей бедности не источали хаоса.

Наконец мы миновали перекресток, и тракт почти обезлюдел. Я улавливал лишь присутствие одинокого всадника.

Холмы по сторонам дороги становились все круче. Обработанные поля уступили место скошенным лугам.

И вот, наконец, я рискнул расплести свой щит.

День выдался облачным, небо затягивали серые, взбаламученные облака, у обочины кустилась жухлая травка — но еще никогда в жизни все окружающее не виделось мною столь ярким! Выше по склону паслись черномордые овцы, облик которых донельзя осточертел мне за время работы в Монтгрене. Но видеть их ГЛАЗАМИ казалось сейчас настоящим счастьем.

Только сейчас я решился смочить пересохшее горло глотком воды из фляги. Не зная, какое неосторожное действие мо-

жет разрушить наше укрытие, я все это время не прикасался ни к чему, кроме поводьев.

В небе, словно приветствуя мою удачу, прогрохотал гром, и первые дождевые капли упали на мое лицо. Начиналась гроза, но в тот миг мне на это было плевать.

XXXVI

К вечеру, однако, непогода воспринималась мною уже совсем по-другому. Мало того, что дождь зарядил ледяной, так еще и дорога сделалась скользкой, как стекло. Искать укрытия было негде. Крутые придорожные холмы не имели ни пещер, ни скальных выступов.

Но в конце концов я нашел выход. Отклонил от себя и Гэрлока потоки воды и градины с помощью силового щита, подобного тому, каким отклонял потоки света. Поддержание его требовало куда большего напряжения, и каждый новый раскат грома буквально опустошал меня.

Наконец ледяной ливень и град сменились снегом, сначала густым, но быстро редевшим. Ограждаться от легких хлопьев оказалось легче, чем от ледяных струй. Ближе к полуночи рядом с кустистой живой изгородью, где притулились мы с Гэрлоком, намело изрядный сугроб, обеспечивший нам дополнительную защиту от ветра. Это позволило мне чуток расслабиться и развести костерок. В конце концов я нырнул в спальный мешок, расплел силовой щит и провалился в сон.

Из которого — уже стылым, снежным и ветреным утром, меня вырвал пронзительный крик стервятника. Я машинально приподнял голову... и она едва не раскололась от боли.

Послышался стон, вроде бы мой собственный. Боль поутихла, но не прекратилась совсем, даже когда я опустил голову на спальный мешок. Шелест снега — и тот отдавался в моем черепе громом, а руки мои болели больше, чем в первые дни работы у дядюшки Сардита. Даже больше, чем после кошмарных тренировок у Гильберто.

Я понимал, что пора вставать и отправляться в путь. Чертов стервятник буравил меня алчным взглядом.

Голова у меня трещала, все тело болело, а мороз стоял такой, что я выдыхал даже не пар, а мельчайшие сухие льдинки. Решив, что мне может помочь глоток воды, я потянулся за флягой, но тотчас выронил ее из замерзших рук. Ее содержимое за ночь превратилось в лед.

От костра осталась кучка золы. Пальцы мои окоченели, поскольку я не заменил обгоревшие во Фрвене перчатки. Заготовленный мною для костра хворост смерзся.

Гэрлок фыркал и ржал, и каждый звук пронзал мои уши. Ноги мои сводило судорогой, а попытка развести на ветру костер удалась только с четвертого раза.

Об обращении к магии не приходилось и думать — я не хотел попросту уничтожить свой организм. Но, с другой стороны, мне едва ли следовало особо опасаться погони, а значит, и нужды в щите невидимости больше не имелось. Когда костерок-таки разгорелся, я нашел пакет с прессованным зерном и накормил Гэрлока. Заодно мы и погрелись — и от огня, и друг от друга.

Потом я достал из торбы котелок, растопил снега и, отпив сам лишь несколько капель, напоил пони. Наскоро перекусив, я заполз обратно в спальный мешок.

К следующему моему пробуждению костер снова прогорел, небо затягивали бесформенные серые облака. Порывами налетал ветер, а головная боль так и не прошла.

Чтобы развести костер на сей раз, мне пришлось ковылять по снегу вдоль живой изгороди, собирая щепки и хворостины, но в конце концов огонь разгорелся. Я погрелся, поел, попил, и мне чуток полегчало. Спешить в дорогу не имело смысла, тем паче что и дорогу почти полностью занесло. Кое-где намело сугробы по пояс.

Никакого определенного времени мне назначено не было, однако я еще не добрался даже до Рассветных Отрогов. А возможность перевалить их сейчас представлялась мне весьма сомнительной.

Я заставил себя съесть еще несколько лепешек. Все тело оцепенело. Когда я попытался встать, меня затошнило, и к глазам моим подступили слезы.

До чего же все-таки это несправедливо... Впрочем, кому нужна справедливость?

Я стал потихоньку собираться в путь.

С трудом навьючивая на Гэрлока парусиновый мешок с Джастиновыми припасами, я с тоской подумал, когда же, наконец, я научусь заботиться о будущем? За те считанные минуты, которые ушли у меня на сборы перед бегством из Джеллико, Джастин успел снабдить меня дорожной снедью куда более основательно, чем я запасался когда бы то ни было.

Вспомнив о Джастине, я не мог не загрустить — мне уже недоставало Серого мага. Однако, так или иначе, рассчитывать теперь приходилось только на себя, а я по-прежнему слишком мало знал о реальном мире. Кроме того, в определенном отношении Джастин не слишком отличался от моего отца, Тэлрина, Тамры и полудюжины прочих, знавших куда больше меня, но не желавших этими знаниями делиться.

Наконец примерно около полудня мы с Гэрлоком продолжили наше путешествие. Выбирать дорогу я предоставил пони, ловко избегавшему труднопроходимых мест.

Ему, похоже, путешествие доставляло удовольствие. А вот мне — нет. Голова моя по-прежнему ныла, глаза жгло, горло саднило, руки дрожали.

Время от времени я вытаскивал из-за пазухи флягу и отпивал уже полузамерзшей воды. Меня бил озноб, то и дело бросало в пот.

Ближе к вечеру, когда небо уже темнело, склоны Рассветных Отрогов заметно приблизились. Толщина снежного покрова уменьшилась — здесь снегу выпало примерно по щиколотку. И — что еще важнее — под снегом почти не было ледяной корки.

Головная боль сменилась легким головокружением и ощущением слабости.

Я начал подыскивать место для привала, но начинались предгорья, и холмы по сторонам становились все выше и круче. Однако смеркалось, и мне поневоле приходилось высматривать любое укрытие, пригодное хотя бы для защиты от ветра. Вроде давешней живой изгороди.

Впрочем, ночь на холмы еще не спустилась, и мы вполне могли бы проехать еще некоторое расстояние. Но тут впереди недалеко от дороги замаячило темное пятно, вскоре обретшее очертания заброшенного строения. При попытке проверить его на упорядоченность, ко мне вернулась уже почти позабытая головная боль. Однако хижина была свободна от хаоса. И хотя вместо ставен и дверей там оставались одни зияющие проемы, а половина черепиц с крыши давно обвалилась, она вполне годилась для ночлега. Найдя внутри обломки сорванных дверей и окон, я развел огонь, после чего мы поели и заснули.

Утро выдалось холодным, но терпимым. Тучи понемногу редели, пропуская лучики света. Ветер налетал легкими порывами.

Больше всего радовало отсутствие головной боли, хотя спина и все мускулы еще ныли. В сравнительно теплой темноте хижины Рассветные Отроги казались совсем близкими, словно я мог дотянуться до склонов, поросших хвойным лесом.

Это, конечно, не вполне соответствовало действительности, однако к середине утра мы добрались до столба с указателем дороги на Фенард.

Не более чем в кай за указателем я углядел ручеек, над которым поднимался теплый — во всяком случае, чуть теплее окружающего воздуха — туман. Отпустив Гэрлока попить, я наполнил флягу и с удовольствием вымыл лицо и руки. Мой пони, между тем, сумел отыскать несколько пучков почти зеленой травы.

Впервые после бегства из Джеллико у меня появилась возможность заглянуть в подаренный мне Джастином мешок при дневном свете. Но даже сейчас я едва не просмотрел сложенный пополам белый листок с надписью «Леррису».

Поскольку голова моя еще немного кружилась, я не стал разворачивать записку, а первым делом набросился на галеты и приправленные специями сушеные яблоки.

Подняв глаза и придя к неутешительному выводу, что небо темнеет и дело, похоже, опять идет к непогоде, я торопливо закончил трапезу и вновь взобрался в седло.

Дальнейший наш путь пролегал по узкой дороге, шедшей на подъем, изгибаясь среди все более высоких холмов. За каждым поворотом я одним глазом всматривался в окрестности — нет ли где путника или хижины? — а другим косился на небо.

XXXVII

Как ни странно, но примерно через десять кай, когда даже неутомимый Гэрлок чуток сдал, дорога опять пошла под уклон.

Я не переставал удивляться противоречию между пустынным характером местности и содержавшимися в идеальном порядке дорожными ограждениями и арочными каменными мостами. Дорожных указателей, правда, не было и в помине, но не замечалось и ни малейших признаков хаоса.

Наконец дорога привела в маленькую долину к трем приземистым каменным строениям. Над двумя из них поднимались струйки дыма.

На каменном столбе на краю долины красовалась надпись «Карсонн». Никаких пояснений, только надпись. Саму долину окутывал едва заметный дымок, с запахом, опреде-лить который мне не удалось. Но не огня и не серы. Трава здесь оставалась чуть ли не зеленой, да и снег у дороги не был особенно глубоким. Покачав головой, я сплел ограждение вокруг большого мешка со снедью и тронул поводья.

У центрального строения, под облупившейся вывеской с изображением то ли ковша, то ли чашки, меня встретил худущий — кожа да кости — мужчина.

— Добро пожаловать в «Золотую Чашу», путник,— промолвил он безразличным тоном.

Целиком каменное, под остроконечной черепичной крышей, с узкими дверями и окошками строение предназначалось для того, чтобы противостоять непогоде. В узеньком окошке за спиной трактирщика я приметил нацеленный на меня арбалет.

— Не лучший способ проявить гостеприимство,— кивнул я в сторону бойницы.

— Не все прибывающие из Кертиса настроены по-дружески. И не все уверяющие, будто они из Кертиса, и вправду оттуда.

Я предпочел не развивать эту тему.

— Комната и горячий ужин?

— Три золотых с тебя и серебреник за лошадку.

— СКОЛЬКО?!

— Нам приходится возить провизию либо из Джеллико, либо из Пассеры,— отозвался трактирщик, пожимая плечами.— Не устраивает, можешь ехать дальше. Или — за серебреник — остановиться на лугу.

Ни то ни другое меня не вдохновляло.

— Ладно. Но за три золотых я рассчитываю на горячую ванну и приличное угощение. И чтобы пони задали не только сена.

— Ну, горячая вода у нас сыщется,— отозвался трактирщик с едва заметной усмешкой.— И даже настоящий суп.

Конюшня с каменными стенами оказалась почти пустой, но с чистыми стойлами. В одном конце стояли черная кобыла и два мула. Рослый гнедой вскинулся, когда я проводил Гэрлока мимо него.

Даже валясь с ног от усталости, я начищал шкуру Гэрлока щеткой, покуда она не заблестела. Трактирщик принес деревянную бадью с овсом. Любопытно, но при всем своем гоноре этот малый предпочитал держаться от горного пони подальше.

Седло я положил на полку, а мешок со снедью и посох спрятал в углу.

— Припасов-то у тебя немного,— заметил подошедший трактирщик.— Но на четыре дня пути до Пассеры должно хватить. Да и пони твой, надо думать, не шибко прожорлив. Это для тебя к лучшему, а то фуража у нас не густо.

— Пожалуй, я прикупил бы зерновых лепешек

— Полсеребреника за пару.

Я молча покачал головой. Чтобы не назвать это вымогательством и неприкрытым грабежом.

— Сперва ужин. Потом ванну и постель.

— Как пожелаешь, только деньги мы берем вперед .

Обычно трактирщики хотя бы притворяются любезными, но этот и не думал.

Ужин в маленькую, прекрасно обогретую столовую подала пухлая женщина в заляпанном белом переднике. Пряные яблоки, жиденький, но хорошо проперченный картофельный суп, толстые ломти жесткой баранины с еще более жестким хлебом — все это исчезло в несколько мгновений.

— Для такого худенького юноши аппетит у тебя отменный,— заметила женщина, которую я счел женой содержателя гостиницы. Сам он куда-то запропал.

— Дорога была долгой и ненастной,— ответил я, пожав плечами.

— Так ведь нынче теплее, чем бывает обычно в это время.

— Это в горах, а над холмами Кертиса прошла настоящая буря.

По лицу женщины промелькнуло недоуменное выражение, но разговор о погоде она продолжать не стала.

— Угодно что-то еще?

— Покажи мою комнату и ванную.

— Пойдем, отведу тебя в комнату. А ванная там,— она указала в направлении конюшни.

Бегло осмотрев комнатушку — судя по расстоянию между дверями в коридоре, самую маленькую из полудюжины — я оставил там плащ и седельные сумы, а деньги, спрятанные в кошеле, взял с собой. Женщина повела меня к ванной по коридорам с голыми каменными стенами.

Горячая вода у них действительно имелась: она поступала из горячего источника, к которому и была пристроена каменная умывальная комната. Вода имела особый металлический привкус и запах — тот самый, который и витал над долиной. Странным дымком мне наверняка показался пар, поднимавшийся над другими подобными источниками, которых в этой долине было немало.

И чем бы ни пахла это вода, купание в каменном бассейне доставило мне невероятное удовольствие. Я вытерся толстым коричневым полотенцем, лишь сделавшись красным как рак.

А после позволил себе без спросу выстирать свое нижнее белье. В конце концов, три золотых давали мне право на некоторые поблажки. Во всяком случае, завидев меня возвращавшимся к себе в комнату в одних штанах, с выстиранной одеждой, ни трактирщик, ни его жена не сказали ни слова.

В комнате, единственное узкое окошко которой выходило на луг, находились кровать, узкий платяной шкаф и свеча. Во вращающуюся раму закрытого окна было вставлено настоящее стекло шириной в добрых две пяди, а на кровати имелись простыни и старое шерстяное покрывало. Глаза мои слипались, но, уже собравшись было задуть свечу, я заметил торчавший из поясного кошеля краешек так и не прочитанной Джастиновой записки.

Я сел на кровать и развернул записку. В некоторых местах буквы налезали одна на другую — совершенно очевидно, что писал Джастин в спешке, на первом подвернувшемся клочке плотной бумаги.

«Леррис!

Путешествуя, даже маг может быть уловлен в западню во сне. Прежде чем лечь спать в незнакомом прибежище, ПРО-

ЧТИ раздел о предохранительных мерах!

И ради собственного же блага попытайся одолеть ВСЮ книгу, ЦЕЛИКОМ, пока ты еще не успел совершить слишком много ошибок. Постарайся выкроить время на чтение и размышление, что невозможно, если ты все время в пути.

Дж.»

Поскольку Серый маг уже неоднократно оказывался прав, я свесился с кровати, вытащил из торбы «Начала Гармонии» и пролистал все разделы, пока не дошел до «Охранных мер». Подавляя зевки, я прочел раздел до конца и, хотя мало что уразумел по части теории, понял, что эти фокусы будут, пожалуй, попроще того, что я проделал с потаскушкой из Джеллико, или даже экранов, предохранявших от непогоды. Что мне в этих чарах нравилось, так возможность навести их раз и оставить — они могли действовать без постоянного сознательного контроля. А не нравилось то, что по сути они не охраняли, а лишь предупреждали. Правда, мне подумалось, что за этим может стоять и нечто большее, но, будучи не в том состоянии, чтобы проявлять избыточную догадливость, я запер дверь на засов, положил под голову нож и задул свечу. Веки мои сомкнулись раньше, чем погас свет.

Сон — мне снились бесконечные горные тропы — оборвался так же резко, как и начался. В комнате царила кромешная тьма, но по обводу двери светились мои охранные чары. Они-то и пробудили меня.

Дверь тихонько скрипела.

Стряхивая остатки сна, я потянулся за ножом, но тут же, чуть ли не со смехом, выкрикнул:

— Эй, вы там! Чего надо?

Никто не отозвался, хотя я и чувствовал присутствие двух тел за дверью. Они ждали. Ждал и я.

Потом дверь заскрипела, словно на нее надавили.

— На вашем месте я бы этого не делал,— слова мои прозвучали почти небрежно, хотя в действительности я гадал, что же предпринять, если пытавшиеся заглянуть в комнату не остановятся и перед попыткой взломать дверь.

Шум за дверью стих. Больше всего мне хотелось спать, однако я предпочел пораскинуть мозгами.

Дверной засов едва ли выдержит несколько сильных ударов. Если трактирщик решил ограбить меня, то, скорее всего, попробует вломиться. Но почему он не сделал этого сразу?

Ступая босиком по каменному полу, я подошел к двери, обследовал ее своими чувствами и хлопнул себя по лбу.

Этот негодяй трактирщик, видимо, не любил сталкиваться со своими жертвами напрямую, он просто захватывал их в плен.

И сейчас он и его жена не пытались заглянуть ко мне, а просто закрыли дверь с другой стороны, задвинув наружный засов. После чего ушли, убежденные в том, что узкие окна и толстые стены исключают возможность бегства.

За свои три золотых я превратился в пленника.

Что вовсе не входило в мои планы.

Подойдя к окошку, я начал тщательно прощупывать чувствами крепление рамы. Если удастся выдвинуть штыри...

Над окном я трудился совершенно бесшумно — сказывались уроки дядюшки Сардита. В конце концов штыри вышли, а поскольку перепады температуры повлияли на состояние добротного, но старого клея, мне удалось вынуть окно и осторожно втянуть его в комнату.

Мой плащ, торба и седельные сумы полетели на мерзлую траву. Окажись я на фунт тяжелее, мне не протиснуться бы в оконный проем, но, к счастью, путешествие не сделало меня толще.

Вернув окно на прежнее место, я закрепил его с помощью магии гармонии и, крадучись, направился к конюшне. Гэрлок стоял на месте и жевал травку. Установив новый охранный круг, я свернулся на соломе и заснул прямо в стойле.

Разбудили меня не охранные чары, а первый намек на утренний свет. Трактирщик не появлялся, что позволило мне спокойно оседлать Гэрлока да еще и забрать из фуражного ящика шесть лепешек из прессованного зерна. По правде сказать, имея припасы Джастина, я мог обойтись и без этого, но Гэрлок определенно заслуживал дополнительного поощрения. А коварный трактирщик — наказания. Впрочем, поразмыслив, я все же оставил в ящике четыре медяка. Возможно, многовато, но оставить меньше мне не позволило мое распрекрасное, прирожденное и постоянно возрастающее чувство гармонии. В конце концов, при всем более чем сомнительном гостеприимстве трактирщика, фураж едва ли достался ему даром. Так или иначе, положив в ящик монеты, я почувствовал себя лучше.

Открыв дверь конюшни, я окутал нас с Гэрлоком плащом невидимости, и мы вышли наружу, в тишину зимнего рассвета.

Копыта зацокали по твердой земле.

Проехав по лугу примерно кай, мы добрались до ручья. Остановившись, я убрал щит и оглянулся, высматривая признаки погони, но над постоялым двором еще даже не поднимался дымок. После этого я снова оградил нас щитом и сделался видимым, лишь когда мы добрались до дорожного столба со стрелкой и надписью «Пассера». По обочинам дороги намело сугробы, однако саму дорожную полосу вымело ветром почти начисто, как будто ее очистили специально.

Не зная, кому и чему здесь можно доверять, я решил не останавливаться в следующем трактире, а свернул на ночлег в ближайшую к дороге расщелину. Правда, чтобы забраться туда да еще скрыть наши следы, мне потребовалось больше трудов, чем для установки охранных чар на дверь какого-нибудь трактира, но спалось мне здесь все равно спокойнее. И хотя я проснулся с замерзшим кончиком носа, мне не пришлось выкладывать за это три золотых.

Подъем к перевалу оказался не столь мучительным, как путешествие под снежным бураном, но столь же долгим. Я взобрался на гребень через два дня после бегства из Карсонна. За это время мне повстречались три группы путников, направлявшихся в Кертис, причем каждая состояла по меньшей мере из четырех хорошо вооруженных всадников. Один из таких отрядов облегчил мне путь, проторив дорогу сквозь небольшой снежный завал.

Само собой, нас с Гэрлоком никто из них не видел. Стоило мне заслышать голоса или стук копыт, мы отступали в сторону и становились невидимыми.

Погода все это время оставалась холодной, облачной, с порывами ветра, бросавшими в лицо сухие снежные хлопья. С самого перевала не открывалось никакого обзора. Просто до какого-то момента тропа между скальными стенами шла вверх, а потом вниз. И лишь после дня пути под уклон и ночи, которую я провел, дрожа даже в спальном мешке, мне открылся вид на равнины Галлоса. Дальше, на протяжении почти трех кай, тропа лепилась к горному склону. Примерно на полпути вниз я укрыл Гэрлока в придорожной пещере, а сам, выбравшись на подходящую площадку, обвел взглядом расстилавшиеся внизу земли. Обзор облегчало то, что день, впервые после отъезда, выдался по-настоящему солнечным.

Передо мной расстилался Галлос. Грязновато-бурую равнину расчерчивали тонкие, неровные серые линии, наверняка представлявшие собой каменные ограды, и гораздо реже — более широкие и кривые ленты дорог.

Внизу справа, где дорога отделялась от скал и уходила в лесистые холмы, над лощиной поднимались дымки. Надо полагать, там и находилась Пассера.

Опершись спиной о нагретый солнцем черный гранит, я внимательно перечитал записку Джастина. До сих пор мне так и не удалось прочесть книгу полностью, а горный склон представлялся для этого не самым подходящим местом. Однако Джастин уже не единожды оказывался прав... Из этого следовало, что, прежде чем продолжить спуск к Пассере, мне стоит хорошенько пораскинуть мозгами насчет будущего.

Помимо элементарного выживания, передо мной стояли две проблемы. Обе разрешимые, но обе требовавшие решения. Во-первых, моя мошна, и с самого начала не столь уж тугая, начинала истощаться.

Во-вторых, я по-прежнему не имел ни малейшего представления о цели и задачах моего путешествия. А это отнюдь не вдохновляло.

Если я буду прежним манером заезжать в города и нарываться на неприятности, то рано или поздно нарвусь либо на арбалетную стрелу, либо на ружейную пулю.

Стоило поразмыслить еще вот над чем. Буря, настигшая меня в холмах Кертиса, определенно имела неестественное происхождение. Нет, совсем не естественное. Кто-то явно пытался, но так и не смог обнаружить мое местоположение даже с помощью магии.

Кроме того, существовал еще вопрос с Гэрлоком. Почему, например, он не подчинялся конюхам, но совершенно не артачился со мной? Случайно ли вообще мы с ним оказались во Фритауне одновременно?

Я перевел взгляд на золотисто-коричневую шкуру моего верного спутника, размышляя о том, что менее выносливое животное не смогло бы вынести всего того, что выпало на нашу с ним долю.

Вздонув, я потянулся к нему чувствами... и опешил.

Гэрлок был горным пони, но не совсем обычным. Подобно тому, как я усиливал гармоническое начало в монтгренских овцах, кто-то усилил его в Гэрлоке, да так, что пони просто не мог выносить присутствия хаоса. Это могло объяснить, почему он лягал того конюха. Но в объяснении нуждалось нечто гораздо большее.

Неужто все это было подстроено и предусмотрено заранее — кем-то, кто был куда дальновиднее меня?

Мне определенно следовало не просто прочесть книгу, но уразуметь, как можно использовать содержащиеся в ней сведения. А для этого требовались время и место, где я мог отсидеться, не привлекая к себе внимания. Особенно с учетом того, что о моем исчезновении из запертой комнаты мог прослышать Антонин или какой-то другой Белый маг, который за мной охотился.

Правда, оставалось совершенно неясным, зачем я этому магу понадобился. Ведь тот же Джастин представлял для него куда большую угрозу. Да, пожалуй, даже и Тамра... Тут я покачал головой. Куда же она все-таки могла подеваться?

Если я не хотел привлечь к себе внимания, мне не стоило объявляться в Пассере. Похоже, в путь через Отроги здесь пускались только отрядами, а одинокого путника сочтут либо ча-

родеем, либо просто вором. А при мне, даже с учетом последних трат, имелось достаточно монет, чтобы свидетельствовать в пользу последнего предположения.

По всему выходило, что я должен постараться незаметно добраться до Фенарда. В достаточно большом городе можно попробовать найти место подмастерья у столяра. Если мастеру нужен помощник, он не станет задавать лишних вопросов.

Я вздохнул. Почему-то чем больше размышляешь, тем больше обнаруживаешь сложностей.

Копыта Гэрлока зацокали по камням. Длинный склон вел нас к Пассере, а в конечном счете — к Фенарду.

XXXVIII

Поигрывая ножом, едущая верхом светловолосая женщина смотрит сначала вперед, а потом на пузатого торговца, шагающего рядом со вьючным мулом.

— Пока все спокойно.

Торговец таращится на едущую впереди вторую женщину. Черноволосая, постарше первой, она выглядит изящной даже в мешковатой, выцветшей голубой тунике. Под ее седлом покрытый шрамами боевой пони.

Та оборачивается, ловит взгляд торговца и с едва заметной усмешкой касается рукояти клинка. Этот жест и улыбка заставляют купца поежиться.

— Видишь что-нибудь? — с запинкой спрашивает он.

— Пожалуй... В нашу сторону движется облачко пыли. Но это всего один всадник, так что все спокойно.

— Вы собираетесь поступить на военную службу? — скороговоркой выпаливает торговец.

— С чего ты взял? — спрашивает белокурая.

— Прошел слух, что Кифриен нанимает бойцов, причем мужчин или женщин — самодержцу без разницы. Были бы умелы.

— Ну, не знаю...— неопределенно отвечает светловолосая.

— Мы подумаем об этом, когда доставим тебя на место и получим причитающуюся плату,— со смехом добавляет женщина постарше.

От ее смешка торговец снова ежится.

Они едут дальше, но рука черноволосой так и остается на рукояти меча.

XXXIX

Миновать Пассеру было не так уж трудно, если не считать моста через реку, при въезде на который стояла охраняемая

башня. Башенка, пожалуй, задержала бы небольшую шайку разбойников, но вряд ли могла стать серьезным препятствием для нескольких десятков хорошо обученных и вооруженных воинов. Но я собирался не брать мост штурмом, а незаметно проскользнуть в ворота. А вот ждать, пока они откроются, пришлось долго. Моя способность к невизуальному восприятию развилась достаточно для того, чтобы я мог двигаться за щитом невидимости без особых затруднений, а цокот копыт заглушал шум журчащего под мостом потока. Но все равно было как-то неуютно сознавать, что от мечей стражи меня, в сущности, отделяет лишь тончайшая световая завеса. Пока мы пересекали мост, я не решался даже вздохнуть.

Дальше дело пошло легче. Я быстро оставил Пассеру позади. Едва я добрался до лесистых холмов, как снял защиту.

С этого момента мне предстояло стать странствующим краснодеревщиком, вынужденным из-за смуты покинуть Фритаун с одной лишь лошаденкой и несколькими медяками в кармане.

По мере продвижения в глубь равнины Галлоса холмы понижались, деревья редели, а воздух становился теплее. Каменные ограды у дороги уступили место дощатым, а там и штакетным заборчикам, казавшимся слишком хлипкими, чтобы удержать крупный скот или устоять на сильном ветру.

Сеть мелких, а порой и вовсе высохших каналов расчерчивала широкие сжатые поля.

На первом постоялом дворе после Пассеры я провел ночь в конюшне, по правде сказать, более чистой, чем задрипанная гостиница. Комнаты я не просил, но и за стойло с меня содрали пять медяков. Еще в медяк обошелся мне скудный завтрак.

Спустя еще день пути я оказался на равнине, совершенно плоской и почти начисто лишенной деревьев. Эту широкую и безлесную равнину примерно посередине пересекала широкая река Галлос. Через реку были перекинуты два параллельных каменных моста — каждый для движения в одном направлении — достаточно широких, чтобы по любому из них могла проехать крестьянская подвода. К концу третьего дня я снова оказался в холмистой местности и увидел радующие взгляд деревья. Правда, помимо деревьев обнаружилась и дорожная застава.

— Куда едешь, парень?

— В Фенард.

— Решил наняться в солдаты?

Я окинул взглядом двоих мускулистых воинов и покачал головой:

— Боюсь, боец из меня неважный. Мое дело — работа по дереву.

— А где твои инструменты? — полюбопытствовал узколицый стражник.

— В том то и беда, господин. Сам-то я из Фритауна, а там — такие дела...— я пожал плечами.

Стражники понимающе переглянулись.

— А оружие есть?

— Да вот, нож на поясе. Достаточно, чтобы я мог постоять за себя.

Вояки, надо отдать им должное, сделали все, чтобы спрятать ухмылки. Ну что ж, я бы на их месте тоже ухмыльнулся.

— Имей в виду, если тебе не удастся найти работу, ты должен или покинуть Фенард, или поступить в солдаты.

— Вот как? — переспросил я, стараясь выглядеть озадаченным.

— Вот так.

Послышался скрип тележных осей. Позади меня к посту подкатила повозка.

— Ладно, малый. Езжай.

Щелчок поводьями — и Гэрлок понес меня вперед и вверх по склону. Позади остались еще три холма и один мост, когда мы остановились у городских ворот. На северо-западе я приметил отблески вечернего солнца на пиках Закатных Отрогов.

В отличие от Джеллико, городская стена Фенарда (в которой имелись основательные бреши) мало годилась для обороны, да и проверка в воротах представляла собой чистейшую формальность. Страж, еще более вялый и скучающий, чем на дорожном посту, окинул меня взглядом и, махнув рукой, велел проезжать.

Оказавшись в городе, я остановил круглолицего ухмылявшегося мальчугана и спросил его, где находится квартал мастеров по дереву.

— Это которые бревна пилят? Так все лесопилки у нас за городом, как раз за Лесопильными воротами.

— Нет, я о столярах, краснодеревщиках.

— Тех, что мастерят шкафы да стулья?

— Ну.

— А это как раз перед воротами. По Рыночной улице, почитай, до самого конца. А за медяк я могу отвести тебя прямиком в таверну «Втулка», куда заходят выпить мастера Пэрлот и Джирл. Может статься, они и сейчас там.

— Для меня это немалый расход,— сказал я, бросая ему медяк.— Но так уж и быть, малец, держи.

Босоногий парнишка ухмыльнулся.

— Пошли. Двигай свои игрушечную лошадку.

Конечно, таверну «Втулка» я смог бы найти и сам, а медяк и вправду уже не был для меня пустяшной тратой. Но — в

последнее время я стал ощущать такие вещи острее — парнишка нуждался в этой монетке еще больше.

На перекрестке безымянного переулка и ведущей к Лесопильным воротам Рыночной улицы стояло двухэтажное бревенчатое строение. Каменной была лишь каминная труба, хотя стены со стороны улицы покрывала серая штукатурка. Под стрехами крыши сидели голуби.

Дородный лысый мужчина в кожаной безрукавке поднимал длинный шест к единственному на улице фонарю. Как раз в тот момент, когда мы с Гэрлоком обогнули толкавшего свою тачку жестянщика, фонарщик зажег лампу, хотя красноватый шар солнца еще не скрылся за горизонтом.

Двое сутулившихся мужчин в темных плащах, оба средних лет, подошли к низкому порогу со стороны Рыночной улицы. Один из них открыл дверь — изнутри донеслись смех и обрывки слов:

«...негодяи...»,

«...держаться подальше...»

— Вот эта таверна,— указал мой проводник.— Конюшня позади дома.

— Спасибо. Тебя как звать?

— Элрином. Нужен буду — так я, почитай, каждый день у восточных ворот.

Он повернулся и был таков.

Таверна «Втулка» представляла собой не столько постоялый двор, сколько питейное заведение, и в тамошней конюшне было всего-то пять стойл, но зато имелся и сеновал. За три медяка мне позволили переночевать там и во столько же обошлось стойло для Гэрлока. Конюх торопился вернуться в гостиницу — судя по мощным рукам и увесистой дубинке, основное его занятие состояло в поддержании порядка в питейном зале. И в том, чтобы набивать брюхо на кухне.

— Смотри, парень, чтобы никаких неприятностей,— сказал мне конюх-вышибала.— Не забудь запереть своего дикого пони в стойле.

Я кивнул и принялся чистить Гэрлока щеткой. Мне явно не мешало бы подкрепиться и послушать разговоры в таверне, но не следовало выказывать спешки. Задав Гэрлоку корму, я с нарочитой неторопливостью вошел внутрь таверны.

С полдюжины мужчин — каждый с тяжелой глиняной кружкой — гомонили, сидя за единственным в комнате круглым столом. Освещали помещение четыре тусклые настенные лампы. Кухонный чад смешивался с едким дымом горевших в очаге сырых поленьев. А поскольку к этому добавлялись еще запахи кислого вина, дешевого пива и потных тел, то лично мне конюшня представлялась куда предпочтительнее.

Да и общему столу я предпочел маленький столик в углу. Свободный — как я выяснил, уже сев за него — оттого, что был колченогим и шатался на неровных шероховатых половицах.

— Вина или пива? — спросила худощавая служанка с буйными черными волосами и бледным шрамом, пересекавшим правую щеку от уголка рта до уха.

— А сок есть?

— Стоит медяк, как и пиво.

— Его и принеси. А как насчет хлеба и сыра?

— За медяк получишь два ломтя хлеба и маленький кусочек желтого сыра. За два — четыре ломтя и кусочек белого.

— Два ломтя и желтый,— я положил монеты на стол и накрыл их рукой. Служанка кивнула и ушла.

В это время к шестерым сидевшим вокруг круглого стола мужчинам присоединился седьмой.

— Привет, Растен! Вечно ты последний. Ну как, забил твой подмастерье лошадь на костный клей?

— Эй, двойную порцию вина!..

Девица поставила кружку на мой стол с таким стуком, что сок пролился мне на руку, а когда я поднял глаза, она уже вовсю кокетничала с Растеном. Тот, похоже, не имел ничего против.

Двое молодых, чуть старше меня парней, сидевших за соседним отдельным столиком, говорили так громко, что обрывки их фраз были хорошо слышны, несмотря на гомон и гогот компании мужчин постарше.

«...что скажешь насчет Дестрина? Дочка-то у него...»

«...девчонка что надо...»

«...никакого будущего...»

Завидев служанку, приближавшуюся с хлебом и сыром, я заготовил медяки и вопрос:

— Кто тут Пэрлот?

— Вон тот,— она ткнула пальцем в сторону компании за круглым столом.— Седой, худощавый, второй от двери. Еще что-нибудь надо?

— Пока нет.

Она вернулась к своему занятию — флиртовать с Растеном.

Хлеб оказался не слишком свежим, но и не черствым, а вот сыр — острым и вкусным, лучше, чем я ожидал.

«...скамьи для... они хотели из черного дуба за такую цену! Можешь себе представить?»

«...в Рассветных Отрогах объявился еще один чародей... прошел сквозь стену...»

«...пустые россказни... малый смылся, не заплатив...»

Парни, сидевшие ближе ко мне, встали и ушли. Их места остались незанятыми.

Сидя на уголке лавки, я потягивал сок и прислушивался к трактирной разноголосице.

«...ученичество? С его дочкой? Это тюрьма...»

«...он не против золотой клетки. А ты, Сандер? Согласился бы?»

«...как же...»

«...толкуют, стражи прежнего герцога пытались захватить дворец...»

«...Северный Кифриен...»

«...пустыня...»

«...самодержец им покажет...»

«...а в койку бы ты с ней...»

«...давай еще по одной...»

«...а за чей счет?»

Кухонный чад, едкий дым топившегося сырыми дровами очага и кислый запах низкопробных напитков терзали мое обоняние, но я упорно сидел в своем углу, потягивал сок и слушал, время от времени отмахиваясь от тощей служанки со шрамом, пытавшейся навязать мне новый заказ.

Пэрлот уже начал было вставать, но передумал и сел снова. Цепляться к мастеру-ремесленнику в таверне означало напрашиваться на неприятности, поэтому я дождался его ухода, после чего направился к Гэрлоку в конюшню.

Хотя дышалось там легче, чем в таверне, и было теплее, чем в Рассветных Отрогах, сон мой был беспокоен. В голове, словно эхо накрывшей меня в дороге бури, звучала фраза о «проходящем сквозь стены чародее». Под конец я все же заснул, однако встал и умылся еще до прихода конюха.

Не зная точно, где находится лавка Пэрлота, он указал мне общее направление, а я подмазал его еще одним медяком и попросил присмотреть за Гэрлоком в течение дня.

— Но смотри парень, только до вечера.

Под вывеской с надписью «Мастерская Пэрлота» находилась витрина с выставленными в ней шкафчиком с выдвижными ящиками и креслом — и то и другое из затемненного красного дуба, в хаморианском стиле. Изделия были лучше всего виденного мною после раставания с дядюшкой Сардитом, а шкафчик, пожалуй, даже удостоился бы его одобрения.

Поскольку дверь была приоткрыта и на пороге никто не стоял, я вошел внутрь.

В помещении, за перегородкой, мастер разговаривал с учеником и подмастерьем или работником — пареньком чуть постарше меня. Они обсуждали состав масла для отделки.

— Я сейчас подойду,— промолвил Пэрлот, завидев меня.

— Прошу не беспокоится, почтеннейший мастер,— отозвался я, уважительно склонив голову. Потом, подойдя к задней

стороне витрины, принялся рассматривать шкафчик, сравнивая его по памяти с изделиями дядюшки Сардита.

— И что ты об этом думаешь? — хрипло спросил ремесленник.

Я обернулся.

— Сдается мне, ты кумекаешь в столярном деле. И что скажешь об этой работе?

— Отделка безупречна, пропорции — тоже. Поскольку пазы скрыты, я не могу судить о качестве креплений, но ни щелей, ни перекосов нигде нет.

— А что скажешь насчет материала?

— Работа лучше, чем эта древесина. Для такого изделия лучше подошел бы черный дуб, но это увеличило бы цену и затруднило продажу.

Пэрлот кивнул:

— Ты ищешь работу, парень, это ясно. И дело ты знаешь, но я тебе ничем помочь не могу,— фраза была произнесена скороговоркой, словно он хотел поскорее отделаться от своих слов. Или от меня.

— Понятно,— в свою очередь кивнул я.— А не знаешь ли ты мастера, который мог бы взять работника или подмастерье?

Пэрлот потер подбородок:

— Из толковых... нет. У всех нас больше родни, чем работы. Разве что...— он рассмеялся.— Ежели у тебя руки так же сноровисты, как язык, попробуй обратиться к старому Дестрину. Может, чего и выйдет, хотя...

Ремесленник пожал плечами.

— А где его найти?

— За рыночной площадью, ближе к улице ювелиров.

— Что, сейчас не лучшие времена для краснодеревщика? — спросил я.

— Не лучшие, но для хорошего мастера и не худшие. Я, конечно, не Сардит, но кое-что у меня выходит ненамного хуже.

Мне удалось кивнуть, прежде чем у меня отвисла челюсть.

— А ты видел его работу, паренек?

— Да. Видел один комод — из черного дуба.

— А с чего тебя понесло искать работу?

— Я ушел из дому почти мальчишкой. Дядюшка учил меня ремеслу, но мне, по молодости лет, было скучновато, и он сказал, что мне не помешает пожить одному, посмотреть мир да людей и понять, чего я в жизни хочу. Я перебрался в Фритаун, и там у меня вроде бы все наладилось... а потом пошло прахом. Пришлось уносить ноги.

— Оттуда многим пришлось уносить ноги,— сухо отозвался Пэрлот.— Ну что ж, желаю тебе удачи. Попытай счастья у Дестрина, только на меня не ссылайся.

Я еще не успел подойти к двери, а мастер уже вернулся к своим делам.

Пешком, не заходя в конюшню за Гэрлоком, я отправился на поиски квартала ювелиров и мастерской Дестрина.

Его кирпичный, неоштукатуренный дом, зажатый между двумя более ухоженными строениями, я узнал по маленькой вывеске «Работа по дереву». На фасаде имелось две двери. Лестница за одной из них вела к жилым помещениям второго этажа. За второй, открытой, находились столярная мастерская и лавка.

Широкие ставни на единственном окне лавки были открыты и висели, чуточку перекосившись. Не подновлявшиеся годами крепления старых петель успели расшататься. Синяя краска на оконной раме и ставнях поблекла, а местами облупилась. Похоже, за главным зданием находилась пристройка, прежде служившая конюшней. Во всяком случае, все другие дома в этом квартале имели маленькие конюшни.

Зайдя в открытую дверь, я остановился на пороге мастерской.

Состояние, в котором она находилась, нельзя было назвать безобразным, однако мелкие признаки хаоса обнаруживались повсюду: в небрежно развешенных инструментах, опилках, собранных в ящик для мела, замутненности масла, предназначенного для работы с точильным камнем.

— Да?

Темноволосый, слегка сутулящийся человек с исхудалым лицом, в поношенном, но чистом фартуке поднял на меня хмурый взгляд.

— Могу я увидеть Дестрина?

— Я Дестрин,— ответил он слабым голосом.

— Меня зовут Леррис. Ходят толки, что ты заинтересован в помощнике.

— Хм...

— Я хотел бы наняться к тебе младшим подмастерьем.

— Даже и не знаю...

Он молча покачал головой, озирая свое начинавшее поддаваться хаосу хозяйство. Дестрин стоял возле еще не законченной лавки без спинки — не иначе как для питейного заведения. С первого взгляда я понял, что она сделана из трех разных пород дерева — скорее всего, из обрезков. Работа не то чтобы кустарная, но никак не соответствовавшая ни качеству инструментов, ни размерам дома и мастерской.

— Ну...— промолвил он наконец.— Ты мог бы сработать вещь не хуже этой?

— Пожалуй,— коротко ответил я, не желая портить все дело похвальбой.

— А чем докажешь?

— Сработаю что-нибудь на твоих глазах, а ты оценишь. Мне понадобятся только инструменты и обрезки древесины.

— Это хорошие инструменты. Уж не знаю, можно ли их тебе доверить...— голос его, все более слабый, внезапно перешел в какое-то бульканье, а потом он зашелся в кашле, да так, что вынужден был ухватиться за край верстака. Но даже при этом он не сводил с меня глаз.

— Так ведь я не прошу их взаймы. Буду работать под твоим приглядом. Если что не так — ты остановишь.

— Хм-м...

Приняв это за согласие, я принялся шарить вокруг и в конце концов нашел обрезок красного дуба, годный для разделочной доски, и несколько маленьких обрезков белого, из которых могла выйти крохотная шкатулка, вроде коробочки для иголок.

С инструментами дело обстояло хуже, чем с материалом. Изначально они действительно были великолепны, но пилы не затачивались годами, а некоторые рубанки даже не прочищались от забившей их стружки. С рубанками я кое-как справился — прочистил, смазал и заточил, но развести полотна для лобзиков не мог и ограничился тем, что их почистил.

Когда я разложил, наконец, заготовки для шкатулки, было уже хорошо за полдень.

— Отец...— голос донесся из открывшейся в глубине лавки двери.— Ой, я и не знала, что здесь кто-то есть!

В проеме стояла золотоволосая миниатюрная девушка, в отца худенькая, но с вполне сформировавшейся фигурой. Голосок у нее был тонким, тоже на отцовский манер, но не таким скулящим. Ее прямой нос я назвал бы длинноватым, а вот карие с зелеными крапинками глаза выглядели более чем привлекательно.

— Прости, если смутил тебя,— сказал я.— Меня зовут Леррис.

Она перевела взгляд с меня на отца и обратно.

— Вот, пытаюсь уговорить твоего батюшку взять меня на работу,— продолжал я нарочито небрежным тоном.

— Хм-м...— начал было Дестрин, но снова закашлялся.

Предположив, что для него это может служить способом избежать каких-либо высказываний, я тоже умолк и продолжил возиться с обрезками.

— Не пообедаешь ли ты с нами, Леррис? — предложила девушка.— У нас сегодня суп, фрукты и печенье.

Дестрин метнул на дочь недовольный взгляд.

— Спасибо за приглашение,— отозвался я,— но мне неловко принимать его, пока я не сделал ничего, заслуживающего внимания мастера Дестрина...— произнося эту фразу, я приметил, что столяр малость успокоился.

— Может быть, принести тебе пить и немного фруктов?

— Право не знаю... мне нужно работать.

Девушка опустила глаза, а потом повернулась и стала подниматься по лестнице.

Как это водится, работа заняла больше времени, чем можно было ожидать. Мне пришлось переналадить столярные тиски и подтянуть зажимы на рубанке. Да и распилить все быстро не удалось. Ножовки были далеко не такими острыми, как у дядюшки Сардита.

На то, чтобы проглотить пару нарезанных ломтиками яблок, запив их соком из щербатой кружки (девушка принеслатаки мне угощение), ушло всего несколько минут, но к тому времени, когда я склеивал последние соединения, уже близился час ужина. Дестрин весь день хмыкал над своей лавкой, едва успев закончить работу к тому моменту, когда я поместил маленькую шкатулочку из белого дуба в тиски.

На то, чтобы набросать мелом несложный рисунок — четырехлучевую звезду в квадратной рамке — и неглубоко выдолбить его по нанесенным контурам, времени потребовалось совсем немного.

Шкатулка получилась добротная — не шедевр, но лучше многих, какие мне случалось видеть.

— В дереве ты толк знаешь и инструменты в руках держать умеешь,— нехотя признал Дестрин.

— Милая вещица,— заметила его дочка.

— Не то слово, Дейрдре. На рынке пойдет за серебреник, если не за два.

Угрюмый мастер чуть ли не улыбнулся.

Не зная Фенарда, я все же сомневался, что за такую штуковину можно выручить больше пяти медяков, но перечить старшему не хотел, а потому молча пожал плечами.

— Так как, гожусь я в подмастерья?

— Много платить я не могу.

— Я много и не запрашиваю. Ты будешь получать половину цены всего того, что я смогу сделать и продать. Сверх того буду отдавать тебе два медяка в восьмидневку за комнату и столько же за еду. Но при этом ты разрешишь мне вычистить старую конюшню и поставить туда своего пони.

Услышав про пони, Дестрин удивленно встряхнул головой.

— Ты откуда взялся, малый?

— С северного побережья. Пристроился было во Фритауне, но пришлось уехать. После того как Черные закрыли порт, работы совсем не стало.

— Но ты смог позволить себе содержать лошадь! — изумилась Дейрдре.

— Одно название, что лошадь,— рассмеялся я.— Горный пони. Он и ест-то всего ничего.

— Еще два медяка за конюшню.

— Идет, но только если я не заработаю тебе полсеребряника за восьмидневку.

— Годится,— молвил Дестрин после размышления.— А спать будешь при мастерской — тут есть чуланчик.

Я получил все, в чем нуждался в настоящий момент: заработок, возможность выкроить время на чтение и место, куда поставить Гэрлока.

— Поужинаешь с нами наверху,— сказал ремесленник, обводя взглядом мастерскую.

— После того, как здесь приберусь,— откликнулся я, прекрасно его поняв.

Он кивнул.

Дестрин заполучил работника на очень выгодных условиях, но зато и не цеплялся с вопросами, которые наверняка стали бы задавать преуспевающие мастера, вроде Пэрлота.

Ужинать с хозяином я не стал, упросив его позволить мне без промедления привести в порядок конюшню и поставить туда Гэрлока.

Конюшня была закрыта и заброшена. По всей видимости, Дестрин никогда не имел таких запасов материала, чтобы использовать ее под склад. Мне не составило труда с помощью найденной в углу старой метлы привести одно из двух стойл в состояние, позволявшее разместить там моего пони.

Поездок у нас с ним на ближайшее время не намечалось. Правда, лошадям застаиваться вредно, но этот вопрос можно было отложить на потом.

XL

Затруднений и сложностей у Дестрина оказалось столько, что поначалу я не знал, с чего начать. Конечно, с некоторыми, такими как наведение порядка в мастерской, справиться было нетрудно, но иные потребовали от меня траты собственных средств. Так, например, мое желание заточить ножовочные полотна у хорошего точильщика Дестрин находил пустой блажью. Для него самого в этом и впрямь не было никакого смысла, потому как тонкой работой он не занимался, а для грубой годились и имеющиеся пилы. Но я намеревался делать и продавать хорошие вещи.

Дейрдре была в восторге от маленькой шкатулочки из белого дуба, но Дестрин сказал, что в конце следующей восьмидневки мне стоит снести ее на рынок.

Однако в мои планы не входило отправляться на рынок всего с одной шкатулкой. А стало быть, мне следовало разжиться материалом. По своим деньгам я мог рассчитывать лишь на обрезки.

Хозяин первой лесопилки, седовласый, кареглазый Нургк, детина с могучими, как древесные стволы, руками и открытым, но неулыбчивым лицом, встретил меня неласково.

— Какие еще обрезки, малец? Нет у меня ничего — ни для тебя, ни для Дестрина. Все отходы я отдаю Пэрлоту и Джирлу. Они покупают у меня хороший материал, а обрезки берут для учеников.

На лесопилке Нургка имелись две большие пилы, приводившиеся в действие большими водяными колесами, установленными в рукаве реки Галлос. Машины были сделаны грубо, но надежно, и во всех деталях чувствовался порядок.

— Впечатляюще,— сказал я ему, глядя на бесперебойную работу пил.— Вижу, ты высоко ценишь гармонию.

— Я высоко ценю прибыль, столяр. Гармония — это порядок. Не будет порядка — не будет дохода.

Не имея желания оспаривать столь мудрое утверждение, я спросил:

— Не знаешь ли, почтенный, у кого можно разжиться обрезками досок или бревен? За плату, конечно.

Нургк задумчиво почесал узкий подбородок:

— У Юрила нет никаких договоренностей, но он пилит в основном ель. Для столбов и заборов в самый раз, но тебе-то нужна древесина твердых пород. Почему бы тебе не пойти к Бреттелю? Он ведь раньше пилил для Дормана.— Заметив мой недоумевающий взгляд, лесопильщик пояснил: — Дорман, отец твоего хозяина Дестрина, был лучшим столяром-краснодеревщиком во всем Кандаре. Знающие люди поговаривали, что он не уступит самому Сардиту с Отшельничьего, а то и превзойдет его...— Нургк покачал головой.— Дестрин — человек хороший и натерпелся всякого, но нет у него, понимаешь, струнки... Ладно, парень, ступай к Бреттелю, только не вздумай морочить ему голову. Его не проведешь.

Держа в уме предостережения и напутствия Нургка, я двинулся в обратном направлении, по обводной дороге Фенарда, широкому и чистому, мощеному гранитом тракту — к лесопилке Бреттеля.

К тому времени, когда я добрался до места, небо потемнело, сгустились тучи и поднявшийся ветер принялся посыпать огороженные штакетником поля легкими хлопьями снега.

Бреттель был занят переустановкой пилы, и я, дожидаясь хозяина, разглядывал его лесопилку. Подобно лесопилке Нургка, она была воплощением порядка, но еще более глубоко

укоренившегося. Колеса и пилы были очень старыми, но ремонтировались всегда вовремя и работали безупречно. Вода на колеса поступала из перекрытого запрудой протока.

Склад бревен и пиломатериалов был, пожалуй, древнее, чем каменные стены Фенарда, однако ничто в нем не обветшало и не прогнило. Недавно замененные стропила были тщательно покрыты лаком.

Склад не обогревался, там даже не имелось очагов. При таком скоплении горючего материала это представлялось разумным, хотя перепады температуры могли привести к порче древесины.

— Эй! Кто таков, чего надо? — окликнул меня освободившийся наконец Бреттель — кряжистый кривоногий коротышка. Говорил он грубовато, но без враждебности.

— Я новый подмастерье Дестрина. Звать меня Леррисом.

— Дестрина? Ты что, малый, из дому сбежал?

Я ухмыльнулся.

— Не то чтобы сбежал... Я работал у дядюшки, да, видать, не больно старательно, вот он и сказал, что мне не повредит посмотреть мир. Но без медяка в кармане мир не боль-но-то посмотришь, вот я и решил подработать у Дестрина.

Хозяин лесопилки окинул меня внимательным взглядом:

— Признаков хаоса нет. В худшем случае ты обыкновенный проходимец, а это не самая большая беда, с какой может столкнуться Дестрин. Но от меня-то тебе чего надо? Небось, хочешь задарма разжиться лучшими досками?

— Ничего подобно,— откликнулся я, покачав головой.— Я рассчитывал только на обрезки, да и то мелкие.

Бреттель поджал губы.

— Не задарма, хотя много мне не заплатить,— добавил я, не желая выглядеть попрошайкой.

Он печально ухмыльнулся и покачал головой:

— Уж не знаю, что ты за птица такая, но хаосом не порчен и вроде не вор. Может, Дестрину и будет от тебя толк. Но,— тут он уставился мне в глаза, в голосе его зазвучал металл,— не вздумай цепляться к его дочке! Мы дружили со старым Дорманом, и уж я-то позабочусь о том, чтобы найти ей мужа среди честных горожан Фенарда!

— Э... я и знать не знал...

— Я бы и не стал ничего говорить, но ты паренек смышленый, приятной наружности и вряд ли застрянешь в наших краях. Девчонку обижать не дам... А насчет обрезков...

Я молча ждал.

— Иди за мной. Из дровяной клети можешь выбрать что хочешь. Только сложи потом все как следует. Обрезки, что в другой

клети, идут на продажу. Отбери, что тебе годится, сложи в стопку, а потом или я, или Арта — вон тот рыжий малый,— потолкуем с тобой о том, сколько медяков это стоит.

В конечном счете я набил мешок щепой белого и красного дуба (ее должно было хватить на три-четыре маленькие шкатулки) и за три медяка прикупил обрезков на разделочную доску и табурет.

Под пристальным взглядом Бреттеля я складывал деревяшки в корзину, прихваченную из конюшни Дестрина.

— Удачи тебе, паренек. Похоже, ты знаешь толк в дереве.

— Спасибо.

Он кивнул и ушел, а я взялся за поводья.

Когда Гэрлок доставил меня к мастерской Дестрина и тот увидел, как я складываю привезенный материал в пустые лари, ремесленник хмыкнул:

— Зачем это тебе, паренек?

— Сделаю несколько шкатулок, хлебную доску и табурет или стул.

— Обойдись одним стулом, его, может, и продашь. На шкатулки нынче спрос невелик.

— Все-таки попробую. Не пойдет дело — буду мастерить что-нибудь другое.

Дейрдре понаблюдала за тем, как я делал замеры, а потом, словно ей это все наскучило, выскользнула в заднюю дверь и ушла наверх.

Самым трудным оказалось не торопиться. Понимая, что сразу ничего не делается, я тем не менее боялся упустить каждый миг и прихватывал время ночами, работая при свете лампы.

Дестрин ошибся. Успев смастерить две шкатулки, я на восьмой день понес их на рынок вместе с той, самой первой, пробной коробочкой из белого дуба. За вход с меня содрали медяк, но мне досталось неплохое место у неработающего фонтана, рядом с цветочницей. Шкатулки я выложил на позаимствованную у Дестрина желтовато-коричневую подстилку.

Снег наполовину растаял, но с севера еще налетал стылый ветер, и на всей площади набралось бы не больше десятка возможных покупателей.

— Славные вещицы,— промолвила толстуха-цветочница.— Откуда такая прелесть?

— Здешняя работа. Я новый подмастерье столяра Дестрина.

— Неужто ты их сам смастерил? Хочешь сказать, что Дестрин обзавелся работником, умеющим делать вещицы не хуже, чем старый Дорман?

Наклонившись, она внимательно рассмотрела все три шкатулки, приговаривая:

— Ну, не Дорман конечно... Без особых изысков, однако... Добротно и со вкусом.

— Можно, взгляну ту, что с краю? — попросил худощавый старик в наряде из серой кожи. Холодный взгляд и лисье лицо этого типа мне не понравились, однако я кивнул и вручил ему шкатулку из красного дуба.

Осматривал он ее весьма тщательно, вглядываясь в каждое соединение, после чего вернул мне и почему-то чуть ли не с разочарованным видом сказал:

— Приличная работа. Прекрасный стиль.

— Пожалуй, ты и вправду знаешь свое дело, парень,— заметила цветочница, когда он кивнул и отошел.

— А кто это был? Небось, инспектор гильдии столяров?

— Наш префект не разрешает создавать гильдии. По его мнению, это способствует мздоимству.

— Так кто же он?

— Старый Джирл. В былые времена он, Дорман и Пэрлот вечно спорили из-за первенства. Сейчас он работает только по заказам богатых купцов, знати и самого префекта.

— Дай-ка я посмотрю ту, что в середине. Сколько она стоит? — женщина, просторная туника которой не могла скрыть чрезмерную пышность ее форм, ткнула пальцем в коробочку из белого дуба.

— Серебреник,— ответил я.

— Ну ты загнул! Пара медяков, это еще куда ни шло...

В конце концов мы сторговались на шести медяках, а две остальные коробочки пошли по пять. Получалось, что за вычетом платы за торговое место, стоимости дерева и доли Дестрина я не получил ни медяка прибыли. Правда, убытков тоже не понес, и у меня еще оставался материал для стула, но работа без прибыли меня не прельщала.

XLI

В последующие несколько восьмидневок мои доходы увеличились. Вместо того чтобы таскать вещи на рынок, я стал выставлять их в витрине лавки Дестрина. Это избавляло меня от необходимости платить рыночный сбор и мерзнуть на продуваемой зимними ветрами площади.

Первый стул принес аж три серебреника, хотя мне пришлось потратиться на лак для полировки и атлас для обивки сиденья. Похмыкав и постонав, Дестрин согласился с тем, что, поскольку материалы куплены за мой счет, их стоимость будет вычтена из его доли. Дейрдре по-прежнему наблюдала иногда за моей работой, а Бреттель позволял брать мелкие обрезки

даром. Да и крупные, пригодные для серьезной работы, обходились мне всего в несколько медяков.

Гэрлок радовался всякой возможности покинуть стойло. Конюшню требовалось чистить, а это мне ой как не нравилось. Одно дело — сметать ароматные стружки, а совсем другое — выгребать навоз. Однако я делал это, а порой даже драил пол водой с едким мылом. От этого краснели руки, однако что-то внутри меня не позволяло допускать беспорядка — ни в лавке, ни в конюшне.

Чем дольше работал я с инструментами покойного Дормана, тем легче и лучше чувствовал дерево. Руки мои становились как бы продолжением моих мыслей. Иногда мне даже казалось, что я начинаю понимать отношение дядюшки Сардита к дереву и к его труду.

— Да кто же ты такой? — спросил как-то Дестрин, глядя на сделанное мною на заказ кресло для гостиной. Возможно, по меркам дядюшки Сардита оно и не было совершенным, но даже он одобрил бы мою работу. Зная, что заказчик — человек грузный, я углубил пазы и усилил крепления, но так, что изделие не стало выглядеть грубым и тяжеловесным.

В следующий миг Дестрин закашлялся, побледнел и пошатнулся. Я подался к нему:

— Тебе плохо?

— Сейчас пройдет... сейчас... все пройдет.

Но этого не случилось. Даже когда приступ кашля миновал и Дестрин смог выпрямиться, он оставался смертельно бледным. И тогда, впервые после прибытия в Фенард, я использовал свои способности для восприятия чего-либо иного, кроме структуры дерева. Я коснулся чувствами Дестрина... и отпрянул, как от удара. Все гармонические линии его организма были донельзя истончены и таяли чуть ли не на глазах. Это не являлось порчей или прикосновением зла, однако выглядело так, словно ремесленник был гораздо старше своих лет, словно он был древним старцем.

Непроизвольно, даже не подумав о том, что делаю, я немного укрепил его внутренний порядок.

— Кто же ты такой? — повторил он, придвигаясь поближе к очагу.

— Леррис,— ответил я, утирая лоб.

Дестрин покачал головой:

— Тебя обучал настоящий мастер, Леррис. Сам-то я владею лишь жалкой тенью ремесла и прекрасно это понимаю, но распознать способности и навык в другом могу. Когда ты берешься за рубанок или просто касаешься дерева, то напоминаешь моего отца. Иногда мне кажется, будто, глядя на кусок дерева, ты видишь его насквозь, словно находишься в другом мире.

— Я просто стараюсь заработать на жизнь,— мягко отозвался я.— Как и ты, Дестрин.

Он закашлялся и отмахнулся. На сей раз, с моей помощью, приступ закончился быстро.

— Проклятый холод,— пробормотал Дестрин. Потом мы встретились с ним взглядами, и он, кажется, что-то понял. И покачал головой.— Что будет со мной, когда ты уйдешь?

— Ты владел этой мастерской и до моего прихода,— отозвался я, стараясь заставить свой голос звучать твердо. Но мы оба понимали, что это не ответ.

Снаружи, сотрясая ставни и дребезжа стеклом, завывал ветер.

— Папа, ужин готов...— появившаяся у подножия лестницы Дейрдре выглядела такой маленькой и хрупкой, что казалось, будто этот ветер может унести ее прочь. Но подслушав случайно, как она торговалась из-за каких-то занавесок, я понял, что она вовсе не так уж беззащитна. И характер у нее железный.

— Пора перекусить,— согласился ремесленник.

Дейрдре подала ячменный суп и свежее печенье. Готовила она прекрасно. И улыбалась застенчиво и очень мило.

Той ночью, устроившись на своем топчане, я снова достал «Начала Гармонии». К тому времени я уже прочел этот опус по меньшей мере дважды.

К сожалению «прочесть» не означало «понять». Кое-что было, правда, совсем несложно. Например, я понимал, что мое вмешательство лишь ненамного улучшало самочувствие Дестрина и оттягивало неизбежный конец, но все равно он медленно умирал.

Вступление к книге полнилось невразумительными сентенциями, вроде «Учение без понимания способствует лишь умножению невзгод» или «Даже величайшим из великих доступно не все»...

Ну просто замечательно!

Я закрыл книгу и уставился в пустоту.

Чем дольше я мурыжил проклятую книженцию, тем больше возникало у меня новых вопросов. Бывало, я засиживался над ней допоздна, читал при тусклом свете масляной лампы, пока не начинали болеть глаза, но продраться сквозь нагромождения двусмысленностей, намеков и всяческой зауми так и не мог.

Прочесть книгу с начала до конца для меня было немыслимо. От этой затеи я отказался довольно быстро. Исходя из соображений собственного удобства, я начал с последних разделов, касавшихся механических аспектов гармонии. Таких, например, как воздействие на металлы с целью улучшения их характеристик. Во всяком случае, я мог попрактиковаться на гвоздях.

С помощью кастрюли с водой и свечи в качестве нагревателя я сумел уяснить на практике, как можно воздействовать на погоду. Меня весьма смущали предостережения насчет того, что всякое вмешательство такого рода может иметь далеко идущие и трудно предсказуемые последствия. Дожди в одном месте отзываются засухами в другом, и все такое прочее... Кастрюля со свечой тут помогали мало. Разве что воздух в одном месте становился влажнее, а в другом суше.

Итак, я сидел, привалившись к стене, старался вникнуть в смысл прочитанного и понимал лишь одно: кое-что недоступно даже для мастера гармонии.

Неожиданно я услышал легкие шаги, и за отгораживавшую мой угол занавеску заглянула Дейрдре. Я смутился, поскольку сидел в одних подштанниках, однако сказал:

— Заходи, Дейрдре.

Она проскользнула внутрь и остановилась у самой занавески. Наброшенный на ее плечи халат не скрывал поношенной белой сорочки, а обычно ниспадавшие до плеч волосы были убраны назад.

Я спустил ноги на пол и сел на топчане, как на стуле.

— Ты был когда-то жрецом? — голос ее был, как всегда, мягок. Не робок, а просто мягок и тих.

Я не ответил, и она, помолчав, присела на другой край топчана. До меня донесся едва уловимый запах роз.

— Тебе не спится?

Она кивнула:

— Я тревожусь о папе.

— Я тоже.

— Знаю...— она придвинулась ко мне.— И он... все понимает, только говорить не хочет.

Девушка положила тонкую руку мне на плечо .

Я пытался унять дрожь. Мне уже давно не случалось обнимать девушку, очень давно.

— Пожалуйста, останься у нас... я... все что хочешь...— Дейрдре придвинулась вплотную. Я чувствовал ее внутреннюю дрожь, вызванную не желанием, а решимостью.

Глубоко вздохнув, я убрал ее руку с моего плеча.

— Дейрдре, я сделаю для твоего отца все, что смогу...— у меня снова вырвался вздох.— Мне очень хотелось бы обнять тебя — очень! — и не только обнять, но это было бы нечестно по отношению и к тебе, и к мастеру Дестрину. А если ты будешь сидеть так близко,— добавил я с кривой усмешкой,— вряд ли я смогу вести себя достойно.

Я говорил правду. Тело ее кружило голову. Однако она не питала ко мне никаких чувств и пришла ради отца.

Девушка слегка отодвинулась. Слегка... кажется, настолько, чтобы я мог почувствовать ее признательность, но не подумал, будто она находит меня непривлекательным.

— Спасибо! — сказала она от души. Некоторое время Дейрдре сидела молча, а потом спросила: — Откуда ты?

— Из края столь дальнего, что, возможно, мне никогда не удастся туда вернуться.

Она посмотрела на меня и открыла было рот, но так и не задала следующего вопроса. Однако я понял, что ей хотелось бы узнать больше.

— Это можно назвать своего рода паломничеством, необходимым, чтобы найти путь в жизни. И кое-чему научиться.

— И как, научился?

Она поплотнее запахнула халат, напомнив мне, что в мастерской довольно холодно и в Фенарде все еще зима.

— Порой,— признался я,— мне кажется, что я так и не смогу научиться некоторым вещам. А раньше мне казалось, что это так просто!

Дейрдре кивком предложила мне продолжать.

— Я оставил работу с деревом, будучи учеником, и сомневался, что когда-нибудь снова займусь этим делом. Оно казалось мне... ну... скучным. С какой стати меня должно волновать, нет ли где перекоса и прилажены ли штыри к пазам?

— А теперь тебе это, вроде бы, нравится! Бывает, я стою, смотрю на тебя за работой, а ты меня даже не замечаешь. Дед был такой же.

Почувствовав, как учащенно забилось мое сердце, я облизал внезапно пересохшие губы и пробормотал:

— Тебе лучше уйти.

— Спасибо,— сказала она еще раз, вставая, и по ее лицу промелькнула едва заметная, тронутая печалью усмешка.

Девушка ушла. Что было бы плохого, возьми я предложенное ею? Но все, что я слышал от отца и Тэлрина, все, что читал, убеждало в верности моего поступка. Насладиться Дейрдре — значило обмануть ее и, что важнее, обмануть себя. Однако сердце мое продолжало биться слишком быстро и тело ныло. Во сне мне являлись и золотоволосая девушка, и черноволосая женщина, и даже рыжая. Проснулся я в поту, совершенно разбитым, но зато с ясным сознанием того, что следует сделать.

XLII

— Скажи Джирео, чтобы отступил на сотню родов,— бросает через плечо командир отряда — стройная молодая женщина. Ее туго перевязанные шнурами длинные волосы убраны

под капюшон кавалерийского плаща. Тело ее само приноравливается к углу наклона, когда конь начинает спуск по длинному склону, ведущему к Треугольнику Демона — месту схождения рубежей Фритауна, Хидлена и Кифриена.

— Сотню родов?

— Вдвое дальше, чем он находится сейчас.

— Но если они предпримут атаку с тыла, мы не сможем...

— Сможем. Он большой мальчик.

— Но...

Ее рука касается рукояти клинка:

— Исполняй! — негромкий, но властный голос женщины разносится по окутанной предрассветным туманом дороге.

Мужчина качает головой, но поворачивает коня и едет вверх по склону.

Через некоторое время боец по имени Джирео останавливает своего мерина рядом с темноволосой женщиной, уже скинувшей и убравшей в седельную суму свой плащ.

Рослый воин прожигает ее взглядом.

Ее глаза пронзают висящую впереди завесу тумана.

Он открывает рот.

— Тихо!

Ее окрик ударяет его, как копье.

Джирео скрежещет зубами.

— Регулярная галлоская кавалерия,— бормочет командир.— Проклятые упыри,— она снова всматривается в туман.— Чародей... Далековато от Галлоса.

Женщина выхватывает клинок и убыстряет шаг коня.

— Вели остальным сомкнуть ряды. Только тихо.

Джирео придерживает коня. Взгляд — на других бойцов, взгляд — на командира... Скоро они спускаются на равнину, и мягкая глина дороги заглушает стук копыт кифриенских кавалеристов.

Впереди, то окутываясь ползущим с Малых Рассветных Отрогов туманом, то снова появляясь, мерцает светящаяся точка.

Джирео ищет взглядом командира, но та уже исчезла в тумане. Он хмурится, но не извлекает меча из ножен.

Кифриенский отряд спускается с холма.

Топот копыт возвещает о приближении одного всадника.

— Сомкнуть ряды! — приказ ударяет из тумана, как стальной хлыст, и даже Джирео мгновенно повинуется.

Предводительница отряда проносится мимо двух первых шеренг.

— Вперед!

Кифриенские воины, словно нехотя, переходят на рысь.

Дюжина галлосцев едва успевает вскочить в седла, когда из тумана на них налетает кифриенский отряд.

Предводительница опережает своих бойцов. Клинок ее сверкает как молния, хотя света, казалось бы, маловато, чтобы отражаться от холодной стали.

Звучат громкие крики, брань и лязг стали. Но кричат лишь кифриенцы. Галлосцы бьются молча.

Через некоторое время все стихает. Кифриенский отряд останавливается возле все еще мерцающего в тумане брошенного костра. Они потеряли двух человек и одного коня. Вокруг лагеря разбросаны тела дюжины воинов в пурпур-но-серых мундирах Галлоса.

— Джирео, собери оружие и навьючь на одного из галлосских коней,— приказывает женщина-командир, остановившись возле костра.

— Сама собирай.

Женщина вздыхает, но меч ее уже извлечен из ножен.

— Ты предпочитаешь умереть в седле или на земле?

Джирео пожимает плечами.

— В честной схватке на земле тебе не выстоять! — бросает он и соскакивает с гнедого мерина.

Она улыбается и тоже спешивается.

Он кидается вперед прежде, чем ее ноги касаются земли.

Она нырком уходит от его выпада. Клинки скрещиваются. Трижды звенит сталь.

Меч выпадает из его руки, колени подгибаются, из горла фонтаном хлещет кровь

— ...Сука...

Тело Джирео еще содрогается, а она уже снова сидит в седле.

— Хистер! Собери галлосское оружие.

Худощавый бородатый мужчина переводит взгляд с распростертого на земле здоровяка на сидящую в седле стройную женщину и торопливо спешивается.

Двое других переглядываются.

«...видал, как она ловко мечом машет?»

«...семерых галлосцев положила...»

«...Прикончит, и моргнуть не успеешь...»

Некоторое время солдаты перешептываются, потом командир прокашливается, и все стихает.

— Едем!

XLIII

Поскольку то, что я собирался сделать, требовало знания Фенарда, мне нужен был человек местный и притом лично заинтересованный в благополучном исходе дела. Подходил по этим статьям только Бреттель.

— Леррис, вот уж кого не чаял видеть! Неужто ты уже закончил то кресло?

Бреттель встретил меня приветливой улыбкой.

— Можно подумать, что ты заказал мне его два года назад. Хорошая работа требует времени,— откликнулся я с ответной улыбкой.

— Подожди меня в гостиной,— сказал он, окинув меня внимательным взглядом.— Я отдам Арте кое-какие распоряжения и приду. Захочешь пить, Далта принесет тебе соку.

Он, переваливаясь на коротких ножках, поспешил к лесопилке, а я, утерев лоб, спешился и привязал Гэрлока к столбу.

Подойдя к дверям длинного одноэтажного дома, я постучал в дверь бронзовым молотком. Открыла мне молодая женщина, с голубыми, как очищенное дождем небо, глазами, кожей, более нежной, чем шелк, и фигурой храмовой статуи, но ростом едва достигавшая моего плеча. Завидев ее, я не мог сдержать улыбки.

— Чем могу быть полезна? — спросила она.— Хозяин лесопилки находится в главном здании...

— Я Леррис, подмастерье Дестрина. Бреттель просил меня подождать в гостиной. А ты Далта?

— Я Далта.

Она улыбнулась.

— Он намекал на возможность попить соку.

— Я отведу тебя в гостиную.

Что она и сделала, после чего подала мне сок, да не в кружке, а в самом настоящем стеклянном бокале.

— Ты плохо выглядишь, Леррис, словно побывал в аду,— заметил Бреттель, входя в гостиную. Он тоже держал в руках стеклянный бокал, но от него шел пар. Комнату заполнил аромат пряного сидра.

— Примерно так я себя и чувствую.

— Хочешь попросить меня о чем-то необычном?

Я кивнул.

— Только не говори мне, будто хочешь жениться на Дейрдре.

— Нет. Это было бы неправильно для нас обоих. Но речь пойдет о ней.

Бреттель сделал глоток сидра — очень маленький для столь кряжистого, широкоплечего мужчины — и посмотрел на меня выжидающе.

— Ты знаешь, что Дестрина точит недуг? — начал я.

— Да, это сразу видно.

— А я не смогу поддерживать его дела в порядке долго.

— Не могу сказать, что удивлен,— буркнул Бреттель, однако помрачнел.

— Послушай, я не собираюсь покидать его скоро. Я пришел попросить об одолжении, но не для себя.

Он сделал еще глоток, и на его лицо вернулось обычное выражение.

— А почему ты просишь меня?

Я решил, что ходить вокруг да около ни к чему.

— Мне нужно подготовить себе смену — найти для Дестрина подходящего ученика. Такого, чтобы он чувствовал дерево, но был постарше того возраста, когда обычно поступают в обучение. Для того, чтобы он подходил для Дейрдре.

— Да, просьба серьезная. А кто, собственно говоря, назначил тебя опекуном Дестрина?

— Наверное, я сам. Не скажу, что мне удалось сделать его мастерскую очень прибыльной, но все же... Бросить его я не могу, однако придет время...— я пожал плечами.

— Почему же ты не можешь остаться?

— Пока могу. Но рано или поздно, быть может, скоро...

— Загадочный ты малый, Леррис. И с какой стати я должен этим заниматься? — проворчал лесопильщик. Однако он был добрым человеком, глубоко порядочным во всех отношениях, и я решил ему открыться.

— Что ты знаешь об Отшельничьем?

Бреттель кивнул, без видимого удивления:

— Да, я сразу приметил в тебе что-то такое... Ты помогаешь Дестрину?

— Как могу,— ответил я, поняв, что он имеет в виду.— Кое-что не под силу никому.

— А почему ты так о нем заботишься?

— Он хороший человек. Мастер не ахти какой, но человек хороший. И он терзается из-за того, что не может обеспечить будущее Дейрдре.

Бреттель почесал левое ухо и сделал еще глоток, на сей раз основательный.

— А есть у тебя соображения насчет того, где откопать такого необычного ученика?

— А как насчет кого-нибудь из младших сыновей владельцев делянок или лесосек, откуда ты получаешь древесину?

— Может быть... А ему обязательно быть старше нее?

— Нет, но он не должен быть очень юным. Желательно, чтобы это был человек добрый, но упорный, если такое возможно...— я закрыл рот, испугавшись, что выложил слишком много.

— Боишься, что я проболтаюсь? — хмыкнул Бреттель.

— Вроде того,— признался я.

— Это естественно,— усмехнулся лесопильщик.— Но я уже говорил тебе, что Дейрдре мне не чужая, и откуда бы ты ни

явился, хоть из самого ада, мыслишь ты правильно. Знаю я пару мальцов, которые могут подойти...— он хохотнул и добавил: — А родители еще сочтут, что им сделали одолжение.

Пока Бреттель думал, я допил сок.

— Я дам знать,— сказал он, провожая меня к двери.

Спустя восьмидневку явился Бострик.

Этот долговязый нескладный малый поначалу робел в моем присутствии, что твой перепел, однако эта робость чудесным образом сочеталась в нем с бычьим упорством. А главное — он умел слушать и чувствовать дерево. Работая на лесной делянке, он порой выпиливал из дерева выразительные фигурки людей и животных.

Дестрин продолжал хмыкать, а Дейрдре стала варить еще больше своего славного ячменного супа. Хотя работы ей вроде бы и прибавилось, но она стала чаще улыбаться.

Мне по-прежнему снились золотоволосые девушки и черноволосые женщины. Просыпаясь в поту, я частенько задавался вопросом, почему так часто вижу во сне Кристая? Бострик же, для которого мы поставили в мастерской новый топчан, спал спокойно и крепко.

XLIV

Дестрина все время знобило, он боролся с приступами кашля, а когда речь заходила о Бострике, обычно говорил:

— С ним все в порядке, Леррис. Парень как парень.

По способностям — в этом я был убежден — Бострик мог стать лучшим мастером, чем Пэрлот, но ему недоставало уверенности, которая дается со временем и опытом.

Сперва я заставил его делать разделочные доски, но лишь несколько штук и только затем, чтобы он меньше боялся работы. Его вещицы получились на славу, и две из них были куплены, как только мы выставили их в витрине лавки.

Потом я уговорил жившего по соседству галантерейщика Райсона заказать отделанный кедром ларь для хранения мотков шерсти.

Работа над ним заняла уйму времени, поскольку я поручал Бострику многое из того, что сам сделал бы очень быстро.

— Почему ты не делаешь это сам, наставник? — удивлялся Бострик.— Я работаю втрое дольше, и мне очень трудно добиться того, чтобы все было ровно и красиво.

— Мне тоже было трудно,— отвечал я.— Тебе нужно поскорее учиться, я ведь не останусь здесь навсегда.

— Но если ты уйдешь, почтенный мастер, у кого же я научусь? — спросил он глубоко почтительным тоном.

— Я не мастер. Я просто умелый подмастерье.

— Понятно, почтенный подмастерье.

Со своей копной непослушных рыжих волос, веснушками и кустистыми бровями Бострик походил на пастушью собаку, да и в характере его имелось нечто подобное.

— Это я понял. Но чего ты от меня добиваешься сейчас, почтенный подмастерье, увы, не уразумел.

Я не смог удержаться от смешка.

— Прости... ты прав. Учение — дело нелегкое.

Взяв кронциркули, я показал ему, что именно требуется, а потом проследил за его работой, подавая совет, когда в этом возникала нужда. И стараясь не смеяться.

В конечном счете все получилось как надо. Райсон остался доволен и заказал еще один ларь, попросив изготовить его к осени, ко времени получения шерстяных изделий из Монтгрена.

Правда, не обходилось и без промашек. Порой Бострик допускал оплошности, и, по правде сказать, тут была и моя вина. Опыта у него было всего ничего, а я слишком на него наседал. Кресло, заказанное Весселем, вышло не ахти, но мы отослали это вполне добротное изделие сестрам Храма, а второе, для заказчика, я изготовил сам.

Дейрдре сшила подушечку для сиденья, отчего изделие стало выглядеть еще более впечатляюще, а я взял это на заметку, решив, что в будущем надо будет почаще поручать ей подобную работу. Прекрасно, если она и Бострик смогут стать настоящими партнерами.

После этого я предложил Бострику самостоятельно смастерить скамью под стать тем, какие Дестрин делал для таверны «Рог», едва ли не самой низкопробной распивочной в Фенарде. Именно такого рода работа, несложная и дешевая, обеспечивала Дестрину скромный, но устойчивый заработок.

Сам Дестрин, услышав это, по своему обычаю похмыкал, однако возражать не стал.

Тем временем я, стремясь усовершенствовать навыки Бострика, сделал набросок детского столика, выбрав для этого самый незамысловатый рисунок из невероятно богатой книги образцов Дормана. Я довольно долго водил по нему пальцем и объяснял что к чему, и наконец Бострик кивнул.

Столик получился неплохим, хотя и простоял в витрине больше восьмидневки, прежде чем галантерейщик Райсон купил его за два серебреника, да еще и прикупил к нему пару стульев. Полагаю, причиной тому была погода: дороги замело снегом, что сделало невозможным ожидавшийся к празднику подвоз серебряных изделий из Кифриена, а Райсону нужен был новогодний подарок для своих младшеньких.

Я часть своей доли отложил, часть пустил на материал для сундука на приданое Дейрдре (кто еще сделает ей такой подарок!), а Бострик купил себе сапоги.

Однако то, что столик продался далеко не сразу, мне не понравилось. Мы не могли ставить свои доходы в зависимость от погоды.

Потерев подбородок, я посмотрел на белый дуб, предназначавшийся для углового шкафа. Дерево было столь чистым, что работа с ним не допускала ни малейшей оплошности.

Вздохнув, я выглянул в окно. Утро стояло пасмурное, каким и должно быть зимнее утро в Фенарде.

Положив еще одно полено в очаг, я бросил:

— Скоро вернусь.

Дестрин безмолвно натянул на себя теплую фуфайку.

— Будь добр, не задерживайся, почтенный подмастерье,— пробормотал Бострик насмешливо-жалобным тоном.

Я вышел на холодную улицу, закрыл за собой дверь и зашагал по направлению к рыночной площади. В прохладном и влажном воздухе я уловил какую-то напряженность. К тому же из-за полного безветрия над Фенардом висел едкий запах дыма. Солнце скрылось за бесформенными серыми облаками.

Раздавшийся позади перестук колес кареты заставил меня отступить в сторону, к кирпичной стене лавки.

Мое внимание привлек не столько блеск золоченого дерева, сколько ударивший по моим чувствам дух хаоса. Мимо меня, влекомая двумя исполинскими белыми жеребцами, медленно прокатила карета Белого мага. Впервые я видел ее прошлой осенью по дороге из Фритауна. Позади кареты на гнедых конях скакали те же два стража, а на козлах сидел тот же возница с лицом мертвеца.

В окне кареты четко вырисовывался профиль женщины с прикрытым вуалью лицом. Я запомнил ее еще по гостинице в Хаулетте. Экипаж уже катил дальше, когда я, совершенно непроизвольно, потянулся чувствами к пассажирам.

И ощутил в ответ удар стального хлыста, столь острый и резкий, что пошатнулся от боли. Следуя наставлениям Джастина, я укрылся за защитными чарами и даже заставил себя внешне спокойно продолжить путь к площади.

Возгласы кучера разносились по улице, отдаваясь эхом от кирпича и камня.

А я едва не схватился за голову, задумавшись о троих, сидевших в карете.

Из них я знал только двоих.

Миновав открытые, тронутые ржавчиной рыночные ворота, я двинулся дальше в сторону дворца и увидел, как ворота закрылись за вкатившейся в них каретой.

Сокрушенно покачав головой, я повернул обратно к Дестрину. А сокрушаться было отчего — стоило мне забыть о самоконтроле, как я себя обнаруживал. Теперь Антонин знает, что в Фенарде находится по меньшей мере один Мастер гармонии. Мимолетность нашего соприкосновения, равно как машинальность и презрительность его реакции, позволяли надеяться, что он не признает во мне выходца с Отшельничьего.

Впрочем, мне только и оставалось, что надеяться. Надеяться, работать по дереву и учиться. Во всяком случае, скуке в моей нынешней жизни места не было.

Облака над головой оставались серыми, но моих щек коснулось едва уловимое дуновение ветерка.

XLV

«Мастерская Пэрлота» — значилось на искусно выполненной вывеске. Буквы, вырезанные в старинном храмовом стиле, были окрашены в черное, а саму доску покрывал совершенно прозрачный, без обычного золотистого оттенка лак, позволявший видеть фактуру красного дуба.

Утренний туман бусинками осел на моем плаще, когда я привязал Гэрлока к столбу перед мастерской. Зима затянулась дольше обычного, а холодная весна пролилась такими дождями, что затопило конюшню. Конечно, в этом была и моя вина — я поленился прочистить дренажную канаву. Выгребать навоз, сбивать сосульки и копаться в снежной жиже, в то время как дождь хлещет по спине и шее,— вот уж истинное удовольствие! Как, впрочем, и мыться после этого без горячей воды.

— Ты, кажется, любишь принимать холодные ванны, почтенный подмастерье,— заметил Бострик обычным своим учтивым тоном и с невозмутимой физиономией.

— Если хочешь, можешь ко мне присоединиться,— столь же невозмутимо предложил я.

Вспоминая подтрунивание Бострика и радуясь долгожданному приходу весны, я рассматривал выставленные на витрине изделия — прежде всего кресло для гостиной столь оригинального образца, каких я не видел даже на рисунках дядюшки Сардита. Легкие изгибы ножек позволяли ему выглядеть легким и изящным при действительной основательности и прочности.

— Эй, ты!

Заслышав хриплый оклик, я поднял глаза.

Тощий парень чуть постарше моих лет, в потрепанной серой рубахе под кожаным фартуком и с прилипшими ко лбу опилками, уставился на меня исподлобья.

— Да? — откликнулся я, выдерживая его взгляд.

— Тебе чего?

— Пригласи его в дом, Гриззард,— донесся голос из лавки.

Гриззард несколько растерялся, и я вошел внутрь. В помещении стояло три стула, выполненных в элегантном хаморианском стиле, а между ними — низенький столик. Признаться, предназначение таких столиков всегда оставалось для меня загадкой.

Я бы назвал эти изделия добротным, высококачественным браком — они были слишком дороги для торговцев, но недостаточно хороши для знати. Смастерил их, скорее всего, не Пэрлот, а Гриззард. Сам мастер если и допускал оплошности, то не столь заметные.

Красноватые угольки тлели в камине, испуская тепло, которое я ощутил в дверях. Пэрлот поднялся мне навстречу.

Я поклонился.

— Итак, мы встречаемся снова, Леррис. Или тебя следует называть «Мастер Леррис»? — промолвил он, остановившись у перегородки, отделявшей маленькие сени от мастерской.

Я снова поклонился и сделал это от души. Он был настоящим мастером своего дела, и некоторые его изделия, вроде того выставленного в витрине кресла, не только не уступали работам дядюшки Сардита, но, возможно, выполнялись с бульшим вдохновением.

— Не могу не выразить восхищения креслом для гостиной,— промолвил я.— Пожалуй, это лучшее такого рода изделие, какое мне случалось видеть.

— Ты это искренне, парень? — спросил он.

Я снова кивнул.

— Гриззард, кончишь ты торчать тут, как болван? Делать, что ли, нечего? По-моему, детали комода еще не готовы.

— Да, хозяин,— пробормотал Гриззард и с недоуменным видом направился к верстаку.

— Может, присядешь? — обратился Пэрлот ко мне.

— Только на минутку, почтеннейший.

Я занял кресло, указаннон Пэрлотом, а он сел напротив.

— Ну так как, звать тебя мастером?

— Никоим образом, почтеннейший. Ты ведь не знал меня и не видел моей работы. Любой недоучка из Фритауна или Спилдара...

— Ты не таков, Леррис. Я видел твои изделия; они лучше, чем у любого подмастерья в Фенарде, и умение твое растет. Некоторые вещи сработаны на уровне мастера — скажем, кресло, сделанное тобой в прошлом году для Весселя.

Должно быть, у меня поднялись брови.

Пэрлот улыбнулся.

— Он поинтересовался моим мнением. А я, узнав, сколько он заплатил, сказал, что он может считать эту штуковину украденной у Дестрина и что это — лучшая вещь в его доме, не исключая гарнитура для столовой моей работы.

— Ты нам льстишь.

— Нет. Не льщу. И Дестрин, бедняга, тут ни при чем. Это — твоя работа. Мне интересно знать, что ты собираешься делать дальше? Прибрать к рукам Дестринову мастерскую и лавку, а его самого оттереть в сторону?

Голос его звучал безразлично, но темные глаза так в меня и впились.

Я медленно покачал головой:

— Порой мне хотелось бы поступить таким образом. Это самое простое решение, но нечестное и неправильное. Во многих отношениях. Я всего лишь подмастерье, и мне предстоит учиться и учиться.

Гриззард пытался одновременно и работать, и подслушивать, что давалось ему с трудом.

— Бострик никогда не достигнет твоего уровня,— заметил Пэрлот.

— Со временем и с опытом он станет неплохим ремесленником.

— Может быть,— улыбнулся мастер.— Но не недооценивай себя, молодой человек. Со времени своего приезда ты сильно изменился. Кроме того, есть большая разница между качеством твоих изделий и твоей души,— он расмеялся.— Бедный Дестрин, душа у него прекрасная, но...— Пэрлот пожал плечами.

— Не думаю, что можно хорошо работать с деревом, не имея гармонии в душе,— сказал я.

— Я тоже, мой мальчик, так не думаю. Но самая распрекрасная душа не является гарантией хорошей работы. Иметь гармонию в душе и быть Мастером гармонии — не одно и то же,— он поднялся и неожиданно спросил: — А что бы ты добавил к тому креслу в витрине?

— Ничего. Это твое творение. Другое дело, если бы мне удалось сделать что-то столь же прекрасное, но свое.

— Ты и правда так думаешь?

Я кивнул.

— Ну что ж, Леррис, передай Дестрину мои наилучшие пожелания. И постарайся сделать что можешь, пока ты здесь.

Поняв, что разговор окончен, я тоже встал, но перед тем, как выйти на весеннюю улицу, не торопясь, как следует рассмотрел кресло.

Сказанное Пэрлотом насчет Бострика вызвало у меня беспокойство. Как бы ни хотелось мне этого избежать, но вскоре

следовало поговорить с Бреттелем. Дестрин продолжал слабеть, и все мои усилия могли разве что продлить упадок.

XLVI

Из оливковой рощи доносятся трели незнакомой птицы. Легкие шаги пересекают посыпанный гравием двор перед кавалерийскими конюшнями.

Над дверью конюшни чадит один-единственный укрепленный в держателе факел. Под ним тихо похрапывает юнец в зеленом мундире стражей самодержца.

Замедлив шаги, женщина с распущенными по плечам длинными темными волосами смотрит на спящего. На ней простая крестьянская одежда, но за спиной — солдатский вещевой мешок, ремни которого врезаются в упругие мускулы плеч.

Она тенью проскальзывает мимо часового в темноту конюшни и на ощупь считает стойла, пока не доходит до третьего.

Конь фыркает.

— Тихо, тихо,— шепчет она.

В полной темноте женщина снимает заплечный мешок и вынимает оттуда два тяжелых пакета со взрывным порошком. Проверив пустые седельные сумы, она осторожно помещает в каждую из них по пакету с порохом и застегивает все застежки.

Пройдя во тьме в дальний конец конюшни, она кладет вещевой мешок на пол. Найдут ли его здесь — не имеет значения. Поутру ее отряд выступает в поход против мятежников Фритауна.

Еще более тихими шагами она выбирается наружу. Пересекает двор и возвращается в свою комнату. Там, не обращая внимания на лежащую на узкой койке светловолосую женщину, она зажигает свечу, сбрасывает крестьянскую блузу и юбку и погружается в ванну, куда заранее набрала холодной воды.

— Кристал... посреди ночи...— боромочет блондинка, садясь и спуская ноги на пол.

— Никогда больше... ни за что.

— Ты о чем?

— Неважно. Видишь там ножницы? — темноволосая указывает на свою койку.

— Ну. А что?

— Дай-ка их мне.

— Но ты ведь не...

— Да. Как я сказала, никогда больше, даже ради всего наилучшего.

Насухо вытеревшись, она надевает линялое белье.

— Но в этом нет смысла.

— Есть. Как раз в этом-то и есть.

Отрезанные черные локоны падают на пол, и ее губы растягиваются в улыбке.

XLVII

Свежий северный ветерок и распустившиеся на клумбах цветы делали прогулку достаточно приятной, невзирая на то, что Бострик шагал так неуклюже, что я все время опасался столкнуться с ним на ходу. Казалось, будто его длинные ноги вышагивают сами по себе, независимо от туловища.

Ни на одной из улиц Фенарда не имелось таблички, хотя все они как-то назывались: Проспект, Ювелирная, Рыночная и так далее. Многие названия я запомнил, прислушиваясь к разговорам. Однако сомневаюсь, чтобы даже коренные жители Фенарда знали наименования всех его бесчисленных тупиков и проулков.

Тем паче, что названия менялись. Из разговора Дейрдре с Бостриком я понял, что в былые времена улица Зеленщиков звалась Трактирной. Лишь Проспект — единственная в Фенарде совершенно прямая и поддерживаемая в порядке улица — всегда оставался Проспектом. Возможно, это было связано с тем, что он представлял собой путь от южных ворот мимо рыночной площади прямо ко дворцу префекта.

Поскольку денек выдался на славу, у меня не было никакого настроения возиться с деталями письменного стола. У Дестрина наступило пусть временное, но улучшение. А Дейрдре, напротив, сопела носом и чихала из-за цветения цветов. Я вызвался пройтись к рыночной площади — взглянуть, не прибыли ли торговцы тканями. И позвал с собой Бострика.

Тот был рад возможности выбраться из мастерской, где я донимал его поучениями, а Дейрдре — жалобами на плохое самочувствие.

— Мы и вправду прогуляемся, почтенный подмастерье?

— Если, конечно, ты, Бострик, не предпочтешь остаться с почтенным хозяином мастерской и поддерживать огонь.

— Поддерживать огонь, должно быть, большая честь...

— Бострик!

— ...но все же я предпочел бы прогулку.

Порой мне казалось, будто Бреттель избрал Бострика именно потому, что под его откровенно ироничной почтительностью и незамысловатым юмором скрывалось нечто куда более глубокое.

Мы шли по улице, когда зацокали копыта, и мы увидели скачущего в сторону дворца одинокого гонца.

— Интересно, что за новости он привез?

— Вид у него не шибко радостный. Может быть, самодержец...— Бострик осекся, когда всадник в сером мундире войска префекта налетел прямо на нас, словно нас и не было. Солдат ехал, вперив взгляд куда-то вперед, и вид имел совершенно отсутствующий.

У него не было никакой ауры, вообще никакой, лишь глубокая пустота, в самых глубинах которой слабо ощущалась белизна.

— Что это? — Бострик посмотрел на меня.— Что это с ним?

Я покачал головой, хотя догадывался, в чем дело.

— Ему надо куда-то попасть. Так надо, что он прет напрямик, никого не замечая.

Остальные прохожие — мужчина в синих шелках, торговка с мешком, рыжеволосый подросток с выбитым передним зубом — отступали с дороги гонца, похоже, не заметив в нем ничего необычного.

По другую сторону Проспекта, между двумя серыми каменными зданиями, начиналась улочка, створ которой окаймляли две клумбы с ранними ярко-красными цветами. Мужчина в голубой рубахе и сером кожаном жилете свернул туда чуть ли не украдкой.

— Это что за улица? — спросил я Бострика.

— Которая?

— Вон та, между клумбами. Ты, вроде бы, все здешние переулки знаешь.

— Это, собственно, даже и не улица...— промямлил он, покраснев.

— Может, площадь? — насмешливо спросил я, довольный тем, что, похоже, малость его смутил.

— Не совсем улица...— упрямо повторил он, глядя куда-то в сторону.

— Что ты имеешь в виду? — настойчиво спросил я.

— Ладно. Я тебе покажу. Сам увидишь.

С этими словами Бострик неожиданно повернулся и припустил через Проспект чуть ли не бегом.

Мостовая была узкой, не более половины рода в ширину, зато ее устилали полированные мраморные плиты, не имевшие ни выщербинки, ни царапинки.

Мой взгляд поднялся к балкону, находившемуся чуть выше моей головы, и я увидел стоявшую там рыжеволосую женщину. Трудно было сказать, сколько ей лет. Всю ее одежду составляла лишь легкая полотняная сорочка. Такая тонкая, что я мог видеть все линии тела и даже темные соски.

«...два молодых человека?..»

Неудивительно, что Бострик краснел.

Не глядя на меня, он остановился и пробормотал:

— Это улица... женщин...

— Да что уж там, парнишка, говори прямо — улица потаскух. Или думаешь, мы сами не знаем, кто мы такие?

Я не видел женщину, которая произнесла эти слова, поскольку взгляд мой перескочил с рыжеволосой в сорочке на блондинку в одеянии без пояса, открывавшем взгляду маленькую, но великолепно сформированную грудь.

Почти лишившись дыхания, с затуманенными глазами, я отвернулся и увидел женщину в прозрачной юбке, которая вела к двери давешнего мужчину в голубом шелке.

В открытом незастекленном окне другого дома красовалась еще одна полуодетая женщина, с тончайшей талией и тоже обнаженной, невероятно красивой грудью.

— Желаете получить удовольствие, юноши? Могу, если угодно, ублажить обоих!

Этот голос принадлежал темноволосой красавице, чьи длинные локоны оттеняли кремовую кожу обнаженных плеч и груди. Я чуть не умер, глядя на нее.

Бострик сопел так громко, что я слышал это, несмотря на все свое возбуждение.

«...подмастерье столяра... я думаю...»

Последние слова были произнесены шепотом, так что мне едва удалось их расслышать, но они насторожили меня настолько, что я потянулся к темноволосой своими чувствами.

И охнул от изумления и отвращения. Скрывавшаяся за иллюзорным обликом красавицы низкорослая плотная женщина излучала не только хаос, но и тяжелую болезнь, свернувшуюся глубоко внутри клубком, подобно липкой зеленой змее. Переместив чувства к стоявшей на балконе рыжеволосой, я обнаружил не только ее болезненную худобу и пустую, отсутствующую улыбку, но и висевший у бедра длинный нож. Чувства утверждали, что мои глаза воспринимали морок. Внутри у меня все перевернулось, во рту скопилась горечь.

Полированный мрамор под ногами превратился в растрескавшуюся глину, заваленную хламом и нечистотами. Аромат цветов сменился отвратительным смрадом.

Бострик стоял как вкопанный, покуда я не ткнул его под ребра и не взял за локоть.

Когда мы, спотыкаясь, выбрались на проспект, он выглядел совершенно ошарашенным. Что же до меня... Если я выглядел так, как себя ощущал, то лучше бы утреннему туману быть поплотнее.

— Видел? — пробормотал Бострик.— Ты видел?

Ничего не ответив, я заставил себя шагать в сторону рыночной площади, стараясь отдышаться и выбросить из памяти гнилостную вонь. И все это время мне не давала покоя одна мысль — откуда одна из этих шлюх могла знать меня?

Содрогнувшись, я непроизвольно потянулся чувствами к Бострику и уловил внедренную в него и тянущуюся к заколдованному кварталу тонкую нить вожделения. Эту нить можно было просто обрезать, однако, уже малость научившись осторожности, я препочел укрепить в нем гармоническое начало, с тем, чтобы, отойдя от возбуждения, он мог отринуть мерзостное наваждение сам.

Бострик пробормотал что-то невнятное.

— Пойдем-ка взглянем на ткани,— предложил я.

— Ткани? После ЭТОГО ты можешь думать о тканях?

— Это гораздо безопаснее,— заметил я, стараясь говорить сдержанно.

— Безопаснее? — обращенные в мои сторону глаза Бострика сверкнули.

— Меня весьма привлекают женщины,— устало проговорил я, угадав его мысль.— Но молодые, здоровые и уж всяко не заколдованные.

— Заколдованные?

Последний его вопрос остался без ответа.

Мы прошли мимо стоящего у входа на рыночную площадь отрешенного стража, окруженного аурой ощутимого холода.

Найти торговцев тканями оказалось ничуть не проще, чем разгадать магические тайны улицы Шлюх.

Пройдя добрую половину торговой площади, миновав неработающий фонтан, лотки горшечников, корзины зеленщиков и прилавок, на котором маленький скрюченный человечек разложил разукрашенные ало-золотыми узорами одеяла, я так и не обнаружил ни цветных знамен, ни торговцев текстилем.

Бострика пробрала дрожь, когда мы проходили мимо Матильды, немолодой бойкой толстухи. Выставленные ею цветы увядали прямо в горшках, подавляемые ее внутренним хаосом. Правда, в ней заключалось не зло, а лишь беспорядок.

Что бы там ни чувствовал Бострик, для меня было предпочтительнее разделить ложе с дюжиной этаких Матильд, чем с любой из девок с улицы Шлюх. Чем лучше я узнавал Фенард, тем меньше мне здесь нравилось. Вполне возможно, что так случилось бы, задержись я в любом другом месте.

Правда, этого я точно не знал.

Зато знал наверняка, что торговцы шерстью не прибыли и что у меня нет желания даже приближаться к той улочке.

XLVIII

— Интересно, кто это? — пробормотал Дестрин, заслышав стук.

Я посмотрел на Бострика, стоящего с рубанком в руке. Посмотрел столь выразительно, что он подпрыгнул, положил инструмент и поспешил к двери.

Несмотря на летнее тепло, работавший над скамьей Дестрин держал дверь и окно закрытыми, поддерживал в очаге слабый огонь и носил под фартуком старую вязаную фуфайку.

Дела вроде бы шли неплохо, но всякий раз, когда я собирался похлопать себя по плечу, случалась какая-нибудь пакость — вроде памятного затопления конюшни. Причем обвинять, вроде бы, было некого. Даже после обнаруженного мною гнезда хаоса на улице Шлюх я не мог приписать капризы погоды происках Антонина. Сложность заключалась как раз в полной невозможности отличить беспорядок, изначально присущий Фенарду, от магически привнесенного.

Другая сложность заключалась в сильной ограниченности моих познаний и навыков по части работы с гармонией. Да, я мог поддержать силы Дестрина, усилить природную склонность Бострика к порядку или помочь нескольким изначально добрым душам противостоять порче хаоса. Но на этом мои возможности исчерпывались.

Задумавшись, я печально покачал головой.

— Леррис, с тобой все в порядке? — спросил Дестрин.

— Все хорошо.

По правде сказать, так оно и было. Если меня что и угнетало, то лишь некоторые мысли и жара в мастерской.

Утерев лоб, я снова всмотрелся в волокна белого дуба, спрашивая себя — зачем я согласился взять заказ на этот стол? Без выцветшей книги рисунков Дормана дело обстояло бы еще сложнее, но даже при наличии чертежа мне пришлось использовать всю свою способность к сосредоточению, чтобы, глядя на необработанную древесину, мысленно представить себе детали изделия и собрать их вместе.

— Вот, хозяин,— Бострик вручил Дестрину плоский конверт и тут же вернулся к кухонному столу, который обстругивал рубанком.

Я знал, что наседаю на рыжеволосого парня даже основательнее, чем наседал на меня дядюшка Сардит. Но мне приходилось торопиться. Сколько времени у меня в запасе и скоро ли Бострик успеет освоить ремесло в достаточной степени — я не знал. Впрочем, он уже обращался с инструментами ловчее Дестрина, что же до Дейрдре... Она постарше его, но душа у

Бострика добрая, а какие-то несколько лет не являются непреодолимой преградой.

— Леррис!

Вскинув глаза, я увидел, что Дестрин побледнел. В следующий миг он схватился за стул, зайдясь в приступе кашля.

Бострик посмотрел на меня.

— Смотри, чтобы все было по линии,— сказал я ему, огибая конец лавки.

— Ты только глянь! — прохрипел Дестрин, кидая мне плотную бумагу.

Я пробежал глазами уведомление.

«Понеже префект вынужден поддерживать оборонительные сооружения государства Галлос против возрастающей угрозы вторжения со стороны самодержца Кифриена, равно как и в связи с необходимостью противостоять настроениям, порожденным в малых княжествах Восточного Кандара Черной магией Отшельничьего, государственная казна нуждается в пополнении, каковое осуществимо лишь путем повышения ежесезонных податей».

То был стандартный текст, под которым, уже другим почерком и более темными чернилами, сделали приписку:

«Дестрин, столяр-краснодеревщик. Ежесезонный сбор — пять золотых».

Первоначально было написано «три золотых», но потом «три» вычеркнули и заменили на «пять». Внесший изменение подписался инициалом «Дж.». Снизу уведомление скрепляла тяжелая печать из синего воска.

— Первый раз, может, и заплатим... Но есть будет нечего, кроме супа. Второй сбор мне не выплатить нипочем, даже в конце года. Ежели отдавать по пять золотых в три месяца, нам и дерево-то покупать будет не на что,— прерывисто дыша, Дестрин тяжело опирался о скамью.

Горе могло ухудшить состояние этого, и без того недужного человека, чья внутренняя структура приходила в упадок, несмотря на все мои усилия.

— Мы что-нибудь придумаем,— заявил я, силясь придать голосу уверенность, которой на самом деле у меня не было и в помине.

— Что тут придумаешь? — мастер зашелся в кашле.

— Обязательно придумаем. Поторопимся со столом для Бретеля — уже подспорье,— бодро проговорил я, хотя у меня имелся повод для серьезных и совсем невеселых раздумий.

По мере увеличения доходности мастерской увеличивались и подати, однако размер последнего сбора составлял всего зо-

лотой и пять серебреников. Судя по приписке, эту ставку собирались удвоить, но потом кто-то добавил еще два золотых. Мне казалось, что такое внимание именно к мастерской Дестрина не случайно, хотя это оставалось просто бездоказательным предположением.

У меня не было ни малейшего представления о том, кто и каким манером устанавливает и распределяет подати. До сих пор все мое внимание и время полностью поглощались делами мастерской и попытками осмыслить содержание «Начал Гармонии».

— Тебе нужно что-нибудь выпить,— заявил я Дестрину.— Ну-ка посмотрим, что есть у Дейрдре.

Дестрин несколько удивился — с чего это я так раскомандовался? Однако лицо его стало уже менее бледным, и он позволил мне помочь ему подняться по лестнице, пробормотав:

— Ничего... я в порядке.

Не ответив, я провел мастера через комнату к его любимому креслу.

Завидев нас, Дейрдре отложила подушечку, над которой работала, и поднялась нам навстречу. Не промолвив ни слова, она перевела взгляд с Дестрина на меня, а к тому мгновению, когда я усадил ее отца в потертое кресло, уже налила ему кружку сока.

— Мне надо взглянуть, как там Бострик,— сказал я девушке, уходя вниз. Чем больше узнавал я о магии гармонии, тем больше опасался самообмана и самообольщения, порожденных слишком частым обращением к ней.

А еще я торопился открыть в мастерской окна, чтобы мы с бедолагой Бостриком не задохнулись.

XLIX

— Капитан Торман приказывает тебе занять тропу на холме и удерживать ее от мятежников,— лишь выпалив единым духом эти слова, гонец позволяет себе набрать воздуху.

— Как? — командир отряда смотрит на него с недоумением.— Мы ожидали, что на подмогу нам подойдет все войско герцога Хидленского.

— Это приказ! — произносит юный солдат со смущенным выражением на лице.

Предводительница отряда вздыхает и поджимает губы. Ветер сдувает со лба ее короткие черные волосы.

— Мы поняли,— говорит наконец она, вперив в гонца взгляд черных глаз.

Съежившись под ее пронизывающим взглядом, молодой человек салютует.

— Это все, командир?

— Да. Передай капитану, что приказ будет выполнен.

— Как?

— Передай капитану, что приказ будет выполнен,— голос ее холоден, и звучащий в нем металл подобен звону погребального колокола.— Будет выполнен, если он станет оберегать дорогу на Галлос.

— Если он станет охранять юго-западную дорогу на Галлос? — уточняет гонец.

— Вот именно. Он должен использовать оставшиеся силы, чтобы удержать юго-западный перевал.

Гонец взбирается на своего коня, ошарашенно переводя взгляд с женщины с холодными глазами на выстроившихся позади нее солдат. Другая женщина, стоящая в строю, касается рукоятки ножа, и гонец снова переводит глаза на офицера.

— Это все! — повторяет предводительница.

Гонец щелкает поводьями и направлет скакуна вниз по склону.

Предводительница отряда смотрит вниз, на простирающуюся к северу долину, а потом переводит взгляд на сложенный квадрат карты. Дорого же пришлось заплатить ей за эту карту!.. Впрочем, иные сказали бы, что цена не так уж велика. Женщина глубоко вздыхает. Несмотря на принятую прошлой ночью холодную ванну, она чувствует себя нечистой, словно не мылась неделями. Она поднимает голову и всматривается в очертания высящихся на востоке холмов.

Ближайший к ней солдат, покосившись на своего командира, бочком направляет пони к другой женщине, светловолосой, с парой ножей на поясе. Единственной, кроме командира, женщине в отряде.

— Она не собирается выполнять приказ капитана...— шепчет он.

— Глянь-ка туда, вниз,— обрывает его блондинка, указывая на стелющуюся по дороге на дальнем конце долины пыль. Неприятеля сверху не различить, но оба знают — враг там.

— Что скажешь?

— Торман убивал командиров и за меньшее...— не унимается боец.

— Ти́хо ты!

Женщина в кожаном офицерском колете косится на перешептывающихся подчиненных, а потом направляет своего коня на восток, вдоль кряжа.

— А Торман-то послал ее не туда...

Командир не обращает внимания на донесшийся из третьей шеренги шепоток. Сосед по строю дергает высказавшегося за тунику:

— Вспомни Джирео, идиот!

Блондинка едва сдерживает улыбку, командир не сводит взгляда с пространства между холмами.

«...не нравится мне все это...»

«...заткнись...»

«...Торман, мерзкий ублюдок, готов загубить целый отряд...»

«...она права. На кой нам сдалось оставлять свои кишки на этой тропе в угоду Торману...»

«...мне все равно не нравится...»

«...что, есть идея получше?»

Переговариваясь вполголоса, воины следуют за черноволосой женщиной-офицером, направляющейся к дамбе. Облако пыли свидетельствует о том, что фритаунские мятежники приближаются.

Облако пыли успевает пересечь долину примерно на треть, когда командир спешивается у окованных железом ворот дамбы. Холодное железо укрепляет каждое соединение и каждое бревно красного дуба, позволяя закрытым воротам выдерживать мощный напор воды.

От южной, каменной стены водохранилища отходят четыре канала, питающих акведуки, несущие воду к засушливым степям южного Кифриена. Над каждым каналом возвышается железное колесо, но все колеса замкнуты железными засовами с двойными замками. Замками размером с кулак здоровенного хуторянина.

Качая головой, командир отряда внимательно рассматривает шлюзовый затвор и окованные железом балки.

«...что ей здесь...»

«...шшш... знает, что делает...»

Наконец она извлекает из промасленного свертка позади седла железный ломик и короткую изогнутую пилу с грубыми зубьями. С этими предметами в руках она приближается к воротам.

— Могут пострадать оливковые рощи,— бормочет женщина себе под нос,— но если это может сделать самодержец, то можем и мы.

Скользнув взглядом по бревнам, она начинает отдирать железную обивку.

На лицах ее солдат написано недоумение, но они молча сидят в седлах и ждут. Обнажив скрытый под железом красный дуб, командир окликает одного из солдат:

— Кассейн!

Плотный малый спешивается и отдает поводья блондинке.

— Да, командир.

— Возьми эту пилу и пропили бревно настолько, насколько сможешь. Пока полотно не зажмет.

— Зажмет?

— Да. Дерево будет схватывать пилу.

Командир переходит к следующей запорной балке и начинает отдирать железо, но тут вмешивается блондинка. Передав поводья двух лошадей третьему бойцу, она подходит к командиру:

— Я справлюсь с этим быстрее.

Командир отряда передает ей ломик.

— Я поднимусь наверх. Оставлю здесь вторую пилу. Проследи, чтобы бревна были надпилены, насколько это возможно.

Сделав пять быстрых шагов, она возвращается к своему коню и командует:

— Дарсо, останешься здесь и поможешь пилить. Алтра и Ферл, несите стражу и будьте бдительны. Потом поменяетесь — пилить будете по очереди.

— Я не...

— Знаю, ты кавалерист, а не плотник. Но если не станешь пилить, можешь считать тебя мертвым кавалеристом. Лошадей привяжи вон к тому корню.

Вскочив в седло, она кивает оставшимся пятерым солдатам, и они едут по покатой тропе на север, откуда заезжают на дамбу.

Спешившись там, командир смотрит на запад и, увидев, что облако пыли уже почти достигло середины долины, бормочет проклятие.

Сняв седельные сумы и стараясь не показывать, насколько они тяжелы, женщина осторожно ставит их на землю подальше от воды. Расстегнув застежки одной из них, она достает пропитанный маслом и воском кожаный мешок. Другая сума остается закрытой. С глубоким вздохом она поднимает промасленный мешок и, пройдя на плоский каменный бык, в который вмурованы железные петли шлюзового затвора, с чрезвычайной осторожностью опускает свою ношу на камень.

Некоторое время она смотрит вниз, пытаясь определить, не начали ли подаваться ворота, а потом свешивается с дамбы и спрашивает:

— Эй, много ты сделала?

— Пять бревен уже подпилено, осталось приблизительно столько же.

Офицер задумчиво смотрит на плещущуюся внизу, переливающуюся через край водослива воду, окидывает взглядом шлюзовый затвор, снова свешивается со стены и кричит:

— Заканчивай и поднимайся ко мне. Со всей командой!

— Бревна эти! Они крепкие...

— Знаю я. Знаю!

Женщина, на вороте зеленого кожаного мундира которой поблескивает еще не успевшая потускнеть серебряная жар-птица, выпрямляется.

— Одного должно хватить...— бормочет она себе под нос, рассматривая облако пыли, под которым уже можно различить верховых солдат. Более тысячи мятежников, не принятых на службу новым герцогом.

Внизу пятеро воинов взбираются в седла и направляют коней по узкой тропе, ведущей на дамбу.

Пока блондинка ведет их на соединение с остальным отрядом, командир возвращается к своему коню и достает из седельной сумы тонкий моток вощеного шнура. С этим мотком она возвращается назад и останавливается, задумчиво глядя на темно-зеленую водную гладь позади шлюзового затвора.

Быстрыми, уверенными ударами она отсекает от мотка четыре равных отрезка, два из которых откладывает в сторону, а один, вынув затычку, вставляет в отверстие в мешке, которое тут же облепляет по краям воском. Второй отрезок привязывается к горловине все того же мешка. Очень медленно и аккуратно командир стравливает веревку, вокруг которой обмотан запальный шнур, пока мешок не опускается на глубину примерно четырех локтей. На ошарашенные взгляды своих солдат предводительница не обращает внимания.

Наконец она пропускает веревку через колесо, а два оставшихся отрезка кладет один к одному на камень, возле которого держит в поводу своего коня блондинка.

— Все назад! — командует она.— Наверх — и за тот бугор!

Даже не проследив, выполнен ли ее приказ, черноволосая женщина снова окидывает взглядом долину.

«Может быть, выждать еще? — мысленно спрашивает она себя.— Воздействие было бы сильнее. Но что, если...» Командир качает головой и снимает с пояса кресало.

За щелчком следует шипение: запальный шнур занимается, и струйка огня бежит к мешку с порохом.

«...дьявольщина! Она таскала это при себе всю дорогу!»

«...один завалящий Белый чародей... и мы все улетели бы в ад...»

«...демоны защищают своих...»

Вскочив в седло, черноволосая галопом мчится прочь от шлюза. Ее подчиненные никогда не видели, чтобы она так погоняла коня.

Оказавшись позади каменистого уступа, где укрылись остальные, командир останавливается и ждет. Ждет.

Ничего не происходит.

Выругавшись, черноволосая бочком направляет коня обратно к дамбе.

В этот миг раздается приглушенный грохот, и темно-зеленая вода вспучивается примерно на три локтя над затвором.

— И это все? — звучит чей-то голос, но он тонет в шуме и грохоте водопада. Сорвав ворота, неистовый водный поток, клокоча и бурля, несется по теснине, устремясь в долину.

«...милосердные боги!»

«...невероятно!»

«...теперь дошло, почему ей никогда не перечат?»

Черноглазая женщина, чьи очи, как кажется, стали еще темнее, направляет коня на гребень дамбы, откуда наблюдает за тем, как навстречу мятежникам неотвратимо катится свирепый водяной вал.

А над юго-западным перевалом, там, где пролегает единственная дорога, единственный путь к спасению, реет знамя Кифриена.

Оливковые рощи, увы, пострадают. Но обученные солдаты нужны самодержцу больше, чем маслины.

L

Чертеж был достаточно прост — деревянное кресло со спинкой о пяти спицах. Инструменты Дормана, хотя некоторые из них были очень старыми, для такого рода работы вполне годились. Выискав в выцветшей книге соответствующие рисунки, я решил, что мы с Бостриком можем делать кресла не хуже Джирла и за меньшую цену. Заняться столовыми гарнитурами означало составить конкуренцию Пэрлоту.

— Это нам по силам,— спокойно заявил я.

Золотистый отблеск в глубине мастерской подсказал мне, что Дейрдре наблюдает за нами из темноты у подножия лестницы.

— За восемь золотых или меньше? — спросил Дестрин, по-прежнему кутавшийся в поношенную фуфайку. Окошко, правда, было на сей раз приоткрыто, но только чуть-чуть.

— Запросим десять,— сказал я, утерев лоб.— Четыре золотых уйдет только на материал, даже с учетом имеющегося у меня в конюшне. И работа займет пять-шесть дней.

— Если ты берешься это изготовить, я объявлю цену,— медленно произнес Дестрин. Лицо его, несмотря на все мои усилия, оставалось сероватым.

Меня не слишком вдохновляла перспектива делать работу для кого-нибудь вроде субпрефекта, но, несмотря на устойчивый доход от продажи лавок и неплохие приработки, денег едва хватало на уплату ежесезонных сборов. Стало быть, у нас оставался не слишком широкий выбор.

Дейрдре могла заключить соглашение и поступить на содержание к кому-нибудь из местной знати. Либо же сам Дестрин мог заключить соглашение о поставке всей своей продукции

префекту или кому-либо из крупных купцов. Однако без меня Дестрин не смог бы выполнить условия такого контракта, а разрыв его оставил бы Дейрдре без гроша.

Правда, у нас имелась возможность выиграть предстоящие торги — они были открытыми, и Джирлу не удалось бы добиться успеха, используя интриги и связи.

Конечно, самый благоприятный результат означал бы для Дестрина и Бострика лишь выигрыш времени, в лучшем случае около года. Если налог не снизят, мастерскую все равно придется закрыть. Однако за год многое может измениться.

— Ты и впрямь думаешь, что мы с этим сладим? — снова спросил Бострик, пытаясь смахнуть с потного лба прилипшие опилки. На сей раз в его тоне не слышалось привычной насмешливой почтительности, из чего я заключил, что парнишка и вправду озабочен.

Я вздохнул — мне бы его заботы. Работа по дереву, даже самая сложная, представляла наименьшее из моих затруднений.

— Кто-нибудь хочет холодного сока? — послышался голос Дейрдре.— Осталось немного льда.

Я кивнул и снова утер лоб.

— Соку выпью, но безо льда,— промямлил Дестрин.

— А я со льдом,— заявил Бострик.— Сейчас-то мне точно не помешает охладиться.

В мастерской стояла такая жарища, что, получив сок из рук Дейрдре, я осушил кружку чуть ли не одним глотком. Дестрина все время знобило, а мне, при всех моих гармонизирующих способностях, гораздо лучше удавалось справляться с холодом, чем с жарой.

— Пойду прогуляюсь,— промолвил наконец я.

Ни Дестрин, ни Бострик не произнесли ни слова.

— К обеду вернешься? — спросила Дейрдре.

— Да. Мне нужно проветриться и пораскинуть мозгами.

Она кивнула и легко взлетела вверх по ступенькам.

Я вышел на улицу, еще не вполне представляя, куда же мне двинуться.

Справа находилась площадь, и я, набрав полную грудь свежего воздуха, обогнул оставшуюся после ночного дождя лужу и зашагал в том направлении. Всю последнюю восьмидневку солнце затягивали тучи. Весна не желала уступать место лету, точно так же, как ранее не желала уходить зима.

Печатая шаг по камням, я не спеша прошелся по Ювелирной и свернул на чуть более широкую улицу, где практиковали целители.

Отнюдь не все мое свободное время посвящалось чистке конюшни и поездкам к Бреттелю за древесиной. Помимо моих

ночных штудий и попыток применить полученные знания на практике, я также бродил по улицам Фенарда, пытаясь уразуметь, что же именно создает в нем такую странную атмосферу.

Согласно моей настольной книге, ощущения предшествуют пониманию. Мне хотелось надеяться, что в моем случае временной разрыв будет не слишком долгим, потому как я ощущал тревогу. Особливо после того, как увидел Антонина и Сефию въезжающими во дворец префекта.

Стоило мне вспомнить о ней, как меня пробирало холодом. Почему-то даже сильней, чем при воспоминании о мысленном соприкосновении с Антонином. И уж всяко больше, чем случалось во время прогулок по улице Целителей.

У каждого лекаря имелась своя вывеска, и ближайшая ко мне, сделанная белыми буквами на красном фоне, излучала красноватую белизну.

Лишь усилием воли мне удалось сдержать порыв и не перебежать на другую сторону улицы.

Послышался стук копыт. Черный экипаж, запряженный вороным конем, отъехал от прикрытого козырьком входа и прокатил мимо меня.

«ЛЕЧЕНИЕ». Эти буквы были вырезаны на доске из белого дуба и окрашены зеленым цветом. Ни дверь, ни вывеску не окружала никакая аура. Возможно, там практиковал не маг, а обычный травник, а то и просто шарлатан.

Вывеску над другой дверью вместо надписи украшало изображение змеи, обвившейся вокруг посоха. О том, что это значит, я не имел ни малейшего представления.

Женщина в тяжелом плаще и широкополой шляпе из черной кожи с черной вуалью выскользнула из двери почти перед моим носом и поспешила в направлении улицы Ювелиров.

Запах роз не мог скрыть от меня укоренившегося в ней недуга — и не просто недуга, а глубочайшей порчи, подобной той, с которой я впервые столкнулся на улице Шлюх. После того я заприметил ту же хворь у торговки гребнями на площади и даже у спутницы одного жреца.

Наверное, знающий Мастер хаоса мог бы устранить эту порчу, однако, по слухам, они заламывали цену куда большую, чем могло бы заплатить большинство женщин.

Покачав головой, я продолжил путь.

— Приворотные зелья... Приворотные зелья...— прошелестел из теней еле слышный голос. Уличная торговля за пределами площади категорически запрещалась, и то, что разносчик любовных напитков таился, удивления не вызывало.

«Тентерра — Природное Исцеление». Над этой вывеской покачивался тусклый красный фонарь, а опоясанная холод-

ным железом дверь была закрыта на засов — не выраженное словами объявление, означавшее, что хаосу путь к Тентерре заказан. Впрочем, не исключено, что и гармонии тоже.

«...Приворотные зелья...»

Слова отдавались у меня в затылке и после того, как я, пройдя мимо еще трех закрытых дверей, добрался до черного козырька. Под ним оказалась дверь из черного дуба, окованная черным же железом. Без каких-либо вывесок и надписей.

Не уловив ничего, ни хаоса, ни гармонии, я повернул назад, к дальнему концу Ювелирной улицы, туда, где она поворачивала и выводила к Проспекту. Улицы в Фенарде были вовсе не прямыми, и, двинувшись по любой из них в одном направлении, вы запросто могли вскоре обнаружить себя шагающим в обратном.

Повернул я машинально, но, возможно, мне захотелось пройти мимо дворцовых садов. Солнце прорвалось сквозь туманные утренние облака и теперь припекало так, что даже в одной рубахе я начинал потеть.

Двое привратников лениво следили за моим приближением. Взглянув направо, я смог бы увидеть зеленые весенние листья на ветвях поднимавшихся над каменной стеной крон кленов и дубов. По другую сторону Проспекта тянулись величественные особняки и казенные здания.

— Эй, парень! Что ты тут делаешь? — рыкнул один из стражей, с угрозой выставив алебарду.

— Просто гуляю.

— Болтаются тут всякие шелапуты...— сердито буркнул он. Подойдя поближе и остановившись, я уловил окружавшее его невероятно плотное облако хаоса. Однако под этим налетом таилось нечто иное, создававшее впечатление, будто на него просто набросили сеть хаоса, а он оказался недостаточно силен чтобы сбросить ее, но и не настолько слаб, чтобы внутренне поддаться порче.

Не раздумывая, я потянулся к нему и усилил его гармоническое начало, которое тут же оттолкнуло наносной хаос.

— Ты прав, нечего мне тут делать. Ухожу.

Мои слова оставили его в полном замешательстве. Малый пытался прийти в себя и разобраться в новых ощущениях.

Мои каблуки застучали по полированным камням, мостившим Проспект перед казенными строениями. Второй страж шепотом спросил у первого:

— Кто это был, а?

Позади зацокали копыта. Оглянувшись, я отступил к стене и, укрывшись в тени, присмотрелся к проезжавшему кавалерийскому отряду.

Знаменосец, парнишка помоложе меня, гарцевал на гнедом скакуне, с ничего не выражающим лицом. От него исходил отвратительный запах хаоса.

Копыта прогрохотали мимо.

Привалившись к стене, я медленно собирал свои почти рассеявшиеся чувства, дивясь такой мощной концентрации энергии хаоса. Антонин и Сефия — наверняка, это их рук дело.

Я понятия не имел, на чем основано это убеждение, однако не сомневался в причастности Антонина, словно он расписался на стенах города.

Пропустив кавалеристов, я направился назад, в мастерскую Дестрина, размышляя о том, стоило ли мне помогать тому стражу? И мог ли я, в любом случае, поступить иначе?

Тем временем солнце снова скрылось за облаками, погрузив город в серое марево.

LI

Структурные модели... они существовали и ощущались повсюду. Об этом писалось в книге, этому учили наставники. Формируя крохотные, невидимые глазом ледяные кристаллы, Мастера Отшельничьего в конечном счете изменили климат Фритауна до такой степени, что это привело герцогство к полному упадку.

Люди производят определенные структурные изменения даже непроизвольно. Став подмастерьем Дестрина, я тоже определенным образом повлиял на структуру Фенарда. Добавил гармонии, изменил ход событий... трудно сказать, как именно.

Собираясь прокатиться на лесопилку, осмотреть имеющийся в наличии черный дуб, предназначавшийся для кресел субпрефекта, я прошел через площадь, задержался прикупить печенья, кивнул немногим знакомым и все это время прислушивался, прислушивался и прислушивался.

Небо затягивали высокие серые облака, но день стоял теплый и парило так, что лоб у меня покрылся потом. Поздняя весна все-таки уступала место лету.

Рынок выглядел как всегда — беспорядочно расставленные лотки и тележки с товарами усеивали серую гранитную мостовую. Так будет до вечера, когда люди уйдут, переносные прилавки сложат, площадь выметут, а мусор вывезут прочь.

Префект был умен — или имел умных советников. Полсеребреника в день брали за торговлю с лотка, а принесший товары на спине платил всего лишь медяк. Все входы на площадь охранялись стражами, да и между прилавками постоянно расхаживали вооруженные дубинками блюстители порядка. Владельцы крупных, не умещавшихся на одном лотке партий то-

вара должны были или продавать его хозяевам лавок, или арендовать лавки сами.

В целом торговля велась честно. Мелкие ремесленники получали возможность продавать свои изделия, не давая взяток и не опасаясь грабежа, а префект получал доход. И собирал сведения, поскольку в Фенарде находился один из немногих открытых рынков восточного Кандара, избавленных от наглых и безмерных поборов, так что купцы съезжались туда отовсюду. Правда, поговаривали, будто рынки самодержца еще лучше, но связей с ними у Галлоса почти не было, ибо пограничные посты (так, во всяком случае, считалось) конфисковывали все, что пытались ввезти с юга без дозволения префекта.

Возле фонтана меня окликнула толстуха Матильда, чья туника и выцветшие пурпурные штаны не вмещали выпиравших телес, а узловатые пальцы ног торчали из драных сандалий. Она торговала цветами, которые увядали рядом с ней, не выдерживая ауры хаоса. Людям, тронутым хаосом, лучше не иметь дела с животными и растениями, но Матильда, похоже, обожала и цветы, и домашних зверушек. А больше всего — сплетни.

— Видел ту золоченую карету? Она проехала западными воротами, будто прикатила откуда-то из-за Закатных Отрогов!

— Наверное, какой-то вассал префекта,— предположил я.

— Это навряд ли. Карета ехала под кроваво-красным знаменем, и ее сопровождали два вооруженных стража. Префект не разрешает въезжать в ворота ничьим вооруженным стражам, кроме своих собственных.

— Может, они забыли...

— Решил подшутить над старой Матильдой, да, парнишка?

Я ухмыльнулся:

— Просто сочувствую бедным стражам, которым приходится таскаться повсюду за своим господином. Тут о чем угодно забудешь.

— «Бедные стражи...» Лопни мои штаны! Одна эта карета стоит целого состояния, не говоря уж о впряженных в нее меринах! Великолепная пара! А внутри — я приметила в окошко — сидела женщина под вуалью. Такие вуали делают в Хаморе, и они по карману только дамам из знати. Ну ладно — вуаль, главное другое. Карета-то, примечай, вся из дерева и кожи. Без единого железного гвоздика!

— Ну,— я пожал плечами,— надо думать, какой-то Мастер хаоса решил отдать префекту дань уважения по пути во Фритаун. Туда стекаются все, кому охота основательно подзаработать.

— И опять ты дал маху,— хохотнула Матильда.— Кони-то поставлены в дворцовую конюшню, а карета — на дворцовый каретный двор.

— Но на кой ляд мог потребоваться префекту Белый чародей? — вступила в разговор горшечница, расставлявшая свои кособокие крынки на уступе у фонтана, переставшего работать задолго до моего появления в Фенарде.

— По слухам, все дело в Кифриене...— Матильда перешла на шепот.

Я остановился и, рассматривая самый кривой горшок, купить который мне не пришло бы в голову и в кошмарном сне, переспросил:

— Кифриен? Это где самодержец?

— Вот-вот,— закивала Матильда.— Префект с самодержцем дружбы не водят.

Я кивнул и поставил горшок на место, сообразив, что подбирающийся бочком к фонтану оборванец, тронутый хаосом, скорее всего,— осведомитель префекта.

— Думаешь, самодержец что-то замышляет?

Матильда, тоже заметившая малого в драной одежонке и смекнувшая, что для нищего он подозрительно чист, пожала плечами:

— Кто их поймет, самодержцев да правителей. Не моего ума это дело. Я просто торгую цветами.

— Купил бы у тебя цветочков, да надобно заехать на лесопилку,— промолвил я с деланным сожалением.

— А ты все еще тянешь лямку на того полудохлого столяра? Мог бы уже открыть собственную мастерскую.

— Без него мне бы ничего не добиться. Конечно, когда-нибудь...

— Э, да небось все дело в его золотоволосой дочке. Ах ты шельмец!

Матильда одарила меня лукавым взглядом, горшечница посмотрела на нас так, будто мы спятили, а префектов соглядатай и вовсе пялился в сторону.

Попрощавшись, я двинулся дальше, по направлению к Ярмарочной дороге.

«...лучшая выделанная кожа к западу от Отшельничьего!»

«...всего за полсеребреника... отдам вместе с ножнами...»

«...свежие бататы! Свежие бататы!»

Вытирая лоб коротким рукавом моей рабочей туники, я приметил еще одного оборванного малого. Правда, этот следил не за мной, а за оружейником, и примечал клинки.

«...Тончайшая сталь... гнется и не ломается... перерубит хоть паутину...»

«...Нежнейший хаморианский хлопок... прекрасен в носке... лучшее полотно...»

«...Яблоки, заговоренные яблоки... чары гармонии продержат их свежими всю зиму...»

Торговец фруктами молол, конечно, полную чушь. Возможно, яблоки у него и хорошие, но наложение чар гармонии требует столь основательных усилий, каких ни один Мастер в здравом уме не стал бы прилагать из-за такой ерунды. Чтобы фрукты зимой не портились, достаточно держать их в холодном погребе да время от времени перебирать.

«...Полмедяка за историю, полную удивительных приключений. Песня радости...»

Из-за угла на менестреля поглядывала худощавая женщина. Одета она была в лохмотья, но крепкие мускулы и гладкая кожа не позволяли принять ее за нищенку.

В чем же суть трений с Кифриеном и чего добивается самодержец? Этот вопрос очень меня занимал, но ответа я пока не находил.

У открытых рыночных ворот отирались трое вооруженных стражников. Двое присматривали за толпой, а один, видать от скуки, взялся помогать каменщику, чинившему каменную арку, что вела в кожевенный ряд.

Лавки в этом ряду я посещал редко — ограниченные средства не способствовали интересу к предметам роскоши.

Ноги сами собой понесли меня обратно к проулку, выходившему к конюшне. Гэрлоку требовалось размяться, а лесопилка Бреттеля находилась достаточно далеко. Стоит заметить, что одной из причин сложного положения Дестрина являлось то, что мастерская его отца обслуживала богатых заказчиков. Мастерство сына никак не соответствовало этому уровню; его скамьи и столы предназначались главным образом для дешевых лабазов и питейных заведений. Однако он ни в какую не хотел продавать прославленную родителем мастерскую и переезжать из богатого квартала.

Моя обеспокоенность передалась Гэрлоку. Когда я седлал его, мой пони нервно приплясывал.

Я все еще думал о заказе на стулья для субпрефекта. Получить сам заказ оказалось не так уж трудно. Дестрин подписал бумагу, я положил ее в конверт и отнес в контору. А на следующий день все претенденты на заказ собрались на ступеньках особняка субпрефекта.

— Рассмотрев заявки и удовлетворившись объявленной ценой в десять золотых, мы отдаем заказ на комплект из пяти стульев столяру Дестрину.

— Что? — Джирл вскочил на ноги. Лицо его побагровело. Правда, молодой человек со схожими чертами тут же потянул его назад и заставил сесть.

— Кроме Дестрина, заявки подавали краснодеревщики Джирл и Растен. Если работа окажется неудовлетворительной

и не будет принята заказчиком, Дестрин уплатит штраф в один золотой, а заказ передадут другому заявителю.

Я покачал головой, опасаясь, не является ли этот пункт уловкой, позволяющей заказчику отказаться от заказа под любым надуманным предлогом. Для нас это было бы катастрофой: я просто не представлял, как мы выкрутимся, случись нечто подобное.

Лесопилка Бреттеля находилась на добрый кай дальше всех прочих, но зато он продавал материал по более приемлемым ценам. Во всяком случае, для меня. А кроме того, он был в курсе всего происходящего в городе и мог поделиться сведениями со мной. Другие мастера попросту не снисходили до доверительных разговоров с наемным работником не самого чтимого ремесленника.

— Зачем пожаловал на сей раз? Есть комель зеленого дуба и обрезки сучьев красного.

— Вообще, я подыскивал зеленых прутьев для корзин.

— Что, дела совсем плохи? — усмехнулся Бреттель.

— Кроме того, я бы не прочь взглянуть и на черный дуб.

— А, значит ты и вправду перебил заказ у Джирла да Растена! Джирл — так тот просто рвал и метал. Заявил, что Дестрину не только стула толкового не сработать, но и спицы для спинки по гроб жизни не выточить. Тут я с ним согласился, но,— лесопильщик ухмыльнулся,— не стал растолковывать, что всю работу, пожалуй, возьмет на себя Дестринов подмастерье.

— Я? Убогий недоучка?

— Это он тебя эдак ославил?

— Ну, не в лицо, конечно...

— Черный дуб очень дорог, Леррис,— промолвил Беттель, согнав с физиономии ухмылку.

— Знаю. Но мы надеемся покрыть расходы, да и выбора у нас особого нет.

— А разве лавки для таверны вас не выручают? Вы стали мастерить их лучше, чем когда-либо делал Хефтон.

— Выручают, но близится срок ежеквартального сбора.

— Дейрдре?

— Если мы не сможем выполнить свои обязательства...

Бреттель покачал головой:

— Старый Дорман всегда боялся чего-то подобного, но что он мог поделать?

— Я обязан что-то сделать.

— А что если префект прознает, что ты настоящий мастер?

— Бреттель, ну какой из меня мастер? С точки зрения закона я ведь даже не завершил обучение...

Бреттель поднял брови:

— Закон закону рознь, паренек. У нас в Фенарде ты не нуждаешься в удостоверении от гильдии. Но я, кажется, смекаю, отчего ты прибился к Дестрину.

— Да, были у меня кое-какие нелады с наставником...

Бреттель кивнул, словно решил для себя относящуюся ко мне маленькую загадку.

— Ладно, что тебе требуется сейчас?

— Хотелось бы взглянуть на черный дуб.

Бреттель снова нахмурился, но тут уж я ничего не мог поделать. Мы не имели возможности тратить деньги впустую, а стало быть, мне следовало увидеть дерево до того, как я начну придавать ему форму.

Лесопильщик повернулся и направился в глубь склада. Я последовал за ним, вновь отмечая, как аккуратно разложены у него бревна и доски.

— Пожалуйста. Все распределено по размерам: чем ниже, тем крупнее. Помеченные двумя красными надрезами, идут по золотому за штуку, с одним надрезом — по пять серебреников, с синей меткой — по два, с желтой — по одному.

К тому времени я уже сообразил, что сердцевина пойдет на спицы и скрепы, а наружный слой — на обводы спинок и сиденья. Оставалось найти четыре бревна, которые удовлетворяли бы моим требованиям.

— Сколько возьмешь за распил?

— Ежели простой, а не какой-нибудь заковыристый, то распилю даром.

Я начал с бревен с синими метками, но, вчувствовавшись в них, нашел подходящими лишь два. Стало быть, еще два приходилось искать среди красных.

— Эти два и вот это,— сказал я через некоторое время.

— Бери то, большое. Отдам, за пять серебреников.

Я потянулся чувствами к указанному Бреттелем бревну. Снаружи оно выглядело великолепно, однако сердцевину имело мягкую и пористую. Между тем высокая цена черного дуба во многом определяется его необыкновенно прочной сердцевиной, с трудом поддающейся обработке.

— Оно не подходит.

— Чем? Прекрасное дерево.

— Но нам оно не годится. Я возьму либо то,— мой палец указал на меньшее бревно,— либо вон это.

Бреттель пожал плечами, решив, что я, по всей вероятности, спятил. Какой, спрашивается, дурак откажется от превосходного большого бревна ради маленького?

— Дело твое, но любое из них будет стоить те же пять серебреников.

— Годится.

Покачивая головой, Бреттель пометил срезы четырех бревен меткой Дестрина — буквой «Д» с полукругом сверху.

— Кто будет платить?

— Я.

Монеты были спрятаны в моем поясе. Бреттель, конечно, неплохо относился и к Дестрину, и ко мне, однако не собирался пилить черный дуб, полагаясь лишь на слово подмастерья.

Отвернувшись, я достал деньги и вручил лесопильщику, по привычке проверившему их холодным железом.

— Пилить сейчас?

— Если можно.

— Почему нет? Работы сейчас мало. Потому что во дворце угнездился чародей, люди опасаются заниматься делами...

Он подкатил к штабелю тележку.

— На рынке толковали о какой-то карете...

— Ручаюсь, о карете Антонина. Он частенько заезжает в Фенард, чтобы встретиться с Голлардом.

— Голлардом?

— Префектом.

— Это как-то связано с Кифриеном? — спросил я.

— Голлард не прочь вернуть места добычи серы в Рассветных Отрогах.

Не переставая говорить, Бреттель с помощью лома и крюка ловко погрузил первое бревно на тележку.

— Может, тебе помочь?

— Лучше просто не лезь под руку.

— А на кой ему сера? Неужто собрался делать порох?

— Да кто их поймет,— отозвался Бреттель, возившийся уже с третьим бревном.— Кавалерия самодержца изрубила отборный Голлардов отряд вместе с новобранцами. Какая-то шлюха прикончила его зятя,— лесопильщик ухмыльнулся.— Некоторые отнеслись к этому с одобрением.

Я покачал головой. За все время, прожитое мною в Фенарде, мне так и не удалось уразуметь, что же не поделили префект с самодержцем.

— Почему?

— Что «почему»? — последнее, самое маленькое бревно Бреттель перекинул на тележку с такой легкостью, словно это была зубочистка.

— Почему они враждуют? Я про самодержца с префектом.

Бреттель связал бревна и только после того ответил:

— Говорят, ее мать была дочерью чародея.

У меня аж челюсть отвисла. До сих пор мне и в голову не приходило, что самодержец — женщина.

— И эта самая мамаша с помощью чародейских хитростей отколола от Галлоса земли у Малых Рассветных Отрогов, а потом, после смерти тамошнего князя, присоединила еще и старую Аналерию. Дочка, унаследовавшая престол несколько лет назад, объявила о присоединении земель еще и у Закатных Отрогов. На них претендовали и герцоги Хидлена, хотя на деле они никогда там не правили. Думаю, наш Голлард решил, что по чародейской части дочка матери не чета, вот и попытался вернуть утраченное. И ведь сначала все шло как по маслу. Он расколошматил ее армию, но кифриенские крестьяне поднялись против него, подожгли посевы и открыли шлюзы. В грязи, на затопленных полях, с конницей не развернешься. Никто не понял, как это вышло, но вместо победы Голлард потерял половину своего войска и бульшую часть офицеров. Между тем самодержец стала набирать в свою стражу лучших бойцов, каких могла найти, включая и женщин. Теперь в большинстве стычек конница префекта терпит поражения. Но к нам отряды самодержца никогда не вторгаются.

За разговором он подвез тележку к пиле, водяное колесо которой сейчас не вращалось.

— Как резать?

Взяв мел, я разметил каждое бревно нужным мне образом.

— Сегодня к вечеру я могу отправить доски к вам в мастерскую,— промолвил Бреттель.

— Было бы здорово.

Бреттель принялся налаживать пилу, а я направился к тому месту, где привязал пони.

Кифриен против Галлоса — гармония против хаоса? Неужто все дело в этом? Или в том, что женщина выступает против мужчины? Чем больше я узнавал фактов, тем больше возникало новых вопросов.

— Поехали,— сказал я, забравшись на своего косматого приятеля и тронув поводья.

LII

После того, как мы получили заказ субпрефекта и разжились нужным нам материалом, дело осталось только за тем, чтобы этот заказ выполнить. И выполнить как следует. А мне, помимо беспокойства о своей собственной работе, приходилось тревожиться еще и за Бострика. Волновала меня и возможность козней со стороны обозленного Джирла. Даже за едой мне не удавалось отделаться от назойливых мыслей.

— У тебя усталый вид,— заметила Дейрдре. Меня это замечание не удивило.

Каждую ночь я окружал лавку охранными чарами, но, не будучи уверен, что от них будет толк, держал посох рядом с топчаном.

В процессе работы я беспрерывно прощупывал дерево чувствами, стараясь не проглядеть ни одной трещинки, сучка или внутренней полости, которые, проявившись в уже готовом изделии, могли бы загубить всю работу. Когда мне удалось отыскать пару таких скрытых дефектов, Бострик и Дестрин решили, что я рехнулся — ведь только безумец может пренебречь несколькими кусками превосходного с виду черного дуба.

— Это хорошее дерево, Леррис.

— Недостаточно хорошее. В нем есть изъяны.

— Какие? Где?

Ответить было нечего, ведь объяснить, в чем дело,— означало раскрыть себя как начинающего Мастера гармонии.

— Если почтенный мастер, с превеликой скромностью именующий себя подмастерьем, говорит, что изъяны есть, стало быть, изъяны есть,— это ироническое, сделанное мимоходом замечание Бострика обеспокоило меня потому, что он переглянулся с Дестрином, и оба они, кивнув друг другу, не вымолвили больше ни слова.

Я ворчал, бурчал и фыркал даже за ужином. Уж на что терпелива была Дейрдре, но и та стала остерегаться обращаться ко мне с лишним словом.

И отделку поверхности, и полировку лаком я выполнял самостоятельно и работал до тех пор, пока вещи не стали восприниматься как безупречные. А после этого я еще и неоднократно усиливал их внутреннюю гармоническую структуру, доводя ее до способности к отторжению хаоса.

Мы сделали все пять стульев. И сделали на славу.

Бреттель одолжил нам свою тележку, и Гэрлок отвез ее все к тому же переднему крыльцу особняка субпрефекта.

Признаться, я рассчитывал иметь дело только с домоправителем заказчика, но не тут-то было. На ступенях нас встретили угрюмый Джирл, Пэрлот и несколько других, незнакомых мне мастеров.

Сам субпрефект отсутствовал, от его имени заказ принимал какой-то тощий, обряженный в мундир чиновник.

Перво-наперво нам велели выставить стулья в ряд на гранитных плитах, после чего чиновник принялся осматривать их с величайшей дотошностью, сравнивая между собой и выискивая малейшие погрешности в соединениях и отделке. Он прощупывал пальцами каждый стык.

Лоб Бострика, несмотря на облачность и прохладу, покрылся потом, да и я поджал губы. Такой осмотр не был обычным делом.

Утешало только присутствие Пэрлота. Чем больше усердствовал чиновник и чем больше хмурился Джирл, тем явственнее становилась улыбка Пэрлота.

Наконец чиновник повернулся ко мне.

— Изделия кажутся приемлемыми,— буркнул он, доставая свиток. Тут же подскочил слуга с пером.— Поставь метку вот здесь.

В бумаге говорилось, что субпрефект принял пять стульев, общей стоимостью в десять золотых, изготовленных в мастерской Дестрина. Исходя из этого, я подписал бумагу, аккуратно скопировав личную метку хозяина мастерской.

Чиновник поднял брови, но промолчал.

Джирл подошел к стульям, в свою очередь внимательно осмотрел их, а потом окинул меня долгим, испытующим взглядом. Я стоял неподвижно, дожидаясь денег, которые вскоре и были принесены в кожаном кошеле.

Разумеется, определить, что золото не порченое, я мог и просто так, однако не преминул достать нож и проверить монеты сталью. Ни один здешний торговец не поступил бы иначе.

Чиновник, словно в подтверждение своих мыслей, кивнул. И, по-видимому, успокоился.

Джирл еще раз окинул взглядом стулья, покосился на меня и зашагал в сторону Проспекта.

Другой, незнакомый мне мастер тоже осмотрел стулья, но в отличие от Джирла потом подошел ко мне.

— Славная работа,— промолвил он с одобрительным кивком. Чувствовалось, что человек он честный и добрый, с затаенной внутри печалью.

Слуги начали заносить стулья в здание. Чиновник повернулся к собравшимся и с высокомерной миной бросил:

— С вами все, ремесленный люд.

— Спасибо,— я поклонился.

Он отвернулся, предпочитая не замечать моего поклона.

— Превосходная работа, провались я на этом месте! — послышался хриплый голос. Возле тележки стоял Пэрлот.

— Спасибо на добром слове.

— Не за что. Сидденнал из кожи вон лез, чтобы найти повод для придирки, но ничего у него не вышло.

Мне тоже показалось, что чиновник действует предвзято. Но правда и то, что изделия были по-настоящему хороши.

— Ты сбил цену, и сильно сбил, учитывая качество работы,— заметил мастер несколько суше.

— Мастер Джирл, кажется, огорчился.

Я ушел от прямого ответа и сделал вид, будто внимательно проверяю упряжь.

— Ничего, отойдет. Ну ладно, Леррис, всего доброго.

Пэрлот улыбнулся и быстрыми шагами удалился в переулок, оставив меня с Бостриком, пони, пустой тележкой и десятью золотыми в кармане. Пять из которых предстояло уплатить в казну префекта.

— Что теперь? — спросил Бострик, вытирая лоб.

— Уберемся отсюда, пока они не передумали, а потом поищем себе новую работенку. Желательно такую, чтобы и ты не остался в стороне.

— Мне таких вещей нипочем не смастерить,— понурился Бострик.

— Пока. Но это не значит, что ты не можешь научиться,— промолвил я, развернул впряженного в тележку Гэрлока и взобрался на жесткие козлы.

— Поехали.

Бострик уселся рядом со мной. Мне предстояло отвезти его в мастерскую, а тележку вернуть Бреттелю.

LIII

Увидев в окне знакомое лицо, я удивился — что могло привести Пэрлота к нам в мастерскую? Дестрин отдыхал наверху, а мне, подмастерью, встречать полноправного мастера было не по чину.

Отложив рубанок, я пересек комнату, улавливая идущий сверху запах ячменного супа. Мы поели раньше, но Дестрин с нами не ел, и, видимо, Дейрдре кормила отца сейчас.

Бострик поднял голову.

— Не отвлекайся,— велел я ему.— Следи за тем, чтобы волокна сошлись ровно.

— Это всего-навсего скамья для таверны. Но я внимаю мудрым речам...

Я взглянул на него, и он принялся сосредоточенно проверять, ровно ли сходятся волокна.

Пэрлот вошел в мастерскую и остановился у порога. Он был в обычном рабочем платье, но сверху накинул толстую куртку.

— Прошу прощения, мастер. Дестрин сейчас спуститься не может.

— Не стоит извиняться, Леррис, я не к нему, а к тебе. Сегодня вечером во «Втулке» собирается компания, и я хотел пригласить тебя. Пусть приходит и твой ученик, ему не повредит познакомиться с Гриззардом и другими подмастерьями.

Я даже рот разинул. По существу это приглашение означало, что мастера признают меня равным. Бреттель, что ли, расстарался?

— Благодарю тебя. Для меня это большая честь.

— Думаю, это большая честь для нас,— откликнулся Пэрлот с легкой улыбкой.— Дестрину несказанно повезло с подмастерьем. До вечера.

Он кивнул и ушел.

Лишь после его ухода я позволил себе слегка перевести дух. Сам мастер Пэрлот не счел за труд лично явиться в мастерскую, чтобы пригласить на попойку мальчишку-подмастерье! Это сулило надежду на осуществление моих замыслов.

Оторвавшись от верстака, Бострик поднял кустистые брови.

— Нас пригласили в таверну выпить вечером с другими мастерами.

Бострик лишь кивнул, словно это было самое обычное дело. Впрочем, пожалуй, он так и воспринимал все случившееся. В отличие от меня, Бострик проводил немало времени в обществе других подмастерьев, и я поощрял это, полагая, что ему не помешает обзавестись на будущее друзьями и знакомыми.

Взявшись за рубанок, я вчувствовался во внутреннюю структуру комода. Мне казалось, что там не все в порядке. Трудно сказать, сколько на это ушло времени, но в конце концов мне пришлось переналадить одну из направляющих опор выдвижного ящика, и дело пошло на лад. Изделие стало приобретать форму, близкую к желаемой, к одному из старых рисунков Дормана.

— Леррис!

Я покачал головой, сообразив, что провозился с комодом дольше, чем думал.

— Да?

— Лавка Хадмита закрылась,— тактично заметил Бострик.

Ювелир обычно работал дольше, чем кто-либо другой. Кивнув, я начал собирать инструменты. Бострик заодно разложил по местам и инструменты Дестрина.

Мы умылись и, поставив в известность Дейрдре, отправились через площадь к таверне. Меня беспокило лишь то, что по возвращении мне придется чистить Гэрлоково стойло. А утром рано вставать.

На Лесопильной улице нам пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить возвращавшийся в казармы кавалерийский отряд. Три коня шли с пустыми седлами, на одном из которых расплылось темное пятно. Мечи всадников испускали тусклое красное свечение хаоса. Пленных за отрядом не вели.

Пропустив всадников, я посмотрел на Бострика и покачал головой.

— Видать, плохи у них дела.

Он кивнул, и мы продолжили путь.

В таверне «Втулка» все оставалось по-прежнему. Хотя камин, по летнему времени, не горел, мне вполне хватало и едкого кухонного чада.

Из-за стола меня окликнул Пэрлот, и я поспешил к нему, предоставив Бострика самому себе.

— Прости, мы чуток припозднились. Сперва заработались, а когда пошли, пришлось пропустить конников префекта.

— Знакомься,— Пэрлот обвел рукой стол.— Джирл, его сын Дерил, Растен и Ферральт. Обычно с нами выпивает еще и Хертол. А это,— он положил руку мне на плечо,— Леррис, прыткий малый, решивший занять место старого Дормана и заставить меня побегать за моими денежками.

Все расхохотались, а Пэрлот выдвинул стул и спросил:

— Что будешь пить, Леррис?

Мне оставалось лишь смущенно улыбнуться.

— Сок, мас...

— Никаких «мастеров». Просто Пэрлот.

— А что ты там говорил насчет конницы? — полюбопытствовал Дерил.

— Не скажу точно,— ответил я, пожимая плечами,— но, два десятка кавалеристов возвращались после стычки, потерпев поражение. Кони с пустыми седлами, пленников нет...

— Проклятье! — пробормотал мужчина, сидевший напротив.— Охота же ему опять задираться с самодержцем!

Возле Пэрлота появилась все та же худощавая, со шрамом на щеке, служанка. Точнее, худощавым оставалось ее лицо, а вот живот под передником заметно округлился, показывая, что девица не ограничивалась простым кокетством.

— Что еще подать, мастера?

— Для Лерриса соку, а мне налей еще пива,— распорядился Пэрлот, вручая ей свою массивную кружку.

— ...Самодержец уже показала, на что способна, расправившись с мятежниками из Фритауна...

— Я так понимаю, что префекту лучше бы избегать столкновений с Кифриеном? — вежливо поинтересовался я.

Джирл прокашлялся:

— У Галлоса славная история, и самодержцу следует чтить ее и признавать исторические границы...

— Он хочет сказать,— пояснил с усмешкой лысеющий Ферральт,— что префекту следует вернуть владения, утраченные Галлосом в незапамятные времена, а заодно, коли получится, прибрать к рукам и другие земли.

— Ферральт,— рассердился Джирл.— Я сказал именно то, что хотел.

— Он входит в число советников префекта,— шепнул мне на ухо Пэрлот.

— А что, у самодержца все бойцы женщины? — спросил я.

— Нет, только лучшие.

На стол со стуком опустились кружки.

— Вот сок и пиво. С вас два медяка.

Я вручил служанке монеты. Пэрлот удивился, но возражать не стал.

— Женщины воюют варварски,— сказал Растен.

— Он хочет сказать,— опять не удержался от пояснения Ферральт,— что женщины не лезут в драку почем зря, а вступают в бой, лишь когда уверены в победе.

— Как та, насчет которой жаловался Торман?

— Черноволосая, которой самодержец дала чин в обход его кузена?

— Может мне кто-нибудь что-нибудь объяснить? — спросил я, сделав большой глоток.

Растен бросил взгляд на ухмыляющегося Ферральта, и тот, пожав плечам, сказал:

— Торман женат на моей сестре. Кузен его, тоже Торман, поступил на службу к самодержцу, потому что бывший префект... Впрочем, это долгая история. Короче, молодой Торман был в очереди на чин подкомандующего, когда эта женщина, командир малого отряда, проделала какой-то фокус с водой и одолела фритаунских мятежников, не потеряв ни единого бойца. Самодержец отдала ей пост, на который Торман уже губу раскатал, и тот со злости вызвал эту особу на поединок, да еще и оскорбил. Они сразились, и чертова баба отсекла ему руку вместе с мечом. От самодержца он получил пенсию — и предостережение.

— Неужто правда? — спросил я, желая узнать больше.

— Чистая правда,— встрял в разговор Джирл.— Эта сука — с Отшельничьего. Но самодержец — сама такая же стерва, и ей на все наплевать. Примет на службу хоть демона, лишь бы ее бойцы хорошо дрались.

Над столом повисло молчание.

— Леррис,— нарушил его Пэрлот,— не расскажешь ли ты нам, как это тебя занесло в наши края?

— Можно сказать, что волей Отшельничьего,— промолвил я, отхлебывая из кружки и пытаясь сообразить, как бы и правды не выложить, и без вранья обойтись.

Все взоры обратились ко мне.

— Я уже говорил Пэрлоту, что, оставив ученичество, хотел обосноваться во Фритауне, но тут старый герцог рассорился с Отшельничьим. В отместку чародеи наслали такие дожди, что луга превратились в болота. Потом старый герцог умер, а от всяких колдунов во Фритауне стало не продохнуть.

Это было не более чем преувеличение, но у меня слегка скрутило желудок.

— Колдуны, мятежники, работы нет... Короче говоря, я навьючил на пони весь свой скарб и отправился восвояси.

— А откуда ты родом и почему забрался так далеко? — осведомился Джирл.

Я пожал плечами:

— У меня нет удостоверения от гильдии, так что по закону я — всего лишь подмастерье. Хрисбарг оказался слишком мал, чтобы там нашлось дело для еще одного ремесленника, ну а Хаулетт и вообще Монтгрен... вы их видели?

Все, кроме Джирла, рассмеялись, а я, пока этот малый снова не спросил, откуда я родом, продолжил:

— Пробовал я пристроиться и в Джеллико, но там без бумаженции с печатью и носу на улицу не высунешь. Что оставалось делать бедному подмастерью? Как бы ты поступил на моем месте? — свой вопрос я адресовал Дерилу.

— Наверное, как и ты,— отправился бы в Фенард. Но как тебе удалось перебраться через Рассветные Отроги?

— С превеликим трудом. Я мерз как собака, потому как не мог позволить себе останавливаться на тамошних постоялых дворах...— сказав это, я ощутил некоторую неловкость, хотя не вымолвил ни слова лжи. Мне ведь действительно приходилось сторониться трактиров, хотя и не из-за пустого кошелька.— К счастью, обошлось без сильных снегопадов, но мне все равно пришлось ждать, пока караван расчистит дорогу.

— А как ты попал в Джеллико? — спросил Растен.

— Кому что-нибудь принести? — встряла служанка.

— Мне ничего,— ответил Пэрлот.

— И мне ничего,— сказал я.

— А мне еще кружечку...

— Мне тоже...

— А я повременю...

— Да, так насчет Джеллико... мне повезло. Я повстречался со странствующим целителем, у которого было в Джеллико дело. И он взял меня с собой.

Джирл угрюмо припал к массивной коричневой кружке.

— А где ты выискал чертеж того стола, который смастерил для Райсона? — задал вопрос Пэрлот.

— Нашел в книге Дормана, но внес в него несколько изменений. Чтобы получилось то, что было нужно Райсону.

— Вот ведь хитрюга,— хмыкнул Ферральт.— Но как бы то ни было, способ крепления ты придумал интересный. Не против, если я тоже его использую?

— Пожалуйста, хотя ты наверняка можешь найти и лучший. Я-то работал в спешке.

Это было чистейшей правдой. Дядюшка Сардит тоже не одобрил бы подобной торопливости.

— А с чего тебе взбрело в голову мастерить детский столик? — полюбопытствовал Растен.

— Да в общем-то из-за Бострика. Я понял, что у парня есть чутье, и мне захотелось дать ему что-нибудь такое... ну...— Я развел руками, надеясь, что меня поймут. И мастера поняли. Даже угрюмый Джирл медленно кивнул.

— Возможно, и нам стоило бы уделять больше внимания такой работенке,— заметил Дерил.— Некоторые вельможи неплохо платят за игрушки и детскую одежонку, так почему бы и не за мебель? Я слышал, будто бы в Хаморе есть даже миниатюрный дворец.

Девица грохнула тяжелые кружки на стол с таким стуком, словно приложилась к столешнице киянкой.

Я покосился туда, где сидели подмастерья. Они держались непринужденно, и Бострик, похоже, чувствовал себя в их компании как рыба в воде. И болтал без умолку.

«...И вот без конца... толкует о волокнах, волокнах и опять о волокнах... о том, что дерево надо чувствовать так, будто ты видишь его насквозь... а меня порой отропь берет, потому как кажется, будто он и вправду может...»

«...да они и не такое... все могут... на то и мастера...»

— По медяку с каждого, почтеннейшие,— произнесла служанка резко.

— А много еще ты набрал заказов? — с деланным безразличием спросил Джирл.

— Да всего ничего, мы ведь только встаем на ноги. Есть угловой комод, сундук для приданого и пара скамей.

— Заказы будут,— сказал Пэрлот.— Вессель твоей работой не нахвалится.

— Мы стараемся...

Я заметил, что на улице уже стемнело.

— Мне пора,— заявил я, поднимаясь со стула.— Дестрин хворает, да и пони своему я корму не задал...

— Может, чуток задержишься? — пробурчал Джирл.

Я чувствовал, что при всей своей неискренности и недружелюбии он и вправду хотел меня задержать.

— Рад бы, но не могу.

— Ладно, может, в следующий раз мы узнаем о тебе побольше,— сказал Пэрлот.

Я кивнул, хотя рассказывать больше, чем уже выложил, не имел ни малейшего желания.

Направляясь к выходу, я задержался возле компании Бострика, сказал ему, что он может оставаться здесь, и, не дожидаясь ответа, двинулся дальше. Сзади слышались приглушенные голоса:

«...нормальный парень... ничего страшного...»,

«...больно уж молодой для такого доки...»

Я вышел на улицу, размышляя о том, не слишком ли много выболтал?

Небо расчистилось от туч, и теперь его усеивали мерцающие звезды, а над западным горизонтом висел серп молодой луны.

Вдалеке, в глубине рыночной улицы фонари гостиницы «Рог» покачивались на ветру.

Джирл. Этот человек вызывал у меня беспокойство. С первой встречи, с того самого дня, когда он осматривал на рынке мои шкатулки.

Хотя ночь только началась, улицы уже опустели. Добропорядочные горожане большей частью разошлись по домам. В Фенарде к работе приступали с рассветом.

Я подавил зевок, вспомнив о так и не вычищенном стойле Гэрлока, потер кончик носа и ускорил шаг.

Но на полпути к перекрестку меня заставило остановиться острое ощущение хаоса, источник которого находился где-то впереди. Я торопливо отступил в темноту, жалея, что со мной нет моего посоха.

Звуки приближающихся шагов были очень тихими, почти неслышными.

Я завернулся в кокон невидимости, желая надеяться, что поступаю правильно. Что имею дело с обычными убийцами, а не с Мастером хаоса.

Двое мужчин осторожно приближались к тому месту, где я только что находился. Воспринимая их не зрением, а только чувствами, я определил, что один из них, постарше, испускает бело-алое свечение. Второй был обычным наемным убийцей, злодеем по природе, но не тронутым магической порчей.

Осматривая обе стороны улицы, они направлялись в мою сторону. Я, напротив, вышел на мостовую. Жаться к стенам не имело смысла. Увидеть меня они не могли, а вот натолкнуться, заглядывая во всяческие ниши и выемки,— это запросто.

Неожиданно снова послышались тихие шаги. На сей раз со стороны «Втулки».

Старясь не выдавать себя слишком громким дыханием, я, чувствуя себя беззащитным и выставленным напоказ, снова прижался к кирпичной стене между двумя закрытыми лавками. Надеяться приходилось лишь на щит невидимости — нож на поясе вряд ли сможет помочь против обнаженных мечей.

Вторая пара наемников прошла совсем рядом. Едва они удалились на несколько шагов, я бочком осторожно заскользил в сторону мастерской Дестрина.

«...исчез...»

«...вышел из таверны. Я видел...»

«...как сквозь землю...»

«...зашел в какой-нибудь дом...»

Предоставив убийцам строить догадки, я тихонько удалился к дому Дестрина.

Начал я с того, что задал корму, а потом немного почистил Гэрлока щеткой — чтобы и его успокоить, и самому подумать. Потом, волей-неволей, пришлось взяться за лопату и ведро.

В мастерскую я вернулся поздно и застал Бострика расстилавшим свою постель.

— Ну как посидели? — спросил я, отмывая руки в тазике.

— Замечательно. Только вот ребята говорят, что ты здесь не задержишься. Будто бы ты из тех малых, которых тянет к странствиям. Это правда?

За столом Бострик явно не ограничился одним пивом, иначе ни за что не посмел бы обратиться ко мне с таким вопросм. Да и еще без обычной нарочитой почтительности.

— Может и так,— отозвался я, пожав плечами.— Ложись спать.

Он лег. Я тоже, но заснуть мне не давали мысли об убийцах. У меня не было сомнений в том, что Джирл на их счет каким-то образом осведомлен. Но знать о головорезах — это одно, а подослать их самому — совсем другое. Мечи этих людей воспринимались чувствами одинаково, а это наводило на мысль, что они — из числа людей префекта.

Похоже, моей спокойной жизни в Фенарде пришел конец. Правда, пока никто не выступал против меня открыто, но это только вопрос времени. К тому же теперь мне придется остерегаться убийц.

LIV

Спалось мне той ночью плохо, хотя я и навел всюду, где мог, охранные чары. Мучаясь бессонницей, я встал и перетряхнул свой узкий матрас, обдумывая при этом известные факты. Буквы «Дж.» на налоговом уведомлении наверняка означали «Джирл». Этот малый не испытывал ко мне дружеских чувств, и он, как выяснилось в таверне, состоял при префекте кем-то вроде советника.

Потом, усугубляя мою тревогу, в ночи прокатился громовой раскат. Это был не естественный гром, исходящий из громовых туч, и не рукотворный, вроде порохового взрыва. Хуже того, он не являлся и звуковой иллюзией, какими Мастера хаоса наводят страх на невежественных людей. Такой гром мне доводилось слышать лишь однажды, когда холодная буря пыталась погубить меня на равнинах Кертиса.

В результате всего этого я ворочался и потел, в то время как за занавеской громко храпел Бострик.

Правда, в конце концов сон сморил меня. Спал я без ясных сновидений, а коли они и были, то мне не запомнились. Что,

возможно, и к лучшему, потому как пробудился я перед самым рассветом. Весь в поту, хотя ночь выдалась прохладной.

Сбегав в находившуюся на дворе кабинку и умывшись холодной водой, я почувствовал, как понемногу становлюсь человеком. Ну а принесенные Дейрдре фрукты и печенье способствовали этому в еще большей степени. Конечно, можно было бы поесть и наверху, за столом, но по утрам я предпочитал перекусить на скорую руку и пораньше приступить к работе. Особенно в хорошую погоду.

— Ну почему... почему мне выпало стать учеником человека, который любит вскакивать спозаранку? — ныл Бострик. Выглядел он чуток хуже, чем обычно, однако такие жалобы давно уже превратились в нечто вроде утреннего ритуала.

— Все только о тебе и толкуют,— заметил он, когда мы взялись за работу.

— Да? — рассеянно отозвался я, сверяя заготовку комода с чертежом.

— Ага. Джирл считает, что ты явился с Отшельничьего...

Я проглотил холодный комок и промолчал.

— А Дерил думает, будто ты хочешь прибрать к рукам Дейрдре и лавку, а вот Гриззард не видит в тебе ничего особенного и удивляется, что это все так на твой счет раскудахтались.

Пожав плечами, я допил сок и отставил кружку.

— А еще Джирл сказал Дерилу, что с этими стульями, ну теми, которые мы смастерили для субпрефекта, еще возникнут проблемы... но какие да почему — так и не растолковал.

Сначала я просто не понял, о чем речь. Что за проблемы могут возникнуть со стульями? А потом, вспомнив, как реагирует на хаос мой посох, поежился. Упрочивая и без того сильное гармоническое начало черного дуба, я опять, как всегда, не подумал о возможных последствиях.

— Эй, ты в порядке?

Я мотнул головой:

— Все нормально, просто забыл кое-что и только сейчас вспомнил...

Хотя сундук для приданого Далты был давно готов, я откладывал встречу с Бреттелем. Во-первых, мы были многим обязаны лесопильщику и я не собирался торопить его с оплатой заказа, а во-вторых, серьезный разговор казался мне преждевременным в силу недостаточной подготовленности Бострика. Но теперь, когда меня на каждом углу могут подстерегать убийцы...

Несмотря на то что никто, кроме Джирла, не выказывал по отношению ко мне открытой неприязни, я чуть ли не физически ощущал поднявшуюся против меня мощную, враждебную силу, природу которой не мог определить.

Конец лета выдался засушливым и жарким. Травы вокруг Фенарда жухли, а в самом городе просто нечем было дышать.

Дестрин все еще пытался работать, но вызванные приступами кашля перерывы на отдых делались все длиннее. Теперь он уже не бледнел, когда кашлял. Мертвенная бледность просто не сходила с его лица.

— Пусть Бострик закончит,— предложил я, когда он, склонившись над скамьей, в очередной раз схватился за грудь.

— Я только что спустился,— возразил он.— Ты что же, хочешь вообще выставить меня из мастерской? Это моя мастерская, я здесь хозяин, и никакой чужак не будет указывать мне, что да как делать...— сердитую тираду оборвал новый приступ.

— Выставлять я тебя никуда не собираюсь. У тебя есть Бострик, и он здесь для того, чтобы тебе помогать. Я стараюсь научить его, чему могу, но какой из него выйдет помощник, если ты и впредь будешь пытаться делать все самостоятельно?

Произнося эту фразу, я слегка подправил разлаженный внутренний порядок его организма, но лишь чуть-чуть. Дестрин был настолько слаб и уязвим, что любое серьезное воздействие могло оказаться для него еще опаснее кашля.

— Папа, отдохни...— поддержала меня Дейрдре. Всякий раз, когда она заговаривала с отцом, ее голос, за которым таилась внутренняя боль, звучал мягко, но весьма настойчиво.

— Все вы... заодно. Только и думаете... как от меня отделаться.

Продолжая ворчать, Дестрин, однако, позволил дочери увести его наверх.

Едва он скрылся из виду, я отложил рубанок, поманил Бострика и мы осмотрели лавку, над которой наш хозяин пытался работать .

— Можешь ты довести ее до ума и закончить? — спросил я.

— Могу, только вот как посоветуешь быть с этим? — Бострик указал на отверстие, сделанное, возможно из-за приступа кашля, в стороне от разметки.

— По-разному можно поступить. Изменить расстояние между спицами и рассчитать так, чтобы эта дырка пошла в дело, или вставить штырь и зачистить поверхность...

Бострик нервно облизал губы.

— Решай сам и берись за дело. Дестрину эту работу не закончить.

В тот миг я и сам не представлял, насколько точны были мои слова.

— Леррис! — окликнула меня с лестницы Дейрдре. Голос ее звучал как обычно. Эта девушка, умелая рукодельница и прекрасная хозяйка, обладала сильной волей. Однако за внешним спокойствием я почувствовал настоятельную нужду.

— Сейчас подойду,— сказал я ей и повернулся к Бострику.— Нам с Дестрином надо кое-что обсудить. Ежели появится покупатель, позвони в колокольчик, и я тотчас спущусь.

Я проследовал за девушкой наверх, приметив оценивающий взгляд Бострика. Не будь Дейрдре так взволнована, мне бы, наверное, не удалось удержаться от улыбки.

— Папа... он стонет и не узнает меня,— сказала она.

Ее работа была отложена на столик у заднего окошка. Пожалуй, сейчас Дейрдре зарабатывала на своем шитье больше, чем ее отец на своих скамьях. И еще больше экономила. Мне хотелось надеяться, что у меня хватит времени сделать Бострика по-настоящему достойным такой чудесной девушки.

Дестрин лежал на широкой кровати с закрытыми глазами. Дыхание его было учащенным и прерывистым, лицо сделалось землисто-серым, кончики пальцев посинели.

— Кайрен... где дочурка?..— едва слышно вымолвил он, открыв глаза.

— Я здесь, папа.

— Кайрен... так холодно.

Когда я проник чувствами в это истощенное, изможденное тело, меня так и обдало сжигавшим его внутренним огнем. Потянувшись к его сердцу, я стал осторожно восстанавливать ритм и кровоток, устранять спазмы и укреплять все, что еще можно было укрепить. Времени на это ушло немало, ибо действовать приходилось медленно и с опаской. Но сколько именно, я не помню.

— Леррис... Леррис...— прохладная ткань коснулась моего лба.

Не скажу, чтобы голова раскалывалась, но тупая боль и смертельная усталость не позволяли мне даже шевельнуться.

— Пить,— хрипло попросил я.

Дейрдре принесла чашку, и после нескольких глотков я почувствовал себя почти нормально, если не считать легкого головокружения. Поднявшись со стула, я на цыпочках подошел к кровати. Дестрин спал, и лицо его было уже не землистым, а просто бледным. Я кивнул, однако невольно задумался о том, сколько еще времени смогу поддерживать едва теплившуюся в нем жизнь. Особенно памятуя, каких усилий и боли это теперь требует. Глаза мои на миг затуманились.

— Леррис!

Я совсем забыл, что Дейрдре стоит рядом.

— Ты спас его... снова?

— Да. Хотя не знаю. Не знаю, Дейрдре. Он так страдает.

Она подняла на меня глаза, и я впервые увидел в них слезы.

— Сейчас мне удалось унять боль, но надолго ли?

— Бедный... бедный папа...

— Не позволяй ему вставать. Скажи, что у него сильная простуда.

— Как долго?

Я понял, что она имела в виду.

— Если он не станет напрягаться и нервничать, можно рассчитывать на полгода, но это только предположение. Он мог умереть и сегодня, но пока противится смерти.

— Бедный папа...

В тот же день я за два медяка взял у Райсона внаем фургон, погрузил в него сделанный из красного дуба сундук для приданого, прикрыл одеялом, чтобы получился сюрприз, и повез к дому Бреттеля.

На пути через Проспект к северной дороге мне пришлось остановиться, чтобы пропустить очередной возвращавшийся из рейда кавалерийский отряд. На последней лошади со связанными за спиной руками тряслась пленница — коротко остриженная светловолосая женщина в зеленом мундире. На волосах ее запеклась кровь, на поясе болтались пустые ножны. Даже в нынешнем состоянии, будучи раненой, она источала внутреннюю гармонию.

Четыре коня скакали с пустыми седлами. Аура хаоса присутствовала, но на сей раз была слабой, словно отряд истощил ее в схватке.

Я пропустил всадников, чувствуя еще большую тревогу, чем раньше. Из-за пленницы в зеленом. Ведь на ее месте вполне могла оказаться Ринн или Кристал.

— Не ждал тебя так рано,— промолвил лесопильщик с привычной ухмылкой.— Я же велел тебе не торопиться.

— Посмотреть хочешь? — спросил я, оглядевшись по сторонам.

— Жаль, Далта на рынке. Вещица-то для нее.

Обеими руками я сгрузил с фургона все еще покрытый одеялом сундук, дал перевозчику медяк и велел ехать домой.

Лишь когда фургон, с громыханием скатившись под уклон, выехал на северную дорогу, я повернулся к Бреттелю.

— Ты похудел, Леррис. И вид у тебя загнанный.

— Мы повстречали отряд... много пустых седел.

— Ну что ему неймется? — Бреттель вздохнул и покачал головой.— Самодержец ведь не вторгается в его владения.

Я промолчал. Сказать было нечего, кроме того, что солдат в Галлосе, видимо, хватает.

— Так взглянешь на сундук? — спросил я, желая сменить тему.

— А как же!

Стянув одеяло, я наблюдал за выражением его лица.

Бреттель смотрел на сундук очень долго, а потом, повернувшись ко мне, сказал:

— Такая вещь мне не по средствам. Это изделие не хуже лучших работ Дормана или Сардита.

Я нашел похвалу чрезмерной, хотя сундук, пожалуй, мог выдержать сравнение с рядовыми дядюшкиными изделиями. Только такого рода сравнение казалось мне не совсем честным, потому что я мог видеть дерево насквозь, а старые мастера создавали великолепные вещи, обходясь без этого.

— Она этого не оценит,— добавил лесопильщик, не сводя глаз с сундука.

— Оценит. Во всяком случае, со временем.

Наконец он перевел взгляд на меня:

— Почему ты явился именно сейчас?

— Попросить твоего разрешения на свадьбу Бострика и Дейрдре.

— Но почему сейчас?

— Потому что Дестрин умирает, а мне, возможно, придется спешно уехать, пока еще не слишком поздно. Если уже не слишком поздно.

— Есть затруднения?

— Я вижу их целую прорву,— сухо отозвался я.

— Хотя Бострик уже запросто справляется с лавками для таверен, ты все же мастер...

— Да какой я мастер?

Мне показалось, что возразить просто необходимо, однако внутри все сжалось при мысли о том, насколько утверждение Бреттеля близко к истине.

— Ну... может быть до Пэрлота или Сардита ты и не дотягиваешь, хотя сундук Далты не хуже любой из их работ. Но если говорить о таких ремесленниках, как Растен, Дерил или Ферральт, то они тебе и в подметки не годятся. Это точно.

— Послушай,— промолвил я, возвращая разговор к своему замыслу,— Дейрдре искусная швея и способна прокормиться сама. Конечно, поначалу им придется нелегко, но у нее есть небольшое приданое...

— Приданое? — переспросил лесопильщик.

— Я сделал для нее сундук, вроде этого, хотя не такой хороший, и прикопил пять золотых. Это немного, но...

Бреттель покачал головой.

— Я понимаю, действительно негусто, однако...

— Леррис, кто ты такой? Явился невесть откуда, прожил здесь чуть больше года и все это время заботишься о людях, которые тебя даже не родня. Выправляешь дела хворого ремесленника, устраиваешь судьбу его дочки. Я не уверен, что дождался бы такого от своих собственных сыновей.

Я смутился. А потому промолчал. Да и сказать было нечего — кто занялся бы всем этим, если не я?

— Нам надо устроить свадьбу поскорее, пока Дестрин может порадоваться, зная, что будущее его дочки обеспечено.

— А самого-то его ты спрашивал?

Я покачал головой:

— Нет. Боялся огорчить.

— Поеду-ка я с тобой, паренек. Пожалуй, ты прав, тянуть с этим делом не стоит. Спросишь его в моем присутствии.

Отряхнув опилки, Бреттель сменил кожаный фартук на полотняную рубаху и оседлал черную кобылу.

В мастерскую мы поехали вместе. На сей раз отряды префекта нам не встречались.

LV

Дестрин сидел в кресле. Его бледное лицо вновь приобрело землистый оттенок, но все же не столь мертвенный, как утром.

— Со мной явился ваш старый друг,— промолвил я, чем и ограничился.

— Ой, дядюшка Бреттель! — радостно воскликнула Дейрдре.— Как давно мы не виделись!

— Что, явился отдать дань уважения умирающему? — язвительно промолвил Дестрин.

— Нет, потолковать о будущем Дейрдре. Она мне не чужая, я ее восприемник.

— Можешь удочерить ее. Я тебе уже говорил...

Я положил руку на плечо Дестрина, стараясь его успокоить.

— Мастер Бреттель имел в виду совсем другое...

Дестрин откинулся в кресле с видимым облегчением.

Дейрдре, подняв брови, переводила взгляд с Бреттеля на меня и обратно.

— Можно мне сесть? — не дожидаясь ответа, лесопильщик взял один из простых сульев и уселся на потертое сиденье.— Леррис, садись и ты.

Но я первым делом выдвинул стул для Дейрдре и подождал, пока сядет она. В конце концов разговор предстояло вести о ней.

Девушка, нервно облизывая губы, смотрела то на отца, то на нас с Бреттелем.

— Так что же насчет моей Дейрдре? — резко спросил Дестрин.

Бреттель покосился на меня.

Я промямлил:

— Эээ... мне кажется, что стоило бы поговорить насчет ее замужества...

— По дереву работать ты дока, спору нет. Но почему тебе взбрело в голову, что и с девушкой...— начал Дестрин.

— Нет. Я не прошу ее руки, потому что это могло бы навлечь на нее погибель.

Бреттель аж крякнул.

А вот Дестрин ничуть не удивился — лишь окинул меня долгим взглядом.

— Да, ты честный малый. Коли уж у нас пошел такой разговор, то не ответишь ли мне на один вопрос?

— Если смогу...

— Постараюсь не спрашивать в лоб. Скажем, так... не был ли твой наставник в столярном ремесле тем единственным мастером, которого почитал сам покойный Дорман?

Чего-то в этом роде следовало ожидать. Краснодеревщик Дестрин неважный, но чутье на людей у него имелось.

— Ну... можно сказать — «да».

— Все верно,— промолвил со вздохом Дестрин.— Стало быть, ты просишь руки Дейрдре для Бострика?

Девушка охнула и прикрыла рот рукой. Ее испуг и растерянность пронзили мне сердце.

— Ничего лучшего мне не приходит в голову. Я могу добавить кое-что к ее приданому и к тому сундуку из красного дуба, который для нее сделал, но... Боюсь, скоро мне придется уехать, иначе вам всем не поздоровится. Я хотел бы надеяться, что в будущем... что это обеспечит...

По правде сказать, мне буквально приходилось выталкивать из себя слова, а глаза затянула какая-то пелена. Собственными руками отдавая Бострику девушку, которая мне нравилась самому, никакой радости я не испытывал.

Девушка всхлипнула.

Дестрин выругался, покачал головой, а потом спросил:

— Она ведь тебе нравится, верно?

— Верно. От этого еще тяжелее.

— Ты бы пережил ее?

— Да,— ответил я, понимая, что он имеет в виду.— Надолго, но лишь в том случае, если уцелею в ближайшие годы.

— Почему ты просишь за Бострика? — спросил Бреттель.

— Потому что она мне небезразлична, а я не вижу другого способа защитить ее и дать ей возможность прожить жизнь в благополучии и спокойствии.

Мастера переглянулись.

— Леррис, Дейрдре...— теперь голос Дестрина звучал спокойно.— Нам с мастером Бреттелем надо поговорить с глазу на глаз.

Мы с Дейрдре встали.

— Папа, дядюшка Бреттель...— Голос девушки тоже окреп.— С вашего позволения мы вас покинем. Нам с Леррисом тоже нужно потолковать наедине.

Она протянула мне руку и улыбнулась.

Дестрин воззрился на нас обоих с недоумением, но Бреттель коснулся его плеча и кивнул.

Я перевел взгляд на девушку. Держалась она довольно спокойно, но под этим спокойствием угадывалась напряженность. Рука об руку мы направились в дальний конец гостиной. Там я остановился, но Дейрдре потянула меня дальше, в свою крохотную комнатенку и лишь там отпустила мою руку.

И закрыла за собой дверь.

Я открыл было рот, но Дейрдре приложила палец к моим губам. Я почувствовал, что она дрожит.

— Я понимаю, что ты вроде как чародей... но...— она набрала воздуху.— Ты мог бы сделать мне больно?

— Конечно, нет! — отозвался я, не понимая, что означает этот вопрос и почему она закрыла дверь. А едва уловимый запах роз и женского тела напоминал мне о давней ночи, которую лучше бы поскорее забыть.

— Никогда?

— Никогда. А что?

В ответ Дейрдре наградила меня пощечиной, от которой у меня зазвенело в ушах и затуманились глаза. Я заморгал, а проморгавшись, увидел, что она плачет.

Мне оставалось лишь покачать головой.

— Неужели ты ничего не понял? — проговорила она сквозь рыдания.

Понимал я, по правде сказать, немного и не нашел ничего лучше, как снова взять ее за руки. Некоторое время мы стояли молча, а потом она, все еще всхлипывая, заговорила:

— Я... я ведь не какая-то клуша... все понимаю... и на все готова ради папы... и ради тебя... но ты... ты мог бы спросить... Хотя бы спросить!

Мне стало трудно дышать. Добрый глупый старина Леррис из кожи вон лез, чтобы устроить будущее девушки, не удосужившись даже поинтересоваться ее мнением на сей счет. Но как раз в этот момент я почувствовал, что внутреннее напряжение Дейрдре спало.

— Прости меня. Я просто хотел сделать так, чтобы...

Вместо ответа она обвила меня руками, прижалась ко мне всем телом и припала к моим губам. Мы упали на ее узкую кровать и целовались там довольно долго, пока я, спохватившись и испугавшись, что сейчас потеряю голову, бережно высвободился и отстранился.

Она присела на краешке койки и печально улыбнулась.

— Вот чего будет недоставать тебе. И мне.

Я стоял дубина дубиной.

— Спасибо тебе за папу... за заботу... за то, что ты есть...

К тому времени я ничего не мог видеть из-за слез, да и она тоже. Мы опять обнялись и долго рыдали навзрыд.

Теперь было сказано все. Мы утерли слезы, и Дейрдре открыла дверь.

«...Просто замечательно...»

Дейрдре, хотя ей было совсем невесело, улыбнулась.

Мне предстоял еще и разговор с Бостриком. Правда, это у меня тревоги не вызывало. Едва ли стоило опасаться, что он закатит мне оплеуху или полезет целоваться. Поэтому я оставил девушку со старшими и спустился в мастерскую.

Бострик работал над лавкой для таверны.

— Есть разговор,— заявил я, выдвинув два табурета и поставив их у верстака.

Бострик умел сообразить, когда шуточки уместны, а когда нет, и отложил рубанок.

— Садись,— я указал на пустой табурет.

— Что-то серьезное? — вид у него, пожалуй впервые, был откровенно озабоченный.

— Да. Но касается скорее тебя, чем меня. Бреттель говорит, что твоя семья не договаривалась насчет будущих союзов — ни брачных, ни каких других. Это верно?

— Насчет меня — да, верно,— осторожно ответил он.— Я четвертый сын, братья мои здоровы, а земли у нас мало, так что никакого наследства мне ждать не приходится.

— А как тебе столярное дело?

— Я уже говорил. Мне никогда не достигнуть твоего уровня.

— Но сама работа тебе нравится?

Рыжий кивнул:

— Работа с деревом мне по душе. Да и жить в Фенарде лучше, чем на ферме.

— А что скажешь насчет Дейрдре?

У Бострика отвисла челюсть.

— Так она, это... с тебя глаз не сводит.

— Тебе, как понимаю, она нравится,— сухо промолвил я.

Он только ухмыльнулся.

— В скором времени мне придется уехать. Ты ведь знаешь, я не здешний. Мы с Бреттелем не хотели обещать тебе что-нибудь раньше времени.... .

— Я что, смогу стать мастером?

Я кивнул:

— Дейрдре способна сама себя прокормить, но собственность в Фенарде ей без мужа не удержать. Дестрин долго не протянет, а я не могу жениться на ней... по некоторым соображениям.

Расставание с Дейрдре далось тяжелее, чем мне казалось.

— Но ведь она тебе нравится. Очень.

— Да,— признался я.— Но это не имеет значения.

Последняя фраза не вызвала у меня внутреннего протеста. И стало ясно, что это правда.

Бострик покачал головой:

— Я тебя не понимаю. Ты, лучший краснодеревщик со времен Дормана, бросаешь столь успешное дело и красавицу, которая в тебя влюблена и нравится тебе самому!

— У меня нет выхода, Бострик. Больше об этом не спрашивай,— я прокашлялся и моргнул — глаза опять затуманились.— Так твоя семья, как мне думается, возражать не будет? У нее и приданое есть, правда, небольшое.

— Какое там — возражать! Родные будут просто счастливы. Это ж надо, чтобы их неуклюжий Бострик заполучил красавицу, а в придачу к ней дом и мастерскую!

Я положил руку ему на плечо:

— Хоть кто-то из нас должен быть счастливым, а вы с Дейрдре можете стать счастливыми вместе.

— Да, о волшебных дел Мастер.

Я легонько двинул его кулаком.

— Помалкивай. И знай, что если ты сделаешь ее несчастной, я, пожалуй, и вправду наколдую такого, что тебе не поздоровится.

— Это ты можешь,— пробормотал Бострик, побледнев.

Я покачал головой.

— Просто люби ее.

А о чем мне еще стоило его просить? Если он будет любить ее, все остальное приложится. Вести дела Бреттель поможет.

— Я знаю, поначалу будет непросто. Бреттель станет следить за каждым твоим шагом.

Он бросил на меня какой-то странный взгляд и молча покачал головой.

Потом я ушел к себе за занавеску и долго сидел на топчане, отрешенно глядя в никуда.

LVI

Несмотря на мою решимость и согласие Дестрина, дело со свадьбой нельзя было уладить так быстро, как бы того хотелось. Сначала должно было состояться формальное оглашение со стороны обоих семейств. Потом пирушки, устраиваемые по отдельности родными жениха и невесты. Я таскался на все эти вечеринки, стараясь по возможности держаться в тени и надеясь, что еда и выпивка отвлекут внимание от моей скромной персоны. Повсюду, куда бы мне ни случилось идти, я держался настороже, как обложенный охотниками волк. Правда, мне так и не удалось обнаружить ничего подозрительного, но это не успокаивало.

Шла осень. Порой частили дожди, теплело и даже трава зеленела снова. Дестрин теперь почти не вставал с постели, уже не порывался работать, а порой не имел сил даже поесть.

Дейрдре, во всяком случае внешне, являла собой воплощенное спокойствие. Порой она одаряла меня улыбкой, и я улыбался в ответ.

В набеги на Кифриен отправлялись все новые отряды солдат с непроницаемыми лицами, с каждым днем все моложе и моложе. Кони возвращались с пустыми седлами, и все больше матерей и жен, рыдая, проклинали самодержца. Я подозревал, что этот конфликт поглощает все внимание моих врагов и им сейчас просто не до меня.

Стратегия Антонина, подпитываемая гневом префекта против самодержца, приносила свои плоды. А у самодержца попросту не было выбора. Не могла же она позволить жаждущим крови галлосским солдатам разорять ее земли и убивать людей!

Еще до начала созревания дынь в Фенарде похолодало, но до настоящих морозов было еще далеко. Иные деньки выдавались прямо-таки летними. В один из таких дней я отправился на рынок — приглядеть для Дестрина раннюю медовую дыню, сок которой мог бы освежить его постоянно пересыхавшее горло.

Моя старая знакомая, толстая цветочница Матильда изо всех сил старалась не смотреть в сторону выходившей на площадь длинной стены, однако то и дело невольно бросала взгляды туда, где выставлялись головы казненных. Обычно правосудие префекта настигало лишь мелких воришек, убийц или дезертиров, однако на сей раз одна из двух выставленных на стене голов была женской. При виде светлых волос меня пробрало холодом. Неужто Ринн?! В следующий миг я узнал привезенную воинами префекта пленницу, но легче мне от этого не стало. Что сейчас с Ринн, я не знал, зато понимал, что она легко может оказаться на месте этой несчастной.

В толпе гуляли шепотки, но касались они не пленницы, а другого казненного — немолодого мужчины, которого, судя по всему, перед казнью пытали и ослепили.

«...из-за каких-то дьявольских стульев...»

«...вся семья пострадала... префект...»

«...почему субпрефект? не понимаю...»

Лишь чудом я не бросился бежать, а замер как вкопанный за спиной Матильды. Неужели субпрефект погиб страшной смертью лишь из-за того, что его дом стал прибежищем гармонии? Или мои зачарованные стулья выжгли хаос из кого-то важного для верховной власти?

Так или иначе, я не мог позволить себе терять время. Хотя дворцовая стража еще не была послана к дому Дестрина, все могло измениться в любой миг.

Ноги сами понесли меня на Проспект. Укрывшись в тени возле дворца, я окутал себя плащом невидимости и распространил чувства.

Главные ворота охранялись двумя стражами. Конечно, можно было и просто перелезть через стену, однако как раз стены Антонин вполне мог оградить охранными чарами. А вот зачаровывать ворота, через которые беспрерывно движутся в обоих направлениях люди, всадники и экипажи, было бы в высшей степени бессмысленно.

Я стоял у стены и ждал, надеясь, что меня не выдаст слишком громкое дыхание.

Мимо проскакал порченный хаосом солдат, но он направился к казармам.

Фуражная подвода, так и не доехав до дворцовых ворот, свернула за угол у опустевшего дома бывшего субпрефекта.

Еще один усталый солдат проехал к казармам.

Я перевел дух, стараясь расслабиться, и тут снова раздался цокот копыт. Всадник остановился у ворот.

Оставаясь невидимым, я потянулся чувствами к нему и его гнедому коню.

— Кто таков, по какому делу?

— Капитан Карфлис с посланием для Военного Совета.

— Проезжай.

Я шагнул за капитаном и запнулся о камень.

Оба часовых встрепенулись.

— Что это?

Я застыл.

— Ерунда, почудилось.

Железные ворота распахнулись, и я проследовал за доблестным капитаном, старясь не угодить под задние копыта его гнедого, но держась достаточно близко, чтобы конский топот заглушал мои шаги.

Во внутреннем дворе капитан спешился, а я снова замер, ощутив поблизости, где-то слева, невероятно мощный источник хаоса. Однако капитан повернул направо, и я решил пойти с ним. К счастью, он громко печатал шаг по мраморным плитам, и меня не было слышно.

Оставив коня на попечение военного конюха, офицер миновал еще двух стражей, стоявших у входа в главный холл, но не поднялся по величественной лестнице, а прошел под маленькую боковую арку. За ней начинался коридор, ведущий в глубину дворца. За поворотом налево оказалась массивная дверь.

Дверь охранялась очередной парой стражей, а сбоку от нее за письменным столом сидел еще один человек. Офицер, как предположил я, ощутив на его плечах золото нашивок.

— Капитан Карфлис, маршал ждет тебя в кабинете. Проходи.

На сей раз мне пришлось проскользнуть в открывшуюся дверь, чуть ли не прижавшись к капитану, который даже остановился и отряхнул свой плащ.

— Пауки, что ли?

Внутри капитана клубился хаос.

— Как дела, капитан? — холодным невозмутимым тоном осведомился маршал. Насколько я мог определить — худощавый, немолодой мужчина.

— Нам не удается принудить войска самодержца перейти в наступление и завлечь их на нашу территорию. Они только обороняются. Но у них появилось новое многозарядное оружие, посылающее арбалетные стрелы с большого расстояния. Нашим магам не удается их обнаружить — слишком далеко.

— И насколько оно действенно?

Пока Карфлис, стоя, делал доклад маршалу, я прощупывал чувствами помещение, от высокого сводчатого потолка до большого камина. От бокового столика с четырьмя стульями до массивного письменного стола, за которым восседал маршал.

— Весьма. Намного действеннее обычных арбалетов.

— А ты слышал, какой удар нанесла она нам здесь?

— Нет. А что случилось? — спросил, подавшись вперед, Карфлис.

— Подсунула стулья. С виду обычные, но с дьвольскими чарами. Самые преданные люди, лишь посидев на одном из них, начинали сомневаться в правоте нашего дела.

Каждого из собеседников стягивала тугая петля хаоса, однако в случае с капитаном белизна еще не разъела черную упорядоченную сердцевину. Оценив соотношение хаоса и порядка, я усилил в нем гармоническое начало, однако так, чтобы эти изменения ощутились лишь спустя некоторое время.

Что же до маршала, то бело-красная спираль хаоса составляла саму его внутреннюю суть, не оставляя никакого места для гармонии. Уничтожить хаос я не считал для себя возможным и потому просто предоставил старому вояке возможность отдохнуть. Не прошло и минуты, как он, уронив голову на письменный стол, огласил кабинет мощным храпом.

Я понимал, что это неизбежно вызовет тревогу, чего, собственно, и добивался. Услышал я уже достаточно, а переполох во дворце должен был отвлечь внимание Антонина. Хотя бы на время.

— Стража! — крикнул Карфлис, растерянно озираясь по сторонам.

Дверь со стуком распахнулась.

— Маршал разговаривал со мной и вдруг заснул...

Двое стражей ввалились в комнату с обнаженными, нацеленными на капитана клинками. Следом, отстав лишь на шаг, вбежал офицер.

Как и маршал, оба стража были безнадежно потеряны для гармонии, а потому я тоже погрузил их в сон.

Вошедший с ними офицер разинул рот и, после секундного замешательства, заорал:

— Колдовство! Здесь чародей! Позовите Таллиана!

Усыпление этого малого потребовало несколько больше времени, поскольку я уже устал.

Неожиданно мне пришла в голову многообещающая мысль. Потянувшись чувствами к спящему молодому офицеру, я попытался определить источник поразившего его хаоса. Мне удалось ощутить лишь отзвук, однако слишком уж он явственно перекликался с тем, что я почувствовал во дворе.

Осторожно поднявшись, я тихо выскользнул из маршальского кабинета, оставив растерянного капитана среди спящих.

Поспешив назад и прошмыгнув мимо охранявших вход караульных, я вновь выскочил во двор и ощутил фонтан, который воспринимался мной как хлещущий поток болезненной, подернутой кровавыми прожилками белизны. Руки мои задрожали, колени подкосились и я сел, привалившись к стене в углу, где никто не мог ненароком на меня наткнуться.

Чуток отдышавшись, я медленно, шаг за шагом, приблизился к источнику хаоса.

Внутренний двор был вымощен гранитом и окружен каменными стенами, а фонтан представлял собой струю теплой воды, бившую из каменной вазы в рост человека. Двор никто не охранял, да в этом и не было нужды.

Приближаться к фонтану мне было ничуть не легче, чем идти навстречу ледяной буре на равнинах Кертиса или бороться с самым сердцем грозы. А то и труднее.

Люди видели здесь не более чем подогретый фонтан, однако тепло, поступавшее из глубин, было порождено искажающей магией хаоса.

Я попытался мысленно проследить внутреннюю структуру этого источника порчи, но потерпел неудачу, поскольку структура как таковая полностью отсутствовала. Линии силы переплетались и обрывались самым непредсказуемым образом.

Потом мне припомнился один из вычитанных в книге способов структурирования хаоса — создание так называемого «зеркала гармонии». Отражение хаоса должно либо упорядочить его, либо уничтожить. Если, конечно, зеркало окажется сильнее источника хаоса. Если же нет...

Думать о возможных последствиях мне не хотелось, и я, собрав все внутренние силы, принялся создавать вокруг фонтана упорядоченную отражающую структуру. Старательно и

напряженно я отражал странные беспорядочные искривления, придавая им гармонический характер. При этом я постепенно заменял хаос равным ему по силе противоположным началом. Как ни удивительно, но это действо имело определенное сходство с обработкой дерева и приданием ему нужной формы.

Глаза мои туманились, хотя я и без того ничего не видел.

Ноги подгибались, и мне пришлось опуститься прямо на гранит.

Руки бессильно упали.

Голова раскалывалась, но я упорно боролся не с головной болью, а с источником порчи. Боролся, отдавая себе отчет в том, что в случае неудачи, скорее всего, окажусь в белом узилище. Вроде того, что продемонстрировал мне Джастин.

Глаза судорожно дергались под закрытыми веками.

Дыхание было сбивчивым и тяжелым, словно мне пришлось пробежать несколько кай вверх по крутому склону.

Но мое зеркало отразило фонтан. И, отразив, придало ему внутреннюю структуру.

Туман перед моими невидящими глазами исчез, сменившись глубокой чернотой. Ноги оставались слабыми, но дрожь в коленях унялась. Голова болела, но оба магических построения исчезли. Зеркала больше не было, но и фонтан стал просто фонтаном. Просто источником воды.

— На помощь!

— Таллиан!

Я побрел к выходу из дворца, понимая, что содеянного мною не оставят без ответа. Скорого и беспощадного.

— Колдовство!

— Таллиан велел осмотреть все вокруг фонтана!

Двое стражей промчались мимо меня по направлению к фонтанному дворику. Один из них едва со мной не столкнулся — увернуться удалось лишь в последний миг.

В поднявшейся суматохе мне пришлось дождаться, пока откроют дворцовые ворота. Оказавшись снаружи и забравшись в укромный уголок, я сбросил невидимость и быстрым шагом поспешил к дому Дестрина. А ворвавшись в дверь, громко окликнул Бострика.

Стоило подмастерью бросить на меня взгляд, как он побледнел.

— Как быстро вы с Дейрдре можете добраться до Бреттеля?

Новоиспеченный фенардский ремесленник разинул рот.

— Пошевеливайся! Скажи Дейрдре, чтобы спускалась. Ад сорвался с цепи, и надо уносить ноги.

— Но...

— Сказано же, пошевеливайся!

Забрав посох, заплечный мешóк, книгу и маленькую шкатулку с приданым Дейрдре, я поспешил седлать Гэрлока.

К моему возвращению Бострик и Дейрдре уже уложили себе по маленькой торбе.

— Папа...— промолвила девушка, умоляюще глядя на меня.— Он не хочет уходить.

Я устремился наверх.

Дестрин сидел в кресле, и взор его был ясен.

— Нам нужно убираться, Дестрин.

Мастер покачал головой:

— Нет. Чародей ты, Леррис, или еще кто, но послушай меня. Убираться надо, тут ты, конечно, прав, но мне за молодыми не поспеть. Я только стану для вас обузой, а толку от меня никакого. Позаботиться о Дейрдре ты сможешь лучше, а я, считай, что уже покойник. Если бы не ты, меня уже давно не было бы на свете.

— Мы возьмем тебя с собой.

— Разве что силой. Но я буду сопротивляться, юный чародей,— ухмыльнулся он, обнажив желтые зубы.

Поняв, что это не шутка, я кивнул.

— Тогда прощай, Дестрин. Я уже не вернусь.

— Знаю. Позаботься о моей девочке.

Говорить было нечего. Наклонившись и обняв капризного старика, я повернулся и стал тяжело спускаться по лестнице.

— Ты... не смог?

Мне с трудом удалось встретиться с девушкой взглядом.

— Он сказал, что будет сопротивляться. А попытка забрать его силой может стоить ему жизни.

Дейрдре кивнула, но в следующий миг глаза ее наполнились слезами, и она снова побежала наверх.

Я прикинул, как скоро доберутся до нас солдаты.

— Что мы собираемся делать, Леррис?

— Отправиться к Бреттелю.

Мне показалось, что до возвращения Дейрдре прошла целая вечность. Наконец она появилась на лестнице, но то и дело оглядывалась назад.

— Он... сказал, что будет кричать и вопить... если я не уйду...

Дестрин явно намеревался остаться самим собой до последнего вздоха.

И тут меня осенило. Со злости я даже треснул себя по макушке. Дело-то не стоило выеденного яйца! Мне потребовалось лишь тихонько подняться по лестнице, а усыпить слабого и больного Дестрина было куда легче, чем стражей. Да и весил он немного, даже для меня.

Когда я снес его вниз, глаза Дейрдре расширились.

— Он просто заснул.

Я усадил Дейрдре на Гэрлока так, чтобы она могла удерживать на спине пони спящего отца, и мы тронулись в путь. Я распространял свои чувства как можно дальше, стараясь загодя обнаружить любую возможную угрозу. А потом решил исчезнуть. Не то чтобы мне этого хотелось, но выбора особого не было.

— Бострик! Дейрдре!

Они посмотрели на меня.

— Я буду все время находиться рядом, но вы, возможно, не сможете меня видеть. Если я попадусь на глаза стражам, это... будет неловко.

Рисковать я права не имел.

— Как скажешь, чародей,— с обычным ехидством склонил голову Бострик.

— Как скажешь,— куда более серьезно повторила за ним Дейрдре.

Мы поспешили к северным воротам. Даже держа в руках посох, которым мне так долго не доводилось пользоваться, я смог уловить лишь некоторую суматоху возле дворца.

Стражи к моим друзьям особо не присматривались, но я все равно сплел световой щит вокруг их мешков.

Только у дома Бреттеля я снова сделался видимым. Недавно минул полдень, и в воздухе ощущалась пыльная сухость. Из-за совсем не осенней жары мне казалось, будто я на ногах уже два дня.

— Ты что, все время был рядом?

— Я же сказал, что никуда не денусь.

— Леррис!

Я обернулся к подбежавшему лесопильщику, и тут мои ноги подкосились. Чтобы не упасть, мне пришлось опереться о посох и сесть на землю.

— Ты ранен? — испуганно воскликнула Дейрдре.

— Просто устал,— я поднял глаза на Бреттеля. Снизу, с земли, он показался мне чуть ли не великаном.

— Что ты натворил? — осведомился лесопильщик.

— Ничего. Разве что слегка навел кое-где порядок.

Бреттель хмыкнул.

— Дестрина надо уложить на кровать в гостевом крыле, в маленькой комнате,— сказал он.

К тому времени ноги мои окрепли, и я смог встать.

— Бострик будет ночевать при лесопилке, вместе с Артой, а для Дейрдре подыщем местечко в доме,— он повернулся ко мне.— Ну, а как насчет тебя?

— Мне надо чуть передохнуть,— отозвался я,— но задерживаться нельзя. Это может навлечь на тебя опасность. Даже если кто-то просто заметит, что я сюда заезжал...

— Никто из здешних болтать не станет.

— Никто из здешних меня и не видел,— сказал я, опершись на посох.

Бреттель выглядел и успокоенным, и встревоженным одновременно.

Подождав, когда Далта увела остальных, я со словами «приданое Дейрдре» вручил Бреттелю шкатулку с содержимым.

— Итак...— начал Бреттель.

— Ты и впрямь хочешь знать? — спросил я. Голос мой прозвучал хрипло и устало.

Он кивнул.

— Антонин устроил во дворце фонтан хаоса. Должно быть, они купали в нем солдат или что-то в этом роде...— я покачал головой, не представляя себе, почему фонтан превращал их в бездумные, слепые орудия, однако дело обстояло именно так. Видимо, поэтому офицеры держались от фонтана подальше: от них требовалось не только драться, но думать и принимать решения. Кроме того, офицеров, в большинстве, уже подвергли порче иным способом.

Бреттель нахмурился:

— Так ты полагаешь, Леррис, что Антонин несет зло?

Это было все равно что спросить, упрям ли осел.

— Да.

— Но следует ли из этого, что самодержец несет добро? Откуда ты знаешь, что она не хуже префекта?

Несмотря на жару, меня пробрало холодом. Принимая во внимание историю Кандара, включая наследие Фрвена, не зря называвшегося Белым Городом, вопрос был задан по существу. Ответа на него я не знал. Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Если дела обстоят так, мне не поладить ни с ней, ни с ним.

Бреттель криво усмехнулся:

— Я рад тому, что ты так думаешь, но рад и тому, что ты не связал судьбу Дейрдре со своей. Тебе суждено либо обрести великое могущество, либо сгинуть, причем в самом скором времени.

Затаившаяся в его глазах печаль подтверждала искренность его слов.

Отстаток дня я проспал.

Разбудила меня Дейрдре.

— Ты вернешься?

— Может быть. Только тогда, когда ты станешь относиться ко мне, как к Бреттелю.

— Это будет непросто.

Справедливость данного утверждения была очевидна для нас обоих.

— Непросто. Зато честно по отношению к Бострику. И не только к нему.

Она встала, легонько коснулась моей щеки губами и просто сказала:

— Ужин готов.

К тому времени, когда я умылся, за большим столом собрались Далта, Дейрдре, Бострик и Бреттель. Насчет Дестрина мне сказали, что он еще отдыхает, но вроде бы в порядке.

Мясная похлебка была отменной, ягодное печенье — и того лучше, но за столом царило молчание. Наконец, пришла пора расставания.

Дейрдре, Бострик и Далта остались на веранде, тогда как мы с Бреттелем отправились в конюшню. Там, вдобавок к моим старым седельным сумам и спальному мешку, обнаружились еще два набитых битком вьюка.

— Тебе не следовало делать того, что ты сделал, но случившегося не изменишь,— голос лесопильщика звучал твердо.— Единственное, о чем я прошу тебя теперь,— постарайся, чтобы невинные люди не пострадали слишком серьезно.

— Постараюсь,— искренне пообещал я, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Постараться-то я мог, но отнюдь не был уверен в том, что мои старания увенчаются успехом...

— Ты хоть знаешь, куда поедешь?

— Сперва в Кифриен, поискать ответ на твой вопрос.

— А потом?

— Это зависит от ответа. Может быть, на Закатные Отроги, на встречу с тем, чего до сих пор избегал.

Бреттель поджал губы.

— Удачи тебе.

Он проводил меня, но не до самой дороги. Дейрдре так и не сошла с крыльца, но я чувствовал, что она плачет, и у меня перехватывало дыхание. А уже поворачивая на северную дорогу и окутывая себя невидимостью, я почему-то подумал о Джастине. О том, сколько раз Серому магу приходилось прощаться, и о том, знал ли он, что такое благополучное возвращение.

LVII

Прежде чем отправиться в Кифрин, столицу Кифриена, я должен был провернуть одно маленькое, хотя и не слишком воодушевлявшее меня дельце. Выбраться из города.

На сей раз я выбрал восточные ворота — стража там была наименее бдительной. Ничто и никогда не приходило в Фенард с востока.

Основные торговые пути связывали север с югом, Галлос с Кифриеном, и сейчас по ним маршировали войска префекта. Что же до восточной дороги, то она тянулась по сельской местности и по ней мало кто ездил.

Хотя стража у восточных ворот и ловила ворон, я все же задержался в сторонке и, оставаясь невидимым, прислушался к разговорам.

«...пора бы сменяться ...»

«...этот ублюдок вечно опаздывает...»

«...опять подвода, чтоб им всем провалиться!»

«Твоя очередь, ты и проверяй...»

«...совсем обленился, гад...»

Они направились к повозке, а я, убрав щит невидимости, тронул поводья и поехал прямиком к воротам. Копыта пони зацокали по камню.

— Эй, а этот малый откуда взялся?

— Куда направляешься, приятель? — обернулся ко мне плотный караульный.

— В горы,— ответил я, сделав неопределенный жест. Поскольку горы обступали город с трех сторон, ответ был совершенно правдивым.

— А это что? — спросил он, указывая на намеренно оставленный мною видимым посох.

— Мой посох,— ответил я, направив Гэрлока прямо на солдата, которому пришлось отступить.

— Э... погоди-ка. Вроде бы, в городе была какая-то заварушка...

Страж нахмурился и покосился на своего напарника, просматривавшего груз на телеге хуторянина, который возвращался домой с несколькими мешками нераспроданной картошки.

— Была, и там не обошлось без меня,— промолвил я со всей возможной учтивостью.— Но, поскольку я уезжаю, это уже не имеет значения.

Щелкнув поводьями, я побудил Гэрлока обогнуть стоящего на дороге караульного.

— Эй, парень, постой! Ты...

Я обернулся в невидимость, и Гэрлок зарысил под уклон.

— Чародей! Этот малый — чародей!

— Какой еще малый? — второй страж отвлекся наконец от мешков с картошкой.

Предоставив им самим разбираться друг с другом, я выбрался на узкую обводную дорогу. К тому времени, когда у ворот ударили в набат, я уже направлялся к перекрестку на Кифриен.

В скором времени Антонин или Сефия, а то и они оба вернутся в город. Они наверняка ощутили резкое изменение соотношения хаоса и гармонии в Фенарде, как ощущал его я. Мне думалось, что сейчас многие наведенные ими иллюзии истощаются. Возможно, даже те, которые окутывали улицу Шлюх. Впрочем, тут я мог ошибаться — во всем, что касается женщин, мужчины склонны к самообману.

На южный тракт я свернул уже за полночь. Он был безлюден, но на дорожной пыли сохранились отпечатки копыт — следы отправившегося в Кифриен очередного кавалерийского отряда.

Увидеть след кареты или ощутить запах хаоса мне не удалось, однако все время, пока Гэрлок вез меня на юг, я держался настороже.

Вокруг вились и жужжали какие-то надоедливые насекомые, а мы ехали и ехали дальше в ночь.

Через некоторое время наш путь пересекла река, через которую был перекинут каменный мост. Из тех сооружений, какие способны противостоять любым усилиям Мастеров хаоса.

И тут мне пришла в голову интересная мысль, заставившая меня усмехнуться. Прочный мост, нависший над бегущей водой, можно было использовать с толком.

Я вчувствовался в структуру моста и, проникнувшись окружавшим меня гармоничным спокойствием природы, внедрил его в камень. Лежа на осенней траве, я сосредоточился на книге, стараясь извлечь из прочитанного и запомнившегося именно то, что мне необходимо. В конце концов мои старания увенчались успехом.

Конечно, это стоило мне немалых усилий, ведь наведение чар гармонии — работа нелегкая. Зато теперь Антонину или омытым хаосом бойцам префекта проезд по этому мосту сулил не совсем приятные неожиданности.

К тому времени, когда на небе проглянул лунный серп, я устал и укрылся на ночь в небольшой рощице неподалеку от дороги. Установив охранные чары, я залез в спальный мешок.

И вновь мне снилась черноволосая женщина, что порождало смутное беспокойство.

Разбудили меня пробивавшиеся сквозь высокие серые облака жаркие солнечные лучи и громкое пение какой-то птицы.

Свернув спальный мешок и оседлав Гэрлока, я поехал дальше и сделал привал для завтрака, лишь перебравшись через очередную речушку. К тому времени мы добрались до пологих холмов, лежащих между Фенардом и Малыми Рассветными Отрогами — невысокой грядой, связывающей Рассветные и Закатные Отроги.

В своих чрезвычайно нудных лекциях по географии магистра Трегонна мимоходом заметила, что с точки зрения геологии естественное возникновение Малых Отрогов маловероятно и, по всей видимости, они представляют собой результат древнего воздействия на земную кору каких-то Мастеров хаоса. Воздействия, скорее всего, погубившего и их самих.

У меня эта теория вызывала сомнения. Если мелкие задачи, вроде создания зеркала гармонии или превращения моста в гармоническую ловушку, требовали таких огромных усилий, то какая невероятная мощь нужна была, чтобы вспучить землю и скалы на протяжении многих кай?

Однако теория теорией, а по пути к Кифриену нам предстояло пересечь еще множество мостов... а у меня оставалось еще множество вопросов.

LVIII

После двух дней езды по унылым холмам южного Галлоса я наконец приблизился к границе. По возможности я избегал селений и обходился сухомяткой.

За все это время всего лишь дважды пришлось уступать дорогу солдатам префекта, причем в обоих случаях отряды не возвращались в Фенард, а ехали в Кифриен. В другой раз мы нагнали и тайком обогнули три подводы с припасами.

Помимо этих случаев я ехал открыто, полагая, что местным жителям нет дела до проезжих, а использование магии гармонии может привлечь нежелательное внимание какого-нибудь чародея.

Поздним вечером второго дня я оказался перед мостом через Южный проток — трехпролетным бревенчатым настилом на каменных опорах. А к следующему утру добрался до следующего моста через тот же проток, сделавший петлю. Однопролетного и целиком каменного.

И здесь, у этого моста, начала чувствоваться война.

Сначала ко мне поплыл запах дыма — слабый, но едкий, словно от обугленной кожи, от сожженных, но недогоревших

шкур зараженных животных. И всепроникающий, подобно магическом туману, наполнившему Фритаун.

Стук копыт по каменному мосту эхом отдавался в утреннем воздухе. Других звуков не было — ни птичьих трелей, ни даже комариного писка.

За мостом дорога начала петлять и пошла на подъем, к темневшим впереди холмам. Которые, как я знал, находились уже во владениях самодержца.

Очередной порыв ветра с юга принес все тот же отвратительный запах золы и обугленных шкур. За каменным мостом тянулась утрабованная глинистая дорога, на которой копыта Гэрлока оставляли четкие отпечатки. Ночью прошел дождь, поэтому темно-красная глина и бурая трава за обочинами оставались влажными.

Но сейчас над головой раскинулось безоблачное синее небо, обещавшее один из тех ясных осенних дней, какие больше напоминают о лете.

Неожиданно тишину утра нарушил отдаленный крик стервятника. Впереди и чуть справа от меня, над гребнями трех холмов, кружили две черные птицы.

Моя рука потянулась к посоху.

Гэрлок хотел пить, и я свел его с дороги вниз, к узкой песчаной полоске на берегу спокойной реки. Маленькая черепашка, глазевшая на нас с полузатонувшего бревна, плюхнулась в воду и была такова. Я спешился, бросил поводья на седло и предоставил Гэрлоку возможность самостоятельно утолить жажду.

Крики стервятников вновь привлекли мое внимание, причем на сей раз они раздавались ближе. Закрыв глаза, я чувствами потянулся к птицам.

Сначала ощущения заполнились тем, что находилось поблизости. Я воспринимал Гэрлока, жующего траву, и даже, кажется, почти улавливал ее цвет. А потом... Ощущение того, что дальше, за ближними холмами находится что-то или кто-то, было навязчиво тревожащим. Сосредоточившись, я послал свои чувства за реку, за холмы, туда, где кричали птицы.

...Темнота и светящаяся трава, и голубоватая сталь...

Солдаты префекта. Ждущие впереди.

Я обратил чувства назад, на оставшуюся позади дорогу из Галлоса, и обнаружил там еще больше тьмы и еще больше стали. Очередной отряд скакал в Кифриен, что должно было повлечь за собой новые потери с обеих сторон. А мне, как всегда, несказанно повезло — войска префекта находились и спереди, и сзади.

Открыв глаза, я огляделся. Позади расстилалась уже знакомая бурая равнина, на востоке маячили слегка припорошенные снегом скалы Малых Отрогов. Далеко на западе сливались с серыми тучами могучие Закатные пики.

У меня уже созрело решение повременить с Закатными Отрогами — по крайней мере до тех пор, пока мне не удастся достаточно узнать о Кифриене и самодержце.

Я отдохнул, поел и тронулся в путь. По мере приближения к вершине первого за мостом холма аллюр Гэрлока сделался легче и быстрее. Сразу за гребнем находилась известняковая плита, разделенная пополам чертой с двумя надписями: «Галлос» — с одной стороны и «Кифриен» — с другой. Правда, рядом с надписью «Кифриен» кто-то нацарапал череп.

Направив чувства вперед, я не уловил ничего живого, кроме двух стервятников.

А дорогу и дальний склон холма на протяжении целого кай покрывал похожий на снежный покров густой слой белого пепла.

Оба стервятника с шумом захлопали крыльями и поднялись в небо.

У кромки пепла Гэрлок, в чем его трудно было упрекнуть, резко остановился. Я постарался успокоить пони поглаживанием и ласковыми словами.

Посох мой оставался холодным, и впереди не ощущалось никакой опасности. Равно как и ничего живого.

Но я знал, что в этот белый пепел превратились мужчины и женщины, кони и деревья, трава, птицы, насекомые и даже осенние цветы.

Я снова погладил пони по холке и натянул поводья.

У подножия холма запорошенное пеплом пространство закончилось так резко, словно кто-то провел там разграничительную черту. Дальше стелилась осенняя трава и торчали чахлые кусты. Дорожная глина снова сделалась влажной.

Громкий крик стервятника напомнил о том, что впереди меня ожидает подобное же зрелище. Если не худшее.

Некогда — об этом свидетельствовали остатки изгородей — склоны холмов возделывались. Несколько раз я приметил торчащую из кустов или травы печную трубу — все, что осталось от крестьянского дома.

Теперь местность оказалась заброшенной и запущенной, однако сады еще не совсем одичали. Яблони как были высажены, так и стояли ровными рядами, а пространства полей еще не полностью заросли сорняками.

Перебираясь с холма на холм, я все отчетливее ощущал белую угрозу.

На западе продолжали сгущаться тучи.

В конечном счете я оградил себя щитом, но не для обеспечения невидимости. Любой Мастер хаоса без труда обнаружил бы искривление световых потоков. Мое ограждение должно было при необходимости отразить направленный на меня поток энергии.

Стервятники продолжали оглашать окрестности пронзительными криками.

Уже пополудни я добрался до вершины самого длинного холма. Падальщики, насколько мне удавалось определить, кружились над следующим. Мысленно я потянулся в том направлении.

Схватка, очевидно, закончилась, ибо все солдаты были спешившимися, а их кони — стреноженными или привязанными к кольям.

Среди воинов выделялась белая светящаяся точка — маг хаоса.

Меня отнюдь не прельщала возможность изобразить из себя героя, сразившись с десятком солдат и чародеем. Правда, солдаты едва ли могли вступить в бой с невидимым противником, но с магом дело обстояло иначе.

Стремясь уяснить свое положение, я распространил чувства во все стороны насколько мог... и результаты меня отнюдь не порадовали. По мосту через Южный проток скакал отряд из сорока всадников, но главное — по дороге катилась волна мутной, болезненной белизны. У меня не было сомнений в том, что это карета Антонина. Где находился Мастер хаоса в тот миг, когда я перенастроил фонтан, мне известно не было. Но сейчас он, скорее всего, спешил по моим следам.

Моя левая рука потянулась к посоху... и отдернулась. Мои пальцы обдало жаром еще до того, как они прикоснулись к черному лоркену. Впереди меня определенно ожидала опасность.

Обстоятельства снова не оставляли мне выбора. Два десятка усталых солдат и неизвестный чародей, конечно, представляли угрозу, но явно меньшую, чем многочисленный свежий отряд во главе с могучим мастером хаоса.

Что делать — было совершенно ясно, только меня это совсем не радовало.

Я снова попытался прощупать чувствами пространство передо мной. Что-то впереди определенно пугало моего пони, но у меня возникло лишь ощущение огня, жара, являвшегося непременным свидетельством наличия хаоса.

Я щелкнул поводьями и взялся за посох.

Позади меня слабое эхо разнесло звуки рога. Мне оставалось лишь порадоваться столь замечательному стечению обсто-

ятельств. В прекрасный солнечный день — самый подходящий для пикника или прогулки верхом — я находился посреди дороги между двумя недружественными отрядами, при каждом из которых имелся маг.

Я перевалил гребень холма и стал спускаться вниз.

Внизу более двух десятков вооруженных солдат деловито обшаривали лежащие на земле мертвые тела. Двигались они как-то не по-людски, словно машины, из чего можно было заключить, что на сей раз победа досталась людям префекта.

— Хасмин! — послышался зычный голос.— Живо по коням! Чародей говорит, что к нам приближается вооруженный человек! Дерес! Нершел! Проверить холм!

Двое бойцов вскочили в седла и двинулись мне навстречу, вверх по склону.

— Где должен быть этот малый?

— На самой вершине или близко.

— Нет там никого! Пусто!

Я осторожно свернул с дороги на поросшую травой обочину, надеясь, что трава заглушит стук копыт и скроет следы, слишком заметные на мягкой дорожной глине.

Один из солдат проехал совсем рядом со мной. Тем временем командир послал еще пятерых всадников на дорогу с приказом проверить, нет ли там отпечатков копыт.

К сожалению, не все среди них были оболваненными хаосом идиотами.

Я продолжал двигаться навстречу отряду. Маг, воспринимавшийся мною как пятно белого света, сидел на коне, вероятно, тоже белом, в тени сосны, рядом с человеком, выкликавшим приказы.

Гэрлок подал голос.

— Что это? — встрепенулся кто-то из солдат.

— Тихо! — шикнул я на пони.— Тихо!

Мы продолжали спускаться по склону параллельно дороге. Неуклонно приближаясь к магу, хотя меня вовсе не тянуло познакомиться с ним поближе.

— Идиоты, он проскользнул мимо вас! Свернул с дороги! Осмотреть траву, на ней должны остаться следы!

Тем временем я поравнялся с оравшим на своих людей коренастым офицером. Рядом с ним оставались двое верховых солдат. На двух других лошадях сидели двое пленников с завязанными глазами и связанными за спиной руками. При моих слабых навыках обращения с силами гармонии я считал себя решительно неспособным чем-либо им помочь, но все же поймал себя на том, что разворачиваю пони прямо по направлению к офицеру.

— Он повернул к тебе,— донесся из-под сосны невозмутимый голос.

— Он едет сюда!

Офицер выхватил меч, оба подчиненных последовали его примеру.

Стычка оказалась короткой. Мне пришлось лишь нанести посохом удары по запястьям троих вояк, которые так меня и не увидели. Удары не слишком сильные, но для столь пропитанных хаосом людей даже прикосновение моего посоха было нестерпимо. Я вырвал поводья лошадей пленников из рук державшего их солдата и пуганул вражеских коней. Они понеслись прочь, унося своих седоков.

Я достал нож и попытался разрезать узы пленников. На это ушло немало времени, поскольку резать веревки сидя в седле, если ты при этом не можешь нормально видеть,— не такое простое дело.

Послышалось шипение, и по моему щиту растеклась ударившая в него струя пламени. Я тут же окружил щитом и тех двоих.

— Держитесь спокойно.

Ответом на мой шепот было невразумительное мычание. А что еще скажешь, если во рту кляп?

— Хармин! Схватить ублюдка!

Снова послышалось шипение, и еще одна огненная струя отскочила от моих щитов.

Слегка задев ножом запястье женщины, я в конце концов разрезал прочный шнур и вложил нож ей в руку.

— Твоего товарища тебе придется освобождать самой,— выпалил я, срывая повязку с ее глаз.— И не пугайся. Я друг, но ты не можешь меня видеть.

— И не думала пугаться,— даже не отдышавшись, проговорила та.— Я не какая-то бестолковая клуша.

Свободной рукой она уже успела вырвать изо рта кляп.

Больше всего мне хотелось пуститься наутек. Однако Белый маг поджарил бы пленных в одно мгновение.

И, чтобы этого не случилось, мы — горный пони и столяр-недоучка, вооруженный одним лишь посохом,— бросились в атаку.

Сила удара была ужасной. Жар хаоса едва не смял и не обрушил на меня мой собственный щит, но он устоял и сейчас. Я пустил Гэрлока галопом — его копыта выбивали дробь на травянистой земле — и выхватил посох, надеясь, что ослабевшие колени все же удержат меня на подпрыгивающей конской спине.

— Где он? Где?

— Удирает!

— Кто удирает?

Снова послышалось шипение огня. Посох отклонил пламенную струю, но мне с трудом удалось удержать его в руках.

— Эй, да что происходит?!

— Ты видел? Ты это видел?

— Забудь про чародея! Не дай удрать пленникам!

— Да где они, эти пленники?! Куда запропали?!

Чуть ли не кубарем скатившись по склону, я несся прямо на мага. Посох я держал наготове.

Белый конь развернулся, и очередная огненная стрела столкнулась с моим посохом. Вспышка ослепила меня. Я едва не вылетел из седла. А когда пришел в себя, то увидел, что на земле лежит одетый во все белое человек. Мертвый. На моих глазах лицо его обратилось в обгоревший череп, а потом и кости начали распадаться в пепел.

— Колдун! Черный маг! Вот он!

Мои щиты не выдержали последнего столкновения, и теперь все галлосцы прекрасно меня видели.

— Джернан! Пленники!

Меня била дрожь, голова раскалывалась, к горлу подступала тошнота, однако мне удалось направить Гэрлока обратно к дороге.

— Беритесь за луки! — орал кряжистый офицер — Стреляйте, недоумки!

Каким-то образом мне удалось восстановить щит и пропасть из виду. Пущенные наугад стрелы не достигли цели, но я понимал, что мои беды на этом не кончились. Едва ли Антонин оставит гибель Белого мага без внимания. Что же до солдат самодержца, то неизвестно, обрадует ли их появление поблизости Черного мага.

Голова моя трещала, задница ныла, глаза горели, в ушах звенело, а глотку жгло желчью. Я изобразил-таки из себя героя, освободил двух пленных и — скорее всего — переполошил всех Белых магов в Кандаре.

Всю вторую половину дня я скакал без остановки.

С запада наползли тучи.

Холмы сделались выше, хотя еще не превратились в настоящие горы. Дорога шла почти ровно, по ущельям и лощинам.

Задолго до заката я свернул с тракта к полупересохшему ручью, возле которого сохранились редкие пучки травы, и нашел выступ, не просматривавшийся ни с дороги, ни с холмов. Гэрлок был расседлан, вьюки сняты, спальный мешок разложен, но, прежде чем провалиться в сон, мне все же достало ума установить охранные чары и щит, о каком я читал, но

каким до сих пор никогда не пользовался. Он не делал нас невидимыми, а лишь маскировал окружавшую нас гармоническую ауру. От обычных солдат он бы не оберег, но мог сбить с толку Антонина. К сожалению, укрыть себя и от глаз, и от магии одновременно я не мог.

Проснулся я в темноте, разбуженный раскатом грома. Хотя в небе и громыхало, дождь пока не зарядил.

Звон в ушах пропал, но руки дрожали, да и головная боль не унялась. После того как мне удалось доползти до ручья, попить и обмакнуть голову в прохладную воду, боль и дрожь малость поубавились. Я скормил голодному пони две фуражные лепешки. Подкрепившись сухими фруктами, снова уснул.

Задолго до полудня я вновь оседлал и навьючил Гэрлока, и мы опять выбрались на дорогу.

На потрескавшейся глине виделись отчетливые следы кареты.

LIX

В каком-то смысле ехать следом за чародейской каретой было легче, чем сознавать, что Антонин находится у меня за спиной. Правда, я до сих пор сомневался в том, что ему вообще известно о моем существовании. Посещали меня и другие, довольно беспокойные мысли: а что если Антонину попросту наплевать на все, что я натворил? Или, хуже того, я, сам того не сознавая, сыграл ему на руку?

Обо всем этом стоило поразмыслить. До сих пор Антонин лишь мельком видел мое лицо в переполненном питейном зале трактира и никогда не слышал моего имени. Вполне могло статься, что никто так и не связал все случившееся в Фенарде с действиями какого-то недоучки-столяра. Несомненным для него являлось лишь одно — в Галлосе, а теперь и в Кифриене кто-то упорно укреплял гармоническое начало. Кто-то настолько сильный, что смог совладать с Белым магом.

Правда, как мне это удалось, я так и не понял. Непонятным оставалось и другое — почему Антонин не пустился в погоню за убийцей своего сотоварища?

Спустя некоторое время я оказался в Малых Отрогах, среди скалистых возвышенностей, а около полудня спустился в тесную сухую лощину. Пони двигался легко и быстро, едва касаясь земли. Даже странно — местность вокруг была дикая, а земля под ногами — на удивление ровная. В лощине, между густыми зарослями можжевельника и огромным белесым валуном, я остановил Гэрлока, решив сделать привал.

Пони заржал.

Я пригляделся к валуну, на первый взгляд ничем не отличавшемуся от многих других торчавших по краям лощины камней, и по коже моей пробежали мурашки. Взгляд в другую сторону, на зеленеющие можжевеловые кусты привел к тому же результату. Что-то здесь было не так.

Закрыв глаза, я сосредоточился.

Оказалось, что в действительности ничего этого не было. Ни можжевельника, ни валуна — и то и другое представляло собой лишь иллюзию, которая скрывала дорогу — прямую, как стрела, вымощенную белым. Она проходила по ущельям, связывая Рассветные и Закатные Отроги.

Сколько же этих проклятых трактов проложили древние Мастера хаоса? Видимо, таким образом они связывали воедино и скрепляли свою империю зла. Но неужели иллюзия могла сохраниться со столь давних времен?

Пораскинув мозгами, я решил, что последнее совершенно не обязательно. Дорога и впрямь пережила века, но она была настоящей, а вовсе не иллюзорной. Что же до морока, то его вполне мог навести проехавший по дороге Антонин. Этот малый, похоже, поспевал повсюду.

Я принялся искать следы кареты, но ничего подобного не обнаружил. Скорее всего, Мастер хаоса сумел их уничтожить. Стирая следы и создавая иллюзию, он явно стремился не допустить, чтобы кто-то обнаружил его тайную дорогу.

Я улыбнулся и щелкнул поводьями.

— Поехали.

Сам тракт, пусть его и использовали злые силы, никакого зла в себе не таил, а ехать по нему было легко и удобно.

Ночь мы провели в Малых Отрогах, в ущелье по соседству с малой речушкой.

После заката грозно, словно колеса кареты Антонина, загрохотал гром. За завесой северных облаков вспыхивали молнии, выхватывая из мрака контуры дальних гор.

Впрочем, несмотря на грозу, ночь стояла теплая, так что поднявшийся ветерок был только кстати. Я сбросил плащ, стянул сапоги и, расстелив свой спальный мешок, улегся поверх него в штанах и рубахе.

Гром так и не заставил тучи пролиться дождем, а со временем небо расчистилось, и над головой, как крохотные лампы, зажглись звезды. Такой ясной ночи мне не случалось видеть со дня высадки во Фритауне.

Разбудил меня — так мне, во всяком случае, показа-лось — настоящий прилив света. Красный шар солнца как будто не поднялся над горизонтом, а просто вспыхнул на небосводе.

Не имея причин медлить, я двинулся вперед и вниз, под уклон. Теперь каждый шаг Гэрлока поднимал с сухой дороги красноватую пыль. По мере приближения к Кифриену местность приобретала все более обжитой характер. Дикие заросли на склонах уступили место садам и виноградникам. Деревья росли двух видов — сучковатые оливки с маленькими бледно-зелеными листочками и какие-то незнакомые мне фруктовые, на раскидистых ветвях которых висели зеленоватые плоды, а темные листья выглядели бы, наверное, глянцевыми, не будь они покрыты осенней пылью.

В отличие от северных княжеств, дома в Кифриене были в основном белыми, но этот цвет не имел ничего общего с магической белизной хаоса и объяснялся нанесенной поверх камня или дерева штукатуркой.

На следующем перекрестке моему взору предстало с полдюжины домов, включая маленькое строение с большим козырьком над крыльцом.

Приметив перед ним загорелого мальчугана — ростом примерно мне по пояс, с лохматыми черными волосами, я остановился и спросил:

— Не скажешь, где я могу напоить свою лошадку?

— Вода есть, только отведи своего пони за дом, вон туда,— он указал рукой за левый угол, крикнул: «Баррабра! К нам путник!» и убежал.

Я двинулся к углу дома, но неожиданно замер. Там затаились люди — несколько солдат с обнаженными мечами. В них клокотал страх, однако они не желали сознаваться в этом даже самим себе. Ни вступать в схватку, ни убегать мне не хотелось. Несколько мгновений я стоял с поводьями в руках, гадая, что же предпринять, а потом потянулся назад и взял посох. Другого оружия у меня не было, даже мой нож так и остался у освобожденной кифриенской пленницы.

— Эй, за уголом! — голос мой прозвучал громко и уверенно.— Неужто вы не понимаете, что, будь у меня желание причинить вам зло, я просто изжарил бы вас на месте?

Двое бросили мечи и пустились наутек. Один покачал головой. Самый здоровенный продолжал размахивать мечом, однако так неуклюже, что становилось ясно — он отнюдь не Мастер клинка.

Короткий взмах посохом, и меч, со звоном ударившись о стену, упал в грязь.

— Оставь его там,— устало промолвил я.— Мне только и надо было, что напоить лошадь.

— Но ты... ты чародей...— пробормотал мускулистый темноволосый малый в линялых белых штанах и сандалиях.

— Кто тут говорит о чародеях? И кто поднял такой шум?

Обезоруженный мною здоровяк уставился на человека, появившегося у меня за спиной.

Я обернулся.

Подошедший был в сапогах и бледно-зеленом мундире — такие я видел на пленниках префекта. И меч он выхватил ловко, не то что давешний неумеха.

— Кто ты такой? — строго спросил мéня солдат.

— Столяр-краснодеревщик, имевший несчастье попасть в немилость к префекту Галлоса.

— Не больно-то верится.

К сожалению, он был прав — я бы на его месте тоже не поверил.

— Ладно, не буду темнить. Я с Отшельничьего, и вышло так, что мне пришлось несколько поубавить в Фенарде хаос и приумножить гармонию. А это, похоже, восстановило против меня всех Белых магов.

— Звучит ненамного лучше,— промолвил воин. Однако нападать не решился, видимо, дожидался подмоги. А вот я ничего дожидаться не стал: сплел щит, пропал из виду и, будучи невидимым, выбил его меч. После чего появился снова.

Ошеломленный солдат замер с разинутым ртом, и прежде чем успел его закрыть, я вернул ему оружие. По правде сказать, эти игры уже успели мне надоесть.

— Чего ты хочешь? — спросил он, слегка побледенев. Но меч вложил в ножны.

— Найти кое-кого, с кем был знаком,— ответил я, поднимая посох, на который воин, похоже, до сих пор не обращал внимания. А теперь обратил и побледнел еще пуще — стал белее стены.

— Ты ищешь черноволосую женщину, владеющую мечом лучше любого мужчины?

Я никогда не думал о Кристал подобным образом.

— Ищу двух, но одна и вправду черноволосая, отлично владеет любым клинковым оружием. Черноглазая, с белой кожей... Проклятье!

Я резко обернулся ко второму мужчине, который бочком подбирался к своему мечу, лежавшему почти у меня под ногами.

— Стой на месте и не трогай оружие.

Оружие он трогать не стал, но и на месте стоять — тоже. Он пустился наутек.

— Мне что, опять сделаться невидимым? — просил я молодого солдата.

Он покачал головой:

— Нет. Нет, господин. Но если ты с Отшельничьего, я обязан доставить тебя к субкомандующему. Таков приказ. Она распорядилась...

— Она? Субкомандующий?

— Она ведает обучением солдат боевым искусствам, но у нее есть и множество других обязанностей. Может быть, для такого мага, как ты, это и неудивительно, но о ней ходят легенды...

Меня это и впрямь не удивляло — достаточно было вспомнить, как ловко разрезала она яблоко. Или о том, что к концу обучения не уступала в поединках даже Гильберто.

— Этот путник поедет с нами в Кифриен,— заявил воин вооруженным людям, снова начавшим собираться вокруг.— Раз он вышел к нашему посту, мы, во исполнение приказа, должны доставить его к субкомандующему. Я, Шерван, буду сопровождать его лично. Вместе с Пендрилом.

Остальные разомкнули круг.

— Ты напоишь коня, Баррабра даст тебе что-нибудь перекусить, и мы отправимся в путь,— сказал Шерван, обращаясь уже ко мне.

— С этим не будет сложностей?

Он покачал головой:

— Никаких. И прошу прощения за то, как мы тебя встретили. Прошло слишком много времени...

— Много времени?

— Прежде у нас охотно принимали выходцев с Отшельничьего, но теперь мы видим их очень редко.

Я кивнул, понимая, что и в этом замешан Антонин.

Гэрлок громко фыркнул, напоминая об обещанной ему водице.

— Что угодно? — послышался с крыльца женский голос. Обладательница его стояла в тени навеса, и я мог разглядеть лишь довольно пышную фигуру.

— Это Баррабра,— пояснил Шерван.

— Мне надо напоить мою лошадь.

— Это лошадь? — рассмеялась женщина.

Я тоже улыбнулся:

— Видимо, все-таки лошадь, раз сумела перенести меня и через Рассветные, и через Малые Отроги.

Шерван одарил Баррабру многозначительным взглядом, а когда я повел Гэрлока под уздцы в обход дома к корыту с водой, последовал за мной.

— ...А галлосцы не прекращают вторгаться,— говорил между тем Шерван.— Мы никогда не вступаем в схватку, если не имеем преимущества, и, как правило, они теряют троих своих бойцов за каждого нашего. Гористый рельеф помогает нам держать оборону...

Я перевел взгляд с припавшего к лохани Гэрлока на сгущавшиеся над Малыми Отрогами темные тучи. Они казались мне неестественными, однако мои познания в магии были слишком ограничены, чтобы судить об этом с уверенностью.

— Эти тучи...

— ...А кроме нее — только та метательница ножей...

— Какая метательница?

— Но ты, кажется, спрашивал про тучи.

— Про тучи потом. Расскажи про метательницу.

— Такого умения метать ножи я отродясь не видывал. Да и насчет туч... Раньше у нас таких туч не бывало, со...

— Меня интересует метательница!

— ...Как говорят, со времен великих Белых магов. А метательница — лучше нее просто быть не может. Трусливые галлосцы — до того, как они все превратились в бешеных псов,— лишь завидя черного коня, бежали сломя голову, зная, что от ножей и меча этой парочки не спасешься. Других таких бойцов не сыскать.

Меня так и подмывало задушить добродушного Шервана, однако это намерение осталось неосуществленным. Гэрлок тем временем закончил пить, и я выудил для него из седельной сумы последнюю оставшуюся от Бреттелевых припасов фуражную лепешку.

— Ух ты! Как это у тебя получается?

— Что?

— Корм для лошадки. Ты берешь его прямо из воздуха. В жизни не видел ничего подобного. Бьюсь об заклад — даже Великому Белому Магу такое не под силу.

Я вздохнул, потому как позабыл о том, что сумы прикрыты щитом. Не хватало еще, чтобы этот словоохотливый малый раззвонил всюду о моей способности творить еду из ничего.

— Не из воздуха — из мешка. Просто он припрятан.

— Ну конечно, припрятан! Впрочем, как будет угодно почтенному магу.

— Когда мы отправимся в Кифриен? — чуть ли не в отчаянии спросил я.

— Пендрилу нужно привести своего коня, а тебе — подкрепиться перед дорогой. Поставь своего пони в тенечек и пойдем поедим.

Я сделал глубокий вздох.

— Ладно. Пойдем поедим, но за обедом ты побольше расскажешь мне про метательницу ножей.

— Эй, Шерван! — послышался голос Баррабры.— Хватит молоть языком! Дай бедному магу перекусить. Нам всем, между прочим, тоже хотелось бы с ним потолковать.

На ведущих к каменной арке в задней стене здания ступенях появилась женщина. Как я и предполагал, она оказалась пышнотелой, а ее длинные и светлые, в отличие от коротких черных волос Шервана, кудри были заколоты за ушами зелеными гребнями.

— Ну конечно, Баррабра тут всем заправляет, и ей охота все знать,— продолжал тарахтеть молодой воин.

— Шерван, умолкнешь ты наконец?!

Молодой человек улыбнулся и пожал плечами.

Он завел меня в просторную, прохладную конюшню, в которой занятым оказалось лишь одно стойло.

— Можешь поставить своего пони куда угодно,— сказал Шерван,— но имей в виду: Паббло далеко не всегда дружелюбен к другим лошадкам.

Приняв предупреждение к сведению, я разместил Гэрлока подальше от драчливого Паббло, причем ни расседлывать его, ни закрывать стойло не стал. На тот случай, если мне придется спешно уносить ноги.

— Ну наконец-то,— сказала Баррабра, когда Шерван сопроводил меня в длинное полутемное помещение, где стоял огромный стол, а по обе стороны от него — две массивные лавки без спинок. Сервировку составляли пустые миски с ложками.

За столом сидела разномастная компания: паренек, совсем юная девушка со светлыми, как у Баррабры, волосами, двое очень молодых солдат и пожилая женщина.

Обернувшись на звук моих шагов, она окинула меня сомневающимся взглядом.

— Не больно-то этот парнишка похож на мага.

— Бабушка!

— Не похож!

— Я своими глазами видел, как он достал лепешку для своего пони прямо из воздуха! — пылко воскликнул Шерван.

— Эту козявку с копытами ты называешь лошадью?

— Этот пони ужас какой смышленый,— подал голос мальчуган, встретивший меня первым.— Вот бы мне такого...

— Пора начинать трапезу. Давно пора. Садись... нет, не туда. Подай магу стул.

Шерван с поклоном предложил мне место во главе стола. Наверное, я должен был отказаться, ведь место по праву при-

надлежало командиру, однако от растерянности плюхнулся на указанный стул.

Место справа от меня пустовало. Слева сидела светловолосая девушка.

В комнате воцарилось молчание. Я мысленно поблагодарил магистру Трегонну, вдолбившую-таки в мою башку, что жители Кифриена веруют в Единого Бога. Все взгляды обратились ко мне, и я нараспев произнес:

— Во все времена мир был полон хаоса, но задача людей, взыскующих блага — обратить хаос в гармонию. Да исполнимся мы волей содеять это. Да обретем силу творить добро и противостоять злу.

Я склонил голову, позабыв, какими словами заканчивается эта краткая застольная молитва.

— И да поможет нам Бог! — произнес за меня Шерван.

— И да поможет нам Бог! — повторили остальные.

— Надо же, а говорит, как взаправдашний маг,— громко промолвила пожилая женщина.

— Хорошо сказано,— подхватил один из солдат,— не совсем обычно, но хорошо.

Аромат пряностей наполнил столовую еще раньше, чем в дверях появилась Баррабра с подносом, на котором красовалась здоровенная кастрюля. Поставив кастрюлю перед бабушкой, толстушка удалилась на кухню.

— Подай к баранине подливу. Ты не забыла?

Баррабра принесла подливу, два огромных свежеиспеченных каравая, а вслед за ними — кувшин и поднос со щербатыми кружками. После этого она уселась за стол лицом к лицу со мной. От нее сильно пахло чесноком, но почему-то это не было неприятно.

— Слушай, маг, а у тебя есть женщина?

Я смутился.

— Не то чтобы... и вообще...

— Так есть или нет?

— Эй, подай подливу!

— Возьми ломоть и передай каравай магу!

— Меня зовут Леррис и...— мне хотелось сказать «и я не маг», но эти слова застряли у меня в горле.

— Он сказал, что его зовут Леррисом,— сообщила Баррабра.

— Ну ведь лучше звать его по имени, чем называть магом. Он слишком молод, чтобы зваться магом, пусть он самый разволшебный волшебник, какой может быть,— заявила бабушка.

— Хочу подливы!

Я растерянно посмотрел на Шервана, но тот лишь ухмыльнулся и погрузил ложку в миску. В другой руке он держал здоровенный ломоть хлеба.

— Так насчет твоей женщины, Леррис. Небось, она у тебя молоденькая? Ручаюсь, сама худющая, как соломинка, а язык у нее навроде помела. И готова уморить себя голодом, только бы не раздаться в боках,— все северянки таковы.

— Угощайся. И тиклы отведай,— промолвила девица, наверное, представлявшая собой копию Баррабры в юности.

Мой взгляд переметнулся с одной на другую, но тут мне под нос поставили поднос с хлебом. Я отломил большой кусок.

— Баррабра, ну что ты к нему прицепилась? Молод он еще, наверняка у него нет никакой женщины. Небось и сестры-то нету. Верно?

— Нет,— согласился я и, зачерпнув ложку пряной бараньей похлебки, отправил ее в рот. После чего, охнув и вытаращив глаза, потянулся за кружкой.

Легче мне не стало, потому как напиток к столу подали горячим. Ощущение было такое, словно мне довелось проглотить пригоршню горящих угольев и запить крутым кипятком.

— Ты бы лучше не за тиклу хватался, а заел баранину хлебом,— снисходительно посоветовала девица.

Поскольку тикла — огненный напиток с фруктовым вкусом — и вправду не помогала унять жжение во рту и гортани — я последовал ее совету и принялся торопливо жевать хлебный мякиш.

И хотя мне пришлось утереть тыльной стороной ладони выступившие на глазах слезы, через некоторое время жжение и вправду ослабло. После чего я смог толком прислушаться к разговорам за столом.

— ...Кузина Халин сказала, что его освободил маг...

— Ха, охота ему приплетать магов к чему угодно. Это он, чтобы отвлечь внимание от своей оплошности...

— ...Еще подливы, пожалуйста...

Среди этой добродушной болтовни я, на сей раз с куда большей осторожностью, отведал еще одну ложку острой похлебки и тут же заел хлебом. Это помогло, во всяком случае на сей раз обошлось без слез. Только на лбу выступил пот.

— Ты так и не ответил насчет женщины, ма... я хотела сказать, Леррис.

— На данный момент... у меня ее нет,— промямлил я, отхлебнув глоток из кружки.— Это было бы... неразумно.

— Я ж тебе говорила, Баррабра! Ты глянь, разве он похож на человека, у которого есть женщина?

В этом светловолосая девушка безусловно была права.

— Тихо, Киррла! — Баррабра подняла руку.— Ты сказал «неразумно». А когда тебя искушает каждая симпатичная мордашка — это, по-твоему, разумно?

Она покачала головой:

— Все вы, мужчины, одинаковы. Считаете женщин слабыми и думаете, что великие дела по плечу только вашему брату.

— Я не говорил...

— Не говорил, так думал. А где бы ты предпочел жить: в Кифриене под властью самодержца или в Галлосе, которым правит спятивший префект? Великие дела... Мечтания о великих делах ведут только к великому злу, а мужчины, чуть ли не поголовно, грезят о подвигах. Покажите мне здорового, крепкого мужчину, который предпочел бы не махать мечом, а возделывать сад!

Мне подумалось, что работа с деревом сродни возделыванию сада, но я промолчал, предпочитая прислушиваться. Раз уж Баррабра так настроена, она все равно нашла бы, за что еще осудить мужчин.

— ...с каждым набегом их солдаты все моложе и моложе...

— ...увы, наши тоже. Мы все истекаем кровью...

— Передай хлеб.

— ...остановимся в Мелтозии. Даже оттуда еще целый день пути верхом.

Оставившая-таки меня в покое Баррабра переглядывалась с Киррлой, а я старался разобрать, о чем толкует Шерван с двумя другими солдатами. Однако их слова тонули в общем гомоне, так что мне оставалось лишь есть и гадать, не предстоит ли мне в ближайшие дни изрядно помаяться желудком.

Трапеза закончилась так же неожиданно, как и началась.

— Довольно,— заявила Баррабра.— Дай вам волю, вы целый день за столом проторчите. А между прочим, магу надо в Кифриен, тогда как Салтос с Геррарой,— она указала на молодых солдат,— должны сменить в пикете моих Никлоса и Кармен.

— Уже? — воскликнул один из юных воинов.

— Давно пора. Кончай разговоры, давайте убирать со стола. Посуду на кухню.

Мы с Шерваном отправились на конюшню.

— Твоя сестра? — спросил я его.

— А как ты догадался?

— Вы похожи.

Шерван принялся седлать Паббло, а я, порыскав по сусекам, нашел стопку фуражных лепешек.

— Нельзя ли прикупить несколько штук?

— Не надо денег, бери так. У нас есть свежее зерно и сено.

— Нет, так я не могу.

Шерван пожал плечами:

— Тогда... тогда сделаешь потом подарок. Баррабре.

— Непременно,— пообещал я, подумав, что понял его правильно. Вообще-то мне едва ли стоило обременять себя обязательствами, но выбора, похоже, опять не было.

Послышался перестук копыт.

— А вот и Пендрил.

Второй солдат был старше Шервана, шире в плечах, а его физиономию украшали длинные черные усы.

— Ну что, Шерван, в путь? Если хочешь попасть в Мелтозию, пока не закрыли Парлаан, лучше не мешкать! А он что, собирается проделать весь путь на этом потешном пони? Впрочем, о чем я... Чародей и на курице куда хошь доскачет,— Пендрил покачал головой.

Шерван подмигнул мне.

Мне хотелось пожать плечами, но вместо того я щелкнул поводьями, и Гэрлок вынес меня на полуденное солнышко.

Дорога на Кифрин оказалась такой же, как и та, что привела меня к перекрестку — жаркой и пыльной.

Шерван ехал на своем Паббло, жеребце золотистой масти с белым хвостом и гривой, а Пендрил — на черном в белых яблоках мерине. Рядом с обоими скакунами Гэрлок казался совсем крошечным.

— Для пони у него неплохой аллюр,— заметил Пендрил.

— А маг совсем неплохо сидит в седле. Для чародея.

— А ты уверен, что он настоящий чародей?

— Еще какой! Ты только послушай...

Прежде чем мы одолели первые пять кай, Шерван рассказал историю с извлеченной из воздуха лепешкой, по меньшей мере, трижды. И всякий раз с новыми подробностями.

Тем временем солнце ушло за облака, жара стала спадать, и прогулка начала доставлять мне удовольствие. Я приметил, что холмы вокруг сделались более плоскими и не такими каменистыми. Кое-где паслись козы, но только на огороженных участках.

— По указу самодержца животное, пасущееся вне ограды, считается диким,— прозвучал ответ на мой невысказанный вопрос.— Каждый может подстрелить его или просто забрать себе. Правда, если животное не клейменое. А клейменое, если кто приберет его к рукам, хозяин может получить назад, но за выкуп в два медяка. Чтоб следил за своей скотиной.

Я нахмурился и хотел спросить, справедливы ли такие строгости, но Шерван опять предугадал мой вопрос.

— Видишь ли, у нас разводят в основном коз, а козы поедают все подряд. Дай им волю, после них останется пустыня. Козы нам нужны, мы любим козлятину, но деревья, особенно оливки, лимоны и апельсины, нужны не меньше.

— А буйволов у вас нет?

— Для них в Кифросе слишком жарко, разве что у подножья Закатных Отрогов,— пояснил Пендрил, говоривший тише и медленнее, чем Шерван.— Но желающих поселиться близ Колдовской Горы нынче немного.

— Колдовской Горы?

— Того самого места, откуда приходят грозовые тучи. Там обосновались Белые чародеи, и люди очень часто пропадают бесследно. Сейчас, чтобы попасть из Кифриена в Сарроннин, лучше ехать в объезд, через южные перевалы. Даже путь через Галлос предпочтительнее этой горы. Прямая дорога слишком опасна.

— Отец говорил, что Сарроннин — чудесный зеленый край. Там не так жарко, как в Галлосе, а женщины приветливы и любят чужестранцев,— промолвил Шерван, окидывая взглядом бегущую по холмам пыльную дорогу.— Мой отец перегонял подводы для Вистара, но это было, когда средняя дорога была открыта для всех и на путь до Сарроннина уходила не восьмидневка, как нынче, а всего четыре дня. Подводу тянула четверка лошадей, и она вся блестела, что твое красное золото. Помню, он сажал меня на козлы и давал подержать вожжи.

Шерван оглянулся, но позади, я это уже проверил, никого не было. Хотя нам недавно случилось обогнать груженую плетеными корзинами маленькую повозку и повстречать почтового курьера, но в принципе этой дорогой пользовались мало.

— Никого не вижу. А хотелось бы приметить кого-нибудь из Наилучших.

— Здесь? Так далеко от холмов?

— Но будет обидно, если маг их не увидит.

Я заподозрил, что уже видел кое-кого из Наилучших — пленниками в Фенарде, но предпочел на этот счет не распространяться.

Кони несли нас дальше, и в конце концов мы достигли Мелтозии. Конечно, «Дом Мамы Парлаан» трудно было назвать гостиницей даже в сравнении с приснопамятным трактиром «Уют», но комнаты были прохладными, а постели на узких топчанах — чистыми. На ужин подали острое и пряное мясо. Думаю, на сей раз козлятину.

Встав сразу после рассвета, мы подкрепились не слишком мягкими булочками. Шерван проснулся таким же словоохотливым, каким и лег.

— Кто рано просыпается, тот жизни удивляется,— тараторил он.— Глянь только, как розовеет небо над холмами! А роса на юкке — это же чистый жемчуг! Путь до Кифриена еще не близкий, но денек, по-моему, будет погожий. Что скажешь, Пендрил?

Пендрил буркнул что-то нечленораздельное.

К обеду мы добрались до крепостцы в местечке, название которого в моей памяти не отложилось. Укрепление было устроено у переправы через первую увиденную мною в Кифриене речку — извилистую протоку не более пятнадцати локтей в ширину.

— Но в половодье бывает, что вода разливается на несколько кай,— сообщил Шерван, верный своей привычке отвечать на вопросы, которых я и не думал задавать.

В тот же день мы прибыли в Кифриен.

LX

— Ну вот, мы проводили тебя ко внутренним землям,— сказал Шерван, указывая на невысокую крепостную стену.— Наша задача выполнена.

— Почему?

— Она сводилась к тому, чтобы доставить тебя сюда. Мы не имеем отношения к здешнему гарнизону. Нас допускают в цитадель, лишь когда призывают на учебные сборы. Или дают особые поручения,— он пожал плечами.— В конце концов, мы всего-навсего охрана дорожного поста, где, по большому счету, всем заправляет Баррабра.

Шевран смущенно улыбнулся, и я улыбнулся в ответ. Я слишком мало знал о Кифриене, чтобы высказывать на сей счет свои суждения.

— Ладно, но что мне делать дальше?

— Поставь своего пони в конюшню — это слева, за теми воротами — и отправляйся прямиком в здание под зеленым флагом. Скажи караульным, что тебе надо встретиться с субкомандующим. Они будут мямлить, бормотать и придумывать отговорки, но ты выложи им все, как есть на самом деле, и стой на своем. Уверен, ты найдешь способ их убедить.

При этих словах оба солдата рассмеялись.

Меня тронула их уверенность в моих способностях, однако я предпочел бы не прибегать к магии. Путешествуя с ними, я радовался отсутствию необходимости прятаться за щитами и скрывать свою причастность к магии.

Тем временем мы подъехали к воротам. Смерив меня взглядом, часовой повернулся к моим спутникам и спросил:

— Что это за малый? Зачем вы его сюда притащили?

— Мы выполняем приказ. Ему необходимо встретиться с субкомандующим.

Шерван старался говорить уверенно, однако с трудом выдерживал строгий взгляд часового. А Пендрил и вовсе смотрел в другую сторону.

— Один из тех самых...— караульный покачал головой и снова посмотрел на меня, уже с бульшим интересом.— Ладно, конюшня слева. Поставь туда своего... хм, коня и ступай прямо через двор к главному зданию. Пока не будешь опрошен, больше никуда не заходи и ни с кем не заговаривай.

Конюшня представляла собой просторное кирпичное здание под черепичной крышей.

— Прибыл по делу? — спросил меня конюх, появившийся прежде, чем я успел соскочить с пони.

Мне оставалось лишь кивнуть.

— Тогда распишись вот здесь,— он вручил мне квадратный листок пергамента и указал пальцем на место после слов «допуск в конюшню».— Если не умеешь писать, поставь свою метку, а потом попроси офицера или сержанта заверить ее печатью. В противном случае будешь платить медяк в день. А потеряешь допуск — два медяка,— он перевел взгляд с меня на Гэрлока.— Горный пони?

— Он самый.

— Советую поставить его в последнее стойло справа.

Я отвел Гэрлока в указанное место и расседлал. Седельные сумы оставались скрытыми щитом, больше по привычке, чем по необходимости. А вот посох, на который конюх посматривал с нескрываемым уважением, я прихватил с собой.

— Собираешься повидаться с субкомандующим?

— Вроде того.

— Строгая особа, ничего не скажешь. Ну, желаю тебе удачи. Ступай к красной арке, той, что под зеленым флагом.

Возле красного арочного прохода я был остановлен молодым рыжеволосым солдатом.

— Кто таков? Куда следуешь?

— У меня сообщение для субкомандующего.

— Сообщение субкомандующему стражи от... ты кто?.

— Ну... Вообще-то столяр.

Мне и вправду было привычнее думать о себе как о столяре, чем как о Мастере гармонии.

— Сообщение для субкомандующего от столяра? — юноша в обшитой медными бляшками кожаной безрукавке воззрился на меня, как на умалишенного.— Приятель, да с чего ты взял, что она станет тебя выслушивать?

И стена, которую подпирал этот малый, и сама арка были очень старыми и не слишком прочными. Меня так и подмывало окунуть их в хаос и состарить еще — ровно настолько, чтобы они развалились и этот самоуверенный юнец понабил шишек да наглотался пыли. Однако, памятуя книгу и наставления Джастина, я лишь вздохнул.

— Держу пари, что выслушает.

— Пари! На что ты можешь спорить, кроме своей шкуры?

— Скажем, на пару серебреников. И поспорим для начала не насчет нее, а... скажем, что мой посох устоит против твоего меча. Ты не сможешь коснуться меня своим клинком.

Я положил руку на посох, но парень был так удивлен услышанным, что не уделил жезлу ни малейшего внимания.

— Ты многим рискуешь, парень. Может быть, тебе неизвестно, что ударить стража самодержца при исполнении обязанностей — значит совершить преступление.

— А если я ударю не тебя, а твое оружие,— это будет считаться преступлением?

— Ну... наверное, нет,— воин выглядел озадаченным.

— Впрочем, ладно, не будем создавать лишние сложности раньше времени. Возьми золотой и доложи обо мне субкомандующему.

— А если она не захочет иметь с тобой дела?

— Получишь еще золотой. И можешь попробовать пустить мне кровь.

— Еще золотой? А почем мне знать, что не надуешь?

Я вздохнул:

— Тот, кто явится в чужую крепость и начнет надувать солдат, рискует остаться без головы. Не находишь? Я что, так похож на дурака?

— Нет. Но и на столяра — тоже.

— Так ведь я и не говорил, что у меня нет никаких других занятий.

Юноша прищурился, внимательно разглядывая меня, и призадумался.

— Не ломай голову, приятель. Субкомандующему известно, кто я и откуда. А ты ведь знаешь, что ее клинку нет равных.

Насчет себя я малость преувеличил, а про клинок и вовсе ляпнул ни к селу ни к городу, но парень, похоже, этого не заметил.

— А сам-то ты про нее откуда знаешь?

Я ухитрился напустить на себя вид чрезвычайно важный и загадочный. Иногда у меня это получается.

Парень чуток побледнел: для кандарца он соображал быстро.

— Ты хочешь сказать, что мерился с ней силами? Твой посох против ее клинка?

— Было дело. Конечно, она с тех пор усовершенствовала свои навыки, но ведь и я на месте не сидел...

Караульный смекнул, что едва не нарвался на крупные неприятности.

— Может, я... это... просто передам ей твое имя, а она решит...

— Наверное, так будет лучше всего. Меня зовут Леррис.

Другого мне и не требовалось, но в Кандаре ничего не делается напрямую. К тому же мне очень не хотелось просить Кристал об аудиенции. Можете назвать это дурацким самолюбием или как угодно — но не хотелось. Иногда у меня шея не гнется.

— Эй, Байдек! Поди сюда! — крикнул рыжеволосый в глубь казармы.

Другой солдат, поплотнее, посмуглее и понеряшливее, занял место у входа, а рыжий пересек внутренний двор — один из немногих в Кандаре, который был вымощен ровными и прочными плитами — и исчез в трехэтажном здании.

Пока он отсутствовал, я мысленно изучил арку и ближние стены, сосредоточившись главным образом на возрасте и прочности строительных материалов. У меня возникли некоторые соображения насчет дополнительной защиты.

Но прежде чем я успел воплотить их в жизнь, из флигеля появились трое стражей. Один из них, в зеленом кожаном мундире и с клинком, окруженным аурой грозной действенности, посмотрел на мой посох и кивнул.

— Мастер гармонии, субкомандующий приглашает тебя к себе. Добро пожаловать. Ты — желанный гость.

Воин явно не привык приглашать каких бы то ни было гостей в оплот стражи.

— Благодарю за любезное приглашение,— отозвался я, изобразив улыбку.— Надеюсь, вы будете так добры, что проводите меня...

— Мастер гармонии! Лопни мои глаза, чародей!

Оба, и рыжеволосый охранник, и Байдек, сделались белыми, как лик хаоса. Я отсалютовал им посохом и последовал за тремя воинами в гранитный флигель. Три пролета широкой лестницы привели меня к окованной железом двери, дверной молоток которой разбудил бы и покойника.

Темноволосая женщина сама открыла дверь и с невозмутимым видом отступила, давая нам пройти. Даже глаза ее не блеснули. Для боевого командира покои Кристал были роскошными. Они состояли из двух просторных комнат — совещательной и личного кабинета, служившего одновременно и спальней. Впрочем, войдя в совещательную комнату, я смог лишь бросить взгляд в сторону ее личного помещения.

— Мастер гармонии, командир,— доложил страж.

— Спасибо, Станчо. Все свободны.

Кристал была в зеленых кожаных штанах, более облегающих, чем те, какие она носила на Отшельничьем, зеленой же кожаной тунике и надетой поверх нее короткой куртке. На левом плече красовался золотой галун, а на узких лацканах — четыре серебряные четырехконечные звезды.

Брови Станчо поднялись.

Кристал рассмеялась — как мне показалось, более музыкально и непринужденно, чем раньше.

— Станчо, ты ведь знаешь, что обычному убийце меня в одиночку не одолеть. А защитить меня от Мастера хаоса или Мастера гармонии ты все равно не сможешь.

Все трое воинов попятились и исчезли, словно их подхлестнули, хотя Кристал не повышала голоса. Я тем временем направил свои чувства к ее клинку — тому самому, подаренному мной,— и установил, что нейтральная прежде сталь обрела некоторую внутреннюю гармонию. Как, впрочем, и сама Кристал.

— Леррис,— обратив ко мне взгляд черных глаз, она несколько притушила в них властный огонь, которого я прежде не видел, но который меня не удивил.— Ты выглядишь повзрослевшим и помудревшим.

— И в том, и в другом я сильно сомневаюсь.

Она улыбнулась.

— Твой ответ только подтверждает мою правоту. Рада видеть тебя, хотя у меня не было сомнений в том, что мы встретимся.

Я поднял брови.

— Ты не создан для Отшельничьего и рано или поздно...— Кристал пожала плечами и взглянула мне прямо в глаза.— Зачем ты явился?

— Хочу разузнать побольше о самодержце.

— Но я не самодержец. Почему же ты пришел ко мне?

Ее прямота привела меня в восхищение. Кристал оставалась мягкой, но под бархатом слов скрывался стальной стержень.

— Потому что...— я сделал глубокий вздох, потом покачал головой.— По правде сказать, не знаю. Это показалось мне правильным, и я рад, что так поступил, но вот объяснить причину...— сердце мое забилось быстрее, словно я лгал самому себе и это меня беспокоило.

— Тебе не нравится то, что ты не можешь ответить на мой вопрос.

Я ухмыльнулся:

— Ты права. Не нравится.

Она посмотрела куда-то мимо меня, а потом снова посмотрела мне в глаза.

— Толки о тебе ходят по всему Кандару, хотя, конечно, люди понятия не имеют, о ком именно судачат. А вот мне, стоило только услышать про обладателя Черного посоха, отважившегося вступить на мертвые земли, сразу стало ясно, о ком речь. Ну а история с учеником Серого мага, исцелившим в Джеллико шлюху и провалившимся сквозь землю...

Мне эту историю вспоминать вовсе не хотелось.

— Скажи, а Белого чародея в Крецийской долине тоже ты убил?

— Да. Правда, это вышло почти случайно.

Кристал покачала головой.

— Ты задержишься у нас? — спросила она.

— Ненадолго. Только если тебе потребуется моя помощь. Поправить то, что я, возможно, натворил.

В этот момент мне хотелось задержаться подольше, чтобы слышать музыкальный голос и видеть ее улыбку, но внутренний порядок не позволял лгать ни ей, ни тем более самому себе.

— Меня тут все называют Мастером гармонии, но я пока далеко не Мастер и, возможно, никогда им не стану. Мне нужно многое понять и многому научиться.

Кристал покачала головой, и я только теперь заметил, что ее некогда длинные черные волосы теперь острижены чуть ли не короче моих.

— Мне бы хотелось, чтобы ты остался на обед.

Она высказала пожелание, но не просьбу. В нынешнем ее положении Кристал не приходилось о чем-либо просить.

Я задумался. По моему разумению, с уходом можно было и не спешить. Антонин, надо думать, пока не знал о моем местонахождении. Конечно, узнает он довольно скоро, но мне все равно надо где-то ночевать, а казарма стражей самодержца всяко предпочтительней ущелья или чащобы.

— Я останусь.

— Вот и хорошо. Давай посидим минутку на балконе. В скором времени мне предстоит встреча с самодержцем, а когда я освобожусь, мы сможем поговорить как следует.

Выйдя на затененный балкон, она села на мягкий стул за маленьким столиком и указала мне стул напротив.

— С удовольствием угостила бы тебя чем-нибудь, но я должна буду уйти раньше, чем принесут поднос. Мне хочется знать, чем ты занимался и с чего это вдруг так заинтересовался самодержцем.

— А мне прежде всего хочется тебя кое о чем предупредить. Не знаю, известно ли тебе, что префект вступил в сговор с

Антонином? А я допустил ошибку, вступив в схватку с одним из его... наверное, следовало бы сказать «товарищем», но не уверен, что это слово вообще применимо к Мастерам хаоса. Речь о том Белом маге, на которого я наткнулся.

— Антонин? — На лице Кристал было написано недоумение.

— Антонин — самый могущественный из ныне живущих Мастеров хаоса. Он сделал что-то с Тамрой и, похоже, способен противостоять Мастерам Отшельничьего. Во всяком случае, до поры до времени.

— Ты видел Тамру?

Воспоминание заставило мой желудок скрутиться узлом.

— Лица не видел, но уловил след ее ауры. Она каким-то образом связана с Антонином. Думаю, против ее воли.

— Против ее воли? В такое трудно поверить. Ты точно знаешь?

Я предпочел промолчать и в наступившей тишине окинул взглядом лежащий под балконом мощеный двор. Снизу до нас доносились лишь редкие шаги и негромкие голоса. Все вокруг дышало спокойствием и порядком.

Кристал ждала, как и прежде терпеливо, но с затаенной внутри силой. Подобно кошке, способной в долю мгновения сбросить сонную негу и совершить стремительный прыжок.

— Хаос... он многолик,— заговорил наконец я, пытаясь объяснить ей суть дела.— Всякий, кто обращается к нему, даже из самых лучших побуждений, рискует угодить в ловушку. Мне говорили об этом многие, говорили давно, но я не больно-то им верил. Но они были правы, и мне основательно повезло в том, что я встретил Серого мага прежде, чем успел по-настоящему влипнуть. К тому времени,— на моих губах появилась кривая усмешка,— солдаты охотились за мной только в двух княжествах.

— А как тебе удалось убраться из Фритауна?

— Я купил лошадь и уехал.

Кристал хихикнула.

— По-моему, это было чуточку потруднее.

— Самую чуточку,— кивнул я, не вдаваясь в подробности.— Ну а ты-то как? Я слышал, будто «Приют» спалили.

— Спалили. Но я заявила, что приехала с севера и вступила в тамошнюю стражу, еще к старому герцогу. А новый, придя к власти, заключил соглашение с Отшельничьим и погнал со службы большинство головорезов своего предшественника. Это дало мне воможность наняться в охрану к первому попавшемуся купцу. В Джеллико торгаш рассчитался с нами, и этих денег

хватило на то, чтобы купить лошадей и отправиться через южные перевалы в Кифриен. Один мастер боевых искусств, обучавший купеческих охранников, сказал мне, что самодержец с удовольствием принимает на службу женщин. Моя служба началась с западного патруля. Мы несли потери, но когда на наши земли вторглись мятежники из Фритауна...— Кристал нахмурилась.

— А, так это твоих рук дело? Я слышал эту историю полгода назад.

По правде сказать, я еще тогда догадался, что командиром, взорвавшим запруду, была именно она. Мне хотелось порасспросить ее про Ринн и про стычки с войсками Галлоса, но Кристал задала вопрос первой:

— Так что этот Антонин?

— Именно он превращает солдат префекта в одержимых хаосом маньяков. Поэтому они никогда не сдаются в плен и дерутся как бешеные, до последней капли крови.

Поджав губы, Кристал медленно кивнула.

— Да, мы предполагали нечто подобное. А поделать ничего не могли, потому что в Кандаре нет Мастеров гармонии. Во всяком случае, мы их не нашли. Но сейчас...— она подняла глаза.— Мне правда нужно идти. Некогда даже устроить тебя как следует. Может быть, ты подождешь меня здесь? Умывальник найдется и фрукты, чтобы подкрепиться,— тоже.

И снова ее пожелание мало походило на просьбу.

— Ты надолго? — спросил я и, увидев, как ее лицо тут же сделалось жестким, пожал плечами.— Подождать, конечно, дело не хитрое, но мне надо позаботиться о моем пони. Да и вид у меня не для командирских покоев.

— О... я вернусь скоро, задолго до обеда.

Мне оставалось лишь кивнуть.

— Хорошо, я охотно подожду.

Чтобы сказать это, мне не пришлось кривить душой, потому как посидеть в одиночестве и о многом поразмыслить было бы сейчас совсем не лишним.

— Правда?

Она встала.

Я тоже встал.

— Насколько что-то в наше время вообще может быть правдой.

Подавшись вперед, Кристал одарила меня дружеским поцелуем.

— Я действительно очень рада тебя видеть. Постарайся отдохнуть.

Оставшись наедине со своими мыслями, я умыл лицо и руки, старась не слишком наплескать на пол. Письменный стол Кристал был завален бумагами, но мне удалось справиться с искушением заглянуть хотя бы в одну. Потом я устало опустился на краешек длинной кушетки и вновь погрузился в раздумья. От которых меня оторвал звук открывающейся двери.

— Вижу, ты меня ждал,— голос Кристал прозвучал отрывисто и весело, но чтобы осознать, что она вернулась, мне потребовалось сначала сбросить незаметно подобравшуюся дрему. Уже поднявшись на ноги, я не смог подавить зевок.

— Ну как, пообедаем?

— С удовольствием, только сначала толком проснусь. А то я сел, малость призадумался... глядь а ты уже и вернулась.

Губы ее дернулись в усмешке, а когда она подошла поближе, я приметил в ее волосах седину.

LXI

— Нам туда,— Кристал кивком указала на резную дверь, по обе стороны которой стояли стражи, одетые в зеленое. На бедре Кристал висел меч, с которым она, похоже, не расставалась, даже ложась спать.

Взоры стражей обратились ко мне, но у меня хватило ума оставить посох в покоях Кристал. А вот пустые ножны от ножа я решил с пояса не снимать. В некоторых княжествах этикет предписывает всегда иметь нож при себе. Правда, о том, как с этим обстоит дело в Кифриене, у меня не имелось ни малейшего представления. Что же до посоха и торбы, то трудно было бы найти более надежное место для их хранения, чем личные покои субкомандующего.

— Это не торжественный прием, а обед в узком кругу,— предупредила Кристал.— Самодержец желает послушать о твоих приключениях.

С этими словами она провела меня в столовую, которая и впрямь не являлась пиршественным залом. Великолепный, сработанный в имперском стиле и накрытый зеленой полотняной скатертью стол был сервирован серебром и посудой из тончайшего фарфора, но по размеру комната ненамного превосходила столовую в доме моих родителей или на дорожном посту, где два дня назад мне случилось угоститься бараниной с огненной подливой.

Добрая дюжина настенных ламп заливала помещение необычно ярким светом. Надо полагать, самодержцу не приходилось экономить на ламповом масле.

Ступив на порог, мы остановились, не доходя до группы из шести человек, беседовавших возле утопленного в нише окна, за которым светились огни вечернего города.

— Кристал! — обратилась к моей спутнице одетая в зеленый шелковый комбинезон женщина с тронутыми сединой черными волосами.

— Твоя честь,— отозвалась Кристал, склоняя голову.

— Надеюсь, ты представишь нам своего друга?

— Это Леррис,— промолвила Кристал и тут же назвала мне всех присутствующих: — Ее честь самодержец, командующий стражами Феррел, министр общественных работ Зибер, Лисса, сестра ее чести, министр финансов Муррис и отец Дорна.

— Твоя честь,— пробормотал я, кланяясь самодержцу.— Весьма польщен возможностью быть представленным столь почтенным особам.

— Кристал говорила, что ты молод,— с улыбкой заметила молодая женщина, очень похожая на самодержца, хотя серебро седины еще не коснулось ее смоляных волос,— но по ее описанию я бы тебя не узнала.

Худощавый седовласый министр общественных работ лишь кивнул, как и министр финансов — плотная, коротко стриженая женщина в богато расшитой зеленой тунике.

— Мир тебе,— коротко приветствовал меня отец Дорна, вероучитель почитающих Единого Бога. Он был одет во все черное, и его аура не излучала ни хаоса, ни гармонии .

Кристал и сюда явилась в простой воинской одежде. Украшений она не носила, двигалась с хищной грацией и выглядела истинным, постоянно держащимся начеку стражем.

Непритязательнее ее был одет только я.

— Прошу садиться,— самодержец выдвинула стул во главе стола и указала мне место справа от себя.

Кристал села напротив меня, отец Дорна расположился справа, Лисса, единственная женщина в платье, а не в брюках — в нижнем конце стола.

Я попытался было помочь самодержцу сесть, но она не дала мне оказать ей услугу, усевшись прежде, чем моя рука коснулась спинки ее стула.

— Никаких церемоний, Леррис. Меня зовут Каси.

Не зная, что ответить, я ограничился кивком.

На стоявшую передо мной тарелку положили зеленый салат.

— Кристал говорила, будто бы тебе что-то известно о причинах яростных, но совершенно бессмысленных галлосских атак.

— Кое-что — известно, а кое о чем имеются догадки.

Поскольку самодержец задала этот вопрос прежде, чем кто-либо угостился зеленью, я понял, что главным блюдом этого обеда в узком кругу должны стать сведения, а в качестве шефповара выступлю именно я.

Лицо Кристал оставалось вежливо бесстрастным, однако, покосившись в ее сторону, я вроде бы приметил промелькнувшие в глазах огоньки.

— Имя «Антонин» кому-нибудь о чем-нибудь говорит?

— Дьявол...— приглушенно пробормотал священник.

— По слухам, так зовут Белого мага, живущего где-то в Закатных Отрогах,— ответила самодержец.

— Да, он и вправду Белый маг. И этот Белый маг сговорился с префектом. Или, во всяком случае, проводит в Фенарде так много времени, что их двоих вполне можно счесть союзниками.

— Но что он привносит в этот союз? — поинтересовалась Феррел, командующая стражами, одетая просто и аккуратно. Как и Кристал, она была вооружена.

— Хаос.

— Но в какой форме? И что он получает взамен?

Я перевел дух.

— У меня нет на все готовых ответов, но...— я сбился, но продолжил прежде, чем командующий успела задать мне еще один вопрос.— Он устроил в фенардских казармах фонтан хаоса. Этот фонтан воздействовал на умы, лишая солдат возможности мыслить, поскольку по самой своей природе мышление — действие гармоническое. Фонтан делал бойцов бездумными исполнителями приказов, причем — приказов, имеющих хаотическую основу. Я хочу сказать, что они готовы слепо бросаться в бой и убивать без пощады.

— Но как тебе удалось это выяснить?

Заставив себя сделать глоток из хрустального бокала, я ответил:

— В Фенраде мне довелось работать столяром и... Хм, все не так-то просто. Не знаю, рассказывала ли об этом Кристал, но я покинул Отшельничий, чтобы пройти гармонизацию. Моя задача состояла в том, чтобы добраться до Закатных Отрогов и за это время определиться со своим будущим — стану я служить хаосу, либо же гармонии. По дороге у меня возникли... некоторые затруднения.

Никто из присутствовавших никак не высказался, и я продолжил:

— Чтобы обдумать свое будущее и заработать денег, мне пришлось задержаться в Фенарде, где я и занялся работой по дереву. Одновременно изучая и кое-что еще. Тем временем в

Фенарде возрастал хаос. На первых порах это было не так уж заметно, но с каждым днем становилось все ощутимее. Антонин зачастил к префекту — его карета появлялась у дворца все чаще и чаще. И одновременно с этим все новые и новые отряды всадников отправлялись в набеги на Кифриен. За короткий срок ежесезонные сборы увеличили вдвое...

Умолкнув, я отпил глоток из бокала и подцепил на вилку зелень. Остальные ели, значит, можно было и мне.

— А ты можешь описать форму хаоса, используемую этим... Антонином? — спросила Феррел.

— Описать трудно, но мною это воспринимается как болезненно-белое свечение с безобразной красной сердцевиной. От соприкосновения с которым меня пробирает холодом.

— Ты можешь ощущать его присутствие? — поинтересовался священник.

— Он очень силен, и его аура ощутима для любого мастера гармонии.

Служанка принялась убирать тарелки. Моя была почти полной, и я поспешил подхватить на вилку еще чуток салата.

— А почему ты считаешь эту магию более опасной, чем любое другое оружие? — продолжала дознаваться Феррел.

— Да потому,— буркнул я, досадуя на ее непонятливость,— что она уничтожает тебя изнутри.

— Молодой человек...— Голос командующей зазвучал сурово.

— Феррел! — ледяным тоном одернула ее самодержец и перевела взгляд на меня.— Мне кажется, я поняла, что ты имел в виду, но все же будь добр растолковать свое последнее высказывание.

— Хорошо, я попробую. Но прошу прощения, если не смогу выразить мысли четко. Понимаете, для меня все это еще внове, тем паче что лишь немногим мастерам вне Отшельничьего позволяется изучать такие вещи.

— Позволяется?

Вопрос министра финансов я оставил без ответа, рассудив, что значение имеет лишь то, о чем спрашивает самодержец.

— Сила хаоса во многом так велика благодаря возможности концентрировать энергию разрушения. А вот сфокусировать таким образом гармонию невозможно. Но покуда гармоническая защита пассивна, хаос не может ее преодолеть. Абсолютная гармония препятствует хаосу, но лишь путем недопущения его туда, где уже присутствует порядок.

То, что делает Антонин, усиливает потенциал хаоса в обеих сопредельных странах. Посылая галлосских солдат на смерть,

он разжигает в галлосцах гнев — и против префекта, и против Кифриена. Одновременно галлосские набеги повергают в ярость жителей Кифриена. Гнев делает людей более уязвимыми для хаоса, ибо жажда мщения подталкивает их на чуждый гармонии путь разрушения и убийства. Надо думать, я далеко не до конца понял замысел Антонина, но одно очевидно — по мере нарастания хаоса возрастают его сила и власть.

Мой желудок перекрутило — я начал понимать, какую роль и сам невольно сыграл в дьявольской игре Антонина.

— Понятно,— холодно вымолвила самодержец.— Но если ты прав, победа для нас невозможна. Защищаясь, мы усилим хаос, а отказавшись от сопротивления — погибнем.

Мне это высказывание не понравилось.

— А почему могущественный Отшельничий не выступит против этого Белого чародея? — резко спросила Лисса.

— Можешь сказать? — Кристал вперила в меня взгляд.

Ответным взглядом я поблагодарил ее за этот прямой вопрос.

— Точный ответ мне неизвестен, однако я знаю, что Отшельничий редко вмешивается в дела других государств. Кроме, может быть, прибрежных княжеств, ведущих с ним торговлю.

Недоговоренность скрутила узлом мой желудок, но тут, к счастью, я получил отсрочку. Подали главное блюдо — изрядно сдобренного специями барашка на вертеле.

— Но насчет того Белого мага... Он не ставит своей целью завоевание Кифриена Галлосом?

— Его истинная цель — укрепление власти. Своей — и следующих за ним Белых магов. И мне кажется, ради власти он готов уничтожить обе ваши страны.

— Все это теория, философские рассуждения,— вмешался министр общественных работ.— А вот не будешь ли любезен рассказать нам, что ты, лично ты, сделал, дабы отвратить эту опасность? Если, конечно, ты что-то делал, а не ограничивался наблюдениями.

Вместо того чтобы ответить, я прожевал и проглотил кусочек баранины. В конце концов, у меня имеется право хотя бы подкрепиться! Единственное затруднение заключалось в том, что, пока я жевал, никто не проронил ни слова. За столом висело тяжелое свинцовое молчание. В результате мне стало неловко. Едва проглотив мясо, я снова открыл рот.

— Я сделал то, что мог. Разрушил фонтан хаоса и некоторыми своими действиями породил цепь событий, приведшую к гибели нескольких префектовых слуг, пораженных хаосом. Включая субпрефекта.

— Так ты намерен положить хаосу конец? — прозвучал высокий голос священника.

Я вздохнул. Кроме Кристал, все эти люди были мне незнакомы, и разговор с ними становился все более опасным. Хаоса в них не чувствовалось, однако непонимание легко могло пробудить в них желание от меня избавиться.

— Похоже, ты очень устал, молодой Мастер гармонии,— произнесла самодержец.— Может быть, по этой причине твой рассказ... не совсем внятен.

Пожав плечами, я обернулся к ней. В конце концов, именно она принимает здесь окончательные решения.

— Ты должна понять, что я не из Кифрина и не из Галлоса. Галлосский ремесленник принял меня в свой дом. Хаос угрожал его семье, и я прибегнул к магии гармонии, чтобы укрепить его здоровье и улучшить его дела. Кроме того, мне — такому, как я есть,— было бы трудно удержаться от укрепления внутреннего порядка в изделиях, которые я мастерил. Вот ты...— я обернулся к Кристал.— Не вспомнишь ли, что случается при столкновении Черного посоха с концентрированным хаосом?

Чуток помедлив, она сказала:

— Разве посох не выжигает источник хаоса?

Я кивнул и, оглядев сидевших за столом, продолжил:

— Моя первая ошибка заключалась в том, что я изготовил для субпрефекта стулья из черного дуба. А вторая промашка — в том, что я попытался сделать их без изъяна и напитал гармонией.

Все выглядели озадаченно.

— Как вы думаете, что произошло, когда помеченные хаосом советники префекта уселись на эти стулья?

— Ха!

— Ооох!

Я кивнул.

— Само собой, после случившегося мне пришлось покинуть Галлос. Но нельзя же было просто так бросить приютившего меня человека! А эти стулья рано или поздно навели бы недругов на его мастерскую. В поисках выхода — сам не знаю, какого — я пробрался во дворец. Никакого прока из этого не вышло, но мне все же удалось превратить тот проклятый источник хаоса в обычный фонтан. Ну а потом я убрался из Фенарда и приехал в Кифриен.

— А какое отношение ты имеешь к смерти Белого чародея? — этот вопрос задала Феррел, выглядевшая так, будто ее что-то позабавило.

— Это вышло случайно,— прежде чем начать рассказывать еще и эту историю, я попытался проглотить хотя бы ломтик баранины.

— Случайно?

— Ну...— промямлил я с полунабитым ртом, жуя жгучее, проперченное мясо.— Моей единственной целью было освобождение двух кифриенских пленников, но тот Белый маг непрестанно обстреливал меня огнем, а потом... его пламя столкнулось с моим посохом слишком близко от него.

— А как ты оказался так близко?

Я готов был поклясться, что Феррел спросила об этом с улыбкой.

— Я скакал в том направлении...

— Ага, Мастер гармонии, значит у тебя есть боевой конь?

— Какой там «боевой». Просто пони.

Кто-то хихикнул.

Феррел одарила Лиссу таким взглядом, что та побледнела. Что немало меня удивило. Потом она повернулась к самодержцу и добавила:

— Сколь бы невероятно это ни звучало, он, похоже, сказал правду. Но не всю. Нашего юного друга никто не видел, но... это твой?

Она протянула мне поясной нож.

Я кивнул.

— Маг-невидимка, который одолел Белого чародея, разрезал узы моего лейтенанта и оставил ей свой нож, чтобы она могла освободить другого пленника. Его она, само собой, не видела, но слышала, как Белый маг кричал про незримого чародея. Да и огненные стрелы на ее глазах не могли пробить какой-то воздушный кокон, пока одна из них, отразившись невесть от чего, не сразила самого этого колдуна. И тогда только на мгновение перед ее глазами появился наш юный друг. Или, во всяком случае, кто-то похожий на него.

Я вложил возвращенный нож в пустые ножны.

— Об этом ты мне ничего не рассказывал,— сухо заметила Кристал.

Щеки мои, похоже, прозовели.

— Так ведь мне вовсе не хотелось сталкиваться с тем Белым магом. Просто так вышло.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю...— начал было я, но тут же, поняв что меня свалит приступ тошноты, поправился.— Похоже, выбора у меня нет. Мне нужно найти Антонина.

— Великого Белого мага?

— Его самого.

Феррел посмотрела на самодержца, а та — на Кристал. После чего они позволили мне закончить обед. В том смысле, что перестали закидывать вопросами меня и заговорили между собой.

— Он что, всегда был таким скромным? — с улыбкой обратилась к Кристал Феррел.

— Раньше был поспокойнее.

— Я так и не поняла насчет Отшельничьего,— резко произнесла министр финансов.

— Может быть, вместо Мастера гармонии на твой вопрос сможет ответить субкомандующий? — промолвила самодержец.— Кристал, наш юный друг устал. Не разъяснишь ли ты, что тут к чему.

— Попробую,— ответила Кристал с мимолетной кривой усмешкой.— Отшельничьим управляет Братство, союз Черных Мастеров гармонии. Они никогда не пытаются подавить хаос где-либо за пределами острова, пока не ощутят серьезную угрозу для самого Отшельничьего. Но любой островитянин, которого они считают способным стать источником хаоса, должен либо отправиться в изгнание, либо пройти испытание, дабы доказать свою приверженность абсолютной гармонии.

— Любой? Но уж наверняка не отпрыски могущественных...— начала было Муррис.

Мы с Кристал переглянулись, и это не укрылось от Каси. Но та не только промолчала сама, но и знаком велела умолкнуть министру финансов.

— Именно любой,— промолвила Кристал после недолгого колебания.— Братство последовательно во всем. Мне известен случай, когда сын одного из высших Мастеров был отправлен на гармонизацию в гораздо более юном возрасте, чем кто-либо иной. Возможно, именно в подтверждение того, что перед законом равны все.

Посмотрев на меня с дальнего конца стола, Лисса незаметно кивнула.

Похоже, прежде, чем я отсюда уберусь, весь Кифриен прознает всю мою подноготную. И ничего уже с этим не поделать.

После баранины подали маленькие чашки с пряным горячим сидром и орехи в меду. По правде сказать, мне стоило немалых усилий не начать слизывать мед прямо с тарелок. Я истосковался по сладкому.

— ...Побудешь у нас?

Начало заданного Зибером вопроса я прослушал, но суть была ясна.

— Нет.

— А каковы твои планы?

Я пожал плечами:

— Буду делать то, что необходимо.

— Это довольно амбициозно. И неопределенно.

— Не без этого,— устало согласился я, начиная ощущать подспудную испорченность этого человека.

Лицо Кристал оставалось бесстрастным, но мне показалось, что она скрывает улыбку.

— Думаю, завтра нам всем рано вставать,— заявила самодержец, поднимаясь на ноги.— Кристал, спасибо, что предоставила нам возможность познакомиться с мастером гармонии. И тебе, Леррис, спасибо — за прямоту и готовность нас просветить.

Самодержец кивнула командующему, и Феррел, в свою очередь, сказала:

— А мне хотелось бы поблагодарить тебя за помощь нашим пленным и «случайное» столкновение с Белым чародеем. Эта счастливая для нас случайность спасла жизни двум десяткам бойцов. Я рада возможности вернуть тебе нож и не стану разочаровывать своих людей, убеждая их в «случайности» твоего успеха.

— Весьма благодарен.

Феррел кивнула и вместе с самодержцем вышла наружу. Мы последовали за ними, но в широком коридоре самодержец и командующий повернули направо, а мы с Кристал — налево. В тишине коридоров наши шаги отдавались негромким эхом.

Едва мы приблизились к покоям Кристал, как верный Херрельд распахнул дверь.

— Ты свободен, Херрельд,— сказала она.

Воин покосился на меня и снова уставился на нее.

— Если мне что-то понадобится, я позвоню в гонг,— промолвила Кристал с любезной, но официальной улыбкой.— Доброй ночи.

— Доброй ночи, командир.

Дверь со стуком закрылась, и Кристал легким привычным движением задвинула крепкий засов.

— Похоже, тот малый не обрадовался тому, что я заявился в твои покои.

Не ответив, Кристал отстегнула меч и, тяжело ступая, направилась в спальню.

Вернувшись босиком, но все в той же одежде, она предложила мне выйти на балкон. Ночной ветерок приятно освежал лицо. Озирая город, я не мог не обратить внимание на то, что на дворе казарм горело, пожалуй, больше ламп, чем во всем остальном Кифрине, хотя сама крепость была освещена довольно тускло.

— Я смотрю, у вас тут рано ложатся спать.

— С середины лета цены на свечи и ламповое масло выросли вдвое.

— Это из-за войны?

Кристал фыркнула.

— Ясное дело. Масло привозят в основном из Спидлара или Кертиса, но префект закрыл для всех желающих торговать с нами проезд через Галлос и сговорился с виконтом Кертиса. Торговцы, конечно, все равно едут, но и запрашивают втридорога.

— А как у вас с провизией?

— Голод нам пока не грозит — козы, сыр и оливки у нас свои. И бобы. Можно сказать, что мы сидим на бобах.

— Ты выглядишь усталой.

— Так ведь я и вправду устала, Леррис. Мы все вымотались. И я, и Феррел, и Лисса, и особенно — Каси. За прошлый год она постарела лет на десять. Иметь дело с Муррис само по себе не радость, но она нужна нам не меньше, чем Наилучшие.

Кристал облокотилась в темноте о столик. Голос ее зазвучал приглушенно:

— Нам приходится нанимать самых умелых бойцов, а на это нужны деньги.

Суть этой стратегии я уразумел сразу. Конечно, кифриенцы вроде Шервана и Пендрила, были славными, бесстрашными ребятами, но они абсолютно не представляли собой силы, которая способна противостоять одержимым солдатам префекта.

— Пополнять ряды становится все труднее и труднее, хотя мы платим втрое больше, чем новый герцог Фритауна. Сейчас в корпусе Наилучших не хватает около двадцати человек.

Не зная, что сказать, я потянулся и сжал ее ногу чуть повыше колена, стараясь укрепить в ней гармоническое начало. И хоть чуточку ее успокоить.

— Спасибо, Леррис. Порой...

Кристал не закончила фразу, и я пожалел об этом, поскольку темнота скрывала выражение ее лица. Мне удалось ощутить лишь легкую ауру задумчивости и печали.

— Чего бы тебе хотелось? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Хотелось бы кое-что в себе изменить. Стать моложе. Или...

Она вновь не договорила, а переспрашивать я не стал.

— Порой мне тоже хочется многое в себе изменить...— слова вырвались у меня сами собой.

— Наверное, сначала тебе нужно найти в себе ответы на некоторые вопросы.

Тут она не ошиблась. Однако было ясно, что, пока я не разберусь с Антонином или он со мной, никаких ответов найти не удастся.

— Жуть какая-то, верно? Кошмар да и только,— промолвила Кристал.

Мне оставалось лишь хмыкнуть. Конечно, ничего смешного в ее словах не было, но должен же я был как-то реагировать. Ежели вдуматься, так это и правда жуть: сижу на балконе в кромешной тьме и беседую со старой знакомой, превратившейся в грозного бойца, военачальника и приближенную самодержца. Беседую, посматривая на дверь спальни и гадая, откроется ли она для меня.

— Интересно, найдется ли в Кифриене работа для хорошего краснодеревщика? — промолвил я, чтобы хоть как-то отвлечься от этих размышлений.

— Хороших столяров везде не хватает. Как, впрочем, и настоящих умельцев в любых других областях.

Мы снова умолкли.

— Тебе нравится быть Мастером клинка?

— Временами. Когда мое умение служит доброму делу.

— А бывает иначе?

Кристал осталась на месте, но даже во тьме мне удалось уловить пожатие ее плеч.

— Я стараюсь, чтобы смертей и крови было как можно меньше. Увы, нельзя служить даже лучшему из правителей, не прибегая к насилию и не совершая порой несправедливости. Ринн отказывалась это понимать.

— И что с ней случилось?

— Ничего дурного, во всяком случае — насколько мне известно. Она служила в корпусе Наилучших, но недолго. А потом отправилась через южные перевалы в Сарроннин — искать землю, где царят свобода и справедливость.

— Бедняжка.

Мне и вправду было жаль Ринн. Куда бы ни забросила ее судьба, шансов найти царство всеобщей справедливости у нее еще меньше, чем у меня — обрести ответы на вопросы, не дающие мне покоя.

— Она не найдет такой страны,— произнесла Кристал, словно прочитав мои мысли.

— А ты нашла то, что искала? — спросил я.

— Отчасти. Я занимаюсь тем, что у меня неплохо получается, а это не так уж мало.

Больше допытываться не стоило: чтобы догадаться об остальном, достаточно было посидеть с ней за обедом. Вместо того чтобы донимать Кристал вопросами, я снова окинул взглядом город, отметив, что огней на улицах почти не осталось. Кифриенцы и впрямь экономили на свечах.

Ветерок усилился, и я, пожалуй впервые с тех пор, как перебрался через Малые Отроги, почувствовал холод. Вместе с холодом ветер принес запах дыма от факелов и чадящих масляных фонарей. В отличие от Отшельничьего, в Кифриене, как и во всем остальном Кандаре, угольно-газовыми лампами не пользовались.

Стул Кристал скрипнул.

— Мне нужно поспать,— она встала и подавила зевок.

Ничего похожего на приглашение в ее голосе не прозвучало.

— О... прости. Я возьму свои вещи.

— Ну, тебя ведь тоже нужно устроить...— в тоне Кристал угадывалась улыбка.

При всем своем желании заключить ее в объятия я понимал, что она права. Пусть мне это не нравится, но права. Передо мной и без того стояло слишком много нерешенных вопросов.

Мы вернулись с балкона в комнату.

— Кушетка тебя устроит? — спросила Кристал.— Она узковата, но прочная и подойдет тебе по длине.

На том мы и порешили. Она удалилась в свою спальню, не преминув закрыть за собой дверь, а я устроился на кушетке. Которая оказалась такой удобной, что я, впервые с тех пор как удрал из Фенарда, спал крепко и без сновидений. В кои-то веки меня не преследовал грохот несущейся по небесам кареты, и мне не приходилось просыпаться в холодном поту.

Однако перед тем, как уснуть, я все же задумался о том, что же изменилось. Ведь когда-то Кристал сама хотела оказаться в моих объятиях.

LXII

Проснувшись рано, когда небо еще лишь серело в преддверии настоящего рассвета, я натянул на плечи одеяло и вновь предался раздумьям. Меня тянуло к Тамре, а потом и к Кристал, хотя, конечно, по разным причинам. Очень разным.

С Кристал мы, вроде бы, были друзьями, однако в снах она являлась мне... в несколько ином качестве. В том же, в каком и Тамра. Правда, в последнее время Тамра снилась все реже.

— Ты вконец запутался, Леррис,— пробормотал я себе под нос в надежде, что признание этого факта сможет навести меня на какую-нибудь полезную мысль.

Стараясь не шуметь, я присел на кушетке и выглянул в окно. К облачному небу уже поднималось несколько струек дыма.

Дверь Кристал оставалась закрытой, но она уже пробудилась и собиралась вставать.

Я думал о том, что даже победа над Антонином не даст мне ответов на все вопросы. Так стоит ли мне искать встречи с ним? Встречи, которая, возможно, закончится моей гибелью...

Это всего лишь часть проблемы. В конце концов, тот же Джастин веками наблюдал за тем, как Белые маги вроде Антонина один за другим уходят в небытие, выжигая себя сами. Но как быть с тем фактом, что спустя два столетия после падения Фэрхэвена княжества Кандара продолжают свои кровопролитные распри?

Я встал. Прямо на моих глазах розоватое свечение зари вновь потонуло в серой дымке, однако мне было тепло даже в одних коротких подштанниках.

Скрипнула открывающаяся дверь. Кристал подошла ко мне сзади, но я обернулся не сразу.

— Доброе утро.

— Доброе утро,— откликнулся я, оторвавшись от созерцания рассветного Кифрина.

— Я смотрю, работа с деревом неплохо развивает мускулы,— промолвила Кристал. Выглядела она отдохнувшей.

— Ты уже собралась уходить,— заметил я.— Небось, срочное дело?

— Обучение солдат,— ответила она, чуть скривившись.

— А...— сообразил я.— Ты пытаешься выиграть время, пока...

Она кивнула.

— Пытаться-то пытаюсь, но ничего не выходит. Слишком велики потери.

Суть ее затруднений была понятна. Благодаря магии Антонина префект не нуждался в хорошо обученных солдатах — ярость и бесстрашие заменяли им воинское мастерство. А вот самодержец — нуждалась. В ходе боевых действий ряды наемников таяли, находить новых становилось все труднее, а на обучение солдат из местного ополчения требовалось время.

— Мы делаем что можем,— промолвила Кристал и, слегка усмехнувшись, добавила: — Смотреть на тебя сейчас — одно удовольствие, однако все же тебе не помешает одеться. Мы завтракаем вместе со стражами.

Быстренько натянув свою дорожную одежду, я с торбой и посохом в руках подошел к Кристал, разбиравшей на своем столе ворох каких-то писулек.

— Счета, отчеты и все такое...— пояснила она.

— Кристал, но ты же военачальник, а не казначей!

— О хаос, конечно нет! Но тактика любого командира зависит от снаряжения и припасов не в меньшей степени, чем от солдат и оружия. Даже Наилучшие не могут сражаться без лошадей, фуража или еды...— продолжая говорить, она пристегнула к поясу меч и натянула короткую куртку с нашивками, свидетельствующими о ее высоком звании.— Чем действеннее кавалерийские рейды, тем больше теряется лошадей, а значит, всадникам нужны резервные кони. А коням — корм. Который нужно покупать, потому что если мы обложим крестьян непосильным натуральным налогом, начнется голод. Но чтобы покупать фураж, нужны деньги, а получить их можно, лишь увеличивая налог на что-то другое. Приходится искать золотую середину...— Кристал вздохнула и покачала головой.— Признаться, я только-только начала во всем этом разбираться. Порой мне кажется, что сражаться легче всего.

Трапезная стражей представляла собой зал с низким потолком, где за длинными столами могло разместиться двести сорок бойцов. Когда мы вошли, занята была лишь половина мест, и лишь немногие, в основном молодые, солдаты повернули головы в сторону своего командира.

Подойдя к раздаче, Кристал взяла ломоть хлеба, вареное яйцо, кусочек твердого белого сыра, зачерпнула какого-то варенья и налила из огромного заварного чайника чашку очень горячего и — я почуял это издали — очень крепкого и горького чаю.

Ни сыра, ни яиц мне не хотелось, так что пришлось обойтись двумя ломтями теплого хлеба с темным вареньем, побитым яблоком и чаем.

Усаживаясь на потертую скамью, я приметил выходившую из помещения Феррел. Как и Кристал, она была в поношенном мундире.

— Извини,— пробормотала Кристал с набитым ртом.— Я хочу поесть прежде, чем на меня насядут с делами.

— Какие дела могут быть в столовой? — не понял я.

— Любой из стражей вправе подойти и обратиться ко мне с любым вопросом или предложением. Может быть, твое присутствие кого-то и отпугнет, но смельчаки все равно найдутся,— говоря это, она продолжала жевать.

Я с удовольствием последовал ее примеру.

— Командир,— женщина с суровым лицом решилась обратиться к Кристал.— Ты посылала за мной?

Я едва не поперхнулся, решительно не понимая, когда Кристал могла кого-либо за кем-либо посылать. Или она вовсе не спала?

— Да, Елена. Хотела спросить, не согласишься ли ты составить эскорт?

Взгляд унтер-офицера переместился с Кристал на меня.

— А нельзя ли узнать поподробнее?

— Леррис, куда ты направляешься?

Чтобы промедление с ответом выглядело более естественным, мне пришлось старательно разжевать яблоко и запить его обжигающим чаем. Беда в том, что у меня не имелось никакого представления о точном маршруте. А имелось лишь намерение найти проходящую по Малым Отрогам чародейскую дорогу, однако так, чтобы не возвращаться тем путем, каким я прибыл из Галлоса.

— Прежде хотелось бы взглянуть на карту,— начал я,— однако главным образом меня интересует старая дорога к Сарроннину. Та, которой теперь не пользуются.

— Тракт хаоса? — невыразительным тоном уточнила Елена.

Я пожал плечами:

— Название ее мне неизвестно. Однако это одна из тайных чародейских дорог.

И Кристал, и Елена воззрились на меня.

— Объясни! — потребовала субкомандующий строгим и властным тоном, какого раньше я от нее не слышал.

— Весь Кандар покрыт сетью дорог, проложенных в древности Белыми магами. Кое-где поверх них намостили современные тракты, но многие из древних магистралей сохранились нетронутыми. Одна из таких дорог, как мне кажется, проходит по всей длине Малых Отрогов. Она пересекается с большаком, ведущим из Галлоса к Теллуру чуть ниже перевала.

— Почему ты не упоминал об этом раньше?

— Во-первых, ты не спрашивала,— ответил я, несколько озадаченный ее суровостью.— Во-вторых... Ох, проклятье! Дошло!

Кристал, похоже, несколько смягчилась. А вот Елена пребывала в недоумении.

— Думаешь, это важно для переброски войск и организации снабжения? — спросил я.

Кристал кивнула.

— Не думаю, что из этого выйдет толк. Если ты дашь мне карту, я покажу тебе, где она проходит, только вот без Мастера гармонии твоим людям ее не увидеть. Она окутана иллюзиями. Мне кажется, что Антонин не рассказывает об этих тайных дорогах даже своим подручным и пользуется ими для того, чтобы появляться и исчезать совершенно неожиданно, создавая впечатление, будто он способен пребывать в разных местах одновременно.

— Это ему вполне удается,— заметила унтер-офицер.— Ладно, я принесу набор карт.

Она удалилась и, пока не подошел кто-то другой, я обратился к Кристал:

— Послушай, я не воин, и уж паче того не стратег, и мне не нравится, когда меня, даже молча, обвиняют в незнании того, что мне знать не положено. Я признаю, что ничего не смыслю в твоей работе. Мне понятно, что ты сталкиваешься с серьезными затруднениями, и я не скрывал от тебя никаких сведений, во всяком случае намеренно. Но ты должна понять, что прежде, чем пытаться разбираться в твоем деле, мне не повредило бы как следует освоить свое.

Кристал поджала губы, а потом, встретившись со мной взглядом, пробормотала: «Прости». Однако голос ее звучал суховато.

— Кристал... Первая возможность хоть что-то сказать тебе об этой дороге появилась у меня только прошлой ночью. Положим, я бы так и сделал. Не хочешь же ты сказать, что за прошедшее время успела бы извлечь из услышанного хоть какую-то пользу? Кроме того, мне не было известно о существовании в Кифриене чародейских дорог, пока я случайно не натолкнулся на тот тракт. А оттуда я направился прямиком в Кифрин.

— Прости,— повторила она уже не столь сухо.— Просто у меня...

— Неужто все так плохо?

— Плохо. Хуже, чем ты можешь себе представить. Да ты оглянись по сторонам.

Я присмотрелся к собравшимся в трапезной. Присматривался долго.

Не менее трети стражей носили повязки или лубки. Бульшую часть офицеров и унтер-офицеров составляли женщины, а почти все мужчины были ненамного старше меня.

Мне следовало бы догадаться раньше. Независимо от умения обращаться с клинком, независимо от своей зрелости и сообразительности, женщина-чужестранка не смогла бы менее чем за год дослужиться до второго по значению поста в армии, не будь потери слишком велики.

— Извини. Сделаю все, что смогу,— пообещал я, искренне желая помочь не только Кристал, но и всем этим людям, выбивающимся из сил и теряющим жизни в бесконечной борьбе с хаосом. У меня почему-то начинало складываться убеждение, что отстаиваемый ими порядок ближе к моему пониманию существа гармонии нежели то, о чем говорили Тэлрин и другие магистры Отшельничьего.

— Спасибо.

— Командир, почему вчера изменилось время смены дорожного патруля? — спросил молодой человек с едва пробившимися светлыми усиками.

— Командир, будут ли запасные кони?

— Командир, когда мы получим инструктаж?

Я потихоньку отошел, предоставив Кристал разбираться со стражами. И дивясь ее удивительному терпению.

В это время в трапезную вошла Елена с длинным кожаным тубусом в руках. Я подозвал ее жестом, и мы устроились за почти пустым столом.

— Есть ли у тебя карта порубежных земель, лежащих за Южным протоком?

Просмотрев пергаменты, она положила на стол и разгладила старую карту. Хотя оказалось, что на нее нанесены не все возвышенности, линия дороги примерно соответствовала тому, что отложилось в моей памяти.

Присмотревшись и приноровившись к масштабу, я через некоторое время провел пальцем черту.

— Вот здесь. Она лежит где-то здесь, идет совершенно прямо, с востока на запад,— мне было не так-то просто как следует описать маскирующую иллюзию и то, что за ней сокрыто. Способность древних магов Фэрхэвена прокладывать путь прямо сквозь горы повергала в изумление, но еще больше меня удивлял тот факт, что они использовали и магию гармонии. Чтобы сокрушать горы и наводить морок годился и хаос, но невероятная прочность каменных покрытий и мостов безусловно объяснялась воздействием сил порядка.

— Ты найдешь, кому доверить это дело? — спросила Кристал.

А я и не подозревал, что она стоит за нашими спинами.

— Думаю, да,— ответила Елена.— А ты по-прежнему хочешь, чтобы я сопровождала Мастера гармонии?

— Если ты не против.

Елена кивнула.

— Сколько нас поедет? И когда отправляемся?

— Двое, не считая тебя самой,— промолвила Кристал и взглянула на меня, побуждая ответить на второй вопрос.

— Без промедления. Чем скорее мы выступим, тем скорее...— я осекся, потому что не очень хорошо представлял себе, что будет «тем скорее». Но время нас подгоняло — сомнений в этом у меня не было.

— Куда мы двинемся? — спросила Елена.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в старых картах и найти заброшенную дорогу к Сарроннину. В нынешние времена никто не пересекал Закатные Отроги, и дорогой этой очень давно не пользовались.

— Пожалуй, это наилучший маршрут,— сказал я наконец, подняв голову.

— Елена?

— Путешествие обещает быть довольно интересным, командир.

Мне понравилось ее отношение к предстоящему делу.

— Ну что ж... Коли мы порешили, так я, пожалуй, пойду в конюшню. За Гэрлоком.

— Что? У тебя есть лошадь?

— Есть — в конюшне у ворот.

— У ворот мы тебя и встретим,— Елена встала и склонила голову перед Кристал.— Честь имею, командир.

— Честь имею, унтер-офицер.

Она удалилась, а мы с Кристал вышли на главный двор цитадели.

— Леррис, ты должен быть уверен в том, что делаешь это для себя.

— Это само собой,— отозвался я, покачав головой.

— А мне так не кажется,— Кристал улыбнулась, но улыбка не тронула ее глаз.— Прошу тебя. Постарайся руководствоваться своими собственными надобностями.

— Я сделаю то, что должен, а с надобностями и резонами разберемся потом. Годится?

Она кивнула.

— Это будет по-честному. Не стану говорить, чтобы ты берег себя, но... обязательно возвращайся. Хотя бы для того, чтобы мы смогли-таки разобраться с этими резонами и надобностями.

Я облизал губы, неожиданно ощутив на них дуновение прохладного ветерка. Добавить к сказанному было нечего.

— До встречи.

— До встречи.

Мой взор проник в самую глубину ее черных глаз, но там не было ничего, кроме усталости.

Кристал подняла руку в жесте, представлявшем собой отчасти благословение, отчасти воинский салют, а я поклонился и повернулся кругом. После чего зашагал к конюшне.

Когда я подошел туда с посохом и торбой, у ворот меня уже поджидала Елена с двумя верховыми солдатами.

— Где твой пропуск? — требовательно спросил конюх.

— Ох, пропади он пропадом!..— я так и не удосужился подсунуть этот дурацкий листок на подпись кому-нибудь из начальства.— Елена!

— Да, Мастер гармонии?

— Я забыл попросить субкомандующего поставить на этой писульке свой автограф.

— Автограф?

— Подпись и печать на пропуске. Чтобы мою лошадь выпустили из конюшни.

— Плевать на все пропуска! Забирай своего коня.

Она заехала в ворота конюшни впереди меня.

— По личному поручению субкомандующего! Нечего тут разводить волокиту!

Длинноносая, с квадратным подбородком воительница направила своего скакуна прямо на конюха, который попятился и отступил в угол. Предоставив им разбираться друг с другом, я быстро оседлал и навьючил Гэрлока.

При моем появлении у выхода конюх пробормотал:

— Доброго пути, Мастер гармонии...

— Всего хорошего,— суховато откликнулся я. Ввиду ограниченности средств мне совсем не хотелось платить за конюшню.

— Это что, лошадь? — осведомилась унтер-офицер.

— Не совсем. Это Гэрлок. Но ты ведь не думаешь, что я мог бы ездить на каком-нибудь чудище, вроде одного из ваших? — глядя на суровое лицо воительницы, я не смог сдержать ухмылки.

— Рада, что ты это понимаешь, Мастер гармонии,— промолвила та и ухмыльнулась в ответ. От неожиданности я едва не свалился с пони.

Остальные двое переглянулись, но не вымолвили ни слова.

Покинув конюшню, мы проехали воротами цитадели и оказались в Кифрине — городе, в котором, благодаря беленым стенам, известняковому или мраморному мощению улиц и красной черепице кровель, было светло, несмотря на мелкий дождь и серые облака. На улицах стоял гомон, словно тут собрались сотни говорливых Шерванов.

«...лучший хлеб в Кифриене... под высоким покровительством самодержца...»

«...и ты мог бы перейти эту реку вброд, вот сколько он выпил. Отродясь не видывал, чтобы скотина столько пила, а кроме того...»

«...твое будущее стоит дороже медяка! Нужно быть дурнем, чтобы пожалеть медяк и упустить возможность узнать свою судьбу...»

«...Хезира, сказал я ей, чтобы этого не было. Ни в коем случае! Да, так и сказал, но она, конечно, не послушала. Да и с чего бы ей меня слушать — при ее-то высоком чине и шелковых нарядах...»

— Здесь у вас всегда так шумно? — полюбопытствовал я, подъехав к Елене.

— Нет,— унтер-офицер покачала головой.— Еще рано, и на улицах, почитай, тишина. Вот чуток попозже загалдят так загалдят.

«...Берна, ты только глянь на того пони! Не иначе как с севера. Экий он лохматый...»

За пределами резиденции самодержца, представлявшей собой не дворец, а сторожевую цитадель с примыкающими к ней казармами, город не имел стен и, кажется, даже четкой границы. Просто по мере того, как мы ехали по направлению к Закатным Отрогам, здания становились ниже и располагались на большем расстоянии одно от другого. Говорливая толпа на улицах заметно редела. Определить, где заканчивалась столица и начинались пригороды, не представлялось возможным. Однако еще до середины утра мы уже ехали по пустынной дороге среди волнистых холмов.

Мелкий дождик прибил дорожную пыль, но, к счастью, еще не обратил ее в грязь. Гэрлок приноровился к аллюру, заданному бурым мерином Елены. Все утро мы ехали в молчании.

Местность производила приятное впечатление, хотя по части растительности страна уступала и Галлосу, и не больно-то зеленому Отшельничьему. Однако холмы, делавшиеся все выше с каждым кай продвижения на запад, буквально притягивали мой взгляд. Я даже приметил несколько мест, где можно было бы устроить лесопилку или столярную мастерскую: и речушка есть, и дорога рядом, и до ближайшей делянки не так уж далеко.

А приметив, качал головой: неужто я и впрямь не оставил мысль сделаться настоящим столяром? Дядюшка Сардит, наверное, покатился бы со смеху.

В середине дня мы устроили привал на берегу речушки, протекавшей рядом с дорогой.

— Это ведь не настоящая узда,— заметил ехавший рядом молодой солдат.— Как тебе удается управляться со своим пони?

— По правде сказать, никогда об этом не думал,— отозвался я и предложил воину кусочек белого сыра.

Гэрлок заржал.

Поившая своего коня Елена решила, что пони тоже хочет водицы, и, бросив поводья на седло, шлепнула его по крупу, направляя к реке.

Солдат взял сыр, но, когда Гэрлок побрел к реке, уставился ему вслед.

Другой солдат, женщина примерно моих лет, с коротко стриженными светло-русыми волосами, зелеными глазами, на

редкость смуглой кожей и пересекавшим почти всю правую щеку рваным шрамом, подошла поближе.

— Хочешь сыру? — спросил я.

— Спасибо,— отозвалась она доброжелательным и серьезным тоном.— А ты... ты и вправду Мастер гармонии?

— Почему бы и нет? — с ухмылкой ответил я.— Звать меня Леррис, родом я с Отшельничьего. А с вашим субкомандующим мы давние знакомые и друзья.

Брови ее поднялись. Можно было представить себе, какого рода байки уже распространяются по всему войску.

— Она не только Мастер клинка, но и женщина. И действительно мой хороший друг.

— Извини,— пробормотала она,— я не имела в виду ничего такого...

Я отмахнулся.

— Понимаю, сплетникам рот не заткнешь. Могу признать, что эта женщина мне не безразлична, но не более того. Во всяком случае, пока. Прежде всего мы должны исполнить свой долг.

— А что, на Отшельничьем все мужчины такие?

Едва не поперхнувшись сыром, я закашлялся, а прокашлявшись пробормотал:

— Нет... не все. Такие тупицы, как я, редки .

— Мастер гармонии шутит, Фрейда,— вмешалась Елена. Голос ее звучал холодно, но глаза улыбались.— Но чем донимать его расспросами, ты бы лучше напоила лошадь. Кстати, Валдейн, это и к тебе относится. Мы остановились ненадолго.

— Ты опаснее, чем кажется, Мастер гармонии,— промолвила унтер-офицер, когда солдаты отошли за пределы слышимости. Но улыбка не покинула ее глаз.

— У меня нет возможности говорить неправду,— откликнулся я, пожав плечами,— а это создает некоторые затруднения.

— Ты не можешь лгать?

— Вообще-то могу, но за это приходится платить. И тогда мне бывает несладко.

На сей раз она покачала головой и задумчиво промолвила:

— Да... хорошо, что я просто унтер-офицер.

Попозже, уже приведя Гэрлока с водопоя и угостив его куском фуражной лепешки, я задумался над ее словами. И не мог не признать ее правоты. Чем больше мне удавалось узнать и чем шире становились мои возможности, тем запутаннее и сложнее делалась моя жизнь.

LXIII

Кифриен оказался обширнее, чем казалось поначалу. Чтобы добраться до предгорий, требовалось не меньше двух дней.

Я предполагал, что в какой-то точке старый большак непременно должен пересечься с чародейским трактом. Не знаю уж почему, но мне казалось, что иначе и быть не может.

Первую ночь мы провели на постоялом дворе селения Верхоречье. Откуда взялось такое название, никто не знал: ни Верхней, ни Нижней реки на Елениных картах нанесено не было. В трактире поддерживали чистоту, но на этом его достоинства исчерпывались. На обед подали жесткую козлятину и черствый сыр, кровати провисали, а Валдейн, с которым мне пришлось разделить комнату, во-первых, изрядно меня побаивался, а во-вторых, что существеннее,— громко храпел.

Вторая ночь застала нас в местечке под названием Кесса, на дорожном военном посту. Нас угостили мясом с острой подливой и подали огромный торт с фруктовым кремом. В солдатских столовых Кифрина кормили определенно лучше, чем на постоялых дворах.

Сама Кесса представляла собой скопление двух десятков домов, лавок и мастерских, обслуживавших близлежащие хутора и сады. Населяли ее типичные кифриенцы — смуглые, темноволосые, улыбчивые и невероятно болтливые.

Содержавшие пост Телла и Бардон выделили мне отдельную гостевую комнату. Удалившись туда, я запер за собой дверь, удостоверился, что лампа над двуспальной кроватью достаточно яркая, и взялся за книгу.

Найти нужное место не составило труда, хотя уразуметь написанное было куда сложнее. А написано по интересующему меня вопросу было буквально следующее: «Гармония не поддается концентрации и не сосредотачивается даже внутри черного посоха, а потому никто не сможет по-настоящему управлять посохом гармонии, не отбросив его прочь».

Из этого могло следовать, что, где бы ни находился мой посох, он все равно отталкивал хаос и способствовал установлению гармонии... или что-то еще. Пролистав книгу и не найдя никаких разъяснений, способных сделать этот параграф более вразумительным, я убрал потрепанный черный томик в торбу и уставился в пустоту. Мне следовало сопоставить разрозненные факты и установить, как они согласуются между собой.

Белый маг погиб, когда посох коснулся кончиков его пальцев... или почти коснулся. Во всяком случае, они оказались в непосредственной близости. Но посох бывал и вблизи других

источников хаоса, однако ничего подобного, никаких мощных выбросов энергии не происходило. Кроме того, если посох сам по себе мог уничтожить Белого мага, кто-нибудь должен был выступить против Антонина давным-давно. Если только у настоящих Черных Мастеров не имелось своих резонов для поддержания хаоса...

Последняя догадка мне очень не понравилась.

Потом мои мысли переметнулись к Дейдре, Кристал и Тамре, однако разобраться в своих чувствах оказалась еще сложнее, чем постичь суть магии гармонии. Эта попытка утомила меня настолько, что я задул лампу и уснул как убитый.

Разбудил меня холодный серый рассвет.

Позавтракав и распрощавшись с разговорчивыми хозяевами, мы двинулись дальше и вскоре оказались за пределами обжитых земель. По сторонам дороги больше не попадалось ни садов, ни огороженных полей. Тучи над головой развеялись, однако по-прежнему стояла прохлада. К середине утра дорога пошла через довольно густой подлесок. Местами она почти сплошь заросла сорняками. Холмы становились все круче, и с очередным подъемом на каждый склон мы все явственнее ощущали тревогу. С лица Елены не сходило напряженное выражение, да и крупные кавалерийские кони определенно нервничали.

На вершине одного из холмов, рядом с развалинами некогда стоявшего здесь то ли трактира, то ли дорожного поста, я подал Елене знак остановиться.

Глядя отсюда на запад, уже можно было увидеть темную гряду Закатных Отрогов с возносящимися к небу, увенчанными снегами пиками. Даже отсюда, с расстояния в добрых тридцать кай, они подавляли своим величием.

— Похоже, мы приближаемся. Я ощущаю впереди хаос.

— Мы еще далеко от Закатных Отрогов,— ответила Елена, щурясь на солнце.

— Дальше я доберусь сам.

Унтер-офицер покачала головой:

— Мастер гармонии, ты представляешь себе, что будет, когда я доложу субкомандующему о том, как мы бросили тебя в таком отдалении от Отрогов?

Я вздохнул:

— Примерно представляю. Ладно, поехали. Но если хаоса впереди окажется слишком много, я все же должен буду отослать тебя обратно.

— Почему?

— Да потому, что мне будет трудно защитить тебя и твоих людей. По правде сказать,— добавил я с невеселым смешком,—

у меня вовсе нет уверенности в своей способности защитить даже себя.

Однако когда мы продолжили путь, хаос впереди как будто развеялся. Либо это действительно так, либо источник его был сильнее, чем мне показалось сначала, но находился гораздо дальше.

К ночи мы так и не добрались до подножия Отрогов, хотя уже могли видеть, как закатные лучи окрашивали багрянцем вечные льды, лежащие на ближних вершинах.

Лучшим местом для ночлега оказались развалины давным-давно заброшенной фермы. От некогда крепкого дома осталась лишь одна кое-как укрывающая от ветра каменная стена. Я установил охранные чары, однако ночь прошла без всяких происшествий. Рассвет наступил серый и тусклый, как и в то утро, когда мы покинули Кифрин.

Мне не давала мысль о том, сколько народу кладет головы в холмах Северного Кифриена в то время, как я тащусь к Закатным Отрогам — может быть, по дурацкой прихоти. Однако, по здравому рассуждению, каждому следовало заниматься своим делом. А я не воин и должен не сражаться, а по возможности способствовать вящему укреплению гармонии.

Погруженный в такого рода размышления, я рассеянно предложил Валдейну сыра. Солдат принял угощение, но тоже рассеянно, не отрывая взгляда от гор. Потом он посмотрел на сыр с таким видом, словно не понимал, откуда он взялся.

— Поешь, сыр хороший. Мне дал его в дорогу один лесопильщик.

— Твой друг? — спросила Фрейда.

— Он был восприемником девушки, которой я помог.

— А она хорошенькая? — вежливо полюбопытствовал Валдейн.

— Очень. К сожалению.

Солдаты обменялись взглядами, и Валдейн почему-то покраснел.

— Ты ей не понравился?

— Наоборот. Очень понравился...

— Но если она такая красивая...— смущенно пробормотал Валдейн.

У меня не было особой охоты вдаваться в обьяснения, но я вздохнул и продолжил:

— Она была красавицей, умницей и чудесной хозяйкой. Но это лишь усугубляло положение.

— Так ты оставил ее ради долга? — сказала Елена — Какой благородный поступок!

— Нет...— голос мой звучал холодно, но с этим я ничего не мог поделать.— Благородство тут ни при чем. Просто мне нужно было кое-что сделать. Кроме того, я понял, что в моем сердце есть место и еще для кого-то, и...— я осекся, поняв, что все это звучит непростительно высокопарно и мне лучше заткнуться, чем и дальше выставлять себя хвастливым нахалом.

Однако на сей раз понимающими взглядами обменялись все трое. И мне стало совсем не по себе.

— А что случилось с той девушкой?

— Ну... я нашел ей работящего и любящего мужа, обеспечил приданым, и... и мы изрыдались черт знает как.

Похоже это их устроило, но я чувствовал себя распоследним ослом. А потому, когда мы уже вьючили коней, чтобы пуститься в дорогу, я подошел к Елене и тихонько сказал:

— Прости. Я не хотел....

— Понимаю,— отозвалась она, улыбнувшись и мимолетно коснувшись моей руки.— Не надо извиняться. Мы рады видеть, что даже в великих Мастерах гармонии есть что-то человеческое и даже они могут совершать ошибки.

— Но я вовсе не великий Мастер гармонии.

— В таком случае, великих Мастеров не бывает вовсе,— промолвила она, уже сидя на своем буром мерине.

Взобравшись на Гэрлока, я задумался над ее словами. Возможно, вся проблема как раз и заключалась в отсутствии великих Мастеров гармонии, способных противостоять великим Мастерам хаоса — таким как Антонин? Однако это было бы слишком простым объяснением, а простые и легкие объяснения почти всегда неверны.

К середине утра ощущение надвигающегося хаоса сделалось сильнее. Гораздо сильнее. И больше не ослабевало.

Дорога, по которой мы ехали, почти не использовалась, однако то здесь, то там на глине виднелись следы одного-единственного всадника. Установить, давно ли они оставлены, не удалось ни мне, ни Елене.

— У нас с лета не было сильных дождей,— она поджала губы.

Энергию хаоса я ощущал совсем близко, может быть уже за следующим холмом.

Над головой катились серые облака. Послышался отдаленный гром, но дождя не было.

— Остановимся,— сказал я.— Впереди что-то есть.

— Вооруженные люди?

— Нет...— Я попытался распространить свои чувства как можно дальше, но не обнаружил ничего, кроме какого-то бу-

горка и еще чего-то, определенно связанного с хаосом.— Нет. Кажется, ничего страшного.

Бугорок оказался человеческим телом. Точнее, тем что от него осталось. Елена подъехала к нему почти вплотную, но потом отступила от лежавшего ничком трупа.

— Судя по поясу, это наш солдат. Не с ближнего поста.

— Осторожно, там хаос.

Унтер-офицер кивнула.

— Знаю. Мы видели такое и раньше.

Она обнажила меч и коснулась тела сталью, вызвав яркую, обдавшую жаром вспышку. Очередной трюк Белых чародеев.

Воспользовавшись мечом, Елена перевернула тело на спину, и мы увидели, что лицо погибшего превратилось в бесформенный обугленный ком. Не иначе как в результате прямого попадания огненного шара.

Я вполне мог представить себе, что случилось. Бойца, возможно с помощью магии, заманили в безлюдное место, а потом уничтожили.

— Хаос пропитал его насквозь. Жаль, что мы не можем питаться хаосом — нам бы никогда не пришлось испытывать голод. Валдейн,— подозвала Елена солдата,— давай позаботимся о павшем. Времени у нас немного, но здесь по крайней мере есть камни.

Могилой погибшего стала сложенная у обочины каменная пирамида.

Мы уже сели в седла, а я продолжал напряженно думать. Замечание Елены дало мне новую пищу для размышлений. В каком-то смысле хаос подпитывался хаосом. Чем сильнее становился Антонин, чем больше он мог разрушить, тем больше становилось хаоса в Кандаре. И во всем мире. Но если старые мастера были правы, такой рост хаоса должен был уравновешиваться возросшей где-то гармонией. А возможно, именно непомерно укрепившаяся гармония и породила столь мощный всплеск хаотической энергии.

В горле моем встал ком. Если эти рассуждения верны, на Тэлрине и всем Братстве лежит вина. И немалая.

Правда, это не решало моей конкретной проблемы. Хотя мои возможности возрастали, процесс этот, как и предупреждал Джастин, был весьма нескорым, тогда как Антонин мог прожигать дыры в горах и наводить порчу на целые воинские отряды. Пройдут годы, прежде чем я смогу вступить с ним в открытое противоборство, однако промедление не пойдет на пользу ни Кристал и самодержцу, ни народам Кифриена и Галлоса.

Теперь мне стал ясен метод, избранный Джастином. Серый маг не производил мощных выбросов гармонии, но неустанно укреплял ее повсюду, где гармонические структуры нарушались деятельностью Антонина. Вся его деятельность, от целительства в Джеллико до улучшения породы овец в Монтгрене, служила именно этой цели. Восстанавливаемый Джастином порядок ограничивал возможность распространения хаоса, а стало быть, способствовал спасению многих невинных. Что же до Антонина, то тот вовсе не препятствовал некорому укреплению нижнего уровня гармонии, ибо по закону равновесия это позволяло ему наращивать свои силы. Что, в свою очередь, открывало для Джастина возможность...

Я потер виски. Неужто здесь имел место заколдованный круг? Насколько хорошо понимали этот принцип и насколько честно следовали ему маги, как Белые, так и Черные? И не в этом ли заключалась одна из причин нежелания магистров отвечать на иные из моих вопросов?

— Что будем делать дальше, Мастер гармонии?

Я понял. Теперь у меня имелся резон отпустить эскорт. Тем паче что Кристал нуждалась в каждом клинке, и ей они были куда нужнее, чем мне.

— Твоя миссия закончена, унтер-офицер. Дальше вам идти незачем. Там хаос.

— Ты уверен?

Я кивнул и, надеясь, что она точно передаст все сказанное мною Кристал, промолвил:

— Я не смогу искать Белого чародея, не подвергая опасности всех вас. Спасибо вам за сопровождение, за компанию и за понимание.

— Тебе спасибо, Мастер.

Рядовые уже повернули своих коней, но Елена на мгновение задержалась.

— Нам хочется встретиться с тобой снова, Черный маг.

Потом на ее лицо вернулось обычное суровое выражение.

Пока вся троица не пропала из виду, я провожал всадников взглядом, желая убедиться в том, что им не грозит опасность. Но там, куда удалялись они, хаоса не ощущалось.

А мой путь лежал в другую сторону, к Закатным Отрогам. По моим предположениям место пересечения старого большака с чародейским трактом должно было находиться не так уж далеко.

Мне казалось, что холодный ветер не продувает склон, а веет в моей голове. Начинался последний, одиночный этап моего

поиска, а я до сих пор толком не понимал, зачем пустился в погоню за чародеем, который при нашей последней встрече отмел меня в сторону, как муху. На что мог надеяться недоучка там, где оказались бессильны такие мастера, как Тэлрин и Джастин?

Но с другой стороны, четкой уверенности в том, что они на самом деле пытались что-то изменить и сделали для этого все возможное, у меня не было. Откуда мне было знать, кто и когда говорил правду? И говорил ли ее хоть кто-нибудь?

LXIV

Примерно в пяти кай за холмом, где мы похоронили неизвестного кифриенского солдата, старый большак пересекся с чародейским трактом.

Чтобы обнаружить его, мне даже не пришлось развеивать морок. Правда, напрягая чувства, можно было ощутить следы старой магии хаоса — когда-то, может быть несколько лет назад, дорога скрывалась за миражом, который давно истаял. То, что Антонин не находил нужным маскировать свою дорогу, свидетельствовало о его уверенности в себе и меня вовсе не радовало.

Искусственное ущелье тянулось на восток и на запад, сколько мог видеть глаз. На самом центре дороги виднелся отчетливый след кареты, а по сторонам от него — недавние отпечатки копыт.

Я глубоко вздохнул, спрашивая себя: кто, кроме законченного болвана, мог бы забраться в сердце пустыни, разыскивая белого чародея? Ответ напрашивался сам собой.

Понося себя последними словами, я направил Гэрлока на дорожную глину, под которой скрывалось неповрежденное древнее мощение, и, припомнив, что мне случалось делать раньше, соорудил особый щит, затруднявший для Мастеров хаоса возможность улавливать присутствие гармонии. Этот щит не делал меня невидимым, но сейчас следовало опасаться не вражеских солдат, а белых чародеев.

Далеко впереди находился мощный источник энергии хаоса, но поблизости ничего не ощущалось. Чародейской дорогой, видно, не пользовался никто, кроме самих чародеев да их подручных. Меня это вполне устраивало.

Дорога прекрасно подходила для экипажей, но и мой пони ехал по ней куда резвее, чем по старому ухабистому большаку. Несмотря на рассказы Джастина, мне было трудно поверить, что древние мастера хаоса проложили дороги через весь Кандар.

Однако наглядное свидетельство правоты Серого мага лежало под копытами Гэрлока. Правда, тот же Джастин говорил, что из всего содеянного древними сохранились только дороги и мосты, а их Белые маги строили не сами по себе, но с помощью честных каменщиков и даже при некотором участии Мастеров гармонии. Они работали вместе, пока... пока что-не произошло.

Поведать мне историю полностью, как всегда, не сочли нужным.

Во второй половине дня я настолько приблизился к Закатным Отрогам, что бульшую часть времени ехал в тени гор, заслонявших западный небосклон. Лучи далекого солнца поблескивали лишь на оледенелых пиках, холодная и суровая белизна которых наводила на мысль об угнездившемся там хаосе.

Возможно, я не стал бы гнать бедолагу Гэрлока так далеко без привала, однако останавливаться прямо на дороге мне не хотелось, а приметить в стороне каньон с родником на дне удалось лишь к наступлению сумерек.

Чтобы попасть туда, нам пришлось вскарабкаться по довольно крутому склону, а потом снова спуститься вниз, после чего придорожные утесы надежно укрыли нас от любого случайного взгляда.

Перекусив хлебом, фруктами и остатками белого сыра, я разложил спальный мешок, лег на спину и всмотрелся в ясное, усыпанное звездами небо. По каньону со свистом гулял ветер, рядом журчал ручей.

Под это журчание меня сморил сон. И приснилось, что мне выпало судить поединок между Кристал и Белым Рыцарем, причем рыцарем оказался не кто иной как Антонин. Он смеялся и метал в меня огненные шары. Всякий раз, когда огонь летел в мою сторону, Кристал прекращала атаку, а ее противник, воспользовавшись замешательством, наносил ей удар по руке, державшей клинок. Выбить меч ему не удавалось, но израненная рука кровоточила. Казалось, будто этот сон продолжался всю ночь, и проснулся я весь в поту, хотя рассвет выдался морозный. Изморозь покрывала траву, и даже по краям источника появилась тонкая ледяная корка.

Вылезать из мешка на холод не хотелось, но, начав двигаться, я довольно быстро согрелся.

Солнце еще не поднялось над маячившими позади нас холмами, а я уже ехал по рукотворной теснине в глубь Закатных Отрогов.

Ничего необычного мне не встречалось, и на самой дороге ощущался лишь остаточный хаос, однако во второй половине

дня я остро почувствовал близость концентрированной хаотической энергии. Она находилась где-то за огромной скалой, высившейся прямо передо мной и не дававшей возможности проехать на запад каким-либо иным путем, кроме чародейской дороги.

Солнце освещало лежавшее впереди ущелье. По краям его росли кусты терновника и низкорослая рябина, а глина, покрывавшая дно, не сохранила никаких отпечатков, кроме все тех же следов кареты и сопровождающих ее стражей. Соваться в эту щель определенно не хотелось.

Я снова направил вперед чувства... и ничего не обнаружил. Ни скалы, ни кустов — ничего!

— Адское пламя! — слова слетели с моих губ сами собой, как только мне стало ясно, что это значит.

Не устанавливая на дороге миражей и не мешая видеть обычным зрением, Антонин помешал мне ощущать присутствие чего-либо, кроме хаоса как такового. А стало быть, впереди находилось нечто такое, что он хотел бы от меня скрыть.

Меня так и подмывало сотворить и обрушить на дорогу хорошую бурю, но использование активной энергии поблизости от места концентрации хаоса представлялось не самой удачной идеей. Кроме того, мне вспомнилось утверждение Джастина, что близость хаоса способствует принятию непродуманных решений. Я задумался — и действительно не смог найти настоящего, внутренне гармоничного резона для того, чтобы поливать скалы ливнем. Вот случись Белому магу устроить искусственную засуху, использование моих талантов могло бы поспособствовать восстановлению порядка. Может быть...

Недовольное ржание Гэрлока прервало мои раздумья и заставило вновь присмотреться к дороге. Но ничего, кроме горной травы и корявых сосенок, увидеть так и не удалось. Ничего подозрительного не было ни позади нас, ни на горных склонах.

Я щелкнул поводьями, но обычно послушный Гэрлок вновь протестующе заржал. Моя рука непроизвольно потянулась к посоху, но прежде, чем пальцы коснулись черного лоркена, их обдало жаром.

За перевалом таилось нечто недоброе.

Я утер неожиданно покрывшийся испариной лоб.

Очередная попытка прочувствовать дорогу и установить, что же так не понравилось Гэрлоку, успехом не увенчалась: ощущался лишь жар, пламя, служившее чуть ли не личным клеймом Антонина.

Подумав о том, не лучше ли будет свернуть с дороги, я огляделся по сторонам и тут же отбросил эту мысль. Сразу за

обрамлявшими тракт полосками кустов или травы начинались нагромождения камней, на которых сломала бы ногу и горная коза, а дальше вздымались почти отвесные склоны.

Свернуть нам было некуда, каменные стены вокруг вздымались все круче, а впереди — сомнений в этом уже не было — нас ждали враги.

Спустя несколько мгновений я их увидел. Увидел отряд солдат... воинов... не знаю кого, но во всяком случае, все они держали в руках мечи, поблескивавшие в полуденных лучах.

Я снова вытер лоб тыльной стороной рукава.

Перед призрачно-белым воинством на белом коне восседал рыцарь. Ни конский нагрудник, ни полированная броня всадника не отражали солнечных лучей. Рыцарская конница всегда была действенна лишь на службе у хаоса, ибо все эти металлические пластины представляли собой прекрасную мишень для магического огня. Что же до этого рыцаря, то он, надо думать, прослужил хаосу гораздо дольше, чем ему бы хотелось.

А позади этого проклятого — чтоб ему лопнуть и провалиться! — рыцаря толпились... в общем-то не совсем настоящие люди. Только вот клинки у них были, похоже, самые настоящие — сверкающие и острые, как бритвы.

Лицо рыцаря скрывало забрало, а свое копье он нацелил в мою сторону. Копье, с виду походившее на длинный и прочный шест с острием, светящимся белизной.

Тактика Антонина оказалась вполне предсказуемой, но это не делало ее менее эффективной.

Белый конь ударил копытом и размеренным шагом понес молчаливого бронированного воина прямо на меня. Наконечник копья не отклонялся ни на пядь.

Беловолосые, белолицые фигуры в белых одеждах тоже пришли в движение. Доспехи их скрипели, как несмазанные петли дверей, наступали они без строя и порядка, и казалось, будто их подгоняет невидимый ветер.

Справа, у обочины дороги, тоже что-то белело, и, переведя взгляд с белых призраков туда, я увидел кости и обрывки кожи. Кости были настоящими. Можно было предположить, что не все призраки представляют собой иллюзии, но вот ВСЕ ли они реальны — это другой вопрос. Магия, блокировавшая мою способность к невизуальному восприятию, не позволяла найти на него ответ, но...

Я щелкнул поводьями и, тут же бросив их, обеими руками поднял перед собой посох. Гэрлок, ускорив аллюр, нес меня навстречу рыцарю.

Наконечник копья, словно притягиваемый магнитом, качнулся по направлению к посоху. Острие окружала аура пронизанной кровавыми прожилками белизны.

Сорвавшаяся с него струя огня ударилась о посох и разлетелась пламенными брызгами.

Гэрлок перешел на рысь.

Вторая огненная струя ударила в посох. С тем же результатом.

За миг до столкновения я отбил нацеленное на меня копье в сторону, слегка отвернул Гэрлока с пути рыцаря и ударил посохом по крупу белого коня. После этого, оставив посох в левой руке, сильно натянул узду, заставив пони остановиться.

Послышалось шипение, и, как будто кто-то задул свечу, белые призраки исчезли.

Рыцарь и конь остались — точнее, остались лишь их доспехи. То, что наполняло их изнутри и приводило в движение, перестало существовать. На дороге лежали лишь груда медных пластин да длинное остроконечное копье.

Но магия, не позволявшая мне использовать чувства, никуда не делась. Я по-прежнему мог использовать только зрение. Вокруг даже не было слышно никаких звуков: ни пения птиц, ни свиста ветра, ни жужжания насекомых.

Оглянувшись на груду медных доспехов, над которыми медленно поднимался туман, я поежился.

А может быть, не такой уж я идиот? В конце концов, на создание этой призрачной рати ушла уйма энергии, а я просто взял и прошел ее насквозь.

Примерно через кай скалы по сторонам дороги начали расступаться, а ко мне вернулась способность к невизуальному восприятию. Оглядываясь назад, я не видел белого рыцаря, но не сомневался, что он восстановит прежнее обличье и будет так же бездумно подстерегать новых путников.

Хитрость Антонина заключалась в том, что для него в общем-то не имело никакого значения, чем именно заканчивались встречи проезжих с его стражами. Бесследные исчезновения погибших и леденящие душу рассказы уцелевших способствовали тому, чтобы мало у кого возникало желание соваться в ущелье, имевшее такую дурную славу. В условиях непрекращавшихся столкновений с Галлосом кифриенцы не имели возможности выделить серьезные силы для расчистки дороги, в принципе не имевшей для них большого значения.

Донесшийся с неба крик стервятника заставил меня встряхнуться.

Так я и поступил, но, как выяснилось — напрасно. Сосредоточиться удавалось только на одной-единственной мысли — куда меня несет и какого черта я здесь делаю?

— Куда меня несет? — повторил я свою мысль вслух.

В ответ Гэрлок заржал. Но продолжил неуклонно трусить вперед, словно давая понять, что выбора все равно нет.

Возможно, как раз в этом и заключался ответ, единственный ответ. Может быть, все эти смерти и жертвы действительно не оставили мне никакого выбора?

Нет, он был. Я мог выбирать между бегством и отказом от борьбы (а именно так поступали многие Черные маги). Стать живым лицемером вроде Тэлрина или мертвым героем, как тот безымянный солдат, похороненный нами у дороги.

— Замечательный выбор...— пробормотал я себе под нос.

Стервятник откликнулся на эти слова пронзительным криком.

Я поднял голову и увидел еще двух пожирателей падали, описывавших медленные широкие круги в холодном голубом небе.

Миновало утро, а я все ехал по дороге, по следам кареты Антонина. Безмолвие нарушали лишь крики стервятников да отдававшаяся эхом от каменных склонов дробь гэрлоковых копыт. По обочинам росла бурая сухая трава да торчали приземистые кусты.

Две птицы продолжали кружить на севере, но один стервятник неуклонно следовал за нами. Я догадывался — почему, но предпринимать что-либо по этому поводу не считал нужным. Чем менее способным считает меня Антонин, тем лучше.

Скалы по обе стороны дороги становились все безжизненнее и белее, а безмолвие над дорогой — все полнее и глубже. Мухи — и те не жужжали в этом проклятом месте.

Я продолжал путь.

Пока не наткнулся на ворота.

На первый взгляд, теснина, по которой проходила дорога, так и тянулась вперед на многие кай. Но с северной стороны в высоких скалистых стенах имелась выемка, дно которой поросло травой. Этот травянистый участок представлял собой тупик, упиравшийся в отвесную скалу.

Моргнув, я вгляделся в монолитный камень, и иллюзия распалась. Скала вовсе не была сплошной — в ней имелся узкий проход. Его стены не носили следов времени и были совершенно гладкими, словно срезанными ножом. И отпечаток хаоса ощущался как сравнительно недавний.

Посередине проход преграждали массивные ворота из белого дуба. Они были закрыты.

Развеяв иллюзию для Гэрлока, я направил его в проход. Увидевшему нас со стороны показалось бы, что всадник на пони въехал прямиком в сплошной камень.

Через ворота проходила тонкая линия хаотической энергии, но закрытыми их удерживала не магия, а самый обыкновенный тяжелый засов. Конечно, я вполне мог открыть ворота, не касаясь их, а просто перенаправив энергетический поток, но делать этого не стал. Разве может мальчишка, пусть даже и с Черным посохом, разбираться в таких вещах?

Когда я отодвинул засов, взметнулись искры. Больше ничего не произошло. Проехав, я спешился и снова закрыл ворота. Проявив, таким образом, учтивость.

За ущельем дорога некоторое время тянулась между голыми каменистыми холмами, а потом пошла под уклон, к усеянной валунами долине, на которой, на расстоянии примерно в половину кай, мерцал и светился белый утес. Было видно, как он закручивает вокруг себя вихри хаотической энергии. Под утесом стоял замок, обнесенный стеной из белого гранита.

Строение выглядело впечатляюще, но оказалось небольшим — меньше, чем можно было ожидать от резиденции столь могущественного и влиятельного мастера хаоса. И довольно незатейливым. Никаких башен — лишь гладкая, отходящая полудугой от утеса и с ним же смыкающаяся стена, прорезанная единственными воротами. Узкое ущелье отделяло замок от новой чародейской дороги.

Недалеко от расщелины, рядом с дорогой протекал ручей, на берегу которого виднелось несколько островков травы. Я спешился и, не расседлывая пони, пустил его щипать травку, а сам взял посох и зашагал по залитой солнцем дороге между холмами вниз, к белой твердыне.

Через расщелину был перекинут однопролетный мост — не подъемный, а самый обыкновенный, из тяжелой сосновой древесины.

Сам замок обученное войско могло бы захватить в считанные дни — правда, при том условии, что его не оборонял бы Мастер хаоса.

Окрестности выглядели, пожалуй, еще более отталкивающими, чем Фэрхэвен, более безжизненными, чем опустошенные Антонином земли на рубеже Кифриена с Галлосом.

Над стенами белого замка не развевалось ни одного флага.

и струйки дыма. Но массивные ворота были распахнуты, и проходившая между холмами дорога вела по мосту прямо к ним.

Замок казался картиной, написанной на холсте утеса и заключенной в раму ущелья.

Поначалу мне пришло было в голову окружить замок уравновешивающим заградительным кольцом, но от этой затеи пришлось отказаться. Во-первых, прибегнуть к силе гармонии — значило громко, словно запустив фейерверк, заявить о своем прибытии. Во-вторых, моя способность создать столь мощное заграждение вызывала сомнения. А в-третьих, моя цель заключалась не в том, чтобы отгородиться от замка или отгородить его обитателей от себя.

Мне надлежало встретиться с Антонином лицом к лицу, и я подозревал, что он не уклонится от этой встречи — хотя бы из чистого любопытства. Игра предстояла рискованная, но выбирать, как и всегда, было, по существу, не из чего.

Шаг за шагом я приближался к светящимся камням белого замка и источнику страха, холодившего мою спину.

LXV

Каждый мой шаг поднимал облачко белой пыли, медленно оседавшее у меня за спиной. В долине не ощущалось ни дуновения ветерка, а солнце прогревало ее так, словно стояла не зима, а полдень засушливого лета. Холодные пики Закатных Отрогов взирали на то, что должно было произойти, с тем же безразличием, с каким созерцали они возвышение и падение Фэрхэвена или честную, но губительную стратегию Отшельничьего, создавшего изолированное царство гармонии, используя Антонина в качестве противовеса.

Мой первый шаг по деревянному мосту приглушенным громом прокатился по узкой расщелине, дно которой усеивали красные остроконечные каменные обломки. Хорошо еще, что там — во всяком случае, на виду — не валялось никаких скелетов.

Шагать через мост было все равно, что бить в огромный, гулкий барабан. Надо полагать, что карета Антонина поднимала тут такой грохот, который можно сравнить с громом небесным.

Тяжелые, подвешенные на бронзовых петлях деревянные ворота сами собой распахнулись передо мной.

Навстречу мне никто не вышел, но я уловил присутствие за воротами тварей хаоса — смертоносных сгустков искрящейся красным белизны, в сравнении с которыми демоны Фэрхэвена казались просто жалкими.

Мигом вспотевшие пальцы заскользили по посоху, и мне захотелось утереть лоб.

Звук моих шагов совершенно определенно свидетельствовал о том, что они вовсе не такие ровные и уверенные, как мне бы хотелось.

Прочные дубовые ворота открывались внутрь, во двор, лежащий между стеной и фасадом дома. Насколько можно было видеть, все окна в доме были раскрыты настежь. Даже после того, как я сошел с моста и ступил на белые плиты перед воротами, на виду никто не появился, хотя мои чувства указывали на кружащие по двору сгустки хаотической энергии.

Я шагнул к проему.

— Эй, в замке! Привет!

Белый камень поглотил мои слова, не откликнувшись даже эхом.

Мои чувства прощупывали пространство за воротами, но чьего-либо телесного присутствия определенно не ощущалось. Еще пара шагов — и я оглянулся, уже стоя на камнях двора. Ворота за моей спиной остались открытыми.

Мощеный белым внутренний двор — пространство площадью около тридцати квадратных локтей — был пуст. Вход в дом представлял собой каменную пристройку, выполненную в виде кареты. Открытые окна находились как раз над линией крыши экипажа. Подвешенные на бронзовых петлях, покрытые золотым лаком двери — точь-в-точь дверцы настоящей кареты — словно приглашали войти.

Сколько ни напрягал я чувства, мне не удалось уловить присутствие чего-либо живого. Я ощущал лишь хаотические смерчи, более глубокий, подспудный хаос, составлявший основу самого дома, и концентрированный белый огонь на верхнем этаже. Два источника огня — должно быть, с Антонином там находился и другой Белый маг.

Удар бронзовым дверным молотком получился у меня сильнее, чем нужно — звон эхом прокатился по коридорам за дверью.

Ответа не последовало, однако я не спешил совать голову в это царство хаоса и выжидал у дверей, опираясь на посох.

Поскольку ничего не происходило, я присмотрелся к камню стен и дереву дверных створок.

Рассматривая их, нахмурился бы не только дядюшка Сардит, но даже Бострик. В стыки между грубо обработанными планками можно было просунуть нож, а щели между створками и дверной рамой оказались и того шире. По-видимому, двери навешивали в спешке или же это делал никуда не годный

ремесленник. Золотой лак наложили неровным слоем, чему, впрочем, удивляться не приходилось — дерево под ним не только не отшлифовали, но даже толком не зачистили.

Поскольку у меня не было намерения торчать здесь вечно, мне пришлось постучать снова.

На сей раз на лестнице послышались медленные шаги.

Тощий, ростом чуть выше моего плеча, белокожий дворецкий с прилизанными белыми волосами и в белой ливрее широко распахнул левую створку и отступил назад. Белки его глаз имели красноватый оттенок, и лишь зрачки были черными.

— Добро пожаловать. Мастер ждет тебя.

Хриплый, невыразительный голос слуги прозвучал так, словно я оказался первым человеком, с которым этот малый заговорил после своей смерти. Хотя он не был и по-настоящему мертвым. Просто в нем не осталось никакой жизненной силы. Его существование поддерживалось лишь энергией хаоса.

— Ну что ж, я не откажусь с ним встретиться.

Белый дворецкий молча повернулся и направился по широкому холлу к ступеням винтовой лестницы.

Послышался легкий стук — дверь за нами закрылась.

Я покрепче перехватил посох и, озираясь по сторонам, последовал за дворецким.

Внутреннее убранство замка разочаровывало. Стоит отметить, что архитектурный замысел было вовсе недурен, но вот воплощение его решительно никуда не годилось. Между камнями имелись зазоры чуть ли не в большой палец, колонны заметно отклонялись от центра, полировку пола не довели до конца и многие плиты остались шероховатыми. В воздухе, не оседая, витала тончайшая белесая взвесь.

Уже ступив на первую ступень лестницы, я мысленно отметил отсутствие настенных украшений — картин, шпалер или ковров. Замок производил впечатление незавершенности. «Возможно, из-за отсутствия гармонии?» — подумал я, поспешая за молчаливым дворецким, дергавшимся на ходу, как марионетка.

Поднявшись наверх, он свернул налево и через некоторое время остановился у закрытой двери.

Дверь со скрипом распахнулась.

Дубовые двери, во всяком случае хорошо сработанные, скрипеть не должны, но в доме Белого мага все было сделано небрежно. Мне оставалось лишь покачать головой и следом за дворецким переступить порог.

Сводчатый потолок поддерживало вдвое больше белых дубовых столбов, чем обычно используют в такого рода сооружениях. Как и весь замок, просторная комната была полностью, от мраморных плит пола до гранитных стен и дубовых дверей, выдержана в белом цвете. Мой наметанный глаз сразу отметил, что обшивка стен сделана из рук вон плохо.

Поднявшееся из-под ног облачко белой пыли едва не вынудило меня чихнуть. У северной стены комнаты находился мраморный камин, не имевший ни решетки, ни подставки для дров — никаких железных деталей. В очаге виднелась кучка давно остывшей золы.

На дубовой обшивке внутренней стены красовалось с полдюжины светильников из белой латуни. Точно такие же светильники имелись и на противоположной стене, в промежутках между высокими, от пола до потолка, окнами. Янтарного оттенка стекла были вставлены в ромбовидные рамы. Они были открыты, но воздух все равно имел привкус пепла.

За столом сидели мужчина и женщина.

Красноглазый беловолосый дворецкий отвесил им низкий поклон, повернулся и вышел, оставив меня стоять перед ними с посохом в руках.

Антонин и темноволосая женщина — Сефия — подняли глаза от тарелок.

— Надеюсь, ты разделишь с нами трапезу? — промолвил чародей беззаботным и приветливым тоном, как будто встретил заглянувшего на огонек старого знакомого.

Улыбнувшись — хотя от этой улыбки меня едва не стошнило — я поклонился и с той же учтивостью ответил:

— Благодарю за любезное приглашение, славнейший из Белых магов.

Желудок не протестовал: Антонин и вправду являлся славнейшим из живущих Мастеров хаоса.

— Надо отдать юноше должное, Сефия,— заметил маг.— Он выказывает уважение.

— Его вежливость проистекает вовсе не из уважения, а из умения себя вести,— почтительно, но без подобострастия отозвалась Сефия. Голос ее показался мне смутно знакомым.

Приглядевшись к женщине, я не мог не отметить, что с прошлого раза внешность ее несколько изменилась. По-прежнему темные волосы стали заметно короче, цвет глаз колебался между серым и голубым, а кожа сделалась бледной, словно под ней...

Я заставил себя сосредоточиться на другом. Нельзя решить все проблемы одним махом.

— К тому же, он слишком чувствителен,— добавила Сефия, пригубив из стеклянного бокала.— Большой опасности не представляет: стать достойным противником ему мешает излишняя порывистость.

Я понял, что она хитро и умело пытается заставить меня разозлиться и потерять самообладание.

— Не соблаговолишь ли объяснить, что побудило тебя следовать по моим дорогам и привело к моим дверям? — спросил, приподняв бровь, Антонин.— Я уж не говорю о доставленных мне мелких неприятностях.

Он вперил в меня взгляд, и глаза его побелели, однако мое внимание было приковано не столько к нему, сколько к стремительно сгущавшемуся в комнате хаосу.

— С тобой любопытно иметь дело, носитель Черного посоха, и в некоторых отношениях ты мог бы оказаться мне полезным...— улыбнувшись, Белый маг поднял руку, и меж его большим и указательным пальцами появился огненный шар.— Да и я тебе тоже. Ведь ты, наверно, хотел бы узнать больше о природе огня. Мне нравится дарить людям знания.

Кожа моя начала зудеть, а в комнате почему-то потемнело, хотя небо за окнами оставалось ясным и настенные светильники горели по-прежнему.

— Всем людям? — спросил я, с трудом выдавив смешок. Горло мое вдруг пересохло, словно оказалось забитым паутиной.

— Всем, не всем... так ли уж важно? Это ведь ты явился ко мне. Явился сам, и у тебя наверняка есть уйма вопросов, на которые тебе не удается отыскать ответы.

Антонин опустил руку (огненный шар при этом исчез), отодвинул стул и встал. Оказалось, что ростом он ниже меня.

Подавшись назад и набрав воздуху, я бросил взгляд на открытое окно и, когда молчание уже стало затягиваться, кивнул.

— Да. Ты прав.

— А зачем они тебе нужны? Только чтобы выяснить то, о чем со страху умалчивали мастера Отшельничьего? Или ради могущества и власти, привлекающих всех истинных искателей знания? — голос его сделался медоточивым, полным завораживающей рассудительности.

— Отшельничий не боится ни тебя, ни меня,— сказанное не вызвало у меня внутреннего протеста, но именно по этой причине мне стало не по себе.

— Правда? Впрочем, о чем я — ты бы не стал говорить неправду. Однако почему бы тебе не объединиться с нами для поиска ответов, которые Отшельничий скрывает от всего мира?

— Не уверен, что поиск ответов сам по себе дает магу право их получить. Точно так же, как развязывание войны еще не дает правителю права на победу,— ляпнул я, сдуру не успев даже подумать, что говорю.

Антонин нахмурился и сделал шаг ко мне.

— Похоже, этот юноша не рвется стать твоим подручным,— проговорила Сефия с натужным, резавшим мой слух смехом.

Я покосился в ее сторону.

— Хочешь вступить в наше Белое Братство?

— Это едва ли,— ответил я с сухим смешком, больше походившим на надсадный кашель.

— Он не трус, Сефия,— заметил Белый маг.— Только вот умом не блещет.

Нельзя было не признать, что его оценка моей персоны полностью соответствовала действительности.

— Ну что ж...— Антонин воздел руки.— Позволь мне без лишних слов показать тебе кое-что в действии.

Шипящая огненная струя устремилась ко мне, но отразилась от моего вспыхнувшего на миг чернотой посоха.

— Посох твой хорош,— с улыбкой произнес Антонин.— Но и самый лучший посох не даст ответа ни на один вопрос.

Бушующее пламя ударило снова, однако меня и на сей раз лишь обдало жаром.

— Да, посох что надо,— повторил Антонин и снова воздел руки.

Мне этот жест показался раздражающе театральным. Зачем нужно махать руками, коль скоро любые чары, хоть хаоса, хоть гармонии, создаются усилием мысли, а вовсе не с помощью дурацких жестов?

Свистящий пламенный шквал отбросил меня от стола, едва не сбив с ног.

— Ты уверен, что принял правильное решение? — спросил Антонин еще более вкрадчиво и доброжелательно, словно бы и не пытался только что обратить меня в пепел.— Знание принадлежит тем, кто к нему стремится, а не тем, кто от него бегает.

Вместо ответа я, не имея ни малейшего представления о том, почему поступаю именно так и что именно меня к этому подталкивает, поднял посох обеими руками и с размаху попытался

сломать его об колено. И чуть не сломал себе ногу: посох лишь спружинил и выпрямился.

— Вряд ли стоит так утруждаться,— промолвил Антонин, делая еще один шаг в мою сторону.— Просто положи его, положи на пол.

Голос Белого мага звучал доброжелательно, но его окружало невидимое обжигающее белое пламя, подсвеченное холодно багровеющей ненавистью.

Я понимал, что просто отбросить посох — значит лишь нарушить гармоническую целостность. Но сломать изделие дядюшки Сардита было не так-то просто. Впрочем, следовало помнить и о том, что любой инструмент, сколь бы искусно ни был он сработан, представляет собой не более чем инструмент. Костыль, он и есть костыль.

— Отложи его в сторону,— мягко, но настойчиво повторил Антонин.— Он только мешает тебе обрести новое знание.

Рука моя непроизвольно сжала гладкое, слишком твердое в сравнении с человеческой плотью дерево. «С плотью,— неожиданно подумалось мне,— но ведь не с духом! Разве сознание не господствует над материей? Не в этом ли заключается ответ?»

Я снова опустил посох на колено, но на сей раз не напрягал мышцы, а лишь пожелал, чтобы он сломался. СЛОМАЛСЯ... СЛОМАЛСЯ... СЛОМАЛСЯ...

Черный лоркен, легко отбивавший стальные клинки и дробивший камни, сработанный из прочнейшего дерева, окованный железом и скрепленный магией, с треском переломился пополам, словно тростинка.

Прохлада — черная прохлада — заструилась из обоих обломков, обволакивая меня, проникая в мою плоть и отгоняя жар.

Не промолвив ни слова, я бросил оба куска окованного железом черного дерева к ногам Антонина.

У того отвисла челюсть. Он остолбенел, но уже спустя мгновение отпрянул, словно боясь наступить на ядовитую змею.

Его замешательство длилось совсем недолго, но этого времени хватило мне для того, чтобы сотворить вокруг нас обоих отражающий щит.

Антонин снова выпустил огонь, но пламя лишь растеклось по поверхности окружавшего меня облака черной прохлады. Руки его бессильно упали.

Правда, он тут же, с видимым усилием, попытался воздеть их снова, однако сам его облик стремительно менялся. Блестящие темные волосы седели прямо на глазах.

Послышалось шипение пламени. Выпущенная Сефией огненная струя ударилась об окружавший нас с Антонином щит и разлетелась жгучими брызгами.

Антонин стремительно старел. Однако мое внимание в первую очередь привлек неведомо откуда возникший в его руке короткий бронзовый меч. Сефия, в свою очередь, обнажила тонкий клинок и двинулась ко мне.

Нагнувшись, я схватил с пола обломок посоха и запустил в нее, но щит — вот она, оборотная сторона надежной защиты! — не выпустил деревяшку наружу. Скользнув по его внутренней поверхности, кусок лоркена упал на мраморный пол.

ОТДАЙ МНЕ СВОЮ ЭНЕРГИЮ... ОТДАЙ... ОТДАЙ...

Мысли Антонина пытались зацепиться за мое сознание, проникнуть в самую сердцевину моего «я», окутанного холодной тьмой.

Заполнив все пространство внутри энергетического щита, этот мысленный приказ сдавил меня, словно тисками, не давая ни дышать, ни думать.

— Я ЛЕРРИС! — Не сразу, но мне удалось вспомнить наставления Джастина и заставить себя повторять спасительную формулу, оберегавшую мою личность.— Я ЛЕРРИС... Я САМ ПО СЕБЕ... Я — ЭТО Я... Я ЛЕРРИС...

Снова послышалось шипение. Выпущенный Антонином огненный шар был не больше того, который Белый маг недавно зажигал у кончиков пальцев, однако мой темный кокон остановил его лишь у самого лица. Вспышка заставила меня зажмуриться.

Сефия приближалась, однако медленно, словно не была уверена в том, что ей следует делать.

Антонин сделал выпад коротким мечом. Нырком уйдя в сторону, я перекатился и тут же вскочил на ноги. Уворачиваться от меча и одновременно поддерживать щит было очень непростым делом.

ОТДАЙ!.. ОТДАЙ!..

Это требование било по моему сознанию, подобно чудовищному белому молоту.

Уворачиваясь от клинка и не ослабляя барьера, я продолжал твердить, что был, есть и останусь Леррисом, останусь самим собой.

Волосы Мастера хаоса сделались совершенно белыми и начали опадать, будто снег.

Неожиданно меня полоснула жгучая боль. Одновременно послышались шипение пламени и пронзительный женский крик.

Сефия, пытавшаяся нанести мне удар сквозь щит, выронила раскаленный добела клинок. Но и сам я едва успел отскочить — меч Антонина, воспользовавшегося моим замешательством, пронзил полу моей туники.

ОТДАЙ!.. ОТДАЙ!..

Белый колокол гудел в моей голове, выпад следовал за выпадом.

Я ЛЕРРИС!.. Я ЛЕРРИС!..

Мне оставалось лишь твердить эти слова и метаться внутри созданного и удерживаемого мною непроницаемого барьера.

— НАПРАСНО... ВСЕ НАПРАСНО...— взывал ко мне Антонин.— ТЫ ДОЛЖЕН ПОНЯТЬ... ДОМОЙ ТЕБЕ УЖЕ НЕ ВЕРНУТЬСЯ... НИКОГДА НЕ ВЕРНУТЬСЯ... ТЫ УЗНАЛ СЛИШКОМ МНОГО...

Голос его слабел, и в нем начинала слышаться дрожь. Дрожали и руки — бронзовый меч выпал из разжавшейся ладони и со звоном упал на мраморные плиты.

ОТДАЙ...

Теперь это звучало почти как мольба.

Свистящий звук возвестил о том, что Сефия вновь попыталась поразить меня пламенем.

В тот же самый миг Антонин бросился на меня с голыми руками. Не ожидая такой атаки, я не успел уклониться, и его пальцы впились в мое предплечье, как раскаленные клещи. Направив поток гармонии для заживления этих прожженных хаосом ран, я ударил Белого мага в плечо.

... БУДЬ ПРОКЛЯТ!..

Рука, схватившая меня за запястье и оставившая три глубоких ожога, прямо на глазах ссохлась, истончилась и рассыпалась в пепел. Удар моего кулака словно послал вперед сгусток черноты, прожегший насквозь белое облачение Антонина. Чародей зашатался, съежился и осел на пол бесформенной грудой.

— Не-е-е-е-т! — раздался пронзительный, исполненный ужаса вопль Сефии.

Поскольку пробить мой щит она не могла, я уделял ей не больше внимания, чем ожогам на своей руке,— главной моей заботой оставался Антонин. Щит нельзя было ослаблять до тех пор, пока я не обрету уверенности в том, что с Белым чародеем покончено.

Низкий раскат грома прозвучал так, будто исходил из того места, где я стоял, заставив меня вздрогнуть. Безоблачное небо вспорол клинок молнии.

Гром продолжал рокотать под небесами, уносясь прочь от замка куда-то за пределы Закатных Отрогов.

Наконец этот звук — явно не простое сотрясение воздуха! — удалился за пределы моего слуха. Я глубоко вздохнул, опустил щит и повернулся к Сефии.

Выпущенное ею пламя обтекло меня. Я шагнул к ней.

Снова зашипел огонь. Я увернулся и сделал один шаг.

Опять шипение. И новый шаг, давшийся с таким трудом, словно мне пришлось идти сквозь глину.

Сефия попятилась и выхватила нож.

— Коснешься меня — лишишься ее!

Я остановился. Сефия направила острие ножа к своему горлу.

Собрав всю еще не растраченную энергию, я направил ее в бронзовый клинок, силясь отвратить его от хаоса.

Сефия напряглась, на руках ее проступили жилы, но нанести себе удар ей удалось. Шатаясь, я снова шагнул к ней, но тут ее ноги подкосились. Она схватилась было за спинку стула, однако не удержалась и рухнула на пол.

Едва переставляя ноги по мраморным плитам, я поплелся к безжизненно распростертой фигуре, опустился на одно колено и осмотрел глубокую рану, обезобразившую ее прекрасную шею. Рану с опаленными краями, словно она была нанесена не отточенной бронзой, а огненным клинком.

Чтобы заживить эту рану с помощью гармонии, мне требовалось сначала восстановить собственные силы. Стараясь оценить обстановку, я бросил беглый взгляд на останки Антонина — и увидел лишь кучку тончайшего белого пепла, на моих глазах истаявшую туманом и смешавшуюся с наполнявшей замок белесой дымкой. На полу валялись только пустая одежда и сапоги. Я снова обернулся к лежавшей замертво Сефии и изумлением увидел, что ее волосы приобрели рыжеватый оттенок.

Напрягая остаток сил, я попытался разорвать магические узы, которыми Антонин приковал пришелицу с Отшельничьего к своей подручной, дабы даровать последней вечную юность.

Мне стало теперь ясно, какая участь постигла Тамру. Однако что именно происходит с душами, угодившими в ловушку Антонина, оставалось неизвестным. В каком-то смысле попавшими в западню являлись они обе — и Сефия, и Тамра. Однако Сефия пошла на это добровольно, зная, что со временем сможет полностью подавить ввергнутую в белое узилище личность Тамры. Что же до Тамры, то, обещая ей власть над недоступными

силами, Белый маг не солгал и ей. Он лишь не пояснил, что при этом ее собственное тело окажется во власти Сефии.

Я набрал воздуху...

ЛЕРРИС, НЕТ! ТЫ НЕ ДОЛЖЕН...

Оставив это — донесшееся откуда-то издалека — предостережение без внимания, я всмотрелся в невидящие глаза стройной рыжеволосой девушки. По щекам моим струились слезы. Если бы я в свое время прислушался... Но что толку сокрушаться о случившемся? Каждый из нас выбирает собственный ад, населенный собственными демонами.

Следующий глубокий вздох унес меня в бездонную тьму, прочь от круговерти моих суетных мыслей, прочь от валявшейся на полу кучки одежды — это было все, что осталось от могущественного Белого чародея.

Из белого мрака подсознания мне надлежало призвать истинный хаос, предшествующий хаосу, проявляющемуся в материальном мире. И хотя хаос, как его ни назови, остается самим собой — то есть сущностью, лишенной внутренней упорядоченности,— мне надлежало вычленить в его недрах намек на существовавшие прежде структуры, утонувшие, но еще не до конца растворившиеся в едкой ядовитой белизне. Не пытаясь выяснить их прежнюю суть, но лишь легкими, ненавязчивыми касаниями способствуя их самовосстановлению. Обретению прежней упорядоченности, восстановлению былого храма Тамры из развалин рухнувшего блудилища Сефии. Впрочем, даже эта мысль пробуждала мои затаенные страхи и сомнения — кто дал мне право решать, кому жить, а кому умереть?

Но в любом случае мне следовало делать свое дело.

Мне трудно сказать, сколько потребовалось на это времени. Возможно, столько же, сколько ушло у моего отца на разрушение Фэрхэвена. Ибо наверняка это содеяли мой отец и Джастин. Братья, один из которых взвалил на себя бремя поддержания гармонии и ограждения острова от хаоса, тогда как другой добровольно остался в аду, дабы проповедовать и помогать проклятым и их потомкам. Может быть, столько же, сколько было нужно, чтобы пересечь мертвые земли. Или чтобы понять, почему вечное покаяние стало ловушкой для моего отца и для Джастина. Может быть, единственного истинного Серого мага во всем мире.

Касаясь одной нити памяти за другой, я не наблюдал за происходящими переменами, но ощущал непрерывное горе и непрерывно нараставшее отчаяние. Как будто настоящая река

слез, стекая с Закатных Отрогов, устремлялась к Великому Северному заливу.

С восстановлением каждой изначальной нити ложная отрывалась и уплывала, унося с собой еще одну частицу личности Сефии. Частицу, судорожно пытавшуюся остаться. Мне непрестанно приходилось отделять страх и горе Белой волшебницы от страха и горя ее рыжеволосой пленницы. Девушки, которую я толком не знал.

И с каждой новой оборванной нитью обрывались связи с Отшельничьим, ибо ради спасения одной души я губил другую.

Последние нити пришлось заменять на ощупь, так как слезы затуманили даже мысленный взор.

Потом все кончилось. Сделав то, что было в моих силах, я отступил и успел увидеть янтарный свет проклятого белого дворца за миг до того, как мои колени подкосились и меня погребла тьма беспамятства.

Сознание возвращалось ко мне вместе с какими-то резкими звуками и пыльной сухостью во рту. Обожженное предплечье, ушибленное колено и раскалывающаяся голова как будто обменивались импульсами боли.

Навязчивый резкий звук оказался доносившимся из-за открытого окна криком угнездившегося на крыше стервятника.

С огромным трудом мне удалось сесть и оглядеться. На беломраморном полу по-прежнему валялась кучка одежды и сапоги Антонина, а рядом с уже начавшим проседать столом свернулась в клубок рыжеволосая женщина.

Еще не смеркалось, но из окна уже тянуло предвечерней прохладой. Я провалялся на мраморе слишком долго.

Послышался такой звук, словно замок стал проседать, отчего я мигом бросил размышлять и начал двигаться. Правда, медленно — быстро, увы, не получалось.

Сам уж не знаю как, но мне удалось встать.

Подойдя к Тамре, я протянул руку и осторожно коснулся обнаженной кожи ее запястья. И ничего не ощутил. Решительно ничего, кроме эха хаоса и глубоко укоренившейся боли.

Бережно и осторожно я распрямил ее тело и, взяв за руки, поднял девушку на ноги. Она не противилась, и глаза ее были открыты, но оставались пустыми, как у фарфоровой куклы. Сил у меня было всего ничего, но мне требовалось поскорее вывести ее из готового обрушиться замка. Балки прогибались, камень ступеней лестницы крошился под моими сапогами, но я успел выйти с ней за ворота и даже перейти через мост,

ходивший ходуном. Я задыхался, горло забило пылью, однако ущелье осталось позади.

Теперь я полностью сосредоточился на том, чтобы переставлять ноги, переводя дух после каждого второго шага.

Тамре шаги давались легче, но двигалась она машинально, просто повторяя мои движения.

Тень больше не накрывала то место, где я оставил Гэрлока. Мой пони дожидался меня там. И при моем приближении он приветствовал меня ржанием.

Я попил из родника, уселся на валун, достал из сумки основательно зачерствевший хлеб и желтый сыр и протянул кусок Тамре. Та ответила мне недоумевающим взглядом.

— Еда. Ты можешь это съесть. Давай.

Она так и сделала. Но по-прежнему механически, с пустыми, как у фарфоровой куклы, глазами.

Нам предстояла неблизкая и нелегкая дорога до Кифрина, но прежде следовало хоть немного восстановить силы. Еда и питье подкрепили меня и прояснили сознание настолько, что я смог прикоснуться к шраму на шее Тамры и начать процесс исцеления. Ее стоило избавить хотя бы от шрамов на теле: достаточно и того, что изранена ее душа.

Усадить Тамру на Гэрлока мне удалось без возражений. А вот пони негодующе заржал и даже попытался вырваться.

Назвать дорогу до Кифрина «нелегкой» — значило не сказать о ней ничего. До следующего источника мы добрались чуть ли не к закату. Я и Тамра ехали на Гэрлоке по очереди, хотя пони, стоило мне чуток поотстать, начинал артачиться. Хорошо еще, что сама девушка покорно и бездумно двигалась вперед, что пешком, что верхом.

На привале мы перекусили хлебом и сыром, к которым на сей раз добавились вымытые в ручье кислые груши. Тамра жевала еду с полнейшим равнодушием, почти не размыкая губ.

На ночь, использовав почти все оставшиеся силы, я установил двойные охранные чары. Против Тамры и против любого внешнего посягательства .

Ни того ни другого не понадобилось. Когда я проснулся, Тамра, уставясь в никуда, сидела на моем спальном мешке. Сам я устал настолько, что уснул под одним лишь тонким плащом,

— С тобой все в порядке? — вопрос прозвучал нелепо, но нужно же мне было что-то сказать. Девушка не ответила. Ее фарфоровые голубые глаза не обнаруживали и намека на осмысление происходящего.

Она делала лишь то, что ей было сказано — это относилось и к естественным телесным потребностям. Понятно, что последнее обстоятельство отнюдь не облегчало моей задачи.

Второй день прошел лучше, но только в физическом плане. Тамра легче справлялась с элементарными действиями, но попрежнему молчала и выказывала полнейшее равнодушие к происходящему. Зондирование не указывало на наличие в ней или вокруг нее активного хаоса, а где-то глубоко внутри сохранилась туго скрученная гармоническая спираль, к которой я не решался даже прикоснуться. Оставалось надеяться, что Джастин, не только Серый маг, но и целитель, сможет ей помочь. В некоторых случаях опыт гораздо предпочтительнее нахрапа.

Проехав то самое ущелье, где мне довелось встретиться с Белым Рыцарем, я приметил только одиноко валявшееся у обочины копье с позеленевшим бронзовым наконечником. От самого рыцаря не осталось даже праха, а вот скелеты и обрывки одежды загубленных призраками людей сохранились.

Вторая ночь — мы провели ее в холмах за Отрогами — не принесла происшествий, но я много раз просыпался, а Тамра, похоже, не спала вовсе — просто лежала на спине, уставясь в темные тучи.

В середине утра третьего дня, когда мы уже добрались до старой дороги на Кифрин, впереди показался двигавшийся нам настречу отряд всадников. Двое из которых — женщина на боевом скакуне и мужчина на лохматом пони — были мне знакомы. Солдаты вели с собой двух оседланных лошадей без седоков. Видимо, на всякий случай.

— Елена... Джастин...— хрипло поздоровался я, не слишком обрадовавшись встрече с Серым магом. Как будто его появление свидетельствовало о допущенном мною промахе.

— Мои поздравления, Мастер из Мастеров гармонии,— проговорил Джастин, склоняя голову. И вроде бы говорил искренне.

Елена не встретилась со мной взглядом, губы ее были поджаты, рука покоилась на рукояти гармонизированного стального клинка, а все внимание обращено к Тамре.

— Кто... кто она? — проговорила наконец унтер-офицер.— Пленница... или как?

Я посмотрел на Джастина и, скорее для него, чем для Елены, сказал:

— Белое Узилище. Я сделал все возможное, но ее душа скручена в тугой клубок... Там, внутри.

— Ты услышал мой голос? — спокойно спросил он.

— Да. Но все равно не мог поступить иначе.

— И чего добился? Она не сможет жить с этими воспоминаниями.

— Да знаю! Но с чего ты взял, что я вернул ей воспоминания? Возможно, сейчас она вообще ничего не помнит!

— Как ты это сделал? — с расстановкой проговаривая каждое слово, спросил Джастин.

— Взял да и сделал. Принцип тот же, как когда сплетаешь свет или другие виды энергии, только это больнее и работа тоньше. Особенно когда приходится отделять боль от воспоминаний.

— Мастер гармонии...— вмешалась Елена.

— Ты права,— промолвил я, поняв, что она хочет сказать.— Поговорить мы можем и по дороге.

Мы двинулись дальше. Джастин, даже не взглянув в мою сторону, подъехал к Тамре и всю дорогу держался рядом с ней, что-то тихонько приговаривая. В середине дня устроили привал, но Серый маг так со мной больше и не заговорил. Да и все остальные отводили от меня глаза.

Когда отряд снова оказался в седлах, всадники продолжали держаться от меня в отдалении, сторонясь как зачумленного. И это при том, что с Джастином, Серым магом, они спокойно вступали в разговоры.

Впрочем, и сам Джастин, похоже, рядом со мной чувствовал себя неуютно, так что мне оставалось лишь ехать, погрузившись в себя, и размышлять.

Так ли уж сильно отличался я от Антонина? Чем обернется для меня обращение к силам, о существовании которых я лишь смутно догадывался? Суждено ли мне стать еще одним Серым магом, или же меня ждет куда более худшая участь?

LXVI

Ранним утром, стоя в одиночестве на балконе Кифринской цитадели, я снова смотрел на восходящее солнце. На сей раз рассвет был прохладным. Налетавший со стороны города холодный бодрящий ветер приносил запахи — главным образом свежевыпеченного хлеба и коз. Козий запах трудно назвать приятным, однако за восьмидневку мне вполне удалось к нему притерпеться, тем паче что повар самодержца потчевал меня, главным образом, козлятиной — жареной, тушеной или печеной.

Хорошо хоть булочки, прихваченные мною из трапезной на завтрак, козлятины не содержали. А унести завтрак к себе мне

пришлось потому, что при моем появлении в трапезной воцарялось молчание.

Мой балкон вплотную примыкал к балкону Кристал, и, хотя разделявшая их железная решетчатая дверь не имела запора, я ее до сих пор не открывал. Встреча с Кристал мне еще предстояла.

Когда мы вернулись, субкомандующий в Кифрине отсутствовала. Воспользовавшись тем, что я разрушил источник хаотической одержимости, она очищала порубежные земли от остатков вторгшихся отрядов префекта. Без подпитки хаосом галлосские новобранцы не могли тягаться не только с Наилучшими, но и с боеспособной частью местного ополчения.

Другой вопрос, чувствовал ли я себя готовым к куда более важному разговору, разговору с Кристал? Как и я, она уже не была такой, какой покинула Отшельничий. Как и я, она прошла через пламя, закалившее сталь ее души. У меня не было сомнений в том, что с ее клинком не совладает даже Черный посох. Что ни говори, а по этой части соперников у Кристал не было, не считая разве что Феррел.

Что же до Тамры, то Джастин взял ее под свое крыло, и все это время я видел их издалека. Мне хотелось верить, что он сумеет вернуть ее к нормальной жизни. Но в любом случае Серый маг заполучил себе ученицу, что, возможно, пойдет на пользу им обоим.

Послышался стук в дверь. Не будучи настроен общаться, я хотел было оставить этот стук без внимания, но потом передумал и поднял засов. Джастин.

— Можно войти?

— Будь моим гостем,— промолвил я, отступая в сторону. От меня не укрылась настороженность Серого мага. По правде сказать, за прошедшую с моего возвращения восьмидневку вся эта почтительность успела мне сильно опостылеть.

Указав жестом в сторону балкона, я впустил Джастина в комнату, плотно закрыл за ним дверь и поспешил выйти с ним на свежий воздух. Мне очень не нравилось находиться в закрытых помещениях, особенно в окружении гранитых стен.

— Скажи, дядюшка Джастин, почему меня сторонятся?

— А что, это так бросается в глаза?

— Ага. Во всяком случае стало заметно с тех пор, как мне приспичило отправиться на поиски Антонина. Должен тебе признаться, я до сих пор страшно сердит на Тэлрина и на весь Отшельничий. А особенно — на отца.

Последнее было еще мягко сказано — одна мысль о том, что моя высылка стала для него чем-то вроде покаяния, меня просто бесила. Правда, теперь мне стало понятно, почему никто из Мастеров не мог ответить на мои вопросы. У Отшельничьего просто не было оправданий.

— Тэлрин, наверное, рвет на себе волосы,— промолвил Джастин.

— Это вряд ли. Он, небось, до смерти рад, что от меня избавился.

Странное дело, при всей моей обиде на Отшельничий, все имевшее к нему отношение волновало меня меньше, чем дела Кифриена или Галлоса.

— Можно мне поинтересоваться, как ты...— почтительным тоном начал Джастин.

— Нахрап и бездумное везение — обычные составляющие так называемого героизма.

— Леррис...

Я пожал плечами.

— Ничего особенного. Все дело в равновесии хаоса и гармонии.

На лице Джастина отразилось недоумение.

— Хаос в известном смысле можно назвать концентрированной анархией. Концентрированной, тогда как гармония по самой своей природе тяготеет к рассеиванию. Они должны пребывать в равновесии, и усиление где-то одного начала влечет за собой неизбежное усиление другого. Если не там же, то в ином месте. Отшельничий добился небывалого укрепления гармонии. Естественным уравновешивающим фактором стало возрастание могущества Антонина. Чем более гармонизировалась жизнь на Отшельничьем, тем глубже в пучину хаоса погружался Кандар. Да что тут разлагольствовать, ты и сам это прекрасно знаешь. Сам же мне на это и указал.

Джастин недоверчиво покачал головой.

— Если не указал прямо, то во всяком случае дал мне понять. Ну а когда Отшельничий, действуя таким образом, превратил Антонина в жуткое чудовище хаоса, мне не оставалось ничего другого, кроме как начать действовать.

Серый маг выглядел ужаснувшимся.

Я продолжил объяснять то, что по существу было ему известно.

— Все мои усилия по упорядочению жизни в Галлосе работали так же, как и потуги Мастеров Отшельничьего,— помогали Антонину укреплять свою мощь...— я осекся, поскольку меня

посетила неожиданная мысль.— Не исключено, что его усиление, в свою очередь, способствовало укреплению гармонии в каком-то другом месте, однако мне это точно не известно. А то, что было известно — особого выбора не оставляло. Пришлось действовать, причем вышло так, что я оказался виновным в разрушении не в меньшей степени, чем Антонин... Ну, может, и не виновным, но способствовавшим разрушению — это уж точно.

Джастин с сомнением покачал головой, однако я проигнорировал этот жест, желая донести до него свою мысль.

— Короче говоря, единственное, что мне пришлось сделать с Антонином — это окружить нас обоих отражающим щитом, не пропускавшим энергию. Он мог преобразовывать гармоническую энергию в хаотическую, но без внешней энергетической подпитки существовать не мог. Далее мне оставалось лишь удерживать щит и не давать Антонину возможности тянуть из меня энергию порядка. В результате он умер.

Джастин кивнул.

— Скажи, Леррис, а многим ли под силу установить и поддерживать такой барьер?

— Ну... наверное, любому Мастеру гармонии.... Честно говоря, мне как-то не случалось задуматься...

Он снова кивнул:

— Ладно. А многим ли обладателям Черных посохов пришло бы в голову уничтожить свое единственное оружие перед лицом Белого чародея?

— Ну... не знаю... Поступок конечно был необдуманный, может быть, даже глупый. У меня ведь не могло быть уверенности, что это сработает. Однако цепляться за посох не имело смысла, он не помог бы мне продержаться долго, да и просто уже начинал мешать. К тому же об этом говорилось в книге.

— Ты прав. Только вот с падения Фэрхэвена никому другому не удавалось одержать победу в открытом противостоянии с величайшим из Мастеров хаоса. Ты удивляешься, почему там,— Серый маг показал в сторону города,— все кланяются тебе до земли, но отводят глаза? Именно поэтому. Ты недоумеваешь, с чего бы Тэлрину рвать на себе волосы? Как раз с того. В Западном Полушарии нет ни одного Мастера хаоса или Мастера гармонии, не слышавшего о падении Антонина.

— Все это очень здорово, но я не из древних магов и предпочитаю нормальную жизнь. Готов даже к колкостям Тамры и был бы не против снова заняться столярным ремеслом.

— Кто сказал, что это невозможно? — улыбнулся Джастин.

— Ха... Беда в том, что у шибко мудрого мастера Лерриса не хватило сообразительности прихватить из Антониновой конуры самую малость не слишком честно нажитого золотишка. В моем кошельке осталось не больше трех золотых, чего не хватит даже на покупку инструментов.

— Тут-то и пригодится награда, которую собирается вручить тебе самодержец.

У меня вырвался стон:

— Опять церемония? Неужто мало того, что при нашем возвращении полгорода столпилось у ворот, размахивая флагами? Елена — и та поглядывала в мою сторону с ухмылкой.

— Это твое бремя, тебе его и нести. Ничего не поделаешь, такова цена героизма.

Поскольку толковать о героизме у меня не было ни малейшего желания, пришлось сменить тему.

— Как дела у Тамры?

— Спроси сам,— с улыбкой ответил Джастин.— Я предложил ей зайти к тебе, и она сказала, что так и сделает. Сразу после меня. Ну а мне пора.

Задерживать Джастина я не стал. Он по-прежнему отвечал на вопросы, которые мне и в голову не приходило задавать, тогда как настоящих ответов от него ждать не приходилось. В этом смысле ничто не изменилось.

В ожидании Тамры я не стал запирать дверь на засов. Правда, ожидание затянулось, но этому удивляться не приходилось — Тамра никогда не отличалась пунктуальностью. Не удивило меня и то, что дверь распахнулась без стука. Стучаться она тоже не любила.

Одетая во все темно-серое, с ярким голубым шарфом на шее, она без приглашения проследовала через комнату на освещенный солнцем балкон. Смерила меня холодным взглядом и тут же отвела свои фарфорово-голубые глаза. Солнечные блики играли на ее рыжих, заколотых черными гребнями волосах.

— Доброе утро, Леррис,— сказала Тамра, подойдя к балконному ограждению.

— Доброе утро, Тамра.

Я молча смотрел с балкона на город. Молчание затягивалось, однако мне думалось, что сейчас не мой черед говорить.

Пушистое белое облако подобралось к солнцу и набросило тень на узкий огражденный балкон, являвшийся сейчас в известном смысле уголком Отшельничьего. Отшельничьего, ко-

торому стоило бы расшириться за пределы владений Братства, черных стен Найлана и сводов Высокого Храма.

— Я должна поблагодарить тебя,— произнесла она наконец, как всегда невозмутимым тоном.

— Не за что. Благодарности заслуживает Джастин.

— Если бы Джастин с помощью множества намеков не заставил меня отвечать на мои собственные вопросы, меня бы здесь не было, — заявила Тамра, по-прежнему глядя в сторону.— Надеюсь, ты уже не прежний наивный простак и понимаешь хотя бы это.

Мне стало не по себе.

— Однако,— заметил я,— наивный простак Леррис все же имеет некоторое отношение к твоему спасению.

— Ты и вправду ждешь, что я паду к твоим ногам и в вечной благодарности стану служить отражением твоего сияющего великолепия?

Мне оставалось лишь ухмыльнуться: Тамра определенно исцелилась и стала прежней.

— Ну... мысль насчет вечной благодарности и всего такого... по-моему, довольно удачна.

— Ты по-прежнему несносен!

— Это иногда. Все остальное время я ищу совершенства.

— Надеюсь, тебе понятно, что никакого поклонения ты от меня не дождешься? — промолвила она после продолжительного молчания.

— Ты предпочла бы опять схватиться со мной на посохах и как следует меня отделать?

— Ничего не выйдет, ты ведь сломал свой посох. К тому же,— добавила она неожиданно упавшим голосом,— мы и без того дрались слишком много. Беда в том, что без этого мы не могли бы находиться рядом, не возненавидев друг друга.

Тамра сказала правду, однако это являлось одним из тех ответов, до которых мне удалось докопаться самостоятельно.

— Ты права. Я мог бы додуматься до этого еще после нашего разговора на корабле, но тогда у меня ума не хватило. А теперь, надо думать, слишком поздно.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Есть у меня кое-какие соображения. Не знаю только, может ли субкомандующий армией Кифриена заинтересоваться заурядным краснодеревщиком, иногда балующимся магией гармонии.

Тамра удивленно уставилась на меня. Вид у нее был довольно глупый.

— Хотя, кто знает, вдруг она все-таки позволит этому малому выстроить домишко где-нибудь на холме, неподалеку от ее резиденции?

У Тамры отвисла челюсть.

— И уж наверное она не станет возражать, коли одна рыжая девица, которую он считает своей сестрой, станет этого столяришку изредка навещать.

Тамра лишилась дара речи. Но ненадолго.

— Ты... все так же несносен! Ты и вправду думаешь?..

— Конечно, нет. Но надеяться не запрещено.

В следующий миг я отвернулся от Тамры, ибо увидел на соседнем балконе облаченную в зеленое фигуру. Черные волосы, черные глаза.

Субкомандующий открыла решетчатую дверь, пропуская меня к себе.

— Я слышала, тебе сопутствовал успех,— музыка ее голоса полнилась новообретенной гармонией.

— Насколько я понял, и тебе тоже.

— Как дела у Тамры? — спросила она, бросив взгляд через мое плечо.

— Спасибо Джастину. Язык у нее опять как бритва.

— Эй, Кристал! Задай этому парню перцу! — с этими словами Тамра покинула мой балкон.

— Да, она и впрямь выздоровела,— усмехнулась Кристал.

— Вполне,— подтвердил я, сердясь на себя за то, что толкую о чем угодно, кроме одного единственно имеющего значение. Но поскольку сказать, что следовало, у меня так и не хватило духу, я просто шагнул вперед и взял Кристал за руки.

Только вот та повела себя так, как того ожидала Тамра. Высвободилась, отступила к балконному ограждению и, глядя не на меня, а на город, сказала:

— Вижу, ты возомнил себя способным самостоятельно найти ответы на все вопросы. Спросить меня тебе даже не пришло в голову.

Сердце мое сжалось. Ну до каких пор мне суждено оставаться дуралеем, считающим, будто ему прекрасно известно, что нужно женщине, которая ему нравится?

— Прошу прощения за то, что посмел вообразить, будто моя привязанность может представлять интерес для столь высокопоставленной особы.

Я уставился себе под ноги, гадая о том, скоро ли смогу убраться из этого, пропади он пропадом, Кифрина. При том, что денег у меня в обрез и без обещанной самодержцем награды мне далеко не уехать.

— Ты совсем не изменился,— промолвила Кристал, печально качая головой.

— В каком смысле?

— В том, что никого ни о чем не просишь. Ты можешь добиваться ответов, но никогда не станешь просить помощи. А это не одно и то же.

Не зная, что тут можно сказать, я бросил взгляд на ее седеющие короткие волосы — моих познаний хватило бы, чтобы не давать ей стариться, как отец не давал стариться моей матушке. И на ее плечи, на которых лежала добрая половина бремени управления Кифросом — возможно, мне удалось бы немного облегчить эту ношу. Но теперь мне оставалось лишь вздохнуть и покачать головой.

На что Кристал неожиданно отреагировала лукавой улыбкой.

— Погоди минуточку. Я уже пять дней таскаю, не снимая, этот проклятый меч.

— Почему проклятый? Он гармонизирован, и никакого проклятия на нем нет.

— Кончай изрекать истины.

Она положила пояс с мечом на стол и подошла ко мне.

— В каком смысле?

— В том, что не стоит мне ничего навязывать. Нет смысла. Я и так готова. Причем давно.

— К чему? — прозвучал мой очередной идиотский вопрос, но это уже не имело значения. Потому что мы снова взялись за руки, но на этом не остановились. Слов больше не требовалось, и порывистый зимний ветер ни чуточки нас не беспокоил. Впрочем, балкон мы скоро покинули, а вход в свои покои Кристал заранее заперла.

Конечно, со временем в дверь все равно постучали. Но, к счастью, не скоро. Совсем не скоро.

Содержание

БАШНИ ЗАКАТА

Часть первая

МАСТЕР КЛИНКА *7*

Часть вторая

МАГ-БУРЕНОСЕЦ *155*

Часть третья

МАСТЕР ГАРМОНИИ *311*

МАГИЯ ОТШЕЛЬНИЧЬЕГО ОСТРОВА *435*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2003 году в серии «Золотая библиотека фантастики» третий роман трилогии — «ДОМ КОРИНО»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Модезитт Лиланд Экстон

Магия Отшельничего острова
Башни Заката

Ответственный редактор *О.Ю. Клокова*
Выпускающий редактор *С.Н. Абовская*
Редакторы *Е.В. Хаецкая, Т.В. Витковский*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А.С. Сергеев*
Технический редактор *М.А. Белякова*
Корректоры *Ю.О. Голубева, Н.А. Тюрина, В.В. Саранчева, Е.В. Шестакова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Это — мир вечной войны Черных и Белых магов.
Мир великой войны хаоса и порядка.
Только — в войне этой магию Порядка подчинили себе Черные... а воистину, может ли быть по-иному, если Черная Магия — плоть плоти и кровь крови ритуального искусства?
Белым же достался на долю Хаос. И воистину, кто поспорит с этим, если Белая Магия — свободное, творящее будущее искусство?

Магия Отшельничьего острова
Башни Заката

Инженер магии
Война гармонии

ISBN 5-17-020267-9

Магия Отшельничьего остров
85 00 руб.